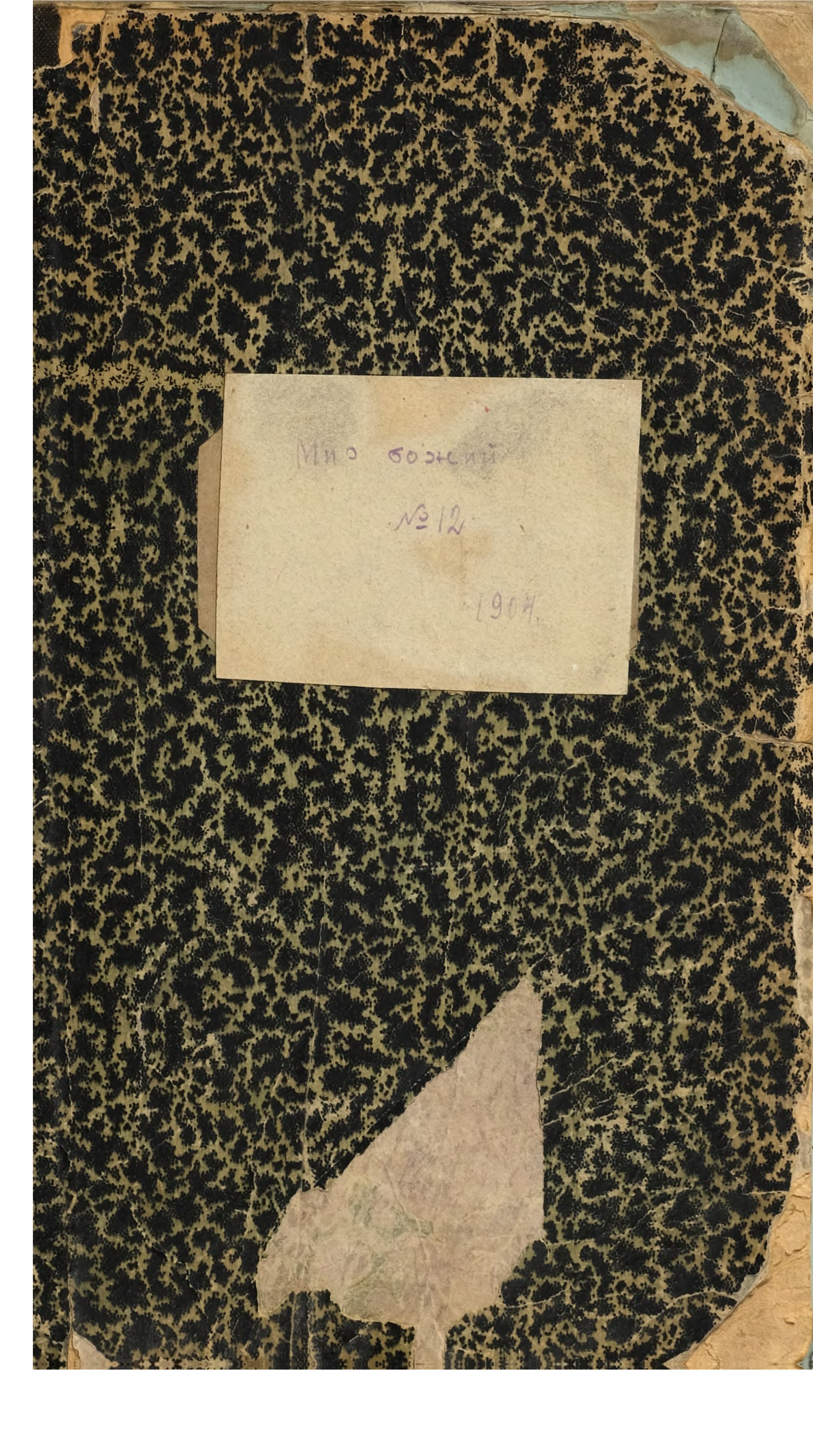

Мир божий
№ 12
1907.

Годъ XIII-й. № 12-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

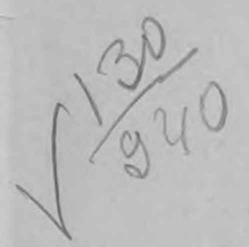
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ДЕКАБРЬ.

1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

„МІРЪ БОЖІЙ".

(ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ—XIV—ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ отъ 28 до 30 листовъ.

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журнала «МІРЪ БОЖІЙ»—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе. Имѣя въ виду не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность слѣдить за движеніемъ современной мысли и пріобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, историческимъ и общественнымъ.

Въ 1905 году журналъ будетъ издаваться по расширенной программѣ, въ прежнемъ составѣ сотрудниковъ и редакціи, причемъ для напечатанія пока *предполагается*, между прочимъ, слѣдующее:

Отдѣлъ I. По беллетристикѣ: Стихотворенія гг. Allegro, Бунина, Василевскаго, Вейнберга, Галиной, Ладыженскаго, Лукьянова, Тхоржевскаго, Чернобаева, Чюминой, Ѳедорова и др.—Повѣсти и разсказы: «Въ гиблыхъ мѣстахъ» (изъ поѣздки въ Якутскую область), Вл. Беренштама; «На берегу», Л. Гуревичъ; «Рабство», А. Каменскаго; «Декадентъ», А. Крандіевской; «Мужъ чести», повѣсть И. Потапенка; «Лиза Виноградова», разск. Сергѣева-Ценскаго; «Оль-Сони-Кисанъ» (изъ жизни Кореи), повѣсть Вацл. Сѣрошевскаго; «Развязка» (изъ хроники гор. Пропадинска), разск. Тана; «По Италіи», очерки Тана; «Лёвка Гемъ», разсказъ С. Юшкевича; «Камни», пов. А. Ѳедорова; разсказы гг. Л. Андреева, М. Арцыбашева, И. Бунина, В. Вересаева, Густава Даниловскаго, С. Елеонскаго, А. Куприна, Ек. Лѣтковой, Ев. Чирикова, А. Яблоновскаго, О. Шапиръ и др.—Переводные романы и повѣсти: «Лучъ», пов. Стеф. Жеромскаго, пер. съ польскаго; «Пепелъ», ром. Граціи-Дельэды съ итальянскаго; «Джонъ Мортонъ, нищенствующій апостолъ», ром. Максвелля, пер. съ англійск. «Борьба душъ», ром. Афъ-Гейерстама, пер. съ шведск. Разсказы: Реймонта, Шницлера, Киплингъ, Уэльса, Мирбо, Омптеда и др.

Отдѣлъ II. Научно-популярныя статьи и сочиненія. ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ: В. Агафонова «О наслѣдственности»; проф. К. Богдановича «Мѣсторожденіе и добыча драгоцѣнныхъ камней»; проф. Ф. Левинсонъ-Лессинга «Геологическая исторія Балтійскаго моря»; проф Догеля «О невронахъ»; Отто Норденшильда «Два года среди льдовъ»; проф. К. Покровскаго; «Астрономія въ 1904 г.»; П. Ю. Шмидта «Иммунитетъ и леченіе сыворотками»; проф. Н. Холодковскаго «О партеногенезисѣ».—КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ. Ев. Аничкова «Д. Н. Маминъ-Сибирякъ»; Н. Котляревскаго «П. Д. Боборыкинъ»; Вл. Кранихфельда; «М. Е. Салтыковъ» (продолженіе); М. Невѣдомскаго «Философскія драмы Ибсена»; Л. Клейнборта «Г. З. Елисѣевъ и его время»; Хр. Инсаровъ «Аббатъ Ламенэ»; П. Е. Щеголева «Изъ исторіи русской критики (Н. Г. Чернышевскій)».—Исторія: В. Богучарскаго «Русская эмиграція въ первой половинѣ XIX в.»; Ев. Тарле «Иторія Ирландіи во второй половинѣ XIX в.» (часть II),—Ев. Тарле «Очерки изъ исторіи французской коммуны».— ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ: Прив.-доц. М. Бернацкаго «Очерки изъ исторіи и практики государственнаго соціализма въ Германіи»; Б. Витмера «Современный имперіализмъ»; Н. П. Азбелева, «Торговля и промышленность въ Японіи».- ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ: В. Агафонова «Спенсеръ (опытъ характери-

стики); проф. Оршанскаго «Положеніе психологіи въ ряду наукъ»; проф. Г. Челпанова «Эмпиріокритицизмъ».—ПУБЛИЦИСТИКА: Статьи по различнымъ вопросамъ текущей жизни постоянныхъ сотрудниковъ редакціи.

Въ **Отдѣлѣ III** будетъ печататься «Исторія искусства съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней», Розенберга, пер. съ нѣм. подъ редакціей проф. исторіи искусства Новорос. унив. А. А. Павловскаго, съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ и на вкладныхъ листахъ.—«Соціальныя ученія» Мейера, перев. съ нѣм., популярныя чтенія.

Постоянные отдѣлы: Критика. «Критическія замѣтки» А. Б.; «Театральныя замѣтки» Ѳ. Батюшкова; критическія статьи Вл. Кранихфельда и М. Невѣдомскаго.

На родинѣ. Обзоръ важнѣйшихъ событій и фактовъ общегосударственной русской текущей жизни. Дополненіемъ къ этому отдѣлу служатъ статьи и корреспонденціи о текущихъ событіяхъ, съѣздахъ, дѣятельности просвѣтительныхъ обществъ и т. п.

По поводу. (Очерки жизни въ провинціи). Обзоръ текущей жизни въ провинціи. Ларскаго.

Изъ русскихъ журналовъ. Изложеніе болѣе интересныхъ и выдающихся статей, напечатанныхъ въ русскихъ журналахъ.

За границей. Обзоръ событій и фактовъ изъ заграничной жизни. Дополненіемъ служатъ статьи и корреспонденціи о текущихъ событіяхъ, особенностяхъ, культурныхъ явленіяхъ, выставкахъ, конгрессахъ на Западѣ.

Изъ иностранныхъ журналовъ. Содержаніе болѣе интересныхъ статей, напечатанныхъ въ иностранныхъ журналахъ.

Научный фельетонъ. Выдающіеся вопросы и новости по естествознанію и техникѣ. Веденіе этого отдѣла продолжаетъ В. К. Агафоновъ, завѣдующій естественно-научнымъ отдѣломъ въ журналѣ.

Библіографическій отдѣлъ. Рецензіи и подробные критическіе разборы русскихъ и переводныхъ книгъ по изящной словесности, публицистикѣ и всѣмъ отраслямъ наукъ, кромѣ исключительно-спеціальныхъ сочиненій, недоступныхъ для общеобразованныхъ читателей.

Новости иностранной литературы, входящія въ библіографическій отдѣлъ, какъ самостоятельная часть, составляются по иностраннымъ библіографическимъ изданіямъ, съ цѣлью знакомить читателей съ болѣе важными и интересными книгами, появляющимися за границей.

Военный обзоръ. Въ теченіе войны обзоръ военныхъ дѣйствій по періодамъ. Б. А. Витмера.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна журнала:

На годъ	8 р.	Съ доставкой и пересылкой во всѣ города имперіи.
На полъ-года.	4 р.	
За границу.	10 р.	

Допускается разсрочка по третямъ года: 3 р. при подпискѣ; 3 р. въ апрѣлѣ; 2 р. въ августѣ.

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ—7 р. Учащіеся могутъ выплачивать по 1 р. въ мѣсяцъ.

Подписка принимается, кромѣ главной конторы въ С.-Петербургѣ (Разъѣзжая, 7) во всѣхъ магазинахъ. Разсрочка черезъ магазины не принимается.

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

Годъ XIII-й. № 12-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ДЕКАБРЬ.

1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го ноября 1904 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ТЕАТРЪ ВЪ ЯПОНІИ.

Введеніе.

Мое первое знакомство съ японскими театральными представленіями.

Это было въ Модзи — торговомъ портѣ на южномъ берегу Симоносекскаго пролива. До отхода поѣзда, съ которымъ я долженъ былъ слѣдовать въ Нагасаки, оставалось еще часа три, и чтобы убить это время, я бродилъ по улицамъ, на которыхъ для европейца всегда есть что̀ наблюдать. На одной изъ нихъ меня часто обгоняли веселыя группы горожанъ обоего пола и разныхъ возрастовъ, одѣтыхъ по праздничному и быстро спѣшившихъ въ одномъ направленіи. «Куда идутъ они?» спросилъ я на языкѣ моряковъ, т.-е. по-англійски, у проходившаго мимо меня туземнаго матроса. Понявъ мой вопросъ,—или, можетъ быть, только догадавшись, что̀ меня интересуетъ,—онъ быстро отвѣтилъ по-японски: «сибаи, сибаи». Я зналъ, что это слово значитъ «театръ», и направился за толпой. Она привела меня къ деревянному балагану, въ который меня впустили за двадцать пять сенъ *), заставивъ предварительно снять обувь и вручивъ мнѣ вмѣсто нея дощечку съ какими-то знаками,—очевидно, игравшую роль квитанціи. Я вошелъ въ большой сарай, полъ котораго, покрытый почти бѣлоснѣжными циновками, былъ буквально усѣянъ японцами и японками — молодыми, старыми и дѣтьми... Оказавшіеся моими сосѣдями вѣжливо потѣснились, и многіе жестами даже приглашали меня впередъ... Скоро раздвинулся занавѣсъ, раскрывшій сцену, въ правомъ углу которой сидѣли на корточкахъ пять музыкантовъ съ самисенами, а на переднемъ планѣ—рослый мужчина въ костюмѣ «самурая-двумечника» феодальныхъ временъ, который я до тѣхъ поръ видалъ только на рисункахъ, съ прической той же эпохи, т.-е. съ подобранною на макушкѣ косой на выбритой по бокамъ головѣ. Съ лѣвой стороны отъ него, въ нѣкоторомъ удаленіи, сидѣлъ какой-то субъектъ въ черной маскѣ и съ длинною палкой, на концѣ которой, въ перпендикулярномъ къ ней направленіи, было укрѣплено что-то въ родѣ фонаря со свѣчей. Черезъ нѣ-

*) Около 25 копеекъ.

сколько секундъ музыканты начали пѣть и аккомпанировать себѣ на самисенахъ... Непривычные для меня голоса, выходившіе какъ будто изъ сдавленнаго горла, непонятныя мнѣ слова пѣсни, скудное освѣщеніе (передъ сценой не было рампы) и изрядная духота въ помѣщеніи, усиливавшаяся тѣмъ, что зрители, не переставая, курили, подѣйствовали на меня сначала утомительно... Пѣніе хора продолжалось еще минутъ десять, а сидѣвшій на сценѣ самурай, повидимому, относился къ нему совершенно безучастно. Но вотъ въ этомъ, ничего не говорившемъ мнѣ до тѣхъ поръ, пѣніи послышался берущій за душу мотивъ; фигура въ маскѣ зажгла свѣчу и поднесла фонарь къ лицу актера такъ, что оно сдѣлалось хорошо видимымъ со сцены... На немъ лежала глубокая дума—безмолвная, но столь выразительная, что невольно захотѣлось знать, чѣмъ она разрѣшится,—и я весь отдался напряженному ожиданію. Самурай горько улыбнулся, не торопясь, вынулъ изъ рукава какую-то записку, прочелъ ее, затѣмъ повернулъ на другую сторону, вынулъ изъ другого рукава маленькій ящикъ и кисточку—очевидно приборы для письма—и написалъ что-то на запискѣ. Затѣмъ, положивъ послѣднюю сзади себя, онъ съ рѣшительнымъ видомъ вынулъ изъ ноженъ короткій мечъ, или, вѣрнѣе, кинжалъ, и на минуту застылъ неподвижно. Теперь лицо его выражало страданіе, которое ясно звучало и въ струнахъ самисена и въ сдаленныхъ вскрикиваніяхъ пѣвцовъ; страданіе это было не кроткое и молящее, а полное гордой сдержанности и зловѣщаго обѣщанія... Все вмѣстѣ производило такое впечатлѣніе, что мнѣ сдѣлалось жутко... Пѣніе замолкло; страдальческое выраженіе лица актера смѣнилось мрачной рѣшимостью, и онъ быстро вонзилъ кинжалъ себѣ въ животъ... Черезъ мгновеніе руки его судорожно раздвинулись, и изъ-подъ широкихъ рукавовъ его одежды, прикрывавшихъ «рану», побѣжала кровь. Муки физической боли, страдальческія вздрагиванія и конвульсіи изображались изумительно реально... Повторяю, было жутко, и я былъ радъ, что вниманіе мое отвлеклось отъ этой картины появленіемъ на сценѣ молодого японца, который, видимо, не ожидавъ застать здѣсь то, что увидѣлъ, тревожно наклонился къ «умирающему» и началъ что-то разспрашивать его. Тотъ, не произнося ни слова, успѣлъ, наконецъ, слабымъ движеніемъ руки показать вновь пришедшему на лежавшую возлѣ него записку. Молодой человѣкъ жадно схватилъ ее, пробѣжалъ глазами и, выронивъ, схватился за голову... Раскрывъ черезъ секунду лицо свое и показавъ зрителямъ, какъ внезапно осунулось оно отъ сдерживаемаго душевнаго потрясенія, онъ рѣшительно выдернулъ изъ ноженъ длинный мечъ, висѣвшій у него за поясомъ, и взмахнулъ имъ надъ шеей самурая, которую тотъ точно инстинктивно подставилъ подъ ударъ... Занавѣсъ задернулся, и зрители, не сразу оправившись отъ тяжелыхъ впечатлѣній, которыя ясно выражались на ихъ лицахъ, начали громко аплодировать съ криками «санцоку! санцоку!» т.-е. браво! браво!

Я понялъ, конечно, что самурай совершилъ надъ собой *харакири*; но ни присутствія человѣка въ маскѣ, ни свѣчи его я не понялъ тогда... Да мнѣ было и не до нихъ: я былъ положительно взволнованъ,—такъ естественно изображались актеромъ душевныя муки передъ *харакири* и предсмертныя физическія страданія, для прекращенія которыхъ, очевидно, и былъ обнаженъ мечъ молодого человѣка. Впослѣдствіи мнѣ объяснили, что я видѣлъ сцену изъ популярной пьесы, изображенную проѣзжавшимъ черезъ Модзи извѣстнымъ актеромъ. Хоръ пѣлъ поэму, которая объясняла событія, приведшія самурая къ *харакири*, и чувства, испытывавшіяся имъ прежде, чѣмъ онъ рѣшился прибѣгнуть къ этому акту. Субъектъ въ черной маскѣ дѣйствовалъ здѣсь только для того, чтобы освѣщать лицо актера и тѣмъ позволить публикѣ оцѣнить его мимику, безъ которой вся картина не имѣла бы никакого значенія; а черная маска обозначала, что носящій ее не принадлежитъ къ составу дѣйствующихъ лицъ.

Итакъ, на первомъ же театральномъ представленіи, какое мнѣ удалось видѣть въ Японіи, я столкнулся со сценой *харакири* и при этомъ, несмотря на убогую обстановку театра, благодаря превосходной мимикѣ актера, не остался чуждъ тѣмъ чувствамъ, которыя онъ хотѣлъ вызвать въ душѣ зрителей. Впослѣдствіи мнѣ приходилось бывать неоднократно на японскихъ театральныхъ представленіяхъ различныхъ категорій при самыхъ разнообразныхъ обстановкахъ—отъ такой же примитивной, какъ описанная выше, до не уступающей обстановкѣ хорошихъ театровъ нашихъ провинцій, и вынесъ убѣжденіе, что несмотря на много «несообразностей», не находящихъ логическаго оправданія,—по крайней мѣрѣ, съ европейской точки зрѣнія, театръ въ Японіи, въ общемъ, есть серіозное учрежденіе, укрѣпляющее въ народѣ этическія начала государственнаго, общественнаго и семейнаго быта его. Замѣчу еще, что въ семи драмахъ, на представленіи которыхъ я присутствовалъ,—или на всѣхъ, или на нѣкоторыхъ только дѣйствіяхъ,—я видѣлъ не менѣе десяти *харакири*. Очевидно, обычай этотъ играетъ въ Японіи огромную роль, и вотъ почему я посвящаю ему ниже цѣлую главу.

Замѣчу еще, что представленіе, которое я видѣлъ, по существу своему входитъ въ кругъ дѣятельности народныхъ японскихъ театровъ (кабуки-сабаи). Но этимъ театрамъ въ Японіи, въ историческомъ развитіи ихъ, предшествуютъ представленія такъ называемыхъ *но*—особый видъ лирической драмы, ставящейся, на спеціально для нея приспособленной сценѣ, нерѣдко и въ современной Японіи, но посѣщающейся *не народомъ*—въ широкомъ смыслѣ этого слова, а лишь *избранною* публикой. Мы и перейдемъ теперь къ характеристикѣ этихъ «но».

*

I.

Японская лирическая драма «но» *).

Происхожденіе *но*.—Темы, избираемыя для нихъ авторами.—Литературные недостатки и достоинства ихъ.—Число и характеръ дѣйствующихъ лицъ.—Сцена.—Сходство постановки *но* съ постановкой древне-греческой драмы.—Типичныя *но*: „Такасаго“ и „Ха-Горомо“.—*Кіогенъ* (фарсъ).

Драма въ Японіи, въ первый періодъ ея развитія, подобно древне-греческимъ трагедіямъ и мистеріямъ среднихъ вѣковъ, была тѣсно связана съ религіей, и «родоначальникомъ» ея надо считать мимическіе танцы *кагура*, которые исполнялись въ дни синтоистическихъ празднествъ, на спеціальныхъ сценахъ при храмахъ, подъ звуки флейты и барабана. Происхожденіе *кагура* объясняется однимъ изъ основныхъ миѳовъ синтоистической миѳологіи, въ которомъ разсказывается, что богиня солнца (Аматерасу), огорченная непристойными продѣлками своего брата (Суса-но-во) «заперлась въ каменной пещерѣ неба и оставила міръ во тьмѣ»... Тогда, согласно рѣшенію боговъ, собравшихся сонмами «на сухомъ руслѣ рѣки небесъ (млечный путь)» для обсужденія способовъ выманить богиню изъ ея убѣжища, «страшная женщина небесъ (Амо-но-удзуме) нарядилась въ фантастическій костюмъ и, ставъ на повернутый кверху чанъ, изъ пустоты котораго раздавался звукъ при удареніи ея ногъ, исполнила мимическій танецъ, вполнѣ увѣнчавшійся желанными результатами».

Когда, съ распространеніемъ въ Японіи буддизма, въ странѣ этой начали развиваться литература и искусства,—танцы и музыка *кагура* мало-по-малу начали дополняться словесными діалогами, и въ результатѣ получился тотъ видъ лирической японской драмы, который носитъ названіе *но*.

Въ едоіскомъ періодѣ японской литературы (1603—1867 г.) раіонъ представленій *но* расширяется; они исполняются уже не только при храмахъ, но и во дворцахъ даиміевъ и сіогуновъ и даже входятъ въ составъ различныхъ государственныхъ церемоній. Вслѣдствіе этого исполнителями *но* являются нерѣдко молодые дворяне военнаго сословія, воспитывавшіеся спеціально для такого назначенія. И въ настоящее время представленія *но*, даваемыя въ Токіо, Кіото и другихъ главныхъ городахъ потомками или послѣдователями старыхъ актеровъ, привлекаютъ избранную публику, состоящую почти исключительно изъ военной знати или бывшихъ даиміевъ и лицъ ихъ свиты. Для простого народа *но* мало понятны.

---

*) Источники: 1) *Астонъ*. „Исторія японской литературы“. 1904. 2) *B. H. Chamberlain*. „Things Japanese“. 1902. 3) *Baron Suyematsu*. „Art und Literature“—статья въ книгѣ „Japan by the Japanese. A survey by its highest. Edited by Alfred Stead. London. 1904. 4) Наблюденія автора.

«Кто бы ни были авторы *но*,—говоритъ Астонъ, въ своей исторіи японской литературы,—первой цѣлью ихъ была поддержка благочестія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ побудительными мотивами, дававшими вдохновеніе, являлись патріотическій или военный энтузіазмъ, и почти во всѣхъ нихъ можно отмѣтить любовь къ природѣ; самые же матеріалы черпались изъ массы легендъ, имѣвшихъ соприкосновеніе съ буддійской и синтоистической религіями».

Поэзія также составляетъ довольно существенный элементъ разсматриваемыхъ произведеній. Цитированный сейчасъ авторъ, такъже какъ и другой компетентный критикъ японской литературы, Чамберлэнъ, согласны между собой въ мнѣніи, что, какъ драмы, *но* не имѣютъ большой цѣнности: онѣ страдаютъ недостаткомъ драматическаго дѣйствія и почти полнымъ отсутствіемъ драматическихъ эффектовъ. Въ то же время *но*—не классическія поэмы: «въ нихъ очень недостаетъ ясности, метода, связи и хорошаго вкуса, чтобы заслужить такое названіе». Но онѣ не лишены извѣстной прелести... «Онѣ заключаютъ въ себѣ цѣлый міръ легендарныхъ сказаній, причудливыхъ вымысловъ и религіознаго чувства, чему чужда японская классическая литература». Поэтому оба названные авторы сожалѣютъ, что писанія *но* въ настоящее время прекратились, хотя представленія ихъ нерѣдко имѣютъ мѣсто и нынѣ.

Число дѣйствующихъ лицъ лирической драмы *но* чаще всего два или три, но иногда доходитъ до шести, не считая нѣсколькихъ музыкантовъ и хора. Главная функція послѣдняго состоитъ въ томъ, чтобы распѣвать разсказъ, дополняющій и объясняющій дѣйствіе пьесы,—подобно тому, какъ это имѣло мѣсто въ нѣкоторыхъ старинныхъ пьесахъ Шекспира,—а также поэтическія описанія, замѣняющія отсутствіе сценической обстановки; однако, въ нѣкоторыхъ *но* хоръ вступаетъ въ разговоръ съ дѣйствующими лицами.

Типичное устройство театра, въ которомъ исполняются *но*, вполнѣ охарактеризовано въ слѣдующихъ строкахъ Чамберлэна:

«Сцена, которая осталась неизмѣнною во всѣхъ отношеніяхъ съ начала XV-го столѣтія, представляетъ квадратную деревянную комнату, открытую на всѣ стороны, за исключеніемъ одной, и поддерживаемую столбами (сторона квадрата приблизительно 18 футовъ). Эта сцена увѣнчана причудливою крышей, напоминающей нѣсколько кровли буддійскихъ храмовъ, и соединена съ фойе галлереей (около 9 футовъ ширины), на которой иногда исполняется часть дѣйствія. Пристройка сзади квадратной сцены представляетъ собою узкое пространство, гдѣ помѣщается оркестръ, состоящій изъ одного флейтиста, двухъ музыкантовъ, играющихъ на какихъ-то инструментахъ, которые, за неимѣніемъ болѣе подходящаго названія, можно, пожалуй, назвать тамбуринами, и одного барабанщика; тогда какъ хоръ, численность котораго не опредѣлена, сидитъ на корточкахъ направо отъ зрителей. На заднемъ

планѣ сцены, который одинъ только и не открытъ наружу, нарисована сосна, согласно съ древнимъ обычаемъ, между тѣмъ какъ, тоже сообразно съ установленными издревле правилами, три маленькихъ сосны посажены во дворѣ, который отдѣляетъ галлерею отъ мѣста, занимаемаго менѣе почетной частью публики. Вокругъ трехъ сторонъ сцены, отдѣляясь отъ нея пространствомъ, соотвѣтствующимъ нашему партеру, идутъ крытыя мѣста для публики. Актерами, которые играютъ роли женщинъ или сверхъестественныхъ существъ, надѣваются маски; одежды необычайно пышны. Для сценической обстановки, однако, на лирической сценѣ нѣтъ мѣста».

Тотъ же авторъ замѣчаетъ, что постановка *но* изумительно напоминаетъ постановку древне-греческой драмы: «Здѣсь тотъ же хоръ, то же торжественное поведеніе актеровъ, которые часто въ маскахъ то же сидѣніе зрителей на открытомъ воздухѣ и тотъ же quasi-религіозный духъ, проникающій цѣлое».

Читателей, интересующихся болѣе подробнымъ знакомствомъ съ драмами *но*, отсылаемъ къ названнымъ выше сочиненіямъ Астона и Чамберлэна. Въ русскомъ изданіи перваго изъ нихъ они найдутъ, между прочимъ, переводъ наиболѣе извѣстной и считающейся лучшей изъ всѣхъ *но*; она носитъ названіе *Такасаго*, и хотя написана въ XV-мъ столѣтіи, но популярна и нынѣ, что̀ засвидѣтельствовано не далѣе, какъ въ 1897 году, когда это названіе было дано спущенному тогда на воду броненосцу японскаго флота.

Ниже мы приводимъ переводъ въ стихахъ другой характерной *но* «*Платье изъ перьевъ*» (по-японски—«Ха-Горомо»), сдѣланный спеціально для настоящей статьи г-жею О. Чюминой съ англійскаго текста Чамберлэна. Содержаніе этого произведенія основано на древнемъ преданіи, сохранившемся въ мѣстечкѣ Міо—прелестный уголокъ сейчасъ же за Токаидо, близъ подножія горы Фузи. Читая упомянутый переводъ, необходимо имѣть въ виду слѣдующія замѣчанія Астона: «Я не знаю въ литературѣ ничего болѣе труднаго, для правильной и точной передачи на другой языкъ, какъ хитросплетенная запутанность игры словъ, цитаты и историческіе, литературные и религіозные намеки, переполняющіе эти *но*». Трудность языка ихъ такъ велика даже для образованныхъ японцевъ, что большинство зрителей на представленіяхъ *но*, чтобы понять вполнѣ то, что̀ говорятъ и поютъ дѣйствующія лица и хоръ, слѣдятъ за ними по тексту, который продается при входѣ на представленіе, какъ наши оперныя либретто.

Въ частности, по отношенію къ своему переводу «Ха-Горомо», Чамберлэнъ признается, что *стихи* въ немъ являются лишь перифразой подлинника; однако, переводъ тѣхъ частей *но*, которыя написаны прозой, онъ называетъ буквальнымъ. «Можно надѣяться,—говоритъ онъ,—что въ общемъ переводъ дастъ читателямъ нѣкоторое понятіе объ изящной

пластической грации произведеній этого рода. Если же они при этомъ не упустятъ изъ виду, что музыка и танцы составляютъ при представленіи *но* на сценѣ существенный элементъ послѣдняго, то можетъ быть увидятъ въ нихъ отдаленный силуэтъ Елизаветинской маски».

Пьеса, принадлежащая къ категоріи *но*, рѣдко занимаетъ болѣе 6 или 7 печатныхъ страницъ и требуетъ обыкновенно менѣе часа на исполненіе, почему на одинъ день назначается обыкновенно нѣсколько такихъ пьесъ на той же сценѣ.

Въ антрактахъ между этими серіозными пьесами исполняются такъ называемыя *кіогенъ*, т.-е. «сумасшедшія слова», находящіяся въ такомъ же отношеніи къ *но*, какъ нашъ фарсъ въ драмѣ. *Кіогенъ* отличаются отъ *но* по формѣ исполненія тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ хора, а по языку—тѣмъ, что они изложены на разговорномъ языкѣ своего времени и конструированы легко. Приведемъ, для примѣра, сущность содержанія *кіогена* «Колотушка Дайкоку» (бога счастья).

Одинъ даимій посылаетъ своего слугу въ городъ купить какой-либо чудотворный талисманъ. Слуга попадается плуту, легко разгадавшему его глупость и поэтому сумѣвшему быстро сбыть ему какой-то предметъ, въ родѣ колотушки, который онъ и называетъ «Колотушкой Дайкоку». Такъ какъ, согласно народному повѣрью, каждый умѣлый ударъ такой колотушкой производитъ кусокъ золота, то слуга повѣрилъ плуту, что владѣлецъ ея, при помощи надлежащаго заклинанія, которому онъ «научилъ» его, можетъ добыть все, что̀ пожелаетъ. Слуга возвращается къ своему господину счастливый и гордый своимъ успѣхомъ, и когда тотъ приказываетъ ему достать лошадь, то онъ шепчетъ заклинаніе и объявляетъ, что лошадь осѣдлана и взнуздана. Даиміо, притворяясь, что ему кажется будто бы слуга обратился въ лошадь, вскакиваетъ ему на спину и погоняетъ его до тѣхъ поръ, пока тотъ видя, что протесты его безполезны, не обѣгаетъ вокругъ всей сцены.

Баронъ Суематсу говоритъ, что, подобно тому, какъ въ приведенномъ сейчасъ примѣрѣ вышучивается слуга, во многихъ *кіогенахъ* «одурачивается» на сценѣ актеръ, изображающій феодальнаго князя. «Эти пьесы»,—говоритъ названный японскій авторъ,—«особенно процвѣтали въ періодъ, когда феодальная дисциплина была въ высшей степени сурова. И фактъ, что на представленіяхъ находили возможными присутствовать сами осмѣиваемые феодальные князья, указываетъ какъ на тонкость исполненія ролей, такъ и на тонкость пріемовъ, которыми авторы достигали своей цѣли... Въ этомъ большая заслуга разсматриваемыхъ произведеній».

II.

Японская народная драма. Театръ «Кабуки».

„Тайхейки"—прародительница японской народной драмы.—Дзіорури.—Театръ маріонетокъ.—Значеніе хора на этомъ театрѣ.—Цикамацу Мондзаемонъ—творецъ японской драмы.—Характеристика его произведеній.—Начало народнаго театра съ живыми актерами (Кабуки-сибаи).—Постепенное развитіе его.—Устройство сцены.—Положеніе актеровъ.—Представитель стараго направленія японской драмы –Ицикава Дандзюро.—„Женскіе" театры въ Японіи.—Баронъ Суематсу: о значеніи драматическихъ произведеній и драматическихъ представленій въ жизни японскаго народа; о главныхъ темахъ для японскихъ драматическихъ произведеній и о различіи между послѣдними и такими же произведеніями въ западной литературѣ.

Литературной прародительницей народной драмы въ Японіи считается «Тайхейки» — историческое сочиненіе, обнимающее періодъ 1183—1368 гг.; оно написано въ концѣ XIV вѣка буддійскимъ монахомъ Кодзима и распѣвалось и разсказывалось публично людьми, обратившими это въ профессію. Такіе «распѣватели» существуютъ въ Японіи и нынѣ подъ именемъ «ганасика», и о нихъ мы сообщаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ концѣ настоящей статьи.

За «Тайхейки» слѣдовали разныя «драматическія исторійки», которыя разсказывались засѣдавшимъ за столикомъ лицомъ, подъ аккомпаниментъ легкаго постукиванія вѣеромъ, чтобы отмѣчать тактъ или придавать выразительность словамъ. Впослѣдствіи къ этому была прибавлена музыка самисена. Излюбленнымъ произведеніемъ для этой цѣли было «Дзіорури-дзюни-данъ-соси», повѣствующее о любви знаменитаго военачальника Іосицуне—брата перваго сіогуна Іоритомо къ героинѣ, имя которой «Дзіорури» употребляется теперь, какъ синонимъ для цѣлаго класса драматическихъ произведеній.

Въ началѣ XVII столѣтія былъ основанъ въ Кіото театръ маріонетокъ (аяцури-сибаи), перенесенный вскорѣ затѣмъ въ Осаку, гдѣ онъ прославился въ послѣдующей исторіи драматическаго искусства, подъ именемъ «Такемото-дза». Этотъ театръ популяренъ въ Японіи еще и теперь; маріонетки сдѣланы весьма искусно и снабжены механизмомъ для вращенія зрачковъ, подниманія бровей, открытія и закрытія рта, движенія пальцевъ и руки, почему маріонетки могутъ, напримѣръ, брать вѣеръ и обмахиваться имъ. На театрѣ маріонетокъ ставились, какъ дзіорури, такъ и драмы. Всѣ дзіорури содержатъ много повѣствовательнаго элемента, болѣе или менѣе поэтическаго характера. Эта часть пьесы распѣвается подъ музыку хоромъ, возсѣдающимъ на площадкѣ, надъ сценой, по правую сторону отъ зрителей; здѣсь также сидятъ лица, произносящія рѣчи «за кукольныхъ актеровъ». Вышеупомянутый терминъ *дзіорури* относится болѣе спеціально именно къ этой повѣствовательной части. Хоръ, который ее произноситъ, есть прямой

преемникъ *дзіоруури-катари* или *ганасика*, т.-е. вышеупомянутыхъ драматическихъ разсказчиковъ, и составляетъ ядро произведенія; діалоги же сперва были просто вспомогательной частью. Хоръ не только приводитъ главную нить повѣствованія въ связь со сценами, изображаемыми куклами на подмосткахъ, но и помогаетъ воображенію публики описаніемъ выраженій лицъ, сценической обстановки и многаго того, что̀ не можетъ быть изображено «искусствомъ» однѣхъ только маріонетокъ.

Слава театра маріонетокъ обязана главнымъ образомъ, генію Цикамацу Мондзаемонъ (самураю по происхожденію), который, внѣ сомнѣнія, былъ самою выдающейся фигурой въ исторіи японской драмы. Въ теченіе своей дѣятельности въ связи съ упомянутымъ театромъ (1690—1724) онъ работалъ такъ много, что современное изданіе его избранныхъ произведеній содержитъ 51 пьесу (изъ которыхъ каждая не уступаетъ, въ среднемъ, по длинѣ шекспировской) и состоитъ болѣе, чѣмъ изъ 2.000 печатныхъ страницъ убористаго шрифта. Преклоненіе передъ этимъ драматургомъ его соотечественниковъ безгранично, и нѣкоторые изъ нихъ заходятъ даже такъ далеко, что сравниваютъ его съ Шекспиромъ. По этому поводу Астонъ замѣчаетъ, что «праздное по существу дѣло—сравнивать съ Шекспиромъ писателя, изображеніе характера дѣйствующихъ лицъ котораго рудиментарно; положеніе пьесъ котораго непомѣрно сумасбродно и невѣроятно, въ философіи жизни котораго недостаетъ оригинальности и глубины, и который, наконецъ, постоянно вводитъ грубыя, совершенно недоступныя пониманію западнаго ума, возмутительныя сцены. Доля отвѣтственности за это послѣднее позорное пятно ложится на его слушателей. Ничто, казалось, не доставляло бо̀льшаго удовольствія этимъ разряженнымъ мирнымъ лавочникамъ и ремесленникамъ съ ихъ женами (ни одинъ самурай съ мало-мальскимъ самоуваженіемъ не ходилъ никогда въ театръ), какъ кровавыя битвы и сцены пытокъ, самоубійства и убійства. Имъ нравилось, чтобы кровь у нихъ стыла и тѣло дрожало отъ ужаса; и Цикамацу, подобно другимъ писателямъ того времени, старался удовлетворить этому требованію въ неограниченныхъ размѣрахъ». Тѣмъ не менѣе цитируемый авторъ признаетъ, что произведенія Цикамацу обладаютъ широкимъ полетомъ фантазіи, хорошо развитымъ ходомъ дѣйствія отъ начальной сцены и до развязки и изобилуютъ драматическими положеніями; зрительные эффекты, съ цѣлью воспроизведенія которыхъ написаны многія сцены, достигаются вполнѣ. «Все это было ново для Японіи, и поэтому Цикамацу, по праву, принадлежитъ честь творца японской драмы».

Шедевромъ произведеній этого японскаго драматурга считается пьеса его «Кокусенъ-я-кассенъ», т.-е. «Битвы Кокусенъ-я»—знаменитаго пирата, сына одного китайца отъ японки, который завоевалъ Формозу и вообще игралъ видную роль въ войнахъ послѣднихъ дней

минской династіи Китая. Такъ какъ, однако, эта пьеса не рисуетъ никакихъ чертъ быта Японіи, то мы не остановимся здѣсь на ея содержаніи, отославъ читателей, интересующихся послѣднимъ, къ труду Астона, гдѣ оно изложено, хотя и вкратцѣ, но съ полною обрисовкой плана и характерныхъ особенностей драмы. Что же касается другой замѣчательной пьесы Цикамацу «Месть сорока семи рониновъ», то мы въ своемъ мѣстѣ изложимъ то историческое событіе, на которомъ она построена, такъ какъ оно въ высшей степени характерно для пониманія этическихъ основъ жизни благороднаго сословія (даиміевъ, самураевъ, хатамото) въ дореформенной Японіи.

Первый народный театръ «Кабуки-сибаи», въ которомъ дѣйствующими лицами были люди, а не маріонетки, былъ основанъ въ Кіото въ началѣ XVII столѣтія. Есть основаніе думать, что начало ему положила жрица одного синтоистическаго храма въ Идзума, по имени О-Куни, которая, влюбившись въ самурая Нагоя Сендзабуро, бѣжала вмѣстѣ съ нимъ въ Кіото. Здѣсь они собрали нѣсколько танцовщицъ и давали представленія на берегу рѣки Камо (гдѣ теперь расположена театральная улица), въ которыхъ участвовали какъ мужчины, такъ и женщины. Скоро вслѣдъ за тѣмъ былъ основанъ подобный же театръ въ Едо, быстро развивавшійся; но съ этого времени уже не допускается совмѣстное участіе на сценѣ мужчинъ и женщинъ, и подобно тому, какъ въ англійскихъ театрахъ шекспировской эпохи, женскія роли въ театрахъ «Кабуки» исполнялись мужчинами. Пьесы для такихъ театровъ сочинялись сперва самими актерами, сообща съ режиссеромъ, и «компоновались» изъ историческихъ и бытовыхъ разсказовъ; но къ началу XVIII столѣтія появляются уже опредѣленные авторы драматическихъ произведеній, написанныхъ спеціально для «Кабуки-сибаи», почему они и издавались подъ названіемъ *кякубонъ*. Съ теченіемъ времени эти пьесы, по формѣ, все болѣе и болѣе приближаются къ европейской драмѣ,—хотя и отнюдь не подъ вліяніемъ ея, такъ какъ до наступленія эры мейдзи японцы были абсолютно незнакомы съ нею. Сообразно съ этимъ и хоръ, съ его повѣствовательными и поэтическими описаніями, занимаетъ все болѣе и болѣе подчиненное положеніе, и въ нѣкоторыхъ пьесахъ совсѣмъ отсутствуетъ.

Что касается устройства японскаго народнаго театра, то можно сказать, что, вообще говоря, оно характеризуется помѣстительнымъ наклоннымъ къ сценѣ партеромъ, не—съ креслами, какъ у насъ, а съ ложами въ видѣ ящиковъ, образуемыхъ низенькими перегородками и безъ всякой мебели въ нихъ, такъ какъ зрители сидятъ на корточкахъ прямо на циновкахъ,—галлереей и сценой.

Выгодной особенностью японской сцены является устройство ея на платформѣ, которая вращается около вертикальной оси при посред-

ствѣ весьма простого механизма. Дѣйствіемъ его обращенная къ зрителямъ картина «уходитъ назадъ», а вмѣсто нея появляется картина, подготовленная заранѣе на скрытой до тѣхъ поръ отъ нихъ половинѣ платформы. Надъ сценой, съ правой стороны отъ зрителей, устроена площадка, на которой помѣщается хоръ музыкантовъ и пѣвцовъ, назначеніе котораго мы уже знаемъ.

Кромѣ того, въ типичномъ японскомъ театрѣ кругомъ партера устроены узкія эстрады, окаймляющія его въ видѣ коридора, а черезъ партеръ перекинуты раздѣляющіе его на три части мостики, о назначеніи которыхъ скажемъ ниже.

Что̀ касается декорацій, различныхъ приспособленій для достиженія сценическихъ эффектовъ, освѣщенія и т. п., то въ этомъ отношеніи общей характеристики японскихъ театровъ дать нельзя, такъ какъ оборудованіе ихъ находится въ періодѣ преобразованія, благодаря, главнымъ образомъ, дѣятельности актера и антрепренера Каваками Отодзиро *). Можно сказать, однако, что рядомъ съ немногими первоклассными театрами, въ родѣ, напримѣръ, театра «Синтомица» въ Токіо, имѣющими электрическое освѣщеніе и прекрасныя декораціи, большинство разсматриваемыхъ учрежденій очень бѣдно обстановочной частью — не богаче, если не бѣднѣе еще, чѣмъ было въ Европѣ во времена Шекспира. Въ такихъ театрахъ для изображенія, напримѣръ, высокой стѣны съ воротами довольствуются постановкой среди сцены только воротъ, — остальное дополняется воображеніемъ публики. Въ одномъ только отношеніи обстановка представленія во всякомъ японскомъ театрѣ неизмѣнно поражаетъ роскошью, а именно— въ гардеробѣ актеровъ, великолѣпные костюмы которыхъ и цѣнное оружіе всегда въ точности соотвѣтствуютъ той эпохѣ, къ которой относится изображаемое на сценѣ событіе. Для того, чтобы это великолѣпіе не пропадало для зрителей при скудномъ освѣщеніи сцены, передъ которой до послѣдняго времени не было даже рампы, актеры появляются среди зрителей, «шествуя медленно» по вышеупомянутымъ эстрадамъ и мостикамъ среди партера... Именно съ этой цѣлью авторы японскихъ пьесъ старались, чтобы въ нихъ входило по возможности больше процессій. Вѣроятно потому, что во время такихъ шествій публика иногда осыпаетъ любимыхъ актеровъ цвѣтами, эти мостки называются «хаха но мици», т.-е. «цвѣточная дорога».

Выше было уже упомянуто, что въ японскихъ театрахъ до самаго послѣдняго времени не допускалось совмѣстное участіе на сценѣ мужчинъ и женщинъ. И теперь, за единственнымъ исключеніемъ, театры въ Японіи—или только мужскіе, въ которыхъ роли женщинъ исполняются мужчинами, или только женскіе (число послѣднихъ, впрочемъ, не велико). Покрой японскихъ національныхъ костюмовъ позволяетъ

*) См. главу V-ую этой статьи.

безъ смѣшного результата одѣть мужчину женщиной и наоборотъ, но справиться съ голосами, конечно, уже гораздо труднѣе, и вотъ почему на японской сценѣ актеры, изображающіе женщинъ, говорятъ *условными* голосами, тембръ которыхъ производитъ на европейца такое впечатлѣніе, какъ будто онъ слышитъ чревовѣщателей. Лично на меня голоса эти дѣйствовали «удручающимъ образомъ», и я долго не могъ привыкнуть къ нимъ. Не легко также привыкнуть европейцу и къ другимъ, ничѣмъ, повидимому, не вызываемымъ «условностямъ» японскаго театра, къ числу которыхъ относится присутствіе на сценѣ среди дѣйствующихъ лицъ фигуръ въ черныхъ маскахъ или въ черныхъ одеждахъ, означающихъ, что на носящихъ ихъ «смотрѣть не надо», такъ какъ они «въ пьесѣ не участвуютъ». Такими «невидимками» считаются, напримѣръ: человѣкъ, держащій фонарь предъ лицомъ актера для освѣщенія его мимики; прислуга, нерѣдко поправляющая на глазахъ публики дефекты въ прическахъ участвующихъ въ пьесѣ «дамъ», и т. п. Японская публика, однако, хорошо усвоила разсматриваемую условность; и когда, напримѣръ, на маленькой сценѣ, по требованіямъ пьесы, надо очистить мѣсто, занятое «трупами», то, какъ мнѣ случилось видѣть это, «черная прислуга» набрасываетъ на нихъ черныя одѣяла, и «трупы», завернувшись въ послѣднія, уходятъ со сцены, не поражая этимъ обычныхъ посѣтителей театра: они знаютъ, что на это не надо смотрѣть, и мой переводчикъ удивился даже, что мнѣ такой порядокъ вещей не показался естественнымъ... Но долженъ сказать, что позже, когда такія условности сдѣлались мнѣ извѣстными, онѣ мѣшали мнѣ слѣдить за выразительными движеніями и мимикой актеровъ,—которая доведена у нихъ въ самомъ дѣлѣ до совершенства,—гораздо менѣе, чѣмъ я могъ ожидать сначала.

Поразительныхъ результатовъ въ отношеніи воздѣйствія своею игрою на зрителей, не только японцевъ, но и европейцевъ, достигалъ знаменитый актеръ Ицикава Дандзюро, который умеръ только въ 1903 году, шестидесяти двухъ лѣтъ отъ роду... И до самой смерти своей онъ часто нѣсколько дней подрядъ выдерживалъ непрерывное участіе въ представленіяхъ съ часу до десяти часовъ вечера, причемъ одинаково хорошо изображалъ какъ величественныхъ владѣтельныхъ даиміевъ, такъ и граціозныхъ гейшъ и соблазнительныхъ обитательницъ Іошивара. Для исполненія ролей первыхъ, онъ обладалъ длиннымъ—«аристократическимъ», по понятіямъ японцевъ,—лицомъ породистаго самурая, а для исполненія ролей представительницъ прекраснаго пола—изящной фигурой, граціей и легкостью движеній, позволявшихъ ему приводить въ восторгъ зрителей исполненіемъ самыхъ сложныхъ танцевъ.

Актеръ этотъ былъ убѣжденнымъ представителемъ «старой школы» и до послѣднихъ дней оставался ярымъ противникомъ нововведеній въ японскомъ театрѣ, въ числѣ которыхъ считалъ особенно «вреднымъ»

допущеніе совмѣстной игры на сценѣ женщинъ съ мужчинами. Единственная уступка, которую онъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, состояла въ томъ, что онъ согласился участвовать въ главномъ театрѣ въ Токіо, по просьбѣ французской актрисы Тео, въ одной съ нею пьесѣ, написанной нарочно по случаю пріѣзда ея въ Японію какимъ-то японскимъ авторомъ. Исполненіе женщинами мужскихъ ролей мнѣ не пришлось видѣть; но многіе европейцы говорятъ, что и въ этомъ случаѣ результатъ получается вполнѣ удовлетворительный.

Ицикава Дандзюро (представитель классической школы въ японскомъ театрѣ).

Представленія Дандзюро привлекали въ театръ и высокопоставленныхъ лицъ, но это не давало ему, въ теченіе бо́льшей части его карьеры, доступа въ высшее общество, такъ какъ до самыхъ послѣднихъ лѣтъ соціальное положеніе актеровъ въ Японіи было столь незавидно, что, напримѣръ, счетъ числа ихъ въ труппѣ, даже въ оффиціальныхъ документахъ, производился при посредствѣ такихъ числи-

тельныхъ, которыя употребляются въ Японіи не для счета людей, а для счета домашнихъ животныхъ.

Нынѣ, подъ вліяніемъ идей Запада, такое отношеніе къ актерамъ быстро измѣняется; и баронъ Суематсу, въ статьѣ своей «Art and Literature», на которую мы уже ссылались, видимо, съ самоудовлетвореніемъ заявляетъ, что онъ «много способствовалъ такому повороту въ общественномъ мнѣніи Японіи, по возвращеніи туда послѣ перваго посѣщенія своего Англіи».

Въ связи съ этимъ вопросомъ, необходимо помнить, что, въ противоположность представленіямъ *но*, театръ «кабуки» до самаго послѣдняго времени не посѣщался открыто представителями высшаго класса; если же какой-либо самурай или даимій интересовался той или другой пьесой или тѣмъ или другимъ актеромъ, то приходилъ въ театръ не иначе, какъ въ маскѣ, такъ какъ боялся осужденія «въ пренебреженіи приличіями».

Что же касается средняго класса общества и простонародья, то они страстно любятъ свой «кабуки-сибаи», куда приходятъ часто цѣлыми семьями на весь день... Тамъ же они завтракаютъ, обѣдаютъ и пьютъ чай, устраивая трапезу въ тѣхъ же ложахъ-ящикахъ, въ которыхъ сидятъ во время представленія и гдѣ дымятся *хибачи*, т.-е. таганчики съ углемъ для подогрѣванія пищи, а также для закуриванія трубокъ... А курятъ въ театрѣ и мужчины и женщины весьма усердно. «Для упрощенія дѣла» устроено такъ, что многіе зрители, вмѣстѣ съ билетомъ для входа въ театръ, берутъ и билеты на полученіе кушаній и чая въ театрѣ, что является возможнымъ вслѣдствіе частаго соединенія въ Японіи театральной антрепризы съ антрепризой ресторанной или чайныхъ домовъ. Безъ сомнѣнія, такой обычай явился логическимъ слѣдствіемъ того, что въ странѣ этой прежде театры были открыты съ ранняго утра до поздняго вечера; и только съ 1889 года, парламентскимъ актомъ, продолжительность театральныхъ представленій ограничена временемъ не долѣе девяти часовъ въ сутки.

Весело смотрѣть на радостное, непринужденное поведеніе японской публики въ театрѣ. Въ антрактахъ раздается несмолкаемая болтовня; дѣти въ праздничныхъ пестрыхъ костюмахъ свободно перелѣзаютъ изъ одной ложи въ другую и этимъ, видимо, нисколько не стѣсняютъ сидящихъ въ нихъ взрослыхъ; матери съ грудными дѣтьми располагаются, какъ дома, кормить ихъ; прислуга изъ ресторановъ всюду снуетъ съ подносами... Но какъ только раздается ударъ барабана или звонокъ — сигналъ къ открытію занавѣса, такъ все быстро успокоивается, и зрители обращаются въ само вниманіе. Въ трогательныхъ мѣстахъ пьесы я не разъ видѣлъ слезы на глазахъ дамъ и дѣтей,—чаще всего, когда совершалось «харакири изъ-за обиды» или когда «преданныя» дочь или жена отправлялись добровольно въ

Іошивару, для доставленія средствъ родителямъ или мужу... Одобреніе актерамъ во время представленія зрители выражаютъ, какъ и у насъ, аплодисментами и криками («санцоку! санцоку!», т.-е. «браво, браво!»), а послѣ паденія занавѣса также и тѣмъ, что почитатели актера несутъ за кулисы шляпы, платки, курильные кисеты и т. п. вещи, которыя имѣютъ при себѣ,—съ тѣмъ, однако, чтобы потомъ выкупить ихъ деньгами. Что же касается неодобренія актерамъ, то, кромѣ шиканья и свистковъ, зрители еще выражаютъ его обращеніемъ къ сценѣ спиной... Нерѣдко приходилось мнѣ наблюдать такой интересный пріемъ во второстепенныхъ театрахъ.

Цѣны на мѣста въ «кабуки-сибаи» весьма доступны даже для бѣднѣйшей публики. Такъ, за право присутствовать на представленіяхъ въ европейской ложѣ первокласснаго токійскаго театра въ теченіе девяти часовъ съ меня взяли 4 ены (около 4 рублей); а мѣста въ партерѣ еще несравненно дешевле. Для иллюстраціи того, что стоитъ провести въ театрѣ на такихъ мѣстахъ цѣлый день, приведу здѣсь слѣдующій интересный счетъ *), въ которомъ числа обозначаютъ сены—монета, почти равностоющая нашей копейкѣ:

Входная плата—60; ложа—80; циновки и жаровня съ углями—25; плата за услуги—10; чай и сласти—25; фрукты—25; рыба и рисъ—25; счетъ чайнаго дома—50; на чай прислугѣ 20.—Итого 320 сенъ, или около 3 рублей 20 коп. на наши деньги...

Къ этимъ даннымъ прибавимъ еще, что посѣтители могутъ, если желаютъ, брать билеты только на одинъ какой-нибудь актъ пьесы, и въ такомъ случаѣ иногда платятъ не болѣе 5 сенъ за мѣсто.

Для того, чтобы опредѣлить характеръ и значеніе въ жизни Японіи ея драматическихъ произведеній и представленій, дадимъ слово одному изъ ея авторитетныхъ изслѣдователей этого вопроса, а именно барону Суематсу.

Въ статьѣ своей «Искусство и литература въ Японіи» **) онъ говоритъ по этому предмету слѣдующее:

«Драматическія сочиненія, представленія ихъ въ театрахъ и героическія исторіи, содержащіяся въ вымышленныхъ произведеніяхъ, такъ же, какъ и тотъ родъ устныхъ разсказовъ о героизмѣ, который извѣстенъ подъ терминомъ *гунданъ*, сыграли большую роль въ созданіи современной Японіи. Доблесть нашихъ моряковъ и солдатъ въ послѣднія войны въ значительной мѣрѣ воспитаны вліяніемъ на японскій народъ именно такихъ произведеній. Конечно, я не игнорирую факта, что, главнымъ образомъ, широкая постановка нашей воспитательно-

*) См. „Японія и Японцы“—Сочиненіе Э. фонъ-Гессе-Вартега; русскій переводъ М. А. Шрейдера, стран. 106.

**) „Art and Literature“, стран. 545—549.

образовательной системы, а также и традиціи сдѣлали нашъ народъ чрезвычайно лояльнымъ по отношенію къ отечеству и къ императору; но при всемъ томъ утверждаю, что никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду вліянія на этотъ народъ драматическихъ представленій, драматической литературы и романтическихъ разсказовъ о герояхъ и героиняхъ.

«Этому есть причина. Въ Японіи авторами вымышленныхъ или драматическихъ произведеній всегда преслѣдуется идея «поощренія того, что̀ хорошо, и наказанія того, что̀ дурно». Я знаю очень хорошо, что существуютъ противники такого направленія. Они говорятъ, что вымышленныя сочиненія должны преслѣдовать художественную цѣль и обрисовывать лишь реальную природу и реальные характеры. Я никоимъ образомъ не претендую на оспариваніе этого мнѣнія; но просто утверждаю, что въ Японіи такъ не смотрятъ на этотъ вопросъ. Вслѣдствіе этого у насъ вымышленныя дѣйствующія лица, выведенныя въ различныхъ литературныхъ произведеніяхъ, всегда несутъ заслуженную долю наказанія и получаютъ заслуженное вознагражденіе, и при этомъ авторы такихъ произведеній или исполнители послѣднихъ на сценѣ всегда ставятъ себѣ цѣлью произвести именно въ этомъ направленіи глубокое впечатлѣніе на умы читателей или зрителей, и всегда почти этого достигаютъ.

«Главными темами, разрабатывающимися авторами для достиженія такихъ эффектовъ, являются высокая лояльность, какъ, напримѣръ, лояльность слуги по отношенію къ своему господину; большая твердость и настойчивость, которыя обнаруживаются въ дѣлѣ правосудія и справедливости; готовность переносить тяжкія страданія ради дорогого друга; любовь родителей къ дѣтямъ до самопожертвованія; готовность страдать или даже жертвовать собою со стороны жены для мужа, матери для сына, дочери для отца, съ цѣлью помочь имъ исполнить долгъ по отношенію къ своему господину или хозяину»...

«Я самъ помню»,—пишетъ далѣе баронъ Суематсу,—«какъ много разъ проливалъ слезы, когда читалъ вымышленныя произведенія этого рода, слушалъ пѣніе драматическихъ пѣсенъ или смотрѣлъ на драматическія представленія. Объясненная выше цѣль, кажется, не преслѣдуется на сценахъ западныхъ театровъ. Правда, помню, какъ однажды въ Лондонѣ, много лѣтъ назадъ, мои глаза сдѣлались влажными, когда я смотрѣлъ на актера на сценѣ, который, когда его уводили въ тюремное заключеніе, жалъ руку человѣка, подозрѣвавшагося въ томъ. что онъ выдалъ его, и сказалъ ему, что никогда не повѣритъ этому и не отвернется отъ него. Такое поведеніе дѣйствующаго лица въ пьесѣ произвело на зрителей глубокое впечатлѣніе, какъ примѣръ проявленія рыцарской нравственной силы. Но этотъ случай былъ исключительнымъ въ опытѣ знакомства моего съ европейскими театрами.

«Хотя и боясь упрека въ томъ, что выхожу изъ границъ, если

заговорю о Шекспирѣ, я все-таки долженъ сказать, что даже произведенія этого генія, изъ которыхъ нѣкоторыя я читалъ или видѣлъ на сценѣ, никогда не производили на меня такого впечатлѣнія, какъ японскія драматическія пьесы. Посѣщая западные театры, мы оцѣниваемъ декораціи, восхищаемся блестящими движеніями и хорошею мимикой актеровъ и актрисъ и поразительнымъ изяществомъ и ясною дикціей ихъ діалоговъ... И мы наслаждаемся всѣмъ этимъ по мѣрѣ пониманія своего. Но, возвратившись на родину, мы не находимъ въ душѣ своей никакого слѣда этихъ впечатлѣній, ничего, что могло бы послужить побудительнымъ мотивомъ въ нашей дѣятельности тамъ. Никакого внушенія, никакого соревнованія. Вотъ въ чемъ, мнѣ кажется, заключается разница между драматическими произведеніями нашей и западной литературы. Если когда-нибудь хорошія стороны нашихъ драматическихъ произведеній будутъ оцѣнены западными народами, то мы будемъ чувствовать себя чрезвычайно польщенными».

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію содержанія образцовъ тѣхъ драматическихъ произведеній, которыя имѣютъ въ виду достиженіе цѣлей, такъ ясно очерченныхъ барономъ Суематсу, необходимо по возможности полно ознакомиться съ обычаемъ *харакири*, фигурирующемъ, если не во всѣхъ такихъ произведеніяхъ, то, во всякомъ случаѣ, въ подавляющемъ большинствѣ ихъ.

III.

О «харакири» или «сеппуку» въ дѣйствительной жизни Японіи и на театральныхъ сценахъ.

Разсужденіе японскаго профессора Инацо Нитобе о *харакири*.—Обстановка изображенія *харакири* на сценѣ японскаго театра.—Описаніе Митфордомъ *харакири*, совершеннаго надъ собою, по повелѣнію микадо, японскимъ офицеромъ въ Кобе въ 1870 году.—Примѣры совершенія надъ собою японцами *харакири* въ наши дни.

Такъ далекъ, повидимому, обычай *харакири* отъ всего склада прошлой и современной жизни Запада, что для составленія яснаго понятія о психологическихъ обоснованіяхъ его мы должны, мнѣ кажется, обратиться къ толкованіямъ японскихъ авторовъ, безъ которыхъ не сможемъ дать себѣ отвѣта на многіе вопросы по этому предмету. Къ счастью, для достиженія такой цѣли у насъ имѣются два весьма цѣнные источника, доступные читателямъ, не знающимъ японскаго языка, а именно: «Бусидо» *)—сочиненіе, написанное на

*) Inazo Nitobe. „*Bushido*. The soul of Japan. An Exposition of Japanese thought“. Токіо. 1900.—Терминъ *Буси* означаетъ самурай, благородный воинъ. *Бусидо* значитъ—кодексъ чести благороднаго воина; но профессоръ Инацо Нитобе понимаетъ значеніе этого кодекса такъ широко, что пояснилъ титулъ *Bushido* въ своей книгѣ словами „The Soul of Japan“, т.-е. „Душа Японіи“.

англійскомъ языкѣ профессоромъ токійскаго университета, Инацо Нитобе, и «Изслѣдованіе о харакири» *)—трудъ, переведенный *съ японской рукописи феодальныхъ временъ* на англійскій языкъ извѣстнымъ изслѣдователемъ жизни старой Японіи, Митфордомъ. Въ этой рукописи изложены не только этическія обоснованія обычая *харакири*, но и подробныя «правила» совершенія этой операціи, какъ предписываемыя закономъ, такъ и «рекомендуемыя людьми, много разъ при этой операціи присутствовавшими и хорошо ее понимающими». Что же касается перваго сочиненія, то оно можетъ назваться довольно полнымъ, хотя и крайне одностороннимъ изложеніемъ этическихъ основъ жизни Японіи, съ претензіей распространенія дѣйствія ихъ и на современную намъ Японію. Извлеченіе изъ этого труда профессоръ Нитобе напечаталъ въ статьѣ своей «О религіи въ Японіи», помѣщенной въ упоминавшемся уже нами сборникѣ «Японія, описанная японцами», который изданъ Альфредомъ Стэдомъ. Вотъ что говорится въ этой статьѣ по интересующему насъ вопросу **):

«Такъ какъ *Бусидо*, являющееся моральнымъ кодексомъ извѣстнаго только класса японскаго народа, имѣетъ ограниченную сферу, то его требованія суровы въ болѣе высокой степени, чѣмъ это было бы, если бы сфера ихъ распространенія была шире. Наказаніе, ожидающее тѣхъ, которые нарушили этотъ кодексъ чести, было неумолимо. *Харакири* есть типъ того, что ожидало самурая, когда онъ позорилъ себя. Названный сейчасъ терминъ употребляется нерѣдко, хотя надо сказать, что у насъ онъ чаще замѣняется словомъ *сеппуку* или *каппуку* и относится къ «операціи», процессъ которой самъ по себѣ безспорно отвратителенъ. Но было бы, однако, ошибкой смотрѣть на послѣдній, какъ на другіе подобные ему процессы, съ чисто реальной точки зрѣнія. Что за отталкивающее зрѣлище представляетъ, напримѣръ, картина Тиссо на тему о міровой трагедіи на горѣ Голгоѳа для человѣка, который никогда не слышалъ о жизни Христа. Сцены смерти, даже въ лучшихъ случаяхъ, не всегда драматичны и живописны. Лишь исторія надѣваетъ вѣнецъ на мученическую смерть героевъ, и жизнь, которою жилъ покойный до своей кончины, отнимаетъ у смерти агонію и другіе непривлекательные атрибуты. Если бы это не было такъ, то кто выпилъ бы философски чашу яда или принялъ бы кротко евангельскій крестъ? Если бы *сеппуку* была форма наказанія, налагаемаго только на грабителей и карманныхъ воровъ, то она вполнѣ заслуживала бы буквальнаго перевода «вспарываніе желудка»,

*) „An Account of the hara-kiri (from a rare Japanese MS“)—приложеніе А въ книгѣ „Tales of old Japan“ by A. B. Mitford. Third edition. London. 1876. И этотъ трудъ и Bushido переведены, съ небольшими пропусками, на русскій языкъ въ интересной работѣ *Л. Богославскаго*—студента восточнаго института: „Къ вопросу о характеристикѣ японцевъ“. Владивостокъ. 1903 г.

**) „Japan by the Japanese“, стр. 278.

и поэтому вѣжливо избѣгалась бы въ вѣжливомъ обществѣ. Мы можемъ сказать объ этомъ процессѣ то, что сказалъ Карлейль о религіозномъ нищенствѣ, т.-е. что «оно не было ни въ чьихъ глазахъ красивымъ и почетнымъ дѣломъ до тѣхъ поръ, пока благородство тѣхъ, которые предавались ему, сдѣлало его почетнымъ въ глазахъ нѣкоторыхъ».

«*Сеппуку* *) буквально обозначаетъ «разрѣзываніе желудка». Эта форма смерти была привилегіей ограниченнаго круга японцевъ—самураевъ-двумечниковъ. Иногда *сеппуку* было наказаніемъ, налагавшимся властью, иногда же оно могло быть наложено человѣкомъ на себя добровольно; иногда это была жертва (быть можетъ, я могу сказать, символическая?) жизнью за идею; иногда также—послѣднимъ убѣжищемъ, подъ защиту котораго укрывалась честь. Когда *харакири* предписывалось, какъ наказаніе, то это было равносильно тому, что виновный сознаетъ свое собственное преступленіе; какъ будто бы онъ говорилъ: «я поступилъ ошибочно; я стыжусь передъ своей собственной совѣстью. Я наказываю себя своею собственною рукой, потому что я самъ осуждаю себя». Если обвиняемый былъ невиненъ, онъ все-таки часто предпочиталъ совершить надъ собою *сеппуку*; и тогда онъ разсуждалъ такъ: «Я невиненъ; и покажу вамъ свою душу, по которой вы можете судить меня сами». Весьма естественнымъ является часто задаваемый иностранцами вопросъ «почему именно желудокъ избирается японцами для операціи самоумерщвленія»? Мнѣ кажется, что отвѣтъ на это можетъ быть разрѣшенъ ссылкой на физіологическое вѣрованіе о вмѣстилищѣ души. Гдѣ лежитъ сущность жизни? — вопросъ, ставившійся и обсуждавшійся мудрецами всѣхъ вѣковъ. Древніе еврейскіе пророки говорили, что въ кишкахъ; греки считали вмѣстилищемъ души (θυμός) φρήν **); французы—ventre, а японцы—*хара*. Это—вполнѣ опредѣленный терминъ, обозначающій всю переднюю часть торса. Нахожденіе въ желудкѣ серіозныхъ гангліоническихъ центровъ, которые чрезвычайно чувствительны ко всякому физическому воздѣйствію, поднимаютъ вѣру въ то, что именно здѣсь вмѣстилище души. Когда Шекспиръ влагаетъ въ уста Брута слова: «Thy (Caesar's) spi-

*) *Сеппуку*—китайское слово, „но не надо думать, — говоритъ Чамберлэнъ,—что оно употребительнѣе, чѣмъ терминъ *харакири* среди японцевъ высшихъ классовъ будто бы потому, что опредѣляемая имъ операція, какъ обычай, имѣетъ китайское происхожденіе: она — неотъемлемо японская; но упомянутые классы въ Японіи вообще предпочитали китайскія слова въ такихъ, примѣрно, случаяхъ, въ какихъ мы обращаемся къ латинскому языку".

**) Одно изъ многихъ значеній греческаго слова θυμός передается понятіемъ „духъ", въ смыслѣ „умъ", и „сила воли". Слова же φρήν ближе всего передается анатомическимъ терминомъ: „грудобрюшная преграда". Разсматриваемыя два слова, θυμός и φρήν употребляются рядомъ и синомически у Гомера, при чемъ первое имѣетъ психическій, а второе—физическій оттѣнокъ,— т.-е. какъ будто φρήν считается вмѣстилищемъ θυμός. *Н. П. А.*

*

rit walks abroad and turns our swords into our proper entrails» *), не способствовалъ ли онъ своимъ вѣскимъ авторитетомъ тому, чтобы такое повѣрье считалось вѣроятнымъ. Съ точки зрѣнія практическаго «трудосберегающаго» Запада, ничто не можетъ быть менѣе необходимымъ и болѣе глупымъ, какъ прохожденіе черезъ всю эту болѣзненную операцію, когда пистолетный выстрѣлъ или доза мышьяка достигаетъ цѣли также хорошо. Но должно помнить, однако, что идея *Бусидо* о *сеппуку* не имѣетъ въ виду только «закончить тысячу и одну болѣзней, которыхъ тѣло служитъ наслѣдникомъ». Смерть, какъ таковая, не являлась «страстно желаемымъ концомъ». Этотъ поступокъ въ жизни или эту смерть предписывала честь, а честь никогда не мирится съ мыслью о трусливомъ уходѣ отъ жизни. Хладнокровное размышленіе, безъ котораго *сеппуку* было бы немыслимо, должно было доказать, что оно не было рѣшено въ поспѣшности или въ состояніи невмѣняемости. Ясное сознаніе отмѣчало каждый шагъ этого процесса. Страданія, которыя онъ неизбѣжно вызывалъ, были мѣриломъ твердости, съ которой рѣшеніе было принято. Однимъ словомъ, совершавшій *сеппуку* могъ сказать: «Будьте свидѣтелями, что я умираю смертью храбрыхъ; я не уклоняюсь ни отъ какого требованія, которое предъявляется отъ храбраго». Для самурая смерть, на полѣ ли битвы или въ мирное время на циновкахъ (какъ говоримъ мы), была славнымъ вѣнцомъ, «тѣмъ послѣднимъ въ жизни, для котораго совершено было первое», и поэтому она должна была быть обставленной вполнѣ согласно съ понятіемъ о чести.

«Теперь *сеппуку* уже не служитъ способомъ наказанія. Новый уголовный кодексъ совсѣмъ не считается съ обычаями и учрежденіями, освѣщенными временемъ. На сцену выступило новое «просвѣщенное» поколѣніе юристовъ, которое съ ужасомъ отворачивается отъ этихъ остатковъ варваризма. Юноши, которые никогда не носили меча, которые не учились понимать, какая глубина заключается въ стыдѣ и какая высота—въ чести, и которые ищутъ мѣрки правды и неправды только въ физіологіи и въ книгахъ регламентацій, уже быстро выдвигаются впередъ. Никоимъ образомъ не предполагаю я оскорблять христіанское ученіе,—если только въ самомъ дѣлѣ Христосъ училъ чему-либо опредѣленному противъ самоубійства,—когда утверждаю, что пе-

---

*) См. „Юлій Цезарь": актъ V, сцена III. Козловъ превосходно передалъ смыслъ этихъ строкъ такъ:

... „Ты (Юлій Цезарь) носишься надъ нами злобнымъ духомъ
И противъ насъ самихъ ты обращаешь оружье наше".

Но въ цѣляхъ японскаго профессора очевидно важенъ не только смыслъ, а и *буквальный* переводъ этихъ строкъ, при которомъ окончаніе разсматриваемаго обращенія Брута къ духу Цезаря пришлось бы редактировать такъ: „И обращаешь наши мечи въ наши собственныя *кишки*". (Слово entrails значитъ: внутренности животнаго; синонимъ его: intestine—кишка. *Н. П. А.*

чальнымъ днемъ для Японіи будетъ тотъ день, когда ея сыны забудутъ ея прежнюю оцѣнку чести (я не подразумѣваю здѣсь именно *сеппуку*)... А это обѣщаетъ опытъ нашего времени».

Пусть каждый читатель самъ отвѣтитъ на вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ можно «сочувствовать» вышеприведеннымъ разсужденіямъ японскаго профессора о *харакири* съ европейской точки зрѣнія; но несомнѣнно то, что, прочтя ихъ, нельзя не признать, что обычай этотъ является яркой характеристикой психологіи того класса японскаго народа, представителями которыхъ были самураи.

Когда мнѣ впервые пришлось видѣть на сценѣ японскаго театра *харакири*, совершавшееся надъ собою виновными въ исполненіи правительственнаго приговора (при представленіи пьесы «Месть сорока семи рониновъ»), меня поразила торжественность, которою была обставлена эта операція: спокойствіе, которое изображалось на лицахъ и въ движеніяхъ актеровъ при приготовленіяхъ къ «самоубійству», и твердость, съ которою они «переносили страданія въ предсмертной агоніи»... Мнѣ показалось все это интереснымъ, но неестественнымъ и слишкомъ *идеализированнымъ* (кажется послѣ доводовъ профессора Нитобе мы имѣемъ право употребить это слово по отношенію къ «вспарыванію желудка»). Но, ознакомившись съ исторіей Японіи и съ показаніями тѣхъ европейцевъ, которымъ пришлось быть свидѣтелями совершенія этой операціи при одномъ знаменательномъ случаѣ, — не далѣе, какъ въ 1870 году,—я долженъ былъ снять этотъ упрекъ съ японскаго театра.

Случай, о которомъ я упомянулъ, состоитъ въ слѣдующемъ: — Въ февралѣ 1868 года, во время безпорядковъ въ городѣ Хіого, одинъ изъ офицеровъ арміи князя Хизена, по имени Таке Сензабуро, отдалъ приказаніе стрѣлять по иностранцамъ, находившимся въ городѣ Кобе. Представители европейскихъ державъ потребовали удовлетворенія, и японское правительство, послѣ двухлѣтняго разбирательства дѣла и разныхъ проволочекъ, рѣшило наказать виновнаго. По приказанію микадо, онъ долженъ былъ совершить надъ собою *харакири* въ храмѣ Сейфукудзи, въ Хіого, въ присутствіи представителей отъ каждаго изъ семи европейскихъ посольствъ. Это былъ первый и единственный случай, что европейцы присутствовали при правительственномъ *харакири*. Однимъ изъ упомянутыхъ представителей былъ секретарь англійскаго посольства Митфордъ, который такъ передаетъ это происшествіе *). «Въ назначенный день офицеры князей Сатсума и Цесіу сопровождали насъ до воротъ храма. Масса народа, собравшаяся на дворѣ храма и въ сосѣднихъ улицахъ, доказывала, насколько подобное

*) Correspondence respecting affairs in Japan. Presented to both Houses of Parliament by command of Her Majesty.—London 1871.—Цитирую по переводу К. Военскаго.

зрѣлище возбуждало любопытство японцевъ. Дворъ храма представлялъ чрезвычайно живописную картину: онъ весь былъ наполненъ солдатами, группами стоявшихъ около большихъ костровъ, мерцающее пламя которыхъ освѣщало массивныя стѣны священныхъ построекъ.

«Насъ ввели въ одну изъ комнатъ преддверія храма и просили обождать, пока будутъ окончены всѣ приготовленія, относящіяся до обряда. Въ сосѣднихъ помѣщеніяхъ уже собраны были высшіе японскіе чиновники. Послѣ довольно долгаго ожиданія, томительность котораго увеличивалась, благодаря полнѣйшей тишинѣ, царившей вокругъ, появился, наконецъ, губернаторъ города Хіого, Ито Сунске, который записалъ наши имена и объявилъ, что со стороны японскаго правительства при совершеніи казни будутъ присутствовать семеро свидѣтелей. Представителемъ императора являлись губернаторъ и одинъ чиновникъ; отъ арміи Сатсумы—два офицера; два другихъ—отъ войскъ Цесіу и одинъ представитель отъ князя Хизенской провинціи, родины осужденнаго. Число японскихъ представителей было, вѣроятно, умышленно ограничено, съ цѣлью уменьшить число европейцевъ.

«Затѣмъ губернаторъ, обратившись къ каждому изъ насъ поочереди, спрашивалъ, не желательно ли намъ предложить какой-нибудь вопросъ осужденному, на что всѣ отвѣтили въ отрицательномъ смыслѣ.

«Спустя нѣсколько времени, насъ пригласили вмѣстѣ съ японскими свидѣтелями пройти въ «Хонго» — главную часть храма, гдѣ должна была происходить церемонія. Зрѣлище, открывшееся передъ нашими глазами, произвело на насъ сильное впечатлѣніе: передъ нами вдругъ открылась большая широкая зала, своды которой поддерживались массивными колоннами изъ темнаго дерева. Съ потолка спускались позолоченныя лампады, фонари и т. п. украшенія, встрѣчаемыя въ буддійскихъ храмахъ; благовонныя вещества курились въ металлическихъ вазахъ, подымаясь къ потолку голубоватыми струйками дыма. Передъ алтаремъ, полъ котораго былъ покрытъ бѣлыми циновками, разостлано было грубое шерстяное покрывало. Длинныя восковыя свѣчи, разставленныя въ симметрическомъ порядкѣ, издавали слабый, таинственный свѣтъ...

«Семь японцевъ заняли мѣста по лѣвой сторонѣ алтарнаго возвышенія, семь иностранцевъ—по правой.

«Прошло нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія. Наконецъ, въ храмъ вошелъ подсудимый, Таке Сензабуро, плотный мужчина, тридцати двухъ лѣтъ, съ мужественнымъ, открытымъ лицомъ. Онъ былъ одѣтъ въ парадный костюмъ самурая. На немъ было «камисимо» — праздничное платье, употребляемое лишь въ особенно торжественныхъ случаяхъ. За подсудимымъ шелъ его секундантъ (кайтсяку), а за нимъ три офицера несли его военный плащъ съ золотыми галунами.

«Хотя обязанность «кайтсяку» и состоитъ въ томъ, чтобы отсѣчь осужденному голову въ послѣдній моментъ, тѣмъ не менѣе его нельзя

назвать палачомъ; во-первыхъ, должность эту всегда исполняетъ дворянинъ, а въ большинствѣ случаевъ—родственникъ или другъ осужденнаго. Буквальный смыслъ этого слова — «присутствующiй при исполненiи приговора ассистентъ»; отношенiе между нимъ и осужденнымъ скорѣе всего напоминаютъ отношенiе секунданта къ бойцу, выходящему на дуэль.

«Въ настоящемъ случаѣ обязанность эта была возложена на питомца и друга Сензабуро, который былъ избранъ изъ числа его друзей въ виду особенной ловкости, съ которою онъ владѣлъ мечомъ.

«Войдя на возвышенiе, подсудимый, въ сопровожденiи секунданта, шедшаго съ лѣвой руки, медленно направился къ свидѣтелямъ—японцамъ—и почтительно имъ поклонился; затѣмъ онъ подошелъ къ намъ и еще церемоннѣе отвѣсилъ намъ поклонъ. Съ обѣихъ сторонъ ему отвѣчали такими же поклонами.

«Тихо и степенно прошелъ подсудимый среди насъ и дважды распростерся передъ алтаремъ, а затѣмъ, повернувшись къ намъ лицомъ, сѣлъ на мѣсто, покрытое краснымъ покрываломъ.

«Секундантъ стоялъ налѣво отъ него. Въ этомъ положенiи Сензабуро оставался до самой смерти.

«Когда осужденный сѣлъ на приготовленное ему мѣсто, одинъ изъ японскихъ чиновниковъ подошелъ къ нему и поставилъ передъ нимъ небольшой столикъ, на подобiе тѣхъ, которые употребляются въ буддiйскихъ храмахъ при жертвоприношенiяхъ. На этой скамейкѣ лежалъ завернутый въ тонкую японскую бумагу «вакасатся»—традицiонный кинжалъ, длиной въ $9^1/_2$ дюймовъ, лезвiе котораго было остро, какъ бритва. Ставъ на колѣни, чиновникъ передалъ оружiе подсудимому, который принялъ его, поднявъ почтительно обѣими руками до головы, и положилъ передъ собою на скамейку. Сдѣлавъ затѣмъ еще разъ низкiй поклонъ, Сензабуро обратился къ присутствующимъ съ рѣчью. Голосъ его, слегка дрожащiй, не обнаруживалъ, однако, и тѣни страха; въ немъ слышалась тоскливая, заунывная нота изображавшая человѣка, удрученнаго сильнымъ горемъ:

«Почтенные присутствующiе! Я, и одинъ только я, отдалъ противозаконное приказанiе стрѣлять въ Кобе по иностранцамъ; я же вторично велѣлъ открыть по нимъ огонь, когда они хотѣли бѣжать. За это преступленiе я теперь лишу себя жизни и прошу всѣхъ здѣсь находящихся сдѣлать мнѣ честь присутствовать при этомъ актѣ въ качествѣ свидѣтелей».

«Поклонившись послѣ этого присутствовавшимъ, подсудимый сталъ снимать съ себя верхнее платье и обнажилъ свое тѣло до пояса. Согласно обычаю, онъ подвернулъ длинные рукава своего «киримоно» подъ колѣни и прикрѣпилъ ихъ тамъ дабы въ предсмертной агонiи не упасть навзничь: умирая, японскiй дворянинъ долженъ всегда упасть впередъ. Твердою рукой взялся онъ за кинжалъ и задум-

чиво, какъ бы радостно, взглянулъ на него. Въ послѣдній разъ онъ, повидимому, собрался съ мыслями и сразу вонзилъ себѣ глубоко кинжалъ въ лѣвую часть желудка; затѣмъ медленно провелъ имъ до правой стороны и, давъ ему легкій толчокъ кверху, повернулъ оружіе въ зіяющей уже ранѣ...

«Въ теченіе всей этой мучительной операціи ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ.

«Вытащивъ затѣмъ твердою еще рукой кинжалъ изъ раны, онъ слегка подался впередъ и вытянулъ шею... При этомъ впервые на лицѣ его промелькнуло выраженіе мучительной боли, хотя все время онъ не издалъ ни единаго звука.

«Въ это мгновеніе сидѣвшій налѣво секундантъ, который слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ, быстро всталъ на ноги и замахнулся мечомъ надъ подсудимымъ... Промелькнула молнія клинка, раздался глухой, отвратительный звукъ удара и что-то тяжело рухнулось на полъ... Голова Таке Сензабуро однимъ ударомъ была отдѣлена отъ туловища...

«Глубокая тишина воцарилась вокругъ, прерываемая только звукомъ льющейся крови, которая текла широкими ручьями изъ распростертаго на красномъ коврѣ тѣла, еще недавно принадлежавшаго человѣку благородному, рыцарю храбрости. Зрѣлище было поистинѣ потрясающее.

«Секундантъ, низко поклонившись присутствовавшимъ, вытеръ саблю бумагой, приготовленною заранѣе, и медленно сошелъ съ возвышенія.

«Обагренный кровью кинжалъ торжественно унесенъ двумя офицерами, какъ кровавое доказательство совершившагося правосудія».

Въ дѣйствующемъ нынѣ уголовномъ кодексѣ Японіи, обнародованномъ въ 1889 году, смертная казнь при посредствѣ *харакири*, какъ уже упомянуто выше, не включена, и въ этомъ смыслѣ обычай этотъ надо считать отмѣненнымъ; но *добровольное харакири* совершается и нынѣ, и притомъ настолько часто, что достаточно прожить въ Японіи одинъ только мѣсяцъ, чтобы успѣть прочесть о томъ или другомъ случаѣ этого рода въ ежедневныхъ газетахъ. Типичны и особенно интересны для насъ, русскихъ, слѣдующіе примѣры:

Въ 1891 году поручикъ японской милиціи, Охара Такеоси, совершилъ надъ собою *харакири* передъ могилами своихъ предковъ въ храмѣ Синтокудзи въ Токіо. Въ оставленной, согласно обычаю, запискѣ, которая объясняетъ мотивы его поступка и которую онъ завѣщалъ опубликовать во всѣхъ газетахъ страны (это уже новшество, не имѣвшее прецедента) онъ, между прочимъ, заявилъ: «одиннадцать лѣтъ протестовалъ я противъ захватовъ русскими сѣверной части японской имперіи, но всѣ мои усилія побудить правительство обратить на это должное вниманіе оставались тщетными. Теперь я рѣшился на *сеппуку*,

надѣясь, что смерть моя не будетъ безплодною». Въ дѣйствительности эта смерть не произвела ожидавшагося Охарою эффекта, но «это не исключаетъ факта», говоритъ Чамберлэнъ, «что принесеніе себя въ жертву изъ-за патріотическихъ побужденій и ожиданіе борца за идею, что воззваніе его изъ могилы тронетъ сердца людей болѣе дѣйствительно, чѣмъ аргументы его при жизни, находятся въ полномъ согласіи съ японскимъ образомъ мыслей». Другой, еще болѣе яркій, примѣръ добровольнаго *харакири* представляетъ случай, имѣвшій мѣсто въ 1896 году. Едва правительство микадо уступило требованіямъ Франціи, Россіи и Германіи объ отказѣ отъ завоеванной Японіей у Китая Ляодунской провинціи, какъ сорокъ человѣкъ военнаго сословія совершили надъ собой *харакири*.

Разсматриваемый обычай въ Японіи распространяется не только на мужчинъ, но и на женщинъ, которыя, однако, прибѣгаютъ къ самоубійству большей частью не путемъ вспарыванія живота, а перерѣзаніемъ себѣ горла; тѣмъ не менѣе и этотъ процессъ, какъ бы преемственно, называется *харакири*. Главнѣйшими изъ побужденій, заставляющихъ женщинъ прибѣгать къ нему, являются также лояльность и оскорбленное самолюбіе. Не показалось, напримѣръ, японцамъ удивительнымъ, когда въ 1895 году, по полученіи вѣсти о смерти на полѣ битвы поручика Асада, молодая жена его сейчасъ же, и съ одобренія своего отца, рѣшилась послѣдовать за нимъ, «чтобы остаться ему вѣрной и за гробомъ его». Тщательно прибравъ по-праздничному домъ свой и облачившись въ драгоцѣннѣйшее изъ своихъ платьевъ, она поставила портретъ своего мужа въ альковъ и, распростершись передъ нимъ ницъ, перерѣзала себѣ горло кинжаломъ, который былъ свадебнымъ подаркомъ покойнаго.

Замѣчу, наконецъ, что въ сентябрѣ 1903 года, въ издававшейся въ Кобе англійской газетѣ «Kobe Chronicle», мнѣ пришлось прочесть сообщеніе объ учиненіи надъ собою *харакири* вдовою одного высокопоставленнаго чиновника изъ-за того, что она была несправедливо обвинена родственниками его въ недостаточномъ уваженіи къ памяти послѣдняго...

Читатели не удивятся, послѣ всего изложеннаго, что на сценѣ японскихъ театровъ *харакири* играетъ выдающуюся роль.

IV.

Типичныя драмы старой школы.

Краткое изложеніе содержанія и характеристика драмъ: „Месть сорока семи рониновъ“;—„Грѣхъ изъ-за наслѣдства“. Типъ японскаго крестьянина въ этой драмѣ;—„Хидари Дзингоро“.

Драматическія произведенія японскихъ авторовъ,—принадлежащихъ къ той школѣ, которую, хотя она широко господствуетъ и нынѣ,

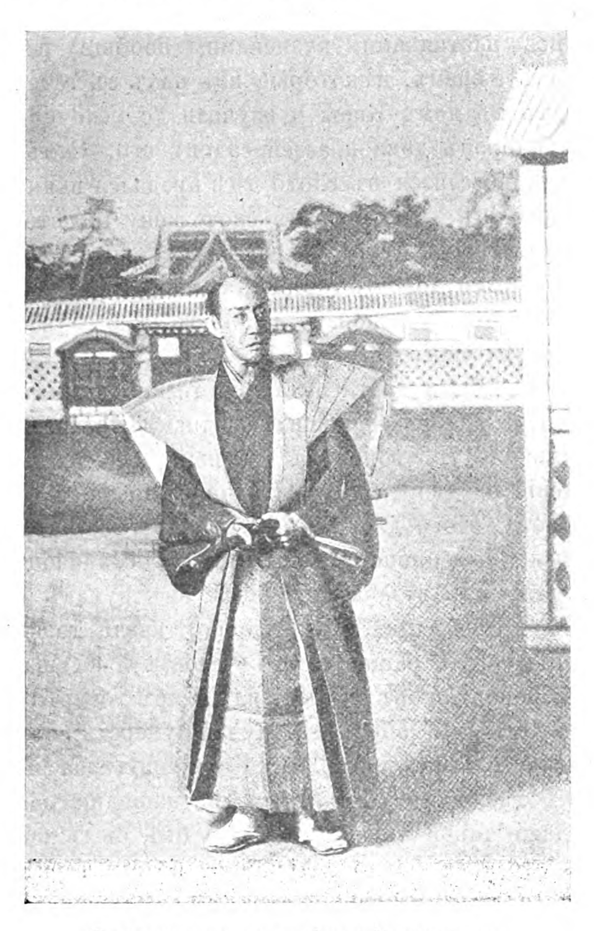
можно назвать старою, въ отличіе отъ нарождающейся новой, потому что она питается сюжетами изъ феодальныхъ временъ жизни страны, — раздѣляются на историческія и бытовыя. Типомъ первыхъ является произведеніе «Месть сорока семи рониновъ» или, какъ ее называютъ еще, «Вѣрная лига» («Чиучингура»); и мы ознакомимъ читателей съ тѣмъ историческимъ событіемъ, на которомъ она основана.

Ронинъ, въ переводѣ на русскій языкъ, означаетъ человѣкъ-волна, т.-е. человѣкъ, странствующій безъ цѣли. Терминъ этотъ относится къ самураю, оставшемуся безъ своего феодала или вслѣдствіе смерти послѣдняго, или потому, что былъ уволенъ за дурное поведеніе, или, наконецъ, потому, что самъ ушелъ отъ феодала, найдя строгую дисциплину, къ подчиненію которой его обязывали, невыносимою для своего непокорнаго нрава. Типъ ронина очень хорошо извѣстенъ въ японской исторіи едоскаго періода (1603—1867) не только по вымыслу, но и въ событіяхъ дѣйствительной жизни, и темами разсказовъ, въ которыхъ этотъ типъ фигурируетъ, являются какъ проявленіе высокаго благородства и отчаяннаго мужества, такъ и много жестокихъ преступленій. Послѣ разбойничьихъ нападеній рониновъ на британское посольство въ 1861 и 1862 годахъ слово «ронинъ» долго было пугаломъ не только для иностранцевъ, жившихъ тогда въ Японіи, но и для всѣхъ мирныхъ, преданныхъ закону людей.

Разсказъ о мести сорока семи рониновъ — самый популярный изъ всѣхъ японскихъ разсказовъ, настолько популярный, что японскіе школьники часто и нынѣ, собираясь въ числѣ 47, разыгрываютъ сцены изъ событія, на которомъ онъ основанъ. Сущность послѣдняго состоитъ въ слѣдующемъ:—

Асано, владѣтельный князь замка Ако, будучи въ Едо, получилъ отъ сіогуна порученіе исполнить одну изъ величайшихъ церемоній тѣхъ временъ, а именно встрѣчать и принимать посла отъ микадо. Такъ какъ Асано не былъ такъ искушенъ въ этихъ дѣлахъ, какъ въ обязанностяхъ воина, то къ нему былъ приставленъ, въ качествѣ совѣтника и руководителя, высокопоставленный чиновникъ по имени Кира, котораго обширныя познанія въ церемоніяхъ и въ придворномъ этикетѣ равнялись только его недоброжелательству и скаредности. Не получая ожидавшагося имъ денежнаго подарка, предложить который честному Асано даже не пришло и въ голову, онъ презрительно и неблагородно вышучивалъ его, при чемъ зашелъ, наконецъ, такъ далеко, что приказалъ Асано стать на колѣни и подвязать ремень на его сандаліи. Асано, какъ ни терпѣливъ былъ онъ, не могъ снести такого оскорбленія и, выдернувъ мечъ изъ ноженъ, ударилъ обидчика въ лицо... И, конечно, покончилъ бы съ нимъ, если бы тотъ не нашелъ спасенія въ бѣгствѣ. «Весь дворецъ», въ стѣнахъ котораго произошла эта сцена, несказанно взволновался: такое оскорбленіе его величества ссорою должностныхъ лицъ было преступленіемъ, наказуемымъ

смертью виновнаго и конфискаціей его имущества. Асано былъ осужденъ совершить надъ собой *харакири* въ тотъ же самый вечеръ; его замокъ былъ взятъ въ казну, его родъ объявленъ «прекращеннымъ», и всѣ вассалы его были распущены; т.-е. сдѣлались ронинами. Въ этомъ и состоялъ первый актъ событія.

Дандзюро въ роли Оиси Кураносуке.

Актъ второй, это—месть рониновъ. Оиси Кураносуке, старшій вассалъ умершаго даимія, рѣшается отмстить за него, и совѣтуется съ сорока шестью другими изъ своихъ наиболѣе вѣрныхъ сотоварищей относительно способовъ достиженія цѣли, ради которой всѣ они готовы положить свою жизнь. Трудность состоитъ въ томъ, чтобы избѣжать бдительности правительства, которое, какъ это интересно замѣтить, преслѣдуетъ кровавую месть, какъ воспрещенную закономъ, хотя послѣдняя настоятельно предписывается обычаемъ,—совершенно такъ, какъ это имѣетъ нынѣ мѣсто по отношенію къ дуэли въ нѣкоторыхъ западныхъ странахъ: не отмстить врагу значило подверг-

нуться общественному остракизму; съ другой стороны, совершить кровавую месть—значитъ неизбѣжно навлечь на себя суровое наказаніе... Но мысль объ отказѣ отъ мести никогда не приходила въ голову японцу рыцарскаго сословія.

Послѣ многихъ тайныхъ совѣщаній ронины рѣшили разбрестись по разнымъ городамъ, при чемъ одни изъ нихъ занялись торговлей, другіе сдѣлались плотниками, кузнецами, вообще ремесленниками. Благодаря такимъ мѣрамъ, нѣкоторые изъ нихъ съ теченіемъ времени получили доступъ въ домъ Киры и изучили до мелочей расположеніе комнатъ и коридоровъ дома и аллей садовъ его. Самъ Оиси—глава «вѣрнаго союза», поселился въ Кіото, гдѣ предался пьянству и вообще безпутной жизни. Онъ даже бросилъ свою жену и дѣтей и взялъ къ себѣ въ сожительство распутную женщину. Такимъ образомъ, врагъ рониновъ, до котораго доходили черезъ шпіоновъ обстоятельныя свѣдѣнія о поведеніи ихъ, успокоилъ, наконецъ, себя увѣренностью въ полной безопасности своей...

Цѣль рониновъ была достигнута: бдительность ихъ врага была усыплена, и теперь для нихъ пришло время дѣйствовать. Внезапно, ночью 31-го января 1703 года, въ сильный снѣговой штормъ, они сдѣлали нападеніе на дворецъ Киры. Сорокъ семь рониновъ взяли приступомъ ворота этого дворца, перебили охранявшихъ его вассаловъ и вытащили «высокопоставленнаго, но обладающаго куринымъ сердцемъ негодяя» изъ чулана дома, гдѣ онъ думалъ спрятаться за связкой дровъ и кучей угля. Почтительно, какъ только подобаетъ дворянину, когда онъ обращается къ человѣку высшаго положенія, предводитель заговорщиковъ предложилъ Кирѣ смерть черезъ *харакири*, давая ему такимъ образомъ случай умереть отъ собственной руки и тѣмъ спасти свою честь... Но Кира испугался, и Оиси не оставалось ничего болѣе, какъ убить труса, не нашедшаго мужества воспользоваться даже такой «привилегіей», и онъ былъ обезглавленъ.

Совершивъ это такъ давно задуманное и такъ терпѣливо и мудро подготовлявшееся дѣло, маленькій отрядъ, дождавшись разсвѣта, построился въ церемоніальный порядокъ и направился въ храмъ Сенгакудзи, на другомъ концѣ города. На пути туда, кругомъ рониновъ собирался народъ, восхваляя ихъ мужественное дѣло, и одинъ владѣтельный даимій, мимо дворца котораго они проходили, предложилъ имъ угощеніе съ выраженіемъ своего сочувствія. У самаго же храма они были встрѣчены лично главнымъ священникомъ. Тамъ они положили на могилу своего господина, которая находилась въ оградѣ храма, голову врага, которымъ онъ былъ такъ жестоко обиженъ... Черезъ нѣкоторое время состоялось распоряженіе микадо, обрекавшее всѣхъ рониновъ на совершеніе надъ собою *харакири*. Это они и сдѣлали,—каждый, согласно обычаю, въ домѣ того даимія, попеченію котораго былъ ввѣренъ въ теченіе послѣднихъ дней своей жизни. И всѣ они

были затѣмъ зарыты въ оградѣ того же храма, гдѣ лежитъ прахъ отмщеннаго ими господина, и гдѣ могилы ихъ можно видѣть и нынѣ. Восторженное удивленіе всего народа, благоговѣйно почитающаго эти могилы и теперь, когда прошло уже два столѣтія послѣ описанныхъ дней, служитъ ронинамъ наградой за вѣрность этическому кодексу ихъ времени и страны.

Вотъ сущность того историческаго событія, которое дало тему японскимъ писателямъ для многотомныхъ романовъ и многоактныхъ драматическихъ пьесъ. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя не сознаться, что не только въ завязкѣ и развязкѣ, но и въ развитіи его, много благодарнаго матеріала для драматическихъ эффектовъ; не забудемъ, что месть рониновъ подготовлялась въ теченіе многихъ мѣсяцевъ и что жизнь каждаго изъ нихъ, полная приключеній, записана ихъ современниками до мелочей. Лучшая пьеса на разсматриваемую тему, принадлежащая перу Цикамацу, требовала трехдневнаго представленія; и нынѣ даже, въ значительно сокращенномъ видѣ, она занимаетъ всѣ тѣ девять часовъ, дольше которыхъ закономъ воспрещено давать театральное представленіе въ однѣ сутки... Всѣ сорокъ семь *харакири* совершаются за это время передъ глазами зрителей!

Рядомъ съ этими *харакири* и сценой убійства Киры, излюбленными публикою мѣстами пьесы служатъ драматическая сцена изгнанія изъ своего дома ронином Оиси жены и младшихъ дѣтей (старшій помогаетъ ему въ совершеніи мести),—которыхъ въ дѣйствительности онъ очень любитъ, но которыхъ «отталкиваетъ» притворно, успѣвая обмануть даже ихъ, чтобы обмануть слѣдившихъ за его поведеніемъ шпіоновъ, дабы тѣ подумали, что онъ палъ такъ низко, что неспособенъ къ исполненію своего долга,—а также трогательный эпизодъ «самопожертвованія жены для своего мужа». Эпизодъ этотъ такъ характеренъ въ смыслѣ иллюстраціи нравовъ дореформенной Японіи, не совсѣмъ отошедшихъ въ вѣчность еще и нынѣ, что мы остановимся на немъ вкратцѣ.

Среди рониновъ, вошедшихъ въ число сорока семи, былъ одинъ молодой человѣкъ, который незадолго до смерти князя Асано впалъ къ нему въ немилость. Несмотря на то, онъ также добивается примкнуть къ союзу заговорщиковъ; такъ какъ, однако, является подозрѣніе, что онъ можетъ быть невѣрнымъ дѣлу, то отъ него, изъ осторожности, требуется сумма денегъ въ залогъ честности его намѣреній. Но молодой человѣкъ бѣденъ; жена его тоже изъ бѣдной семьи, и онъ долженъ поддерживать не только ее, но и старыхъ родителей ея, почему и не можетъ имѣть сбереженій. Въ виду такой «крайности», молодая женщина, по внушенію своихъ родителей, предлагаетъ себя на два года владѣльцу увеселительнаго дома въ Іошиварѣ (которая, кстати сказать, вообще нерѣдко фигурируетъ на сценѣ японскихъ театровъ, не мѣшая присутствію среди зрителей молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей).

чтобы этимъ добровольнымъ рабствомъ помочь своему мужу избѣжать безчестія, которымъ онъ запятналъ бы себя, если бы не сумѣлъ найти средства исполнить свой феодальный долгъ. Начались переговоры; контрактъ заключенъ, и «вѣрною», съ японской точки зрѣнія, женою полученъ денежный задатокъ, достаточный для того, чтобы мужъ могъ внести требуемый отъ него залогъ. Все это было сдѣлано, однако, безъ вѣдома мужа, изъ опасенія, чтобы его любовь къ женѣ и горе передъ тяжестью такой ея жертвы не помѣшали ему принять это единственное средство исполнить долгъ преданности по отношенію къ покойному... Благородная жена даже думаетъ оставить свой домъ прежде, чѣмъ мужъ не возвратится съ охотничьей экспедиціи, и такимъ образомъ избавить его отъ горя разставанія. Волненіе, охватившее его, когда онъ узналъ истину, не было гнѣвомъ по поводу позора, постигшаго его семью, а просто горемъ, что его жена и ея родители должны были принести такую большую жертву для спасенія его чести. Это ужасный ударъ судьбы, но все-таки не такой, какъ безчестіе, которое ложится на самурая, недостаточно преданнаго своему господину или его памяти...

Эпизодовъ, подобныхъ описанному сейчасъ, и слѣдовательно такихъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ составляетъ цѣлую драму, въ пьесѣ «Сорокъ семь рониновъ» много. Въ одномъ изъ нихъ мать жертвуетъ собою для сына (конечно, также безъ его вѣдома, такъ какъ «сыновнее благочестіе» не позволило бы ему принять отъ нея жертвы сознательно), въ другомъ—дочь продаетъ себя для доставленія средствъ отцу и т. п., и т. п. Недаромъ же нѣкоторые изслѣдователи японской жизни (Гриффисъ, Дикинсъ) называютъ разсматриваемую пьесу картиной психологіи японскаго народа.

Примѣромъ *бытовой* драмы съ сюжетомъ изъ феодальныхъ временъ, которая высоко стоитъ въ мнѣніи публики и въ представленіяхъ которой участвуютъ лучшія силы японскихъ актеровъ, можетъ служить пьеса «Грѣхъ изъ-за наслѣдства»,—такъ перевелъ мнѣ переводчикъ японское названіе ея, къ сожалѣнію, записанное мною такъ неразборчиво, что я не могу привести его здѣсь, не рискуя сдѣлать ошибки. Мнѣ удалось видѣть въ токійскомъ театрѣ нѣсколько актовъ изъ этой пьесы; всей ея я не въ состояніи былъ смотрѣть, такъ какъ она продолжается, непрерывно почти, съ часу утра до десяти часовъ вечера. Сущность содержанія ея состоитъ въ слѣдующемъ.

Одинъ бездѣтный даимій, жившій въ Кіото, оставилъ свое огромное состояніе, по завѣщанію, сыну своей дальней родственницы. Но дайдзинъ *) покойнаго замѣнилъ это завѣщаніе подложнымъ, со-

---

*) Дайдзинъ главный управляющій дѣлами даимія.

гласно которому наслѣдникомъ являлся сынъ другой знатной дамы, находящейся съ дайдзиномъ въ интимной связи. Послѣдній—по рожденію крестьянинъ, достигшій такого высокаго положенія, благодаря своимъ способностямъ, энергіи и неразборчивости въ средствахъ. Родной дядя его, не выѣзжавшій почти всю жизнь свою изъ деревни, узнаетъ о темныхъ замыслахъ племянника по неодобряющей его молвѣ, которая достигла и до его родины. Дядя собирается въ Кіото, проникаетъ во дворецъ къ племяннику, и въ бесѣдѣ съ нимъ съ глазу на глазъ увѣщеваетъ его отказаться отъ своей порочной жизни и не позорить памяти своихъ честныхъ предковъ. Для бо̀льшаго воздѣйствія на племянника, онъ вынимаетъ изъ-подъ кимоно *ихаи*, т.-е. поминальную дощечку предковъ, и заклинаетъ его ею, говоря, что снялъ ее съ *камидана*, т.-е. полки передъ семейнымъ алтаремъ, передъ которымъ и онъ, дайдзинъ, молился въ дѣтствѣ. Племянникъ понимаетъ, что дядя можетъ надѣлать ему много хлопотъ; притворяется, что разстроганъ, рыдаетъ и обѣщаетъ, ликвидировавъ свои дѣла въ столицѣ, употребить нажитыя имъ средства на помощь своимъ односельчанамъ и провести остатокъ жизни среди нихъ. На самомъ же дѣлѣ онъ обдумываетъ въ это время планъ убійства дяди, который и приводитъ въ исполненіе, заставивъ подкупленныхъ имъ слугъ утопить дядю въ прудѣ дворцоваго сада во время нарочно для того устроенной прогулки на лодкѣ. Одновременно съ этимъ не дремлетъ и знатная дама, для которой дайдзинъ совершилъ подлогъ завѣщанія, стараясь всѣми силами не возбудить подозрѣнія своей соперницы, выведенной въ пьесѣ особою добродѣтельной и благородной, но слишкомъ уже довѣрчивой. Однако, на помощь послѣдней является ея вѣрный другъ—старшая служанка, по рожденію принадлежащая къ классу самураевъ. Она хитростью попадаетъ въ свиту соперницы своей госпожи и перехватываетъ письмо первой къ дайдзину, содержаніе котораго даетъ вѣрную нить къ раскрытію разговора. Заговорщица, какъ-то, узнаетъ объ этомъ во-время и успѣваетъ дискредитировать въ глазахъ всѣхъ эту служанку, прежде чѣмъ та успѣла воспользоваться перехваченнымъ письмомъ, устроивъ такъ, что въ конторкѣ ея находятъ, при всей свитѣ, сумму денегъ, «предназначавшуюся» госпожою для пожертвованія въ храмъ и будто бы украденную у нея. Самурайка такъ поражена этимъ неожиданнымъ и незаслуженнымъ, но такъ неотразимо обставленнымъ, обвиненіемъ, что не умѣетъ оправдаться, вслѣдствіе чего даже самые близкіе друзья отворачиваются отъ нея, какъ отъ опозоренной... Конечно, ей ничего не остается, какъ совершить надъ собою *харакири*, что̀ она и исполняетъ. Предварительно, однако, она пишетъ письмо, разъясняющее все событіе, и вкладываетъ въ тотъ же конвертъ перехваченное ею письмо заговорщицы... Пока она мучается на сценѣ съ кинжаломъ въ боку, къ ней входитъ одинъ изъ родственниковъ ея, который, прочтя письмо,

не удивляется тому, что случилось, и спѣшитъ только призвать къ умирающей побольше бывшихъ друзей ея, чтобы она видѣла, что оправдана ими еще при жизни. Но сейчасъ же послѣ ея кончины (которая свершилась «перенесеніемъ» кинжала изъ бока въ горло), этотъ родственникъ начинаетъ, пользуясь упомянутымъ письмомъ, какъ документомъ, преслѣдованіе противъ дайдзина. Происки послѣдняго, конечно, раскрываются; надъ нимъ совершается судъ, и онъ приговаривается къ смертной казни черезъ *харакири*, которое разрѣшается ему, какъ почетная привилегія, лишь потому, что онъ, несмотря на свою низменную натуру, былъ всегда лояленъ по отношенію къ покойному даимію—своему феодалу...

Пьеса обставлена чрезвычайно сценично, и по впечатлѣнію, которое получилъ я, я назвалъ бы ее трагическою мелодрамой. На сценѣ неоднократно изображаются живописно расположенные синтоистическіе и буддійскіе храмы, съ цвѣтущими деревьями вокругъ; декораціи того акта, въ которомъ извлекалось изъ пруда тѣло злополучнаго «дяди» съ *ихаи* на шеѣ, по реальности своей, не оставляли желать ничего лучшаго. Сцена умиранія вѣрной служанки, госпожу которой собирались обмануть, хотя и длившаяся около часа, все время поддерживала напряженное вниманіе зрителей, изъ которыхъ многіе плакали,—и всѣ неистово аплодировали, когда закрылся занавѣсъ. Какъ и въ той сценѣ, которую я описывалъ во введеніи къ настоящей статьѣ, жалобные звуки самисеновъ какъ будто выражали безмолвное горе и мученіе дѣйствующаго на сценѣ лица. Эффектны были многочисленныя праздничныя и погребальныя процессіи, проходившія среди зрителей по пересѣкающимъ партеръ мостамъ, которыхъ въ этомъ театрѣ два, и которые, какъ я упоминалъ выше, носятъ названіе «хана но мици» (цвѣточная дорога). Въ пьесу введено также довольно и комическаго элемента, для того, чтобы зрители не утомлялись непрерывною драмой. Напримѣръ, къ числу такихъ относится сцена, предшествующая объясненію дяди съ племянникомъ, когда онъ ожидаетъ прихода послѣдняго въ роскошныхъ пріемныхъ покояхъ его дворца. Постоянный житель деревни такъ поражается диковинками, составляющими украшеніе комнаты, въ которой сидитъ, что часто не вѣритъ глазамъ своимъ и, осторожно подползая то къ той, то къ другой вещицѣ, ощупываетъ и обнюхиваетъ ихъ. Всю эту сцену онъ ведетъ безмолвно, но зрители переживаютъ его чувства, благодаря замѣчательно выразительной мимикѣ его, а для тѣхъ, кто понимаетъ музыку,—вѣроятно, и благодаря ей, хотя лично я съ трудомъ улавливалъ въ ней комическій элементъ.

Считаю необходимымъ обратить вниманіе, однако, на то, что, не смотря на эту комическую сцену, дядя выведенъ въ пьесѣ, въ общемъ, отнюдь не какъ комическое лицо: напротивъ того, онъ является въ ней типомъ честнаго и независимаго духомъ крестьянина, не боя-

щагося говорить вельможѣ въ лицо правду, ему непріятную, для достиженія благородной цѣли.

Ознакомившись съ содержаніемъ роли этого дѣйствующаго лица, я припомнилъ замѣчаніе Гриффиса *), что «въ Японіи крестьянинъ, хотя часто невѣжественный, не утрачиваетъ собственнаго достоинства, не считаетъ себя рабомъ, а своихъ военныхъ правителей—не подлежащими критикѣ и безупречными; послѣднимъ, поэтому, всегда приходилось считаться съ крестьянствомъ, когда ихъ правленіе дѣлалось несправедливымъ». Говоря о томъ же предметѣ, Алиса Беконъ **) приводитъ выдержку изъ статьи въ «Токійскомъ Вѣстникѣ», озаглавленной «Воспоминанія о послѣднихъ дняхъ правленія Токугавы», которая цитируетъ записку одного изъ крестьянъ, относящуюся къ условіямъ жизни сельскаго сословія въ 1850 году. Эта записка была послана сіогуну, какъ петиція, старшиной деревни Огуси.

Въ первой части записки говорится о возрастающемъ стремленіи къ роскоши въ военномъ и чиновничьемъ классахъ. «Безполезно издавать распоряженія, требующія отъ крестьянъ и другихъ гражданъ бережливости и трудолюбія, когда стоящія у власти лица, долгъ которыхъ—показывать народу хорошій примѣръ, сами погрязли въ роскоши и праздности». Авторъ дерзаетъ далѣе упрекать самихъ сіогуновъ, указывая на расточительность, съ какою они украсили мавзолеи въ Никко и другихъ мѣстахъ. «Согласно ли это,—спрашиваетъ онъ,—съ намѣреніями славнаго основателя вашей династіи? Посмотрите на алтари въ Изе и иныхъ мѣстахъ и на императорскія гробницы послѣдующихъ вѣковъ. Употреблялось ли золото и серебро для украшенія ихъ»? Затѣмъ онъ обращается къ вассаламъ сіогуна и обвиняетъ ихъ въ тираніи, хищничествѣ и низкой нравственности. «Самураи,—продолжаетъ онъ,—одѣваются богато и красиво; но какъ презрѣнны кажутся нѣкоторые изъ нихъ въ глазахъ тѣхъ крестьянъ, которые знаютъ, какимъ путемъ добыто то, что они имѣютъ!»

Далѣе, въ той же самой запискѣ авторъ критикуетъ то, что онъ считаетъ серіозною ошибкой въ политикѣ сіогуна. Тогда только что былъ изданъ декретъ, запрещающій крестьянамъ носить оружіе и упражняться въ фехтованіи. «Можетъ быть, декретъ былъ изданъ въ предположеніи, что Японія неприступна по своему естественному положенію и защищена со всѣхъ сторонъ. Но когда она получитъ оскорбленіе отъ иностраннаго государства, то можетъ явиться необходимость созвать милицію. И кто знаетъ, что люди необыкновеннаго военнаго генія, подобно Тоіотоми, не появятся опять среди представителей низшихъ классовъ?»

Авторъ кончаетъ записку такимъ предостереженіемъ: «Если дворъ

*) Griffi. „Mikado's Empire".

**) „Japanese Girls and Women" by Alise Mabel Bacon.

сіогуна и военный классъ вообще будутъ настаивать на настоящемъ репрессивномъ образѣ дѣйствій правительства, то небо посѣтитъ эту страну еще болѣе великимъ бѣдствіемъ; и если этого не поймутъ во̀время, то послѣдствіемъ можетъ быть возмущеніе гражданъ. Я поэтому умоляю, чтобы начертанія славнаго основателя династіи не забывались; чтобы простота и бережливость были руководящими началами для администраціи, и чтобы была объявлена общая амнистія, согласная съ волей небесъ и способная успокоить народъ. Если эти скромные совѣты мои будутъ исполнены, то угрожающее бѣдствіе разсѣется передъ свѣтомъ добродѣтели. Вопросъ о томъ, будетъ обезпечена или нѣтъ безопасность страны, разрѣшится въ зависимости отъ того, будетъ или нѣтъ администрація допускать произволъ. Я прошу только, чтобы страна могла наслаждаться миромъ и спокойствіемъ, чтобы жатва была обильна, и чтобы народъ могъ быть счастливъ и благоденствовалъ».

Прежде чѣмъ закончить эту главу, познакомлю еще читателей съ одною изъ также очень популярныхъ пьесъ, которая называется именемъ знаменитаго японскаго художника—рѣзчика по дереву, «Хидари Дзингори». Фабула состоитъ въ томъ, что этотъ художникъ, увидѣвъ случайно извѣстную по своей красотѣ и изяществу куртизанку, въ саду которой пировалъ со своими учениками, безнадежно влюбился въ нее. Забросивъ всѣ свои работы, которыя обязался сдѣлать для заказчиковъ, онъ весь отдался воспроизведенію статуи красавицы изъ куска дерева, что̀ ему и удается вполнѣ. Статуя вышла такъ похожа на оригиналъ, что художникъ, самъ поддаваясь иллюзіи, проводитъ съ нею все время, и когда остается одинъ, бесѣдуетъ съ нею, какъ съ живою, ласкаетъ ее и говоритъ, что ей недостаетъ только чарующихъ движеній оригинала... Но неожиданно является и это!

Однажды, возвращаясь съ прогулки, онъ находитъ на аллеѣ общественнаго сада зеркало, оброненное, какъ онъ узналъ это по изящной монограммѣ на немъ, тою самою женщиной, которая такъ овладѣла всѣмъ существомъ его. Счастливый этою находкой, онъ радостно бѣжитъ къ своей статуѣ... «Теперь-то она сдѣлается живою»,—думаетъ онъ,—«такъ какъ въ нее перейдетъ часть души, которую женщина всегда оставляетъ въ зеркалѣ». И дѣйствительно, когда онъ подноноситъ зеркало къ статуѣ, та загорается жизнью; не можетъ оторваться отъ своего изображенія и, находя себя прелестной, радостно начинаетъ кокетничать и танцовать... Художникъ ревниво скрываетъ отъ постороннихъ глазъ свое средство оживлять статую, но пользуется имъ всегда, когда остается наединѣ съ нею.

Не будемъ говорить о дальнѣйшемъ развитіи этой пьесы, кончающейся тѣмъ, что художникъ, для спасенія жизни укрытой въ его домѣ невѣсты друга его, отрубаетъ своей статуѣ голову и отъ горя,

которое испытываетъ затѣмъ, сходитъ съ ума. Замѣтимъ только, что безъ сомнѣнія эта граціозная тема оживленія статуи зеркаломъ безконечно ниже по идеѣ и менѣе поэтична, чѣмъ та, какую даетъ миѳъ о кипрскомъ художникѣ Пигмаліонѣ, оживившемъ «статую дѣвы, слѣпленную изъ бѣлоснѣжной слоновой кости» любовью своей и обращеніемъ за помощью къ Афродитѣ. Но во всякомъ случаѣ тема эта очень благодарна для драматическаго произведенія и характерна въ смыслѣ иллюстраціи психологіи японскаго народа, для котораго зрительныя впечатлѣнія составляютъ не маленькую часть «души его».

V.

Новое направленіе въ японскомъ театрѣ.

Піонеръ этого направленія—Каваками Отодзиро.—Пьесы его: "Китайская война„ и „На пари кругомъ свѣта". — Заслуги Каваками.— Содержаніе новой драмы „Гіода-Хито-ка-Они-ка".—Опытъ итальянской оперной труппы въ Японіи.

Эту главу мы посвятимъ интересному вопросу о томъ, какимъ образомъ отразилось на театрѣ въ Японіи вторженіе въ жизнь ея культуры запада, и замѣтимъ прежде всего, что хотя въ другихъ проявленіяхъ общественной жизни этой страны упомянутое вторженіе начало сказываться ощутительно съ перваго года эры мейдзи, т.-е. съ 1868 года, театра оно почти не трогало до начала послѣдняго десятилѣтія XIX-го столѣтія. Піонеромъ въ дѣлѣ «модернизированія» этого, оказавшагося столь консервативнымъ, учрежденія явился актеръ Каваками Отодзиро.

Каваками Отодзиро (представитель новаго направленія въ японскомъ театрѣ).

Знакомый съ европейскими языками и изучая, со свойственной его соотечественникамъ настойчивостью, образцы драматическихъ произведеній Запада, онъ понялъ, что невыгоднымъ для японскаго театра отличіемъ его отъ европейскаго является отсутствіе въ репертуарѣ его серіозныхъ пьесъ на современныя темы, а также обиліе условностей (въ родѣ чревовѣщательнаго голоса мужчинъ, изображающихъ женщинъ, допущеніе на сцену суфлера и прислуги въ черныхъ одеждахъ или въ черныхъ маскахъ, служащихъ эмблемою того, что носители ихъ не принадлежатъ къ составу дѣйствующихъ лицъ, и т. п.). Каваками понялъ также, что при такихъ условіяхъ театръ мало-помалу перестанетъ быть близкимъ народу, подростающее поколѣніе ко-

тораго воспитывается въ обстановкѣ, отличающейся отъ изображаемой нынѣ на сценѣ все болѣе и болѣе, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніяхъ.

Не довольствуясь книжнымъ изученіемъ, Каваками познакомился съ европейскимъ театромъ и по «живымъ книгамъ», объѣхавъ для этой цѣли Европу, и, по свойству своего таланта, въ которомъ, по словамъ знакомыхъ съ нимъ европейцевъ (Чамберлэнъ, Рансомъ), приближается къ Коклэну старшему, увлекся болѣе всего французскою драматическою школой. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ нашелъ большія затрудненія въ усиліяхъ преодолѣть освященные временемъ предразсудки и условности, посягательство на которые считается защитниками и представителями старой японской драмы прямымъ святотатствомъ. Но по счастью для него, война съ Китаемъ (1894—1895 гг.), которая вообще открыла такъ много новыхъ путей для японской предпріимчивости, и ему «дала случай», использованный имъ съ большимъ успѣхомъ. Онъ поставилъ на сцену пьесу подъ названіемъ «Китайская война», изобразивъ въ ней картины полевыхъ сраженій и, конечно, выставляя доблесть японцевъ шумнымъ и сенсаціоннымъ образомъ.

Произведеніе было сценично, время выбрано удачно, и Каваками дѣлалъ полные сборы во всѣхъ большихъ городахъ Японіи. Однако, онъ не довольствовался своимъ успѣхомъ, и въ поискахъ за матеріаломъ для *реальности* изображенія на сценѣ событій, достиженіе чего онъ ставитъ главной цѣлью своей дѣятельности, поѣхалъ въ Китай съ однимъ изъ участниковъ войны и лично посѣтилъ Портъ-Артуръ и другія мѣста, гдѣ происходили выдающіяся сраженія. Возвратившись въ Японію, онъ видоизмѣнилъ свою пьесу, сообразно результатамъ своего изученія, и въ концѣ концовъ еще болѣе завоевалъ симпатіи публики, въ нѣкоторыхъ случаяхъ удачно соперничая съ знаменитымъ Дандзюро.

Мнѣ не удалось видѣть этой пьесы Каваками на сценѣ, но живущіе въ Японіи европейцы, съ которыми мнѣ приходилось о ней бесѣдовать, единодушно выражаютъ мнѣніе, что пьеса не только сценична и картинна, но что нѣкоторыя сцены сраженій, со всѣми ужасами ихъ, изображены «внѣ сравненія» реально.

Вскорѣ послѣ того, какъ «Китайская война» была снята со сцены, Каваками поставилъ гораздо болѣе космополитическую и претенціозную пьесу, которая въ настоящее время, когда Японія дѣятельно развиваетъ свои сношенія съ иностранными государствами, отвѣчаетъ какъ нельзя болѣе настроенію народа,—особенно молодого его поколѣнія. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что она является приспособленіемъ къ условіямъ современной японской жизни и къ японскимъ вкусамъ произведенія Жюля Верна «Восемьдесятъ дней кругомъ свѣта».

Познакомился я съ этой пьесой при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Проходя однажды въ Токіо съ переводчикомъ мимо театра, я увидѣлъ на флагахъ и плакатахъ, въ обиліи висящихъ кругомъ него, изображеніе японки на кострѣ, охваченномъ пламенемъ и окруженномъ толпою индусовъ. На мои разспросы переводчикъ объяснилъ, что это изображеніе одной изъ сценъ новой пьесы Каваками, подъ названіемъ «Путешествіе вокругъ свѣта на пари».—«Здѣсь много американскихъ, китайскихъ и индусскихъ сценъ,—замѣтилъ при этомъ переводчикъ,—и вы будете довольны, если пойдете завтра въ театръ. Начинается пьеса въ три часа дня и кончается въ девять вечера».

Слѣдующій день у меня оказался свободнымъ, и, послѣ завтрака въ ресторанѣ, въ которомъ взяты были не только наши билеты въ театръ, но и билеты на вечерній чай и фрукты для «трапезы» тамъ же, мы пошли на представленіе.

Театръ былъ окруженъ большой толпой, что свидѣтельствовало, что пьеса пользуется популярностью. Съ трудомъ протолкавшись черезъ эту толпу и обмѣнявъ въ передней театра обувь на дощечку-квитанцію, мы вошли въ партеръ. Онъ былъ почти уже полонъ, такъ что намъ удалось пробраться въ свою ложу-ящикъ не безъ затрудненія. Я выбралъ мѣсто въ серединѣ партера, а не въ европейской ложѣ потому, что уже успѣлъ, на основаніи опыта, признать вѣрнымъ замѣчаніе какого-то изъ прочтенныхъ мною авторовъ статей о японскомъ театрѣ, что для европейца наблюденіе поведенія публики въ послѣднемъ даетъ такія интересныя впечатлѣнія, которыя не уступаютъ интересу происходящаго на сценѣ. Едва успѣлъ я усѣсться на своемъ мѣстѣ—въ позѣ, которая была ближе къ римскому «возлежанію», чѣмъ къ сидѣнію по-японски на корточкахъ, что, видимо, очень забавляло моихъ сосѣдей, осторожно шушукавшихся насчетъ меня,—какъ раздвинулся занавѣсъ, покрытый, кстати сказать, различными рекламами, совсѣмъ, какъ въ нашихъ второразрядныхъ лѣтнихъ театрахъ. Сцена изображала билліардную токійскаго фешенебельнаго клуба, наполненную по преимуществу молодыми людьми. Всѣ они были въ европейскихъ костюмахъ, и переводчикъ сообщилъ мнѣ, что многіе изъ актеровъ загримированы такъ, что токійская публика узнаетъ въ нихъ знакомые типы городскихъ франтовъ и коммерсантовъ.

Было бы долго, да и безцѣльно описывать каждую сцену, а потому я изложу только сущность содержанія пьесы, остановившись на отдѣльныхъ картинахъ лишь мимоходомъ.

Бесѣда въ клубѣ вышеупомянутыхъ молодыхъ людей принимаетъ такое направленіе, что одинъ изъ нихъ, котораго будемъ называть впредь стоявшимъ на афишѣ именемъ «Катсутака Като», предлагаетъ пари о томъ, что онъ объѣдетъ кругомъ свѣта въ опредѣленное время. Присутствующіе раздѣляются на держащихъ за и противъ него, и въ теченіе короткаго времени, благодаря энергичнымъ телефонированіямъ изъ клуба же, вѣсть о пари разносится по всему городу;

вслѣдствіе этого тутъ же обезпечивается достаточное число «акціонеровъ пари» и крупная закладная сумма, которая и кладется въ банкъ.

Герой пьесы отправляется въ путешествіе въ сопровожденіи слуги, который долго состоялъ костюмеромъ въ комическомъ театрѣ, и этотъ фактъ, а также поспѣшность, съ которою состоялся отъѣздъ, внушаетъ сыщику подозрѣніе, что этотъ герой и есть тотъ преступникъ, который недавно обокралъ банкъ и разыскивается полиціей. Вслѣдствіе этого сыщикъ вскакиваетъ въ одинъ поѣздъ съ нашими путешественниками, не успѣвъ, однако, получить отъ правительства полномочія для ареста ихъ и передавъ просьбу о высылкѣ ему его своему товарищу. Путешественники благополучно добираются до Санъ-Франциско, гдѣ японскій консулъ, въ отвѣтъ на заявленіе сыщика, что путешественниковъ слѣдуетъ задержать, такъ какъ онъ увѣренъ, что скоро получитъ изъ Токіо полномочіе объ арестѣ ихъ, отказывается сдѣлать это, на основаніи твердой увѣренности своей, что «ни одинъ японскій джентльменъ не можетъ быть мошенникомъ». (Это замѣчаніе во время представленія было встрѣчено публикой такими громкими и продолжительными аплодисментами и одобрительными восклицаніями, что прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ пьеса могла продолжаться).

По окончаніи бесѣды сыщика съ консуломъ, платформа сцены повернулась на центральной оси своей, и глазамъ зрителей представился американскій желѣзнодорожный вокзалъ, весьма напоминающій, по моему мнѣнію, японскіе вокзалы большихъ городовъ; но толпа чрезвычайно искусно изображала торопливую и дѣловую американскую толпу, въ которой нашлось, однако, нѣсколько зѣвакъ, острящихъ и глумящихся надъ японскими путешественниками. Сыщикъ, оказавшійся обладающимъ приличной его профессіи находчивостью—съ цѣлью задержать отъѣздъ героя, такъ какъ все еще надѣется получить желанное полномочіе,—намѣренно заводитъ драку; но попадаетъ въ затруднительное положеніе, пока, наконецъ, не узнаетъ въ толпѣ своего стараго друга, японскаго *соши*, т.-е. наемнаго убійцу. Послѣдній объясняетъ ему, что долженъ былъ переселиться въ Соединенные Штаты, такъ какъ здѣсь и работы больше, чѣмъ въ Японіи, да и оплачивается она лучше. Съ этимъ землякомъ сыщикъ входитъ въ соглашеніе, чтобы Катсутака Като и его слуга были оттѣснены толпой отъ поѣзда; но комбинація эта не удается, и сыщикъ на-время даже теряетъ изъ вида путешественниковъ. Однако, все-таки онъ случайно попадаетъ въ тотъ же вагонъ, гдѣ сидятъ они, и здѣсь успѣваетъ заслужить ихъ довѣріе настолько, что продолжаетъ путешествіе вмѣстѣ съ ними, какъ ихъ пріятель.

Затѣмъ пьеса переноситъ насъ въ Индію, путешествіе до которой не изображено въ пьесѣ. Тамъ наши путешественники, включая и сыщика, являются передъ зрителями въ густой чащѣ магнолій и тама-

риндовъ, уговариваясь съ индусомъ, который какимъ-то образомъ отлично говоритъ по-японски, насчетъ найма слона для слѣдованія въ Калькутту. Въ это время раздаются барабанные звуки и отдаленныя всхлипыванія женщины. По объясненіямъ индуса, это — похоронная процессія умершаго надняхъ раджи, который былъ женатъ на японкѣ, тайно похищенной изъ Японіи китайцемъ и проданной въ Индіи въ рабство... Индусъ выражаетъ, какъ бы мимоходомъ, сожалѣніе, что овдовѣвшую женщину будутъ жечь, согласно индусскому обычаю, на кострѣ. Извѣстіе это вызываетъ негодованіе нашихъ путешественниковъ, и они рѣшаются освободить ее, обдумывая, какъ достигнуть этого, пока наблюдаютъ изъ-за деревьевъ проходящую мимо весьма живописную процессію: на первомъ планѣ ея несутъ гробъ съ тѣломъ раджи, за которымъ слѣдуетъ вдова, съ распущенными волосами и въ бѣлыхъ одеждахъ, скорѣе влекомая насильно, чѣмъ поддерживаемая, рослымъ индусомъ, вооруженнымъ турецкимъ ятаганомъ.

Въ слѣдующей картинѣ, быстро смѣняющей эту поворотомъ платформы, вырисовывается лѣсная чаща съ погребальнымъ костромъ, на вершину котораго возведена вдова; кругомъ него расположились кольцомъ пляшущіе съ заклинаніями индусы, очевидно, совершая погребальный религіозный обрядъ. Костеръ зажигается и горитъ уже со слишкомъ большой реальностью, такъ что вся сцена наполняется настоящимъ дымомъ... И въ это время изъ пламени появляется страшное чудовище съ ужасною мордой и обхватываетъ лишившуюся чувствъ вдову кругомъ таліи. Индусы проникаются сверхъестественнымъ суевѣрнымъ страхомъ, думая, что имѣютъ дѣло съ дьяволомъ, такъ какъ человѣкъ не только не можетъ имѣть такой головы, но и сгорѣлъ бы въ такомъ огнѣ, и поэтому одни падаютъ въ страхѣ ницъ, а другіе разбѣгаются... Въ слѣдующей сценѣ «страшное явленіе» обращается въ нашего слугу-костюмера, имѣвшаго, какъ оказалось, счастливую мысль помѣстить въ багажъ своего господина одну изъ тѣхъ страшныхъ японскихъ масокъ, которая такъ хорошо знакома каждому собирателю японскихъ курьезовъ.

Далѣе зрители переносятся въ Гонконгъ, гдѣ видятъ берлогу, наполненную китайцами, или курящими опіумъ, или страдающими отъ него въ различныхъ стадіяхъ опьяненія. Сюда сыщикъ затащилъ слугу, котораго спаиваетъ съ цѣлью разлучить его со своимъ господиномъ. Ему удается это, такъ какъ позднѣе мы видимъ слугу уже въ Шанхаѣ, достающимъ себѣ пропитаніе въ качествѣ профессіональнаго фокусника подъ антрепризой китайца. Однако, какимъ-то образомъ три путешественника скоро снова сходятся и уже вмѣстѣ со спасенной ими вдовой, которая, очевидно, находится въ наилучшихъ отношеніяхъ съ героемъ пьесы, прибываютъ въ Іокогаму... Немного уже осталось имъ до Токіо, и по расчету они видятъ, что успѣютъ прибыть туда какъ разъ въ срокъ, назначенный въ условіяхъ пари.

Но тутъ, наконецъ, сыщикъ торжествуетъ: онъ получаетъ на одной изъ станцій столь не дававшееся ему до тѣхъ поръ полномочіе арестовать героя. Отчаяніе послѣдняго велико, когда онъ долженъ отправиться вмѣстѣ со своимъ слугой въ тюрьму, не достигнувъ только 18 миль до пункта назначенія. Японскіе чиновники, однако, хотя и жалѣютъ его, но, «какъ всегда, неуклонно исполняютъ свой долгъ» (здѣсь аплодисменты мужчинъ смѣшиваются со слезами дамъ, которыя тронуты дѣйствительно реальнымъ изображеніемъ горя героя). Къ счастью, ошибка обнаруживается: настоящій преступникъ случайно попадается, мнимый освобожденъ, и притомъ какъ разъ во́-время, такъ какъ оказывается, что онъ сдѣлалъ счастливый для себя «просчетъ», принявъ за дѣйствительный срокъ канунъ опредѣленнаго условіями пари дня. Радостный спѣшитъ онъ въ токійскій клубъ, котораго и достигаетъ съ тріумфомъ, хотя опять-таки не безъ препятствій, ставившихся ему на пути на этотъ разъ членами противной партіи, пытавшейся «такъ нечестно» обезпечить себѣ выигрышъ.

Читатели видятъ, конечно, что въ пьесѣ много несообразностей и наивностей, и, какъ литературное произведеніе, она, очевидно, не имѣетъ никакого значенія, если не считать того, что она служитъ примѣромъ трудности для автора произведенія новаго направленія отрѣшиться отъ старыхъ традицій. Въ самомъ дѣлѣ, безъ сомнѣнія, не безъ вліянія старыхъ драмъ, пьеса Каваками, которую не безъ основанія можно даже уподобить «феерiямъ», страдаетъ такимъ обиліемъ вводныхъ эпизодовъ... Но заслуга Каваками не литературная, а, такъ сказать, техническая. Она заключается въ изгнаніи со сцены условностей и постановки на нее картинъ современной японской жизни. Не забудемъ, что только энергичными настояніями и примѣромъ Каваками въ японскомъ театрѣ введены рампа и обильное освѣщеніе, изгнаны со сцены «невидимыя фигуры», не принадлежащія къ составу дѣйствующихъ лицъ, и что̀, главное, допущены на сцену женщины *), для совмѣстной игры съ мужчинами. Не будутъ теперь, слѣдовательно, раздаваться на сценѣ «чревовѣщательные голоса», которые, вылетая изъ нутра актеровъ, должны были означать, что послѣдніе исполняютъ роли женщинъ.

Нельзя, наконецъ, не подчеркнуть и того факта, что Каваками удалось ввести на сцену оркестръ европейскаго образца, хотя пока и очень еще далекій отъ совершенства, но все-таки такой, который можно слушать. О томъ, сколько труда пришлось преодолѣть ему

---

*) Нѣкоторые жители Петербурга, конечно, помнятъ пріѣзжавшую сюда года три назадъ японскую труппу. Антрепренеромъ ея и былъ Каваками Отодзиро; заинтересовавшая же петербуржцевъ актриса Садо Якка—жена его. До поѣздки ея по Европѣ она была извѣстна токійской публикѣ только какъ привлекательная гейша чайнаго дома; но послѣ того, какъ слава объ ея лаврахъ въ Парижѣ дошла до Японіи, она заняла и на сценахъ новыхъ театровъ своей родины видное мѣсто.

прежде, чѣмъ добиться этого, можно понять, принявъ во вниманіе хотя бы то, что музыкантамъ пришлось разучивать аріи, ничего не говорящія сердцу ихъ, какъ созданныя совсѣмъ имъ чуждой исторіей музыки.

Съ легкой руки Каваками появленіе на японской сценѣ пьесъ изъ современной жизни все болѣе и болѣе завоевываетъ право гражданства, и среди нихъ, кромѣ «феерій» въ родѣ описанной, чаще и чаще встрѣчаются драмы, изображающія дѣйствительную современную жизнь Японіи. Интересно, что героями въ такихъ произведеніяхъ часто являются молодые люди, или только что окончившіе университетъ, или еще состоящіе въ немъ *). Это и понятно, разъ мы знаемъ, что Японія находится теперь въ потокѣ преобразованій, уносящемъ ее все далѣе и далѣе отъ стараго...

Какъ примѣръ упомянутыхъ сейчасъ произведеній, приведемъ содержаніе драмы «Гіода хито-ка-они-ка» — «Гіода (собственное имя женщины) человѣкъ или демонъ?». Мнѣ не удалось видѣть на сценѣ этой довольно популярной теперь въ Японіи пьесы, а потому я изложу ее въ цитатѣ изъ дневника путешествія по Японіи студента Восточнаго института во Владивостокѣ, Павла Васкевича **).

«Въ первой картинѣ изображена непривлекательная обстановка гостиницы — *гесюкуя*, гдѣ въ одной тѣсной комнаткѣ ютятся два студента-юриста и ведутъ оживленно разговоръ о томъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени имъ придется разстаться со школой и выступить на поприще общественной дѣятельности. Они увѣряютъ другъ друга въ безкорыстномъ, честномъ служеніи на пользу своего дорогого отечества, сознаютъ предстоящую имъ трудность быть представителями закона и справедливости и, въ заключеніе, признаются въ тѣхъ симпатіяхъ, какія они питаютъ другъ къ другу, и увѣряютъ, что ихъ совмѣстная жизнь, полная лишеній и невзгодъ, должна соединить ихъ навѣки и быть самымъ лучшимъ, дорогимъ по воспоминаніямъ временемъ въ ихъ жизни. Одинъ изъ нихъ неохотно соглашается съѣздить домой навѣстить своихъ братьевъ и сестеръ, которые теперь находятся подъ опекой мачехи, бывшей гейши, Гіода. Другой, наоборотъ, рвется повидаться со своей матерью и старикомъ отцомъ, человѣкомъ старыхъ воззрѣній, прожившимъ въ глухой провинціи всю свою жизнь и не имѣющимъ надлежащаго понятія о прогрессѣ Японіи и воззрѣніяхъ ея молодыхъ людей. Подъ конецъ ихъ разговора является полицейскій и арестовываетъ перваго, заподозрѣннаго въ убійствѣ одного изъ пріѣзжихъ гостинницы, гдѣ онъ живетъ. Тотъ крайне удивленъ этимъ, но не находитъ возможности противиться представителю исполнительной власти и, блѣдный, почти поте-

*) Напомнимъ читателямъ, что средній возрастъ оканчивающихъ курсъ ученія въ императорскихъ университетахъ Японіи достигаетъ 26 лѣтъ.

**) „Извѣстія Восточнаго института“, 1903 г. томъ V, стр. 249.

рявшій сознаніе, добровольно складываетъ руки, и ему ихъ связываютъ веревкой. Товарищъ его, конечно, не остается въ бездѣйствіи; онъ возмущенъ до глубины души подобнаго рода клеветой, горячо доказываетъ невиновность своего товарища, волнуется, говоритъ дерзости полицейскому и, въ заключеніе, клянется, что эту ложь, клевету онъ непремѣнно выяснитъ; товарища же своего успокаиваетъ обѣщаніемъ, что это недоразумѣніе будетъ выяснено имъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Оставшись одинъ, онъ требуетъ саке, поспѣшно запиваетъ свое горе и отправляется въ домъ своего товарища, гдѣ совмѣстно съ его родными намѣренъ приступить къ розыску слѣдовъ убійцы и освободить своего друга.

«Картина вторая представляетъ обстановку дома Гіода, красивой женщины, которая ведетъ разговоръ съ молодымъ, красивымъ, но съ испитымъ блѣднымъ лицомъ человѣкомъ, прокутившимъ въ свое время все свое состояніе на наряды Гіода и затѣмъ брошеннымъ ею. Она сдѣлалась женой богатаго, вліятельнаго человѣка, овдовѣла и теперь осталась полновластной распорядительницей огромнаго состоянія. Она начинаетъ завлекать его въ свои сѣти и обѣщаетъ стать опять его любовницей, если только онъ согласиться исполнить ея просьбу— убить сына ея мужа отъ его первой жены, того самаго студента, который долженъ былъ унаслѣдовать имущество отца. На это онъ, однако, не соглашается. Возмущенный до глубины души, онъ рѣшается отправиться къ этому студенту и разсказать ему о замыслахъ его мачехи и объ ея интимной связи съ однимъ изъ сосѣдей. Никакія просьбы и обѣщанія, даже предложеніе 300 енъ, не дѣйствуютъ на бывшаго ея поклонника, который хотя и потерялъ въ своей внѣшности человѣческій образъ, но душа у него осталась благородная. Тогда Гіода зоветъ къ себѣ своего любовника и требуетъ, чтобы тотъ убилъ ихъ обоихъ. Слабохарактерный, подчинившійся всецѣло вліянію этой женщины, послѣдній соглашается, беретъ преданнаго слугу и, поселившись въ одной гостинницѣ съ жертвой, совершаетъ ночью убійство; но студента убить онъ не рѣшается, такъ какъ тотъ живетъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ; между тѣмъ преданный слуга при допросѣ, по приказанію своего хозяина, подтверждаетъ, что ночью онъ слышалъ шумъ и видѣлъ именно этого студента, какъ тотъ выходилъ изъ комнаты убитаго—такое вѣское показаніе и даетъ поводъ арестовать студента.

«Третья картина изображаетъ ту же обстановку и посѣщеніе студентомъ, товарищемъ арестованнаго, дома Гіода. Странное отношеніе къ участи сына, хотя и не родного, кажется нѣсколько неественнымъ умному и сообразительному человѣку. Это заставляетъ его призадуматься, тѣмъ болѣе, что и раньше ему нѣсколько разъ приходилось слышать отъ товарища объ его натянутыхъ отношеніяхъ къ своей мачехѣ. Онъ начинаетъ разспрашивать у прислуги, и отъ полуидіота

дворника случайно узнаетъ, что недавно у Гіода былъ именно тотъ человѣкъ, который оказался убитымъ въ гостинницѣ. Постепеннымъ допросомъ онъ открываетъ имя убійцы.

«Четвертый актъ представляетъ сцену суда, передъ которымъ фигурируетъ Гіода, ея любовникъ убійца, оба студента и свидѣтели».

Закончимъ эту главу о новой драмѣ въ Японіи слѣдующимъ интереснымъ замѣчаніемъ барона Суематсу *): «Я могу также сказать, что и театральныя пьесы пишутся нынѣ новыми людьми современнаго поколѣнія. До сихъ поръ, однако, эти произведенія не могутъ похвастаться успѣхомъ. *Чиучингура* (47 Рониновъ) и *Свендаихаги* (Сендайская двуцвѣтная Леспедеза) **) Токугавскаго періода литературы не превзойдены ни однимъ изъ новыхъ произведеній».

Естественно задать вопросъ, есть ли какія-нибудь указанія на то, что въ Японіи въ скоромъ времени возможна будетъ постановка на сценѣ оперы? Отвѣтъ на него мы находимъ въ слѣдующихъ строкахъ Чамберлэна: «Намъ пришлось быть нѣсколько лѣтъ назадъ,-пишетъ онъ въ 1902 году,—свидѣтелемъ интересной сцены въ японскомъ театрѣ. Въ Іокогаму прибыла маленькая итальянская оперная труппа; предпріимчивый японскій импрессаріо ангажировалъ ее и «заказалъ» одному японскому «драматургу» такую пьесу, въ которую введена была бы и эта труппа. Написанная для такой цѣли пьеса представляла приключеніе кружка японскихъ «глобъ-троттеровъ» (туристовъ), которые, попавъ въ Парижъ, присутствовали тамъ на представленіи большой оперы. Такимъ образомъ итальянскіе пѣвцы попали на сцену совсѣмъ такъ, какъ театральная труппа въ шекспировскомъ «Гамлетѣ». Но, Боже, какой эффектъ произвело это на японскую аудиторію! Когда раздались первыя высокія ноты примадонны, пѣвшей, кстати сказать, совсѣмъ недурно, то публику охватилъ такой дикій припадокъ веселости, что театръ огласился сплошнымъ хохотомъ. Зрители смѣялись надъ «нелѣпымъ» европейскимъ пѣніемъ, схватившись за бока и до обильныхъ слезъ... И съ тщетнымъ усиліемъ удержаться, они всовывали во рты свои рукава, какъ мы сдѣлали бы это съ носовыми платками въ такомъ случаѣ. Безполезно говорить, что опытъ не былъ повторенъ. Японская сцена огласилась привычными пискливыми голосами пѣвцовъ, и японская театральная публика сдѣлалась опять счастливой и довольной»...

Нельзя не согласиться съ Чамберлэномъ, что пройдетъ еще много лѣтъ, прежде чѣмъ опера сдѣлается возможной въ Японіи. Но, съ

---

*) Статья его „Art and Literature", книга Стэда, стр. 549.

**) Мы не нашли источниковъ для ознакомленія съ этой драмой.

Н. П. А.

другой стороны, замѣтимъ мы, не служитъ ли этотъ фактъ яркимъ доказательствомъ того, какъ трудно судить человѣку о вещахъ, не только для него непривычныхъ, но и не имѣющихъ никакихъ корней въ почвѣ, среди произведеній которой онъ выросъ?

VI.

Ганасика.

Притчи о „сыновнемъ благочестіи".—Импровизаціи на патріотическія темы.

Во многихъ отношеніяхъ похожи на театръ въ Японіи публичныя залы,—или отдѣльныя, или при ресторанахъ, — гдѣ профессіональные разсказчики, *ганасика*, вечеръ за вечеромъ разсказываютъ, иногда подъ музыку, длинныя исторіи переполненнымъ аудиторіямъ, съ искусствомъ и живостью самаго тонкаго декламатора. Каждый жестъ, каждое движеніе, каждая модуляція голоса изучаются такими разсказчиками такъ же тщательно, какъ и драматическими актерами. Здѣсь можно слышать много интересныхъ разсказовъ не только изъ жизни Японіи, старой и современной, но и изъ жизни западныхъ странъ, которые иногда такъ длинны, что продолжаются много вечеровъ подрядъ. Правда, классъ населенія, посѣщающій эти залы, обыкновенно не щепетиленъ, и въ нравственномъ отношеніи нѣкоторые разсказы *ганасика* заслуживаютъ упрека. Однако все-таки нѣкоторые изъ нихъ, имѣющіе талантъ и репутацію, часто приглашаются въ общественныя собранія и въ частныя дома для увеселенія гостей своимъ краснорѣчіемъ и мимикой... Такія собранія въ большомъ фаворѣ въ Японіи.

Однажды мнѣ пришлось слышать *ганасика* на вечеринкѣ въ одной начальной школѣ въ Кіото; онъ разсказывалъ, или вѣрнѣе пѣлъ речитативомъ подъ музыку самисена, притчи на тему «о сыновнемъ благочестіи». Передамъ здѣсь коротко сущность нѣкоторыхъ изъ нихъ, переведенныхъ мнѣ на англійскій языкъ начальникомъ школы. Пасынокъ терпитъ много незаслуженныхъ обидъ отъ своей мачехи, но и не думаетъ роптать на нее. Однажды зимой она выразила желаніе имѣть къ столу свѣжую рыбу; пасынокъ бѣжитъ къ замерзшему пруду, ложится на ледъ голымъ, чтобы теплотой тѣла своего образовать прорубь, и, добившись этого, вылавливаетъ жирнаго карпа. Въ другой притчѣ вдовецъ, живущій въ нищетѣ вмѣстѣ со своею престарѣлой матерью и дочерью, терзается невозможностью доставить первой сколько-нибудь сносную пищу. Дочь выводитъ его изъ затрудненія, предложивъ ему зарыть ее живою въ землю съ тѣмъ, чтобы деньги, тратившіяся прежде на нее, могли идти на улучшеніе пищи бабушки. Отецъ ея уже соглашается поступить такъ, но въ награду за соблюденіе ими обоими требованій сыновняго благочестія небо посылаетъ имъ корзину съ золотомъ, котораго, конечно, хватаетъ имъ на всю жизнь.

Въ послѣдній разъ пытался я услышать *ганасика* въ октябрѣ мѣсяцѣ 1903 года, въ Нагасаки, уже передъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Японіи. Проходя однажды вечеромъ мимо одного изъ ресторановъ въ улицѣ «Матокаго-мачи», я зашелъ въ него изъ любопытства, привлеченный знакомымъ уже мнѣ речитативомъ. Хозяинъ встрѣтилъ меня привѣтливо, но на всѣ мои просьбы впустить меня въ залъ, гдѣ «разсказывалъ» *ганасика*, онъ только кланялся съ неловкою улыбкою и говорилъ: «сукоси о маци», т.-е. «подождите немножко, пожалуйста»... Онъ распорядился дать мнѣ чаю, принесъ мнѣ сигары и фрукты, предлагалъ послать за гейшами, но какъ только я показывалъ вопросительно на дверь въ залъ, онъ опять говорилъ свое «сукоси о маци», прибавляя еще къ этому излюбленное японцами въ затруднительныхъ обстоятельствахъ изреченіе: «мохая сикатага наи!», равносильное нашему «ничего не подѣлаешь!»... Я ушелъ изъ ресторана «обласканный» хозяиномъ, но не достигнувъ цѣли.

На другой день управляющій отелемъ Cliff House, — молодой ирландецъ, съ которымъ я очень сошелся за время, пока жилъ въ отелѣ,—наведя по моей просьбѣ справки, объяснилъ мнѣ, что въ неудачный для меня вечеръ *ганасика*, по приглашенію анти-русской партіи молодыхъ патріотовъ, импровизировалъ на тему о необходимости скорѣйшаго объявленія войны Россіи. Я не очень удивился этому, такъ какъ уже подозрѣвалъ это, припомнивъ, что еще около мѣсяца передъ тѣмъ *ганасика* «заливались» на эту тему въ Токіо, гдѣ однажды, именно, 24-го сентября стараго стиля, я не попалъ на представленіе одной популярной пьесы, назначенной давно уже въ этотъ день: послѣднее было отмѣнено, потому что театръ, какъ самое обширное въ городѣ помѣщеніе (на 800 человѣкъ), былъ уступленъ анти-русской лигѣ, члены которой собрались въ этотъ день для обсужденія вопроса о представленіи микадо петиціи, требующей не упустить благопріятное время для объявленія войны...

Война между Японіей и Россіей висѣла уже тогда въ воздухѣ; сомнѣваться въ неизбѣжности ея было трудно, но кто могъ подумать тогда, что ей предстояло затянуться такъ долго!

Н. П. Азбелевъ.

ПЛАТЬЕ ИЗЪ ПЕРЬЕВЪ.

(ХА-ГОРОМО).

Японская лирическая драма „Но“.

(Переводъ съ англійскаго).

Дѣйствующія лица:

Фея. Рыбакъ. Хоръ.

Мѣсто: Міоское прибрежье залива Суруги.

(Пьеса начинается длиннымъ речитативомъ, въ которомъ рыбакъ и хоръ описываютъ красоты поросшаго сосною прибрежья Міо весною на зарѣ).

Рыбакъ.

Когда я причаливаю къ одѣтому сосною прибрежью Міо и осматриваюсь кругомъ, изъ небеснаго пространства на меня сыплются цвѣты, раздаются звуки музыки и неземное благоуханіе наполняетъ воздухъ. Въ этомъ есть что-то странное... А, вотъ, что! На вѣтвяхъ вонъ той сосны виситъ дивное платье, и теперь, когда я ближе разглядѣлъ его, оно оказывается болѣе прекраснымъ и благоуханнымъ, чѣмъ одежда земныхъ существъ. Возьму его съ собою, чтобы показать старикамъ въ деревнѣ; а затѣмъ оно сохранится у насъ въ домѣ, какъ драгоцѣнное наслѣдство.

Фея.

Ахъ, это мое платье! Почему ты хочешь унести его?

Рыбакъ.

Оно было найдено мною, поэтому я и беру его съ собой.

Фея.

Но это платье изъ перьевъ, принадлежащее феѣ; имъ не можетъ владѣть смертный. Прошу тебя, оставь его тамъ, гдѣ оно висѣло.

Рыбакъ.

Какъ? значитъ ты сама фея, если требуешь, чтобы я отдалъ тебѣ эту одежду изъ перьевъ? Я сохраню ее на удивленіе вѣкамъ и помѣ-

щу среди сокровищъ Японіи. Нѣтъ, нѣтъ, я не могу рѣшиться вернуть его тебѣ.

Фея.

Увы! безъ моего платья изъ перьевъ никогда мнѣ уже не подняться въ воздушное царство, никогда не вернуться мнѣ въ мою небесную отчизну. Прошу, молю тебя, отдай мнѣ его!

Рыбакъ.

Нѣтъ, фея, нѣтъ! Чѣмъ просишь ты сильнѣй—
Тѣмъ безсердечнѣй я и холоднѣй:
Рѣшеніе мое лишь крѣпнетъ грозно,
Я не отдамъ уборъ изъ перьевъ: поздно!

Фея.

Не говори! Увы, подобна я
Несчастной птичкѣ, потерявшей крылья,
И тщетны, о рыбакъ, мои усилья
Подняться вновь въ лазурные края.

Рыбакъ.

Прикована къ землѣ—томится фея.

Фея.

На всѣхъ путяхъ найду я скорбь одну.

Рыбакъ.

И все-жъ тебѣ я крыльевъ не верну

Фея.

Угасну я, тоскуя и слабѣя.

Хоръ.

Несчастная! Во взорѣ скорбномъ глазъ
Блеститъ слеза и ихъ росой туманитъ,
Въ косѣ твоей поблекнулъ цвѣтъ и вянетъ,
И пять скорбей *) пророчатъ смертный часъ.

Фея.

Изъ глазъ моихъ исчезъ просторъ небесный:
Отъ тучи къ тучѣ тамъ ползетъ туманъ,
Скрывая путь, мнѣ такъ давно извѣстный.

---

*) Увяданіе цвѣточнаго вѣнка, загрязненіе пылью небеснаго наряда, смертельная испарина, обморочное состояніе и утрата всѣхъ радостей.

Хоръ.

О, странствующихъ тучекъ караванъ!
Въ томленіи напрасномъ, полномъ муки,
Вамъ вслѣдъ она лишь простираетъ руки,
Она напрасно рвется въ небеса,
Чтобъ вновь услышать сладостные звуки,—
Но райскихъ птицъ стихаютъ голоса.
Напрасно оглашая небосводы,
Доносятся къ ней пѣсни журавлей,
Напрасно тамъ, гдѣ тихо плещутъ воды,
Крикъ чайки ей звучитъ какъ пѣснь свободы,
Напрасно мчится вѣтерокъ съ полей...
Летаютъ всѣ, нѣтъ крыльевъ лишь у ней!

Рыбакъ.

Я хочу сказать тебѣ словечко. Слишкомъ велика жалость, охватывающая меня, при взглядѣ на твое лицо. Я верну тебѣ платье изъ перьевъ.

Фея.

О, счастье! О, радость! Отдай мнѣ его.

Рыбакъ.

Постой! Я отдамъ его тебѣ съ условіемъ: сначала ты протанцуешь мнѣ въ этотъ часъ и на этомъ мѣстѣ одинъ изъ тѣхъ волшебныхъ танцевъ, слава о которыхъ достигла до ушей моихъ.

Фея.

О, невыразимое блаженство! Итакъ, мнѣ дозволено вернуться въ небеса! Если это счастье осуществится, пусть мой танецъ останется смертнымъ на память обо мнѣ. Я протанцую здѣсь этотъ танецъ,—танецъ, который заставляетъ кружиться лунный дворецъ для того, чтобы и смертные могли быть посвящены въ его таинства. Но я не могу танцовать безъ своихъ крыльевъ. Верни ихъ мнѣ, прошу тебя.

Рыбакъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Если я верну тебѣ твои крылья, ты улетишь въ небеса и совсѣмъ не протанцуешь мнѣ.

Фея.

Какъ тебѣ не стыдно! Можно сомнѣваться въ клятвахъ смертныхъ, но небесныя существа чужды лжи.

Рыбакъ.

Я феи стыжусь благородной,
Вотъ крылья твои: будь свободной!

Фея.

Вновь крылья со мною и пѣснямъ—просторъ,
Какъ радуга—дивный уборъ.

Рыбакъ.

И въ воздухѣ крылья трепещутъ.

Фея.

Одежды цвѣтами росистыми блещутъ.
(*Фея начинаетъ танцовать*).

Рыбакъ.

Вотъ пляску она начинаетъ свою.

Фея.

И съ этого часа и въ этомъ краю

Хоръ.

Рождаются наши восточныя *) пляски
Съ весельемъ и граціей, полною ласки.

I.

Хоръ.

О, смертные, узнайте: названа̀
Небесной твердью воздуха страна
Лазурная, затѣмъ, что богъ съ богиней **),
Спустившись съ высоты небесно-синей,
Здѣсь дали жизнь всѣмъ въ мірѣ существамъ.
Древнѣй ихъ, не подвластный божествамъ,
Твердъ, какъ алмазъ, былъ сводъ небесъ чудесный,
Вотъ почему онъ *твердью* сталъ небесной.

Фея.

Тамъ высится дворецъ Луны, и онъ
Волшебными руками возведенъ...

Хоръ.

Въ немъ—тридцать государей,—и покуда
Еще нѣтъ полнолунія, оттуда
Пятнадцать первыхъ ночью каждой внизъ
Слетаютъ къ намъ въ сіяньи бѣлыхъ ризъ.

---

*) Слово восточныя относится не къ положенію Японіи въ Азіи, а къ провинціи Суруги по отношенію къ тогдашней столицѣ Кіото.

**) Здѣсь говорится о синтоистическихъ божествахъ Изанами и Изанага, творцахъ Японіи и прародителяхъ другихъ боговъ и людей.

Въ шестнадцатую ночь всѣ исчезаютъ,
Тогда другихъ пятнадцать ихъ смѣняютъ—
Въ одеждахъ черныхъ... Рой подвластныхъ фей
Небесной пѣснею чаруетъ ихъ своей.

Фея.

И я—одна изъ этихъ фей.

Хоръ.

Изъ царства свѣта фея на мгновенье
Въ Японію явилась, какъ видѣнье,
Чтобъ чарамъ пляски научить людей.

II.

Хоръ.

На всей землѣ — покровъ туманный.
Не распустился-ль цвѣтъ благоуханный
Тамъ, на лунѣ, въ божественной красѣ? *)
Повѣяли цвѣты весной благословенной,
Цвѣты росистые у дѣвушки въ косѣ.

Фея.

О, мигъ блаженства несравненный!

Хоръ.

Блаженство въ небѣ, на землѣ — краса.
Вы, вѣтры, дуйте, — поясомъ тумана
Мнѣ преграждайте путь на небеса,
Туда вернуться — слишкомъ рано.
Меня плѣняютъ Міо берега,
Кіоми пышные луга,
И озаренная луною на просторѣ
Вершина Фузіямы, гдѣ снѣга
Лежатъ вѣнцомъ и созерцаютъ море,
Гдѣ въ утра часъ смѣется лучъ зари.
Изъ этихъ странъ, что хороши всѣ три,
Прекраснѣй всѣхъ омытое волною
Прибрежье Міо; вѣющій весною
Играетъ въ соснахъ тамъ зефиръ передъ зарей.
И гдѣ-жъ преграда между небомъ и землей?

---

*) Обитатели Дальняго Востока видятъ на лунѣ дерево (коричный лавръ) вмѣсто традиціоннаго „человѣка“. Одна японская поэтесса сдѣлала изящное предположеніе, что особенный блескъ осенней луны происходитъ отъ окраски, какую принимаетъ умирающая листва этого дерева.

Покинувши свои небесные чертоги,
Здѣсь на землѣ царямъ рожденье дали боги.

Фея.

Цари Восходящаго Солнца страной
Да правятъ въ величіи славы земной,
Пока протекаютъ вѣковъ миріады...

Хоръ.

И даже тогда, когда фея крыломъ
Разрушитъ въ воздушномъ полетѣ своемъ
Утесовъ гранитныхъ громады.

III.

Хоръ.

О, звуки—чаръ исполнены чудесныхъ!
Она поетъ,—и пѣнье арфъ небесныхъ,
Сребристыхъ флейтъ, кимвалъ и тамбуринъ—
Изъ райскихъ къ ней доносятся долинъ,
И вторятъ ей въ томъ небѣ, чтó объято
Сіяніемъ огнистаго заката.
Тамъ западной горы Сомейро *) скатъ
Окрашиваетъ пурпуромъ закатъ,
Мемъ тѣмъ волна струится за волною
Межъ острововъ, чтò поросли сосною.
Отъ Укисимы **) пронеслась гроза...
Но оторвать отъ дивнаго видѣнья,
Отъ бѣлыхъ крылъ—не въ силахъ мы глаза,
Въ душѣ царятъ восторгъ и удивленье.

(*Фея останавливается, чтобы пропѣть слѣдующій куплетъ, а затѣмъ продолжаетъ танцовать до конца пьесы*).

Фея.

Слава великимъ монархамъ луны,
Всѣ они—Будды ***) и неба сыны.

---

*) Санскритская *Сумеру*—громадная гора изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, составляющая, по космогоніи буддистовъ, опору небеснаго свода.

**) Другое названіе Міосскаго прибрежья. Гора Аситака, которая упоминается ниже, отличается рѣдко граціозными очертаніями и высится къ юго-востоку отъ Фузи, между нею и моремъ.

***) Или, скорѣе,—Бодхисаттвы. Сдѣлаться Буддой, значитъ достигнуть высшей степени святости, „сбросивъ оковы чувства, ощущеній, отрѣшившись отъ всякаго *я*, познавъ крайнюю нереальность всѣхъ явленій и будучи готовымъ войти въ Нирванну". Бодхисаттва, съ другой стороны, долженъ еще разъ

Хоръ.

Оттѣнки волшебнаго феи наряда...

Фея.

Лазурны, какъ небо весенней порой.

Хоръ.

Сребристы, подобно туману съ зарей.

Фея.

И слишкомъ прекрасны для смертнаго взгляда.

Хоръ.

Танцуй, о фея! Дивные часы!
Танцуй! Цвѣты божественной красы
Въ кудряхъ твоихъ пусть вѣтеръ развѣваетъ,
Что трепетъ крылъ воздушныхъ поднимаетъ...
Танцуй! О, съ небеснымъ ли танцемъ твоимъ
Мы грубыя пляски земныя сравнимъ!

Когда сребристой тучкою отъ взора
Ты въ небесахъ, увы, исчезнешь скоро,
Поднявшись въ высь къ сіяющей лунѣ,
Пошли всѣхъ благъ счастливой сторонѣ,
Даруй прохладу берегу и полю,
Чтобъ на землѣ всего родилось вволю.

Но бьетъ разлуки часъ неумолимый.
Подхваченныя вѣтромъ—отъ земли
Развернутыя крылья понесли
Ее въ лазурь надъ степью Укисимы,
Надъ Аситакой, гдѣ короной тучъ
Вѣнчалась Фузіяма... Выше кручъ
Паритъ она среди небесъ простора,
Въ эѳирныхъ глубинахъ скрываяся отъ взора.

О. Чюмина.

пройти черезъ человѣческое существованіе для достиженія состоянія Будды. Едва ли надо говорить читателямъ, что слово „Будда“ никогда не было личнымъ именемъ какого-либо человѣка. Это просто нарицательное имя, обозначающее „пробужденный“, „просвѣтленный“, откуда и приложеніе его къ людямъ, достигшимъ вершины духовнаго совершенства.

СЪ УЛИЦЫ.

I.

Да, совершенно вѣрно. Это вы совершенно правильно опредѣлили, господинъ... извините, не имѣю высокой чести знать ваше имя—отчество... Главная причина, отчего я погибъ и теперь такъ низко пресмыкаюсь—это слабость моего характера. Такъ и присяжный повѣренный объяснялъ на судѣ, когда меня судили. «Передъ вами, господа присяжные засѣдатели, яркій примѣръ физическаго и нравственнаго вырожденія, на почвѣ наслѣдственнаго алкоголизма, плохого питанія, истощенія и дурныхъ болѣзней». Передъ этимъ меня три профессора осматривали, и они то же самое сказали, въ одинъ голосъ. Я тогда же эти слова занесъ себѣ въ записную книжку. Потому что, долженъ признаться: я хоть и потерялъ обликъ и подобіе интеллигентнаго человѣка, но люблю людей съ образованіемъ и уважаю науку.

Поглядѣвъ на меня, вы, вѣдь, конечно, не скажете, что сей самый, сидящій передъ вами субъектъ тоже въ свое время стоялъ на хорошей дорогѣ и могъ сдѣлать себѣ имя и карьеру. Но это поистинѣ такъ. Выражусь символически. Тутъ есть на Пересыпи одинъ трактирчикъ, подъ названіемъ «Ягодка», съ правомъ крѣпкихъ напитковъ, самый—извините—вертепъ. И въ этомъ трактирѣ висятъ за буфетомъ двѣ картины, вродѣ какъ бы указаніе или напоминаніе, если кто еще въ трезвомъ видѣ. На одной изображенъ нѣкій оборванный мужчина, скажемъ, вродѣ меня; спитъ въ грязи подъ заборомъ, и тутъ же рядомъ хрюкаетъ свинья. И подписано: «могъ бы быть человѣкомъ!» съ восклицательнымъ знакомъ. А на другой картинѣ написано: «покупалъ за наличныя,—покупалъ въ кредитъ», и нарисованы два индивидуума. Одинъ худой, обдерганный, штаны снизу собачки обкусали,—схватилъ себя за голову, и глаза у него наружу вылѣзли—это, который въ кредитъ. А другой сидитъ къ нему задомъ, этакій, знаете, толстый буржуй съ бакенбардами, развалился съ сигарой и смѣется, а передъ нимъ касса, и вся набита золотыми столби-

ками. Картины эти—лубочныя, дешовка, и я самъ по торговой части никогда не занимался, но вниманія заслуживаютъ. Потому что это вродѣ намека на мою собственную жизнь. Х-ха. Буфетчикомъ тамъ Вуколъ Наумычъ. Жестокій старикъ. Я ему разъ говорю: «ты бы, Вуколъ Наумовъ, заказалъ бы еще и третью картину нарисовать. Какъ будто бы этотъ общипанный схватилъ этого самаго банкира одной рукой за манишку, а другой рукой нырнулъ въ несгораемую кассу. А внизу подпись: «и что изъ этого вышло». Но, конечно, буфетчикъ шутокъ не понимаетъ. Я ему сказалъ просто, для аллегоріи, а онъ хотѣлъ городового кричать. Что какъ будто бы я его самого угрожалъ такимъ способомъ. Извѣстно—хамъ.

Про третью картину, то-есть это про мою фантазію, я вамъ, милостивый мой государь, не напрасно сдѣлалъ примѣръ. Потому что я самъ однажды попробовалъ такой практикой заняться, и черезъ это вычеркнутъ изъ списка жизни. Слава еще Богу, что коронный судъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, призналъ меня въ состояніи невмѣняемости и отпустилъ на свободу. А то пришлось бы мнѣ идти добывать «мѣдь и злато» въ мѣстахъ столь отдаленныхъ.

Если ужъ къ этому подошло, то позвольте я лучше все по порядку. Вы меня извините, господинъ, но по вашей внѣшности и по разговору я всего скорѣе заключу, что вы, должно быть, сотрудникъ. Ну, что-жъ, можетъ быть, моя автобіографія пригодится вамъ для воскреснаго фельетона или для популярно-научной статьи. Я съ удовольствіемъ. Напримѣръ, озаглавьте: «Къ вопросу о томъ, какъ нѣкоторыя личности безтолково устраиваютъ свою жизнь». Или, еще лучше—просто: «Исповѣдь преступнаго типа». Можно кстати васъ разорить еще на парочку? Только ужъ позвольте спросить обыкновеннаго, за восемь копеекъ. Оно, по крайности, безъ глицерину. Эй, псстъ! чижикъ!.. Пару пива. Чего ты смотришь, дуракъ, какъ козелъ на новыя ворота? Это баринъ угощаютъ. Не видишь, кому служишь, болванъ?

Не довѣряетъ, халуй. Правда, я здѣсь какъ-то однажды большой тарарамъ надѣлалъ. Ну, кромѣ того, и экипировка моя. Знаете, какъ въ «Грандъ-Отелѣ» одна шансонетка поетъ:

«Арри-ги-налиный мой кустюмъ,
Блестящій мо-ой наррядъ,
Тара-тара, тири-тири»...

Слушаю-съ, господинъ буфетчикъ. Виноватъ, самъ знаю: въ такомъ мѣстѣ, и вдругъ—куплеты. Не буду больше, молчу. Да. Такъ вотъ. Вы меня извините пожалуйста, господинъ. Если по настоящему разсуждать, то я съ вами и въ одной комнатѣ быть не достоинъ. Кто вы—и кто я! Но вы чувствуете состраданіе къ

человѣку, убитому судьбой, и даже не побрезговали посадить съ собой рядомъ. Позвольте, я вамъ за это ручку поцѣлую. Ну, ну, ну, не буду, не буду... Не сердитесь, извините.

Да. Такъ вотъ. Давеча я вамъ назвался бывшимъ студентомъ, но это все неправда. Просто, увидѣлъ, что вы — человѣкъ интеллигентный, и думаю: онъ всего скорѣе клюнетъ на студента. И стрѣльнулъ. Но вы обошлись со мной по благородному, и потому я съ вами буду совершенно откровенно... Былъ я въ университетѣ только одинъ разъ въ жизни, и то на археологическомъ съѣздѣ, когда служилъ репортеромъ въ газетѣ. Былъ, не утаю, сильно намочившись, и что тамъ такое бормотали, ничего не понялъ. О какихъ-то каменныхъ бабахъ какого-то періода...

Однако, позвольте вамъ замѣтить, я все-таки не безъ образованія. Помилуйте, до сихъ поръ помню: Алкивіадъ былъ богатъ и знатенъ, природа щедро надѣлила его умственными способностями... и тамъ еще про собаку, какъ онъ ей отрубилъ хвостъ.. исключенія на is и все такое прочее...

Отецъ мой былъ обойщикъ и драпировщикъ, имѣлъ собственную мастерскую въ Кудринѣ, въ Москвѣ. А мать я плохо помню. Помню только, что была она женщина толстая, сырая и съ однимъ глазомъ, а другимъ все какъ будто подмигивала кому-то. Помню еще, но это ужъ точно во снѣ, какъ ее при мнѣ обнималъ нашъ старшій мастеръ Шикуновъ и говорилъ: «ничего — Андрюшка маленькій, онъ ничего не понимаетъ, вотъ мы ему копейку дадимъ»... Пили они, должно быть, шибко, мои папаша съ мамашей—всегда отъ нихъ виномъ пахло—и лупили меня чѣмъ попало,—какъ говорится: палкой, скалкой, трепалкой. Воспитаніемъ моимъ неглижировали, и росъ я, какъ сорная трава, на улицѣ и на дворѣ. Настоящимъ же моимъ воспитателемъ былъ нашъ мальчикъ подмастерье, его звали Юшка.

Долженъ я вамъ сказать, видалъ я въ моей жизни множество самыхъ разныхъ фигуръ. Достаточно того одного, что сидѣлъ въ тюрьмѣ. Но вотъ, ей Богу, такого безобразника и безстыдника, какъ онъ, я ни разу не встрѣчалъ. Чему онъ насъ, мальчишекъ, училъ, что заставлялъ насъ дѣлать тамъ, за каретнымъ сараемъ, между дровами, я вамъ даже не смѣю сказать — совѣстно. Ей-Богу. А, вѣдь, былъ онъ самъ почти ребенокъ...

Это еще пустяки, что курили, пили водку, играли въ орлянку и въ карты—налѣво, направо—и что я таскалъ у отца потихоньку деньги. Отецъ и самъ по праздникамъ, когда у насъ бывали гости, забавлялся тѣмъ, что накачивалъ меня до пьяна и заставлялъ плясать... Съ Юшкой хуже бывало. Одиннадцати лѣтъ узналъ я женщину; это было опять-таки на задворкахъ, подъ руководительствомъ того же самаго Юшки. Удивительно, право! Этотъ чело-

вѣкъ совсѣмъ исчезъ съ моего горизонта, и я не знаю, гдѣ онъ: на каторгѣ или его убили гдѣ-нибудь, какъ собаку? Но никто никогда не имѣлъ на меня такого адскаго вліянія. Боялся я его до чрезвычайности. Повѣрите ли: даже теперь иногда вижу его во снѣ, будто онъ меня дубаситъ, и отъ страха просыпаюсь... За ваше здоровье. А вы сами? Нѣтъ? Ну, какъ изволите. Хорошо! Холодное.

Однако, я тѣмъ временемъ подросъ. Не знаю ужъ, какой чудотворецъ пропихнулъ меня въ гимназію, въ приготовительный классъ. Думаю, что не обошлось здѣсь безъ барашка въ бумажкѣ—сунули, должно быть, кому слѣдуетъ. Вотъ тутъ-то и началось хожденіе моей грѣшной души по мытарствамъ. Въ три года я, кажется, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ перебывалъ, въ классическихъ и реальныхъ. Гдѣ учителю жеваной бумаги въ карманъ насовалъ, гдѣ попался пьянымъ на улицѣ. Въ одномъ мѣстѣ у товарища укралъ коллекцію перышекъ... е цетера̀, е цетера̀, въ томъ же родѣ.

Приду, бывало, домой—отецъ сразу по глазамъ видитъ. «Вышибли?» Я молчу. «Ахъ ты с... сынъ! Вотъ погоди, отдамъ я тебя въ сапожники, тогда взвоешь. Ступай, принеси веревку».

Наконецъ, больше поступать стало некуда. Осталась всего только одна частная гимназія Хацимовскаго. Можетъ быть, слышали? Зам-мѣч-чательнѣйшее было, доложу вамъ, учрежденіе, однимъ словомъ—замокъ чудесъ и волшебствъ. Какой-нибудь купеческій оболтусъ до пятнадцати лѣтъ голубей гонялъ, папу-маму безъ ошибки написать не можетъ, а, глядишь, отъ Хацимовскаго лѣтъ черезъ пять вышелъ съ аттестатомъ зрѣлости. Это правда: сидѣли тамъ въ послѣднихъ классахъ очень зрѣлые мужики, годовъ по двадцати, по двадцати-пяти,—бородатые, почтенные люди. Про одного такого эфіопа разсказывали, что онъ въ гимназію вмѣстѣ съ сыномъ ходилъ. Сынъ въ приготовительный, а онъ въ седьмой. И обоимъ имъ дома дѣлали на завтракъ бутерброды.

Помѣщали туда больше купеческихъ сыновей и дворянчиковъ, все исключительно тѣхъ, которыхъ отовсюду уже вышвырнули. Деньги брали за ученіе солидныя. И было это заведеніе вродѣ звѣринца: архаровцы, скандалисты, обломы: всѣ какъ на подборъ—самые развращенные мальчишки. На учителяхъ верхомъ ѣздили. Ну, ужъ и учителя у насъ были. Та-акіе гуси!..

У Хацимовскаго я окончательный лоскъ получилъ. Но и оттуда меня въ скоромъ времени — фить! За что? Да за разное. Длинная исторія. Началось это съ того, что отобралъ у меня надзиратель альбомъ этакихъ, знаете, карточекъ со стихотворными поясненіями моей собственной музы, ну и такъ далѣе... Что вспоминать! Пассонъ, какъ говорятъ французы.

Пришелъ я домой. Отецъ опять было за веревку, но увидѣлъ, что я сильнѣе его сталъ, и осѣкся,—стопъ! Разсердился очень.

— Одна, — говоритъ, тебѣ дорога осталась, орясина ты непутевая. Ступай въ солдаты!

Поступилъ я вольноопредѣляющимся. Четыре года подрядъ держалъ экзаменъ въ юнкерское училище, никакъ не могъ одолѣть бездны премудрости. Наконецъ, надоѣла, должно быть, моя физіономія экзаменаторамъ, — пропустили. Да изъ училища въ полкъ обратно отчисляли три раза за всякія художества. Изъ училища былъ выпущенъ подпрапорщикомъ, протрубилъ въ этомъ кисломъ званіи два года и былъ произведенъ въ офицеры.

II.

Ну, о томъ, что я въ офицерскихъ чинахъ выкомаривалъ, не буду распространяться. Подробности письмомъ. Скажу коротко: пилъ, буянилъ, писалъ векселя, танцовалъ кадриль въ публичныхъ домахъ, билъ жидовъ, сидѣлъ на гауптвахтѣ. Но одно скажу: вотъ вамъ честное мое благородное слово—въ картахъ всегда бывалъ корректенъ. А выкинули меня все-таки изъ-за картъ. Впрочемъ, настоящая-то причина была, пожалуй, и похуже. Эхъ, не слѣдовало бы. Ну, да все едино—разскажу.

Была у меня въ полку любовница, жена одного офицера. Знаете—глушь, скверный южный городишко, тоска, грязь—только и было у насъ у всѣхъ развлеченія: служба—солдатъ по мордасамъ щелкать, да водка, да еще карты, да еще эти самые романы. И такъ мы усердно романсовали, что всѣ, какъ есть, приходились родственниками другъ другу. И никто въ этомъ не видѣлъ ничего особеннаго. Такъ всѣ и знали: такой-то живетъ съ такой-то, а ея мужа застали съ такой-то, а съ ней живетъ поручикъ Ивановъ, а раньше поручикъ Ивановъ жилъ... словомъ—маседуанъ.

Звали ее Марьей Николаевной. Была она тоненькая, хрупкая, лицо какъ у печальнаго ангела—худенькое, нѣжненькое, ротикъ маленькій, розовый, блондинка, глаза большущіе, свѣтлые, голубые. Образованная. Кончила институтъ съ медалью, играла наизусть господина Шопена, хорошей дворянской фамиліи была и со средствами. Много у насъ вокругъ нея народу вертѣлось, какъ тетеревей на току, но—никому ничего. А я, знаете, подошелъ и взялъ ее наглостью, да еще такъ нечаянно вышло это, что я и самъ не ожидалъ. Двое дѣтей у нея было, двѣ дѣвочки.

Дѣлалъ я на Пасху визиты. Собственно говоря, визиты—это просто былъ предлогъ для сугубаго пьянства. Наймешь на цѣлый день фаэтонъ и жаришь изъ одного дома въ другой. Прі-

ѣдешь куда-нибудь, а тамъ цѣлый столъ выпивки и закуски: барашки эти самые изъ сливочнаго масла, мазурки, бабы съ розанами, ветчина въ бумажныхъ завиткахъ, терновки, зубровки, сливовица. Трахъ, трахъ, рюмокъ пять-шесть хлопнулъ, навралъ, навралъ и поѣхалъ къ слѣдующимъ знакомымъ. «Ахъ, что вы, что вы, мы ни съ кѣмъ не цѣлуемся!»—«Нѣтъ, па-азвольте-съ, какія же вы, барышни, послѣ этого христіанки? Нѣ-ѣтъ. Даже и въ священномъ писаніи поется: другъ друга обымемъ, рцемъ»... и такъ далѣе. Программа извѣстная.

Пріѣхалъ я къ Марьѣ Николаевнѣ уже подъ вечеръ. Сижу—и ничего не соображаю, что ѣмъ, что пью, что болтаю. Мужъ ея, подполковникъ, рядомъ храпитъ въ спальнѣ, тоже съ визитовъ вернулся. Время такое сѣренькое было, не то день, не то вечеръ, на дворѣ дождикъ, скука, часы стучатъ, разговоръ не клеится. Тоска на меня нашла. Сталъ я Марьѣ Николаевнѣ про свое дѣтство разсказывать, про Юшку, про отца, про веревку, про то, какъ меня изъ гимназій гоняли. И заплакалъ. И, вѣдь, какъ человѣкъ бываетъ подлъ, послушайте. Самъ плачу, сморкаюсь, слезы у меня и изъ глазъ и изъ носа текутъ, трясусь весь, разсказываю красивой, образованной дамѣ самые грязные ужасы—ужъ, кажется, всю душу вывернулъ на изнанку! А, вѣдь, нѣтъ: себя-то я все-таки въ привлекательномъ видѣ выставилъ: что, молъ, никѣмъ я не понятая, этакая возвышенная хрѣновина, вродѣ что ли Евгенія Онѣгина; тяжелое дѣтство, ожесточенная душа, ласки никогда не видѣлъ — чего я тутъ только не намоталъ. Гляжу, а она тоже плачетъ. Склонила, знаете, голову на бокъ, руки на колѣняхъ сложила, глаза огромные стали, свѣтлые, а слезы по щекамъ бѣгутъ быстро, быстро, быстро. Тутъ и подхватило меня. Слышу я, что мужъ рядомъ храпитъ, кинулся къ ней и точно первый любовникъ на театрѣ: «о! неужели ты можешь плакать? О ко-омъ? Обо мнѣ? О, эти святыя слезы! Чѣмъ я искуплю ихъ?» И ужъ мну ее руками. Не сопротивлялась она, ни одного слова не сказала—отдалась мнѣ, какъ овечка. И лицо у нея все мокрое отъ слезъ было.

Узналъ я тогда, что это за штука—власть надъ человѣкомъ. Сдѣлалась Марья Николаевна съ того вечера моей рабой. Въ буквальномъ смыслѣ. Что хотѣлъ—то съ ней и дѣлалъ. И она мнѣ потомъ часто сама говорила: «Да, я знаю, что ты негодяй; ты—грязный человѣкъ, ты развратникъ, ты, кромѣ того, еще маленькій-маленькій, подленькій человѣчишка, ты алкоголикъ, ты измѣняешь мнѣ съ самыми низкими тварями, ты всякой мало-мальски себя уважающей женщинѣ долженъ быть омерзителенъ и физически, и нравственно... и все-таки я люблю тебя. Я твоя раба, твоя собственность, твоя вещь. Если ты убьешь кого-нибудь, ограбишь,

изнасилуешь ребенка—отъ тебя, вѣдь, всего можно ожидать,—я все-таки не перестану тебя любить всю мою жизнь. Ты—моя болѣзнь».

Подобные акафисты она мнѣ нерѣдко читала, а также писала въ письмахъ, и я эти слова запомнилъ хорошо... И отчего это, скажите мнѣ,—вотъ вы человѣкъ, видимо, образованный и начитанный,—отчего это такъ часто умныя, милыя, прекрасныя женщины любятъ различныхъ прохвостовъ? Отъ противоположности, можетъ быть? Вѣдь, сколько, сколько я такихъ случаевъ видѣлъ въ своей жизни. Вы думаете, она была какая-нибудь особенно страстная, Марья Николаевна? О, ничуть. Уступала всегда только моимъ настояніямъ, а то относилась ко мнѣ, какъ мать. Не такъ, какъ моя родная мамашенька, которая меня произвела на свѣтъ, а по настоящему: кротко, терпѣливо, нѣжно, заботливо...

Да. Я говорилъ сейчасъ про власть. Охалпѣлъ я тогда окончательно отъ этой власти, и, можете себѣ представить, стала мнѣ Марья Николаевна до того противна, что и сказать нельзя. Измывался я надъ ней звѣрскимъ образомъ: гналъ ее отъ себя, когда приходила, назначалъ свиданія и разъ по пяти не являлся; письма ея—милыя, ласковыя, добрыя письма—на диванѣ, на полу у меня по недѣлямъ валялись нераспечатанными. Деньги я тянулъ у нея постоянно, на кутежъ, на игру, а то и на женщинъ бралъ. И, знаете, что я вамъ скажу? Философская мысль. Никакое зло на семъ свѣтѣ не пропадаетъ. Если ты еще мальчишкой у жука крылья оторвалъ, то и это тебѣ зачтется и приложится. Господь Богъ намъ всѣмъ, у себя наверху, двойную итальянскую бухгалтерію ведетъ; приходъ и расходъ — все у него разнесено по графамъ. Впрочемъ, по Дарвину, Бога нѣтъ. Ну, тогда — судьба, это все равно. И я твердо увѣренъ, что если меня впослѣдствіи, ухъ, какъ здорово, по затылку стукало, то это за нее, за Марью Николаевну. Оборвалъ я ей крылышки, погубилъ ее, затопталъ, загрязнилъ ея душу, и все это дѣлалъ безъ пощады, и ее самое ненавидѣлъ до дрожи, до бѣшенства!..

Разъ собралась у меня холостая компанія. Пили, играли, пѣли, потомъ опять пили и опять играли. Я профершпилился до тла. Посылалъ дважды денщика къ Марьѣ Николаевнѣ за подкрѣпленіемъ и опять прогоралъ. Помню, во второй разъ она мнѣ прислала записку: «Дорогой мой, постарайтесь воздержаться отъ такихъ поступковъ, въ которыхъ завтра будете сами раскаиваться. И что бы ни случилось, помните, что у васъ есть другъ, который все для васъ готовъ сдѣлать». Я это письмо въ сѣняхъ, когда принималъ отъ денщика деньги, разорвалъ на мелкіе кусочки и швырнулъ на полъ.

Поручикъ Парфиненко забралъ всѣ деньги, какія у насъ у

всѣхъ были въ сложности, и вдругъ заболѣлъ животомъ и убѣжалъ домой, потому что не хотѣлъ на мѣлокъ играть. А мы опять пить. Шли уже вторыя сутки, безъ просыпу. Вотъ мы и разговорились о нашихъ дамахъ. У той ноги длинныя, это хорошо, но зато худыя очень: въ платьѣ красиво, а раздѣнешь — швахъ. У этой родинка на поясницѣ. У другой словечки есть такія особенныя, излюбленныя, въ тайныя минуточки-то. Третья вотъ такъ-то цѣлуется. Однимъ словомъ, всѣхъ разобрали до послѣдней жилочки. Что намъ стѣсняться въ родномъ отечествѣ? Вал-ляй!

Стали про мою спрашивать. А я въ пьяномъ задорѣ и ляпни: да, хотите, я сейчасъ только свистну, и она, какъ собачка, сюда прибѣжитъ и все вамъ сама покажетъ? Усумнились. Я сейчасъ же, моментально, съ деньщикомъ записку: «такъ и такъ, дорогая Мари, приходите немедленно, иначе никогда меня больше не увидите. И чтобы вы не думали, что это шутка или праздная угроза, то какъ только пріѣдетъ вашъ мужъ, въ тотъ же день *все* ему открою»... и слово «все» три раза подчеркнулъ.

Что вы думаете? Прибѣжала. Блѣдная, запыхалась, еле на ногахъ держится. Вошла и стала въ дверяхъ, оперлась о косякъ, губы синія, какъ у трупа, зубы стучатъ. «Здравствуйте, Андрей Михайловичъ, шла мимо, вижу свѣтъ, думаю, не у васъ ли мужъ? Боялась, какъ бы вы его въ карты не засадили. Вы вѣдь такой совратитель». Словомъ, не вѣсть что бормочетъ, точно въ бреду: вѣдь всему полку извѣстно, что мужъ ея поѣхалъ въ округъ принимать боевые патроны! Говоритъ и сама старается улыбаться, а глаза—огромные, синіе—глядятъ на меня съ ужасомъ. Ухъ! ненависть меня взяла на нее. «Раздѣвайся», говорю. Сняла она тальму—руки такъ и ходятъ, точно у пьяницы. Поняла, вѣдь, она, поняла съ первой же секунды, чего я отъ нея хочу. Сняла тальму. А я кричу: «дальше раздѣвайся, снимай лифъ, юбку долой!» Она и не моргнула даже, глазъ отъ меня отвести не могла. Взялась за верхнюю пуговицу—разстегнула, стала вторую нащупывать, да сразу-то не найдетъ, пальцы прыгаютъ. И ни слова, ни звука. Ну, тутъ товарищи вступились. Были они всѣ пьяные, озвѣрѣлые, красные, опухшіе, но и ихъ эта пантомима уязвила. До того узвила, что когда она ушла,— мы глядимъ—подпоручикъ Бакановъ въ обморокѣ лежитъ. Былъ онъ совсѣмъ зеленый мальчикъ, застѣнчивый, вѣжливый такой, приличненькій, хоть и пилъ крѣпко. Обѣщались они—и ей, и мнѣ—все сохранить въ тайнѣ, но гдѣ же удержаться. Сдѣлалась исторія извѣстна всему полку, и чаша моихъ злодѣяній, выражаясь высокимъ штилемъ, переполнилась. Стали всѣ на меня глядѣть этакимъ басомъ, вижу руку избѣгаютъ подавать, а кто и подастъ, такъ глазами шныритъ по бокамъ, точно виноватый.

Открыто не рѣшались мнѣ ничего сказать, потому что жалѣли Марью Николаевну. Какъ-то всѣ *сразу* тогда догадались, что здѣсь не романѐцъ, не пустая связишка отъ скуки, а что-то нелѣпое, огромное, больное,—какая-то не то психологія, не то психіатрія. И мужа ея жалѣли. Былъ онъ заслуженный шипкинскій подполковникъ и пребывалъ, и кажется до сихъ поръ пребываетъ, въ сладкомъ невѣдѣніи.

И всѣ ждали случая.

Какъ-то играли въ собраніи въ ландскнехтъ. Игра—оффиціально недозволенная въ офицерскомъ клубѣ, но на это смотрѣли—вотъ такъ! Подошелъ и я. Везло мнѣ звѣрски въ этотъ вечеръ, просто до глупости везло, но сердце у меня было какое-то тревожное, невеселое. И еще вотъ что странно: встрѣтился я въ передней съ подпоручикомъ Бакановымъ, не поздоровались мы даже съ нимъ, а только такъ, мелькомъ взглянули другъ на друга, но отчего-то сдѣлалось мнѣ вдругъ какъ-то грустно и противно.

Обошелъ кругъ разъ семь или восемь, наступила опять моя очередь держать банкъ. Положилъ я, какъ теперь помню, направо двойку бубенъ, налѣво короля пикъ и выметываю середину, разъ, два, три, пять, девять—вижу—заметалась карта, и про себя твержу: «заметалась—въ пользу банкомета»—извѣстное игрецкое суевѣріе. Наконецъ—хлопъ!—выбрасываю двойку. Моя! Но—вѣдь какая судьба--обмишулился—выпало сразу двѣ карты И вдругъ слышу сзади: «Вы, подпоручикъ, кромѣ того, что негодяй, еще и шулеръ!» Я обернулся, а Бакановъ какъ швырнетъ мнѣ цѣлой колодой въ лицо. И кто-то еще рядомъ по щекѣ ударилъ, и еще, и еще,—со всѣхъ сторонъ! Я кричу: «Господа, позвольте же! Что такое? Это недоразумѣніе!» А мнѣ кричатъ: «Вонъ изъ собранія! Выгнать его! Выбросить въ окно! Шулеръ! Завтра же вонъ изъ полка!»

Вы понимаете, они не хотѣли Марью Николаевну скандалить передъ всѣмъ обществомъ, и вотъ и придрались къ случаю. Черезъ два дня судъ общества офицеровъ предложилъ мнѣ подать прошеніе объ увольненіи въ запасъ. Такъ и выкинули изъ полка, точно шелудивую собачонку... И подѣломъ. Что-жъ... я справедливъ: самъ знаю, что заслужилъ. Ну... да, ничего... пассонъ! Еще пива? Благодарю, я не откажусь. Ву зетъ тре земабль. Только мнѣ какъ-то неловко все одному, да одному...

III.

Чѣмъ я былъ потомъ? Вы спросите лучше, чѣмъ я не былъ. Та-акая пошла со мной кувырколегія! Былъ я десятникомъ при устройствѣ канализаціи, былъ кочегаромъ въ Азовскомъ паро-

ходствѣ, чертежникомъ, комми-вояжеромъ, ученикомъ у зубного врача, таскалъ кули на пристани, вотъ въ этомъ самомъ городѣ, наборщикомъ служилъ въ типо-литографіи. Между прочимъ, въ то время, когда былъ наборщикомъ, женился. По-дурацки это какъ-то произошло. Да все равно черезъ полтора года я ушелъ, и жену бросилъ съ мальчишкой. Занятный былъ у насъ ребятенокъ—ахъ, какая прелесть! Да я и вообще-то дѣтей до безумія люблю,—дѣтей и животныхъ. И не было у насъ при прощаніи ничего: ни ссоры, ни драки, ни измѣны. А просто меня въ одно прекрасное майское утро потянуло въ бѣга. Была, кромѣ того, у меня еще и другая мысль, что безъ меня еще жена какъ-нибудь устроится, а со мной все равно ей надо пропадать. И потому, «не говоря ни съ кѣмъ ни слова, плащемъ прикрывши полъ-лица», сунулъ я паспортъ въ боковой карманъ и фуръфуръ въ другой городъ.

Былъ я потомъ пѣвчимъ, служилъ въ опереткѣ въ хорѣ, послужилъ также и въ драматической труппѣ—амплуа мое было простакъ и второй комикъ съ пѣніемъ. Послушникомъ прожилъ въ монастырѣ около года. Господи, всего и не упомнишь!

Изъ монастыря меня ловко турнули—въ одинъ моментъ. Былъ я приставленъ служкой въ монастырскую гостинницу. Ничего, весело жилось. Изъ кружечнаго сбора причиталось десять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, на всемъ готовомъ, да еще кое-какіе доходишки были посторонніе. Выпивали мы изрядно и насчетъ прочаго... Вообще—занятно. Лукавый-то, онъ всегда около святыхъ мѣстъ бродитъ... Искушеніе! Лѣтомъ къ намъ къ престолу до тысячи бабъ стекалось, крестьянки больше, мѣщаночки, купчихи, мелкія помѣщицы,—всякія: и молодыя, и старыя. Поразительно: нѣтъ для женщины больше сладости, какъ грѣшить и каяться, каяться и грѣшить. А ужъ тѣмъ паче, когда кругомъ этакая молитвенная обстановка, благолѣпіе всякое, смиреніе, воздыханіе, умиленіе... А попросили меня изъ святого мѣста вотъ почему:

Висѣли у насъ по стѣнамъ въ гостиницѣ этакіе печатные листы: не молитвы, а такъ... стихотворное упражненіе нѣкоего отца Повсекакія. Озаглавлено было такъ: «Духовная борьба противъ невидимаго врага». Я и теперь помню кусочками. «Брате, затворяй съ молитвою дверь, дабы не ворвался душевредный звѣрь... Разинетъ онъ грѣха огнепылающую пасть, а ты не медли кресты и поклоны класть... Тщится онъ ужалить тебя лѣности хвостомъ, а ты отгоняй его сокрушеньемъ и постомъ... Противъ его любострастья батарей—траншею воздержанья возводи скорѣй... Будетъ онъ пускать въ тебя зависти картечь, но щитомъ тебѣ да послужитъ спасительная рѣчь»... И такъ далѣе съ гранатами и съ бомбами, съ патронами и пулями... А я какъ-то съ

однимъ гостиничнымъ монашкомъ, Прохоромъ, урѣзалъ муху, да взялъ карандашомъ кое-гдѣ сверху строкъ и написалъ свои собственныя рифмочки, вродѣ тѣхъ, извините, которыя въ нѣкоторыхъ уединенныхъ мѣстахъ пишутся на стѣнкахъ. И совсѣмъ забылъ объ этомъ обстоятельствѣ.

А тутъ вдругъ назначили къ намъ новаго преосвященнаго. Пріѣхалъ владыка въ монастырь, все осмотрѣлъ, все благословилъ, остался очень доволенъ порядкомъ. Наконецъ, шествуетъ въ гостинницу, видный такой пастырь, осанистый, бородатый—не архіерей, а конфекта! За нимъ отецъ игуменъ, отецъ казначей, отецъ экономъ, іеромонахи, вся соборная братія. И мы, гостиничные служки, жмемся вдоль стѣнъ и, аки нѣкія безгласныя тѣни, благоговѣйно трепещемъ.

Владыка вдругъ спрашиваетъ: «а это у васъ что такое на стѣнахъ?»—«А это,—говоритъ экономъ,—у насъ развѣшено для поученія темнаго народа .. какъ бы въ стихотворной формѣ». Подошелъ преосвященный, поглядѣлъ съ минутку, потомъ повернулся къ братіи, весь красный отъ гнѣва. «Чей же грязный карандашъ написалъ эти гнусности?» Обвелъ насъ всѣхъ очами. Прозорливый былъ архипастырь: увидѣлъ, что на Прохорѣ лица нѣтъ, и тотчасъ въ него перстомъ. «Ты!» Прохоръ — бацъ въ ноги! «Прости, преосвященный владыко, былъ лишь свидѣтелемъ сего и, по слабости, не остановилъ. Писалъ послушникъ Андрей». Тогда владыка ко мнѣ. «Если,—говоритъ,—въ яблокѣ завелся червь, то вырѣзаютъ сердцевину и отметаютъ, дабы не погибъ весь плодъ. Завтра же убрать этого писателя изъ монастыря. Пусть упражняетъ свое скверное воображеніе въ уличныхъ газеткахъ».

И—что вы думаете—истинный провидецъ оказался владыка! Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ, по волѣ судьбы, я, дѣйствительно, примазался къ одной газеткѣ—сначала корректоромъ, а потомъ репортеромъ.

Воздухъ тамъ былъ легкій и веселый, ни грамоты, ни таланта не требовалось, дѣла дѣлались больше по кабачкамъ, по кофейнямъ, народъ кругомъ тебя все—аховый, тертый. Любо! Но и тутъ я сорвался—такая моя участь.

Пропитывались мы всѣ, по малости, разными вспомогательными путями. Напримѣръ, въ загородныхъ садахъ, въ кафе-шантанахъ около буфета. Упомянешь въ десяти строкахъ, что, вотъ, молъ, вчера мы видѣли вновь ангажированную неутомимымъ хозяиномъ «Гвадалквивира» мексиканскую этуаль Пузу-Лаперузу, являющуюся несравненной исполнительницей... ну и... кредитъ. Фельетонисты рекламировали, какъ будто мимоходомъ, гастрономическіе магазины, романисты водили своихъ героевъ въ извѣстные рестораны и такъ далѣе. Кормились мы также вокругъ ми-

ровыхъ судей. Привлекаютъ булочника за то, что у него мастера спятъ на кадкахъ, трактирщика тянутъ за грязь, бакалейщика за сахаринъ, но больше всего булочниковъ и кондитеровъ. А я сижу въ камерѣ на видномъ мѣстѣ и нѣтъ-нѣтъ черкну что-нибудь въ записную книжку. Ну, кому же лестно попасть въ газетную хронику? А глазомъ-то я все-таки кошу въ бокъ: вижу мой булочникъ не уходитъ, хоть его дѣло давно и кончилось, и все на меня съ безпокойствомъ поглядываетъ. Выжду я минутъ съ десятокъ и совершенно неглиже, какъ будто у себя дома, выхожу изъ камеры. Онъ за мной. На улицѣ этакимъ сдобнымъ голоскомъ спрашиваетъ: «А, позвольте узнать, вы не репо́ртеръ?» Я на него барбосомъ: «Репортеръ. А вамъ что?»—«Да такъ-съ... хе-хе-хе-съ!.. Вотъ и мое тоже сейчасъ дѣльце разбиралось, можетъ быть, слышали?» — «Слыхалъ». — «И записали?» — «Записалъ-съ». — «Эхъ, дѣла-то какія! А, вѣдь, совершенно понапрасну меня запротоколили... У насъ, видите ли, околодочный... Да, позвольте, что же мы на улицѣ стоимъ? Не угодно ли вамъ зайти со мной на минуточку... Здѣсь рядомъ есть ресторанчикъ... я бы вамъ все по порядку... Знаете, и время теперь такое, что на рюмку водки позываетъ. А тутъ замѣчательно готовятъ фляки по-польски. Право, не завернемъ ли?» Я моментально на себя строгость напускаю. «Да, пож-жалуй, я бы и самъ, собственно говоря, не прочь, но только впередъ уговоръ: платить пополамъ. У насъ въ редакціи насчетъ разныхъ угощеній ни-ни!» Ну, конечно, уходишь изъ кабачка и сытъ, и пьянъ, и четвертной билетъ въ карманѣ.

Но, повторяю, сорвался—сорвался потому, что кусъ не по себѣ заглотилъ. Былъ у насъ въ газетѣ нѣкій фруктъ, велъ онъ городскую хронику и писалъ воскресный фельетонъ. Прямо вамъ скажу—левъ былъ, а не человѣкъ! Посудите сами, много ли на думѣ наколотишь, да на двухъ тысячахъ строкъ фельетона? Ну, скажемъ, двѣсти, триста рублей. А онъ лихача помѣсячно держалъ, обѣдалъ въ «Бельвю» и у Бьянки, имѣлъ содержанку француженку, одѣвался какъ царь Соломонъ во всей славѣ своей. Пилъ одно шампанское—такъ прямо къ супу ему и подавали флаконъ. Словомъ, рвачъ былъ.

Вотъ онъ однажды въ редакціи отзываетъ меня въ уголъ. Таинственно! «Слушайте,—говоритъ,—есть дѣло. Можно обоимъ заработать тысячу. Хотите?»—«Ну, какъ не хотѣть!»—«Хорошо, такъ вотъ вамъ готовыя цифры. Поѣдете къ Дехтяренку. Знаете?»—«Знаю».—«Черезъ двѣ недѣли онъ объявитъ себя несостоятельнымъ, но теперь для него страшно важно, чтобы никто не зналъ, въ какомъ у него состояніи дѣло. Понимаете?» И далъ мнѣ самую подробную инструкцію.

Пріѣхалъ я къ Дехтяренку. «Принимаютъ?»—«Принимаютъ».—«Передайте карточку». А на карточкѣ у меня: сотрудникъ такой-то газеты, корреспондентъ такого-то столичнаго листка, ли-те-ра-торъ и сверху еще, на страхъ врагамъ, дворянская корона! Выходитъ. «Имѣю честь съ господиномъ Дехтяренко?»—«Эге-жъ, я самый, что треба?»—«А, вотъ, видите ли, собираюсь я написать цѣлый рядъ популярно-экономическихъ статей по вопросамъ южной промышленности. Конечно, одно изъ самыхъ крупныхъ мѣстъ будетъ отведено вашей фирмѣ, широкій районъ которой...», словомъ—возъ комплиментовъ. Онъ ничего, слушаетъ, молчитъ, здоровенный этакій хохлище, сивый, усастый, глазки маленькіе, жуликоватые. «Все это такъ,—говоритъ,—а только какое-жъ мое тутъ дѣло?»—«А, вотъ,—говорю,—собралъ я кое-какія цифровыя данныя, вотъ въ этой самой книжечкѣ, такъ пріѣхалъ для вѣрности, на всякій случай: можетъ быть, вы, достоуважаемый Тарасъ Кирилычъ, что-нибудь до-ба-ви-те?» Засмѣялся хохолъ, взялъ книжечку, ушелъ. Черезъ минуту появляется. «Нѣтъ,—говоритъ,—тутъ всё ловко состряпано. Кое-что я, впрочемъ, до-ба-вилъ... Но печатать вы все-таки подождите трошки. Можетъ быть, я черезъ недѣлю вамъ другія цифры сообщу. До свиданія».

Вышелъ я на подъѣздъ, поглядѣлъ — пять радужныхъ. Мало. Тутъ, знаете, этотъ самый монастырскій душевредный звѣрь и выстрѣлилъ въ меня бомбой жадности. Пріѣхалъ въ редакцію — магъ и волшебникъ меня ждетъ. «Ну, что?»—«Да, ровно ничего,—говорю,—выслушалъ меня, посмотрѣлъ въ книжку и вернулъ обратно: «это, говоритъ, меня не касается».—«Слушайте, крокодилъ, вы не врете?»—«Ей-Богу, какъ честный человѣкъ!..» «Ага,—говоритъ, когда такъ... хорошо же. Я ему пропишу ижицу». На другой день закатилъ статьищу. Да, вѣдь, какъ ловко шельма сдѣлалъ-то: ни фамиліи не назвалъ, ни имени, а каждому младенцу ясно, что Дехтяренко въ трубу летитъ. Ну, тутъ, плохая штука вышла. Дехтяренко какъ прочиталъ номеръ, взъерепенился и сейчасъ же къ губернатору, губернаторъ редактора къ себѣ вызвалъ, и въ тотъ же вечеръ меня, раба Божьяго, изъ редакціи — кишь на улицу, къ чортовой матери.

IV.

Два года послѣ этого я существовалъ, но чѣмъ?—ей-Богу до сихъ поръ не знаю. Не платилъ за квартиру, — это само собой, должалъ по кабачкамъ, бѣгалъ въ ломбарды. А главное жилъ займами. Знакомыхъ пропасть было въ городѣ, еще по газетному дѣлу. Тутъ я глубоко постигъ изреченіе: острить и занимать деньги надо внезапно. Встрѣтишься съ кѣмъ-нибудь на бульварѣ,

поговоришь, поговоришь, а потомъ вдругъ съ этакимъ небрежнымъ видомъ: «ахъ, кстати, нѣтъ ли у васъ до завтрашняго дня рубля или двухъ?» Рубль такіе деньги, что, вѣдь, совѣстно не одолжить. И такъ, ничего не дѣлая, умудрялся я не только не умереть съ голоду, но еще каждый день къ вечеру бывалъ въ легкомъ подпитіи.

Изрѣдка перепадала кое-какая работишка. Одинъ профессоръ какъ-то пожалѣлъ меня, поручилъ мнѣ привести въ порядокъ его библіотеку и составить каталогъ. Славный былъ старикашъ, весь серебряный, красивый такой, и доброты неописуемой. Мѣсяцевъ семь я у него устраивалъ библіотеку, а какъ вздумалъ онъ однажды ее провѣрить,—такъ и ахнулъ бѣдняга. Заплакалъ даже. «Хоть скажите мнѣ,—говоритъ,—ради Бога, кому продавали? Я втрое, вчетверо дороже отдамъ, это вѣдь все рѣдкости, единственные экземпляры!» Жалко мнѣ его стало ужасно, самъ я прослезился, только гдѣ же упомнить? Продавалъ все больше на толкучкѣ изъ рукъ въ руки. А то на вѣсъ.

Женщины меня тоже поддерживали. И, вотъ, судьба моя какая проклятая: все мнѣ попадались бабы самыя душевныя, самыя кроткія—даже между кухарками, торговками, номерантками, даже между обыкновенными панельными дѣвицами. Почему ужъ это такъ выходило—чортъ ихъ знаетъ! Я не знаю...

Но все-таки жить приходилось со всячинкой. Узналъ я ходъ въ ночлежки. Разъ ночевалъ я во флоровскомъ монастырѣ (вообще мнѣ пришлось довольно-таки много потереться около разныхъ богоспасаемыхъ мѣстъ). Это хоть и женскій монастырь, но есть тамъ спальныя учрежденія для особъ того и другого пола въ отдѣльности. Дворянское отдѣленіе стоитъ гривенникъ. Мы эту странопріимицу называли, по имени монастыря, отель Флорида, а иначе гостинница Флоренція. Пришелъ я поздно; сильно дрызнувши. Тамъ, знаете, этакая длинная стеклянная галлерея, и направо все коморки, на четыре человѣка каждая. Мнѣ показали свободную койку, я и легъ.

Рано утромъ дворникъ всѣхъ будитъ по положенію. Я не выспался, голова трещитъ съ похмелья, золъ какъ сто дьябловъ. Смотрю, напротивъ меня копошится молодой человѣкъ, остриженъ ёжикомъ, бородка а-ля Анри Катръ, но бѣлье на немъ, съ позволенія сказать, заношено до послѣдняго градуса. Я гляжу съ неудовольствіемъ, что будетъ дальше? Начинаетъ молодой человѣкъ чистить сапоги. Чистилъ, чистилъ, кряхтѣлъ, кряхтѣлъ, наконецъ, кончилъ; въ сапоги хоть смотрись. Потомъ принимается такъ же рачительно чистить пиджачокъ, жилеточку; потомъ вдругъ вынимаетъ изъ-подъ матраца панталоны; оказывается, онъ на нихъ всю ночь спалъ. Я спрашиваю: «Это вы что же, юноша, для со-

хранности? Чтобы не украли?» Онъ смѣется. «Нѣтъ, это я для того, чтобы фасонъ не терялся, лучше будутъ сидѣть». Я говорю: «Не все ли равно, какъ, въ нашемъ съ вами положенiи, сидятъ панталоны? Была бы только чистая совѣсть и рюмка водки».—А онъ смѣется и спрашиваетъ: «Что такое совѣсть? Ее ѣдятъ?» Понравился онъ мнѣ, вижу—человѣкъ не скучный, предлагаю ему спорхнуть вмѣстѣ въ трактирчикъ. «Я, говоритъ,—вообще-то прiемлю и даже очень, но по утрамъ боюсь, будетъ пахнуть, а мнѣ на дѣло идти».—«Э, пустяки, возьмите чаю, пожуйте, и все пройдетъ». Сталъ онъ колебаться: «Развѣ что, въ самомъ дѣлѣ, чаю?» А самъ тѣмъ временемъ одѣлся; манишку бумажную съ гвоздя снялъ, воротничокъ чистенькiй, галстухъ черный съ синими звѣздами,—смотрю, ахъ ты чортъ!—прямо членъ парижскаго жокей-клуба изъ журнала модъ, и даже на панталонахъ спереди складки. Я говорю: «Вотъ такъ превращенiе!» А онъ только улыбается: «Намъ иначе нельзя».

Слово за слово, закатились мы съ нимъ въ одинъ кабачокъ, въ другой, въ третiй. Наконецъ, вижу — изсякли наши фонды окончательно, и расплатиться намъ нечѣмъ. Тогда онъ спрашиваетъ, который часъ. «Четыре? Подождите меня съ четверть часа». Шапку съ дворянскимъ околышкомъ на голову и въ дверь. Повѣсилъ я носъ на квинту и говорю самому себѣ: «Ну, старый дружище, теперь центръ тяжести перенесенъ на тебя. Очевидно, дѣло безъ участка не обойдется. Ловкiй, однако, пассажъ устроилъ юноша». Но тѣмъ не менѣе жду. Спросилъ газету. Проходитъ четверть часа, и двадцать минутъ, и полчаса, и больше... Я ужъ успѣлъ даже всѣ объявленiя перечитать: сбѣжалъ черный пудель, ищутъ репетитора... Признаюсь, упалъ духомъ. Лакей ходитъ мимо меня съ самымъ наглымъ видомъ. Подойдетъ къ столу и давай салфеткой у меня подъ носомъ скатерть обмахивать, посуду безъ нужды переставлять. Что дѣлать? Набралъ я ужъ было воздуху, чтобы счетъ спросить, какъ вдругъ вбѣгаетъ мой молодой человѣкъ. «Что? заждались небось?» — «Н-да-а, признаться...» — «Ну, это пустяки. Человѣкъ, сколько слѣдуетъ?» — «Два двадцать». — «Дай еще бутылку краснаго вина и получи». Брякъ—золотой на столъ.

Сдружились мы съ нимъ за этотъ день, а вечеромъ онъ мнѣ во всемъ открылся. «Дѣло мое,—говоритъ,—очень простое, хотя и не такое легкое, какъ кажется спервоначалу. Я—стрѣляю». — «То есть, какъ это стрѣляете? Просите на бѣдность?»—«Н-нѣтъ, не совсѣмъ такъ. Просятъ на бѣдность на улицѣ личности небритыя, съ сизыми носами и въ рубищѣ; для такихъ двугривенный—богатство Шехерезады. А вы сами посудите, кто же мнѣ рискнетъ предложить двугривенный, если у меня форменная фу-

*

ражка, чистенькій костюмчикъ и вдобавокъ хорошая дворянская фамилія? Являюсь я прямо на домъ, приказываю о себѣ доложить, представляюсь, какъ равный, за ручку. «Прошу извинить меня за безпокойство, временно нахожусь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, со дня на день ожидаю полученія мѣста...» и прочее, и прочее... Какъ у него хватитъ духу дать мнѣ меньше рубля? Ни въ жизнь не хватитъ».

Понравилось мнѣ все, что онъ разсказывалъ. Попробовалъ и я на другой день эту тактику. Страшно было сначала, но ничего, понемногу обтерпѣлся, привыкъ и сталъ стрѣлять по чемъ зря. Если бы не заболѣлъ, такъ бы и не отсталъ отъ этой жизни. Оно—и унизительно, и опасно, но занимательно и всегда деньги въ карманѣ—большія, легкія деньги.

Разсчитываешь всегда на психологію. Являюсь я, напримѣръ, къ инженеру—сейчасъ бью на техника по строительной части: высокіе сапоги, изъ кармана торчитъ деревянный складной аршинъ; съ купцомъ — я бывшій приказчикъ; съ покровителемъ искусства — актеръ; съ издателемъ — литераторъ; среди офицеровъ мнѣ, какъ бывшему офицеру, устраиваютъ складчину. Энциклопедія!.. Лавируешь и скользишь, какъ змѣя, каждую минуту на чеку, весь—вниманіе: не сорваться, не переборщить, не впасть въ нищенскій тонъ. Все время смотришь ему въ глаза, нѣтъ, и не въ глаза, а въ переносицу—такъ, по крайней мѣрѣ, и самъ неловкости не испытываешь, и ему кажется, что это у тебя такой прямой и честный взглядъ бѣднаго труженика, преслѣдуемаго судьбой. Главное—жди, пока онъ не сконфузится: за тебя, или за себя ему станетъ стыдно, или за свой роскошный кабинетъ. Самаго твердаго человѣка можно, въ концѣ концовъ, такъ застыдить, что онъ глазами забѣгаетъ и начнетъ рукой въ карманѣ нащупывать портмонэ. Тутъ сейчасъ же нажми педаль, тутъ ужъ не бойся перестараться. Все равно, онъ тебѣ въ душѣ не вѣритъ, и гадокъ ты ему до послѣдней степени, но ужъ не дать онъ не посмѣетъ, не рѣшится. Здѣсь —психологія.

Правда, бывали обратные случаи. Стрѣлялъ я однажды у члена какого-то не то славянскаго, не то балканскаго общества въ Одессѣ. Нѣтъ, позвольте, не славянскаго общества, а—я потомъ узналъ — онъ самъ какое-то общество затѣвалъ. Былъ онъ, кажется, чехъ или хорватъ, или что-то въ этомъ родѣ. Общество же его было такое: чтобы собирались въ извѣстные дни, по праздникамъ, дѣти и взрослые — по преимуществу изъ простого народа—въ большое помѣщеніе, и, между прочимъ, чтобы никому запрету не было: и студентъ, и офицеръ, и гимназистка можетъ придти, нужно также высшее начальство заинтересовать,—хорошо, если губернаторъ посѣтитъ, архіерей, полицеймейстеръ, словомъ,

идиллія подъ сѣнью древесъ. И чтобы всѣ въ этомъ обществѣ, подъ управленіемъ этого самаго далмата, пѣли бы пѣсни—исключительно патріотическія и духовно-нравственныя. Охъ, сильно я подозрѣваю, что все это духовно-пѣвческое общество было не что иное, какъ та же стрѣльба, только въ болѣе широкомъ масштабѣ! По крайней мѣрѣ, извѣстно мнѣ навѣрное, что писалъ онъ постоянно письма разнымъ высокопоставленнымъ особамъ и все клянчилъ пособія на поддержку патріотической идеи.

Размахнулся я къ нему. Ба-альшой, рослый баринъ, борода по грудь, лицо этакое открытое, благожелательное, лобъ лысый. «Вы—предсѣдатель этого прекраснаго, симпатичнаго общества?»—«Какъ же, я, я, я! Весь къ вашимъ услугамъ». И обѣими руками жметъ мою руку. Началъ я ему пѣть; пѣлъ, пѣлъ, а онъ все ласковѣе становится и головой въ тактъ качаетъ, точно фарфоровый слонъ. Наконецъ, говоритъ: «Все это прекрасно; я, конечно, готовъ, чѣмъ могу, но мнѣ, простите, надо быть увѣреннымъ, то ли вы именно лицо, какимъ рекомендуетесь. Позвольте посмотрѣть вашъ паспортъ». Кольнуло меня что-то въ сердцѣ, но по неопытности и легкомыслію вынимаю изъ бокового кармана видъ—въ стрѣлковомъ дѣлѣ его всегда надо при себѣ носить,—подаю ему. Онъ моментально паспортъ въ столъ, дринь!—ящикъ на ключъ и пальцемъ въ электрическій звонокъ. «Даша! Сходите, позовите сейчасъ же полицію!» Сталъ я его молить, на колѣни становился, руки его волосатыя цѣловалъ—куда тебѣ! Заговорилъ я было съ нимъ потверже, а онъ преспокойно вынулъ изъ другого ящика револьверъ и положилъ передъ собой. «Попробуйте», говоритъ. Энергическій мужчина. Пришлось мнѣ тогда отсидѣть два мѣсяца за профессіональное прошеніе милостыни.

Но это былъ случай единственный. О другихъ подобныхъ я даже и не слыхалъ никогда. Потому что—говорю это, какъ передъ Богомъ, положа руку на сердце, потому что люди, если только ихъ брать не гуртомъ, а по отдѣльности, большею частью хорошіе, добрые, славные люди, отзывчивые къ бѣдности, Правда, помогаютъ они чаще не тѣмъ, кому слѣдуетъ. Ну, что-жъ подѣлаешь: наглость всегда правдоподобнѣе нужды. Чему вы смѣетесь? За ваше здоровье!..

Потомъ, еще чѣмъ эта жизнь была пріятна, такъ это свободой. Надоѣло въ одномъ городѣ—стрѣльнулъ на дорогу, иногда даже билетъ II класса выудишь, уложилъ чемоданъ,—айда въ другой, въ третій, въ столицу, въ уѣздъ, по помѣщикамъ, въ Крымъ, на Волгу, на Кавказъ. Денегъ всегда масса, иногда я по двадцати пяти рублей въ день зарабатывалъ—пьешь, женщинъ мѣняешь, сколько хочешь—раздолье!

Правда, приходилось временами поджимать животъ. Бывало

пріѣдешь въ городъ, гдѣ всѣ адреса испорчены: или слишкомъ много стрѣлковъ съѣхалось, или нѣкоторые пьяные являлись, или кто-нибудь влопался полиціи и попалъ въ газеты, и—стопъ!—не везетъ совсѣмъ. Жмешься, жмешься, изъ гостинницы въ ночлежку переѣдешь, одежду лишнюю спустишь, бѣлье... Тогда ужъ приходилось не брезговать на улицѣ палить. Тутъ, я вамъ скажу, выработался шаблонъ. Надо стрѣлять быстро, чтобы не надоѣсть, не задержать, да и фараоновыхъ мышей опасаешься, поэтому и стараешься совмѣстить все сразу: и краткость, и убѣдительность, и цвѣты краснорѣчія. Бьешь на актера, напримѣръ: «Милостивый государь, минуту вниманія! Драматическій актеръ—въ роли нищаго! Контрастъ поистинѣ ужасный! Злая иронія судьбы! Не одолжите ли нѣсколько сантимовъ на обѣдъ?» Студенту говорю такъ: «Коллега! помогите бывшему рабочему, администритивно лишенному столицы. Три дня во рту маковой росинки не было!» Если идетъ веселая компанія въ подпитіи, вали на оригинальность. «Господа, вы срываете розы жизни, мнѣ же достаются терніи. Вы сыты—я голоденъ. Вы пьете лафитъ и сотернъ, а моя душа жаждетъ казенной водки. Помогите на сооруженіе полдиковинки бывшему профессору бѣлой и черной магіи, а нынѣ кавалеру зеленаго змія!» Ничего... засмѣются и дадутъ. Часто больше, чѣмъ ждешь.

Какіе козыри между нами были! Одинъ, напримѣръ, по фамиліи Заблонскій: высокаго роста, красавецъ, усы и бороду брилъ, лицо полное, носъ орлиный—ну, точка въ точку, первый любовникъ со столичной сцены! Тотъ тысячи четыре въ годъ наколачивалъ. И не пилъ, съ женщинами не путался. Была у него слабость — шикарно одѣваться. Сюртукъ всегда самый модный, фракъ — на всякій случай, коричневыя перчатки, костюмчикъ цвѣта, этакого, электрикъ, трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, пальто сезонное балахономъ. Гордился: «Я съ пятнадцати лѣтъ своимъ роднымъ ни копейки не стою». Удивительно, какъ онъ зналъ географію Россіи! Бывало, назовешь ему для шутки какой-нибудь дрянненькій уѣздный городишко, а онъ — моментально: «Стоитъ на рѣкѣ Вихляди; вальцовая мельница, мукомолъ—свѣтлая личность; предсѣдатель земской управы—такой-то, даетъ, но скупо; исправникъ свирѣпый, предводитель дворянства, когда трезвъ — гонитъ, пьяный — дастъ, сколько просишь». И такъ всѣ подробности.

Чудной народишко! Были между нами такіе, которые сами не стрѣляли, а только указывали адреса, служили вродѣ справочныхъ книжекъ. Тотъ всегда выходитъ вмѣстѣ съ тобой на дѣло; идетъ по улицѣ и вдругъ начинаетъ въ носъ бормотать, таин-

ственно: «Направо каменный особнякъ, Шпехтъ Арнольдъ Карловичъ, архитекторъ; непремѣнно *лично*; будетъ сначала ругать скверными словами; не смущайся, уговаривай его, какъ верблюда; пятерка». Или: «Аристарховъ Павелъ Павловичъ; дома не даетъ, надо ловить въ земельномъ банкѣ, отъ трехъ до пяти; не терпитъ длинныхъ разговоровъ». «Гирчичъ, пароходчикъ, мимо; избитое мѣсто, ни одного пенса». «Маргарита Францовна Паули; прекрасная женщина; къ ней надо письменно, отличнымъ почеркомъ и книжнымъ языкомъ; любитъ хорошую литературу». И такъ далѣе. Понятно, такому путеводителю полагается половина, или треть, смотря по условію.

Были и такіе, которые только писали письма для слабыхъ въ грамотѣ. Тутъ опять шаблонъ: «Премного всѣми уважаемая, милостивая государыня! Ваше великодушное сердце и сострадательность къ ближнимъ, обездоленнымъ судьбой, даютъ мнѣ смѣлость» и прочее и прочее. Такихъ писемъ съ собой носятъ на всякій случай пять или шесть, безъ имени, кому попадется. Иные при письмѣ влагаютъ свой паспортъ и потомъ приходятъ за нимъ.

Были старички, которые въ двухъ-трехъ мѣстахъ получали ежемѣсячно пенсію и этимъ жили. Для такого старца—главное—благообразная наружность, украшенная сѣдинами. Да у нихъ какія и потребности! Чай, табакъ, рюмка водки, газета—и больше ничего.

Былъ еще, помню, нѣкто Богоявленскій, изъ семинаристовъ; умнѣйшая, золотая голова, но на видъ—чистый сапожникъ и притомъ косой. Тотъ бывало, сидитъ цѣлый день у себя въ номерѣ, въ одномъ бѣльѣ, и пьетъ, и пишетъ письма А около него всегда нѣсколько человѣкъ ютятся для разсылки. Ахъ, какъ онъ писалъ! Прежде всего почеркъ—круглый, черный—писалъ онъ тушью—красоты неописанной и четкій, какъ самая крупная печать. А потомъ—слогъ. Дѣлалъ онъ письмами чудеса. Извѣстно, напримѣръ, что духовную особу нѣтъ никакой возможности растрогать—это ужъ фактъ! Кремни. Мы ихъ всегда избѣгали. А онъ закатитъ какому-нибудь архипастырю страницъ восемь, да съ текстами разными, да и тексты-то подбиралъ не такіе, что «рука дающаго не оскудѣетъ», или «просите и дастся вамъ», а, напримѣръ, изъ Премудростей сына Сирахова, изъ пророка Варуха, да еще въ скобкахъ обозначитъ: глава такая-то, стихъ такой-то. Блестящіе писалъ письма и отказа не зналъ никогда.

Нѣтъ, денегъ никто не копилъ, все проживалось. Женщины—тѣ иногда откладывали на сберегательныя книжки, но и то до перваго любовнаго увлеченія. У женщинъ манера извѣстная—

стрѣлять на швейную машину. Помогаютъ имъ иногда довольно крупно, но если хорошенькая,—рѣдко задаромъ.

Если хотите, пожалуй, и интересно. Но только сначала, а потомъ... Ужъ очень народъ они сволочь, эти стрѣлки, хуже арестантовъ. У тѣхъ, по крайней мѣрѣ, есть хоть какое-нибудь товарищество, дерзость, удаль есть. У этихъ—ничего. За рубль продадутъ и выдадутъ другъ за друга, напакостятъ, донесутъ, насплетничаютъ. Завистники, лгуны, трусишки, жадные. Да и вообще я вамъ скажу: сколько я шатущаго народа ни видалъ, нѣтъ хуже, какъ тѣ, которые изъ образованныхъ свихнулись: всѣ эти корнеты отставные, пропившіеся студенты или вотъ еще—актеры. Мразь! До сладенькаго куска охочи, а работу ненавидятъ всѣми фибрами души. Что-жъ, я, вѣдь, и о себѣ здѣсь говорю, я правду говорю. Эхъ, не то, что настоящіе бродяжки, по призванію. Тотъ лежитъ на солнцѣ кверху пузомъ, и ничего ему не надо. Лопаетъ воблу, черный хлѣбъ съ арбузомъ. Отлежался,—пошелъ на пристань хребетъ ломать. Ему что: ничего онъ не боится, никого не уважаетъ, никому не кланяется. И, надо признаться, глядѣли они на насъ, стрѣлковъ по профессіи, какъ на гадовъ. Да, что! Воришки мелкіе, марвихеры, и тѣ насъ презирали. Тоже, вѣдь, и съ ними приходилось въ ночлежкахъ встрѣчаться.

V.

Ну-съ, попалъ я такимъ стрѣлковымъ порядкомъ въ Крымъ. Крымъ, знаете, да и вообще югъ, это настоящее гнѣздо всѣхъ шатуновъ и аферистовъ; кто разъ побывалъ тамъ, того ужъ непремѣнно опять туда потянетъ. Тепло, море, горы, красота, деньги кругомъ шалыя. Оттого тамъ всегда такъ и кишитъ бездѣльный народъ.

Застрялъ и я. Съ одной стороны, съ бабой связался, а кромѣ того, стала у меня идти кровь горломъ. Вотъ я тамъ и пустилъ корни.

Сначала везло мнѣ, но вдругъ оборвалось. Наступила зима, холодно, а я совсѣмъ ослабъ, ночью потѣю, днемъ трясетъ меня, начну кашлять—чуть съ ногъ не валюсь. Бѣда! Главное—сезонъ кончился, золотыя овцы уѣхали въ Москву, въ Петербургъ, осталась только одна болящая голь. А мѣстнымъ жителямъ, аборигенамъ такъ сказать, моя личность до тошноты примелькалась. Встрѣчаютъ сухо: «Позвольте-съ, это опять вы? въ четвертый разъ? Извините, я не Вандербильдъ, чтобы всѣхъ содержать на субсидіи. До свиданія-съ». Или иное что-нибудь въ этомъ духѣ.

Женщина меня бросила. Красивая она была бестія, горячая,

злая, нетерпѣливая, алчная,—одна такая мнѣ за всю жизнь и попалась. Жить любила широко. Полька. Ее звали Зося. Напослѣдокъ оскандалила меня на улицѣ,—разсердилась, что я ничего не досталъ. «Ты,—кричитъ,—стрѣлокъ несчастный, гадина острожная, дохлая падаль!» Ушла и домой не вернулась.

Потерялъ я голову. Кое-какъ, по милости одного капитана, перебрался пароходомъ изъ Крыма сюда. Здѣсь пошло еще хуже, просто—шабашъ! Зима суровая, хожу въ лѣтнемъ пальтишкѣ, сапоги дырявые, отъ кашля корчусь въ три погибели. А вѣтеръ съ моря зажариваетъ—ухъ!—такъ и шатаетъ во всѣ стороны. Какъ и живъ тогда остался удивляюсь! И хуже всего — всякую смѣлость потерялъ. Прошу—голосъ срывается, слезы душатъ. И тутъ-то я узналъ, что на истинную, заправдашную нужду трудно встрѣтить сожалѣніе. Настоящее горе всегда почему-то ненатуральнымъ выходитъ. «Ты пьянъ, мерзавецъ, отъ тебя несетъ, какъ изъ погреба, ступай проспись». А я не то, что не пилъ, — не ѣлъ со вчерашняго дня.

Пошелъ я къ доктору. Нарочно со злобы выбралъ самаго дорогого. И что вы думаете?—оказался распрекраснѣйшимъ человѣкомъ. Не говорю уже, что лечилъ задаромъ. Надо сказать, что на докторовъ мы никогда не жаловались. Если ужъ очень важный, то бывало скажетъ: «эхъ, некогда мнѣ съ вами возиться, вотъ вамъ карточка, идите къ моему асистенту». Да еще вдогонку крикнетъ: «Постойте, куда же вы? Вамъ, вѣдь, деньги нужны? На-те и проваливайте поскорѣе». А этотъ—просто душа человѣкъ былъ, хоть и жидъ. Лечилъ даромъ, деньги давалъ на лекарство, костюмами снабжалъ, которые, знаете, второго срока. Пальто подарилъ теплое на шерстяной ватѣ.

Сталъ я понемногу поправляться. Однажды мой докторъ и говоритъ: «Слушайте, сэръ, не все же вамъ безъ дѣла окалачиваться, у меня есть для васъ въ виду мѣсто. Хотите поступить конторщикомъ въ «Южную Звѣзду?». — «Помилуйте, съ руками, ногами!». — «Ну, такъ отправляйтесь туда завтра къ 11-ти часамъ, спросите хозяина и скажите, что отъ меня пришли. Онъ уже знаетъ».

Поступилъ я въ гостинницу и немного вздохнулъ. Обязанность легкая—сиди и пиши отъѣзжающимъ счета. Жалованья двадцать пять рублей, столъ, чай—хозяйскій, номеръ; правда, подъ лѣстницей, какъ у Хлестакова, но все-таки номеръ, свое логово. Оглядѣвшись, я еще нѣсколько на счетахъ наживалъ. Дѣлалось это очень просто: жильцу пишешь счетъ преувеличенный, а въ книгу заносишь настоящій,—разницу себѣ. Недоразумѣнія выходили очень рѣдко. Случалось, вломится въ контору какой-нибудь ольгопольскій помѣщикъ въ парусинномъ балахонѣ и начинаетъ дѣлать

гармидеръ, а ты ему моментально съ любезной улыбкой: «Ахъ, да неужели? Такому почтенному гостю? О, это мы сейчасъ же разслѣдуемъ... Знаете, сто двадцать номеровъ, суматоха»... Заговоришь его, онъ и размякнетъ.

А все-таки положеніе было довольно утлое. Сталъ я понемногу оглядываться вокругъ себя и вдругъ вижу, что лакеи въ сто разъ лучше моего живутъ. Худо-худо четыре-пять рублей въ день заработаетъ, а то шесть, семь, даже десять, при удачѣ. И надо отдать справедливость, ко мнѣ они относились довольно-таки санъ-фасонисто.

Подумалъ я, подумалъ, и, вотъ какъ-то разъ освободилась одна лакейская ваканція, пошелъ я къ хозяину и попросился. Тотъ сначала было глазами захлопалъ. «Помилуйте, вы—бывшій офицеръ, вамъ, вѣдь, «ты» будутъ говорить, да, знаете, и мнѣ будетъ неловко съ вами обращаться, какъ съ официантомъ, а дѣлать разницу—вы сами понимаете—неудобно». Но я его успокоилъ тѣмъ, что открылъ ему часть моей жизни, не самыя, конечно, темныя мѣста, но все-таки разсказалъ кое-какія приключенія. Согласился. Умный былъ мужикъ.

На первыхъ порахъ крѣпко меня лакеи утѣсняли: все-таки вродѣ какъ благородный, былъ офицеромъ, недавно въ конторѣ бариномъ сидѣлъ. Но не надолго. Во-первыхъ, я и самъ съ острыми зубами, а во-вторыхъ, есть у меня дорогая способность: во всякую жизнь вживаться. И еще чѣмъ я внушилъ имъ уваженіе—это познаніями по судебной части. У лакеевъ постоянно дѣла у мировыхъ судей и въ съѣздѣ. Все больше въ области дебоша и неуплоченныхъ счетовъ.

Трудно также было привыкать къ службѣ. Лакейское дѣло только съ виду кажется такимъ легкимъ. Прежде всего цѣлый день торчишь на ногахъ—бываютъ дни, что и присѣсть некогда. Старые лакеи меня, впрочемъ, съ самаго начала учили, что лучше и совсѣмъ не садиться, а то разомлѣешь и весь разобьешься. Первое время когда я приходилъ домой, тàкъ ныла спина и ноги, что хоть кричи.

Потомъ память нужна особая: на какой столъ подаешь, что въ кухнѣ заказано, сколько марокъ за буфетъ надо отдать, а когда счетъ потребовали, надо все сразу вспомнить. Перепутаешь—сердятся.

Но и тутъ я скоро освоился и сталъ работать не то, что не хуже, а даже лучше другихъ. Страшно меня полюбили постоянные гости, особенно тѣ, которые въ кабинеты ѣздили съ порядочными дамами. Должно быть, оттого, что былъ я въ жизни все-таки поопытнѣе прочихъ. Знаю свое дѣло: глазъ не пялю на

даму, безъ дѣла въ кабинетъ не лѣзу, у двери не торчу, держу себя скромно и свободно. Другой и старый официантъ, зубы проѣлъ на лакейскомъ занятіи, а не понимаетъ, какъ въ этихъ случаяхъ надо служить. Ведетъ себя какимъ-то заговорщикомъ, чуть не подмигиваетъ. Лѣзетъ безъ спросу занавѣски спускать на окнахъ. «Мы, молъ, понимаемъ, для чего вы пріѣхали. Понимаемъ, но молчимъ». Ну, а я всю эту политику скоро постигъ. Любили меня и тѣ компаніи, въ которыхъ широко кутили. Бывало навезутъ пѣвичекъ, шансонетокъ этихъ самыхъ. Такія безобразія дѣлаютъ, что другой только плюнулъ бы, а я ничего—служу, точно вокругъ меня не люди, а неодушевленные предмсты. И мои гости такъ обыкновенно и говорили официантамъ: «Нѣтъ, голубчикъ, на тебѣ лучше на чай, а ты ступай и позови сюда служить Андрея, мы къ нему привыкли».

Когда у насъ въ гостиницѣ кончались ужины, то у буфета оставался только одинъ дежурный лакей, на случай, если изъ номеровъ что потребуютъ. А мы большей частью фраки въ узелки и уходили въ ресторанчикъ «Венецію», посидѣть часъ—другой, поиграть въ карты и на билліардѣ.

Какъ мы тамъ съ прислугой обращались, Боже мой! Развалимся на стульяхъ, ноги чуть не на столъ положимъ. «Эй, ты, лакуза! шестерка!» Другихъ и названій не было для служащихъ. «Не видишь, с... сынъ, кому служишь? Какой ликеръ принесъ? Въ морду васъ бить, хамовъ». Тотъ, конечно, видитъ, что надъ нимъ кочевряжится свой же братъ, халуй несчастный, но, по должности, молчитъ. И на чай при этомъ мы давали туго.

Ухъ, какъ мы господъ промежъ себя чехвостили, которые къ намъ въ ресторанъ ходили. Да, вѣдь, и то правду сказать, господа думаютъ, что мы,—вродѣ манекеновъ, ничего не видимъ, не слышимъ и не понимаемъ. А отъ насъ ничто не скроется. И кто на чужой счетъ выпить любитъ, и кто деньги тайкомъ отъ товарищей въ узелокъ платка завязываетъ, или потихоньку въ башмакъ опуститъ, и что одинъ про другого говорятъ въ отсутствіи. А ужъ если дама въ кабинетъ пришла сначала съ однимъ мужчиной, а потомъ съ другимъ, то, будьте покойны, мы отлично разберемъ, который мужъ и который такъ. И не было у насъ для нихъ другихъ словъ, какъ сволочь, шантрапа и прохвостъ.

Еще у насъ былъ любимый разговоръ о хозяевахъ гостиницы: какъ кто изъ нихъ пошелъ въ гору. Вотъ гдѣ я узналъ настоящія «Тайны мадридскаго двора!» Что ни имя—то преступленіе: грабежъ, убійство или еще хуже.

Не угодно ли, вотъ вамъ коллекція. Ищенко: отель «Берлинъ», первоклассная гостинница, въ ресторанѣ по вечерамъ играютъ

румыны, двадцать тысячъ чистаго дохода. И сейчасъ же историческая справка: служилъ швейцаромъ въ публичномъ домѣ, черезъ три года открылъ темный кабачокъ, черезъ пять—«Берлинъ», теперь держитъ своихъ рысаковъ на бѣгахъ. Замѣчательно, что именно въ томъ домѣ, гдѣ онъ былъ щвейцаромъ, видѣли въ послѣдній разъ помѣщика Онопріенко, который,—можетъ быть помните?—исчезъ безслѣдно. По этому поводу держали Ищенко шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, но выпустили, по недостатку уликъ.

Цыпенюкъ и Лещенецкій. Одинъ держитъ буфетъ на пароходахъ, другой гостинницу «Варшава». У обоихъ собственные дома. Цыпенюкъ—гласный. У Лещенецкаго содержанка вѣнская этуаль. А раньше оба служили корридорными въ «Кіевѣ». При нихъ одинъ купецъ изъ Москвы скоропостижно скончался въ номерѣ и, какъ будто, не по собственному почину. Цыпенюка схватили,—царапины у него оказались на рукахъ и на лбу,—мариновали въ острогѣ полтора года, но ничего не могли съ нимъ подѣлать: уперся, какъ быкъ. Тоже выпустили.

Теперь—Казиміръ Хржановскій. Садъ «Тиволи» съ кафе-шантаномъ. Ѣздитъ на автомобилѣ. Занимался сводничествомъ; трехъ своихъ сестеръ пустилъ въ оборотъ, каждую во пятнадцатому году, чѣмъ и положилъ основаніе дальнѣйшей карьерѣ. Нагурскій былъ на содержаніи у шестидесятилѣтней старухи. Малієвичъ—меблированный домъ на Большой Дворянской, 300 номеровъ,—то же самое, только еще хуже, стыдно говорить. И такъ далѣе. Словомъ, все «Уложеніе о наказаніяхъ» въ лицахъ. Да и вообще, долженъ вамъ замѣтить, что я въ эти разсказы о мужичкахъ-простачкахъ, которые приходятъ въ столицу съ лаптями за спиной, а умираютъ въ тридцати милліонахъ—я въ эти разсказы плохо вѣрю. Въ фундаментѣ такихъ внезапныхъ богатствъ лежитъ всегда мошенничество, если не кровь...

Вы думаете, мы ихъ осуждали? О, наоборотъ. Только, бывало, и слышишь: «Эхъ, молодчинище, какъ ловко обтяпалъ! Чего зѣвать? Дай мнѣ въ руки такой случай, я бы и самъ по головѣ кокнулъ!» Разгорались мы всѣ, когда объ этихъ вещахъ говорили.

VI.

Особенно одинъ. Былъ у насъ такой офиціантъ, Михайло, хохолъ... Виноватъ, господинъ буфетчикъ, сейчасъ кончаемъ. Пожалуйста, господинъ, меня онъ не послушаетъ, а вы попросите у него еще одну бутылочку, послѣднюю. Скажите, что, молъ, единымъ духомъ. Сейчасъ и исторіи моей конецъ...

Вотъ такъ. Мерси. Чего ты, болванъ, на часы вылупился? Слышалъ—хозяинъ разрѣшилъ. То-то!

Ире гезундхейтъ. Былъ этотъ Михайло человѣкъ сложенія жидковатаго, характеромъ—меланхоликъ, по происхожденію—изъ Мазепъ. Обожалъ до безумія церковныя службы; все, бывало, мурлычетъ: «Изра-алю пѣшеходя-ащу». Говорить много не любилъ, но когда эти разговоры пойдутъ, его и силой не оттащить. Да какъ, да что, да куда деньги спрятали, даже надоѣстъ иногда. И глаза станутъ черные такіе, масляные. Служилъ онъ лакеемъ въ первомъ этажѣ.

Почему я такъ ему понравился, ужъ не умѣю сказать. Должно быть, общая у насъ судьба была, и потому тянуло насъ другъ къ другу. Стали мы съ нимъ какъ будто отъ прочихъ товарищей уединяться. И все у насъ разговоръ объ одномъ, все объ одномъ. И, наконецъ, мы оба въ этихъ разговорахъ послѣдній стыдъ потеряли. Нѣкоторымъ образомъ вродѣ какъ голые ходили другъ передъ другомъ. Настоящаго слова еще не сказали, но уже чувствовали, что намъ даромъ не разойтись.

А я къ тому времени опять прихварывать началъ. Перемогался изо всѣхъ силъ. Случалось—подаю на столъ, вдругъ, какъ забьетъ меня кашель. Сначала держусь, а потомъ, когда не станетъ возможности, брошу приборы на столъ и бѣгомъ въ корридоръ. Кашляю, кашляю, даже въ глазахъ потемнѣетъ. Этакихъ вещей, вѣдь, въ хорошихъ ресторанахъ не любятъ. Ты, скажутъ, или служи, или ступай въ больницу ложись. Здѣсь не богадѣльня. У насъ публика чистая.

Такъ я и чувствовалъ, что мнѣ вотъ-вотъ по шапкѣ дадутъ. И думалъ я: опять улица, холодъ, клопы въ ночлежкахъ, конская колбаса, грязь, гадость. Кстати, и моя Зоська ко мнѣ вернулась въ эту пору,—пронюхала, гадюка, что изъ меня опять можно деньги сосать. Есть деньги—она спокойна, ласкова, даже черезчуръ ласкова, такъ что не въ моготу бывало, а нѣтъ—кричитъ мнѣ при сосѣдяхъ: «Лакей вонючій! хамъ! шестерка! продажная тварь!» Только у нея тогда и оказывалось словъ.

Самое тяжелое это время было въ моей жизни, на что ужъ я, кажется, сквозь всякія горнила прошелъ. Бывало, въ мой выходной день брожу по улицамъ и мечтаю: вдругъ кто-нибудь бумажникъ потерялъ, а я найду, а въ немъ три тысячи? Или вдругъ подходитъ ко мнѣ старенькій, добренькій милліонеръ и спрашиваетъ съ участіемъ: «Почему у васъ такой грустный видъ, симпатичный молодой человѣкъ? Скажите откровенно, что васъ тревожитъ? Можетъ быть, я смогу помочь вамъ?»

Въ это время и пріѣхалъ къ намъ въ гостинницу этотъ чело-

вѣкъ, царствіе ему небесное. Что? Странно вамъ, что я крещусь? Нѣтъ, вы не думайте: я къ ночи въ Господа Бога очень вѣрую. Днемъ, правда, впопыхахъ и въ пьянствѣ, забываю Его, моего Благодѣтеля.

Разсказывать ли дальше? Непріятно вамъ это будетъ, тяжело?.. Ну, если такъ, буду продолжать по порядку.

Былъ онъ крупная шишка. Управлялъ какими-то имѣніями въ Крыму и на Кавказѣ; на Волгѣ подъ его начальствомъ состояло болѣе двадцати тысячъ десятинъ, кромѣ того, что-то орудовалъ съ нефтью и съ желѣзомъ. Видѣлъ я его каждый день. Утромъ, бывало, выйдетъ къ завтраку—въ часъ или въ два,—просто страшно на него смотрѣть. Огромный, опухшій, лицо земляное, подъ глазами черные мѣшки, а глаза оловянные, безсмысленные, чуть не выскакиваютъ наружу. Дышать ему очень трудно было; что-то такое дѣлалось у него съ легкими или съ сердцемъ, — кажется, была грудная жаба. Ляжетъ грудью на столъ, локти растопыритъ и дышетъ не то что горломъ, а спиной и животомъ, и головой. Набираетъ воздуху—голову и грудь подыметъ кверху, ротъ раскроетъ, а какъ выпуститъ воздухъ, такъ весь и рухнетъ опять на столъ. Такъ и трепыхается, бѣдный, съ полчаса. Но ничего: ошарашитъ передъ завтракомъ сколько-нибудь водки, бутылку грѣтаго краснаго вина, глядишь—и поправился, и повеселѣлъ.

Крупныя онъ, должно быть, дѣла дѣлалъ и все съ шуточками, съ приговорками, за обѣдомъ, за шампанскимъ. Но и въ карты сильно игралъ и развратничалъ широко. Щедрый былъ. Много отъ него нашему брату перепадало.

Остановился онъ въ четвертомъ номерѣ, у Михайлы, въ бельэтажѣ, и, странно,—съ этихъ поръ, у насъ съ Михайлой нашу дружбу — чикъ! — точно ножомъ отрѣзало. Охладѣли другъ къ другу—и шабашъ. Только разъ, помню: кончилъ я службу и иду внизъ по лѣстницѣ, а онъ меня сверху кличетъ: «Андрей!» Гляжу, онъ черезъ перила перевѣсился и манитъ меня пальцемъ. И лицо все у него кривится, какъ у дьявола: не то смѣется, не то нарочно рожи строитъ. Я поднялся къ нему, спрашиваю: «Что?» А онъ говоритъ: «Вчера Николай Яковлевичъ (это такъ номера четвертаго звали), вчера Николай Яковлевичъ пьяный вернулся и, когда легъ, сейчасъ же захрапѣлъ и двери не успѣлъ запереть. Я его толкалъ, толкалъ: «Не угодно ли, молъ, раздѣться?» Ку-да!» Понялъ я, поглядѣлъ на Михайлу, онъ на меня. «Такъ что же?» шопотомъ спрашиваю. А онъ, этакъ, съ растяжкой: «Да н-ничего».—«Прощай,—говорю, — Михайло». А онъ опять такъ же лѣниво: «Прощай, Андрей».

А потомъ и случилось это самое. Подалъ я вечеромъ въ

красный кабинетъ устрицы, матлотъ изъ налима и какое-то бѣлое вино и стою въ корридорѣ около часовъ. Было четверть перваго. Вдругъ точно меня кто-то сзади толкнулъ въ спину. Обернулся — гляжу въ концѣ корридора стоитъ Михайло. Лицо бѣлое,—такое бѣлое, что отъ манишки не отличишь. Стоитъ—и ни звука. И, знаете,—удивительно—сразу я понялъ, въ чемъ дѣло. И ни онъ мнѣ не сказалъ ничего, ни я ему. Но замѣтилъ я, что у него на рукахъ бѣлыя перчатки.

Онъ впереди шелъ, я сзади. Подошли къ номеру четвертому. Въ корридорѣ ни души, и ужъ лампы потушены. Я шепчу ему: «Тише!» А онъ нарочно, со всего размаха какъ дернетъ дверь! И сейчасъ же меня впередъ пропихнулъ и заперъ дверь на ключъ.

Темно было въ номерѣ, — такъ темно, что я Михайлу сразу же потерялъ, да и самъ не могу понять, куда я попалъ, гдѣ двери, въ какую сторону идти? Заблудился. Вдругъ слышу чиркнули спичкой, огонь. Гляжу, Михайло въ комнатѣ около зеркала зажигаетъ спичку; думаю: «Что же онъ, болванъ, такое дѣлаетъ?» А онъ со свѣчкой моментально за перегородку въ спальню. Слышу, говоритъ: «Баринъ, а баринъ, Николай Яковлевичъ, извольте раздѣваться, неудобно вамъ такъ будетъ, позвольте, я васъ въ кроватку уложу». Помолчалъ немного и вдругъ опять: «Эй, ты, бугай черкасскій, вставай! А то какъ дамъ каблукомъ въ животъ!» И опять тихо, только, слыхать, дышитъ баринъ тяжело такъ, съ натугой. Вдругъ Михайло зоветъ меня: «Андрей, поди сюда».

Вошелъ я за перегородку. Лежитъ Николай Яковлевичъ на спинѣ, животъ огромный, какъ гора, ротъ раскрытъ, и по бородѣ слюни потекли, одна нога на кровати, другая внизъ свѣсилась. Охъ, какъ же онъ дышалъ! Видали рыбу, когда ее на берегъ вытащатъ? Точь-въ-точь. Видно, попадала ему въ легкіе всего одна чайная ложечка воздуху, такъ онъ ее ртомъ, и носомъ, и горломъ... Стонетъ, кряхтитъ, нудится, и лицо все искривилось, а проснуться не можетъ...

А Михайло опять: «Просыпайся что ли, нечистая душа! Вотъ мы вдвоемъ пришли тебя раздѣвать!» Да съ этими словами моментально хвать у него одну подушку изъ-подъ головы. Тотъ ничего, только головой, какъ теленокъ мотнулъ, всхлипнулъ и опять давай воздухъ ловить. Обернулся ко мнѣ Михайло, страшный такой, точно звѣрь. «Садись,—говоритъ,—на ноги и держи». А самъ подушку ему на лицо и навалился.

Что Михайло дѣлалъ, я не видалъ, не знаю: спиной онъ ко мнѣ былъ. Помню, дрыгнулъ баринъ ногами, разъ, два, три, но совсѣмъ слабо, потомъ, какъ будто икнулъ одинъ разъ, — и все. Должно быть, и самъ не замѣтилъ, какъ умиралъ. Былъ я точно

въ отупѣніи. Чувствую, тянетъ меня Михайло съ кровати. — «Слѣзай!» Всталъ я, ничего не понимаю! Вижу Михайло шаритъ по комодамъ, по столамъ, въ одеждѣ; вижу, Николай Яковлевичъ лежитъ ужъ на двухъ подушкахъ и ноги вмѣстѣ, точно спитъ, а я, какъ идіотъ, ничего не понимаю. Помню только, что въ другой комнатѣ все какой-то стаканъ дребезжалъ: должно быть, ѣхала по улицѣ телѣга.

Потомъ стало опять темно... Михайло мнѣ шепчетъ: «Пойдемъ... кончено»... У меня ни страха, ни жалости,—одеревенѣлъ весь. Подошли къ двери, послушали—тихо, вышли въ корридоръ—никого! Поглядѣлъ на меня Михайло и говоритъ: «Эхъ, дурень, на что ты похожъ! Иди ко мнѣ въ буфетную, выпей водки». Я ушелъ, а онъ еще остался въ корридорѣ.

Знаете, сколько времени это все заняло? Восемь минутъ! Меня даже ни въ одномъ кабинетѣ не успѣли хватиться. Я нарочно въ оба забѣжалъ и спросилъ: «Не вы изволили звонить?»—«Нѣтъ, говорятъ, мы не звонили». И вѣдь сложилось же такъ: ни одинъ официіантъ не замѣтилъ, что я уходилъ. И весь этотъ вечеръ я служилъ точно заводной автоматъ, даже не сбился ни разу, даже не кашлялъ.

Не сердитесь, господинъ хозяинъ. Сейчасъ уходимъ. Вы себѣ гасите лампы, мы сейчасъ.

Все равно мнѣ осталось два слова. Пришелъ я домой. Зоська по обыкновенію на меня наскочила было съ руганью, но мнѣ — можете себѣ представить—все равно, точно машинѣ. И она вдругъ притихла. Поглядѣла на меня серьезно такъ, внимательно, и притихла. Раздѣлась молча и легла около меня, и ко мнѣ прижалась. И долгое время я чувствовалъ, какъ ея рѣсницы мнѣ лицо щекотали.

Спалъ я въ эту ночь чудесно. Даже ни разу не проснулся. Это ужъ потомъ въ тюрьмѣ мнѣ все мерещилось, какъ его ноги у меня подъ руками дрыгали, и какъ рядомъ стаканъ дребезжалъ... Зато, какъ утромъ проснулся, такъ и ошалѣлъ отъ ужаса. «Господи, думаю, да неужели же *это* было не во снѣ? Вѣдь человѣка, *человѣка* мы убили съ Михайлой!» Одѣлся я.

Уходимъ, уходимъ, не раздражайтесь. До свиданія, хозяинъ. Спасибо вамъ...

Эка какой вѣтрило! Брр!.. Что, не надоѣлъ я вамъ своими приключеніями? Ну, я сейчасъ кончу.

Одѣлся я, вышелъ на улицу. Было утро раннее, часовъ шесть-семь. На улицахъ никого не было. Толкнулся я къ Михайлѣ—говорятъ, дома не ночевалъ, должно быть въ гостиницѣ остался. Въ ресторанъ мнѣ идти рано, да и не могу туда идти—противно. Ходилъ я, ходилъ по городу. Отворили турецкіе кофейни, тамъ

посидѣлъ, чашку кофе выпилъ чернаго. Гляжу на людей и думаю: «Всѣ, всѣ вы счастливые, у каждаго свое дѣло, у каждаго чистыя руки... а я!»

Потомъ пошелъ на бульваръ. Солнце взошло. Сыро на дорожкахъ. Гимназистки идутъ въ гимназію—маленькія, болтушки, личики свѣженькія, только что вымытыя... Сѣлъ я на скамейку и задремалъ. Вдругъ вижу идетъ городовикъ и этакъ съ избоку на меня посматриваетъ, точно ворона на мерзлую кость. А у меня сейчасъ же мысль: «подозрѣваетъ»... Подошелъ онъ ко мнѣ. «Сидѣть, господинъ, на бульварѣ каждому дозволяется, которые проходящіе, этого мы не запрещаемъ, а чтобы спать нельзя. У насъ пальцимейстеръ. Строго».

И что тутъ такое со мною случилось,—я до сихъ поръ понять не могу. Всталъ я со скамейки и говорю ему: «Городовой, веди меня въ участокъ, я этой ночью человѣка убилъ».

Не повѣрилъ онъ сначала. «Иди проспись. Вино въ тебѣ вчерашнее бродитъ!» Подумалъ я было одну секунду: «Можетъ быть это сама судьба благопріятствуетъ? Уйти развѣ?» Но почему-то не смогъ уйти. Отвелъ онъ меня.

Вотъ и все. Михайло упирался сначала, но подъ конецъ не выдержалъ, сдалъ. Уликъ противъ него никакихъ не было, кромѣ меня. Охъ, какой же твердый человѣкъ онъ былъ! Представьте себѣ, пока я ходилъ къ нему водку пить, что онъ сдѣлалъ. Гостиница у насъ была хоть первоклассная, но старинной постройки, и на дверяхъ еще оставались внутренніе крючки. Такъ онъ, прежде чѣмъ уйти, поставилъ крючокъ стоймя, да какъ дверью-то хлопнулъ, такъ крючокъ и запалъ самъ собой въ петлю. Руки у него осматривали—ни одной ссадинки: не даромъ онъ перчатки тогда надѣлъ. Словомъ, не признайся я, никогда бы на насъ и подозрѣнія не пало.

Защитникъ у меня былъ знаменитый изъ Петербурга. Онъ такъ и говорилъ: «Во всѣхъ дѣйствіяхъ подсудимаго видна безсмысленность, слабоволіе и слабоуміе. Его одинаково можно вовлечь и въ хорошее, и въ дурное». Здорово онъ во мнѣ разобрался—до нитки. И про отца вспомнилъ, и про Юшку, и про разныя мои болѣзни, и про Зоську. Меня оправдали, а Михайлу, какъ главнаго зачинщика, а также за его упорство, закатали на шесть лѣтъ. Держали меня потомъ полгода въ сумасшедшемъ домѣ, но рѣшили, что я хоть и не того... психически... но безвреденъ—и выпустили на волю. Вотъ и все.

Я знаю, господинъ, что такихъ вещей вообще не разсказываютъ, и теперь поэтому намъ съ вами дорога: если вамъ налѣво, то мнѣ направо, и наоборотъ. Вы ужъ не сердитесь, но я еще разъ злоупотреблю вашей гуманностью. Знаете: ночлежка,

завтра рюмку водки, пожевать что-нибудь... О, куда же мнѣ такъ много!... Ну, а впрочемъ мерси бьенъ.

Куда я пойду? Да, пока что, на улицу. Я—человѣкъ съ улицы. Не скрою отъ васъ, что, по щедротамъ вашимъ, завинчу сегодня въ какую-нибудь веселенькую трущобку. Вы говорите подняться? Э-эхъ, что тамъ! Мой циклъ свершенъ окончательно, и никуда мнѣ больше нѣтъ ходу, кромѣ улицы.

Знаете ли-съ... Позвольте, я вамъ краткую притчу... Всѣ мы у Господа Бога нашего квартиранты. Но одни занимаютъ бель-этажъ и платятъ за десять лѣтъ впередъ, и старшій дворникъ при видѣ ихъ не знаетъ, какъ ему лучше кувыркнуться. Другіе живутъ себѣ подъ крышей, но честно, аккуратно, а просрочку считаютъ для себя несмываемымъ позоромъ. Есть и такіе, которые самовольно контрактъ разрываютъ—это ужъ прямо скандалисты... А есть и такіе, вотъ и я въ томъ числѣ, которые и денегъ не платятъ, и осточертѣли всѣмъ до чорта, а выжить ихъ съ квартиры никакими силами нельзя.

Вотъ такъ-то-съ... Однако, что-же это я васъ на холодѣ держу? Простите великодушно...

О резервуаръ, мусью, какъ говорятъ французы, и глубокое вамъ мерси.

Чувствую, въ темнотѣ чувствую, какъ вы тревожитесь: «протянуть ему руку или нѣтъ». Пожалуйста, не безпокойте себя пустяками. Что за предразсудки? Ну-съ, желаю вамъ... У, какой дьявольскій вѣтеръ!...

А. Купринъ.

ЗИМНІЕ МОТИВЫ.

I.

За городомъ.

Отъ дыханья волною встаетъ бѣлый паръ.
Снѣгъ все громче хруститъ подъ ногами.
Скованъ холодомъ воздухъ. Безжизненъ и старъ
Разступается лѣсъ передъ нами.
Непонятно и жутко въ ночной тишинѣ,
Мѣсяцъ смотритъ на сосны сѣдыя,
И склоняются грустно и плавно онѣ,
Молчаливыя, странно-большія.

II.

Въ комнатѣ.

Печально шепчутъ спущенныя шторы:
Въ ихъ глубинѣ
Забытые проснулись разговоры,
Родные мнѣ.
А за окномъ томится, стонетъ вьюга,
И ночь темна.
Душа полна унылаго испуга,
Тоски полна.
Ей снится край, одѣтый въ саванъ снѣжный,
Старинный домъ,
И свѣтъ въ окнѣ, и чей-то обликъ нѣжный,
Какъ тѣнь, на немъ.
Печально шепчутъ спущенныя шторы:
Въ ихъ глубинѣ
Забытые проснулись разговоры,
Родные мнѣ.

III.

Послѣ бала.

Гости расходятся. Зала пустынная
Смотритъ съ глубокой тоской.
Чудится смутно мнѣ сказка старинная,
Странный волнуетъ покой.

Розы осыпались блѣдныя, вялыя.
Смятъ и поломанъ букетъ.
Тише, безсвязнѣе рѣчи усталыя,
Трепета жизни въ нихъ нѣтъ.
Дума печальная, дума унылая
Въ ласковомъ взорѣ видна.
Что ты мнѣ скажешь, любимая, милая?
Стала ты вдругъ холодна.

IV.

Зимняя ночь.

Ярко звѣзды горятъ, улыбаются...
Облака между звѣздъ золотыхъ
Паутиною легкой сплетаются,
Бѣлый мѣсяцъ смѣется на нихъ.
Бѣлый мѣсяцъ смѣется. Доносится
Смѣхъ его серебристый ко мнѣ,
Сердце къ небу далекому просится,
Воздухъ таетъ въ лазурномъ огнѣ.
Путь серебряный тонетъ въ безбрежности,
Лучезарна прозрачная даль,
Ночь полна и покоя, и нѣжности,
Ничего, ничего мнѣ не жаль!
Духи ясные, духи холодные
Надъ уснувшей землею скользятъ,
И мечты отъ печали свободныя
Къ неизвѣстнымъ предѣламъ летятъ.

В. Башкинъ.

Оттого я о соснахъ сѣдыхъ —
О задумчивыхъ соснахъ пою,
Что подъ сказки ихъ вѣтокъ густыхъ,
Засыпала въ родномъ я краю...
Вѣдь онѣ для меня берегли
Чуть раскрытыхъ фіалокъ цвѣты,
И подъ ними такъ ярко цвѣли
Молодыя святыя мечты...
И теперь я спѣшу отъ людей
Къ нимъ уйти съ наболѣвшей душой...
И душистой смолою своей
Сосны плачутъ тогда надо мной.
И о думахъ завѣтныхъ моихъ
Только имъ я однимъ говорю...
Оттого я о соснахъ сѣдыхъ,
О задумчивыхъ соснахъ пою..

Г. Галина.

КОСМИЧЕСКІЙ И ЗЕМНОЙ ВУЛКАНИЗМЪ.

Сравнительное изслѣдованіе вулканической проблемы.

Проф. д-ра **Г. И. Клейна.**

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Изслѣдованія вулканическихъ явленій, совершающихся въ настоящее время на земной поверхности, постепенно достигли того пункта, когда дальнѣйшій прогрессъ нашихъ знаній объ истинной сущности вулканизма становится невозможенъ при помощи однихъ описаній вулканическихъ продуктовъ, изображеній процессовъ изверженія и наблюденій надъ географическимъ распредѣленіемъ вулкановъ. Съ этимъ согласны наиболѣе компетентные вулканологи, напр., д-ръ А. Штюбель. Д-ръ П. Гроссеръ, два раза объѣхавшій вокругъ свѣта и изслѣдовавшій на мѣстахъ, на всѣхъ континентахъ и моряхъ, вулканы всѣхъ земныхъ типовъ (предпріятіе, которое до него никѣмъ не было выполнено), присоединяется вполнѣ къ мнѣнію дрезденскаго вулканолога (А. Штюбеля). Такъ какъ невозможно достигнуть подземныхъ очаговъ изверженій и наблюдать вблизи самыя изверженія, да, кромѣ того, и самыя эти наблюденія не могли бы дать ничего существеннаго для выводовъ относительно источника процессовъ, то остается, повидимому, только одно средство для дальнѣйшаго познанія, именно—логическія умозаключенія изъ аналогій. Этого можно достигнуть двумя путями: путемъ экспериментальнаго изслѣдованія условій вулканизма въ малыхъ размѣрахъ на расплавленныхъ металахъ и горныхъ породахъ, или путемъ сравнительнаго изученія земного вулканизма и космическихъ вулканическихъ процессовъ.

Первый путь имѣетъ то преимущество, что мы можемъ пройти его весь на извѣстномъ протяженіи; однако, къ сожалѣнію, это протяженіе слишкомъ незначительно, ибо обыкновенно очень трудно осуществить въ малыхъ размѣрахъ процессы, вполнѣ аналогичные крупнымъ процессамъ вулканизма. Мы не можемъ, напримѣръ, осуществить при нашихъ опытахъ условій давленія и температуры, которыя господствуютъ, вѣроятно, на извѣстныхъ глубинахъ внутри земли, да, кромѣ того, и время, находящееся въ нашемъ распоряженіи, совершенно недостаточно. Словомъ, несмотря на всю важность эксперимента въ

нѣкоторыхъ отношеніяхъ, — напр., для опредѣленія удѣльныхъ плотностей твердыхъ и расплавленныхъ горныхъ породъ и металовъ, эксперимента все же недостаточно для окончательнаго сужденія о вулканизмѣ. Важнымъ дополненіемъ къ опыту остается постоянно изученіе аналогій между земными и космическими явленіями вулканизма. Однако, нельзя, конечно, отрицать, что выводы изъ этихъ аналогій нужно принимать всегда съ оговорками, такъ-какъ аналогія при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть весьма обманчивой руководительницей; кромѣ того, затрудняющимъ обстоятельствомъ является еще то, что мы можемъ пользоваться для сравненій только двумя небесными тѣлами — солнцемъ и луной.

Если вѣрны наши основныя воззрѣнія, то на солнцѣ въ настоящее время мы имѣемъ еще тѣ условія, которыя господствовали на землѣ въ самые ранніе періоды ея существованія, именно—огненно-газообразное и огненно-жидкое состояніе матеріи. Въ настоящее время несомнѣнно извѣстно, что лапласова теорія мірозданія въ томъ видѣ, какой ей придалъ великій математикъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, ибо, съ одной стороны, механико-математическое изслѣдованіе, съ другой—фотографированіе космическихъ туманныхъ массъ приводятъ къ заключенію, что наиболѣе раннимъ состояніемъ является несвободное образованіе кольца вокругъ одного центра, а спиральная форма туманной матеріи съ одними или нѣсколькими центрами уплотненія. Для интересующихъ насъ здѣсь проблемъ это отступленіе отъ первоначальной гипотезы Лапласа, однако, не важно: исходной точкой является для насъ огненно-жидкое или туманное первичное состояніе земли и другихъ планетъ, которое, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, можетъ считаться теперь доказаннымъ болѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Это состояніе, какъ показываетъ спектроскопъ, мы, дѣйствительно, находимъ на солнцѣ, но наблюдаемыми тамъ явленіями (темныя пятна, свѣтлые факелы, протуберанцы и изверженія разскаленныхъ газовъ) — мы еще не можемъ воспользоваться для изученія первичнаго состоянія земли, такъ какъ намъ еще слишкомъ мало извѣстно объ ихъ истинной сущности. Мы не знаемъ опредѣленно, что такое солнечныя пятна или солнечные факелы, и то же самое относится и къ протуберанцамъ, о которыхъ мнѣнія настолько расходятся, что одни считаютъ ихъ настоящими изверженіями изнутри солнца въ солнечную атмосферу, другіе же считаютъ ихъ оптическимъ обманомъ, вызваннымъ ненормальнымъ лучепреломленіемъ въ верхнихъ слояхъ солнца. А. Шмидтъ доказываетъ даже съ большой вѣроятностью, исходя изъ цѣлаго ряда геометро-физическихъ наблюденій, что даже та рѣзкая граница солнечнаго диска, которую мы непосредственно видимъ, является также только оптическимъ обманомъ, происходящимъ благодаря лучепреломленію, но что, напротивъ, въ дѣйствительности матерія, составляющая солнечный шаръ, посте-

пенно разрѣжаясь, простирается далеко за предѣлы видимой границы солнца. Къ этому присоединяется еще одно обстоятельство. Если солнечный шаръ представляется намъ нынѣ въ видѣ газовой массы, обладающей неизмѣримо высокой температурой, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что и земля въ ея первичномъ состояніи въ видѣ газоваго шара обладала столь же или даже еще болѣе высокой температурой, и что въ то время центральный солнечный шаръ имѣлъ такую же высокую температуру, какъ и нынѣ. Если, согласно теоріи Гельмгольца, въ пользу которой говоритъ многое, солнечная теплота есть результатъ, главнымъ образомъ, стяженія солнечной матеріи, то эта послѣдняя не могла обладать въ періоды своего наибольшаго расширенія очень высокой температурой, точно такъ же, какъ это не можетъ быть и у космическихъ туманныхъ пятенъ, которыя телескопы и фотографическіе снимки обнаруживаютъ на небесномъ сводѣ. Ибо, какъ уже много лѣтъ тому назадъ показалъ А. Риттеръ, при тѣхъ условіяхъ, существованіе которыхъ на солнцѣ мы должны признать, благодаря стяженію газообразнаго солнечнаго шара, сначала въ теченіе извѣстнаго періода должно произойти увеличеніе температуры, превышающее охлажденіе отъ излученія. Это состояніе уже пройдено солнцемъ, хотя, вѣроятно, не такъ давно, и изъ этого слѣдуетъ, что въ первыя времена существованія всей системы температура ея матеріи была, по всей вѣроятности, не столь высока, какъ нынѣшняя температура солнечнаго шара.

То же самое относится, слѣдовательно, и къ первичному состоянію земли и другихъ планетъ. Но что земля прошла когда-то, по крайней мѣрѣ, расплавленно жидкую стадію, доказывается шарообразной и приплюснутой формой ея и увеличеніями плотности ея слоевъ по направленію къ центру. Кому извѣстна важность механико-математическихъ аргументовъ, на которые здѣсь было вкратцѣ указано, тотъ нисколько не можетъ сомнѣваться, что предположеніе о расплавленно-жидкомъ состояніи земли является вполнѣ надежной исходной точкой для дальнѣйшихъ заключеній. Образовалась ли вся солнечная система въ цѣломъ и земля въ частности благодаря скопленію мелкихъ космическихъ массъ, неизвѣстно. Несомнѣнно, что въ началѣ земля представляла собою расплавленно-жидкую массу; такъ какъ мы должны, судя по всему, отнести это начало къ давно прошедшимъ временамъ, то, конечно, можно признать, что въ теченіе этого неизмѣримо долгаго времени многочисленныя космическія массы соединились съ землей, какъ это мы наблюдаемъ еще время отъ времени и теперь въ видѣ метеоровъ. Но были ли эти космическія массы когда-нибудь такъ велики, что они могли увлечь цѣлую землю, пока не выяснено. Вполнѣ отрицать такихъ случаевъ никоимъ образомъ нельзя, какъ это показываетъ столкновеніе кометы 1889 г. V съ одними или нѣсколькими спутниками Юпитера, происшедшее 18—21-го іюля 1886 г. По вычисле-

ніямъ Бредихина, при этомъ часть кометы отдѣлилась и образовала самостоятельнаго спутника кометы. Произошло ли тогда же рожденіе пятаго спутника Юпитера (открытаго Barnard'омъ 9-го сент. 1882 г. на ликовской обсерваторіи), неизвѣстно, ибо очень возможно, что этотъ спутникъ оставался незамѣченнымъ ранѣе, благодаря своимъ небольшимъ размѣрамъ. Такъ, мы не можемъ знать, подвергалась ли земля во время своего космическаго развитія катастрофамъ, вторгавшимся изъ міроваго пространства; при точномъ изслѣдованіи надо, однако, исключить эти катастрофы. Достовѣрно извѣстно намъ только, что земной шаръ охладился до своего современнаго состоянія въ теченіе безчисленныхъ тысячелѣтій изъ расплавленно-жидкой, почти шарообразной массы. То же самое мы вынуждены признать и относительно луны, и въ обоихъ случаяхъ это предположеніе должно разсматривать, какъ научно вполнѣ доказанный фактъ.

Вслѣдствіе вышеприведенныхъ основаній, солнце не принимается во вниманіе при сравнительномъ изученіи вулканической проблемы и для этой цѣли остается только луна. Если бы у земли не было спутника, то геологи, несомнѣнно, были бы того мнѣнія, что для пониманія вулканическихъ явленій было бы чревычайно важно, чтобы вблизи земли находилось небесное тѣло, устройство поверхности котораго было бы достаточно доступно нашимъ взорамъ. Однако, обладая въ дѣйствительности столь счастливыми условіями, мы придавали имъ въ указанномъ отношеніи слишкомъ мало значенія.

Дѣйствительно, луна находится относительно такъ близко къ землѣ, что ея поверхность можетъ быть детально изучена при помощи трубы и сфотографирована, и поэтому она является неоцѣнимымъ объектомъ для сравненія ея поверхности съ поверхностью земли. Прежде всего для рѣшенія вулканической проблемы представляется ничѣмъ незамѣнимой конфигурація лунной поверхности. Это чувствовалось уже настолько, что уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ образованіе лунныхъ формацій старались объяснить путемъ сравненія ихъ съ вулканическими явленіями на землѣ. Шретеръ, первый топографъ луны въ концѣ XVIII-го вѣка, ясно высказалъ, что кольцеобразныя горы и кратеры луны образовались благодаря изверженіямъ, «которыя происходятъ на поверхности луны несравненно чаще и въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ на землѣ, такъ какъ постоянно сжимающаяся, несравненно болѣе легкая масса можетъ въ гораздо меньшей степени противостоять изверженію». Гумбольтъ говоритъ въ «Космосѣ», «что бо̀льшую часть долинъ и кольцеобразныхъ горъ луны слѣдуетъ прежде всего разсматривать, какъ кратеры поднятія безъ продолжающихся явленій изверженія въ смыслѣ Леопольда фонъ-Буха». Медлеръ также считаетъ, что кольцеобразныя горы и кратеры луны произошли благодаря изверженіямъ изнутри ея, но онъ не отрицаетъ отличія ихъ отъ вулканическихъ образованій земли. «Способность стяженія, присущая

массамъ, — говоритъ онъ, — эластичность газовъ, состояніе данныхъ пространствъ въ различныя эпохи образованія, температура и, наконецъ, тяготѣніе могутъ быть и были настолько разнообразны, что одно небесное тѣло на извѣстномъ протяженіи обнаруживаетъ почти исключительно изверженія, другое—поднятія, третье—ни того, ни другого. Но, повидимому, во всякомъ случаѣ поверхность малыхъ небесныхъ тѣлъ должна была охладиться скорѣе, чѣмъ поверхность большихъ тѣлъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ оставшихся свободныхъ внутреннихъ пространствахъ движеніе подъвліяніемъ дѣйствующихъ силъ должно было совершаться скорѣе. Этимъ, повидимому, надо объяснить, что земля по сравненію съ луной обнаруживаетъ такъ мало слѣдовъ изверженій, и что эти послѣднія совершаются на лунѣ въ гораздо большемъ масштабѣ. Форма земли обусловливается въ общемъ не вулканическими изверженіями, а поднятіями и осадками; напротивъ, на лунѣ послѣдніе, повидимому, совсѣмъ отсутствуютъ, а поднятія въ большинствѣ случаевъ уступили мѣсто изверженіямъ, результатъ которыхъ долженъ былъ обнаружиться тѣмъ сильнѣе, что дальность изверженія на лунѣ при одинаковыхъ силахъ изверженія въ $6^1/_2$ разъ больше, чѣмъ на землѣ».

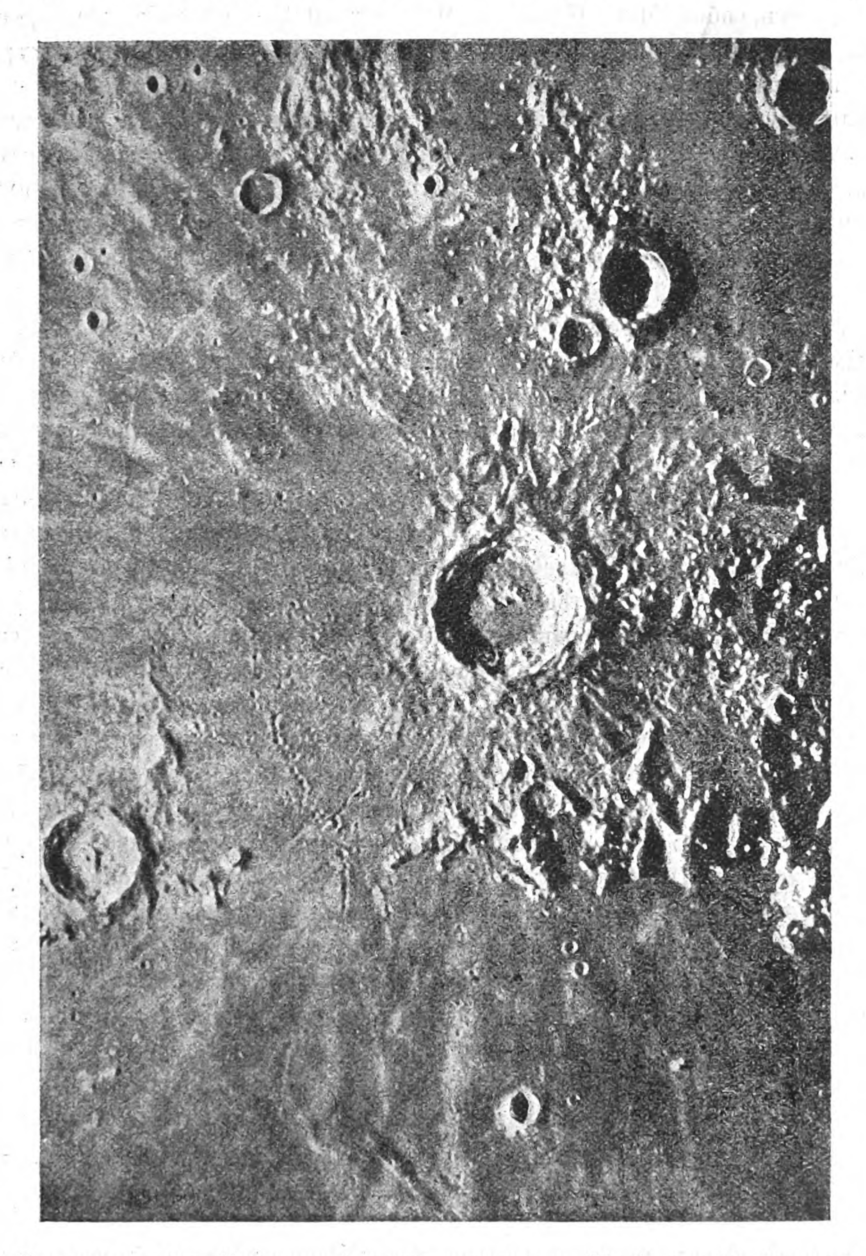
Насмитъ и Карпентеръ пытались доказать въ своемъ обширномъ и прекрасномъ трудѣ вулканическое происхожденіе лунныхъ формацій, исходя изъ вулканическихъ явленій на землѣ. Они указываютъ, между прочимъ, на Флегрейскія поля и сравниваютъ ихъ съ частью лунной поверхности близъ котловины Ѳеофила, указывая также на то, что проф. Филлипсъ въ своемъ трудѣ о Везувіи назвалъ луну большими Флегрейскими полями. Въ этихъ и другихъ подобныхъ изслѣдованіяхъ вулканическія образованія земли служатъ исходной точкой для сужденія о вулканическихъ образованіяхъ луны; но до сихъ поръ еще не было сдѣлано обратной попытки въ томъ смыслѣ, чтобы изъ образованій на лунной поверхности вывести пониманіе истинной сущности земного вулканизма. А эта-то попытка, какъ мнѣ кажется, и могла бы быть чрезвычайно плодотворной, и, предпринимая ее здѣсь, я основываюсь на почти 30-ти лѣтнемъ изученіи лунной поверхности. Какъ результатъ этихъ изученій, я съ самаго начала долженъ установить тотъ фактъ, что между лунными формаціями и нынѣшними вулканическими образованіями на землѣ *въ общемъ нѣтъ никакого сходства.* Кто желаетъ быстро убѣдиться въ этомъ, не прибѣгая къ самостоятельному изученію лунной поверхности, тому стоитъ только сравнить прекрасный рельефный глобусъ луны, изготовленный барономъ Е. фонъ-Ладе въ Гейзенгеймѣ, съ обыкновеннымъ земнымъ глобусомъ, причемъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что земной поперечникъ въ 3,7 раза больше луннаго.

Если бы на поверхности луны были милліоны кратеровъ, изъ которыхъ каждый равнялся бы по величинѣ діаметру кратера на конусѣ

изверженія Везувія, то мы съ земли не могли бы замѣтить ни одного изъ нихъ даже въ самые сильные телескопы; напротивъ, лунная гора, равная по окружности и высотѣ Везувію, не можетъ укрыться отъ нашихъ наблюденій даже въ простую подзорную трубу. Отверстія кратера Этны также нельзя было бы распознать съ земли на лунѣ, но цѣлая гора представилась бы намъ весьма внушительнымъ объектомъ. Но столь же высокіе и уединенные конусы крайне рѣдко встрѣчаются на поверхности луны. Итакъ, формаціи лунной поверхности совершенно отличны отъ формацій земли, и тождество, которое находили многіе геологи между земными и лунными кратерами, ограничивается въ общемъ почти круглой формой ихъ отверстій. Сходство съ земными вулканами по внѣшности замѣтно только у одного класса весьма мелкихъ кратеровъ; но эти образованія встрѣчаются на лунѣ повсюду въ минимальномъ количествѣ, и присутствіе ихъ впервые было доказано, главнымъ образомъ, изслѣдованіями Ю. Шмидта и моими. На лунныхъ фотографіяхъ не обнаруживается ни малѣйшаго слѣда ихъ.

Чтобы дать нѣкоторое представленіе о характерѣ лунной поверхности, на прилагаемой таблицѣ возпроизведена фотографія, снятая на іеркской обсерваторіи съ лунныхъ кольцевыхъ горъ Коперника и ихъ окрестностей. Этотъ и нѣкоторые другіе фотографическіе снимки, сдѣланные на названной обсерваторіи, указываютъ на то высокое совершенство, котораго достигло въ настоящее время фотографированіе лунной поверхности, и чрезвычайно цѣнны въ научномъ отношеніи. Воспроизведенный здѣсь ландшафтъ представляетъ хорошій выборъ всѣхъ лунныхъ формацій (за исключеніемъ упомянутыхъ выше мельчайшихъ кратеровъ). Въ центрѣ видны кольцеобразныя горы Коперника, 12,2 нѣм. миль въ діаметрѣ, полигональной, не круглой формы; западная часть ихъ подымается на 1.200 метр. надъ внѣшней окрестностью и на 3.600 м. надъ внутренней площадью, такъ что послѣдняя лежитъ на 2.400 м. ниже внѣшней окрестности. Кверху (къ югу) отъ Коперника видно нѣсколько болѣе мелкихъ кольцеобразныхъ горъ и много маленькихъ кратерныхъ горъ, а также темныя пятна холмистой поверхности. Налѣво отъ Коперника видны многочисленные крутые мелкіе кратеры, расположенные въ рядъ по кривой линіи; стѣнки нѣкоторыхъ изъ нихъ проломлены, такъ что образуется нѣчто вродѣ воротъ изъ одного кратера въ другой. Вся эта формація (Kraterrine—кратерный жолобъ) не углубляется въ почву, а, наоборотъ, образуетъ кнаружи высокіе валы. Подъ Коперникомъ (къ сѣверу отъ него) мы видимъ Карпатскія горы, а подъ ними большой на широкой поверхности Mare Imbrium (моря) кратеръ Питеасъ. Бросается въ глаза существенное различіе между характеромъ этой морской поверхности и гористыми областями вправо, влѣво и къ сѣверу отъ Коперника. По этой фотографіи можно было бы изучить и изслѣдовать многое, напр., лучеобразные побѣги, идущіе отъ Коперника, почвенныя тре-

щины (жолобы) и т. д., но для цѣлей даннаго изслѣдованія нѣтъ необходимости входить въ болѣе близкое ихъ разсмотрѣніе.

Кольцевыя горы „Коперника“ и ихъ окрестности. (По фотографіи Іеркской обсерваторіи).

Разсматривая фотографію полнаго диска луны, мы тотчасъ же замѣчаемъ, что многочисленныя и большія темныя пятна или *моря* (mare), видимыя на дискѣ, имѣютъ округлую форму. Mare Crisium,

круглой формы и охватывается со всѣхъ сторонъ, на подобіе крутыхъ береговъ горными возвышенностями. Почти правильный кругъ представляетъ, собою Mare Humorum; Mare Serenitatis имѣетъ то же строеніе, еще яснѣе оно выражено въ огромномъ Mare Imbrium, на три четверти окруженномъ исполинскими горами. Сказанное относится въ большей или меньшей степени и къ остальнымъ морямъ, а если гдѣ и замѣчаются отклоненія отъ круглой формы, то ихъ во многихъ случаяхъ слѣдуетъ приписать, главнымъ образомъ, сліянію нѣсколькихъ морей, какъ мы это видимъ, напр., въ Mare Tranquillitatis. Въ общемъ, всѣ эти болѣе или менѣе круглыя моря располагаются въ рядъ по дугѣ, проходящей черезъ весь лунный дискъ, и покрываютъ почти $^4/_{10}$ видимаго луннаго полушарія. Тщетно стали бы мы искать подобныя формы на земной поверхности. На землѣ нѣтъ ничего, чтобы обладало хотя бы малѣйшимъ сходствомъ въ контурахъ съ лунными морями, и если мы представимъ себѣ удаленной съ поверхности земли всю воду, то и тогда, судя по существующимъ измѣреніямъ, не обнаружилось бы формъ, сходныхъ съ лунными морями. Итакъ, лунныя моря суть формы поверхности, отсутствующія и всегда отсутствовавшія на землѣ. Если бассейны земныхъ океановъ, согласно ученію Зюсса, образовались вслѣдствіе послѣдовательныхъ проваловъ, то съ тѣмъ же самымъ основаніемъ мы можемъ утверждать, что лунныя моря образовались *не* вслѣдствіе проваловъ. Это доказывается хотя бы уже однимъ тѣмъ фактомъ, что лунныя моря представляются повсюду относительно ровными плоскостями, въ то время какъ земныя впадины, напр., отдѣльныя части Средиземнаго моря, обладаютъ крайне разнообразнымъ рельефомъ дна, не имѣющимъ ни въ вертикальной, ни въ горизонтальной канфигураціи ни малѣйшаго сходства съ лунными морями. Принимаемый относительно земли фактъ образованія вулкановъ, главнымъ, образомъ на краяхъ излома впадинъ не можетъ ни въ коемъ случаѣ быть принятъ относительно лунныхъ морей. Большія котловины и кольцеобразныя горы въ гораздо большемъ числѣ встрѣчаются въ южной половинѣ луны, которую можно разсматривать, какъ сплошную возвышенность; мелкія кольцеобразныя горы и преимущественно мелкіе, единственно сходные съ земными, кратеры, напротивъ, встрѣчаются, главнымъ образомъ, въ наиболѣе центральныхъ частяхъ большихъ морей.

Слѣдующими по величинѣ за морями идутъ котловины (Wallebenen). Онѣ обладаютъ большею частью овальной, но не круглой формой отъ 30—10 миль въ діаметрѣ. Въ большинствѣ случаевъ онѣ окружены широкими и сложными валами, которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно прослѣдить вокругъ котловинъ въ видѣ высочайшихъ кряжей. Самыя большія котловины, какъ Клавій, Магинусъ, Птоломей, Гиппархъ, Тикардъ, представляютъ собою переходныя стадіи отъ морей къ болѣе мелкимъ образованіямъ. Бо́льшая часть котловинъ лежитъ въ

южной половинѣ луннаго диска. Къ югу отъ центра видимаго луннаго полушарія, вправо и влѣво отъ средняго меридіана, видны два ряда большихъ котловинъ, которые тянутся параллельно другъ другу въ направленіи съ сѣвера на югъ. Подобные же ряды наблюдаются и въ другихъ частяхъ луны, такъ что характерной чертой котловинъ нужно признать расположеніе ихъ рядами. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ они такъ тѣсно примыкаютъ другъ къ другу, что, очевидно, вслѣдствіе этого приняли полигональную форму. Въ центрѣ нѣкоторыхъ котловинъ наблюдаются сводообразныя возвышенія. Сюда относится, между прочимъ, Варгенширъ—совершенно круглое образованіе, имѣющее 12 миль въ діаметрѣ, которое Медлеръ сравнивалъ съ круглымъ пьедесталомъ памятника, а Насмитъ съ кругомъ сыра. Послѣднее сравненіе очень удачно, хотя, какъ было доказано мною, вокругъ него тянется еще узкій холмистый кряжъ.

Средина нѣкоторыхъ котловинъ совершенно плоская, какъ, напр., у Платона. Тщательное изслѣдованіе посредствомъ телескопа показало, что эти котловины не могли произойти вслѣдствіе опусканія. Сходныхъ съ ними образованій на земной поверхности нѣтъ; были ли они въ болѣе ранніе періоды, по меньшей мѣрѣ сомнительно.

За котловинами слѣдуютъ по величинѣ *кольцеобразныя горы*, круглыя, или, вѣрнѣе, полигональныя, большею частью съ ясно выраженнымъ кряжемъ на сплошномъ валу. Склоны валовъ кнаружи въ большинствѣ случаевъ покаты, напротивъ, внутри они обыкновенно круче; внутренняя поверхность обыкновенно глубже и вогнута; въ центрѣ или близъ него возвышается центральная гора или цѣлый маленькій центральный кряжъ; изрѣдка наблюдается вмѣсто нихъ одинокій кратеръ. Центральныя горы никогда не достигаютъ высоты внѣшняго вала, во многихъ случаяхъ вершина центральныхъ горъ лежитъ еще ниже уровня внѣшней окрестности кольцеобразныхъ горъ. Точныя изслѣдованія д-ра Г. Еберта показали, что діаметръ кольцеобразныхъ горъ отъ 7—70 разъ болѣе ихъ среднихъ глубинъ, такъ что даже самыя глубокія кольцеобразныя горы представляются въ видѣ плоскихъ тарелокъ; даже стоя на валу большихъ формацій, мы не увидѣли бы противоположной части вала, которая вслѣдствіе шарообразной формы лунной поверхности находится подъ горизонтомъ. Кто приметъ это во вниманіе, тому не придетъ въ голову мысль сравнивать лунныя кольцеобразныя горы съ земными вулканами. Изъ сопоставленій проф. Еберта слѣдуетъ далѣе, что, чѣмъ больше діаметръ кольцеобразныхъ горъ, тѣмъ объемъ внутренняго углубленія ихъ больше объема окружающаго его вала. Кольцеобразныя горы, въ общемъ, глубже котловинъ и мелкія кольцеобразныя горы въ абсолютномъ смыслѣ въ нѣсколько разъ глубже, чѣмъ среднія. Кольцеобразныя горы безъ всякаго признака центральной горы очень рѣдки.

Число кольцеобразныхъ горъ на лунномъ дискѣ, обладающихъ діа-

метромъ не менѣе 2 миль, больше 1.000. На землѣ нѣтъ образованій, аналогичныхъ луннымъ кольцеобразнымъ горамъ. Въ параллель имъ ставится иногда Килауэа; но кто изъ собственныхъ наблюденій знакомъ съ типомъ лунныхъ кольцеобразныхъ горъ, тотъ не можетъ признать этой параллели. Гораздо скорѣе можно было бы думать о сходствѣ съ лунными кольцеобразными горами у Санторино или Bauen-Islands, но какъ разъ эти-то примѣры и указываютъ, что на землѣ нѣтъ типичныхъ кольцеобразныхъ горъ. Были ли онѣ въ болѣе раннія эпохи, сказать нельзя, такъ какъ вулканическія образованія разрушаются сравнительно скоро; но то, что извѣстно объ остаткахъ третичныхъ вулкановъ, вовсе не говоритъ въ пользу былого существованія на землѣ большихъ кольцеобразныхъ горъ.

Отъ мелкихъ кольцеобразныхъ горъ къ мелкимъ кратернымъ горамъ и холмамъ существуютъ на лунѣ постепенные переходы, и число этихъ формацій увеличивается по мѣрѣ уменьшенія ихъ размѣровъ. Нѣкоторыя изъ мельчайшихъ формацій представляются въ видѣ довольно крутыхъ конусовъ, другія по высотѣ равняются средней величины холмамъ, существуютъ также кратерообразныя углубленія безъ внѣшнихъ валовъ, какъ, напр., открытое мною новообразованіе Hyginus N близъ центра луннаго диска. У всѣхъ этихъ образованій можно еще, однако, различить кратеры, которые по величинѣ значительно превышаютъ кратеры земныхъ вулкановъ. Но они значительно приближаются къ послѣднимъ по внѣшности и также нерѣдко расположены въ ряды, такъ что едва ли можно отрицать, что эти образованія дѣйствительно аналогичны земнымъ вулканамъ. Отъ послѣднихъ они отличаются только своей многочисленностью (число ихъ несомнѣнно превышаетъ нѣсколько сотъ тысячъ) и тѣмъ, что они не обнаруживаютъ ни малѣйшей дѣятельности. Итакъ, вулканическія образованія земли можно сравнивать только съ *наиболѣе мелкими* и, повидимому, *наиболѣе новыми* кратерными горами и холмами луны. *Всѣхъ другихъ круглыхъ лунныхъ формацій на землѣ нѣтъ и никогда не было.* Послѣдній фактъ, однако, такъ важенъ въ геологическомъ отношеніи, что намъ кажется необходимымъ нѣсколько точнѣе обосновать его.

Кто достаточно знакомъ съ лунными образованіями, тотъ ни одного мгновенія не можетъ сомнѣваться, что, за исключеніемъ послѣднихъ, упомянутыхъ выше и отличающихся своей многочисленностью лунныхъ кратеровъ (нерѣдкое образованіе которыхъ въ видѣ двойныхъ кратеровъ было доказано мною), нѣтъ никакого типичнаго сходства между земными вулканами и круглыми лунными образованіями. Если бы мы признали, что въ извѣстные прежніе періоды на землѣ существовали въ качествѣ вулканическихъ образованій большія лунныя формы и притомъ—чтобы довести аналогію до конца—въ относительно такомъ же большомъ количествѣ, то мы должны были бы признать, что и

разрушеніе ихъ атмосферными агентами происходило съ такой силой, указаній на которую мы больше нигдѣ не встрѣчаемъ. Хотя луна и моложе земли и хотя на поверхности ея въ настоящее время нѣтъ ни воды, ни воздуха въ достойномъ упоминанія количествѣ, но тѣмъ не менѣе типичная форма ея поверхностныхъ образованій настолько отличается отъ земной, что безъ натяжки нельзя было бы признать, что это различіе произошло на землѣ только благодаря нивеллированію въ теченіе вообще допустимаго здѣсь періода времени. И тѣмъ болѣе, что сродство *новѣйшихъ* вулканическихъ образованій на лунѣ съ земными вулканами дѣйствительно бросается въ глаза. Съ другой стороны, ни одинъ знатокъ луны не сомнѣвается, что лунныя большія формаціи произошли благодаря тѣмъ силамъ, которыя на землѣ называются вулканическими, а изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что земной и космическій (лунный) вулканизмъ проявились весьма различно.

Теперь я укажу на единственно возможную причину этого различія.

Представимъ себѣ два огненно-жидкіе (расплавленные) шара, по составу близкіе земной матеріи, которую въ общихъ чертахъ надо признать одинаковой съ лунной матеріей; одинъ изъ нихъ равенъ по величинѣ землѣ, другой—лунѣ. Оба эти шара находятся въ міровомъ пространствѣ внѣ вліянія другихъ тѣлъ и постепенно охлаждаются. При этихъ условіяхъ нѣтъ никакого основанія предполагать, что процессъ охлажденія у обоихъ шаровъ совершается не по одинаковой схемѣ; только время, потребное для охлажденія большого шара, болѣе продолжительно. Удалимъ теперь одинъ огненно-жидкій шаръ отъ другого на разстояніе, равное разстоянію луны отъ земли, и предоставимъ ихъ охлажденію, тогда все останется неизмѣннымъ за исключеніемъ дѣйствія взаимнаго притяженія, которое въ обоихъ тѣлахъ проявляется въ видѣ приливовъ.

Притягательная сила луны вызвала бы на совершенно жидкой землѣ на широтѣ экватора приливную волну приблизительно въ 1 метръ высотою, тогда какъ притягательная сила земли вызвала бы въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ жидкой луны приливную волну въ 40 метровъ высотою. Колебанія приливовъ и отливовъ на лунѣ вслѣдствіе притягательнаго дѣйствія земли на ея огненно-жидкую массу должны были быть когда-то въ 40 разъ больше тѣхъ, которыя вызывались луною на землѣ, и при этихъ условіяхъ (именно, когда вся масса была огненно-жидкой) наибольшій приливъ былъ направленъ всегда противъ земли. Но очевидно, въ этомъ-то и заключалась причина, побуждавшая огненно-жидкую массу внутри луны къ несравненно болѣе сильнымъ реакціямъ, чѣмъ это было на землѣ. И не только это. Та же самая пертурбаціонная сила земли вызывала замедленіе вращенія луны вокругъ оси и удаленіе луны отъ земли. Послѣднее обстоятельство имѣетъ огромное значеніе, такъ какъ приливо-образующая сила дѣйствуетъ обратно пропорціонально кубу разстоянія, такъ что на поло-

винномъ разстояніи она дѣйствуетъ въ 8 разъ сильнѣе, чѣмъ на цѣломъ. Въ очень давнія времена луна должна была быть гораздо ближе къ землѣ, однако вслѣдствіе вліянія приливообразующей силы разстояніе это увеличивалось до тѣхъ поръ, пока не закончился періодъ пертурбаціи.

Существуетъ извѣстная величина, ниже которой не можетъ спуститься разстояніе луны отъ земли безъ того, что бы луна не была совершенно разорвана приливообразующей силой земли. Въ нашемъ случаѣ это разстояніе равняется приблизительно 18.000 километровъ или около $^1/_{21}$ нынѣшняго средняго разстоянія земли отъ луны. На этомъ разстояніи жидкая масса приняла бы до своего распаденія форму эллипсоида, бо́льшая ось котораго была бы направлена къ землѣ и вдвое длиннѣе меньшей оси. Съ увеличеніемъ разстоянія большая ось этого эллипсоида уменьшается и она постепенно приближается къ формѣ шара. Въ современной фигурѣ луны, судя по новѣйшимъ изслѣдованіямъ проф. Франца, подтвержденнымъ изслѣдованіями д-ра Мэнка, замѣчается самое незначительное удлиненіе по направленію къ землѣ, настолько незначительное, что нѣтъ возможности опредѣлить, насколько тамъ средняя поверхность отступаетъ отъ истинной поверхности шара. Изъ этого слѣдуетъ, что бо́льшая часть лунной массы находилась еще въ расплавленно-жидкомъ состояніи, когда луна достигла приблизительно своего современнаго разстоянія отъ земли. Пертурбаціонное дѣйствіе земли на расплавленно-жидкую массу луны вызываетъ въ ней поднятіе внутренней, горячей матеріи, т.-е. дѣлаетъ ее *болѣе способной къ изверженіямъ*, причемъ интенсивность этого дѣйствія варіируетъ смотря по времени и мѣсту. Лапласова теорія приливовъ и отливовъ, если ее примѣнить къ данному обстоятельству, также говоритъ, что при этихъ колебательныхъ движеніяхъ наблюдается стремленіе къ равновѣсію, никогда, впрочемъ, въ дѣйствительности не достигаемому; что все колебаніе состоитъ изъ нѣсколькихъ качаній различныхъ періодовъ, такъ что должны были произойти не только весьма значительныя, но также и крайне сложныя движенія жидкой лунной матеріи, которыя всѣ, однако, имѣютъ одно стремленіе: вывести огненно-жидкую матерію изъ глубокихъ слоевъ къ болѣе высокимъ, т.-е. *увеличить ея способность къ изверженіямъ*.

Какъ уже было сказано выше, лунная матерія должна была быть еще огненно-жидкой, когда нашъ спутникъ достигъ приблизительно своего нынѣшняго разстоянія отъ земли, иначе его удлиненіе по направленію къ землѣ было бы измѣримо. *Слѣдовательно, формы твердой поверхности луны только еще образовались, когда она уже была удалена отъ земли на разстояніе, приблизительно равное нынѣшнему.*

До сихъ поръ въ нашихъ выводахъ не было ничего гипотетичнаго, они представляютъ собою исключительно слѣдствіе математическихъ вычисленій. Гипотеза начинается только тамъ, гдѣ дѣло

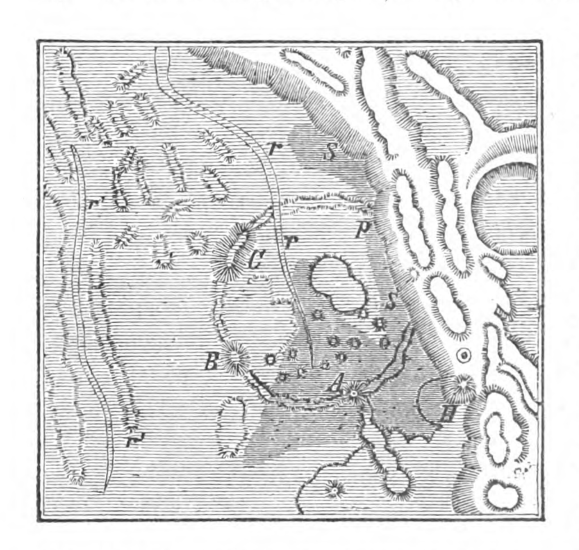
идетъ о происхожденіи формъ постепенно образующейся лунной коры подъ вліяніемъ внутреннихъ вулканическихъ силъ.

Всѣ наблюдатели луны согласны въ томъ, что большія моря представляютъ, повидимому, наиболѣе древнія образованія, встрѣчаемыя на поверхности луны. Очевидно, они произошли тогда, когда первоначальная лунная кора была еще относительно слаба и огненная матерія подъ вліяніемъ приливообразующей силы земли поднималась извнутри луны кверху, расплавляла твердую кору и снова опускалась. Почти круглая форма морей объясняется тѣмъ, что матерія стремилась изъ большихъ глубинъ и разливалась наверху по всѣмъ направленіямъ. Отдѣльныя мѣста изверженій произошли, конечно, случайно, но съ теченіемъ времени образовались постоянныя отверстія въ лунной корѣ, которыя преимущественно и заполнялись при періодическихъ поднятіяхъ извергавшихся раскаленныхъ массъ.

Уровень послѣднихъ, конечно, снова опускался, когда прекращался напоръ снизу, но поверхность все-таки, въ общемъ, оставалась горизонтальной, безразлично, высоко ли, или низко стояла раскаленная лавовая масса. Въ этомъ отношеніи можно думать о нѣкоторомъ сходствѣ съ Килаеуэа.

Къ наиболѣе раннимъ образованіямъ этого рода относится, повидимому, Mare Imbrium, которое бываетъ особенно ясно видно въ періодъ послѣдней четверти въ видѣ огромнаго круглаго отверстія на поверхности луны. Ограничивающій его валъ относится, въ общемъ, также къ наиболѣе высокимъ луннымъ горамъ. По изслѣдованіямъ проф. Франца, это море относится къ наиболѣе глубоколежащимъ областямъ на поверхности луны; оно покрываетъ вмѣстѣ съ Oceanus procellarum бóльшую часть сѣверо-восточной четверти видимаго луннаго диска, и эта исполинская низменность имѣетъ видъ продолговатаго кратера. Въ періодъ послѣдней четверти она представляется глазамъ наблюдателя въ видѣ огромнаго шрама на поверхности луны. Mare Serenitatis и Mare Crisium также очень глубоки, и эта глубина ихъ можетъ по праву служить аргументомъ въ пользу гипотезы, что названныя моря относятся къ наиболѣе древнимъ образованіямъ на поверхности луны. Физическія причины заставляютъ сомнѣваться въ томъ, что поверхность земли была въ то время уже твердой, такъ какъ поверхность луны несомнѣнно должна была затвердѣть ранѣе поверхности земли. При всемъ этомъ на послѣдней нѣтъ никакихъ слѣдовъ, которые бы указывали, что она была покрыта когда-то формаціями, подобными луннымъ морямъ. А это какъ разъ слѣдуетъ изъ того обстоятельства, что притяженіе луны дѣйствовало на раскаленную внутренность земли слишкомъ слабо для того, чтобы вызвать столь же сильное поднятіе, какъ это сдѣлала земля относительно луны. Лунныя котловины, очевидно, болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ моря, а кольцеобразныя горы еще болѣе поздняго, чѣмъ котловины.

Кольцеобразныя горы, однако, древнѣе мелкихъ и мельчайшихъ кратеровъ луны. Что эти выводы не являются гипотетическими предположеніями, доказано было моими многолѣтними изслѣдованіями большой формаціи близъ центра луннаго диска. Эти наблюденія касаются восточной части внутренней поверхности котловины Альфонса, имѣющей 18 миль въ діаметрѣ. На прилагаемомъ рисункѣ (фиг. 1) изображена карта разсматриваемой области, составленная по моимъ наблюденіямъ. Прежде всего бросается въ глаза странный темный треугольникъ. А—конусъ кратера, подымающагося надъ сѣвернымъ валомъ плоскаго кольцеобразнаго холма, который упирается внутри въ отроги мощнаго восточнаго вала Альфонса. На этомъ кольцеобразномъ холмѣ возвышаются еще двѣ небольшихъ вершины В и С, высота которыхъ едва ли достигаетъ 50 метровъ. Самый кольцеобразный холмъ еще ниже, но внутренняя ограничиваемая ими поверхность лежитъ еще глубже внѣшней. Это особенно ясно при восходѣ солнца, когда первые лучи его касаются восточной части внутренней равнины Альфонса. Тогда внутренность кольцеобразнаго холма еще вполнѣ покрыта ночной тьмою и кажется гигантскими кратерами, на узкомъ валу котораго возвышается свѣтлый конусъ А. Холмы В и С обнаруживаются позже, когда солнце подымается уже нѣсколько надъ равниной; тогда особенно С отбрасываетъ широкую и короткую тѣнь на равнину. По мѣрѣ поднятія солнца скоро становится видимымъ и темный треугольникъ вокругъ кратера А, и этотъ кратеръ все еще замѣтенъ въ видѣ свѣтящейся бѣлой точки, когда отъ остальнаго кольцеобразнаго холма уже давно ничего не видно. Болѣе точные снимки при различныхъ положеніяхъ солнца надъ горизонтомъ обнаруживаютъ вокругъ. А мелкіе ряды холмовъ и грядъ, и такъ какъ темный треугольникъ можно еще различить одновременно съ ними, то это вполнѣ ясно показываетъ, что темная матерія распространяется всюду по болѣе глубокимъ мѣстамъ и отъ этого приняла характерную внѣшнюю форму треугольника. Но сама эта матерія скопилась въ видѣ сравнительно тонкаго слоя, мощность котораго не могла покрыть даже самыя мелкія возвышенія. Эти мелкіе холмики, положеніе которыхъ можно

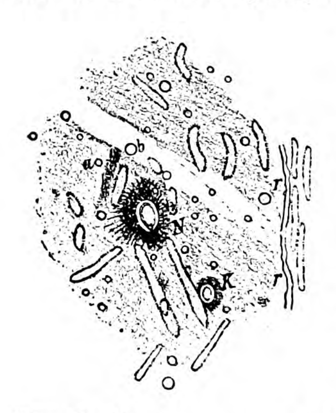

Фиг. 1. Конусъ кратера во внутренней части котловины „Альфонса“.

указать на картѣ только приблизительно, при извѣстномъ положеніи солнца кажутся въ видѣ нѣжныхъ свѣтлыхъ точекъ, выступающихъ на темной поверхности треугольника. Этимъ доказывается, что темная матерія не состояла изъ мелкихъ твердыхъ тѣлъ, которыя подобно вулканическому пеплу покрыли собой все сверху, но, что при своемъ распространеніи она была жидкой. Далѣе, вдоль внутренняго склона главнаго вала Альфонса тянется еще узкая, менѣе темная полоса GG, которая, вѣроятно, образовалась при болѣе древнемъ изверженіи кратера A, или же, можетъ быть, и при изверженіи возвышающагося пика H. Она прорываетъ холмистый кругъ у p, но до сихъ поръ я еще не могъ установить, есть ли здѣсь отверстіе въ валу или же кольцеобразный холмъ непосредственно примыкаемъ къ возвышающемуся въ видѣ стѣны главному валу Альфонса. Напротивъ, несомнѣнно, что длинная трещина или жолобъ въ почвѣ rr прорываетъ кольцеобразный холмъ въ видѣ крутого ущелья. На своемъ дальнѣйшемъ протяженіи этотъ жолобъ пересѣкаетъ даже главный валъ Альфонса въ видѣ зазубреннаго широкаго прохода. Другой жолобъ $r'r'$ виднѣется на западѣ между двумя рядами плоскихъ холмовъ. Чтобъ дать масштабъ для сужденія о разстояніяхъ, я замѣчу, что діаметръ кольцеобразнаго холма съ сѣвера на югъ равняется приблизительно $3^1/_2$ нѣм. милямъ. Указать ширину жолоба r невозможно, такъ какъ опредѣленія ея при настоящихъ условіяхъ крайне неточныя; я думаю однако, что жолобъ внутри кольцеобразнаго холма не шире 300 метровъ; особенно къ югу, по мѣрѣ приближенія къ валу Альфонса, онъ становится значительно шире. Эти факты необходимо заставляютъ придти къ слѣдующимъ выводамъ: котловина Альфонса съ ограничивающими ее исполинскими горами и внутренней поверхностью, лежащей на востокѣ немного ниже внѣшней окрестности, представляетъ собою наиболѣе древнюю часть всей огромной формаціи. Гораздо новѣе лежащій у внутренняго склона восточнаго вала низкій холмистый кругъ съ вулканическимъ пикомъ A. Приблизительно того же возраста, вѣроятно, нѣсколько новѣе многочисленные мелкіе холмики внутри этого круга. Еще значительно новѣе темная матерія, образующая треугольникъ; первоначально она состояла изъ жидкой, небогатой газами, лавы, излившейся въ видѣ продукта изверженія изъ вулкана A. Наиболѣе новымъ является, однако, трещина или жолобъ rr, такъ какъ онъ пересѣкаетъ темный треугольникъ и выходитъ изъ него въ южномъ направленіи. Такимъ образомъ на котловинѣ Альфонса можно точно и ясно прослѣдить послѣдовательность образованій и уменьшающуюся интенсивность вулканической силы.

Еще и нынѣ вулканическая дѣятельность на лунѣ не вполнѣ прекратилась. Мнѣ удалось доказать, что близъ центра луннаго диска въ періодъ времени отъ 1873—1877 гг. образовалось не окруженное валомъ круглое отверстіе, и къ югу отъ него еще одно, меньшихъ раз-

мѣровъ; оба они позже соединились между собою посредствомъ широкой сѣрой котловины. Главная формація получила названіе Hyginus N. Этимъ, однако, еще не закончилось образованіе новыхъ формъ на томъ же мѣстѣ, такъ какъ 12-го апрѣля 1894 года Н. Кригеръ въ Тріестѣ открылъ къ востоку отъ Hyginus'а еще одно круглое углубленіе, но болѣе мелкихъ размѣровъ. Несомнѣнно, должно считать его дальнѣйшимъ новообразованіемъ, ибо въ противномъ случаѣ оно, конечно, было бы обнаружено многочисленными большими телескопами, направленными на это мѣсто со времени моего открытія Hyginus'а N (т.-е. съ 1877). Можно указать еще на появленіе новаго образованія въ другой области луны, которое отмѣчается отъ остальныхъ лунныхъ формацій и сходно съ земными вулканами, хотя и сильно превышаетъ ихъ по величинѣ кратера. Эта область лежитъ въ восточной части Mare Nectaris и изображена на прилагаемой карточкѣ (фиг. 2), набросанной по моимъ наблюденіямъ 1881—1890 гг. Оба объекта представляются въ небольшіе телескопы въ видѣ двухъ овальныхъ, темныхъ, даже черноватыхъ пятенъ. На самомъ дѣлѣ, какъ показали мои наблюденія, это—кратеры съ свѣтлыми краями, окруженные темной матеріей. Южный обозначенъ буквой N, сѣверный—буквой K. Въ другомъ мѣстѣ я указалъ, что оба темныя пятна не были видны до 1843 года; впервые въ 1851 году Ю. Шмидтъ въ Аѳинахъ увидѣлъ большое пятно N. Мои наблюденія показали, что это ясно выраженная конусообразная гора съ центральнымъ, окруженнымъ бѣлой полосой и внутри темнымъ отверстіемъ кратера. 25-го января 1882 года я впервые различилъ внѣшнюю лучеобразную структуру конуса. Конусъ этотъ рѣзко выступалъ со своими крутыми краями, снаружи черный, внутри бѣлый, окруженный темносѣрымъ винткомъ или кольцомъ. Масса мелкихъ кратеровъ окружала его въ видѣ паразитарныхъ образованій, а легкія гряды, едва замѣтныя въ болѣе высокихъ частяхъ конуса, отходили отъ него лучеобразно, обнаруживаясь тѣмъ яснѣе, чѣмъ болѣе они удалялись отъ конуса. Я никогда не видѣлъ кратера такъ ясно, какъ въ тотъ вечеръ, различалъ внутри съ пластической ясностью тѣнь вала, а снаружи крутые склоны. 19-го сентября 1883 года я замѣтилъ въ центрѣ бѣлой воронки кратера черное пятнышко, очевидно самый каналъ изверженія. Немного лѣтъ спустя, 11-го марта 1886 г., одинъ изъ опытнѣйшихъ селенографовъ *), Годи-

Фиг. 2. Темные кратеры въ „Mare nectaris" и ихъ окрестности.

*) *Селенографами* называются астрономы, занимающіеся спеціально изученіемъ нашей луны.

беръ, нашелъ, что кратеръ нѣсколько удлинился къ сѣверу, и, когда воздухъ былъ особенно спокоенъ, онъ увидѣлъ, что сѣверный край кратера N прорванъ крошечнымъ кратеромъ, котораго ни онъ, ни я прежде совершенно не замѣчали. Другой наблюдатель, В. Нильсенъ, позднѣе также легко замѣтилъ этотъ паразитарный кратеръ, хотя прежде онъ его никогда не видѣлъ даже въ большой копенгагенскій рефракторъ. «Главный кратеръ,—писалъ Нильсенъ въ 1889 году,— снабженъ лучеобразными отрогами и расположенъ, повидимому, на нѣсколькихъ крутыхъ террасахъ. Ближайшіе лучеобразные, радіальные отроги круто подымаются къ кратеру, который, повидимому, очень глубокъ». Съ тѣхъ поръ я также видѣлъ этотъ кратеръ, когда воздухъ былъ чистъ, и пришелъ поэтому къ заключенію, что въ 1882 году кратера еще не было. Итакъ, вулканическая дѣятельность на лунѣ еще далеко не угасла, но находится по сравненію съ прежними временами на крайне низкой степени напряженности, на стадіи угасанія.

Опыты проф. Принца, произведенные нѣсколько лѣтъ тому назадъ, показали, что при внезапномъ ударѣ на относительно однородномъ тѣлѣ образуется трехъ - или шестилучевая трещина. Если ударъ очень силенъ, или, если ударяющее тѣло большихъ размѣровъ, то лучи трехлучевой трещины пересѣкаются въ центрѣ. Многія лунныя кольцеобразныя горы при ближайшемъ разсмотрѣніи обнаруживаютъ ясное стремленіе къ шестиугольной формѣ, и поэтому весьма вѣроятно, что, согласно правилу Принца, на мѣстѣ этихъ кольцеобразныхъ горъ произошелъ подпочвенный толчокъ (напр., вслѣдствіе поднятія лавы), который прорвалъ твердую кору и вызвалъ образованіе этой формаціи. Но при образованіи лунныхъ кольцеобразныхъ горъ долженъ былъ играть роль также еще и другой факторъ, близкій къ явленію гейзеровъ по теоріи Бунзена. На землѣ явленіе гейзеровъ наблюдается непосредственно въ сравнительно незначительной формѣ въ Исландіи, Сѣверной Америкѣ и Новой Зеландіи; я уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ обратилъ вниманіе, что изверженія нашихъ вулкановъ суть не что иное, какъ явленіе гейзеровъ, въ которыхъ вмѣсто содержащей кремнекислоту горячей воды выбрасываются жидкія массы лавы. Здѣсь дѣло идетъ не объ аналогіи, но оба класса явленій генетически тождественны. Въ раннюю эпоху жизни луны, послѣ того, какъ она покрылась тонкой корой, явленіе гейзеровъ подъ вліяніемъ прилива образующей силы землѣ должно было принять на ней огромные размѣры и могло повторяться на одномъ и томъ же мѣстѣ въ теченіе чрезвычайно продолжительныхъ періодовъ времени. Огненно-жидкія массы постепенно образовали вокругъ отверстій, черезъ которыя происходили исверженія, кольцеобразные валы и, стекая кнаружи, свѣтлыя плоскости и короткія полосы, которыя отходятъ отъ всѣхъ кольцеобразныхъ горъ и весь внѣшній видъ которыхъ—взаимное перекрещиваніе и явное налеганіе отдѣльныхъ полосъ, напр., у Копер-

ника и Кеплера, — очевидно, указываетъ, что они образовались вслѣдствіе многократныхъ повтореній одного и того же явленія. Болѣе свѣтлая окраска этихъ полосъ, подобно воротникообразнымъ Halos и многочисленнымъ мелкимъ кратерамъ, объясняется отчасти ихъ болѣе позднимъ появленіемъ (сравнительно съ морями), отчасти же ихъ жидкимъ состояніемъ во время изверженія, когда они покрыли тонкой гладкой корой болѣе старыя горныя породы. Я, конечно, не подразумѣваю при этомъ чрезвычайно длинныхъ, свѣтлыхъ полосъ, отходящихъ отъ отдѣльныхъ кольцеобразныхъ горъ, или отъ какой-нибудь одной точки близъ нихъ и пересѣкающихъ весь лунный шаръ на подобіе меридіановъ. Сущность *этихъ* свѣтлыхъ полосъ и ихъ происхожденіе до сихъ поръ не выяснены, и я не намѣренъ давать здѣсь новую гипотезу.

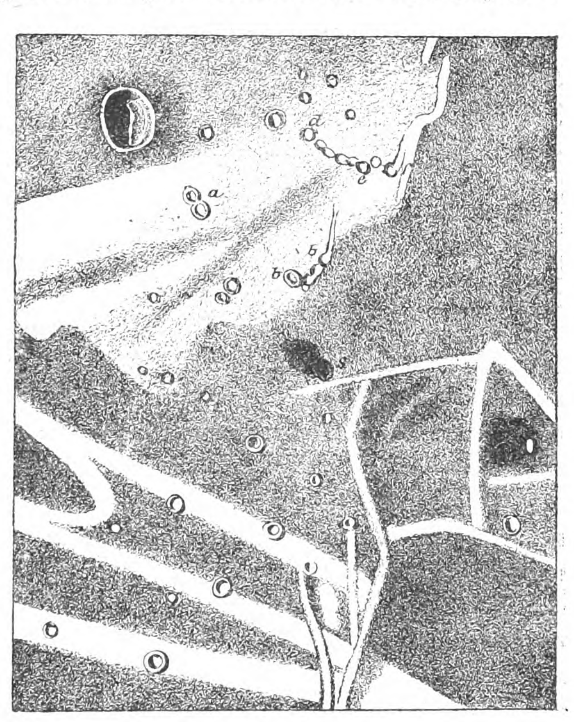

Фиг. 3. Карта окрестностей „Коперника".

Говоря объ изверженномъ матеріалѣ кольцеобразныхъ горъ, слѣдуетъ упомянуть о тѣхъ ограниченныхъ очагахъ, изъ которыхъ онъ произошелъ (напр., въ смыслѣ Штюбеля) и благодаря сморщиванію которыхъ образовались въ концѣ концовъ центральныя горы. Что центральныя горы обязаны своими происхожденіями потухающей вулканической дѣятельности, доказывается тѣмъ, что эти центральныя горы никогда не достигаютъ высоты кольцевыхъ валовъ, иногда даже лежали ниже уровня внѣшней окрестности. Наконецъ, мельчайшіе кратерные конусы луны представляютъ новѣйшіе продукты и вполнѣ аналогичны земнымъ вулканамъ, только старше ихъ, такъ какъ, повидимому, уже давно потухли.

Къ числу удивительныхъ фактовъ относится, согласно моимъ наблюденіямъ, нахожденіе на лунѣ весьма большого числа двойниковыхъ кратеровъ, именно, двойныхъ, основныя плоскости которыхъ такъ близко прилегаютъ другъ къ другу, что они кажутся сросшимися. Правда, это встрѣчается также и у кольцеобразныхъ горъ (Риттеръ—Сабина, Гиндъ-Галлей, Гаурикъ-Вурцельбауеръ и др.) и у нѣкоторыхъ большихъ кратеровъ (Коперникъ AA′), но, въ общемъ, очень рѣдко.

такъ какъ двойныя кольцеобразныя горы, какъ, напр., Меркаторъ и Кампанусъ, Аристархъ и Геродотъ, а также двойные кратеры, какъ оба Мессіе, сюда не относятся. Область, въ которой встрѣчаются такіе двойниковые кратеры, лежитъ, между прочимъ, къ юго-западу отъ Коперника у кольцеобразной горы Гамбара. Для того, чтобы ее легко можно было найти на фотографіи, я даю здѣсь (фиг. 3) карту окрестностей Коперника, на верхнемъ краю которой виденъ Гамбаръ. Но чтобы дать ясное представленіе о томъ, какъ далека даже эта фотографія отъ изображенія мельчайшихъ деталей лунныхъ формацій, находящихся въ прямомъ соотвѣтствіи съ земными вулканами, область вокругъ Гамбара (C) изображена въ увеличенномъ масштабѣ на фиг. 4 въ томъ видѣ, какъ ее зарисовалъ Нильсенъ при помощи большого телескопа 7-го іюня 1889 года послѣ того, какъ мною были сдѣланы нѣкоторыя указанія на двойниковые кратеры и нѣкоторыя перемѣнныя темныя пятна. На этомъ рисункѣ можно различить двойниковые кратеры *a* и *r*, темныя пятна вокругъ *r* и у *s*, а также рядъ кратеровъ *de*, наконецъ, свѣтлыя пятна, покрывающія тамъ лунную поверхность.

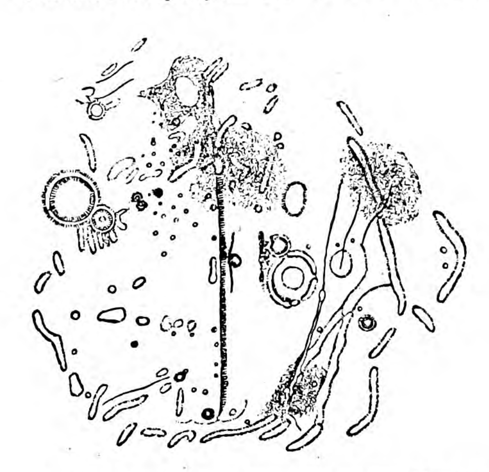
Фиг. 4. Гора Гамбаръ C. 7-го іюня 1889 г.

Въ литературѣ о земныхъ вулканахъ нѣтъ указаній на двойниковые кратеры, но, какъ сообщилъ мнѣ д-ръ Гроссеръ, они встрѣчаются на землѣ по его наблюденіямъ далеко не очень рѣдко. Слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи замѣчается также соотвѣтствіе между мельчайшими кратерными конусами луны и земными вулканами.

О провалахъ лунной поверхности на сравнительно большихъ пространствахъ, въ смыслѣ Зюсса, не можетъ быть рѣчи, судя по тому, что мнѣ извѣстно о лунныхъ формаціяхъ, хотя мѣстами они, конечно, могутъ встрѣтиться. Своеобразное относящееся сюда образованіе, подобнаго которому нѣтъ на землѣ, представляетъ собою такъ называемая длинная стѣна къ востоку отъ кольцеобразной горы Тебита. Эта послѣдняя окружена, какъ показали мои изслѣдованія, низкими остат-

ками когда-то исполинскаго кольцевого вала, которые можно наиболѣе связно прослѣдить въ ихъ западной части. Фиг. 5 даетъ изображеніе этой мѣстности по моимъ снимкамъ въ 1875—1888 гг.

Длинная стѣна представляетъ собою съ восточной стороны крутой скалистый уступъ въ 300 м. высотою и 14 миль длиною, который проходитъ по прямой линіи вдоль меридіана и въ южной части ниже, чѣмъ въ сѣверной. Она пересѣкаетъ почти по серединѣ древній, разрушившійся кольцеобразный валъ и отдѣляетъ западную половину его, расположенную на 300 метровъ выше, отъ восточной. На верхнемъ краю уступа видно нѣсколько разрушенныхъ скалъ, которыя возвышаются на стѣнѣ подобно трубамъ, и, судя по моимъ наблюденіямъ 10-го ноября 1884 года, когда заходящее солнце освѣщало длинную стѣну, наверху вдоль выступа тянется, на подобіе плотины, вертикальная стѣна въ нѣсколько метровъ высотою. При этомъ освѣщеніи казалось очевиднымъ, что восточная половина древнихъ разрушившихся кольцеобразныхъ горъ представляетъ опустившуюся плоскость.

Фиг. 5. Длинная стѣна около горы Тебита (по наблюден. въ Кёльнѣ 1875—1888 г.).

Въ мои цѣли не входитъ, основываясь на гипотетическихъ предположеніяхъ и прикрасахъ, изобразить происхожденіе отдѣльныхъ лунныхъ формацій; цѣлью моего изложенія было только показать:

Что на лунѣ вулканическіе процессы имѣли несравненно болѣе величественный характеръ, чѣмъ когда-либо на землѣ. 2) *Что источникъ вулканической силы находился въ раскаленной матеріи внутри луны.* 3) *Что гигантскія проявленія вулканизма, представляемыя поверхностью луны, въ противоположность поверхности земли, являются исключительно слѣдствіемъ большей приливообразующей силы, съ которой дѣйствовала земля на луну.* И косвенно: 4) *что вулканическая сила земли также происходитъ изъ первоначально огненно жидкой матеріи внутри земли, и что напряженность этой силы, какъ на землѣ, такъ и на лунѣ до сихъ поръ постоянно уменьшается.* Земной вулканизмъ есть проявленіе остатка космическаго жара, въ которомъ находилась когда-то вся масса земли, и происхожденіемъ своимъ онъ обязанъ первоначальному акту сгущенія матеріи. Вотъ несомнѣнный выводъ, къ которому приводитъ и возможно свободное отъ гипотезъ изслѣдованіе вулканическихъ явленій на лунѣ.

Перев. **А. Б—въ.**

Ирландія отъ возстанія 1798 года до аграрной реформы нынѣшняго министерства.

(*Продолженіе* *).

Глава третья **).

X.

Картофельные запасы никогда не устраивались, а кромѣ того, и въ 1845 году былъ частичный недородъ. Поэтому страшный неурожай 1846 года окончательно довершилъ несчастіе ирландскаго народа. Голодовки 1822, 1831, 1835 годовъ, при ужасающихъ своихъ размѣрахъ, все-таки не шли въ сравненіе съ бѣдствіемъ 1846 — 1847 гг. Въ Коркѣ на городскихъ улицахъ пройти было трудно отъ больныхъ и слабыхъ людей, которые лежали на мостовой, прося милостыни. Они тащились изъ деревень въ города, надѣясь, что въ городахъ имъ скорѣе помогутъ; но, если они не умирали по дорогѣ, то умирали, дотащившись до цѣли своего пути. Гробовъ не всюду и не на всѣхъ хватало, и не было на нихъ денегъ, такъ что путешествовавшій въ это время по Ирландіи Тренчъ говоритъ о голыхъ трупахъ, валявшихся на повозкахъ и препровождавшихся въ такомъ видѣ на кладбище. Семьи, въ которыхъ за нѣсколько недѣль изъ десяти человѣкъ оставался въ живыхъ одинъ, были нерѣдки уже въ концѣ 1846 года; въ 1847 году (особенно зимою) смертность усилилась. Часто когда благотворители входили въ помѣщеніе фермерской семьи, — сосѣди говорили имъ, что семья уже умерла вся и похоронена тамъ-то, во дворѣ или за огородомъ. Тренчъ, между прочимъ, разсказываетъ, что, войдя разъ въ темную и крошечную фермерскую избушку, онъ увидѣлъ сло-

---

*) См. „Міръ Божій" № 10, октябрь 1904 г.

**) Кромѣ уже указанныхъ для этой (третьей) главы работъ, см. еще слѣд.: „The irish crisis" „Edinb. Review", vol. 87, Ian. 1848). 2) „Ireland and the ministerial measures" (Blackwood Magaz.), vol. 63. 3) „Relief of irish Distress" („Edinb. R.", vol. 89. 4) Iohn Mitchel. „Ireland since 1798" (безъ даты). Glazgow and London. 5) „Three days of the famine at Schull", by R. C. Trench („Frasers Magazine", vol. 36). 6) „Lord Clarendon's Administration" („Edinb. Rev.", vol. 93 годъ 1851). 7) Отчеты о процессахъ 1848 года, въ „Annual Reg." за 1848 годъ, часть II, стр. 331—451.

женныхъ вмѣстѣ четыре дѣтскихъ тѣла, похожихъ на скелеты, а мать, которая находилась тутъ же, умоляла вошедшихъ принести ей напиться воды. Рядомъ, въ другой избѣ мать лежала въ лихорадкѣ, двое дѣтей умирали около нея отъ голоду, но нашъ путешественникъ не могъ даже различить ихъ какъ слѣдуетъ, ибо въ помѣщеніи царилъ глубокій мракъ. Такія картины цѣлыми тысячами поражали самыхъ нечувствительныхъ людей. Англичане, посѣщавшіе Ирландію, сами выражали удивленіе, почему въ *наиболѣе* страждущихъ мѣстностяхъ замѣчается меньше аграрныхъ преступленій, нежели въ другихъ мѣстахъ. Вотъ какой отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ у уже цитированнаго нами очевидца ужасовъ голоднаго времени: «это проистекаетъ отчасти отъ удивительнаго терпѣнія народа, отчасти же вслѣдствіе того обстоятельства, что они—и это относится ко многимъ—*физически опустились ниже способности къ преступленію*». Когда члены разныхъ благотворительныхъ группъ и комитетовъ, прибывая на мѣста, дѣлали перекличку тѣмъ, кому собирались помочь, то получали безчисленные отвѣты: «умеръ», «пропалъ безъ вѣсти», «ушелъ къ рѣкѣ и не вернулся», «найденъ его трупъ, обглоданный крысами» и т. д. и т. д. Въ безуміи люди запирались съ дѣтьми и закладывали выходъ камнями, чтобъ дѣти не убѣжали и умерли съ ними вмѣстѣ. Успѣвъ какъ-то отодвинуть одинъ изъ такихъ камней, маленькій мальчикъ въ мѣстности Крэуогѣ (въ одномъ изъ подобныхъ случаевъ) «доползъ до дома сосѣдей и разсказалъ имъ, что его отецъ, кажется, не обращаетъ на дѣтей вниманія и уже два дня спитъ». Когда проникли въ помѣщеніе, нашли мертваго отца съ уже умершимъ другимъ ребенкомъ. Разсказавшій объ этомъ фактѣ очевидецъ прибавляетъ, что случившееся имѣло мѣсто предъ Рождествомъ, въ концѣ 1846 года, и вызвало ужасъ въ окрестномъ населеніи. «А теперь (въ 1847 году) мы видимъ подобные случаи по пятнадцати ежедневно, и никто уже объ этомъ не думаетъ». Уэстпортъ, Голуэй, Клэддэгъ поражали почти голыми дѣтьми и женщинами, валявшимися на дорогахъ и въ придорожныхъ канавахъ. Молодой Вильямъ Форстеръ, съ которымъ мы еще встрѣтимся, какъ съ однимъ изъ суровѣйшихъ усмирителей Ирландіи спустя тридцать пять лѣтъ, путешествовалъ въ 1847 году по этой странѣ, гдѣ впослѣдствіи онъ многихъ преслѣдовалъ и гдѣ его самого чуть не убили. Но тогда, въ 1847 году, онъ еще никому не былъ извѣстенъ, никакой роли не игралъ, и, быть можетъ, поэтому (а можетъ быть и юношеская непосредственность дѣйствовала?) въ его глазахъ очень многое оказывалось весьма неблагополучно. «Когда мы отправились дальше, то удивлялись мы уже не тому, что народъ умиралъ, но тому, что онъ еще живетъ; и у меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что во всякой иной странѣ смертность была бы гораздо больше; что жизнь многихъ была продолжена, а можетъ быть и спасена, долгою наукою нужды, которой учился ирландскій крестьянинъ, а

также тѣмъ любвеобильнымъ, трогательнымъ милосердіемъ, которое побуждаетъ его дѣлить свою скудную пищу съ умирающимъ отъ голода сосѣдомъ». Все, чѣмъ природа одарила Ирландію, пропадало въ этотъ «проклятый годъ»; многія мѣстности живутъ уловомъ рыбы, особенно сельдей. Сельдь могла кишѣть въ этомъ году вокругъ голодающей Ирландіи, но это ничему помочь не могло, ибо рыболовныя снасти и сѣти были заложены еще съ зимы, а деньги давно ушли на пищу, и выкупить не представлялось никакихъ шансовъ. «Намъ остается только лечь на полъ и умереть», сказала Форстеру одна женщина, характеризуя этими словами положеніе своихъ 240 односельчанъ, и эта фраза, по отзыву Форстера, была въ совершенномъ согласіи съ истиною. Неописуемые ужасы вопили къ каждому человѣку, который только соглашался хотя бы бѣгло поглядѣть на Ирландію въ это время. Впослѣдствіи въ оффиціальныхъ отчетахъ министерству сановникъ Форстеръ обстоятельно выяснялъ, почему именно для Ирландіи нужны строжайшія мѣры и неослабный надзоръ; но въ 1847 году юноша Форстеръ, очевидно, еще не созрѣлъ для позднѣйшихъ государственныхъ соображеній и вотъ что писалъ въ своихъ замѣткахъ: «я не хотѣлъ бы теперь обсуждать причины подобнаго положенія вещей или пытаться порицать виновниковъ. Но относительно одного факта не можетъ быть вопроса: результатъ нашего соціальнаго строя таковъ, что огромному числу нашихъ соотечественниковъ и ближнихъ, изъ крестьянства одной изъ богатѣйшихъ націй, какія только когда-либо зналъ міръ (т.-е. англійскаго государства), не позволено жить. Конечно, такой общественный результатъ, какъ этотъ, составляетъ не только національное несчастье, но и національный грѣхъ, который громко взываетъ къ каждому христіанскому гражданину, чтобы тотъ сдѣлалъ все отъ него зависящее для устраненія зла. Никто изъ насъ не имѣетъ права пользоваться ни своимъ богатствомъ, ни покоемъ, пока по мѣрѣ своихъ способностей не постарался очиститься отъ всякаго соучастія въ этой страшной несправедливости, которая ляжетъ чернымъ пятномъ на исторіи нашей страны и сдѣлаетъ ее притчею между націями».

Только что было указано, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ люди уже физически являлись неспособными ни къ какому напряженію, ни къ какой попыткѣ хотя бы незаконными путями добыть себѣ что-нибудь. Въ другихъ мѣстахъ преступленія свирѣпствовали въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ 1846 году человѣкоубійствъ было совершено 170; въ 1847 году—212. Покушеній на убійство въ 1846 году—159; въ 1847 году—264. Разбоевъ на большой дорогѣ въ 1846 году—258; въ 1847 году—343. Похищеній и ограбленій оружія (особый, являвшійся очень распространеннымъ видъ преступленій) въ 1846 г.—611 случаевъ; въ 1847 году—1.053. Случаевъ стрѣльбы по жилымъ помѣщеніямъ въ 1846 году было 167; въ 1847 году—257. Появленій

шаекъ въ вооруженномъ видѣ въ 1846 году—138; въ 1847 году—206. Въ общемъ, въ 1846 году было 1.503 преступленія, а въ 1847 г.—2.335. Сюда не входитъ число кражъ скота; такихъ кражъ въ 1846 г. было около трехъ тысячъ, а въ 1847 году—десять тысячъ съ небольшимъ (10.044). Отчаянное положеніе вещей съ 1847 года еще усилилось отъ болѣзней эпидемическаго характера: на дорогахъ, на деревенскихъ улицахъ, по берегамъ рѣкъ—всюду лежали и разлагались подъ палящимъ лѣтнимъ зноемъ неубранные трупы людей, обыкновенно голые, ибо прикрывавшія ихъ лохмотья вовсе не были такою ничтожною цѣнностью, которою могли бы пренебречь прохожіе. Паника охватывала страну. Въ парламентѣ было заявлено, что нѣтъ словъ описать всѣ ужасы, творящіеся въ Ирландіи; что тамъ «воздухъ—зачумленъ», «поля обращены въ пустыню», «священникъ и нищій—умираютъ вмѣстѣ отъ голода», вся Ирландія «похожа на страну, опустошенную непріятелемъ». Лендлорды, не получая арендной платы, конечно, выгоняли вонъ своихъ голодающихъ арендаторовъ, и тѣ умирали цѣлыми семьями, кое-гдѣ въ пропорціи $^2/_3:1$, а кое-гдѣ и въ еще большей пропорціи. Въ четыре года (1849—1852 гг.), слѣдовавшіе за голодомъ, съ занимаемыхъ участковъ было изгнано болѣе пятидесяти восьми тысячъ семействъ, состоявшихъ, въ общемъ, изъ трехсотъ шести тысячъ человѣкъ, хотя послѣ 1847 года урожаи картофеля были недурны: такъ сильно продолжало отзываться пережитое бѣдствіе. Даже очень хладнокровные наблюдатели начинали думать, что ирландскій народъ, прямо, вымретъ безъ остатка въ нѣсколько лѣтъ, какъ ни мало вѣроятно такое событіе.

Самый страшный періодъ голодовки закончился зимою 1847 года; къ лѣту 1848 года положеніе стало уже улучшаться до извѣстной степени. И «Молодая Ирландія» поспѣшила увѣрить себя, что настало, наконецъ, время, когда народу надлежитъ воспользоваться этою насилу пришедшею передышкою и собственными руками защитить себя отъ возможности повторенія подобныхъ несчастій.

Впрочемъ, въ 1848 году легко было и себя, и другихъ увѣрить въ чемъ угодно; кто и о чемъ только не мечталъ въ этомъ году? И если возможно дѣлить несбывшіяся надежды, разбитыя мечты на «извинительныя» и «неизвинительныя», то къ какой категоріи относится мечта спасти свою націю отъ окончательнаго исчезновенія?

XI.

«Молодая Ирландія» осталась послѣ смерти О'Коннеля—главною активною политической партіею страны. Она образовала «конфедерацію», дѣлами котораго руководили О'Бріенъ, Мигиръ, Митчель, Дэффи и другіе близкіе къ журналу «Нація» люди. Это новое общество задалось цѣлью взять на себя дѣло, неудачно и, по ихъ мнѣнію, тру-

сливо, веденное о'коннелевской «ассоціаціею противъ уніи». Они ставили себѣ ту-же цѣль—агитацію противъ уніи, насчетъ же средствъ достиженія этой цѣли выражались нѣсколько неясно, требуя рѣшительности, неуступчивости и пр., но, въ тоже время, избѣгая рекомендовать опредѣленныя мѣры. Такъ шло дѣло, пока новый человѣкъ не внесъ своеобразное вліяніе въ движеніе «Молодой Ирландіи».

Это былъ сынъ зажиточнаго фермера изъ Куинскоунти—Джемсъ Лэлоръ. Лэлоръ вошелъ въ сношенія съ «Молодою Ирландіею» въ началѣ 1847 тода и сразу обратилъ на себя вниманіе своею необыкновенною прямолинейностью и горячностью. Суть его взглядовъ заключалась въ слѣдующемъ. О'коннелевскій способъ дѣйствій былъ нравственно-недостоенъ и политически-нецѣлесообразенъ. Образъ дѣйствій «Молодой Ирландіи»—нравственно чище, ибо она не заискиваетъ у англичанъ, не вступаетъ въ союзъ сь находящимся у власти либеральнымъ правительствомъ, проповѣдуетъ самоотверженіе и пр., но этотъ образъ дѣйствій также нецѣлесообразенъ, ибо самая цѣль, поставленная себѣ «Молодой Ирландіею», при данныхъ условіяхъ недостижима. Нужно стремиться прежде всего не къ политической самостоятельности ирландскаго острова отъ англо-шотландскаго острова, а къ тому, чтобы земля ирландскаго острова вернулась въ качествѣ собственности къ своимъ прежнимъ владѣльцамъ, т.-е. къ ирландскому народу отъ нынѣшнихъ владѣльцевъ, захватившихъ землю путемъ историческихъ конфискацій и узурпацій. Другими словами Лэлоръ требовалъ отнятія права собственности на земли у лендлордовъ и передачи этого права фермерамъ, въ томъ или иномъ порядкѣ. Это не было требованіемъ національзаціи земли въ точномъ смыслѣ слова,—и, вообще Лэлоръ не развилъ никогда подробно положительной части своей программы; непосредственно онъ стремился къ одному: къ лишенію лендлордовъ права собственности на земли.

Нѣкоторые члены «Молодой Ирландіи» считали Лэлора маніакомъ, который не понимаетъ, что, возбудивъ на экономической почвѣ жесточайшую борьбу классовъ въ Ирландіи, нужно абсолютно отказаться отъ всякой мечты о національной независимости. Другіе смотрѣли иначе и склонны были думать, что идея Лэлора дастъ движенію жизненную силу, привлекая къ «Молодой Ирландіи» (если она эту идею усвоитъ) все крестьянство страны, т.-е. чуть ли не девять десятыхъ всей націи.

Касательно средствъ—Лэлоръ заявлялъ, что исключительная почва законности выгодна англичанамъ, а не ирландцамъ, ибо законы дѣлаетъ парламентъ, большинство котораго всегда англійское, и не можетъ не быть англійскимъ. Онъ просилъ, поэтому, «Молодую Ирландію» не дѣлать никакихъ торжественныхъ отреченій отъ незаконныхъ средствъ, ибо кто знаетъ, что можетъ случиться? Вмѣстѣ съ тѣмъ Лэлоръ, типичный утопистъ, предполагалъ, что лендлорды какъ-то могутъ

и добромъ согласиться на реформу соціальнаго строя. Онъ съ жаромъ указывалъ на то, что, вотъ, лендлорды уже съорганизовались болѣе или менѣе въ «ирландскій совѣтъ» (это учрежденіе числилось существующимъ послѣ собранія въ январѣ 1847 года, состоявшаго изъ шестисотъ пятидесяти, приблизительно, земельныхъ собственниковъ и состоятельныхъ людей, и собравшагося въ Дублинѣ съ цѣлью выработать мѣры помощи странѣ въ ея ужасномъ положеніи). Такъ вотъ, предлагалъ Лэлоръ, хорошо бы съорганизоваться также и другимъ классамъ общества,—фермерамъ, городскимъ торговцамъ и ремесленникамъ,—и соединеніе представителей этихъ организацій воедино дастъ нѣчто въ родѣ общенаціональнаго учрежденія, которое и сможетъ приступить къ нужнымъ реформамъ. Онъ напечаталъ также открытыя письма лендлордамъ въ журналѣ «Нація», въ которыхъ совѣтовалъ имъ всецѣло слиться въ своихъ чувствахъ и интересахъ съ остальною страною. Какъ было это понимать, если Лэлоръ полагалъ, что земля принадлежитъ именно «остальной странѣ», а не лендлордамъ? И почти въ тоже время онъ заявлялъ, что, желая преуспѣть въ своей первоначальной цѣли, — въ расторженіи уніи,—«Молодая Ирландія» должна запастись военными кадрами, т.-е. крестьянствомъ всей страны,—какъ мелкими фермерамъ, такъ и земледѣльческими работниками (батраками). А эти слои народа ни за что не пойдутъ на борьбу за одно только расторженіе уніи: голодъ лишній разъ напоминаетъ имъ о нуждахъ болѣе гнетущихъ, о требованіяхъ соціально-экономическихъ, а *не* политическихъ, *не* государственно-правовыхъ. Такъ что, «достигнуть національной независимости можно только однимъ путемъ,—связать этотъ вопросъ съ инымъ вопросомъ, достаточно сильнымъ, чтобы придти въ движеніе самому и двинуть также расторженіе уніи,—подобно тому, какъ желѣзнодорожный вагонъ соединяютъ съ паровозомъ». Этимъ «инымъ достаточно сильнымъ» вопросомъ въ глазахъ Лэлора и являлся вопросъ о землевладѣніи.

Безкровныя же средства, по мнѣнію Лэлора, были для крестьянъ на самомъ дѣлѣ очень кровавы, ибо всякое замедленіе въ дѣйствіяхъ приносило ежедневно массу голодныхъ смертей; поэтому онъ требовалъ отъ «Молодой Ирландіи» болѣе опредѣленной практической программы дѣйствій. Онъ говорилъ, что необходимо дать лозунгъ народу,—рѣшительный отказъ отъ арендной платы лендлордамъ. Онъ убѣждалъ «Молодую Ирландію» (т.-е. Дэффи, Митчеля, Мигира, Рилли и др.) взять на себя пропаганду этой тактики, ввести ее въ агитаціонную программу «конфедеративнаго совѣта», организаціи, находившейся подъ прямымъ вліяніемъ и управленіемъ партіи «Молодой Ирландіи». Лэлоръ себя самаго причислялъ именно къ тому поколѣнію (теперь, въ 1847 году, выступавшему на арену борьбы), которое воспитало свой умъ и свои чувства на проповѣди журнала «Нація», которое свято вѣрило въ «Молодую Ирландію» и вѣритъ въ нее. «Люди дали вамъ свою вѣру,

и сердца, и надежды за ваши смѣлыя слова и ваше смѣлое поведеніе. И я самъ теперь надѣюсь на васъ и на вашу помощь, вмѣсто того, чтобы искать кругомъ иной помощи и иного пути. Готовы ли вы оправдать ваши собственныя рѣчи, которыя вы держали въ солнечные, лѣтніе дни? И оправдать нашу вѣру, когда мы послѣдовали вашему руководству?» Такъ писалъ Лэлоръ редактору «Націи».

«Молодая Ирландія» предъ этимъ призывомъ Лэлора очутилась въ серьезномъ затрудненіи. Начиная свою дѣятельность, она сѣяла сѣмена, которыя дали неожиданно—быстрые всходы. Она боролась противъ того, что ей казалось принижающимъ, сервилистическимъ, слишкомъ робкимъ—въ пропагандѣ О'Коннеля; она стремилась, во-первыхъ, удержать въ безусловной полнотѣ и неприкосновенности идею политической самостоятельности Ирландіи и воспитать въ обществѣ чувство собственнаго достоинства, выдержку, готовность на жертвы. И вотъ, вдругъ, обстоятельства слагаются такимъ образомъ, что О'Коннель умираетъ, никакой мало-мальски политически-активной группы его послѣдователей послѣ него не остается, полемика, которая столь удачно и съ такими благодарными послѣдствіями противъ него велась,—становится совершенно ненужной (по старому французскому афоризму— la bataille cesse-faute des combattants), наступаютъ голодныя времена, убійства и пожары,—и къ «Молодой Ирландіи» приходятъ люди, готовые не то, что на расторженіе уніи, а на перемѣну всего соціальнаго строя, говорящіе не то, что о выдержкѣ, собственномъ достоинствѣ и пр., а о самыхъ крутыхъ переворотахъ, — и заявляютъ «Молодой Ирландіи»: «ты говорила, что куда-то ведешь насъ, совѣтовала готовиться, — вотъ, мы готовы; а сама ты готова-ли?» Все это сдѣлалось быстро, круто и внезапно. А что Лэлоръ не одинъ—доказывали ежедневные факты. Надо было рѣшать.

Мнѣніе Дэффи было таково. Теорія Лэлора—одна фантазія. Крестьяне вовсе не способны на широкую и организованную борьбу. «Голодъ, страданія, рабское ученіе о вѣчномъ подчиненіи», все это сдѣлало ихъ негодными къ столь огромному усилію. Они почти совсѣмъ не знаютъ, какъ обращаться съ оружіемъ, они деморализованы теперь надеждами на благотворительность, на общественныя работы, вѣрятъ они больше всего—духовенству, которое не посовѣтуетъ имъ бороться ни за что, наконецъ, «крестьянское возстаніе никогда еще не удавалось». Между тѣмъ, согласиться съ Лэлоромъ значило для «Молодой Ирландіи» безнадежно порвать съ тѣмъ классомъ (буржуазіей городовъ и средними землевладѣльцами), который пока больше всего помогалъ этой партіи, и со времени смерти О'Коннеля все больше переходитъ на ея сторону. Вслѣдствіе всего этого Дэффи не хотѣлъ, чтобы ихъ «конфедерація», ихъ общество взяло на себя пропаганду идей Лэлора о верховномъ правѣ собственности ирландскаго народа на землю, объ отказѣ отъ уплаты аренды и проч. Смитъ О'Бріенъ и

большинство вліятельныхъ членовъ партіи раздѣляли мнѣніе Дэффи. Но Митчель, соглашаясь съ неудобствомъ для «конфедераціи» брать на себя это дѣло, вмѣстѣ съ тѣмъ заявлялъ, что принципіально вполнѣ раздѣляетъ ученіе Лэлора. Дэффи и О'Бріенъ увидѣли, тѣмъ не менѣе, что въ такое время, какъ они переживали, бороться противъ человѣка, имѣющаго ясный (хотя бы и несостоятельный) планъ можно гораздо успѣшнее—не критикою этого плана, а предъявленіемъ своего собственнаго, столь же яснаго. И вотъ Дэффи выработалъ программу дѣйствій: 1) парламентскіе депутаты ирландцы должны и имѣютъ возможность «остановить всѣ парламентскія дѣла», пока не будетъ сдѣлана уступка ихъ требованіямъ: изгнать же ихъ не посмѣютъ, если вся ирландская нація активно приметъ участіе въ ихъ судьбѣ; 2) самая нація должна быть организована для такой борьбы, должна обладать собственною выборной организаціею, объединяющей и представляющей весь народъ; 3) нужно дѣятельно знакомить Европу и Америку съ ирландскими дѣлами и искать ихъ симпатіи и возможной помощи. Но этотъ планъ интереса не возбудилъ и впечатлѣнія не произвелъ; онъ казался неяснымъ въ самомъ главномъ пунктѣ: испугается ли, и если да, то почему,—Англія даже «всей ирландской націи», которая вздумала бы поддерживать своихъ депутатовъ? При неясности этого основного пункта, новый (и впослѣдствіи сыгравшій—при Парнелѣ—такую большую роль) принципъ парламентской обструкціи прошелъ совсѣмъ незамѣченнымъ. Лэлоръ продолжалъ пропагандировать свою мысль; Митчель помогалъ ему, остальная «Молодая Ирландія» продолжала противиться переносу центра тяжести и всѣхъ упованій съ «средняго образованнаго класса» на крестьянство. «Очень трудно знать ирландское крестьянство» полагали они, и такъ какъ крестьянство, дѣйствительно, являлось для интеллигентнаго класса вполнѣ terra incognita, такъ какъ историческая репутація всѣхъ вообще чисто крестьянскихъ бунтовъ, гдѣ бы то ни было происходившихъ, стояла—въ смыслѣ успѣшности—весьма не высоко въ ихъ глазахъ, то они продолжали противиться новому теченію. Они даже боялись крестьянъ. «Крестьяне забросали бы насъ камнями въ Коркѣ, избили бы въ Бельфастѣ, подожгли бы для потѣхи конфедеративный митингъ въ Килькенни. Мы пріобрѣли интеллигентныхъ ремесленниковъ, которые читаютъ и думаютъ, пріобрѣли молодыхъ людей въ городахъ, вообще,—но, конечно, не крестьянъ», такъ писалъ Дэффи. Митчель вышелъ изъ журнала «Нація» и все тѣснѣе примыкалъ къ Лэлору. Когда начался 1848 годъ,—въ Ирландіи уже было налицо теченіе, болѣе радикальное, нежели партія Дэффи и О'Бріена,—теченіе Лэлора и Митчеля. «Всякая реформація порождаетъ своихъ людей пятаго царства, каждая революція своихъ якобинцевъ и коммунаровъ. Анабаптисты смотрѣли на Лютера, какъ на кардинала въ черномъ одѣяніи; энциклопедисты смотрѣли на Вольтера, который еще признавалъ

Творца, какъ на ханжу; жизнь Кромвеля подвергалась смертельной опасности со стороны фанатическихъ левеллеровъ его партіи; и якобинцы послали Верньо на эшафотъ. Конфедерація не могла избѣгнуть общаго закона», такъ характеризовалъ историческими примѣрами одинъ изъ важнѣйшихъ иниціаторовъ «конфедераціи» положеніе этого общества и всей «Молодой Ирландіи» къ началу 1848 года. Прямая борьба между двумя теченіями сосредоточилась сначала больше всего на оспариваніи О'Бріеномъ и Дэффи—мнѣнія Митчеля, который предлагалъ прекратить уплату налога въ пользу бѣдныхъ, чтобы этимъ протестовать противъ англійскаго правительства. Ему доказывали, что такая тактика больше всего повредитъ именно бѣднымъ, которые и такъ умираютъ отъ голода. Но это были все частности. Главное было въ вопросѣ: мыслимо ли возстаніе, котораго такъ лихорадочно добивались Лэлоръ и Митчель. О'Бріенъ, Мигиръ, Дэффи указывали на слѣдующее. Средній классъ, аристократія, духовенство—противъ возстанія; крестьяне не подготовлены, не вооружены, неорганизованы, пищи нѣтъ, дисциплины нѣтъ, военныхъ запасовъ нѣтъ и не будетъ, денегъ нѣтъ. Солдатъ стоитъ въ Ирландіи пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, средствъ у Англіи сколько угодно, она въ полномъ мирѣ съ Европою, ничѣмъ не отвлечена мало-мальски серьезно (на чартистовъ Ирландія уже мало надѣялась). Лэлоръ и Митчель могли разсчитывать на то, что возможно собрать и планомѣрнымъ образомъ употребить энергію, сказывающуюся въ безчисленныхъ аграрныхъ преступленіяхъ, если дать крестьянству такой лозунгъ, какъ — утвержденіе ирландскаго народа въ правахъ верховной собственности надъ землею и отказъ въ уплатѣ податей. Но ихъ оппоненты совсѣмъ не были убѣждены въ возможности такого «объединенія энергіи», — и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣли, серьезно тревожась, что дѣло можетъ окончиться взрывомъ, совсѣмъ необдуманнымъ, неподготовленнымъ и напередъ осужденнымъ на неудачу. Вымираніе къ началу 1848 года пошло ускореннымъ темпомъ. Еженедѣльные отчеты объ умершихъ, по словамъ современника, напоминали бюллетени какой-нибудь жестокой войны. Въ деревнѣ Балларэрдѣ изъ 55 человѣкъ не осталось ни одного, въ другой деревнѣ изъ 143 за нѣсколько мѣсяцевъ осталось 50, въ третьей изъ 200 умерло 54, въ четвертой (Дэлисѣ) изъ 90—умерло 60, въ пятой изъ 260 умерло 80... Такія цифры непрерывно появлялись въ газетахъ, оставляя впечатлѣніе, что вымретъ не четверть населенія, а вся нація, если будетъ такъ продолжаться. Разореніе самое полное постигло торговый классъ, ремесленниковъ, духовенство (католическое): въ чисто земледѣльческой странѣ такое бѣдствіе, какъ неурожай, и не могло локализоваться въ предѣлахъ одного только крестьянскаго класса. Эмиграція принимала огромные размѣры. Въ нѣсколько первыхъ мѣсяцевъ уже около ста тысячъ человѣкъ эмигрировало въ Соединенные Штаты и Канаду, часто безъ

единаго пенни за душою,—и изъ нихъ, по оффиціальнымъ даннымъ англійской администраціи, 6.100 человѣкъ погибло во время пути, на пароходахъ, 4.100 тотчасъ по прибытіи, 5.200—въ больницахъ и 1.900—въ городахъ, гдѣ они поселились. А по неоффиціальнымъ, но вполнѣ достовѣрнымъ сообщеніямъ «эмигрантскаго общества въ Монреалѣ», изъ этихъ ста тысячъ погибло болѣе 20.000 человѣкъ. Нѣчто безвыходно-страшное надвигалось на страну. Помимо голода, болѣзни свирѣпѣли все болѣе, врачей не было, лекарствъ не было, больницъ не было въ нужномъ количествѣ; священники и причтъ ухаживали за больными, заражались и умирали десятками,—и ни ихъ, ни паціентовъ, умиравшихъ вмѣстѣ съ ними, некому было хоронить. Правительство затѣяло было общественныя работы, съ цѣлью помочь бѣдѣ. Конечно, всѣ бросились на эти работы, чуть ли какъ не на единственно-вѣрный кусокъ хлѣба. Въ октябрѣ 1846 года такихъ работниковъ было 114.000 чел., въ ноябрѣ—285.000, въ декабрѣ—440.000, въ январѣ 1847 года—570.000, въ февралѣ—708.000, въ мартѣ—734.000 человѣкъ. Расходы правительства были колоссальны, работъ, подходящихъ для этой рабочей арміи, не находилось, и администрація вдругъ рѣшила отказаться отъ этой мысли, т.-е., поманивъ надеждою на избавленіе отъ голодной смерти, предоставить голодающихъ ихъ участи. 20-го марта 1847 года было уволено 20% рабочихъ,—и увольненія продолжались необыкновенно круто. Еще въ мартѣ (1847 г.), какъ сказано, общественными работами питалось 734.000 человѣкъ; въ первую недѣлю апрѣля ихъ было уже 525.000, въ первую недѣлю мая—419.000, въ первую недѣлю іюня—101.000, а въ концѣ іюня—28.000 человѣкъ; къ концу года вся затѣя была ликвидирована. Была организована раздача пищи, въ столовыхъ, организованныхъ правительствомъ, и, напр., въ теченіе только іюля 1847 года эти столовыя выдавали болѣе трехъ милліоновъ порцій взрослымъ (3.020.712) и семьсотъ пятьдесятъ пять тысячъ порцій малолѣтнимъ. Это было, дѣйствительно, «величайшею попыткою, когда-либо сдѣланною», бороться съ голодомъ,—какъ выразился сэръ Бэргойнъ, и стоило это немного (сравнительно съ средствами казначейства и съ достигнутыми результатами); ни казенныя, ни пожертвованныя частными лицами деньги не были по пути украдены чиновниками, но пошли на то дѣло, для котораго предназначались. И все-таки этого было мало, и благотворительность оказывалась безсильною въ борьбѣ съ бѣдствіемъ. Смертность, все возрастая, являлась самымъ грознымъ изъ всѣхъ бѣдствій этого времени. Призракъ смерти всей націи виталъ надъ образованными классами, ежедневная угроза личной гибели давила крестьянъ. Уволенныя сотни тысячъ рабочихъ съ общественныхъ работъ страшились эмигрантскихъ пароходовъ, казавшихся (и бывшихъ для многихъ) пловучими гробами; работы не находили; милостыни не у кого было просить. Число преступленій возрастало,

число казней и ссылокъ въ Австралію повышалось параллельно. Голодное лѣто смѣнилось голодною зимою. Пришелъ новый годъ, наступилъ февраль.

XII.

Гроза разразилась неожиданно. Въ Ирландію пришло извѣстіе, потрясшее всю Европу: бѣжалъ Луи-Филиппъ, была провозглашена республика во Франціи, Ледрю-Ролленъ и соціалистъ Луи-Блан стали членами правительства. Вспыхнули революціи въ германскихъ государствахъ, отъ Пруссіи до Бадена, отъ Австріи до Вюртемберга, въ Италіи, въ Венгріи. Все закружилось въ такомъ вихрѣ, что уже трудно было разобраться, гдѣ граница, отдѣляющая возможное отъ невозможнаго. Въ Германіи этотъ годъ назвали «das tolle Iahr»; во всемірной исторіи чрезвычайно мало можно насчитать подобныхъ бурь. Наступило такое полное господство внезапнаго, такое всеобщее и болѣзненно-сильное нетерпѣніе, такое убѣжденіе въ необходимости и возможности «теперь или никогда» воспользоваться крушеніемъ всего политическаго порядка въ Европѣ, что и непохожія на Ирландію страны загорались общимъ пожаромъ. «Молодая Ирландія» забыла весьма быстро всѣ свои возраженія противъ Лэлора и Митчеля. Всѣ наши читатели помнятъ, вѣрно, то мѣсто въ сочиненіи Щедрина «За рубежомъ», гдѣ онъ говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него и его сверстниковъ извѣстіемъ о февральской революціи, и гдѣ онъ вспоминаетъ, что изъ Франціи «возсіяла» его поколѣнію увѣренность, «что золотой вѣкъ не позади, а впереди». То же выраженіе читаемъ мы и у одного изъ вождей «Молодой Ирландіи» *): «Молодымъ глазамъ новая республика представлялась подобно лучшей утопіи, подобно *золотому вѣку* человѣческой свободы и прогресса». Они рѣшили, что, борясь противъ Лэлора и Митчеля, они, тѣмъ не менѣе, всегда готовы были рискнуть своею жизнью, если бы представился случай, «а тутъ, конечно, былъ чудесный случай», по ихъ точному выраженію. «Когда стоны голодающаго народа стояли въ ушахъ, извѣстіе о могущественномъ угнетателѣ, разбитомъ и изгнанномъ изъ его владѣній гнѣвомъ массы, звучало какъ посланіе съ неба». Въ «конфедераціи» послышались чисто революціонныя рѣчи, въ журналѣ «Нація» стали печататься боевые призывы. «Удобный для Ирландіи случай пришелъ, благодареніе Богу и Франціи... если нужно, мы должны умереть скорѣе, нежели пропустить этотъ провиденціальный часъ, не давъ ему освободить насъ». Шансы удачи возстанія были совершенно ничтожны, не было организаціи и подготовки, какъ онѣ были пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ эпоху Тона и Фицджеральда,

*) Four Jears, ed cit., стр. 534: „To young eyes the new commonwealth looked like a better Utopia, the golden age of humau liberty and progress.

*

не было оружія, былъ измученный голодомъ, быстро вымирающій народъ, и не существовало, опять-таки въ противуположность тому, какъ за пятьдесятъ лѣтъ, военнаго союза съ Франціей. Ламартинъ прямо заявилъ отъ имени республиканскаго правительства о мирной политикѣ Франціи, и ничего подобнаго былой вооруженной помощи со стороны французской республики Ирландія ожидать не могла. И все-таки прежнія возраженія не были слышны, чувство всецѣло управляло теперь дѣйствіями партіи; главный аргументъ—безполезное пролитіе крови стушевывался въ ихъ глазахъ еженедѣльными таблицами смертности, похожими, какъ было сказано, на бюллетени жестокихъ битвъ. «Хуже не будетъ!»—эта мысль царила весною 1848 года въ Ирландіи. Ирландскій парламентъ и своя исполнительная власть, свой флагъ, своя національная гвардія, общественная безопасность и покровительство, контроль всѣхъ должностей, народный суверенитетъ надъ ирландской землей,—вотъ какія требованія выставляла теперь «Молодая Ирландія». Послѣдній пунктъ—провозглашеніе верховнаго права собственности ирландскаго народа надъ землею—былъ взятъ изъ программы Лэлора; тактика же теперь заключалась въ требованіи непосредственной борьбы противъ англійскаго владычества. И въ это же время всколыхнулось притихшее движеніе чартистовъ въ самой Англіи: въ глазахъ уже было не надѣявшихся на чартизмъ ирландцевъ это вдругъ приняло размѣры новаго огромнаго, не бывало-счастливаго шанса въ борьбѣ противъ общаго врага. Дублинское городское управленіе, «комитетъ гражданъ», на скоро образованный изъ членовъ «конфедераціи» и другихъ радикальныхъ элементовъ, митинги, вдругъ какъ изъ-подъ земли выроставшіе во всѣхъ ирландскихъ графствахъ, спѣшили посылать свои восторженныя привѣтствія новому французскому правительству. Даже старая «ассоціація противъ уніи», хранившая завѣты О'Коннеля, приняла ужасающій тонъ относительно Англіи. Самый вліятельный, сдержанный человѣкъ изъ всей «Молодой Ирландіи», къ которой онъ только около этого времени и примкнулъ, Смитъ О'Бріенъ все больше воспламенялся общими надеждами. Революціонное отдѣленіе другого острова (Сициліи) отъ своей метрополіи (неаполитанскаго королевства) представлялось «Молодой Ирландіи» знаменательнымъ для нея примѣромъ,—и о Сициліи много говорилось на митингахъ. Было рѣшено подъ вліяніемъ О'Бріена, начинать возстаніе не раньше уборки полей, чтобы не лишить изголодавшійся народъ еще и въ этомъ году—пищи. Но Митчель былъ противъ откладыванiй и указывалъ на удачныя внезапныя возстанія въ Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ. Ему возражали, что тамъ народъ былъ долго подготовляемъ, что тамъ дѣйствовали тайныя общества и пр., и что нужно, наконецъ, время для закупки оружія и военныхъ запасовъ, а прежде всего для сбора денегъ, которыхъ нѣтъ. Митчель былъ непреклоненъ. Онъ указывалъ, что пока въ народѣ пробудился и еще есть революціонный

пылъ, нужно этимъ пользоваться, ибо энтузіазмъ нельзя откладывать, по произволу, до уборки полей. Въ память дѣятелей 1798 года Митчель въ 1848 году назвалъ основанную имъ газету «Объединенный ирландецъ», и въ этой газетѣ требовалъ немедленныхъ дѣйствій (газета издавалась три съ половиною мѣсяца и прекратилась въ концѣ мая 1848 г.).

Это было нѣчто крайне своеобразное, благодаря особымъ условіямъ великобританскаго государства. Митчель заявлялъ вице-королю изъ номера въ номеръ, что онъ, вице-король, хорошо бы поступилъ, если бы убрался прочь, пока возможно. «Я не ожидаю ни справедливости, ни милости, ни благородства отъ васъ, и если я попадусь въ ваши руки, приглашаю васъ не оказывать мнѣ пощады, какъ и я, да поможетъ мнѣ въ томъ Господь, не окажу ея вамъ», такъ бесѣдовалъ онъ въ газетѣ съ представителемъ англійскаго правительства. Онъ заявлялъ, что нѣтъ никакого заговора, ничего тайнаго, но Англія должна быть готова къ тому, что всеобщее возмущеніе уничтожитъ ея владычество въ Ирландіи. По мнѣнію Дэффи и «Молодой Ирландіи», Митчель ошибался въ томъ, что слишкомъ ужъ надѣялся на стихійное начало и стихійную мощь революціонныхъ движеній, которыя не нуждаются въ подготовкѣ и проч. Оппоненты Митчеля полагали, что это—увлеченіе, и что такая идея хороша «для поэзіи и риторики, но неосновательна для практическихъ цѣлей». Вольфъ Тонъ, указывали они, работалъ восемь лѣтъ, пока началось возстаніе; сами они (т.-е. «Молодая Ирландія»), еще когда живъ былъ Дэвисъ, тоже разсчитывали на болѣе или менѣе отдаленныя времена. Теперь же они уже согласны не откладывать, но не понимаютъ нежеланія Митчеля подождать хоть нѣсколько недѣль. Таковы были эти разногласія.

Вице-король Кларендонъ былъ настолько любознателенъ, что зналъ все рѣшительно о дѣятельности какъ «Молодой Ирландіи», такъ и Митчеля (который, впрочемъ, безпрестанно къ нему въ печати обращался). Онъ помѣстилъ двѣнадцать тысячъ солдатъ въ Дублинѣ, разсыпалъ гарнизоны по нѣсколько тысячъ во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ, усилилъ надзоръ на поляхъ, и ждалъ.

«Молодая Ирландія», торопясь и боясь, что Митчель слишкомъ поспѣшитъ, принялась за приготовленія. 15-го марта 1848 года состоялся въ Дублинѣ огромный митингъ, на которомъ О'Бріенъ заявилъ о томъ, что нужно добиваться у англійскаго правительства немедленнаго дарованія самоуправленія Ирландіи, что нужно вмѣстѣ съ тѣмъ теперь же молодымъ людямъ приняться за изученіе военнаго дѣла и т. д. Послѣ него говорилъ Мигиръ, высказавшій, между прочимъ, слѣдующее: «Если мы добьемся успѣха—о! подумайте о радости, о восторгѣ, о славѣ этой старой ирландской націи, которая въ тотъ же часъ станетъ снова молодою и сильною. Если мы потерпимъ неудачу, странѣ не будетъ хуже, нежели теперь. Голодъ болѣе безпощаденъ, нежели

штыкъ солдата». Подобный же митингъ повторился спустя четыре дня. Лордъ Кларендонъ, вице-король Ирландіи, возбудилъ уголовное преслѣдованіе противъ О'Бріена, Мигира и Митчеля за ихъ рѣчи и статьи; впрочемъ, времена стояли такія, что ихъ оставили до суда на свободѣ, хотя, дѣйствительно, по выраженію перваго министра лорда Росселя, въ Ирландіи говорилось «нѣчто неслыханное». Адресы французской республикѣ одинъ за другимъ летѣли изъ Ирландіи въ Парижъ. О'Бріенъ во главѣ депутаціи поѣхалъ въ Парижъ представиться французскому правительству. Принялъ ихъ Ламартинъ. Ламартинъ, въ качествѣ дипломата, много на своемъ вѣку лгалъ, но такъ какъ онъ, сверхъ того, былъ еще и поэтъ, то лгалъ онъ почти вдохновенно, перевоплощаясь во что угодно по произволу, голосъ его, говорившій не то, что онъ думалъ, вибрировалъ и дрожалъ точь-въ-точь такъ, какъ если бы Ламартинъ излагалъ сердечныя, затаеннѣйшія свои чувства. Временное французское правительство боролось въ это время съ многочисленными и серьезными внутренними затрудненіями и, конечно, меньше всего могло заняться ирландцами. И Ламартинъ никакой помощи имъ не оказалъ, и даже не обѣщалъ, но сдѣлалъ это ласково и задушевно. Депутація вернулась въ Ирландію ни съ чѣмъ, но вовсе не разочаровала своимъ неуспѣхомъ «Молодую Ирландію». Агитація продолжалась; возбужденіе такъ росло, что сынъ О'Коннеля и всѣ умѣренные элементы, группировавшіеся вокругъ совсѣмъ отошедшей на задній планъ «ассоціаціи противъ уніи», громогласно заявляли, что, при нѣкоторыхъ условіяхъ, возстаніе есть только «вопросъ времени и разсчета», а вовсе «не преступленіе». Образовалась «протестантская ассоціація» съ цѣлью борьбы противъ уніи; призракъ объединенія всѣхъ вѣроисповѣданій для общей борьбы, призракъ возстанія вырисовывался все явственнѣе. Ходили упорные слухи, что лорду Росселю близкіе ему люди совѣтуютъ уступить, дать самостоятельный парламентъ Ирландіи, во избѣжаніе кровопролитія. Англійская пресса, даже «Times», стала говорить объ отмѣнѣ уніи совсѣмъ не въ такомъ непреложно-отрицательномъ тонѣ, какъ всегда. Но болѣзненно-быстрый ростъ революціоннаго настроенія, временами, тревожилъ О'Бріена: все-таки это были митинги, статьи, крики, возбужденіе, но не деньги, не оружіе, не организація. Митчель выражалъ (и очень талантливо) безконечную ненависть къ Англіи, въ родѣ той, которую чувствовалъ Вольфъ Тонъ, но Дэффи сознавалъ, что на этомъ сходство и кончалось: «У Тона планы революціи были такъ же тщательно проектированы, какъ у инженера планъ моста черезъ большую рѣку или подводнаго туннеля». А теперь, въ 1848 году, было много страсти, но мало холоднаго разсудка, и еще меньше организаціи, дисциплины и средствъ.

Между тѣмъ, грандіозная манифестація чартистовъ въ Лондонѣ провалилась, не произведя никакого эффекта, и англійское правительство рѣшило дѣйствовать теперь относительно Ирландіи смѣлѣе. Былъ проведенъ законъ, каравшій пожизненною ссылкою всякіе печатные

или устные призывы къ оружію для произведенія политическихъ перемѣнъ. О'Бріенъ въ парламентѣ противился этому биллю, говорилъ о томъ, что, подавляя свободу рѣчи, лордъ Россель можетъ сдѣлать Ирландію республикою и пр., но ничего не вышло. О'Бріенъ отправился въ Ирландію и приступилъ къ объѣзду городовъ съ цѣлью смотра и знакомства съ имѣющимися въ наличности силами. Рѣшено было, чтобы страна избрала «совѣтъ трехсотъ», и чтобы всѣ желающіе записывались въ списки имѣющей образоваться національной ирландской гвардіи. Вице-король запретилъ какъ избирательныя дѣйствія, такъ и записываніе въ эту гвардію. Уже былъ конецъ мая, во Франціи явственно обозначалось обратное теченіе, въ Германіи также буржуазія все болѣе тяготѣла къ правительственной власти. Эти явленія еще болѣе укрѣпляли англійскій кабинетъ въ его рѣшимости дѣйствовать наступательно. Какъ разъ произошли процессы О'Бріена и Мигира, преслѣдованіе противъ которыхъ было начато, какъ сказано, еще въ мартѣ. О'Бріенъ былъ оправданъ присяжными, относительно Мигира также не было достигнуто требуемаго закономъ единогласія: общее настроеніе сказывалось на присяжныхъ. Оставался третій подсудимый—Митчель, арестованный передъ самымъ судомъ и сидѣвшій въ тюрьмѣ. За нимъ были статьи, наиболѣе рѣзко и открыто приглашавшія къ вооруженной борьбѣ, и въ его журналѣ давались также, напр., совѣты обливать войска сѣрной кислотой. «Молодая Ирландія», во многомъ совсѣмъ не согласная съ Митчелемъ, рѣшила, что нужно или устроить ему побѣгъ въ случаѣ осужденія, или какъ-нибудь иначе спасти его, чтобы въ народѣ не произошло упадка духа. О'Бріенъ и его друзья рѣшили запросить размножившіеся въ Ирландіи клубы, готовы ли они къ болѣе или менѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Въ Дублинѣ и близъ него было тридцать клубовъ, въ Коркѣ—одиннадцать, въ мѣстахъ около него—шесть; въ Килькенни—четыре; въ Лимерикѣ и Уотерфордѣ по одному; въ городахъ и селахъ Тайперери—десять; въ Уэксфордѣ—четыре; въ Эннисѣ—одинъ; въ Эльстерѣ—три; въ Голуэѣ—одинъ; кромѣ того, Лэлоръ утверждалъ, что въ чисто земледѣльческихъ округахъ все готово къ возстанію, какъ тамъ все всегда было готово къ аграрному движенію. Но оружія почти не было; даже если бы всѣ эти клубы (а въ каждомъ было 200—300—400—500 чел.), дѣйствительно, были бы хорошо вооружены, то главная масса (крестьянство) все же явно въ этомъ отношеніи страдала. Ничего не удалось сдѣлать до суда. Митчель былъ обвиненъ (23 мая 1848 г.) уже на основаніи новаго закона о преступныхъ призывахъ къ оружію и приговоренъ къ каторгѣ. Много арестовъ было произведено на улицахъ Дублина до и въ день суда; осужденнаго сейчасъ же подъ усиленнымъ конвоемъ отправили на заготовленный заранѣе лордомъ Кларендономъ военный пароходъ, который и долженъ былъ отвезти его въ двадцатилѣтнюю каторгу. Жена и дѣти остались безъ всякихъ средствъ, но въ ихъ пользу было собрано около 1.800 фунтовъ стерлинговъ.

Агитація не прекратилась съ гибелью Митчеля. Основалась новая газета, стали выдвигаться новые люди его же направленія; Лэлоръ дѣйствовалъ неутомимо. Но каждый день приносилъ новыя и новыя выгоды англійскому правительству, и возстаніе становилось все невозможнѣе. Въ двадцатыхъ числахъ іюня произошло кровавое возстаніе и усмиреніе рабочихъ въ Парижѣ; это событіе имѣло колоссальное вліяніе на все европейское общество, на Ирландію же особенно. Во-первыхъ, вице-король уже вполнѣ увѣренно ждалъ столкновенія, зная опредѣленно, на чьей сторонѣ будетъ побѣда; во-вторыхъ революціонное настроеніе въ Ирландіи, какъ и вездѣ, получило страшный ударъ при извѣстіи о іюньскихъ дняхъ; въ-третьихъ, убійство инсургентами парижскаго архіепископа возмутило все католическое духовенство и оттолкнуло его отъ какой бы то ни было симпатіи къ революціонерамъ. Лордъ Кларендонъ мигомъ далъ сигналъ имѣвшейся въ его распоряженіи прессѣ пропагандировать мысль, что «Молодая Ирландія» мечтаетъ прежде всего объ истребленіи католическихъ архіепископовъ, на подобіе «своихъ парижскихъ собратьевъ». Аресты усилились. Мигиръ, Мартинъ, Дэффи и масса другихъ видныхъ лицъ были арестованы въ началѣ іюля. Принялись за клубы, которыхъ съ конца мая по іюль расплодилось чрезвычайно много, такъ какъ О'Бріенъ хотѣлъ сдѣлать ихъ ячейками будущаго инсуррекціоннаго комитета и организаціонными единицами возстанія. Ихъ было въ іюлѣ 1848 г. около 150, и въ нихъ записалось около пятидесяти тысячъ человѣкъ. Вице-король вознамѣрился ихъ закрыть, но клубы рѣшили сопротивляться, и ихъ представители регулярно извѣщали О'Бріена о количествѣ пріобрѣтаемаго оружія. Тогда вице-король потребовалъ особымъ извѣщеніемъ, чтобы обладающіе оружіемъ лица предъявили таковое. Собраніе представителей клубовъ колебалось относительно того, что ему предпринять. Одни говорили, что нужно немедленно начинать возстаніе, ибо послѣ обысковъ и отнятія оружія это будетъ совсѣмъ невозможно. Другіе (во главѣ съ О'Бріеномъ), полагали что оружіе можно припрятать и ждать. Послѣднее мнѣніе восторжествовало. Была образована директорія изъ пяти человѣкъ, которая должна была руководить будущимъ возстаніемъ. Возстаніе предполагалось въ августѣ, но вышло не такъ. Вице-королю необходимымъ представлялось арестовать еще нѣсколько сотъ человѣкъ, — и нужно было для этого пріостановить дѣйствіе «Habeas Corpus'a». Актомъ парламента «Habeas Corpus» въ Ирландіи былъ объявленъ пріостановленнымъ 24-го іюля. Когда извѣстіе о томъ, что этотъ актъ побѣдоносно, безъ всякой задержки, прошелъ во второмъ чтеніи и черезъ два дня станетъ закономъ, — впервые было протелеграфировано въ Ирландію, вопросъ о возстаніи внезапно сталъ совершенно безотлагательнымъ. Грозилъ самымъ несомнѣннымъ образомъ арестъ О'Бріену и массѣ другихъ лицъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались всѣ нити предпріятія; никто не сомнѣвался, что едва только вице-королю будетъ дано знать изъ Лон-

дона о пріостановкѣ «Habeas Corpus'a», тотчасъ же онъ арестуетъ вождей предполагаемаго возстанія, которыхъ онъ пока не могъ захватить именно вслѣдствіе отсутствія ясныхъ уликъ. Мало того, эта пріостановка «Habeas Corpus'a» снабжала вице-короля также возможностью безъ допросовъ, безъ предъявленія обвиненій держать арестованныхъ подъ замкомъ сколько понадобится. Диллонъ и другіе предводители рѣшили ни за что не отдаться безъ сопротивленія и начать возстаніе. Ихъ преслѣдовалъ кошмаръ о'коннелевской уступки сэру Роберту Пилю за пять лѣтъ до того; имъ казалось, что если теперь, послѣ всѣхъ своихъ изъявленій и призывовъ, не будетъ ими сдѣлано никакой попытки, то Ирландія окончательно во всемъ извѣрится и отчается. И все-таки у нихъ оружія въ достаточномъ количествѣ не было, денегъ не было, предводителя не было, духовенство и среднее сословіе, испуганныя еще проповѣдью Митчеля и Лэлора и парижскими іюньскими днями, были противъ нихъ, и Англія была спокойна и сильна. Положеніе было совершенно отчаянное. Дэффи это сознавалъ такъ же хорошо, какъ и О'Бріенъ, какъ и Диллонъ; и они все-таки полагали, что другого исхода нѣтъ. 23-го іюля (1848 г.) въ Эннискорти О'Бріенъ объявилъ о началѣ возстанія.

Рѣшено было начать съ Килькенни, по чисто-стратегическимъ соображеніямъ. Когда О'Бріенъ съ товарищами выѣхали въ Килькенни, большая толпа провожала ихъ въ полѣ привѣтственными криками и пѣснями. По пути въ деревнѣ Грэгѣ встрѣтилъ О'Бріена одинъ старый ветеранъ возстанія 1798 года, обнялъ его и горячо желалъ ему успѣха. Въ Кэллэнѣ они были окружены огромной толпой возбужденно ихъ привѣтствовавшихъ крестьянъ, въ Кэрринѣ все населеніе выбѣжало къ нимъ навстрѣчу, предлагая свою помощь. Пока это происходило, изъ сосѣднихъ городовъ уже шли войска,—1.200 человѣкъ съ четырьмя пушками. Объ успѣшномъ конечномъ отраженіи непріятеля отъ городка совсѣмъ невозможно было и думать. О'Бріенъ зналъ, что тотчасъ же къ этому отряду подойдутъ подкрѣпленія изъ близъ лежащихъ мѣстностей. Онъ спросилъ у собравшихся, могутъ ли они выставить теперь же, пока войска не пришли, въ одинъ часъ, шестьсотъ вооруженныхъ людей. Это оказалось невозможнымъ, и О'Бріенъ съ товарищами выѣхали въ Кэшель. Послѣ ихъ отъѣзда пришелъ значительный отрядъ подъ предводительствомъ одного изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ «Молодой Ирландіи», но имъ оставалось разойтись. Хаосъ, внезапность предпріятія, неподготовленность, отсутствіе выработаннаго плана жестоко давали себя чувствовать. Напр., видный членъ дублинскаго клуба О'Доногъ поѣхалъ въ Килькенни, а тамошніе клубисты схватили его, рѣшивъ, что это англійскій шпіонъ, и съ торжествомъ повезли въ Дублинъ обличать; тамъ только выяснилась ошибка. Въ Кэшелѣ также были люди, готовые начать возстаніе, но когда это понадобилось неожиданно, чуть не въ одинъ часъ, большинство растерялось. Въ Килленолѣ нѣсколько сотъ человѣкъ пошло

за О'Бріеномъ; окрестные священники уговаривали крестьянъ не присоединяться къ бунтовщикамъ. О'Бріенъ, Диллонъ, Стивенсъ (молодой человѣкъ, до тѣхъ перъ совсѣмъ неизвѣстный) и ихъ товарищи учили свой отрядъ стрѣлять, заряжать ружья и т. д. Они переходили изъ деревни въ деревню, и ихъ отрядъ то увеличивался, то, послѣ рѣчей подходившихъ священниковъ, уменьшался. Главная квартира О'Бріена была въ Килленолѣ. Чрезъ три дня послѣ начала дѣла англійскіе драгуны приблизились къ деревнѣ. Наскоро была возведена баррикада въ самомъ узкомъ мѣстѣ единственной доступной дороги. Командиръ отряда потребовалъ пропуска, но инсургенты отказали ему и спросили, не арестовать ли О'Бріена онъ пришелъ. Офицеръ отвѣтилъ, что своимъ честнымъ словомъ удостовѣряетъ въ неимѣніи никакихъ поползновеній противъ О'Бріена и кого бы то ни было, а просто имъ нужно пройти черезъ Килленоль. Тогда весь отрядъ по одиночкѣ пропустили черезъ баррикаду.

Поразило всѣхъ участниковъ дѣла, что это, казалось бы, ничтожное происшествіе страшно подняло духъ крестьянъ, которые тотчасъ же стали стекаться къ О'Бріену: переговоры и просьбы военнаго отряда служили какъ бы доказательствомъ силы возставшихъ. Вообще, абсолютно никто изъ инициаторовъ не зналъ, чего можно, а чего нельзя ожидать отъ крестьянъ,—и тѣ все время изумляли ихъ разными внезапностями и странностями. Ясно было присутствующимъ одно: невѣроятное физическое истощеніе деревенскихъ жителей; двухлѣтняя голодовка была еще слишкомъ свѣжа въ памяти и напоминала о себѣ ежеминутно. Лагерь инсургентовъ представлялъ собою живописное и пестрое зрѣлище; оружіе особенно было разнообразно и, въ общемъ, невысокаго качества; пестрѣли національныя одежды, зеленые флаги. Численность маленькаго отряда постепенно увеличивались.

Вскорѣ послѣ безкровной встрѣчи съ драгунами О'Бріенъ собралъ совѣтъ. На этомъ совѣтѣ было высказано мнѣніе такого рода. Необходимо теперь же объявить навсегда свободными отъ уплаты аренды лендлордамъ тѣхъ крестьянъ, которые примкнутъ къ возстанію; имѣнія же лендлордовъ, которыя воспротивятся возстанію, должны быть конфискованы и доходы съ нихъ пойти на военныя нужды инсургенсургентовъ. О'Бріенъ провалилъ это мнѣніе, ибо онъ всегда противился подобнымъ мѣрамъ относительно собственности.

Нѣкоторые думали, что это—единственное средство разомъ привлечь все крестьянство, что иначе ничѣмъ вся попытка не окончится. О'Бріенъ настоялъ на своемъ, и съ этого момента всякая надежда на успѣхъ исчезла среди людей, раздѣлявшихъ взгляды Лэлора. Инициаторы рѣшили раздѣлиться и отправиться для одновременнаго поднятія населенія въ сосѣднія деревни.

Между тѣмъ дублинскіе клубы также оказались захваченными совершенно врасплохъ. Рѣшено было двумъ стамъ членамъ клубовъ по частямъ выйти изъ Дублина и усилить отрядъ О'Бріена, а другимъ

оставаться въ столицѣ, и, когда гарнизонъ ея уменьшится вслѣдствіе необходимости преслѣдовать инсургентовъ въ странѣ,—захватить Дублинъ въ свои руки. О'Рилли, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ «молодыхъ ирландцевъ», хлопоталъ надъ осуществленіемъ этого плана вмѣстѣ съ юристомъ Барри, давно уже участвовавшимъ въ политической жизни клубовъ. Все шло хорошо, но какъ разъ наканунѣ экспедиціи изъ Дублина О'Рилли, къ своему изумленію, былъ увѣдомленъ, что у его товарища по дѣлу, Барри, есть одинъ недостатокъ: онъ—англійскій шпіонъ. Любопытно, что объ этомъ обстоятельствѣ подозрѣвали довольно давно, но забыли предупредить О'Рилли. Произошло смятеніе между тѣми 200 лицами, которые собирались присоединиться немедленно къ О'Бріену. Такъ какъ Барри все зналъ, то они боялись попасть въ западню, и въ концѣ концовъ ихъ экспедиція не состоялась. Въ Лимерикѣ дѣло пошло нѣсколько удачнѣе для инсургентовъ, но сноситься съ О'Бріеномъ становилось все труднѣе, вслѣдствіе непрерывныхъ арестовъ и захватовъ посылаемыхъ людей съ извѣстіями. Лагерь инсургентовъ раположился недалеко отъ Лимерика, ночью освѣщался кострами и войска къ нему не приближались. Инсургенты перехватывали гдѣ могли почту, обезоруживали сопровождавшихъ ее людей, разсылали эмиссаровъ по деревнямъ съ цѣлью призыва новыхъ силъ въ свой лагерь. Но вербовка шла туго, ибо крестьяне прямо отвѣчали, что если О'Бріенъ не можетъ ихъ прокормить и не хочетъ насильственнаго отнятія чьей бы то ни было собственности, то они не пойдутъ, а будутъ сами добывать себѣ пищу. Администрація между тѣмъ тревожилась весьма сильно, и спѣшно защищала всѣ подступы къ болѣе значительнымъ пунктамъ, гдѣ можно было ожидать нападенья непріятеля. Но слабость инсургентовъ не могла не обнаружиться очень скоро: они никакъ не могли начать наступательныхъ дѣйствій. Въ Баллингэри, наконецъ, произошло столкновеніе. Правительственный отрядъ встрѣтилъ здѣсь баррикады, сооруженныя инсургентами, которыми тутъ предводительствовалъ самъ О'Бріенъ. Сначала англійскій отрядъ бѣжалъ и спрятался въ большомъ двухэтажномъ домѣ на дорогѣ; недисциплинированные крестьяне-инсургенты, вопреки планамъ О'Бріена, съ крикомъ бросились къ этому строенію. Ихъ еле удалось удержать. Взять въ плѣнъ укрывшихся было очень трудно безъ артиллерійскихъ орудій, которыхъ у О'Бріена совершенно не было. Рѣшили было принудить ихъ къ сдачѣ посредствомъ дыма, какъ это дѣлалъ генералъ Пелиссье во время борьбы съ алжирскими арабами, прятавшимися въ пещерахъ. Сидѣвшіе въ домѣ начали переговоры; О'Бріенъ требовалъ у нихъ, прежде всего, выдачи оружія. Во время переговоровъ осаждавшіе неосторожно расположились около оконъ, и неожиданно изъ дома грянулъ залпъ, за нимъ другой. Крестьяне бросились бѣжать, О'Бріена его друзья всѣми силами старались увести въ виду невозможности что-либо сдѣлать; убитые и раненые почти только одни и оставались около дома. О'Бріенъ явно стремился

попасть подъ пулю, но это не удалось. Присоединившись къ толпѣ крестьянъ, онъ увидѣлъ, что священникъ убѣждаетъ ихъ разойтись немедленно по домамъ; О'Бріенъ сталъ спорить, его никто не слушалъ. Пришелъ другой полицейскій отрядъ, и продолжалъ перестрѣлку. Вся совершенно отчаянная храбрость О'Бріена, изумившая даже англичанъ, была вполнѣ безплодна при окружавшихъ условіяхъ. И онъ, и его друзья убѣдились при Баллингэри, что тѣ самые люди, которые съ рискомъ быть немедленно убитыми или впослѣдствіи повѣшенными, совершали по всей странѣ безчисленныя аграрныя нападенія, тутъ не хотятъ сражаться, не знаютъ зачѣмъ сражаться, смотрятъ угрюмо, слушаютъ разсѣянно, повинуются священнику, что такъ дѣлаетъ большинство. И съ отчаяніемъ «Молодая Ирландія» говорила, что голодныхъ людей нельзя вести въ битву, что безъ запасовъ, безъ провіанта, безъ обоза нельзя ничего сдѣлать. Вечеромъ вожди подъ проливнымъ дождемъ бѣжали, преслѣдуемые непріятелемъ. Макъ-Маннесъ былъ арестованъ спустя нѣсколько дней послѣ проиграннаго дѣла, Мигиръ и другіе попали въ руки полиціи также очень скоро, потому что вся страна кишѣла солдатами и полицейскими чинами, искавшими предводителей возстанія. Спустя недѣлю около станціи желѣзной дороги, въ полѣ, былъ узнанъ и арестованъ О'Бріенъ.

«Они скверные подданные, а какъ бунтовщики—еще хуже», съострилъ въ тѣ дни одинъ старичокъ, слѣдившій за происшествіями. Многіе не могли простить О'Бріену его внезапной попытки. Они были того мнѣнія, что въ мартѣ 1848 года возстаніе удалось бы, или, по крайней мѣрѣ, имѣло бы больше шансовъ, потому что, подъ вліяніемъ европейскихъ событій, оживленія чартизма въ Англіи, довольно сочувственнаго отношенія католическаго духовенства, революціонеры имѣли подъ собою серьезную почву, даже безъ особой подготовленности чисто военной, технической. Если бы, пропустивъ этотъ моментъ, они отложили возстаніе на осень и зрѣло подготовились, то тоже, можетъ быть, были бы извѣстные шансы. Но затѣвать дѣло ни весною, ни осенью, а среди лѣта, когда боевого настроенія въ народѣ и (послѣ парижскихъ іюньскихъ дней) сочувственнаго отношенія въ духовенствѣ *уже* нѣтъ, а подготовки *еще* нѣтъ,—значило идти на вѣрную гибель. Лица, порицавшія О'Бріена, говорили, что дѣлать внезапные сюрпризы въ такомъ дѣлѣ совсѣмъ непозволительно и не оправдывается никакими соображеніями. Указывали, что не было все время денегъ, а между тѣмъ (но уже *послѣ* пораженія при Баллингэри) изъ Америки прибыли десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, отосланные въ Ирландію со всею поспѣшностью, едва лишь пришла вѣсть о внезапномъ рѣшеніи О'Бріена. Клубы тоже, захваченные врасплохъ, не успѣли мобилизовать своихъ силъ; значитъ, были и деньги, и люди,—но внезапность дѣла помѣшала использовать то и другое. Далѣе, указывали и на нежеланіе О'Бріена привлечь крестьянъ обѣщаніемъ перемѣнъ въ аграрномъ строѣ, на равнодушіе крестьянъ къ чисто-политическимъ

вопросамъ, на незнаніе крестьянства. Критики и горечи было много. И прежде всего, основываясь на мнѣніи, что для успѣшной войны нуженъ какъ энтузіазмъ, такъ и обозъ, упрекали О'Бріена, что онъ бросился въ борьбу, надѣясь на людей, у которыхъ не было въ данный моментъ ни того, ни другого.

Начались политическіе процессы и осужденія. Процессъ О'Бріена длился девять дней и закончился 9-го октября (1848 года). До суда все время онъ сидѣлъ въ строжайшемъ заключеніи; судоговореніе происходило въ Клонмэлѣ. Подсудимый ничего не отрицалъ изъ тѣхъ фактовъ, которые происходили за короткій періодъ возстанія. Его обвиняли въ наиболѣе тяжкой формѣ государственной измѣны; членъ англійскаго парламента, потомокъ одной изъ царствовавшихъ нѣкогда въ Ирландіи династій, человѣкъ, снискавшій себѣ общее уваженіе среди самыхъ различныхъ ирландскихъ партій, онъ привлекалъ къ себѣ особенное вниманіе. Во время процесса обвиненіе утверждало, что именно вліяніе французской февральской революціи могущественно содѣйствовало тому, что О'Бріенъ примкнулъ къ партіи рѣшительнаго переворота; защита этого пункта не оспаривала. Дѣло защиты на той почвѣ, на которой велся процессъ вообще, было совершенно безнадежное. О'Бріенъ держался все время вполнѣ спокойно, и столь же спокойно выслушалъ обвинительный приговоръ присяжныхъ. Предсѣдатель суда лордъ Блэкборнъ предложилъ ему воспользоваться обычнымъ правомъ заявить, что́ онъ находитъ нужнымъ въ своихъ интересахъ, предъ постановленіемъ приговора о наказаніи. О'Бріенъ всталъ и сказалъ громкимъ голосомъ: «Милорды, я не намѣренъ входить въ какое-либо отстаиваніе своего поведенія, какъ бы мнѣ ни хотѣлось воспользоваться случаемъ сдѣлать это. Я вполнѣ удовлетворенъ сознаніемъ, что я исполнилъ свой долгъ по отношенію къ моей странѣ, что я сдѣлалъ только то, что, по моему мнѣнію, входило въ обязанности каждаго ирландца. И я теперь готовъ перенести послѣдствія того, что я исполнилъ свой долгъ по отношенію къ родинѣ. Приступайте теперь къ вашему приговору». Тогда предсѣдатель, обращаясь къ прочтенію приговора, сказалъ, что, въ виду просьбы обвинившихъ подсудимаго присяжныхъ засѣдателей, судъ сообщитъ вице-королю о ходатайствѣ присяжныхъ въ пользу смягченія наказанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ лордъ Блэкборнъ изъявилъ горестное сожалѣніе объ отсутствіи всякого раскаянія у подсудимаго. «О, если бы вы посмотрѣли на ваше преступленіе, какъ смотритъ на него каждое разумное существо; если бы вы почувствовали и сознали, что оно на самомъ дѣлѣ, въ основѣ столь же противно интересамъ человѣчества, наставленіямъ и духу исповѣдуемой нами божественной религіи, насколько и враждебно положительному закону, тому закону, насиліе надъ которымъ сопровождается теперь потерею вашей жизни. Тѣ немногія слова, съ которыми вы обратились къ суду, не позволяютъ мнѣ,—говорю это съ величайшею грустью,—распространяться дальше объ этомъ пред-

метѣ. Теперь только остается суду произнести смертный приговоръ. Этотъ приговоръ состоитъ въ томъ, что вы, Вильямъ Смитъ О'Бріенъ, будете взяты отсюда и отведены въ мѣсто, откуда вы пришли, оттуда отвезены на плетенкѣ къ мѣсту казни, и тамъ будете повѣшены за шею, пока вы не умрете, затѣмъ ваша голова будетъ отдѣлена отъ туловища, а туловище раздѣлено на четыре части, для того, чтобы съ этими частями было поступлено, какъ сочтетъ за благо ея величество».

Спустя нѣсколько дней смертный приговоръ постигъ Макъ-Манэса, О'Донога, Магира. Впослѣдствіи участь осужденныхъ была смягчена, несмотря на энергичные ихъ протесты противъ этого смягченія; они были сосланы въ каторжныя работы въ Австралію. Отчаянная попытка Лэлора начать возстаніе уже послѣ разгрома и ареста «Молодой Ирландіи» окончилась убійствомъ одного изъ полисменовъ и одного изъ инсургентовъ. Мрачный всюду—конецъ 1848 года былъ тяжелъ и въ Ирландіи. «Что касается служенія Ирландіи,—писалъ Лэлоръ Чарльзу Дэффи, когда уже все было потеряно,—то отъ служенія Ирландіи, какова она есть, я отказываюсь. Гробовая крышка захлопнулась надъ послѣднею надеждою нынѣшняго поколѣнія».

Одни плыли въ Австралію, закованные въ ручные и ножные кандалы; другіе сидѣли въ тюрьмахъ, третьи находили и для себя мѣсто на эмигрантскихъ пароходахъ, увозившихъ въ Америку цѣлыми десятками тысячъ въ теченіе всего 1848 года ирландскихъ крестьянъ. Страница, которую «Молодая Ирландія» вписывала въ исторію своей земли, была закончена.

Одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ органовъ («Edinburgh Review») не могъ воздержаться отъ восторга предъ дѣятельностью вице-короля, лорда Кларендона: «Вмѣсто того, чтобы агитація сокрушила правительство, само правительство, при апплодисментахъ всей имперіи, съ тріумфомъ сокрушило агитацію».

Впечатлѣніе легкости и полноты побѣды было чревато послѣдствіями, ибо соединялось съ почти презрительнымъ отношеніемъ къ побѣжденнымъ. Это чувство держалось довольно долго, не даромъ же такой знатокъ Англіи, какъ Монтескьё, сказалъ объ англичанахъ, что они не любятъ отрѣшаться отъ чувства презрѣнія («ils ne reviennent pas du mépris» *). Поэтому и пробужденіе Ирландіи оказалось для Англіи въ шестидесятыхъ годахъ такимъ болѣзненнымъ. Но въ эпоху разгрома «Молодой Ирландіи» не только англичане, а и враги ихъ, еще не представляли себѣ, какую новую форму борьбы выберетъ то поколѣніе, которое въ годы голода и возстанія только выходило изъ дѣтскаго возраста.

Е. Тарле.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

---

*) „Oeuvres“ (1838) „Notes sur l'Angleterre“, стр. 631.

ПОКАЯНІЕ.

Первый ударъ колокола упалъ внезапно въ тѣсноту комнаты, вонзившись въ нависшую надъ головами пелену еще не остывшихъ, трепещущихъ гнѣвомъ словъ. Призраки заклубились—поплыли...

Еще—еще—звонкіе удары, какъ бичи, погнали ихъ вонъ, прочь изъ стѣнъ, въ просторъ большого, убитаго камнемъ и пескомъ двора. Въ узкой кельѣ не осталось слѣда иныхъ звуковъ: она вся содрагалась и гудѣла отъ мѣдныхъ, не ждущихъ ударовъ.

Два человѣка около бѣлаго досчатаго стола сидѣли недвижно, лишь внутренно сотрясаясь страстнымъ кипѣніемъ мысли и потокомъ горячаго дыханія, выбрасывающаго ея образы.

Старшій братъ сидѣлъ на привычномъ мѣстѣ, гдѣ до-бѣла стерлась старая краска монастырскаго пола подъ длинными ступнями его ногъ. Большія жилистыя руки, вытянутыя по доскѣ стола какъ лапы отдыхающаго звѣря, приковывали къ себѣ взоръ глубоко запавшихъ, невидныхъ глазъ.

Такъ онъ сидитъ и всегда, когда одинъ: погнувшись широкой спиной подъ черной суконной рубашкой и свѣсивъ уже до плечъ отросшія тусклыя пряди, словно кипѣніемъ мозга изсушенныя...

Такъ онъ сидѣлъ и смотрѣлъ на свои сцѣпленныя руки, точно созерцалъ не этотъ живой узелъ мускуловъ и костей,—но разглядывалъ вновь и вновь мгновенно оторванный и стиснутый комъ своей жизни. Всей жизни, когда схлынуло затопившее море страсти. Унесено все мелкое и легкое, что случайно запутывается въ ея простую ткань. Скомкана жизнь и бездѣйственна, какъ эти праздныя руки.

Младшій братъ тоже невольно смотрѣлъ на нихъ. Казалось (можетъ быть только мерещилось), что онъ хорошо помнитъ другія руки: бѣлыя, гладкія и красивыя, посылающія страстный жестъ... Вотъ почему не могли оторваться его испуганные глаза. И фигура была статная и гордая. Тутъ ужъ онъ помнитъ навѣрное собственныя ребяческія мысли: свою завистливую боязнь не дорости до красиваго роста старшаго брата... Но вѣдь онъ переросъ его!

Съ страннымъ испугомъ онъ это увидѣлъ въ первый же мигъ свиданія—увидѣлъ раньше всего. Въ одномъ мигѣ узналось, что онъ еще продолжалъ юношески расти, когда для Макса сомкнулся кругъ роковой судьбы... И точно цѣлая жизнь ихъ раздѣлила.

Но изъ этой жизни, превратившей Макса въ старика, онъ, вѣдь, ничего не знаетъ кромѣ одного:

Убилъ!

Подъ этимъ низкимъ досчатымъ потолкомъ впервые на него глянуло собственное дѣтское незнаніе и безсмысленная беззаботность... Отъ него скрывали, и онъ инстинктивно помогалъ этому. Скрывали женщины.

Ему казалось, что *нежеланіемъ знать* онъ воздаетъ дань уваженія несчастному брату. Единственную дань, возможную для него.

Первый загадочный, наростающій ужасъ преступленія разсѣялся, какъ разлетается надъ упавшимъ зловѣщая стая черныхъ птицъ. Открылось такое спокойное, почти отрадное въ своей простотѣ:

Одинъ годъ церковнаго покаянія въ монастырѣ.

Мирныя простыя слова. Каждому казалось, что онъ ихъ проникаетъ, узнаетъ...

Торжественный благовѣстъ золоченыхъ куполовъ... тихія тѣни черныхъ смиренныхъ людей... синее небо и запахъ яблоковъ въ монастырскомъ саду...

Мать, сестры, тетки плакали и обнимались отъ радости, вернувшись изъ суда. Друзья приходили поздравлять. Тетя Оля для каждаго новаго гостя принималась сначала описывать тотъ «прелестный монастырь», куда она ѣздила когда-то къ своей подругѣ.

Младшій братъ, не бывшій въ судѣ, живо помнитъ освобождающую радость того дня.

Онъ, который не зналъ никакихъ воплощающихъ подробностей—не видалъ никогда женщины—и съ тѣхъ поръ ни разу не видалъ и брата—онъ съ правдивымъ, безусловнымъ забвеніемъ въ ту же минуту перешагнулъ мыслью въ недалекій день его полнаго возвращенія.

Страшный сонъ — кошмаръ.

Мать ѣздила на кладбище къ чужой могилѣ, гдѣ ударилъ земной громъ самовластнаго суда. Одна мать ѣздила. И возвращалась молчаливая, съ задумчивымъ строгимъ лицомъ.

Максимъ никому не позволялъ навѣщать его въ монастырѣ. Даже съ матерью не согласился повидаться послѣ суда. Это одно омрачило тотъ день.

Это сказало, что радостно лишь ихъ эгоистическое успокоеніе узкой любви...

До года остается меньше двухъ мѣсяцевъ.

Въ тотъ день, когда младшій братъ узналъ, что пойдетъ на войну, стало очевидно, что по дорогѣ онъ долженъ заѣхать въ монастырь. Никто этого вопроса не поднималъ и не оспаривалъ.

Всюду, гдѣ среди кипѣнія жизни появится леденящій призракъ смерти—тамъ сама собой совершится непогрѣшимая сортировка важнаго и должнаго.

Одинъ мигъ сдѣлалъ полноправнымъ меньшого семьи, кого только что оберегали отъ натиска жизни много нѣжныхъ рукъ. Теперь онъ одинъ все зналъ, рѣшалъ и постановлялъ. Онъ успокаивалъ и ободрялъ своихъ покровительницъ. Никто не сомнѣвался, что онъ все съумѣетъ и исполнитъ въ надвигавшихся небывалыхъ трудахъ и опасностяхъ. Всѣ повѣрили, что нѣсколько отпечатанныхъ строкъ превратили маленькаго домашняго Борю въ несокрушимаго героя.

И протянулись несуществовавшія раньше нити отношеній. Исчезало мелкое и сорное. Нѣжныя краски поблекли. Оголенно и угрожающе раскинулся необозримый океанъ жизни, о которомъ еще никогда Боря не думалъ...

Борисъ сдѣлалъ на почтовыхъ шестьдесятъ верстъ въ сторону отъ станціи, съ разсчетомъ догнать свой полкъ на курьерскомъ уже за Москвою.

Сидѣлъ онъ сбоку стола, неловко на узкомъ деревянномъ стулѣ. Точно его сюда насильно затиснули и сломали, чтобы отвести ихъ въ сторону, неумѣщавшіяся иначе длинныя ноги.

Поблескивающая золотомъ, сложная и тяжелая форма лѣзетъ въ глаза здѣсь, точно слишкомъ много мѣста занимаетъ... Онъ прижималъ локти и держалъ шашку между колѣнъ, стараясь не шевелиться.

. . . .

Удары съ неба падаютъ, падаютъ...

Мѣдный гулъ оглушилъ. Крики смолкли.

И вдругъ онъ ихъ ощутилъ отдѣльно отъ себя, какъ стѣснившуюся толпу призраковъ... Слова безумныя, вырывавшіяся самовольно, разящія, какъ стрѣлы.

...Почему, почему?!.. Когда началось?..

...На порогѣ?.. За порогомъ?..

...Что-то мгновенно подломилось, куда готовъ былъ ступить довѣрчиво...

...Чужой, съ пугающимъ, мучительнымъ лицомъ встрѣтилъ, стоя посреди комнаты, спрятавъ руки за спину. Раньше чѣмъ могъ всмотрѣться, уже разразился ужасный смѣхъ.

— Ага! герои??. виватъ!.. ха-ха... Повеличаться передъ преступникомъ вашими подвигами пожаловали?!..

. . . .

...Онъ знаетъ слишкомъ мало. Въ сознаніи не жило ничего яснаго, что даетъ осязать чужую судьбу, но въ душѣ зрѣли почти нѣжныя предчувствіи... Смиренія... жалости... Предчувствовалась жуткая тягость чужого покаянія безъ словъ... Только бы не было никакихъ открытій, намековъ, признаній... Ужъ если судъ оправдалъ, значитъ, дано право *обходить* это всю остальную жизнь.

Ни о чемъ другомъ онъ не думалъ. И то, что на войну идетъ, проститься заѣхалъ, стушевывалось передъ роковой тайной.

...За себя готова рѣшимость взглянуть безстрашно въ лицо страшному. Въ мыслихъ присутствуетъ смерть. Надвигающаяся, ослѣпительная, какъ пылающая купина Синая—смерть войны. Бороздятъ замкнутый міръ души тѣни отъ далекихъ взмаховъ гигантскихъ крыльевъ...

Такъ онъ приближался сюда.

. . . .

...*Повеличаться подвигами пожаловали?*

О-о-о!.. Только во снѣ такъ бываетъ: земля проваливается подъ ногами, своды рухнутъ на голову.

...Не могъ владѣть словами! Взрывомъ гнѣва и боли ихъ рвало въ клочки, какъ разметаетъ вихрь.

— Ого, какъ грозно! Ну, ну, покажись... Ближе... сюда... поглядѣть дай... Какое оно, сіяніе славы на юномъ челѣ?.. Вижу, вижу... Сердце пылаетъ въ груди, а? Душа жаждетъ подвиговъ?.. Какъ господа корреспонденты описываютъ героевъ.

...Нѣтъ... нельзя вспомнить... одни клочки! Ни одного своего отвѣта нельзя вспомнить. Вылетали, какъ дыханіе. . . . . .

Потомъ грозное лицо смягчилось.

— Садись. Не взыщи—лучше нѣтъ. Да не стрѣляй же, какъ изъ пушки! Не помолчать вѣдь ѣхалъ? Слава Богу, есть о чемъ. Побесѣдуемъ... побесѣдуемъ.

...Отчего же ему казалось, что въ этой кельѣ не можетъ быть разговора о войнѣ?.. Меньше былъ бы пораженъ, еслибъ оказалось, что здѣсь даже и не знають про войну.

...Здѣсь работа сокровенная души, обращенная къ прошлому. Къ Богу?..

Въ вагонѣ *про него* сказалось само собой готовыми, чужими словами: *примиреніе въ Богѣ*. И послѣ того приближался къ монастырю какъ бы съ готовымъ, облегчающимъ...

Но здѣсь все смялось въ отвратительномъ циничномъ глумленіи... Точно душъ изъ кипятку!

И когда Максимъ уже усадилъ его на единственномъ стулѣ, сѣлъ самъ, уже сталъ предлагать вопросы, пытался разсказывать—и тогда онъ все-таки отталкивалъ изо всѣхъ силъ эти старанія успокоить, какъ новое оскорбленіе.

...Да, видѣлъ, какъ лицо скоро стало другое. Изъ него ушло что-то... встрѣтившее на порогѣ, какъ ударъ. Теперь въ старомъ угрюмомъ лицѣ отыскались родныя черты. . Но боль оскорбленія отъ того сдѣлалась еще острѣе.

«...Думалъ бы раньше! Считалъ за мальчишку! *Отрезвить* собрался!»

...Это слово сказано—да, да, навѣрное было! Всей фразы теперь не найти... Отрезвить!

И теперь еще его гнѣвъ кидался на это слово, какъ остервенѣвшее молодое животное кидается на остріе дразнящей палки... Отрезвить!!

Въ мгновеніе вся душа загорѣлась жгучей и острой, какъ лезвіе, страстной любовью къ тому, на что занесъ руку этотъ человѣкъ.

«...А-а-а!.. Недаромъ, недаромъ... Въ себѣ убилъ человѣческое!!»

Зналъ, что этихъ словъ онъ не выговоритъ вслухъ. Но только они—единственно страшныя. И ихъ онъ договаривалъ мысленно ко всему, что срывалось съ языка почти безсознательно: и одни сознательныя и страшныя, эти слова все другое обезцвѣчивали и лишали силы.

Несказанныя—онъ ихъ слышалъ.

Послѣ всѣхъ оскорбленій, за какія хватался, было чувство, что онъ *щадитъ*. . . . .

Летятъ безъ отдыха незримыя ядра. Мѣрныя—точно кто-то непогрѣшимый отсчитываетъ секунды. Точно, возмущенный безуміемъ людей, захотѣлъ разбить чары—показать безсиліе злобы.

Максимъ принялъ руки со стола, отбросилъ взлетающіе сухіе волосы и расправилъ спину.

Младшій на полномъ свѣту впервые пугливо обвелъ взоромъ этотъ безкровный остовъ лица. Выдавшаяся надбровная дуга и яма запавшаго виска. Провалъ щеки—какъ втягиваютъ, играя, дѣти. Тяжелая челюсть, съ плохо растущей запущенной бородой.

Поднятый взоръ, повернутый въ свѣтъ, позволилъ на мигъ уловить — точно въ темномъ раздавленномъ гнѣздѣ — мутный кругъ глаза съ маленькой точкой зрачка.

— «Больной, можетъ быть?»

И тутъ же въ внезапномъ радостномъ ощущеніи онъ охватилъ всѣ контуры собственнаго крѣпкаго тѣла: почувствовалъ и напряженную красоту пылавшихъ глазъ, и жаръ кожи, и густоту волосъ, и ловкость стянутаго стана.

И только теперь — послѣ многихъ минутъ молчанія — первая дрожь жалости поднялась въ его душѣ. Въ сознаніи блеснуло безуміе промчавшагося урагана...

*

...Господи... что вышло у нихъ!? Почему... какъ могло?.. Первая встрѣча совсѣмъ взрослымъ человѣкомъ—послѣ всего! И на пути туда...

Точно тиски, сдавила новая обида погибшихъ прахомъ усилій и великодушныхъ чувствъ.

«...Какъ мальчишка!»

Теперь ужъ прямо на его голову сыпались удары, точно напоминаніе не смолкающей смертной канонады тамъ—передъ грознымъ ликомъ могилы-океана... Куда обращены помыслы—шаги...

...Тамъ для сотенъ тысячъ человѣческихъ существъ развѣ не прервалась власть вѣчныхъ законовъ тѣла и духа? Туда его шаги.

...И вотъ здѣсь обида, брань, оскорбленія въ такую минуту!..

— Максимъ! Боже мой, что вышло у насъ! Какъ мы могли такъ встрѣтиться... Стыдъ! Какъ мы могли!.. Не понимаю самъ... Я... я... я не для этого же летѣлъ сюда сто двадцать верстъ... Въ такую минуту тебя...

— Ну-ну-ну... что ты это?.. Зачѣмъ...

Но Борисъ, уже на ногахъ, изъ всей мочи притискивалъ руки къ груди.

— Нѣтъ же, Господи, это чудовищно! Идіотство какое-то!..

По-дѣтски топнула объ полъ нога въ воинственномъ сапогѣ, горечь оскорбленной нѣжности брызнула изъ глазъ...

— Ну-ну-ну! мальчуганъ, милый... Богъ съ тобой! Изъ-за чего?.. Покричали—ну что-жъ!.. Самъ меня прости. Я первый тебя задѣлъ. Моя вина...

Непрошенныя слезы мгновенно истреблены, но высокій худой человѣкъ удивленъ, что такъ высоко—выше, чѣмъ онъ самъ,—а не трогательно близко къ землѣ ему улыбается собственное его дѣтство—юность.

...Да!.. вѣдь и у него это было—дѣтство.

— Куда такъ вытянулся? Японцамъ виднѣе... Не подумалъ, видно?..

Оба засмѣялись отъ счастья, что опять свободно владѣютъ душой Сброшена дикая кошка, впрыгнувшая на плечи.

— Какъ долго звонятъ... Всегда у васъ?

Въ узкой кельѣ, темноватой отъ унылаго колорита стараго дерева, точно стало просторнѣе отъ звона, разогнавшаго душное безуміе гнѣва...

На стѣнѣ, въ простомъ кіотѣ, убого выкрашенномъ черной краской, всего нѣсколько темныхъ иконъ безъ всякихъ окладовъ. Маленькая тусклая лампадка точно колеблется—погаснуть ли ей или еще потерпѣть. Кіотъ по серединѣ стѣны, какъ будто онъ поставленъ здѣсь случайно.

Борисъ теперь только разглядѣлъ всю убогость окружающаго.

На бѣломъ столѣ лежитъ нѣсколько книгъ и кипа исписанной бумаги. Рядомъ, вмѣсто чернильницы—простая склянка съ всунутымъ въ нее перомъ; поверхъ бумаги положены очки въ стальной оправѣ.

Около двери бѣлѣетъ свѣжая доска небольшой полочки съ кучкой какой-то посуды. Нѣтъ ни комода, ни шкафа. Какое-то платье аккуратно перекинуто на желѣзкѣ, въ ногахъ постели; а изъ-подъ края байковаго сѣраго одѣяла виднѣется дно большого кожаннаго чемодана.

Борисъ сейчасъ же узналъ выгорѣвшую рыжую кожу домашняго отцовскаго чемодана. Одинъ этотъ чемоданъ совсѣмъ тотъ же, какъ двѣнадцать лѣтъ назадъ!

Вотъ какъ живетъ Максимъ скоро ужъ годъ?.. Дома не знали. Ни одинъ человѣкъ изъ прежнихъ не знаетъ.

Струйка холода влилась ему въ грудь.

— А вотъ и Софронъ идетъ ко мнѣ...

Какъ будто его гостю давнымъ-давно извѣстно и кто такой Софронъ, и зачѣмъ онъ идетъ сюда.

Борисъ тоже посмотрѣлъ въ окно.

Вдоль бѣлыхъ стѣнъ каменныхъ флигелей, по узкимъ мосточкамъ въ двѣ доски идутъ монахи; идутъ всѣ въ одномъ направленіи, одинаковой поступью—по нѣскольку вмѣстѣ или въ одиночку. Черныя фигуры, маленькія и высокія, полныя, худощавыя, двигались какъ-то своеобразно и монотонно. Не пестро, какъ, по своему, естественно идти каждому человѣку—но какимъ-то среднимъ, выработаннымъ движеніемъ. Нѣтъ ни лѣнивыхъ движеній, ни порывистыхъ, но въ то же время нѣтъ и быстроты. Въ ровной, сдержанной дѣловитости есть какая-то неестественная утороиленность, побивающая и спокойную непринужденность, и суровую важность. Шли всѣ въ одномъ направленіи и скрывались за угломъ лѣваго флигеля.

Середина обширнаго двора пустынно желтѣла своимъ пескомъ, какъ что-то неприкосновенное. И въ этотъ безцѣльный просторъ упадали съ высоты незримыя ядра. Какъ будто это ихъ удары—дни, годы, сотни лѣтъ поющіе смерть грѣха—точно они сдѣлали этотъ квадратъ земли такимъ ровнымъ, одноцвѣтнымъ и убогимъ... Они побили каждый зеленый ростокъ, пробившійся между камней, умертвили невидимую букашку, роющуюся въ пескѣ... Дни, годы, сотни лѣтъ возвѣщаютъ они мертвое торжество небесъ и призываютъ людей отринуть горячій грѣхъ жизни.

Борисъ поискалъ глазами и не нашелъ колокольни. Удары падали изъ синяго неба.

«...Уфъ, однако! Если такъ цѣлыми часами, да всякій день...

Этакъ въ каждаго, хочешь не хочешь, вобьютъ смиреніе!» подумалъ онъ тоскливо, чувствуя, какъ растетъ отъ каждаго удара раздраженіе усталости и въ его здоровыхъ упругихъ нервахъ.

— Господи, Іисусе Христе, помилуй насъ.

— Во вѣки аминь,—досказалъ громко и спокойно Максимъ.

«...Софронъ!» подумалъ офицеръ.

И онъ чуть не вскрикнулъ отъ неожиданности, когда маленькая дверка пропустила тонкую и стройную фигуру юноши... Неужели это не переодѣтая дѣвушка?!

Свѣтлая волна волосъ вылилась широкой струей изъ опрокинутой черной чашечки и охватила маленькую голову такъ ровно и мягко, такъ правильно закруглилась на плечахъ, какъ будто ее сейчасъ только вырѣзали изъ золотой рамы старой венеціанской картины. Изъ свѣтлой волны смотрѣло узко срѣзанное, прозрачное лицо, съ разомкнутыми нѣжными устами; смотрѣло изъ-подъ длинныхъ бровей большими сѣрыми глазами, сквозь разлитыя въ нихъ капли влаги.

— Господи, какое лицо! Такой... Софронъ?—прошепталъ Борисъ, не въ силахъ удержаться.

— Отецъ Виѳантій прислали... Не угодно-ли будетъ вашему гостю прогуляться на огородахъ, а то въ саду отца настоятеля цвѣтниками полюбоваться...

— Отецъ Виѳантій благословили... ослобонить отъ службы сегодня,—прибавилъ онъ, слегка смутившись оттого, что не сказалъ главнаго.

Голосъ былъ слабый и глухой. Глаза глядѣли въ землю, но большое выпуклое яблоко ихъ только до половины прикрылось прозрачными вѣками съ длинными прямыми рѣсницами.

— Спасибо, милый. Да... Мы выйдемъ. Душно тутъ, — отвѣтилъ мягкимъ бережнымъ звукомъ Максимъ, точно приласкалъ.

— Я пока самоваръ наставлю. Отецъ Виѳантій благословили... медку свѣжаго спросить, если угодно, у отца Макарія...? Вчерась вырѣзали на пасѣкѣ.

Было обидно слышать эти обыденныя заботы, а главное, ихъ простой и усердный тонъ изъ устъ картиннаго юноши, съ его просящимися въ небо прозрачными очами.

— Хорошо, спасибо. Можно и медку.

Офицеръ не вытерпѣлъ и высунулся неловко однимъ плечомъ впередъ.

— А вы—можно спросить?..—оглянулся онъ, краснѣя, на брата:—вы давно ужъ такъ... въ монастырѣ?..

Его лицо неудержимо свѣтилось улыбкой, грѣховной улыбкой восторженнаго плотскаго восхищенія.

— Мы?.. Съ дѣтскихъ лѣтъ...

Въ нѣжномъ глухомъ голосѣ пропало усердіе. Онъ сталъ безжизненъ.

— Пойдемъ, пойдемъ на огородъ,—прекратилъ Максимъ дальнѣйшіе разспросы.

Софронъ остался въ кельѣ.

Братьи тоже пошли по деревяннымъ мосткамъ. Борисъ не могъ успокоиться.

— Нѣтъ, знаешь... Я никогда еще не видалъ подобной красоты!.. Какая жалость!.. Русскій?.. Ахъ, что я за глупости говорю!

— Чахоточный. Года не протянетъ.

Борисъ остановился отъ ужаса.

— Кто сказалъ?! Докторъ? Боже мой, что за безсмыслица... Какъ ужасно!.. Хоть бы его нарисовалъ кто-нибудь, вѣдь прямо на образъ списать можно!

Они огибали дворъ въ томъ же направленіи, какъ прошли монахи. Теперь мѣдные удары были уже иные: частые и скорые, въ перебивку, какъ бьютъ цѣпомъ зерно—они запрыгали, спѣша добить то, что еще уцѣлѣло отъ торжественной канонады. Теперь они не пѣли, а плоско и вульгарно выбалтывали свое торжество.

Борису казалось, что онъ ощущаетъ, какъ корчатся подъ этой пляской его непривычные нервы. И опять душа, какъ въ гипнозѣ, потянулась къ далекому ужасу—тысячеголосому реву смерти надъ потоками дымящейся человѣческой крови. . . . .

За угломъ они прошли мимо церкви въ глубинѣ второй небольшой площадки, также чистой и гладко укатанной, какъ передъ городскими соборами. Двери были открыты, но никто больше не шелъ въ церковь.

Братья прошли вдоль низкой кирпичной ограды, съ бѣлыми башенками подъ красными желѣзными колпачками. За оградой мелькали въ тѣни кресты. Сейчасъ за кладбищемъ и начинаются огороды.

Борисъ невольно пріостановился въ удивленіи, не видя и конца черно-зеленымъ квадратамъ, покрытымъ правильными рядами высокихъ грядъ.

— Такъ грандіозно!? Собственно, почему же это?—спросилъ онъ, повеселѣвъ.

— Монастырь этимъ живетъ. Здѣсь всѣ огородники. Въ той рощѣ—липа тамъ—большая пасѣка. Тутъ сараи вишневые. Водокачка. Вода пускается по канавамъ. Большое дѣло. Вотъ и я, пожалуй, къ будущему лѣту...

Слова сорвались. Онъ ихъ догналъ—скомкалъ и, нахмурясь, отвернулъ голову.

...Первое слово о себѣ. У младшаго забилось сердце.

— Какъ чудесно!—Вотъ не ожидалъ! Работать вѣдь всѣ должны?

Въ отвѣтъ на невысказанный вопросъ, Максимъ пріостановился, указывая протянутой рукой.

— Вонъ... крайній налѣво — видишь? Это нашъ квадратъ. Пойдемъ. Софронъ мнѣ тамъ весной скамейку приладилъ.

Прямыя по шнуру ряды грядъ въ отдаленіи закруглялись легко согнутыми параллельными дугами.

— Какая правильность! Точно... ну, право же похоже—армія въ боевыхъ колоннахъ! Траншеи! Вонъ корпуса—полки...

Борисъ улыбался и щурился.

— Ахъ чудесно! Навѣрное это превеселая работа. Вѣдь правда? Ты привыкъ?

Съ размаха вопросъ вылетѣлъ съ необдуманной довѣрчивостью. И глядитъ черезъ гряду по дѣтски требующими отвѣта глазами.

Отвѣтъ получился не сразу.

— Къ труду? Къ жизни, какая она для милліоновъ людей, привыкнуть легче, чѣмъ думаютъ. Человѣкъ ко всему привыкаетъ. Привыкаетъ и быть солдатомъ—работать на смерть.

Тотъ споткнулся отъ дрогнувшаго въ груди, готоваго, все время настороженнаго безпокойства.

— Вотъ тебѣ на!—сравнивать работу и подвигъ? — не утерпѣлъ онъ.

— О-о-о? Что же давечи-то на стѣну полѣзъ, когда я только произнесъ слово *подвигъ*?

Максимъ быстро оглянулся.

Мутно блеснули темныя впадины глазъ. Какъ будто этотъ взоръ, приближенный простыми рѣчами, движеніемъ, видомъ привычныхъ мѣстъ,—теперь опять уходитъ въ мятежныя глубины боли... Онъ зашагалъ скорѣе къ скамейкѣ, бѣлѣвшей подъ большими орѣховыми кустами.

— Вотъ, ей-Богу, странно! Какъ будто я на слово обидѣлся!?— восклицалъ ему въ спину младшій, сопротивляясь, но все-таки уступая искушенію.

— Не знаешь самъ на что. Живете въ угарѣ. Что же, ты хоть разъ подумалъ просто, по-человѣчески: куда идешь? Отчего угорѣлъ?

Черно-зеленыя боевыя колонны дрогнули.

— Значитъ, что же? Офицеръ—даже не человѣкъ!?

Максимъ круто повернулся лицомъ къ лицу:

— Полмилліона культурныхъ людей... схватились за горло... рвутъ въ куски... люди это по твоему? Да! каждый изъ насъ — звѣрь! Звѣрь и человѣкъ. Люди только пока не перестали бороться со звѣремъ. Кто стыдится... мукой искупаетъ... А-а-а, ты не понимаешь слова этого—*искупаетъ*!

«Я долженъ молчать—пусть!» приказалъ себѣ Борисъ.

Безъ особеннаго усилія, сразу усмиренный мучительнымъ звукомъ этого напряженнаго голоса.

— Не тюрьмой и каторгой, младенецъ мой,—стыдомъ! униженіемъ... да... существа своего—да, да! Вотъ... вотъ... этой самой... груди рукъ, головы... вотъ, вотъ!..

Быстро и сильно, точно вколачивая каждое слово и въ лобъ, и въ грудь, онъ билъ себя судорожно стиснутымъ кулакомъ.

— Стыдъ хоть на мигъ одинъ звѣрю покориться! Человѣкъ голыми руками карабкается изъ бездны... обдирается въ кровь... срывается! а все ползетъ кверху, ползетъ... А вы?!. вы, вы все еще твердите: каста воиновъ, каста жрецовъ, море рабовъ и преступниковъ...

Онъ засмѣялся и раскашлялся.

Борисъ видѣлъ, какъ прыгаетъ около губъ бѣлый комокъ платка въ трясущейся рукѣ. И сейчасъ же въ него точно плеснули въ спину горячей водой.

...Что это—ловушка?! Примиреніе... Софронъ...

...Заманилъ и сбросилъ маску! Лицо злобное, грозящее... Голосъ грубый... Темныя узловатыя руки стремительно жестикулировали.

...Какъ же я... Что дѣлать?!. Уѣхать сію минуту!

Но внезапный переходъ отъ мирнаго разговора къ необузданному волненію сбросилъ и его назадъ, въ темный водоворотъ, откуда они едва выбрались. Нѣтъ, онъ не побѣжитъ, какъ мальчишка! Пусть ловушка... Это ненависть! Максимъ ненавидитъ... Отчего?.. Все равно—нельзя бѣжать!

Онъ краснѣлъ и бѣлѣлъ, спотыкаясь поминутно о мелкіе комья земли.

Максимъ то шелъ, какъ автоматъ, то останавливался, вытягивая передъ собой длинныя руки.

— Слушай: еслибъ только *быть убитыми*— я не протестую. Можетъ быть, я плохо понимаю... Это не интересно, пусть убиваютъ. Тутъ другое... неужели ты не понялъ еще?.. *Требовать убійства* отъ другого—отъ каждаго... Отъ тебя!.. Объ чемъ ты думаешь?.. Иди и убивай—убивай съ пѣснями, съ музыкой...

Онъ повернулся—хотѣлъ взять за пуговицу, чтобы удобнѣе досказать душившую мысль... Лицо все дрожало.

Борисъ метнулся въ сторону и натыкаясь на гряды, едва удержался на ногахъ.

Рука тяжело упала въ воздухѣ и закачалась, какъ безжизненный привѣсокъ. Онъ закрылъ глаза.

— Думаетъ ли кто-нибудь... что будетъ потомъ съ этими людьми?.. какъ имъ жить!? Днемъ и ночью—всю ихъ жизнь потомъ... Вѣдь съ музыкой! Крошатъ мѣсяцы безъ отдыха... какъ бабы кочны рубятъ по осени... *Потери,* ха! Словечко придумано!..

Онъ опять перевернулся, размахивая руками. Лицо багровое.

— Что это за слово, я васъ спрашиваю?! Нарочно такое—безглазое! Чтобы не выражало ничего, не ужасало! Наши потери—потери непріятеля... Десять—двадцать—сорокъ... Сколько же еще!? Гдѣ мѣра—когда?! Цифра подлая что такое—шарики игрушечные перекатываются! У такого генерала пять тысячъ, у другого выше поднимай! Радуются, гордятся. Придумаютъ словечко не страшное и правы: *фугасы*. Вѣдь не скалы неприступныя—живыя толпы—людей, людей, какъ крысъ!!..

— Молчи! Бога ради... ты не смѣешь! Не бойня это—война! война!—вскрикивалъ дискантомъ Борисъ, хватаясь за голову.

— Нѣтъ-съ, шалите—потребовать!!—крикнулъ онъ оглушительно:—я тебѣ говорю—требовать, чтобы не прятались за цифры. Тутъ же... сейчасъ давайте... всѣхъ, всѣхъ до единаго—Ивановъ, Ѳедотовъ.—Тоги, Ноги, какъ ихъ тамъ!.. а-а-а!.. не смѣете?? Да не петитомъ гдѣ то, чортъ побери, гдѣ бабы роются, мужей и отцовъ разыскиваютъ—въ заголовкѣ не угодно ли! На первомъ мѣстѣ!.. Не пушки ваши проклятыя—человѣка!! Что вы съ нимъ сдѣлали! Одинъ... одинъ выговорилъ въ лицо тысячамъ: «черезъ столько-то минутъ вы будете пущены на дно»—по часамъ!.. Бывало?.. Нѣтъ, лжете, не было, не было... Стой! говори: согласится ли кто нибудь своими руками утопить тысячу сбѣсившихся собакъ???...

— На то война!.. Да, да! Тутъ подвиги... герои... выше чего нельзя... А ты—преступникъ!!.

Грозные глаза на мигъ встрѣтились съ другими бѣшеными глазами. И голосъ вдругъ упалъ:

— Радъ, что повѣрилъ... Ты развѣ богу войны поклоняешься? Язычникъ ты?.. Повѣрилъ, что двѣ смерти... Что смерть *разная*! Только одна *настоящая*—да? да? Смерть одного, а не тысячъ?..

— Максимъ! кончимъ разговоръ—я тебя умоляю!

Онъ не слышалъ. Весь еще разъ сталъ другой—на глазахъ точно слабѣлъ, сдавался передъ чѣмъ-то.

— Твой братъ не на каторгѣ. У господъ присяжныхъ въ ту пору нервы размякли. А-а-а!.. Думаете, что мнѣ какіе-то присяжные нужны! Не живу—не буду жить. И умереть не смѣешь... Кончено. Ошиблись слѣпцы, судящіе чужую совѣсть. Нѣтъ смерти не виноватой. Безумцы, безумцы!.. Мнѣ повѣрь... Когда твое дуло будетъ дымиться... Побѣжитъ.. тамъ... на другой груди... по виску!.. струйка маленькая... красная... о, да!.. поразительно маленькая—дрянная. Языкомъ слизнуть и не будетъ... Струйка..

«...Сумасшедшій!.. сумасшедшій!.. давно не понялъ! а-а-а!.. Что теперь?...»

Максимъ упалъ на скамейку, схватился руками за голову и

сталъ мѣрно раскачиваться изъ стороны въ сторону; широко, какъ хватаетъ размахъ высокаго стана.

Жуткая тишина зашептала, отбѣгая въ кустахъ орѣшника...

Борисъ вдругъ тишину замѣтилъ. Когда, съ какихъ поръ не слышно звона?! Развѣ далеко такъ? Куда зашли они?.. Бѣжать назадъ надо по узкимъ мягкимъ грядамъ...

Отъ слѣпого стынущаго ужаса у него судорожно дергались то рука, то нога... Не сильно... не видно глазомъ.. но съ зловѣщей, никогда еще не испытанной безвольностью...

«...Упаду сейчасъ... биться начну»... пронеслось внезапно въ умѣ вмѣстѣ съ далекимъ видѣніемъ.

...Высокаго кадета сторожа выносятъ изъ класса, въ припадкѣ падучей. Солдаты безъ словъ топчутся въ тѣсной двери и дышатъ страшно, на весь классъ.

«Будетъ, будетъ... сейчасъ и со мной это будетъ»...

Онъ собралъ послѣднія силы, вырываясь изъ когтей ужаса. Безсознательно нагнулся и захватилъ съ гряды полную горсть земли — мялъ ее, перехватывая изъ руки въ руку, и казалось, что земля холодная.

...Вотъ отхлынуло... побѣжали мурашки по всему тѣлу. Онъ увидѣлъ раскачивающіяся плечи... длинные тусклые волосы, взлетающіе, какъ сухая трава...

И сталъ думать объ *немъ*—лихорадочно, не оставляя времени страху.

«Неужели нѣтъ доктора?.. Да... понятно, нѣтъ... До города сколько верстъ?..»

Онъ только что проѣхалъ черезъ городъ.

Вспомнить не могъ ни имени, ни верстъ.

«...Все равно!.. Сейчасъ, сейчасъ послать... Можно ли здѣсь посылать? Монахи въ церкви... ахъ, вотъ Софронъ! еще не монахъ .. его, должно быть, можно?..»

«...Который часъ?.. Можетъ быть, ѣхать пора?..»

Долженъ былъ выѣхать поздно вечеромъ, ѣхать всю ночь и сѣсть въ поѣздъ въ пять часовъ утра. Дома на всѣ лады высчитывали каждые полчаса, чтобы ему пробыть подольше съ Максимомъ. Мать настаивала...

Онъ почему-то не рѣшался вынуть изъ кармана часы и совсѣмъ ужъ нелѣпо не соображалъ, что и безъ часовъ ясно по розовѣющему свѣту, что теперь не больше семи часовъ.

Онъ увидѣлъ, что сильно голоденъ, когда въ памяти выскочилъ жесткій бифштексъ, съѣденный утромъ на почтовой станціи.

Первый разъ въ жизни онъ видѣлъ почтовую станцію и ямщиковъ. Всѣ разспрашивали про послѣднія сраженія и смотрѣли на него съ нѣжной почтительностью. Смотритель своими разгово-

рами мѣшалъ ѣсть. Какая-то женщина все время отчаянно плакала, и смотритель говорилъ ей сердито: «Не скули, Сашка, не то тресну!». Она все плакала.

...Ему страстно захотѣлось увидѣть опять все это: плачущую Сашку, смотрителя, ямщиковъ. Вокзалъ.

Сѣрая голова мѣрно раскачивается...

...Желаніе незамѣтно отступить, скрыться—вползаетъ незамѣтно въ какую-то щелочку... и... онъ чувствуетъ подошвы своихъ ногъ, давно уставшихъ стоять неподвижно...

Какъ разъ въ эту минуту сѣрая голова вдругъ перестала раскачиваться.

Его тѣло само собою почтительно вытянулось. Возможность думать пропала.

— Что же... стоишь все?.. Садись.

Максимъ сдвинулся на край скамейки.

Спокойно взглянули на юношу глаза глубоко-глубоко задумчивые, точно опустившіеся на самое дно...

Сердце его дрогнуло отъ укола грубой вины... и все готово выпасть вонъ изъ души, чѣмъ только что онъ терзался...

Борисъ послушно сѣлъ. Хотѣлось заплакать, какъ заблудившемуся усталому ребенку, который долго напрасно кидался во всѣ стороны.

— Будемъ спокойно говорить, Борисъ. Напрасно,—знаю. Долженъ. Еслибъ ты могъ мнѣ повѣрить—такъ и знай, сейчасъ твое положеніе станетъ еще тяжелѣе! Такъ всегда: истина тяжелѣе заблужденія. Ложь — единственное благодѣяніе людей. Меня спасти могла только ложь! Спасала—годы... Правда въ одинъ мигъ сдѣлала убійцей...

Впервые Борисъ содрогнулся отъ звука этого слова, трудно проходившаго черезъ горло... Не зналъ, какой особенный, зловѣщій звукъ... змѣиный!.. Въ самомъ звукѣ слышится смерть...

Онъ предчувствовалъ что начинается новая мука... Но только смотрѣлъ тупо на необозримые квадраты грядъ. Теперь онъ боялся не самого Максима, а словъ, которыя сейчасъ раздадутся... Помѣшать нельзя.

Съ минуту поникъ опять на руки. Можетъ быть, припоминаетъ какими словами хотѣлъ убѣждать? Началъ говорить не поднимая головы.

— «Я не убью». Много разъ ты это сказалъ себѣ и радовался. «Не можетъ со мною случиться того, что съ Максимомъ». Правда? думалъ? Да не волнуйся—мы же условились не волноваться!

Но дѣтски-высокій, неестественный отъ страшнаго волненія голосъ все-таки прорвался и остановилъ его:

— Максимъ, прости! Я обязанъ тебя предупредить — не могу иначе... Дѣло въ томъ... я видишь ли... собственно... ровно ничего не знаю! Это было желаніе мамы. То-есть... самый фактъ... конечно—ничего, ничего больше! Для меня совершенно даже невозможно судить и я ужасно радъ этому, клянусь тебѣ! Не говори и ты, пожалуйста, ничего! Мнѣ показалось... Ради Бога, не надо!

Максимъ поднялъ голову.

А у него дрожала въ груди радость, что это сказано. Онъ говорилъ свободно, съ бурными жестами:

— Прошло и прошло! И даже въ томъ случаѣ, если бы не кончилось такъ великолѣпно—полнымъ оправданіемъ! Теперь что же? вѣдь ужъ совсѣмъ близокъ конецъ. Еслибъ не война, мы и встрѣтились бы по ту сторону! Въ новой жизни! Я такъ радовался, Максимъ...

Чего никакъ ужъ не могъ ждать онъ—что самъ первый заговоритъ объ этомъ. И сейчасъ же стала кружиться голова, какъ бываетъ, если очень важное нахлынетъ и захватитъ врасплохъ. Когда не довѣряешь своимъ словамъ наугадъ, — когда неприготовленныя, неприбранныя мысли вырываются откуда-то своевольно и точно чужія.

...Онъ, вѣдь, не знаетъ, можно ли говорить то, что сказалъ? И отъ страха онъ уже не могъ перестать говорить. Звукъ собственнаго голоса какъ будто защищаетъ. И онъ говорилъ до тѣхъ поръ, пока не захватило дыханія отъ серцебіенія.

— Желаніе мамы? Послѣ великолѣпнаго конца?

...Ну, вотъ, вотъ! Значитъ, онъ все-таки сказалъ что-то невозможное...

Теперь онъ весь поникъ—сидѣлъ мѣшкомъ, придавленный неудачей... Вотъ усталъ!

— Великолѣпный конецъ! Да, да... да, да...

Максимъ вдругъ началъ быстро, судорожно разглаживать обѣими руками волосы.

— Да, вѣдь, ты, навѣрное, десятки разъ уже повторялъ направо налѣво, а? Еще бы! Накутилъ человѣчекъ на каторгу — а вмѣсто того на вольномъ воздухѣ грядки копаетъ.

Онъ быстро поднялся на ноги и заговорилъ много громче, такъ что казалось, что онъ вдругъ началъ кричать.

— Судъ!!.. оправдалъ судъ—это ли не великолѣпный финалъ!.. Надѣются люди воздвигнуть что-то высшее *между двумя*: одинъ цѣлитъ—а кто-то въ ужасѣ смертномъ... молитъ жизни у другого человѣка... А-а-а!.. Да развѣ-жъ вы не понимаете, что нѣтъ ничего—ничего *нѣтъ*, нѣтъ, на землѣ кромѣ только жизни!?...

«...Про себя онъ!.. Боже мой!..»

— Мальчуганъ... усы вчера выросли... сказалъ ли ты себѣ:

иду убивать. Жизнь отнимать — у кого попало.. да, да! кто только на глаза попадется! Ты объ этомъ не думалъ? Подвиги, побѣды, лѣтописи исторіи—вотъ они о чемъ думаютъ... Лѣтописи! да дѣлать-то—*дѣлать* что ты долженъ завтра?! не думалъ? вотъ этими, этими руками. Съ ума всѣ посходили чтоли... Кто тамъ тебя помилуетъ, безумный мальчишка?!.

Тяжелая, точно каменная рука легла на жесткій погонъ.

— Помни, помни: каждаго убивать... каждаго... О-о!.. не во сто ли разъ это ужаснѣе, чѣмъ тотъ, кто цѣлитъ въ грудь врага... Лжете!!.. Тотъ не человѣка убиваетъ, а ненависть—ложь! Онъ вѣритъ: сейчасъ, сейчасъ убьетъ муку... Душа изорванная въ клочки... Тотъ въ позоръ свой цѣлитъ!.. въ привидѣнья... черныхъ ночей безъ сна... Убить надо впереди всѣ дни, гдѣ не можетъ быть иначе... Почемъ вы знаете, что онъ не могъ бы простить!? Забыть, простить—могъ, могъ! Только нѣтъ отдыха—прошлаго нѣтъ—нѣтъ злу конца! Ну и пусть, пусть пробьетъ конецъ. Вѣдь онъ не зналъ! Знать про смерть не дано, пока не показала лица. Увидишь, увидишь...

И другая рука легла на другое плечо.

Борисъ по-дѣтски пальцами зажалъ глаза. Станъ послушно качался назадъ и впередъ, по волѣ тяжелыхъ рукъ.

— Онъ зналъ. А ты? развѣ знаешь, кого убьетъ твоя рука? Кого—сотни, тысячи смертей, когда полетятъ по твоему слову? Боже правый!.. Иди, назадъ не возвращайся. Не понимаешь. Все равно, ты съ ума сойдешь.

— Максимъ! Максимъ!

— Кто будетъ первый??. Можетъ быть, такой же мальчикъ, какъ ты—любимецъ! Мечты, семья, любовь — все, все такое же у всѣхъ! И его тоже нѣжили — простуды боялись — ха-ха-ха— воспитывали! хранили, какъ умѣли, отъ маленькихъ грѣховъ жизни... Обоихъ, всѣхъ молодыхъ и чистыхъ... Отвратительный шабашъ смерти...

— Пусти меня!.. пусти—встать хочу!

Точно каменныя, руки впивались въ плечи. Голосъ шепталъ, погружаясь все глубже въ ужасъ:

— Никогда не будешь знать... Кто? кого? гдѣ они жили? Они жили гдѣ-то. Туда тоже долетятъ ваши ядра и пули. Гдѣ?? Вѣдь груды труповъ!

— Максимъ!

— Га! еще мало, мало! все считаютъ, высчитываютъ, подсчитываютъ. Кто выдумаетъ сто тысячъ истребить въ минуту— богомъ того сдѣлаютъ. Должны, должны... скоро выдумаютъ!

Онъ пригнулся къ самому лицу, точно кто-то могъ ихъ слышать:

— *Не знать*... несчастный! Значитъ, все можно думать... ри-

совать себѣ... Понялъ, наконецъ?? Не будетъ никогда конца. Думай придумывай про каждаго... Какъ узнать? А ночи!! вѣдь одинъ, совсѣмъ одинъ... Но я-то знаю ея лицо! Полоска красная... руки роскинуты... Ладонями. Зло, зло знаю! Съ какой стати?! Нѣтъ-съ, не можетъ мнѣ почудиться—будто въ темнотѣ всадилъ ножъ въ живую грудь... Лжете!!. это былъ день, свѣтло было!..

Руки упали съ плечъ. Борисъ весь дрожа отскочилъ отъ скамейки.

— Это ты убилъ женщину!—крикнулъ кто-то яростно изъ его груди:—Свою жизнь я отдамъ за Россію! Жизнь отдамъ и я, и всѣ, всѣ!

Внѣ себя всплеснулъ руками, забывая на мигъ свой ужасъ:

— Какъ ты могъ, Максимъ, все забыть?! Что значитъ долгъ, родина, царь, Россія... Развѣ есть такая страна, которую бы не защищали—хоть варвары, дикіе какіе-нибудь! Господи! Долженъ или нѣтъ кто-нибудь защищать землю—женщинъ и дѣтей! Если разсуждать, какъ ты... фу кошмаръ какой-то! Не могу больше... кошмаръ... Прощай! ты боленъ, извини... Все равно не могу... ѣхать пора.

— Стой! погоди... мальчикъ, мальчикъ!

— О-о-о!—простоналъ Борисъ, хватаясь за голову.

...Не можетъ онъ убѣжать, чтобы остался этотъ бредъ... Заставить, заставить Максима не думать такъ ужасно!

Лицо его налилось кровью, шея раздулась, сдавленная жесткимъ воротникомъ. Руки опять дергало.

Высокій человѣкъ съ разлетающимися волосами стоялъ надъ нимъ и потрясалъ вытянутыми руками.

— Ты еще не совершилъ смерти—ничего не было—еще въ твоей власти спастись.—Я тебя спасу!—чеканилъ онъ съ силой точно дробилъ каждое слово.

— Нѣтъ-съ, не трусъ я! Умру за Россію! Ты не смѣешь!

— Нѣтъ, нѣтъ... не умрешь! Нѣтъ, нѣтъ,—шепталъ Максимъ. Онъ схватилъ, какъ желѣзными клещами, размахивающую сильную руку и не давалъ ей вырваться, точно все зависѣло отъ этого.

— Молю... молю... не вѣрь! Ты не ребенокъ—выкинь изъ головы—ты долженъ самъ понять, самъ... Такъ ясно, Боже мой! Откуда преступленія, подвиги, слава—все налгано! Лгутъ, лгутъ! Есть жизнь и есть смерть. Смерть и жизнь. Только, только, только...

— Нѣтъ! честь есть, долгъ, совѣсть!! Я не хочу тебя слушать!—вскрикивалъ Борисъ для себя, чтобы хоть на мигъ отогнать.

— Дикій звѣрь не убьетъ такого же,—только человѣкъ никогда не будетъ сытъ. Понимаешь ты, что это значитъ? Совѣсть—прогрессъ—человѣчество,—кого вы морочите? Зачѣмъ? смыслъ какой, если всегда должна быть война!!!

Борисъ не могъ больше смотрѣть въ пылающіе глаза. Онъ крутилъ какъ винтъ напрасно свою роздавленную руку.

— Знаешь отчего? Знаешь? Ха! Очень просто... Торопись, старайся, какъ можно проворнѣе, не зѣвай!

— Стыдъ, стыдъ! Какъ смѣешь ты?!

— Вотъ здѣсь—если одинъ убьетъ, если съ голоду, или врага кровнаго, съ кѣмъ дышать нельзя рядомъ, оскорбителя—все равно, все равно, для всѣхъ онъ преступникъ и злодѣй! А вонъ тамъ,—подальше чуточку, на такомъ же клочкѣ земли—тамъ о! тамъ ты не смѣешь дѣлать ничего другого! Не ѣшь, не спи, рукъ не покладай — истребляй, кропи, жги—трудъ, честь, жизнь—чѣмъ больше, тѣмъ лучше, тѣмъ лучше... Не понимаю, не понимаю! Вы съ ума меня сведете... Какими же силами звѣря обуздаетъ человѣкъ? Кого вы судить хотите, запрещать?.. Отчего не всѣ разбойники? Чего еще боятся люди?

Онъ поднялъ къ небу пылающее лицо.

— Истребитъ себя родъ человѣческій собственной рукой — вотъ онъ, конецъ міра! Христіанская цивилизація—стадо Кроткаго Пастыря... Весь шаръ земной вооруженъ адскими силами. Погибнетъ голодное, обезумѣвшее людское стадо въ собственной пасти. Ты!! Бога подобіе на землѣ! Да, да, ты тоже создатель: ты создалъ смерть-ужасъ. Его не знала безъ тебя земля. Сама смерть милосерднѣе: это ты заставляешь ее косить не больное, отжившее, ждущее отдыха,—нѣтъ! что молодо, сильно и жить должно! Начинается,—начинается.

Борисъ, сквозь застилавшій глаза туманъ, вдругъ различилъ передъ собою вдалекѣ какое-то движеніе надъ грядами. Взоръ мгновенно сталъ зоркимъ.

— А-а-а! Софронъ? Софронъ!—завопила радостью, всей своей силой молодая грудь:—Сюда... Софронъ... скорѣе!.. Бога ради...

Максимъ отскочилъ. Вцѣпился руками въ голову и поворачивалъ ее плечами, вмѣстѣ съ негнущейся шеей, рѣзко и быстро, какъ птица, когда ищетъ схватить предметъ неподвижнымъ глазомъ.

— Мак-симъ Петро-вичъ! Мак-симъ Петро-вичъ!—долетало съ грядъ слабымъ, безсильнымъ крикомъ.

— Софронъ!.. это Софронъ!—убѣждалъ кого-то громко Борисъ.

Софронъ подбѣгалъ, колеблясь и спотыкаясь. Рука рѣдко взмахивала, точно подшибленное черное крыло. Свѣтлыя кудри прыгали,—то бились по щекамъ и накрывали глаза, то спибались за плечами. Онъ больше не могъ кричать; но точно кричали безъ звука расширенные и влажные глаза, подъ небомъ казавшіеся синими.

Борисъ бросился на встрѣчу и, обнявъ за плечи, подвелъ юношу къ скамейкѣ. Сквозь черную ряску его рука ощущала влажный жаръ острыхъ лопатокъ и плеча.

— Ахъ, простите, ради Бога простите! вамъ вѣдь нельзя такъ бѣжать... Простите, это изъ за меня!

Въ горлѣ клокотало и сипѣло. Лицо бѣлѣло. Тонкія вѣки противъ воли падали. Юноша, усиливаясь, шевелилъ бѣлыми губами.

Максимъ сидѣлъ, скорчившись на краю скамейки, втянувъ шею въ плечи и стиснувъ лобъ руками.

— Испугались? Находитъ на нихъ... начнутъ... говорятъ, говорятъ... Сердятся... Это ничего, не нужно бояться...

Онъ пододвинулся по скамейкѣ, не въ силахъ повысить своего шопота.

— Максимъ Петровичъ... Самоваръ давно скипѣлъ... Пожалуйте... Чайкомъ гостя вашего.

— Ахъ, нѣтъ, что вы! ради Бога! — очнулся Борисъ:—Я сію минуту пѣшкомъ въ деревню. Тутъ близехонько! А вы только — прошу васъ,—пусть мой ямщикъ найдетъ меня въ деревнѣ... или нѣтъ! все равно, не безпокойтесь... я ужъ самъ какъ-нибудь увижу его.

Софронъ испуганно замахалъ руками.

— Господи... да что это вы? какъ же такъ уходить раньше времени? да они поймутъ же все равно, вы не думайте. Все равно помнятъ, какъ и здоровый. Нѣтъ, вы не обижайте... Богъ знаетъ!..

— Не могу я... я не могу! — шепталъ умоляюще Борисъ, скрестивъ руки на горлѣ.—Посидите вы съ нимъ такъ минутку, прошу васъ. Я отойду незамѣтно... Ну, все равно, скажите, что ямщикъ подалъ лошадей... могу на поѣздъ опоздать... все равно вѣдь.

— Неправды намъ нельзя сказать. Напрасно вы боитесь.

Офицеръ покраснѣлъ и безпомощно затоптался на мѣстѣ.

— Вовсе нѣтъ! съ чего вы взяли, что боюсь? Вы же не знаете,— я сто двадцать верстъ на перекладной проскакалъ, чтобы повидаться съ братомъ. Я на войну ѣду—надо полкъ догнать. Я больше не могу оставаться!

— Максимъ Петровичъ самоваръ приказ...

Онъ не кончилъ. Внезапно высокая фигура мелькнула мимо нихъ. Споря, они не замѣтили, какъ Максимъ поднялся со скамейки. Уходилъ прямой и высокій, не глядя по сторонамъ, свободной широкой поступью, какъ не ходитъ никто, кромѣ него, въ монастырѣ.

— Услыхали, стало быть!.. Догоняйте же скорѣе... какъ бы они свою дверь на крючокъ не заперли!—задыхался отъ волненія юноша.

— Нѣтъ, вмѣстѣ пойдемте,—я вамъ помогу. Вы вѣдь и отдохнуть не успѣли.

— Да что вы... изъ-за меня-то... Господи!.. что вы время теряете? Замокъ вынули изъ двери, отецъ настоятель приказали...

у насъ замковъ никому не положено.. Теперь они крючокъ набили... Ужъ мы молчимъ... взяли грѣхъ на душу... Отецъ Виѳантій благословили... Гнѣваются очень.. вродѣ какъ бы безъ памяти. Ужъ не знаемъ... какой же грѣхъ?..

— Такъ онъ... запирается? — переспросилъ боязливо младшій братъ.—Все равно, теперь уже не догнать.

—Когда только нездоровы. Одно время бросили, давно не запирались... Какъ пришла весна, даже гораздо здоровѣй стали... Огороды наши полюбили... А тутъ отъ войны... сразу опять хуже сдѣлалось.

— Отъ войны!? вотъ что! — пояснилъ самому себѣ Борисъ.

— Сначала и вниманія не обращали... Очень ужъ наша работа имъ полюбилась. Бывало—вы не повѣрите—на колѣнки станутъ да землю цѣлуютъ... Смотрѣть даже жутко. А какъ пошла зелень первая изъ грядъ—плакали!.. Я своими глазами... Жалость...

— Боже мой...

— А тутъ въ газетахъ про крѣпость эту, про корабли наши стали всѣ читать, тогда и пошло опять худо... Цѣльными днями крючка не снимутъ... Слышно намъ—все говорятъ, говорятъ... Какъ же быть—голодный!.. мы не виноваты... Именемъ Христовымъ никакъ не умолить...

Протянулась минута молчанія.

— Грѣхи-то, грѣхи... Твоя воля, Господи!..

Бориса тянуло къ этому прекрасному, какъ дѣвушка, и, какъ самъ онъ, юному. Глаза прозрачные и точно они сейчасъ только плакали. Не улыбающіяся, разомкнутыя, женскія губы.

...Чахотка... Тихій ангелъ смерти...

...Нѣтъ! Теперь для него смерть не та ужъ, что раньше. Не вдалекѣ гдѣ-то зловѣщіе взмахи гигантскихъ крыльевъ: другой—близкій и живой, трепетный ужасъ... Корчи, мука обезображенныхъ кровавыхъ тѣлъ...

Но въ пространствѣ, которое быстро ширилось между нимъ и уходившимъ высокимъ человѣкомъ, уже клубится все свое—его, Бориса Кленовскаго, и ничье больше.

...Больше мѣсяца готовился, хлопоталъ, все устраивалъ. Было не весело (какое ужъ веселье!), но какъ то... все-таки похоже на то, какъ бываетъ, когда весело. Сборы, толки, разъѣзды...

...Какъ-то особенно и радостно любилъ товарищей и солдатъ—полкъ... Точно только теперь, впервые, все какъ слѣдуетъ разглядѣлъ... Заботился, чтобы все у него шло благородно и серьезно. Съ матерью былъ нѣженъ и старался не грубить сестрамъ. А если вспылитъ по старому, то непремѣнно заставлялъ себя извиниться.

...А иногда было досадно, что окружающіе слишкомъ здоровы и легкомыслены.

Но здѣсь на нѣсколько часовъ вся дѣйствительность исчезла въ кошмарѣ такого свиданія съ Максимомъ.

...А вотъ ужъ и опять *свое*, необходимое для жизни, возвращается... Разгоняетъ смятеніе души, плыветъ на него со всѣхъ концовъ...

Въ первую тихую минуту летятъ назадъ спугнутыя ручныя птицы

...Только теперь все, все иначе,—какъ будто стало чужое.. Развѣ не глупо столько хлопотать о пустякахъ?.. Вещи какія-то.. прочное... дешево..

«Убьютъ въ первомъ сраженіи и отлично! Слава Богу»—подумалъ онъ, стискивая изо всѣхъ силъ челюсти. Въ Петербургѣ онъ былъ убѣжденъ, что его ни за что не убьютъ.

Онъ сказалъ Софрону, что пришлетъ доктора, но ему нуженъ адресъ.

— Вы понимаете, у меня нѣтъ времени разыскивать въ чужомъ городѣ. Я спѣшу въ дѣйствующую армію, завтра долженъ догнать полкъ,—повторялъ онъ внушительно, внезапно охладѣвая и къ маленькому послушнику, похожему на свѣтлокудраго ангела старинной картины.

Потерявъ возможность догнать Максима, они шли теперь рядомъ, не торопясь.

— Господи, Боже мой... такъ отчего же вы?.. въ храмѣ монастырскомъ помолиться?.. Древній храмъ... Икона явленная у насъ...—говорилъ, волнуясь, юноша.

...Долгій благовѣстъ тамъ, въ комнатѣ Максима... Но въ воспоминаніи это не были настигающіе неумолимые удары, а обыкновенный трезвонъ, напоминавшій корпусъ и полковую церковь въ праздникъ.

— Съ братомъ повидаться пріѣхалъ—проститься. Война!

Софронъ волновался сильнѣе, какъ будто онъ только теперь вдумался въ внезапное появленіе офицера у нихъ въ обители.

— Молебенъ напутственный пропѣли бы... сказать отцу Виѳантію... Помилуйте!.. Какъ же такъ-то отпустимъ, безо всякаго вниманія?.. За царя и христолюбивое воинство... Это не долго вѣдь... Всенощная отходитъ...

— Что вы, что вы! вотъ выдумалъ!—засмѣялся по-дѣтски Борисъ:—Это полкъ молебномъ провожали—другое дѣло. Иконами благословляли. Что же, вы думаете, и каждому офицеру станутъ?

— Отецъ Виѳантій не знаютъ, что на войну... Отчего же? Полку само собой. Каждый человѣкъ за себя помирать будетъ.

Крупныя слезы выкатились изъ влажныхъ глазъ.

Онъ смахнулъ ихъ широкимъ рукавомъ На узкихъ щекахъ показалась слабая краска и дышать сталъ часто и громко.

«Смерти боится»... подумалъ Борисъ.

*

— Бросьте... какіе молебны!—махнулъ онъ рукой и нахмурился.

...Ямщикъ пріѣдетъ еще не скоро. Хотѣлось пройти пѣшкомъ въ деревню, но на пути колышется смутной тѣнью мысль о прощаньи съ братомъ... Увидитъ ли онъ его?.. Если Максимъ не запрется на крючокъ...

За спиной его Софронъ тяжело вздыхаетъ.

Они проходили мимо церкви. Дверь попрежнему открыта. Неожиданно Борисъ завернулъ; снялъ фуражку и пошелъ сразу измѣнившимися, значительными шагами къ каменнымъ старымъ ступенямъ.

— Слава Тебѣ, Боже нашъ... Слава Тебѣ...—шепталъ за нимъ радостный голосъ... . . . .

Свѣчи горятъ кое-гдѣ. Отъ слабыхъ огней лампадъ въ волнахъ ладона темновато. Въ окнахъ со старинным мелкимъ переплетомъ рамъ точно остановился грустный вечерѣющій свѣтъ... не смѣетъ проникнуть въ глубину храма, залитую мутно-черными волнами толпы... Вездѣ живопись выступаетъ темными пятнами. Тусклая позолота то блеснетъ, то скроется, борясь съ сизымъ туманомъ...

Одинокій голосъ читаетъ протяжнымъ глухимъ звукомъ...

Борисъ безсознательно ждалъ чего-то особенно торжественнаго, и въ первую минуту казалось, что совершается, напротивъ, обыденное, будничное, не предназначенное для постороннихъ глазъ.

Стоявшіе ближе оглянулись на звукъ неурочныхъ шаговъ. Потомъ одинъ за другимъ, степенно стали оглядываться на офицера, остановившагося близко двери. Софронъ потонулъ въ черныхъ волнахъ.

И опять, какъ давеча въ комнатѣ брата, Борисъ почувствовалъ, какъ на немъ тяжело повисла пестрая, кричащая одежда воина. Опять стѣсняла такая привычная шашка, и онъ нервно перехватывалъ ее, стараясь не звякнуть... И стало сейчасъ же жарко.

«Для чего пошелъ!.. Софронъ... Все равно, такъ не будешь молиться... Только монаховъ потревожилъ... Долго, пожалуй?..» думалъ онъ отрывисто, тутъ же спохватываясь, что въ церкви грѣшно досадовать.

Но какъ только сталъ пѣть стройный хоръ густыхъ голосовъ — прислушался, и потянула за собою знакомая мелодія... Черезъ минуту Борисъ уже пѣлъ мысленно въ октаву, уходя знакомымъ ощущеніемъ въ звенящія головныя ноты... А потомъ началось незнакомое, чего не пѣли въ корпусѣ... Эхъ... дискантовъ не хватаетъ!..

Онъ и не замѣтилъ, какъ вся неловкость пропала. Теперь эта суровая, скупо освѣщенная церковь, полная неподвижныхъ мрачныхъ тѣней, вмѣсто привычной пестрой толпы, наполняетъ грудь дѣтски-робкимъ, жалкимъ волненіемъ...

Онъ вспомнилъ, что Софронъ говорилъ про чудотворную икону и сталъ искать ее глазами.

...Вонъ, вонъ—свѣчей много на аналоѣ—это тамъ, должно быть?..

Онъ сталъ пристально смотрѣть туда, у амвона, гдѣ скучились маленькіе огоньки, содрогаясь въ туманномъ воздухѣ.

...И неувѣренно... робко... уже ощущается въ груди новое... Смутное и трудное встаетъ со дна души...

Готовность молиться.

...Какъ въ дѣтствѣ... Сейчасъ, сейчасъ...

...Точно захлопнутся по сторонамъ тяжелыя заслонки... Тамъ прильнетъ, давитъ, хочетъ прорваться все житейское, мѣшающее молитвѣ... Горло сожмется. Узкій, чистый путь, какъ лучъ—прямо въ небо! По этому лучу легко понесутся слова молитвы... И все время страшно, чтобы не оборвался свѣтлый лучъ. Отдѣльныя короткія мгновенія... секунды... когда не страшно и нѣтъ заслонокъ... Тогда нѣтъ ничего, кромѣ свѣтлаго пути...

...Очень давно, цѣлые годы онъ забылъ про такую молитву. Только теперь повторилось два раза: въ день, когда узналъ про войну. Ночью... въ постелѣ... засунулъ голову подъ подушку... Былъ одинъ, совсѣмъ одинъ передъ уходящей вверхъ бездной свѣта...

...На большомъ молебнѣ на учебномъ плацу. Пали на колѣни необозримые ряды. Каждый съ толстой сѣрой опухолью—походной шинелью черезъ плечо—и оттого точно измѣнились знакомыя фигуры солдатъ, и лица суровыя...

...Когда священники, и пѣвчіе, и все начальство—самые старые генералы и князья—всѣ опустились—о!.. тогда его взмыло вверхъ, какъ крошечную пушинку!.. Даже не зналъ—потомъ увидѣлъ, что было лицо все мокрое...

Сказалъ себѣ горячо Борисъ: «буду это вспоминать каждый разъ!»

...Оттого что мысль самовольно уже поворачиваетъ куда-то... куда не надо, не надо пускать...

«Больной онъ... безумный! Забыть надо все это скорѣе, не вспоминать... Еще бы! Убилъ женщину—есть отъ чего спятить. Все равно какая—развѣ самъ не зналъ всегда?.. Навѣрное зналъ... Разумѣется, виноватъ!»

Но что-то все-таки случилось—не помѣшалъ онъ..

...Ворвался съ гуломъ и звономъ потокъ словъ... Тяжелыхъ, отскакивающихъ, разящихъ, какъ острые камни, грохнувшіе съ высоты...

«...Все равно, ты сойдешь съ ума... Думай потомъ.. продумывай ночи насквозь... Сотни, тысячи смертей по одному слову... Такой же мальчикъ, какъ ты... Кто они? гдѣ жили?... Не будешь знать никогда». . . . .

.. Стоитъ и внутри у него ледяная дрожь. Теперь еще ужаснѣе, оттого что одни слова! Нѣтъ рядомъ другого страха—отъ изму-

ченнаго лица, грознаго голоса, свинцовыхъ рукъ на плечахъ... Теперь одни слова! Не безумнаго—того голоса—нѣтъ его, его собственнаго... въ звенящей головѣ. Бьются, какъ птицы, нечаянно влетѣвшія въ комнату...

Стало тяжелымъ все тѣло. Вростаютъ высокіе сапоги въ старыя церковныя плиты.

«...Не могу... я не могу! Господи!.. сжалься... сжалься... Помилуй меня отъ ужаса!.. Не смерти боюсь.—Господи, видишь мою душу... Ты всемогущій! Могу въ горячкѣ заболѣть... свалиться въ пути гдѣ-нибудь... Умереть дома... Боже милосердный! дай... дай мнѣ умеретъ!..»

Вдругъ точно кто-то толкнулъ его.

...Если даже молиться объ этомъ грѣхѣ?.. Война и Богъ... Возлюби... Да, да!.. все, все правда, что говорилъ. Тысячи... десятки... Тотъ несчастный морякъ...

...Не черные ряды монаховъ—гигантскій во всю церковь погребальный покровъ, подъ нимъ тысячи мертвецовъ... Закопать некогда—гніютъ. Шакалы... гіены крадутся ночью... Птицы... и днемъ птицы... Онъ, содрогаясь, чтобы очнуться, оглядывался.

«...Тутъ святые... молятся цѣлую жизнь... Вонъ—сто лѣтъ тому старику. Одинъ я! Стою со всѣми, а иду убивать. Открыто иду...»

Хоръ запѣлъ что-то громкое. И вдругъ—ворвался и грянулъ, покрывая его, другой хоръ: огромный. звонкій, звонкій... высоко, до синяго неба порхающій серебряными дискантами надъ припавшими къ землѣ необозримыми рядами молодыхъ головъ:

«...Спа-аси Го-о-споди лю-у-ди тво-я...»

Горячія слезы сдавили ему горло, прихлынули къ глазамъ. Сразу весь согрѣвшись, свободный, легкій, онъ повернулся и пошелъ изъ церкви. Неосторожно—не замѣчая, не заботясь о томъ, чтъ дѣлаетъ шумъ.

...«И пойдемъ, пойдемъ—умремъ всѣ какъ одинъ! умремъ!!..Не хочу дома—горячки. Холодъ, зной жажда... нечеловѣческій трудъ—все, все! такъ же, какъ всѣ!.. Нѣтъ страха, коли смерть вездѣ... Здѣсь только страхъ! Живутъ какъ всегда, въ постеляхъ спятъ, обѣдаютъ... Коля Возинъ женится—фу! Нѣтъ, нѣтъ, я хочу, хочу быть съ тѣми, кто умираетъ за честь Россіи... Моя, моя Россія!!..»

Онъ восторженно лепеталъ, не чувствуя слезъ на своемъ лицѣ, чувствуя огромную необъятную радость, смывающую страшные слѣды.

...Онъ нашелъ и боялся снова потерять жгучій и ослѣпительный, тонкій лучъ, по которому должна устремиться вся его жизнь—какъ въ молитвѣ.

— Бори-съ Петро-вичъ!—сталъ доноситься слабый голосъ.

Борисъ повернулсь и пошелъ навстрѣчу.

— Не бѣгите такъ!—крикнулъ онъ и радостно услыхалъ свой твердый свободный голосъ.

— Отецъ настоятель... просятъ... вернуться. Молебенъ о дарованіи побѣды... На полѣ брани... Пожалуйте... Я добѣгу... Максиму Петровичу...

«...Ну, что-жъ... Они такъ и должны. Иду на смерть. Чудотворная... это хорошо!»—думалъ Борисъ, подходя одинъ къ церкви.

. . . .

Послѣ молебна офицеръ пилъ чай съ медомъ и чудеснымъ бѣлымъ хлѣбомъ въ просторной пріемной отца настоятеля.

На окнахъ пышно цвѣли розовые олеандры, и миндальный ароматъ смѣшивался съ священнымъ запахомъ комнаты: масла, ладона, воска.

Восточный уголъ весь сіялъ отъ нѣсколькихъ лампадъ среди золотыхъ и серебрянныхъ иконъ. Въ задней стѣнкѣ кіота темнѣло небольшимъ пятномъ пустое мѣсто. Образъ, только что вынутый, завернутый въ вышитый деревенскій ручникъ и перевязанный чернымъ монашескимъ пояскомъ, лежитъ на столѣ.

Отецъ настоятель посылаетъ полку благословеніе монастыря. Другой, маленькій темный образокъ старикъ надѣлъ на шею юному воину; и воинъ отъ всего этого—отъ торжественнаго молебна, монаховъ, образовъ—чувствовалъ себя такъ, какъ будто здѣсь на немъ заковывали незримую непроницаемую кольчугу...

Максимъ не пришелъ въ церковъ и не впустилъ къ себѣ Софрона. Только усѣвшись въ тарантасъ, младшій братъ выбросилъ изъ себя притаившуюся боязнь: въ послѣднюю минуту все таки придется, пожалуй, услышать тѣ-же кошмарныя рѣчи...

Настоятель обѣщалъ завтра же послать въ городъ за докторомъ.

Когда тарантасъ выѣхалъ изъ бѣлыхъ монастырскихъ воротъ, надъ землей поднялся тонкій черный силуэтъ. Это Софронъ, отъ слабости, прилегъ на росистой травѣ.

Борисъ, неожиданно для себя, при видѣ его, такъ обрадовался, какъ будто они были родные.

Софронъ тоже далъ ему отъ себя старинный кипорисовый крестикъ, какого-то великаго святителя, которымъ его благословилъ умершій схимникъ.

— Думалъ прежде возложить въ послѣдній часъ... Возьмите вы. Наша смерть не страшная... въ своей кельѣ со святыми молитвами... Да хранитъ васъ на всякій часъ. Приложиться не забывайте каждый разъ.

Софронъ не досказалъ—какой это разъ...

Его безкровное узкое лицо въ сумракѣ надвигающейся ночи было лицомъ свѣтлокудраго призрака... тихаго ангела смерти.

Два юноши обнялись какъ братья . . . .

Ольга Шапиръ.

СЛѢПОТА.

Былъ ослѣпленъ Самсонъ, былъ Господомъ обиженъ,
Былъ чадами грѣха поруганъ и униженъ
И приведенъ на пиръ. Тамъ опустивъ къ землѣ
Незрячіе глаза, онъ слушалъ смѣхъ и крики,
Но мгла текла предъ нимъ—и въ этой жуткой мглѣ
Пылали грозные архангельскіе лики.

Они росли, какъ смерть—и вдругъ разверзлась твердь:
«Исполнись силъ, Самсонъ! Возстань, мой рабъ любимый!»—
И просіялъ слѣпецъ красой непостижимой,
Затрепеталъ, какъ кедръ, и поблѣднѣлъ, какъ смерть.
О, не плѣнитъ его теперь Ваала хохотъ,
Не обольститъ его ни пурпуръ, ни виссонъ—
И цѣлый міръ потрясъ громовый гулъ и грохотъ:
Зане былъ слѣпъ Самсонъ!

Иванъ Бунинъ.

ВЪ СТАРОЙ АНГЛІИ.

(ЖЕЛТЫЙ ФУРГОНЪ).

Романъ **Ричарда Уайтинга**.

Переводъ съ англійскаго **Л. Сердечной.**

(*Окончаніе* *)

Глава 36.

Дома послѣ того, какъ Мери пришла въ себя, она не могла вполнѣ овладѣть собою. Ея испытанія еще увеличили ея нѣжность къ отцу и брату, а кромѣ того ее мучило раскаяніе въ ея поведеніи. Приключеніе за карточнымъ столомъ казалось ей, въ порывѣ угрызеній совѣсти, измѣною старику-отцу. Онъ вырветъ свои сѣдые волосы отъ горя, когда узнаетъ объ ея проигрышѣ, который увеличитъ его денежныя затрудненія. Въ такомъ настроеніи она готова была обвинять себя во всемъ худшемъ. Она дурная дочь. Бѣдняжка Томъ не виноватъ въ своихъ излишествахъ—этого требовала его служба. Но какое же оправданіе можетъ быть для нея? Горе тому старому дому, который гибнетъ благодаря безуміямъ дѣвушки!

Поэтому какого же наказанія ей ожидать, какъ не самаго худшаго? Въ немъ видна рука Провидѣнія: день раны брата былъ тѣмъ самымъ днемъ, когда она впервые сѣла за карточный столъ. Когда она всю ночь напролетъ играла, онъ, можетъ быть, стоналъ въ предсмертныхъ мученіяхъ среди дикаго фельда. Она увѣрена, что Томъ умретъ и его похоронятъ, вдали отъ родныхъ, въ чужой землѣ. Какъ ужасно было думать, что, можетъ быть, въ эту самую минуту онъ, какъ павшая лошадь, зарытъ въ землю во владѣніяхъ какого-нибудь бурскаго фермера. Воспитанная въ строгихъ традиціяхъ, Мери, конечно, высоко цѣнила преимущества освященной земли и семейнаго склепа.

Все это она повѣряла м-ру Гудингу. Онъ былъ ея защитникомъ и хранителемъ, и она постепенно привыкла обращаться со всѣми своими горестями къ нему, а не къ своимъ домашнимъ. Сознаніе того, какъ много она обязана ему своимъ спасеніемъ отъ послѣдняго затрудненія, мгновенно блеснуло передъ нею при насмѣшливомъ намекѣ

*) См. „Міръ Божій", № 11, ноябрь 1904 г.

леди Фелисіи: «Счастливица Мери! У нея есть другъ, который грозитъ донести».

Что значатъ эти слова, какъ не то, что онъ заставилъ ихъ дать ей отыграться? И послѣ этого она рѣшилась сказать ему, что проститъ его, если онъ сознается, что былъ не правъ! Она готова была униженно просить у него прощенія.

Онъ зналъ все, что происходило въ ея душѣ, но когда она сама пришла повѣрять ему свои тайны, онъ ничѣмъ этого не выдалъ. Онъ видѣлъ, что она готова рѣшиться на самый безумный поступокъ: можетъ быть, собирается ѣхать въ южную Африку, чтобы разыскать Тома и привезти его домой, живого или мертваго. И когда онъ предупредилъ ее, спокойно заявивъ ей, что, можетъ быть, ему придется ѣхать туда по дѣламъ, и что онъ выѣзжаетъ завтра, она готова была стать передъ нимъ на колѣни и цѣловать ему руки. Ни однимъ словомъ не было упомянуто о раненомъ и о томъ, что онъ принимаетъ въ немъ участіе, но слова его успокаивали ея взволнованную душу и вселяли въ нее предвкушеніе великаго мира. Она даже не поблагодарила его, что онъ храбро поддерживалъ разговоръ о золотыхъ пріискахъ, до той самой минуты, когда ему настало время проститься съ нею и со сквайромъ. Она отвѣтила на его пожатіе руки, но не сказала ни слова.

Августа собиралась проводить его до города, чтобы собственными средствами попытаться розыскать Херіоновъ, но ее задержало разстройство всѣхъ семейныхъ плановъ. Все въ герцогскомъ домѣ дѣлалось безъ торопливости.

Августа волновалась и раздражалась, подчиняясь необходимости писанія писемъ, измѣненія прежде сдѣланныхъ приказаній и всѣмъ безконечнымъ мелочамъ высокопоставленной жизни. Домъ казался большимъ кораблемъ, которому также трудно дать новый курсъ, какъ и остановить его, когда онъ уже идетъ на всѣхъ парусахъ. Обычай и привычка приказывали провести въ деревнѣ еще три недѣли; и владѣтельницѣ Аллонби удалось выгадать одну недѣльку только благодаря тому, что она рѣшилась разорвать свои шелковыя путы. Въ одинъ прекрасный день, когда ея рабство показалось ей совершенно невыносимымъ, она оттолкнула поданныя ей письма, не распечатавъ ихъ, приказала подавать экипажъ къ ближайшему поѣзду и уже послѣ полудня очутилась въ городѣ, предоставивъ герцогу слѣдовать за собою такъ скоро, какъ ему позволятъ это его слуги.

Первые ея поиски привели ее въ отчаяніе. Неудача была полнѣйшая, она смирила ее и пробудила въ ней даже болѣе человѣколюбивыя чувства къ адвокатамъ и сыщикамъ. Скромное положеніе изгнанниковъ было ужаснымъ камнемъ преткновенія. Трудно себѣ представить, до чего анонимна лондонская бѣднота. Это полнѣйшее ничтожество, безымянное и безличное. Очень часто она теряетъ свое имя и

извѣстна только подъ кличками, такъ что никто не узнаетъ въ «Косоглазомъ» того, что много лѣтъ носилъ имя Лонгшэнкса. Многіе изъ тѣхъ, адреса которыхъ м-ръ Гудингъ такъ тщательно записывалъ во время своихъ поискахъ, сами уже исчезли безслѣдно, какъ атомы, носящіеся въ пространствѣ. Одинъ даже сошелъ въ царство тѣней.

Одно только не подверглось никакими измѣненіямъ: трущоба, принадлежащая герцогу Аллонби. Августа, наконецъ, узнала эту тяжелую подробность поѣздки своего брата. Теперь она сама туда отправилась, частью преслѣдуя свою настоящую цѣль, частью изъ желанія заглянуть въ эту комнату Синей Бороды герцогскихъ владѣній.

Такъ вотъ каковъ былъ этотъ парникъ изъ человѣческихъ отбросовъ, откуда корни благороднаго герцогскаго дерева получали питательные соки? Впрочемъ, герцогъ былъ не вполнѣ виновенъ; это убѣжденіе она вынесла изъ отвѣтовъ, полученныхъ на ея жадные разспросы. Дома отдавались въ аренду, и арендаторы привели ихъ въ такой ужасный видъ и сдѣлали изъ нихъ такое ужасное употребленіе; при первой возможности они будутъ снесены и вновь отстроены. Но ничто не можетъ смыть пятна, которое ихъ близость положила на величіе Аллонби.

Недѣли проходили въ лѣнивой и часто почти безцѣльной дѣятельности, безъ всякихъ результатовъ. Иногда Августа отъ поисковъ своихъ обращалась къ благотворительности, чтобы поднять въ себѣ мужество мыслью, что она все-таки можетъ принести міру хоть какую-нибудь пользу. Однажды она отправилась въ Лондонскую больницу, этотъ огромный пріютъ страданія Истъ-Энда, и изъ своей палаты прошла и въ другія, какъ ей казалось, черезъ цѣлыя мили страданій, которыя, благодаря Богу, на этотъ разъ не оставались безъ облегченія. Большею частью страдальцы лежали спокойно, глядя вверхъ съ нѣмой покорностью, а можетъ быть съ надеждой на то, что лежитъ за предѣлами воздыханій. Здѣсь скорѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, должны были бы быть расписные потолки. Изрѣдко сдержанный стонъ нарушалъ тишину, одни потухшіе глаза свидѣтельствовали объ усталости жизни и о жаждѣ перемѣны.

Одинъ больной былъ особенно трогателенъ въ своей нѣмой покорности. Исхудалый человѣкъ, какъ мумія обернутый бинтами, лежалъ неподвижно, пристально глядя вверхъ, какъ и всѣ прочіе. Во всей его фигурѣ была неподвижность смерти, до застывшаго взгляда включительно. Страхъ, что онъ дѣйствительно, можетъ быть, уже умеръ, заставилъ Августу остановиться и внимательнѣе взглянуть на него. И когда она на него смотрѣла, ее охватилъ ужасъ, такъ какъ она сразу узнала, что передъ нею тотъ, кого она такъ долго искала. Она не могла даже опредѣлить, какъ возникла въ ней эта увѣренность; ее поразило что-то въ выраженіи лица, что-то неуловимое, но что мы носимъ въ себѣ отъ колыбели до могилы.

Но она еще колебалась, стараясь вызвать знакомый образъ изъ этихъ обломковъ юности и преждевременной старости. Прежній огонь горѣлъ въ этихъ поднятыхъ кверху глазахъ, едва ли менѣе яркихъ, чѣмъ глаза короля своего сословія—крестьянина Бернса. Но волосы были совершенно сѣдые, и вмѣсто прежнихъ кудрей они висѣли рѣдкими прядями. Желтовато-блѣдныя щеки едва отличались цвѣтомъ отъ простыни, кости лица рѣзко выступали подъ обтягивающей ихъ кожей.

— Джорджъ, Джорджъ Херіонъ, вы не узнаете меня?

Онъ судорожно вздрогнулъ, въ глазахъ появилось недоброе злопамятное выраженіе, и, высвободивъ изъ-подъ одѣяла одну руку, онъ старался какъ можно дальше отодвинуться отъ нея.

Вся палата пришла въ волненіе, смутно чувствуя, что что-то должно случиться.

Прибѣжала сидѣлка, видимо желая пожурить своего паціента, но остановилась, видя, что важная барыня держитъ его руку въ своихъ рукахъ. Она только покачала головой и приложила палецъ къ губамъ. Августа съ большимъ усиліемъ сохраняла самообладаніе, но выраженіе торжества блеснуло въ ея глазахъ вмѣстѣ съ кроткимъ лучомъ состраданія.

— Когда я могу придти поговорить съ нимъ?—спросила она.

— Завтра, надѣюсь, ваша свѣтлость. Во всякомъ случаѣ, мы будемъ дѣлать все, что отъ насъ зависитъ. Несчастный случай, и очень тяжелый. Вотъ уже нѣсколько недѣль мы переносимъ и ворочаемъ его, какъ фарфоровую куклу.

Найдены, наконецъ! Но она все еще не смѣла повѣрить своимъ глазамъ, пока не прочитала дощечку у его изголовья: «Джорджъ Херіонъ».

Другой сюрпризъ ожидалъ ее дома—телеграмма изъ Соутгэмптона.

«Привезъ Тома Лиддикота сегодня утромъ. Завтра везу его домой. Путешествіе сдѣлало чудо. Теперь почти внѣ опасности. Артуръ».

Наконецъ-то хоть одинъ небезплодный день!

Глава 37.

Тома перевезли въ Лиддикотъ, и м-ръ Гудингъ разстался съ нимъ только тогда, когда довелъ его до самаго порога дома. Раненый уже могъ ходить, хотя еще съ помощью, но видно было, что онъ на пути къ полному выздоровленію.

Отецъ съ дочерью ждали у дверей, какъ въ тотъ день, когда къ нимъ впервые пріѣхала Августа, но м-ръ Гудингъ, сдавъ имъ на руки Тома, поспѣшилъ удалиться подъ предлогомъ неотложныхъ дѣлъ. Старикъ не хотѣлъ отпустить его такъ и старался выразить ему свою благодарность. Естественно, что онъ теперь еще меньше былъ спо-

собенъ къ разговору, чѣмъ обыкновенно, и чтобы выйти изъ затрудненія, началъ обдумывать приглашеніе къ обѣду. Мери однимъ словомъ положила этому конецъ.

Чувствуя, что она ничего не можетъ сказать, она мудро созналась и, опустивъ глаза въ землю, простилась съ молодымъ человѣкомъ.

Чтобы узнать, какимъ образомъ ихъ герой былъ найденъ, пришлось обратиться къ его деньщику, который вернулся вмѣстѣ съ нимъ, такъ какъ онъ родился и выросъ въ замкѣ. По общему приговору всей прислуги, онъ былъ ловкій парень, и путешествіе, а главнымъ образомъ солдатская жизнь въ городѣ пошли ему въ прокъ и благопріятно повліяли на его манеры и разговоръ. Дѣвушки слушали его разсказы больше изъ восхищенія къ разсказчику, а горничная Мери передавала ихъ въ уборной своей барышнѣ, которая въ свою очередь, повторяла ихъ у камина въ кабинетѣ.

Раненый, хотя и былъ въ состояніи разговаривать и быстро поправлялся, обладалъ такою же органическою неспособностью къ повѣствованіямъ, какъ и его отецъ. Это происходило не отъ излишней скромности, а скорѣе отъ отвращенія къ связнымъ мыслямъ, какъ одному изъ проявленій «учености», столь недостойной истаго спортсмена. Самъ Томъ направилъ Мери за свѣдѣніями къ своему деньщику, какъ къ человѣку, у котораго языкъ не на привязи. «Не приставай, Мери, будь умницей. Скажи Паркеру, пусть онъ велитъ Сэму открыть кранъ».

И Сэмъ вполнѣ оказался на высотѣ своего призванія, а тамъ, гдѣ разныя мелкія подробности ускользали отъ него, онѣ пополнялись разсказами горничной.

— Одного я никакъ не могу переварить,—говорилъ онъ своимъ пріятелямъ,—что эти буры такіе же люди, какъ мы съ вами, мужики, живущіе отъ земли и на землѣ, хотя и берутъ надъ нами верхъ потому, что у нихъ есть черномазые. По большей части они скотоводы: вся страна тамъ скотомъ покрыта. Вы можете мнѣ не вѣрить, но все въ ихъ домахъ, и фотографіи, и библія—совсѣмъ какъ у насъ.

— А странная штука—война! Ѣхать за тысячи миль, чтобы подраться съ такими же точно людьми, какъ ты самъ! Море — конца краю не видно, и все соленое; ночи темныя, вѣтеръ воетъ; а потомъ идемъ, идемъ, безъ конца, чтобы убить человѣка, котораго тебѣ съ колыбели суждено убить! Господи Боже, да это точно съ тѣмъ свѣтомъ воевать! Разница только въ томъ, что драка ужъ ждетъ тебя, какъ только ты на берегъ выходишь. Сначала ты только и видишь, что флаги, да надписи, да музыку, и много миль своими ногами отмѣришь, прежде чѣмъ лицомъ къ лицу съ врагомъ столкнешься. Да и то не сразу, не думайте. Прежде всего вы замѣчаете за нѣсколько миль только точки; и знаешь, что каждая такая точка тебя убить норовитъ, и ты ее убить долженъ. Пифъ, пафъ! А можетъ и мимо пролетитъ. Странная это штука! Чувствуешь, что лучше было бы

пойти къ нимъ да спросить, въ чемъ дѣло, такъ все, можетъ, и уладилось бы.

— А какъ близко сойдемся, такъ еще чуднѣе. Видишь въ глаза человѣка, и какое у него лицо, и волосы и все, и убиваешь его, а не то онъ и тебя ухлопаетъ. Конечно, коли онъ прямо на тебя лѣзетъ, ты объ этомъ не думаешь, пока не уложишь его. Но если тебя съ лошади ссадили и ты ищешь, какъ бы удрать, и жизнь тебѣ дорога, такъ едва удержишься, чтобы не крикнуть: «постой, не подходи»!

— Вотъ что со мной разъ было. Послали меня на развѣдки, въ переднюю линію, мѣстность дикая, кругомъ все огромные камни; какъ вдругъ изъ-за одного такого камня, ярдахъ въ десяти, выскакиваетъ парень. Такъ это для насъ обоихъ неожиданно было, что мы оба и стрѣлять забыли. Стоимъ да выпуча глаза другъ на друга смотримъ. Чортъ возьми, безъ словъ мы поняли, что у другого въ мысляхъ было. Намъ бы стрѣлять безъ разсужденій, а рѣшиться совѣстно.

Я и ружье уронилъ, а его ружье у камня стояло, онъ его и не тронулъ.

«Славный денекъ сегодня, — говоритъ онъ по-англійски,—для такого поздняго времени». Ну, ужъ послѣ этого я бы не могъ въ него прицѣлиться, если бы онъ этого требовать сталъ. Все, что я могъ сказать: «И тебѣ того же желаю, бунтовщикъ, и тебѣ того же. Какъ вы поживаете?» «Ничего,—говоритъ,—помаленьку. Я бы теперь отъ кусочка говядины не отказался. А нѣтъ ли у васъ огонечку, трубочку закурить?» «Радъ услужить,—говорю, и бросилъ ему коробку спичекъ,— берите половину, а остальное назадъ пришлите». «А вы чѣмъ занимаетесь,—спрашиваетъ бунтовщикъ, въ мирное то-есть время?» «Лошадками,—говорю». «И я тоже. Только вы меня извините, а вы ужъ очень далеко отъ своихъ отбились. Мы теперь вашъ флангъ обходимъ». А тутъ какъ разъ сигналъ, чтобы всѣмъ назадъ. «Не торопитесь,—говоритъ,—только лучше на четвереинькахъ ползите. Вонъ туда ползите, а я вамъ стаканчикъ поднесу».

— Гадость это была порядочная, но все-таки пить можно. «Я самъ изъ Бургерсдорпа,—говоритъ мой пріятель,—мы съ нимъ ужъ подружиться успѣли.—Коли случится вамъ послѣ войны въ нашей сторонѣ побывать, разыщите меня, и тогда ваша очередь будетъ меня угостить. Ну, а не случится — не безпокойтесь, можетъ мы съ вами на томъ свѣтѣ встрѣтимся. Во всякомъ случаѣ, если напоите капелькой воды одного изъ нашихъ раненыхъ, такъ мы съ вами и поквитаемся».— «Давай лапу», говорю. И мы пожали другъ другу руки за компанію. Ей-Богу, точно на молитвѣ стояли вмѣстѣ, вѣдь мы оба на колѣнкахъ были.

А тутъ опять сигналъ протрубили, и мы каждый въ свою сторону поползли. Больше я его не видѣлъ. Странно все это, какъ подумаешь. Да и въ жизни также, не только на войнѣ. А тогда война была; я пока до лагеря доползъ, двухъ на тотъ свѣтъ отправилъ.

— А меньше чѣмъ черезъ недѣлю послѣ этого м-ра Тома ранили. Славный онъ парень, только словно дитя малое на войнѣ. Кавалерія должна была авангардъ прикрывать, а онъ ее прямохонько на засаду повелъ, которую за цѣлую милю простымъ глазомъ разглядѣть можно было. На рысяхъ мы къ ней подлетѣли, да насквозь, а они насъ въ середку пропустили, да съ трехъ сторонъ горохомъ, его ссадили, да еще пятнадцать человѣкъ. Батюшки, какъ его солдаты ругали, пока мы ихъ въ госпиталь не доставили, тѣ, что еще ругаться могли! Англійскіе дворяне молодцы, въ лучшемъ обществѣ умереть не пожелаешь. Такъ всегда въ старыхъ семьяхъ бываетъ, сдается мнѣ, въ нашей странѣ — все козыри. Городскіе-то ужъ больно умны, поглядѣть только, какъ они ихъ обрабатываютъ въ школахъ, только ужъ къ сообразительности ихъ не пріучишь.

«Конецъ мой, Сэмъ», говоритъ онъ мнѣ. И, ей-Богу, на то похоже было. На вылетъ ему маузеровская пуля животъ пронизала. Только какъ онъ ее получилъ, такъ опять онъ спортсменомъ сталъ, откуда и сообразительность явилась — думаетъ, какъ бы ему своихъ людей спасти. Какъ онъ отступить съумѣлъ и отрядъ свой въ безопасное мѣсто вывелъ — просто чудо, и это съ его дыркой-то! Все держался, пока сознанія не лишился, тогда ужъ мы одни, и здоровые и раненые, къ арріергарду отступать стали, его на рукахъ несли. Тамъ, въ лазаретѣ, его въ себя привели, только онъ опять въ обморокъ упалъ. Ну, а какъ по настоящему въ чувство пришелъ, такъ и сталъ онъ мозгами шевелить, да на зло докторамъ и выкарабкался.

— А какъ, вы спросите? Своимъ жиромъ питался. Не понимаете? Да и гдѣ вамъ понять? Ну, слушайте.

«У меня кишки прострѣлены, — думаетъ онъ. — Рана чистенькая. Если я съ недѣльку кишкамъ работы не дамъ, она и заживетъ сама собою». Господи, и терпѣніе же у него, когда онъ захочетъ! Шесть дней и шесть ночей пролежалъ онъ тихо, какъ мышь, ни глотка въ ротъ не взялъ. И не говорилъ ни съ кѣмъ, даже со мною, только глазами показывалъ, если ему что нужно. Я ему отъ времени до времени губы водой съ коньякомъ смачивалъ, вотъ и все. Онъ рѣшилъ, что у него довольно своей подкладки, чтобы недѣльку безъ пищи прожить, такъ по его и вышло. Къ тому времени, какъ онъ больше не могъ терпѣть, и рана его зажила. Тутъ этотъ баринъ американскій пріѣхалъ и цѣлый мѣшокъ всякихъ лакомствъ привезъ; онъ и сталъ кушать понемножку. Морской воздухъ все дѣло докончилъ, и вотъ мы тутъ какъ тутъ. Если подумаешь, такъ это во всѣхъ случаяхъ жизни помочь можетъ: копи побольше, а нужда придетъ—проживай накопленное.

Сэмъ, очевидно, носился съ представленіемъ, что даже добродѣтель тоже своего рода жиръ; но выразить это было выше его средствъ. Сквайръ привязался всѣмъ сердцемъ къ человѣку, который содѣйство-

валъ спасенію его сына. До сихъ поръ онъ съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ относился къ Артуру Гудингу, и это было естественно, такъ какъ все-таки, въ концѣ концовъ, онъ былъ «не англичанинъ». Теперь онъ откровенно сознавался въ этомъ. — До сихъ поръ мы съ вами были просто знакомые, сэръ. Это моя вина. Будемъ друзьями. Вы настоящій человѣкъ.

— Такъ начнемте поскорѣе,—сказалъ м-ръ Гудингъ.—А то опоздаемъ.

— Я бы хотѣлъ побольше знать о васъ,—съ раскаяніемъ прибавилъ сквайръ.

— Это недолго разсказать. Мы болѣе старые знакомые, сэръ Генри, чѣмъ вы думаете, если и не такіе старые друзья. Мой дѣдъ копалъ рѣку на одной изъ фермъ вашего отца.

— Гудингъ? Гудингъ?—задумался старикъ.—Что-то не пропомню. Какъ, Джекъ Гудингъ? большой Джекъ, который... о, Господи!

— Безъ сомнѣнія. Мы этого сами не знали, пока недавно мой дядя въ Америкѣ не разобралъ пачку старыхъ писемъ.

— Большой Джекъ Гудингъ!—повторилъ сквайръ.—Да, да! Я и не помню, когда онъ ушелъ, я былъ тогда въ Кэмбриджѣ, но я хорошо помню, что я замѣтилъ его отсутствіе.

— Да, сэръ, это все есть въ письмахъ. Ему не везло здѣсь, вотъ онъ и ушелъ, насвистывая: «на западъ, на западъ!»—гимнъ, который если можно такъ выразиться, заселилъ Америку. Онъ искалъ болѣе широкой жизни, свободы и счастья, и нашелъ все это. Здѣсь всѣ стараются копить благопріятный случай для всей семьи, а ему надоѣло ждать. Останься онъ здѣсь—въ лучшемъ случаѣ это былъ бы Скеттъ, въ худшемъ—Джорджъ Херіонъ.

Сквайръ, казалось, готовъ былъ возражать, но оставилъ свои возраженія про себя.

— Онъ началъ свою жизнь сначала въ одной изъ нашихъ деревень. Но есть деревни и деревни; а эта деревня старалась изо всѣхъ силъ стать городомъ, и не нашлось никого, кто бы сказалъ ей «нѣтъ». Такъ и случилось, и городъ этотъ стоитъ до нашихъ дней. Моему дѣду принадлежала половина его. Не скажу, чтобы это было высшимъ идеаломъ человѣческаго существованія, но если жизнь только борьба, то отчего же не онъ, а кто-нибудь другой? Тамъ не было никого, кто бы преградилъ ему дорогу только потому, что онъ низкаго происхожденія и не получилъ образованія, никто не выставлялъ преимущества герба передъ преимуществами природнаго ума. Кромѣ того, все это быстро пришло въ порядокъ само собою. Мой отецъ потерялъ свою половину въ похвальной попыткѣ захватить и другую половину, поэтому намъ опять пришлось начать сначала. Это чудесное упражненіе, и я завтра уѣзжаю домой съ первымъ пароходомъ за своею частью. Я только затѣмъ и пріѣхалъ, чтобы сказать вамъ это.

— Дайте мнѣ вашу руку,—сказалъ сквайръ.—Сдает...
насъ здѣсь все идетъ не такъ, какъ слѣдовало бы.

— Пусть это будетъ нашимъ прощаньемъ, сэръ, въ настоящее время. Передайте мое глубочайшее почтеніе миссъ Мери. У меня нѣтъ словъ, чтобы выразить вамъ мою благодарность за ваше гостепріимство и за всю ту доброту и снисходительность, которую я нашелъ въ Лиддикотѣ.

Глава 38.

На другой день послѣ того, какъ Августа нашла Джорджа, она рано утромъ поѣхала въ больницу.

Ей пришлось просить, какъ милости, чтобы онъ разсказалъ ей свою исторію. Въ своемъ горькомъ негодованіи противъ замка Аллонби его обитателей и всѣхъ ихъ дѣлъ онъ не дѣлалъ различія для отдѣльныхъ личностей. Ему былъ нанесенъ ударъ изъ замка; какое ему дѣло, чьей рукою и черезъ какую бойницу? Управляющій—это все равно, что герцогъ, а герцогъ и герцогиня—одно; онъ всѣхъ ихъ ненавидитъ. Только гордость и недовѣріе и привязывали его еще къ жизни.

Все это казалось Августѣ столь естественнымъ, что у нея и мысли не было разсердиться на него или упрекнуть его. Это было его мщеніе: онъ хотѣлъ заставить ее почувствовать, что она пришла слишкомъ поздно, чтобы спасти обломки человѣка, лежащаго у ея ногъ. Мщеніе было ощущеніе, а ощущеніе—жизнь.

— Я конченный человѣкъ, сударыня,—мрачно сказалъ онъ.— Скоро ужъ всему конецъ, не въ обиду вамъ будь сказано.

— Какъ же все случилось, Херіонъ?

— Господа—ихъ спрашивайте.

— Бѣдный! Ради другихъ, отвѣтьте мнѣ какъ слѣдуетъ, если можете.

— Ради другихъ! Если бы она тутъ была, она бы на васъ и смотрѣть не захотѣла. Что сдѣлано, то сдѣлано; зачѣмъ же опять и ей, и мнѣ сердце надрывать?

— Если бы вы только написали!

Эти слова, казалось, привели его въ ярость.

— Что же надо было писать? Что человѣка за здорово живешь выгнали изъ деревни, и онъ идетъ околѣвать въ городъ? Кто отдалъ насъ всѣхъ въ ваши руки? Я хотѣлъ только на собственныхъ ногахъ стоять, человѣкомъ быть. Слокумъ-то мой больше, чѣмъ вашъ. Мы тамъ жили подольше, чѣмъ кое-кто другой, если и нѣтъ у насъ на это бумагъ.

— Какъ все это случилось, Херіонъ?

— Сестрица знаетъ,—пробормоталъ онъ.—Не охота мнѣ разсказывать.

— Я хочу, чтобы вы мнѣ разсказали.

— Свалился въ трюмъ на пароходѣ. Теперь въ Аллонби могутъ смѣяться.

— Аллонби врядъ ли будетъ надъ этимъ смѣяться, Херіонъ. Но довольно объ этомъ. Все ваше упрямство и вся ваша гордость не помѣшаютъ мнѣ постараться помочь вамъ.

— Не нужно мнѣ вашей помощи, герцогиня. Да и про нее скажу, что и она не захочетъ. Господи, прости мнѣ! Какъ подумаю, что она, не покладая рукъ, работаетъ, чтобы ребенка прокормить.—Крупныя слезы покатились по его щекамъ.—Побѣдили вы меня; нѣтъ у меня больше воли.

Горькая и въ то же время странная перемѣна! Мысль о Розѣ вновь пробудила въ немъ ужасное сознаніе, что противъ него всѣ, Аллонби, небесный престолъ и небесный судъ—небо м-ра Рэйфа! Это былъ возвратъ къ страхамъ дѣтства. Онъ снова былъ деревенскимъ ребенкомъ, деревенскимъ ученикомъ воскресной школы, покорнымъ до глубины сердца, привыкшимъ подчиняться неумолимой судьбѣ.

— Скажите мнѣ все. И попробуйте повѣрить, что вы говорите это другу.

Она осторожно взяла его худую, влажную руку.

Теперь онъ сталъ совершенно кротокъ.

— Все, что вамъ угодно; только если въ васъ есть состраданіе, такъ поскорѣе.

— Я бы могъ кое-что скопить,—говорилъ онъ, точно извиняясь,— и попытать счастья, если бы работа въ докахъ продолжалась. А когда она вдругъ остановилась, я былъ погибшій человѣкъ.

— А потомъ?

— А тамъ ребенокъ родился. Какъ подумаешь, такъ мужику этого совсѣмъ не нужно, если у него работы нѣтъ. М-ръ Рэйфъ это частенько говорилъ, выходитъ, что онъ правъ.

— Богъ съ нимъ, съ м-ромъ Рейфомъ.

— Въ конурѣ они родятся въ большихъ городахъ, и гоняютъ ихъ изъ конуры въ конуру. У человѣка сердце разрывается отъ этого, и у женщины тоже, хоть онѣ и сильнѣе насъ. Но я все не поддавался. Не думайте, герцогиня, что я такъ легко уступилъ. Семь недѣль я шатался по окрестностямъ, нанялся въ работники на время жатвы, сами прожили, еще три фунта въ платкѣ принесъ, чтобы перебиться, пока опять работа въ докахъ будетъ.

А тутъ опять чортъ вмѣшался. Три золотыхъ—это много денегъ, на нихъ долго прожить можно, но не безъ конца. Когда они къ концу подходить стали, я началъ ходить и слушать, что по воскресеньямъ говорили въ Майль-Эндѣ.

— Уличную проповѣдь?

— Не совсѣмъ такъ,—сказалъ онъ съ горькимъ смѣхомъ.—Анархистовъ,—такъ они себя величаютъ. Мнѣ казалось, что я скорѣе умру,

чѣмъ въ Аллонби вернусь. Поставьте себя на мое мѣсто: раскланивайся съ господами, раскланивайся со священникомъ. Всегда подъ чьимъ-нибудь надзоромъ: въ церкви, по воскресеньямъ, одинъ надзиратель; по праздникамъ, когда повеселиться захочется—другой. Уголь и одѣяло—если хорошо себя ведешь. И умираешь-то на глазахъ у всѣхъ. Я то еще до этого не дошелъ и не собираюсь умирать, если меня починятъ. А все-таки, если до этого дошло, такъ вы здѣсь, герцогиня.—И онъ разсмѣялся собственной остротѣ.—А какъ отъ этого человѣку стыдно бываетъ, въ особенности женщинѣ! Всѣ блага жизни господамъ, а намъ—объѣдки! У насъ на этотъ счетъ свои мысли. Видите, герцогиня, я и взбунтовался; все это глупости, я теперь ясно вижу.

— О, ради Бога, Херіонъ, продолжайте бунтовать!—вырвалось у нея.

Ей гораздо тяжелѣе было переносить его покорность, чѣмъ негодованіе. Въ глубинѣ души, она готова была поклониться ему за его отказъ подчиняться. Она тоже вспоминала себя, какой она была, ту свободную американку, которая, въ роли герцогини, должна была довольствоваться разыгрываніемъ салонной комедіи. Ея тайныя симпатіи были на сторонѣ бунтовщика и противъ замка, противъ идеальнаго Аллонби, созданнаго ея собственной фантазіей. Всѣ отношенія между деревней и замкомъ были радикально фальшивы. Но ея гнѣвъ обратился не на нихъ, а на самое себя. Она попробовала ужиться съ условіями, которыя были баснословны, она это знала раньше, чѣмъ убѣдилась, что они совершенно лживы. Доказательство было на лицо—это несчастное искалѣченное существо, искалѣченное не только физически, но и нравственно, неспособное къ жизненной борьбѣ. Система феодальной зависимости не воспитываетъ человѣка, она неспособна воспитать ее. Можетъ быть, въ ея обязанность не входило мѣнять систему, такъ какъ на это у ней не было власти, но ей не слѣдовало вмѣшиваться.

— Попробовали бы вы на моемъ мѣстѣ!—вотъ все, что онъ ей отвѣтилъ.

— Когда работа въ докахъ опять началась, я слишкомъ жадно за нее принялся. Набросился, какъ голодный на хлѣбъ, да вѣдь это и былъ нашъ хлѣбъ. Въ первый же день, я бѣжалъ по доскѣ, что черезъ люкъ была переброшена, даже скакалъ отъ радости, право; только видно ужъ слишкомъ мы развеселились, и я, да и доска, она и подкинь меня на воздухъ. Не много мнѣ времени нужно было, чтобы до низу долетѣть, а все-таки я успѣлъ вспомнить и Слокумъ, и мать-старуху, и Розу, и ребенка, прежде чѣмъ объ дно трюма спиною ударился. Смѣшно это, но казалось мнѣ, что я пенни, и что все зависитъ отъ того, что выйдетъ—орелъ или рѣшетка. Ударился шибко, а боли я совсѣмъ не чувствовалъ, только заснулъ на цѣлыхъ четыре дня, пока здѣсь не проснулся.

*

Онъ остановился, словно ожидалъ запрещенія продолжать, но герцогиня не вымолвила ни слова.

— Склеить то они меня склеили, а двигаться я не могу, такъ и лежу съ тѣхъ поръ. Когда я въ себя пришелъ, она у моей постели была. «Не безпокойся, голубчикъ,—шепнула, нагибаясь ко мнѣ.—Я работу нашла, кучу работы, бѣлье стирать. Я ужъ катокъ на прокатъ взяла, и то едва успѣваю справляться. Ну, для ребеночка у меня всегда время найдется; когда я все заказное кончу, такъ и на него постирать успѣю. А потомъ я расцѣлую все его розовое тѣльце, спать его уложу, а какъ онъ заснетъ—надъ нимъ молитвы читаю. Не длинная у меня молитва, голубчикъ, да хорошая, всѣ двадцать четыре часа меня поддерживаетъ. А сынокъ папу цѣлуетъ и... и...» Охъ!

Онъ закрылъ лицо своей свободной рукой, которая не сгибалась и двигалась, какъ рычагъ, и Августа тоже закрыла лицо руками.

— Такъ шли недѣли за недѣлями, а я все лежу. Разъ пришла она ко мнѣ, какъ всегда, только не даетъ мнѣ руки, а когда дала наконецъ, то лѣвую. Началъ я другую искать, а она въ платокъ, какъ кукла, запелената. Въ катокъ попала! Слишкомъ она, видно, заработалась, все по моей винѣ. Ей въ катокъ пальцы втянуло, когда она на минутку отвернулась, чтобы на малыша въ люлькѣ посмотрѣть. «Не больно голубчикъ,—говоритъ мнѣ,—я ее все подъ краномъ держала, чтобы кровь остановить, теперь ужъ почти что зажила». Не больно! А мнѣ за нее въ десять разъ больнѣе было, чѣмъ все, что со мной, съ самимъ случилось! «Роза, — говорю ей, — уступить надо, родная. Напиши въ Аллонби. Господь отъ насъ отвернулся». А она мнѣ: «Рано еще, голубчикъ. Я отлично стирать могу лѣвой рукой, а правой придерживаю. Ужъ я въ понедѣльникъ опять стирку сдала». Чѣмъ же я могъ ей помочь? Ей скорѣе хуже становилось, чѣмъ мнѣ—лучше.

— Гдѣ она?—воскликнула Августа съ нетерпѣніемъ.—Я сейчасъ побѣгу къ ней.

— Сегодня пріемный день,—сказалъ Джорджъ.—И она можетъ сейчасъ придти, да вѣрно сейчасъ и будетъ.

— Ну, такъ продолжайте.

— Опять прошли недѣли за недѣляли, а я все лежу. Вотъ разъ она приходитъ и улыбается, а какъ я взялъ ее, по привычкѣ, за лѣвую руку, разсмѣялась и говоритъ: «Это что за манера!» Отняла лѣвую руку и правую мнѣ даетъ. «Поправилась я; да благословитъ Богъ моихъ обоихъ мальчиковъ! Поправилась! Зажила рука, пожалуй, только ужъ не видать моей голубкѣ тонкаго шитья!» Палецъ она совсѣмъ раздавила,—прибавилъ онъ совсѣмъ по-дѣтски, и слезы снова побѣжали по его щекамъ.—Не поправиться моей Розѣ. Она приходитъ каждый пріемный день, но не по силамъ ей борьба, я это ясно вижу. Каждый разъ мнѣ чего-нибудь не хватаетъ: исчезъ ея румянецъ, руки какъ

спички стали. А все работаетъ безъ передышки. Да, мы неравные имъ, неравные! Они ближе къ царству небесному, чѣмъ мы!

Онъ остановился, и жалкое, растерянное выраженіе появилось на его лицѣ.

— Гдѣ же она?—простоналъ онъ.—Ужъ на полчаса опоздала, никогда этого раньше не бывало! Чего же мы-то болтаемъ?

Августа не могла этого больше выносить.

— Въ самомъ дѣлѣ. Скажите мнѣ, гдѣ она можетъ быть теперь. Нѣтъ, погодите,—она увидѣла, что онъ въ изнеможеніи опустился на подушки. — Я найду сидѣлку, пошлю ее къ вамъ и отъ нея узнаю адресъ.

Глава 39.

Еще минута, и Августа уже ѣхала по мрачнымъ улицамъ. Даже извощикъ ея заблудился въ этомъ лабиринтѣ нищеты. Но, наконецъ, они добрались до маленькаго домика, окруженнаго собственнымъ садикомъ; такіе домики иногда попадаются въ самыхъ густо населенныхъ кварталахъ. Тотъ, о которомъ идетъ рѣчь, очевидно, являлся остаткомъ какой-нибудь усадьбы еще съ тѣхъ временъ, когда здѣсь было предмѣстье, и горожане, въ поискахъ за удовольствіями на свѣжемъ воздухѣ, заходили сюда выпить стаканъ молока. Нѣкогда домикъ былъ выбѣленъ, крыша его была покрыта черепицей, и черепицы эти были цѣлы. Но даже въ своемъ разрушеніи онъ не лишенъ былъ живописности дачнаго стиля. У него была вышка съ цѣлой сѣтью переплетенныхъ балокъ и угловъ.

То, что нѣкогда было садомъ, было затянуто веревками, на которыхъ сушились разныя принадлежности костюма. Надъ дверью висѣла вывѣска: «Прачешное заведеніе Р. Херіонъ».

Августа постучала въ дверь, но отвѣта не послѣдовала; она постучала второй и третій разъ, все съ тѣмъ же успѣхомъ. Тогда какая-то растрепанная фигура, высунувшись изъ сосѣдняго окна, посовѣтовала: «попробуйте съ задняго крыльца».

Августа по узенькой тропинкѣ пробралась къ задней двери. Она была настежь открыта, и дверь изъ узенькихъ сѣней въ комнаты тоже. Она вошла безъ дальнѣйшихъ церемоній и очутилась въ чемъ-то въ родѣ гостиной, бѣдно обставленной, но чистенькой; толстый ребеночекъ лежалъ въ люлькѣ посреди комнаты и ворковалъ. Его голосъ былъ настоящимъ облегченіемъ въ этомъ безмолвномъ, точно вымершемъ домѣ. Но все-таки тишина, съ которой боролись голосокъ ребенка и тиканье часовъ, дѣйствовала удручающимъ образомъ. Августа поспѣшно выбѣжала изъ комнаты.

— М-ссъ Херіонъ! М-ссъ Херіонъ!—позвала она, но не получила отвѣта и пошла на сильный запахъ мыльной пѣны, который свидѣтельствовалъ о трудѣ и, слѣдовательно, былъ признакомъ жизни.

Но это свидѣтельство оказалось истиннымъ и въ то же время обманчивымъ. Августа очутилась въ прачешной; у лоханки стояла женщина, нагнувшись надъ нею и повернувшись спиною къ дверямъ. Безъ сомнѣнія, это была хозяйка дома, и Августа снова позвала: «Роза! Роза! Развѣ вы не узнаете меня? Развѣ вы не слышите?»

Женщина не пошевелилась, она, казалось, окаменѣла надъ лоханкой. Одна рука ея была согнута, другая прижата къ груди.

Августа вскрикнула, охваченная страхомъ и мрачными предчувствіями, и подбѣжала къ ней. Это, дѣйствительно, была Роза, но голова ея поникла, глаза застыли съ неподвижнымъ выраженіемъ; она умерла на своемъ посту, вѣрная долгу, жертвуя собою.

Даже въ нищетѣ своей она все еще была прекрасна. Это были тѣ же роскошные черные волосы, но подернутые сѣдиною. Лицо потеряло свой дивный оваль, со щекъ сбѣжалъ румянецъ, который дѣлалъ ее похожей на цвѣтокъ, давшій ей свое имя. Рука, судорожно сжимавшая платье на груди, не напоминала бѣлую и полную руку молочницы изъ Аллонби.

Она увяла и сморщилась отъ горячей воды и химическихъ составовъ, и каждая морщина на этой закоченѣвшей мертвой рукѣ казалась высѣченной изъ камня. Самое грустное изъ всѣхъ зрѣлищъ—красота, прежде времени разрушенная тяжелымъ трудомъ и нищетою.

Такъ погибла Роза Херіонъ. «Я освобождаю тебя отъ тяжести существованія», шепчетъ Будда, даруя совершенному человѣку благословеніе вѣчнаго сна.

Милосердый и сострадательный, наконецъ, соблаговолилъ опустить на нее свой взоръ.

Глава 40.

Розу похоронили на кладбищѣ Большого Слокума. Сначала намѣревались положить ее на одномъ изъ лондонскихъ кладбищъ, но Августа и слышать объ этомъ не хотѣла. Ея чувство справедливости находило нѣкоторое печальное удовлетвореніе въ возвращеніи Херіоновъ, живыхъ или мертвыхъ, въ ихъ родную деревню.

М-ръ Рэйфъ былъ не менѣе оскорбленъ этой перемѣной плановъ, чѣмъ лондонскій могильщикъ. Въ его глазахъ это неназидательное возвращеніе мятежницы со всѣми посмертными почестями было униженіемъ той системы, которая изгнала ее. Это былъ очень дурной примѣръ для всей деревни. Гробъ бѣдняжки Розы могъ сыграть роль ящика Пандоры, наполненнаго разными разрушительными идеями, способными заразить всю окрестность. Бѣдная могила въ далекомъ Лондонѣ могла послужить ему благодарной темой для христіанскаго поученія. Но при такомъ положеніи вещей онъ рѣшительно отказался принять какое-бы то ни было участія въ церемоніи и охотно уступилъ свою роль своему коллегѣ.

Августа лично присутствовала на похоронахъ, и вся деревня собралась вокругъ нея. Всѣ были огорчены, даже тѣ, которые, подобно Гримберу, видѣли въ этомъ случаѣ лишь исполненіе рокового пророчества. Всѣ любили Розу. Во время вечерней попойки Джобъ потребовалъ лишнюю кружку пива, которую опорожнилъ въ память ея.

— Славная бабенка была и умерла на своемъ посту.—Въ этой дани уваженія была своя доля горечи. Онъ не могъ забыть, что преданность его жены выражалась въ нѣсколько иной формѣ: она гнала его на работу, а не убивалась, работая на него. Его излюбленное изреченіе снова появилось на сцену.—Я всегда говорилъ: говори то, что у тебя на умѣ, и попадешь въ мѣшокъ; попадешь въ него не за то, что говоришь, а за здорово живешь, вотъ и все.

Джорджа привезли въ деревню, какъ только онъ могъ вынести путешествіе, и окружили заботами. Ребенокъ, конечно, тоже пріѣхалъ съ нимъ, и обѣ старухи матери ухаживали за ними. Августа обо всемъ позаботилась сама. Деревня просто не знала, какъ отнестись къ этому факту. Нѣкоторые находили, что бѣдный калѣка—счастливый человѣкъ, такъ какъ жизнь его теперь обезпечена, и параличъ спинного мозга не слишкомъ дорогая цѣна за такую роскошь. Эти, понятно, смотрѣли на него, какъ на побѣдителя въ долгой борьбѣ съ замкомъ. Но у управляющаго были на этотъ счетъ, конечно, иные взгляды. Калѣка и сирота были ужасными наглядными примѣрами безумія борьбы съ системой. Кто могъ имѣть хоть малѣйшее сомнѣніе на чьей сторонѣ побѣда, при взглядѣ на эти обломки человѣка, забинтованные и закутанные, грѣющіеся на солнышкѣ у дверей дома, гдѣ онъ жилъ по милости герцога, и на ребенка, зовущаго бабушекъ «мамой» и уже забывшаго мать, лежащую въ могилѣ? Да и большинство обитателей деревни держались такихъ же взглядовъ.

Прежнее спокойствіе воцарилось въ Слокумѣ, и могила Розы покрылась травой. Деревня вернулась къ своему вѣчному порядку вещей, если можно вернуться къ тому, что никогда не останавливалось и не нарушалось. Если Слокумъ иногда и пробовалъ бороться, то онъ всегда терпѣлъ пораженіе; Херіоны и Сперры неминуемо возвращаются вспять послѣ тщетныхъ уклоненій съ праваго пути, а Гримберы, Герты и Скетты твердо ведутъ свою линію. Поколѣнія, воспитанныя въ подчиненіи и покорности, находятъ, что гораздо легче идти по проторенной дорожкѣ.

Такъ думаетъ и м-ръ Кнеби, задумчиво сидя въ своей библіотекѣ съ книгой и папиросой, такъ и еще по другому. Побѣда надъ Джорджемъ не только побѣда всего замка, но и его тоже. Умъ побѣдилъ въ этой стычкѣ, умъ побѣдитъ и въ рѣшительной битвѣ. Ростовщикъ находитъ, что онъ поступилъ крайне мудро, рѣшившись жить только умомъ, онъ разсудилъ, что гораздо выгоднѣе не имѣть сердца и за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ самъ называлъ себя дуракомъ, также и совѣсти.

Онъ презираетъ всѣхъ низко стоящихъ, главнымъ образомъ потому, что они, эти дураки отъ рожденія, осмѣливаются разсуждать о томъ, что справедливо и что нѣтъ. Его гнѣвъ противъ Джорджа, возбужденный роковымъ порывомъ на митингѣ, никогда не остывалъ. Онъ презираетъ Лиддикота, считая его тряпкой, и надѣется завоевать Мери одной силой воли. Онъ вполнѣ увѣренъ, что ему и его подобнымъ суждено возродить славу, гордость и власть феодализма. Къ нимъ должна, безъ сомнѣнія, перейти вся поземельня собственность по праву современнаго владычества золота, которое заняло мѣсто господство меча.

Слѣдующей его побѣдой будетъ побѣда надъ герцогомъ Аллонби. Онъ, наконецъ, рѣшился продать, и на крайне умѣренныхъ условіяхъ, тотъ кусокъ земли, который портилъ перспективу владѣльцу Тауэрса. Настоящая цѣна за землю—это приглашеніе къ обѣду. Повѣренные собрались еще разъ и повѣренный м-ра Кнеби намекнулъ, что его кліентъ будетъ болѣе сговорчивъ при такомъ условіи. Герцогъ обѣщалъ подумать, какъ это устроить, и даже попробовалъ позондировать свою жену, но Августа не сказала ни слова.

Глава 41.

Почти годъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ м-ръ Гудингъ. Теперь онъ опять въ Лиддикотѣ и соберется перейти ровъ, чтобы позавтракать со сквайромъ. Приглашеніе уже ждало его въ Аллонби, куда онъ пріѣхалъ. Обстановка осталась почти та же, что и въ первое его посѣщеніе: онъ стоитъ на подъемномъ мосту, а Мери выглядываетъ изъ окна башни. Сквайръ привѣтствовалъ гостя; рядомъ съ нимъ стоялъ его сынъ. Невозможно было бы себѣ представить болѣе радушнаго пріема. Тотъ, который теперь уже поправился, высоко цѣнилъ молодого американца; онъ даже высказалъ свое твердое убѣжденіе, что «м-ръ Гудингъ настоящій спортсменъ». Дальше этого пойти уже невозможно, такъ какъ это наименованіе обнимаетъ и болѣе низшую степень, что онъ «хорошо ведетъ игру». Томъ подразумѣваетъ игру жизни, хотя его похвала была бы еще болѣе цѣнна, если бы дѣло шло объ игрѣ въ поло. Томъ снова совершенно счастливъ и снова вернулся къ своему прежнему представленію, что земной шаръ — поле для пикниковъ лицъ съ положеніями. Мери окружила его любовью и заботилась о немъ во время его выздоровленія и настояла на томъ, чтобы повѣренные сами подробно разслѣдовали положеніе его денежныхъ дѣлъ. Г.г. Стальбронъ, Стальбресъ, Фрюмингъ, Джемсъ и Протеро удалось заставить Кнеби согласиться на сносныя условія. Томъ собирается начать жизнь сначала. Это весьма пріятная иллюзія для него и для его родныхъ. Такія полныя превращенія души и поведенія относятся обыкновенно къ области фантазій.

При всемъ своемъ восторгѣ, Мери встрѣтила своего стараго друга съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ. Онъ обладаетъ нѣкоторою властью надъ ея душою, именно, потому, что никогда не добивался ее, и даже, вѣроятно, самъ не подозрѣвалъ объ этомъ. Мери спрашивала себя, какъ она съ нимъ встрѣтится, и заранѣе подготовляла нѣсколько общихъ фразъ для перваго привѣтствія.

Его тактъ или, быть можетъ, просто его человѣческое отношеніе спасло ихъ обоихъ. Они были достаточно долго въ разлукѣ, чтобы имѣть общія воспоминанія, и когда они очутились вдвоемъ послѣ завтрака и пошли прогуляться, онъ вновь и безъ всякаго усилія превратился въ прежняго мальчика. Это было для нея громаднымъ облегченемъ, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, мгновеніе вернуло ее къ прежнимъ отношеніямъ.

Они весело болтали, какъ старые товарищи.

— Ну, а милый старый автоматическій приборъ все еще дѣйствуетъ?—спросилъ онъ.

— Пожалуйста. выражайтесь точнѣе.

— Деревня Рэйфа, конечно. Опустишь пенни въ дырочку и фигурки задвигаются.

— Не будьте непочтительны.

— А забавнѣе всего то, что онѣ лучше всего пляшутъ, если вы вмѣсто пенни бросите кошелекъ. Но довольно, я не хочу выдавать себя головой.

— Это уже признаніе. Теперь я знаю, кто свелъ Гримбера и Джобба въ тотъ ужасный день.

— Я хочу доказать свое alibi. Августа все время не спускала меня съ глазъ.

— Надѣюсь, что вы не для того вернулись теперь, чтобы опрокидывать телѣжки съ яблоками, даже если онѣ принадлежатъ м-ру Рэйфу.

— Нѣтъ, долгъ прежде удовольствія, когда звенитъ призывной колоколъ.

Нѣкоторая перемѣна въ Артурѣ не ускользнула отъ зоркихъ глазъ Мери. Онъ сталъ гораздо мужественнѣе. Такимъ онъ ей еще больше нравился, но трудно было теперь поддерживать съ нимъ прежнія шутливыя отношенія.

— Бѣдный маленькій Слокумъ, вы его больше не будете любить.

— Можетъ быть, больше, чѣмъ прежде, но только по другому.

— Но вы скоро опять уѣдете, чтобы смотрѣть за своими собственными крестьянами.

— За моими крестьянами!—Онъ разсмѣялся.

— Я какую-нибудь глупость сказалъ?

— Нисколько. Я только хотѣлъ сказать, что они въ этомъ вовсе не нуждаются.

— Въ чемъ?

— Чтобы за ними смотрѣли.

— Такъ какъ же они справляются, хотѣла бы я знать?

— Сами справляются, я думаю,—отвѣчалъ онъ.

— Что за странная страна!

— О, таковъ ихъ обычай. Видите ли, каждый изъ нихъ самъ маленькій герцогъ Аллонби, собственникъ и тому подобное, и вы не можете себѣ представить, сколько въ нихъ гордости и ложнаго самолюбія.

— Пятьсотъ крестьянъ—пятьсотъ господъ. Не проще ли было бы сократить число господъ на четыреста девяносто девять?

— Проще для одного?—спросилъ онъ.—Но это равнялось бы выселенію; крестьяне затѣяли бы тьму процессовъ. Да, вамъ нужно попутешествовать, если вы хотите видѣть интересныя вещи. Я всегда зову Слокумъ моимъ новымъ свѣтомъ.

— Я знаю, зачѣмъ вы пріѣхали,—сказала она лукаво.—Мнѣ Августа сказала. Вы—американское нашествіе.

Онъ слегка вздрогнулъ, потомъ разсмѣялся.

— Что это такое?

— Не прикидывайтесь невиннымъ. Вы хотите все скупать здѣсь. Но вамъ не удастся, мы вамъ ничего не продадимъ.

— Даже спичечной фабрики или пароходнаго общества?

— О, такія вещи!

— А какія же, миссъ Мери?

— Разныя дорогія, напримѣръ, Вестминстерское аббатство.

— Такихъ вещей мы не покупаемъ, несмотря на то, что у насъ теперь въ ходу и христіанская наука, и восточная мудрость.

— Такъ, можетъ быть, замокъ Аллонби?

Ироническая жилка была для нея такъ необычна, что это новое ощущеніе возбудило въ ней желаніе быть логичной до конца.

— Скоро у него ничего не останется, кромѣ земли. Такъ почему же не попробовать.

Онъ молчалъ. Выстрѣлъ попалъ въ цѣль. Синдикатъ, къ которому онъ принадлежалъ, дѣйствительно, обдумывалъ смѣлое предпріятіе—пріобрѣтеніе обширной поземельной собственности въ Англіи, чтобы попробовать завести тамъ сельское хозяйство на современныхъ условіяхъ и по широкому плану. Земледѣліе какъ ремесло, а не какъ эксплуатація нищаго класса—было ихъ лозунгомъ. И, по своимъ принципамъ, они считали, что не англійская земля, а англійская поземельная система никуда не годится. Надо распахивать, засѣвать и жать поля на цѣлыя мили кругомъ, и хорошіе работники, хорошо оплачиваемые, будутъ стараться изо всѣхъ силъ, въ надеждѣ на будущее, ферма должна превратиться въ лабораторію, рабочіе — въ химиковъ-

ассистентовъ, житница—въ мастерскую; лучшія орудія, лучшіе мозги, лучшіе люди должны быть повсюду; базарная площадь станетъ биржей и будетъ обслуживаться желѣзной дорогой, также пріобрѣтенной въ собственность, какъ часть этого волшебнаго плана. А какъ сверкающая будущность вдали—Англія, не нуждающаяся въ протекціонизмѣ, сытая хлѣбомъ собственныхъ полей и вывозящая избытокъ, въ видѣ чистаго барыша, въ Соединенные Штаты.

— Дядя Самъ станетъ сквайромъ,—продолжала она,—въ полосатомъ фракѣ, съ перевязью, все какъ слѣдуетъ. Второе завоеваніе Англіи.

— Зачѣмъ завоевывать, когда можно купить?

— Милый старый Аллонби! Милый старый Лиддикотъ!

— Милый старый Китай!

— Хотѣла бы я знать, что это значитъ? Я не вижу, въ чемъ тутъ соль?

— Я думаю о поклоненіи предкамъ—сказалъ онъ.

— Ну, а я могу сказать вамъ, что я думала о нашей бѣдной аристократіи и о дворянствѣ.

— Это одно и то же.

— Мы не поклоняемся имъ; мы почитаемъ ихъ за то, что они создали Англію.

— Создали, еще бы!

— Это издѣвательство,—сказала Мери.

— Да, и я прошу у васъ извиненія. Но замѣтьте, что оно было вызвано—не вами, о нѣтъ!

И онъ продолжалъ съ горячностью, которую онъ старался сдержать, и которой она въ немъ прежде никогда не замѣчала:

— Такая страна и идетъ къ такому разрушенію! Что это за система, управлять Англіей безъ содѣйствія англійскаго народа! Воспитывать его сообразно его положенію, а не сообразно его силамъ и правамъ! Ихъ воспитаніе, въ особенности церковное, и высшее, и низшее, только насмѣшка въ глазахъ свѣдущаго иностранца! Безконечная мелочность всего; бѣдность выходовъ, недостижимость идеаловъ!

— Мы не хотимъ, чтобы нашей страной управляли на основаніи «дѣловыхъ принциповъ»,—попробовала она протестовать.

— А почему же, миссъ Мери? Дѣловые принципы—это принципы чести, честности и правосудія для всѣхъ безъ исключенія. Чѣмъ же они плохи?

— Это сырые орѣхи, вотъ вамъ!—воскликнула Мери, пуская въ него тѣмъ, что попало ей подъ руку.

— Берегитесь!—отвѣтилъ онъ, отъ души расхохотавшись.—Если такъ вести дѣла, такъ немногому научишься.

Но Мери еще не считала себя побѣжденной. Она вспомнила то, что слыхала отъ сквайра о скромномъ происхожденіи м-ра Гудинга.

Ея дворянская гордость пришла ей на помощь. Только подумать, что какихъ-нибудь два поколѣнія отдѣляютъ этого человѣка, который такъ властно распоряжается людьми, стоящими выше него, отъ крестьянина, ходившаго за сохою на поляхъ ея отца!

— Вы не смѣете такъ говорить со мною,—сказала она, принявъ самый надменный видъ, перенятый ею съ портретовъ въ галлереѣ замка Лиддикотъ.

Но истинная цѣль этого упрека была не понята молодымъ человѣкомъ. Ему никогда и въ голову не приходило, что онъ не равенъ ей по общественному положенію. Единственныя преимущества, которыя онъ признавалъ въ сношеніяхъ съ людьми, были преимущества ума, энергіи, мужества, способностей и, конечно, преимущества пола, когда дѣло шло о женщинахъ, которыя имѣютъ право на особую дань уваженія. Ея тонъ возбудилъ въ немъ подозрѣніе, не провинился ли онъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи.

— Боюсь, что я былъ недостаточно почтителенъ,—сказалъ онъ.— Пожалуйста, извините меня.

— Я думаю, вамъ нѣтъ никакого дѣла до моего прощенія,—холодно возразила Мери, не понимая его.

— Я ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ сказать чего-нибудь непріятнаго для васъ.

— Я думаю, что хотѣли,—сказала Мери, которая вся кипѣла подъ напущенною на себя ледяною холодностью.

— А вѣдь это невеликодушно!

— У меня вовсе не было этого намѣренія, увѣряю васъ. Вы иногда не такъ понимаете, только и всего.

— Правда,—сказалъ онъ съ тою же смѣлостью невинности, какъ и прежде.—Не всѣ держатся однихъ взглядовъ на жизнь.

Это было его извиненіе передъ женщиной, а не передъ дочерью сквайра.

— Мы все-таки не совсѣмъ стоимъ ниже васъ, пожалуйста, не забывайте этого,—замѣтила она, желая направить его на вѣрный путь.

— Я мало знаю другихъ, но я всегда считаю себя ниже васъ.

Ей показалось, что онъ понялъ ее, но она горько ошибалась.

— Неужели вы думаете, что я такъ долго пользовался преимуществомъ вашей дружбы, не чувствуя превосходства вашей доброты, вашей преданности отцу и брату, прелести вашей...

Онъ едва-едва удержался, чтобы не высказать болѣе прямого комплимента.

Мери, наконецъ, начала понимать, поэтому она покинула общество предковъ и вернулась къ современному положенію вещей. Упоминаніе о братѣ перевернуло все теченіе ея мыслей и заставило ее почувствовать свою неблагодарность.

— Моя преданность! Развѣ я могу забыть вашу? Длинное путешествіе...

— Прогулка!

И, по ассоціаціи мыслей, она вспомнила его громадную услугу, оказанную ей самой въ той карточной исторіи, которая была единственнымъ кризисомъ въ ея чистой и мирной жизни. Какое она имѣла право давать ему уроки, если во все время ихъ отношеній онъ былъ ея руководителемъ и покровителемъ, никогда ничего не требуя за свои услуги? А кромѣ того, какъ грубо было съ ея стороны напомнить ему о его происхожденіи. Она радовалась, что, благодаря его натурѣ и воспитанію, онъ не замѣтилъ ея ошибки, и она еще сильнѣе почувствовала, что онъ уважалъ и поклонялся въ ней только женщинѣ. Она была побѣждена его превосходствомъ,—единственно, что, благодаря Бога, всегда побѣждаетъ въ концѣ концовъ. Въ немъ она видѣла наилучшее проявленіе силы, а именно мягкость и никогда не измѣняющую рыцарскую учтивость. Да, это, дѣйствительно, былъ человѣкъ!

– Вы должны простить меня, — сказала она, — я еще дѣвочка, а вы уже не мальчикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—смѣялся онъ. — Я вовсе не желаю этого новаго достоинства. Давайте попрежнему думать, что мы мальчикъ и дѣвочка, въ этомъ я нашелъ величайшее счастье моей жизни. Но разъ вы даете мнѣ смѣлость просить у васъ милости, маленькій товарищъ,—и онъ протянулъ ей руку,—обѣщайте мнѣ, что когда я, дѣйствительно, буду достоинъ и приду къ вамъ, и предложу вамъ одинъ вопросъ, вы постараетесь отвѣтить мнѣ благопріятно.

Она ничего не сказала, но кровь бросилась ей въ лицо, и когда она подняла на него глаза, они были отуманены слезами.

Это былъ то же своего рода отвѣтъ, и онъ былъ столь благопріятнымъ, что Артуръ, набравшись смѣлости, нѣжно привлекъ ее къ себѣ. И вотъ какъ все это произошло.

Глава 42.

Въ субботу передъ коронаціей былъ дивный августовскій день. Никогда еще Лондонъ не выглядѣлъ такимъ праздничнымъ и такимъ веселымъ: вездѣ развѣвались флаги, улицы были запружены толпами народа, собравшагося со всей страны, и, несмотря на предыдущее разочарованіе, со всего свѣта. Каждый изъ рекрутовъ этой веселящейся арміи выглядѣлъ такъ, точно у него въ ранцѣ маршальскій жезлъ, или, иными словами, каждый надѣялся еще добыть билетъ въ Вестминстерское аббатство.

Центральнымъ мѣстомъ собранія и плебеевъ, и аристократіи была

мраморная арка. Все въ Лондонѣ вообще принадлежитъ или тѣмъ, или другимъ, мраморная арка одинаково принадлежитъ обоимъ. По одну ея сторону знатность и богатство дышитъ свѣжимъ воздухомъ, по другую ихъ крайнія противоположности отъ души посылаютъ ихъ къ чорту, при постоянныхъ встрѣчахъ подъ дружеской охраной полиціи. Ничто на свѣтѣ не сравнится съ этой ненавистью изъ ненавистей и съ терпимостью приличій и презрѣнія. Полиція хорошо знаетъ, въ чемъ тутъ дѣло. Увѣренность, что чортъ всегда готовъ вмѣшаться, составляетъ одно изъ самыхъ упорныхъ заблужденій необразованныхъ людей. Чортъ—великій знатокъ исторіи и умѣетъ ждать благопріятной минуты. Для тѣхъ, кто отказывается выжидать, тутъ же подъ бокомъ мѣсто висѣлицы временъ Гогарта, отмѣченное камнемъ съ надписью. Это легкій намекъ всѣмъ недовольнымъ, что доблесть должна умѣряться благоразуміемъ.

Уличный проповѣдникъ, который естественно пользовался тою же свободою, какъ и всѣ прочіе, распространялся насчетъ того, что причина отсрочки церемоніи—наказаніе всего народа за его лѣнивое посѣщеніе церкви. Продавцы уличныхъ пѣсенъ во все горло выкрикивали свой товаръ, одинъ изъ нихъ особенно старался по поводу королевскихъ переселеній. Съ припѣвомъ «и я могъ бы быть милліонеромъ» его пѣсня могла при случаѣ служить воинственнымъ гимномъ демократіи. Разносчики расхваливали свои товары: коронаціонныя медали и біографіи королевской четы. Трава была усѣяна лежащими бродягами, коротавшими на солнышкѣ долгіе часы ожиданія между закрытіемъ на день и вечернимъ открытіемъ ночлежныхъ домовъ.

Лордъ Огреби и его семья занимали одинъ изъ экипажей, катившихся по аллеѣ. Благородный лордъ былъ веселъ и въ то же время слегка угнетенъ. Въ теченіе поколѣній его дому принадлежала честь подносить королю зубочистку, послѣ обѣда въ день коронаціи. Церемонія исполнялась колѣнопреклоненно. Право это и теперь не оспаривалось ни лордомъ канцлеромъ, ни великимъ маршаломъ, ни лордомъ главнымъ судьей, ни другими членами церемоніальной комиссіи; но, какъ замѣтилъ лордъ канцлеръ, дѣлая заключеніе послѣ того, какъ совѣтъ подробно обсудилъ вопросъ съ точки зрѣнія старины и феодальныхъ преданій, вопросъ этотъ не входилъ въ сферу дѣйствій комиссіи. Такъ какъ парадный обѣдъ былъ отмѣненъ, то поднесеніе зубочистки исключалось изъ церемоніала. Право должно было бездѣйствовать въ данномъ случаѣ. Лордъ Огреби подчинился съ чувствомъ исполненнаго долга: во всякомъ случаѣ, онъ боролся за свои права.

— Я долженъ думать о своихъ дѣтяхъ,—говорилъ онъ съ одушевленіемъ, — такъ какъ въ одинъ прекрасный день банкъ можетъ быть возстановленъ. Теперь онъ везъ домой совершенно новенькій символъ

своего права, заказанный, можетъ быть, слишкомъ поспѣшно, и съ внутренними и наружными футлярами онъ занималъ порядочное мѣсто на верху кареты.

Лордъ Огреби только что обмѣнялся поклономъ съ дамой, ѣхавшей навстрѣчу ему по направленію къ мраморной аркѣ. На ея прекрасномъ лицѣ лежало выраженіе утомленія, еще сильнѣе оттѣнявшее его утонченную красоту. Проѣхавъ въ ворота, ея экипажъ повернулъ на Бэйсуатеръ-Родъ и подъѣхалъ къ невысокой оградѣ, по правую сторону, на нѣсколько сотъ ярдовъ дальше. Кучеръ былъ отпущенъ съ приказаніемъ вернуться черезъ часъ.

Вышедшая изъ экипажа дама была Августа, герцогиня Аллонби, остававшаяся въ городѣ изъ-за коронаціи, какъ и всѣ прочіе. Это мѣстечко было ея любимымъ уголкомъ, куда она забиралась помечтать наединѣ, и которымъ она была обязана щедрости другой женщины, уже умершей. Это была маленькая часовенка, вродѣ монастырской кельи, гдѣ никогда не производилось богослуженія, и поэтому ничто не могло помѣшать самоуглубленію.

Снаружи—шумная улица, внутри—безмолвіе пустыни.

На дверяхъ была надпись: «Проходящіе по шумнымъ улицамъ Лондона, входите въ это святилище для отдыха, молчанія и молитвы».

И дальше: «Вамъ все равно, о вы, проходящіе мимо? Войдите и отдохните. Углубитесь въ себя и будьте молчаливы».

Герцогиня не сразу вошла въ часовню. Кивнувъ головою одинокому сторожу у дверей, она прошла по галлереѣ въ большой садъ позади нея, незамѣтный со стороны улицы. Садъ вполнѣ подходилъ къ часовнѣ—это былъ садъ мертвыхъ. но уже много лѣтъ ихъ покой не нарушался водвореніемъ новаго жильца. Они, должно быть, наслаждались своимъ исключительнымъ положеніемъ — это были покойники изъ прихода св. Георгія, изъ Ганифоръ-Сквера. Потомство не было равнодушно къ ихъ удобствамъ. Ихъ могильныя плиты были сняты, точно имъ желали облегчить трудъ въ день страшнаго суда, и теперь все было готово въ ожиданіи трубы архангела или лома подрядчика-спекулятора. Одинъ изъ памятниковъ гласилъ, что бѣднякъ Лауренсъ Стернъ заснулъ здѣсь послѣ утомленій своего странствія. Но это была постель лишь на одну ночь. Вычурная надпись ничего не говорила о кладбищенскихъ ворахъ, которые, въ должное время, выкрали его трупъ. Этотъ дѣятельный духъ даже въ могилѣ не нашелъ успокоенія!

Августа обошла кругомъ кладбище и вошла въ часовню. Сначала она была совсѣмъ одна, такъ какъ Лондонъ мало пользуется этой особой милостью благочестивой основательницы. Черезъ нѣсколько времени на цыпочкахъ вошелъ сѣдой старикъ; одна рука его была

на перевязи, а другою онъ закрылъ себѣ лицо; вѣроятно, онъ, также какъ она, спасался отъ слишкомъ большого уличнаго оживленія. Очевидно, онъ былъ погруженъ въ свои думы и не замѣтилъ ея присутствія.

Августа предпочла бы одиночество. Просто удивительно, какъ мало мы вообще можемъ имъ пользоваться. Всегда около насъ есть кто-нибудь, чье-нибудь любопытное ухо или испытующій взглядъ. Обязанность дѣлить постель и столъ со всѣмъ человѣчествомъ иногда бываетъ слишкомъ обременительна. Мы должны собираться вмѣстѣ даже для молитвы. Мы живемъ въ толпѣ, думаемъ съ толпою и только рѣдко бываемъ такъ счастливы, что вблизи насъ не находится ни одного человѣческаго существа. И даже въ данномъ случаѣ ихъ изображенія на стѣнахъ окружали Августу. Это прекрасно со стороны священнаго искусства—говорить намъ о бывшихъ нѣкогда событіяхъ, но лучше было бы оставлять ихъ побольше въ покоѣ. Общество пророковъ, грозящихъ судомъ, слишкомъ подавляюще и шумно, слишкомъ ревностные, хотя и торжествующіе апостолы съ ихъ энергичной проповѣдью кажутся намъ излишними въ подобныхъ положеніяхъ. Пророкъ въ пустынѣ, другой пророкъ подъ деревомъ, апостолъ мира въ кельѣ были бы совершенно достаточны для подобнаго созерцанія, «не имѣющаго выраженія, сходства, образа или лица» и все само въ себѣ заключающаго.

Итакъ, Августа закрыла глаза и погрузилась въ размышленія. Сердце ея болѣло. Ея глубокая и искренняя скорбь послѣ смерти Розы постепенно перешла во что-то похожее на личное разочарованіе. Она вступала въ свою новую жизнь съ такими свѣтлыми надеждами, и чѣмъ все это кончилось! Сначала она думала принять существующую систему и жить сообразно съ ней. Но это не удалось ей, когда она увидѣла, что слѣдствіемъ ея, какъ механическаго закона, являются нищета, зависимость и обезлюдѣніе. Тогда она попробовала самонадѣянно передѣлать ее, и эта ея надежда теперь покоилась въ могилѣ. Система одержала надъ нею болѣе блестящую побѣду, чѣмъ надъ всѣми прочими, вмѣстѣ взятыми. Единственная роль, оставшаяся ей теперь, была незначительная роль руководительницы моды и украшеніе страны. Что за коммиссія всегда служить примѣромъ въ разныхъ пустякахъ и быть однимъ изъ типичныхъ экземпляровъ націи, погибающей отъ старанія подражать высокопоставленнымъ классамъ.

— Старый порядокъ, старые обычаи, старая вѣра—какое жалкое зрѣлище барахтаться среди нихъ, сознавая, что они потеряли всякій смыслъ для современныхъ мужчинъ и женщинъ. День въ школѣ м-ра Рейфа—вотъ подготовка къ ударамъ нашей современной жизненной борьбы!

День въ церкви м-ра Рэйфа! Право, нѣкоторыя религіи не лучше

нѣкоторыхъ возбуждающихъ средствъ! Голландское мужество всѣхъ этихъ обрядовъ противъ пытки нищеты, болѣзней и смерти! И большинство изъ нихъ такіе отжившіе, какъ будто главной задачей науки всѣхъ наукъ не является постоянное обновленіе, болѣе широкій взглядъ на природу, усовершенствованіе ума и души. Благодаря Бога, никогда еще ни одна церковь не оставалась одной и тою же въ теченіе двухъ столѣтій, даже двухъ поколѣній. Человѣческія религіи многочисленны, какъ волосы на головѣ, и это неизбѣжно. А м-ръ Рейфъ такъ старается усовершенствовать насъ при помощи молитвенника, выпущеннаго третьяго дня!

Лучъ свѣта, проникшій сквозь стеклянный потолокъ, скользнувъ сначала по лицу написаннаго на стѣнѣ апостола, остановился на лицѣ мученика. Больше ничего не случилось. Незнакомецъ былъ погруженъ въ свои мечты, и поведеніе его было выше всякой похвалы. Отъ времени до времени онъ поглаживалъ свою раненую руку, и ни разу не взглянулъ въ сторону Августы.

«А иногда надо вѣдь быть справедливой, — размышляла она, — какъ ничтожны новыя открытія, когда маленькіе островки принимаютъ за новые материки! Наше избранное общество, трогательно хлопочущее подъ предводительствомъ американцевъ, старается примѣнить правила игры въ прятки къ отношеніямъ людей къ ихъ Создателю. Они признаютъ только религіи, удовлетворяющія жаждѣ чудеснаго, легковѣрному чувству, не предъявляя никакихъ досадныхъ требованій къ чувству долга. Модная вѣра безъ скрижалей горы Завѣта. Выдуманныя таинства соединились съ правомъ поступать такъ, какъ вамъ благоразсудится. Жизнь въ видѣ машины. Автоматическое леченіе пьянства, и лечебныя ванны для слабости воли. Интересныя поиски недостающихъ способностей, украденныхъ или утраченныхъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ.

«Гостиныя, полныя «остроносыми», старающимися пробудить энергію въ своихъ малокровныхъ организмахъ въ надеждѣ напасть на слѣдъ своего утеряннаго здраваго смысла. Почему не дать наилучшаго употребленія тому, что у васъ еще осталось? Маркъ слишкомъ добросовѣстно старался перечислить все то, чѣмъ онъ обязанъ мудрымъ. Онъ забылъ, что онъ обязанъ также и дуракамъ, которые научили его, надъ чѣмъ надо смѣяться и чего надо гнушаться. Бѣдные «остроносые»! Отъ исхода ихъ борьбы съ тупоносыми зависитъ благополучіе Англіи и всего рода человѣческаго! Исторія лишь повѣствованіе о ихъ превратностяхъ судьбы. «Остроносые» весело пожили въ Италіи во времена возрожденія и, какъ мы знаемъ, ихъ эмблема гордо загибалась кверху отъ сознанія успѣшнаго стремленія къ міровому господству. Но пришли и худыя времена! И теперь настало время: Англія готовится побѣдить и растоптать худшую ихъ часть у себя

подъ ногами. Будемъ вѣрить въ свою расу!» Прожужала муха и нарушила настроеніе всей сцены. Это вѣдь былъ шумъ своего рода. Августа мысленно зашикала на нее съ самыми лучшими результатами и, послѣ такого блестящаго доказательства могущества воли, продолжала мечтать.

Въ это время и незнакомецъ не оставался празднымъ. Онъ не произнесъ ни слова и не подавалъ никакихъ признаковъ жизни, кромѣ случайнаго поглаживанія раненой руки. Онъ, также какъ и его сосѣдка, думалъ свою думу, но, по неизъяснимымъ законамъ симпатіи, его мысли приняли почти то же теченіе, что и ея.

Вотъ что онъ говорилъ самому себѣ: «Истинныя превосходства весьма рѣдкая вещь повсюду. Цѣлые отдѣлы церквей и государствъ погибаютъ отъ неимѣнія ихъ, и всѣ попечители не много пользы принесутъ Англіи, когда настанетъ ея судный день. Я помню баранью тушу, выставленную передъ Рождествомъ въ лавкѣ мясника съ карточкой, гласившей, что за нее полученъ почетный отзывъ въ Айлингтонѣ. Но ея горло свидѣтельствовало, что съ этимъ барономъ было поступлено нисколько не лучше, чѣмъ съ обыкновенными баранами, висѣвшими рядомъ безъ всякихъ знаковъ отличія. И торжественную жертву безъ сомнѣнія такъ же грубо тащили на смерть и такъ же безжалостно растянули подъ ножомъ мясника. Воображаю, какъ жалостно она кричала: «подумайте о томъ, что вы дѣлаете! Я получилъ первую награду на выставкѣ скотоводства!» Но увы, теперь она была просто баранъ, и больше ничего!»

Въ слѣдующемъ своемъ заключеніи онъ почти коснулся мыслей Августы. «Америка, эта лучшая изъ теперешнихъ націй, безъ сомнѣнія была прежде Англіей. Но бойтесь прибоя! Что вы собираетесь американизировать? Спичечныя фабрики и желѣзныя дороги—съ ними уже покончено, но что вы скажете объ общественной справедливости? Америку снѣдаетъ гордость жизни, мысль, что Европа ждетъ своего предводителя. Поведете ли вы ее и себя дальше или вернетесь въ материнскія объятія? Прежде надежда націй, теперь только ихъ союзница и завоевательница, это двѣ весьма различныя вещи! Деньги теперь всемірное мѣрило: проповѣдники и поэты печатаютъ въ газетахъ о своихъ доходахъ, чтобы всѣ могли видѣть, какъ выгодна ихъ профессія. Не меньше богатства или удобствъ для всѣхъ, но лучшая доля для нѣкоторыхъ. Что вы будете дѣлать съ обратной посылкой?

«Придите и помогите какъ можно скорѣе, хотя бы ради того, что вы себѣ помогаете. Обществу вездѣ уже произнесли смертный приговоръ за неправильное распредѣленіе богатства: пышность и лишенія превышаютъ нормальныя границы, и результатомъ этого является безжизненность души и обезсиленіе тѣла. Что касается послѣдняго — взгляните на фабрики и на «далекія поля битвы».

«Трогателены, но и безумны также тѣ праздные богачи, которые теперь такъ настойчиво ратуютъ за кремацію, въ напрасной надеждѣ надуть ангела воскресенія. Честное слово, онъ съумѣетъ разыскать тѣло, да еще прочитаетъ соотвѣтственную нотацію. Кремація вещь хорошая, но только сама по себѣ.

«Можетъ ли кто-нибудь дать Англіи новый типъ молодого человѣка, гордость всей націи? Правительство можетъ предложить премію. Высшія отмѣтки за скромность, простоту, серьезность, начитанность въ стоющихъ предметахъ и умѣніе справляться со всѣми жизненными случаями. Главное условіе—возможно большее различіе съ олухами. 1 разрядъ—молодые люди хорошихъ семей; 2—офицеры и джентельмены; 3—чиновники; 4—сыновья труды. Особыя преміи для подходящихъ къ нимъ молодыхъ дѣвушекъ.

«Новый человѣкъ крайне необходимъ вездѣ. А пока помочь можетъ мелкій приказчикъ. Бейте, по выслушайте: онъ не требователенъ, трудолюбивъ, обязателенъ и почти придворно-учтивъ. Вся его жизнь воспитываетъ эти качества на основаніи самоотреченія и самообладанія. Онъ, какъ добрая почва, разрыхленная бороною. Мудрое законодательство должно было бы позаботиться, чтобы каждый ребенокъ, вступая въ жизнь, побывалъ подъ бороною. Борона гораздо полезнѣе ланцета. Точно также и маленькія продавщицы (предпочтеніе отдается тѣмъ, которыя берутся за всякую работу и имѣютъ не менѣе десяти сестеръ и братьевъ дома)—истинная надежда націи. Онѣ не думаютъ о пустякахъ, изъ-за которыхъ погибаетъ деревня. Онѣ видятъ жизнь, какъ она есть, привыкли къ труду, умѣренности, простотѣ, малымъ требованіямъ. Барство убиваетъ половину изъ насъ, а франтовство—другую. Наши современныя дѣвицы стремятся занимать должности въ почтовыхъ конторахъ и другихъ учрежденіяхъ, и это очень похвально, но нужно совѣтовать имъ, чтобы они не слишкомъ любовались собою и ежедневно утромъ и вечеромъ молились о дарованіи имъ смиренія. Принудительные браки между ними и молодыми землекопами хорошаго поведенія достойны вниманія, какъ крайняя мѣра, но браки съ молодыми мускулистыми язычниками, поклоняющимися гребному спорту и игрѣ въ мячъ, достойны всяческаго поощренія.

«Совершенно необходимо, въ интересахъ специальнаго порядка, полная реорганизація нашей черни. Возможность возмущенія съ ихъ стороны—вѣдь это просто ужасъ! Подумайте только, если имъ удастся найти второго Спартака и возстать противъ своихъ господъ и владыкъ! Феодальную систему выдумали умные люди при посредствѣ вѣковъ и обстоятельствъ, а негодяи дрожатъ отъ ярости, что они присвоили себѣ всѣ блага жизни въ видѣ вознагражденія за свое предводительство. «Вѣдь и у насъ такіе же желудки, какъ у васъ, почему же заставлять насъ такъ ужасно страдать за то, что у насъ нѣтъ мозговъ?»

*

Если имъ даже и не удастся найти своего Спартака, они восполнятъ этотъ недостатокъ своимъ числомъ; какъ стадо овецъ, возмутившееся противъ собаки и рѣшившееся не жалѣть о клочкахъ вырванной шерсти. Конечно, ихъ ждетъ пораженіе, но что за опустошеніе они произведутъ прежде!

«Можетъ быть, съ экономической точки зрѣнія гораздо выгоднѣе и благоразумвѣе было бы допустить и ихъ къ пирогу. «Пустите насъ, или мы разрушимъ вселенную!»--вотъ ихъ боевой кличъ».

Мысль Августы отвлеклась въ сторону. «Какъ умилительны эти бѣдные шотландскіе и американскіе студенты, которые между двумя семестрами нанимаются въ рабочіе на поляхъ, въ носильщики, грузовщики и изво зчики! Право, слѣдовало бы открыть двери Оксфорда людямъ подобнаго закала, не безпокоя м-ра Родса».

Незнакомецъ вновь подхватилъ мысль этой заокеанской дочери Англіи: «Наша пишущая братія, вслѣдъ за Колумбомъ современной философской литературы Э. Дж. Пэномъ, дѣлаетъ новыя и серьезныя попытки вновь открыть Америку. Моръ, и Монтань, и Шекспиръ видѣли, что механизмъ феодализма износился, и что намъ нужно переплыть океанъ за запасомъ правды и природныхъ силъ, а не стараться вновь вдалбливать второму поколѣнію тамошнихъ аборигеновъ тѣ уроки, которые они сами спѣшатъ забыть. Со всѣми своими недостатками Америка все-таки страна великихъ идей. Мы должны догнать и перенять ее, чтобы достигнуть высокихъ степеней. Они перещеголяли насъ своимъ дерзкимъ любопытствомъ обо всемъ подъ луной, до ихъ собственныхъ душъ включительно. Они въ настоящее время стараются создать новую религію, и даже если эта попытка и не удастся, то она все же дастъ драгоцѣнные результаты, какъ экспериментъ въ новой области.

«Вотъ хотя бы эта пасхальная метафизика достойнаго епископа, что грѣхъ и смерть смущены и уничтожены чудомъ! Онъ съ огорченіемъ признается, что «церковь не обладаетъ имъ». Да развѣ это возможно, добрый человѣкъ? Она не признаетъ фактовъ современнаго страданія, современнаго недовольства; намъ нуженъ новый порядокъ. Но не смущайся: до тебя были сотни другихъ, и каждый изъ нихъ былъ болѣе или менѣе компетентенъ и поэтому въ свое время правъ. А послѣ тебя будутъ еще тысячи.

«Попробуйте братство соціальной справедливости, но братство свѣтское, а не монастырское. Отшельники въ торговыхъ заведеніяхъ и людныхъ гостиныхъ, старающіеся постигнуть, какъ вести праведную жизнь и внести свободу, равенство и братство въ ежедневный обиходъ. Пусть они взаимно ручаются другъ за друга, произнося свои обѣты, будутъ сотрудниками въ любви; довѣренными сердца, монополистами человѣколюбія, самопожертвованія, самообладанія; пусть ве-

дутъ свѣтскую жизнь, но въ благороднѣйшихъ ея проявленіяхъ, и служатъ духу въ храмахъ, которыми сдѣлаются ихъ дома.

«Но не надо слишкомъ сложной организаціи. «Планъ молнія»—названіе съ дурнымъ предзнаменованіемъ. Въ наши дни все, что касается духовной жизни, такъ строго сортируется и разграничивается, все это такъ далеко, такъ недостижимо. Римъ и Ламбетъ служатъ райскими конторами! Поменьше красныхъ нитокъ!

«Дайте людямъ искать своего счастья на землѣ и въ другихъ полезныхъ вещахъ. Дайте землю народу безъ кровавой революціи, если только вы на ней не настаиваете. Сломите земельную аристократію, старую и новую, или выкупите ее. Лиддикотъ и его свѣтлость герцогъ Аллонби совсѣмъ готовы въ царство небесное; Кнеби тоже уже готовъ для другого мѣста. Когда государство станетъ собственникомъ и будетъ отдавать землю въ аренду за справедливую цѣну, каждый будетъ имѣть возможность использовать столько земли, сколько ему подъ силу. Всякое другое владѣніе, всякій другой способъ отдачи въ аренду —преступленіе передъ человѣчествомъ».

Августа была вполнѣ готова подхватить припѣвъ, и неизвѣстно, сколько времени продлился бы еще между ними этотъ молчаливый хоралъ. Но въ это время вошелъ сторожъ и, сдѣлавъ герцогинѣ знакъ, протянулъ руку за ожидаемымъ шилингомъ и не напрасно. Надо было уходить; экипажъ герцогини Аллонби стоялъ у дверей.

Герцогъ ожидалъ ее.

— Мнѣ везетъ,—сказалъ онъ.—Я искалъ тебя въ аллеѣ и встрѣтилъ твой экипажъ.—Несмотря на веселый тонъ, ему, видимо, было не по себѣ.

— Я пригласилъ его обѣдать сегодня, Августа, чтобы ужъ избавиться отъ этой непріятности. Ты не сердишься? Больше никого не будетъ.

— А кто же этотъ «нѣкто»?

— Ну, конечно, Кнеби, вѣдь ты же знаешь.

Это была капитуляція.

— Какъ тебѣ угодно, Генри,—и она отвернулась, чтобы скрыть отъ него выраженіе неудовольствія.

Въ развѣвающихся флагахъ, въ уличномъ шумѣ и въ грохотѣ экипажей чувствовалось что-то ужасающее. Былъ ли это конецъ эпохи—гибель стараго порядка и начало новаго, явившагося ему на смѣну? Предзнаменованія были не всѣ благопріятны. Небо внезапно заволоклось тучами, казалось, надвигалась буря.

Другой экипажъ стоялъ у рѣшетки часовни, къ великому негодованію герцогскаго кучера. Это было странное сооруженіе, поставленное на подводу, точно для починки, и, очевидно, недавно сильно пострадавшее. Августа сразу узнала желтый фургонъ. Въ эту минуту на

улицу вышелъ незнакомецъ, шагая прямо и бодро, какъ солдатъ, идущій на приступъ, и кивкомъ головы далъ знакъ человѣку, державшему лошадь подъ узцы, двигаться дальше.

Это былъ старикъ Редмондъ, а фургонъ послужилъ вступительной темой для разговора.

— Съ вами случилось несчастье?

— Какъ вамъ сказать, герцогиня? — И онъ дотронулся рукою до шапки.

Она вздрогнула.

— Голова разбита и еще кое-что попорчено, а фургонъ поломанъ въ стычкѣ, устроенной хищниками, захватывающими землю. Но мы оба починимся и опять пойдемъ въ дѣло. Такіе случаи входятъ въ наши дорожныя правила.

— Бѣдный!

— Я не нуждаюсь въ сожалѣніи; мы все-таки завоюемъ Англію для англійскаго народа.

И они разъѣхались—раненый ветеранъ отправился въ свой обычный походъ, герцогиня Аллонби—обѣдать съ м-ромъ Кнеби. Она вздохнула: невозможно было не почувствовать разницу въ достоинствѣ ихъ судебъ.

Она бросила послѣдній взглядъ на фургонъ: онъ былъ освѣщенъ яркимъ лучомъ, прорвавшимся сквозь темныя тучи.

Конецъ.

Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Удѣльная Русь (XIII, XIV, XV и первая половина XVI вѣка).

(*Окончаніе* *).

Глава пятая.

Церковь и духовенство.

Общій выводъ, получившійся у насъ въ свое время при изученіи исторіи церкви, какъ учрежденія, и духовенства, какъ общественной группы, въ древнѣйшій, кіевскій періодъ русской исторіи, заключался въ томъ, что церковный строй и организація духовенства всецѣло сложились тогда подъ вліяніемъ политическихъ потребностей и интересовъ, отразили на себѣ политическое устройство страны. Сейчасъ мы убѣдимся, что этотъ общій выводъ справедливъ и по отношенію къ удѣльному періоду.

Вліяніе политическихъ условій сказалось, прежде всего, въ отношеніи русской церкви къ константинопольскому патріарху. Мы видѣли, что въ кіевскій періодъ русская церковь не была автокефальной, самостоятельной, что и выражалось въ поставленіи кіевскихъ митрополитовъ греческимъ патріархомъ въ Константинополѣ и притомъ обыкновенно изъ грековъ, въ правѣ патріарха судить митрополита и разбирать дѣла по апелляціи на приговоры послѣдняго. Константинопольскіе патріархи пытались и въ удѣльное время поддержать эти традиціи, и до 1461 года имъ это въ значительной степени удавалось: митрополиты поставлялись въ Константинополѣ и чаще всего изъ грековъ или южныхъ славянъ. Причина этого—ясна: она заключалась въ политической слабости сѣверо-восточныхъ русскихъ князей. Но съ ростомъ политическаго могущества великихъ князей московскихъ стало неизбѣжно слабѣть и подчиненіе русской церкви византійскому патріарху: въ сущности право суда надъ митрополитомъ и разбора дѣлъ по апелляціи на его приговоры было довольно рано утрачено патріархомъ, обратилось въ пустую фикцію, въ форму, лишенную реальнаго

*) См. „Міръ Божій“, № 11, ноябрь 1904 г.

содержанія; затѣмъ все болѣе частыми становятся факты поставленія въ митрополиты русскихъ, такъ что, когда по смерти митрополита Өеогноста въ 1354 году былъ посвященъ въ митрополиты въ Константинополѣ русскій—св. Алексѣй, то греки при этомъ сочли необходимымъ сдѣлать оговорку, что Алексѣй поставленъ въ видѣ исключенія, а впредь митрополиты на Руси должны быть непремѣнно изъ грековъ; оговорка, впрочемъ, осталась совершено безрезультатной: митрополиты изъ русскихъ появлялись на каѳедрѣ, несмотря на эту говорку, все чаще и чаще. Константинопольскій патріархъ тѣмъ менѣе могъ противится тенденціи русской церкви къ автокефальности, что его епархія уменьшилась въ размѣрахъ и бѣднѣла, и онъ становился въ матеріальную зависимость отъ русской церкви: со временъ митрополита св. Петра (1308—1326 годы) русская церковь стала приносить константинопольскому патріарху добровольные дары. Наконецъ, въ 1461 году, по смерти митрополита Іоны, безъ всякихъ сношеній съ Константинополемъ былъ поставленъ, по повеленію великаго князя, митрополитъ Өеодосій, такъ что съ этого времени русская церковь сдѣлалась автокефальной, независимой отъ константинопольскаго патріарха. Эта автокефальность нашла себѣ выраженіе въ торжественномъ поставленіи митрполитовъ по особому чину, сходному съ чиномъ поставленія греческаго патріарха. Въ первый разъ торжествеенно поставленъ былъ на митрополію митрополитъ Симонъ при Иванѣ III въ 1495 году.

Политическими причинами обусловливались и переселеніе кіевскаго митрополита на сѣверо-востокъ, и неоднократно производившіяся въ теченіе удѣльнаго періода попытки раздѣленія русской митрополіи на двѣ и даже на три митрополіи, совершенно независимо одна отъ другой. Послѣдняго вопроса мы коснемся, впрочемъ, позднѣе, при изученіи исторіи западной и юго-западной Руси въ удѣльное время, а теперь обратимъ вниманіе лишь на переселеніе кіевскаго митрополита въ сѣверовосточную Русь. Когда, во время нашествія Батыя, кіевскій митрополитъ Іосифъ, пропалъ безъ вѣсти, то новый митрополитъ Кириллъ III не остался въ Кіевѣ, но не имѣлъ постоянной резиденціи, а переѣзжалъ изъ сѣвернаго политическаго центра Владиміра на-Клязьмѣ въ возвысившійся на юго-западѣ Галичъ и обратно, большую часть времени проводя, однако, во Владимірѣ. Преемникъ Кирилла III митрополитъ Максимъ сначала также переѣзжалъ изъ города въ городъ, пока, наконецъ, въ 1300 году не поселился окончательно во Владимірѣ, причемъ кіевская епархія не получила особаго архіерея, а управлялась митрополичьимъ намѣстникомъ изъ духовныхъ лицъ. Въ 1305 году умеръ митрополитъ Михаилъ. Великій князь тверской Михаилъ Ярославичъ, владѣвшій тогда Владиміромъ, выставилъ кандидатуру на митрополичью каѳедру игумена Геронтія, имѣя, конечно, въ виду создать въ лицѣ его покорнаго ис-

полнителя своей воли. Но эта кандидатура столкнулась съ другой: южный, галицкій великій князь Юрій Львовичъ просилъ поставить для Галича особаго митрополита Петра. Константинопольскій патріархъ, не желая дѣлить митрополію, но имѣя въ то же время въ виду хоть сколько-нибудь удовлетворить желаніямъ Юрія, поставилъ его кандидата митрополитомъ всея Руси. Но тверскіе великіе князья остались недовольными этимъ и митрополиту Петру, положеніе котораго во Владимірѣ сдѣлалось поэтому очень труднымъ, пришлось искать себѣ политической опоры въ другомъ мѣстѣ. Такую опору онъ нашелъ во врагахъ тверскихъ князей—князьяхъ московскихъ, особенно въ Иванѣ Калитѣ. Петръ очень часто ѣздилъ въ Москву, живалъ въ ней подолгу и, склоняясь на просьбы Калиты, завѣщалъ похоронить себя въ Москвѣ, чѣмъ и было подготовлено перенесеніе сюда митрополичьей резиденціи, совершившееся при преемникѣ св. Петра Ѳеогностѣ въ 1328 году.

Въ половинѣ XIII вѣка во всей Россіи—южной и сѣверной было 16 епархій; къ концу періода однѣ епархіи закрывались, открывались другія (какъ Пермская, Сарайская, находившаяся въ ханской столицѣ Сараѣ; съ 1454 года когда фактически она была уничтожена, сарайскій епископъ переѣхалъ въ Крутицы и сталъ какъ бы викаріемъ митрополита). Потомъ общее число епархій дошло до 18-ти, изъ которыхъ 9 было въ сѣверной Россіи и 9 въ южной. Титулъ архіепископа носили архіереи новгородскіе, суздальскіе и ростовскіе.

Дворъ митрополита и архіереевъ вообще, а также церковное управленіе отражали на себѣ свѣтскіе придворные и административные порядки изучаемой эпохи: у митрополита были свои бояре, отроки, стольники, конюшіе и т. д., свой полкъ съ особымъ воеводой. Судъ по духовнымъ дѣламъ принадлежалъ большею частью духовнымъ лицамъ—протопопамъ и архимандритамъ, но для суда надъ церковными людьми по дѣламъ гражданскимъ существовали у архіереевъ свѣтскіе слуги—десятинники, завѣдывавшіе десятинами, т.-е. округами, состоявшими изъ нѣсколькихъ приходовъ, волостели, управлявшіе отдѣльными церковными волостями, и посельскіе, вѣдавшіе села. Десятинники завѣдывали также сборомъ разныхъ податей съ духовенства въ пользу архіереевъ. Соборные протопопы въ большихъ городахъ (по крайней мѣрѣ въ Москвѣ) имѣли нѣкоторую власть надъ причтами приходскихъ церквей. Но и здѣсь, какъ и въ управленіи государствомъ, было мало порядка, опредѣленности и постоянства: большею частью давались лишь отдѣльныя временныя порученія, постоянное же вѣдомство отдѣльныхъ органовъ церковнаго управленія слагалось чрезвычайно медленно.

Монашество, какъ религіозно-нравственное явленіе, и причины его распространенія будутъ выяснены въ свое время, при изученіи духовной культуры сѣверо-восточной Россіи въ удѣльный періодъ. Теперь мы отмѣтимъ только нѣкоторые важнѣйшіе факты, касающіеся

монастырей, какъ учрежденій. Общее число монастырей къ концу удѣльнаго періода было не менѣе, если не болѣе, двухсотъ. Въ удѣльное время сложились два основныхъ типа монастырей: господствующимъ типомъ были монастыри общежительные, въ которыхъ предполагались полный отказъ монаховъ отъ частной собственности и особаго хозяйства, совмѣстная жизнь, господство устава, до мелочныхъ подробностей регламентирующаго и образъ жизни, и исполненіе религіозныхъ обязанностей; менѣе распространены были необщежительные монастыри, пустынножительные скиты, когда каждый монахъ жилъ и даже молился особо за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ, и строгой регламентаціи не существовало. Монастыри второго типа распространены были только на сѣверѣ, къ сѣверу отъ Волги, почему и обитатели ихъ получили названіе «заволжскихъ старцевъ». Монастыри были мужскіе или женскіе, а иногда и общіе — мужскіе и вмѣстѣ женскіе. Церковно-административное положеніе большихъ и малыхъ монастырей было неодинаково: малые монастыри находились въ подчиненіи не только мѣстной епархіальной власти, но иногда и большимъ монастырямъ, тогда какъ эти послѣдніе нерѣдко становились въ независимое положеніе къ мѣстному епископу и подчинялись непосредственно митрополиту, т.-е. дѣлались митрополичьими ставропигіальными монастырями. Такъ, въ концѣ XV в. Іосифъ Санинъ, основатель Іосифова Волоколамскаго монастыря, добился изъятія своего монастыря изъ-подъ власти архіепископа новгородскаго, и монастырь былъ подчиненъ, по его настояніямъ, прямо митрополиту.

Основнымъ памятникомъ церковнаго законодательства считался попрежнему греческій «Номоканонъ» или «Кормчая книга». Надо, однако, замѣтить, что и въ удѣльный, какъ и въ древнѣйшій, періодъ нормы византійскаго каноническаго права, изложенныя въ «Кормчей», далеко не вполнѣ подходили къ русской дѣйствительности и потому подвергались въ наиболѣе существенныхъ своихъ чертахъ дополненіямъ и измѣненіямъ. Измѣненія и дополненія находятся въ ханскихъ ярлыкахъ, въ уставныхъ и жалованныхъ грамотахъ великихъ и удѣльныхъ князей и въ соборныхъ приговорахъ или постановленіяхъ духовенства. Первый изъ ханскихъ ярлыковъ (=грамотъ) — это ярлыкъ Менгу-Темира, данный, всего вѣроятнѣе, въ 1279 году. Кромѣ провозглашенія общаго принципа вѣротерпимости, огражденія религіи, церкви и ея служителей отъ всякаго рода хулы и оскорбленій, ярлыкъ Менгу-Темира заключаетъ въ себѣ податныя льготы духовенству: духовенство освобождается отъ дани, пошлинъ и повинностей; церковные слуги и холопы свободны также отъ исполненія повинностей; земли, принадлежащія церковнымъ учрежденіямъ. объявляются неприкосновенными. Другіе ханскіе ярлыки дополнили финансовыя льготы льготами судебными, предоставивъ духовенству право суда надъ церковными людьми по всѣмъ безъ исключенія дѣламъ. Не трудно замѣтить,

что ханскіе ярлыки въ сущности не создавали ничего новаго, а формулировали письменно тѣ нормы обычнаго права, которыя давно уже существовали и развивались на Руси. Можно, однако, думать, что духовенство далеко не удовлетворялось этими обычными привилегіями и ставило себѣ задачей ихъ возможно большее расширеніе. Выраженіемъ такихъ стремленій явились такъ называемые церковные уставы св. Владиміра и Ярослава, недостовѣрность которыхъ была уже указана и доказана на основаніи спеціальной литературы въ первой части нашего труда, посвященной исторіи кіевской Руси. Такимъ образомъ названные сейчасъ церковные уставы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть причислены къ памятникамъ церковнаго законодательства, хотя они и включались въ «Кормчую»: это—памятники церковно-политической, клерикальной идеологіи, попытки построить идеалъ церковнаго строя, какъ онъ представлялся наиболѣе крайнимъ сторонникомъ господствующаго положенія церкви въ человѣческомъ обществѣ. Такой идеалъ, однако же, совершенно не подходилъ къ реальнымъ условіямъ русской общественной и государственной жизни удѣльнаго періода, и чѣмъ далѣе развивалась эта жизнь по мѣрѣ приближенія къ концу періода, тѣмъ рѣшительнѣе и рѣзче выступало на видъ это несоотвѣтствіе. Вотъ почему идеалъ не былъ осуществленъ, и даже тѣ обширныя привилегіи, которыя нашли себѣ выраженіе въ ханскихъ ярлыкахъ и въ раннихъ жалованныхъ грамотахъ князей, подверглись сильнымъ ограниченіямъ въ позднѣйшихъ княжескихъ уставахъ. Мы имѣемъ, напр., уставную грамоту великаго князя Василія Дмитріевича, данную митрополиту Кипріану въ 1404 году. Здѣсь финансовыя льготы сильно ограничены: люди, живущіе въ митрополичьихъ владѣніяхъ, обязываются платить ордынскій выходъ, т.-е. татарскую дань, ставить лошадей на ямы, платить тамгу при торговыхъ операціяхъ (за нѣкоторыми, впрочемъ, исключеніями) и служить на войнѣ въ митрополичьемъ полку. Кромѣ того, митрополитъ лишенъ права ставить въ священники и діаконы служилыхъ и тяглыхъ людей, а сынъ священника, отдѣлившійся отъ отца, объявляется уже человѣкомъ великаго князя. Изъ собственно-церковныхъ постановленій замѣчательны, во-первыхъ, «правило» владимірскаго собора 1274 года, во-вторыхъ, постановленія митрополитовъ св. Петра и Фотія о вдовыхъ священникахъ и, въ-третьихъ, рѣшенія собора 1503 года по вопросамъ о преслѣдованіи еретиковъ и о церковныхъ земляхъ. Владимірскій соборъ 1274 года имѣлъ въ виду уничтожить симонію при замѣщеніи церковныхъ должностей; установлена была общая плата епископу въ 7 гривенъ за возведеніе вмѣстѣ въ діаконы и въ священники, а остальные поборы— плата за назначеніе священниковъ на опредѣленное мѣсто и за поставленіе въ игумены («посошное» — отъ игуменскаго посоха) — были отмѣнены; кромѣ того, запрещено было духовенству заставлять нищихъ, жившихъ при церквахъ, работать на

причтъ и епископа. Надо, впрочемъ, замѣтить, что бóльшая часть этихъ рѣшеній такъ и осталась въ области благихъ пожеланій. Митрополиты св. Петръ и Фотій совершенно запретили вдовымъ священникамъ совершать таинство и требовали отъ нихъ постриженія въ монастырь, если они хотятъ сохранить за собою право священнослуженія. Наконецъ, соборъ 1503 г. высказался за строгое, безпощадное преслѣдованіе еретиковъ, за пытки, ссылки и казни ихъ, и торжественно подтвердилъ право церковныхъ учрежденій владѣть земельнымъ имуществомъ.

Духовенство удѣльной Руси находилось въ сильнѣйшей зависимости отъ государства и общества. Низшее духовенство, согласно канонамъ выбиралось прихожанами, но этотъ выборъ все чаще и чаще становился фикціей, превращаясь въ простую санкцію воли мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ; эти послѣдніе нерѣдко позволяли себѣ при этомъ большія злоупотребленія: напр., добивались отъ епископовъ поставленія въ священники своихъ холоповъ и пользовались этимъ, чтобы извлекать для себя лишніе доходы. Положеніе епископовъ и митрополитовъ по отношенію къ князьямъ было подчиненнымъ, и это подчиненіе постепенно увеличивалось по мѣрѣ усиленія великихъ князей московскихъ. Митрополиты св. Петръ и особенно св. Алексѣй посвящали очень много времени чисто-государственнымъ дѣламъ, содѣйствуя возвышенію Москвы. Послѣ смерти св. Алексѣя, Дмитрій Донской заставилъ поставить въ митрополиты нѣкоего Михаила-Митяя, который правилъ сначала митрополіей безъ посвященія, потому что Донской не хотѣлъ допустить къ себѣ Кипріана, поставленнаго константинопольскимъ патріархомъ изъ митрополитовъ галицкихъ въ митрополиты всея Руси. Затѣмъ Митяй отправился для посвященія въ Константинополь, но въ дорогѣ умеръ. Бывшій въ свитѣ Митяя Пименъ выставилъ себя въ Константинополѣ кандидатомъ великаго князя, и патріархъ его посвятилъ въ митрополиты. Но великій князь не принялъ его и призналъ митриполитомъ Кипріана, однако, не надолго: когда во время нашествія на Москву татарскаго хана Тохтамыша Кипріанъ ушелъ въ Тверь, то Дмитрій Донской прогналъ его и опять призвалъ Пимена. Этотъ эпизодъ наглядно показываетъ, въ какой зависимости отъ великихъ князей московскихъ находились еще въ XIV вѣкѣ русскіе митрополиты. Позднѣе, въ XV и XVI вѣкахъ, зависимость еще болѣе увеличилась: митрополиты Зозима и Симонъ были поставлены, въ сущности, по приказанію Ивана III, выборъ же ихъ соборомъ епископовъ былъ простой формальностью; Василій III назначилъ въ митрополиты Варлаама, но потомъ, недовольный его стремленіемъ къ самостоятельности, лишилъ его каѳедры и возвелъ въ санъ митрополита болѣе угодливаго человѣка — игумена Іосифова Волоколамскаго монастыря Даніила; борьба боярскихъ партій въ малолѣтство Грознаго сильно отражалась на замѣщеніи митрополичьей ка-

ѳедры: такъ какъ митрополитъ Даніилъ былъ сторонникомъ Бѣльскихъ, то Шуйскіе лишили его каѳедры и возвели въ митрополиты Іоасафа; но и Іоасафъ перешелъ на сторону Бѣльскихъ и потому послѣ новаго торжества Шуйскихъ былъ удаленъ ими и замѣненъ Макаріемъ. Простые епископы уже со временъ Василія Темнаго назначались прямо изъ Москвы.

Такова была дѣйствительность. Нельзя, однако же, сказать, чтобы все духовенство съ ней безпрекословно мирилось. Большинство, конечно, покорно склонялось передъ ней и, что особенно характерно, къ этому большинству принадлежали такъ называемые «іосифляне», послѣдовали и ученики волоколамскаго игумена Іосифа Санина. Но самъ Іосифъ иначе смотрѣлъ на отношенія церкви къ государству: онъ, правда, поддерживалъ единодержавіе московскихъ великихъ князей и желалъ вмѣшательства свѣтской власти въ церковныя дѣла, но и единодержавіе, и это вмѣшательство онъ разсматривалъ, какъ средство, орудія въ рукахъ церкви для достиженія ея собственныхъ цѣлей,—для преслѣдованія еретиковъ и обезпеченія церкви земельными богатствами. По этой теоріи, государство должно было служить орудіемъ церкви, а не наоборотъ.

Вопросъ о церковныхъ земляхъ приводитъ насъ уже къ изученію матеріальнаго обезпеченія церкви и духовенства. Монастырскія, архіерейскія и церковныя вотчины составляли, несомнѣнно, главный источникъ содержанія духовенства въ удѣльный періодъ. Но на ряду съ этимъ существовалъ, конечно, и рядъ другихъ источниковъ. По мѣрѣ распространенія и утвержденія христіанства прихожане стали принимать болѣе дѣятельное участіе въ содержаніи духовенства: помимо платы за требы, поступавшей отъ отдѣльныхъ прихожанъ по преимуществу натурой, разными деревенскими продуктами, духовенство обыкновенно получало отъ прихода ругу, т.-е. особый сборъ, состоявшій также въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ изъ натуральныхъ продуктовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда церковь устраивалась княземъ или крупнымъ вотчинникомъ, или помѣщикомъ и находилась подъ его покровительствомъ, руга поступала причту отъ покровителя. Но регулярныя отчисленія изъ княжескихъ доходовъ въ пользу церкви, повидимому, уже не производились. Что касается архіерейскихъ доходовъ, то мы о нихъ уже говорили отчасти, указывая на доходы отъ поставленія священнослужителей. Но кромѣ, того во время, архіерейскихъ поѣздокъ по епархіи духовенство приносило дары и доставляло «подъѣздъ» на содержаніе архіерея со свитой, а также подводы. За церковный судъ духовенствомъ и мірянами платились въ пользу архіереевъ судебныя пошлины. Наконецъ, всѣ церкви епархіи вносили архіерею особую дань, петровскіе и рождественскіе сборы. Основное начало кормленія, столь характерное для политическаго строя удѣльной эпохи, господствовало, слѣдовательно, и въ церковномъ устройствѣ.

Чтобы закончить рѣчь о церкви какъ учрежденіи, остается указать въ заключеніе, что христіанство, еще въ древнѣйшій періодъ распространившееся между всѣми племенами восточныхъ славянъ, въ изучаемое время стало пріобрѣтать послѣдователей и среди инородцевъ. Самымъ выдающимся дѣятелемъ по распространенію христіанства между инородцами былъ въ концѣ XIV вѣка св. Стефанъ Пермскій, просвѣтитель зырянъ. Св. Питеримъ началъ проповѣдь христіанства въ Великой Перми (среднемъ и отчасти сѣверномъ Пріуральѣ); дѣло его довершилъ въ 1462 г. четвертый епископъ Пермскій Іона. Въ XVI в. св. Трифонъ вятскій просвѣтилъ христіанствомъ вогуловъ и остяковъ.

Глава шестая.

Духовная культура сѣверо-восточной Руси съ XIII до половины XVI вѣка.

Изслѣдуя духовную жизнь русскаго общества въ кіевскій періодъ и въ вольныхъ городскихъ общинахъ удѣльнаго времени, мы слѣдовали, какъ помнитъ внимательный читатель, такому порядку изложенія: сначала мы знакомились съ нравственнымъ состояніемъ общества, затѣмъ съ религіозными его чувствами и воззрѣніями, находящимися въ столь тѣсной связи съ господствующею въ обществѣ моралью, далѣе переходили къ чувствованіямъ эстетическимъ, поскольку они отражались въ искусствѣ и литературѣ, потомъ характеризовали умственное состояніе общества—запасъ и систему научныхъ знаній и философскихъ воззрѣній, наконецъ, дѣлались попытки опредѣлить господствующія личности и психическіе типы, чѣмъ выяснялась волевая организація общества. Мы убѣдились при этомъ, что всѣ проявленія духовной культуры—и нравы, и обычаи, и религія, и искусство, и литература, и наука, и философія—являются въ сущности не чѣмъ инымъ, какъ отраженіемъ именно этой волевой организаціи общества, господства въ немъ извѣстныхъ типовъ или характеровъ. Съ другой стороны, мы видѣли, что такая психологическая характеристика обществъ служитъ связующимъ звеномъ между процессами реальной жизни—экономическими, соціальными и политическими—и фактами духовной культуры: реальныя условія—хозяйственныя, общественныя, государственныя—создаютъ извѣстную психологическую организацію общества, преобладаніе опредѣленныхъ характеровъ, а эти господствующіе характеры наряду съ другими, менѣе вліятельными, но все же существующими, опредѣляютъ духовную культуру во всѣхъ ея многоразличныхъ проявленіяхъ.

Эти заключенія, являющіяся результатомъ предшествующаго изложенія, даютъ намъ теперь право нѣсколько измѣнить порядокъ изученія духовной культуры: мы начнемъ теперь съ того, чѣмъ кончали,—съ психологической характеристики общества; это тѣмъ болѣе удобно,

что нравственное состояніе общества неразрывными узами связано съ господствомъ въ немъ опредѣленныхъ психическихъ типовъ, людей извѣстнаго духовнаго склада.

Намъ уже извѣстно, что въ кіевскій періодъ русское общество отличалось полной психической неорганизованностью, отсутствіемъ сколько-нибудь цѣльныхъ, сложившихся личностей и характеровъ. Мы убѣдились затѣмъ, что въ вольныхъ городахъ дѣло не осталось въ прежнемъ положеніи, что тамъ появились люди довольно опредѣленнаго, ясно выраженнаго духовнаго склада. Это же слѣдуетъ сказать о сѣверо-восточной Руси удѣльнаго времени. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что главная масса русскаго народа и въ это время оставалась психически неорганизованной, что на ней всецѣло отражались и ею вполнѣ овладѣвали мимолетныя впечатлѣнія, которыя нерѣдко противорѣчили одно другому и приводили часто къ взаимно-противоположнымъ дѣйствіямъ. Но среди этого хаоса все болѣе замѣтными по мѣрѣ приближенія къ концу періода становятся болѣе или менѣе сложившіеся характеры, стройные, цѣльные и связные психическіе организмы. На первый планъ выдвигаются прежде всего *эгоистическіе характеры*.

Въ самомъ дѣлѣ: присмотритесь внимательнѣе къ личностямъ московскихъ великихъ князей. Чѣмъ руководились они въ своей дѣятельности, какія чувства и побужденія лежали, такъ сказать, на днѣ ихъ души, опредѣляли всѣ прочія особенности ихъ психической природы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ: основными чувствами собирателей Руси были чувства эгоистическія, ихъ коренными побужденіями являлись всегда побужденія грубо понятаго личнаго интереса. Московскіе великіе князья, подобно судьямъ того времени, постоянно только и дѣлали, что «своего прибытка смотрѣли»: корыстолюбіе составляло одну изъ наиболѣе отличительныхъ ихъ чертъ. Недаромъ первый собиратель Руси, великій князь Иванъ Даниловичъ, получилъ прозваніе Калиты, т.-е. мѣшка съ деньгами; недаромъ въ два столѣтія московскіе Даниловичи путемъ «примысловъ», т.-е. покупокъ и захватовъ, увеличили свой удѣлъ въ 30 разъ. Не въ меньшей степени, чѣмъ корыстолюбіе, склонность къ стяжательству, имъ было свойственно другое низшее, элементарное эгоистическое чувство,—рабское чувство страха. Трусливость и, какъ результатъ ея, коварство, склонность дѣйствовать изъ-за угла всего яснѣе видны въ дѣйствіяхъ того же перваго собирателя Руси, Ивана Калиты, и въ поведеніи одного изъ послѣднихъ ея собирателей, Ивана III. Калита не рѣшается на открытую и честную борьбу съ Александромъ тверскимъ, а клевещетъ на него хану, приводитъ татаръ, съ помощью ихъ прогоняетъ Александра, потомъ интригуетъ противъ него въ Ордѣ и, наконецъ, добивается его убійства тамъ. Иванъ III разыгрываетъ ненужную и унизительную комедію съ новгородцами изъ-за того, какъ они будутъ называть его,—«государемъ» или «господиномъ»; эта комедія ему

нужна только для того, чтобы придраться къ новгородцамъ, найти предлогъ для новыхъ насилій. Онъ трепещетъ передъ татарскимъ ханомъ Ахматомъ, собирается даже бѣжать отъ него на сѣверъ, бросаетъ свое войско, выведенное противъ татаръ, и уѣзжаетъ въ Москву, наконецъ, несмотря на негодованіе народа и рѣзкіе упреки ростовскаго архіепископа Вассіана, бѣжитъ вмѣстѣ со своимъ войскомъ съ береговъ Угры, гдѣ стоялъ противъ Ахмата,—къ Боровску. И—что̀ особенно замѣчательно при такой силѣ и напряженности низшихъ, элементарныхъ эгоистическихъ чувствъ, приближающихся по своей природѣ къ слѣпымъ, животнымъ инстинктамъ,—мы тщетно стали бы искать въ психическомъ складѣ московскихъ князей эгоистическихъ чувствъ высшаго порядка, болѣе сложныхъ, чѣмъ страхъ и корыстолюбіе,—напр., самоуваженія, чувства собственнаго достоинства, честолюбія или хотя бы чувства новизны, жажды новыхъ, неизвѣданныхъ впечатлѣній. Униженіе передъ сильнымъ, заносчивость и высокомѣріе по отношенію къ слабѣйшему, коварство, предательство и обманъ равныхъ по силѣ и значенію—вотъ обычный образъ дѣйствій всѣхъ потомковъ Даніила. Сказанное сейчасъ лучше всего свидѣтельствуетъ и о слабости этическихъ чувствъ и моральныхъ побужденій у изучаемыхъ личностей: преданные узкимъ задачамъ, не выходившимъ изъ тѣсной сферы грубо понятыхъ личныхъ интересовъ, великіе князья московскіе естественно не ощущали ни малѣйшей потребности въ выработкѣ какого-либо нравственнаго идеала, идеала житейской правды и въ дѣятельномъ его осуществленіи. Они шли по дорожкѣ, проторенной предками, дѣйствовали по традиціи, по рутинѣ, такъ, какъ «повелось изстарины». Они были почтительны къ старшимъ, цѣнили память своихъ дѣдовъ и отцовъ, но тутъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда настоящей горячности чувства, чего-либо, что̀ хотя бы немного возвышалось надъ уровнемъ посредственности и умѣренности. Этой традиціонностью и умѣренностью окрашены были, наконецъ, общественныя и религіозныя чувства московскихъ князей. Калитѣ и его потомкамъ была, конечно, свойственна набожность, строгое и мелочное выполненіе многочисленныхъ обрядностей, но всѣ эти внѣшнія формы не были согрѣты настоящимъ внутреннимъ проникновеніемъ искренне и глубоко вѣрующихъ людей. Въ своей политической дѣятельности московскіе князья вовсе не задавались широкими планами и не одушевлялись общими идеями: они жадно, но вмѣстѣ и осторожно пріобрѣтали себѣ княжество за княжествомъ, волость за волостью, село за селомъ, новыя же политическія понятія были имъ совершенно чужды и выросли незамѣтно для нихъ самихъ изъ самого процесса собиранія Руси, да и выросли-то очень мало, какъ мы убѣдились въ свое время.

Эгоистъ съ XIV вѣка и является типической фигурой въ психологической жизни русскаго общества, господствуетъ въ этой жизни и

задаетъ ей основной тонъ. Ясно, какими реальными условіями было подготовлено это преобладаніе людей эгоистическаго склада: господство земледѣлія повело, какъ намъ уже извѣстно, къ юридическому отверждению отношеній человѣка къ землѣ, подчеркнуло необходимость пріобрѣтательства; тотъ же основной экономическій фактъ вызвалъ новыя формы труда—крестьянскую аренду съ ссудой или подмогой отъ землевладѣльца: опять подчеркнута необходимость капитала; далѣе: положеніе землевладѣльца при господствѣ земледѣлія преисполнено всякаго рода опасностей: можно ожидать стихійныхъ бѣдствій, неурожая, неуплаты оброка, отказа крестьянъ возвратить ссуду, крестьянскаго побѣга и т. д., и т. д.; получается атмосфера постояннаго, непреходящаго страха. Не одни экономическія, но и соціальныя условія дѣйствуютъ въ томъ же направленіи: въ изучаемую эпоху слагаются классы съ ихъ противоположными интересами, а это питаетъ отчужденіе и эгоизмъ. Наконецъ, и политическій строй вырабатываетъ людей эгоистическаго склада: принципъ кормленія, проникающій весь государственный строй сверху до низу, какъ нельзя болѣе содѣйствовалъ развитію того же духа стяжанія; слабая организованность средствъ управленія, господство личной выгоды въ понятіи о цѣли государственнаго союза и идея принадлежности власти отдѣльному лицу, какъ таковому, а не какъ представителю всего общественнаго союза,—все это далеко не обезпечивало смѣлой и свободной личной дѣятельности, вызывало необходимость осторожности, хитрости, робости, безъ которыхъ не могло быть вѣрнаго и прочнаго успѣха. Если прибавить ко всему этому господство натуральнаго хозяйства, изолировавшаго отдѣльныхъ лицъ и создававшаго на всемъ пространствѣ страны приблизительно одинаковыя житейскія условія, то будетъ вполнѣ понятно, почему преобладали въ то время чистые эгоисты и какъ этотъ психическій типъ распространился по всей странѣ.

Такіе результаты получились бы безъ всякихъ ограниченій и оговорокъ лишь въ томъ случаѣ, если бы хозяйственный бытъ, соціальныя отношенія и политическій строй удѣльнаго періода находились въ состояніи застоя. Мы знаемъ, что на дѣлѣ было не то, что всѣ элементы общественной жизни находились въ движеніи, непрерывно развивались, что происходила борьба, подчасъ очень оживленная и горячая. Вотъ почему по мѣрѣ приближенія къ концу періода психологическое состояніе общества становится сложнѣе, наряду съ эгоистами появляются люди иныхъ душевныхъ свойствъ.

Кто привыкъ къ власти издавна или кто побѣдилъ въ борьбѣ за власть и пользуется ею какъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ, тотъ невольно проникается властными замашками, выдвигаетъ на первый планъ свою личность, свое самолюбіе и честолюбіе. Зародыши феодализма въ соціальныхъ отношеніяхъ, широта политическихъ правъ удѣльныхъ князей, наконецъ, привычки бояръ участвовать въ прави-

тельственной дѣятельности князя своими совѣтами создавали именно атмосферу, во многомъ благопріятную развитію чувства собственнаго достоинства, самолюбія, честолюбія, властности, однимъ словомъ— высшихъ или болѣе сложныхъ эгоистическихъ чувствъ или, что то же, чувствъ индивидуалистическихъ. А преобладаніе такихъ чувствъ должно было постепенно вызвать къ жизни типъ настоящаго индивидуалиста. Мы далеки отъ намѣренія утверждать, что этотъ типъ уже сложился вполнѣ въ сѣверо-восточной Руси XV и начала XVI вѣка, но нельзя тѣмъ не менѣе отрицать, что тогда существовала нѣкоторая индивидуалистическая струя, и что начали даже слагаться въ извѣстную систему отдѣльные элементы индивидуалистическаго типа. Слабые зародыши такихъ элементовъ наблюдаются у представителя воззрѣній стариннаго удѣльнаго боярства, отодвинутаго на второй планъ въ боярской думѣ, при дворѣ и въ администраціи нахлынувшими въ Москву служилыми, бывшими великими и удѣльными, князьями,—рѣчь идетъ о Берсенѣ Беклемишевѣ. Онъ, между прочимъ, выражалъ недовольство тѣмъ, что великій князь Василій III «не любитъ встрѣчи», т.-е. возраженія ему въ думѣ, «опаляется» на возражающихъ: однажды, когда Берсень говорилъ въ думѣ о смоленскомъ походѣ въ духѣ неугодномъ великому князю, послѣдній прямо его выгналъ, сказавъ: «пойди, смердъ, прочь, ненадобенъ ми еси». Привычка къ власти и горькое чувство личной обиды сквозятъ въ этихъ «непригожихъ» рѣчахъ Берсеня, за которыя онъ потомъ лишился языка. Но еще съ большей ясностью выступаютъ индивидуалистическіе элементы въ характерахъ двухъ политическихъ противниковъ—Іосифа Санина и Вассіана Патрикѣева. Князь Василій Ивановичъ Патрикѣевъ, въ монашествѣ старецъ Вассіанъ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ выказалъ свой непокорный, властный характеръ еще при Иванѣ III, по приказанію котораго оба—отецъ и сынъ—за свое «высокоумничанье» были пострижены въ монастырь. Но и превратившись въ старца Вассіана, онъ не отказался отъ старыхъ стремленій, всю жизнь боролся за власть. Вассіанъ былъ ученикомъ и послѣдователемъ Нила Сорскаго въ его воззрѣніяхъ на монашество и отношеніе къ еретикамъ. Трудно сказать, насколько глубоко и искренне проникся князь-инокъ возвышенными взглядами своего учители, съ которыми мы сейчасъ ближе познакомимся, но одно несомнѣнно: Вассіанъ не удовлетворился ими, а пошелъ дальше, придалъ ученію «заволжскихъ старцевъ» политическую окраску, выкинулъ знамя борьбы за права боярства противъ самовластныхъ замашекъ московскихъ государей. Старецъ Вассіанъ «высокоумничалъ» такимъ образомъ нисколько не менѣе князя Василія Патрикѣева. Не менѣе властнымъ былъ и характеръ Іосифа Санина: воспитавшись въ монастырѣ Пафнутія Боровскаго, игумена-хозяина, Іосифъ съумѣлъ очень скоро обогатить основанный имъ Волоколамскій монастырь и сдѣлаться серьезной общественной величиной. Поссорившись съ нов-

городскимъ архіепископомъ, въ епархіи котораго находился его монастырь, Іосифъ добился передачи монастыря въ непосредственное вѣдѣніе митрополита и поставилъ его подъ особое покровительство великаго князя. Мы знаемъ уже, что онъ настойчиво поддерживалъ единодержавіе и власть московскихъ великихъ князей, но дорожилъ этимъ лишь какъ средствомъ для установленія авторитета господствующихъ преданій въ церкви. Основное положеніе монастырскаго устава Іосифа гласитъ, что первая монашеская добродѣтель—безусловное, слѣпое послушаніе; каждый шагъ монаха былъ строго регулированъ; критики и сомнѣній не допускалось; не даромъ одинъ изъ учениковъ Іосифа говорилъ: «всѣмъ страстемъ мати мнѣніе, мнѣніе—второе паденіе». Волоколамскій игуменъ былъ суровый и неограниченный владыка не только надъ тѣломъ монаховъ, которое онъ жестоко истязалъ за малѣйшее нарушеніе устава, но и надъ духомъ, который былъ скованъ множествомъ мелочныхъ предписаній и для усмиренія котораго Іосифъ Санинъ не отступалъ, по его собственному выраженію, даже отъ «благопремудростнаго и благонаученнаго коварства». Конечно, это еще не вполнѣ сложившійся индивидуалистъ, но всѣ почти существенные элементы его уже на лицо.

Но страшныя времена и жестокіе нравы всегда вызываютъ противъ себя реакцію. Не каждый въ силахъ настолько закалиться въ житейской борьбѣ, чтобы подчинить все свое духовное существованіе такимъ элементарнымъ мотивамъ, какъ страхъ и корыстолюбіе. А вѣдь только торжество такихъ мотивовъ, только чистый эгоизмъ и сулилъ побѣду: вѣдь даже зарождающіеся индивидуалисты не были побѣдителями. Берсень и Вассіанъ Патрикѣевъ были прямо побѣжденными, да и Іосифу Санину не удалось осуществить свой клерикальный идеалъ, изъ его проектовъ имѣли успѣхъ лишь тѣ, которые были дѣйствительно по плечу торжествующему чистому эгоизму. И вотъ явились побѣжденные, люди съ инымъ, даже прямо противоположнымъ эгоистическому душевнымъ складомъ, психологическіе антиподы эгоистовъ,—характеры этическіе. Въ процессѣ образованія, im Werden, такой характеръ можно наблюдать въ личности св. Сергія Радонежскаго. Онъ, какъ извѣстно, былъ совершенно лишенъ любви къ стяжанію, пріобрѣтательскихъ инстинктовъ и вожделѣній: онъ провозгласилъ и примѣнилъ на дѣлѣ идеалъ бѣдности и труда. Правда, къ концу его игуменства дѣло значительно измѣнилось, монастырь, имъ основанный,—Троицкая Сергіева лавра—сталъ богатѣть, но это только потому, что св. Сергій не въ силахъ былъ противиться внѣшнимъ вліяніямъ. Св. Сергію не было свойственно чувство страха,—оно переродилось у него въ смиреніе; отсюда удаленіе отъ міра, иночество, отсюда же и примиреніе съ существующими порядками и даже освященіе ихъ: такъ, св. Сергій налагаетъ отлученіе на тѣхъ, кто не слушается великаго князя московскаго, содѣйствуетъ Дмитрію Донскому

въ его борьбѣ съ Дмитріемъ суздальскимъ. Но самымъ яркимъ представителемъ этическаго типа былъ въ изучаемый періодъ одинъ изъ сѣверныхъ пустынножителей-монаховъ, глава заволжскихъ старцевъ, Нилъ Сорскій. Это была чисто-нравственная натура, выработавшая себѣ возвышенный идеалъ святой жизни и неустанно проводившая этотъ идеалъ въ дѣйствительность. Въ вѣкъ религіознаго формализма, господства обряда надъ внутреннимъ смысломъ религіи, въ вѣкъ некритическаго, слѣпого отношенія къ различнымъ, часто совершенно неканоническимъ книгамъ и преданіямъ, въ вѣкъ крайней религіозной нетерпимости, неумолимой жестокости къ еретикамъ и обогащенія монастырей громадными земельными имуществами Нилъ съумѣлъ возвыситься до настоящаго пониманія сущности христіанства, проникся сознаніемъ необходимости самостоятельнаго религіознаго мышленія на строго-провѣренной почвѣ истинно-каноническихъ книгъ, усвоилъ себѣ высокую идею христіанскаго всепрощенія по отношенію къ заблуждающимся, проповѣдывалъ идеалъ простой и скромной, трудовой монашеской жизни, проникнутой стремленіемъ къ религіозному созерцанію и нравственному самосовершенствованію. По монастырскому уставу Нила Сорскаго, главная задача инока—«мысленное дѣланіе, сердечное и умное храненіе», т.-е. именно религіозное созерцаніе и нравственное очищеніе. Главное вовсе не аскетизмъ, понимаемый въ смыслѣ физическаго изнуренія и бичеванія,—въ этомъ отношеніи нужна только умѣренность въ пищѣ, воздержность, — главное—внутреннее духовное самоусовершенствованіе человѣка. Этотъ подвигъ нравственнаго совершенствованія человѣка долженъ быть, по возвышенному взгляду Нила Сорскаго, разумно-сознательнымъ. Понятно, что при такихъ чувствахъ и воззрѣніяхъ Нилъ не могъ и не хотѣлъ считаться съ дѣйствительностью, не желалъ и не въ состояніи былъ поступиться хотя бы чѣмъ-либо въ своемъ нравственномъ идеалѣ, чтобы сдѣлать его удобопримѣнимымъ къ жизни. И потому въ тѣхъ случаяхъ, когда Нилу приходилось вступать въ непосредственное соприкосновеніе съ практическими задачами времени, онъ неизмѣнно терпѣлъ неудачу; это случилось въ отношеніи къ двумъ вопросамъ: во-первыхъ, по вопросу о преслѣдованіи еретиковъ, во-вторыхъ, по вопросу о монастырскомъ землевладѣніи. Нилъ стоялъ за полное прощеніе еретиковъ, во всякомъ случаѣ былъ противъ ихъ казни и былъ горячимъ противникомъ обогащенія монастырей землями, но совершенно безуспѣшно: въ обоихъ вопросахъ побѣда, какъ намъ уже извѣстно, осталась за его противниками, іосифлянами, учениками Іосифа Санина. Такъ, этическіе характеры, зародившись въ удѣльной Руси, оказались отлученными отъ жизни, стали сильно страдать отъ господствующихъ житейскихъ порядковъ. Это и заставило Нила Сорскаго и его учениковъ удалиться отъ міра, но не фиктивно, а реально: они не пошли въ тогдашніе большіе и богатые монастыри, въ которыхъ, по позд-

нѣйшему свидѣтельству Ивана Грознаго, «точію одѣяніемъ были иноцы, а мірская вся совершалися», а удалились за Волгу, въ сѣверные лѣса, болота и пустыни, «дебри непроходимыя и дрязги великія», и стали устраивать тамъ уединенные отшельничьи скиты.

Нилъ Сорскій происходилъ изъ боярскаго рода. Но средніе и низшіе слои современнаго ему общества, конечно, еще сильнѣе страдали отъ суровой дѣйствительности, и если инертная, безразличная и психически-неорганизованная, грубая масса мирилась съ этой дѣйствительностью, и изъ нея вырабатывались постепенно такіе же эгоисты, какіе господствовали въ соціальныхъ верхахъ, то отдѣльныя болѣе чуткія натуры и здѣсь стали слагаться въ этическіе характеры. Только люди этическаго склада, вышедшіе изъ народной массы, оказались болѣе рѣзкими протестантами противъ житейскихъ порядковъ, чѣмъ былъ Нилъ Сорскій, дошли до крайностей, иногда впадали даже въ полное отрицаніе. Такими отрицателями были два еретика пятидесятыхъ годовъ XVI вѣка—Матвѣй Башкинъ и Ѳеодосій Косой. Оба они въ сущности уже выходятъ изъ хронологическихъ предѣловъ изучаемаго періода, но ихъ личности и ихъ идеи и чувства были созданы, несомнѣнно, условіями конца удѣльнаго времени, и потому еретическія ихъ ученія найдутъ себѣ мѣсто въ послѣдующемъ изложеніи; мы увидимъ тогда, что оба они были людьми несомнѣнно этическаго склада, потому что неустанно искали идеала житейской правды и въ этомъ полагали главную, если не единственную, цѣль своей жизни.

Итакъ, усложненіе реальной жизни повело къ психологической дифференціаціи общества, къ выдѣленію изъ аморфной, безформенной въ духовномъ отношеніи массы болѣе или менѣе цѣльныхъ, сложившихся и притомъ разнообразныхъ характеровъ. Этотъ основной фактъ отразился многоразличными послѣдствіями въ разныхъ сферахъ духовной культуры русскаго общества удѣльнаго времени.

Прежде всего онъ сказался въ *нравственномъ состояніи общества*. Конечно, и здѣсь было очень много остатковъ старины, проявленій грубыхъ, элементарныхъ инстинктовъ и привычекъ. Симонія, принужденіе епископами нищихъ, жившихъ при церквахъ, къ работѣ въ архіерейскихъ вотчинахъ, праздная и роскошная жизнь въ монастыряхъ, распущенность въ отношеніяхъ между полами, времяпровожденіе характеризуемое въ одной современной проповѣди, какъ «всегда наслажденіе и упитаніе, всегда игры и позорища, всегда бани и лежаніе, всегда мысли и помыслы нечистые»,—все это признаки настоящаго полуживотнаго состоянія, столь характернаго для кіевской еще Руси. Но господство эгоистовъ, особенно сильное въ высшихъ слояхъ общества, повліяло на нравы. Это особенно ярко отразилось на положеніи женщины высшаго, отчасти и средняго круга. Пока общество не было организовано въ психическомъ отношеніи, супружеская вѣрность цѣнилась не особенно высоко, но эгоистъ, у кото-

раго такъ силенъ инстинктъ собственности, причисляетъ и женщину къ предметамъ своего полнаго обладанія и въ ревнивой заботѣ о ея цѣломудріи запираетъ ее въ теремъ, создаетъ затворничество женщинъ. Въ нашей исторической литературѣ склонны были приписывать затворничество женщинъ татарскому вліянію, но стóитъ только вспомнить, что подобное явленіе господствовало и въ средневѣковой Европѣ въ рыцарскомъ быту, чтобы понять, что дѣло тутъ вовсе не въ татарскомъ вліяніи, а именно въ извѣстной системѣ чувствъ и взглядовъ, созданной реальными условіями времени. Конечно, нельзя отрицать: съ *нашей* точки зрѣнія затворничество женщинъ и нелѣпость, и очень плохая гарантія цѣломудрія, но въ то время оно было знаменательнымъ признакомъ перемѣны въ нравахъ, протестомъ противъ половой распущенности. Этого мало: наличность въ обществѣ другихъ характеровъ — этическихъ и отчасти индивидуалистическихъ— отклонила равнодѣйствующую разныхъ психологическихъ вліяній, указывающую уровень нравственныхъ понятій, существующихъ въ обществѣ, еще дальше отъ примитивныхъ воззрѣній на право и справедливость. Мы видѣли въ свое время, что «Русская Правда» понимала преступленіе почти всегда какъ исключительно-матеріальный вредъ,— «обиду», если преступленіе относилось къ лицу, и «пагубу», если оно касалось имущества; отсюда проистекала и такса штрафовъ и вознагражденій, установленная обычнымъ правомъ кіевскаго періода. Въ изучаемое время, какъ показываетъ «Судебникъ» 1497 года, взглядъ на преступленіе существенно измѣнился: оно стало считаться не только матеріальнымъ убыткомъ, но и зломъ нравственнымъ, и потому денежные выкупы и штрафы замѣняются тѣлесными наказаніями и смертной казнью. Многіе изслѣдователи въ тѣлесныхъ наказаніяхъ опять склонны видѣть результатъ татарскаго вліянія, но совершенно напрасно: въ жизни каждаго народа наступаетъ такой моментъ, когда тѣлесныя наказанія удовлетворяютъ нравственное чувство, соотвѣтствуютъ господствующимъ понятіямъ о правѣ и справедливости. Конечно, такія воззрѣнія далеки отъ нашихъ взглядовъ, но, вѣдь, нельзя все-таки не признать, что тѣлесныя наказанія и казнь, помимо той важной общей идеи о преступленіи какъ злѣ нравственномъ, которая въ нихъ отражается, имѣютъ преимущество передъ денежными выкупами уже по той одной причинѣ, что устраняютъ неравенство въ положеніи бѣдныхъ и богатыхъ, столь рѣзко выраженное при господствѣ денежныхъ взысканій за преступленія: богачу ничего не стоило заплатить штрафъ и выкупъ, а бѣднякъ совершенно разорялся и терялъ свободу; тѣлесное же наказаніе и казнь съ одинаковой силой постигали людей разнаго имущественнаго достатка.

Тѣ же три элемента—традиціи историческаго прошлаго, господство людей эгоистическаго склада и зарожденіе этическихъ характеровъ— выступаютъ на видъ и въ *религіозной жизни* сѣверо-восточной Руси

съ XIII до половины XVI в. Историческимъ прошлымъ было завѣщано изучаемому періоду двоевѣріе, безпорядочная смѣсь язычества съ христіанствомъ. Такое двоевѣріе въ очень значительной степени сохранилось и теперь и отчасти также переродилось въ рядъ грубыхъ суевѣрій. Мы наблюдали уже въ вольныхъ городахъ XV вѣка вѣру въ скорый конецъ міра; она существовала и на сѣверовостокѣ Россіи того же времени. О сильномъ распространеніи вѣры въ колдовство свидѣтельствуютъ поученія владимірскаго епископа XIII вѣка—Серапіона. Великая княгиня Соломонія, первая супруга Василія III, колдовала съ цѣлью имѣть дѣтей и возбудить любовь къ себѣ со стороны охладѣвшаго къ ней великаго князя. Особенной любовью въ обществѣ пользовались преисполненныя суевѣрій апокрифы и гадательныя книги. Простой перечень ихъ легко даетъ понять, какъ много занималось общество удѣльнаго времени гаданіями, недостовѣрными преданіями и разсказами. Изъ апокрифовъ особенно извѣстны были «Исповѣдь Евы»—разсказъ ея о грѣхоподеніи, сказанія объ Іудѣ, «Хожденіе Богородицы по мукамъ» и «Видѣніе апостола Павла», трактующія о мученіи грѣшниковъ, адѣ и раѣ. Большимъ распространеніемъ пользовались годательныя книги, какъ «Громникъ», «Молніянникъ», «Сносудецъ», «Зелейникъ», «Чаровникъ», «Рафли», «Аристотелевы врата», «Лацидаріусъ». Послѣдняя изъ этихъ книгъ—переводъ съ нѣмецкаго—содержитъ въ себѣ разговоръ учителя съ ученикомъ о явленіяхъ природы, составленный на основаніи различныхъ средневѣковыхъ преданій и апокрифовъ. Эта склонность къ гаданіямъ и суевѣріямъ, будучи въ значительной мѣрѣ остаткомъ старины, не являлась однако же простымъ переживаніемъ, безсмысленнымъ обломкомъ прошлаго, не приспособленнымъ къ текущей жизни: напротивъ, она поддерживалась въ сильнѣйшей степени тѣмъ чувствомъ страха, которое составляетъ одну изъ основныхъ стихій эгоистическихъ характеровъ. Еще сильнѣе сказалось это чувство страха въ религіозномъ формализмѣ, все болѣе утверждавшемся въ изучаемый періодъ: обрядъ—вотъ что казалось большинству главнымъ въ религіи; и въ самомъ дѣлѣ: если «мнѣніе—второе паденіе», то лучше не думать и не разсуждать на религіозныя темы, а соблюдать формы, исполнять обряды и быть спокойнымъ, неподвижнымъ въ своемъ эгоистичномъ квіетизмѣ. Такова психологическая основа религіознаго формализма. Но появились, какъ мы видѣли, въ XV и XVI вѣкѣ новые люди, для которыхъ моральный идеалъ, идеалъ житейской правды составлялъ все въ жизни. Отъ нихъ пошла свѣжая струя и въ религіи. Таковъ былъ Нилъ Сорскій, стоявшій, какъ мы знаемъ, за внутреннее пониманіе христіанства, цѣнившій въ религіи главнымъ образомъ нравственное содержаніе. Другіе, по естественной реакціи религіозному формализму, пошли гораздо дальше Нила и впали въ ересь. Таковы были жидовствующіе, въ значительтельномъ количествѣ существовавшіе и въ Москвѣ, Матвѣй Башкинъ,

игуменъ Троицкаго-Сергіева монастыря Арсеній, бѣжавшій въ Литву и впослѣдствіи совершенно отрекшійся отъ ереси, и Ѳеодосій Косой. Основныя черты еретическаго ученія Башкина сводятся къ слѣдующему: во-первыхъ, онъ отвергалъ таинство причащенія, утверждалъ, что причащаются не тѣла и крови Іисуса Христа, а хлѣба и вина; во-вторыхъ, подъ церковью онъ разумѣлъ собраніе вѣрующихъ; въ-третьихъ, онъ отвергалъ иконопочитаніе, признавалъ, что иконы то же, что идолы; наконецъ, въ-четвертыхъ, Башкинъ требовалъ критическаго отношенія къ источникамъ религіознаго познанія: безусловно-достовѣрными онъ признавалъ только Евангеліе и творенія апостоловъ и отвергалъ авторитетъ сочиненій св. отцовъ и постановленій вселенскихъ соборовъ. Не трудно замѣтить, что ересь Башкина носила на себѣ типическія черты раціоналистическаго сектантства, критики религіозной традиціи на основѣ разума. Изъ другого начала исходилъ въ своемъ ученіи бѣглый холопъ Ѳеодосій Косой: онъ критиковалъ традицію съ точки зрѣнія непосредственнаго чувства, былъ представителемъ духовнаго, мистическаго сектанства, которое источникомъ религіознаго познанія признаетъ сліяніе съ Божествомъ въ мистическомъ экстазѣ, непосредственное откровеніе, въ этомъ экстазѣ получаемое. Общественное положеніе Ѳеодосія Косого придало его воззрѣніямъ рѣзкую соціальную окраску, характеръ отрицанія всѣхъ существующихъ учрежденій: онъ высказывался противъ собственности, за общность имущества, противъ войны и противъ какихъ бы то ни было властей. Эти еретическія ученія были торжественно осуждены на соборахъ 1553—54 годовъ.

Психологическая дифференціація общества повела далѣе—къ развитію эстетическихъ чувствъ, къ новымъ явленіямъ въ сферѣ *искусства*. Если искусство кіевскаго періода сводилось по преимуществу къ заимствованіямъ иностранныхъ образцовъ, къ механической смѣси чужеземныхъ и туземныхъ вліяній, то въ удѣльное время на сѣверо-востокѣ Россіи, какъ и въ вольныхъ городахъ, наблюдаются наряду съ продолжающимися заимствованіями со стороны нерѣдко удачныя попытки болѣе или менѣе самостоятельной и оригинальной переработки этихъ заимствованій. Иностранные образцы давала теперь уже не Византія, а главнымъ образомъ, Востокъ и Италія. Оригинальное творчество на основѣ восточныхъ мотивовъ наблюдается прежде всего въ русскомъ орнаментѣ XIII, XIV и XV вѣковъ, въ заставкахъ и заглавныхъ буквахъ рукописей. По словамъ одного изъ глубочайшихъ знатоковъ древнерусскаго искусства, въ этомъ орнаментѣ выразились «сила фантазіи», «стремленіе создать игривое впечатлѣніе»; заставки и заглавныя буквы представляли собою «затѣйливое сплетеніе ремней и вѣтокъ съ разными фантастическими животными, съ птицами, у которыхъ иногда человѣческія головы, съ звѣрями, хвостъ которыхъ извивается вѣткою, оканчивающеюся листкомъ, особенно съ драконами и зміями,

которые изъ своей пасти выпускаютъ вѣтку, а своимъ хвостомъ перевиваютъ звѣрей и другихъ чудовищъ, наконецъ съ человѣческими фигурами, руки и ноги которыхъ вплетены въ эти перевивы изъ ремней и змѣиныхъ хоботовъ».

Тѣ же первые шаги оригинальной работы наблюдаются и въ иконописаніи. Прежде всего растетъ количество извѣстій объ отдѣльныхъ иконописцахъ: извѣстно, что митрополитъ св. Петръ «извыче иконному художеству»; затѣмъ въ XIV вѣкѣ въ Москвѣ упоминаются иконописцы Захарій, Діонисій, Іосифъ, Николай, Гойтанъ, Семенъ, Иванъ; въ XV в. въ Ростовѣ были извѣстны иконописцы Діонисій, Тимоѳей, Ярецъ, Коня, а въ Москвѣ Долматъ и особенно знаменитый Андрей Рублевъ, разсматривая произведенія котораго, невольно сближаешь ихъ по художественному типу съ работами г. В. Васнецова; наконецъ, въ первой половинѣ XVI в. иконописаніемъ занимались Ѳеодосій Денисьевъ и московскіе митрополиты Симонъ и Варлаамъ. Но дѣло не ограничивалось только количественнымъ ростомъ производительности въ иконописаніи,—стала слагаться вслѣдъ за извѣстной уже намъ новгородской школой иконописанія новая школа—московская. Въ ней было, несомнѣнно, еще много примитивнаго, хотя и меньше, чѣмъ въ новгородской иконописи: преобладали главнымъ образомъ двѣ краски—желтая (охра) и зеленая (празелень); тѣни отличались еще рѣзкостью, зданія—простотой, причемъ арки и архитектурныя линіи проводились отъ руки, безъ помощи линейки и циркуля. На ряду съ этимъ наблюдаются, однако же, и новые, удачные пріемы: складки на одеждѣ изображены большею частью вполнѣ реально, зданія представлены въ перспективѣ, въ лицахъ есть нѣкоторые элементы жизненности.

Въ архитектурѣ, какъ и въ кіевскій періодъ, продолжалось заимствованіе иностранныхъ художественныхъ образцовъ, накопленіе сырого матеріала, особенно много заимствованій сдѣлано было изъ Италіи и съ Востока. Но кромѣ механическаго накопленія архитектурнаго матеріала замѣчается и нѣкоторая своеобразная его переработка; особенно такой переработкѣ подвергаются традиціи предшествующаго періода. Московская архитектура конца удѣльнаго времени характеризуется соединеніемъ преданій новгородскихъ и владимірскихъ и вмѣстѣ видоизмѣненіемъ этихъ преданій: лѣпныя украшенія въ Москвѣ встрѣчаются въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ во Владимірѣ, усваиваются новыя формы—церковная глава въ видѣ луковицы съ удлиненнымъ верхомъ и стрѣльчатыя очертанія арокъ и порталовъ. Изслѣдователи исторіи русскаго искусства большею частью склонны видѣть въ луковичныхъ куполахъ и въ стрѣльчатыхъ аркахъ восточное вліяніе. Быть можетъ, это и такъ, но нельзя не замѣтить, что почва для такого вліянія подготовлена была мѣстными условіями: по крайней мѣрѣ, куполъ въ видѣ луковицы удобенъ въ томъ отношеніи, что

на немъ не задерживаются зимніе и лѣтніе атмосферическіе осадки, столь обильные въ средней Россіи. Внѣшняя исторія важнѣйшихъ архитектурныхъ памятниковъ изучаемаго періода сводится къ слѣдующему ряду фактовъ: въ 1475—1478 годахъ Аристотель Фіоравенти построилъ Успенскій соборъ, въ 1484—1489 гг. сооруженъ былъ псковскими мастерами въ томъ же стилѣ Благовѣщенскій соборъ, въ 1491 г. Маркъ Фрязинъ построилъ Грановитую палату; архитектурному искусству Алевиза принадлежитъ постройка новаго каменнаго дворца—низа нынѣшнихъ теремовъ въ Кремлѣ (верхъ надстроенъ при царѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ) — въ 1499 — 1508 годахъ и Архангельскаго собора въ 1504—1509 годахъ; наконецъ, итальянецъ Соларіо построилъ кремлевскія стѣны.

Наконецъ, опять-таки наряду съ старинными преданіями много новаго на сѣверо-востокѣ удѣльной Руси наблюдается въ *литературѣ и наукѣ*.

Несомнѣнное обогащеніе—и количественное и качественное наблюдается, прежде всего, въ области богословской литературы. Это сказывается очень ясно уже въ литературѣ переводной. Намъ извѣстно, что еще кіевская Русь была знакома съ такими переводными сборниками поученій, какъ «Златоструй» и «Измарагдъ». Первыя редакціи этихъ сборниковъ, образовавшіяся еще въ кіевскій періодъ, были унаслѣдованы и въ удѣльное время, продолжали попрежнему читаться. Но дѣло этимъ далеко не ограничилось: на удѣльномъ сѣверо-востокѣ Россіи сложились новыя редакціи этихъ сборниковъ, причемъ если относительно «Златоструя» можно установить прямое перенесеніе новой болгарской редакціи на русскую почву, то «Измарагдъ» во второй его редакціи носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды туземныхъ дополненій и передѣлокъ. Мотивы многихъ новыхъ поученій, внесенныхъ въ «Измарагдъ», даже если допустить, что они всецѣло заимствованы изъ южно-славянскихъ источниковъ, несомнѣнно отражаютъ на себѣ текущую злобу дня русской дѣйствительности: расширенъ отдѣлъ поученій о семейной жизни, замѣтно отрицательное отношеніе къ войнѣ (ср. ученіе Башкина), особенно сильно осуждается богатство (ср. ересь Косого), сильно обличаются мистическія вѣрованія, особенно много настиваютъ на необходимости уваженія къ священнослужителямъ. Очевидно, новыя религіозныя движенія наложили свою печать на вторую редакцію «Измарагда». Обиліе въ XV вѣкѣ передовыхъ богословскихъ произведеній, заимствованныхъ изъ южно-славянскихъ странъ, является вообще результатомъ оживленія и углубленія религіозной мысли, которая начала работать болѣе или менѣе сомостоятельно и оригинально. Такъ, въ изучаемое время появились на Руси другіе сборники поученій, какъ «Маргаритъ», «Златая цѣпь» и «Златая Матица», затѣмъ аскетическія произведенія Василія Великаго, Исаака Сирина, аввы Дороѳея, полемическія сочиненія противъ лати-

нянъ Григорія Паламы, Нила Кавасила и т. д. Не менѣе любопытно и то, что въ переводной богословской литературѣ начинаетъ обнаруживаться сильная струя западнаго вліянія: во второй половинѣ XV в., по заказу новгородскаго архіепископа Геннадія, Дмитрій Герасимовъ перевелъ съ латинскаго пасхалію, разныя сочиненія противъ еврейства и трактатъ противъ мірянъ, вступающихся въ дѣла церкви; переводили для Геннадія также доминиканецъ Веніаминъ и какой-то Юрій; наконецъ, во второй четверти XVI в. въ Москвѣ Максимъ Грекъ также обогатилъ русскую богословскую литературу нѣкоторыми переводами съ латинскаго.

Если въ переводной богословской литературѣ современная русская дѣйствительность отразилась многими важными своими сторонами, то это не въ меньшей степени относится и къ попыткамъ оригинальнаго творчества въ богословіи и церковномъ поученіи. Даже въ самой формѣ богословскихъ и церковноучительныхъ произведеній удѣльнаго періода наряду со старымъ механическимъ заимствованіемъ изъ византійскихъ авторитетовъ и со слѣпымъ подражаніемъ этимъ авторитетамъ можно наблюдать стремленіе къ самостоятельности и оригинальности. Чрезвычайно характерной въ этомъ отношеніи является проповѣдническая дѣятельность епископа владимірскаго, суздальскаго и нижегородскаго Серапіона (ум. въ 1275 г.). Темою его первыхъ поученій было разъясненіе религіозно-нравственнаго значенія татарскаго ига какъ Божія наказанія за грѣхи. Въ этихъ проповѣдяхъ еще очень много византійскихъ традицій, слѣпо воспринятыхъ: такъ, напр., удержана традиціонная схема обличаемыхъ проповѣдникомъ людскихъ пороковъ, установленная византійской церковноучительной литературой. Но уже здѣсь сказывается непосредственное чутье дѣйствительности: горечь порабощенія изображена яркими красками, въ которыхъ слышится настоящій, непритворный крикъ души. Еще менѣе слѣдовъ византійскаго вліянія замѣтно въ позднѣйшихъ проповѣдяхъ Серапіона, гдѣ разбираются вопросы объ испытаніи вѣдьмъ посредствомъ холодной воды и о ихъ сожженіи, а также о выкапываніи изъ земли погребенныхъ утопленниковъ и удавленниковъ, которые, по народному повѣрью, могли вредить урожаю и благопріятной для сельскаго хозяйства погодѣ. Самыя темы, очевидно, подсказаны проповѣднику жизнью. Отношеніе къ нимъ проповѣдника также своеобразно: онъ, напр., признаетъ вѣдовство за дѣйствительный фактъ, высказывается даже за убіеніе вѣдьмъ и требуетъ только дѣйствительныхъ доказательствъ ихъ вѣдовства, не признавая таковымъ испытаніе посредствомъ холодной воды. Прибѣгая ко многимъ образамъ въ своемъ изложеніи, пользуясь то вопросительной, то драматической формой, восклицаніями, сравненіями, противопоставленіями, Серапіонъ и тутъ не искусственно подражаетъ чужеземнымъ образцамъ, а развиваетъ свои мысли необыкновенно просто, безъ строго

обдуманнаго плана, такъ, чтобы найти ближайшій путь къ сердцу и уму слушателя изъ народа. Уже сказанное сейчасъ о проповѣдяхъ Серапіона указываетъ, что главной темой русской богословской литературы продолжало оставаться нравственное поученіе. Это можно подтвердить рядомъ другихъ примѣровъ; отъ удѣльнаго періода сохранилось не мало поученій, въ родѣ «Слова къ судіямъ», «Слово о судіяхъ и властителехъ, емлющихъ мзду и неправду судящихъ»; въ началѣ XV. вѣка Матвѣй, епископъ сарайскій, въ своемъ поученіи къ владѣльцамъ проповѣдывалъ о необходимости доброты по отношенію къ рабамъ, митрополитъ Даніилъ произносилъ проповѣди противъ пировъ, противъ нарядовъ и изнѣженности высшихъ слоевъ общества и т. д. Но наряду съ этимъ въ сѣверо-восточной Руси удѣльнаго періода опять-таки подъ вліяніемъ новыхъ явленій въ религіозной жизни появляется несуществовавшая прежде догматически-богословская литература. По свидѣтельству Іосифа Санина, «нынѣ и въ домахъ, и на дорогахъ, и на рынкахъ всѣ—иноки и міряне—съ сомнѣніемъ разсуждаютъ о вѣрѣ». Особенно-важными памятниками этого интереса къ религіозной догматикѣ являются «Посланіе инока Саввы на жидовъ и на еретиковъ», «Посланіе Ѳедора Жидовина», но главное — «Просвѣтитель» Іосифа Санина, нѣкоторыя сочиненія Максима Грека, а также «Истины показаніе» и «Многословное посланіе» Зиновія Отенскаго. Если первыя три названныхъ сейчасъ произведенія представляютъ собою или труды компилятивные, или лишенные настоящей критики, принимающіе безъ повѣрки апокрифическій матеріалъ, то сочиненія Максима Грека и Зиновія Отенскаго отличаются уже большимъ критицизмомъ, опираются на каноническія книги, строго отдѣляемыя отъ апокрифовъ. Образуется такимъ образомъ извѣстная привычка къ религіозной метафизикѣ, слагаются пріемы и традиціи догматическаго богословія. Отраженіемъ такихъ догматическихъ интересовъ является и «Толковая Палея»—изложеніе библейской исторіи въ духѣ и направленіи противномъ іудейству.

Какъ ни велика, однако, была еще роль чисто-церковной литературы, было бы большой ошибкой приписывать ей исключительное господство. Правда, сюда можно еще, пожалуй, отнести литературу паломничествъ, но она только отчасти отличается церковнымъ характеромъ, притомъ попрежнему чисто обрядовымъ, внѣшне-религіознымъ, и все чаще переходитъ въ литературу простыхъ путеводителей. Таковы слѣдующія произведенія: въ XIV в. «Хожденіе» архимандрита Агрефенія и «Странствованіе» Игнатія Смольнянина, въ XV—«Ксеносъ, глаголемый Странникъ» іеромонаха Зосимы, «Бесѣда о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда» неизвѣстнаго автора, путешествіе гостя Василія и путешествіе іеромонаха Варсонофія. Надо притомъ замѣтить, что къ концу періода, съ паденіемъ Константинополя въ 1453 году, интересъ къ паломничеству слабѣетъ, потому

что утверждается мнѣніе—о превосходствѣ и большей чистотѣ русскаго православія сравнительно съ вѣрованіями грековъ; параллельно этому русскія святыни начинаютъ казаться важнѣе, чѣмъ святыни Константинополя и даже Іерусалима.

Оставляя совершенно область церковной литературы, мы должны отмѣтить количественный ростъ *беллетристики* на удѣльномъ сѣверо-востокѣ Россіи сравнительно съ кіевскимъ періодомъ. Впрочемъ, и здѣсь надо, прежде всего, установить связующее звено между церковной литературой и беллетристикой: такимъ звеномъ были отмѣченные уже нами при изученіи религіознаго состоянія общества апокрифы, являющіеся не чѣмъ инымъ, какъ религіознымъ эпосомъ, поэзіей религіи. Уже въ нихъ замѣтенъ основной интересъ, руководившій въ то время читателями беллетристическихъ произведеній,—жажда занимательности сюжета, то, что можно назвать простымъ любопытствомъ. Но, кромѣ апокрифовъ, было много и чисто-беллетристическихъ произведеній. Старая переводная беллетристика кіевскаго періода не только была всецѣло унаслѣдована изучаемымъ временемъ, но и подвергалась дополненіямъ и передѣлкамъ, свидѣтельствующимъ объ интересѣ къ ней читающей публики: такъ, къ первой половинѣ XV вѣка сложилась вторая редакція заимствованной изъ Болгаріи «Александріи» со многими добавленіями къ древнему тексту, причемъ изслѣдователи предполагаютъ, что эта вторая редакція выработалась изъ первой черезъ рядъ посредствующихъ, теперь намъ неизвѣстныхъ ступеней; въ XIV вѣкѣ появилась новая редакція «Александріи» — сербская; умножилось число списковъ «Троянской войны» и «Повѣсти о Девгеніи Акритѣ». Всѣ новыя передѣлки названныхъ сейчасъ произведеній отличаются одной общей чертой, — усиленіемъ фантастическаго элемента, придававшаго разсказу несравненно болѣе занимательности, чѣмъ могли дать первыя редакціи. Та же погоня за интересными по своей фантастичности сюжетами замѣтна и въ переводахъ повѣстей, неизвѣстныхъ кіевской Руси: таковы «Сказаніе объ Индіи богатой» или объ «Индѣйскомъ царствѣ» и «Повѣсти о Соломонѣ». Въ первомъ пресвитеръ Іоаннъ, будто бы управлявшій Индіей, описываетъ греческому императору Мануилу чудеса своего царства. Вторыхъ былъ цѣлый рядъ: такова «Повѣсть о Соломонѣ и Давидѣ», находящаяся въ связи съ нѣмецкимъ сказаніемъ о «Соломонѣ и Морольфѣ», затѣмъ «Притча царя Соломона о царѣ Китоврасѣ»—чудеснымъ существѣ, днемъ повелѣвавшемъ людьми, а ночью звѣрями, «Сказаніе о премудрости царя Соломона и о южской царицѣ и о философѣхъ», «Суды Соломоновы». Въ концѣ XV в. была переведена съ нѣмецкаго «Повѣсть о мутьянскомъ (=молдавскомъ) воеводѣ Дракулѣ»; этотъ Дракула отличался неимовѣрной жестокостью и коварствомъ, и характеръ его рисуется въ повѣсти ужасными красками: онъ—настоящее олицетвореніе діавола. Во всѣхъ названныхъ произ-

веденіяхъ мы тщетно стали бы искать особыхъ художественныхъ достоинствъ, психологическаго анализа, реализма, характеровъ и типовъ: фабула и внѣшняя занимательность—все для авторовъ и читателей; самое большее, что обращаетъ на себя ихъ вниманіе, кромѣ фабулы,—это назиданіе, нравственное поученіе. Тѣмъ не менѣе характерно уже это стремленіе въ занимательности сюжета, прежде столь слабое. Отмѣченными сейчасъ чертами отличается и оригинальная русская «Исторія кіевскаго гостя Басарги и сына его Борзосмысла» (иначе «Мудросмысла» или «Добросмысла»); эта исторія повѣствуетъ о томъ, какъ Басарга съ сыномъ попали къ царю Несмѣяну, какъ Борзосмыслъ отгадалъ три загадки царя, убилъ послѣдняго, обратилъ всѣхъ его подданныхъ въ христіанство и царствовалъ надъ ними до своей смерти. Особое положеніе занимаетъ «Слово» или «Моленіе Даніила Заточника». Прежде «Слово» признавалось произведеніемъ XII вѣка, причемъ нѣкоторые изслѣдователи склонны были считать его сочиненіемъ остроумнаго придворнаго, княжескаго шута, но новѣйшія работы по изученію отдѣльныхъ редакцій «Слова Даніила Заточника» привели къ тому выводу, что оно составлено въ 20-хъ или 30-хъ годахъ XIII вѣка и адресовано новгородскому князю Ярославу Всеволодовичу, впослѣдствіи великому князю владимірскому, отцу Александра Невскаго; авторъ—сосланный на Лачъ-озеро за трусость княжескій дружинникъ. «Слово Даніила Заточника» въ его первоначальной редакціи оказывается въ достаточной мѣрѣ продуманнымъ произведеніемъ, обнаруживающимъ въ авторѣ и нѣкоторое образованіе, и пониманіе человѣческаго сердца, и весьма замѣчательное остроуміе. Все это сдѣлало «Слово» очень популярнымъ въ древнерусской литературѣ и породило множество его передѣлокъ, новыхъ редакцій, сильно пополнявшихъ и измѣнявшихъ основной текстъ.

Мы видѣли выше, что апокрифы служили по своему характеру связующимъ звеномъ между богословской литературой и беллетристикой. Такимъ же переходнымъ моментомъ между изящной литературой и *литературой исторической* являются житія святыхъ. Въ отношеніи назидательности житія можно считать именно отчасти беллетристическими произведеніями, но наряду съ этимъ въ нихъ былъ и несомнѣнный историческій элементъ, не всегда, впрочемъ, достаточно сильный. Литература житій ознаменовалась на сѣверо-востокѣ Россіи въ удѣльное время переводами нѣсколькихъ греческихъ патериковъ и западно-европейскаго «Житія блаженнаго Августина». Древнѣйшимъ и важнѣйшимъ оригинальнымъ памятникомъ этой литературы былъ Патерикъ Печерскій, т.-е. собраніе житій святыхъ Кіево-Печерскаго монастыря. Основаніе Патерику было положено еще въ кіевскій періодъ, но какъ цѣльный сборникъ онъ—произведеніе первой половины XIII вѣка, составившееся, главнымъ образомъ, благодаря трудамъ епископа владимірскаго и суздальскаго Симона и монаха Печерскаго мо-

настыря Поликарпа. Всѣ житія, включенныя въ Печерскій Патерикъ, проникнуты свѣжей, наивной, дѣтской вѣрой, заставляющей составителей дорожить каждымъ воспоминаніемъ, каждой фактической мелочью, касающейся того или другого святого; поэтому здѣсь нѣтъ риторики, и фактическій матеріалъ отличается богатствомъ. Это—еще житія стараго типа, въ которыхъ историческій элементъ имѣетъ первостепенное значеніе. Не то позднѣе. Въ XIV и XV вѣкахъ литература житій отмѣчена особенно дѣятельностью митрополита Кипріана, переработавшаго въ новомъ стилѣ житіе св. Петра, и очень плодовитыхъ агіографовъ Пахомія Логоѳета, Епифанія Премудраго и Пахомія серба. У всѣхъ этихъ писателей на первомъ планѣ риторика; до какой степени они увлекались риторическими прикрасами, можно усмотрѣть изъ того, что Епифаній Премудрый для описанія нравственныхъ качествъ св. Сергія Радонежскаго подобралъ 18 эпитетовъ, а св. Стефана Пермскаго характеризовалъ даже 25-ю различными эпитетами. Цѣль риторическихъ житій — исключительно назиданіе, историческая же истина, фактическое содержаніе не только отступаетъ на второй планъ, но, можно сказать, совсѣмъ теряетъ значеніе въ глазахъ агіографовъ. Для составленія житія святого, фактическія обстоятельства жизни котораго были неизвѣстны, достаточно было одного его имени: жизнеописаніе составлялось по традиціи,—изъ разсказа о монашескихъ подвигахъ и аскетическихъ порывахъ съ молодости, затѣмъ изъ біографіи одноименнаго греческаго святого заимствовались фактическія подробности: напр., разсказъ о сокрушеніи языческихъ идоловъ Аврааміемъ ростовскимъ заимствованъ изъ греческаго житія Авраамія Затворника, для житія св. Меркурія смоленскаго подробности взяты изъ греческаго житія св. Меркурія кесарійскаго, источникомъ житія св. Никиты Столпника переяславскаго послужило греческое житіе св. великомученика Никиты и т. д.

Собственно-историческая литература распадается на три отдѣла,— отдѣльныя сказанія, лѣтописи и хронографы. Изъ отдѣльныхъ сказаній, прежде всего, обращаютъ на себя вниманіе сказанія, соединенныя съ татарскимъ нашествіемъ и игомъ: сказанія о Калкскомъ побоищѣ, о Батыевѣ нашествіи, о «Мамаѣ (откуда Задонщина), Тохтамышѣ и Тамерланѣ. Эти сказанія не представляютъ собою ничего существенно новаго по характеру, литературнымъ пріемамъ и тенденціямъ, сравнительно съ болѣе древними; чувства ужаса, скорби, горечи, обиды, униженія волновали и составителей старинныхъ повѣстей о половецкихъ набѣгахъ, и въ разсказахъ о татарахъ выразились лишь рѣзче, сильнѣе; моралистическая тенденція — взглядъ на бѣдствія отъ татаръ, какъ на наказаніе за грѣхи—обща повѣствованіямъ и кіевскаго и удѣльнаго періодовъ. Гораздо больше новыхъ элементовъ наблюдается въ другой группѣ сказаній, въ тѣхъ именно, которыя посвящены паденію вольныхъ городовъ, Новгорода и Пскова:

это—политическіе памфлеты, имѣющіе въ виду проведеніе и утвержденіе идеи московскаго единодержавія.

Лѣтописи велись на удѣльномъ сѣверо-востокѣ въ очень многихъ городахъ: не говоря уже о дошедшихъ до насъ въ сохранившихся лѣтописныхъ сводахъ многихъ отдѣльныхъ извѣстіяхъ мѣстнаго происхожденія, объ этомъ свидѣтельствуютъ извѣстіе епископа Симона въ Печерскомъ Патерикѣ о «лѣтописцѣ старомъ ростовскомъ» и уцѣлѣвшій до нашего времени «Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго», составленный въ началѣ XIII вѣка. Продолжалось также, по примѣру кіевской Руси, соединеніе первообразныхъ лѣтописей въ лѣтописные своды, но здѣсь сказалась рѣзкая новая черта,—объединительная московская тенденція, выразившаяся, разумѣется, не сразу, а подготовленная исподоволь. Первыя попытки составленія общерусскаго лѣтописнаго свода, «великаго лѣтописанія», исходятъ отъ митрополита; изслѣдователи предполагаютъ существованіе двухъ такихъ обширныхъ компиляцій,—одной въ началѣ XIV в., другой въ его концѣ. Около 1423 года въ канцеляріи митрополита изъ этихъ первоначальныхъ сводовъ, изъ мѣстныхъ лѣтописей, хронологическихъ сборниковъ, произведеній духовной литературы, грамотъ, посланій, юридическихъ актовъ и произведеній народной словесности былъ составленъ первый законченный общерусскій лѣтописный сводъ, такъ называемый «Владимірскій полихронъ». Это было произведеніе, совершенно лишенное какой бы то ни было политической тенденціи. Въ 1448 году въ Новгородѣ былъ составленъ на основаніи «Владимірскаго полихрона» другой сводъ, отличающійся преобладаніемъ новгородскихъ извѣстій,—это извѣстная теперь «Новгородская 4-я лѣтопись». Этотъ сводъ перерабатывался въ Новгородѣ въ послѣдующее время, а во второй половинѣ XV и въ первой четверти XVI вѣка въ Москвѣ возникло нѣсколько передѣлокъ «Владимірскаго полихрона» съ добавленіемъ данныхъ, заимствованныхъ изъ свода новгородскаго. Такъ послѣдовательно сложились части извѣстныхъ теперь лѣтописей двухъ Софійскихъ, Воскресенской и Никоновской. Въ Москвѣ сводному лѣтописному разсказу придана была и объединительная политическая тенденція отразившая на себѣ процессъ собиранія Руси. Впрочемъ, эта тенденція далеко не единственная въ лѣтописаніи удѣльнаго періода: напр., есть лѣтописи, отражающія противоположные взгляды, смѣющіеся надъ походомъ Ивана III на Ахмата, надъ бѣгствомъ великой княгини Софіи отъ татаръ и т. д.

Чрезвычайно важное, какъ показатели новыхъ интересовъ, явленіе представляютъ собою хронографы. Это не что иное, какъ первыя русскія руководства по всеобщей исторіи, свидѣтельствующія своимъ содержаніемъ о постепенномъ расширеніи историческаго кругозора древнерусскихъ читателей. Старѣйшей формой хронографа былъ такъ называемый «Еллинскій и Римскій лѣтописецъ», составленный въ XV вѣкѣ.

Въ 1512 году появилась вторая редакція этой компиляціи,—собственно «Хронографъ».

Уже въ новгородскихъ и псковскихъ лѣтописяхъ замѣтны политическіе мотивы и тенденціи. То же мы видѣли сейчасъ въ отдѣльныхъ сказаніяхъ и лѣтописяхъ сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время. Помимо всего этого появилась, однако, и спеціальная *политическая литература.* Два основныхъ вопроса волновали политическихъ писателей того времени; во-первыхъ, вопросъ о положеніи и значеніи верховной власти, власти великаго князя московскаго; во-вторыхъ, вопросъ о правѣ монастырей владѣть земельными богатствами и о правѣ монаховъ быть политическими совѣтниками государей. По отношенію къ этимъ вопросамъ политическіе писатели удѣльнаго періода дѣлятся на двѣ враждебныхъ одна другой группы: одна можетъ быть названа іосифлянской, хотя она во многомъ отступила отъ клерикализма Іосифа Санина, поставивъ на первый планъ власть великаго князя безъ ея подчиненія церковному авторитету; другая вышла, главнымъ образомъ, изъ среды заволжскихъ старцевъ, хотя опять-таки пошла дальше своего учителя Нила Сорскаго, не задававшагося политическими темами, имѣвшаго въ виду лишь религіозно-нравственные вопросы и задачи.

Іосифлянская группа политическихъ писателей, унаслѣдовавъ давно уже проводившуюся духовенствомъ идею о богоустановленности власти и усвоивъ представленія о томъ, что Константинополь палъ вслѣдствіе отступленія отъ православія царя и патріарха во флорентійской уніи, и что истинное благочестіе сохранилось только на Руси, развила изъ этихъ основъ цѣлую стройную и сложную теорію значенія, задачъ и цѣлей православнаго русскаго царства. Въ византійской литературѣ,—напр., въ сочиненіяхъ Меѳодія Патарскаго, Льва Премудраго, въ такъ называемыхъ видѣніяхъ пророка Даніила—было немало мистическихъ пророчествъ о судьбѣ Царьграда. Въ числѣ этихъ пророчествъ было одно, въ которомъ говорилось, что «родъ русыхъ» (ξανθὸν γένος) побѣдитъ всего Измаила и овладѣетъ Седмихолмымъ. Этотъ «родъ русыхъ» у русскихъ книжниковъ, составлявшихъ сказанія о паденіи Царьграда, замѣненъ былъ «родомъ русскихъ». Затѣмъ, въ 1492 г. во вновь составленной на восьмую тысячу лѣтъ отъ сотворенія міра пасхаліи великій князь Иванъ III названъ былъ новымъ царемъ Константиномъ, и Москва—новымъ Константинополемъ. Подобныя представленія почерпались также изъ византійскаго сказанія о Вавилонскомъ царствѣ, передававшаго о томъ, какъ греческій императоръ Левъ отправилъ въ Вавилонъ пословъ, чтобы взять знаменіе отъ трехъ отроковъ, не сгорѣвшихъ въ пещи, и добыть вещи Навуходоносора; послѣ многихъ опасностей послы принесли ему царскій скипетръ и шапку Мономаха. Эта легенда пополнялась другой—такъ называемой «Исторіей властодержцевъ отъ Ноя»: отъ Ноя здѣсь выводился Ав-

густъ, потомкомъ миѳическаго брата котораго Пруса объявлялся нашъ Рюрикъ, отъ Рюрика же произошелъ Владиміръ Святой, который послѣ войны съ византійскимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ получилъ отъ него часть животворящаго креста и царскій вѣнецъ. Послѣ брака Ивана III съ Софіей Палеологъ эти мотивы соединились съ новымъ элементомъ,—указанной сейчасъ теоріей преемства Москвы отъ Константинополя въ дѣлѣ охраны православія. Еще въ 60-хъ годахъ XV в. правительство проводило такую теорію въ особо составленой брошюрѣ «Слово избрано отъ святыхъ писаній еже на латыню». Однимъ изъ литературныхъ предшественниковъ «Слова на латыню» было извѣстное уже намъ «Посланіе инока Саввы на жидовъ и на еретики», гдѣ великій князь Василій Васильевичъ названъ «потвердникомъ благочестія». Въ «Словѣ» онъ именуется «богошественнымъ поспѣшникомъ истиннѣ, высочайшимъ исходатаемъ благовѣрія, мудрымъ изыскателемъ святыхъ правилъ божественнаго закона, истинныя вѣры православія, боговѣнчаннымъ царемъ всея Руси». Но наиболѣе яркимъ выраженіемъ политической теоріи русскаго царства были составленныя въ XVI в. три посланія старца псковского Елеазарова монастыря Филоѳея—одно къ великому князю Василію III, другое къ дьяку Мунехину, третье къ царю Ивану IV, написанныя почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Основная идея посланій выражена такъ: «два Рима пали, третій (т.-е. Москва) стоитъ, а четвертому не быть». Здѣсь говорится, по собственнымъ словамъ автора, «о православномъ царствѣ пресвѣтлѣйшаго и великостольнѣйшаго государя нашего, единственнаго во всей поднебесной христіанскаго царя, браздодержателя святыхъ Божіихъ престоловъ, св. вселенской и апостольской церкви, которая просіяла вмѣсто церкви римской и константинопольской и утвердилась въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ и которая одна во всей вселенной и лучше солнца свѣтится. Всѣ другія христіанскія царства исчезли совершенно и соединились въ одно царство нашего государя».

Такова была теорія московскаго православія и самодержавія, отстаивавшаяся политическими писателями іосифлянсмой партіи. Тѣ же іосифляне, по примѣру своего учителя, горячо защищали право монастырей владѣть землей. Такъ, въ самомъ началѣ XVI вѣка было составлено «Слово кратко» въ защиту монастырскихъ имуществъ, приписываемое нѣкоторыми извѣстному переводчику при новгородскомъ архіепископѣ Геннадіи бывшему доминиканцу Веніамину. Здѣсь проводится идея неотчуждаемости церковныхъ имѣній, обосновываемая ученіемъ о святости права собственности и неотъемлемости имущества, посвященнаго Богу. Насильственное лишеніе церкви ея имущества приравнивается къ святотатству, наказываемому отлученіемъ отъ церкви, анаѳемой, эпитиміей и лишеніемъ погребенія.

Страстный тонъ іосифлянской публицистики служитъ очевиднымъ

свидѣтельствомъ того, что идеи, ею отстаиваемыя, встрѣчали сильное сопротивленіе, что была политическая литература иного направленія. Какъ было уже сказано, она вышла изъ среды заволжскихъ старцевъ. Самымъ замѣчательнымъ политическимъ памфлетомъ этого направленія является такъ называемая «Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ Сергія и Германа», составленная въ первой половинѣ 50-хъ годовъ XVI вѣка. Политическая теорія «Бесѣды» прямо противоположна іосифлянской, противорѣчитъ ей рѣшительно во всѣхъ пунктахъ. Вотъ нѣсколько характерныхъ выдержекъ, доказывающихъ это: «царемъ и великимъ княземъ достоитъ изъ міру всякіе доходы своя съ пощадою збирати и всякія дѣла дѣлати милосердно съ своими князи и съ боляры и съ прочими міряны, а не съ иноки»; «подобаетъ инокомъ пріимати годовая урочная милостыня, всему иноческому и священническому и нищенскому чину, а вотчинъ и волостей со христіаны отнюдь инокомъ не подобаетъ давати»; «аще гдѣ въ мірѣ будетъ власть иноческая, а не царскихъ воеводъ, ту милости Божія нѣсть».

Изъ сказаннаго видно, какимъ важнымъ и новымъ явленіемъ была на сѣверо-востокѣ удѣльной Руси политическая публицистика. Она была отраженіемъ того усложненія реальныхъ отношеній, хозяйственныхъ, соціальныхъ и политическихъ, которое такъ характерно для конца удѣльнаго періода и которое черезъ посредство психологической организаціи общества повліяло на всѣ элементы духовной культуры.

Остается только указать на состояніе *научныхъ знаній*. Безъ сомнѣнія, и здѣсь наблюдаются какъ наслѣдіе старины, такъ и зародыши новыхъ, болѣе правильныхъ научныхъ идей. Остаткомъ прошлаго надо признать то обстоятельство, что попрежнему пользовались еще значительнымъ авторитетомъ среди читателей «Физіологъ» и сочиненіе Козьмы Индикоплова. Но потребность въ болѣе обширныхъ, основательныхъ и, главное, дѣйствительно научныхъ познаніяхъ по естественнымъ наукамъ была настолько велика и настоятельна, что количество пособій по естествознанію стало быстро расширяться. Такъ пріобрѣлъ значеніе извѣстный уже намъ «Лацидаріусъ», въ которомъ отразились естественно-научныя знанія средневѣкового европейскаго запада. Далѣе: съ цѣлью толкованія непонятныхъ словъ и выраженій составленъ былъ такъ называемый «Азбуковникъ»; онъ скоро превратился въ цѣлую энциклопедію, главнымъ образомъ по естествознанію. Въ концѣ XIV вѣка была переведена съ греческаго поэма греческаго писателя VII вѣка Георгія Писиды, содержавшая въ себѣ описаніе явленій природы. Въ XV столѣтіи переведены географія Помпонія Мелы и нѣсколько астрономическихъ и астрологическихъ книгъ. Но и все это мало удовлетворяло любознательныхъ людей того времени: въ различныхъ сборникахъ XV и XVI вѣковъ все чаще и чаще попадаются отдѣльныя переводныя статьи по естествознанію,— напримѣръ, о шарообразности земли, о громѣ и молніи и т. д. Однимъ

словомъ, наблюдается постепенное, хотя и медленное, расширеніе и углубленіе знаній о природѣ.

Слабѣе развитъ былъ интересъ къ другимъ наукамъ. Впрочемъ, и здѣсь нельзя отрицать постепенное усиленіе вниманія читающей публики къ серьезному знанію: такъ, были переведены въ XV вѣкѣ ариѳметика и риторика. Содержаніе старинныхъ, переведенныхъ съ греческаго «Пчелъ» стало подвергаться немаловажнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ. Такъ, въ одной «Пчелѣ» XIV—XV вѣковъ трактуются, между прочимъ, важные вопросы «о власти и княженьи», «о ученьи и бесѣдѣ», «о любомудріи и о ученьи», «о законѣ». Во всемъ этомъ нельзя не видѣть возрастающаго интереса къ серьезному знанію.

Глава седьмая.

Литература по исторіи сѣверо-восточной Руси въ удѣльный періодъ.

Всякій, начинающій изученіе исторіи сѣверо-восточной Руси въ удѣльный періодъ, обязанъ, прежде всего, обстоятельно познакомиться съ недавно вышедшимъ первымъ выпускомъ «Курса русской исторіи» проф. Ключевскаго. Другимъ общимъ пособіемъ являются соотвѣтствующія части «Очерковъ по исторіи русской культуры» г. Милюкова.

Естественныя условія сѣверо-восточной Россіи могутъ быть характеризованы по трудамъ г. Воейкова и Сибирцева, названнымъ уже въ первой части нашего «Обзора». Въ частности для исторіи колонизаціи нѣтъ сводной, обобщающей работы, кромѣ очерка въ названномъ сейчасъ трудѣ г. Милюкова, и потому наиболѣе подходящими первоначальными пособіями для ея изученія могутъ служить труды по мѣстной исторіи, напр. г. Борзаковскаго «Исторія Тверского княжества», г. Иловайскаго «Исторія Рязанскаго княжества», г. Корсакова «Меря и Ростовское княжество».

Въ этихъ же сочиненіяхъ собранъ нѣкоторый матеріалъ по исторіи экономическаго быта, при изученіи которой первоначальными пособіями могутъ также служить книги Аристова «Промышленность древней Руси» и пишущаго эти строки, «Городъ и деревня въ русской исторіи» и «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в». Въ частности для исторіи землевладѣнія можно на первую очередь выдвинуть труды Неволина (Полное собраніе сочиненій, томъ IV), г. Рождественскаго «Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI в.», Милютина «О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи» и проф. Горчакова «О земельныхъ владѣніяхъ митрополитовъ, патріарховъ и св. синода». Третій томъ «Древностей русскаго права» г. Сергѣевича также трактуетъ о исторіи хозяйства и землевладѣнія въ удѣльное время (см. мою рецензію на эту книгу въ журналѣ «Правда» за 1904 г., № 1).

Соціальныя отношенія слѣдуетъ изучать по соотвѣтствующимъ

главамъ «Исторіи мѣстнаго управленія въ Россіи» Градовскаго по книгамъ Бѣляева «Крестьяне на Руси», г. Дьяконова «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ», г. Лаппо-Данилевскаго «Розысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ» и по первому тому «Русскихъ юридическихъ древностей», г. Сергѣевича, а также по чрезвычайно важнымъ статьямъ г. Ключевскаго «Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи» (въ «Русской Мысли» за 1885 годъ), «Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи» (тамъ же за 1886 годъ) и г. Павлова-Сильванскаго «Закладничество - патронатъ» въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Археологическаго общества» томъ IX, вып. 1, 2), «Иммунитетъ въ удѣльной Руси» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», за 1900 г., № 12) и «Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси» (тамъ же за 1901 годъ).

Основными, стоящими на первой очереди при изученіи сочиненіями по политической исторіи удѣльнаго сѣверо-востока надо признать слѣдующія: Соловьева «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», Чичерина «Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей» (въ «Опытахъ по исторіи русскаго права»), г. Сергѣевича «Русскія юридическія древности», томъ II, г. Ключевскаго «Боярская дума древней Руси», Градовскаго «Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи», г. Дьяконова «Городовые приказчики» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1900 г., № 1), г. Милюкова «Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства», г. Осокина «Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи», г. Дмитріева «Исторія судебныхъ инстанцій», г. Дювернуа «Источники права и судъ въ древней Россіи».

По исторіи церкви особенно важны «Исторія русской церкви», томъ II, первая половина—г. Голубинскаго, «Исторія русской церкви» митрополита Макарія, томы III, IV, V и VI, и «Руководство къ русской церковной исторіи» г. Знаменскаго.

Общія пособія по исторіи искусства и литературы — прежнія: «Исторія русскаго искусства» г. Новицкаго и «Исторія русской литературы» г. Пыпина. Кромѣ того, по исторіи литературы можно выдвинуть на первую очередь изученія еще слѣдующія сочиненія: г. Шахматова «Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вв.» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1900 г., №№ 9 и 11, и за 1901 г., № 11), г. Соболевскаго «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.», г. Дьяконова «Власть московскихъ государей».

Послѣ изученія названныхъ трудовъ можно обращаться къ источникамъ, въ нихъ указаннымъ, а затѣмъ уже наступаетъ очередь изученія другихъ спеціальныхъ сочиненій.

Н. Рожковъ.

ЗАЛО̀МЪ.

Маріи Родзевичъ.

(Съ польскаго).

Хлѣба начинали уже зацвѣтать, возбуждая тревоги и сомнѣнія, когда однажды вечеромъ вбѣжалъ въ отцовскую избу маленькій пастухъ Захаръ, запыхавшись и въ сильномъ волненіи.

— Отецъ!—заявилъ онъ таинственнымъ шопотомъ.—У насъ во ржи «зало́мъ»!

Хозяинъ прервалъ свой ужинъ, жена уронила изъ рукъ горшокъ.

— Гдѣ? Кто тебѣ сказалъ?

— Я самъ бѣгалъ смотрѣть, а мнѣ ребята сказали. Есть заломъ «противъ солнца», тамъ, знаешь, за грушей.

— Дуракъ!—буркнулъ сердито отецъ, а мать начала уже причитать:

— Ой, доля моя несчастная! Теперь придетъ на насъ бѣда... Не увидитъ нашъ хлѣбушка ни риги, ни амбара. Нечѣмъ мнѣ будетъ квашни замѣсить... Пропали мы, разорились!

Хозяинъ только молча плюнулъ, но его рука, держащая ложку, уже не тянулась болѣе за ѣдой. Сосѣдка, забѣжавшая на минуту къ нимъ въ хату, услыхавъ это, покачала жалостно головой и поспѣшила уйти, чтобы разнести поскорѣй вѣсть по селу.

И скоро изъ избы въ избу передавалось:

— У Семеновыхъ въ житѣ заломъ! Быть бѣдѣ у нихъ!

Семенъ, не дожидаясь утра, ночью же отправился въ поле, чтобы собственными глазами убѣдиться въ своемъ несчастьи.

За дикой грушей къ самому лѣсу тянулись полосой его загоны ржи; тамъ, у самой межи, кто-то собралъ въ кучу и скрутилъ узломъ горсть колосьевъ. Это была только горсточка колосьевъ, но мужикъ стоялъ надъ ней въ оцѣпенѣніи и смотрѣлъ съ ужасомъ.

Это было самое страшное колдовство. Тотъ, кто его сдѣлалъ, зналъ самыя сильныя заклинанія и вложилъ въ этотъ сплетенный узелъ колосьевъ страшную силу зла. Дотронуться до него—грозило болѣзнью; вырвать—грозило смертью; оставить—грозило разореніемъ и лишеніемъ всего имущества.

Мужикъ не тронулъ его, онъ боялся даже проклинать того, кто сдѣлалъ это, и, съ опущенной головой, печально вернулся домой.

На другое утро вся деревня только и говорила, что о заломѣ; каждый шелъ на поле посмотрѣть его собственными глазами; потихоньку передавали другъ другу разныя пересуды, причины; старались угадать, кто могъ это сдѣлать. Семениха плакала и ломала руки, припоминая, чѣмъ и кого она могла разсердить.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого у Семеновыхъ издохъ теленокъ, немного спустя потерялась овца, наконецъ, захворалъ лихорадкой Захаръ.

«Порча» начинала оказывать свое дѣйствіе.

Отправился старый Семенъ искать совѣта и помощи у разныхъ старухъ и знахарей, но вездѣ встрѣчалъ отговорки. Ни одинъ не хотѣлъ имѣть дѣла съ заломомъ.

Наконецъ, одинъ изъ нихъ, подумавъ, сказалъ:

— Надъ этой порчей имѣетъ силу одна только Зозуля въ Древицахъ, если только не померла она. Больше никто!

Древицы были въ пяти миляхъ отъ Семеновой деревни; время стояло рабочее, но Семенъ, не колеблясь, запрегъ своихъ клячъ и отправился туда съ водкой, хлѣбомъ и деньгами, завязанными въ уголокъ платка. На выгонѣ за деревней онъ повстрѣчалъ худую, въ рваной одеждѣ женщину, которая пасла гусей.

— Куда это вы ѣдете?—спросила она его.

— А ѣду искать кары на того негодяя, что мнѣ заломъ сдѣлалъ. Зозуля въ Древицахъ укажетъ его мнѣ и покараетъ.

Женщина не сказала ничего, опустилась на землю и задумалась. Черезъ нѣсколько времени она погнала гусей домой и, загнавъ ихъ, вошла въ хату.

Мужъ ея, хромоногій деревенскій портной, праздно дремалъ на скамьѣ; нужда глядѣла изъ всѣхъ угловъ избы, на столѣ не было даже куска хлѣба, прикрытаго полотенцемъ; въ печи не былъ разведенъ огонь для ужина.

— Михайла, знаешь ты, куда поѣхалъ Семенъ?—прошептала женщина.

— Отвяжись отъ меня!—буркнулъ мужикъ.

— Въ Древицы онъ поѣхалъ, къ Зозулѣ!

— Пусть ѣдетъ къ самому чорту!

— Что ты съ ума спятилъ? Вѣдь Зозуля тебя научила этотъ заломъ сдѣлать; теперь она его на тебя и оборотитъ.

— Ну такъ что-жъ? Что съ меня взять? поле братья отобрали, корову съѣлъ волкъ, дѣти въ землѣ, хлѣба нѣтъ, хата валится! Нѣтъ у меня ничего, такъ нечего и портить, а ноги и такъ давно испорчены. Ты сама полоумная!

Женщина сѣла въ уголъ и плакала, а мужикъ, все болѣе раздражаясь, продолжалъ:

— Пусть богачъ потужитъ. Обманулъ меня, за работу не заплатилъ, воромъ назвалъ за тотъ негодный лоскутъ сукна, что у меня потерялся. Поклялся я, что дорого онъ мнѣ за это заплатитъ, вотъ и заплатитъ. И Зозуля ему не поможетъ. Крѣпко сдѣлано. А ты молчи, а не то побью!

Жена знала, что онъ исполнитъ угрозу, поэтому ничего не отвѣтила ему и только со страхомъ ожидала возвращенія Семена.

На другой день, подъ вечеръ она увидѣла его на дорогѣ. Онъ везъ съ собой маленькую сухую старушонку съ косыми глазами и тонкимъ ртомъ—это была сама страшная Зозуля. Женщинѣ казалось, что старуха знаетъ, кто она и что̀ она думаетъ и чего боится, потому что та посмотрѣла на нее пристально, а когда телѣга проѣхала, то старуха еще разъ поглядѣла на нее и пошевелила губами.

Въ сильномъ волненіи вернулась она къ себѣ домой.

— Зозуля пріѣхала!—объявила она, вся дрожа, мужу.

— А-а!—встрепенулся мужикъ.—И что же она сказала?

— Не знаю. Сейчасъ только я ихъ встрѣтила. Побѣгу, поразвѣдаю!..

Мужъ не сказалъ ничего. Женщина вышла и побѣжала по улицѣ.

Около избы Семена уже собралась цѣлая куча бабъ, каторыя шептались и ждали. Онѣ не смѣли войти въ избу, только тревожно заглядывали въ ея крошечныя оконца, ожидая чего-то страшнаго.

Зозуля сидѣла на скамьѣ прямо противъ огня, таинственная и безмолвная, поглядывая на всѣхъ своими острыми глазами и шевеля беззвучно губами.

Она уже въ сотый разъ выслушивала разсказъ о заломѣ и, наконецъ, посмотрѣвъ въ окно, сказала:

— Мѣсяцъ ужъ взошелъ, пора идти туда!

— Однѣ пойдете?—спросила Семениха.

— Нѣтъ, и вы всѣ. Возьмите, хозяинъ, новый горшокъ съ углями и провожайте насъ.

Черезъ минуту всѣ отправились въ путь. Старуха бросила на горячіе угли горсть какихъ-то зелій; повалилъ удушливый дымъ и охватилъ всѣхъ; такъ они шли, въ полномъ молчаніи, черезъ всю деревню до самаго поля.

За ними тянулись и бабы, разглядывая знахарку.

Съ ними въ толпѣ шла и жена портного; у ней стучали зубы, какъ въ лихорадкѣ.

Она очень хорошо видѣла, что, минуя ихъ избу, послѣднюю, Зозуля какъ будто споткнулась, остановилась на секунду, что-то бросила тамъ незамѣтно и пошла дальше. Ночь была свѣтлая, мѣсячная, тихая и прекрасная. Пришли къ Семеновой полосѣ. Зозуля шла прямо къ залому. Она отыскала его и вдругъ начала говорить громко, отчетливо, иногда причитая и растягивая слова нараспѣвъ.

— Скрутили тебя недобрыя руки, пусть же и ихъ такъ скрутитъ. Учинили тебя лихіе глаза, пусть они никогда прямо не смотрятъ. За-

думали тебя супротивныя мысли, пусть же они навѣкъ перевернутся. Святой хлѣбъ страдаетъ, пусть же и грѣшникъ страдаетъ. Святое зерно не наливается, пусть же во вѣкъ и злое не исполняется! Аминь, аминь, аминь!

Она подошла ближе, достала изъ-подъ фартука узкій ножъ, отрѣзала изъ завитка одинъ колосъ и бросила его на угли.

— Столько зла на Семеновъ домъ и постройки!

Отрѣзала другой и затоптала его въ землю:

— Столько зла на Семеново поле!

Срѣзала третій и бросила его въ воду въ канавѣ:

— Столько зла на Семенову скотину и на здоровье его и его родныхъ! Аминь, аминь!

Она подняла руку съ ножомъ надъ головой.

— Теперь нѣтъ въ тебѣ погибели на Семена, теперь въ тебѣ только погибель тому, кто тебя учинилъ! Теперь надъ нимъ судъ, теперь ему отплата! Аминь, аминь! Не моя воля: великая воля! Не моя сила: великая сила! Приказано тебя взять: иди!

Ножъ блеснулъ въ воздухѣ: она срѣзала заломъ подъ самый корень, схватила его, какъ добычу, связала, какъ преступника, красной нитью, вытащенной изъ передника, и, отгоняя отъ себя что-то невидимое, спрятала связку въ темный платокъ.

Потомъ на то мѣсто, гдѣ были вырваны колосья, она высыпала угли изъ горшка, растоптала самый горшокъ, плюнула нѣсколько разъ, шепча заклятья, и, наконецъ, направилась назадъ къ деревнѣ.

Молча шли за ней слѣдомъ всѣ остальные. Они были уже далеко, когда изъ ржи выползъ человѣкъ. Это былъ портной Михайло, который слышалъ все и былъ увѣренъ въ своей погибели.

Прячась и всячески укрываясь, по межамъ, по канавамъ, вернулся онъ въ свою избу.

Огня онъ не зажегъ, спать не легъ, а сѣлъ на лавку и принялся раздумывать.

Что теперь будетъ? Что на него замышляютъ? Можетъ быть, онъ ужъ и до утра не доживетъ... Вѣдь это онъ связанъ кровавой нитью, обвитъ траурнымъ платкомъ и находится во власти Зозули.

Его начала перебирать дрожь, мурашки забѣгали по тѣлу, онъ чувствовалъ, что его забираетъ въ свою власть какая-то страшная сила; въ головѣ стучало отъ ужаса и тревоги.

— Придется безвременно помирать! — прошепталъ онъ.

Между тѣмъ, Зозуля, вернувшись въ Семенову хату, усѣлась за столъ, положила передъ собой связку колосьевъ, какъ самого преступника, и спросила:

— Ну, что же вы теперь хотите съ нимъ сдѣлать, хозяинъ? Хотите въ водѣ его утопить, въ землю закопать, огнемъ спалить или, можетъ быть, повѣсить его? Что хотите?

Семенъ посмотрѣлъ на пучокъ колосьевъ, подумалъ, плюнулъ.

— Пусть онъ сохнетъ такъ, какъ мы сохли съ печали изъ-за него!— отвѣтилъ онъ наконецъ.

Знахарка взяла колосья изъ платка и, бормоча заклинанья, подвѣсила ихъ на ниткѣ къ бревну потолка въ дымъ и копоть.

— Будетъ сохнуть и сохнуть. Захотите ему отдыхъ дать — вынесите его на дворъ, подъ крышу; захотите покончить съ нимъ — бросьте въ огонь; захотите его простить—положите на порогъ въ часовнѣ. Ваша воля надъ нимъ!

— Если придетъ попросить — прощу! — пробормоталъ Семенъ. — Пусть ему стыдно будетъ передъ добрыми людьми. А не покажется, пусть сохнетъ, окаянный!

Хата была курная, безъ трубы. Въ волнахъ горячаго дыма символистическая связка колосьевъ тихо покачивалась и всѣ устремили на нее глаза.

Зозуля шептала послѣднее заклинанье.

Женщины расходились по домамъ, разнося по селу страшную вѣсть.

Жена портного, вернувшись домой, разсказала все мужу. Тотъ слушалъ молча, сидя неподвижно въ темнотѣ, но когда она сказала, чтобы онъ шелъ просить Семена, онъ сорвался съ мѣста и бросился къ ней съ кулаками.

— Молчи ты, если хочешь быть жива!.. Понимаешь? Сдохну, а не пойду! А ты молчи!

Женщина выбѣжала изъ избы, не помня себя отъ страха.

На другое утро она живо распродала гусей, разнесла по сосѣдямъ, что имѣла, полотна и одежды и не пошла даже полоть въ огородѣ. Она ждала своей неминуемой гибели и разоренія.

Михайло былъ мраченъ. За одну ночь у него ввалились глаза, запеклись губы. Онъ не пробовалъ противиться лежащему на немъ проклятью, только съ ожесточеніемъ твердилъ себѣ:

— Высохну я, изведетъ меня онъ, когда придетъ ему охота. Ну, что-жъ, по крайней мѣрѣ, хворать долго не буду.

И вотъ мало-по-малу началась медленная пытка.

Каждое утро онъ чувствовалъ любопытный, испытующій взглядъ жены, чувствовалъ, что онъ уже начинаетъ сохнуть, а черезъ недѣлю уже вся деревня относилась къ нему подозрительно: стали шептаться, оглядываться на него, окидывать его любопытными взглядами, даже въ его собственной хатѣ подстерегали каждое его движеніе, дѣйствіе, слово. Неизвѣстно откуда явилось это подозрѣніе, но на слѣдующей недѣлѣ ужъ и самъ Семенъ ядовито затронулъ его:

— А что, Михайла, можетъ, тебѣ интересно посмотрѣть, какъ мой «заломъ» виситъ на потолкѣ? Сохнетъ онъ, сохнетъ! Охъ, и горячо же ему!

Портной посмотрѣлъ на него исподлобья, хотѣлъ отойти, но вдругъ его охватило безумное желаніе видѣть свою судьбу.

Онъ вошелъ. Въ дыму, закопченный, сжавшійся и скрюченный, колыхался пучокъ колосьевъ. Колеблясь постоянно отъ жара, онъ весь растрепался и нѣсколько отдѣльныхъ колосковъ торчало въ стороны, точно искривленныя болью руки.

— Горячо ему, горячо! Высохнетъ въ самую пору!

— Въ какую пору? — спросилъ машинально портной, не глядя на него.

— А къ Рождеству, — отвѣтилъ злорадно Семенъ.—Буду его сушить лѣто и осень, а на самый сочельникъ сожгу, чтобы онъ не увидѣлъ праздничнаго пирога и не мозолилъ людямъ глаза на святой праздникъ. Вотъ какъ ему будетъ, если онъ не поклонится мнѣ!

Портной злобно взглянулъ на него.

— Анъ нѣтъ, врешь,—буркнулъ онъ.—Сушить ты имѣешь власть, а въ смерти его ты не воленъ. Въ этомъ его воля!

— Вотъ посмотримъ.

— Посмотримъ.

И они разошлись. На другое утро Михайло почувствовалъ себя совсѣмъ больнымъ; мучилъ его страшный жаръ, не хотѣлось ему ни ѣсть, ни пить. Но онъ скрывалъ свое недомоганіе отъ жены и даже отправился на работу.

Онъ шилъ у сосѣда сермягу и чувствовалъ, что за нимъ все время наблюдаютъ, шепчутся, разглядываютъ его съ безжалостнымъ любопытствомъ.

— Что это ты, какъ будто нездоровъ?—спросила его хозяйка.

— Съ чего же? Я какъ всегда,—пробормоталъ онъ.

— Ни кровинки у тебя нѣтъ въ лицѣ. Точно закопченный ты весь и какъ высохъ!

— Никогда я не былъ толстымъ и краснымъ.

— Не такой ты, какъ былъ, не такой!—отвѣтила баба протяжно.

Съ недѣлю перемогался Михаилъ, боролся съ хворью и скрывалъ свои мученья. Наконецъ, слегъ.

Ничто у него особенно не болѣло, ничто не безпокоило, только чувствовалъ онъ страшную слабость. Ноги были словно налитыя свинцомъ, руки опускались, глаза ввалились въ глубь черепа, чувствовалась ужасная сухость во рту и въ горлѣ. Онъ лежалъ въ углу на на лавкѣ, по лицу его безнаказанно ползали рои мухъ, на него падала сажа съ потолка, а онъ не открывалъ глазъ, не двигался, только все время видѣлъ одно: горсть зеленой ржи, колеблемую горячимъ дымомъ, почернѣлые колосья, торчащіе изъ пучка.

Когда жена увидала его лежащимъ такимъ образомъ, она начала его упрекать, бранить, потомъ стала жаловаться на свою судьбу. Но онъ оставался безчувственнымъ ко всему и даже не открывалъ глазъ.

Теперь уже не слухи, не шушуканье шло по селу, теперь была полная увѣренность: о немъ судили громко, приходили къ нему въ избу, безцеремонно разглядывали его.

Жена совсѣмъ отступилась отъ него, она отрицала свое сообщничество съ мужемъ и всякое участіе въ его дѣлахъ и предоставила его собственной участи. Она стала ходить на заработки и бабы начали ее уже сватать.

— Работящая женщина, здоровая, за льномъ хорошо умѣетъ ходить. Холста у ней много. Работой не замучена, потому что мужъ на нее зарабатывалъ. Можно ее брать, какъ малину!

Слушали эти разговоры вдовые мужики и поддакивали.

— Какъ не взять! Хорошая баба! Только бы портной не сохъ долго.

— Да что-жъ! Вѣдь извѣстно: до Рождества его Семенъ будетъ держать. Послѣ Крещенья можно будетъ ее брать.

Дѣло было тогда же подстроено и налажено, и черный Степанъ, который недавно похоронилъ свою жену, встрѣтивъ Михалиху, самъ заговорилъ съ ней.

— Какъ помретъ онъ, я приду къ тебѣ! Льну моя покойница восемь загоновъ засѣяла; дѣтишки послушные, будутъ тебя матерью звать, если прикажешь.

— Не знаю ужъ! Подумаю. Еще время есть,—отвѣчала жена портного, почти готовая согласиться.

А Михайло лежалъ въ углу, терзаемый насѣкомыми и своей болѣзнью. Онъ высохъ и почернѣлъ, почти ничего не ѣлъ; выползалъ иногда изъ избы и садился, глядя безсмысленнымъ неподвижнымъ взоромъ въ одну точку.

И видѣлся ему все дымъ, дымъ и дымъ, а среди него колыхался пучокъ колосьевъ, обернутый въ черную тряпицу и обвязанный красной нитью.

Никто не пришелъ утѣшить его, помочь ему, подѣлиться съ нимъ мыслями.

Рожь уже сжали и радовались урожаю; потомъ собрали и ленъ, и женщины начали управляться съ нимъ; на дворѣ становилось дождливо, пасмурно и уныло.

Жена Михайлы чаще теперь бывала дома и докучала мужу.

Выведенный изъ терпѣнія ея упреками и проклятіями, онъ какъ-то разъ отвѣтилъ ей:

— Чего тебѣ надо отъ меня, вѣдьма? Привезу тебѣ дровъ и крышу починю. Иди, проси того, чтобы онъ мнѣ отдыхъ далъ.

Жена отправилась къ Семену и долго не возвращалась.

— Ну, вставай ты, колода! Будетъ тебѣ отдыхъ на недѣлю. Едва упросила. Снялъ Семенъ твою хворь, вывѣсилъ подъ стрѣху. Ну, вставай!

И Михайла всталъ. Онъ былъ уже совершенно опутанъ своей болѣзнью и не имѣлъ собственной силы и власти. Онъ всталъ и принялся за работу. Работалъ онъ, какъ автоматъ, глаза у него были стеклянные, движенія машинальны, голосъ дикъ. Но онъ двигался, ѣлъ, пилъ. Онъ отдыхалъ отъ своихъ мукъ.

Но это былъ отдыхъ осужденнаго, который знаетъ срокъ исполненія приговора надъ нимъ. Съ каждымъ днемъ движенія его становились слабѣе, мысли болѣе мрачными, и когда недѣля прошла, онъ снова слегъ.

Вся деревня была убѣждена, что иначе быть не можетъ, что такъ и должно быть. Ни одна душа не пожалѣла этого страдальца и не пожелала облегчить его мукъ.

Впрочемъ, онъ и самъ не сталъ бы лечиться.

И снова начались разговоры на вечерницахъ.

— Портной-то все сохнетъ и сохнетъ! А и упрямъ же! Не идетъ поклониться Семену!

— Семенъ говоритъ, что все равно теперь ничто не поможетъ: колосья ужъ стали тлѣть отъ жара. Теперь скоро конецъ ему.

А конецъ былъ тяжелый. Осенняя непогода, вѣтеръ и сумракъ воцарились надъ землей; пронзительно и печально раздавались послѣдніе звуки пастушьей свирѣли, вѣтеръ завывалъ, какъ душа грѣшника; въ хатѣ стало темно и мрачно.

— Мароа,—позвалъ какъ-то разъ Михайла послѣ недѣльнаго молчанія жену, которая пряла, сидя у печи.

— Чего тебѣ?—отозвалась она нехотно.

— Пойди туда! Тяжко мнѣ, силъ нѣтъ какъ тяжко! Иди, попроси, пусть дастъ мнѣ отдохнуть! Не выдержу я! Ой, Іисусе Христе!

Онъ взывалъ къ Іисусу Христу, но не зналъ, кто такой былъ Христосъ. Онъ просто произносилъ привычное, употребляемое всѣми слово, чуждое ему по смыслу.

Жена начала ворчать.

— На что тебѣ отдыхъ? Лежалъ бы ужъ. Кому ты и на что нуженъ!

Мужикъ смолкъ, но черезъ минуту снова заговорилъ.

— Станокъ ткацкій тебѣ бы поправилъ. Дровъ бы нарубилъ.

— Вотъ бы смололъ въ жерновахъ подсыпку для скота.

— Кабы мнѣ вздохнуть немножко, то я бы, можетъ, и сдюжилъ.

Бабѣ захотѣлось этого. Она собралась и пошла, но очень скоро вернулась обратно въ страшной ярости.

— Скорѣй бы сдохъ ты, окаянный! Сколько стыда изъ-за тебя приняла, людскихъ попрековъ! Семенъ меня изругалъ всячески и выгналъ. Дастъ онъ тебѣ отдыхъ, дастъ—только подъ Рождество въ печи, въ огнѣ. У нихъ тамъ ссоры въ избѣ идутъ съ сыновьями, такъ они всѣ, какъ шмели. Лежи ужъ ты, колода!

Михайло не отвѣтилъ ничего, онъ думалъ.

И будетъ онъ такъ въ Семеновой власти до конца? И будетъ Зозулина правда? Не отомститъ онъ имъ? Не оставитъ ихъ въ дуракахъ? Смерть идетъ, не торопится, послушная имъ обоимъ. А нельзя ли пойти къ ней навстрѣчу? Нельзя развѣ осквернить Семенову хату, осрамить Зозулю? На красномъ шнуркѣ болтается пучокъ колосьевъ...

Посмѣшищемъ онъ служитъ для всей деревни, для Семена. Ну, такъ вотъ онъ имъ сдѣлаетъ штуку, устроитъ такой праздникъ, что и пирогъ не полѣзетъ въ горло.

Жизнь въ ихъ рукахъ, а смерть—нѣтъ, не тутъ-то было! Михайло продолжалъ лежать, но онъ больше не стоналъ, не жаловался, даже лицо у него измѣнилось. Порой въ глазахъ вспыхивалъ огонекъ и губы вздрагивали какъ бы отъ усмѣшки; иногда онъ оглядывалъ избу, точно ища въ ней чего-то глазами. Разъ даже онъ сказалъ женѣ.

— Водки бы я выпилъ. Принеси.

— Вотъ еще! Стану я тебя угощать. Умрешь вотъ, будетъ тогда водки вволю.

— Въ сѣняхъ, надъ дверями, подъ крышей есть тряпица съ деньгами. Возьми и купи мнѣ водки.

Она живо вскочила съ мѣста, розыскала тряпицу и вынула деньги. Потомъ она сходила, принесла ему бутылку водки и стала приговаривать:

— Ахъ ты, мой соколикъ! Можетъ, ты еще гдѣ спряталъ деньги? Скажи мнѣ, горемычной; вѣдь я послѣ тебя сиротой останусь! Скажи, пока время есть. А то, можетъ, тебѣ велятъ отдать ихъ или умрешь ночью, а я не услышу...

— Какъ придетъ время, такъ и скажу!—буркнулъ портной и запряталъ бутылку въ солому, на которой лежалъ.

Оживленная этой надеждой, жена стала къ нему внимательнѣе и менѣе жестка. Каждый день она пробовала заговорить о деньгахъ, но мужикъ снова какъ окаменѣлъ въ молчаніи.

Земля побѣлѣла отъ снѣга. Рождественскій постъ приходилъ къ концу. Вопреки предсказаньямъ, Михайло сталъ бодрѣе, пробовалъ ходить, ѣсть, смотрѣлъ сознательнѣе. Вся деревня дивилась. Навѣдывались къ Семену, чтобы взглянуть на таинственный свитокъ соломы. И всѣмъ казалось, что солома дѣйствительно какъ будто стала свѣжѣе.

— Это такъ передъ концомъ! — посмѣивался Семенъ, въ глубинѣ души, однако-жъ, смущенный.

Временами его брало страшное желаніе, не дожидаясь праздника, спалить несчастный клокъ соломы, но онъ воздерживался.

— Сказалъ: на сочельникъ! Пусть и будетъ такъ.

Наконецъ, пришло и Рождество.

Въ сочельникъ вечеромъ вся деревня отправилась въ церковь къ ночной службѣ; пусты были улицы, пусты хаты. Издали несся мелодичный перезвонъ колоколовъ.

Жена Михайлы тоже одѣлась и собралась. Михайло сидѣлъ на постели, бодрый на видъ и оживленный. Нѣтъ, не умретъ онъ такъ скоро! И она, совершенно успокоенная, пошла въ церковь.

Когда стихли ея шаги, Михайло быстро обернулся назадъ, вытащилъ спрятанную бутылку водки и выпилъ больше половины.

Онъ припряталъ ее именно для этого случая.

Потомъ онъ надѣлъ на себя сермягу, опоясался, но обуви не надѣлъ и не сталъ искать шапки.

Босой и съ открытой головой, немного шатаясь и задыхаясь, вышелъ онъ на снѣгъ и морозъ и прокрался за риги и амбары, куда никто не ходитъ, чтобы не встрѣтить никого.

Стройно разносился въ воздухѣ звонъ колоколовъ, маленькая деревенская церковь была переполнена народомъ; служба, особенно торжественная въ эту ночь, тянулась долго.

Начинало уже свѣтать, когда толпа стала расходиться по домамъ, кучками спѣша къ хатамъ, гдѣ каждаго ожидали пирогъ и колбасы, обычное праздничное угощеніе, веселье, пѣсни и пріятный отдыхъ.

Шелъ и Семенъ съ своей семьей. Семениха постучалась въ избу, гдѣ она оставила стеречь домъ глухую работницу. Мужъ подсмѣивался надъ ней.

— Она заперлась въ коморкѣ, гдѣ пироги и мясо спрятаны, а въ избу въ потемкахъ никто воровать не пойдетъ. Да и залома побоится. Охъ, хорошій у тебя сторожъ!

. . . .

Сѣнная дверь оказалась запертой, а дверь ведущая въ хату была только слегка припёрта, точно ее кто держалъ изнутри.

Семениха дернула ее къ себѣ и вскрикнула отъ ужаса.

Передъ ней стоялъ портной съ вытянутыми руками и опущенной внизъ головой и показывалъ ей языкъ.

Семенъ оттолкнулъ жену, бросился къ нему и пихнулъ его.

Но портной только заколебался, какъ пучокъ соломы на ниткѣ, и толкнулъ мужика. Тогда они съ женой въ полумракѣ хаты разглядѣли, что онъ виситъ на красномъ поясѣ, прицѣпленномъ къ бревну потолка, и что онъ уже посинѣлъ и застылъ. А около него, на томъ же самомъ бревнѣ, покачивалась проклятая связка соломы уже совсѣмъ черная.

Въ хатѣ поднялся страшный переполохъ, крикъ, шумъ; собрался народъ. Висѣльника сняли, приставили къ нему стражу; хозяева перебрались изъ своей избы къ сосѣдямъ.

Въ суматохѣ неизвѣстно куда исчезъ зачарованный свитокъ соломы. Несмотря на хлопоты и тревогу, о немъ не забылъ Семенъ и спряталъ его во-время, чтобы поддержать авторитетъ Зозули и свою силу, а также чтобы скрыть всякіе слѣды отъ полиціи въ случаѣ какихъ-либо разговоровъ и сплетенъ.

Такъ отомстилъ за себя Михайло и осквернилъ хату Семена, но все-таки никого не убѣдилъ, что опередилъ исполненіе приговора надъ его заломомъ.

Перев. **Н. К.**

О КРИТИЧЕСКОМЪ ИДЕАЛИЗМѢ.

Jede Art Dogmatik steht heute mit betrübter und mutloser Haltung da. *Wenn* sie überhaupt noch steht! Denn es giebt Spötter, welche behaupten, sie sei gefallen, alle Dogmatik liege zu Boden, mehr noch, alle Dogmatik liege in den letzten Zügen. Ernstlich geredet, es giebt gute Gründe zu der Hoffnung, dass alles Dogmatisieren in der Philosophie, so feierlich, so end und letztgültig es sich auch gebärdet hat, doch nur eine edle Kinderei und Anfängerei gewesen sein möge. *Nietzsche.*

Man kann das Absolute nicht *ausser* sich anschauen, welches ein reines Hirngespinst gibt, *sondern man muss in eigener Person das Absolute sein und leben.* *Fichte.*

Настоящій очеркъ посвященъ не историческому, а теоретическому изслѣдованію критической философіи. Его задачей служитъ не изложеніе и оцѣнка философскаго критицизма въ той его исторической формѣ, въ которой онъ впервые былъ представленъ въ системѣ Канта, а уясненіе его общаго принципіальнаго значенія, какъ самостоятельнаго теоретико-познавательнаго и культурно-философскаго направленія. Если Кантъ и является родоначальникомъ этого направленія, то въ его системѣ оно выразилось лишь въ зачаточной и сравнительно несовершенной формѣ, и заложенныя имъ сѣмена новаго философскаго синтеза, на время взошедшія въ ученіи Фихте, но быстро заглушенныя гегеліанствомъ и послѣдовавшимъ за нимъ общимъ упадкомъ философскаго мышленія, только въ наши дни начинаютъ снова давать жизнеспособные ростки. Мы считаемъ возможнымъ показать, что основная идея канто-фихтевской философіи, въ связи съ гносеологическими соображеніями, содержащимися въ современныхъ ученіяхъ имманентной философіи и трансцендентальнаго идеализма, даетъ начало новому универсальному философскому міросозерцанію и—въ полномъ согласіи съ намѣреніями и надеждами основателя критической философіи—образуетъ опорную точку для совершенно своебразнаго и самостоятельнаго рѣшенія вѣковѣчнаго, нынѣ вновь разгорѣвшагося спора между метафизическимъ и позитивистическимъ направленіемъ человѣческаго мышленія. Именно въ настоящее время намъ кажется

полезнымъ напомнить о возможности философскаго синтеза, равно далекаго какъ отъ доктринерской узости позитивизма, такъ и отъ фантастичности метафизическихъ построеній. Само собою разумѣется, что размѣры статьи позволяютъ намъ лишь обрисовать общія очертанія этого критическаго міросозерцанія, а не детально обосновать и развить его. Въ интересахъ сжатости изложенія мы избѣгаемъ также, по возможности, библіографическихъ ссылокъ и литературно-историческихъ указаній. Свѣдущему читателю и безъ того будутъ ясны системы и направленія, на которыя опираются или къ которымъ примыкаютъ намѣчаемыя здѣсь мысли.

I.

Переворотъ, совершенный философіей Канта въ теоретическомъ сознаніи человѣчества, коснулся прежде всего той основной, центральной гносеологической проблемы, которая дана въ понятіи *истины*. На знаменитый Пилатовскій вопросъ: *что есть истина?* человѣчество до и послѣ Канта даетъ или, по крайней мѣрѣ, должно давать совершенно различные отвѣты. Геніальная заслуга Канта заключается, однако, не только въ отвѣтѣ, который онъ далъ на этотъ вопросъ, но и прежде всего въ ясной и открытой постановкѣ самого вопроса. Если обыкновенно говорятъ, что не Кантъ является основателемъ теоріи познанія, то это вполнѣ справедливо въ томъ смыслѣ, что еще задолго до Канта—въ сущности уже со времени софистовъ, Сократа и и Платона—философы размышляли о природѣ и способахъ познанія. Но въ одномъ отношеніи Кантъ есть безспорный новаторъ и, тѣмъ самымъ, основатель современной, «критической» теоріи познанія: онъ первый подвергъ анализу понятіе истины. Этотъ анализъ самой своей постановкой принципіально отличается отъ всѣхъ прежнихъ размышленій и разсужденій объ истинѣ. Дѣло въ томъ, что интересъ къ проблемѣ истины, который по необходимости обнаруживаетъ всякая философія и который оказалъ даже опредѣляющее вліяніе, напр., на строеніе системъ Платона, Декарта, Локка, Юма и др., до Канта былъ по существу направленъ только на одну сторону темы: на вопросъ о *способахъ достиженія* истины, или, въ связи съ этимъ, на вопросъ о внѣшнихъ критеріяхъ распознаванія истины. Сюда относятся знаменитый споръ о роли чувственности и разума въ человѣческомъ познаніи, проблема прирожденности понятій и т. п.

Но ни одна теорія познанія до Канта не задавалась опредѣленіемъ по существу самого понятія истины, уясненіемъ той специфической цѣли познанія, при достиженіи которой оно сознаетъ свою задачу выполненной и испытываетъ характерное чувство успокоенія и прочности. Въ чемъ *смыслъ* того, что мы зовемъ истиной? Что *означаетъ*, то хочетъ сказать утвержденіе, что такое-то сужденіе истинно или

ложно? Что это за цѣль, къ которой всюду направлено наше познаніе, и стремленіе къ которой только и дѣлаетъ изъ ассоціаціи идей осмысленный, внутренно обоснованный процессъ, называемый нами познаніемъ? Мы не только не находимъ до Канта точныхъ отвѣтовъ на эти вопросы, мы не находимъ даже ихъ постановки или яснаго ихъ пониманія. И это легко объяснимо. Всѣ подобные вопросы отсутствуютъ просто потому, что съ самаго же начала признается, какъ нѣчто безусловно самоочевидное, только одинъ возможный отвѣтъ на нихъ. Этотъ отвѣтъ гласитъ: *истина есть соотвѣтствіе представленія или сужденія съ дѣйствительностью*, и познаніе истинно, поскольку оно точно воспроизводитъ или копируетъ свой предметъ—дѣйствительность. Это ходячее представленіе объ истинѣ, присущее каждому неразмышляющему человѣку и ясно выразившееся только въ понятіяхъ греческой философіи, лежало въ непровѣренномъ видѣ и въ качествѣ непосредственно достовѣрнаго убѣжденія въ основѣ всей до-кантовской философіи. И все же оно есть не что иное, какъ великій общій предразсудокъ человѣчества. Правда, оно образуетъ необходимую, или, по крайней мѣрѣ, удобную и безвредную гипотезу всякаго частичнаго изслѣдованія: правильность познавательныхъ рѣшеній, еще стоящихъ подъ сомнѣніемъ, опредѣляется ихъ соотвѣтствіемъ тѣмъ даннымъ познанія, которыя, въ качествѣ готовыхъ истинъ, признаются «дѣйствительностью»; и точно также правильность вторичныхъ представленій опредѣляется ихъ сравненіемъ съ чувственными воспріятіями. Но въ качествѣ общей теоріи истины это пониманіе ея никуда не годно, ибо содержитъ безвыходное внутреннее противорѣчіе. Копированіе, а тѣмъ болѣе сравненіе копіи съ оригиналомъ, предполагаетъ знаніе оригинала; и если познаніе есть копированіе, то оно также предполагаетъ уже *предшествующее знаніе* своего объекта, знаніе, которое, *въ свою очередь*, должно быть воспроизведеніемъ оригинала, и т. д. до безконечности; другими словами, въ этомъ смыслѣ познаніе дѣйствительности вообще невозможно, ибо оно не можетъ начаться раньше, чѣмъ дѣйствительность уже извѣстна, т.-е. раньше, чѣмъ оно уже закончено.

Легко вскрыть заблужденіе, лежащее въ основѣ этого пониманія задачъ познанія и приводящее къ подобному нелѣпому противорѣчію. Оно сводится къ наивно-реалистическому представленію, которое не замѣчаетъ, что первичныя чувственныя воспріятія и основанная на нихъ элементарная картина міра, служащая исходной точкой дальнѣйшей познавательной дѣятельности, суть не независимо отъ познанія существующая абсолютная дѣйствительность, а такіе же продукты познанія, какъ и вторичныя представленія и слагающаяся изъ нихъ логическая обработка первоначальныхъ познавательныхъ данныхъ. Все, что доступно нашему познанію и входитъ въ его составъ, есть представленія или продукты комбинаціи и разработки представленій.

Познаніе не можетъ выйти за предѣлы самого себя, такъ сказать, вылѣзть изъ своей собственной шкуры и овладѣть самими вещами; и вещи какъ таковыя не могутъ вторгнуться въ познаніе, пролѣзть въ нашу голову и явиться намъ не какъ представленія, а именно какъ сами вещи. «Кто сравниваетъ сохранившійся въ его памяти образъ друга «съ самимъ другомъ», тотъ совершаетъ лишь сравненіе между двумя представленіями, изъ которыхъ одно вызвано воспоминаніемъ, другое—чувственнымъ воспріятіемъ. Кто, на основаніи извѣстной гипотезы, создалъ себѣ представленіе о характерѣ какого-либо событія, долженствующаго наступить, и затѣмъ, для подтвержденія своей гипотезы сравниваетъ результаты своихъ соображеній съ тѣмъ, «какъ обстоитъ дѣло въ дѣйствительности», тотъ сравниваетъ отнюдь не свое представленіе съ вещью, а лишь два представленія, изъ которыхъ первое добыто размышленіемъ, второе—чувственнымъ воспріятіемъ. Совпаденіе, которое считается мѣриломъ истины, имѣетъ, такимъ образомъ, мѣсто только между двумя представленіями различнаго происхожденія, и ошибочное мнѣніе, будто представленія сравниваются съ вещами, вытекаетъ лишь изъ того, что обычное сознаніе принимаетъ чувственныя впечатлѣнія за самыя вещи» *).

Но если такъ, то та мнимая «дѣйствительность», которая, на первый взглядъ, такъ ясно намъ дана и служитъ такимъ прочнымъ и непоколебимымъ критеріемъ всего нашего познанія, оказывается лишь фантомомъ неразмышляющаго сознанія. Если даже допустить, что эта дѣйствительность существуетъ—къ этому вопросу намъ придется еще вернуться,—то, во всякомъ случаѣ, она намъ безусловно недоступна, навѣки скрыта отъ нашего чувственнаго и умственнаго взора тѣми непреодолимыми преградами, которыя окружаютъ всякое познаніе и дѣлаютъ для него абсолютно неуловимымъ все, находящееся за его предѣлами. И если бы мы хотѣли остаться при этомъ критеріи истины, установленномъ наивнымъ сознаніемъ, то мы должны были бы разъ навсегда признать, что провѣрка истинности нашего познанія по существу превышаетъ силы человѣческаго разума. Ибо уловленіе настоящей, доподлинно существующей дѣйствительности есть неосуществимая, безнадежная мечта, а тѣ чувственныя воспріятія, которыя обыкновенно смѣшиваются съ нею и берутся критеріемъ истины, по меньшей мѣрѣ столь же нуждаются въ провѣркѣ, какъ и всѣ прочіе продукты и результаты познанія. Безграничный скептицизмъ, принципіальное и ничѣмъ не устранимое сомнѣніе, какъ въ тѣхъ «очевидныхъ» фактахъ, отрицать которые, съ точки зрѣнія здраваго смысла, можетъ только безумецъ, такъ и въ величайшихъ и наиболѣе прочно обоснованныхъ пріобрѣтеніяхъ человѣческой мысли — таковъ единственный корректный выводъ изъ этого пониманія задачъ и критерія

*) Виндельбандъ. „Прелюдіи", русск. пер., стр. 105—106.

*

познанія. Теорія познанія Юма съ геніальной послѣдовательностью и продуманностью высказала это послѣднее слово до-кантовской философіи.

Но именно этотъ выводъ служитъ лучшимъ reductio ad absurdum того основного взгляда на отношеніе между познаніемъ и дѣйствительностью, который приводитъ къ столь безнадежнымъ результатамъ. Ибо не подлежитъ сомнѣнію, что подобный безграничный скептицизмъ стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ наиреальнѣйшими данными познавательной жизни, можно сказать, со всѣмъ конкретнымъ ея укладомъ. Мы не только обладаемъ, въ обыденной жизни и въ наукѣ, рядомъ сужденій, которыя неискушенное философіей мышленіе — мышленіе, какъ оно непосредственно функціонируетъ и необходимо должно функціонировать у каждаго нормальнаго человѣка — категорически признаетъ за «истины» и отъ которыхъ оно ни подъ какимъ видомъ не можетъ отказаться, но эти сужденія и на дѣлѣ обнаруживаютъ всю свою познавательную цѣнность, образуя прочную умственную основу цѣлесообразной и успѣшной практической дѣятельности. Самый отчаянный скептикъ не усумнится въ «истинности» закона тяготѣнія настолько, чтобы броситься изъ окна высокаго дома въ надеждѣ остаться висѣть въ воздухѣ, не станетъ употреблять въ пищу камни изъ сомнѣнія въ обоснованности законовъ физіологіи, не дастъ обмануть себя въ денежныхъ разсчетахъ изъ неувѣренности въ точности математическихъ сужденій. Универсальный скептицизмъ необходимо приводитъ къ смѣшному противорѣчію между теоріей и практикой— противорѣчію, которое здѣсь, какъ и всюду, свидѣтельствуетъ лишь объ ошибочности теоріи. Въ концѣ концовъ вѣдь и теорія познанія, подобно всякой другой теоріи, должна не исправлять и поучать свой объектъ—человѣческое познаніе, а описать и объяснить его въ его необходимыхъ, реально данныхъ намъ проявленіяхъ. Одной изъ великихъ заслугъ Канта является именно ясное усвоеніе имъ этой мысли. Канта не разъ упрекали въ томъ, что онъ догматически беретъ на вѣру истинность сужденій, господствующихъ въ наукѣ и обыденной жизни, тѣхъ именно сужденій, полная шаткость которыхъ была показана его предшественникомъ Юмомъ. Но именно этотъ мнимый «догматизмъ» есть не что иное, какъ глубоко оригинальный и мастерскій философскій пріемъ, и съ необходимостью вытекаетъ изъ совершенно новой теоретико-познавательной точки зрѣнія, которую открылъ и на которую всталъ Кантъ.

Дѣйствительность, какъ мы видѣли, не можетъ служить мѣриломъ познанія просто потому, что она—по крайней мѣрѣ въ томъ значеніи, которое ей придаетъ обычное сознаніе—непроходимой пропастью отдѣлена отъ познанія. Всякое познаніе—таково основное убѣжденіе Канта, которое, будучи разъ высказано, тотчасъ становится самоочевиднымъ для каждаго—ограничено своимъ имманентнымъ содержаніемъ и никоимъ образомъ не можетъ пробраться къ тому, что лежитъ или пред-

полагается лежащимъ за его предѣлами. Поэтому критерій истины долженъ быть найденъ не внѣ познанія, а внутри его. Что такой критерій вообще существуетъ, другими словами, что понятія истины и заблужденія суть не пустыя слова, объ этомъ свидѣтельствуетъ самый предметъ нашего изслѣдованія—непосредственная познавательная жизнь. Мало того, что всякое познаніе стремится къ истинѣ и на практикѣ явно и ясно отличаетъ истину отъ заблужденія, но и само понятіе познанія опредѣлено этимъ признакомъ стремленія къ истинѣ, который отличаетъ его отъ безцѣльной и неосмысленной психической жизни. Разъ сознаніе дано намъ, какъ фактъ, то тѣмъ самымъ данъ и руководящій имъ моментъ — понятіе истины; и разъ познаніе на практикѣ успѣшно функціонируетъ, то тѣмъ самымъ оно фактически осуществляетъ свою цѣль — достиженіе истины. Въ твердо установленныхъ основныхъ научныхъ аксіомахъ, какъ и въ тѣхъ сужденіяхъ обыденной жизни, за которыя сознаніе держится съ безпрекословной силой, какъ за необходимыя условія своей дальнѣйшей дѣятельности, намъ именно и дано фактическое осуществленіе цѣли познанія. Эти истины, въ силу самой ихъ природы, не могутъ быть подвергнуты ни малѣйшему сомнѣнію, подъ рискомъ въ противномъ случаѣ потерять вообще разумное сознаніе; и дальнѣйшая ихъ провѣрка невозможна уже потому, что у насъ нѣтъ для этого никакого мѣрила. Наоборотъ, эти сужденія должны быть сами взяты исходными точками анализа общаго понятія истины. Философъ есть, вѣдь, не божество, которое беретъ человѣческое познаніе, какъ нѣчто чуждое ему, и оцѣниваетъ его на основаніи доступной ему изъ какого-либо другого источника абсолютной истины; какъ и всѣ люди, онъ ограниченъ и окованъ этимъ самымъ познаніемъ, и если онъ, въ предѣлахъ того, что ему доступно, хочетъ отдѣлить истинное отъ ложнаго и найти постоянный признакъ истиннаго, то ему не остается ничего иного, какъ исходить изъ тѣхъ сужденій, которыя его сознаніе въ своей конкретной жизни съ неумолимой силой заставляетъ признавать истинными. Всякій критерій истины, мечтающій придать понятію истины неограниченное, независящее отъ условій и природы познанія значеніе и тѣмъ представить абсолютное обоснованіе познанія, есть лишь пустой фантомъ философскаго самомнѣнія.

Изъ этихъ соображеній слѣдуетъ съ очевидностью, что, въ чемъ бы ни состоялъ критерій истины, онъ долженъ имѣть *имманентный* характеръ, т.-е. состоять не въ невозможномъ отношеніи сознанія къ дѣйствительности, а въ извѣстномъ отношеніи между содержаніями сознанія. Такъ какъ мы не можемъ выйти за предѣлы сознанія, и такъ какъ, съ другой стороны, мы имѣемъ рядъ сужденій, которыя мы признаемъ и необходимо должны признавать истинными, то и критерій истины долженъ быть найденъ въ предѣлахъ самого сознанія и

внѣ связи съ недоступной намъ абсолютной дѣйствительностью. Этотъ критерій истины Кантъ находитъ въ понятіи *необходимости* и *обязательности* для сознанія. То, что обязательно для всякаго нормальнаго сознанія, другими словами, то, что—прямо или косвенно—необходимо слѣдуетъ изъ самой природы сознанія и его функцій, и есть истина. Истинность, напр., геометрическаго положенія, что сумма угловъ треугольника равна двумъ прямымъ, заключается вовсе не въ соотвѣтствіи его какой-либо абсолютной дѣйствительности, а въ томъ, что созерцаніе треугольника и подведеніе его особенностей подъ основныя, необходимо присущія намъ, геометрическія аксіомы съ необходимостью же приводятъ насъ къ этому положенію. При этомъ «необходимость», о которой здѣсь идетъ рѣчь, имѣетъ своеобразное значеніе. Это не есть причинная связь актовъ мышленія, какъ психическихъ процессовъ, а *логическая* связь ихъ, вытекающая изъ ихъ смысла и непосредственно нами сознаваемая. Первая, причинная связь присуща всякому акту мышленія, какъ и всякому явленію вообще; уже по одному этому она не можетъ служить критеріемъ, отличающимъ истину отъ заблужденія. Фантазіи и галлюцинаціи психически-больного, ошибки въ размышленіи и даже сознательная ложь также необходимы въ причинномъ смыслѣ, какъ и точнѣйшія истины; но онѣ не могутъ быть необходимо *обоснованы*, т.-е. всѣ онѣ лишены необходимой *логической* связи; въ нихъ нѣтъ необходимости, которая соединяла бы внутренней связью ихъ *содержаніе* съ содержаніемъ иныхъ, равно необходимыхъ мыслей. Своеобразная цѣль познанія называемая истиной, состоитъ именно въ усвоеніи такого необходимаго или неотъемлемаго для сознанія содержанія. Каково бы ни было трансцедентное или метафизическое значеніе этихъ истинъ, признаемъ ли мы ихъ копіями абсолютной дѣйствительности или откажемъ въ этомъ значеніи—во всякомъ случаѣ онѣ вполнѣ удовлетворяютъ реальные интересы познанія и образуютъ прочную основу какъ науки, такъ и практической жизни.

Этотъ критерій истины былъ развитъ Кантомъ преимущественно въ примѣненіи къ «апріорнымъ» сужденіямъ, и въ этой области правильность его совершенно самоочевидна. Всѣ сужденія математики и логики, равно какъ рядъ положеній естествознанія, называемыхъ «аксіомами» (какъ, напр., аксіома о непроницаемости матеріи и т. п.) заимствуютъ характеръ «истинности» исключительно изъ той необходимости, съ которой они коренятся въ сознаніи, изъ сознаваемаго нами непреодолимаго логическаго принужденія мыслить и представлять себѣ объекты именно такъ, а не иначе. Сложнѣе обстоитъ дѣло съ сужденіями «апостеріорными», т.-е. съ познаніемъ отдѣльныхъ эмпирическихъ явленій и ихъ сочетаній. Кантъ находитъ, что эти сужденія пріобрѣтаютъ для насъ объективное значеніе, когда предметъ нашихъ воспріятій подводится нами подъ извѣстныя, необходимо при-

сущія нашему сознанію, категоріи (категоріи причины, субстанціи и т. п.). Надо сознаться, что это, само по себѣ весьма цѣнное, указаніе не даетъ окончательнаго отвѣта на вопросъ о точномъ критеріи истинности эмпирическихъ сужденій. Лишь современная теорія познанія нашла въ идеѣ причинной согласованности объектовъ опыта то звено, черезъ посредство котораго понятіе логической необходимости, какъ критерія истины, распространяется и на апостеріорныя сужденія объ эмпирическихъ фактахъ *).

Но какъ бы то ни было, несомнѣнно одно: какъ апріорныя, такъ и апостеріорныя сужденія, какъ абстрактные, такъ и конкретные моменты мышленія и представленія заимствуютъ свою силу и обязательность не изъ своего соотвѣтствія абсолютной дѣйствительности, а изъ себя самихъ и изъ природы сознанія. Въ какомъ же отношеніи стоитъ, въ такомъ случаѣ, познаніе къ дѣйствительности?

Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ и состоитъ геніальная новизна ученія Канта. Познаніе, какъ показываетъ Кантъ, не копируетъ, а *строитъ* дѣйствительность. Мы *называемъ дѣйствительностью именно тѣ представленія, которыя обязательны для насъ въ силу природы нашего сознанія* и, въ качествѣ таковыхъ, выдѣляются изъ массы необоснованныхъ или субъективныхъ данныхъ сознанія. Не дѣйствительность предшествуетъ познанію, въ качествѣ готоваго, самостоятельно существующаго его объекта, а наоборотъ, познаніе, путемъ сложной творческой дѣятельности, создаетъ комплексъ представленій, которымъ оно придаетъ значеніе дѣйствительности.

Уже первое, элементарное критическое размышленіе, какъ мы видѣли, показываетъ, что объекты, которые наивное сознаніе называетъ «дѣйствительностью», суть не что иное, какъ содержаніе нашихъ воспріятій, и въ этомъ отношеніи не менѣе «субъективны», чѣмъ всѣ остальныя представленія. Но тогда какъ съ точки зрѣнія догматическаго понятія истины это убѣжденіе приводитъ къ абсолютному скептицизму, къ признанію полнѣйшей «субъективности»—въ смыслѣ произвольности и недостовѣрности—всѣхъ нашихъ знаній, для Канта подобная субъективизація дѣйствительности отнюдь не означаетъ ея уничтоженія или приравненія вымыслу или заблужденію. Различіе между дѣйствительностью и произвольными, необоснованными продуктами сознанія, съ его точки зрѣнія, остается въ полной силѣ. Въ этомъ от-

*) Ср. Schuppe, „Erkenntnisstheoretische Logik", стр. 644—673. Но и это ученіе опирается въ конечномъ счетѣ на Канта, именно на установленную имъ теорію причинности. Предыдущее изложеніе основывается отчасти на блестящемъ очеркѣ о Кантѣ въ „Прелюдіяхъ" Виндельбанда. Я старался лишь избѣгнуть неправильной, на мой взглядъ, характеристики логической необходимости, какъ „долженствованія" или логической *обязанности*. Детальное выясненіе всѣхъ встрѣчающихся здѣсь гносеологическихъ проблемъ не входитъ въ задачи настоящей статьи.

ношеніи теорія познанія должна опять-таки не разрушать необходимыя представленія, а разъяснить ихъ. И въ самомъ дѣлѣ, легко видѣть, что наше сознаніе по существу вполнѣ право, проводя рѣзкую грань между «дѣйствительностью» и «субъективнымъ» представленіемъ. Послѣднее находится въ нашей власти; мы можемъ по желанію мыслить его или отбросить изъ сознанія; и оно не связано необходимо съ другими представленіями. Наоборотъ, мы не можемъ произвольно распоряжаться тѣми представленіями, которыя мы называемъ дѣйствительностью. Я не могу не видѣть стола, за которымъ я сижу; я не могу не натолкнуться на него, если я воображу на его мѣстѣ пустое пространство и буду соотвѣтственно вести себя. «Субъективное» представленіе о камнѣ, падающемъ мнѣ на голову, проходитъ для меня безслѣдно; но то представленіе, которое означаетъ для меня дѣйствительное паденіе камня, связано съ очень чувствительными и совершенно неустранимыми послѣдствіями. Зрѣніе, осязаніе и остальныя чувства даютъ намъ совершенно точныя, не зависящія отъ нашей воли, представленія, и эти представленія находятся въ столь же точной и необходимой связи съ другими представленіями. Этого различія между объективнымъ и субъективнымъ практически не можетъ отрицать никто, кромѣ безумнаго, и на конкретномъ усвоеніи его основана вся наша жизнь. Безспорно, дѣйствительность есть, какъ и субъективное представленіе, продуктъ сознанія; но она есть *иной* его продуктъ. Она отличается отъ субъективнаго представленія именно своей необходимостью и обязательностью для сознанія. При развитіи нашего сознанія выдѣляется изъ хаотической массы безразличныхъ представленій своеобразный комплексъ ихъ, который отличается строгой закономѣрностью своихъ элементовъ и своей принудительностью для сознанія. Эта дифференціація объективнаго отъ субъективнаго совершается путемъ сложной умственной дѣятельности и по большой части осуществляется лишь весьма несовершенно. Въ фантастическихъ представленіяхъ дѣтей и необразованныхъ людей субъективное еще слито съ объективнымъ, и твердо очерчивается только та группа объективныхъ представленій, которая образуетъ непосредственно окружающую человѣка, «видимую» дѣйствительность. И лишь научное образованіе систематически и сознательно дополняетъ тѣ начатки уясненія дѣйствительности, которые безсознательно выработаны практическимъ опытомъ.

Отличіе «дѣйствительности» отъ субъективныхъ представленій—въ имманентныхъ предѣлахъ сознанія—усиливается еще тѣмъ, что первая, въ силу особой функціи нашего разума, пріобрѣтаетъ для насъ характеръ системъ или совокупности *вещей*. Этотъ вещный или предметный характеръ дѣйствительности состоитъ, съ одной стороны, въ томъ, что наши воспріятія группируются по отдѣльнымъ центрамъ или носителямъ, которые мы и называемъ «вещами», и, съ другой стороны, въ томъ, что эти «вещи» мы мыслимъ непрерывно суще-

ствующими, т.-е. сохраняющими бытіе, даже когда мы не получаемъ отъ нихъ соотвѣтствующихъ воспріятій. Именно это представленіе о дѣйствительности, какъ о совокупности вещей, существующихъ независимо отъ нашихъ воспріятій, и служитъ исходной точкой для обычнаго критерія истины, и поэтому одной изъ крупнѣйшихъ заслугъ теоріи познанія Канта является разъясненіе, что предметность или субстанціальность есть лишь категорія сознанія, т.-е. функція нашего разума. Категоріи разума суть тотъ ферментъ, благодаря которому текучая, подвижная, безпорядочная масса представленій закрѣпляется и затвердѣваетъ, группируется на «вещи» и укладывается въ форму независимаго отъ насъ, въ себѣ самомъ обоснованнаго «міра». Міръ есть застывшая, выкристаллизовавшаяся часть сознанія. Если отдѣльное воспріятіе, пріобрѣтаемое на почвѣ уже сложившейся общей картины міра, необходимо принимаетъ для насъ форму усвоенія чего-то, до него и независимо отъ него существующаго, то, съ другой стороны это общее представленіе о мірѣ, какъ о совокупности вещей, пребывающихъ таковыми независимо отъ отдѣльнаго воспріятія, есть лишь построеніе, вытекающее изъ имманентныхъ законовъ сознанія. Сознаніе *строитъ* дѣйствительность, т.-е. путемъ комбинаціи воспріятій съ логическими категоріями субстанціальности и причинности выдѣляетъ изъ хаотической массы представленій цѣльный и связный комплексъ ихъ, которому оно приписываетъ субстанціальное бытіе.

Такимъ образомъ, отрицаніе дѣйствительности и приравненіе ея фантазіи или вымыслу, какъ это имѣетъ мѣсто, напр., въ системѣ «эмпирическаго идеализма» Берклея, совершенно незаконно. Міръ несомнѣнно существуетъ, и существуетъ со всей прочностью и неустранимостью, съ какой мы его воспринимаемъ и представляемъ. Но именно это субстанціальное и необходимое бытіе его и есть не что иное, какъ содержаніе или продуктъ нашего сознанія. Теорія познанія Канта соединяетъ, какъ извѣстно, «эмпирическій реализмъ» съ «трансцендентальнымъ идеализмомъ», полное и рѣшительное признаніе эмпирическаго бытія съ отрицаніемъ абсолютности этого бытія, т.-е. съ сведеніемъ его значенія къ понятію имманентнаго содержанія сознанія.

Для завершенія новаго теоретико-познавательнаго міросозерцанія остается сдѣлать еще одинъ, послѣдній шагъ, который не былъ сдѣланъ или былъ недостаточно рѣшительно сдѣланъ Кантомъ; этотъ шагъ есть устраненіе самого *понятія* абсолютной или трансцендентной дѣйствительности. Эта задача была отчасти выполнена Фихте и завершена лишь въ наши дни въ ученіи такъ называемой имманентной философіи.

Понятіе абсолютнаго бытія въ той его формѣ, въ которой оно присуще обычному сознанію, т.-е. въ примѣненіи къ эмпирической дѣйствительности, сводится, какъ только что указано, къ понятію субстанціальности. Будучи теоретически, т.-е. по влагаемому въ него от-

влеченному смыслу, ошибочно въ томъ отношеніи, что оно принимаетъ чувственныя воспріятія за независимую отъ сознанія дѣйствительность, оно практически, т.-е. по выполняемой имъ конкретной функціи, вполнѣ правомѣрно, такъ какъ подчеркиваетъ важное и неустранимое различіе между объективнымъ и субъективнымъ, между необходимыми и произвольными элементами содержанія сознанія. И такъ какъ обычное сознаніе приписываетъ абсолютный характеръ и значеніе критерія истины именно эмпирической дѣйствительности, то, несмотря на ложную теоретическую формулировку того, что оно на практикѣ разумѣетъ подъ дѣйствительностью, оно фактически не выходитъ за предѣлы доступнаго сознанію и ограничивается его имманентнымъ содержаніемъ.

Иными словами, обычное сознаніе фактически *вовсе не ищетъ* мѣрила своей правильности внѣ себя самого и *ничуть не нуждается* въ въ немъ, а успокаивается и видитъ свою цѣль осуществленной при внутренней согласованности своихъ данныхъ. Но вмѣсто того, чтобы уловить этотъ истинный смыслъ ходячаго критерія познанія, до-кантовская философія ухватилась за его ложную и противорѣчивую формулировку и потенцировала ее до метафизическаго постулированія какой-то абсолютной, недоступной намъ дѣйствительности. Эта философія обманывалась, воображая, что поддерживаетъ при этомъ права здороваго реалистическаго инстинкта разума, не удовлетворяющагося имманентной согласованностью представленій и ищущаго «настоящую» дѣйствительность. Противоположность между относительной, «кажущейся» дѣйствительностью и дѣйствительностью абсолютной совершенно чужда обычному сознанію и есть не необходимая идея разума, а лишь неправильное обобщеніе философовъ. Въ ней сказалась лишь временная растерянность философіи, не съумѣвшей примирить неопровержимаго скептическаго аргумента, что сознанію доступно лишь его собственное содержаніе, съ не менѣе неопровержимымъ убѣжденіемъ въ различіи между субъективными и объективными данными познанія. Продуктъ этой растерянности—понятіе абсолютной дѣйствительности, непосредственно недоступной сознанію и противопоставляемой дѣйствительности эмпирической—уже не только по своей формулировкѣ, но и по существу есть ошибочная и противорѣчивая идея. Эта абсолютная дѣйствительность, по влагаемому въ нее смыслу, не входитъ и не можетъ входить въ составъ сознанія, а существуетъ независимо отъ него; и все же мы должны знать о ней и быть убѣждены въ ея бытіи. Но именно это сочетаніе таитъ безвыходное, нелѣпое противорѣчіе. Познаніе, какъ мы видѣли, «познаетъ» только свои собственныя данныя, и «дѣйствительностью» здоровая непосредственная познавательная жизнь называетъ лишь опредѣленную часть этихъ данныхъ. Искомая философами абсолютная дѣйствительность, которая *не есть* данное познанія, а существуетъ независимо отъ познающаго субъекта, тѣмъ самымъ навсегда удалена отъ сферы познанія. И если

мы продумаемъ до конца значеніе этого неизбѣжнаго разобщенія, то мы придемъ къ необходимости отвергнуть самое идею абсолютной дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, мы не только не можемъ познать конкретныя черты этой дѣйствительности, опредѣлить ея содержаніе—всякое такое познаніе имѣло бы дѣло опять-таки только со своими представленіями, а не съ «дѣйствительностью»,—не только не можемъ знать, есть ли она вообще или нѣтъ—ибо откуда мы могли бы узнать объ этомъ, если все, что входитъ въ составъ нашего познанія, есть не дѣйствительность, а «субъективное» представленіе?—но, что здѣсь является рѣшающимъ, мы не можемъ и *мыслить* этой дѣйствительности, т.-е. обладать ея идеей. Вѣдь мышленіе отвлеченной идеи есть такой же познавательный актъ, какъ и усвоеніе конкретнаго содержанія явленія, и поэтому обладаетъ всей субъективностью, присущей познанію вообще. Въ идеѣ абсолютной дѣйствительности мы имѣемъ дѣло съ нашей собственной же *мыслью*, т.-е. опять-таки съ содержаніемъ нашего познанія. А если все познаваемое и мыслимое eo ipso есть не абсолютная дѣйствительность, а именно лишь познаніе и мысль, то невозможно не только познаніе абсолютной дѣйствительности, но и ея мышленіе. Другими словами, въ идеѣ абсолютной дѣйствительности содержится требованіе мыслить нѣчто, принципіально недоступное мышленію или *немыслимое*. Эта головоломная идея есть типичнѣйшее contradictio in adjecto: мыслить немыслимое, пожалуй еще труднѣе, чѣмъ мыслить деревянное желѣзо. Мы не можемъ перейти за имманентные предѣлы сознанія не только практически, путемъ конкретнаго познанія чего-либо, лежащаго внѣ его, но и теоретически, путемъ отвлеченнаго формулированія идеи этого недоступнаго намъ «*нѣчто*». Въ реальномъ познаніи, какъ и въ абстрактномъ мышленіи мы окованы нашимъ сознаніемъ и навѣки въ него заключены; идея выхода изъ него не только ошибочна, но и вообще невозможна; при попыткѣ послѣдовательно продумать ее до конца мы наталкиваемся на грань, отдѣляющую разумъ отъ безумія. Поиски абсолютной дѣйствительности безсильны не по слабости нашего разума, а по противорѣчивости, безцѣльности и безсмысленности самого предпріятія. Стремленіе къ дѣйствительности порождено потребностью найти прочные, не зависящіе отъ произвола личности, опорные пункты для познанія и практической жизни; но эта потребность сполна удовлетворяется необходимостью и закономѣрностью тѣхъ представленій, которыя образуютъ эмпирическую или имманентную дѣйствительность. Все, къ чему мы стремимся, какъ къ дѣйствительности, чѣмъ мы дорожимъ, какъ неустранимой и знакомой намъ реальностью, никогда и не было ничѣмъ инымъ, кромѣ содержанія познанія, и потому остается въ нашемъ обладаніи; и лишь грубое заблужденіе увлекло насъ отъ этого видимаго и осязаемаго міра къ мертворожденной, столь же невозможной, сколь и ненужной, «абсолютной дѣйствительности».

II.

Въ результатѣ описаннаго переворота въ основныхъ гносеологическихъ понятіяхъ «истины» и «дѣйствительности» получается радикальное измѣненіе общефилософскаго міросозерцанія и жизнепониманія. Изчезло то, что можно было бы назвать *гипнозомъ бытія*. Для некритическаго сознанія бытіе или дѣйствительность есть абсолютъ, послѣднее данное и послѣднее мѣрило познанія, въ самой себѣ утвержденная и на самой себѣ покоющаяся совокупность вещей, das grosse All, великое, вѣчное мірозданіе, логически и по времени предшествующее человѣческому познанію, которое можетъ только приближаться къ нему, болѣе или менѣе точно описывать или воспроизводить его въ себѣ, но не можетъ овладѣть имъ или въ какомъ либо отношеніи превзойти его. Дѣйствительность есть совокупность всего, что намъ вообще доступно и даже что мы можемъ вообразить, начало и конецъ всего мыслимаго. И даже само познаніе не есть нѣчто постороннее дѣйствительности, а лишь часть или сторона послѣдней; оно должно быть понято, какъ таковая, и ему должно быть отведено опредѣленное мѣсто въ общей системѣ дѣйствительности. Философія и философія дѣйствительности суть съ этой точки зрѣнія синонимы, и высшей или вѣрнѣе единственной возможной задачей философіи является описаніе и уясненіе *системы дѣйствительности.*

Въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между метафизикомъ и позитивистомъ. «Философія дѣйствительности», этотъ символъ вѣры позитивизма, есть и лозунгъ метафизики, какъ это категорически было возвѣщено Гегелемъ. Позитивистъ удовлетворенъ видимой, осязаемой эмпирической дѣйствительностью и отрицаетъ наличность или познаваемость всякой иной дѣйствительности. Самой характерной чертой позитивиста является то, что онъ упоенъ и ослѣпленъ дѣйствительностью; усвоеніе, простое вѣрное воспроизведеніе того, что лежитъ передъ нашими глазами, какъ вѣчный, самъ по себѣ существующій, незапятнанный никакой субъективностью міръ природы, представляется ему не только единственнымъ точнымъ и полезнымъ познаніемъ, но и единственной вообще осмысленной дѣятельностью разума. Если человѣческое сознаніе функціонируетъ, не имѣя реальнаго объекта въ лицѣ эмпирическаго міра, то это есть работа фантазіи, сонныя видѣнія, вымыселъ, но не познаніе. Но и метафизикъ стоитъ принципіально на той же почвѣ. Эмпирическая дѣйствительность кажется ему слишкомъ узкой и неполной, слишкомъ отрывочной и противорѣчивой. Какъ гносеологическія соображенія, такъ и потребности этическаго, эстетическаго и религіознаго характера не позволяютъ ему удовлетвориться этой эмпирической дѣйствительности и заставляютъ его искать выхода изъ нея. И этотъ *выходъ* онъ не представляетъ себѣ иначе,

какъ *входомъ* въ иную, высшую дѣйствительность. Въ эмпирическомъ мірѣ онъ видитъ лишь уголокъ болѣе широкаго, всеобъемлющаго мірозданія, и онъ ставитъ себѣ задачу познать эту систему метафизическаго бытія. Чтобъ оцѣнить значеніе идеальныхъ помышленій человѣческаго духа, идей добра, красоты, разума, онъ долженъ представить себѣ ихъ входящими въ составъ бытія. Для него, какъ и для позитивиста, *система дѣйствительности* есть высшій философскій синтезъ и объемлетъ собою все, что имѣетъ значеніе и смыслъ для человѣческаго разума. Какъ и позитивистъ, онъ считаетъ самоочевидной и совершенно безвыходной дилемму: либо объективное, субстанціальное бытіе, либо вымыселъ, грёзы, заблужденіе. И какъ для позитивиста, бытіе имѣетъ для него значеніе послѣдней и абсолютной опорной точки всякаго размышленія, неразложимой и неустранимой основы нашей умственной жизни. Позитивистъ и метафизикъ находятся оба подъ *гипнозомъ бытія*.

Послѣдовательный и систематическій позитивизмъ есть *натурализмъ*. Высшимъ философскимъ обобщеніемъ, послѣдней общей характеристикой объекта познанія служитъ для него понятіе *природы* или *мірозданія*. Послѣдовательная и систематическая метафизика есть *супранатурализмъ*, т.-е. *натурализмъ метафизически-потенцированный*. Объектомъ познанія является для него трансцендентное или *абсолютное мірозданіе*, метафизическая природа. Для обоихъ философія есть своего рода высшее, обобщающее *естествознаніе*, изученіе и постиженіе явленій и силъ дѣйствительности.

Съ этимъ натуралистическимъ міросозерцаніемъ въ обѣихъ его формахъ радикально порываетъ критическая философія посредствомъ разрушенія лежащаго въ его основѣ гипноза бытія. Разложивъ понятіе дѣйствительности, усвоивъ ея имманентный характеръ и постигнувъ ее, какъ содержаніе или часть сознанія, критическая философія уже не можетъ видѣть въ системѣ дѣйствительности высшее философское обобщеніе. «Коперниканское дѣяніе» Канта, состоящее въ уясненіи логическаго пріоритета сознанія надъ бытіемъ, однимъ ударомъ уничтожаетъ натуралистическое міросозерцаніе. Критическая философія показываетъ, что вся грандіозная, безконечная по времени и протяженности, неисчерпаемая по содержанію система дѣйстаительности, та вселенная, предъ которой съ трепетомъ преклоняется неискушенная человѣческая мысль, какъ передъ своимъ всемогущимъ и всеединымъ божествомъ, есть не что иное, какъ часть болѣе великаго и дѣйствительно всеобъемлющаго цѣлаго — *сознанія*. Пока познаніе стремится лишь вскрыть и описать систему дѣйствительности, уяснить совокупность вещей и ихъ связей, оно не сдѣлало еще послѣдняго философскаго шага. Все равно, имѣетъ ли оно форму точнаго эмпирическаго изысканія или свободнаго метафизическаго построенія, оно остается естествознаніемъ.

Философія начинается тамъ, гдѣ мысль переходитъ отъ объективной дѣйствительности къ уясненію ея связи съ субъектомъ, гдѣ система дѣйствительности постигается, какъ составная часть *системы сознанія*. Совокупность вещей и силъ природы, совокупность всего, что мы называемъ «*существующимъ*», есть только одинъ специфическій уголокъ того, что доступно разуму. Но это не значитъ, что за предѣлами доступнаго нашимъ чувствамъ «эмпирическаго» міра лежатъ еще другіе міры, находится иная, «метафизическая» дѣйствительность. Этотъ философскій фантомъ лежитъ внѣ поля зрѣнія критицизма. Нѣтъ, философская истина, что система дѣйствительности есть лишь часть болѣе широкой системы сознанія, имѣетъ совершенно иной смыслъ. Она говоритъ намъ лишь, что «дѣйствительность», т.-е то, что мы представляемъ себѣ, какъ субстанціальное бытіе, есть далеко не все, что доступно нашему разуму. И она наводитъ насъ на мысль, что многія, и, быть можетъ, наиболѣе важныя, части содержанія нашего сознанія сохраняютъ все свое значеніе для насъ, не будучи принуждены *быть* въ смыслѣ принадлежности къ субстанціальной дѣйствительности. Ибо если дѣйствительность не есть абсолютъ, то и то, что не принадлежитъ къ ней, не есть тѣмъ самымъ *абсолютное ничто*, пустой вымыселъ. Оно есть лишь другая, принципіально равноправная сторона сознанія, воспринимаемая не подъ категоріей субстанціальнаго бытія, а въ какой-либо иной формѣ. Если дѣйствительность есть комплексъ опредѣленныхъ представленій, построяемый, на почвѣ категорій субстанціальности, по необходимымъ и обязательнымъ законамъ мышленія, то возможны и другія группы представленій, которыя, обладая такой же обязательностью и неотъемлемостью для сознанія, сохраняютъ для насъ своеобразное объективное значеніе, не входя тѣмъ не менѣе въ составъ того, что мы называемъ дѣйствительностью. Указанная нами выше дилемма: «либо субстанціальная дѣйствительность, либо ничто», образующая общую для метафизики и позитивизма гносеологическую аксіому, эта дилемма, порожденная грубо реалистическимъ инстинктомъ догматизма, совершенно несостоятельна. Между міромъ субстанціальной дѣйствительности и областью призраковъ и ложныхъ измышленій лежитъ та широкая и плодотворная сфера самодѣятельности разума, продукты которой не сознаются и не могутъ сознаваться въ видѣ отдѣленной отъ субъекта и противопоставляемой ему объективной дѣйствительности, но тѣмъ не менѣе остаются неотъемлемыми и обязательными моментами духовной жизни. Сюда относится вся область нравственной, эстетической и религіозной жизни. Но даже и интеллектуальная жизнь, служащая носителемъ и коррелативнымъ моментомъ своего объекта—дѣйствительности, именно въ силу этой своей функціи выходитъ сама за предѣлы субстанціальной дѣйствительности. Конечно, съ точки зрѣнія эмпирической, такъ сказать, для посторонняго наблюдателя, познаніе, какъ и воля и чувствованіе, суть реальные пси-

хическіе факты и въ этомъ смыслѣ входятъ въ составъ дѣйствительности. Но, вѣдь, съ этой точки зрѣнія, которая имѣетъ дѣло не съ содержаніемъ и смысломъ духовной жизни, а лишь съ ея внѣшнимъ проявленіемъ въ эмпирическомъ мірѣ, и ложь, и заблужденіе, и галлюцинація суть реальные факты. Если же мы встанемъ на позицію самого познающаго субъекта, то намъ сразу же уяснится трансцендентальный, внѣэмпирической характеръ познанія. Познаніе уже потому не входитъ въ дѣйствительность, что, вѣдь, оно именно ее и строитъ. Возьмемъ, напримѣръ, основную категорію интеллектуальной жизни—понятіе истины. Въ чемъ критерій объективности этого понятія? Откуда мы знаемъ, что истина есть не пустое слово, не праздная выдумка, а нѣчто безусловно обязательное и важное? Нужно ли намъ въ реальномъ мірѣ, все равно, въ эмпирическомъ или метафизическомъ, на землѣ или на небесахъ, найти эту истину, какъ нѣчто существующее, какъ живую богиню или, по крайней мѣрѣ, дѣйствительную и дѣйственную силу, для того, чтобы признать значеніе истины? Только совершенно дѣтское сознаніе можетъ не подмѣтить наивнаго противорѣчія, лежащаго въ основѣ подобнаго исканія миѳическаго существа истины. Ибо въ нашихъ поискахъ требуемой нами дѣйствительности, при первомъ же констатированіи простѣйшаго факта, *мы уже руководимся готовымъ понятіемъ истины и признаемъ все его безусловное значеніе*. Если бы мы даже нашли или вообразили, что нашли, эту «существующую» истину, то, вѣдь, сужденіе о ея существованіи было бы опять-таки *истиной*, которая должна тоже существовать; констатированіе *этого* существованія означало бы, въ свою очередь, обладаніе третьей истиной, и т. д. до безконечности. Само понятіе бытія зависимо отъ понятія истины и образуетъ ея коррелатъ. Уже по одному этому истина не можетъ существовать или входить въ составъ дѣйствительности. И все же эта, какъ бы витающая въ пустомъ пространствѣ, лишенная опоры въ мірѣ реальнаго, истина есть крѣпчайшая и абсолютно неотъемлемая основа всей нашей познавательной жизни.

На примѣрѣ понятія истины уясняется общая природа той трансцендентальной или идеальной «*данности*» *), которая присуща функціямъ и необходимому содержанію нашего сознанія и по своему значенію *шире* понятія бытія. Вся совокупность мыслимаго, чувствуемаго и переживаемаго нами просто *дана* намъ, какъ содержаніе нашей духовной жизни. Лишь часть этого содержанія укладывается въ форму объективной дѣйствительности; остальная его часть, какъ и самые законы и формы функціонированія сознанія, остаются при насъ во всей своей неприкосновенности и неотъемлемости, не входя въ составъ объектив-

*) Этимъ, къ сожалѣнію, нѣсколько тяжелымъ для русскаго языка терминомъ мы передаемъ ходячее въ нѣмецкой философіи понятіе «*Gegebenheit*».

наго міра. Конечно, если угодно, можно и эту «данность» назвать своего рода «бытіемъ» или «трансцендентальной дѣйствительностью»; нужно только предварительно обезопасить этотъ терминъ и помнить, что эта «дѣйствительность», въ отличіе отъ субстанціальной дѣйствительности, не только по существу, но и по непосредственной формѣ ея воспринимания неотдѣлима отъ субъекта и сознается нами, какъ наше собственное внутреннее переживаніе. Ее можно было бы назвать «субъективной дѣйствительностью», если бы понятіе «субъективнаго» не имѣло дурного историческаго привкуса и не ассоціировалось съ идеей произвольности и необязательности. Во избѣжаніе недоразумѣній поэтому лучше всего не прилагать термина «бытія» или «дѣйствительности» къ совокупному содержанію той системы сознанія, которую должна описывать и уяснять философія. Связи, которыя отыскиваетъ философія между отдѣльными частями этого содержанія, категоріи, подъ которыя она подводитъ свой объектъ, суть связи и категоріи не реальнаго, а логическаго характера. Она имѣетъ дѣло не съ причинами и слѣдствіями, не съ вещами и силами, изъ которыхъ состоитъ объективная дѣйствительность *), а съ субъектомъ и объектомъ, съ логическимъ основаніемъ и слѣдствіемъ. Философія есть не естествознаніе, а трансцендентальная логика.

При этомъ надо остерегаться впасть въ грубую ошибку и, пройдя чрезъ весь этотъ сложный и трудный критическій анализъ, уяснивъ идеальный, внѣэмпирическій характеръ совокупности даннаго намъ или общаго матеріала сознанія, вернуться вспять къ реалистической точкѣ зрѣнія и найти субстанціальное бытіе въ лицѣ самого носителя духовной жизни—сознанія и его центральнаго пункта «*я*». Нашъ анализъ именно и показалъ, что понятіе субстанціальнаго бытія можетъ и должно быть выведено изъ сознанія, а не наоборотъ; поэтому представлять себѣ сознаніе субстанціей значитъ объяснять простѣйшее изъ болѣе сложнаго, первичное изъ производнаго, т.-е. вносить полную путаницу понятій. Это философское грѣхопаденіе было совершено шеллинго-гегелевской философіей тождества и «панлогизма», которая, подъ видомъ исправленія «субъективизма» канто-фихтевскаго ученія, бывшаго въ основѣ своей синтезомъ даннаго въ формѣ системы сознанія, уничтожила плоды величайшаго идейнаго переворота и вернула мысль къ привычной формѣ системы бытія; въ этомъ состоялъ тотъ «роковой шагъ, который привелъ философію отъ критицизма къ новому догматизму» **). И именно это гипостазированіе сознанія и его субъекта было радикально разрушено Кантомъ въ ученіи о «паралогизмахъ». Сознаніе или его субъектъ не есть субстанціальная сущность,—

---

*) Ср. *Виндельбандъ*. „Система категорій“, русск. переводъ въ приложеніи къ „Прелюдіямъ“.

**) Haym. „Hegel und seine Zeit“, стр. 140.

дано намъ, какъ объективное бытіе, какъ реальная «душа». Оно не можетъ быть познано, какъ объектъ; оно можетъ быть лишь *пережито*. Нѣмецкій романтикъ Новалисъ какъ-то замѣтилъ: «мы не можемъ понять себя самихъ, но *мы можемъ гораздо больше*, чѣмъ понять себя». По аналогіи съ этимъ можно сказать: сознаніе *не существуетъ*—оно *больше, чѣмъ существуетъ*; оно стоитъ внѣ вопроса о бытіи или небытіи—вопроса, который есть его продуктъ,—заложено, такъ сказать, глубже бытія. Не категорія бытія, а лишь идея абсолютной немыслимости противоположнаго даетъ намъ какъ бы намекъ на характеръ той неотъемлемости и данности, которая присуща сознанію. Впрочемъ, и категорія немыслимости уже сама предполагаетъ сознаніе; такъ что и эта формулировка не есть объясненіе необъяснимаго по существу значенія сознанія, а лишь описаніе именно этой его необъяснимости и абсолютной первичности. И точно такъ же обстоитъ дѣло съ субъектомъ сознанія или той его центральной точкой, которая сознается какъ «я». «Я» также не существуетъ въ качествѣ реальнаго или субстанціальнаго объекта. Извѣстно скептическое утвержденіе Юма: «когда я хочу уяснить себѣ то, что называется моимъ «я», то я всегда спотыкаюсь о то или иное опредѣленное представленіе, представленіе тепла или холода, свѣта или тѣни, любви иля ненависти, радости или страданія; никогда я не нахожу *меня* внѣ представленія, и никогда я не могу наблюсти чего-либо иного, кромѣ опредѣленнаго представленія». Это утвержденіе совершенно безспорно и неопровержимо: «я» не можетъ быть найдено въ числѣ объектовъ познанія; но это происходитъ только потому, что оно есть постоянный и неотъемлемый субъектъ его. Если «я» не можетъ быть отыскано, то *ищетъ* его все же «я»; это похоже на комическое недоразумѣніе, приключающееся съ разсѣянными людьми, которые, надѣвъ очки и *глядя черезъ нихъ*, ищутъ повсюду эти самыя очки и, конечно, нигдѣ не находятъ. Искать и находить можно вообще только то, что по природѣ допускаетъ, по крайней мѣрѣ, временное отпаденіе отъ ищущаго и отсутствіе для него; и точно такъ же быть опредѣленнымъ и уловимымъ *объектомъ* можетъ быть только то, что логически отдѣлимо отъ субъекта и допускаетъ противопоставленіе ему. Если бы мы, паче чаянія, нашли наше «я», какъ объектъ, то мы имѣли бы уже не одно, а цѣлыхъ два «я»: искомое и ищущее, объектъ и субъектъ. Это мнимое объективное или реально существующее «я» обнаруживаетъ свою призрачность уже внѣшнимъ образомъ въ томъ, что о немъ вопреки грамматическомъ правиламъ, говорятъ въ третьемъ лицѣ: «я» существуетъ»; эта необычная, рѣжущая ухо грамматическая форма свидѣтельствуетъ, что здѣсь рѣчь идетъ уже не о томъ, всѣмъ знакомомъ и абсолютно неустранимомъ «я», которое есть субъектъ и не нуждается въ доказательствахъ, ибо непосредственно чувствуетъ себя, а о какомъ-то иномъ, выдуман-

номъ философами «я», какъ объектѣ или отвлеченно познаваемой нами субстанціи.

Такимъ образомъ, философія должна обобщать совокупность даннаго намъ не въ формѣ системы (эмпирической или метафизической) дѣйствительности, а въ формѣ внѣ-эмпирической, внѣ и выше бытія стоящей *системы сознанія.* Лишь сознаніе, а не бытіе, есть послѣдняя, безусловно высшая и всеобъемлющая категорія. Цѣлое должно быть охарактеризовано не какъ *мірозданіе*, а какъ *духовная жизнь.* Именно въ этомъ отношеніи *критическій идеализмъ*, какъ мы видѣли, самымъ рѣзкимъ образомъ отличается какъ отъ метафизики, такъ и отъ позитивизма. Отмѣтимъ здѣсь еще нѣкоторыя черты этого различія. Позитивистъ не признаетъ ничего за предѣлами эмпирическаго міра, который онъ считаетъ абсолютомъ. Все, что въ какомъ-либо отношеніи имѣетъ значеніе для жизни, концентрируется для него въ дѣйствительности, и все, что не есть эмпирическій *фактъ*, тѣмъ самымъ равносильно для него вымыслу. На всю духовную жизнь онъ смотритъ, какъ на простое психическое явленіе, а съ точки зрѣнія ея содержанія и смысла признаетъ изъ нея лишь познаніе, въ смыслѣ усвоенія объективной дѣйствительности, считая все остальное чисто субъективными продуктами. Въ этомъ обнаруживается его *ограниченность.* Въ противоположность ему, критическій идеалистъ видитъ въ цѣлостной духовной жизни—этомъ источникѣ какъ категорій дѣйствительности, такъ и нравственныхъ, эстетическихъ и религіозныхъ понятій—нѣчто абсолютно первичное, наиболѣе достовѣрное и, тѣмъ самымъ, стоящее *внѣ вопроса* о субъективности или объективности, по ту сторону антиноміи между дѣйствительностью и вымысломъ. Содержаніе нравственной, эстетической и религіозной жизни онъ признаетъ не чисто субъективными данными, а равноцѣнными дѣйствительности, по своей неотъемлемости, моментами духовной жизни. Именно въ этомъ отношеніи развиваемое міросозерцаніе есть *идеализмъ*, такъ какъ оно не удовлетворяется и не ограничивается дѣйствительностью, а выходитъ за ея предѣлы и постигаетъ ее, какъ часть болѣе широкаго цѣлаго, которое оно усматриваетъ въ понятіи *жизни сознанія.*

Съ другой стороны, метафизикъ хорошо сознаетъ эту ограниченность позитивизма. Онъ понимаетъ тотъ наивный самообманъ, который скрывается за воображаемой полнотой этой философской системы: ибо за спиной мнимо всеобъемлющей эмпирической дѣйствительности стоитъ ея строитель и основа—мыслящій и познающій разумъ, отдѣляющій истину отъ заблужденія, вымыселъ отъ реальности. И именно этотъ разумъ не только познаетъ, но и оцѣниваетъ свой объектъ, включаетъ въ себя не только категоріи истины и лжи, но и категоріи добра и зла, красоты и безобразія. Метафизику ясно это наивное упущеніе позитивизма, принимающаго одинъ лишь *объектъ познанія* за совокупность доступнаго сознанію и забывающаго о необходимомъ

коррелатѣ этого объекта—о субъектѣ и его самодѣятельности. Однако, и менѣе наивный метафизикъ совершаетъ вполнѣ аналогичную ошибку. Не удовлетворяясь эмпирической дѣйствительностью, понимая, что она есть лишь часть болѣе широкаго цѣлаго, и сознавая за ней другія области духовной жизни, метафизикъ хочетъ объединить реальное и идеальное опять-таки въ системѣ дѣйствительности, т.-е. подъ категоріей, которая фактически характеризуетъ именно лишь сферу реальнаго и объективнаго. Онъ принужденъ поэтому прибѣгнуть къ идеѣ абсолютной или высшей, потусторонней дѣйствительности, и этой фальшивой и противорѣчивой идеей дѣлаетъ свое міросозерцаніе ложнымъ или, по меньшей мѣрѣ, совершенно недоказуемымъ. Если позитивистъ неправомѣрно *субъективируетъ* цѣлостную духовную жизнь, низводитъ ее до уровня безплодной и ненужной игры настроенія, то метафизикъ неправомѣрно *объективируетъ* ее, незаконно превращаетъ ее въ чуждую ей по существу форму познанія, и притомъ познанія объективной дѣйствительности. Оба пользуются, въ сущности говоря, однимъ и тѣмъ же *реалистическимъ* и *раціоналистическимъ* шаблономъ: оба не признаютъ ничего, кромѣ дѣйствительности и ея познанія, и либо *игнорируютъ* не подходящія подъ этотъ шаблонъ духовныя области, либо стараются искусственно *втиснуть* ихъ въ него.

Поэтому обосновываемая здѣсь точка зрѣнія выступаетъ въ столь же рѣзкой оппозиціи къ догматической или «объективной» метафизикѣ, какъ и къ позитивизму. Она категорически отказывается сдѣлать рѣшающій метафизическій шагъ—гипостазировать идеалистическіе моменты жизни и признать въ ихъ лицѣ новую, высшую дѣйствительность. Въ своей оппозиціи къ метафизикѣ она является *критицизмомъ*, противопоставляя себя догматизму, т.-е. не очищенному гносеологической критикой философскому міросозерцанію. Но она является и единственнымъ чистымъ типомъ *идеализма*, такъ какъ не только—въ согласіи съ идеалистической метафизикой—признаетъ значеніе духовныхъ сферъ, выходящихъ за предѣлы эмпирической реальности, но вмѣстѣ съ тѣмъ—уже въ противоположность метафизикѣ,—принципіально сохраняетъ за ними необходимо присущую имъ идеалистическую или нереалистическую форму, и не желаетъ придавать имъ значеніе объективной дѣйствительности, т.-е. уродовать ихъ на прокрустовомъ ложѣ реалистической схемы. Не отрицая интеллектуальнаго мотива, лежащаго въ основѣ метафизики, именно стремленія къ универсальному синтезу, къ «цѣльному знанію», критическая философія полагаетъ подобный синтезъ возможнымъ лишь въ формѣ *системы сознанія* или *разума*, а не въ формѣ *системы вещей* или *дѣйствительности*. *Основное заблужденіе метафизики* она усматриваетъ въ попыткѣ синтетировать *объектъ* и *субъектъ* въ понятіи всеобъемлющей реальности, находя, что подобный синтезъ долженъ всегда оставаться одновременно и *противорѣчивымъ*, и *мнимымъ*: противорѣчивымъ—потому, что не-

возможно, не впадая въ логическія противорѣчія, гипостазировать формы и продукты самодѣятельности сознанія и представить себѣ абсолютную дѣйствительность, мнимымъ—потому, что за предѣлами подобной величественной системы метафизической реальности не трудно подмѣтить все тотъ же неустранимый субъектъ познанія, рязумъ, построившій эту систему и свободно витающій надъ нею.

Здѣсь умѣстно одно болѣе общее указаніе. Огромное культурно-историческое значеніе основанной Кантомъ критической философіи, совершенно независимо отъ вопроса о правильности ея содержанія, заключается въ томъ, что она усматриваетъ путь къ разрѣшенію великихъ и послѣднихъ вопросовъ бытія не столько въ анализѣ объектовъ, сколько въ предварительномъ анализѣ самихъ проблемъ и въ подготовкѣ мышленія къ правильному ихъ пониманію, т.-е. *въ воспитаніи сознанія.* Сознаніе человѣчества обыкновенно вживается въ привычныя представленія и ходы мыслей, съуживается и оковывается ими; оно приспособляетъ свои интеллектуальныя потребности къ содержанію идей и представленій, которыми оно живетъ. До извѣстныхъ предѣловъ прогрессъ знанія и мышленія можетъ совершаться и въ этихъ узкихъ историко-психологическихъ рамкахъ; но въ развитіи научнаго міросозерцанія необходимо наступаютъ моменты, когда оно вступаетъ въ конфликтъ съ привычными потребностями и тенденціями сознанія и должно, путемъ насильственной ломки склада мышленія, приспособить сознаніе къ воспріятію новыхъ истинъ.

Всѣ великіе идейные перевороты должны были считаться съ этимъ. Открытіе шарообразности земли, замѣна птоломеевой астрономической системы коперниканской, ученіе о субъективности чувственныхъ воспріятій—свѣта, звука, тепла и т. д., атомистическая, и тѣмъ болѣе энергетическая теорія матеріи, дарвинистическое отрицаніе постоянства видовъ—все это какъ бы било человѣчество обухомъ по головѣ, доставляло ему на время почти физическое чувство головокруженія и потери твердой почвы подъ ногами; и только со временемъ, вжившись въ новыя понятія и истины, человѣчество убѣждалось въ суетности своихъ прежнихъ интеллектуальныхъ инстинктовъ и приспособляло складъ своего мышленія къ притязаніямъ болѣе развитого міросозерцанія. Такого же рода воспитаніе сознанія должно сопутствовать совершающемуся на нашихъ глазахъ паденію натурализма. Переходъ отъ обобщеній эмпирическихъ данныхъ къ болѣе широкимъ философскимъ обобщеніямъ совокупнаго содержанія сознанія не можетъ совершаться въ старыхъ натуралистическихъ формахъ. Мысль должна отучиться отъ привитой натурализмомъ тенденціи, которую, по аналогіи съ антропоморфизмомъ, можно было бы назвать *онтоморфизмомъ.* Если позитивное естествознаніе разрушаетъ прежнія антропоморфическія представленія о природѣ, проводитъ рѣзкую грань между формами, въ которыхъ проявляется человѣческая личность съ ея вну-

тренней жизнью, и формами, въ которыхъ намъ дана внѣшняя дѣйствительность, и строго подчеркиваетъ объективный, чуждый духовной жизни характеръ мірозданія, то философскій анализъ, ограничивая значеніе натуралистическаго міросозерцанія, обнаруживаетъ обратную тенденцію: онъ показываетъ, что объективная дѣйствительность въ извѣстномъ смыслѣ подчинена личности, какъ содержаніе ея сознанія, и тѣмъ самымъ освобождаетъ представленіе о высшихъ сферахъ духовной жизни отъ той мнимой *объективности бытія*, которая имъ приписывается по аналогіи съ внѣшней дѣйствительностью. Именно въ этомъ заключается необходимая борьба противъ онтоморфизма, т.-е. тенденціи незаконно расширить понятіе *бытія* и представлять себѣ все въ формѣ объективной реальности или субстанціи. Если понимать подъ такъ называемой «метафизической потребностью», на которую любитъ ссылаться метафизика, не законное стремленіе обобщать въ философскомъ синтезѣ дѣйствительность съ идеальными моментами сознанія, а именно тенденцію къ гипостазированію содержанія сознанія, то эта «метафизическая потребность» есть лишь натуралистическая или онтоморфическая склонность, незаконная историческая привычка сознанія искать всюду вещи и объективное бытіе. Натурализму можно противодѣйствовать не перенесеніемъ его на новыя области, какъ это фактически дѣлаетъ супранатуралистическая метафизика, а соотвѣтствующимъ воспитаніемъ окованнаго имъ мышленія. Эту именно задачу ставитъ себѣ критическій идеализмъ. Натурализмъ покоится въ конечномъ счетѣ на извѣстнаго рода *грубости* сознанія, которая не улавливаетъ оттѣнковъ и различныхъ формъ объективности, насильственно втискиваетъ свободное многообразіе содержанія духовной жизни въ привычныя узкія рамки реалистическаго міросозерцанія и не знаетъ средняго между грубымъ, матеріалистически осязательнымъ бытіемъ *) и пустымъ вымысломъ. Въ противоположность этому основой критической философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ результатомъ ея воспитательной дѣятельности служитъ извѣстное *утонченіе* сознанія, способность индивидуализировать матеріалъ познанія, подмѣчать различія въ формахъ объективности, въ которыхъ намъ даны отдѣльныя стороны жизни, и согласно этому приспособлять самую постановку проблемъ къ своеобразію явленій, съ которыми онѣ имѣютъ дѣло. Вмѣстѣ съ Ренаномъ критическій идеализмъ можетъ сказать: *истина—въ оттѣнкахъ!* За предѣлами яснаго, осязаемаго и видимаго бытія лежатъ области, которыя даны намъ не какъ реальные объекты, усваиваемые

---

*) Что метафизика можетъ въ конечномъ результатѣ вылиться въ грубѣйшій матеріализмъ, это показываетъ примѣръ Вл. Соловьева, который въ классификаціи бытія помѣщалъ „Царство Божіе“, въ качествѣ пятаго отдѣла мірозданія, наряду съ минеральнымъ, растительнымъ, животнымъ и человѣческимъ царствами!

разсудочнымъ познаніемъ, а какъ цѣлостныя переживанія духа. Эти переживанія нельзя ни отрицать и отождествлять съ вымыслами, ни возводить въ рангъ субстанціальныхъ существъ и реальныхъ силъ. Эти глубокія области вѣчно ускользаютъ отъ разсудочнаго мышленія, стремящагося усвоить ихъ по аналогіи съ явленіями эмпирической дѣйствительности и подступающаго къ нимъ съ вопросами объ ихъ причинѣ, происхожденіи и положеніи въ мірѣ; ихъ нельзя, такъ сказать, захватить руками и вынести на поверхность, къ ясному свѣту дѣйствительности, не исказивъ и не умертвивъ ихъ. Онѣ остаются недоступными познанію, вѣчно коренятся въ неисповѣдимыхъ глубинахъ жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно ясны и близки тому, кто беретъ ихъ какъ онѣ даны, не отвлеченно познавая, а конкретно ихъ переживая. Характернѣйшимъ образцомъ въ этомъ отношеніи является самый центръ жизни сознанія—его субъектъ или «я». Намъ пришлось уже указать, на примѣрѣ скептическаго исканія Юма, какъ убійственно дѣйствуетъ на «я» попытка выловить его и объективно познать, и какъ, съ другой стороны, эта неуловимость не препятствуетъ ему быть самымъ жизненнымъ и безусловно неустранимымъ моментомъ сознанія. Таково же положеніе всѣхъ остальныхъ явленій въ этой области. Нравственныя, эстетическія, религіозныя *настроенія* и переживанія суть жизненные и неотъемлемые моменты сознанія и, въ качествѣ таковыхъ, не «субъективны» и не «измышлены», а равноправны съ реалистическимъ познаніемъ дѣйствительности. Философія можетъ описывать ихъ, какъ они есть, во всей ихъ конкретной жизненности, можетъ и должна считаться съ ними, какъ съ необходимыми сторонами построяемой ею системы сознанія, но она не можетъ отвлеченно постигать ихъ, какъ объективныя реальности. Доброе, прекрасное, святое суть не силы или субстанціи, входящія въ мірозданіе, а *моменты жизни*. Эта характеристика умаляетъ ихъ только въ глазахъ того, кто окованъ натуралистическимъ міросозерцаніемъ; она понятна и естественна тому, кто постигъ, что все мірозданіе есть одна изъ сторонъ универсальной жизни сознанія, и что поэтому и универсальная философія должна быть не *міросозерцаніемъ*—въ буквальномъ смыслѣ этого слова, а *жизнепониманіемъ*.

III.

Изложенное выше критически-идеалистическое ученіе оказываетъ реформирующее вліяніе и въ области этики, т.-е. теоріи нравственности. Оно приводитъ къ болѣе точному и адэкватному усвоенію природы моральныхъ явленій.

Нравственная жизнь представляетъ особенно рѣзкій образецъ духовной сферы, безусловно выходящей за предѣлы эмпирической реальности. Предикаты «добра» и «зла» не суть реальныя качества вещей,

а выражаютъ нашу оцѣнку дѣйствительности, практическое отношеніе къ ней воспринимающаго субъекта. Этическое сужденіе говоритъ не о сущемъ, а о *должномъ*. Наряду со всей грандіозной, съ виду всеобъемлющей дѣйствительностью, наше сознаніе содержитъ иной, принципіально равноправный ей моментъ—идею должнаго,—и эта идея созидаетъ новый, замкнутый въ себѣ міръ, который мы воспринимаемъ не какъ *систему бытія*, а какъ *систему цѣнностей*. Нравственное есть не то, что *существуетъ*, а то, что *должно существовать*. Такъ какъ практической функціей этической оцѣнки служитъ побужденіе человѣка къ дѣяніямъ, направленнымъ на согласованіе сущаго съ должнымъ путемъ соотвѣтствующаго преобразованія явленій сущаго, то въ большинствѣ случаевъ сознаніе должнаго говоритъ намъ именно о томъ, что *не существуетъ*, а лишь *должно быть внесено въ дѣйствительность*. Нравственный идеалъ и дѣйствительность расходятся по содержанію, и это несоотвѣтствіе идеала дѣйствительности не только не умаляетъ и не уничтожаетъ значенія идеала, какъ это слѣдовало бы по реалистической доктринѣ, признающей только то, что входитъ въ составъ дѣйствительности, но даже придаетъ ему особенную силу и важность. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда этическая оцѣнка признаетъ добромъ что-либо существующее, это согласованіе явленій дѣйствительности съ представленіемъ о добрѣ несущественно для самой идеи должнаго; оно есть какъ бы случайное соприкосновеніе въ одной точкѣ двухъ міровъ, могущее ежеминутно прекратиться и не уничтожающее полной самостоятельности каждаго изъ нихъ. Ибо дѣйствительность остается таковой, со всей своей неумолимой принудительностью и неустранимостью, даже если ни одинъ элементъ ея не проникнутъ добромъ, и точно также добро остается добромъ, со всей своей неприкосновенностью и обязательностью, даже если оно не имѣетъ ни единаго воплощенія въ реальномъ мірѣ.

Эта черта этическаго сужденія, въ силу которой его значеніе совершенно независимо отъ какого-либо строенія дѣйствительности и, слѣдовательно, не можетъ заключаться въ «совпаденіи» съ послѣдней или въ принадлежности къ ней, представляетъ непреодолимыя логическія трудности для сознанія, ищущаго универсальнаго синтеза въ системѣ дѣйствительности. Позитивизмъ старается выйти изъ затрудненія либо путемъ принципіальнаго отрицанія и устраненія морали, какъ «заблужденія» и «предразсудка» («имморализмъ» Ницше, Штирнера), либо путемъ сведенія нравственности къ своего рода житейской политикѣ, къ совокупности правилъ, содѣйствующихъ наиболѣе благополучному и счастливому устроенію жизни общества или «большинства» («утилитаризмъ» и «эвдемонизмъ»). Первый пріемъ несостоятеленъ потому, что философія должна не перестраивать сознаніе въ его необходимыхъ проявленіяхъ, а лишь описывать его, не умалять духовную жизнь съ ея многограннымъ содержаніемъ, а уяснять

ее *). «Устраненіе» морали, какъ «заблужденія», можетъ быть поставлено въ параллель къ «устраненію» эмпирическаго міра въ догматико-идеалистическихъ системахъ, и *моральный* солипсизмъ столь же неправомѣренъ, какъ и солипсизмъ теоретическій, такъ какъ оба произвольно уничтожаютъ неотъемлемо присущіе сознанію комплексы представленій. Не менѣе несостоятеленъ и второй пріемъ. Не говоря уже о томъ, что утилитарное ученіе о морали не вѣрно по существу, такъ какъ рядъ безспорныхъ моральныхъ оцѣнокъ не укладывается въ схему утилитаризма, это объясненіе нравственности совершенно не достигаетъ своей цѣли, т.-е. не сводитъ мораль «на землю», не уясняетъ ея эмпирически. Ибо каково бы ни было содержаніе моральнаго принципа и въ какой бы мѣрѣ оно ни было проникнуто эмпирическими моментами, его *цѣнность* для насъ уже не можетъ быть объяснена никакими практическими, «земными» мотивами, не вытекаетъ ни изъ какой «дѣйствительности», а остается автономнымъ твореніемъ духа. Если принесеніе пользы обществу есть чисто эмпирическое дѣло, то *святость* этого дѣла, присущій ему характеръ *моральнаго велѣнія* не основаны ни на какихъ реальныхъ данныхъ и *противостоятъ* эгоистическому и антисоціальному складу дѣйствительности, какъ превышающій ее *идеалъ*. Поистинѣ смѣшно и вмѣстѣ трогательно слышать, какъ представители утилитаризма и позитивизма съ глубоко-искреннимъ нравственнымъ воодушевленіемъ говорятъ о *святомъ* дѣлѣ, о *святой* борьбѣ за идеалъ, не подозрѣвая даже, что «святость» есть основная категорія даже не автономно-этической, а религіозной жизни!

Совершенно инымъ путемъ выходитъ метафизикъ изъ затрудненія, которое и ему готовитъ природа этическаго сужденія. Вѣрный своему принципу исканія трансцендентнаго бытія, онъ не отрицаетъ морали

---

*) Этимъ, разумѣется, отнюдь не отвергается та реформа *содержанія* морали, которая, подъ видомъ устраненія самого принципа морали, была произведена Ницше. Надлежитъ отмѣтить вообще, что въ области теоріи познанія и, слѣдовательно, въ области принципіально-философскаго обоснованія своихъ идей, Ницше, этотъ критическій умъ par excellence, стоитъ безусловно на догматической почвѣ, опираясь отчасти на матеріалистическую метафизику, отчасти на то вульгарное кантіанство, которое считаетъ эмпирическій міръ продуктомъ взаимодѣйствія абсолютнаго бытія съ психо-физической организаціей субъекта. Характеристика, напр., морали и религіи, какъ сплошныхъ „заблужденій", указаніе, что чувства, влекущія къ моральнымъ оцѣнкамъ и религіозному настроенію, „обманываютъ" насъ,—все это основано на чисто догматической вѣрѣ въ абсолютную дѣйствительность, какъ въ оригиналъ и критерій правильности всѣхъ переживаній личности. Если нашъ русскій ученикъ Ницше, г. Шестовъ, въ своихъ выдающихся и глубокомысленныхъ философско-публицистическихъ трудахъ видитъ въ Кантѣ образецъ доктринерскаго догматизма, то, въ противоположность этому, мы считаемъ необходимымъ подчеркнуть, что именно недостатокъ надлежащаго умственнаго воспитанія въ духѣ кантіанскаго критицизма вредно отражается на практической философіи Ницше и ослабляетъ ея великое реформаторское значеніе.

и не сводитъ ее практически «на нѣтъ», а видитъ въ нравственной жизни главное проявленіе «потусторонней» дѣйствительности и приписываетъ ей особаго метафизическаго носителя въ лицѣ благой силы или субстанціи добра. *Должное*, съ его точки зрѣнія, оказывается лишь иного рода *сущимъ*, идеалъ—высшимъ *бытіемъ*. Здѣсь лежитъ даже одинъ изъ сильнѣйшихъ мотивовъ метафизическаго творчества. За предѣлами эмпирической реальности, которая, какъ указано, лишь случайно и частично совпадаетъ по содержанію съ идеей должнаго, постулируется иная, высшая реальность, которая уже цѣликомъ и необходимо есть *добро*. Въ такой гипотезѣ потребность подвести все содержаніе духовной жизни подъ категорію бытія и представить, какъ систему универсальной дѣйствительности, находитъ себѣ кажущееся удовлетвореніе.

Мы говоримъ: *кажущееся* удовлетвореніе, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что это построеніе основано на грубой логической ошибкѣ, на легко разоблачимомъ ὕστερον πρότερον, съ которымъ мы уже имѣли случай встрѣтиться при разборѣ гипотезы субстанціальнаго бытія «истины». Добро является, вѣдь, таковымъ не потому, что оно «существуетъ» или есть реальная сила, а потому, что оно есть для насъ нравственная цѣнность. Поэтому идея добра по существу дѣла должна предшествовать констатированію наличности реальнаго его проявленія или воплощенія. Въ этомъ отношеніи трансцендентная реальность—независимо отъ противорѣчивости самого ея понятія—ничѣмъ не отличается отъ эмпирической и въ виду этого оказывается совершенно излишней. Являясь, по замыслу метафизика, *источникомъ* нравственной жизни, она фактически подчинена послѣдней и заимствуетъ свое значеніе воплощеннаго добра лишь изъ ея постулируемаго соотвѣтствія автономнымъ велѣніямъ нашей совѣсти. Если бы мы думали, что міровая субстанція есть зло, то мы не слѣдовали бы велѣніямъ этого владыки, а вѣрили бы попрежнему въ значеніе добра, о которомъ говоритъ наша совѣсть. Такимъ образомъ, истинный источникъ нравственныхъ оцѣнокъ, природа духовной жизни оцѣнивающаго субъекта, остается незахваченной философскимъ синтезомъ и попрежнему пребываетъ внѣ дѣйствительности, въ качествѣ ея носителя и судьи. Метафизическое гипостазированіе и здѣсь не достигаетъ своей цѣли.

Но въ данномъ случаѣ оно не только логически несостоятельно, но приводитъ къ ряду уже по существу невѣрныхъ мыслей. Признавъ добро абсолютной субстанціей, метафизикъ вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ ее абсолютной силой. Та же реалистическая тенденція, которая превращаетъ должное въ сущее, превращаетъ и всеобъемлющее идеальное *значеніе* добра во всемогущую реальную *силу*; ибо если все данное намъ должно быть *бытіемъ*, то все его значеніе должно состоять въ его реальномъ могуществѣ. Такъ постулируется идея абсолютной и всемогущей субстанціи добра, которой подчиненъ или, вѣрнѣе, въ ко-

торую входитъ, какъ часть, и весь эмпирическій міръ. Должное окончательно сливается съ сущимъ, бытіе безъ остатка растворяется въ гипостазированномъ добрѣ.

Но это искусственное и произвольное обобщеніе мститъ за нарушенныя права здраваго морально-философскаго синтеза тѣмъ, что обращается въ свою собственную противоположность. Вытекая изъ стремленія возвеличить добро и устроить его апоѳеозъ, оно приводитъ къ *уничтоженію* автономнаго моральнаго идеала, къ подчиненію его грубому факту. Ибо если добро всемогуще, то вся дѣйствительность, въ качествѣ его творенія, есть благо. Если все разумное существуетъ, то все существующее разумно. Отсюда возникаетъ неразрѣшимая по существу *проблема теодицеи*—задача объясненія наличности зла въ мірѣ при всемогуществѣ и вездѣсущности добра. Отвѣтомъ на эту проблему служитъ либо честное признаніе ея неразрѣшимости—признаніе, которое фактически содержитъ отказъ отъ ученія о субстанціональности и всемогуществѣ добра, либо же *отрицаніе самого существованія зла.* Это послѣднее, поистинѣ чудовищное ученіе, которое, однако же, есть единственный послѣдовательный выводъ изъ идеи всемогущества добра, въ сущности лишаетъ всякаго значенія нравственную оцѣнку отдѣльныхъ явленій бытія. Съ уничтоженіемъ контраста между добромъ и зломъ устраняется если не самое понятіе добра, то во всякомъ случаѣ его практическая, дѣйственная роль въ человѣческой жизни. Пантеистическое міросозерцаніе, утверждающее полное сліяніе трансцендентнаго міра съ эмпирическимъ, необходимо стоитъ, какъ это видно на классическомъ примѣрѣ ученія Спинозы—«по ту сторону добра и зла». Все, что должно быть, уже *есть*; и все, чего *нѣтъ*, тѣмъ самымъ и *не должно быть.* Какой смыслъ въ ученіи о должномъ, какое значеніе можетъ еще сохранять тотъ моментъ, который, по презрительной характеристикѣ Гегеля, «настолько слабъ, что *не есть, а только долженъ* быть»? И если остается еще количественное различіе между степенями добра, то оно можетъ быть усмотрѣно лишь въ сравнительной близости явленія къ основѣ бытія, въ крѣпости, съ которой оно коренится въ жизни—иначе говоря, въ его реальной эмпирической силѣ. Если все дѣйствительное есть благо, то оно тѣмъ бо́льшее благо, чѣмъ оно *дѣйствительнѣе*, т.-е. чѣмъ прочнѣе завоеванное имъ мѣсто въ системѣ бытія или чѣмъ могущественнѣе сила, съ которой оно пролагаетъ себѣ путь къ дѣйствительности. Несмотря на всю грандіозность трансцендентнаго построенія, метафизика принуждена взять мѣриломъ добра чисто-эмпирическій моментъ—земную силу.

Міросозерцаніе, къ которому приводитъ этотъ ходъ мыслей, нельзя назвать иначе, какъ *идолопоклонствомъ*. Подъ идолопоклонствомъ, въ широкомъ смыслѣ слова, я разумѣю преклоненіе передъ земнымъ могуществомъ, религіозное почитаніе явленій природы или человѣческой

жизни исключительно въ силу выдающагося ихъ значенія въ системѣ дѣйствительности и совершенно независимо отъ степени ихъ соотвѣтствія этическимъ нормамъ и идеаламъ. Служитъ ли объектомъ поклоненія камень или человѣкъ, силы природы или силы государства, всюду обоготвореніе основано не на внутренней нравственной цѣнности объекта, а на его реальномъ могуществѣ, такъ что сила бытія сама по себѣ признается божествомъ и, въ качествѣ таковаго, такъ сказать, заднимъ числомъ снабжается этическимъ достоинствомъ. Въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между вѣрой дикаря, поклоняющагося солнцу или огню и, напр., «новой вѣрой» Штраусса, требующаго поклоненія міозданію, какъ таковому. Прежде всего идолопоклонникомъ является по существу, всякій позитивистъ. Ибо такъ какъ инстинктъ почитанія, потребность имѣть святыню, абсолютную цѣнность, которой должна быть посвящена жизнь, практически неистребима, и такъ какъ, съ другой стороны, позитивистъ не признаетъ ничего, кромѣ эмпирической реальности, то ему остается лишь избрать себѣ святыню въ предѣлахъ послѣдней. Такъ возникаетъ поклоненіе «человѣчеству», народу, историческому прогрессу и т. п. И въ этомъ отношеніи послѣдовательный метафизикъ опять-таки сходится съ позитивистомъ. Les extrêmes se touchent. Описанный выше логическій процессъ, приводящій метафизика къ этому результату, болѣе сложенъ и принципіально отличается отъ наивнаго построенія позитивиста, но самый результатъ въ обоихъ случаяхъ одинаковъ. Пусть божество метафизика лежитъ далеко за предѣлами эмпирическаго міра—этотъ міръ и его жизнь, какъ твореніе и часть божества, раздѣляютъ всю его святость. Каждая великая сила дѣйствительности, каждое крупное историческое явленіе или движеніе должны быть поэтому признаны священными. Типическимъ образцомъ подобнаго умозаключенія en grand является система Гегеля. Начавъ съ уничтоженія эмпирической реальности, признавъ весь видимый міръ только отблескомъ и проявленіемъ идеи или духа, Гегель кончаетъ обоготвореніемъ земной силы. Могущество наполеоновской арміи и строй прусскаго государства и самъ берлинскій профессоръ Георгъ-Вильгельмъ Гегель съ его системой были объявлены непосредственными воплощеніями божественнаго мірового духа *). Было бы ошибкой объяснять эту философію полити-

---

*) А полвѣка спустя обученные Гегелемъ нѣмцы съ полной послѣдовательностью признали такимъ же проявленіемъ божественнаго промысла ударъ, нанесенный французскому народу прусскимъ кулакомъ. Виновникъ этой трагедіи, Бисмаркъ, былъ, какъ извѣстно, однимъ изъ величайшихъ апостоловъ *религіи силы*. Его нравственно-философское міросозерцаніе ярко обрисовывается въ его мемуарахъ. Полемизируя, напр., противъ принципа тайности избирательнаго права, основаннаго на желаніи обезпечить искренность и независимость народнаго голосованія, Бисмаркъ аргументируетъ, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: „Вліянія и зависимости, которыя приноситъ съ собой прак-

ческими тенденціями ея автора и обвинять систему Гегеля въ консерватизмѣ или реакціонности. Эта система, какъ показала ея историческая эволюція, можетъ въ одинаковой мѣрѣ служить какъ установившемуся укладу жизни, такъ и нарождающимся въ обществѣ новымъ тенденціямъ. Все существующее разумно, но разумно и то, что идетъ ему на смѣну. Гегеліанство не даетъ руководящей точки зрѣнія для выбора политическаго направленія, и это, конечно, не есть недостатокъ его, ибо въ задачи философіи не входитъ обоснованіе политической программы. Ахиллесова пята гегелевской метафизики, какъ и всѣхъ системъ того же типа, лежитъ не въ области политики, а въ области этики, и заключается въ *полномъ этическомъ индифферентизмѣ*, въ принципіальномъ поклоненіи *всякой* силѣ, какъ таковой. И близость этой точки зрѣнія къ чистому позитивизму самымъ явственнымъ образомъ сказалась уже въ дальнѣйшей судьбѣ самого гегеліанства. Марксизмъ, давшій матеріалистическое выраженіе гегеліанской общественной философіи, воспринялъ и рѣзко подчеркнулъ ту же идею этическаго индифферентизма: идея должнаго сама по себѣ не имѣетъ никакого значенія, все дѣло въ самомъ историческомъ процессѣ и въ общественныхъ формахъ, неизбѣжно въ немъ нарождающихся. Ту роль, которую у Гегеля игралъ «міровой духъ», въ марксизмѣ играетъ «эволюція способовъ производства»: оба, въ качествѣ великихъ реальныхъ силъ жизни, съ неумолимой неизбѣжностью опредѣляютъ не только фактическій ходъ жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ и его *правомѣрность*; оба вытѣсняютъ и душатъ идею автономности нравственнаго идеала, а потому и оба ученія въ одинаковой мѣрѣ являются религіей силы, поклоненіемъ идоламъ *). Эту близость марксизма къ гегеліанству или, точнѣе, эту тождественность ихъ основного воззрѣнія на отношеніе между сущимъ и должнымъ полезно напомнить именно теперь, когда нѣкоторые бывшіе марксисты, признавъ философскую несостоятельность доктрины Маркса, въ результатѣ своихъ метафизическихъ блужданій возвращаются вѣрными учениками Гегеля.

Всей этой сумятицѣ призрачныхъ философскихъ обобщеній и ложныхъ нравственныхъ оцѣнокъ кладетъ конецъ то строгое и безусловное разграниченіе между сущимъ и должнымъ, которое проводится критическимъ идеализмомъ и вытекаетъ изъ устанавливаемаго имъ философскаго синтеза въ формѣ системы сознанія. Должное и сущее принадлежатъ двумъ различнымъ областямъ духовной жизни. Попытка

тическая жизнь людей, суть *Богомъ данныя реальности*, которыхъ нельзя и не должно игнорировать". *Bismarck*. „Gedanken und Erinnerungen", Bd. II, S. 60. Трудно придумать болѣе мѣткую и выпуклую характеристику этой языческой философіи, чѣмъ опредѣленіе ея основного понятія терминомъ „gottgegebene Realität".

*) Само собой разумѣется, что и марксизмъ мы критикуемъ здѣсь только какъ *философское* міросозерцаніе, оставляя въ сторонѣ его соціально-политическую программу, которая имѣетъ совершенно самостоятельное значеніе и должна быть анализируема съ политической, а не философской точки зрѣнія.

опредѣлить ихъ *реальное* соединеніе и объединить ихъ въ универсальной системѣ бытія не только фактически неосуществима, но и логически противорѣчива, такъ какъ реальная связь мыслима лишь между частями или явленіями сущаго и не распространима на то, что по самой природѣ своей лежитъ внѣ сферы бытія. Должное и сущее черпаютъ оба свою своеобразную силу, свое специфическое значеніе для сознанія исключительно изъ самихъ себя. Для добра его бытіе является случайностью, для бытія такой же случайностью — его нравственное достоинство. Единственный пунктъ, въ которомъ обѣ области дѣйствительно соединены необходимой связью—это сознаніе, тотъ общій ихъ источникъ, который, несмотря на всю ихъ самостоятельность, дѣлаетъ ихъ составными частями нераздѣльной духовной жизни и укрѣпляетъ ихъ въ живомъ единствѣ мыслящей и дѣйственной личности.

Поэтому невозможно ни гипостазировать нравственную цѣнность, ни *вывести* ее изъ бытія. Послѣдняя тенденція образуетъ основу того интеллектуальнаго направленія, которое по преимуществу заслуживаетъ названія *догматизма*. Исходя изъ убѣжденія, что правомѣрность всякаго, въ томъ числѣ и этическаго сужденія, должна состоять въ его «истинности» въ смыслѣ соотвѣтствія какой-либо объективной реальности, сознаніе ищетъ или конструируетъ эту реальность, обосновывающую, по его мнѣнію, нравственную оцѣнку. Такъ возникаютъ *догматы*, т.-е. теоретическія сужденія, утверждающія извѣстные реальные факты или связи и признаваемыя опорой нравственныхъ убѣжденій. Практическая моральная жизнь ставится въ принципіальную связь съ вѣрой въ эти чисто теоретическія сужденія. Это смѣшеніе двухъ разнородныхъ областей жизни и нарушеніе автономности нравственнаго законодательства также встрѣчается одинаково въ позитивистическихъ и метафизическихъ системахъ. Чистота нравственнаго построенія и сознаніе долга ставится въ зависимость то отъ вѣры въ прогрессъ или даже... въ «концентрацію капиталовъ» и трудовую теорію цѣнности, то отъ вѣры въ какія-либо, столь же точно охарактеризованныя, особенности и свойства трансцендентнаго міра. Въ противоположность этому догматизму, *критицизмъ* устанавливаетъ рѣзкую грань между теоретическимъ сужденіемъ о сущемъ и этическимъ сужденіемъ о должномъ. Нравственная оцѣнка въ этомъ смыслѣ *необоснуема* и *не нуждается* въ обоснованіи. Никакое сужденіе о фактахъ не можетъ вскрыть ихъ нравственную цѣнность и подтвердить или доказать правомѣрность идеала; оно въ состояніи указать лишь средства къ достиженію идеала или формы, въ которыхъ онъ можетъ быть осуществленъ. Нравственныя же убѣжденія, какъ таковыя, не зависятъ отъ вѣры въ какія-либо реальныя данныя, не нуждаются въ признаніи хотя бы единаго теоретическаго сужденія, ибо они говорятъ не о томъ, что есть, а о томъ, что должно быть. Это очищеніе моральной жизни отъ слиянія съ догматической вѣрой есть

одна изъ важнѣйшихъ просвѣтительныхъ задачъ, намѣчаемыхъ міросозерцаніемъ критическаго идеализма.

Подобный же строгій дуализмъ въ пониманіи отношенія между идеаломъ и дѣйствительностью долженъ быть проведенъ и въ иномъ отношеніи. Точный и безпристрастный анализъ не позволяетъ приписать добру какую-либо абсолютную *реальную* силу. Въ признаніи всемогущества добра содержится смѣшеніе реальнаго значенія съ идеальными. Идея добра, какъ таковая, дѣйствительно, властвуетъ надъ всѣмъ міромъ; нѣтъ такого явленія, событія, лица, учрежденія, которыя были бы изъяты изъ сферы ея власти, не входили бы въ компетенцію суда нравственной совѣсти. И нѣтъ «ни на землѣ, ни въ небесахъ» такой силы, которая могла бы воспрепятствовать этому суду или вмѣшаться въ его автономное рѣшеніе. Дѣйствительность безсильна противъ идеи добра, но не потому, что послѣдняя повелѣваетъ стихіями и защищается пушками и броненосцами, а потому, что ея территорія по существу абсолютно неприступна для какой бы то ни было силы реальности. Дѣйствительность не можетъ выйти за предѣлы самой себя и вторгнуться въ царство добра, чтобы помѣряться съ ними силами; всѣ ея удары бьютъ мимо цѣли: добро нельзя разрушить просто потому, что оно вообще *не существуетъ* въ смыслѣ принадлежности къ эмпирической дѣйствительности, а сохраняетъ все свое абсолютное значеніе, весь свой вѣчный и неустранимый смыслъ въ качествѣ *противопоставляемаго* дѣйствительности идеала должнаго. Иное дѣло—реальное могущество эмпирическихъ носителей добра; насколько оно велико, мы a priori опредѣлить не можемъ. Идея эмпирическаго всемогущества добра явно и безспорно опровергается наличностью зла въ мірѣ—фактомъ, котораго нельзя отмыслить и отразсуждать никакими аргументами. Но даже убѣжденіе, что добро по своей реальной силѣ *превосходитъ* зло, и вытекающая изъ него увѣренность въ неизбѣжность конечной побѣды добра надъ зломъ, совершенно недоказуемы; противъ нихъ опытъ и размышленіе могутъ привести по меньшей мѣрѣ столько же доводовъ, какъ и за нихъ, и необходимость вѣчнаго и непрерывнаго прогресса, т.-е. усовершенствованія человѣка и жизни и вытѣсненія зла добромъ не имѣетъ за себя безусловныхъ гарантій. Оптимизмъ есть дѣло настроенія и личной вѣры, и философія не можетъ ни опровергнуть его, ни тѣмъ болѣе подтвердить. Какъ «проблема теодицеи», т.-е. вопросъ о происхожденіи и возможности зла, такъ и «проблема прогресса», т.-е. вопросъ о гарантіяхъ гибели зла, не только не разрѣшимы, но и вообще не входятъ въ сферу законныхъ темъ философіи. Это не чисто научныя и дѣйствительно необходимыя проблемы, возникающія изъ объективнаго изученія жизни, изъ незаинтересованнаго изслѣдованія самого предмета, а искусственно созданныя трудности. Научное размышленіе показываетъ, что какъ само бытіе, такъ и развитіе его явленій во вре-

мени, сами по себѣ индифферентны къ идеѣ добра. Эта идея, являясь съ трансцендентальной точки зрѣнія основой совершенно самостоятельной и автономной области сознанія, въ сферѣ бытія образуетъ лишь одну изъ многихъ психическихъ силъ, которая въ своемъ дѣйствіи сталкивается не только съ психическими силами противоположнаго направленія, но и съ препятствіемъ въ лицѣ индифферентныхъ силъ дѣйствительности, такъ что результатъ этого столкновенія, съ точки зрѣнія самой идеи добра, случаенъ и неопредѣлимъ a priori. Наше естественное желаніе, чтобы зло никогда не существовало или, если это невозможно, было, по крайней мѣрѣ, устранено въ будущемъ, само по себѣ не управомочиваетъ насъ возбуждать проблему «возможности зла» или «необходимости прогресса», все равно какъ желаніе, чтобы жареные голуби влетали въ ротъ, не даетъ право подымать вопросъ, скажемъ, «о причинахъ отсутствія въ природѣ летающихъ жареныхъ голубей». Но несообразность и незаконность постановки подобныхъ проблемъ можетъ быть ясно и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойно усвоена лишь тѣмъ, кто возвысился надъ пониманіемъ жизни, какъ системы дѣйствительности, кто усвоилъ относительный характеръ бытія и возможность сферъ духа, выходящихъ за его предѣлы. Какъ метафизикъ, такъ и позитивистъ должны, вопреки требованіямъ разума, вѣрить въ реальное всемогущество добра, подъ угрозой въ противномъ случаѣ потерять всякую вообще нравственную вѣру; ибо для нихъ значеніе добра именно и исчерпывается его принадлежностью къ бытію и реальной силой. Этой тенденціи критическій идеалистъ противопоставляетъ свое основное этическое убѣжденіе: такъ какъ нравственное начало равноправно бытію, въ качествѣ столь же обязательнаго момента сознанія, то его *значеніе* не умаляется тѣмъ, что оно не сполна сливается съ дѣйствительностью и, съ *относительной* точки зрѣнія послѣдней, есть лишь сила ограниченной величины. Въ идеѣ должнаго лежитъ, разумѣется, и *требованіе* его осуществленія; но этимъ требованіемъ исчерпывается связь идеи добра съ идеей дѣйствительности. Фактическая осуществимость идеала, поскольку она не зависитъ отъ самого оцѣнивающаго и дѣйствующаго субъекта, безразлична для его значенія. Практическій успѣхъ нравственнаго усилія не увеличиваетъ его цѣнности, какъ и его тщетность въ борьбѣ съ силами дѣйствительности не умаляетъ ея.

Въ этомъ утвержденіи независимость идеи должнаго отъ ея осуществленія лежитъ *нравственно-воспитательное значеніе* критическаго идеализма. Дѣйствительность не находится въ нашей власти, и мы не имѣемъ гарантій, что ея стихійныя силы сами проникнуты нравственнымъ началомъ. Конечно, часто счастливая комбинація реальныхъ силъ жизни бываетъ на нашей сторонѣ, — но столь же часто условія жизни образуютъ могущественное, иногда непреодолимое препятствіе нашимъ нравственнымъ стремленіямъ. Это *пессимистическое убѣжде-*

ніе столь твердо обосновано всѣмъ опытомъ человѣчества, что противъ него безсильны всякія метафизическія ухищренія. Честь философіи требуетъ, чтобы она не прятала отъ умственнаго взора этой истины, а открыто признала ее, какъ достовѣрное начало всей практической мудрости; и можно сказать, что мѣриломъ правдивости всякой философіи служитъ ясность и рѣзкость, съ какой она формулируетъ этотъ дуализмъ между идеалами и дѣйствительностью. Богъ успѣха всегда обманываетъ поклоняющихся ему, и суровый опытъ жизни всегда разбиваетъ мечтанія и вѣрованія, разсчитывающія на быструю и окончательную побѣду надъ дѣйствительностью. Есть только одинъ способъ оградить себя отъ этого неизбѣжнаго разъѣдающаго скептицизма и сохранить до конца нравственную энергію, несмотря на всѣ житейскія разочарованія: этотъ способъ состоитъ въ выясненіи автономности и внутренней, имманентной обоснованности нравственныхъ идеаловъ. И здѣсь съ могучей, благодѣтельной и укрѣпляющей силой, всплываетъ убѣжденіе, добытое холоднымъ, трезвымъ анализомъ: вся эта непобѣдимая, всевластная дѣйствительность, которая такъ зло играетъ нами и такъ безсмысленно разбиваетъ наши надежды, все это непостижимо-огромное мірозданіе, передъ которымъ теряется наша эмпирическая личность, какъ безконечно малая и ничтожная величина, есть все же продуктъ и содержаніе сознанія, *часть* нашей универсальной духовной жизни; и наряду съ ней, въ качествѣ иной, принципіально равноправной, а по цѣнности безконечно болѣе важной части сознанія, намъ дана наша нравственная жизнь. Наша принадлежность къ царству идеаловъ, наша свободная жизнь въ немъ не зависитъ уже ни отъ какихъ враждебныхъ силъ дѣйствительности и есть наше неотъемлемое благо. Поэтому необходимое признаніе реальнаго міра, какъ таковаго, лишеннымъ внутренняго смысла и индефферентнымъ по отношенію къ нашимъ идеаламъ не можетъ повергнуть насъ въ полное отчаяніе. Мы знаемъ, что этимъ безсмысленнымъ и равнодушнымъ міромъ еще не исчерпывается наша жизнь, и что въ систему разума входитъ и иной, еще болѣе доступный намъ, болѣе интимно слитый съ нашей личностью міръ—міръ цѣнностей; неустранимая принадлежность къ нему есть для насъ неизсякаемый источникъ нравственной энергіи.

Это пониманіе отношенія между реальнымъ міромъ и идеаломъ духовной жизни легко можетъ вызвать нареканія какъ своимъ *дуализмомъ*, такъ и содержащейся въ немъ *песссимистической* оцѣнкой конкретной реальности. Оба упрека, психологическую естественность которыхъ я хорошо сознаю, должны быть адресованы скорѣе самой жизни, чѣмъ описывающей и уясняющей ее философской системѣ. Что касается перваго, то, конечно, потребность объединяющаго знанія неискоренима и составляетъ основную движущую силу всякаго постиженія міра. Но не надо забывать, что идея монизма законна лишь, какъ постулатъ, а не какъ аподиктическая аксіома. Мы должны ис-

кать связи явленій, добиваться пониманія множественнаго, какъ единаго, но въ какой мѣрѣ эти старанія могутъ увѣнчаться успѣхомъ, зависитъ не отъ насъ, а отъ матеріала, съ которымъ мы имѣемъ дѣло. И въ этомъ отношеніи познанію поставленъ рядъ непреодолимыхъ преградъ; обобщающее познаніе необходимо наталкивается на своемъ пути на неразложимые первичные элементы, которые мы въ лучшемъ случаѣ можемъ объединить лишь формальной логической, но не внутренней матеріальной связью. Субъектъ и объектъ, пространство и время, матерія и психика, фактъ и законъ—все это суть абсолютно предѣльныя понятія, послѣдніе синтезы, противящіеся дальнѣйшему обобщенію. Отрывочность совокупнаго матеріала познанія есть просто фактъ, котораго не можетъ устранить никакая философія. Діалектика нѣмецкой идеалистической метафизики, пытавшаяся выполнить эту невозможную задачу и мнившая конвульсивными усиліями мысли, принципіально отказавшись отъ логической планомѣрности, проложить дорогу объединяющему познанію туда, гдѣ его ходу поставлена непреодолимая преграда, останется навсегда умилительнымъ свидѣтельствомъ силы влеченія къ познанію, но и примѣромъ тщетности его борьбы съ препятствіями, заложенными въ самомъ объектѣ. Съ такимъ же препятствіемъ мы встрѣчаемся и въ анализируемомъ здѣсь отношеніи между сущимъ и должнымъ; мы можемъ объединить то и другое, какъ моменты общей жизни сознанія,—и не мѣшаетъ отмѣтить, что это есть весьма цѣнное завоеваніе монистической тенденціи—но мы не можемъ знать внутренней матеріальной связи между ними и не въ состояніи постичь, отчего между ними царитъ не желанное согласіе, а непонятная и иногда трагическая для насъ отчужденность. Дуализмъ есть здѣсь, слѣдовательно, не *принципъ*, противопоставляемый монизму, а фактически констатируемый предѣлъ монистическаго объясненія.

Не иначе обстоитъ дѣло съ упрекомъ въ пессимизмѣ. Прежде всего надо подчеркнуть, что изложенное міросозерцаніе не имѣетъ ничего общаго съ извѣстнымъ этикометафизическимъ утвержденіемъ, отождествляющимъ міръ, какъ таковой, со *зломъ*. Этотъ романтическій пессимизмъ подлежитъ той же критикѣ и несостоятеленъ по тѣмъ же основаніямъ, какъ и его антиподъ—романтическій оптимизмъ, усматривающій въ мірѣ воплощеніе добра.

«Пессимизмъ» критической философіи заключается только въ признаніи этическаго и идейнаго безразличія эмпирической дѣйствительности, какъ таковой, въ отрицаніи необходимой внутренней связи содержанія сущаго съ содержаніемъ нашихъ идеаловъ. Подобно дуализму, и «пессимизмъ» критическаго идеализма есть не принципъ, а констатированіе факта; онъ есть не нравственная оцѣнка міра, а указаніе на невозможность подведенія бытія, какъ цѣлаго, подъ какую-либо опредѣленную—положительную или отрицательную — этическую категорію. Онъ не учитъ отчаянію, а лишь закаляетъ противъ разочаро-

ваній, приносимыхъ оптимистическими увлеченіями. Общій ходъ жизни слагается изъ столкновенія человѣческихъ силъ, сознательно стремящихся къ осуществленію идеала, съ индифферентными въ нравственномъ отношеніи силами слѣпой дѣйствительности; и хотя послѣднія во много разъ превышаютъ первыя, возможность побѣды первыхъ не исключена именно потому, что на ихъ сторонѣ сознательность, отсутствующая у противника. Борьба за прогрессъ и усовершенствованіе міра можетъ быть представлена, какъ борьба немногочисленной, но планомѣрно дѣйствующей, интеллигентной и полной горячаго воодушевленія арміи съ безчисленной, но недисциплинированной въ умственномъ и нравственномъ отношеніи ордой варваровъ. Въ чью пользу рѣшится эта борьба, нельзя предсказать съ аподиктической увѣренностью; но принципіальное отчаяніе столь же недопустимо, какъ и безусловная увѣренность въ побѣдѣ. Выводъ изъ этого разсчета можетъ быть только одинъ: надо бороться до конца, надѣясь на успѣхъ, а въ случаѣ неудачи помнить, что слава и достоинство все-таки на сторонѣ стремленія къ добру. Въ великой битвѣ жизни такое *героическое* настроеніе, чуждое какъ пессимизма, такъ и оптимизма, не только вполнѣ достаточно для стойкости и энергіи борьбы, но и обезпечиваетъ ихъ гораздо болѣе, чѣмъ слѣпая вѣра въ успѣхъ.

IV.

Занимающая насъ основная философская проблема объ отношеніи между сознаніемъ и бытіемъ съ своей практической стороны можетъ быть выражена въ формѣ вопроса о положеніи личности въ мірозданіи. Критическая философія поэтому не можетъ остаться безъ вліянія на постановку и рѣшеніе этого вопроса. Ученіе, характеризующее бытіе, какъ моментъ или часть сознанія, должно иначе оцѣнить роль личности въ мірозданіи, чѣмъ обычное философское представленіе, строющее систему абсолютной дѣйствительности. Прежде всего наша точка зрѣнія приводитъ къ постулированію двойственной природы личности или, вѣрнѣе, къ уясненію двойного аспекта этого понятія. Съ одной стороны, личностью мы называемъ совокупность тѣхъ моментовъ сознанія, которые *противопоставляются* моментамъ, образующимъ содержаніе внѣшней дѣйствительности, и находятся въ болѣе интимной и тѣсной связи съ своеобразнымъ центромъ сознанія, ощущаемымъ, какъ наше «я». Эти моменты мы воспринимаемъ, какъ внутреннюю психическую жизнь, образующую коррелатъ внѣшней природы. Личность въ этомъ смыслѣ мы можемъ, по примѣру Канта, назвать *эмпирической*. Само собой разумѣется, что эта эмпирическая личность есть лишь часть совокупнаго бытія, которая въ пространственномъ отношеніи не распространяется за предѣлы нашего тѣла, во временномъ отношеніи ограничена нашей жизнью и, такимъ образомъ, составляетъ

лишь неизмѣримо-ничтожный обрывокъ вѣчнаго и безконечнаго мiроздания. Съ другой стороны, однако, все это мiрозданiе есть лишь часть объемлющаго его универсальнаго сознанiя, опредѣленная сторона дѣятельности субъекта, и въ качествѣ таковой не противостоитъ личности, а входитъ въ ея составъ. Безъ того, что Кантъ называетъ «трансцендентальной апперцепцiей», безъ единства *трансцендентальной личности* немыслимо и само мiрозданiе, которое является лишь продуктомъ творческой интеллектуальной дѣятельности личности. *Въ этомъ смыслѣ* личность есть не ничтожная доля сущаго, а его общая высочайшая вершина и глубочайшая основа, противостоящая, въ качествѣ носителя сознанiя, *всему* содержанiю сознанiя и охватывающая послѣднее, какъ свое внутреннее достоянiе *). Мы еще разъ предостерегаемъ здѣсь противъ гипостазированiя этой категорiи. Такъ какъ нашъ синтезъ обобщаетъ совокупность жизни не въ системѣ дѣйствительности, а въ системѣ сознанiя, то и носитель сознанiя долженъ означать не реальную, а трансцендентальную основу сознанiя, не субстанцiю, а предѣльную гносеологическую категорiю. Не ища въ глубинахъ сознанiя его невѣдомой и недоступной субстанцiи, мы должны брать трансцендентальную личность, какъ она есть, видѣть въ ней то, за что она и выдаетъ себя—живую связь и узловой пунктъ сознанiя, необъяснимый, но всѣмъ понятный центръ, скрѣпляющiй хаотическое многообразiе содержанiя сознанiя въ единство разумной духовной жизни **).

Эта трансцендентальная личность стоитъ внѣ времени и пространства, ибо то и другое суть формы ея собственной дѣятельности, въ извѣстномъ смыслѣ ея созданiя; она вѣчна и безконечна, но не въ томъ смыслѣ, что не имѣетъ границъ въ пространствѣ и времени, а въ томъ, что къ ней по существу не приложимы никакiя пространственныя и временныя мѣрки. Она не знаетъ также различiй между эмпирическимъ «я» и «ты»; тѣ данныя, которыя образуютъ содержанiе индивидуальной эмпирической личности и отличаютъ каждую изъ

---

*) Современная имманентная философiя обыкновенно противопоставляетъ себя субъективизму идеалистической философiи, замѣняя постулируемый послѣднею прiоритетъ субъекта надъ объектомъ указанiемъ на соотносительность („коррелативизмъ", по терминологiи *Лааса*) субъекта и объекта, какъ взаимно обусловленныхъ моментовъ нераздѣльно-даннаго содержанiя сознанiя. Не отрицая гносеологической цѣнности, въ извѣстныхъ отношенiяхъ, этой поправки, отмѣтимъ, что, съ другой стороны, понятiе субъекта все же выходитъ за предѣлы *содержанiя* даннаго и противостоитъ ему, въ качествѣ его *носителя*. Это категорически призналъ и наиболѣе выдающiйся представитель имманентной философiи—Шуппе. Ср. *Schuppe*. „Erkenntnisstheoretische Logik", Nachträge, стр. 699—700.

**) Это прекрасно разъяснено *Лотце* въ примѣненiи къ понятiю „души". *Lotze*. „Metaphysik", 2-е изд., стр. 485 и сл. Сочетанiе этого взгляда съ ученiемъ о субстанцiальности души возможно у Лотце только благодаря совершенно произвольному расширенiю понятiя субстанцiи.

*

нихъ отъ другой, логически не связаны съ трансцендентальной личностью тѣснѣе, чѣмъ все остальное содержаніе сознанія; правда, мы не знаемъ ее иначе, какъ прикрѣпленной къ эмпирической личности и образующей сторону послѣдней, но по своей идеѣ она чужда этой связи; не только жизнь, радости и страданія другихъ личностей, но и прошедшее и будущее всего человѣчества и всего мірозданія образуютъ такое же внутреннее, личное ея достояніе, какъ и непосредственныя психическія переживанія той эмпирической индивидуальности, съ которой она связана въ своемъ конкретномъ проявленіи. Обобщая совокупность даннаго намъ въ системѣ сознанія, мы тѣмъ самымъ постигаемъ цѣлое, какъ духовную жизнь личности, ибо сознаніе или жизнь, не прикрѣпленные къ ихъ носителю, трансцендентальной личности, немыслимы. Поэтому, если личность, какъ эмпирическое существо, теряется въ безконечной огромности мірозданія, то личность, какъ носитель общаго сознанія, объемлетъ собою жизнь во всей ея цѣлостности. Кто затрудняется признать эту двоякую природу личности, это совмѣщеніе въ одной реальной точкѣ величайшаго и ничтожнѣйшаго, тотъ забываетъ, что именно этотъ двойственный обликъ есть характернѣйшая и глубочайшая загадочная черта человѣческой жизни. Даже реалистическая философія должна считаться съ этимъ фактомъ и признать, что, напр., та же человѣческая мысль, которая есть продуктъ неуловимо-мелкихъ движеній микроскопическихъ частицъ мозга и находится въ полной зависимости отъ нихъ, съ другой стороны облетаетъ все мірозданіе и идеально властвуетъ надъ нимъ. «Я—царь, я—рабъ, я—червь, я—богъ!»—это высокопарное изреченіе стараго Державина все же остается глубочайшей философской истиной, формулируетъ неизъяснимую загадку нашей жизни—загадку, отъ которой не могутъ освободить насъ ни гордыя построенія метафизики ни позитивистическое съуженіе духовнаго горизонта, и которую критическая философія просто констатируетъ, какъ таковую.

Уясненіе понятія трансцендентальной личности влечетъ за собой нѣкоторыя измѣненія въ этическомъ настроеніи. Конечно, никакая философія не можетъ, исходя изъ теоретическихъ положеній, строго логически обосновать новую мораль; выясняя формальную природу нравственности, она безсильна дать новые, по содержанію, принципы морали. Послѣдніе, какъ указано выше, образуются въ силу автономнаго рѣшенія совѣсти и не стоятъ въ логической связи съ сужденіями теоретическаго сознанія. Но философское міросозерцаніе способно психологически *наталкивать* мысль на нѣкоторые моменты этической жизни, которые остаются скрытыми отъ духовнаго взора при иномъ содержаніи и направленіи теоретическихъ убѣжденій; оно можетъ морально-психологически подкрѣплять, уяснять и систематизировать этическія оцѣнки, диктуемыя совѣстью, но забываемыя въ силу ихъ несоотвѣтствія опредѣленному складу философскихъ воззрѣній. Поэтому реформа теоретическаго сознанія должна неизбѣжно включать и нѣ-

которую реформу сознанія практическаго или по крайней мѣрѣ благопріятствовать ей.

Основная морально-философская консеквенція изъ міросозерцанія критическаго идеализма можетъ быть формулирована слѣдующимъ образомъ: такъ какъ только въ личномъ сознаніи намъ дана трансцендентальная сфера, иначе говоря, такъ какъ личное сознаніе есть единственная точка, въ которой эмпирическая дѣйствительность скрещивается съ иными, превосходящими ее по духовно-нравственному значенію, моментами жизни, то носитель этого сознанія, личность, есть единственная форма живого воплощенія нравственности, единственная доступная намъ конкретизація абсолютнаго. Всѣ идеалы, каково бы ни было ихъ содержаніе, суть свободныя творенія личности, которая, въ качествѣ ихъ творца и носителя, суммируетъ въ себѣ всю ихъ моральную цѣнность. Если подъ *святыней* разумѣть воплощеніе совокупности идеаловъ, «нормальное сознаніе истиннаго, добраго и прекраснаго, пережитое, какъ трансцендентная реальность» *), то единственной святыней на землѣ, единственнымъ абсолютно священнымъ началомъ должна быть признана личность. Она не только не можетъ быть подчинена какимъ-либо эмпирическимъ цѣлямъ, не только должна всегда разсматриваться въ эмпирической жизни, *какъ самоцѣль, а не какъ средство*, какъ это установила этика Канта, но она столь же мало можетъ быть сдѣлана слугой какихъ-либо, мнимо превосходящихъ ее, трансцендентныхъ началъ или силъ. Личность не можетъ имѣть ни эмпирическаго, ни метафизическаго хозяина. Если человѣческій разумъ имѣетъ потребность признать священнымъ цѣлое жизни и его носителя, то мы еще разъ напоминаемъ, что этимъ цѣлымъ, съ точки зрѣнія критическаго идеализма, является *сознаніе*, а его носителемъ—*трансцендентальная личность*. Если въ общественно-этической, какъ и въ религіозно-этической жизни *эмпирическая* личность подчиняется и должна подчиняться высшимъ, выходящимъ за ея предѣлы, объективнымъ началамъ, то, съ другой стороны, эти начала суть лишь тѣ цѣли и цѣнности, которыя свободно признаетъ и ставитъ себѣ личность *трансцендентальная*. Нравственность всецѣло и безусловно заключена въ духовной жизни личности. Въ этомъ смыслѣ не существуетъ никакой *объективной* нравственности отношеній, учрежденій и т. п., которую Гегель, подъ названіемъ Sittlichkeit, противопоставлялъ субъективной нравственности или индивидуальному моральному настроенію (Moralität); наоборотъ, всякая нравственность *субъективна* и сводится къ внутреннему личному переживанію, и отношенія между людьми могутъ быть признаны нравственными или безнравственными лишь постольку, поскольку они согласуются съ оцѣнкой, ытекающей изъ моральнаго настроенія, или противорѣчатъ ей.

Трансцендентальная личность дана намъ непосредственно въ связи

---

*) *Виндельбандъ*. „Прелюдіи", статья „Святыня", русскій переводъ, стр. 286.

съ нашей индивидуальной эмпирической личностью. «*Я*» есть, такъ сказать, всегда *мое* «я». Но мы уже видѣли, что логически трансцендентальное «я» не связано съ содержаніемъ психическихъ явленій, образующихъ жизнь *данной* эмпирической личности; оно объемлетъ всю совокупность доступнаго сознанію, и въ этомъ отношеніи такъ же близко ко всякому «ты» и «онъ», какъ и къ *моему* эмпирическому «я». Поэтому всякая личность должна считаться частью или участникомъ трансцендентальнаго «я», его реальнымъ, эмпирическимъ проявленіемъ *). Именно въ этомъ отношеніи и эмпирическая личность является объектомъ нашихъ обязанностей. Ея свободная жизнь и дѣятельность составляетъ реальныя условія проникновенія въ «земную» дѣятельность трансцендентальной сферы, и поэтому обезпеченіе и уваженіе всесторонней свободы личности образуетъ основной нравственный законъ. Единственный способъ проведенія въ міръ духовнаго начала, помимо личной нравственной дѣятельности, состоитъ въ содѣйствіи свободному развитію другихъ личностей и въ установленіи необходимыхъ для этого общественныхъ условій.

Философское направленіе, обобщающее жизнь, какъ систему дѣйствительности, обыкновенно бываетъ склонно къ этическому *универсализму*. Личное начало кажется ему зломъ, которое необходимо преодолѣть путемъ растворенія личности въ мірозданіи и ея слиянія съ нимъ. Такъ, Спиноза признаетъ незаконной всякую оцѣнку міра съ точки зрѣнія индивидуальнаго духовнаго бытія и требуетъ заглушенія личной жизни путемъ интеллектуальнаго сліянія съ божественной субстанціей вселенной; для Гегеля индивидуалистическая тенденція канто-фихтевской философіи есть лишь «наглость личности»; для Шопенгауэра начало индивидуальности есть лишь обманчивое «покрывало Майи», проявленіе источника зла—личной воли. Это убѣжденіе съ нравственной неизбѣжностью вытекаетъ изъ непосредственнаго или философски обосновываемаго пониманія цѣлаго, какъ вселенной или системы дѣйствительности, безконечно превышающей, по размѣрамъ и значенію, входящія въ нее индивидуальныя части. Теоретическое преобразованіе этого міросозерцанія, совершаемое критическимъ идеализмомъ, приводитъ и къ иной этической конструкціи. То, что казалось главнымъ и

---

*) Вопросъ о примиреніи единичности гносеологическаго и трансцендентальнаго субъекта съ множественностью эмпирическихъ личностей образуетъ одну изъ труднѣйшихъ проблемъ теоріи познанія. Это противорѣчіе есть лишь слѣдствіе описанной выше двойственности понятія личности и, какъ таковое, можетъ быть не разрѣшено по существу, а лишь ясно описано. Само собой разумѣется, что наша точка зрѣнія не допускаетъ постулированія *метафизическаго бытія* трансцендентальнаго субъекта въ различныхъ существахъ. Принадлежность многихъ эмпирическихъ личностей къ этому субъекту можетъ быть либо понята изъ гносеологическаго соображенія о независимости его отъ индивидуально-персональныхъ моментовъ, либо интуитивно усвоена путемъ сліянія съ духовной жизнью другой личности и переживанія ея, какъ своей собственной.

преобладающимъ—совокупность дѣйствительности—становится, съ точки зрѣнія синтеза въ системѣ сознанія, частичнымъ и подчиненнымъ, и наоборотъ, начало личности становится центральнымъ философскимъ понятіемъ и послѣдней связью бытія. Поэтому критическій идеализмъ связанъ съ проповѣдью этическаго *индивидуализма*. Подъ послѣднимъ разумѣется, конечно, не эгоизмъ, точно такъ же, какъ въ теоріи познанія идеализмъ не есть солипсизмъ, а принципъ моральной законности и даже святости начала личности. Альтруистическое влеченіе личности къ сліянію съ міромъ есть, съ одной стороны, проявленіе личной же нравственной жизни, и слѣдовательно не стираетъ и не растворяетъ личности, а входитъ въ ея составъ, какъ часть ея духовнаго богатства; съ другой стороны, оно не исчерпываетъ собой всей нравственности. Дополненіемъ къ нему служитъ не только уваженіе ко *всякой* личности—къ «я» не менѣе, чѣмъ къ «ты»—и признаніе *равноцѣнности* «я» и «ты», какъ равноправныхъ проявленій трансцендентальнаго сознанія, но и преслѣдованіе отвлеченныхъ нравственныхъ задачъ, намѣчаемыхъ идеями справедливости, чести, гармоніи. И общимъ идеаломъ является не безслѣдное раствореніе всего индивидуальнаго въ единомъ и единообразномъ абсолютномъ цѣломъ, а плодотворное сотрудничество и живая связь личностей, полныхъ богатаго и разнообразнаго содержанія.

Но и этотъ эмпирическій идеалъ есть лишь проявленіе и реалистическое отраженіе болѣе высокой и уже чисто трансцендентально-этической задачи. Если цѣлое понимается не какъ субстанція, а какъ субъектъ, не какъ мірозданіе, а какъ духовная жизнь личности, то высшей и всеобъемлющей обязанностью должно служить моральное совершенствованіе и облагороженіе этой жизни. Въ общемъ жизненномъ настроеніи людей бываетъ два основныхъ оттѣнка, соотвѣтствующихъ двумъ типамъ отвлеченнаго философскаго умонастроенія. Одни, проникнутые реалистическимъ инстинктомъ, привыкли смотрѣть на свою жизнь, какъ на чисто эмпирическое данное, входящее, какъ часть, въ составъ совокупной жизни окружающаго ихъ мірозданія. Преслѣдуютъ ли они эгоистическія или альтруистическія цѣли, хотятъ ли отдавать себя міру или извлекать изъ міра пользу для себя, всегда они пролагаютъ грань между своей личной жизнью и внѣшней дѣйствительностью и видятъ въ послѣдней ту основную реальность, ничтожнымъ звеномъ которой являются и они сами. Другіе, склонные къ самонаблюденію и цѣлостному обобщенію жизненныхъ впечатлѣній, смотрятъ на все окружающее, какъ на свое переживаніе, на внутреннее достояніе своей личной жизни; дѣйствительность входитъ для нихъ какъ бы въ составъ ихъ личности, познаніе міра и практическое воздѣйствіе на него, созерцательное и дѣйственное отношеніе къ нему означаетъ лишь обогащеніе общаго духовнаго содержанія ихъ личности; отдаваясь окружающему міру и служа ему, они какъ бы служатъ своей личности и ея внутреннимъ запросамъ. Это идеалистически-индивидуалистическое

настроеніе, образующее противоположность намѣченному выше, болѣе распространенному реалистически - универсалистическому духовному складу, находитъ себѣ выраженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ идейную поддержку въ идеалистической философіи. Для такого именно настроенія является простымъ и непосредственно сознаваемымъ нравственнымъ лозунгомъ *совершенствованіе личности.* Этотъ принципъ не стоитъ, на почвѣ подобнаго жизнепониманія, въ противорѣчіи съ альтруистическими и соціальными требованіями и чувствами и не противопоставляется имъ, въ качествѣ моральнаго постулата индивидуализма, а *объемлетъ* ихъ и *суммируетъ* ихъ. Онъ сводится не къ *замѣнѣ* общественной дѣятельности заботами о собственной личности, а лишь къ иной оцѣнкѣ *смысла* всякой жизни и дѣятельности. Исходя изъ такого настроенія, Гёте выставилъ требованіе, чтобы каждый разсматривалъ свою жизнь, какъ художественное произведеніе (das Leben— ein Kunstwerk), и руководился въ поведеніи стремленіемъ создать изъ своей жизни гармоничное, художественно-благородное и законченное цѣлое. И именно этотъ принципъ напрашивается, какъ общій моральный выводъ изъ очерченной нами философіи критическаго идеализма. Мірозданіе, въ которомъ мы живемъ и дѣйствуемъ, общество, среди котораго протекаетъ наша дѣятельность и которому она посвящена, не есть нѣчто чуждое намъ, внѣ и независимо отъ насъ существующее; все это есть лишь содержаніе нашей духовной жизни. Если нравственная обязанность требуетъ отъ насъ служенія міру, если наше познаніе и наша дѣятельность, наши интересы и чувства направлены на это, окружающее насъ цѣлое, то въ этомъ сказывается лишь потребность слить и привести въ гармонію отдѣльныя части духовнаго содержанія личности, согласовать реальныя данныя имманентной жизни сознанія съ его идеальными запросами и оцѣнками. И если мы подведемъ итогъ всѣмъ этимъ запросамъ, если мы попытаемся резюмировать общую нравственную цѣль жизни, то, въ качествѣ послѣдней, всеобъемлющей задачи намъ уяснится принципъ обогащенія, расширенія и облагороженія личности. Въ пониманіи цѣлаго, какъ *системы сознанія* или *цѣлостной духовной жизни*, состоитъ общій смыслъ теоретическаго міросозерцанія идеализма; въ обобщеніи этическихъ требованій въ идеѣ *совершенствованія этой* цѣлостной духовной *жизни* состоитъ общій смыслъ его практическаго міросозерцанія. Для усвоенія этого духа идеалистической философіи недостаточно отвлеченно понять обосновывающія его разсужденія; для этого также необходимо интуитивно осознать и пережить его.

С. Франкъ.

ФОРМУЛЯРЪ.

Великое отвращеніе питалъ о. Аммосъ ко всякаго рода письменности и потому всю церковную канцелярію села Перетяпина сдалъ на руки худому и длинному дьякону Гедеонову, который и корпѣлъ въ церковной сторожкѣ надъ бумагами, вникая во всѣ тонкости духовнаго дѣлопроизводства и строго разграничивая, когда надо поставить «честь имѣемъ» или «долгъ имѣемъ», когда—«донести» и когда—«сообщить»—«почтительно», «почтительнѣйше» и «благопочтительнѣйше»...

— Мой дьяконъ—прямо оберъ-секретарь!—восхищался о. Аммосъ, а Гедеоновъ радовался и ревновалъ, запустилъ свое хозяйство изъ пристрастія къ «благородному» труду, пересталъ косить и молотить и пріобрѣлъ нѣжность кожи на рукахъ превыше батюшкиной. Дьяконица злилась, звала благовѣрнаго бѣлоручкой, ругалась и готова была избить его, но дьяконъ ничего больше не хотѣлъ знать, кромѣ чернилъ и бумаги, и всегда находилъ защиту отъ сварливой жены въ о. Аммосѣ, который безцеремонно вытуривалъ ее изъ сторожки, говоря:

— Уймись, Варвара... Не мѣшай мужу исполнять обязанности... Уходи.

О. Аммосъ даже поручалъ Гедеонову не только списывать проповѣди изъ сборниковъ для представленія цензору—помощнику благочиннаго, но вести и домашнюю переписку.

— Отвѣть, дьяконъ, по сему письму племяннику, что я собираюсь въ Кіевъ... Можетъ быть, и не поѣду, но все-таки сообщи... Онъ погорѣлъ, ко мнѣ собирается, должно быть, хочетъ просить взаймы... Разъѣдемся... Попусту израсходуется бѣдный человѣкъ...

И дьяконъ отвѣчалъ родственникамъ батюшки:

«По словесному распоряженію его высокоблагословенія о. Аммоса Амасійскаго долгъ имѣю сообщить вашему высоблагословенію, что»... И надъ такими письмами казеннаго номера не ставилъ, заведя для нихъ особую папку—изъ телячьяго пере-

плета обветшавшей минеи—съ ярлыкомъ: «Дѣла частныя», и вшивалъ сюда получавшіяся о. Аммосомъ письма и свои копіи съ отвѣтовъ на нихъ. О. Аммосъ очень уважалъ за все это о. Гедеонова и платилъ за услуги данью похвалы:

— Какъ у тебя хорошо, о. Павелъ, и къ мѣсту это выраженіе: «благопокорнѣйше». . Мнѣ бы ни за что не додуматься.

И не было случая, чтобы о. Аммосъ не подписалъ гедеоновской бумаги. Но если и самъ о. Гедеоновъ сомнѣвался въ гладкости стиля, замѣчая отсутствіе сказуемаго, о. Аммосъ успокоительно замѣчалъ:

— Не стоитъ переписывать... Сойдетъ и такъ... Дагадаются... Тамъ умные...

Дьякону очень нравилось бесѣдовать о канцеляріи; это зналъ о. Аммосъ и доставлялъ ему это удовольствіе.

— Замѣчаю я, о. Павелъ, что ты тонко различаешь «репортъ» и «ра̀портъ»...

— А какъ же? Конечно... Если свѣтскимъ, то— «ра», а духовнымъ «*ре*-портъ...

— Гдѣ ты почерпнулъ для сего основанія?

— Въ архивѣ... Въ старыхъ бумагахъ благочинные всегда такъ...

Съ виду о. Аммосъ благоговѣлъ передъ талантомъ дьякона, но въ душѣ подсмѣивался. Создалось такое отношеніе не само по себѣ, а обиліемъ настоящихъ живыхъ дѣлъ у о. Аммоса. Онъ имѣлъ собственный хуторъ десятинъ въ полтораста со всѣми родами хлѣбныхъ растеній и со всѣми видами домашнихъ четвероногихъ и птицъ, какія полагаются въ благоустроенномъ хозяйствѣ. До канцеляріи ли было батюшкѣ, когда ему приходилось за всѣмъ слѣдить,—чтобы во-время нанять косцовъ задешево, сбыть овесъ хотя бы на пятакъ дорожѣ мужицкаго, купить въ разоряющейся помѣщичьей экономіи породистаго бычка или заграничную вѣялку этакъ... «почти задаромъ»... А потомъ: государственная рента, ея колебанія, выигрышные билеты разныхъ выпусковъ, — надо во-время купоны обрѣзать, застраховать въ срокъ... Наконецъ, у о. Аммоса были въ Перетяпинѣ хорошія дѣла съ богатыми мужиками, промышлявшими на батюшкины деньги—то медомъ, то саломъ, то шкурьемъ, то куделей... Кредитъ, оказываемый батюшкой торгашамъ, былъ—«на вѣру», «на слово» и вносилъ значительную долю тоевоги: «А что, какъ Семенъ Моченовъ или Парфенъ Точеновъ проторгуются или надуютъ?..» И потому о. Аммосу надлежало стороной наводить справки, какъ ведутъ себя его довѣренные: не зашибаются ли водочкой, не предаются ли игрѣ въ трынку, не мотаютъ-ли деньги на «полушалки» своимъ бабамъ, правильно ли объявляютъ цѣны на

товаръ и не скрываютъ ли дѣйствительныхъ барышей, которые условлено было всегда дѣлить «по-божески», т.-е. пополамъ. Неимовѣрно труденъ былъ учетъ въ такой коммерціи, гдѣ балансъ держался всего лишь двумя фразами, изъ коихъ одна была такая:

— Ужъ вы, ребята, того... человѣкъ я довѣрчивый, обмануть меня легко, но грѣхъ вамъ будетъ передъ Господомъ обижать отца своего духовнаго, который ведетъ васъ въ царство небесное...

А другая въ отвѣтъ ей:

— Ахъ, батюшка... рѣжешь ты наше сердце!.. Да развѣ мы?.. Да мы тебѣ завсегда... Не жулики! чай... Вотъ какъ передъ Господомъ, такъ и передъ тобой!..

Понятно, что у о. Аммоса, совсѣмъ не оставалось времени на какую-то канцелярщину, которая могла нравиться только «изсохшей безплодной смоковницѣ», какъ за глаза иногда называлъ онъ своего дьякона.

Но при всемъ томъ о. Аммосу Амасійскому разъ въ году приходилось самому писать одну такую бумагу, которую и дьяконъ Гедеоновъ, и дьячокъ Кадышевскій подписывали не читая. Они скрѣпляли ее съ тою стыдливостью, какая полагается въ рукоприкладствѣ къ духовнымъ завѣщаніямъ, когда можно посмотрѣть только на заголовокъ: «Во имя отца и Сына и Святаго Духа», а ознакомиться съ самымъ текстомъ послѣдней воли человѣка считается глубоко неприличнымъ...

То былъ формуляръ о. Аммоса, требовавшійся къ годовому отчету о нравственномъ состояніи перетяпинскаго прихода.

Обыкновенно о. Аммосъ затягивалъ это дѣло. Ив этомъ году онъ, на неоднократныя напоминанія своего «оберъ-секретаря», говорилъ:

— Успѣется, дьяконъ...

— Благочинный понукаетъ... — почтительно докладывалъ Гедеоновъ, переступая съ ноги на ногу, изъ коихъ лѣвая была значительно короче правой. — На базарѣ встрѣтились, — онъ ѣдетъ, я иду; подзываетъ и говоритъ: «Опять вы съ формулярами медлите... Смотрите, кунктаторы»... И даже пальцемъ по наклескѣ постучалъ...

— Тарапыга нашъ благочинный,—замѣтилъ о. Аммосъ.

— Консисторія его погоняетъ, — объяснялъ дьяконъ. — На основаніи 333 статьи своего устава.

— И къ чему? Изъ года въ годъ одно и то же... Неразумно. Только бумагу изводятъ. . И по старому списку можно узнать мои года... Всякій дуракъ сочтетъ, что если въ прошломъ году было мнѣ 60 лѣтъ, то въ нынѣшнемъ—61.

— Не одно это требуется,—вставилъ дьяконъ и спохватился, зная основную причину раздраженія батюшки. Гедеоновъ не предлагалъ своихъ письмоводительскихъ услугъ, будучи напередъ

увѣренъ, что о. Аммосъ любой секретъ позволитъ дьякону изобразить на бумагѣ, но только не свой формуляръ.

Дьяконъ съ поклономъ удалился, ковыляя и шепча на крыльцѣ:

— Грѣхи... Охъ, грѣхи наши...

А о. Аммосъ со звономъ отперъ ящикъ письменнаго стола и извлекъ оттуда одиноко лежавшую рукопись. Обычная веселость и жизнерадостность оставили его. Онъ вдругъ осунулся, сталъ золъ и мраченъ. Были минуты, когда онъ то бѣгалъ возбужденно по комнатамъ, хваталъ себя за грудь, вздыхалъ и оплевывалъ углы, вообще «бѣсился», то ложился ничкомъ на кровать и стоналъ. Матушка уже знала, что такое настроеніе у ея мужа за это время неизбѣжно: формуляръ не маленькій, шесть страницъ, а попъ совсѣмъ отвыкъ писать, рука не слушается, дрожитъ, перо скрипитъ и мажетъ, чернила разъѣзжаются кляксами, попъ рветъ бумагу безъ жалости, а ручку иногда злобно всаживаетъ какъ копье въ стѣну.

— О, Господи, Господи... Мука-то какая!—вздыхала, за рукодѣльемъ матушка въ гостиной рядомъ съ кабинетомъ, гдѣ заперся ея мужъ изъ опасенія, какъ бы кто не застигъ его за этимъ занятіемъ, совершаемымъ притомъ въ одномъ бѣльѣ.

— Изверги... Черти... Дьяволы окаянные... — долетѣло черезъ тонкія перегородки въ гостиную, и матушкѣ стало легче:

— Слава Богу, наладилось у попа... принялся вплотную.

Она знала, что ругательства, предварявшія письменность, попу необходимы, какъ противоядіе злу, коимъ отравлена была его жизнь: въ нихъ онъ черпалъ ту силу духа, съ которой могъ довести свой ненавистный трудъ до конца.

— Сколько денегъ просадилъ на сокращеніе этой подлой грамоты, а хоть бы одну строчку выпустили... Безсовѣстные...—бормоталъ о. Аммосъ, а губы матушки шептали:

— Первая трудность подошла...

И такъ какъ о. Аммосъ могъ писать правильно и четко, только произнося громко каждое слово, то матушка легко разслышала:

— «По указу... духовной... консисторіи... отъ 17-го января 1868 года... за № 562... штрафованъ... за младенца... умершаго.. безъ св. крещенія... тремя рублями». Тьфу!—заключилъ о. Аммосъ громче предыдущаго, а матушка вспоминала:

— Въ годъ полученія набедренника...—Она имѣла привычку думать вслухъ. До о. Аммоса донеслись ея слова и онъ сказалъ:

— Молчи... Мѣшаешь... «По указу... 1875 года... за №...» Опять то же самое... Отчего бы не соединить въ одно оба два? Нѣтъ, не дозволяютъ... Прохвосты...

— Прохвосты,—повторила за нимъ и матушка.

— «По указу... отбывалъ... монастырское послушаніе... въ теченіе трехъ мѣсяцевъ»... Канальи...

— «И еще... по указу... на эпитимью... за погребеніе мертворожденнаго, оказавшагося... живорожденнымъ по вырытіи изъ могилы»... Аспиды...

— Аспиды...—повторила матушка и продолжала:

— Дѣвка подлая родила и подвела насъ... Сама на каторгу ушла, а тутъ вотъ майся. За пятьдесятъ рублей!..

— Ты съ кѣмъ тамъ говоришь?—спросилъ ее батюшка.

— Сама съ собой.

— Больно громко...

— Ужъ не совладаю...

— Привычка скверная... остерегайся... «По указу... за обвѣнчаніе... малолѣтни... низведенъ»... Ахъ чтобы васъ!..

Матушка слегка поблѣднѣла... Далѣе шло самое тяжелое мѣсто... такое, при изображеніи котораго самъ о. Аммосъ искренно желалъ себѣ нѣкоторой слѣпоты, чтобы не видѣть своего рукописанія, а матушка зажала уши, чтобы не слышать, какъ ея мужъ договаривалъ: ...«съ запрещеніемъ священнослуженія»...

Когда матушка открыла уши, она только слыхала крѣпкое ругательство съ упоминаніемъ о какой-то тысячѣ рублей, которой было жаль о. Аммосу, какъ напрасной траты.

— Кровопійцы!.. Крапивное сѣмя!..

Сильное раздраженіе, очевидно, переносилось на тѣхъ, кто создалъ въ формулярѣ трудности или, по выраженію о. Аммоса, «бревна», коихъ было по одному, по два на страницѣ.

Трудъ былъ оконченъ, но волненіе не улеглось. О. Аммоса не успокоило даже и то соображеніе, что почти у каждаго священника въ формулярѣ есть что-нибудь похожее. У прочихъ, если они долго служили, напримѣръ, лѣтъ сорокъ, какъ о. Аммосъ, скорбныя мѣста скрижали уравновѣшивались радостными, въ родѣ того, что въ такомъ-то году награжденъ скуфьей, въ такомъ-то камилавкой, въ такомъ-то благословеніемъ Святѣйшаго Синода безъ грамоты или съ грамотою, или библіею, или наперснымъ крестомъ, орденами и даже саномъ протоіерея, и потому худодѣянія тонули въ свѣтѣ сихъ отличій, какъ на солнцѣ пятна... Но у о. Аммоса все пятна, пятна, цѣлыхъ восемь, а свѣтлыхъ точекъ одна — набедренникъ за все сорокалѣтіе. Вздумалъ было онъ однажды пропустить запрещеніе въ санѣ, усмотрѣли... увѣреніе въ разсѣянности не приняли, пропускъ водворили на старое мѣсто и для прочности рядомъ прибавили девятую вину— самовольный незаконный пропускъ...

— Злодѣи!—кричалъ о. Аммосъ. — Губители! Кабы вамъ все влѣпить въ ваши формуляры, небось узнали бы, какъ это вкусно...

То-то... За чужими грѣхами слѣдите, а свои въ карманъ кладете... Мошенники... Анаѳемы... Навуходоносоры...

Послѣднее слово произносилось о. Аммосомъ обыкновенно послѣ подписи своей фамиліи подъ формуляромъ, и матушка, зная это, подошла къ дверямъ кабинета:

— Ну, полно, полно отецъ... Пожалѣй свои нервы... Выпей валеріанки... въ водкѣ.—Батюшка впустилъ ее.

— Накапай... сорокъ капель въ стаканъ...—И выпивъ лекарство, сталъ спокойнѣе.—Ну, какому псу барышъ отъ того, что въ моемъ послужномъ спискѣ и то и сё?.. Вѣдь дѣла тѣ забыты... люди тѣ перемерли... все быльемъ поросло. Къ чему же на бумагѣ живетъ то, что рѣшительно никому не нужно?

— Не жалѣлъ бы въ свое время денегъ, и былъ бы чистъ... А то жадничалъ... вотъ и казнись...

— Ахъ, мать... Что въ самомъ дѣлѣ — средствъ къ жизни лишиться? Да пропади она пропадомъ эта писаная торба—голубиная чистота, если она ведетъ къ бѣдности!.. Да наплевать!.. И тогда, и теперь скажу... Песъ съ вами, мазурики!.. На-те! Подавитесь!—И о. Аммосъ, весь красный, взволнованный, раздраженный, трясущимися руками совалъ въ воздухъ кому-то воображаемому переписанный формуляръ и кричалъ въ изступленіи:—читайте! Читайте! Больше, вѣдь, еще некому читать! Ну и услаждайтесь! Злорадствуйте... А отъ меня вы ни копейки не получите... Такъ и знайте, крапивное сѣмя!..

— Главное-то бы выскрести... — соображала матушка. — Заслуга все-таки—десять лѣтъ ничего не было за тобой плохого. Могутъ это принять во вниманіе.

— Примутъ!.. выскребутъ!.. жди отъ нихъ!.. Кабы еще койчего не прибавили... Караулятъ, ехидны...

Матушка забезпокоилась.

— О-хо-хо!..—вздыхалъ о. Аммосъ и неохотно продолжалъ:—на земскомъ собраніи былъ вопросъ... объ нашей школѣ... объ законоучителѣ... то-есть обо мнѣ..

— И что же?

— И вотъ будто я въ школѣ ни разу не былъ, а жалованье исправно получалъ... изъ управы... И это мнѣ въ упрекъ... Не отрицаю... Да... И споръ вышелъ... Павелъ Павлычъ, управляющій, какъ гласный по довѣренности князя, человѣкъ хорошій... дѣла у насъ съ нимъ... защищалъ меня на собраніи, но кто-то изъ либераловъ на всю залу шепнулъ: «Кумъ!..» И началась баллотировка: слѣдуетъ ли просить духовное начальство о замѣнѣ настоящаго перетяпинскаго законоучителя другимъ?.. Двадцать два—направо, одинъ—налѣво.

— Значитъ, семидесяти пяти рублей лишишься?

— Это бы наплевать... Кабы не перевели въ другой приходъ. Вотъ развѣ дьяконъ согласится законоучительствовать, тогда обойдется... Но тутъ затрудненіе—полнаго богословскаго образованія у Гедеонова не имѣется...

Минуты двѣ прошли въ молчаніи.

— А какъ у тебя дѣла съ куделей?—спросила матушка.

— Хорошо налажены... Куделя въ ходу... за границу ее прутъ... Цѣны высокія... Двѣ тысячи роздано...

— Ну, какъ переведутъ насъ?—тревожилась матушка.

— Да, это задача... Трудновато будетъ вывернуть деньги за сотню верстъ... Мужички-то хороши до поры, до времени, когда ты съ ними рядомъ и они у тебя вотъ гдѣ!—О. Аммосъ сжалъ кулакъ.—А то...—онъ безнадежно махнулъ рукой.—Охъ, эти земцы!.. Что имъ на руку, они берутъ, а что нѣтъ—ни за что не уважутъ. Запродалъ я имъ овесъ сѣменной, взялъ недорого... Пришелъ въ управу за деньгами... Между прочимъ прошу предсѣдателя не посылать выписку изъ протоколовъ собранія о перетяпинской школѣ. А онъ: «Никакъ нельзя: для насъ земское собраніе то же, что для васъ—консисторія». Извѣстно, либералы... разграниченіе у нихъ: овесъ—само собой, Законъ Божій—само собой. Несоединимо, дескать...

— Вижу по всему, попъ, не миновать тебѣ поѣздки въ городъ.

— Придется.

— Медку возьмешь съ собой? Двѣ кадочки отъ Якова Савраскина больно хорошо угодили... не починала.

— Медъ—пустяки!. Съѣлъ человѣкъ и забылъ того, кто далъ. Несъѣдобное куда лучше дѣйствуетъ! Напримѣръ, если поставить кому-нибудь въ прихожей подъ зеркало изящный футляръ для камилавки... Или вотъ еще хорошо дарить крестъ... носятъ его на груди, рука часто касается распятія и вызываетъ память о добрыхъ отношеніяхъ.

— А для свѣтскихъ—я гусака бы посовѣтовала. Такой горластый... Можно и свинушекъ...

— Везти ихъ хлопотно, визжатъ дорогой поганыя... музыка такая!.. А все-таки приготовь къ утру... И благочинныхѣ тамъ что надо... Благочинный въ этомъ году хорошо себя велъ, насчетъ формуляра не надоѣдалъ, не то что прежде.

— Ну, тогда только что въ благочиніе поступилъ... издалека пріѣхалъ... Крутилъ направо—налѣво. Какъ же, новая метла! Надо было показать себя... Теперь обшаркался.

— Обшаркался.

У благочиннаго о. Аммосъ для приличія выпилъ наскоро стаканъ чаю съ тѣмъ самымъ сотовымъ медомъ, который привезъ изъ Перетяпина, и тотчасъ же поднялся:

— Некогда... Спѣшу.

— По какому дѣлу?

— Хлопотъ-то, знаете, у меня полонъ ротъ...

Благочинный, скрывъ въ улыбкѣ зависть къ подчиненному, который имѣетъ множество дѣлъ и все хорошихъ, высказывалъ льстиво:

— Э, да у васъ дѣла—вотъ какъ!..—И быстро обвелъ однимъ пальцемъ вокругъ другого.

— И какъ вамъ не надоѣстъ, о. Аммосъ?—жалѣла благочинниха.—Такія лѣта, а вы все хлопочете. Когда же отдыхать?

— Отдохнемъ, матушка, отдохнемъ... Тамъ... въ гробу...—драматично произнесъ гость и нахлобучилъ себѣ шляпу на лобъ, избѣгая смотрѣть въ глаза другимъ.—Ну, расхрюкались!—останавливалъ онъ поросятъ, барахтавшихся нъ мѣшкѣ подъ облучкомъ.

— Іоркширы?—полюбопытствовалъ благочинный.

— Номеромъ повыше... Помните, вы у меня были на хуторѣ и я показывалъ вамъ такую, у которой рыла не видать? Отъ той самой... Недавно опоросилась.

— Такъ... Такъ...—медленно растягивалъ благочинный, засунувъ руки въ карманы и тоже не глядя на собесѣдника.—Въ дѣло... Секретарь-то, знаете, домъ купилъ на Покровской улицѣ, большой трехъэтажный, съ великолѣпными службами... Курятники, хлѣвы, садикъ и все такое... Благоприличное хозяйство. Очень ужъ хозяйка его жена, ей чтобы все свое—и яйца, и масло, и яблоки... «Какъ у поповъ,—говоритъ,—хочу, потому что сама попова дочь». Образованная дама и доступная... Можетъ выслушать всякую жалобу и просьбу и дать благой совѣтъ... Знаетъ всѣ ходы... Даже удивительно: дама, а такой умъ!.. Ее всѣ уважаютъ, и по случаю новоселья много ей было презентовъ... все больше живностью... И столоначальникъ то же самое... домъ...

— Ммм...—неопредѣленно промычалъ о. Аммосъ, имѣя невысокое мнѣніе объ умѣ благочиннаго, который подавалъ косвенный совѣтъ размѣстить поросятъ по разнымъ дворамъ.—Тамъ увидимъ...

Дорогою о. Аммосъ очень напряженно думалъ о новомъ преосвященномъ, который, по слухамъ, не церемонился съ консисторскими. Пріѣхавъ въ городъ, онъ передъ тѣмъ, какъ идти ко владыкѣ, надѣлъ не шелковую рясу моднаго покроя, бывшую въ чемоданѣ, а ту же дорожную, простенькую, люстриновую, выцвѣтшую у плечъ, только предварительно вычистивъ ее отъ пыли. Осмотрѣвъ себя и убѣдившись, что во внѣшности нѣтъ ничего суетнаго, о. Аммосъ полузакрылъ глаза, склонилъ голову немного на сторону и сталъ упражняться передъ небольшимъ зеркаломъ въ классической позѣ смиренія, образцомъ которой была для

о. Аммоса древнерусская живопись. Но воспоминанія о монастырѣ, гдѣ онъ проходилъ во время оно подневольное послушаніе, какъ будто говорили:

«Не такъ, о. Аммосъ, не такъ и кланяешься, и руки къ сердцу, и глаза къ небу... все не то... забылъ, забылъ ты... Отвыкъ... На недѣльку бы тебѣ опять туда... въ тотъ монастырь... подъучиться»...

Черезъ полчаса онъ, однако, достигъ такихъ успѣховъ въ желаемомъ, что перекрестился и бодро воскликнулъ:

— Дай, Господи, въ добрый часъ!

Спускаясь съ пятаго этажа гостинницы, о. Аммосъ, при одномъ поворотѣ на лѣстницѣ, вдругъ замѣтилъ на себѣ ярко блестѣвшіе гамбургскіе сапоги.

— Вотъ искушеніе!—промолвилъ онъ, вернулся въ номеръ и перемѣнилъ сапоги на другіе дорожные, отрадно улыбнувшись здоровенной заплатѣ, прибуханной церковнымъ сторожемъ Фомичемъ въ Перетяпинѣ.

Въ архіерейскомъ домѣ о. Аммосъ сначала далъ швейцару съ галунами полтину и тотъ пропустилъ его къ лакею верхняго этажа, а этотъ за таковую же мзду нажалъ кнопку, и на звонокъ вышелъ еще лакей-«докладчикъ», который, ощутивъ въ ладонѣ полноту благодарности, провелъ о. Аммоса въ залу и сказалъ:

— Посидите.

Въ ожиданіи преосвященнаго о. Аммосъ успѣлъ передъ большимъ зеркаломъ проэкзаменовать себя въ смиреніи, послушаніи и прочихъ качествахъ духовнаго пастыря.

— Ну что скажешь, отецъ?—ласково заговорилъ высокаго роста красивый архипастырь съ правильными чертами лица, обрамленнаго густою черною бородою.

О. Аммосъ, безмолвно, сдѣлалъ «метаніе» въ землю и потомъ уже принялъ благословеніе.

— Ваше преосвященство! Милостивѣйшій архипастырь и отецъ! Не откажите!—началъ онъ.

— Да въ чемъ дѣло?

— Владыко святый! Мнѣ ничего не надо! Ни-че-го! Все прахъ! Все суета!

— Согласенъ... Но ближе къ дѣлу.

— Имѣю, владыко, намѣреніе закончить дни моей бренной жизни тамъ... на Дальнемъ Востокѣ.

— Воевать надумалъ, отецъ?

— Слезы страждущихъ осушать, владыко... Тамъ кровь христіанская льется, тамъ гибнутъ тысячи воиновъ, и я могъ бы дать имъ, по силамъ, духовное утѣшеніе, напутствуя въ юдоль загробную.

— Добре, добре, отецъ... Ты вдовъ?

— Нѣтъ, жена...

— Тогда какъ же такъ?

— Отпускаетъ... Къ монастырю имѣетъ склонность.

— Да... Это... Положимъ, такъ... Но все-таки и при этомъ нисколько отъ меня не зависитъ.

— Тогда благоволите, владыко святый, дать мнѣ отпускъ въ Петербургъ.

— Можно.

О. Аммосъ снова совершилъ метаніе и вышелъ сіяющій.

Черезъ двѣ недѣли онъ опять входилъ въ ту же пріемную и со священнымъ трепетомъ подавалъ, какъ кіевскую просфору, визитную карточку, прочитавъ которую преосвященный сказалъ:

— Что же, съ моей стороны препятствій нѣтъ. Очень радъ, очень радъ... Документы сегодня же распоряжусь отослать.

Тогда о. Аммосъ снова стремительно упалъ въ ноги и воззвалъ:

— Владыко святый! Помилосердствуйте! Формуляръ-то у меня... того... Господь съ нимъ...—И отчетливый звукъ удара лбомъ по паркету пронесся въ огромной комнатѣ.

— Встань!—сказалъ владыка.—Такъ неловко объясняться, ничего не слышу.

О. Аммосъ поднялся и, подавая вынутый изъ-за пазухи бумажный свертокъ, сказалъ:

— Вотъ оно мое горе-то... Стражду весь вѣкъ...

На его глазахъ заблистали слезы, но скупо падали на полъ. Преосвященный поднялъ высоко къ свѣту бумагу и, просматривая, ронялъ изрѣдка слова:

— «Штрафованъ».

— Было, владыко... По извѣту цѣловальника.

— «Судимъ»...—руки преосвященнаго слегка опустились какъ бы отъ тяжести.

— И это было... По клеветѣ писаря.

— «Въ монастырѣ»... — произнесъ владыка; лицо его стало строже, голосъ тише.

— И сіе было,—скорбно сознавался о. Аммосъ. — За обвѣнчаніе... Мѣсяцу невѣстѣ не хватило. Но неточности почерка — іюнь принялъ за іюль... Рокъ судьбы.

— «Запрещенъ былъ въ санѣ на одинъ годъ».—Формуляръ выскользнулъ изъ рукъ владыки. О. Аммосъ подхватилъ и торопливо увѣрялъ:

— Величайшая кляуза, владыко святый, величайшая!

— Однако, что же это такое? — Преосвященный, отвернувшись отъ о. Аммоса, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и провелъ рукой по нахмуренному челу.

— Владыко! Дозвольте изъяснить... — О. Аммосъ опасливо оглянулся кругомъ; со стѣнъ изъ большихъ рамокъ смотрѣли на него строгіе лики почившихъ владыкъ, въ мантіяхъ и съ посохами. — При прежнихъ преосвященныхъ, не въ укоръ ихъ чести будь сказано, — шепталъ о. Аммосъ, — въ здѣшней консисторіи процвѣтало такое дѣлопроизводство, что невозможно высказать. Всякому пустяку давали ходъ, кляузничество писарей и деревенскихъ грамотѣевъ достигло невѣроятныхъ размѣровъ. Извѣстно: «бумажки клочокъ далеко поволочетъ»... Консисторія принимала бумажки съ радостію.

— Какія бумажки?

— Всякія, ваше преосвященство... И кляузныя въ томъ числѣ. И кого-кого только не судили! Остался-ли хоть одинъ формуляръ по селамъ у священниковъ чистый? Нѣтъ и нѣтъ! Всѣ лили слезы. И я былъ въ числѣ прочихъ мучениковъ и принялъ на свою долю ударовъ судьбы больше всякаго другого. Дѣло прошлое... Раны зажили, но рубцы остались... Да, рубцы, ваше преосвященство. И неужели, ваше преосвященство, теперь, когда душа моя горитъ желаніемъ подвига, они послужатъ мнѣ препятствіемъ?

Преосвященный задумался; о. Аммосъ приблизился на два шага и спрашивалъ убитымъ голосомъ:

— Такъ какъ же, владыко святый, будетъ съ вашей стороны милость?

— Въ чемъ, отецъ?

— Вѣдь съ такимъ документомъ меня туда не примутъ—въ военное вѣдомство.

— Такъ не пошлемъ.

— А безъ документа тоже не принимаютъ...

— Тогда что же дѣлать?

— Ваше преосвященство!—съ паѳосомъ заговорилъ о. Аммосъ, падая на колѣни. — Раздерите сію грамоту мою грѣховную съ верхняго края до нижняго!

— Отецъ, ты говоришь неудобопріемлемое.

— Это, владыко святый, иносказаніе. А на дѣлѣ оно можетъ осуществиться, если консисторія произведетъ упрощеніе... въ формулярѣ. Человѣкъ я старый, долго не проживу, а тамъ японцы могутъ и ускорить мою кончину.

— Но ты искренно? — строго спросилъ преосвященный и долгимъ взглядомъ смотрѣлъ на просителя, который твердо выдержалъ это испытаніе. Преосвященный даже участливо спросилъ:

— Можетъ быть, ты, отецъ, думаешь искупить свои вины тамъ... на войнѣ-то?

— Именно, владыко святый, именно это! Да, да!..

— Что же, если консисторія согласится, я доброму дѣлу не помѣшаю.

. . . .

О. Аммосъ получилъ желаемое, но ѣхать на Дальній Востокъ изъ своего Перетяпина не собирался, и когда его спрашивали, скоро ли поѣдетъ, отвѣчалъ:

— А куда спѣшить? Война затягивается. Лѣтъ пять провоюемъ, такъ газеты говорятъ... Успѣю. Дѣла вотъ прикончить надо—это во-первыхъ.—И о. Аммосъ задумывался о третьей тысячѣ рублей, пущенной имъ въ оборотъ для мелкаго кредита, такъ какъ, кромѣ кудели, стало въ цѣнѣ и постное масло.

— Напоминаніе есть, о. Аммосъ...—говорилъ благочинный.— Положимъ, частнаго характера, но все-таки... На твое мѣсто есть уже кандидатъ.

— Я объ увольненіи не подавалъ... Это они преждевременно.

Черезъ мѣсяцъ о. Аммоса вызвали въ консисторію. Протоіереи, сѣдые и почтенные, въ золотыхъ крестахъ и съ орденами, цѣлымъ сонмомъ допрашивали:

— Что же, отецъ, подалъ просьбу протопресвитеру относительно своего благаго намѣренія?

— Нѣтъ еще.

— Когда же?

— Да надо ли?

— Какъ такъ?

— Сомнѣніе, отцы честные, посѣтило меня. Старъ какъ будто я... Для военнаго дѣла едва ли гожусь.

— Объ этомъ раньше надо было думать.

— Каюсь...

— Поди, чай, и попадья не отпускаетъ?..

— И это, конечно...

— А говоришь: старъ... Ты еще—козырь...

— Шутить изволите, отцы...

— Шутки шутками, а почему доселѣ не возвращаешь формуляръ?

— Какой?

— Забылъ?.. Сокращенный, конечно.

— Онъ мнѣ годится.

— Мы это поняли...—Консисторскіе улыбнулись.

— А вамъ зачѣмъ?—спросилъ о. Аммосъ.

— Въ печку...

— Отцы!—взмолился о. Аммосъ, простирая руки.—Зачѣмъ?.. Молю васъ, братіе, слезно—оставьте у меня!

— Да у тебя же есть тамъ. . прежній... протяжѐнный.

— Что въ немъ толку!.. Сами знаете—велика Ѳедора...

Отцы замѣтили:

— Ишь гусь какой...

— А я былъ въ такой глубокой надеждѣ, что заказалъ нотаріусу копіи... четыре штуки,—замѣтилъ вскользь о. Аммосъ. Консисторскіе переглянулись между собой и одинъ изъ нихъ спросилъ:

— Къ чему такъ много?

— На всяку потребу...

— Гм .. Предусмотрительность есть качество...

— И я думаю—не дурное,—вставилъ о. Аммосъ.

— Смотря какъ и для чего... Если для кляузы, такъ мы тебя...

— За что? — вспыхнулъ о. Аммосъ.—Что я худого сдѣлалъ? Человѣка убилъ? Укралъ? Сами же удостовѣряете мою сорокалѣтнюю безпорочность и вдругъ...

— Куда пошелъ...—сказалъ одинъ протоіерей, покачивая головой.

— И пойду!—входилъ въ азартъ о. Аммосъ.—Думаете, побоюсь? До синода дойду! Скажите: когда вы фальшивые документы выдавали—теперь или прежде?

Онъ такъ храбро наступалъ и такъ явственно грозилъ, что у консисторцевъ произошло минутное затменіе въ мысляхъ. Увидя передъ собою человѣка, готоваго на отчаянное предпріятіе, они хотѣли покончить съ нимъ миролюбиво, измѣнили даже свой насмѣшливый тонъ въ увѣщательный, и, бія себя въ перси, усовѣщевали:

— Отецъ! Да вѣдь ты! .

— Отцы! Да вѣдь и вы!..—упрямился о. Аммосъ, подражая имъ въ голосѣ и жестахъ.

— Ахъ ты, Господи!—хлопали себя консисторскіе по бедрамъ.

— Ахъ, Царица Небесная!..—такъ же отвѣчалъ о. Аммосъ.

Протоіереи удалились во внутренніе аппартаменты консисторіи покурить, но о. Аммосъ счелъ сраженіе выиграннымъ и, не долго думая, поспѣшилъ въ Перетяпино. Дома онъ съ торжествомъ разсказывалъ:

— Ужъ какъ я ихъ тамъ, мать, отбрилъ!.. Итакъ, молъ, съ вашей стороны не хорошо, и этакъ—тоже, какъ ни вертите красными носами... Что выдумали: «отдай назадъ». Да я объ этомъ документѣ и денно, и нощно Бога молилъ, всю жизнь мечталъ какъ о маннѣ небесной, и вдругъ отдать? Какого дурака нашли!

Въ это время вошелъ дьяконъ Гедеоновъ.

— А, тебя-то мнѣ и надо... Вотъ мой формуляръ, бери и пе-

реписывай отнынѣ и до вѣка. Я больше съ этимъ дѣломъ возиться не стану.

Дьяконъ, перелистывая формуляръ, изумленно вглядывался въ о. Аммосса. Свѣтлая и радостная улыбка росла по мѣрѣ чтенія четко написанныхъ строкъ, а когда онъ прочелъ подпись консисторскаго секретаря, то совсѣмъ ошалѣлъ отъ неожиданности, лицо стало какъ у ребенка, которому только что показали замысловатый фокусъ. Даже самому о. Аммосу стало смѣшно и онъ спросилъ:

— Что глаза выпучилъ? Или не узнаешь меня?

Дьяконъ не могъ слова вымолвить отъ объявшаго его восторга, только шагалъ изъ угла въ уголъ хромой походкой и топырилъ руки.

— Сядь... скелетъ!.. Скажи что-нибудь, — предлагала ему матушка. Но онъ точно не слышалъ и давился въ истерическомъ хохотѣ. Наконецъ пришелъ въ себя и сказалъ:

— Краткость, батюшка, краткость-то какая... А, чай, не дешево?.. Рубликовъ триста?

— Ни копейки!—гордо заявилъ о. Аммосъ.

— Да неужели?.. Вотъ хорошо! Вотъ чудесно!—Съ дьякономъ опять начинался приступъ истерики. Матушкѣ ужъ надоѣло это и она сказала:

-- Иди пожалуста! — И Гедеоновъ заковылялъ въ сторожку съ намѣреніемъ сейчасъ же засѣсть за переписку новаго батюшкина формуляра, въ чемъ судьба столько лѣтъ ему отказывала.

Радость Амасійскихъ была, однако, непродолжительна. Консисторія не пожелала принять сраму на свою голову отъ деревенскаго попа и прислала благочинному указъ, коимъ предписывалось отобрать у о. Аммоса «выписки» изъ формуляра, а взамѣнъ того вручить формуляръ прежняго размѣра, гдѣ прибавилась новая строка:

— «Сдѣланъ строгій выговоръ за нерадѣніе въ законоучительствѣ по школѣ».

— Батюшки!.. десятая вина! — воскликнулъ о. Аммосъ. — Это уже безчеловѣчно!

Благочинный, исполняя трудное порученіе, деликатно высказывалъ:

— Вся ошибка ваша, о. Аммосъ, заключалась въ томъ, что вы не довели своего патріотизма до конца... Вамъ бы только проѣхаться туда... ну хоть до Иркутска, а потомъ — назадъ, и было бы дѣло въ шляпѣ.

— А вѣдь правда, о. благочинный! Эхъ я старый дуракъ! Рохля... изъ ума выжилъ...

— Напрасно избѣгаете совѣтоваться съ молодыми... И мы кое-что знаемъ...

— А теперь нельзя поправить дѣла?

— Ни въ коемъ случаѣ!

— А если я не отдамъ сокращенный формуляръ—что будетъ?

— Одиннадцатую закорючку впишутъ...

— Нѣтъ, довольно... Больше не хочу. Берите...—И о. Аммосъ съ грустью смотрѣлъ, какъ укладывалъ благочинный въ свой портфель «выписки», а матушка даже приставила платокъ къ глазамъ. Благочинный понялъ, какое сокровище онъ увозитъ изъ богатаго дома и притомъ навсегда.

— Полнаго счастья, о. Аммосъ, на землѣ не бываетъ,—сочувственно изрекъ благочинный.—У всякаго человѣка свой крестъ.

Гость уѣхалъ, оставивъ на столѣ «протяженно-сложенный» формуляръ. О. Аммосъ раздраженно скомкалъ его и швырнулъ къ порогу. Матушка подобрала, разгладила рукой жесткія страницы и спросила тоскливо:

— Значитъ, опять все по старому?.. Дьякону не отдашь?

О. Аммосъ безнадежно махнулъ рукой:

— По старому...

С. Елеонскій.

ВЪ ДОРОГѢ.

Сонетъ.

I.

Синѣетъ Донъ. На островѣ костеръ,
Его огонь мерцаеть сиротливо.
Бѣжитъ назадъ зеленый косогоръ,
Бѣгутъ поля и прячутся пугливо.
Безграннѣе становится просторъ,
Узоры тучъ плывутъ безъ перерыва,
Звончѣе рѣчь, смѣлѣй и ярче взоръ
И мысль течетъ свободно и красиво.
Минувшаго неясная тоска
Становится понятна и близка,
Какъ синій Донъ и небо голубое.
И любишь все: и радость, и тоску,
Свои мечты и темную рѣку,
И душъ людскихъ безмолвіе нѣмое.

II.

Дымкой окутаны горы,
Воздухъ степей потемнѣлъ,
Въ сумеркахъ тонутъ просторы...
    День догорѣлъ.
Звѣздъ благодатнаго юга
Не различишь изъ-за тучъ.
Я провожаю, какъ друга,
    Гаснущій лучъ.
Съ грустью его провожаю,
Тихо шепчу: «Погоди».
Много такихъ же, я знаю,
    Дней впереди.
Много,—но я постарѣю,
Буду смотрѣть, не любя,
И не тебя я жалѣю,—
    Жаль мнѣ себя!

Л. Василевскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Кн. Мещерскій о „довѣріи“.—Отвѣтъ ему въ книгѣ „Памяти В. К. Плеве“.— Отвѣтъ текущей жизни ему же.—„Въ началѣ было слово“.—Условія работы печати.—Необходимость измѣненія этихъ условій.—Къ пятнадцатилѣтію смерти Н. Г. Чернышевскаго.—За что онъ былъ осужденъ 40 лѣтъ тому назадъ.— Наше пожеланіе.

Просматривая массу текущаго печатнаго матеріала, прислушиваясь къ перекрещивающимся, идущимъ отовсюду извѣстіямъ объ оживленіи русской жизни, испытываешь нѣчто подобное тому, что бываетъ весною на зарѣ въ глухой деревнѣ, когда вслѣдъ за громкими перекликаніями пѣтуховъ начинаетъ выступать на востокѣ сначала неясная, потомъ все проясняющаяся узкая полоска наступающаго разсвѣта. Подымается легкій вѣтеръ и чуть-чуть колеблетъ туманъ, заполонившій всю окружность. Неясныя очертанія дальняго лѣса, смутно убѣгающая вдаль дорога и какъ море залитыя туманомъ поля вокругъ. Все неопредѣленно, все въ полутонахъ, все какъ бы полно странной тревогой...

Такое же смутно-выжидательное настроеніе характеризуетъ и значительную часть печати. На что ужъ незыблемую, казалось, позицію занималъ кн. Мещерскій, и тотъ вдругъ растерялся. То онъ дѣлаетъ видъ, что ничего не произошло, и удивляется, изъ-за чего шумъ. То пытается взять прежнюю строгую ноту по адресу земства, общества и печати. То, почувствовавъ, насколько смѣшно его угрожающее «Quos ego!» теперь, начинаетъ въ послѣднемъ (8-го ноября) дневникѣ:

«Ставлю прямо вопросъ: развѣ предшественники князя Святополка-Мирскаго, при своей способности прозорливо и чутко улавливать указанія жизненныхъ нуждъ, не выказывали довѣрія къ тѣмъ, которые такъ обрадовались довѣрію, высказанному княземъ Святополкъ-Мирскимъ? Развѣ съ своею чистою, честно и горячо любившею Россію душою убитый министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ не высказывалъ довѣрія къ русскимъ людямъ? Сипягинъ его питалъ въ себѣ глубоко, и то главное, что побудило его взять на себя этотъ трудный постъ, было именно это безграничное довѣріе къ русскимъ людямъ, но онъ его не высказывалъ. Плеве его неоднократно высказывалъ»...

Относительно Сипягина князю Мещерскому лучше судить, но на его наивный вопросъ относительно покойнаго В. К. фонъ-Плеве ему лучше всего можетъ дать отвѣтъ самъ покойный министръ. Мы имѣемъ въ виду не лишенные

интереса для текущей минуты взгляды его, изложенные въ книгѣ, посвященной его памяти однимъ изъ близкихъ его сослуживцевъ *). Въ «Новомъ Времени» отъ 27-го октября г. Скальковскій уже отчасти использовалъ этотъ біографическій очеркъ, въ которомъ, на ряду со всѣмъ извѣстными фактами изъ жизни В. К. Плеве, приведено нѣсколько его писемъ, повидимому, къ людямъ ему близкимъ, въ которыхъ онъ высказываетъ свои мнѣнія по вопросу о текущихъ общественныхъ настроеніяхъ. Одно изъ этихъ писемъ, наиболѣе полное и обстоятельное, и заключаетъ въ себѣ отвѣтъ на приведенную выше выдержку изъ дневника кн. Мещерскаго о довѣріи.

«Вполнѣ раздѣляя ваше мнѣніе,—пишетъ В. К. Плеве,—что главный недугъ нашей современной общественной жизни—конституціонная смута. Не могу однако не отнестись съ сомнѣніемъ къ вашему способу врачеванія этого недуга. Вы полагаете, что всѣ благомыслящіе люди въ Россіи оставятъ конституціонныя мечты, какъ только въ качествѣ правительственной программы будетъ провозглашена замѣна бюрократическаго веденія дѣла такимъ строемъ управленія, при которомъ на Государево дѣло станутъ всѣ пригодныя для сего общественныя силы Россіи. Я въ этомъ сомнѣваюсь и сомнѣваюсь потому, что если бы указываемое вами средство было дѣйствительно, то желательное превращеніе въ общественномъ мнѣніи началось бы вслѣдъ за обнародованіемъ манифеста 26-го февраля. Между тѣмъ этого не случилось и не случилось, по моему мнѣнію, потому, что походъ противъ бюрократіи есть только лозунгъ борьбы, преслѣдующей цѣли болѣе широкія и обусловленной причинами болѣе сложными, чѣмъ преобладаніе въ нашемъ управленіи чиновничьяго строя надъ общественнымъ. На мой взглядъ, причины эти заключаются въ нѣкоторыхъ явленіяхъ нашего гражданскаго развитія за послѣднее полъ-столѣтіе. Ростъ общественнаго сознанія, какъ естественное послѣдствіе преобразованій, раскрѣпостившихъ личность, совпалъ съ глубокими измѣненіями бытовыхъ условій, съ коренною ломкою народно-хозяйственнаго уклада. Быстро развернувшаяся соціальная эволюція опередила работу государства по упорядоченію вновь возникшихъ отношеній. Отсюда пошло сомнѣніе въ пригодности государственнаго аппарата для выполненія надвинувшихся задачъ управленія. Отсюда возникло стремленіе въ извѣстной части образованнаго общества къ государственному строю, основанному на политической свободѣ. Въ немъ стали видѣть панацею отъ всѣхъ общественныхъ золъ, наилучшій способъ для обезпеченія совмѣстнаго труда власти и народа. Таковы общественныя теченія, питающія конституціонныя вожделѣнія изъ источника чистаго; но есть у нихъ и мутные источники въ видѣ работы политическихъ карьеристовъ всякаго рода, которые пользуются всѣми подходящими случаями, чтобы устраивать нѣчто въ родѣ общественныхъ протестовъ, и происковъ разныхъ центробѣжныхъ стремленій на инородческой подкладкѣ» (стр. 41—42).

Какъ видимъ, о «довѣріи» ни единаго слова. Покойный министръ понималъ, что «конституціонная смута» не есть нѣчто поверхностное, налетное. Но любопытно то, что въ концѣ концовъ, отрицая всецѣло путь общественнаго участія

*) „Памяти В. К. Плеве. Біографическій очеркъ". 1904 г.

въ развитіи народно-государственной жизни, В. К. фонъ-Плеве ничего не придумалъ, кромѣ все того же бюрократическаго режима, да еще въ усиленной степени. Казалось бы, разъ новыя условія жизни не укладываются въ прежнія рамки, какъ онъ самъ это признаетъ,—то остается создать новыя или, по крайней мѣрѣ, раздвинуть старыя. Но такова уже печальная участь всякаго бюрократическаго ума, что внѣ канцелярской работы онъ не видитъ спасенія. А покойный министръ являлся самымъ чистымъ, безпримѣснымъ продуктомъ бюрократіи, какъ это еще недавно доказывалъ все тотъ же кн. Мещерскій. Съ перваго шага и до конца фонъ-Плеве не выходилъ за предѣлы канцеляріи. Жизнь какъ таковая, жизнь сама по себѣ, для него не существовала. Онъ видѣлъ ее лишь въ отраженіи ея на бумагѣ. И это бумажное отраженіе всецѣло заслоняло предъ нимъ жизнь дѣйствительную. Отсюда его любовь ко всякимъ проектамъ, которые сыпались изъ канцелярій, ему подвѣдомственныхъ, какъ изъ рога изобилія. За два съ небольшимъ года онъ на бумагѣ перестроилъ всю русскую жизнь сверху до низу, совершенно не замѣчая, что его бумажное зданіе Россійской имперіи само по себѣ, а дѣйствительная жизнь сама по себѣ. И удивительное дѣло!—на бумагѣ, но не въ дѣйствительности, онъ понималъ, что «всякое правительство,—какъ пишетъ онъ въ томъ же письмѣ,—а тѣмъ болѣе отдѣльныя лица, въ составъ его входящія, нуждаются для успѣха ихъ дѣла въ *общественномъ* одобреніи и *содѣйствіи*; но то и другое не приходятъ по простому призыву, основанному на широковѣщательной программѣ; общество пойдетъ только за авторитетомъ, покоящимся на силѣ знанія и трудѣ. Искусство управленія состоитъ въ умѣніи пріобрѣсти этотъ авторитетъ» (стр. 43). Думая такъ, въ то же время покойный министръ не замѣчалъ, какъ все ширилась пропасть между нимъ и обществомъ, пропасть, черезъ которую уже нельзя было перекинуть никакого самаго искуснаго бумажнаго моста. Повидимому, подъ конецъ и онъ это если не понялъ, то почувствовалъ, какъ повѣствуетъ все тотъ же его біографъ. «За двѣ недѣли до своей трагической кончины, разставаясь съ однимъ близкимъ ему человѣкомъ, Вячеславъ Константиновичъ сказалъ: «прощайте, можетъ быть больше не увидимся. Положеніе мое трудное: ненависть кипитъ вокругъ меня». И вотъ, несмотря на всѣ усилія охранить его жизнь, рядъ предпринятыхъ противъ него, но предупрежденныхъ покушеній завершился катастрофой 15-го іюля» (стр. 44)...

Позволимъ себѣ маленькое отступленіе и приведемъ двѣ небольшихъ иллюстраціи изъ этой дѣйствительной, а не бумажной жизни, чтобы показать, какова она была для самыхъ смирныхъ обывателей, эта жизнь, всецѣло отданная во власть «усмотрѣнія».

Недавно въ «Орловскомъ Вѣстникѣ» мы наткнулись на слѣдующее сообщеніе изъ жизни учительскаго персонала въ городѣ Ливнахъ.

«Является «начальство» въ городское женское училище и, къ ужасу, одной учительницы не оказывается на мѣстѣ, хотя послѣ звонка прошло уже пять минутъ. Начались поиски. Странно. Была и нѣтъ, точно сквозь землю провалилась. Но вотъ, наконецъ, является и виновница преступленія. Скон-

фуженная, съ потупленнымъ взоромъ. «Гдѣ вы были»? спрашиваетъ грозное начальство. «Не-мо-гу ска-зать», едва слышенъ отвѣтъ виновной. «Говорите! Я приказываю». Пришлось сказать... «Для этого назначается перемѣна», замѣчаетъ начальство, и приказываетъ прислать письменное объясненіе. Объясненіе подано. Въ результатѣ вызовъ несчастной въ городскую управу и объявленіе ей начальствомъ, въ присутствіи членовъ управы (вѣроятно, для пущей торжественности), рѣшенія его... о перемѣщеніи виновной въ деревню. Только благодаря заступничеству кого-то, распоряженіе это не приведено въ исполненіе и виновной было великодушно разрѣшено подать начальству слезницу объ оставленіи ея на прежнемъ мѣстѣ только до 1-го января 1905 г. Нужно замѣтить, что учительница эта окончила курсъ съ золотой медалью и содержитъ на свое скудное жалованье семью, состоящую изъ четырехъ душъ».

Фактъ—крохотный, малюсенькій, но тѣмъ-то и характерный. Вдумайтесь только, сколько здѣсь презрѣнія къ человѣку и самоувѣренности въ правѣ своемъ издѣваться надъ нимъ. Только многолѣтняя практика полной ненаказуемости «нраву моему не препятствуй», съ одной стороны, и столь же долгая практика полной забитости и приниженности – вотъ что приводитъ къ такимъ поступкамъ. Смиренная, дрожащая учительница (у нея четверо душъ!) и грозное начальство, тѣмъ болѣе грозное, чѣмъ смиреннѣе и безотвѣтнѣе подчиненный, вырисовываются въ этомъ ничтожномъ фактѣ съ ногъ до головы, а фономъ для этой картинки съ натуры служитъ общественное безсиліе поставить предѣлъ расходившемуся «Китъ Китычу».

Или еще картинка, гдѣ иная обстановка, иныя дѣйствующія лица, но почва все та же—увѣренность въ своей безнаказанности, презрѣніе къ личности и преклоненіе предъ практикой начальственнаго усмотрѣнія и попустительства. Вотъ этотъ фактъ въ его голомъ видѣ.

Россійское телеграфное агентство сообщаетъ:

«*Тифлисъ*. 9-го ноября. Сегодня слушалось громкое дѣло, взволновавшее въ свое время не только медицинскую семью, но и все русское общество, объ истязаніи бывшимъ начальникомъ Закаспійской казачьей бригады генераломъ Ковалевымъ старшаго врача Средне-азіатской желѣзной дороги Забусова. Ковалевъ былъ отрѣшенъ отъ должности и отданъ подъ судъ; дѣло разсматривалось по Высочайшему повелѣнію въ особомъ присутствіи кавказскаго военно-окружного суда. Предсѣдательствовалъ членъ главнаго военнаго суда генералъ-отъ-инфантеріи Гродековъ. Изъ обвинительнаго акта видно, что 14-го марта сего года генералъ Ковалевъ поручилъ своей казенной прислугѣ нарѣзать розогъ, вызвать четырехъ писарей казачьей бригадной канцеляріи, затѣмъ пригласить пріѣхать немедленно доктора Забусова къ нему, какъ къ больному, для оказанія медицинской помощи. Когда врачъ явился, Ковалевъ предложилъ ему угощеніе, а затѣмъ по данному знаку вошли 7 казаковъ, которые, по приказанію подсудимаго, раздѣли Забусова и подвергли его жестокому истязанію розгами. Медицинскимъ осмотромъ черезъ четыре дня установлены слѣды, числомъ 42, ударовъ розгами на задней и передней части тѣла. Ковалевъ, признавая себя виновнымъ въ превышеніи власти, отрицалъ желаніе подвергнуть врача физическому истя-

занію, оправдывался невмѣняемостью въ моментъ совершенія преступленія, о мотивахъ коего умолчалъ, и отказался отъ вызова свидѣтелей. Потерпѣвшій на судъ не явился; прочитаны телеграммы: отъ генералъ-адъютанта Куропаткина и генерала Субботича, хорошо аттестующія служебное прошлое Ковалева, и письмо начальника Закаспійской области генерала Уссаковскаго, который свидѣтельствуетъ служебныя заслуги и проситъ принять участіе и облегчить судьбу подсудимаго. Послѣ четырехчасового совѣщанія судъ, признавъ генерала Ковалева виновнымъ въ превышеніи власти и въ истязаніи, постановилъ, примѣнивъ къ подсудимому Высочайшій манифестъ, исключить генерала Ковалева изъ службы безъ лишенія чиновъ».

Этотъ фактъ даже «Новое Время» признало «достойнымъ вниманія», хотя по обыкновенію своего «парламента мнѣній» свело въ замѣткѣ г. Ст—на (№ отъ 14-го ноября) къ нулю, сваливъ все на «средне-азіатскій фонъ»: «выгорѣвшая степь... удручающая жара... томящая скука отъ бездѣлья... непробудное пьянство... разгорѣвшіяся страсти зоологическаго характера»... и проч., и проч. Выходитъ, по мнѣнію г. А. Ст—на, генералъ Ковалевъ чуть ли не жертва, если и виновная, то не безъ правъ на снисхожденіе. Правда, въ заключеніе и г. А. Ст—инъ спохватывается и заключаетъ: «Очнувшись въ залѣ суда, генералъ Ковалевъ ссылается на свою невмѣняемоость въ моментъ совершенія преступленія. Однако, приготовленія для тѣлеснаго наказанія надъ докторомъ были обдуманы и исполнены очень хладнокровно. Передъ нами не единоличная невмѣняемость подсудимаго, а невмѣняемость окраиннаго быта, невмѣняемость искусственно созданная, поощряемая снисходительнымъ отношеніемъ и долѣе нетерпимая. Пора эти обычаи вмѣнить въ вину и положить предѣлъ всякой снисходительности. Какъ примѣръ снисходительнаго отношенія, можно указать на телеграммы генераловъ Куропаткина и Субботича, давшихъ подсудимому прекрасную аттестацію, но письмо генерала Уссаковскаго, просящаго «принять участіе и облегчить участь подсудимаго», является уже противозаконнымъ давленіемъ на судъ».

Все это такъ, но «средне-азіатскій фонъ» тутъ не при чемъ. Фономъ служитъ—безотвѣтственность одной стороны, при полномъ безсиліи и безправіи другой. Никогда генералу Ковалеву не пришло бы на умъ устроить такъ предательски-обдуманно грубѣйшее насиліе надъ личностью врача, если бы не сознаніе, что-де сойдетъ все благополучно, въ худшемъ случаѣ придется поплатиться—ну тамъ—замѣчаніемъ, выговоромъ, что ли. Такія ли дѣла съ рукъ сходили! И что этотъ разсчетъ былъ не безъ основанія, показываютъ заступническія письма его прямыхъ начальниковъ. Казалось бы, именно съ ихъ стороны безпримѣрное преступленіе Ковалева должно было встрѣтить самое безпощадное осужденіе. Казалось бы, кому, какъ не имъ, должно быть понятно все значеніе нарушенія закона—лицомъ, облеченнымъ громадной властью! Но случилось обратное. Потребовалось Высочайшее повелѣніе для преданія суду Ковалева, а ближайшій его начальникъ генералъ Уссаковскій ходатайствуетъ передъ судомъ объ облегченіи участи подсудимаго... И дѣйствительно, заступники его правы. Генералъ Ковалевъ просто не понимаетъ, за что онъ постра-

далъ. Въ этомъ смыслѣ онъ дѣйствительно невмѣняемъ. Только отъ этого не легче тѣмъ, кого злая судьба сталкиваетъ съ такими Ковалевыми.

«Законъ», «право», «неприкосновенность личности» — эти понятія такъ тщательно вытравлялись изъ русской жизни, что, наконецъ, исчезли совсѣмъ. Вотъ почему такъ живо откликнулись теперь люди на слово «довѣріе», съ помощью котораго, правильно или нѣтъ, они надѣются найти эти необходимыя для сноснаго человѣческаго существованія условія.

Мы остановились только на двухъ фактахъ изъ текущей хроники, чтобы не загромождать нашихъ замѣтокъ. Но и ихъ достаточно. Они ясно до боли показываютъ, во что превращается жизнь, въ которой бумага заступила мѣсто человѣка. Они же достаточно убѣдительно говорятъ, сколько работы предстоитъ человѣку надъ расчисткой пути къ иной жизни, надъ закладкой фундамента для иного общественнаго быта.

Безъ «слова» къ этой тяжкой работѣ нельзя приступить, ибо—«въ началѣ было слово». Но именно оно-то, это человѣческое слово и находится въ самыхъ невозможныхъ условіяхъ для правильнаго выполненія своей функціи. Въ недавно вышедшей книгѣ г. Богучарскаго «Изъ прошлаго русскаго общества» есть статья «Очерки изъ исторіи русской журналистики XIX вѣка», первая половина которой—«доисторическій періодъ» была въ свое время помѣщена у насъ (въ январѣ 1903 г.). Вторая часть—«историческій періодъ» (1862—1904 г.) появляется теперь, и въ немъ-то находимъ преинтересную статистику «нашихъ потерь» на полѣ журнальной брани.

«Дѣлая нѣкоторые подсчеты,—говоритъ г. Богучарскій,—наложенныхъ на періодическую печать каръ, мы получимъ такіе результаты. Въ теченіе XIX вѣка, до 1862 г. (по нашей терминологіи «доисторическій періодъ»), было совершенно прекращено 8 періодическихъ изданій,а затѣмъ, въ теченіе «историческаго періода» (1862—1904 г.), дѣло обстояло слѣдующимъ образомъ: всѣхъ каръ было за это время наложено 608, причемъ совершенно прекращено (по Высочайшему повелѣнію, по рѣшенію государственнаго совѣта, по постановленію особаго совѣщанія четырехъ министровъ и по распоряженію высшей администраціи въ провинціи)—26 періодическихъ изданій. Объявлено предостереженій: первыхъ—119; вторыхъ—89; третьихъ—57, съ пріостановкой всего въ суммѣ на 220 мѣсяцевъ 3 недѣли и 2 дня, или 18 лѣтъ 4 мѣсяца 3 недѣли и 2 дня. Безъ обозначенія мотивовъ періодическія изданія были пріостанавливаемы 93 раза, всего въ суммѣ на 412 мѣсяцевъ и 10 дней, или на 34 года 4 мѣсяца и 2 дня. (Сюда не входятъ такіе случаи, какъ, напр., съ «Курской Газетой», пріостановленной въ 1903 г. «впредь до пріисканія новаго отвѣтственнаго редактора»). Такимъ образомъ *всего* періодическія изданія за 41 годъ «историческаго періода» своего существованія были пріостановлены на 52 года 8 мѣсяцевъ и 4 дня. Воспрещеніе розничной продажи налагалось 191 разъ, печатанія частныхъ объявленій 28 разъ. Сверхъ того, два раза на періодическія изданія налагались особыя кары: на «Архивъ Судебной Медицины»—уничтоженіе, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ,

напечатанной статьи и увольненіе отъ должности редактора (о томъ и о другомъ было оффиціальное объявленіе) и на «Новое Время»—«строгое внушеніе» газетѣ отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, по Высочайшему повелѣнію или по рѣшенію комитета министровъ, изъ періодическихъ изданій вовсе не увидѣли свѣта выпуски VII и IX издававшагося въ Москвѣ журнала «Бесѣда», № 5 «Отечественныхъ Записокъ» за 1874 г. (за статьи «Рекрутскій наборъ» Кроткова, «Очень маленькій человѣкъ» Гл. Успенскаго и «Литературныя и журнальныя замѣтки» Н. К. Михайловскаго), сентябрьская книжка журнала «Слово» за 1878 г. (ст. «Вольтеръ» и др.) и апрѣльская книжка журнала «Начало» за 1899 г. (большая часть статей).

Какъ ни краснорѣчива эта статистика, она не даетъ еще представленія о положеніи печати, особенно той ея части, которая издается подъ условіемъ предварительной цензуры. Безмѣрная тягость положенія подцензурной печати заключается въ томъ, что для нея усмотрѣніе цѣликомъ замѣнило законъ. Въ номерѣ 45 журнала «Право» приведены факты, характеризующіе цензуру въ г. Вяткѣ, гдѣ мѣстное губернское земство издаетъ «Вятскую Газету», предназначенную преимущественно для сельскаго населенія. Трудно вообразить себѣ что-нибудь болѣе тихое, скромное и безобидное по духу и содержанію, чѣмъ «Вятская Газета», въ общемъ составляемая интересно и содержательно. Уже одно то, что газета издается земской управой служитъ достаточной гарантіей противъ всякихъ «опасныхъ» мыслей и недопустимыхъ съ точки зрѣнія администраціи «направленій». Между тѣмъ, что претерпѣла и претерпѣваетъ эта газета, просто не вѣрится, когда читаешь длинный перечень подвиговъ мѣстной цензуры. Запрещается перепечатка изъ Брема о голубяхъ, что эта птица прожорливая и живетъ парами, такъ какъ голубь птица священная. Запрещается перепечатка изъ «Правительственнаго Вѣстника» тѣхъ мѣстъ доклада о домахъ трудолюбія, въ которыхъ выражена благодарность земствамъ за ихъ содѣйствіе дѣятельности комитета во время голода,—и при томъ доклада, слушаннаго въ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ самой Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Запрещается перепечатка изъ «Сельскаго Вѣстника», издаваемаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, циркуляра одного губернатора, рекомендующаго сельскимъ сходамъ приглашать на совѣщаніе народныхъ учителей. Запрещается перепечатка изъ «Сенатскихъ Извѣстій» разъясненія сената о томъ, что городамъ не разрѣшается самовольно облагать сборомъ возы на базарахъ и площадяхъ. И такъ далѣе, и такъ далѣе. И когда мѣстная цензура начинаетъ особенно усердствовать, она заявляетъ редакціи злополучной «Газеты»: «теперь мы будемъ васъ цензуровать по закону». Какъ понимается слово «законъ», видно, напр., изъ слѣдующаго: по закону разрѣшенное къ печати не подлежитъ вторичной цензурѣ, а «Вятская Газета» цензуруется еще разъ уже въ сверстанномъ видѣ. Мало того, газета такъ процензурованная изловляется на мѣстѣ ея чтенія и при посредствѣ урядниковъ и сотскихъ отнимается у крестьянъ, какъ нѣчто нелегальное!.. Можно-ли идти еще дальше въ борьбѣ съ печатнымъ словомъ?

И не въ одной Вяткѣ такая цензура. Въ Баку мѣстный цензоръ, какъ со-

общаетъ «Русь», не пропускаетъ перепечатокъ рѣчей новаго министра внутреннихъ дѣлъ, князя Святополка-Мирскаго, находя ихъ нецензурными. Въ Орлѣ цензура, какъ жалуется «Орловскій Вѣстникъ», не допускаетъ телеграммъ телеграфнаго агентства, вовсе не подлежащихъ ея вѣдѣнію, и т. д., и т. д.

Безпредѣльное усмотрѣніе въ дѣлѣ цензуры вовсе не есть явленіе исключительное, временное или мѣстное. Оно вытекаетъ изъ существа самого понятія о роли предварительной цензуры. «Юридическая Газета» приводитъ по этому поводу историческую справку: «Карандашъ въ рукахъ цензора является скипетромъ,—говорили при покойномъ государѣ Николаѣ Павловичѣ, а въ началѣ 1862 г. членъ главнаго управленія по дѣламъ печати, баронъ Медемъ писалъ, что «быть можетъ, не найдется и двухъ цензоровъ, которые бы всегда одинаково понимали предѣлы дозволенной гласности, и это естественно: произволъ есть органическая принадлежность предварительной цензуры, ея сущность». Понятно, поэтому, стремленіе всякаго органа печати—выйти изъ-подъ предварительной цензуры, тѣмъ болѣе, что предварительная цензура нисколько не гарантируетъ отъ дальнѣйшихъ административныхъ каръ и воздѣйствій, какъ показываютъ многочисленные примѣры закрытій, запрещеній, изъятій для находящихся подъ предварительной цензурою органовъ печати. Такъ, подцензурный журналъ «Русское Богатство» былъ запрещенъ на три мѣсяца, подцензурный журналъ «Жизнь» совсѣмъ закрытъ, подцензурныя провинціальныя газеты то и дѣло получали сюрпризы въ видѣ запрещенія на 3, на 6 и даже на 8 мѣсяцевъ, что равносильно закрытію. Если съ безцензурными изданіями еще нѣсколько обходительнѣе поступаютъ, объявляя имъ предварительно «предостереженія», то по отношенію подцензурныхъ и этого нѣтъ: кары падаютъ на нихъ неожиданно, иногда по поводамъ самымъ невѣроятнымъ, какъ было съ журналомъ «Русское Богатство», самая подцензурность коего повела къ усугубленію наказанія.

Какой же исходъ для слова возможенъ теперь? Мы не знаемъ другого отвѣта, кромѣ—свободы слова. Мы понимаемъ, конечно, что въ полномъ объемѣ эта свобода не мыслима безъ цѣлаго ряда другихъ условій, необходимыхъ не только для слова, но и для неприкосновенности личности писателя. Пройдя слишкомъ тяжелую школу, научившую на опытѣ, какъ необезпечена личность у насъ, мы понимаемъ, что свобода печати не дается даромъ. Длинный мартирологъ писателей, начиная съ Радищева и до нашихъ дней,—вотъ вѣковой опытъ, наглядно доказывающій, что писателей нельзя выдѣлить въ особую неприкосновенную касту служителей правды. Отъ такой исключительной неприкосновенности они первые отказались бы. Но прежде чѣмъ получить ее на ряду со всѣми русскими гражданами, работники печати въ правѣ требовать того, что дано любому русскому обывателю—быть теперь же огражденнымъ отъ усмотрѣнія хотя бы въ той степени, въ какой ограждено имущество и личность любого обывателя, т.-е. судомъ. По отношенію къ печати даже такое ограниченіе усмотрѣнія явилось бы шагомъ впередъ, который все общество встрѣтило бы со вздохомъ облегченія. Пояснимъ это примѣромъ. Любой изъ читателей, имѣющій домъ, землю или какую-либо движимость, унаслѣдованную или

благопріобрѣтенную, знаетъ, что безъ суда нельзя отнять у него это имущество. Въ иномъ положеніи печать: однимъ почеркомъ пера, безъ слѣдствія, безъ суда, уничтожаются изданія, стоимостью въ сотни тысячъ. Ближайшій примѣръ—закрытіе журнала «Жизнь», издатели котораго понесли до 200.000 убытковъ. А безконечныя траты на болѣе мелкія изданія, которыя погибаютъ отъ усмотрѣнія, даже не увидѣвъ свѣта, разоряя издателей и лишая авторовъ стоимости ихъ труда, иногда многолѣтняго. Въ той же книгѣ г. Богучарскаго читатели найдутъ длиннѣйшій списокъ уничтоженныхъ до выхода въ свѣтъ книгъ, сожженныхъ по рѣшенію комитета министровъ съ 1872 г. по 1904 г. Списокъ этотъ занимаетъ пять страницъ. И чего-чего только нѣтъ въ этомъ спискѣ! Начиная съ первокласснаго ученаго Геккеля и до «Гигіены любви» пустого болтуна Мантегацца, съ книгъ Спенсера, Милля, Уоллеса и до «Болотныхъ лилій» какого-то Дю-Кира. И что любопытнѣе всего,—многія, если не большинство, изъ этихъ книгъ потомъ были дозволены и разошлись въ массѣ экземпляровъ. Напр., «Естественная исторія міозданія» Геккеля, уничтоженная въ 1871 г., была напечатана въ 1900 г. въ нашемъ журналѣ въ отдѣлѣ III подъ заглавіемъ «Трансформизмъ и дарвинизмъ», съ послѣдняго нѣмецкаго изданія. Понадобилось тридцать лѣтъ, чтобы Геккель сталъ доступенъ русскому читателю въ массѣ. Читатели, поэтому, могутъ утѣшать себя, что если не имъ, то хотя бы ихъ дѣтямъ станутъ доступны такія удивительныя произведенія, какъ «Жертвы тотализатора» г. Москаля (уничтожены въ 1891 г.), или «Такъ не говорилъ никто. Разсужденія и фантазіи» г. Щукина (то-то, должно быть, философъ!). Но издатели и писатели даже и этого утѣшенія не могутъ имѣть: признаніе въ будущемъ не окупаетъ издержекъ въ настоящемъ.

Громадныя матеріальныя потери—не послѣднее зло усмотрѣнія. Горшее зло—неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, невозможность планомѣрной работы, которая цѣликомъ отдана на жертву случайностямъ всякаго рода. Приходится быть готовымъ на все и впередъ готовить двойные комплекты матеріала, чтобы не быть захваченнымъ врасплохъ. Редакція предполагаетъ, а усмотрѣніе располагаетъ. А читатель удивляется и подчасъ ругаетъ за разныя странности и грѣхи, повидимому совершенно непонятные. И правъ, конечно, такъ какъ онъ многаго не знаетъ, да ему и дѣла нѣтъ до той безмолвной и невидимой борьбы, какая идетъ вотъ уже сто лѣтъ между печатью и усмотрѣніемъ.

Выходъ изъ такого ненормальнаго положенія можетъ быть данъ теперь же—освобожденіемъ отъ подцензурности, съ общей отвѣтственностью только по суду. Обыкновенно всѣ затронутые печатью дѣятели и даже цѣлыя учрежденія предпочитаютъ обращаться не къ суду, а къ воздѣйствію власти, т.-е. къ усмотрѣнію, выражающемуся въ различной формѣ, смотря по характеру того лица, отъ коего зависитъ участь печати. Но къ суду прибѣгаютъ крайне рѣдко, и не потому, чтобы судъ очень благоволилъ къ печати, а потому, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ на судѣ раскрываются факты, уничтожающіе обвиненіе, и судъ надъ редакторомъ превращается въ судъ надъ обвиняющей стороной. Это доказываетъ только осторожность печати, хорошо пони-

мающей, какая отвѣственность лежитъ на ней. Вотъ почему печать не боится самихъ драконовскихъ законовъ, лишь бы это были законы, а не усмотрѣніе. На судѣ можно защищаться, можно доказать свою правоту,—отъ усмотрѣнія нѣтъ защиты, да и узнаетъ печать о постигшей ее карѣ только post factum, т.-е., когда кара уже наложена.

Все, что мы говоримъ по этому поводу, такъ примитивно само по себѣ, что если бы это прочелъ человѣкъ съ Запада, гдѣ эти мысли вошли давнымъ давно въ общій обиходъ, онъ насъ не понялъ бы. Но, можетъ спросить иной читатель, разъ вы все это имѣете возможность говорить, такъ чего же еще вамъ больше? Да, мы должны признать, что самый фактъ вѣрно отмѣченъ читателемъ,—*теперь* можно говорить о томъ, о чемъ приходилось молчать годами и о чемъ мы не могли сказать еще два-три мѣсяца тому назадъ. Такая возможность, несомнѣнно, радуетъ насъ и внушаетъ надежду. Но кто знаетъ—будетъ ли эта возможность завтра? Вотъ въ чемъ вопросъ, и вотъ почему намъ нужна не терпимость, хотя бы самая широкая и благожелательная, а увѣренность въ своемъ правѣ, хотя бы и ограниченномъ, но не иначе какъ судомъ и только судомъ, гдѣ каждый изъ насъ могъ бы защищаться и доказывать свое право говорить то, что ему диктуетъ честь и совѣсть.

Довольно съ насъ усмотрѣнія. Въ этомъ вопросѣ нѣтъ больше двухъ мнѣній ни въ обществѣ, ни въ печати, и назрѣло время, когда жизнь настоятельно требуетъ *права* на мѣсто *произвола*. Даже кн. Мещерскій прозрѣлъ на старости лѣтъ въ вопросѣ о печати и въ дневникѣ отъ 9-го ноября заявляетъ: «Надо кончить съ недоразумѣніемъ со свободою печати. Это благо нужно и печати, нужно и правительству, но подъ условіемъ, чтобы оно было закономъ дарованное, а не случайное, ибо нѣтъ, вѣроятно, убѣжденнѣе министра князя Святополка-Мирскаго, столь ненавидящаго произволъ, въ томъ, что случайная терпимость къ печати такой же произволъ, какъ случайная нетерпимость».

Только свободное, искреннее слово совершитъ чудо обновленія нашей страны. Эта истина глубоко проникла въ сознаніе всего русскаго народа, и если теперь еще возможно заглушить голосъ ея, то лишь на самое краткое время и лишь затѣмъ, чтобы тѣмъ громче онъ раздался потомъ. Сорокъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ уже было признано лучшими людьми, что «если государство желаетъ *жить*, то должно соблюдать непремѣнныя *условія жизни*, внѣ которыхъ *смерть и разрушеніе*; условіе жизни государства есть жизнь общества; *условіе жизни* общества—*есть свобода слова*, какъ орудіе общественнаго сознанія» *). Эти знаменитыя слова Ив. Аксакова вошли теперь въ кровь и плоть русскаго общества, и осуществленіе ихъ въ жизни—вотъ настоятельнѣйшее требованіе дня.

---

*) Передовая статья въ газетѣ „День" Аксакова. Курсивъ вездѣ Аксакова. Цит. по кн. Богугарскаго „Изъ прошлаго рус. общества", стр. 348.

Съ трудомъ и великими усиліями проникаютъ въ жизнь нашего народа истины, ставшія уже обычными въ странахъ болѣе счастливыхъ. И великими жертвами усѣянъ путь медленнаго движенія русскаго народа къ свѣту и правдѣ. «Тамъ, гдѣ жгутъ книги, сжигаютъ и людей», говоритъ великій французскій поэтъ,—и для насъ эти слова не метафора, а горькая и обидная истина.

Въ ночь съ 16-го на 17-ое октября 1889 г. скончался въ Саратовѣ Николай Гавриловичъ Чернышевскій, о смерти котораго лишь глухо было упомянуто тогда въ печати. Мы не имѣемъ въ виду вдаваться здѣсь въ характеристику его литературной дѣятельности и значенія, отмѣтимъ лишь, что теперь, черезъ пятнадцать лѣтъ со дня его кончины, это имя мало-по-малу перестаетъ быть запретнымъ. Самые его сочиненія, кромѣ нѣкоторыхъ, допущены въ печати. Время дѣлаетъ свое дѣло, и вмѣстѣ съ тѣмъ все больше уясняется темная исторія, жертвой которой палъ одинъ изъ виднѣйшихъ русскихъ умовъ, палъ въ расцвѣтѣ своихъ силъ и умеръ для русскаго общества задолго до своей физической смерти. Чернышевскому было около тридцати шести лѣтъ, когда онъ былъ выхваченъ изъ рядовъ русской интеллигенціи и надолго поставленъ въ условія, при которыхъ жизнь свелась почти къ прозябанію, сначала въ Кадаѣ, потомъ въ Вилюйскѣ, въ 450 верстахъ отъ Якутска, въ жалкомъ, затерявшемся среди полярной тайги городишкѣ, въ которомъ и теперь-то не болѣе трехъ-четырехъ десятковъ домовъ. Здѣсь онъ прожилъ до 1883 г., когда ему разрѣшено было поселиться въ Астрахань, откуда въ 1889 г. ему дозволено было переселиться въ Саратовъ, гдѣ осенью того же года онъ и скончался.

Шесть слишкомъ лѣтъ каторги, двѣнадцать лѣтъ ссылки вблизи полярнаго круга и шесть поднадзорнаго безвыѣзднаго житія въ Астрахани — одному человѣку какъ будто и много. Спрашивается, кто же этотъ «преступникъ»? Какое великое злодѣяніе учинилъ онъ? Исторія дала одинъ отвѣтъ на эти вопросы: онъ не былъ преступникомъ, онъ не совершалъ никакого злодѣнія. Въ настоящее время нѣтъ уже ни малѣйшаго сомнѣнія, что Чернышевскій былъ «граждански убитъ не за какія-нибудь совершенныя имъ дѣянія, не за какое-нибудь политическое преступленіе, а лишь за свои мысли и убѣжденія», какъ пишетъ Вл. С. Соловьевъ, письмо котораго съ воспоминаніями о Чернышевскомъ помѣстилъ въ «Закаспійскомъ Обозрѣніи» г. К. Ѳедоровъ. *)

«Дѣло относится къ давно прошедшему времени, ко днямъ суда надъ Чернышевскимъ. Въ то время авторъ воспоминаній, Вл. С. Соловьевъ, еще мальчикъ, жилъ съ отцомъ своимъ недалеко отъ Москвы. На дачу къ Соловьевымъ нерѣдко пріѣзжали Е. Ѳ. Коршъ и Н. Х. Кетчеръ. Въ тотъ вечеръ, о которомъ идетъ рѣчь, оба гостя пріѣхали съ вѣстью о приговорѣ надъ Чернышевскимъ. «Оба гостя имѣли удрученный видъ, а отецъ, взволнованный, съ покраснѣвшимъ лицомъ, говорилъ какимъ-то напряженнымъ негодующимъ шепотомъ, время отъ времени переходившимъ въ сердитый крикъ». Авторъ воспо-

*) Цитируемъ по статьѣ г. И. въ „Рус. Вѣдомостяхъ“, № 301, отъ 29 окт.

минаній поясняетъ, что ни Коршъ, ни Кетчеръ не раздѣляли идей Чернышевскаго. Что касается С. М. Соловьева, то, по заявленію его сына, «какъ человѣкъ съ самыми положительными вѣрованіями въ области религіи и какъ убѣжденный государственникъ, онъ, конечно, былъ еще дальше отъ господствующаго направленія 60-хъ годовъ». И однако судьба Чернышевскаго,— «самой значительной головы въ этомъ враждебномъ и во всякомъ случаѣ чуждомъ и несочувственномъ имъ лагерѣ, поразила и возмутила этихъ людей». «Что же это такое?—говорилъ С. М. Соловьевъ.—Берутъ изъ общества одного изъ самыхъ видныхъ людей, писателя, который десять лѣтъ проповѣдывалъ на всю Россію извѣстные взгляды съ разрѣшенія цензуры, имѣлъ огромное вліяніе, велъ за собою чуть не все молодое поколѣніе,—такого человѣка въ одинъ прекрасный день безъ всякаго яснаго повода берутъ, сажаютъ въ тюрьму, держатъ больше года,—никому ничего неизвѣстно,—судятъ какимъ-то секретнымъ судомъ, совершенно некомпетентнымъ, къ которому ни одинъ человѣкъ въ Россіи довѣрія и уваженія имѣть не можетъ и который само правительство объявило никуда негоднымъ (это было до введенія суда присяжныхъ),—и вотъ, наконецъ, общество извѣщается, что этотъ Чернышевскій, котораго оно знаетъ только какъ писателя, ссылается въ каторгу за политическое преступленіе, а о какомъ-либо доказательствѣ его преступности, о какомъ-либо опредѣленномъ фактѣ нѣтъ и помину». Въ томъ, что судъ былъ не открытый для публики, С. М. Соловьевъ видѣлъ доказательство того, что фактическихъ основаній для осужденія не было. «Допустимъ,—разсуждалъ онъ,—что въ политическомъ процессѣ для успѣшнаго разслѣдованія можетъ требоваться строгая тайна. Но когда дѣло кончено, виновность доказана и приговоръ состоялся, то тутъ изъ-за чего же секретничать? Я готовъ даже допустить и такую нелѣпость, что прятали самого Чернышевскаго, боясь, какъ бы его не освободили. Но вину-то его, вину фактическую, зачѣмъ прятать? Единственное объясненіе, что этой вины нѣтъ и что объявлять нечего». Впослѣдствіи, вспоминаетъ Вл. С. Соловьевъ, ему не разъ приходилось бесѣдовать съ отцомъ объ участи Чернышевскаго, и всегда онъ слышалъ выраженіе увѣренности въ томъ, что «никакого политическаго преступленія Чернышевскій не совершалъ, а былъ сосланъ за то, что его писательская (подцензурная) дѣятельность найдена была опасною для существующаго порядка».

По сообщенію «Закаспійскаго Обозрѣнія», «изъ трехъ пунктовъ обвиненія, предъявленныхъ Чернышевскому: 1) преступныя сношенія съ эмигрантомъ Герценомъ, 2) участіе въ составленіи и напечатаніи прокламаціи къ крестьянамъ, 3) письмо къ поэту Плещееву преступнаго содержанія,—первый сводился къ нулю, такъ какъ «сношенія» заключались въ отказѣ Чернышевскаго перенести изданіе «Современника» за границу, какъ то предлагалъ Герценъ; во второмъ пунктѣ обвиненія былъ обнаруженъ подкупъ лжесвидѣтеля со стороны единственнаго обвинителя; третій пункъ обвиненія былъ основанъ на подложномъ документѣ.

То же самое говоритъ другой современникъ процесса, г. К. Скальковскій, въ «Нов. Времени» отъ 6-го ноября, «что формальныя обвиненія были очень

шатки, и что Чернышевскій пострадалъ скорѣе за свою подцензурную дѣятельность въ печати, признанную опасною для существующаго порядка». А сынъ покойнаго поэта Алексѣя Николаевича Плещеева подтверждаетъ со словъ своего отца, что письмо къ нему было подложное. «Письмо это, которое предъявили моему отцу, когда его призвали къ допросу, не было для него сомнительнымъ. Это письмо онъ призналъ поддѣльнымъ и кромѣ того глупымъ, наивнымъ по содержанію, какого Чернышевскій не могъ написать. Кромѣ того, перехваченное письмо будто бы не было даже адресовано А. Н. Плещееву, никто не видѣлъ конверта, но оно начиналось обращеніемъ «Алексѣй Николаевичъ», и такъ какъ изъ содержанія его явствовало, что Чернышевскій пишетъ литератору Алексѣю Николаевичу, а другого Алексѣя Николаевича тогда не было среди писателей въ Москвѣ, то и установили, что оно писано къ отцу. Слышалъ также отъ него, что первая экспертиза признала письмо писаннымъ не Чернышевскимъ, а вторая рѣшила вопросъ въ противоположномъ смыслѣ и похерила компетенцію первой».

Такъ просто погубленъ былъ для русскаго общества одинъ изъ самыхъ видныхъ его дѣятелелей. И онъ ли одинъ?.. Но не погибла его мысль, какъ ни преслѣдовались его произведенія, содержаніе которыхъ вошло въ общую сокровищницу русской мысли, обогативъ ее идеями. Постепенно идеи Чернышевскаго впитывались обществомъ, входя въ общій кругъ мысли и оплодотворяя послѣдующія поколѣнія, которыя теперь могли бы уже безпрепятственно получить этотъ запретный плодъ. Въ томъ или иномъ видѣ эти идеи можно найти въ массѣ послѣдующей литературы, и снятіе запрета со всѣхъ сочиненій Чернышевскаго было бы лучшимъ признаніемъ великой несправедливости, надъ нимъ учиненной. Хотя его сочиненія въ значительной степени имѣютъ теперь интересъ только историческій, но такое разрѣшеніе имѣло бы значительный симптоматическій смыслъ. Пора уже оставить гоненія на мысль:

Надъ вольной мыслью Богу неугодны
Насиліе и гнетъ:
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ *)...

А. Б.

---

*) Алексѣй Толстой, изъ „Іоанна Дамаскина“.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

„Дачники"—Сцены М. Горькаго въ драматическомъ театрѣ В. Ѳ. Коммисаржевской.

Случайно или умышленно, въ силу безотчетныхъ процессовъ творчества или какъ результатъ вполнѣ сознательнаго культа недавно ушедшаго отъ насъ первокласснаго художника слова, всячески, новая пьеса М. Горькаго «Дачники» непосредственно примыкаетъ къ «Вишневому саду» Чехова, является какъ бы его естественнымъ продолженіемъ и въ то же время носитъ на себѣ нѣкоторые явные слѣды общаго вліянія чеховскихъ драмъ. Эта внѣшняя обусловленность «Дачниковъ» отъ пріемовъ композиціи Чехова, повтореніе нѣкоторыхъ положеній, типовъ (литераторъ Шалимовъ и беллетристъ Тригоринъ въ «Чайкѣ»), обстановки дѣйствія (ср. второй актъ «Вишневаго сада» и третье дѣйствіе «Дачниковъ», затѣмъ сцену между матерью и дочерью въ обѣихъ пьесахъ и т. д.),—насъ удивила у такого вполнѣ сложившагося, давно самостоятельнаго и независимаго писателя, какимъ мы знаемъ Горькаго по крайней мѣрѣ уже лѣтъ десять. Конечно, и въ «Мѣщанахъ» и особенно въ «На днѣ» авторъ выказалъ гораздо больше самобытности. Что побудило Горькаго именно теперь подпасть вліянію Чехова въ гораздо большей степени, чѣмъ раньше,—это вопросъ, вникать въ который мы не станемъ, тѣмъ болѣе, что несмотря на «налеты» чеховскаго творчества, сцены Горькаго представляютъ совершенно другой типъ драматической литературы, оригинальны по замыслу и не поддаются сравненію съ пьесами Чехова съ чисто художественной точки зрѣнія. Чеховъ обладалъ рѣдкимъ даромъ исключительно образнаго мышленія и его произведенія подлежатъ прежде всего и главнымъ образомъ эстетической оцѣнкѣ. Между тѣмъ, въ Горькомъ, несмотря на яркій художественный талантъ, какъ уже не разъ было замѣчено, художникъ и публицистъ чередуются, двоятся, нарушаютъ цѣльность замысла и выполненія. По отношенію къ послѣдней его пьесѣ приходится неоднократно считаться именно скорѣе съ замыслами автора, чѣмъ съ ихъ выполненіемъ, потому что многое изъ того, что передается въ словахъ и разсужденіяхъ, не нашло себя непосредственнаго воплощенія въ образахъ, а чисто техническіе недочеты въ композиціи сценъ заставляютъ больше придавать значенія интересному замыслу, отдѣльнымъ яркимъ и поучительнымъ эпизодамъ, красивымъ словечкамъ и т. д. чѣмъ произведенію искусства, какъ таковому, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Надо встать на точку зрѣнія культурно-историческую (а можетъ быть даже и біографическую), чтобы подойти къ оцѣнкѣ «Дачниковъ» въ томъ, что, по крайней мѣрѣ на нашъ взглядъ, представляется въ нихъ наиболѣе значительнымъ. О формѣ поговоримъ ниже, а теперь обратимся къ сути.

Связь съ «Вишневымъ садомъ», конечно, чисто внѣшняя: Чеховъ заканчивалъ пьесу подъ удары топора, долженствовавшаго обратить барское помѣстье въ рядъ участковъ для «дачниковъ». И вотъ передъ нами выступаютъ сами «дачники», люди иного общественнаго класса, по преимуществу «разночинцы», и преемство оказывается не только въ смыслѣ замѣны прежнихъ владѣльцевъ

помѣстій новыми «нанимателями» дачъ, а смѣны одного культурнаго класса другимъ. Въ этомъ отношеніи Горькій и по существу является продолжателемъ исторіи современнаго русскаго общества, начатой Чеховымъ (не имъ первымъ, конечно), и если именно по поводу «Вишневаго сада» Чехова назвали «поэтомъ ликвидаціи дворянской культуры», то Горькій какъ разъ даетъ изображеніе иной, отнюдь не «дворянской» культуры, подобравъ съ этою цѣлью особую группу лицъ, которымъ онъ присвоилъ эпитетъ «дачниковъ» въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ. Это требуетъ нѣкоторыхъ поясненій: авторъ даетъ ихъ намъ въ четвертомъ актѣ своихъ сценъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь терминомъ *дачники*, очевидно, не опредѣляется никакой общественный классъ, который можно было бы противопоставить помѣщикамъ—дворянамъ, купцамъ, крестьянамъ и т. д. Но автору нуженъ былъ символъ и онъ остановился на случайномъ обозначеніи случайно проводящихъ лѣто въ загородныхъ наемныхъ помѣщеніяхъ лицъ, которыя, вообще говоря, конечно могутъ принадлежать ко всѣмъ слоямъ общества и быть представителями какой угодно культуры.

Однако, по условному, символическому толкованію автора, «дачниками» оказываются люди безъ прочныхъ привязей къ средѣ, въ которой они живутъ и дѣйствуютъ; люди отъ чего-то оторванные и ни къ чему не приставшіе; случайный налетъ: сегодня они есть, а завтра нѣтъ, на мѣстѣ ихъ другіе, а сами они неизвѣстно гдѣ. Дачный сторожъ Пустобайка, бесѣдуя со своимъ товарищемъ Кропилкинымъ, уподобляетъ «дачниковъ» пузырямъ, которые всплываютъ на поверхность болотной воды: всплывутъ и лопаются и на мѣсто нихъ другіе пузыри, и все такіе же. Онъ сильно не долюбливаетъ дачниковъ, за которыми дескать приходится только соръ да хламъ подбирать. Итакъ, выставленное передъ нами общество, проникнутое болотной гнилью и плѣсенью, откуда-то изъ глубины всплыло на поверхностъ жизни и лишено всякаго устойчиваго значенія. Это, по толкованію автора, какіе - то псевдо-интеллигенты. М. Горькій, въ послѣднемъ дѣйствіи своей пьесы сдѣлавъ оговорку устами одной изъ героинь, что выставленныя лица не интеллигенція страны, а всѣ они, дескать, лишь «дачники», предлагаетъ намъ и свѣдѣнія о происхожденіи своихъ героевъ, причемъ оказывается, что они всѣ вышли въ люди изъ низшихъ слоевъ общества, голодали и бѣдствовали, раньше чѣмъ достигли болѣе или менѣе обезпеченнаго положенія.

Инженеръ Сусловъ, указывая на это обстоятельство (онъ говоритъ «мы» и поясняетъ, что это «мы» распространяется на всѣхъ присутствующихъ, включая жену адвоката Басова—Варвару Михайловну и ея брата, выступающихъ обличителями эгоистической, сытой, самодовольной жизни чревоугодниковъ: дѣйствительно, они оба дѣти повара), находитъ въ немъ оправданіе тому, что въ зрѣломъ возрастѣ всѣ они—эти вчерашніе бѣдняки—жаждутъ лишь спокойной, удобной жизни себѣ всласть, въ отместку за прошлыя испытанія. Иначе разсуждаетъ женщина-врачъ Марья Львовна: въ горячей рѣчи она доказываетъ, что именно они,—«дѣти кухарокъ и прачекъ», пробившіеся черезъ всякія преграды къ культурнымъ условіямъ жизни, должны помнить о тѣхъ, которые внизу, уготовить имъ путь къ лучшей жизни и вести за собой. На

столкновеніи этихъ двухъ началъ, т.-е. эгоистичномъ пользованіи преимуществами завоеваннаго себѣ мѣста въ культурныхъ слояхъ общества и имущественнаго обезпеченія, съ одной стороны, и заботы объ оставшихся еще «на днѣ» братьяхъ и сестрахъ, съ другой,—построена вся пьеса. Къ этому сводится ея несложное идейное содержаніе, при слѣдующемъ распредѣленіи ролей: «чревоугодники» это по преимушеству мужья, которые успокоились на томъ, что устроили себѣ удобную жизнь и хотятъ ею наслаждаться. Таковъ адвокатъ Басовъ, благодушно жуирующій удовольствіями дачной жизни, ни надъ чѣмъ особенно не задумываясь, кромѣ игры въ шахматы и уженья рыбы; таковъ отчасти и его помощникъ Замысловъ, пользующійся сомнительной репутаціей, даже съ намеками но шулерство при игрѣ въ карты, но въ пьесѣ выступающій какъ весельчакъ, «душа общества» и герой «дачнаго» романа съ мѣстной львицей, женой инженера Суслова. Благодушествуетъ и Сусловъ, который «на лонѣ природы» легко забываетъ о своихъ постройкакъ и служебныхъ обязанностяхъ; его спокойствіе нарушается только невѣрностями жены, слишкомъ откровенно позволяющей за собой ухаживать. Къ спокойствію стремится докторъ Дудаковъ, обремененный большой семьей и сложными обязанностями, только приставанія надоѣдливой жены, устраивающей ему сцены, не вполнѣ даютъ ему возможность насладиться искомымъ отдыхомъ. На отдыхъ пріѣхалъ и литераторъ Шалимовъ, жалующійся, что онъ «потерялъ читателя», больше никому не нуженъ и склоненъ почить на лаврахъ прошлаго успѣха, лишь бы спокойно пожить, развлекаясь легкой интригой съ женой пріятеля, на лонѣ природы. Наконецъ, тоже на покой пріѣзжаетъ и дядя Суслова, нѣкто по фамиліи Двоеточіе, округлившій милліонное состояніе и мечтающій провести остатокъ дней въ семьѣ племянника. Протестующимъ элементомъ въ пьесѣ выступаютъ, главнымъ образомъ, женщины: это, прежде всего, жена Басова, Варвара Михайловна, горько разочаровавшаяся въ своихъ дѣвичьихъ мечтахъ и ожиданіяхъ отъ жизни, духовно разобщенная съ мужемъ, старающаяся вникнуть въ смыслъ жизни, сперва пассивно протестующая противъ пошлости безцѣльнаго существованія и, наконецъ, бросающая мужа, чтобы куда-то уйти и жить своимъ трудомъ. Буйно тротестуетъ энергичная и дѣятельная женщина-врачъ, Марья Львовна, вдова, имѣющая лишь одну дочь, послѣ ранняго и весьма короткаго замужества. Она живетъ съ дочерью, теперь уже 18-лѣтней дѣвушкой, вполнѣ дружески, какъ добрые товарищи, изъ которыхъ младшій довѣряетъ руководству старшаго, но сохраняя всю свою независимость. Протестуетъ по своему и жена Суслова, которыя мститъ своему супругу, духовно развратившему ее, реальными измѣнами и издѣвательствомъ. Протестуетъ въ иномъ духѣ и Калерія, сестра Басова,—поэтесса нѣсколько декадентскаго пошиба, ушедшая отъ окружающей ее пошлой дѣйствительности въ свой особый, замкнутый мірокъ, ограждая свою духовную и физическую чистоту, прославляя эдельвейсъ и снѣжинки въ звучныхъ стихахъ и мелодичной прозѣ. Подъ конецъ она также уходитъ, вслѣдъ за Варварой Михайловной, и тоже подъ покровительство энергичной Марьи Львовны. Итакъ, мужчины и женщины распредѣлены въ пьесѣ на два лагеря. Но подъ вліяніемъ женщины, и именно

Марьи Львовны, принимаетъ протестующую позу и братъ Варвары Михайловны, Власъ, служащій писмоводителемъ у ея мужа. Этотъ Власъ—недоучившійся юноша, который, однако, прошелъ черезъ цѣлую серію учебныхъ заведеній въ зависимости отъ прихоти отца, служившаго, какъ указано, въ поварахъ у разныхъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ: онъ отдавалъ сына въ заведеніе соотвѣтстненно случайнымъ перемѣнамъ мѣста. Власъ способный, но испорченный жизнью молодой человѣкъ, который дерзитъ, фиглярничаетъ и разыгрываетъ изъ себя шута, но хранитъ въ душѣ «внутреннюю честность». Марья Львовна это почувствовала, задумала его исправить, наставить на надлежащій путь, что ей вполнѣ удается, хотя попутно она поплатилась—нежданно зародившейся страстью Власа, которая вызвала и въ ней самой отвѣтное чувство; но она быстро съ нимъ справилась, разсудивъ, что между ними слишкомъ большая разница въ годахъ (она себя ставитъ въ положеніе матери Власа), и что если бы она отдалась охватившему ее влеченію, изъ этого вышло бы мало хорошаго. Въ женщинѣ ищетъ опоры и другой молодой человѣкъ, Рюминъ,—влюбленный въ Варвару Михайловну: въ юности онъ далъ себѣ клятву бороться за правду и служить высокимъ пѣлямъ, но не исполнилъ своего обѣщанія, сталъ жить какъ всѣ и затерялся въ мелочахъ жизни. Варвара Михайловна, сохранившая свои идеальныя стремленія, несмотря на тусклость жизни и неудовлетворительность въ семейной обстановкѣ, представляется ему путеводной звѣздой, которая могла бы окрылить его прежнюю вѣру и заставить вернуться къ забытымъ завѣтамъ. Однако, Варвара Михайловна отвергаетъ его ухаживанья и напоминаетъ Рюмину, что человѣкъ долженъ надѣяться лишь на самого себя: напрасно ожидать помощи отъ другого; нѣтъ такой посторонней силы, которая способна была бы переродить человѣка; или она въ немъ, или ея нѣтъ. Просто Варвара Михайловна не любитъ Рюмина и не обладаетъ качествами экспансивной натуры, напримѣръ, Марьи Львовны, которая именно оказываетъ нравственную помощь другимъ, воскрешая «забытые завѣты» и побуждая слѣдовать высокимъ цѣлямъ жизни.

Какъ бы то ни было, Рюминъ, выслушавъ себѣ отповѣдь, сперва уѣзжаетъ на морскія купанья, а потомъ, вернувшись, дѣлаетъ попытку застрѣлиться, но неудачно. Писатель Шалимовъ также встрѣчаетъ отпоръ со стороны Варвары Михайловны, при попыткѣ ухаживать за ней, что онъ предпринимаетъ отчасти по порученію ея мужа, которому кажется, что ей надо «развлечься». Не только отпоръ, но горькій упрекъ: когда-то, еще гимназисткой, Варвара Михайловна благоговѣла передъ Шалимовымъ, котораго видѣла и слышала на одномъ литературномъ вечерѣ; продолжая читать его произведенія, она создала себѣ о немъ нѣсколько идеальное представленіе, видѣла въ немъ борца за идею, человѣка выше другихъ стоящаго, вѣрила въ него, возлагала всякія надежды, и этотъ внезапный переходъ Шалимова на роль простого ухаживателя, любовника, глубоко оскорбилъ ее въ ея лучшихъ чувствахъ. Сцена, когда Варвара Михайловна сперва даетъ цвѣтокъ Шалимову, потомъ, послѣ объясненія, говоритъ ему:—«бросьте цвѣтокъ, не надо, забудьте»—одна изъ самыхъ красивыхъ въ пьесѣ.

Мы перечислили главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ «Дачникахъ» и отмѣтили распредѣленіе ролей, какъ указано, на два лагеря: побѣждаютъ женщины, за которыми положительныя симпатіи автора; но побѣждаютъ, уходя, а мужья остаются, не вѣря въ ихъ окончательный уходъ, а что дальше произойдетъ—остается подъ завѣсой непроницаемаго будущаго. Что же раньше произошло? Въ чемъ сюжетъ пьесы? Передать его крайне трудно, такъ какъ почти все дѣйствіе сводится къ разговорамъ и эпизодическимъ сценамъ. Дачники ходятъ другъ къ другу въ гости, оживленно спорятъ, ссорятся, сплетничаютъ, благодушествуютъ; устраивается какой-то любительскій спектакль, который, впрочемъ, никакого отношенія къ дѣйствію не имѣетъ и служитъ лишь поводомъ автору вложить нѣсколько саркастическихъ замѣчаній въ уста сторожа на тему о томъ,—какъ господа представляютъ: нарядится, дескать, всякій по иному и говоритъ разныя слова; одинъ представляется умнымъ, другой представляется честнымъ и т. д. Если это сатира, то не очень высокаго пошиба. Появляется запыхавшійся велосипедистъ, очень глупый, и въ видѣ комплимента сообщаетъ Семену Семеновичу Двоеточіе, что онъ принялъ его за актера, такъ какъ его лицо похоже на гримъ, а гримъ-де всегда лучше дѣйствительности... Затѣмъ мелькаютъ еще личности, но все это случайныя, эпизодическія сценки. Устраивается пикникъ: мужчины пьютъ, женщины скучаютъ, потомъ всѣ расходятся и возвращаются попарно для объясненій. Это дѣйствіе (III-ье) очень растянуто и нельзя не замѣтить искусственной одноформенности восьми слѣдующихъ другъ за другомъ объясненій: Марьи Львовны съ Власомъ, Варвары Михайловны съ Марьей Львовной, Варвары Михайловны съ Рюминымъ, доктора съ женой, Замыслова съ Сусловой, Сусловой съ мужемъ, Варвары Михайловны съ Шалимовымъ, наконецъ, Марьи Львовны съ дочерью... Если Гете ввелъ въ «Фаустъ» такое чередованіе діалоговъ въ саду Гретхенъ,—между Фаустомъ и Маргаритой, съ одной стороны, и Мефистофилемъ и Мартой, съ другой,—то мы думаемъ, что онъ былъ вполнѣ правъ, ограничивъ двумя парами число попеременно бесѣдующихъ лицъ, которыя приходятъ и уходятъ. У Горькаго всѣ участники пикника, а ихъ по меньшей мѣрѣ человѣкъ 14, уходятъ и возвращаются попарно, когда это нужно автору, чтобы заставить ихъ говорить передъ публикой: этотъ пріемъ убиваетъ своимъ однообразіемъ. Быть можетъ, въ силу простого чисто зрительнаго утомленія отъ этого ряда однородныхъ положеній, послѣдняя сцена между Марьей Львовной и ея дочерью уже не производитъ желаемаго впечатлѣнія. Мы упомянули, что эта сцена напоминаетъ бесѣду Ани съ Раневской въ IV дѣйствіи «Вишневаго сада». Сходство опредѣляется тѣмъ, что въ обоихъ случаяхъ дочь принимаетъ нѣсколько покровительственный тонъ по отношенію къ матери, какъ бы снисходитъ къ ея «слабостямъ» и сулитъ возможное лучшее будущее, при совмѣстной жизни на товарищескихъ началахъ. Но есть, конечно, и существенная разница: Аня прощаетъ *прошлыя* слабости матери и говоритъ о новой жизни: «буду работать, тебѣ помогать. Будемъ вмѣстѣ читать разныя книги... Передъ нами откроется новый, чудесный міръ»... Аня, конечно, выйдетъ замужъ за Трофимова; они будутъ

жить втроемъ, но теперь въ разговорѣ съ матерью Аня не упоминаетъ о своемъ женихѣ и не касается отношеній матери къ человѣку, который отнялъ ее отъ семьи. Иначе дѣло обстоитъ въ разговорѣ Сони съ Марьей Львовной въ пьесѣ Горькаго: дочь случайно открыла тайну матери и съ трогательной заботливостью спѣшитъ ей заявить, что она не осуждаетъ и готова помириться съ ея «слабостью» (въ первомъ дѣйствіи Соня какъ бы впервые дѣлаетъ открытіе, что ея мать тоже «женщина», т.-е. можетъ быть подвержена случайностямъ женскаго темперамента и потребности любить: это замѣчаніе, конечно, сдѣлано съ умысломъ въ пьесѣ); она предлагаетъ устроиться, жить вмѣстѣ вчетверомъ, такъ какъ сама собирается выйти замужъ за студента, Максима Зимина, который мелькомъ былъ показанъ въ двухъ первыхъ актахъ (именно лишь показанъ, такъ какъ роли у него никакой нѣтъ), а мать пусть живетъ съ Власомъ. Соня помнитъ лишь все то хорошее, что она получила отъ матери, и побуждаетъ ее довершить воспитаніе и Власа, сдѣлавъ изъ него человѣка, какъ слѣдуетъ. Вспоминая дѣтство и то, чѣмъ была для нея мать, Соня теперь старается лаской и благодарнымъ сочувствіемъ облегчить ея душевныя страданія и убаюкиваетъ ее колыбельной пѣсенкой. Положеніе нѣсколько выисканное, исключительное, но, конечно, не невозможное и, кто знаетъ, можетъ быть, именно предупредительность Сони заставила скорѣе Марью Львовну очнуться отъ охватившаго ее дурмана: въ первой сценѣ слѣдующаго акта она мужественно поборола въ себѣ нѣжное чувство къ Власу и, отвергая его предложеніе сойтись съ ней, оставляетъ за собой лишь роль руководительницы, опекуна, совѣтчика, наконецъ матери по отношенію къ тому, кто по возросту могъ быть лишь братомъ ея дочери.

Въ послѣднемъ актѣ нѣкоторая формальная неясность: декорація таже, что во 2-мъ дѣйствіи (садъ); разговоры дѣйствующихъ лицъ непосредственно примыкаютъ къ тому, о чемъ шла рѣчь въ предшествовавшемъ актѣ, такъ что кажется, что одно дѣйствіе слѣдуетъ непосредственно за другимъ, самое большее черезъ два, три дня; между тѣмъ, Рюминъ, оказывается, успѣлъ за этотъ промежутокъ времени съѣздить на морскія купанья и вернуться, такъ что прошло нѣсколько недѣль. Неужели Марья Львовна такъ долго промедлила со своимъ отвѣтомъ Власу? Въ положеніи другихъ дѣйствующихъ лицъ, если допустить такой большой промежутокъ, тоже усматриваются неясности: неужели Шалимовъ, послѣ объясненія съ Варварой Михаиловной, могъ такъ долго зажиться въ домѣ своего пріятеля, наперекоръ явному желанію хозяйки, чтобы онъ скорѣе уѣхалъ? Непонятно и то, какимъ образомъ жена доктора, Ольга, гимназическая подруга Варвары Михайловны, раньше дружившая съ ней, но потомъ въ силу своей злобной и завистливой натуры жестоко и совершенно несправедливо оскорбившая ее подозрѣніемъ, что она прибѣгаетъ къ какимъ-то средствамъ, чтобы не имѣть дѣтей, живя лишь себѣ въ удовольствіе, какимъ образомъ Ольга, выгнанная изъ дома Варварой Михайловной, появляется опять въ числѣ гостей какъ ни въ чемъ не бывало? Впрочемъ, эти небольшія недоумѣнія, конечно, не существенны. Послѣдній актъ оживленъ нѣсколькими яркими рѣчами дѣйствую-

*

щихъ лицъ, въ которыхъ не только подводятся итоги, но и дается ключъ къ уразумѣнію многаго, оставшагося неяснымъ съ самаго начала пьесы. Кромѣ рѣчей, опредѣляющихъ положеніе и роли двухъ враждовавшихъ лагерей и основную тему автора, отъѣздъ Власа и Семена Семеновича Двоеточія, который увозитъ съ собой молодого человѣка, надѣясь приставить его къ живому дѣлу, неудачное покушеніе на самоубійство Рюмина и уходъ жены и сестры Басова—вотъ все содержаніе 4-го акта.

Мысль автора, въ общемъ, проведена съ достаточной ясностью, и пьеса, хотя и безъ «дѣйствія», заключаетъ въ себѣ несомнѣнно интересныя положенія, оригинально задуманные характеры (главнымъ образомъ женскіе), остроумныя, а порою весьма мѣткія опредѣленія; представляетъ она и вполнѣ драматическую коллизію двухъ противоположныхъ началъ—не только на почвѣ отвлеченныхъ разсужденій, но имѣющихъ непосредственное отношеніе къ устроенію своей жизни, слѣдовательно вполнѣ конкретныхъ, реально-бытовыхъ началъ—какъ и для чего жить, къ чему стремиться, какъ осмыслить свое существованіе и на что направить свою дѣятельность. Все это безусловно элементы драмы и матеріалъ вполнѣ подходящій для сценическаго произведенія. Однако, несмотря на эти данныя, несмотря на весьма удовлетворительное, дружное исполненіе пьесы артистами театра В. Ѳ. Коммиссаржевской, на старательную постановку,—посмотрѣвъ пьесу два раза (съ госпожами Коммисаржевской и Домашевой поперемѣнно въ заглавной роли Варвары), мы все же предпочли бы ее просто прочесть, какъ чисто литературное произведеніе: именно при представленіи «Дачниковъ» рельефнѣе выступаютъ нѣкоторыя особенности творчества Горчкаго, которыя лишаютъ настоящее его произведеніе цѣльности и художественной стройности, провѣрка которымъ во впечатлѣніяхъ зрителя. Оно къ тому же не даетъ намъ иллюзіи жизни, потому что искусственность компановки чувствуется, а вмѣстѣ съ тѣмъ не соблюдены условія постепенной подготовки зрителя къ ожиданіямъ чего-то отъ послѣдующихъ дѣйствій. Суть не въ отсутствіи событія, дѣйствія, интриги, а хоть какой-нибудь внѣшней завязки сюжета, съ перспективами въ будущее. Пріѣздъ писателя намъ кажется недостаточной завязкой, да и занимаетъ онъ далеко не центральное мѣсто въ пьесѣ. Появленіе Луки въ «На днѣ» имѣло совершенно другое значеніе, ибо онъ дѣйствительно служитъ центромъ вниманія, своимъ приходомъ и уходомъ обрамляя цѣльный «эпизодъ» въ жизни ночлежниковъ. Въ пьесахъ Чехова, при отсутствіи дѣйствія, всегда есть фабула, которая, служа фономъ картины, въ то же время намѣчаетъ внѣшнія очертанія сюжета, связываетъ дѣйствія и явленія, опредѣляетъ канву пьесы. Въ «Дачникахъ» же данъ рѣшительный перевѣсъ случайностямъ и первые два акта не даютъ никакой нити къ тому, чтобы оріентироваться. Все первое дѣйствіе, во время котораго высыпаетъ цѣлый рядъ лицъ, дающихъ, правда, о себѣ свѣдѣнія,—но толкующихъ о томъ, о семъ, представляется какъ бы самостоятельной сценой и вы не знаете, на что будетъ направлено главное вниманіе автора, въ чемъ суть, за чѣмъ слѣдить. Второе дѣйствіе нисколько не подвигаетъ васъ впередъ: въ него введено для внѣшняго оживленія нѣсколько

пизодическихъ лицъ, но невольно спрашиваешь себя къ чему они? Вѣдь исло такихъ «встрѣчъ», какъ велосипедистъ, женщина съ подвязанной щекой, ищущая ребенка, дама въ желтомъ, молодой человѣкъ въ клѣтчатомъ костюмѣ, осподинъ въ цилиндрѣ и т. п., могло бы быть умножено до безконечности. Іеужели они такъ характерны для дачной жизни? что въ нихъ типическаго, іужнаго для освѣщенія сюжета пьесы? Дачнаго «быта» они не создаютъ и ıредставляются совершенно случайными прицѣпками къ дѣйствію. «Романы» ıачинаются совершенно ex abrupto въ третьемъ актѣ, а главное, что во всей ıьесѣ слова и образы какъ-то остаются врознь и авторъ не даетъ намъ ощутить непосредственно то, что хочетъ заставить насъ думать и чувствовать. Если «мужья» плохи и создали ту атмосферу пошлости, которою тяготятся женщины, то надо было показать это въ болѣе сильныхъ, конкретныхъ чертахъ. Вѣдь мы не видимъ отрицательныхъ свойствъ Басова, кромѣ развѣ его отношенія свысока къ женѣ и слабости посплетничать. Кто онъ, самъ по себѣ? Отдыхающій отъ дѣлъ адвокатъ, который любитъ играть въ шахматы и удить рыбу. Въ этомъ еще особаго зла нѣтъ. Личность вполнѣ дюжинная, кто-то замѣтилъ—«почти водевильная» и не заслуживающая громовъ сатиры автора, который, изобличая его, словно ломится въ открытую дверь. Мелькомъ кинута фраза о его нѣкоторой духовной нечистоплотности, при выборѣ дѣлъ, но это «слова». Словами остаются и нареканія на Замыслова, и только относительно инженера Суслова въ послѣднемъ актѣ приведенъ примѣръ его нерадѣнія: обвалилась стѣна въ строющейся тюрьмѣ, причемъ задавлено нѣсколько рабочихъ. Но Сусловъ сваливаетъ вину на подрядчика; онъ тоже отнюдь не очерченъ, какъ образъ, способный запечатлѣться въ памяти яркими отрицательными свойствами. Мы не столько *видимъ*, какъ узнаемъ объ немъ изъ разсказовъ его жены. Наиболѣе цѣльно очерченныя въ пьесѣ изъ мужскихъ фигуръ является, пожалуй, молодой Власъ: мы узнаемъ, по крайней мѣрѣ, коечто объ его прошломъ и присутствуемъ при его постепенномъ перерожденіи, подъ вліяніемъ умной и доброй женщиный. А еще Варвара Михайловна, или авторъ ея устами, хотѣли было насъ увѣрить, что дружеское участіе ни къ чему, что отъ человѣка помощи нельзя ждать, что сила должна быть въ васъ самихъ... Сила, да. Но вызвать и направить эту силу, конечно, болѣе всего способна любовь или дружба, возбуждающая вѣру въ человѣкѣ. Только тогда, когда нѣтъ чувства, то, конечно, нѣтъ ни воздѣйствія, ни помощи, ни поддержки... Довольно колоритна фигура резонера пьесы—съ оригинальной фамиліей Двоеточіе. Одинокій, пожилой человѣкъ, много и, повидимому, весело пожившій, но также и много поработавшій надъ тѣмъ, чтобы составить себѣ состоніе,—теперь ищетъ тихаго пристанища въ семьѣ. Онъ не находитъ того, что искалъ; племянникъ его не удерживаетъ, пожалуй, выказывая при этомъ даже нѣкоторое безкорыстіе; Марья Львовна намекаетъ на возможность завѣщать средство на общественное дѣло. Семенъ Семеновичъ принимаетъ это къ свѣдѣнію, и уѣзжаетъ съ Власомъ, въ которомъ видитъ какъ бы преемника себѣ. Вѣроятно въ ихъ дальнѣйшей жизни прямо или косвенно отразится вліяніе Марьи Львовны, но объ этомъ предоставлено лишь догадываться и въ

сущности появленіе Семена Семеновича не знаменуется ни чѣмъ особеннымъ: невольно вспоминаешь, какъ, наоборотъ, органически былъ связанъ Лука съ сюжетомъ въ «На днѣ» и какъ много блѣднѣе сравнительно съ нимъ г. Двоеточіе.

За всѣмъ тѣмъ, несмотря на высказанныя замѣчанія при оцѣнкѣ «Дачниковъ», какъ произведенія искусства, въ пьесѣ, конечно, не мало яркихъ и талантливыхъ сценъ и, какъ указано, оригинальныхъ положеній и интересныхъ характеристикъ. Мы желали бы лишь большей стройности въ композиціи и связности въ явленіяхъ, ибо въ произведеніи искусства необходима органическая цѣлостность замысла: связь можетъ быть логическая или причинная, опредѣляющая отношенія между явленіемъ и его слѣдствіемъ, или чисто психологическая, обусловленная развитіемъ характеровъ и настроеніемъ автора. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ типъ драмы съ «дѣйствіемъ», во второмъ—сцены, лишь съ внутренней координаціей выставленныхъ положеній. Такъ называемый «театръ настроеній» стремится обходиться безъ дѣйствія и мы признаемъ такую форму драмы вполнѣ законной, параллельно другой формѣ, примыкающей къ старинному опредѣленію аристотелевской поэтики. Но и въ «театрѣ настроеній» долженъ быть руководящій принципъ и, что также существенно, соблюденіе художественной экономики въ умѣлой комбинаціи предлагаемаго матеріала въ поэтической переработкѣ. Всякая случайность въ произведеніи искусства можетъ быть лишь кажущейся и должно найти свое оправданіе или объясненіе при разборѣ замысла художника въ его цѣломъ. Быть можетъ, мы не всегда сумѣли найти этотъ ключъ при анализѣ «Дачниковъ» г. Горькаго и многое, при чтеніи пьесы, представится въ иномъ видѣ: но пока мы имѣли возможность судить о данномъ произведеніи только со сцены, и наши замѣчанія касаются лишь того впечатлѣнія, которое оно производитъ именно какъ зрѣлище. На этомъ же основаніи воздерживаемся отъ передачи «своими словами» отдѣльныхъ моментовъ, заслуживающихъ наибольшаго вниманія въ пьесѣ.

Еще два слова въ заключеніе: авторъ, какъ указано, сдѣлалъ нѣсколько искусственный подборъ «дачниковъ», представивъ ихъ всѣхъ, какъ людей, всплывшихъ на поверхность изъ низшихъ слоевъ общества. Мы имѣемъ здѣсь какъ бы обратную картину того, что Горькій изобразилъ въ «На днѣ»: «Дачники»—это какъ бы перевернутое «На днѣ». Тамъ люди разныхъ общественныхъ слоевъ, опустившіеся, утратившіе всѣ прерогативы прежняго воспитанія и культуры, люди «оголенные»; здѣсь поднявшіеся если не совсѣмъ «со дна», то все же изъ какихъ-то темныхъ глубинъ наименѣе затронутыхъ цивилизаціей слоевъ общества; они «одѣтые», но, по толкованію автора, вложенному въ уста Власа,—«ряженные». Дѣйствительно, Горькій произноситъ надъ ними суровый приговоръ, пощадивъ только женщинъ; но самъ же приводитъ и нѣкоторое оправданіе буржуазному квіэтизму мужчинъ: они достаточно наголодались смолоду, чтобы имъ позволительно было теперь, выражаясь грубо, хоть нѣсколько отъѣсться. Бичуя пошлость и эгоизмъ «ряженныхъ», прячущихся отъ широкихъ запросовъ альтруистичной жизни, Власъ обѣщаетъ, пока онъ живъ, срывать съ нихъ лохмотья и выставлять ихъ въ

настоящемъ ихъ видѣ. Мы не можемъ, хоть бы и при полномъ сочувствіи изобличительнымъ намѣреніямъ Власа, не пожалѣть объ искусственномъ ограниченіи авторомъ своей темы. Уже по поводу «Мѣщанъ» справедливо было замѣчено, что ошибочно клеймить мѣщанство въ средѣ самихъ мѣщанъ, такъ какъ понятіе «мѣщанства» не покрывается представленіемъ о сословіи и всего чаще и лютѣе проявляется отнюдь не у мѣщанъ. Мы сказали бы тоже, что чревоугодіе и пошлость отнюдь не специфическій порокъ «кухаркиныхъ дѣтей». Заслуга Горькаго въ созданіи положительныхъ типовъ, вышедшихъ изъ той же среды. А если бы онъ не выдѣлилъ кружокъ своихъ «дачниковъ» искусственнымъ подборомъ «разночинцевъ», съ указаніомъ на ихъ низменное происхожденіе, то и самый символъ получилъ бы болѣе широкое и болѣе значительное толкованіе: дѣйствительно, «дачниковъ» въ предложенномъ авторомъ условномъ смыслѣ гораздо больше на Руси, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и въ такой роли зачастую оказываются не только псевдо,—но и настоящіе, не «ряженные» интеллигенты, изъ какого бы сословія они ни происходили. Чтобы не быть «дачникомъ», надо имѣть и ощущать реальную связь съ цѣлымъ, котораго ты лишь часть, сознавать себя необходимымъ звеномъ въ ходѣ событій, быть активнымъ участникомъ и сознательнымъ членомъ великаго организма народной жизни. А припомнимъ хотя бы, напримѣръ, слова Петра въ «Мѣщанахъ», того же автора: «когда французъ или англичанинъ говоритъ «Франція», «Англія», онъ непремѣнно представляетъ себя за этимъ словомъ нѣчто реальное. осязаемое... А я говорю «Россія» и чувствую, что для меня это пустой звукъ. И у меня нѣтъ возможности вложить въ это слово какое-либо ясное содержаніе». Это грустно, но это вѣрно. Поэтому у насъ такъ много «дачниковъ»; но мы желали бы считать это явленіе лишь преходящимъ...

Ѳ. Батюшковъ.

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ АНКЕТЫ.

(„Мѣстные люди о нуждахъ Россіи". С. П. Прокоповичъ. Спб. 1904 г.)

Казенные историки нашей родины, вродѣ патентованнаго ученымъ комитетомъ пресловутаго Иловайскаго, не безъ основанія сводятъ исторію Россіи къ исторіи русской бюрократіи. Въ самомъ дѣлѣ, начиная съ первыхъ моментовъ «собиранія земли русской» и кончая хотя бы нынѣшнимъ днемъ, наша исторія являетъ собою поучительный примѣръ медленнаго, но непрерывнаго роста бюрократіи на счетъ свободныхъ общественныхъ силъ. И замѣчательно при этомъ, что бюрократія съ одинаковымъ успѣхомъ умѣетъ, для вящаго своего процвѣтанія, использовать какъ положительные, такъ и отрицательные моменты нашей исторической жизни. Все ей на пользу, и добросовѣстный историкъ не безъ затрудненія долженъ остановиться передъ вопросомъ, какой изъ историческихъ моментовъ оказался болѣе выгоднымъ для бюрократіи—монгольское ли иго, или освобожденіе крестьянъ? Во всякомъ случаѣ оба эти момента использованы были нашей бюрократіей въ такой полнотѣ, что никто не отважится

обвинить ее въ нарушеніи такъ называемой одиннадцатой заповѣди («не зѣвай!») ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ.

И росту ея ничуть не мѣшала та рѣзкая критика, которой она подвергалась у насъ, начиная съ самыхъ верховъ соціальной пирамиды и кончая ея крайними низами, на всемъ протяженіи нашей государственной исторіи.

Не разъ выражала ей свое недовѣріе верховная власть, но бюрократія росла и крѣпла.

«Умноженіе правителей и канцелярій во всемъ государствѣ,—писала, напримѣръ, Екатерина II-я,—не токмо служатъ къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной, понеже всѣ тѣ управители и канцеляріи пропитанія своего хотятъ, умалчивая о непорядкахъ, которые отъ безсовѣстныхъ людей къ вящей народной тягости ежегодно происходятъ». Однако, «великое отягощеніе штата» сдѣлало огромные успѣхи и при этой правительницѣ.

Николай I-й очень опредѣленно высказался въ томъ смыслѣ, что «должно уменьшать, а не прибавлять число чиновниковъ», но въ дѣйствительности и это царствованіе дало иные результаты.

Что касается народа, то въ его преданіяхъ, въ его представленіи, въ пословицахъ и поговоркахъ, «приказный», «стрюцкій», чиновникъ занимаетъ, какъ извѣстно, весьма замѣтное, но далеко не завидное мѣсто. Но это не помѣшало, конечно, бюрократіи закрѣпостить народную массу всесторонней опекѣ, предусматривающей всѣ проявленія общественной, семейной и даже личной жизни.

Серьезнымъ противникомъ принципа бюрократической непогрѣшимости была и остается русская литература, но ея побѣды и одолѣнія могутъ быть учтены въ будущемъ, а пока что, только глубокія раны ея свидѣтельствуютъ о ея мужественной и стойкой борьбѣ.

Сама бюрократія, наконецъ, въ лицѣ ея наиболѣе властныхъ представителей, неоднократно снисходила до откровенныхъ признаній въ собственномъ своемъ безсиліи, но само собою разумѣется, что признанія эти только потому и высказывались, что они ее ни къ чему не обязывали.

Напомнимъ, что даже покойный фонъ-Плеве, бывшій однимъ изъ наиболѣе яркихъ выразителей бюрократическихъ тенденцій на практикѣ, въ теоріи признавалъ непригодность бюрократіи къ самостоятельности творческой работѣ. Платонически онъ очень и очень тяготѣлъ къ людямъ, «довѣріемъ общества облеченнымъ», разъ эти люди будутъ едино съ нимъ мыслить. Въ одной изъ своихъ программныхъ рѣчей онъ прямо назвалъ «легкомысленнымъ самомнѣніемъ» самую мысль о томъ, что бюрократія собственными силами можетъ справиться съ поставленными на очередь вопросами. И при всемъ томъ, онъ не только не сдалъ ни единой изъ твердынь бюрократіи, но даже оставилъ ей на память о себѣ нѣсколько новыхъ отбитыхъ отъ «земщины» редутовъ.

Блестящая съ внѣшней стороны исторія побѣдоноснаго шествія бюрократіи далеко, однако, не благополучна. Замыкаясь все больше и больше въ самой себѣ, отдаляя себя отъ живыхъ интересовъ населенія, бюрократія настолько утратила необходимую для творческой дѣятельности чуткость, что вся работа, произведенная ею въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, имѣла только

одинъ результатъ: она дала всему русскому обществу, даже въ наименѣе активныхъ его слояхъ, обильный матеріалъ для критической оцѣнки и сопоставленія того, что сдѣлано бюрократіей, съ тѣми насущными, но неудовлетворенными запросами, которыя выдвинула сама жизнь.

Какіе же выводы дало русскому обществу это сопоставленіе?

Оказалось, что земскія учрежденія 1864 г., дѣйствительно, нуждались въ реформѣ, но только совсѣмъ не въ томъ направленіи, въ какомъ она произведена бюракратіей положеніемъ 1890 г. Оказалось, что и крестьянскія и городскія учрежденія, и высшая и средняя школа, и судебныя установленія, и акціонерныя учрежденія, и многое, многое другое въ нашей жизни взывало къ кореннымъ и частичнымъ измѣненіямъ, но всѣ тѣ реформы, какія создала бюрократія за послѣднюю четверть вѣка, всѣ онѣ не только не удовлетворили ожиданіямъ, но часто даже прямо шли имъ въ разрѣзъ, создавая цѣлый рядъ осложненій и недоумѣній. Мало того, оказались и такіе явно неудачные продукты бюрократическаго творчества (мы имѣемъ въ виду уставъ больничный и ветеринарный), которые, пройдя черезъ весь сложный механизмъ нашей законодательной машины, такъ таки и не могли быть примѣнены на практикѣ въ силу ихъ слишкомъ ужъ несомнѣннаго противорѣчія требованіямъ жизни.

Оказалось кромѣ того, что утрата творческой силы имѣетъ значеніе не только факта, но и симптома, такъ какъ не только въ созидательной работѣ, но и во всѣхъ другихъ своихъ проявленіяхъ система бюрократической опеки не выдерживаетъ самой снисходительной критики. Самыя важныя для культурнаго роста страны проявленія общественной самодѣятельности и личной инициативы встрѣчались бюрократіей съ нескрываемымъ недовѣріемъ и даже подозрительностью. Бюрократія ревниво слѣдила за каждымъ самостоятельнымъ шагомъ общественныхъ группъ и немедленно же пыталась если не цѣликомъ овладѣть вновь открывавшейся работой, то во всякомъ случаѣ подчинить эту послѣднюю своей опекѣ и руководительству. Конечно, это ей всегда удавалось, но работа отъ этого тормозилась, а часто и пріостанавливалась совершенно.

Поучительнымъ примѣромъ несостоятельности бюрократіи даже въ этихъ предѣлахъ простой культурной работы можетъ служить слѣдующій разсказанный «Русскими Вѣдомостями» фактъ, подлинность котораго подтверждается оффиціальными данными.

«Въ 1893 году, при ликвидаціи дѣлъ бывшаго особаго комитета для помощи пострадавшимъ отъ неурожая 1891—1892 г., остались неизрасходованными значительныя средства. Предсѣдатель комитета, нынѣ царствующій Государь Императоръ, остановился на мысли дать этой остальной суммѣ назначеніе основного фонда для сельскихъ ссудосберегательныхъ кассъ, которыя «должны были устраиваться по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ на нѣсколько иныхъ основаніяхъ, нежели существующіе сельскіе банки и кассы». 5-го ноября 1893 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе привести этотъ проектъ въ исполненіе, а черезъ двѣ недѣли суммы Комитета были перечислены въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Намъ памятно,—замѣчаетъ

газета,—какой восторгъ вызвали въ печати и въ обществѣ распубликованные во всеобщее свѣдѣніе Высочайшее повелѣніе и рескриптъ Августѣйшаго Предсѣдателя Комитета. Всѣмъ казалось, что для народнаго кредита, такъ долго остававшагося въ небреженіи, наступаетъ новая эра. Однако русское общество и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ подобныхъ, горько ошиблось. Для осуществленіи благихъ предначертаній Предсѣдателя комитета не сдѣлано до сихъ поръ ровно ничего. Капиталы особаго комитета, ради быстроты дѣйствій переданные въ непосредственное распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ, до сихъ поръ благополучно лежатъ на счету послѣдняго; изъ нихъ не израсходовано ни одной копейки. Ни настоятельная необходимость придти на помощь разоренному голодомъ населенію,—чѣмъ собственно и мотивировалась передача средствъ на нужды кредита,—ни простая деликатность въ отношеніи къ жертвователямъ, которые несли свою лепту въ надеждѣ на немедленное ея примѣненіе, ни даже ясно выраженная и всенародно объявленная воля двухъ Государей, не могли заставить бюрократію выйти изъ ея непостижимаго бездѣйствія. Остаточные капиталы бывшаго особаго комитета составляли въ 1902 году 2.170.000 руб.: будь эти средства своевременно пущены въ ходъ, на нихъ можно было бы уже открыть по крайней мѣрѣ тысячу сельскихъ кредитныхъ учрежденій, а между тѣмъ призванное къ тому вѣдомство за 11 лѣтъ не удосужилось завести ни одного» *).

Всѣ эти и подобные имъ факты, имъ же нѣсть числа, неизбѣжно должны были притупить интересъ русскаго общества къ той бумажной работѣ, которая съ безплодною методичностью, въ положенные часы, производится въ стѣнахъ канцелярій разныхъ вѣдомствъ.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при Ванновскомъ, общество чутко прислушивалось къ тому, что говорилось и что проектировалось въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Но скоро, слишкомъ скоро напряженное вниманіе смѣнилось частью недовѣріемъ, частью равнодушіемъ, и такъ погасла эта послѣдняя вспышка общественнаго интереса къ канцелярскому творчеству. Погасла и съ той поры уже ни разу не загоралась вновь...

Но съ тѣмъ большимъ вниманіемъ и даже—скажемъ—волненіемъ стало прислушиваться съ тѣхъ поръ русское общество къ голосамъ правомочныхъ и даже случайныхъ своихъ представителей. Съѣзды, техническій и пироговскій, земскіе собранія и съѣзды, наконецъ, разныя профессіональныя и смѣшанныя собранія, гдѣ только затрагиваются наболѣвшія злобы дня,—все это служитъ въ настоящее время предметомъ живого общественнаго интереса. И какъ нельзя болѣе кстати поэтому появился на-дняхъ на книжномъ рынкѣ названный нами выше трудъ г. Прокоповича, на которомъ мы и намѣрены въ настоящей замѣткѣ нѣсколько остановить вниманіе читателя.

Г. Прокоповичъ подвергнулъ систематической обработкѣ огромный сырой матеріалъ, представлямый изданными особымъ совѣщаніемъ «Трудами мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности». Противо-

*) „Русск. Вѣд.“, 1904 г., № 306.

поставляя этотъ цѣнный, созданный живыми людьми, матеріалъ сухимъ и скучнымъ докладамъ и заключеніямъ нашихъ многочисленныхъ канцелярій, значеніе его очень тонко оттѣнилъ членъ лохвицкаго комитета М. И. Туганъ-Барановскій. Защищая право комитета трактовать общіе вопросы, онъ сказалъ между прочимъ: «Мы сами признали бы себя несостоятельными, сами выдали бы себѣ testimonium paupertatis, если бы сказали: вы это рѣшите, это мы не можемъ рѣшить. Напротивъ, мы компетентнѣе: *у насъ интересы, а тамъ только мнѣнія»* *).

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ характеристикѣ и оцѣнкѣ *интересовъ*, выраженныхъ мѣстными комитетами, не мѣшаетъ оговориться.

Комитетамъ приходилось работать подъ такимъ сильнымъ давленіемъ предвзятаго бюрократическаго усмотрѣнія, что въ огромномъ ихъ большинствѣ живые представленные тамъ интересы остались недосказанными, а въ нѣкоторыхъ комитетахъ, съ подавляющимъ численнымъ преобладаніемъ въ нихъ чиновничьяго персонала, интересы остались совершенно замолчанными,—такіе комитеты ограничились обычной канцелярской отпиской, содержаніе которой заранѣе подсказывается въ такихъ случаяхъ умѣло редактированнымъ вопросомъ. И для того, чтобы оцѣнить, какъ существенно отличается бюрократическое «мнѣніе» отъ дѣйствительныхъ «интересовъ» мѣстныхъ людей, достаточно сослаться на комитеты, работавшіе въ Царствѣ Польскомъ. Тамъ было принято, чтобы «члены отъ землевладѣльцевъ» голосовали отдѣльно отъ чиновниковъ, и въ результатѣ оказались комитеты, въ которыхъ заключенія этихъ двухъ группъ членовъ разошлись по 10 вопросамъ (въ плоцкомъ) и даже по 27 (въ петроковскомъ губернскомъ), изъ числа 29, обсуждавшихся въ комитетѣ! Здѣсь по крайней мѣрѣ, съ вразумительною ясностью можно опредѣлить границы, гдѣ кончается «интересъ» и начинается «мнѣніе», составленное въ столицѣ, безотносительно отъ сознанныхъ на мѣстѣ «пользъ и нуждъ».

Несравненно труднѣе очистить «интересы» отъ болѣе или менѣе густыхъ налетовъ постороннихъ мнѣній во всѣхъ другихъ случаяхъ. Обнаженная откровенность предсѣдателя ачинскаго комитета, который предоставилъ исключительное право рѣшающаго голоса однимъ лишь чиновникамъ, разрѣшивъ мѣстнымъ людямъ только поговорить въ комитетѣ,—явленіе въ исторіи комитетовъ если не одинокое, то во всякомъ случаѣ рѣдкое. Въ общемъ же чувствовалась тенденція по возможности соблюсти декорумъ обращенія именно къ мѣстнымъ дѣятелямъ, такъ какъ—теоретически признавало особое совѣщаніе—«въ такомъ жизненномъ и важномъ для всей Россіи дѣлѣ, какъ сельское хозяйство едва ли цѣлесообразно предпринимать какія-либо мѣры, не спрося мнѣнія тѣхъ, чьи нужды удовлетворить должны эти мѣры, кто близко стоитъ къ земледѣлію и кому лучше всего извѣстны его слабыя стороны и насущныя требованія». Осторожный, колеблющійся стиль этого признанія, въ которомъ цѣлесообразность опроса мѣстныхъ дѣятелей не столько утверждалась, сколько даже подвергалась сомнѣнію («*едва ли* цѣлесообразно» и т. д.) вполнѣ соотвѣтствовалъ

---

*) „Мѣстные люди о нуждахъ Россіи", стр. 264.

бюрократическимъ настроеніямъ особаго совѣщанія. Вмѣсто того, чтобы искать мѣстныхъ дѣятелей въ земскихъ учрежденіяхъ, оно создало межеумочнаго типа комитеты, чиновный составъ которыхъ былъ предопредѣленъ заранѣе, а мѣстный предоставленъ былъ полному усмотрѣнію предсѣдателей. Эти послѣдніе, кромѣ того, не только надѣлены были неограниченой дискреціонной властью, но и снабжены опредѣленными инструкціями относительно рамокъ, въ которыхъ они должны были вести обсужденіе возбуждаемыхъ въ комитетахъ вопросовъ. Словомъ, еще до открытія дѣятельности комитетовъ было сдѣлано все возможное, чтобы программа особаго совѣщанія была разработана на мѣстахъ привычнымъ для бюрократіи способомъ, т.-е. путемъ обсужденія частностей и мелочей, безъ какого бы то ни было освѣщенія общихъ, порождающихъ эти частности, причинъ *). Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ комитеты приступали къ осуществленію возложенной на нихъ задачи, въ средѣ ихъ начали возникать на этой почвѣ болѣе или менѣе серьезные конфликты. Мѣстами они заканчивались выходомъ земцевъ изъ комитетовъ (московскій губернскій комитетъ), мѣстами—преждевременнымъ закрытіемъ комитетовъ (суджанскій), мѣстами—административными репрессіями по адресу неугодившихъ бюрократіи дѣятелей (воронежскій и тотъ же суджанскій комитеты). Но даже и тамъ, гдѣ работы комитетовъ съ внѣшней стороны шли гладко, даже и тамъ въ большинствѣ случаевъ дѣло не обходилось безъ болѣе или менѣе широкаго пользованія предсѣдателями дискреціонной властью по отношенію къ наиболѣе дѣятельнымъ членамъ. При этомъ цѣлый рядъ докладовъ и даже протоколовъ засѣданій комитетовъ такъ-таки и не дошелъ до особаго совѣщанія, застрявъ въ канцеляріяхъ губернаторовъ и предводителей дворянства.

Вышло такимъ образомъ, что первоначальное сомнѣніе особаго совѣщанія въ цѣлесообразности опроса мѣстныхъ дѣятелей эволюціонировало къ полному отрицанію этой анкеты, не дождавшись даже конца ея.

Жаль. Жаль не потому, что особое совѣщаніе лишило себя цѣнныхъ матеріаловъ—едва-ли оно въ нихъ и нуждается. Жаль потому, что опубликованные «Труды мѣстныхъ комитетовъ» не даютъ, каждый въ отдѣльности, въ чистомъ видѣ тѣхъ формулъ, въ которыя должны были бы вылиться въ сознаніи мѣстныхъ дѣятелей ихъ насущныя потребности и нужды, если бы они могли безпрепятственно выражать ихъ. Искусственный составъ комитетовъ, искусственные подборъ и группировка докладовъ и мнѣній,—все это въ высшей степени мѣшаетъ правильной оцѣнкѣ громоздкихъ матеріаловъ. Разобраться въ нихъ не легко, и если, несмотря на все, г. Прокоповичъ съ успѣхомъ выполнилъ взятую имъ на себя задачу, то этимъ онъ всецѣло обязанъ удачно примѣненному къ работѣ статистическому методу. Количественныя отношенія если не устранили окончательно, то во всякомъ случаѣ значительно сгладили роль тѣхъ стороннихъ вліяній, которыя играли огромную роль въ отдѣльныхъ

*) На поставленные вопросы требуются отвѣты краткіе и точные, «*безъ научныхъ разсужденій*»—формулировалъ бюрократическую систему опроса предсѣдатель орловскаго уѣзднаго комитета.

комитетахъ, и окончательные итоги анализа «Трудовъ» даютъ намъ право съ большой достовѣрностью говорить о превалирующихъ въ сознанiи мѣстныхъ дѣятелей ихъ дѣйствительныхъ интересовъ и нуждъ.

«Канцелярскою отпискою на присланную програму,—пишетъ г. Прокоповичъ,—ограничились только 103 уѣздныхъ и 15 губернскихъ и областныхъ комитетовъ. Остальные 400 уѣздныхъ и 67 губернскихъ и областныхъ комитетовъ обсуждали общiе вопросы и приняли по нимъ постановленiя. Либеральныя постановленiя были приняты 354 уѣздными и 64 губернскими комитетами, консервативныя—145 уѣздными и 36 губернскими комитетами. Изъ этого числа 99 уѣздныхъ и 33 губернскихъ комитетовъ приняли и либеральныя и консервативныя постановленiя. Такимъ образомъ, судя по постановленiямъ, мы можемъ намѣтить три группы комитетовъ: бюрократическую, не подымавшую общихъ вопросовъ, либеральную и консервативную. Относительная сила этихъ группъ видна изъ слѣдующей таблицы:

	Число ком.		въ %	
	уѣздн.	губ.	уѣздн.	губ.
бюрократическiе. . . .	103	15	20,5	18,3
либеральные.	354	64	70,4	78,0
консервативные. . . .	145	36	28,8	43,9 *)

Эта интересная таблица даетъ намъ прежде всего ясное представленiе о безсилiи современной бюрократiи, которая, пустивъ въ ходъ даже наиболѣе рѣшительныя средства изъ своего обширнаго арсенала, достигла въ концѣ концовъ весьма скудныхъ результатовъ: несмотря на все, общiе вопросы въ огромномъ большинствѣ комитетовъ поднимались и въ значительномъ же большинствѣ по этимъ вопросамъ состоялись либеральныя постановленiя, которыя меньше всего отвѣчали желанiямъ и ожиданiямъ бюрократiи. Отсюда же естественно вытекаетъ выводъ о широкомъ распространенiи нашего освободительнаго движенiя, которое, при самой для него неблагопрiятной обстановкѣ, успѣло проникнуть въ комитеты, заставило выслушать свои предложенiя и даже принять ихъ. Что касается консервативнаго теченiя, представленнаго въ комитетахъ, то г. Прокоповичъ, справедливо отрицая за нимъ значенiе самостоятельнаго фактора русской жизни, все-таки нѣсколько переоцѣниваетъ его. Основываясь на томъ, что консервативные члены комитетовъ, не мирясь съ бюрократической программой, сами стремились къ постановкѣ и разрѣшенiю (съ своей, конечно, точки зрѣнiя) «общихъ вопросовъ», авторъ полагаетъ, что «консервативное общественное мнѣнiе также нуждается въ извѣстной свободѣ и извѣстныхъ политическихъ правахъ для своего проявленiя» (стр. 257). Конечно, нуждается—отвѣтимъ мы автору,—но бюрократiя въ полной мѣрѣ удовлетворяетъ

*) Ibid., стр. 256. Г. Пропоковичъ оперируетъ съ постановленiями 503 уѣздныхъ и 82 губернскихъ комитетовъ, напечатанными въ „Трудахъ". Постановленiя воронежскаго, землянскаго, новохоперскаго, суджанскаго и новоторжскаго уѣздныхъ комитетовъ не вошли въ оффицiальное изданiе, почему и авторъ не вводитъ ихъ въ сферу своего изученiя.

этой нуждѣ: консервативная партія давно уже стоитъ у насъ внѣ общихъ рамокъ русской политической жизни, пользуясь свободой слова, печати, собраній, имѣя въ запасѣ десятки другихъ привилегій и прерогативъ, которыя если и не предусмотрѣны законодательствомъ, то во всякомъ случаѣ мирно уживаются съ нимъ въ качествѣ общепризнанныхъ нормъ обычнаго права. И, конечно, не противъ консервативной партіи направлены были всѣ ограничительныя по отношенію къ комитетамъ мѣропріятія.

Постановленія комитетовъ по отдѣльнымъ вопросамъ авторъ сгруппировалъ въ слѣдующей таблицѣ (стр. 259):

	Либеральн. постановл.		Вопросъ снятъ съ очереди		Консерват. постановл.	
	уѣздн.	губ.	уѣздн.	губ.	уѣздн.	губ.
народн. образованіе .	234	49	1	5	14	5
права крестьянъ . .	134	13	12	5	22	5
земское самоуправл .	202	25	12	9	20	10
финанс. политика. .	104	12	6	—	4	4
малоземелье . . .	191	37	3	2	36	7
рабочій вопросъ . .	47	13	—	—	88	18

Остановимся на этой таблицѣ.

Приведенныя здѣсь числовыя отношенія говорятъ намъ прежде всего о широкой популярности среди мѣстныхъ дѣятелей вопроса о народномъ образованіи. Хотя вопросъ этотъ и былъ снятъ съ очереди предсѣдателями шести комитетовъ, но надо думать, что въ этихъ случаяхъ усердіе предсѣдателей превзошло мѣру ожиданій особаго совѣщанія, которое само же и поставило эту тему, предложивъ комитетамъ высказаться по вопросу о распространеніи сельскохозяйственныхъ знаній и умѣнія.

Само собою разумѣется, что поставленный въ такой узкой рамкѣ вопросъ особаго совѣщанія не могъ быть оставленъ въ ней при обсужденіи его въ комитетахъ. «Едва ли нужно доказывать,—сказано было въ вятскомъ уѣздномъ комитетѣ,—что усвоеніе всевозможныхъ знаній будетъ находиться въ прямой зависимости отъ культурнаго развитія той среды, въ которой приходится распространять эти познанія. Если культурное развитіе населенія низко, если его образованіе крайне невысоко и въ громадномъ большинствѣ оно является совершенно безграмотнымъ, то нечего ожидать крупныхъ успѣховъ отъ распространенія знаній, какими бы способами эти знанія ни проводились въ среду населенія. Вотъ почему нельзя не поставить краеугольнымъ камнемъ успѣха въ проведеніи всевозможныхъ сельскохозяйственныхъ знаній въ среду населенія распространеніе образованія и вообще поднятіе культурнаго уровня народныхъ массъ» *). Въ той или иной формѣ мысль эта высказывалась въ большинствѣ комитетовъ, причемъ не было недостатка и въ яркихъ иллюстраціяхъ того положенія, что—повторяемъ формулировку, сдѣланную въ харьковскомъ губернскомъ комитетѣ—«главная забота (правительственныхъ органовъ) прила-

*) Ibid., стр. 49.

галась не къ тому, чтобы просвѣщеніе народа распространялось возможно широко и возможно быстро, а къ тому, чтобы устранить какую-то опасность, которая будто бы угрожаетъ странѣ оттого, что народъ вынесетъ изъ школы и изъ книги излишнія, слишкомъ большія знанія и получитъ ненужное ему развитіе» *).

Въ результатѣ такой постановки темы большинство постановленій по народному образованію состоялось въ пользу введенія всеобщаго обученія. При этомъ наряду съ количественнымъ измѣненіемъ числа школъ указывалось и на необходимость ихъ качественнаго улучшенія. Вопросы внѣшкольнаго образованія также служили предметомъ обсужденія въ комитетахъ, и большинство ихъ категорически высказалось за устраненіе всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ ограничительныхъ мѣръ, которыя въ настоящее время сводятъ все дѣло внѣшкольнаго образованія къ утомительной канцелярской волокитѣ и къ чтенію нѣсколькихъ, одобренныхъ спеціальными учрежденіями книгъ.

Относительно девятнадцати консервативныхъ постановленій по данному вопросу можно сказать, что всѣ они, главнымъ образомъ, сводятся къ одобренію существующаго порядка, причемъ главный аргументъ, приводившійся въ этихъ случаяхъ, можетъ быть формулированъ слѣдующими словами члена казанскаго комитета Н. Н. Бурнашева: «давать народу одно образованіе—то же, что давать дикарю ножъ» **).

Второе мѣсто по количеству либеральныхъ постановленій (227) занимаетъ вопросъ о земскомъ самоуправленіи. Если вспомнить при этомъ, что этотъ же вопросъ вызвалъ наибольшее число репрессій со стороны предсѣдателей комитетовъ (37), то для насъ станетъ очевиднымъ, что и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ самыхъ наболѣвшихъ и острыхъ вопросовъ мѣстной жизни.

«Жизнь съ каждымъ днемъ усложняется,—читаемъ мы въ докладѣ земской управы буйскому комитету,—и самая идеальная бюрократія не въ силахъ справиться съ все новыми и новыми вопросами и осложненіями жизни, рѣшать и регулировать которые приходится изъ далекаго центра. Для рѣшенія все болѣе и болѣе осложняющихся вопросовъ народной жизни, болѣе или менѣе удовлетворительнаго и справедливаго, недостаточно уже одной бюрократической работы, а нужна еще свободная коллективная работа самого народа въ лицѣ своихъ наиболѣе способныхъ представителей» ***). Такова приблизительно общая отправная точка, отъ которой исходили комитеты въ своихъ указаніяхъ на настоятельную потребность реогранизаціи земскаго самоуправленія. Комитеты отмѣчали въ своихъ постановленіяхъ необходимость расширенія компетенціи земства вмѣстѣ съ уничтоженіемъ его сословнаго характера и освобожденіемъ его отъ административной опеки. Отмѣчалась нужда въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи земствъ другъ съ другомъ при посредствѣ съѣздовъ земскихъ

---

*) Ibid., стр. 58.
**) Ibid., стр. 77.
***) Ibid., стр. 114.

дѣятелей и областныхъ земскихъ организацій. Указывалось на необходимость мелкой земской единицы, значеніе и польза которой во многихъ комитетахъ была доказана обстоятельными докладами. Въ неземскихъ губерніяхъ мѣстные дѣятели устанавливали необходимость введенія земскихъ учрежденій.

Такова сущность либеральныхъ постановленій по этому вопросу. Что касается постановленій консервативнаго характера, то и здѣсь они не обнаружили творческой способности, ограничиваясь поддержкою установившагося порядка: въ земскихъ губерніяхъ консерваторы стояли за нынѣшнее сословное, подчиненное администраціи земство, въ неземскихъ губерніяхъ они высказывались вообще противъ земства.

По вопросу о борбѣ съ малоземельемъ либеральныя постановленія сводились къ слѣдующимъ положеніямъ. Большинство обсуждавшихъ этотъ вопросъ комитетовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказалось противъ нынѣшней постановки переселенческаго дѣла, преслѣдующей, главнымъ образомъ, колонизаторскія цѣли, и указывало необходимость ея радикальной реформы въ цѣляхъ борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ. Цѣлый рядъ комитетовъ находилъ нужнымъ передачу въ пользованіе или на правахъ выкупа крестьянамъ принадлежащихъ государству земель не только на окраинахъ, но и во внутреннихъ губерніяхъ. Въ борьбѣ съ малоземельемъ, по мнѣнію многихъ комитетовъ, должны принять участіе и удѣльное вѣдомство, и крестьянскій банкъ, для чего дѣятельность послѣдняго было бы полезно связать съ земскими учрежденіями. Нѣсколько комитетовъ, признавая перечисленныя мѣры недостаточными для радикальной борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ и «дабы не довести до худшаго конца и для народа и для государства» (череповецкій комитетъ), высказалось за принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель и надѣленіе ими крестьянъ.

«Въ противоположность либеральнымъ комитетамъ, комитеты консервативнаго направленія—резюмируетъ ихъ постановленія г. Прокоповичъ,—находили, что дѣятельная борьба съ крестьянскимъ малоземельемъ ненужна, что если кто и нуждается въ помощи, то это не крестьяне, а крупные землевладѣльцы-дворяне» *). Въ одномъ случаѣ консервативная группа явилась даже съ дикимъ проектомъ принудительнаго отчужденія въ казну всѣхъ мелкихъ земельныхъ участковъ (менѣе 10-ти десятинъ пахатной земли), «такъ какъ владѣльцы ихъ, не имѣя средствъ для существованія, порождаютъ нежелательный элементъ пролетаріата въ уѣздѣ» (газенпотскій комитетъ).

Вопросъ объ уравненіи крестьянъ въ правахъ со всѣми другими сословіями съ точки зрѣнія предсѣдателей комитетовъ принадлежалъ, вмѣстѣ съ вопросомъ о реформѣ земскаго самоуправленія, къ числу наиболѣе щекотливыхъ: въ 17-ти комитетахъ онъ былъ снятъ съ очереди. И все-таки въ либеральномъ смыслѣ по этому вопросу высказались 134 уѣздныхъ и 13 губернскихъ комитетовъ. Мотивы этихъ постановленій, точно также какъ и иллюстрирующіе современное правовое положеніе крестьянъ факты, разнообраз-

*) Ibid., стр. 209.

ные по формѣ, по существу совпадали при обсужденіи названной темы въ комитетахъ. «Впередъ идутъ и побѣждаютъ тѣ націи,—сказано было въ костромскомъ комитетѣ,—гдѣ населеніе самодѣятельно, гдѣ каждый членъ его представляетъ изъ себя именно личность, способную къ труду упорному, постоянному, и притомъ къ труду не на проторенной дорогѣ, а способному къ проложенію новыхъ путей. Эти качества отсутствуютъ у насъ, а въ особенности въ крестьянскомъ сословіи, что и весьма понятно. Вѣчно опекаемое, всѣмъ и каждому подчиняемое, исполняющее лишь приказанія другихъ—оно исторически не могло выработать тѣхъ положительныхъ качествъ, которыя необходимы для проявленія творческой дѣятельности» *). Обидное сознаніе своего безправія больно чувствуется крестьянствомъ. Какъ заявилъ одинъ крестьянинъ въ ковровскомъ комитетѣ, «теперь крестьянинъ, какъ тенетами, опутанъ всевозможными чисто сословными правами и законами, а между тѣмъ въ немъ живетъ сознаніе, что онъ ничѣмъ не отличается отъ представителей прочихъ сословій, живущихъ на основаніи общихъ законовъ». Вопросъ о правахъ крестьянскаго сословія въ нѣкоторыхъ комитетахъ выдвигался даже на первую очередь въ виду его особой «жизненной важности». «Рознь къ добру не поведетъ», сказано въ докладѣ по этому поводу въ звенигородскомъ комитетѣ, а еще въ болѣе яркой формѣ формулирована была та же мысль въ уманскомъ комитетѣ: «Надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что темная и недавно непробудно у ногъ нашихъ спавшая масса подняла голову... Люди, трезво смотрящіе на вещи, должны понять, что пришло время пойти навстрѣчу низшихъ сословій» **).

Консервативные комитеты утверждали, напротивъ, что уравненіе крестьянъ въ правахъ «опасно для государственнаго строя» (волчанскій комитетъ), что даже реформа 19-го февраля 1861 г. «была крупной политической ошибкой» (чернскій комитетъ). Творческая мысль консервативныхъ группъ въ этомъ вопросѣ не пошла дальше предложенія поднять престижъ должностныхъ лицъ сельскаго самоуправленія путемъ отмѣны выборнаго начала (жиздринскій комитетъ).

Вопросы, касающіеся финансовой политики государства, обсуждались только въ 132 комитетахъ (въ 6 комитетахъ они ставились, но были сняты съ очереди), но изъ всего этого числа лишь одинъ комитетъ (саратовскій губернскій) выразилъ ей принципіальное сочувствіе, 7 комитетовъ высказались противъ облегченія податной тяготы, всѣ же остальные 116 комитетовъ подвергли финансовую политику государства рѣзкой критикѣ. Осудивъ существующую налоговую систему, которая «выкачиваетъ изъ сельскаго населенія всѣ его доходы путемъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ для покрытія съ ужасающей быстротой возрастающихъ бюджетовъ» (смоленскій губернскій комитетъ), комитеты высказались за необходимость уменьшенія косвенныхъ налоговъ и введенія прогрессивно-подоходнаго или просто подоходнаго налога. По

*) Ibid., стр. 83.
**) Ibid., стр. 89.

мнѣнію многихъ комитетовъ, выкупные платежи, de facto давно уже погашенные, должны быть совершенно отмѣнены. Точно также многіе комитеты высказались за сокращеніе непроизводительныхъ расходовъ правительства, причемъ въ нѣкоторыхъ указана была необходимость установленія контроля надъ расходованіемъ правительствомъ народныхъ средствъ *).

Совершенно особое мѣсто въ ряду обсуждавшихся комитетами темъ занимаетъ рабочій вопросъ. По отношенію къ этому единственному вопросу предсѣдателямъ ни разу не пришлось прибѣгнуть къ силѣ своей дискреціонной власти, такъ какъ съ либеральными постановленіями скромно выступило только 60 комитетовъ, тогда какъ консервативныя пожеланія выставили цѣлыхъ 106 комитетовъ! Иначе говоря, цѣлый рядъ комитетовъ, вотировавшихъ по другимъ вопросамъ въ либеральномъ духѣ, здѣсь измѣнилъ себя и вступилъ на путь реакціи.

Въ числѣ либеральныхъ постановленій по этому вопросу отмѣтимъ: отмѣну уголовнаго преслѣдованія за нарушеніе договора о наймѣ, учрежденіе сельской инспекціи для надзора за отношеніями нанимателей къ сельскохозяйственнымъ рабочимъ въ предупрежденіе эксплуатаціи послѣднихъ первыми, организація врачебной помощи сельскохозяйственнымъ рабочимъ, страхованіе рабочихъ на случай старости, неспособности къ труду, а также обязательное страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ и, наконецъ, предоставленіе сельскимъ рабочимъ права устраивать для улучшенія ихъ быта всякаго рода кассы и союзы взаимопомощи.

Консервативныя постановленія заключали въ себѣ всякія мѣры къ обузданію мужика, который «ни за какія деньги не хочетъ работать» у радѣющихъ о его благѣ помѣщиковъ. Комитеты предлагали: усилить уголовную и гражданскую отвѣтственность рабочихъ за нарушеніе договора о наймѣ, для чего отмѣнить законъ, охраняющій необходимую часть крестьянскаго имущества отъ отчужденія за долги; ходатайствовать объ облегченіи отпуска солдатъ для полевыхъ работъ; запретить фабрикантамъ поднимать уровень рабочей платы на мѣсяцы іюль и августъ, дабы не сманивать къ себѣ сельскохозяйственныхъ рабочихъ и т. д. Галичскій комитетъ пошелъ еще дальше и предлагалъ государству взять на себя антрепризу по выпискѣ дешевыхъ рабочихъ изъ Китая, «чтобы показать мѣстному рабочему населенію, что у правительства имѣется возможность достать рабочія руки для обрабатыванія владѣльческой земли» **).

Такое отношеніе комитетовъ къ рабочему вопросу, отношеніе, въ которомъ ярко выразились узко-классовыя тенденціи нашего помѣстнаго дворянства, представляется намъ въ высокой степени поучительнымъ. Здѣсь именно сказался искусственный характеръ произведенной анкеты, отъ участія въ которой такъ старательно были устранены демократическіе слои населенія, въ которой и помѣстный владѣльческій элементъ былъ представленъ далеко не въ лучшей своей части. Мы знаемъ теперь, что тѣ же мѣстные дѣятели, которые прини-

*) Ibid., стр. 165.
**) Ibid., стр. 253.

али участіе въ комитетахъ, гдѣ голоса ихъ часто терялись въ массѣ искусственно подобраннаго личнаго состава, умѣютъ говорить инымъ языкомъ, мѣютъ, если это нужно, подчинить свои частные интересы общимъ потребостямъ времени. Мы это знаемъ и въ должной мѣрѣ можемъ оцѣнить значеніе такого факта, показывающаго, что эти люди обладаютъ необходимымъ ія широкой общественной дѣятельности политическимъ воспитаніемъ и такомъ. Мы это знаемъ, но тѣмъ не менѣе опытъ комитетовъ долженъ быть іубоко запечатлѣнъ въ сознаніи русскаго общества, чтобы въ предстоящей му исторической работѣ отнюдь не могла повториться ошибка, созданная дносторонним представительствомъ интересовъ только верхнихъ слоевъ населенія.

Теперь, чтобы подвести итоги произведенной особымъ совѣщаніемъ анкетѣ, ы прежде всего должны отмѣтить ея положительное значеніе. Она удалась,— далась вопреки ожиданіямъ, вопреки цѣлому ряду мѣшавшихъ ея успѣху бстоятельствъ. Удалась она потому, что русское общество получило рѣдкую озможность услышать голосъ интересовъ вмѣсто навязываемыхъ ему голосовъ нѣній, шаткихъ, непостоянныхъ и такъ часто мѣнявшихся въ послѣдніе оды въ зависимости отъ того или иного случайнаго «вѣянія», подувшаго изъ министерскихъ канцелярій. Правда, намъ удалось услышать голосъ интереса не всего населенія, а только небольшой части его, но и этотъ голосъ слѣдуетъ выслушать съ полнымъ вниманіемъ, тѣмъ болѣе, что онъ принадлежитъ группѣ вліятельной и сильной.

Анкета обнаружила, что то общественное теченіе, которое могучей волной вотъ уже десятилѣтіе развивается въ нашей странѣ, проникая въ самыя казалось бы отдаленныя отъ идейныхъ вліяній уголки ея, захватило и наше помѣстное дворянство. Оно, въ значительной своей части, восприняло освободительныя идеи, которыми живетъ въ настоящее время вся мыслящая Россія. По существеннымъ вопросамъ нашей политической жизни—по вопросамъ, связаннымъ съ задачами просвѣщенія, самоуправленія, правового и экономическаго положенія крестьянъ, финансоваго права и др.—оно заняло вполнѣ опредѣленную либеральную полицію. Консервативныя группы дворянъ мало того что оказались по всѣмъ этимъ вопросамъ въ подавляющемъ меньшинствѣ, но и обнаружили при этомъ такое творческое безсиліе, которое само уже свидѣтельствуетъ о ихъ интеллектуальной несостоятельности и нежизнеспособности.

Но если въ перечисленныхъ вопросахъ помѣстное дворянство оказалось на передовыхъ позиціяхъ русскаго либерализма, то демократическое настроеніе коснулось его въ такой слабой степени, что и сейчасъ еще оно находится подъ давленіемъ жестокихъ пережитковъ крѣпостного режима. И русское общество въ его цѣломъ, принявъ къ свѣдѣнію итоги данной анкеты, обращаясь къ участвовавшимъ въ ней группамъ, въ правѣ будетъ сказать имъ: «пойдемъ рядомъ, но не вмѣстѣ, такъ какъ не въ вашихъ рукахъ вся полнота исторической правды, которой ищетъ и требуетъ текущій моментъ».

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о методахъ, при помощи которыхъ,

по мнѣнію комитетовъ, возможно осуществленіе предложенной ими программы. Прежде всего комитеты признали необходимымъ установленіе свободы слова и печати. Затѣмъ въ различныхъ комитетахъ отмѣчалась необходимость свободы собраній, участіе представителей населенія въ законодательной дѣятельности и управленіи, постановка государственныхъ расходовъ въ предѣлы возможно строгой необходимости и контроля, признаніе неприкосновенности личности и ея права на самоопредѣленіе, усиленіе отвѣтственности должностныхъ лицъ и проч. Всѣ эти предложенія высказаны были въ отдѣльныхъ комитетахъ безъ системы и безъ логической между ними связи, но, въ поясненіе этой безсистемности, необходимо еще разъ напомнить о той особенной обстановкѣ, при которой приходилось работать комитетамъ.

Какъ бы тамъ ни было, но все же и при этихъ условіяхъ мѣстные люди съ полной опредѣленностью, говоря словами г. Прокоповича, «вотировали въ комитетахъ недовѣріе и порицаніе бюрократическому правительству, произнесли суровый приговоръ надъ бюрократической системой управленія и формулировали основныя начала необходимыхъ странѣ реформъ. Они констатировали, что народъ и общество устали быть пассивнымъ объектомъ бюрократическихъ мѣропріятій и требуютъ простора для самодѣятельности» *).

Вл. Кранихфельдъ.

---

*) Ibid., стр. 274. Воспользовавшись для настоящей замѣтки интересной работой г. Прокоповича, мы, конечно, далеко, не исчерпали ея богатаго содержанія, за которымъ мы рекомендуемъ читателямъ обратиться къ самой книгѣ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Оживленіе провинціальной печати и проектъ съѣзда журналистовъ. Нѣсколько расширившіяся за послѣднее время рамки повременной печати дали ей, наконецъ, возможность сообщить русскому обществу о такихъ фактахъ и явленіяхъ русской дѣйствительности, о которыхъ до сихъ поръ не могло появляться даже и намека. Точно прорвалась, наконецъ, громадная плотина и долго сдерживаемыя волны хлынули черезъ крутую насыпь, унося съ собой, накопившійся мусоръ. Крайне знаменателенъ тотъ фактъ, что и подцензурная провинціальная печать заговорила какъ будто человѣческимъ языкомъ; повидимому, и тамъ, въ самой гущѣ русской жизни, произошло нѣкоторое нарушеніе равновѣсія. Въ виду того серьезнаго знанія, какое имѣетъ печать для переживаемаго нами момента, теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, необходимо подумать о тѣхъ условіяхъ, въ какихъ приходится ей работать.

«Кіевскіе Отклики» крайне своевременно указываютъ на необходимость созыва съѣзда журналистовъ.

«Распространяться о громадномъ значеніи печати въ настоящее время, — говоритъ газета,—къ счастью, уже нѣтъ никакой надобности; обществомъ оно признано и понято уже давно, а въ настоящее время оно признано и правительствомъ въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Между тѣмъ наша печать вообще и провинціальная въ особенности встрѣчаетъ на своемъ пути служенія дѣлу общественнаго развитія Россіи препятствія совершенно исключительныя Прежде всего она наталкивается на противодѣйствіе цензуры, которая въ отношеніи провинціальной печати до сихъ поръ руководствуется статьями Цензурнаго Устава 1828 года, цѣликомъ перешедшими въ новыя изданія Цензурнаго Устава, которыя предоставляютъ полный просторъ усмотрѣнію цензора. Не одна цензура однако препятствуетъ правильному функціонированію печати; она наталкивается на противодѣйствіе правительственныхъ и иногда даже общественныхъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ, которыя, вопреки всякой очевидности, жалуются на послабленія цензуры, властнымъ образомъ взываютъ къ новымъ цензурнымъ скорпіонамъ и всѣми возможными способами стараются препятствовать работѣ печати; стоитъ вспомнить хотя бы удаленіе газетныхъ репортеровъ изъ залы думскихъ засѣданій въ Кіевѣ. Обсудить свое положеніе, обдумать и предложить проектъ мѣръ для его улучшенія,—эту задачу могла бы исполнить печать всего лучше посредствомъ съѣзда ея представителей».

На ряду съ этимъ, по мнѣнію газеты, съѣздъ долженъ поставить себѣ задачей «возбужденіе и правильное рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, касающихся положенія тружениковъ печати, вопросовъ объ организаціи газетнаго труда, вопросовъ объ отношеніяхъ между газетными работниками съ одной и издателями съ другой стороны».

Газета полагаетъ, что нѣтъ надобности оттягивать время созыва съѣзда до полученія оффиціальнаго отвѣта на ходатайство о возстановленіи союза писателей. По мнѣнію газеты, можно бы было созвать предварительный частный съѣздъ, не нуждающійся въ оффиціальномъ разрѣшеніи; на него можно было бы пригласить нѣкоторыхъ наиболѣе извѣстныхъ дѣятелей провинціальной печати, и этотъ предварительный съѣздъ могъ бы обсудить и выработать какъ программу самого съѣзда, такъ и проектъ соотвѣтственнаго ходатайства. Къ этому, конечно, нельзя не присоединиться и не пожелать скорѣйшаго осуществленія такого съѣзда.

Какъ иллюстрацію къ современному правовому положенію провинціальной печати, приведемъ слѣдующій фактъ, помѣщенный въ «Русск. Вѣд.».

«За время пятилѣтняго существованія въ Новгородѣ земскаго органа «Вѣстника Новгородскаго Земства» у него смѣнилось четыре болѣе или менѣе постоянныхъ цензора, не считая временныхъ.

«Были между этими цензорами и очень строгіе, и болѣе или менѣе снисходительные; были и такіе, что не всегда находили возможнымъ разрѣшать перепечатки даже изъ «Правит. Вѣстн.» При этомъ появленіе или непоявленіе той или иной статьи въ «Вѣстникѣ» нерѣдко зависѣло просто-напросто отъ расположенія духа цензора. Случалось, что какая-либо тема, не пропущенная въ одномъ нумерѣ, тѣмъ же самымъ цензоромъ свободно пропускалась въ другомъ, хотя бы и была написана въ болѣе рѣшительномъ тонѣ. Приспособиться при подобныхъ условіяхъ къ требованіямъ мѣстной цензуры и понять, что ею можетъ быть дозволено или не дозволено, для провинціальнаго органа печати—задача не только не легкая, но прямо невозможная: здѣсь все зависитъ отъ усмотрѣнія. Въ № 19-мъ «Вѣстника», въ отдѣлѣ «Обзоръ печати», авторъ говоритъ между прочимъ о бесѣдѣ новаго министра внутреннихъ дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскаго съ французскимъ корреспондентомъ Гютеномъ, помѣщенной въ «Новомъ Времени», причемъ нѣкоторыя слова министра приводитъ дословно, какъ они были напечатаны въ этой газетѣ и потомъ перепечатаны изъ нея въ большинствѣ какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ газетъ. Но новгородскій цензоръ нашелъ невозможнымъ допустить перепечатку въ «Вѣстникѣ» словъ министра полностью. Итакъ, если въ глазахъ провинціальныхъ цензоровъ даже открыто высказываемое мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ относительно нашего внутренняго положенія кажется недопустимымъ къ опубликованію, то можно себѣ вообразить, какъ бываютъ строги цензора въ отношеніи мнѣній, высказываемыхъ обыкновенными смертными».

О такой же дѣятельности мѣстной цензуры пишутъ изъ Баку, изъ Вятки, Орла и т. д.

Постановленія и ходатайства просвѣтительныхъ обществъ. Цензурныя условія, связывающія дѣятельность провинціальной печати, мѣшаютъ и дѣятельности различныхъ просвѣтительныхъ обществъ, на что постоянно указывается и въ печати, и на различныхъ съѣздахъ. 8-го ноября общее собраніе курскаго общества содѣйствія начальному образованію, заслушавъ докладъ правленія общества о многочисленныхъ внѣшнихъ препятствіяхъ въ дѣятельности общества, признало желательнымъ осуществленіе слѣдующихъ общихъ мѣръ законодательнымъ путемъ: 1) установленіе явочнаго порядка открытія всякихъ просвѣтительныхъ обществъ, союзовъ и учрежденій; 2) полную отмѣну административнаго порядка закрытія просвѣтительныхъ обществъ; 3) установленіе личной отвѣтственности членовъ просвѣтительныхъ обществъ за нарушеніе общихъ законовъ; 4) неприкосновенность личности, гарантированную гласнымъ судомъ присяжныхъ; 5) полную свободу печатнаго слова; 6) свободу устнаго слова и свободу собраній.

Въ общемъ собраніи кіевскаго литературно-артистическаго общества было подано группой членовъ заявленіе, авторы котораго просятъ предсѣдателя внести на усмотрѣніе собранія предложеніе отправить кн. Святополкъ-Мирскому привѣтственную телеграмму «съ выраженіемъ пожеланія, чтобы въ его управленіе окончательно спали съ русской печати тѣ тяжкія цѣпи, которыя въ ея лицѣ сковываютъ свободу мысли. Общее собраніе поручило составить проектъ телеграммы къ слѣдующему общему собранію. Рѣшено также ходатайствовать передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи обществу устраивать чтенія и лекціи безъ предварительнаго просмотра рефератовъ. Ораторами указывалось на крайнюю трудность устройства лекцій и чтеній при настоящихъ условіяхъ, когда для этого требуется предварительное разрѣшеніе попечителя учебнаго округа и губернатора».

Въ экстренномъ засѣданіи кіевскаго общества грамотности 27-го октября были заслушаны, между прочимъ, слѣдующіе доклады:

Докладъ совѣта общества объ измѣненіи правилъ по изданію и распространенію народныхъ популярныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ. Указавъ на то, что ходатайства о расширеніи правъ малорусскаго печатнаго слова неоднократно возбуждались уѣздными и губернскими земскими собраніями, комитетами о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, различными съѣздами, обществами грамотности и т. п., предсѣдатель общества В. П. Науменко остановился на значеніи для украинскаго народа популярныхъ книгъ на вполнѣ доступномъ для него языкѣ, а затѣмъ обрисовалъ крайне стѣснительное положеніе, въ которое поставлена малорусская книга закономъ 1876 г. Въ заключеніе ораторъ предложилъ обратиться съ ходатайствомъ въ надлежащія вѣдомства: 1) объ устраненіи препятствій, затрудняющихъ разрѣшеніе къ печати научно-популярныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ, т.-е. объ отмѣнѣ закона 1876 г., и 2) объ устраненіи препятствій, въ силу которыхъ изданныя книги на малорусскомъ языкѣ не допускаются въ училищныя, сельскія и безплатныя библіотеки-читальни. Оба предложенія приняты были единогласно. Затѣмъ собраніемъ былъ заслушанъ докладъ Л. С. Личкова объ измѣненіи правилъ о

допущеніи книгъ въ безплатныя библіотеки-читальни въ томъ смыслѣ, чтобы вмѣсто каталога разрѣшенныхъ книгъ былъ издаваемъ каталогъ книгъ, запрещенныхъ для такихъ библіотекъ. Предложеніе это вызвало весьма оживленныя пренія. А. В. Корчакъ-Чепурковскій находилъ, что въ народныя библіотеки должны быть допущены всѣ разрѣшенныя цензурою книги. Поддерживая это мнѣніе, Н. П. Василенко предложилъ ходатайствовать объ отмѣнѣ дѣленія книгъ на народныя и ненародныя. В. Л. Бернштамъ предложилъ возбудить ходатайство, чтобы всѣ книги, законно обращающіяся въ странѣ, были допущены во всѣ библіотеки.

Собраніе, по предложенію В. П. Науменко, постановило указать на необходимость приравнять народныя безплатныя библіотеки читальни къ публичнымъ библіотекамъ и поручило совѣту выработать главныя положенія заявленій о нуждахъ народнаго образованія.

Отмѣтимъ еще ходатайство комитета полтавской общественной библіотеки о допущеніи въ библіотеку произведеній Добролюбова.

Заговоривъ о «ходатайствахъ» просвѣтительныхъ обществъ, мы не можемъ не остановиться на постановленіяхъ такого же рода ковровскаго уѣзднаго земскаго собранія (Влад. губ.). Такъ, между прочимъ, постановлено возбудить ходатайство о расширеніи правъ народныхъ библіотекъ и читаленъ по выпискѣ книгъ и періодическихъ изданій.

Собраніе постановило принять участіе вмѣстѣ съ городомъ въ содержаніи открываемой въ г. Ковровѣ женской прогимназіи, на каковую надобность вмѣстѣ съ другими средствами обратить и тѣ суммы, которыя доселѣ отпускались земствомъ на содержаніе церковно-приходскихъ школъ. Въ томъ же собраніи было отклонено ходатайство мѣстнаго училищнаго совѣта о выпискѣ въ земскія школы журнала кн. Мещерскаго «Дружескія Рѣчи», какъ органа, чуждаго земскимъ интересамъ, и рѣшено возбудить ходатайство передъ губернскимъ земскимъ собраніемъ объ измѣненіи программы издаваемаго «Вѣстника Владимірскаго Губернскаго Земства» съ превращеніемъ его въ еженедѣльную земскую народную газету.

Весьма характерная переписка возникла на почвѣ «ходатайствъ» между правленіемъ симферопольскаго учительскаго общества и попечителемъ одесскаго учебнаго округа. Какъ сообщаетъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей», по постановленію общаго собранія правленіе общества возбудило ходатайства: 1) объ измѣненіи порядка разрѣшенія публичныхъ лекцій; 2) о пополненіи § 1 устава общества разрѣшеніемъ всѣмъ лицамъ, имѣющимъ званіе учителя, вступать въ дѣйствительные члены общества безъ особаго на каждый разъ разрѣшенія и 3) о дополненіи § 24 устава разрѣшеніемъ обществу оказывать своимъ членамъ юридическую помощь. На эти ходатайства попечитель учебнаго округа предложилъ директору народныхъ училищъ сообщить правленію: 1) что онъ, попечитель округа, «не признаетъ возможнымъ поддержать ходатайства общества, какъ противорѣчащія существующимъ законоположеніямъ»; 2) обратить вниманіе общества на неподлежащіе его компетенціи ходатайства и доклады; 3) предложить ему вообще воздержаться отъ какихъ бы то ни было

ходатайствъ, касающихся измѣненія самаго устава общества, впредь до выясненія результатовъ пересмотра нормальнаго устава подобныхъ обществъ. Попечитель округа находитъ, что «съ измѣненіемъ § 1 общество безъ нужды должно будетъ уклониться отъ первоначальной цѣли и кромѣ того пріобрѣтетъ много такихъ дѣйствительныхъ членовъ, которыхъ нежелательно имѣть даже въ числѣ членовъ-соревнователей». Признавая желательнымъ привлеченіе въ общество учителей среднихъ учебныхъ заведеній, которые, какъ «благонадежный элементъ», «могли бы составить противовѣсъ тѣмъ членамъ-соревнователямъ, которые пристаютъ къ учительскимъ обществамъ только за тѣмъ, чтобы проводить среди учителей свои идеи, не имѣющія ничего общаго съ истинными задачами и цѣлями дѣятельности народныхъ учителей», попечитель, однако, полагаетъ, что «правленіе общества съ измѣненіемъ устава не привлечетъ учителей среднихъ учебныхъ заведеній, но зато будетъ благодѣтельствовать огромному числу неблагонадежныхъ личностей съ учительскимъ званіемъ».

Относительно организаціи юридической помощи учащимъ попечитель округа полагаетъ, что «съ предоставленіемъ обществу оказывать своимъ членамъ юридическую помощь общество станетъ вмѣшиваться не въ свои дѣла и будетъ только способствовать развитію среди учителей сутяжничества, что̀ совсѣмъ нежелательно». Между тѣмъ министерство народнаго просвѣщенія не нашло препятствій предоставить архангельскому учительскому обществу попеченіе о предоставленіи членамъ общества юридической помощи (см. § 24 устава общества). Правленіе общества уполномочило своего предсѣдателя кн. В. А. Оболенскаго дать попечителю округа объясненія по настоящему дѣлу. Сущность этихъ объясненій сводится къ слѣдующему.

Возбуждая ходатайство, общество не считало его противозаконнымъ, и если попечитель округа держится иного взгляда, то «правленію чрезвычайно существенно было бы знать, какимъ именно законоположеніямъ противорѣчитъ означенное ходатайство». Точно также правленіе нуждается въ разъясненіи, какіе именно доклады и ходатайства попечитель признаетъ неподлежащими компетенціи общества и на какихъ основаніяхъ. Что же касается предположенія попечителя, что «общество, организовавъ юридическую помощь, будетъ только содѣйствовать развитію среди учителей сутяжничества, то уваженіе къ учрежденію, котораго я имѣю честь состоять предсѣдателемъ,—говоритъ князь Оболенскій, — лишаетъ меня возможности отвѣчать на подобныя обвиненія». Въ заключеніе кн. Оболенскій выражаетъ глубокое сожалѣніе о томъ, что правленію Общества приходится получать отъ представителей вѣдомства народнаго просвѣщенія бумаги, для Общества оскорбительныя и составленныя въ тонѣ, совершенно не обычномъ въ оффиціальной перепискѣ.

„Катковскій“ университетъ. Въ Москвѣ соратники «Московскихъ Вѣдомостей» и почитатели памяти Каткова задумали не больше и не меньше, какъ основать «новый» университетъ при катковскомъ лицеѣ въ Москвѣ. По этому поводу петербургскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» пишетъ:

«Говорятъ, что учредители проектировали требовать отъ профессоровъ будущаго университета особаго обѣщанія, въ томъ, что они будутъ читать «въ духѣ нашихъ государственныхъ основъ: православія и самодержавія». Ученый комитетъ министерства, который врядъ ли кто упрекнетъ въ либерализмѣ, и тотъ даже нашелъ будто бы подобное требованіе безтактнымъ и призналъ обычную служебную присягу и для профессоровъ будущаго университета вполнѣ достаточной. Въ числѣ цѣлей, преслѣдуемыхъ новымъ университетомъ, указывалось, говорятъ, храненіе и культивированіе завѣтовъ основателей лицея—Каткова и Леонтьева. Съ однимъ изъ этихъ завѣтовъ—съ классической системой—наше правительство, повидимому, уже покончило. Возможно, что къ тому времени, когда состоится первый выпускъ слушателей новаго университета, правительство такъ же отнесется и къ другимъ завѣтамъ основателей лицея. Нужно ли въ такомъ случаѣ готовить на счетъ нашей и безъ того обремененной казны защитниковъ этихъ завѣтовъ? Говорятъ, что лицейское начальство жалуется на притѣсненія, дѣлаемыя его воспитанникамъ на экзаменахъ профессорами московскаго университета (!?), и учрежденіемъ своего университета такимъ образомъ хочетъ облегчить задачу полученія диплома своимъ питомцамъ. Проектированный университетъ желалъ также получить ни больше, ни меньше, какъ право выдавать ученыя степени магистра и доктора,—право, котораго не имѣютъ ни училище Правовѣдѣнія, ни Александровскій лицей. При этомъ, конечно, новые магистры и доктора, изготовленные по рецепту основателей лицея, должны были замѣщать постепенно каѳедры въ настоящихъ университетахъ. Однако, эта слишкомъ откровенная и беззастѣнчивая претензія, кажется, не осуществится. Зато близко къ осуществленію увеличеніе казенной субсидіи лицею до 180.000 р. и увеличеніе оклада директора до 7.000 р. при готовой квартирѣ. Громкія патріотическія фразы въ концѣ-концовъ сводятся къ совершенно непатріотическому облегченію казеннаго кармана и притомъ въ самое неблагопріятное для него время. Въ свое время патріотизмъ Каткова не помѣшалъ ему просить о скидкѣ громаднаго долга московскому университету за аренду газеты и не помѣшалъ ему просимое получить. Лица, стоящія во главѣ лицея, очевидно, и эту сторону дѣятельности Каткова относятъ къ завѣтамъ, достойнымъ дальнѣйшаго подражанія». Пока существовало только «русское собраніе». Теперь, очевидно, необходимо расширить рамки дѣятельности для нашихъ «патріотовъ»... Невольно вспоминается извѣстная поэма Алексѣя Толстого, гдѣ Катковъ въ видѣ паука, успокаивая общество «изъ разной мелкой гадины», рисуетъ передъ ними блестящую картину своего будущаго учебнаго заведенія:

„Ахъ, дайте же мнѣ зданіе
Дворянскаго собранія!“

воскликнулъ онъ въ порывѣ «патріотическаго» экстаза. Очевидно, Алексѣй Толстой оказался пророкомъ... Впрочемъ, не надо быть пророкомъ, чтобы напередъ рѣшить, что изъ всей этой затѣи ровно ничего не выйдетъ. Не тѣ времена...

Ходатайства объ учрежденіи высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ, Харьковѣ и Юрьевѣ. Путешествіе по Россіи министра народнаго просвѣщенія генералъ-лейтенанта В. Г. Глазова вызвало между прочимъ цѣлый рядъ ходатайствъ объ открытіи высшихъ женскихъ курсовъ. Во время пребыванія министра въ Кіевѣ 29-го октября уполномоченные отъ профессоровъ университета св. Владиміра В. С. Иконниковъ, И. В. Лучицкій, П. Я. Армашевскій и Г. Ф. Сусловъ подали министру слѣдующее ходатайство за подписью 65-ти профессоровъ. Указывая на переполненіе женскихъ курсовъ въ Петербургѣ, на бывшіе въ свое время такіе курсы въ Кіевѣ, профессора заявляютъ, что открытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ не представляетъ затрудненій и въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ уже одна плата за слушаніе лекцій была бы достаточною для покрытія текущихъ расходовъ по курсамъ, но кромѣ того, какъ подробно выяснено въ ихъ запискѣ, въ настоящее время въ распоряженіи высшихъ женскихъ курсовъ въ случаѣ ихъ возобновленія находилось бы болѣе 35.000 р. наличными деньгами и усадьба съ домами въ центральной мѣстности Кіева, стоящая около 70.000 р. На основаніи вышеизложеннаго профессора ходатайствуютъ: 1) разрѣшить вновь временно прекращенный пріемъ слушательницъ на высшіе женскіе курсы въ Кіевѣ и 2) утвердить положеніе о высшихъ женскихъ курсахъ, проектъ котораго находится въ дѣлахъ министерства народнаго просвѣщенія.

Министръ принялъ прошеніе, но надежды на возобновленіе курсовъ никакой не далъ.

Кромѣ того, министру подано прошеніе отъ имени женщинъ, въ которомъ между прочимъ указывается, что «въ нынѣшнее царствованіе открытъ доступъ для женщинъ ко многимъ новымъ профессіямъ. Между тѣмъ весьма обширный районъ учебныхъ заведеній Юго-западнаго края, со включеніемъ принадлежащихъ къ нему губерній, лишенъ высшаго женскаго учебнаго заведенія. Насколько эта потребность была велика еще раньше, видно изъ того, что на бывшихъ высшихъ женскихъ курсахъ въ Кіевѣ въ теченіе 10-ти лѣтъ окончило полный четырехлѣтній курсъ свыше 350-ти слушательницъ, многія изъ которыхъ съ успѣхомъ подвизаются на педагогическомъ и другихъ поприщахъ дѣятельности, а существующія данныя объ ежегодныхъ отказахъ массѣ въ поступленіи на курсы въ Петербургѣ и Москвѣ служатъ лучшимъ подтвержденіемъ необходимости подобнаго учрежденія на югѣ Россіи».

При посѣщеніи министромъ Харькова предсѣдательницы женскаго общества Е. М. Десятова и Л. Е. Ефимовичъ ходатайствовали объ открытіи въ Харьковѣ высшихъ женскихъ курсовъ съ физико-математическимъ и историко-филологическимъ факультетами, съ тѣмъ однако, чтобы на курсахъ этихъ было обращено было вниманіе на педагогическую сторону и на изученіе иностранныхъ языковъ. Вмѣстѣ съ представительницами общества ходатайство это поддерживали профессора Бріо, Бузескулъ и Рейнгардтъ.

Министръ, принявъ докладную записку, высказался, что лично онъ—не врагъ женскаго образованія, но что «существующіе высшіе курсы, за исключеніемъ медицинскихъ, очень плохо зарекомендовали себя, а поэтому ходатай-

ства объ учрежденіи новыхъ курсовъ не пользуются сочувствіемъ министерства,—высшіе курсы въ такомъ видѣ, какъ они существуютъ,—громкое названіе». В. Г. Глазовъ рекомендовалъ обратиться въ Варшаву, «гдѣ при одной гимназіи открыты курсы для подготовленія учительницъ, и ознакомиться съ ихъ постановкой. Быть-можетъ, такого рода курсы и удовлетворили бы потребность мѣстнаго женскаго населенія; тогда на подобіе варшавскихъ можно было бы открыть такіе же курсы и въ Харьковѣ». Представительницы женскаго общества высказали надежду, что ходатайство ихъ министерство удовлетворитъ; высшіе курсы въ такомъ видѣ, какъ ходатайствуетъ Общество, дѣйствительно удовлетворятъ потребностямъ населенія, давъ дочерямъ его образованіе и вполнѣ подготовивъ ихъ къ педагогической дѣятельности.

На ходатайство профессоровъ юрьевскаго университета о разрѣшеніи открыть въ г. Юрьевѣ высшіе женскіе курсы министръ народнаго просвѣщенія во время своего пребыванія въ г. Юрьевѣ отвѣтилъ отказомъ.

Монастырскія тюрьмы. Въ собраніи архивной коммиссіи въ Н.-Новгородѣ, сообщаетъ «Ниж. Листокъ», Н. П. Іорданскій сдѣлалъ интересный очеркъ значенія Суздальскаго монастыря въ исторіи нижегородскаго края. Для туриста Суздаль и его монастырь—любопытные, цѣнные памятники старины. Монастырь этотъ, какъ извѣстно, мѣсто заключенія лицъ, осужденныхъ на религіозно-нравственной почвѣ. Г. Іорданскому не удалось проникнуть за мрачныя стѣны его. И теперь въ немъ есть 9—12 заключенныхъ, большею частью духовнаго званія. Одинъ изъ нихъ нижегородецъ, скорѣе послѣдній изъ нижегородцевъ, такъ какъ, по слухамъ, дни этого своеобразнаго пережитка печальной старины сочтены и дай Богъ,—прибавилъ докладчикъ,—чтобъ они были сочтены окончательно, безповоротно. Эта тюрьма сначала была больницей. Въ 1766 г. она преобразована въ арестантское отдѣленіе. Въ указѣ Св. Сѵноду цѣль его опредѣлена такъ: «сосланныхъ изъ бывшей тайной канцеляріи для исправленія въ умѣ въ разные монастыри колодниковъ, по утекамъ 10 человѣкъ, для лучшаго за ними присмотра и сохраненія ихъ жизни, равно, чтобы отъ нихъ какого, по безумію ихъ, вреда кому учинено не было, свести ихъ нѣкоторыхъ, опредѣляя для смотрѣнія за ними воинскую команду; а такъ какъ де въ этомъ монастырѣ первенствующая власть, читаемъ въ указѣ, вы, архимандритъ, то оную команду поручить въ твое вѣдомство, и при томъ тебѣ рекомендовать, чтобы вы съ своей стороны употребляли къ исправленію тѣхъ колодниковъ въ умѣ возможныя старанія». Въ инструкціи объ уходѣ за колодниками указано: «Содержать оныхъ безумныхъ въ отведенныхъ отъ архимандрита порожнихъ двухъ или трехъ покояхъ, однако не скованныхъ, и имѣть за ними присмотръ такой, чтобъ они себѣ и другимъ по безумію своему не могли учинить какого вреда, чего ради такія орудія, чѣмъ можно вредъ учинить, отнюдь при нихъ не было, такъ какъ и носить имъ не давать. Буде же бы который изъ нихъ сталъ сумасбродничать, то въ такихъ случаяхъ посадить такого одного въ покой, не давая ему нѣсколько времени пищи, а какъ смирится, то тогда и можно свести его попрежнему съ другими. Кара-

ульнымъ съ нимъ сколь возможно поступать безъ употребленія строгости». Условіемъ свободы отъ заключенія полагалось только рѣшительное оставленіе «сумасбродства». Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ мало извѣстной книги Сахарова «Историческое описаніе суздальскаго монастыря».

И. И. Вишневскій прибавилъ, что когда докторъ свдѣтельствовалъ заболѣвшаго извѣстнаго суздальскаго узника, о. Петра Золотницкаго, онъ сказалъ, что обстановки этихъ мрачныхъ, грязныхъ комнатъ не выдержитъ никакой организмъ. Доставило облегченіе о. Петру даже выходить въ корридоръ, по настоянію доктора—топить печи. Онъ съ тѣхъ поръ питаетъ особенную нѣжность къ огню. Когда онъ былъ освобожденъ, его глаза сперва ничего не видѣли,—отъ непривычки къ свѣту.

Арестантскія помѣщенія дѣлятся, по степени секретности, на три отдѣленія. Въ послѣднемъ, самомъ секретномъ, ужъ давно никто не сидитъ. Оно совершенно закрыто наглухо, безъ оконъ и дверей. Ходъ въ него — черезъ единственныя ворота. Отъ очевидцевъ г. Іорданскій слышалъ, что всѣ заключенные—люди больные, и что ихъ положеніе крайне тяжело.

За мѣсяцъ. Высочайшій манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ,

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финлядскій и проч., и проч., и проч.

Объявляемъ черезъ сіе, что Мы признали за благо Высочайше повелѣть Нашему финляндскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту князю Ивану Оболенскому открыть отъ Имени Нашего очередной сеймъ земскихъ чиновъ Великаго Княжества Финляндскаго, созванный къ 23 ноября (6 декабря 1904 года. Для вящшаго же удостовѣренія подписали Мы сіе собственноручно.

«НИКОЛАЙ».

Въ Царскомъ Селѣ
19-го октября (1 ноября) 1904 года.

— 30-го ноября, въ 11 часовъ утра, въ петербургской судебной палатѣ назначено къ слушанію дѣло объ убійствѣ министра внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретаря Плеве. Обвиняются Е. Сазоновъ и Ш. Сикорскій.

— Правительственное сообщеніе.—Согласно полученнымъ точнымъ свѣдѣніямъ, безпорядки, чинимые призывными запасными чинами, происходили въ разныхъ мѣстахъ Витебской, Смоленской и Кіевской губерній и приняли наиболѣе острый характеръ въ Каневѣ, гдѣ партіи запасныхъ, произведшія по пути слѣдованія въ названномъ городѣ разгромъ винныхъ лавокъ, магазиновъ, еврейскихъ и помѣщичьихъ домовъ, мельницъ, оказали сопротивленіе полиціи, пожелавшей помѣшать имъ разгромить винную лавку. Пьяная толпа запасныхъ, воспользовавшись малочисленностью воинской команды, ворвалась въ управленіе воинскаго начальника, произвела тамъ буйство и, бросившись на базарную площадь, разграбила нѣсколько лавокъ.

При подавленіи безпорядковъ ранены камнемъ въ голову помощникъ исправника и въ ногу одинъ нижній чинъ. Въ Смоленскѣ партія запасныхъ также произвела у помѣщенія воинскаго начальника буйство: начавшееся съ драки съ евреями. Самые продолжительные безпорядки произошли въ Полоцкѣ, гдѣ прибывающіе послѣдовательно въ теченіе трехъ дней съ эшелонами запасные чины производили разгромъ винныхъ лавокъ и расхищали вино. Попытка буйствовавшихъ произвести разгромъ въ еврейскихъ кварталахъ не увѣнчалась успѣхомъ, въ виду вмѣшательства полиціи. Винныя лавки были разграблены, кромѣ того, въ г. Лепелѣ и въ мѣстечкѣ Ушачи Витебской губерніи, въ шести селахъ Кіевской губерніи, городѣ Сѣнно, Могилевской губ., городахъ Люцинѣ и Рѣжицѣ Витебской губерніи. Въ Рѣжицѣ также пострадалъ винный складъ и избитъ полицейскій приставъ. Въ Сѣнно убитъ одинъ конвойный. За время остановки воинскаго поѣзда на станціяхъ Крейцбургъ и Сиротино Риго-Орловской желѣзной дороги запасными разгромлены буфеты и разбиты гдѣ частныя лавки. Въ Витебскѣ, слѣдовавшая изъ Смоленска партія изъ 400 запасныхъ при остановкѣ поѣзда, бросились въ городъ за покупками, причемъ хватала и разбрасывала изъ лавокъ. Въ одномъ селѣ произведено нападеніе на сахарный заводъ, въ другомъ на почтово-телеграфную контору. Въ Кіевской губерніи раненъ толпой въ своемъ домѣ помѣщикъ, причемъ денежная касса его разгромлена. Въ той же губерніи у станціи Таганча запасные побили и отняли деньги у проѣзжавшаго священника, причемъ у жандармскаго унтеръ-офицера, пытавшагося повліять на толпу увѣщеваніемъ, была выхвачена шашка, а самъ онъ былъ поваленъ на землю и побитъ. Въ Быховѣ, Могилевской губерніи, безчинствующіе запасные разбивали и грабили дома обывателей. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что изъ 119-ти мобилизованныхъ уѣздовъ порядокъ былъ вполнѣ сохраненъ болѣе чѣмъ въ 100 уѣздахъ. Для разслѣдованія на мѣстахъ причинъ безпорядковъ и волненій и принятія мѣръ къ предотвращенію ихъ въ будущемъ, по Высочайшему повелѣнію командированъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ генералъ Рыдзевскій.

— Уличныя манифестаціи въ Варшавѣ. Въ «Варшавскомъ Дневникѣ» напечатано слѣдующее сообщеніе о бывшихъ въ Варшавѣ уличныхъ манифестаціяхъ:

«Во вторникъ, 19-го октября, по случаю дня Всѣхъ Святыхъ на Брудновскомъ кладбищѣ на Прагѣ было большое стеченіе народа. Когда стемнѣло, на одной изъ аллей кладбища кто-то выкинулъ красный флагъ и группа людей съ пѣніемъ двинулась по кладбищу. Одинъ изъ городовыхъ преградилъ путь толпѣ, но въ него было сдѣлано семь револьверныхъ выстрѣловъ, на которые онъ отвѣчалъ выстрѣломъ въ человѣка, несшаго красный флагъ. Городовой былъ раненъ въ голову около уха, но самъ ранилъ въ спину несшаго флагъ. Переполнявшая кладбище публика, не желая принимать участіе въ манифестаціи, весьма скоро очистила кладбище, и манифестанты, испугавшись, сами разсѣялись еще до прибытія воинской части. Въ тотъ же день въ больницу св. Роха поступилъ на излеченіе человѣкъ, раненный пулей казеннаго образца и старавшійся скрыть, что онъ пріѣхалъ изъ Праги. Человѣкъ этотъ несъ

красный флагъ во время безпорядка на кладбищѣ. Другая уличная манифестація произошла въ субботу, 23-го октября, въ $6^1/_4$ час. вечера, на Налевкахъ, гдѣ группа въ 7 или 8 человѣкъ, окруженная толпой человѣкъ въ 100, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ разбросала около 800 прокламацій и ранила ножами двухъ городовыхъ. Не встрѣтивъ никакого сочувствія къ публикѣ, манифестанты скрылись при появленіи полицейскаго наряда.

— 31-го октября, въ 12 час. 20 мин. дня, передъ самымъ окончаніемъ богослуженія, изъ костела Всѣхъ святыхъ вышла на Грибную площадь небольшая сплоченная группа, которая, выкинувъ красный флагъ, начала пѣть пѣсни революціоннаго содержанія, и въ то же время изъ нея были сдѣланы выстрѣлы въ нарядъ полиціи, коими убитъ наповалъ городовой Прокофій Шиманица и ранены околоточный надзиратель и двое другихъ городовыхъ. Нарядъ въ свою очередь принужденъ былъ дѣйствовать оружіемъ, причемъ околоточный надзиратель, въ котораго было произведено въ упоръ два выстрѣла, ударомъ шашки свалилъ стрѣлявшаго. Послѣ этого толпа манифестантовъ разсѣялась, и значительная часть ея устремилась на паперть, смѣшавшись съ публикой, выходившей изъ костела, гдѣ въ это время уже окончилась служба. Съ паперти продолжали производить выстрѣлы въ полицейскихъ и бросать камнями, въ виду чего выходъ изъ костела былъ оцѣпленъ полицейскими и жандармскими отрядами и прибывшими по вызову войсками. Толпѣ, стоявшей на паперти и въ костелѣ, оберъ-полицеймейстеръ предложилъ выдѣлить стариковъ, женщинъ и дѣтей, которые и были свободно пропущены черезъ оцѣпленіе. Вслѣдъ затѣмъ часть толпы, активно принимавшая участіе въ безпорядкахъ, вошла обратно въ костелъ, остальные же въ числѣ 113-ти человѣкъ подъ конвоемъ пѣхоты были отправлены во дворъ ратуши, гдѣ переписаны и по установленіи личностей частью отпущены. Въ это же время демонстранты собирались отдѣльными группами на прилегающихъ къ Грибной площади улицахъ и съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и выстрѣлами направлялись къ Грибной площади. На улицѣ Багно толпа, несмотря на требованіе полиціи разойтись, продолжала наступать, бросая камнями и стрѣляя въ полицію и войска. Одновременно изъ расположеннаго въ той же мѣстности дома произведено было нѣсколько выстрѣловъ; вслѣдствіе этого, послѣ новыхъ неоднократныхъ предупрежденій, находившаяся на улицѣ Багно воинская команда вынуждена была дать залпъ. Изъ числа демонстрантовъ, какъ выяснено по собраннымъ свѣдѣніямъ, шесть человѣкъ убито и 26 ранено. Лицамъ, оставшимся въ костелѣ, оберъ-полицеймейстеръ въ присутствіи настоятеля костела дважды предлагалъ добровольно выйти, но несмотря на увѣщеванія, они продолжали тамъ оставаться и лишь спустя нѣсколько часовъ вышли оттуда и въ числѣ 205 человѣкъ доставлены подъ конвоемъ во дворъ ратуши, гдѣ переписаны и частью отпущены. Ни полиція, ни жандармы, ни войска въ костелъ не входили. Къ 4 часамъ пополудни порядокъ былъ возстановленъ и въ послѣдующіе дни болѣе нарушаемъ не былъ.

— Въ Курскѣ, по словамъ «Руси», получено увѣдомленіе, что уволенные со службы губернскаго земства по распоряженію бывшаго министра внутрен-

нихъ дѣлъ гг. Бернашевскій и Каллистратовъ вновь получили право служить въ земскихъ учрежденіяхъ.

— «Право» сообщаетъ, что 14-го октября кн. Святополкъ-Мирскій распорядился освободить изъ-подъ гласнаго надзора и разрѣшилъ покинуть г. Архангельскъ бывшему секретарю Уфимской губернской земской управы И. К. Гудзь и одному помощнику присяжнаго повѣреннаго уфимскаго окружнаго суда, высланнымъ въ прошломъ году изъ г. Уфы въ Архангельскую губернію на 5 лѣтъ покойнымъ В. К. Плеве.

— Московскія газеты сообщаютъ о возвращеніи изъ ссылки еще одного административно-ссыльнаго. Отъ помощника присяжнаго повѣреннаго Шанцера, удаленнаго изъ предѣловъ Московской губерніи, получена, какъ сообщаютъ московскія газеты, новая телеграмма о томъ, что, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ князя П. Д. Святополкъ-Мирскаго, ему разрѣшено возвратиться въ Москву. Шанцеръ уже выѣхалъ изъ Сибири.

— Изъ Риги «Руси» сообщаютъ, что 25-го и 26-го октября въ усиленномъ составѣ петербургской судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, впервые по новому закону разсмотрѣнъ рядъ дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ. Предсѣдательствовалъ сенаторъ Максимовичъ, обвинялъ прокуроръ Камышанскій, защищали петербурскіе присяжные повѣренные: Мироновъ, Соколовъ и Гольдштейнъ. Приговоромъ, объявленнымъ при открытыхъ дверяхъ, оправданы студены Мастеръ и Фридманъ, ученики Троманъ, Крейшманъ, Лейценъ, рабочій Свирдзинъ, остальные приговорены къ заключенію въ крѣпости отъ 4-хъ до 9-ти мѣсяцевъ безъ лишенія правъ.

— По словамъ «Елисав. Нов.», херсонскому губернскому земскому собранію предстоящей сессіи доложено будетъ въ числѣ прочихъ вопросовъ предложеніе ходатайствовать, въ установленномъ порядкѣ, о замѣнѣ для нашей прессы административной, предварительной цензуры цензурой карательной по закону и суду. Предложеніе это, адресованное всѣмъ губернскимъ собраніямъ ближайшаго созыва, исходитъ отъ бывшаго предсѣдателя касимовской земской управы и гласнаго рязанскаго губернскаго земства П. А. Оленина, указывающаго, что «предварительная цензура—это одинъ изъ видовъ единоличнаго усмотрѣнія и произвола. Даже агенты ея нерѣдко не знаютъ, что можно и чего нельзя: дозволенное сегодня здѣсь запрещается завтра тамъ. Это случается постоянно. Можно ли работать со связанными руками и говорить съ печатью на устахъ? Земство, на которое возложена забота о благосостояніи народа, должно указать на это вопіющее явленіе. Оно будетъ право даже съ формальной стороны, потому что въ этомъ вопросѣ интересы отдѣльныхъ личностей слились въ одинъ общій русскій интересъ». «Когда честные русскіе люди,— говоритъ авторъ этого предложенія,—получатъ свободу слова—все на Руси пойдетъ по иному: вся прочая приложится къ этой свободѣ, и исторія русской литературы перестанетъ быть мартирологіей».

— Какъ собщаютъ мѣстныя газеты, Саратовское уѣздное земское собраніе постановило: 1) ходатайствовать передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о томъ, чтобы пренія текущаго собранія были возстановлены во всѣхъ саратовскихъ

газетахъ по протоколамъ, утвержденнымъ собраніемъ; 2) принести министру внутреннихъ дѣлъ жалобу на дѣйствія мѣстнаго отдѣльнаго цензора Виноградова, который не только уничтожалъ цѣлыя рѣчи гласныхъ, оставляя несвязные и невнятные обрывки и междометія, но и дѣлалъ приписки отъ себя, какъ къ рѣчамъ гласныхъ, такъ и къ оффиціальнымъ документамъ, оглашеннымъ въ собраніи, совершенно искажая ихъ смыслъ; 3) ходатайствовать передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, чтобы отношенія мѣстной цензуры къ отчетамъ о земскихъ и общественныхъ собраніяхъ были урегулированы. Эти постановленія вызваны отчетами мѣстныхъ газетъ о засѣданіяхъ собранія, посвященныхъ вопросамъ народнаго образованія. Отчеты не только не давали представленія о происходившемъ на собраніи, но вызвали многочисленныя нареканія и насмѣшки противъ гласныхъ.

— На основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ. (св. зак. т. XIV, изд. 1890 г.) министръ внутреннихъ дѣлъ 11-го ноября с. г. *опредѣлилъ*: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты «Наша Жизнь».

— Въ виду вреднаго направленія газеты «Право», выразившагося, между прочимъ, въ статьѣ «Война и Отечество», помѣщенной въ № 46 этого изданія, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи статьи 144 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV (изд. 1900 г.) 14-го ноября с. г. *опредѣлилъ*: объявить газетѣ «Право» *первое* предостереженіе въ лицѣ издателей-редакторовъ ея приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета Владиміра Гессена и коллежскаго ассесора Николая Лазаревскаго.

Н. Ф. БУНАКОВЪ.

(Некрологъ).

8-го ноября въ Петербургѣ скончался Николай Федоровичъ Бунаковъ.

Онъ не былъ постояннымъ жителемъ Петербурга. Столицу онъ посѣщалъ рѣдко и гостилъ въ ней обыкновенно недолго, прибывъ въ нее и въ этотъ послѣдній разъ всего лишь за нѣсколько дней до смерти, для консультаціи съ врачами. Всей душою своею онъ принадлежалъ провинціи, и даже не вообще провинціи, а самымъ глухимъ и заброшеннымъ среди полей и лѣсовъ уголкамъ ея, куда онъ несъ свою несокрушимую энергію, свой свѣтлый умъ, въ постоянной борьбѣ съ первороднымъ грѣхомъ нашей родины—съ народнымъ невѣжествомъ. Но Петербургъ зналъ и цѣнилъ этого человѣка. И похоронная процессія, направившаяся 10-го ноября изъ Владимірской часовни на Волково кладбище, превратилась въ тріумфальное шествіе, въ которомъ тысячи представителей разныхъ общественныхъ группъ и профессій, люди разнаго возраста и пола соединились, чтобы воздать достойныя почести тому, въ комъ безкорыстное трудолюбіе рядового работника счастливо сочеталось съ прямотою и мужествомъ передового борца.

Пестрый составъ многочисленной шедшей за гробомъ толпы краснорѣчивѣе надгробныхъ рѣчей говорилъ о томъ, что многолѣтняя дѣятельность покойнаго

совершалась въ различныхъ плоскостяхъ, привлекая къ себѣ разносторонній интересъ и вниманіе. И дѣйствительно, смерть Бунакова была невознаградимой утратой для многихъ. Народная школа потеряла въ немъ преданнаго и безкорыстнаго друга, народный учитель—своего даровитаго и любимаго руководителя, русская литература и общественность—прямого и смѣлаго работника, который ни въ какихъ случаяхъ не боялся быть и оставаться самимъ собой. Если бы отъ нашихъ сценическихъ дѣятелей жизнь на подмосткахъ не такъ ужъ окончательно закрывала дѣйствительную жизнь, то и они не отсутствовали бы среди густой толпы, провожавшей прахъ Бунакова. Потому что и для русскаго театра онъ потрудился не мало и не безъ успѣха: онъ первый задался мыслью демократизировать театръ, приблизить его къ народу и даже ввести его въ постоянный обиходъ деревенской жизни.

Н. Ф. Бунаковъ родился въ 1836 г., въ Вологдѣ, гдѣ затѣмъ и началъ свою педагогическую карьеру въ роли преподавателя русскаго языка въ младшихъ классахъ мѣстной гимназіи. Онъ тогда уже съумѣлъ заставить учениковъ полюбить себя и оцѣнить, какъ учителя и человѣка. «Я увѣренъ,—вспоминаетъ объ этомъ періодѣ старый ученикъ Николая Федоровича,—что не найдется ни одного ученика, который не былъ бы глубоко благодаренъ Бунакову за его живое слово и не сохранилъ бы въ памяти самаго свѣтлаго воспоминанія о личности покойнаго педагога и объ его урокахъ» *).

Въ затхлой атмосферѣ учебнаго вѣдомства талантливый педагогъ долго не ужился. И когда въ военномъ министерствѣ почувствовалось дыханіе либеральныхъ вѣяній, онъ перенесъ свою педагогическую работу туда, поступивъ преподавателемъ въ воронежскій кадетскій корпусъ.

Начавъ съ гимназіи, Бунаковъ перенесъ впослѣдствіи свою работу въ народную школу, а затѣмъ, не порывая непосредственной и живой связи съ этой послѣдней, много лѣтъ велъ курсы, устраиваемые земствами для народныхъ учителей. Въ этой роли «учителя учителей» богатый опытъ Николая Ѳедоровича, его любовное отношеніе къ народной школѣ, его огромная начитанность нашли себѣ въ высшей степени удачное примѣненіе. Бунаковъ очень дорожилъ этой новой своей аудиторіей, которая ежегодно перемѣщалась изъ губерніи въ губернію. Мы бы сказали даже, что эта дѣятельность удовлетворяла его, если бы не знали, сколько раздраженія, сколько горькой обиды уносилъ онъ съ собою послѣ каждой такой поѣздки, неизбѣжно связанной съ цѣлымъ рядомъ мелочныхъ придирокъ со стороны мѣстныхъ продставителей учебнаго вѣдомства. Не однѣ только придирки, впрочемъ, встрѣчалъ онъ въ этой своей работѣ,—были случаи, когда руководительство учительскими курсами прямо запрещалось ему въ томъ или иномъ учебномъ округѣ послѣ того, какъ вся организаціонная работа для открытія курсовъ была уже произведена земствомъ.

Будучи еще молодымъ учителемъ вологодской гимназіи, Бунаковъ написалъ сатирическую повѣсть «Бѣсовское навожденіе». «Эта повѣсть, напечатанная

*) „Памяти учителя" Алекс. Круглова, „Русск. Вѣд." 1904 г., № 315.

въ журналѣ «Русское Слово»,—вспоминаетъ г. Кругловъ,—произвела сенсацію, бурю въ краѣ. Авторъ ея былъ узнанъ. Ему не могли простить *правды*, изображенной ярко, и всѣ, задѣтые перомъ талантливаго обличителя, встали, что называется, «на дыбы». Этотъ успѣхъ, однако, не создалъ ему имени «беллетриста», и значеніе литературной его работы не въ этомъ, а въ цѣломъ рядѣ его педагогическихъ сочиненій, въ которыхъ онъ подводилъ итоги своимъ наблюденіямъ и опытамъ. Кромѣ того, онъ извѣстенъ, какъ авторъ многихъ учебниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые (напр., «Азбука и уроки чтенія и письма») выдержали нѣсколько десятковъ изданій.

Нѣкоторые факты изъ общественной дѣятельности Николая Федоровича у всѣхъ еще настолько свѣжи въ памяти, что распространяться о нихъ намъ нѣтъ надобности. Напомнимъ о нихъ въ двухъ словахъ. Въ качествѣ гласнаго воронежскаго уѣзднаго земства Бунаковъ осенью 1902 г. привлеченъ былъ къ участію въ воронежскомъ комитетѣ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Призванный высказаться на тему о самыхъ больныхъ вопросахъ нашей родины, Бунаковъ по натурѣ своей не могъ говорить о посадкѣ рѣпы или насажденіи интенсивной культуры тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, требовалось насажденіе новыхъ формъ общественной жизни. Онъ высказалъ свое мнѣніе открыто и прямо, и хотя мнѣніе это совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, какое сейчасъ высказываетъ вся наша пресса, до провинціальныхъ газетъ включительно,—въ то время, два года тому назадъ, Бунаковъ, 66-ти-лѣтній, разбитый параличемъ старецъ, признанъ былъ опаснымъ государственнымъ преступникомъ и подвергнуть тяжелой административной карѣ. Онъ былъ лишенъ права заниматься педагогической и вообще всякой общественной дѣятельностью и прикрѣпленъ къ своему имѣнію «Петино», находящемуся въ 15 верстахъ отъ Воронежа. Тутъ-же, на его глазахъ, совершенъ былъ разгромъ наиболѣе дорогихъ ему учрежденій,—народнаго театра и народной школы, которыя онъ основалъ и къ которымъ онъ относился съ такою ревнивою любовью, какою можетъ пылать развѣ мать къ своему ребенку.

Лѣтъ десять тому назадъ, будучи невольнымъ жителемъ Воронежа, я не могъ, разумѣется, не побывать и въ «Петинѣ». Первый разъ я посѣтилъ театръ по собственной инціативѣ, и когда Николай Федоровичъ увидѣлъ, что я заинтересовался его дѣтищемъ, онъ пригласилъ меня побывать въ театрѣ и во второй разъ, чтобы посмотрѣть другую пьесу и въ другомъ составѣ исполнителей, которые, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, всѣ были изъ числа петинской крестьянской молодежи, прошедшей курсъ петинской же народной школы.

Миніатюрная сцена, миніатюрный театръ, молодые и неискушенные въ лицедѣйскомъ искусствѣ исполнители и исполнительницы, сермяжные зрители, настроеніемъ которыхъ—отъ слезъ къ смѣху и обратно—такъ легко распоряжаются теперь ихъ собственныя дѣти,—все это было для меня такъ ново и необычно, что я былъ очень обязанъ Николаю Федоровичу, который старался помочь мнѣ разобраться въ новыхъ впечатлѣніяхъ, посвящая меня въ подробности исторіи и современнаго положенія петинскаго театра.

Петинскій театръ возникъ не сразу. Онъ начался съ драматизированія ба-

*

сенъ учениками школы, которымъ Николай Федоровичъ и приписываетъ поэтому иниціативу народнаго театра. Театръ, по мнѣнію Бунакова, дѣло очень важное для деревни, а для неграмотной массы доступность его создаетъ ему большія преимущества даже передъ книгой. Трудъ, какъ бы онъ ни былъ интересенъ и разнообразенъ, не можетъ наполнить жизнь. Человѣкъ нуждается въ развлеченіи, нуждается въ немъ и деревня, и наша задача дать ей такое именно развлеченіе, которое не только освѣжало бы, но и возвышало человѣка. Театръ вполнѣ удовлетворяетъ этимъ условіямъ, если только не навязывать ему нарочитой поучительности, противъ которой Николай Федоровичъ вооружался горячо и страстно.

Какъ мнѣ ни памятны эти два посѣщенія извѣстнаго и далеко за предѣлами Воронежской губерніи села Петина, однако, интересная фигура Бунакова ярко возстановляется въ моихъ воспоминаніяхъ не въ этихъ рамкахъ сельской обстановки. Не въ Петинѣ, а въ Воронежѣ я могъ разглядѣть этого человѣка во всей его полнотѣ.

Надобно замѣтить, что воронежская интеллигенція въ мое время была вполнѣ типичной интеллигенціей любого губернскаго центра. Вся она состояла изъ людей, которые въ той или иной формѣ уже успѣли принести на алтарь отечества—кто клокъ шерсти, а кто и души. Все это были люди пострадавшіе или, какъ говорятъ на россійскомъ жаргонѣ, отбывшіе всеобщую политическую повинность. Люди постарше находили, что они уже совершили все отъ нихъ зависѣвшее и, такъ или иначе пристроившись «къ мѣстамъ», отводили для души только узенькую область культурной работы, отъ которой было не столько общественной пользы, сколько собственнаго самоуслажденія. Скучные это были люди, и при ихъ дѣятельномъ участіи въ Воронежѣ давно уже «заглохла-бъ нива жизни», если бы столица время отъ времени не освѣжала городъ притокомъ свѣжихъ силъ,—людей помоложе, которые вмѣстѣ съ молодымъ задоромъ приносили съ собою вороха общихъ вопросовъ и темъ, одна постановка которыхъ требовала уже извѣстной смѣлости и гибкости мысли.

Для лицъ посторонняго вѣдомства обѣ эти группы мѣстной интеллигенціи представлялись чѣмъ-то вполнѣ однороднымъ, въ одинаковой степени нуждавшимся въ постоянномъ и зоркомъ наблюденіи. На самомъ же дѣлѣ люди постарше и люди помоложе находились по отношенію другъ къ другу въ непрерывномъ антагонизмѣ, который то затихалъ, то, съ пріѣздомъ новыхъ гастролеровъ, обострялся съ удвоенной силой.

Въ этой-то городской обстановкѣ мнѣ и пришлось нѣсколько разъ видѣть Бунакова. Онъ наѣзжалъ въ городъ довольно рѣдко, но каждый разъ обнаруживалъ явное тяготѣніе къ людямъ помоложе. Къ нимъ, къ этимъ людямъ, полнымъ юношескаго задора и интеллектуальной смѣлости, влекли Н. Ф. его симпатіи, его настроенія, его постоянно работавшая мысль, которая какъ будто совсѣмъ не хотѣла считаться съ оболочкой старческаго, подкошеннаго болѣзнями тѣла. И надо было видѣть, съ какою бодростью ковылялъ этотъ разбитый параличемъ старецъ изъ одной комнаты въ другую, заслышавъ въ ней возгласы разгоравшагося спора, какимъ яркимъ огнемъ загорались его глаза;

надо было слышать, какія страстныя ноты звучали въ его слабомъ голосѣ, когда онъ втягивался въ полемику по основнымъ вопросамъ нашей жизни и литературы, чтобы оцѣнить неизбытыя силы, которыя, несмотря на щедрое ихъ расходованіе, онъ донесъ до могилы.

Миръ праху незнавшаго мира!

Вл. Кр—ъ.

ПО ПОВОДУ.

(Изъ жизни въ провинціи).

21-го сентября сего года нижегородскій духовный раввинъ г. Штейнманъ, проѣздомъ черезъ Москву, вздумалъ пройтись пѣшкомъ съ Курскаго вокзала на Брестскій. Ему просто наскучило ждать на вокзалѣ цѣлый день поѣзда, и онъ хотѣлъ кстати Москву посмотрѣть. И пошелъ г. Штейнманъ. Но по дорогѣ онъ обратилъ на себя полное вниманіе постового городового.

— Постой, братъ, ты что тутъ дѣлаешь? Воспрещено вѣдь вамъ, евреямъ, въ Москвѣ жить.

«Г. Штейнманъ,—повѣствуетъ дальше «Ниж. Лист.»,—какъ еврей, сейчасъ почувствовалъ, что онъ виноватъ, и смущенно, показывая билетъ, объяснилъ, что онъ не живетъ въ Москвѣ, а только проѣздомъ, и хотѣлъ лишь посмотрѣть на Москву.

«— Нельзя тебѣ на Москву смотрѣть,—резонно замѣтилъ городовой.

«А затѣмъ... затѣмъ повелъ г. Штейнмана съ сыномъ въ часть, объяснивъ дорогой, какъ добрый человѣкъ, что онъ не задержалъ бы его, да за каждаго задержаннаго еврея выдаютъ по 5 рублей.

«— Неужели мнѣ своего счастія лишиться?»

Въ части составили протоколъ, у г. Штейнмана отобрали паспортъ, выдали вмѣсто него проходное свидѣтельство и отправили на вокзалъ съ городовымъ. Затѣмъ въ Сморгони, куда прибылъ г. Штейнманъ, его судили у мирового судьи по «подходящей» статьѣ, карающей за «самовольное оставленіе мѣста, назначеннаго для жительства по законному распоряженію судебной власти». Мировой судья приговорилъ г. Штейнмана къ штрафу въ 50 коп.

Счастье маленькаго полицейскаго чина было составлено, и онъ получилъ свои пять рублей, а другой маленькій человѣкъ получилъ соотвѣтствующую своему происхожденію кару. Городовой былъ человѣкъ добродушный и не только ничего не имѣлъ противъ г. Штейнмана, но даже посвятилъ его въ секретъ своего счастья. По всей видимости и безропотно шедшій за городовымъ еврей тоже не питалъ противъ него никакой злобы. Однако, одинъ изъ нихъ улыбался, а другой былъ мраченъ. Оба они подчинялись невѣдомому року, который позволилъ одному маленькому человѣку съѣсть другого маленькаго человѣка по всей строгости законовъ.

Другой подобный же случай уловленія счастья возведенъ въ цѣлую систему на Рязанско-Уральской дорогѣ. Тамъ неукоснительно взимается приплата за

скорость съ тѣхъ только пассажировъ, которые садятся въ Рязани или ниже. На почвѣ этого порядка разыгрываются такія сцены, какъ разсказываютъ «Нов. Дня». «Пассажиръ беретъ въ Саратовѣ билетъ до Раненбурга черезъ Козловъ, причемъ въ Козловѣ собирается остановиться и отъ Козлова хочетъ ѣхать уже съ пассажирскимъ поѣздомъ. Съ него требуютъ приплату до самаго Раненбурга.

«— Почему?

«— Да, знаете ли, злоупотребленія бываютъ, особенно среди евреевъ, такъ мы и беремъ приплату до конечной станціи. Впрочемъ, такъ какъ вы не еврей, съ васъ можно взять и до Козлова.

«— Вы какъ разъ ошибаетесь. Я—еврей.

«Начальникъ станціи, попавшійся впросакъ, дѣлаетъ видъ, что не вѣритъ.

«— Вы шутите...

«Кончается дѣло тѣмъ, что пассажира, сумѣвшаго убѣдить начальника станціи въ томъ, что онъ не шутитъ, заставляютъ уплатить за скорость до Раненбурга».

Счастье Рязанско-Уральской дороги безпрепятственно составлено даже безъ вмѣшательства рока. Причемъ выяснилось, что противъ пассажира дорога ничего не имѣетъ, а еврей—это другое дѣло. Присутствіе еврея приноситъ «счастье»,—и это твердо знаетъ начальникъ станціи.

Приведенные два факта, благодаря нѣкоторымъ чрезвычайно характернымъ черточкамъ, благодаря изумительно-наивной мотивировкѣ такого, а не иного отношенія къ евреямъ, даютъ ключъ къ цѣлому ряду антиеврейскихъ безпорядковъ и погромовъ, имѣвшихъ мѣсто въ послѣдніе два мѣсяца.

Присутствіе еврея приноситъ счастье, которымъ если и не дозволяется воспользоваться, то и не воспрещается. Сама наивность объясненія при нашихъ общественныхъ условіяхъ показываетъ, что «антиеврейское» отношеніе къ еврейскому населенію считается столь же простымъ и не требующимъ дальнѣйшимъ объясненій, какъ и велѣнія природы. Стоитъ только внимательно вчитаться въ многочисленныя краткія корреспонденціи о безпорядкахъ, сопровождавшихъ мобилизацію запасныхъ, стоитъ только взять фактъ такимъ, какъ онъ есть, не задаваясь никакими посторонними соображеніями, и предъ вами встанетъ истинная картина еврейскихъ погромовъ, картина наивная и безобразная, какъ и то «счастье», которое она изображаетъ. Здѣсь все упрощено до наивности нашего быта. «Счастье»—подъ руками. Еврейская рухлядь, пожитки достаются въ награду не побѣдителю, а лишь пожелавшему «воспользоваться». Почему же только «еврейская»?—спросятъ, пожалуй. Тамъ, гдѣ нѣтъ евреевъ, какъ въ Пензѣ, Калугѣ, безпорядки запасныхъ имѣли точно такой же характеръ безудержнаго, дикаго грабежа. А въ селѣ Куроѣдовѣ, Симбирской губ., судя по корреспонденціи въ «Судебномъ Вѣстникѣ», разгромъ носилъ чуть ли не до иллюзіи характеръ еврейскаго погрома: «солдаты съ крикомъ «ура» кинулись въ село, предварительно запасшись большими кольями и каменьями и начали выбивать окна и рамы въ домахъ, избивая до полусмерти каждаго попавшагося на улицѣ человѣка, а одного проходившаго ста-

рика настолько избили, что онъ, черезъ два часа, не приходя въ сознаніе, скончался».

На основаніи подобныхъ фактовъ, нѣкоторые «публицисты», типа г. А. С—на изъ «Новаго Времени», склонны убаюкивать себя соображеніями, что современные погромы совсѣмъ не имѣютъ обычнаго привкуса, что здѣсь нѣтъ ни національной, ни религіозной вражды. Люди отправляются на войну, ихъ вдругъ вырываютъ изъ мирной обстановки,—«естественно» они выпили, и, можетъ быть, «естественно» безобразничаютъ? Къ сожалѣнію, подобные публицисты по свойственному легкомыслію никогда и не задавались вопросомъ, каковъ же «настоящій» погромъ. А потому въ ихъ разсужденіяхъ вѣрно все за исключеніемъ того, что не вѣрно.

Неправда, будто въ еврейскихъ «настоящихъ» погромахъ движущимъ мотивомъ является религіозный и національный антагонизмъ. Только «Новое Время», поддерживающее въ одеждѣ цѣломудренной весталки неугасимый огонь племенного и религіознаго человѣконенавистнечества, способно не считаться съ тѣми погромами, въ которыхъ не тлѣетъ священной для газеты искры. Жертва, которую походя избили и ограбили, не пріемлется на алтарь «Новаго Времени». Нѣтъ, хорошій погромъ устраивается на болѣе интересныхъ основаніяхъ, и жертва любитъ, чтобъ ее медленно поджаривали на огнѣ националистическаго и религіознаго экстаза. И ритуалъ такого жертвоприношенія нововременцамъ хорошо извѣстенъ. Но развѣ господа жрецы не замѣтили, что чистота обряда никогда не соблюдалась, и что священное пламя озаряло, и очень рѣзко, дубины и перья литературныхъ и иныхъ громилъ, которымъ въ высоской тепени наплевать на вѣру и народъ? Развѣ «Новое Время» и г. Крушеванъ не улыбались другъ другу, какъ авгуры, когда, гипнотизируя массы непонятными словами и экстатическими воплями, они въ то же время очень понятно указывали, гдѣ находится жертва, которою могутъ «воспользоваться» всѣ вѣрующіе? Еще классическіе погромы начала 80-хъ годовъ, какъ извѣстно, были вызваны причинами, ничего общаго не имѣющими съ національной и религіозной враждой. Но «ритуалъ» погрома все же соблюдался и тогда. Все же нужно было выносить «образа» или выставлять ихъ въ окнахъ, чертить кресты на дверяхъ, чтобы избавиться отъ убытковъ. Такой религіозный декорумъ производилъ желаемое впечатлѣніе и нѣкоторымъ образомъ вліялъ на характеръ и значеніе грабежа: искали агнца для жертвоприношенія. Но уже кишиневскій погромъ (опять-таки вызванный далеко на религіозными мотивами), который нововременцы, кажется, склонны были считать «настоящимъ», совсѣмъ не потребовалъ такой импонирующей обстановки, а въ заклинаніяхъ жрецовъ очень ясно прорывались вопли объ... экономической эксплуатаціи, о необходимости найти жертву... для разбоя и грабежа. Правда, были слова и о «священномъ» возмездіи, о «народномъ» терпѣніи. Но... но здѣсь авгуры улыбались.

Наконецъ, современные октябрьскіе погромы. Облетѣли цвѣты, украшавшіе алтарь, догорѣли священные огни, и жертвоприношеніе превратилось въ *шаблонный* грабежъ, открыто продѣлываемый и откровенно мотивируемый. Поэзія погрома исчезла. Развѣ это настоящіе погромы?—презрительно спрашиваетъ

«Новое Время», и въ тиши редакціоннаго кабинета предается горестнымъ воспоминаніямъ о минувшихъ дѣлахъ и герояхъ: «Вы, нынѣшніе, ну-тка!» А «нынѣшніе» очень просто и очень предусмотрительно пріѣзжаютъ съ возами къ доброму старому «счастью» въ мѣстечкѣ Журавичахъ, Могилевской губ., соглашаются принимать деньги, отступное, отъ «священной» жертвѣ, какъ, напр., въ Богуславѣ, Кіевской губ., въ Могилевѣ, «спокойно, безъ всякаго шума и крика забираютъ товары изъ еврейскихъ магазиновъ» г. Александріи Херсонской губ. и т. д. и т. д. «Жертвы грабежа,—пишутъ изъ Александріи,—не вызывали въ ней (въ толпѣ громилъ) *никакого* (курсивъ нашъ) озлобленія. Ихъ лишь *обирали*» (курсивъ нашъ). Гдѣ же ты, религіозный и и національный экстазъ? Неужели за отсутствіемъ его нужно удовольствоваться слѣдующимъ таинствомъ: «Одинъ пьяный мужикъ снялъ сапогъ съ ноги и требовалъ, чтобы евреи цѣловали ему пятки; ослушниковъ буянъ билъ смертнымъ боемъ»? (корр. изъ м. Княжичъ въ «Сѣв. Зап. Краѣ») Или приходится принять въ счетъ такую формальную отписку: «въ м. Малинѣ каждаго встрѣчнаго толпа спрашивала: русскій или еврей?.. При отвѣтѣ «русскій» толпа гудѣла: «можете итти»?..

Въ Могилевѣ и мѣстечкахъ этой губерніи (Чаусахъ, Старомъ Быховѣ, Мстиславлѣ, Журавичахъ, Горкахъ, Княжичахъ, Сельцовѣ, Сухаряхъ), въ Гродно, Сосновицахъ, Богуславѣ, Радумыслѣ, Вильно, Слонимѣ, Смоленскѣ, Рославлѣ, Александріи, Заверце, Ченстоховѣ, Новорадомскѣ и пр., — вездѣ погромы носили одинъ и тотъ же характеръ: основательно грабили и безъ всякаго толку били, такъ сказать, по традиціи, изъ «нынѣшнихъ» даже мало кому понятной.

«Истинно національное» (въ кавычкахъ) воспитаніе, образцы котораго даютъ гг. жрецы, и истинно національныя (безъ кавычекъ) условія сдѣлали понятнымъ для дикой и невѣжественной черни только одинъ фактъ, который формулированъ московскимъ городовымъ:

— Неужели мнѣ своего счастья лишиться!

Это «счастье» очень просто и легко рѣшаетъ сложную экономическую проблему для населенія, и планомѣрный, «спокойный» грабежъ становится національнымъ пріемомъ при устраненіи національно-экономическихъ неурядицъ. «Политико-экономическій» характеръ погромовъ до того очевиденъ въ настоящее время,погромъ въ рукахъ послушныхъ воспитанниковъ до такой степени превратился въ чисто-экономическое орудіе, что, какъ мы видѣли, онъ часто совершается въ «спокойной» формѣ, и «жертва не вызываетъ озлобленія въ грабителяхъ». Вѣдь, вотъ оно, научное безпристрастіе! Люди открыли «счастье», оно и только оно имъ нужно. А евреи,—противъ нихъ «ничего не имѣютъ». Да сами евреи чувствуютъ, что они лишь жертвы «соціально-экономическаго» эксперимента. Не даромъ же въ Орѣховѣ, какъ сообщаютъ «Новости», досужимъ прожектеромъ былъ подробно разработанъ проектъ взаимнаго страхованія отъ погромовъ. Всѣ евреи «съ радостью» ухватятся за его идею, полагаетъ прожекторъ. На этой дорогѣ открытій трудно остановиться. И вѣрные ученики стали своимъ умомъ доходить, что такое

же «счастье» они могутъ заполучить и не въ указанномъ мѣстѣ. Въ 20-ти верстахъ отъ Александріи толпа разграбила экономію г-жи Кноррингъ, причемъ родственникъ владѣлицы экономіи г. Д. раненъ въ голову. Въ 15-ти верстахъ отъ города крестьяне напали на проѣзжавшую мимо деревни семью венгерцевъ, ограбили и убили изъ нихъ трехъ. Наконецъ, въ Каневскомъ уѣздѣ, Кіевской губ., произошелъ уже цѣлый рядъ чисто аграрныхъ безпорядковъ. «Въ Богуславѣ было повреждено призывными нѣсколько десятковъ усадебъ. То же самое было въ Мироновкѣ, Степанцахъ и Козинѣ, гдѣ пострадало также нѣсколько помѣщичьихъ экономій».

Объясняя это «естественными» признаками запасного, жрецы забываютъ прибавить, что происхожденіе подобнаго «вида» запасныхъ возможно только на почвѣ «настоящихъ» погромовъ съ «настоящей» погромной идеологіей. Систематическое культивированіе грабительскихъ инстинктовъ принесло свои плоды. Невѣжественная масса развращена видомъ ярко освѣщаемаго жрецами уголка общаго безправія и привычной рукой тянетъ свое «счастье», откуда только можно. Она смѣло беретъ его, потому что оно—res nullius, подлинная «ничья вещь», ибо законный владѣлецъ его въ общественномъ значеніи—ничто. Если онъ еврей, то не менѣе, чѣмъ ничто (простите это неуклюжее выраженіе), а если не еврей, то не болѣе, чѣмъ ничто.

Бываетъ, конечно, и такъ, что даже еврей не можетъ соблазнить маленькаго человѣка, ищущаго своего счастья. Тогда, разумѣется, и событія носятъ вполнѣ законный характеръ.

«По Высочайшему манифесту 11-го августа,—какъ сообщаетъ «Право»,—въ Архангельской губерніи изъ 760-ти человѣкъ политическихъ ссыльныхъ освобождено около 60-ти человѣкъ несовершеннолѣтнихъ и около 75-ти человѣкъ совершеннолѣтнихъ. Въ селѣ Кузомети Александровскаго уѣзда рабочій, еврей, административно-ссыльный, послѣ объявленія ему Высочайшаго манифеста, заявилъ становому приставу, что онъ пока не можетъ уѣхать изъ Кузомети, на что ему становой отвѣтилъ: «Если ты не хочешь уѣхать отсюда, то я тебя вышлю по этапу изъ Кузомети, такъ какъ ты не имѣешь права находиться внѣ черты осѣдлости».

* * *

Въ чемъ смыслъ жизни маленькаго человѣка?

Въ томъ, чтобы найти другого поменьше. Въ этомъ его права и преимущества. Этимъ объясняется все его поведеніе.

Въ текущую ноябрьскую выѣздную сессію окружнаго суда въ Мелитополѣ разсмотрѣна, по словамъ «Крымск. Вѣстн.», цѣлая серія дѣлъ по обвиненію городовыхъ и урядниковъ, творившихъ допросы, судъ и расправу съ рукоприкладствомъ.

«— Сколько разъ васъ ударилъ урядникъ? — спрашиваютъ на судѣ пострадавшаго.

«— Сосчитать нельзя было. Билъ урядникъ, билъ и городовой, сначала въ ухо, а потомъ, когда кровь пошла, больше подъ бока толкали,—повѣствуетъ потерпѣвшій.

«— Можетъ, вы сопротивлялись, когда васъ сажали въ кордегардію?

«— Какъ можно, развѣ я не знаю, что сопротивляться нельзя,—отвѣчаетъ онъ.—Меня били для того, чтобы я сознался...»

Человѣкъ, поведеніе котораго построено на принципѣ, гласящемъ, что «сопротивляться нельзя»... Да, это настоящее счастье для человѣка «съ понятіями». И совсѣмъ не рѣдкое счастье. Только одна личность считается неприкосновенной до ареста, а послѣ ареста къ ней можно прикасаться какъ угодно и гдѣ угодно, а другой не присвоены такія тонкости, и она всегда готова...

Предъ нами цѣлый рядъ подобныхъ дѣлъ, въ которыхъ фигурируютъ всякаго общественнаго положенія лица во всей ихъ неприкосновенности.

Въ январѣ текущаго года околоточный надзиратель Саратова Плаксинъ—пьяный, едва державшійся на ногахъ—провѣрялъ вечеромъ посты. Городовой, увидѣвъ шатающееся начальство, дерзнулъ «взять его за руку и повести домой». «По дорогѣ *), тѣмъ не менѣе, Плаксинъ, чтобы не пропадалъ его обходъ, арестовалъ проходившаго крестьянина Аксенова, котораго приказалъ вести въ часть, куда самъ отправился на извозчикѣ.

«Двое полицейскихъ подвели Аксенова.

«— А, это ты!..

«Языкъ околоточнаго заплетался. Онъ выхватилъ шашку и сталъ наносить арестованному крестьянину удары по головѣ.

«Аксеновъ бросился бѣжать отъ пьянаго надзирателя, но послѣдній устроилъ на него настоящую травлю. Онъ отрядилъ взводъ городовыхъ, самъ сѣлъ на извозчика, и за израненнымъ, окровавленнымъ мужикомъ погнались.

«На углу одной улицы бѣглеца догнали, и здѣсь пьяный Плаксинъ учинилъ надъ нимъ новую расправу—опять сталъ драться шашкой, нанесъ два удара по головѣ. Но это было послѣднее издѣвательство — околоточный усталъ и, чувствуя свой долгъ исполненнымъ, удалился. По изслѣдованію ранъ у Аксенова, оказалось, что онѣ тяжкія. Одна была отъ уха почти до рта, съ поврежденіемъ костей. Плаксинъ судился — за «нанесеніе тяжкихъ ранъ при исполненіи служебныхъ обязанностей». Судъ приговорилъ Плаксина, къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца, но, въ силу Высочайшаго манифеста, наказаніе это примѣнено не будетъ».

На слѣдующій день въ той же саратовской судебной палатѣ разсмотрѣно дѣло околоточнаго надзирателя изъ Царицына—Зыкова. «Зыковъ добивался сознанія людей, заподозрѣныхъ въ кражѣ какихъ-то винтовъ. И когда двухъ обывателей привели въ участокъ, околоточный приказалъ городовымъ: «Принести резину»!

«Принесли резиновый прутъ длиною въ полтора аршина и толщиной въ палецъ. Съ арестованныхъ сняли одежду, послѣ чего Зыковъ приказалъ хлестать ихъ резиновымъ прутомъ по голому тѣлу... Избитые едва добрались до камеры, причемъ одинъ изъ нихъ не въ состояніи былъ одѣться. Оба они болѣе мѣсяца пролежали въ больницѣ.

---

*) Цит. по „Руси“, № 306.

«У подсудимаго былъ защитникъ, который очень просилъ для своего кліента снисхожденія, увѣряя судъ, что — «Зыковъ еще только начиналъ карьеру». Зыковъ, съ примѣненіемъ манифеста, приговоренъ къ аресту на 20 дней.

Въ Баку судились двое городовыхъ, Семенъ Шибаршинъ 29 л. (знак. № 163) и Петръ Курловъ 28 л. (знак. 164), и дворникъ Семенъ Тюкилинъ 31 года. Обстоятельства дѣла, которое привело ихъ на скамью подсудимыхъ, рисуются по обвинительному такъ.

26-го декабря прошлаго года на одной изъ улицъ Баку найденъ былъ полиціей раздѣтый окровавленный трупъ мужчины въ одной сорочкѣ. Около трупа, на протяженіи 19 шаговъ, — слѣды кровавыхъ пятенъ. Личность убитаго была установлена; онъ оказался механикомъ завода Гуліева — Іоганомъ Марксомъ. 29-го декабря къ слѣдователю поступило заявленіе дочерей убитаго — Терезы Марксъ и Екатерины Шварцъ, съ указаніемъ, что убійство совершено городовыми, знаки №№ 163, 164. При дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія свидѣтели, Иванъ Борзаковскій и Степанъ Генераловъ, удостовѣрили, что 25-го декабря, около 7—8 часовъ вечера, проходя по Телефонной улицѣ, они увидѣли близь завода Ляпина городовыхъ Семена Шибаршина и Петра Курлова, послѣдняго въ штатскомъ платьѣ, оба были пьяны и били кулаками какого-то человѣка, въ которомъ Борзаковскій узналъ извѣстнаго ему и раньше механика Маркса; механикъ лежалъ на землѣ, барахтался и кричалъ, Борзаковскій попробовалъ вступиться за механика, но Шибаршинъ и Курловъ набросились на него и стали его бить. Вырвавшись, онъ убѣжалъ и не зналъ, что было дальше. Затѣмъ, очевидцами избіенія городовыми Маркса были свидѣтели Петръ Вавилинъ и Кузьма Филяковъ, показавшіе на слѣдствіи, что на первый день Рождества, около 8 час. веч., около завода Рысева замѣтили драку; подойдя поближе, они увидѣли, что двое городовыхъ — одинъ Шибаршинъ, а другой въ вольной одеждѣ—бьютъ какого-то человѣка; по словамъ Вавилина избиваемый лежалъ въ грязи на панели лицомъ внизъ, а по словамъ Филякова избиваемый то падалъ, то поднимался и опять падалъ; билъ его, главнымъ образомъ, Шибаршинъ, билъ нещадно, не только руками, но и ногами и, по выраженію Вавилина, «чуть не плясалъ на немъ», а другой помогалъ ему. На мѣстѣ драки было нѣсколько постороннихъ; кое-кто изъ публики пробовалъ заступиться за избиваемаго, но тогда городовой Шибаршинъ «срывался» и лѣзъ въ драку съ заступникомъ.

«25-го декабря свидѣтели Иванъ Мягкій, Василій Шпировъ и Николай Головановъ около 8—9 часовъ вечера зашли въ ресторанъ «Таганрогъ» (недалеко отъ мѣста драки) и видѣли тамъ двоихъ городовыхъ, изъ коихъ одинъ былъ въ формѣ, другой въ штатскомъ; оба были въ крови, пьяные; одинъ изъ нихъ, именно бляха № 163, обращаясь къ хозяину ресторана Ефрему Казакову, сказалъ: «Напрасно убили, всего 6 рублей, все въ морѣ будетъ». Услыхавъ эту фразу, Мягкій попробовалъ вмѣшаться и, подойдя къ городовымъ, заявилъ, что именемъ закона ихъ арестуетъ, но городовые схватили его за шиворотъ, вытащили на улицу и избили».

По словамъ «Бак. Изв.», судъ, признавъ подсудимыхъ Шибаршина и Кур-

лова виновными въ нанесеніи въ состояніи запальчивости и раздраженіи тяжкихъ ранъ Марксу, приговорилъ каждаго изъ нихъ къ отдачѣ въ арестантскія отдѣленія на 1 годъ. Подсудимый дворникъ Тюкининъ оправданъ за недостаткомъ уликъ. Также оправданы всѣ трое въ умышленномъ нанесеніи тяжелыхъ ранъ.

На станціи «Орелъ» Московско-Курской жел. дор. нѣкто Коноваловъ, будучи заподозрѣнъ въ кражѣ, былъ задержанъ на нѣсколько дней съ лишеніемъ пищи,—и поступилъ въ больницу «съ многочисленными слѣдами жестокихъ побоевъ и съ грыжей, которая могла образоваться (по объясненію врача) отъ напряженія при усиленномъ крикѣ». Въ больницѣ Коноваловъ пробылъ 11 дней, а затѣмъ мѣстной прокуратурѣ подалъ жалобу на жандармскихъ унтеръ-офицеровъ при ст. Орелъ-Ремизова, Белючевскаго и Артеменко за нанесеніе побоевъ. Это случилось въ прошломъ году. Тогда же произведенное разслѣдованіе чрезъ подполковника Терехова (курск. отд.) выяснило начальству моск. жанд. управленіе ж. д.. что жалоба Коновалова неосновательна, ибо онъ поступилъ въ больницу не со слѣдами побоевъ, а со слѣдами ушибовъ мягкихъ тканей. Но крестьянинъ Коноваловъ никакъ не пожелалъ мириться на ушибахъ и обратился съ прошеніемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ. Недавно, какъ сообщаютъ «Русск. Правдѣ», дѣло закончилось. Новое разслѣдованіе, произведенное по приказу министра военнымъ слѣдователемъ, привело къ наложенію взысканія на трехъ упомянутыхъ жандармовъ. Такимъ образомъ, вся «прикосовенность» Коновалова обнаружилось лишь чрезъ полтора года, и онъ былъ возстановленъ во всѣхъ своихъ «побояхъ».

Земскій начальникъ Деконскій обвинялся, какъ сообщаютъ въ «Нов. Вр.» въ преднамѣренномъ убійствѣ. Онъ выпилъ «немного водки» и ощутилъ въ себѣ служебное рвеніе. А затѣмъ онъ стрѣлялъ въ толпу крестьянъ, и убилъ наповалъ одного. Но, вообще, объяснялъ Деконскій на судѣ, «вся причина убійства рисуется ему очень туманно». Присяжные признали, что Деконскій находился въ опасности и стрѣлялъ для самообороны. Судъ объявилъ его оправданнымъ.

* * *

Процесъ утвержденія личности въ ея «прикосновенности» сопровождается сложными и запутанными психическими переживаніями. Административный восторгъ создаетъ въ головѣ лирическій безпорядокъ, и послѣдній обыкновенно побѣждаетъ логику. Къ сожалѣнію, у насъ подъ руками слишкомъ мало матеріала для анализа подобной психологіи, и изъ имѣющихся у насъ фактовъ мы можетъ охарактеризовать административное состояніе лишь общими чертами.

«30-го сентябри,—собщаетъ «Сар. Л.»,—поздно вечеромъ шелъ, возвращаясь съ дежурства, телеграфистъ г. Макаровъ. Грозный окликъ: «Стой! Кто идетъ!»—заставилъ его остановиться. Вопрошающій оказался полицейскимъ надзирателемъ г. Ровинскимъ. «Ты зачѣмъ съ палкой ходишь?» Г. Макаровъ отвѣтилъ, что палку беретъ противъ собакъ, такъ какъ съ мѣсяцъ тому назадъ его укусила бѣшеная собака, и онъ теперь боится ходить безъ палки. «Врешь!.. Вообще, ночью никто не имѣетъ права ходить!»

Сіи съ превеликимъ огнемъ произнесенныя слова возымѣли на прохожаго желаемое дѣйствіе. Онъ покорно выдержалъ потокъ отборной ругани, палка у него была вырвана, но его спасли другіе, собравшіеся на шумъ. Напрасно мы будемъ искать системы въ разсужденіяхъ полицейскаго надзирателя. Сначала онъ взялъ подъ сомнѣніе палку, а затѣмъ, «вообще» лишилъ на ночное время всѣхъ русскихъ подданныхъ всякихъ правъ. Положимъ, что «обобщеніе» полицейскаго надзирателя и правильно по существу. Но какимъ путемъ онъ дошелъ до него?.. Вѣдь этакъ онъ могъ по-гоголевски добраться и до тетки телеграфиста, если у него есть таковая, и выразить твердую увѣренность, что этой «вообще» теткѣ добра не будетъ!

Мысль о томъ, что обыватель имѣетъ право пользоваться своими вольностями и привилегіями только при свѣтѣ дня, а ночью лишается всѣхъ правъ состоянія, оказывается далеко не мѣстной. Такъ, въ № 45 «Права» читаемъ о томъ, какъ въ Кіевѣ А. Г—нъ 21-го октября, въ 12 ч. ночи, возвращался домой. Не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ *городовой* погнался за нимъ съ крикомъ: «Эй вы, стойте, гдѣ такъ поздно шляетесь?» На отказъ отвѣчать, городовой вызвалъ другого городового и двухъ ночныхъ сторожей и при ихъ помощи отвелъ А. Г. въ участокъ. Околодочный Винокуръ составить протоколъ отказался, но въ оправданіе городового изрекъ: «Порядочные люди не должны поздно ходить, а если они такъ поздно ходятъ, то городовые должны освѣдомляться, кто они такіе, и «порядочные» люди всегда отвѣтятъ».

Очевидно, и въ Кіевѣ господствуетъ то же убѣжденіе, и съ наступленіемъ ночи даже личная «порядочность»—не право, а просто Богомъ данный характеръ,—нуждается въ хлопотливой аппробаціи полицейскаго участка. Каждый да ходитъ опасно!

Дмитровскій помѣщикъ г. Муравьевъ лишаетъ крестьянъ даже на день естественнаго права ходить. При этомъ участковую аргументацію и морализированіе онъ отвергаетъ, какъ несоотвѣтствующую силѣ его восторга, а замѣняетъ все это просто приказомъ:

— Не смѣть ходить мимо моего дома!

Къ несчастью церковь, куда ведетъ опасная дорога, расположена въ усадьбѣ этого помѣщика. Одинъ изъ «мужичья» Панфиловъ, несмотря на приказъ, однажды взялъ да и пошелъ въ церковь молиться. «Помѣщикъ Муравьевъ,— разсказываетъ корреспондентъ «Руси» (№ 313),—крикнулъ крестьянину Панфилову, чтобы онъ не смѣлъ проходить мимо его дома, но тотъ, не оборачиваясь (!), прошелъ въ церковь».

Помѣщикъ сталъ увеличиваться и почувствовалъ, какъ онъ неизмѣримо выше маленькаго крестьянина. Это самовозрастаніе было такъ очевидно всѣмъ непредубѣжденнымъ людямъ, что земскій начальникъ Дмитровскаго уѣзда, Орловской губ. отставной офицеръ П. Н. Шамшевъ, въ «поступкѣ» Панфилова нашелъ «самоуправство» и подвергъ его взысканію. «По перенесеніи дѣла въ съѣздъ (причемъ, между прочимъ, выяснилось, что обвиняемый глухъ), приговоръ земскаго начальника былъ утвержденъ. Крестьянинъ Панфиловъ и

этимъ не остался доволенъ и подалъ кассаціонную жалобу, но до выясненія ея юридическихъ результатовъ познакомился съ ея практическими послѣдствіями, ибо былъ внезапно арестованъ и посаженъ въ тюрьму по распоряженію орловскаго губернатора г. Баляснаго. По совѣту прис. пов. Л. І. Кржевскаго, который былъ защитникомъ Панфилова, родственники послѣдняго поѣхали въ Петербургъ съ жалобой на губернатора къ бывшему министру внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве, но министръ сказалъ, что онъ не допускаетъ и мысли, чтобы губернаторъ могъ такъ поступить, какъ изложено въ ихъ жалобѣ, и потому оставилъ ее безъ удовлетворенія и разслѣдованія». Только недавно, когда родственники Панфилова вновь обратились къ замѣстителю В. К. Плеве, по предписанію изъ Петербурга, крестьянинъ Панфиловъ былъ, наконецъ, свобожденъ изъ тюрьмы, гдѣ пробылъ 2½ мѣсяца.

Но чаще всего, какъ намъ кажется, вмѣсто полицейско-этическихъ нормъ или категорически-помѣщичьихъ императивовъ дѣло обставляется еще проще, но зато и характернѣе, отчего и получаетъ названіе «бытовой сценки». «Бытовая», т.-е. такая, о которой только и можно сказать: «Бываетъ».

По улицѣ Геленджика идетъ чиновникъ по переселенческимъ дѣламъ. Ему навстрѣчу урядникъ.

— Паспортъ!—неожиданно раздается окрикъ урядника.

Чиновникъ продолжаетъ путь, не подозрѣвая, что требованіе относится къ нему.

— Паспортъ! Тебѣ говорятъ паспортъ! Вынимай и показывай!

Произошло объясненіе, которое показало, что урядникъ выбралъ себѣ человѣка не по чину. Словомъ, сорвалось.

Ошибаться можетъ даже урядникъ. Но и въ ошибкахъ его сколько жару и искренности! Вы чувствуете, что на него «накатилъ» духъ, онъ что-то бормочетъ, не заботясь о связи и послѣдовательности, о мѣстѣ и времени,—и въ этомъ наитіи его сила. Его душа въ это время уподобляется бурному океану, который съ одинаковымъ величіемъ поглощаетъ паспортъ, палку, крестьянина, чиновника и все, что угодно. И тѣмъ хуже для лицъ, относительно чина и званія которыхъ не можетъ быть ошибки, что теперь въ душѣ геленджикскаго урядника, «какъ въ океанѣ, надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ». На нихъ онъ возмѣститъ свой утраченный восторгъ. Стихія!

* * *

Мы должны сознаться, что наши психологическія изысканія въ душѣ маленькаго человѣка, ищущаго другого поменьше, привели къ очень скуднымъ итогамъ. «Стихія»—это скорѣе внѣшнее описаніе административнаго припадка. Отдѣлаться отъ анализа, мы не считали возможнымъ. Слишкомъ большое общественное значеніе имѣетъ этотъ психическій факторъ. Неукротимое стремленіе показать свою власть во что бы то ни стало и вообще «показать» слишкомъ отражается на повседневной жизни обывателя. Тѣ факты, какіе мы привели, все же могутъ считаться единичными, имѣющими отношеніе лишь къ телеграфисту, крестьянину и пр. Но даже и мало внимательному наблюдателю бросается въ глаза, что вся система охраны общественнаго спокойствія, система,

пріуроченная «для нарушенія тишины», построена на такомъ же психологическомъ принципѣ. Система охраны чисто соціальнаго происхожденія, пожалуй, и могла бы быть основана на власти однихъ надъ другими. Но эти «одни» имѣли бы въ такомъ случаѣ возможность проявлять лишь свою долю власти, ту самую, которая имъ отпущена въ общей системѣ. Ежели мнѣ, дѣйствительно, отпущены телеграфисты, то по долгу присяги я и обязанъ дать имъ «понять», отнюдь чтобы, скажемъ, врачи не «понимали». Но система, построенная на психологическомъ принципѣ, какъ разъ и имѣетъ въ виду то, что на юридическомъ языкѣ называется превышеніемъ власти. И хотя отдѣльные случаи превышенія не одобряются, но всѣ, вообще, случаи рекомендуются. А развѣ для превышенія можно указать границы? Психологически предѣлы легко установить въ зависимости отъ личныхъ способностей, но соціологически они сейчасъ же передвигаются дальше, какъ только вы подходите къ предполагаемому концу компетенціи маленькаго человѣка. Могій вмѣстить и телеграфиста, и крестьянина, и многое другое, да вмѣститъ! Не довольствоваться отпущеннымъ, но «превышать», не зарывать даннаго таланта въ землю, но пріумножать,—такова психологическая система власти. Въ сущности ея проведеніе въ жизнь является не осуществленіемъ власти. Оно характеризуется лучше словомъ «завоеваніе». И такъ оно есть на самомъ дѣлѣ.

Во всѣхъ перечисленныхъ выше случаяхъ мы видѣли настоящую завоевательную политику маленькаго человѣка. Онъ ведетъ себя, какъ побѣдитель въ не совсѣмъ завоеванной странѣ. Ему вѣчно приходится усмирять, покорять «подъ нози», и чуть побѣжденный встанетъ, необходимо снова его «подъ нози», словомъ, каждый день вести побѣдоносную войну. Такая колоніальная политика, конечно, не дешево обходится замиреннымъ.

Въ саратовскомъ земскомъ собраніи 10-го декабря былъ представленъ рядъ докладовъ управы о пользованіи земскими лошадьми чиновъ полиціи. «Пользованіе лошадьми распредѣлялось въ истекшемъ году такимъ образомъ: на медицинскій и ветеринарный персоналъ приходится 10.227 лошадей и 173.984 версты, на полицію 142.705 верстъ, на долю становыхъ приставовъ—57.373 версты, уѣзднаго исправника—21.473 версты, судебнаго слѣдователя—17.866 верстъ и жандармскихъ чиновъ—4.235 верстъ. Каждая верста-лошадь обошлась земству въ 6,38 к. Управа указываетъ, что она лишена возможности контролировать дѣйствія полиціи» («Сарат. Лист». № 226).

Въ заключеніе управа передаетъ характерный фактъ: «Становой приставъ 5-го стана требовалъ земскихъ лошадей для полицейскихъ стражниковъ, командируемыхъ имъ въ качествѣ разсыльныхъ. Управа довела объ этомъ до свѣдѣнія г. губернатора, но послѣ этого вмѣсто стражниковъ стали разъѣзжать въ качествѣ тѣхъ же разсыльныхъ—десятскіе».

Глазовское (Вятской губ.) уѣздное земское собраніе, какъ сообщаютъ «Русск. Вѣд.» (№ 308) по выслушаніи особой записки гласныхъ С. П. Максимовича и А. А. Дуракова постановило возбудить ходатайство предъ правительствомъ:

«1) О сокращеніи полицейской стражи въ Глазовскомъ уѣздѣ на половину и 2) о предоставленіи земству на нужды народнаго образованія тѣхъ суммъ,

какія освободятся у правительства отъ сокращенія полицейской стражи. Основаніемъ для этого ходатайства послужили слѣдующія соображенія. На содержаніе полицейской стражи въ Глазовскомъ уѣздѣ правительство тратитъ громадную сумму—свыше 45-ти тысячъ рублей, между тѣмъ уѣздъ въ такой усиленной охранѣ не нуждается. Населеніе уѣзда невѣжественно, некультурно, непросвѣщенно и въ просвѣщеніи—его первая насущная потребность. Просвѣщеніе народа высоко поднимаетъ его культуру, разовьетъ въ немъ чувство уваженія къ справедливости и законности, введенная же съ нынѣшняго года полицейская охрана, въ лицѣ полицейскихъ стражниковъ, этому не способствуетъ».

Только благодаря такому порядку, когда необходимо заботиться о постоянной «охранѣ» завоеваннаго и тратить всѣ силы на усугубленіе власти,—только этимъ можно объяснить существованіе такихъ двухъ деревень, какъ Насидки и Волково Владимірской губ., Ковровскаго уѣзда. «Крестьяне названныхъ деревень занимаются земледѣліемъ и доселѣ живутъ «на оброкѣ», который ежегодно выплачиваютъ «господамъ», какъ въ «доброе старое время». Преобразованія «эпохи реформъ» совершенно не затронули этого забытаго уголка. Такое «оброчное» положеніе, быть можетъ, продолжалось бы еще долгое время, если бы владѣльцу находящаяся «на оброкѣ» земля не понадобилась для другой надобности. Крестьянамъ было предложено оставить землю, и тутъ только впервые стало извѣстно крестьянамъ, что ихъ земля еще въ «доброе старое время» была продана помѣщикомъ купцу Кокушкину, крестьяне же не были переселены и продолжали платить «оброкъ», который въ дѣйствительности уже сталъ арендною платой» («Рус. Вѣд.», № 301).

Крестьяне сразу превратились въ безземельныхъ пролетаріевъ, такъ какъ принуждены бросить свою землю. Какъ же прошла для нихъ исторія? Неужели они имѣли только ноздревскую «исторію» и видѣли только «историческаго» человѣка, который только и зналъ, что покорялъ ихъ, и никакъ не удосужился сообщить о маленькой перемѣнѣ въ ихъ общественномъ положеніи?..

* * *

Завоевательная политика господствуетъ вездѣ. Мы видѣли, какъ ею пользовалась одна часть населенія противъ другой въ погромахъ, якобы вызванныхъ національнымъ и религіознымъ антагонизмомъ, отдѣльныя лица всѣхъ сословій и разнаго оружія, словомъ, все, что живо и подвержено соблазну и подражанію.

Даже въ сферѣ педагогическихъ отношеній, гдѣ, кажется, и завоевывать нечего,—развѣ только любовь и уваженіе питомцевъ,—всероссійскіе пріемы съ успѣхомъ и ревностно культивируются.

Въ университетѣ св. Владиміра, напр., ректоромъ, какъ сообщаетъ «Кіев. Газета», вывѣшено слѣдующее объявленіе: «Считаю долгомъ предупредить студентовъ, если соберется сходка, то, по распоряженію высшей власти, противъ нея будутъ приняты самыя строгія мѣры, и участники ея, какъ нарушившіе изданное г. кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ генералъ-губернаторомъ постановленіе о воспрещеніи сборищъ, могутъ подвергнуться, кромѣ прочихъ послѣдствій, тюремному заключенію до трехъ мѣсяцевъ по постановленію адми-

стративной власти. Поэтому я приглашаю всѣхъ благомыслящихъ студентовъ держаться по возможности далѣе того мѣста, гдѣ собирается толпа, дабы не быть причисленными къ участникамъ сходки или единомышленникамъ ея. Ректоръ университета Н. Бобрецкій».

Обязательными постановленіями генералъ-губернатора жителямъ г. Кіева и его предмѣстій воспрещаются всякія сходбища и собранія для совѣщаній и дѣйствій, общему спокойствію и тишинѣ противныхъ. И «Кіевскіе Отклики», комментируя объявленіе г. ректора, справедливо зачѣчаютъ, что «постановленія эти, изданныя для жителей г. Кіева и его окрестностей, никоимъ образомъ не могутъ относиться къ университету, въ стѣнахъ котораго студенты, какъ и вообще воспитанники всякаго учебнаго заведенія, подчиняются своему непосредственному начальству». Итакъ какъ «чины полиціи не имѣютъ права входить въ университетъ иначе, какъ по приглашенію завѣдующаго учебнымъ заведеніемъ или же г. попечителя учебнаго округа», то «объявленіе, вывѣшенное г. ректоромъ университета св. Владиміра, содержитъ въ себѣ распространительное толкованіе изданныхъ обязательныхъ постановленій, совершенно несогласное съ точнымъ смысломъ этихъ постановленій, и указаніе на «распоряженіе высшей власти», представителемъ коей въ г. Кіевѣ является генералъ-губернаторъ, представляется необоснованнымъ».

Даже и распоряженія такого, какъ достовѣрно знаютъ «Кіевскіе Отклики», генералъ-губернаторомъ сдѣлано не было.

Въ этомъ «распространительномъ» толкованіи и заключается источникъ, питающій всѣ подобныя мѣропріятія въ разныхъ отрасляхъ народной жизни, на такомъ «распространительномъ» методѣ и основывается та психологическая система власти, о которой мы говорили.

Если въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ учебные порядки распространяются до размѣра административныхъ, то въ среднихъ, казалось бы, можно обойтись и «домашними» средствами. Но эти «домашнія» средства ничуть не уступаютъ административнымъ, скорѣе превышаютъ ихъ.

Среднія учебныя заведенія—это плантаціи, въ которыхъ на общей нивѣ (какъ деликатно принято выражаться) просвѣщенія мирно трудятся плантаторы и негры-рабы не старше 18-ти лѣтъ. Здѣсь безпрестанная борьба на жизнь и на смерть.

Ученикъ V класса елисаветградской гимназіи, Петръ Суббочъ, 1-го октября найденъ былъ въ погребѣ съ прострѣленной головой. Наканунѣ рокового дня, сообщаетъ «Южная Россія» (№ 263), Петръ Суббочъ узналъ, что онъ уволенъ изъ гимназіи въ виду невзноса платы за право ученія. До этого онъ былъ грустенъ, двѣ недѣли не посѣщалъ гимназіи, но начальство не освѣдомлялось о причинахъ непосѣщенія. Покойный оставилъ записку товарищамъ, въ которой говоритъ о красотѣ и прелести жизни и о необходимости для него разстаться съ ней.

«Саратов. Листокъ» сообщаетъ, что 28-го октября въ хвалынскомъ городскомъ 4-хъ-класномъ училищѣ произошелъ слѣдующій случай. «Во время перемѣны кто-то изъ учениковъ крикнулъ. Учитель Б., не разобравъ, въ чемъ

дѣло, и не найдя виновнаго, схватилъ сидѣвшаго съ краю за партой ученика Перепелова, вытащилъ его въ корридоръ и ударилъ его кулакомъ. Мальчикъ грудью ударился о барьеръ лѣстницы, а затѣмъ упалъ на полъ, причемъ ушибъ себѣ грудь и ногу. Домой онъ пришелъ при помощи другихъ учениковъ».

Въ «Руси» же читаемъ слѣдующую корреспонденцію изъ Смоленска: «Ученикъ 7-го класса гимназіи—по заявленію краснинскаго земскаго гласнаго А. Н. Попова—получивъ 4 за поведеніе, былъ взятъ изъ гимназіи своимъ попечителемъ по настоятельному и, казалось, вполнѣ искреннему и участливому совѣту директора для перевода въ другую гимназію въ цѣляхъ якобы перемѣны обстановки и устраненія вредныхъ вліяній нѣкоторыхъ лицъ къ интересамъ учащагося. Вполнѣ довѣряясь совѣту опытнаго педагога, попечитель ученика жестоко поплатился за свою довѣрчивость, такъ какъ съ четверкой за поведеніе ученикъ не былъ принятъ ни въ одну изъ множества гимназій Россійской имперіи. Смоленская гимназія также не приняла его обратно». Директоръ смоленской гимназіи, г. Кедринскій затѣмъ объяснялъ, что онъ «частнымъ образомъ» ходатайствовалъ передъ начальствомъ о пріемѣ молодого человѣка въ другую гимназію, «а почему мое ходатайство не увѣнчалось успѣхомъ, о томъ хорошо знаетъ г. попечитель». Поставить въ свидѣтельствѣ, выданномъ ученику, четверку за поведеніе, съ которой—это «хорошо знаетъ» и г. директоръ—никуда не примутъ, а затѣмъ «частнымъ (?) образомъ» ходатайствовать,—это ли не утонченный пріемъ?

Въ № 310 «Руси г. Владиміръ Ж. даетъ потрясающую картину работъ на плантаціи... pardon, въ ростовскомъ-на-Дону средне-техническомъ училищѣ. Директоръ его инженеръ П-въ.

Полтора года тому назадъ на порогѣ директорской квартиры застрѣлился ученикъ Холодниковъ. Черезъ полгода послѣ него покончилъ съ собою, предъ уходомъ изъ дому въ училище, ученикъ Ларіоновъ. Въ этомъ году, 8-го іюля, въ канцеляріи училища выстрѣлилъ въ себя ученикъ приготовительнаго класса Владиміръ Титовъ. Его спасли, но онъ остался калѣкой на всю жизнь, такъ какъ пуля осталась въ груди. Оставленный на второй годъ изъ-за маляріи, которая сильно изнуряла Титова, онъ не былъ переведенъ и въ этому году безъ экзамена въ слѣдующій классъ, несмотря на ходатайство училищнаго врача. На экзаменѣ по алгебрѣ истощенный ученикъ провалился. Это значило, что второгодникъ исключался изъ училища. Это и послужило поводомъ къ попыткѣ на самоубійство.

Но это еще не все. Совсѣмъ недавно въ этомъ же училищѣ имѣлъ мѣсто четвертый случай, который, по независящимъ отъ училища обстоятельствамъ, не окончился самоубійствомъ.

Ученикъ Андрей Бирюкъ, «сынъ крестьянина, робкій, тихій, немного болѣзненный», характеризуетъ его г. Владимиръ Ж. Однажды во время урока пѣнія у него разболѣлась голова, Учитель пѣнія разрѣшилъ ему не пѣть, и г. Бирюкъ «сѣлъ на скамью и подперъ голову руками».

«Такъ онъ сидѣлъ, пока, вдругъ, его не схватили за шиворотъ. Это былъ дирикторъ. Г. П—въ закричалъ на него:

«— Какъ ты смѣешь сидѣть во время пѣнія гимна?

«Затѣмъ, все держа г. Бирюка за воротъ, г. П—въ вытолкалъ его за дверь, обругалъ его скотиной и велѣлъ идти въ директорскій кабинетъ. Г. Бирюкъ, шатаясь и не вполнѣ сознавая, въ чемъ дѣло, пошелъ. Директоръ распекъ учителя пѣнія, который пытался объяснить ему, что разучиваніе хоромъ народнаго гимна не можетъ быть приравнено къ публичному торжественному исполненію, когда всѣ обязаны встать, и что у юноши разболѣлась голова, и многое другое. Директоръ распекъ его, прокричалъ что-то такое о властяхъ предержащихъ вообще и о жандармахъ въ частности и побѣжалъ въ свой кабинетъ къ г. Бирюку. Тамъ г. П—въ съ нимъ и заперся. Что тамъ произошло, неизвѣстно, ибо то, при чемъ не было постороннихъ свидѣтелей, оффиціально почитается неизвѣстнымъ. Но г. Бирюкъ вышелъ оттуда совершенно блѣдный, съ блуждающими глазами, растерянный, трясущійся, почти въ столбнякѣ. Въ классѣ шелъ уже урокъ геометріи, и преподаватель В. В. Митинъ вызвалъ г. Бирюка. Тотъ подошелъ къ каѳедрѣ и прошепталъ:

«— Я не въ состояніи... Меня только что били...

«Послѣ послѣдняго урока пришелъ надзиратель и заявилъ г. Бирюку, что директоръ велѣлъ запереть его до 12 часовъ ночи. Г. Бирюкъ сказалъ: Я ничего не ѣлъ. Хоть накормите меня». Ему отказали и велѣли рѣшить шесть геометрическихъ задачъ. Отпустили его домой только въ 11 часовъ ночи».

«Въ тотъ разъ, когда я сидѣлъ взаперти,—разсказывалъ Бирюкъ г. Вл. Ж., у—меня не было ни ножа, ни веревки,—это меня спасло».

«4-го сентября г. Бирюка призывали въ тотъ самый кабинетъ и разспрашивали, правда ли, будто онъ жаловался въ округъ, и требовали расписки въ томъ, что его, Бирюка, никто не билъ. Г. Бирюкъ отказался расписаться. Тогда ему пригрозили созвать педагогическій совѣтъ и настоять на его исключеніи изъ училища...»

Послѣ разоблаченій г. Владиміра Ж., общество, какъ водится, взволновалось, попечитель училища Чурилинъ и его товарищъ отказались отъ попечительства, а ростовская дума постановила прекратить временно пособіе училищу, новыхъ попечителей не избирать и произвести черезъ учебный округъ разслѣдованіе о безпорядкахъ въ училищѣ. А пока что, въ училищѣ «внезапно», какъ телеграфируютъ «Руси», прекращены занятія и ученики разошлись...

Каждому гимназисту почти вмѣняется въ обязанность, во всякомъ случаѣ, очень рекомендуется его непосредственными руководителями, читать «Хижину дяди Тома». Напомнимъ, что въ свое время книга была написана для взрослыхъ плантаторовъ.

Вотъ что значитъ смягченіе нравовъ!

І. Ларскій.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

„Русское Богатство"—сентябрь; „Образованіе"—сентябрь, октябрь,: „Всемірный Вѣстникъ"—сентябрь).

Мы обѣщали въ прошлый разъ возвратиться къ продолженію статьи г. Петрищева «Изъ замѣтокъ школьнаго учителя». Мы это теперь и сдѣлаемъ.

Положеніе у насъ школьнаго учителя глубоко ненормально не только въ томъ отношеніи, что этотъ сѣятель «разумнаго, добраго, вѣчнаго», во-первыхъ обреченъ на вѣчное полуголодное существованіе и, во-вторыхъ, обязанъ, именно обязанъ, бояться рѣшительно всякаго начальства, но и по той причинѣ, что въ число обязательныхъ дѣйствій для учителя входитъ не смягченіе нравовъ учащихся у него дѣтей, а именно огрубленіе ихъ, не пробужденіе въ дѣтяхъ человѣческаго достоинства, а всемѣрное его искорененіе. Учителя преслѣдуетъ начальство за то, напр., что онъ говоритъ своимъ ученикамъ «вы». Въ употребленіи такого мѣстоименія кроется, по мнѣнію многихъ начальствующихъ лицъ, несомнѣнное «потрясеніе основъ», такъ какъ пріучаетъ какихъ-то лохматыхъ мужичатъ смотрѣть на себя не тѣми глазами, смотрѣть которыми имъ надлежитъ во все продолженіе ихъ жизненной неволи. Именно съ такимъ явленіемъ столкнулся въ своей преподовательской дѣятельности и г. Петрищевъ.

«Въ 1893 году,—разсказываетъ онъ,—начавъ службу въ к-омъ уѣздномъ училищѣ, я счелъ болѣе удобнымъ говорить ученикамъ «вы». Мой ближайшій начальникъ—штатный смотритель—видимо встревожился. Полушутя, полусерьезно, онъ нѣсколько разъ намекалъ, что «выканія» ни въ коемъ случаѣ одобрить не можетъ. А потомъ счелъ своимъ долгомъ сдѣлать мнѣ надлежащее внушеніе.

«Знаете, что,—заговорилъ онъ,—вашъ предшественникъ, правда, тоже обращался на «вы», но это выходило у него энергично, строго. Онъ, бывало, кричалъ: «вы—идіотъ, вы—болванъ, вы—дуракъ»... У васъ же выходитъ слишкомъ деликатно и мягко.

«—Значитъ, я долженъ тоже ругаться?

«—Зачѣмъ же ручаться?—возразилъ смотритель. Но ваша деликатность не соотвѣтствуетъ тому, какъ я обращаюсь съ учениками. И другіе преподаватели иначе обращаются... Вы вносите диссонансъ... И вообще какъ бы подчеркиваете... этого я не могу допустить...

«—А если я все-таки буду «выкать»?

«—Тогда я попрошу содѣйствія у директора народныхъ училищъ,—оффиціальнымъ тономъ прибавилъ смотритель.

«Прошло нѣсколько дней. По обыкновенію, какъ и всѣ другіе учителя, я пришелъ на уроки къ концу утренней молитвы. Когда молитва кончилась, смотритель, ни мало не стѣсняясь присутствіемъ учениковъ, заявилъ мнѣ:

«—Вы опоздали. Я прошу впредь этого не дѣлать... И потомъ это «вы»,—когда же оно прекратится?

«Еще черезъ нѣсколько дней я выслушалъ другое замѣчаніе:

«—Я васъ прошу,—обратился ко мнѣ смотритель въ учительской,—не ичать такъ въ классѣ.

«—Не кричать?

«—Вы мѣшаете другимъ преподавателямъ...

«Другіе преподаватели» находились тутъ же на лицо, а между ними и коноучитель, который занимался рядомъ со мною, въ сосѣднемъ классѣ.

«—О. Алексѣй,—спросилъ я у него,—мой голосъ вамъ мѣшаетъ?

«—Вашего голоса я и не слышалъ вовсе,—мужественно засвидѣтельствовалъ Алексѣй.

«—И потомъ это «вы»,—объяснилъ свое поведеніе смотритель,—когда же у будетъ конецъ?

«Повидимому, къ содѣйствію директора онъ не счелъ удобнымъ обращаться.) замѣчанія и выговоры я получалъ каждый день и почти каждое замѣчае неизмѣнно заканчивалось словами:

«—И потомъ это «вы».

«Года черезъ два судьба забросила меня въ другой округъ. Я попалъ училемъ въ д—ое городское училище. «Начальство» встрѣтило меня довольно обезно, но сразу же предупредило:

«—Только пожалуйста не «выкайте»... И вообще постарайтесь безъ этихъ, наете, ли, разныхъ деликатностей и прочихъ суперфлю... У насъ тутъ всѣ опросту. Такъ вы уже общей музыки не разстраивайте»...

Такъ долженъ держать себя учитель съ своими учениками. Награждать хъ ласковыми словами вродѣ «идіотъ, дуракъ, болванъ», онъ всегда не олько въ правѣ, но и какъ бы обязанъ, ибо этимъ учитель доказываетъ на лежащій образъ мыслей, педагогическую опытность и полное пониманіе высихъ предначертаній начальства; обращеніе же обратнаго рода свидѣтельствуетъ объ обратномъ всемъ остальномъ, изъ чего слѣдуетъ, что отъ пагубнаго ліянія такого учителя дѣтскія души надлежитъ спасать со всевозможной бытротой. И ихъ обыкновенно спасаютъ...

Регламентаціи и притомъ регламентаціи самой строгой подлежатъ въ жизни чителя и особенно учительницы, не только ихъ отношенія къ начальству и чащимся, но и ко всему внѣшнему міру. Существуетъ, оказывается, книга, которая называется «совѣтникъ народнаго учителя, руководство для лицъ, лужащихъ въ народныхъ училищахъ». Мы такой книги никогда не видѣли, ю, судя по приводимымъ изъ нихъ г. Петрищевымъ цитатамъ, она, навѣрно, іе только «допущена», но и «одобрена», и «рекомендована», и какъ тамъ еще въ такихъ случаяхъ пишется, всѣми «учеными комитетами» и прочими учрежденіями, призванными блюсти дѣла народнаго просвѣщенія и народной нравственности. Такъ, вотъ, по правиламъ этой-то книги, считается, напр., неудобнымъ, если учительница имѣетъ «легкомысленный, свѣтскій видъ». Она должна быть, очевидно, чѣмъ-то вродѣ монашенки. Даже въ парадныхъ случаяхъ жизни она должна «надѣвать платье изъ матеріи гладкой, безъ рисунковъ», по возможности темной окраски и отнюдь не модныхъ покроевъ

Ленты и другія украшенія могутъ быть допущены лишь въ очень ограниченномъ количеттвѣ. Прическа должна быть гладкою».

Это все предписанія, мягко называемыя совѣтами все изъ того же «Совѣтника», составленнаго, навѣрно, также какимъ-нибудь премудрымъ статскимъ, дѣйствительнымъ статскимъ, а то и тайнымъ совѣтникомъ. Отступленія отъ исполненія такихъ совѣтовъ влекутъ за собой, конечно, непріятныя послѣдствія.

«Одна изъ моихъ знакомыхъ, сельская учительница,—разсказываетъ г. Петрищевъ,—осмѣлилась на святкахъ появиться въ клубѣ на балу «въ декольтированномъ,—какъ выразился возмущенный инспекторъ,—видѣ». Декольте, правда, было довольно робкое, но, конечно, инспекторъ, «далъ ей почувствовать все неприличіе такого поступка» и посовѣтовалъ «поскорѣе ѣхать домой и переодѣться». Интересно, что дочь того же инспектора была на томъ же балу тоже «въ декольтированномъ видѣ».

Очевидно, и тутъ на лицо что-то вродѣ «черной» и «бѣлой» кости.

Дѣло доходитъ до постановки самымъ серьезнымъ образомъ вопроса,—совмѣстимо ли со службой народной учительницы ея замужество, и многіе отечественные педагоги отвѣчали на этотъ вопросъ отрицательно. Въ защиту своего взгляда на необходимость для сельской учительницы оставаться вѣчной весталкой, одинъ инспекторъ народныхъ училищъ приводилъ г. Петрищеву такія соображенія:

«Дѣти—народъ догадливый. Фантазія у нихъ живая И вдругъ какая-нибудь Марья Ивановна,—извините за выраженіе,—брюхатая ходитъ! Судите сами, что могутъ подумать ученики?.. Разумѣется, каждый эдакій мальчишка сейчасъ же представитъ со всѣми онерами, какъ это дѣлается... Богъ знаетъ что! Послѣ этого что же остается: развратныя картинки развѣ въ классѣ развѣшивать?..»

Въ видѣ «уступки» учительницамъ разрѣшалось въ той мѣстности, о которой разсказываетъ г. Петрищевъ, выходить замужъ исключительно за учителей. И это вотъ по какимъ соображеніямъ·

«Тутъ другая психологія. Учитель—тотъ же отецъ; учительница—та же мать. Въ такихъ случаяхъ святыня семейныхъ отношеній отъ соблазнительныхъ мыслей охраняетъ. Семейственное начало много значитъ»...

Когда одинъ изъ премудрыхъ педагоговъ въ такой именно формѣ развивалъ свою мысль о бракахъ учительницъ, присутствовавшій при этомъ одинъ учитель скромно замѣтилъ:

«— Не слѣдуетъ ли,—сказалъ онъ,—ходатайствовать объ установленіи закона, чтобы беременныя женщины на улицу не выходили и вообще ученикамъ показываться не смѣли? Дабы юношество не развращалось...

«Не замѣтивъ ироніи, педагогъ отвѣтилъ:

«— Къ сожалѣнію, такое ходатайство не будетъ уважено. Это было бы слишкомъ большимъ стѣсненіемъ для обывателей. Знаете ли, въ бѣдной семьѣ... Вотъ по тому-то закрытыя учебныя заведенія и предпочтительнѣе открытыхъ»...

Учительница должна быть, оказывается, не только весталкою, но и «законнорожденною». Иначе опять-таки «соблазнъ».

Въ станицѣ Константиновской области Войска Донского штатный смотритель Сидоровъ заставилъ учительницу Т. лишиться мѣста по той причинѣ, что она оказалась «незаконнорожденной».

«— Неудобно такихъ держать. Ученики узнали какого она происхожденія. Соблазнъ.

«— Но, вѣдь, она хорошая учительница,—возражали г. Сидорову.

«— Это правда. Но въ томъ-то и горе. Еслибы плохая,—было бы терпимо. У дѣвочекъ, такъ сказать, живой примѣръ передъ глазами: вотъ, дóскать, какъ Богъ шельму мѣтитъ. А если она хорошая,—сами посудите, что подумаютъ ученицы? Значитъ, скажутъ, это ничего, что она незаконнорожденная. Значитъ можно»...

Отъ «соблазновъ» дѣтей охраняютъ всевозможными способами. У одного ученика застрѣлился отецъ. Имѣя это въ виду, начальство исключило ученика изъ школы. Потому иначе «соблазнъ»...

«— Что подумаютъ ученики, если рядомъ съ ними сидитъ сынъ тяжкаго грѣшника, не подлежащаго даже церковному погребенію?..»

Причина для исключенія, очевидно, вполнѣ уважительная!

Можно ли учителю заниматься внѣшкольнымъ образованіемъ народа? Можно ли ему быть членомъ какого-нибудь общества или клуба? Можно ли участвовать въ любительскихъ спектакляхъ? Можно ли вообще вести сколько-нибудь человѣчески-разумное существованіе?

Часто, очень часто на всѣ эти вопросы приходится давать одни лишь отрицательные отвѣты.

«Въ 1894 году,—разсказываетъ г. Петрищевъ,—нѣсколькимъ моимъ знакомымъ захотѣлось устроить воскресную школу. Меня, какъ учителя, попросили переговорить объ этомъ съ начальствомъ, отъ котораго прежде всего зависѣла судьба ходатайства. Начальство—штатный смотритель Лукьянъ Иларіоновичъ,—выслушало меня довольно благосклонно, но освѣдомилось:

«— А кто предполагался въ числѣ учредителей:

«Я назвалъ фамиліи: X. Y. Z...

«— И вы съ ними будете принимать участіе?

«— И я буду принимать участіе.

«— Ну, знаете ли, не совѣтую.

«— Почему?

«— А хотя бы и потому, что вашъ предшественникъ Юшкинъ за якшаніе съ этими господами съ мѣста слетѣлъ.

«Юшкинъ, дѣйствительно, «слетѣлъ» или, вѣрнѣе, получилъ отъ директора оскорбленіе, послѣ котораго ничего другого не оставалось, какъ оставить службу.

«— И вы увѣрены, что онъ изъ-за этихъ господъ «слетѣлъ»,—спросилъ я.

«— Конечно, изъ-за нихъ. Директоръ на вашихъ X. Y. Z. очень золъ.

Да и вообще это непріятные люди. Очень ужъ они, знаете ли, любятъ критику наводить. Я бы вамъ совѣтовалъ подальше отъ нихъ держаться...

«Вскорѣ послѣ этого разговора намъ, учителямъ к—го уѣзднаго училища, пришлось «подальше держаться» и отъ клуба. Въ клубѣ этомъ образовалось двѣ «партіи». Одна доказывала, что наличный фондъ 1.000 руб. надо употребить на покупку новой мебели; по мнѣнію другой, мебель и старая хороша, а 1.000 руб. слѣдуетъ употребить на библіотеку. Во главѣ первой партіи сталъ предводитель дворянства, онъ же и предсѣдатель училищнаго совѣта. Къ предводителю примкнулъ и штатный смотритель, какъ членъ отъ министерства народнаго просвѣщенія въ томъ же совѣтѣ».

Положеніе учителей оказалось довольно затруднительнымъ. Возражать начальству опасно, ибо непріятности клубныя легко могутъ быть перенесены въ классы.

Въ другомъ мѣстѣ дѣло обстоитъ еще лучше.

Г. Петрищевъ спросилъ одного изъ учителей:

«— Отчего вы въ коммиссіи народныхъ чтеній не участвуете?

«— Нельзя мнѣ.

«— Почему?

«— Жена директора оппозицію противъ правленія составляетъ. Не могу же я возражать ей»...

Наконецъ, о любительскихъ спектакляхъ.

Г. Петрищевъ цитируетъ одно мѣсто изъ «Отчета о состояніи школъ въ Тверской губерніи за 1898—1899 годъ». Въ немъ, между прочимъ, говорится:

«За участіе въ любительскомъ спектаклѣ учителя гор. Бѣжецка Румянцевъ, Забѣлинъ и Антоновъ удалены».

Кратко, но выразительно.

И это вовсе не взгляды «мѣстныхъ» чиновъ, ибо чины эти дѣйствують вполнѣ въ духѣ «предначертаній» высшаго начальства. Въ доказательство этому служитъ такой, напр., фактъ: въ 1897 году измаильскій уѣздный комитетъ попечительства о народной трезвости ходатайствовалъ о разрѣшеніи устроить въ зданіи чичманскаго начальнаго училища спектакль. Министръ въ предложеніи попечителю одесскаго учебнаго округа указалъ, что ходатайство это «правильнѣе было бы отклонить въ виду несоотвѣтствія такого развлеченія религіозно-нравственному строю народной школы».

Нельзя учителю и помогать бѣдствующему народу. На второмъ съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію обсуждался такой эпизодъ: «Одинъ изъ докладчиковъ, пріѣхавъ въ 1891 году съ отрядомъ въ голодающее село, нашелъ тамъ учителя, который уже 12 мѣсяцевъ не получалъ отъ управы жалованья и вмѣстѣ съ крестьянами голодалъ. Голодали и его трое дѣтей. А жена только что умерла отъ тифа. Въ этомъ учителѣ приняли участіе. Накормили его и дѣтей, и онъ горячо принялся помогать отряду, *за что и былъ уволенъ отъ службы.* Увольненіе сопровождалось, повидимому, приказомъ немедленно выдворить его изъ квартиры: пожитки учителя и дѣти его были выброшены на улицу. Собрались крестьяне.

«— За что? За что?—жалобно приставали старики,—кажись, того... Человѣкъ ты смирный.

«Учитель снялъ фуражку, глоталъ слезы и бормоталъ:

«— Не знаю, братцы... Я человѣкъ покорный... Видно ужъ такая моя судьба...

«Итакъ,—заключилъ докладчикъ,—учитель имѣетъ право голодать, но не имѣетъ права спасать голодающихъ отъ голода»...

Что можетъ быть естественнѣе права учителей, какъ и всякихъ другихъ людей, ходить другъ къ другу въ гости? Однако, и этого «право» учителя нерѣдко лишены.

«Такъ было, между прочимъ, — разсказываетъ г. Петрищевъ,—въ 1899 году въ Тверскомъ уѣздѣ, гдѣ народные учителя нѣсколькихъ сосѣднихъ селъ условились въ свободное отъ занятій время, когда случится нѣсколько праздниковъ подъ рядъ, устраивать совмѣстныя скромныя пирушки. Одинъ разъ имъ безпрепятственно удалось собраться къ учителю ильинской школы. Затѣмъ товарищей пригласилъ къ себѣ на ближайшіе праздники измайловскій учитель. Но къ нему вмѣстѣ съ гостями прибыла оффиціальная бумага отъ инспектора народныхъ училищъ. Инспекторъ строго писалъ, что «всякія собранія учителей, безъ разрѣшенія начальства, терпимы быть не могутъ».

Тотъ же инспекторъ предложилъ уѣздному училищному совѣту: учителя измайловской школы уволить, а собравшихся было къ нему гостей перевести въ худшія мѣста. Совѣтъ принялъ во вниманіе, что циркуляръ инспектора не былъ извѣстенъ учителямъ въ моментъ совершенія вины, т.-е. когда они съѣзжались въ гости. А потому было рѣшено наказать лишь измайловскаго учителя (его перевели на плохое мѣсто), всѣхъ же остальныхъ простить.

Въ правѣ ли учитель читать не однѣ только книги, которыя допущены ученымъ комитетомъ, но и всѣ остальныя, разрѣшенныя, разумѣется, цензурою,—это опять-таки вопросъ. «Воронежскому, напр., земству, чтобы выхлопотать учителямъ право пользоваться библіотекой, подчиненной общему уставу о цензурѣ,—пишетъ г. Петрищевъ,—пришлось обратиться въ сенатъ. Сенатъ нашелъ, что земство имѣетъ законныя основанія учреждать для своихъ служащихъ библіотеки; такимъ образомъ учителя могутъ пользоваться земской библіотекой не какъ учителя, а какъ лица, состоящія на земской службѣ».

А тамъ, гдѣ нѣтъ земствъ и гдѣ, слѣдовательно, и въ сенатъ-то за разъясненіемъ дѣла никто не обратится? Тамъ какъ? А вотъ какъ: въ началѣ 90-хъ годовъ въ г. Чудновѣ, Волынской губ., нѣкая г-жа Тычино пожелала устроить библіотеку для народныхъ учителей, живущихъ въ городѣ и ближайшихъ селахъ. Надлежащее разрѣшеніе открыть библіотеку г-жа Тычино получила, но съ маленькой оговорочкой: «что же касается до учащихъ въ народныхъ училищахъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ, то къ полученію ими книгъ изъ новооткрываемой библіотеки г. попечитель *не видитъ достаточныхъ законныхъ основаній*». Здѣсь въ особенности интересно прилагательное «законный». Было бы очень интересно, чтобы г. попечитель указалъ на тотъ «законъ», которымъ онъ руководствовался въ своемъ отвѣтѣ на

ходатайство г-жи Тычино. Такого закона нѣтъ, если не считать того, который гласитъ: la loi—c'est moi, что переводится на русскій языкъ, какъ извѣстно, такъ: «хочу съ кашей ѣмъ, хочу съ масломъ пахтаю».

«Въ 1893 году,—разсказываетъ г. Петрищевъ,—я «собственно для себя» вздумалъ выписать нѣсколько книгъ не «изъ числа одобренныхъ»; коллеги посовѣтывали мнѣ, какъ человѣку неопытному, сдѣлать это черезъ аптекаря, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, «выбранные» мною авторы (Ушинскій, Льюисъ, Миль и др.) могутъ вызвать у начальства «сомнѣніе».

«Опасливость моихъ сослуживцевъ оказалась не лишенною основаній. Когда почтальонъ сталъ приносить въ училище адресованные на мое имя журналы и газеты «сомнительнаго направленія», штатный смотритель встревожился:

«— Однако, даже «Недѣля»,—сказалъ онъ, покачивая головой.

«— Да «Недѣля».

«— И «Русская Школа»!.

«— И «Русская Школа».

«— Небось жалѣете, что «Колоколъ» теперь не издается?

«— Жалѣю, какъ не жалѣть.

«— Однако, шутки въ сторону,—сердито замѣтилъ смотритель,—предупреждаю васъ: директоръ нашъ такихъ штукъ терпѣть не можетъ.

«И это было правда: впослѣдствіи я убѣдился, что директоръ, дѣйствительно, «такихъ штукъ» не долюбливалъ»...

Не всегда оставляютъ въ покоѣ народнаго учителя даже послѣ его смерти. Такой именно случай имѣлъ мѣсто съ учителемъ Бѣловымъ въ г. Юрьевѣ. Владимірской губерніи. Вина его состояла въ томъ, что онъ писалъ статьи въ журналахъ и корреспонденціи въ газетахъ, вина тяжкая, которая какъ оказалось, не могла быть прощена Бѣлову даже послѣ его смерти. Когда онъ умеръ, то его сослуживецъ по школѣ (фактъ этотъ былъ въ свое время разсказанъ во всѣхъ газетахъ, но не мѣшаетъ его возобновить въ памяти читателей) протоіерей Знаменскій, приглашенный отслужить панихиду, сдѣлалъ замѣчаніе вдовѣ покойнаго, почему она не сшила мужу савана, давъ при этомъ всѣмъ присутствовавшимъ на панихидѣ такое замѣчаніе:

«Если бы вы, скажемъ, положили его въ мундирѣ съ галунами или тамъ съ нашивками какими на рукахъ и воротѣ, съ ясными пуговицами,—тогда другое дѣло: можно бы и безъ савана. А то онъ у васъ въ штатскомъ сюртукѣ, безъ всякаго ордена и знака отличія. Какъ же онъ явится на тотъ свѣтъ? Какъ онъ предстанетъ? Не то чиновникъ, не то еще кто».

Требованія было исполнено,—покойнаго одѣли въ саванъ. Затѣмъ о. протоіерей перешелъ къ обуви, найдя, что въ штиблетахъ, притомъ надѣванныхъ, неловко являться на тотъ свѣтъ, а надо надѣть туфли, и притомъ новыя. Засимъ послѣдовали замѣчанія относительно свѣчъ, креста, чернаго и бѣлаго крепа. Въ заключеніе о. Знаменскій (въ присутствіи, конечно, бывшихъ на похоронахъ учениковъ) произнесъ надгробную рѣчь, которую закончилъ такими словами:

«Смерть, братіе, большею частью бываетъ несвоевременна и въ данномъ

случаѣ, беря во вниманіе молодые годы раба Божія Павла, можно подумать, что кончина была ранняя. Но это будетъ невѣрно. Мы можемъ сказать: «хорошо», что рабъ Божій Павелъ умеръ, ибо только смерть отвлекла его отъ дальнѣйшихъ заблужденій и окончательной духовной гибели и не дала окончательно укрѣпиться въ зловредныхъ идеяхъ. Неизвѣстно, до чего бы дошелъ онъ въ своихъ заблужденіяхъ, если бы смерть не пришла во̀-время. Итакъ, братіе, кончина раба Божія Павла своевременна. Помолимся же о его грѣшной душѣ».

При такихъ то прямо каторжныхъ условіяхъ живетъ нашъ учитель, призванный вносить свѣтъ знанія и науки въ народную массу. Уже, кажется, сами камни вопіютъ о необходимости коренного измѣненія этихъ условій. Измѣнятся ли они? Не знаемъ. Знаемъ только, что «въ современныхъ войнахъ побѣждаетъ народный учитель». Эта истина стала теперь еще болѣе очевидна, чѣмъ когда-либо прежде...

* * *

Въ сентябрской книжкѣ «Образованія» началось, а въ октябрской продолжается печатаніе «Записокъ городского головы» А. И. Новикова. Это рядъ интересныхъ бытовыхъ картинъ изъ жизни г. Баку, гдѣ г. Новиковъ былъ городскимъ головою. «Записки» г. Новикова отличаются сверхъ того правдиваго тона, которымъ онѣ написаны, еще одною, рѣдко встрѣчающеюся чертою; всѣ дѣйствующія лица его «Записокъ» названы подлинными именами. Нѣтъ ни псевдонимовъ, ни намековъ, ни иносказаній. Все—какъ лѣтописи.

Сдѣлавшись городскимъ головою въ Баку, г. Новиковъ задумалъ ввести въ городской управѣ совершенно новые порядки. Существо такихъ порядковъ состояло въ стремленіи сдѣлать все общественное дѣло города гласнымъ и публичнымъ. Само собою разумѣется, что на этомъ пути новаторъ встрѣтилъ много тормазовъ. Тѣмъ не менѣе, г. Новиковъ упорно продолжалъ вести намѣченную линію и его опытъ въ этомъ смыслѣ представляетъ несомнѣнно очень большой интересъ.

«Первое, что я сдѣлалъ, вступивъ въ должность,—разсказываетъ онъ,—это объявилъ, что секретовъ у насъ въ управѣ нѣтъ. Представители прессы имѣютъ доступъ не только во всѣ засѣданія думы, но и управы. Всѣ дѣлопроизводства обязаны имъ показывать всѣ дѣла, всѣ бумаги. Я считалъ такую гласность однимъ изъ основаній моихъ дѣйствій. Я могъ это сдѣлать, по моему, властью предсѣдателя управы и начальника канцеляріи, но предпочелъ провести чрезъ управу. Я, признаться, боялся. Ну, какъ не захотятъ? Сошло, слава Богу, благополучно. Всѣ мялись, возражали. Доводы были, конечно, слабые. Какъ признаться, что хочешь дѣйствовать въ потемкахъ, а свѣта боишься? Но всѣхъ это огорошило. Въ результатѣ двое голосовали противъ, двое за. Наша взяла. Теперь я соображаю и прихожу къ заключенію, что голосовали за гласность именно тѣ два члена управы, у которыхъ стойла были нравственно чище. Я говорю «нравственно», ибо въ смыслѣ бумажномъ—это были худшія отдѣленія. Свѣта боится лишь нравственная нечистота, случайная же скорѣе желаетъ самоочиститься».

Такъ одержалъ г. Новиковъ свою первую побѣду. Какіе же получились отъ этого результаты? Пострадали ли отъ этого городскія дѣла? Были ли органы печати нескромны въ тѣхъ случаяхъ, когда молчаніе было нравственно обязательно? На эти вопросы даютъ намъ отвѣты слѣдующія строки «Записокъ» г. Новикова.

«Съ тѣхъ поръ въ управѣ всегда возсѣдалъ одинъ, потомъ два, потомъ три корреспондента. Отношенія у насъ съ ними были всегда дружескія. Я заранѣе ихъ предупредилъ, что хотя доступъ имъ будетъ всюду, но что кое объ чемъ имъ писать не слѣдуетъ, напр., а дознаніяхъ неоконченныхъ. Вообразите, что человѣкъ въ подозрѣніи воровства. Производится дознаніе; пишутся бумаги. Нельзя же все это печатать. Вѣдь, такъ много разъ придется шельмовать невиннаго. Кромѣ того, иногда бывали случаи, когда почему-либо нельзя было раскрывать управскія карты. Тогда я обращался къ столу прессы и говорилъ корреспондентамъ, что этого, господа, прошу васъ не писать. Нельзя, напримѣръ, опубликовывать основанія, по которымъ управа собирается вести судебное дѣло. Это была бы не откровенность, а глупость. Съ полнымъ удовлетвореніемъ долженъ сказать, что *ни одного случая злоупотребленія довѣріемъ не было*».

Этими немногими строками сказано очень много.

Для характеристики заведенныхъ г. Новиковымъ въ управѣ новыхъ порядковъ приведемъ еще нѣкоторые эпизоды изъ его записокъ.

Дѣлопроизводство было въ управѣ въ отвратительномъ видѣ. Бухгалтерская часть запущена до невозможности. Разобраться во всемъ этомъ можно было только человѣку, обладающему самыми серьезными въ этой области спеціальными познаніями. Одинъ изъ знакомыхъ г. Новикова какъ-то сказалъ ему:

«— Александръ Ивановичъ, вы ищите человѣка, который реорганизовалъ бы бухгалтерію.

«— Да, да не легко такого найти. Нуженъ любитель, а то такого возьмешь, что не дай Богъ.

«— Хотите я вамъ рекомендую человѣка?

«— Конечно, хочу.

«— Есть въ Тифлисѣ, служитъ на желѣзной дорогѣ, крупное жалованье получаетъ, Маркъ Андреевичъ Натансонъ, человѣкъ идеальной чистоты и геніальный бухгалтеръ. Не знаю, пойдетъ ли? Онъ извѣстенъ хорошо въ своемъ министерствѣ.

«Немедленно летѣла отъ меня телеграмма въ министерство путей сообщенія одному изъ крупныхъ чиновъ: «правда ли, что Натансонъ геніальный бухгалтеръ»? Отвѣтъ получился: «Натансонъ необыкновенно талантливый бухгалтеръ».

«Какъ удалось намъ имѣть Марка Андреевича въ числѣ своихъ—не знаю. Признаюсь, я не ожидалъ, что онъ согласится и побудительныхъ причинъ его согласія до сихъ поръ не знаю.

«Словомъ, Натансонъ согласился и взялся за реорганизацію бакинской бухгалтеріи. Должность была временная. Въ 4—5 мѣсяцевъ онъ сдѣлалъ такую работу, какой никто другой представить бы не могъ. Онъ раскрылъ главные

недостатки бухгалтеріи и сказалъ, какъ надо поставить дѣло. Онъ взялъ счета капиталовъ со времени ихъ образованія и выяснилъ, какъ эти капиталы образовались и расходовались.

Все это разъяснилъ Натансонъ и составилъ докладъ для думы съ указаніемъ, какъ распредѣлить работу между служащимии, какіе завести штаты бухгалтеріи. Докладъ былъ составленъ мастерски. Обыкновенно всѣ такія реорганизаціи проходили чрезъ многочисленныя коммиссіи и доходили до думы по нѣсколько разъ прежде, чѣмъ получали ея одобреніе.

«Ничего подобнаго съ натансоновскими докладами не случилось. Разосланный гласнымъ наканунѣ, разсмотрѣнный и одобренный организаціонной коммиссіей, онъ былъ единголасно принятъ думой, такъ сильно и убѣдительно онъ былъ составленъ. Гласные заявляли, что такихъ докладовъ имъ получать еще не приходилось. Авторитетъ Марка Андреевича быль признанъ всѣми. Враги наши умалчивали про него, но ни одинъ не посмѣлъ сказать, что Натансонъ не на высотѣ положенія. Онъ былъ приглашенъ мѣсяцевъ на шесть послѣ этого ввести новую организацію въ жизнь. Объ этомъ мнѣ придется еще говорить.

«Теперь же не могу не остановиться нѣсколько на фигурѣ Марка Андреевича: это былъ (??) человѣкъ несомнѣнно большой величины и съ громаднымъ нравственнымъ вліяніемъ на окружающихъ. И вотъ когда набралось у насъ много третьяго элемента, центральной фигурой явился онъ, а не я.

«Отдавая всякому по его заслугамъ, я, тѣмъ не менѣе, не могъ себя не считать иниціаторомъ культурной работы, которая началась въ нашей управѣ. Пускай про меня говорятъ, что хотятъ, но деспотомъ я никогда не былъ. Я любилъ, и желалъ, и настаивалъ на томъ, чтобы мое мнѣніе было принято, но давалъ имѣть мнѣніе всякому.

Я всегда любилъ совѣтоваться съ людьми близкими мнѣ по общественнымъ идеаламъ. И когда въ Баку собралась близкая мнѣ по душѣ компанія, я ни одного дѣла, ни одного назначенія не производилъ, не посовѣтовавшись со своими служащими. И вотъ мнѣ часто приходилось слышать фразу: какъ скажетъ Маркъ Андреевичъ? Подождемте Натансона. Естественно возникло съ моей стороны чувство зависти. Думаю, что только нравственное превосходство другого человѣка можетъ считаться достаточнымъ поводомъ для зависти.

«Какъ ни борешься съ чувствомъ, иногда оно всплываетъ наружу. И какъ ни стыдно въ этомъ признаться, долженъ сказать, что нѣсколько разъ,—особенно памятенъ одинъ случай,—просыпался во мнѣ не то старый баринъ, котораго я считалъ такъ хорошо похороненнымъ, не то чинъ какого-то класса, что уже вовсе нелѣпо. Когда окончивъ свою работу черезъ силу, онъ (Натансонъ), больной, уѣхалъ заграницу, мнѣ казалось, что уѣзжаетъ очень дорогой для меня человѣкъ. Тѣмъ не менѣе, не могу не констатировать чувства зависти, которое заставило меня оскорбить этого человѣка...

«Какъ я ни старался сдѣлаться третьимъ элементомъ, это не такъ-то легко мнѣ давалось. Трудно отдѣлаться отъ подозрѣнія интеллигента, что, молъ, это напускное и что какъ ни какъ, а живъ въ тебѣ земскій начальникъ. Въ ме-

лочзхъ, въ иномъ словѣ или взглядѣ, я это подозрѣніе замѣчалъ въ людяхъ, которыхъ считалъ себѣ очень близкими».

Все, разсказанное здѣсь г. Новиковымъ, очень интересно и поучительно. Оно указываетъ на ту роль, которую силою вещей призванъ играть въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ дѣятельности именно «третій элементъ» (М. А. Натансонъ яркій представитель именно этого слоя русскихъ людей), безсословная, разночинная интеллигенція, и въ то же время на тотъ неизбѣжный антагонизмъ, который всюду проскальзываетъ между старыми «барами», какими бы искренними демократами они по убѣжденіямъ ни были, и новой демократіей,—демократіей, такъ сказать, по крови, по «нутру», по всему своему существу.

Къ запискамъ А. И. Новикова мы, можетъ быть, еще вернемся.

* * *

Уже въ нѣсколькихъ книжкахъ «Всеміpнаго Вѣстника» печатаются статьи г. Батуринскаго подъ заглавіемъ «А. И. Герценъ, его друзья и знакомые». Статьи эти составляютъ прямое продолженіе появившейся въ текущемъ году подъ тѣмъ же заглавіемъ г. Батуринскаго. Въ сентябрьской книжкѣ названнаго журнала г. Батуринскій, разсказавъ извѣстную исторію дуэли въ Иркутскѣ Неклюдова съ Беклемишевымъ, приводитъ очень интересные отголоски этой исторіи, появившіеся въ свое время въ герценовскомъ «Колоколѣ». Въ исторію эту вмѣшался въ свое время находившійся тогда на поселеніи извѣстный М. В. Буташевичъ-Петрашевскій, который и былъ за это высланъ изъ Иркутска по распоряженію генералъ-губернатора Восточной Сибири графа Муравьева - Амурскаго. Результатомъ высылки Петрашевскаго явилась замѣтка въ «Колоколѣ», озаглавленая «О тиранствѣ сибирскаго Муравьева». Эта замѣтка, — фактъ чрезвычайно любопытный,—взволновала находившагося тогда также въ ссылкѣ въ Сибири знаменитаго М. А. Бакунина, который въ письмѣ къ Герцену рѣзко взялъ сторону Муравьева противъ Петрашевскаго. Въ длинномъ письмѣ, которое Герценъ не счелъ возможнымъ напечатать (г. Батуринскій привелъ это письмо полностью) Бакунинъ превозносилъ Муравьева-Амурскаго положительно до небесъ и высказывалъ при этомъ такіе взгляды, отъ которыхъ, конечно, какъ тому служитъ свидѣтелемъ вся его дальнѣйшая жизнь, вскорѣ совершенно отказался. Нѣкоторыя стороны изъ письма Бакунина къ Герцену, имѣя по преимуществу психологическій интересъ, тѣмъ не менѣе, настолько интересны, что мы приведемъ кое-какія изъ нихъ полностью.

«Съ негодованіемъ и грустью прочли мы ваши строки подъ заглавіемъ «Тиранство Сибирскаго Муравьева»... Въ продолженіе 13 лѣтъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ людей, проникнутый истинно демократическимъ и либеральнымъ духомъ, трудился въ потѣ лица своего, для того, чтобы очеловѣчить, очистить, облегчить и поднять по возможности ввѣренный ему край. Онъ совершилъ чудеса, въ особенности чудеса для сонно-любивой Россіи, привыкшей замѣнять дѣло фразами да мечтами; ничтожными средствами, безъ всякой помощи и поддержки, почти наперекоръ Петербургу, онъ присоединилъ къ Русскому царству огромный, благодатный край, продвигнувшій Сибирь къ Тихому

океану и тѣмъ впервые осмыслилъ Сибирь; онъ не жалѣлъ ни трудовъ, ни здоровья, онъ весь отдался великому и благородному дѣлу, самъ вездѣ присущій, и самъ всегда работая, какъ чернорабочій. Въ продолженіе 13 лѣтъ онъ давалъ намъ примѣръ полнѣйшаго самоотверженія; всѣ его стремленія, замыслы, предпріятія, отличавшіяся истинно геніальною мѣткостью и простотою, проникнуты были высокимъ духомъ справедливости и желаніемъ общаго блага. 13 лѣтъ боролся онъ и боролся не безуспѣшно за права сибирскаго народа, старался освободить его и опять таки, сколько было возможно, при извѣстныхъ вамъ политическихъ условіяхъ, отъ притѣсненій чиновно-административнаго, купеческаго, горнозаводскаго, золотопромышленнаго, равно какъ и церковнаго притѣсненія. Онъ умѣлъ очеловѣчить ввѣренный ему край, смягчить и облагородить всѣ отношенія, такъ что смѣло можно сказать, что ни въ одной провинціи Россіи нѣтъ такой свободы движенія и жизни вообще, какъ въ Восточной Сибири, и ни въ одномъ провинціальномъ городѣ не живется такъ привольно, легко и гуманно, какъ въ Иркутскѣ. Все это дѣло Муравьева Сибирскаго. Что-жъ, — развѣ стыдно называться его поклонникомъ?—Въ Россіи,—странѣ словъ и бездѣлья,—чему же и кланяться, какъ не дѣлу? Въ Англіи, во Франціи, вездѣ на Западѣ такой дѣятель, какъ Муравьевъ, былъ бы признанъ давно, но мы, русская публика, мы, лакеи, завистливые ненавистники чужого достоинства и мѣряющіе свое собственное способностью ко всеруганію. Что такое русская публика,—немудрено: мы всѣ знаемъ, какъ она произошла. Но вы, благовѣстники новой Россіи, вы защитники правъ русскаго народа, какъ могли вы не признать и оклеветать его лучшаго и безкорыстнѣйшаго друга? Незнаніе не можетъ служить для васъ оправданіемъ; говоря такъ громко, такъ рѣзко, пріобрѣтя такую силу въ Россіи, вы должны знать много и точно, иначе голосъ вашъ будетъ безчестнымъ и вреднымъ. Въ то время, какъ истина одна можетъ спасти Россію, ложь, и къ тому же такая громкая ложь, становится преступленіемъ.

«Вы когда то проявляли симпатію къ Сибирскому Муравьеву, вѣроятно, не безъ данныхъ и не безъ причины. Но, вотъ, вамъ пришлось рѣшать между нимъ и Петрашевскимъ и вы, не усумнившись нисколько, позабывъ всѣ данныя и всѣ причины, осуждаете генералъ - губернатора, пишите о тираніи Сибирскаго Муравьева. Не лицепріятіе ли это и не чинопочитаніе ли это? Только въ обратномъ порядкѣ: вѣдь, для васъ политическій преступникъ то же, что для простого русскаго смертнаго дѣйствительный тайный совѣтникъ, министръ или фельдмаршалъ» и т. д., и т. д. въ томъ же родѣ.

Трудно даже повѣрить, чтобы подобныя строки могли принадлежать Бакунину, но это такъ. Чѣмъ же такъ прельстилъ Бакунина Муравьевъ-Амурскій? Своею программою—отвѣчаетъ на это самъ Бакунинъ, которая сводилась къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) полное и безусловное освобожденіе крестьянъ съ землею, 2) публичное судопроизводство съ судомъ присяжныхъ и подчиненіе послѣднему всѣхъ служебныхъ чиновъ по административнымъ грѣхамъ отъ малаго до великаго; 3) образованіе народа на самыхъ широкихъ основаніяхъ и 4) народное самоуправленіе съ уничтоженіемъ бюрократіи и съ

возможною децентрализаціею Россіи, а въ Петербургѣ не конституція и не парламентъ, а желѣзная диктатура въ видахъ освобожденія славянъ, начиная съ возсоединенной Польши и борьбы на смерть съ Австріею и Турціею. «Вотъ вся программа серьезнаго государственнаго человѣка,—прибавляетъ Бакунинъ,— доказавшаго, что онъ умѣетъ исполнять свои замыслы. Я отвѣчаю вамъ за искренность Муравьева, потому что знаю его, какъ своего лучшаго друга».

Повторяемъ, всему этому даже какъ-то трудно вѣрится.

Къ заготовленному отвѣту въ «Колоколъ» Бакунинъ приложилъ еще частную записку къ Герцену, въ которой находятся важные матеріалы для біографіи знаменитаго анархиста. Мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя отрывки изъ этихъ матеріаловъ. Какъ извѣстно, Бакунинъ за участіе въ революціи въ Дрезденѣ былъ арестованъ и приговоренъ къ смертной казни черезъ отсѣченіе головы. Смертная казнь была замѣнена ему затѣмъ пожизненнымъ одиночнымъ заключеніемъ. О дальнѣйшей своей эпопеѣ Бакунинъ разсказываетъ такъ:

«Просидѣвъ годъ въ Саксоніи, сначала въ Дрезденѣ, потомъ въ Königstein, около года въ Прагѣ, около пяти мѣсяцевъ въ Ольмюцѣ все въ цѣпяхъ, а въ Ольмюцѣ и прикованный къ стѣнѣ, я былъ перевезенъ въ Россію; въ Германіи и Австріи мои отвѣты на допросы были весьма коротки: «принципы вы мои знаете, я ихъ не таилъ и высказывалъ громко; я желалъ единства демократизированной Германіи, освобожденія славянъ, разрушенія всѣхъ насильственно сплоченныхъ царствъ, прежде всего разрушенія—Австрійской Имперіи; я взятъ съ оружіемъ въ рукахъ—довольно вамъ данныхъ, чтобы судить меня. Больше же ни на какіе вопросы я вамъ отвѣчать не стану». Въ 1851 году въ маѣ я былъ перевезенъ въ Россію, прямо въ Петропавловскую крѣпость, въ Алексѣевскій равелинъ, гдѣ я просидѣлъ три года. Мѣсяца два по моемъ пробытіи, явился ко мнѣ графъ Орловъ отъ имени государя: «Государь прислалъ меня къ вамъ и приказалъ вамъ сказать,—скажи ему, чтобы онъ написалъ мнѣ, какъ духовный сынъ пишетъ къ духовному отцу,—хотите вы писать?» Я подумалъ немного и размыслилъ, что передъ jury, при открытомъ судопроизводствѣ, я долженъ былъ бы выдержать роль до конца. Но въ четырехъ стѣнахъ я могъ безъ стыда смягчить формы и потому потребовалъ мѣсяцъ времени, согласился и написалъ въ самомъ дѣлѣ родъ исповѣди, нѣчто въ родѣ Dichtung und Wahrheit; дѣйствія мои были, впрочемъ, такъ открыты, что мнѣ скрывать было нечего... Просидѣвъ три года въ Петропавловской, я при началѣ войны въ 1854 году былъ перевезенъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ просидѣлъ еще три года. У меня открылась цынготная и повыпали всѣ зубы. Страшная вещь пожизненное заключеніе; влачить жизнь безъ цѣли, безъ надежды, безъ интереса. Каждый день говоритъ себѣ: «сегодня я поглупѣлъ, а завтра буду еще глупѣе»... Однако, я не упалъ духомъ: еслибъ во мнѣ оставалась религія, то она окончательно рушилась бы въ крѣпости. Я одного только желалъ: не примиряться, не резиньироваться, не измѣниться, не унизиться до того, чтобы искать утѣшенія въ какомъ бы то ни было обманѣ. Николай умеръ, я сталъ живѣе надѣяться. Наступила коронація, амнистія. Императоръ Александръ Николаевичъ собственноручно вычеркнулъ меня изъ поданнаго ему

списка, и когда, спустя мѣсяцъ, мать моя молила его о моемъ прощеніи, онъ ей сказалъ: «Sachez, Madame, que tant que votre fils vivra, il ne pourra jamais être libre» (знайте, сударыня, что пока вашъ сынъ живъ, онъ изъ тюрьмы не выйдетъ). Послѣ чего я заключилъ съ пріѣхавшимъ ко мнѣ братомъ Алексѣемъ условіе, по которому я обязывался жить терпѣливо еще мѣсяцъ, по прошествіи котораго, еслибъ я не получилъ свободы, онъ обѣщалъ привезти мнѣ яду. Но прошелъ мѣсяцъ—я получилъ объявленіе, что могу выбрать между крѣпостью и ссылкою на поселеніе въ Сибирь. Разумѣется, я выбралъ послѣднее. Не легко досталось моимъ освобожденіе меня изъ крѣпости. Наконецъ, въ мартѣ 1857 г. я вышелъ изъ Шлиссельбурга, пробылъ недѣлю въ 3-мъ отдѣленіи и, по Высочайшему соизволенію, сутки у своихъ въ деревнѣ, а въ апрѣлѣ былъ привезенъ въ Томскъ».

Затѣмъ Бакунинъ переселился въ Иркутскъ, получивъ право разъѣздовъ по Сибири, чѣмъ и воспользовался для бѣгства черезъ Америку въ Европу. Дальнѣйшая его жизнь снова потекла цѣликомъ среди революціонныхъ треволненій.

Крупная личность Бакунина еще ждетъ своего біографа.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ.

I.

Если бы потребовалось однимъ словомъ обозначить переживаемый нами моментъ, я назвалъ бы его моментомъ *формированія* русскаго общественнаго мнѣнія. Кто теперь не говоритъ у насъ объ общественномъ мнѣніи! Каждый день приноситъ героевъ словесной и чернильной борьбы, оказывающихся защитниками той самой идеи, которую они вчера еще съ пѣной у рта поносили. Объ общественномъ мнѣніи заговорили и «Новое Время», и «Гражданинъ» *).

Какъ указать «точно и ясно» размѣры, достигнутые явленіемъ? Даже опытнѣйшіе политики Западной Европы не всегда могутъ учесть предстоящую баллотировку. Тѣмъ болѣе это невозможно въ Россіи. Однако, всѣ данныя не допускаютъ сомнѣнія въ томъ, что полоса молчанія нашей жизни канула въ вѣчность, что она дѣйствительно смѣнилась широкими, свѣжими волнами, которыя уже вывели изъ состоянія неподвижности и апатіи многіе слои общества.

Новыя теченія, новыя направленія, масса слуховъ, масса предположеній, то подтверждающихъ, то опровергающихъ одни и тѣ же ожиданія—все это свѣтъ, можетъ быть, еще не яркій, но, безъ сомнѣнія, свѣтъ общественнаго мнѣнія. Въ Россіи образовались уже опредѣленные круги лицъ, слѣдящихъ за ходомъ государственной машины, толкующихъ подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія всѣ ея обороты. Не было, кажется, профессіональнаго съѣзда, не было земскаго собранія, на которомъ въ той или иной формѣ не выскочилъ бы общегосударственный вопросъ. Общегосударственные вопросы уже волнуютъ элементы, которые только выступаютъ на историческую сцену русской общест-

*) См. статьи о свободѣ печати, довѣріи къ земству и проч.

венности, которые мы привыкли считать объектомъ своихъ думъ и заботъ. Не та книжка уже пользуется успѣхомъ, которая витаетъ въ области «чистаго разума», и не та, которая строитъ воздушные замки изъ песчинокъ, а книга, направленная на разрѣшеніе очередной задачи, пробуждающая активныя чувства, являющаяся отголоскомъ извѣстныхъ круговъ. Учитель, агрономъ, чернорабочій, люди низшихъ классовъ, люди среднихъ круговъ, люди, сидящіе по «своимъ» угламъ, люди, занятые «своимъ» дѣломъ—все это мало по-малу, часто незамѣтно для себя, самой логикой вещей, втягивается въ атмосферу, столь же далекую отъ своего угла, какъ отъ своего дѣла. Въ Россіи провинція привыкла слѣдовать за мнѣніями, господствующими въ центрахъ. И вотъ общественно-политическое вліяніе центровъ медленно, неслышно, по песчинкѣ, по крупинкѣ подхватывается медвѣжьими углами. Начинаютъ лепетать пѣсню новую:

И липа блѣднолистая,
И бѣлая березынька
Съ зеленою косой! *)

Мнѣнія, скажетъ читатель, неоднородны у представителей нашей общественности. Есть мнѣнія крайнія, есть мнѣнія умѣренныя. То, что одни подчеркиваютъ, ставя въ центръ міровоззрѣнія, другія не всегда договариваютъ до конца. Безъ сомнѣнія. Однако, шире или уже, туманнѣе или ярче эти мнѣнія—одно ихъ роднитъ, одно сливаетъ въ общее общественное мнѣніе: чувство протеста противъ прошлаго. Всѣ смотрятъ впередъ, никто не смотритъ назадъ. На какомъ-нибудь отрицаніи всего легче соединить большое число людей. И общественное мнѣніе сохраняетъ все болѣе цѣльности въ отрицаніи. Разъ высказанное, оно уже не требуетъ дальнѣйшаго напряженія для своего поддержанія...

Такъ сложное, уже многообразно переплетенное русское общество жаждетъ своего выраженія. Чтобы понять это явленіе, чтобы признать или отвергнуть его право на существованіе, нужно знать, что такое общественное мнѣніе вообще, чѣмъ опредѣляется наше общественное мнѣніе въ частности.

II.

Англія, Соединенные Штаты Сѣверной Америки—вотъ страны общественнаго мнѣнія по преимуществу. Въ Англіи государственные дѣятели стремятся вліять на общественное мнѣніе даже тогда, когда сочувствіе парламента за ними обезпечено. Въ Соединенныхъ Штатахъ, при неограниченномъ господствѣ всеобщаго голосованія съ одной стороны, широкомъ распространеніи грамотности и интересѣ къ политическимъ дѣламъ—съ другой, президентъ, губернаторъ, даже судьи являются какъ бы прямыми органами общественнаго мнѣнія. Тамъ это одно изъ тѣхъ явленія, на которыя и ученые, и неученые люди постоянно ссылаются какъ при анализѣ общественныхъ отношеній, такъ и при оцѣнкѣ дѣйствій отдѣльныхъ личностей.

*) Некрасовъ. Стихотворенія.

Общественное мнѣніе не есть власть. Оно не имѣетъ въ своемъ арсеналѣ тѣхъ наказаній, которыя составляютъ принадлежность рѣшающей и повелѣвающей власти правящихъ. Орудіями его является похвала для избранныхъ, позорный столбъ для негодяевъ. Это инстанція совѣщательная, имѣющая дѣло или съ намѣреніемъ уже осуществившимся, или съ намѣреніемъ, имѣющимъ еще осуществиться. Общность интересовъ въ ихъ безчисленныхъ осложненіяхъ, общественные, политическіе, профессіональные, художественные, научные союзы, пресса ежедневная, еженедѣльнея, ежемѣсячная,—общественное мнѣніе имѣетъ мѣсто лишь тамъ, гдѣ существуетъ уже критически мыслящій слой, связанный этими невидимыми нитями культурныхъ цѣлей, сознающій ихъ солидарность. Средніе вѣка не знали общественнаго мнѣнія или знали его въ зародышѣ: *общество*, размышляющее о соціальныхъ вопросахъ въ широкомъ смыслѣ слова, обсуждающее ихъ въ политикѣ, философіи, литературѣ, искусствѣ, общество, бодрствующее надъ общими интересами, есть сравнительно поздній продуктъ общественной эволюціи. Средніе вѣка знали массу, слѣпо и безъ критики подчинявшуюся церковнымъ и государственнымъ императивамъ, но не общество въ современномъ смыслѣ. Даже теперь, даже въ Англіи или Соединенныхъ Штатахъ не всегда еще всѣ слои принимаютъ участіе въ выработкѣ общественнаго мнѣнія. Глубже и глубже захватываетъ ихъ общественное мнѣніе, глубже и глубже демократизируется. Но этой эволюціи путь медленный...

Общественное мнѣніе одно изъ наиболѣе важныхъ проявленій духовной жизни людей. Уже изъ этого видно, что нѣтъ единаго общественнаго мнѣнія. Только въ обществѣ первобытномъ, съ несложными общественными отношеніями, существуетъ единодушіе, обусловленное низкимъ уровнемъ понятій. Въ странахъ же культурныхъ единодушія быть не можетъ. Рознь мнѣній отражаетъ лишь рознь общественныхъ интересовъ. При современномъ состояніи общества только черезъ рознь мнѣній и можетъ быть достигнуто пониманіе истины. Зло заключается не въ борьбѣ мнѣній, а въ томъ, чтобы какое-нибудь мнѣніе не было выслушано. Когда люди выслушиваютъ всѣ стороны, они дойдутъ до истины; бѣда тогда, когда люди слышатъ только одну сторону. Борьба не мѣшала самымъ различнымъ мнѣніямъ сливаться въ нѣкоторые историческіе моменты, въ общее общественное мнѣніе—мы это видимъ, напр., сейчасъ въ Россіи. Но такой союзъ никогда не былъ проченъ.

Общественное мнѣніе связано самыми живыми нитями съ современнымъ ему моментомъ общественности. Вотъ почему въ общественномъ организмѣ полномъ жизненности, воздѣйствіе общественнаго мнѣнія совершается столь же незамѣтно, столь же непосредственно, какъ воздѣйствіе обычнаго права. Представляя собой совѣщательный органъ, чуждое всякой принудительной власти, оно получаетъ практическое значеніе преимущественно черезъ то вліяніе, которое оно оказываетъ на побудительные мотивы государственныхъ дѣятелей. Общественное мнѣніе по самой своей причинѣ подвижно, мнѣнія партіи сохраненія statu quo по самой своей природѣ устойчивы. Какъ они, однако, ни устойчивы, ни одно государство цивилизованнаго міра долго не сопротивляется велѣніямъ общества.

*

Общественное мнѣніе есть мѣрило степени развитія страны, признакъ духовной силы народа, его нравственнаго преуспѣянія, возрастающаго общественнаго чувства. Передовыя страны общественнаго мнѣнія—Англія и Соединенные Штаты Сѣверной Америки—являются передовыми странами вообще. Въ Западной Европѣ—при неполномъ господствѣ, кое-гдѣ при отсутствіи всеобщаго голосованія—бываютъ иногда полосы, когда представители общественнаго мнѣнія не совпадаютъ съ классами, избирающими законодательныя собранія, и послѣднія, благодаря продолжительности ихъ полномочій, пріобрѣтаютъ самостоятельное значеніе. Но даже эти полосы постольку лишь вели общество впередъ, поскольку общественное мнѣніе оказывало и тутъ свое вліяніе. Въ Англіи, напр., общественное мнѣніе классовъ, лишенныхъ по закону политическихъ полномочій, вынудило у парламента избирательныя реформы 1832 и 1867 гг., реформы, весьма мало желательныя классамъ, которые тогда представлялъ парламентъ. Еще рѣзче это сказалось въ Бельгіи въ 1893 г., когда общественное мнѣніе опять-таки добилось крайне нежелательной для парламента избирательной реформы. Общественное мнѣніе сдѣлало всю Европу тѣмъ, что она есть теперь. Ему Европа обязана всѣми улучшеніями какъ въ умственной жизни, такъ и въ общественныхъ учрежденіяхъ—всѣмъ своимъ прогрессомъ. Появляющіяся въ печати статьи и произносимыя на митингахъ рѣчи сплошь и рядомъ бываютъ болѣе содержательны, чѣмъ рѣчи въ законодательныхъ собраніяхъ.

Таково общественное мнѣніе. Сила его возросла такъ, что исторія тѣхъ теченій, которыя боролись на аренѣ политической жизни цивилизованнаго міра, будетъ понятна лишь отчасти, если мы не примемъ во вниманіе то усиливавшееся, то ослабѣвавшее вліяніе общественнаго мнѣнія. Каждый государственный дѣятель вынужденъ принимать во вниманіе эту новую силу. Одно лишь ложно или правильно составленное представленіе о томъ, что по данному предмету предполагаетъ или высказывается общество, служитъ достаточнымъ объясненіемъ того страха или уваженія, которыя направляютъ дѣйствія правителей Европы въ ту или иную сторону. Такъ, при всемъ разнообразіи взглядовъ на общественное мнѣніе, всѣ сходятся въ одномъ; всѣ признаютъ, что общественное мнѣніе представляетъ силу, игнорировать которую несообразно ни съ какими правилами государственной мудрости.

III.

И моментъ, переживаемый Россіей, сказали мы, моментъ формированія общественнаго мнѣнія. Можетъ ли быть иначе? Ни въ одной европейской странѣ, въ періодъ самой оживленной желѣзнодорожной горячки, постройка дорогъ не шла такъ энергично. Значитъ, Россія, вступая въ тѣсныя сношенія съ Европой, напрягаетъ всѣ силы, чтобы вооружиться завоеваніями. Но можетъ ли европеизироваться страна безъ европеизаціи чувствъ и мыслей ея гражданъ, безъ общественнаго мнѣнія?

Въ оцѣнкѣ явленія, однако, Россія, какъ это ни странно,—до сихъ поръ

занимаетъ средневѣковую позицію. Если основной принципъ европеизаціи требуетъ, чтобы бюрократія управляла съ помощью общественнаго мнѣнія, если культурная бюрократія это такая, которая не отталкиваетъ отъ себя представителей общества, то этого никакъ нельзя сказать о насъ. У насъ полная противоположность между общественнымъ мнѣніемъ и мнѣніемъ правительственныхъ сферъ. Голосъ общественнаго мнѣнія не имѣетъ у насъ выраженія даже въ самыхъ затруднительныхъ случаяхъ. Кажется, на что ужъ вопросъ невиннаго свойства: «слѣдуетъ ли помогать голодающимъ»,—и то, какъ извѣстно, вопреки оффиціальнымъ увѣреніямъ въ желательности широкой общественной помощи, приходится считаться съ открытымъ намѣреніемъ стѣснить самое даже обсужденіе вопроса. «Даже такого вопроса не могутъ рѣшить сами: законно ли спасать людей отъ смерти или незаконно», констатировала одна газета въ 1899 году. Въ настоящее время Россія переживаетъ кризисъ политическій: войну со всѣми ея загадками и неожиданностями, войну, которая «какъ ножъ хирурга, вонзается въ государственный организмъ». При такомъ бѣдствіи нужно такое количество глазъ, чтобы разсмотрѣть все, такое количество головъ, чтобы обдумать все; все это нужно такъ спѣшно... Оно является какъ бы государственнымъ экзаменомъ для страны. И что же? Раздался ли до самой послѣдней минуты хоть одинъ громкій голосъ? Что запишетъ историкъ нашей общественности, возстановляя исторію русско-японской войны?

Да гдѣ и какъ выскажетъ свое мнѣніе русскій? Ареной политической дѣятельносги общественнаго имѣнія является на Западѣ представительство. Представители общества являются на западѣ посредствующимъ звеномъ между относительно зависимымъ правительствомъ съ одной стороны и относительно независимымъ общественнымъ мнѣніемъ—съ другой. Такъ общественное мнѣніе и функціонируетъ. Посылая своихъ представителей, оно и образуетъ большинство, и даетъ матеріалъ для министерства, и направляетъ законодательную работу. Когда посредствующее звено перестаетъ отвѣчать своему назначенію, общественное мнѣніе его отмѣняетъ. О такой аренѣ у насъ не можетъ быть и рѣчи. Какъ мы указывали на страницахъ «Міра Божьяго» *), и у насъ есть представительство. Мало того—современная жизнь сплелась именно въ такую сѣть, современная деревня требуетъ именно такихъ теченій, что земство оказалось бы въ извѣстномъ смыслѣ у самыхъ источниковъ тѣхъ измѣненій, которыя признаются уже необходимыми даже помимо общихъ разногласій. Но пусть земство не отразило интересовъ, нуждъ, желаній нашей демократіи, пусть оно является въ томъ видѣ, въ какомъ оно есть, вторымъ изданіемъ дворянскихъ собраній,—тѣмъ, казалось бы, компетентнѣе долженъ быть голосъ этого земства. Тѣмъ не менѣе, всякій, слѣдящій за движеніемъ нашей общественной мысли, наталкивается ежеминутно на совершенно обратное. Поднимается какой-нибудь «вопросъ». Поговорятъ, поспорятъ—глядишь резолюція давно готова: «предать волѣ Божьей». Высочайшій манифестъ 11-го августа отмѣнилъ, скажемъ, тѣлесныя наказанія. Но кто поручился бы, что въ самый

*) Ноябрь 1904 г., въ статьѣ „Наше общественное самоуправленіе“.

канунъ этого дня вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, поднятый въ земскомъ собраніи, не былъ бы опротестованъ губернаторомъ или просто снятъ съ очереди предсѣдателемъ, какъ вопросъ общегосударственный, выходящій за предѣлы «земскаго вѣдѣнія»! Вопросы объ организаціи, составѣ, правахъ земскихъ собраній, земскихъ смѣтахъ и земскихъ раскладкахъ, вопросы народнаго образованія, вопросы мѣстнаго управленія—какъ отличить вопросъ выходящій «за предѣлы», отъ вопроса не выходящаго? Между тѣмъ, думать надо только о своемъ углѣ, надо забыть, что вы не только орловецъ, калужанинъ, пошехонецъ, но и гражданинъ земли русской... Если вамъ пришлось додуматься до общегосударственнаго вопроса, хотя бы до чего-нибудь важнаго, нужнаго—молчите о томъ, молчите, хотя вы и *гласный*... У насъ возникъ даже вопросъ о правѣ земскихъ собраній выражать признательность лицамъ, оказавшимъ услугу земству. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по поводу жалобы московской уѣздной управы на постановленіе московскаго губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія касательно выраженной земствомъ благодарности одному почтенному профессору и сожалѣнія объ оставленіи имъ Москвы, *правительствующему сенату пришлось разъяснить*, что каждому общественному учрежденію закономъ предоставлено выражать по своему усмотрѣнію признательность лицамъ за услуги, оказанныя ими въ сферѣ предоставленной имъ закономъ дѣятельности...

Если такъ обстоитъ дѣло съ представительствомъ, то какія средства имѣетъ русское общество для того, чтобы выразить свое мнѣніе другимъ путемъ? Даже уставы кассъ взаимопомощи, похоронныхъ кассъ и т. п. затериваются въ массѣ дѣлъ, обременяющихъ министерства, ждутъ годами разсмотрѣнія; если же, наконецъ, даются то, съ большимъ трудомъ, послѣ многихъ и долгихъ проволочекъ. Что ужъ говорить о союзахъ общественныхъ, правовыхъ, научныхъ и пр.! Наши охранители въ борьбѣ съ крамолой очень любятъ ссылаться на мнѣніе «народа». Любопытно, конечно, съ какой быстротой они переходятъ отъ взгляда на народъ, какъ на грубый матеріалъ, съ которымъ можно продѣлывать всякіе опыты, начертанные въ кабинетахъ,—къ преклоненію передъ его мнѣніемъ; но еще любопытнѣе, гдѣ это они почерпаютъ свои свѣдѣнія? Нашъ «народъ» закупоривается въ буквальномъ смыслѣ слова. «Люди, рожденные на рубежѣ новой русской жизни, окрещенные и осѣненные въ лучшую юношескую пору жизни новыми благотворными идеями, принявшіе эти идеи всѣмъ сердцемъ, со всей искренностью, со всѣмъ жаромъ безкорыстія и самоотверженія», не разъ дѣлали попытку познакомиться съ мнѣніями «народа». «Но насъ выгнали оттуда, съ позоромъ выгнали» *). И вполнѣ естественно. Ни одному изъ нашихъ многочисленныхъ законоположеній, столь заботливо предусматривающихъ всякаго рода мелочныя подробности, не посчастливилось заслужить такого вниманія, получить такого широкаго толкованія, такой популярности, какъ нашей «канцелярской тайнѣ». Всѣ законодательства охраняютъ нѣкоторыя спеціальныя тайны, но повальную «канцелярскую тайну» знаетъ лишь наше

*) Успенскій, т. II. „Своекорыстный поступокъ“.

отечество. Дѣла государственныя, общественныя, уголовныя, дѣла о народномъ образованіи, народномъ хозяйствѣ и здравіи—все наше дѣлопроизводство, начиная съ учрежденій высшихъ и кончая низшими, проникнуто духомъ канцелярской тайны. Правда, мы напрасно искали бы какого-нибудь положительнаго опредѣленія этого термина. Очень немногіе изъ нашей бюрократіи въ состояніи были бы дать объясненіе, какъ явился на свѣтъ этотъ «законъ». Однако, нѣтъ чиновника, который бы ежечасно не слышалъ о его существованіи, ежечасно не прибѣгалъ къ ней въ своей маленькой или большой канцеляріи въ самыхъ нужныхъ и самыхъ ненужныхъ случаяхъ. Даже участвующіе въ дѣлѣ лица не должны знать мотивовъ административныхъ рѣшеній. Даже сенаторы, члены государственнаго совѣта приглашаются «воздерживаться отъ всякихъ разглашеній по дѣламъ». Во имя этой «тайны» охраняются отъ огласки такія дѣянія, огласка которыхъ желательна и необходима въ интересахъ самого государства. Изъ общаго смысла статей законовъ выходитъ: съ одной стороны, никакого прямого закона не существуетъ, съ другой—существуетъ; съ одной стороны имѣется категорія дѣлъ, «подлежащихъ тайнѣ», съ другой—всякое дѣло, находящееся въ правительственномъ учрежденіи, не подлежитъ ни огласкѣ, ни обсужденію въ обществѣ. При нашей же боязни гласности, при нашей непривычкѣ къ общественному мнѣнію, неопредѣленность замѣняется «личнымъ усмотрѣніемъ». Отсюда повальная канцелярская тайна...

Бюрократизмъ, съ одной стороны, еще не окрѣпшее духовно общество, съ другой, ставятъ тяжелыя условія для проявленія русскаго общественнаго мнѣнія. Они исключаютъ возможность вскаго свободнаго воззрѣнія. Лишь люди, спокойно сидящіе по домамъ, занимающіеся своими маленькими дѣлами на основаніи поговорки «моя хата съ краю», пользуются еще симпатіями въ качествѣ благонадежныхъ. Каждая же попытка независимаго сужденія является уже угрозой для общественной безопасности. Бюрократія требуетъ или хвалы и одобренія, или молчанія, и выходитъ такъ, что мнѣніе, безспорно имѣющее характеръ общественнаго, безмолвствуетъ, въ то время какъ воззрѣнія, совершенно чуждыя ему, находятъ полную возможность гласнаго выраженія. Такъ и создается «общественное мнѣніе», будто бы оправдывающее тѣ дѣйствія, источникъ которыхъ лежитъ совсѣмъ въ другой области. У насъ, гдѣ даже тонкіе юристы съ трудомъ могутъ различать едва уловимую черту, отдѣляющую дозволенную критику отъ воспрещенной, приходится, сплошь и рядомъ, рѣшать, заключаетъ ли въ себѣ извѣстное публично выраженное мнѣніе признаки общественнаго или нѣтъ, или это мнѣніе, такъ или иначе замаскированное, но все же мнѣніе, которое выдаетъ себя за единственно непогрѣшимый авторитетъ бюрократической мудрости, которое умышленно замалчиваетъ все, что противорѣчитъ этому догмату, которое избѣгаетъ честной полемики, которое старается набросить неблаговидную тѣнь на воззрѣнія и побужденія противниковъ...

Итакъ, Россія европеизируется, группа лицъ, ставшая въ уровень европейскаго развитія, европейскаго общественнаго мнѣнія, растетъ и поднимаетъ голову, и въ то же время все, что теперь представляется понятнымъ и не тре-

бующимъ доказательствъ въ Европѣ, у насъ считается противозаконнымъ. Внѣ случаевъ прямого нарушенія гражданскихъ правъ, подлежащихъ обжалованію въ установленномъ порядкѣ со стороны частныхъ лицъ, иное публичное выраженіе несогласія съ бюрократическимъ распоряженіемъ разсматривается, какъ явное своеволіе личности. Общественное мнѣніе не только не является сотрудникомъ въ дѣлѣ законодательства, но не имѣетъ даже ни одного органа, въ которомъ могла бы выразиться его дѣятельность по существу. Неотвѣтственность передъ общественнымъ мнѣніемъ и безнаказанность передъ закономъ прямо отождествляется оффиціально. Но давно сказано, что никакіе декреты—ни старые, ни новые—еще ни разу не остановили естественное теченіе фактовъ. Наше общественное мнѣніе складывается своеобразно. Это такъ. Но, во-первыхъ, въ функціонированіи общественнаго мнѣнія огромную роль играетъ чувство. Во-вторыхъ, это функціонированіе, особенно въ странахъ, гдѣ для этого не существуетъ законныхъ способовъ выраженія, часто совершается незамѣтно. Исторія знаетъ примѣры, когда общественное мнѣніе наружно проявлялось совершенно пассивно. Между тѣмъ, переполнялъ чашу какой-нибудь ничтожнѣйшій фактъ...

IV.

Лучшая иллюстрація къ только что сказанному—положеніе нашей печати.

Существуетъ всеобщее убѣжденіе, что общественное мнѣніе Европы—это ея пресса. Дѣйствительно, самый важный изъ всѣхъ факторовъ, обладающій способностью и создавать, и представлять общественное мнѣніе, это пресса. Печать, какъ право широкаго распространенія отдѣльныхъ мнѣній, когда они выражаютъ мнѣніе общественное, право выражать свои общественныя симпатіи и антипатіи—большая сила. Но только не тамъ, гдѣ есть элементы, привыкшіе, чтобы съ ихъ мнѣніями соглашались безусловно, питающіе къ своему мнѣнію безграничное довѣріе; только не тамъ, гдѣ законы, хотя и не опредѣляютъ за мнѣніе наказаніе, все же вырываютъ мнѣніе съ корнемъ, вслѣдствіе чего люди или скрываютъ свои мнѣнія, или воздерживаются отъ всякаго открытаго усилія къ ихъ распространенію. Русскую печать, въ ея цѣломъ, въ противоположность европейской прессѣ, нельзя считать выразительницей русскаго общественнаго мнѣнія.

Правда, печать иногда достигала и у насъ высокой степени общественнаго значенія. В. Г. Короленко какъ-то очень хорошо сказалъ про русскій толстый журналъ. Нашъ журналъ, замѣтилъ онъ, очень далекъ отъ заграничнаго ежемѣсячнаго обозрѣнія. Благодаря особенностямъ русской дѣйствительности, нашъ журналъ является иногда трибуной, замѣняетъ намъ почти всѣ средства проявленія общественнаго мнѣнія, имѣющіяся въ странахъ Запада. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ «Современникъ», «Отечественныя Записки», «Новое Слово». Русскій читатель искалъ и ищетъ въ книжкѣ журнала не столько ученаго, сколько учителя жизни, который научилъ бы его бороться съ тѣмъ, что худо, что подтачиваетъ общественый организмъ Россіи, указалъ бы знамя, подъ которымъ нужно бороться. И чѣмъ ближе эта книжка къ сборнику, не объе-

диненному никакой общей идеей, не зажженному никакимъ внутреннимъ огнемъ, тѣмъ труднѣе она находитъ дорогу къ русскому читателю... Но непрочны русскія «трибуны», и надо только удивляться тому упорству, съ которымъ онѣ возникали, той жизненности, которую онѣ отъ времени до времени проявляли, вопреки всѣмъ обвиненіямъ, всѣмъ преслѣдованіямъ.

Передъ изданіемъ закона 1901 года и предшествовавшимъ ему снятіемъ предостереженій съ четырехъ изданій, положеніе печати, созданное этими обвиненіями и преслѣдованіями, было таково: всѣ выдающіеся литературно-политическіе органы находились подъ двумя и даже подъ тремя предостереженіями *). Органы всѣхъ направленій, какъ «Голосъ», такъ и «Гражданинъ», какъ «Русскія Вѣдомости», такъ и «Московскія Вѣдомости», какъ «Новое Время», такъ и аксаковская «Русь», неоднократно считались повинными то въ «рѣзкомъ порицаніи и неприличномъ сужденіи о правительственныхъ мѣропріятіяхъ», то «въ безусловномъ сочувствіи къ лицамъ противодѣйствующимъ правительству», то въ «изображеніи положенія дѣлъ нашего отечества въ превратномъ видѣ», то просто въ «нарушеніи всѣхъ приличій». Даже «Гражданинъ» «при благонамѣренномъ вообще направленіи позволяетъ себѣ постоянно крайне неприличные отзывы о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ правительства и высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, внушая такимъ образомъ неуваженіе къ нимъ». Сужденія даже... «Петербургской Газеты» «были основаны на началахъ соціализма». Даже «Наблюдатель» «продолжалъ упорствовать въ своемъ предосудительномъ направленіи, доказательствомъ чего служитъ статья «Новыя умственныя движенія въ Германіи», явно проникнутая сочувствіемъ къ соціалистическимъ теоріямъ». Что ужъ говорить о «Современникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Новомъ Словѣ»! Съ «трибунами» поступали совсѣмъ просто, и всѣ онѣ—въ «особомъ ли порядкѣ», по постановленію ли правительствующаго сената или рѣшенію совѣщанія министровъ—давно покоятся въ гробницахъ. И вотъ создается нѣчто, прямой связью съ жизнью не соединенное. У насъ мнѣнія печати никогда не горѣли полнымъ совѣтомъ. Теперь теченіе русской жизни все меньше и меньше озаряется лучами гласности. Мнѣнія тлѣютъ въ тѣхъ самыхъ кружкахъ и мѣстечкахъ, гдѣ и получили свое происхожденіе, не создавая ни одной сильной логической страницы.. Создается разъ навсегда опредѣленная форма, которая передается по наслѣдству, разъ навсегда опредѣленная азбука, смыслъ которой ненуженъ... Выдвигаются люди, которые служатъ печати не тѣми аргументами, которые убѣдили ихъ самихъ, а какими-то «соображеніями», ничего общего съ гласностью не имѣющими. Тѣ же люди, которые не желаютъ подчинять истину требованіямъ со стороны, вынуждены ограничивать свои мысли предметами, не затрагивающими вопросовъ по существу, вынуждены засѣсть «на такихъ мѣстахъ, гдѣ главную роль играютъ счеты, записываніе цифръ и возможность совершенно свободно размышлять о томъ, что изъ этихъ цифръ вышло, хотя

*) См. В. А. Розенбергъ „Въ мірѣ случайностей“, въ сборникѣ „На славномъ посту“.

размышлять и *молча*» *). Много такихъ людей, когда то горячихъ, идейныхъ, сломавшихъ не одно копье за эти идеи, уставъ отъ всѣхъ этихъ проклятыхъ ожиданій, безъ которыхъ невозможна сильная и широкая жизнь, мало-по-малу застрѣваетъ на этихъ цифрахъ, на этихъ счетахъ... «Что-жъ? Молча можно съ безпристрастьемъ и неустрашимостью раскритиковать или разоблачить какую-нибудь плутоватую цифру и, благодаря этому, можно не продавать за чечевичную похлебку своихъ взглядовъ и убѣжденій» **). А сколько людей съ высокимъ дарованіемъ соединяетъ нерѣшительность характера! Кто исчислитъ тѣ потери, которыя несетъ страна оттого, что эти люди не могутъ слѣдовать указаніямъ смѣлой и независимой мысли! Изданія консервативнаго типа—каково бы ни было ихъ значеніе—въ одномъ отношеніи выгодно отличаются отъ всей остальной печати: они яко бы обсуждаютъ политическую злобу дня, отзываются якобы на всѣ вопросы, интересующіе общество. Припомните, напримѣръ, о чемъ только ни говорили «Московскія Вѣдомости» Каткова. «Множество фактовъ изъ внутренней и заграничной жизни—писалъ Н. В. Шелгуновъ—стало извѣстно только черезъ «Московскія Вѣдомости», и объ этихъ фактахъ никогда и ничего не узнало бы общество изъ печати либеральной. Случалось, что «Московскія Вѣдомости» излагали даже сущность книгъ и брошюръ «подпольнаго» содержанія, печатавшихся за границей. Такъ было, напримѣръ, съ книгой *Степняка* (написанной по-итальянски), содержаніе которой стало извѣстнымъ изъ «Московскихъ Вѣдомостей» ***). Эта сторона дѣла у насъ недостаточно отмѣчается. Между тѣмъ, общественное мнѣніе воспитывается и отрицательнымъ путемъ... Иную картину представляетъ «прогрессивная» печать. По цѣлымъ мѣсяцамъ вы не встрѣчаете тамъ ни одного новаго отклика, по цѣлымъ мѣсяцамъ идетъ ничего не освѣщающая, никого не освѣжающая работа. «Что произойдетъ, если въ современной литературѣ явятся десятки новыхъ талантовъ? —поневолѣ спрашиваешь себя и поневолѣ же отвѣчаешь:—Ничего не произойдетъ» ****). Слова покойнаго Михайловскаго весьма фигурально выражаютъ омертвѣніе, постигающее—на ряду съ прочими сторонами нашей общественной жизни—и ту пустыню, которую принято называть «прогрессивной» русской печатью.

V.

И такой порядокъ у насъ считался удовлетворительнымъ! Онъ охранялъ будто бы отъ начавшихся шатаній покой господствующаго авторитета, будто бы ручался за то, что и завтра все будетъ идти такъ, какъ шло сегодня! Нельзя не назвать эту вѣру однимъ сплошнымъ заблужденіемъ. Покровъ тай-

*) Успенскій, т. III. „Чуткое сердце".

**) Ibid.

***) „Очерки русской жизни" стр. 546.

****) Михайловскій, т. „Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1873 года. I".

ны разорванъ... Факты, скрывавшіеся за нимъ, выступаютъ наружу... Мы тщетно ищемъ спасенія въ отжившихъ насильственныхъ формахъ. Голосомъ общества нельзя пренебречь на долгое время, ни заглушить его нельзя, ни направить въ ложную сторону безъ того, чтобы онъ не потерялъ всякую независимость, всякую нравственную силу...

Имѣется ли какое-либо разумное основаніе устанавливать повальную тайну? Она является прямымъ отрицаніемъ общественнаго мнѣнія. При такомъ именно отрицаніи и совершались тѣ дѣянія, которыя составляютъ предметъ ужаса для потомства, когда сила закона употреблялась на гибель самыхъ лучшихъ людей, на искорененіе самыхъ гуманныхъ доктринъ. Дѣянія увѣнчивались, конечно, успѣхомъ, и люди гибли. Но время неустанно идетъ впередъ. Тѣ, кто вчера еще казались «благонадежными», сегодня, оказывается, лишь тормозятъ развитіе живого, сегодня лишь заражаютъ всю атмосферу трупнымъ запахомъ.

Прежняя противоположность между «канцелярской тайной», съ одной стороны, и контролемъ общественнаго мнѣнія, съ другой,—должна исчезнуть и у насъ, какъ она исчезла уже во всѣхъ странахъ, вступившихъ на путь европейскаго капиталистическаго развитія. Открытое выраженіе мнѣній по государственнымъ вопросъ должно стать правомѣрнымъ фактомъ, ибо если недостатки существующаго порядка получаютъ всестороннее обсужденіе, распространеніе и признаніе, если недовольство этими недостатками выливается безбоязненно, открыто, то этимъ лишь оказывается услуга правительству. Какъ можетъ какая бы то ни было законодательная или исполнительная власть предписывать обществу свои мнѣнія, опредѣлять, какія мнѣнія оно должно имѣть, какія мнѣнія не должно имѣть! Общество можетъ исправлять свои ошибки лишь черезъ критику, лишь черезъ свободный опытъ. Политическія осужденія, тяготѣющія надъ общественнымъ мнѣніемъ Россіи, должны быть свергнуты не для того только, чтобы лучшіе люди не отстранялись отъ него. Они должны быть свергнуты въ интересахъ всего русскаго народа. Растутъ и множатся независимые, смѣлые мыслители и при общемъ умственномъ порабщеніи, но никогда не было еще и не будетъ при немъ умственно развитого народа. Мы уже говорили: если Европа достигла широкаго развитія мыслящей демократіи, она достигла ея лишь по стольку, по скольку была свободна отъ страха передъ собственнымъ мнѣніемъ. Не тамъ, гдѣ вопросъ идетъ не объ истинности или ложности, а о вредѣ или пользѣ мнѣнія, гдѣ имѣется исключительно въ виду укрѣпленіе слѣпой вѣры въ право авторитета, гдѣ даже на науку падаетъ обвиненіе въ томъ, что она выходитъ за предѣлы оправданія существующихъ порядковъ, находимъ мы истинно культурныя массы народныя... Наши охранители любятъ указывать на то, что каждое заблужденіе тѣмъ вреднѣе, чѣмъ большее число головъ его раздѣляетъ, что общественное мнѣніе Европы иногда равносильно деспотизму, что въ немъ заключается не меньшая опасность, чѣмъ во всякомъ насиліи. Выводъ этотъ основанъ на умышленномъ смѣшеніи разныхъ смысловъ общественнаго значенія. Ни для кого не тайна, что вопросомъ ближайшаго момента Россіи является именно *политическое* общественное мнѣніе,

то самое, которое, по одному остроумному афоризму, даже тогда право, когда оно ошибается. Являясь ограниченіемъ бюрократическаго произвола, противовѣсомъ противъ мертвящаго терроризма авторитета, политическое общественное мнѣніе является единственнымъ живымъ началомъ въ сферѣ государственныхъ дѣйствій. И только тогда, когда разсужденія о политикѣ не будутъ отождествляться съ «вреднымъ образомъ мыслей», съ духомъ противодѣйствія кому-то и чему-то, когда они вырвутся изъ тѣсныхъ рамокъ «инстанцій» и «вѣдомствъ» въ широкое русло русской общественной жизни, тогда и только тогда распутается тотъ заколдованный узелъ жизни, въ которомъ все болѣе и болѣе запутывается мятущееся русское общество, мятущееся общественное мнѣніе.

Л. Клейнбортъ.

КЪ СОРОКАЛѢТІЮ СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ.

1864—1904.

Двадцатаго ноября исполнилось сорокъ лѣтъ со дня изданія судебныхъ уставовъ. Эта памятная годовщина пріобрѣтаетъ особенное значеніе въ настоящую минуту.

Дѣло въ томъ, что судебное преобразованіе, совершенное въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, изъ всѣхъ реформъ этой эпохи имѣетъ характеръ наиболѣе рѣзкаго поворота отъ прошлаго къ будущему; новый судебный строй носитъ въ себѣ зачатки и сѣмена новаго періода русской жизни, котораго полный расцвѣтъ и жатва еще впереди. Въ этомъ отношеніи судебной реформѣ принадлежитъ безусловное первенство среди другихъ великихъ преобразованій того времени. Грань, отдѣляющая новые судебные порядки отъ старыхъ, проведена здѣсь глубже и рѣшительнѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ, которыхъ коснулось преобразовательное движеніе шестидесятыхъ годовъ. Это можетъ показаться парадоксомъ, если вспомнить про такое явленіе, какъ крестьянская реформа, явленіе, историческіе размѣры котораго не поддаются преувеличенію, такъ они велики, такъ само явленіе богато неисчислимыми социальными послѣдствіями; но, тѣмъ не менѣе, въ смыслѣ опредѣленности и рѣшительности перехода отъ одного уклада жизни и быта къ другому, новому, въ смыслѣ рѣзкости и характерности различій между тѣмъ, что было, и тѣмъ, что пришло на смѣну, крестьянская реформа уступаетъ судебной. Освобожденіе крестьянъ, разсматриваемое само въ себѣ, въ непосредственныхъ своихъ проявленіяхъ, внѣ связи съ болѣе отдаленными возможностями, которыя въ немъ заключаются, не находилось и не находится въ *принципіальномъ* противорѣчіи со старыми устоями нашего государственнаго быта; «крѣпостная Русь» не исчезла съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ,—эта Русь живетъ, по крайней мѣрѣ стоитъ, и понынѣ. Крѣпостныя права были отняты у помѣщиковъ на подобіе того, какъ полномочіе отнимается у повѣреннаго: полномочіе это, во всемъ своемъ объемѣ, цѣликомъ возвратилось къ первона-

чальному своему источнику. Юридическая конструкція крѣпостного права, если имѣть въ виду эпоху, предшествующую его уничтоженію, была такова, что право это разсматривалось въ качествѣ производнаго отъ государственной власти: оно было только делегировано этой властью въ интересахъ установленнаго ею порядка общежитія. Если право это упрочилось, если оно, переходя по наслѣдству, пріобрѣло вотчинную окраску, то, все-таки, не въ такой мѣрѣ, чтобы слиться и отождествиться съ правомъ собственности:—вотчинный характеръ крѣпостного права сближается скорѣе съ такъ называемымъ правомъ въ чужой вещи. Уничтоженіе такого права означаетъ только изъятіе его изъ постороннихъ рукъ и возвращеніе въ руки собственника, а вещь остается вещью, какъ она и была, и право надъ ней по прежнему сохраняетъ всѣ свойства, всю полноту и исключительность вещнаго обладанія... Даже такъ называемое крестьянское самоуправленіе, изданное или, вѣрнѣе, санкціонированное положеніемъ 19-го февраля 1861 года, ничего не измѣняетъ въ этой оцѣнкѣ крестьянской реформы; это самоуправленіе существовало и въ помѣщичью эпоху, съ главнымъ назначеніемъ обезпечить исправное поступленіе оброка или исправное отбываніе повинностей, и перешло за рубежъ реформы, какъ пригодное орудіе той же цѣли. Мало того, были оставлены въ неприкосновенности и популярныя въ крѣпостную эпоху, такъ сказать, типичныя для нея средства къ достиженію указанной цѣли. Остались принудительныя работы—отдача недоимщика по части оброка и повинностей въ принудительные заработки, осталось тѣлесное наказаніе, осталась административная ссылка на поселеніе въ Сибирь, и только въ самое послѣднее время мало-по малу исчезаютъ эти наиболѣе характерныя проявленія крѣпостного режима. Но, повторяемъ, самъ режимъ со своимъ *вещнымъ* отношеніемъ къ человѣческой *личности* господствуетъ и теперь, и не въ одной только крестьянской средѣ. Этотъ режимъ совпадаетъ съ государственнымъ строеніемъ русской жизни, основаннымъ на началахъ вещнаго обладанія и вотчиннаго, хозяйскаго всевластія.

Иное значеніе имѣетъ судебная реформа. Она принесла съ собою—правда, лишь въ видѣ слабаго зародыша—новое начало, невиданное дотолѣ на Руси. Противники реформы, объявившіеся вскорѣ послѣ ея введенія, въ существѣ дѣла были правы, когда они утверждали, что такія основанія преобразованнаго судебнаго строя, какъ судейская несмѣняемость, самоуправляющаяся адвокатура, судъ присяжныхъ и выборный мировой судъ, по заложеннымъ въ этихъ учрежденіяхъ зачаткамъ закономѣрности и самоограниченія власти, непримиримы съ исконными устоями нашего государственнаго быта, что это «республиканскіе клинья, вогнанные въ самодержавное тѣло Россіи». За исключеніемъ слова «республиканскій», которое должно быть приписано публицистическому увлеченію или доносительному усердію, приведенная характеристика судебной реформы соотвѣтствуетъ ея дѣйствительному содержанію и дѣйствительному отношенію къ общей системѣ нашихъ публично-правовыхъ учрежденій, къ общему принципу нашего публичнаго права. Новый судебный строй

и новые порядки судопроизводства были заимствованы съ Запада и образцомъ для нихъ послужила страна, представлявшая собою не республику, а монархію, и притомъ далеко не лучшую изъ монархій—бонапартовская Франція съ ея правительственнымъ режимомъ, который, на европейскій взглядъ, стоялъ ближе къ кулачному, чѣмъ къ правовому; вмѣстѣ съ формами судебнаго устройства и производства оттуда же была принесена чисто бонапартовская выдумка—такъ называемая административная гарантія, заключающаяся въ томъ, что преданіе суду должностныхъ лицъ за преступленія должности можетъ послѣдовать только по рѣшенію административнаго учрежденія; къ намъ эта выдумка перешла въ такомъ видѣ, который не грезился никому изъ наполеонидовъ и даже самому Наполеону I въ моменты высшаго упоенія властолюбивыми мечтаніями. Административная гарантія, какъ она была установлена у насъ при введеніи судебной реформы, всѣ вопросы о преданіи суду должностныхъ лицъ и предъявленіе къ нимъ гражданскихъ исковъ за ущербъ, причиненный преступленіями по должности, вручена прямому и непосредственному начальству этихъ лицъ и превратилась такимъ образомъ въ гарантію безнаказанности административнаго произвола. За всѣмъ тѣмъ, независимая судебная власть, даже съ такимъ привѣскомъ какъ административная гарантія, есть учрежденіе западное и дѣйствительно идетъ въ разрѣзъ съ восточными началами нашего строя, съ его восточнымъ характеромъ и стилемъ. Лучъ свободы, лучъ того свѣтила, которое никогда еще не всходило надъ русскою землею, проникъ въ темное крѣпостное царство и сразу былъ охваченъ тьмою со всѣхъ сторонъ... Началась борьба, на перепетіяхъ которой мы не будемъ останавливаться; исторія этой борьбы разсматривалась такъ часто, что повторенія были бы излишни. Мы приведемъ только окончательные итоги, насколько они уже успѣли выразиться въ измѣненіяхъ, осуществленныхъ къ настоящему времени и намѣченныхъ къ ближайшему осуществленію общимъ пересмотромъ судебныхъ уставовъ, который былъ предпринятъ въ серединѣ девяностыхъ годовъ.

Выборный мировой судъ совершенно уничтоженъ; кое-гдѣ, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктахъ сохранились его обломки, но они подлежатъ сносу согласно проекту судебныхъ установленій, выработанному коммиссіей пересмотра. Мировыхъ судей замѣнили земскіе начальники, въ чьихъ рукахъ власть судебная и административная опять сплелась въ одинъ патріархальный узелъ, и городскіе и мировые судьи по назначенію отъ правительства, опредѣляемые и смѣняемые министерствомъ юстиціи. Проектъ коммиссіи пересмотра не затрагиваетъ земскихъ начальниковъ—во время пересмотра это учрежденіе пользовалось неприкосновенностью,—городскихъ же и мировыхъ судей замѣняетъ участковыми судьями, призванными воплотить въ себѣ то, что коммиссія называетъ «единствомъ судебной власти». Вѣдомство участковыхъ судей значительно расширяется какъ въ отношеніи гражданской, такъ и уголовной подсудности; они же будутъ производить предварительныя слѣдствія—въ тѣхъ, впрочемъ, исключительныхъ случаяхъ, когда производство слѣдствія изъемлется

изъ рукъ полиціи, которая, по новому проекту, выступаетъ въ качествѣ нормальнаго слѣдственнаго органа; наконецъ, имъ же передаются и нотаріальныя функціи. Единство судебнаго участка создается по тому же типу, по тому же плану творенія, какъ и единство полицейскаго участка; оба единства—всеобъемлющія. Участковые судьи будутъ чиновниками шестого класса, назначаемыми министромъ юстиціи и увольняемыми постановленіями консультаціи при министерствѣ юстиціи—прозрачная ширма для рѣшеній, исходящихъ изъ кабинета министра, при которомъ консультація состоитъ, какъ учрежденіе совѣщательное.

Институту судебныхъ слѣдователей былъ нанесенъ рѣшительный ударъ еще въ 1867 г., когда было пріостановлено назначеніе на должность слѣдователей, и съ тѣхъ поръ они замѣнены особыми чиновниками, исполняющими должность судебныхъ слѣдователей. О высотѣ, на которой стоитъ нынѣ этотъ институтъ, лучше всего говорятъ такія извѣстныя дѣла, какъ недавнія—Тальмы и Золотовой.

Независимость судей поколеблена введеніемъ такихъ бюрократическихъ чертъ, какъ іерархическое подчиненіе (въ отношеніяхъ къ министру юстиціи и къ старшему предсѣдателю судебной палаты), награжденіе чинами и орденами; но самый сильный ударъ ей нанесенъ тѣмъ, что урѣзана ея главная гарантія—судейская несмѣняемость. Несмѣняемость сохранилась только какъ слово на страницахъ учрежденія судебныхъ установленій; теперь судьи смѣняемы не только по суду и по повелѣніямъ верховной власти, но и по приговорамъ дисциплинарнаго присутствія правительствующаго сената. Проектъ коммиссіи пересмотра идетъ еще дальше въ этомъ направленіи. Съ одной стороны, онъ сокращаетъ составъ дисциплинарнаго присутствія, сокращаетъ, главнымъ образомъ на счетъ представителей кассаціонныхъ департаментовъ сената, и слѣдовательно усиливаетъ административный характеръ этого учрежденія; на ряду съ измѣненіемъ состава дисциплинарнаго присутствія, министру юстиціи предоставляется право veto по отношенію къ его рѣшеніямъ, и случаи такого разногласія должны восходить на Высочайшее усмотрѣніе по докладамъ того же министра. Съ другой стороны, проектъ вычеркиваетъ самое слово несмѣняемость и, называя вещь ея собственнымъ именемъ, вводитъ рубрику объ увольненіи судей.

Судъ присяжныхъ потерпѣлъ уронъ въ двоякомъ отношеніи. Изъ компетента этого суда были изъяты многочисленныя категоріи дѣлъ, при разрѣшеніи которыхъ участіе независимаго общественнаго элемента имѣетъ особенно цѣнное значеніе: это тѣ именно дѣла, въ которыхъ правительство и его органы выступаютъ въ роли потерпѣвшей отъ преступленія стороны. Вмѣстѣ съ тѣмъ было усилено воздѣйствіе судебной и общей администраціи на самое составленіе списковъ присяжныхъ засѣдателей. Въ этомъ отношеніи новый проектъ, составленный коммиссіей пересмотра, дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ; путемъ цензовыхъ ограниченій и механикой составленія списковъ достигается то, что присяжные будутъ набираться исключительно изъ наиболѣе косныхъ слоевъ населенія. Кромѣ того, создается судъ присяжныхъ особаго состава, являю-

щійся судомъ присяжныхъ только по имени, такъ какъ присяжные, въ ограниченномъ числѣ, будутъ въ немъ засѣдать и постановлять приговоры совмѣстно съ коронными судьями и подъ непосредственнымъ ихъ вліяніемъ.

Гласность судопроизводства, т.-е. общественный контроль надъ отправленіемъ правосудія, поставлена въ зависимость отъ усмотрѣнія министра юстиціи, по ордерамъ котораго двери судебнаго засѣданія могутъ быть закрыты; мы не говоримъ уже о мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны, гдѣ закрытіе дверей судебнаго засѣданія по любому дѣлу можетъ послѣдовать въ силу распоряженія высшихъ представителей мѣстной администраціи. Проектъ коммиссіи пересмотра и тутъ внесъ свою лепту, предоставивъ министру право закрывать двери засѣданія и въ кассаціонныхъ департаментахъ сената, гдѣ до сихъ поръ засѣданія остаются публичными.

Сословное устройство адвокатуры было осуществлено только въ трехъ судебныхъ округахъ, а въ остальныхъ временно задержано еще тридцать лѣтъ тому назадъ. Проектъ коммиссіи сохраняетъ адвокатскіе совѣты, но усиливаетъ ихъ зависимость отъ суда и прокуратуры, въ лицѣ судебной палаты и ея прокурора. Затѣмъ изъ состава совѣтовъ изгоняются евреи (по стыдливой терминологіи проекта—не-христіане) и доступъ ихъ въ адвокатуру ограничивается процентной нормой.

Таковы итоги сорокалѣтняго исправленія судебныхъ уставовъ и прилаживанія ихъ къ общему порядку вещей. Итоги эти воспроизведены въ бѣгломъ обзорѣ и притомъ въ ихъ чисто внѣшней, юридической формѣ. Но за этими формами стоитъ живое дѣло правосудія, и въ это живое дѣло внесены порча и разложеніе; въ самую сердцевину новаго суда—и этой сердцевиной является судейская независимость — вползь червь сервилизма, угодливости, готовности оказывать услуги. Конечно, ничего нѣтъ неожиданнаго въ томъ, что пониженіе уровня судебныхъ гарантій сопровождалось, какъ своимъ естественнымъ послѣдствіемъ, и паденіемъ уровня правосудія; протекшій сорокалѣтній опытъ и его практическіе результаты даютъ только лишнее доказательство въ пользу того, что правильное правосудіе немыслимо безъ соотвѣтствующихъ политическихъ учрежденій.

В. Д. Спасовичъ въ одной изъ своихъ судебныхъ рѣчей, произнесеніе которой совпало съ годовщиной двадцатипятилѣтія или тридцатилѣтія судебныхъ уставовъ, сравнилъ судебную реформу со зданіемъ, выстроеннымъ на болотѣ. Зданіе великолѣпное, выведенное по превосходному архитектурному плану изъ лучшихъ матеріаловъ, но почва подъ нимъ рыхлая, расползающаяся, и поэтому исторія зданія есть исторія постепеннаго, все болѣе глубокаго опусканія, которое будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока оно не обрѣтетъ подъ собою твердаго, устойчиваго, «гранитнаго» грунта.

Пишущій эти строки уже имѣлъ случай высказаться въ другомъ мѣстѣ по поводу этого уподобленія, которое, какъ большинство уподобленій, заключаетъ въ себѣ не одну чистую истину, но и примѣсь заблужденія. «Безспорно, что золотой вѣкъ новаго суда остался позади насъ, что промелькнулъ онъ какъ-то слишкомъ быстро, и все, что послѣдовало за нимъ, есть порча и иска-

женіе. Но виновата ли въ этомъ почва? Дѣйствительно ли отъ нея пошла, точно ржа по желѣзу, порча по новому суду, она ли «засосала» судебную реформу? Отвѣтъ можетъ быть различный, смотря по тому, что разумѣть подъ почвой. Если рѣчь идетъ о всей русской жизни въ цѣломъ, со всѣми ея особенностями, то, конечно, все заключается во всемъ, и слѣдовательно въ этой почвѣ лежитъ причина или причины тѣхъ перемѣнъ, которыя постигли судебное преобразованіе. Но это, вѣдь, въ сущности, не объясненіе, а только указаніе на то мѣсто, гдѣ слѣдуетъ искать объясненія—широкій жестъ въ сторону необъятнаго горизонта, въ предѣлахъ котораго скрывается то, что требуется найти. Если же почва должна означать тѣ условія и элементы русской *общественности*, положительное содѣйствіе которыхъ было необходимо для осуществленія судебной реформы, для проведенія ея началъ въ жизнь, то приведенное выше уподобленіе, возлагающее на почву всю отвѣтственность за судьбу реформы, должно быть рѣшительно отвергнуто. Эта почва оказалась достаточно богатой необходимыми соками, чтобы питать положенное въ нее растеніе. Довольно сослаться на магистратуру перваго призыва, когда еще духъ приспособленія и опортунизма не проникъ или, вѣрнѣе, не былъ введенъ въ судебныя учрежденія,—довольно сослаться на судъ присяжныхъ, какъ такую часть судебной организаціи, которая тѣснѣе и непосредственнѣе другихъ соприкасается съ почвой, и которая обнаружила сравнительно наибольшую устойчивость. Значитъ, было бы несправедливо валить съ больной головы на здоровую и утверждать, что именно русское общество, какъ старый мѣхъ, не въ состояніи было вмѣстить и сохранить новое вино судебной реформы».

Настоящій моментъ можетъ, кажется, свидѣтельствовать въ пользу русскаго общества, что не оно виновато въ искаженіи судебной реформы. Напротивъ, общество напрягаетъ теперь усилія, чтобы поднять общій правовой уровень страны, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно подниметъ и зданіе судебной реформы и вознесетъ его на прежнюю высоту. Въ этомъ и заключается знаменательность настоящей минуты, совпавшей съ сорокалѣтнею годовщиною судебныхъ уставовъ. Вообще, всякая годовщина имѣетъ какъ бы символическій характеръ, сливающій прошлое съ будущимъ; это моментъ остановки, когда мы оглядываемся назадъ и прозрѣваемъ впередъ, въ неизвѣстную даль. Но въ данную минуту происходитъ на нашихъ глазахъ не простая встрѣча отживающаго прошлаго съ живоноснымъ будущимъ, а ихъ боевое столкновеніе, отъ котораго зависитъ исходъ всей сорокалѣтней борьбы. Это минута перелома, мы стоимъ передъ дверью будущаго и слышимъ, какъ въ нее стучится судьба; мы чуемъ ея торжествующее приближеніе, чуемъ это по той тревогѣ, которая охватила насъ и всколебала все русское общество, сверху до низу...

Д. Л.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ.—Бѣлая и черная раса.—Эмиграція. Теодоръ Рузвельтъ получилъ подавляющее большинство на выборахъ, въ которыхъ участвовало около 15 милліоновъ избирателей. Формально президентъ Соединенныхъ Штатовъ выбирается особою коллегіей представителей отъ каждаго штата, и эти выборы должны будутъ состояться на первой же недѣлѣ 1905 года, но на практикѣ вопросъ объ избраніи президента считается уже рѣшеннымъ теперь, когда всѣ штаты выбрали своихъ представителей. Изъ 476 голосовъ избирательной коллегіи большинство въ 300 голосовъ обезпечено Рузвельту, поэтому онъ теперь уже признается избраннымъ президентомъ, и такъ какъ его политическая программа вполнѣ опредѣлена, то избраніе его несомнѣнно имѣетъ огромное значеніе для политики Соединенныхъ Штатовъ. Онъ открыто и прямо объявилъ себя имперіалистомъ въ американскомъ смыслѣ этого слова и защитникомъ доктрины Монрое. Но въ то же время его желаніе созвать новую гаагскую конференцію и заключеніе франко-американскаго третейскаго договора указываютъ, что его имперіализмъ не будетъ носить воинствующаго характера, и американская республика не сдѣлается военною державой, какъ это предсказывалъ соперникъ Рузвельта, кандидатъ демократической партіи судья Паркеръ.

«Тедди (сокращенное имя Рузвельта) побѣдилъ и пробудетъ съ нами еще четыре года!» выкрикивали на улицахъ Нью-Іорка, когда сдѣлались извѣстны результаты выборовъ. Тотчасъ были организованы процессіи, факельцуги и т. п. Нью-Іоркъ, причислявшійся къ разряду сомнительныхъ штатовъ, обманулъ всѣ ожиданія и на сторонѣ Рузвельта оказалось подавляющее большинство; онъ получилъ на 200.000 голосовъ даже больше, чѣмъ Макъ-Кинлей въ 1900 году, и для всѣхъ теперь ясно, что его откровенная и прямая политика, также какъ и его энергія и твердый характеръ, привлекаютъ къ нему симпатіи избирателей больше, чѣмъ всѣ качества соперничающихъ съ нимъ кандидатовъ, представляющихъ въ политическомъ отношеніи открытый вопросъ. Рузвельтъ, самый молодой изъ всѣхъ, занимавшихъ когда-либо президентскій постъ въ Соединенныхъ Штатахъ,—ему только недавно исполнилось 46 лѣтъ. Онъ получилъ образованіе, подобное всѣмъ сыновьямъ зажиточныхъ американцевъ, т.-е. былъ въ гарвардскомъ университетѣ и путешествовалъ по Европѣ съ образовательною цѣлью. Но, какъ извѣстно, онъ круто оборвалъ свои занятія, когда ему минуло 23 года, и, отказавшись отъ адвокатской карьеры, отправился на дальній западъ, чтобы тамъ, среди охотниковъ и погонщиковъ стадъ (Cowboys) Дакота, закалить свою натуру, воспитать въ себѣ мужество и способность переносить лишенія. Вернувшись въ Нью-Іоркъ, молодой Рузвельтъ вступилъ въ политическую жизнь, какъ приверженецъ республиканской партіи и убѣжденный и открытый противникъ могущественнаго Нью-іоркскаго Тамани-Голла и темныхъ дѣльцовъ, стоящихъ во главѣ его. Въ 1886 году республиканцы выставили его кандидатомъ на постъ Нью-іорскаго мэра, но на выборахъ онъ потерпѣлъ пораженіе и тогда снова отправился на даль-

ній западъ, гдѣ прожилъ три года въ ранчо, какъ охотникъ и cowboy, что не мѣшало ему, впрочемъ, заниматься литературой, и въ журналахъ появлялись его статьи, обращавшія на себя вниманіе. Вернувшись изъ Дакота, онъ снова выступилъ на политическомъ поприщѣ и при Макъ-Кинлеѣ занималъ постъ статсъ-секретаря по морскому министерству. Онъ покинулъ этотъ постъ въ 1898 году, когда отправился воевать съ испанцами во главѣ сформированнаго имъ самимъ кавалерійскаго отряда добровольцевъ. Съ этого момента начинается его извѣстность. Многіе оспариваютъ его военныя способности и доказываютъ, что онъ ничего особеннаго не сдѣлалъ во время этой войны, но во всякомъ случаѣ именно эта война содѣйствовала его популярности, и онъ сдѣлался извѣстенъ всему населенію Соединенныхъ Штатовъ, какъ «полковникъ Рузвельтъ». По возвращеніи изъ Кубы онъ былъ назначенъ губернаторомъ штата Нью-Іоркъ, и это назначеніе состоялось больше по народному настоянію, нежели по желанію главарей партіи, которые никогда не благоволили къ Рузвельту, находя его очень неудобнымъ человѣкомъ. Поэтому, когда въ 1900 году раздались голоса въ пользу того, чтобы онъ былъ избранъ кандидатомъ республиканской партій на президентскій постъ, то главари партіи рѣшили разъ навсегда отдѣлаться отъ него и, несмотря на его энергичные протесты, избрали его вице-президентомъ. Дѣло въ томъ, что занимающій этотъ постъ никогда уже не можетъ попасть въ президенты.

Видя невозможность борьбы съ такою сплоченною коалиціей, Рузвельтъ покорился своей участи и принялъ постъ вице-президента, и вотъ, нежданно негаданно для всѣхъ, былъ убитъ Макъ-Кинлей, и Рузвельтъ занялъ его мѣсто. Руководители партіи и въ особенности Маркъ Ханна, одинъ изъ главныхъ соперниковъ Рузвельта, не очень-то были довольны его возвышеніемъ, тѣмъ болѣе, что они были увѣрены, что Рузвельтъ, конечно, захочетъ баллотироваться въ 1904 году. Заранѣе были приняты мѣры, чтобы помѣшать его успѣху, но смерть Марка Ханна разрушила всѣ планы и обезпечила полный успѣхъ Рузвельту.

Самую большую оппозицію избраніе Рузвельта встрѣтило, конечно, въ южныхъ штатахъ, гдѣ вопросъ бѣлой и черной расы отличался особенной остротой. Своимъ горячимъ протестомъ противъ варварской расправы съ неграми въ нѣкоторыхъ штатахъ, своимъ обращеніемъ съ ними, какъ съ равными, Рузвельтъ возбудилъ противъ себя сильное неудовольствіе, и населеніе южныхъ штатовъ постарается дать ему почувствовать свое неудовольствіе.

Южно-американскіе штаты примкнули къ демократической партіи, съ тѣхъ поръ какъ республиканская партія навязала имъ политическое равенство ненавистной имъ черной расы. На выборахъ тамъ бываютъ только двѣ партіи: бѣлая и черная, но до сихъ поръ численное большинство было на сторонѣ бѣлыхъ. Однако, это можетъ измѣниться, такъ какъ негры не вымираютъ, какъ индѣйцы, отъ соприкосновенія съ цивилизаціей. Напротивъ, они размножаются достаточно быстро и безпрепятственно, но очень туго смѣшиваются съ бѣлыми.

Статистическія данныя несомнѣнно указываютъ, что американская раса недостаточно плодовита и безъ помощи эмиграціи не въ состояніи будетъ удер-

*

жать за собою перевѣсъ численности по отношенію къ чернокожему населенію, которое размножается необычайно быстро. «Убѣжище угнетаемыхъ всѣхъ націй», какъ были названы Соединенные Штаты въ торжественный день празднованія годовщины объявленія независимости, еще долго можетъ принимать эмигрантовъ, безъ всякаго ущерба для себя. По вычисленію американскихъ политико-экономистовъ Соединенные Штаты могутъ свободно прокормить 800 милліоновъ, причемъ мѣста хватитъ для всѣхъ. Между тѣмъ, въ настоящее время, населеніе сѣверной Америки исчисляется въ 80 милліоновъ. Югъ, за исключеніемъ Техаса, еще совсѣмъ не открытъ для эмиграціи. Во время существованія рабства тамъ, естественно, не было мѣста для эмигрантовъ, а послѣ гражданской войны бывшіе рабовладѣльцы предпочли оставить свои земли невоздѣланными, лучше нежели привлекать въ свою страну эмигрантовъ, тѣмъ болѣе, что эти послѣдніе, во время войны, стали на сторону сѣверянъ. Однако, мало-по-малу въ этомъ отношеніи наступилъ переворотъ, и теперь почти въ каждомъ южномъ штатѣ существуетъ эмигрантское бюро, цѣль котораго побуждать иностранцевъ къ поселенію. Западные штаты теперь, какъ и раньше, стараются привлечь къ себѣ эмиграцію и поэтому въ нѣкоторыхъ изъ этихъ штатовъ чужестранцы уже послѣ годичнаго пребыванія получаютъ право голоса. Большія желѣзнодорожныя компаніи также заботятся о томъ, чтобы направить потокъ эмиграціи въ извѣстныя области, и вообще двери Америки все еще остаются широко раскрытыми передъ людьми, желающими создать себѣ новое существованіе и имѣющими нѣкоторые шансы на успѣхи, благодаря своимъ физическимъ и умственнымъ силамъ. Между тѣмъ, въ европейской печати не разъ появлялись сѣтованія и жалобы на стѣснительныя мѣропріятія американскаго правительства, направленныя къ возможному ограниченію, если только не полному уничтоженію эмиграціи. Эти новыя законодательныя мѣропріятія совпадаютъ съ наибольшимъ приливомъ эмиграціи за послѣдніе годы. Въ 1902—03 отчетномъ году число эмигрантовъ изъ Европы было 857.000, а къ 31-му мая нынѣшняго года оно уже достигло 740.000, такъ что по приблизительному разсчету число эмигрантовъ въ этомъ году, пожалуй, будетъ около 900.000. Въ 1898 г. эмиграція въ Америку не превышала 229.000 и въ теченіе десятилѣтія, съ 1892 по 1902 годъ, ежегодно эмигрировало туда не болѣе 380.000 человѣкъ. Несомнѣнно, что значительному усиленію эмиграціоннаго потока за послѣдніе годы содѣйствовало отчасти соперничество пароходныхъ обществъ, на перебой понижавшихъ цѣну за переѣздъ съ межпалубныхъ пассажировъ. Само собою разумѣется, что среди такого количества эмигрантовъ заключалось очень много нежелательныхъ элементовъ, слабыхъ физически, неспособныхъ къ труду и необученныхъ рабочихъ. Противъ этого то и возстала американская печать, такъ какъ пришлось, на основаніи закона, подвергнуть огромное число эмигрантовъ (около 20%) врачебному изслѣдованію и больше 10,000 отправить обратно въ Европу. Особенно усилилась за послѣдній годъ эмиграція изъ Италіи, (230.622), Австро-Венгріи (206.011) и Россіи (136.093). Противъ прошлаго года эмиграція изъ Россіи увеличилась на 28.746 человѣкъ, изъ Австро-Венгріи—на 34.021, изъ Италіи—на 230.622. Изъ этихъ-то странъ, главнымъ образомъ, и являются необучен-

ные рабочіе, такъ что по крайней мѣрѣ $^3/_5$ всего числа эмигрантовъ не имѣетъ никакой профессіи и никакого ремесла.

Теперешній коммиссаръ, завѣдующій эмиграціей, Вильямсъ, личный другъ Рузвельта и принялъ эту должность только изъ патріотизма, такъ какъ отказался ради нея отъ очень прибыльной адвокатской практики. Но онъ поставилъ себѣ цѣлью насколько возможно упорядочить эмигрантскій вопросъ, бороться съ злоупотребленіями, улучшить положеніе эмигрантовъ, высаживающихся въ Эллисъ-Эйландъ (островъ Эллисъ), но въ то же время и ограничить, посредствомъ строгаго примѣненія закона, приливъ нежелательныхъ элементовъ въ Америку. Однако, черезчуръ точное и строгое примѣненіе закона со стороны подчиненныхъ Вильямса часто имѣетъ такія послѣдствія, которыя, конечно, не имѣлись въ виду законодателями. Такъ, напр., недавно, по словамъ одной нѣмецкой американской газеты, ребенокъ, заболѣвшій во время пути какою-то заразительною болѣзнью, не былъ допущенъ на берегъ, тогда какъ его родители и прочія дѣти могли безпрепятственно высадиться, потому что они удовлетворяли всѣмъ требованіямъ закона. Но имъ всѣмъ пришлось отправиться обратно, вмѣстѣ съ больнымъ ребенкомъ. Въ другомъ случаѣ полуслѣпая старуха мать была отправлена назадъ въ Европу, между тѣмъ какъ ея сыновья, здоровые и работоспособные молодые люди, вынуждены были разстаться съ нею и остаться въ Америкѣ, такъ какъ они не подлежали отправкѣ назадъ. Такого рода факты вызываютъ, конечно, большія нареканія. Особенно нѣмецкая американская печать возмущается этими порядками и ея агитація привела все-таки къ назначенію коммиссіи, которая и представила свой отчетъ конгрессу, удостовѣрившись предварительно на мѣстѣ въ справедливости тѣхъ обвиненій, которыя взваливаются на эмиграціонные порядки. Однако, раньше года, какъ заявляютъ компетентные американскіе органы печати, нельзя ожидать никакихъ перемѣнъ въ этомъ направленіи, такъ какъ вообще «скоро только сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается». Несомнѣнно только одно, что Соединенные Штаты не могутъ желать уменьшенія эмиграціи, а только желаютъ улучшенія ея качества.

Парламентскіе выборы въ Италіи. Избирательная борьба въ Италіи отличалась въ этомъ году необыкновеннымъ изобиліемъ кандидатуръ. Очень мало было такихъ округовъ, гдѣ бы число кандидатовъ не достигало шести или семи, и это обиліе кандидатуръ объясняется тѣмъ, что политическія партіи распались на множество группъ, изъ которыхъ каждая стремится если не къ борьбѣ, то во всякомъ случаѣ къ нѣкоторому вліянію. Въ прежніе законодательные періоды итальянская палата распадалась на четыре большія фракціи: правая, центръ, лѣвая и крайняя лѣвая. Каждая изъ этихъ фракцій, также какъ и теперь, раздѣлялась на группы, но эти послѣднія сосредоточивались около извѣстныхъ личностей, а не около какой-нибудь спеціальной программы. Крайняя лѣвая дольше другихъ сохраняла единство, но теперь и она распалась на четыре отдѣльныя группы, между которыми уже нѣтъ больше прежняго согласія. Эти группы: республиканская, радикальная, революціонно-соціалистская и эволюціонистская. Правая также претерпѣла пре-

вращеніе. Нѣкогда это была господствующая партія, составлявшая, повидимому, оплотъ всѣхъ монархическихъ учрежденій и силу династіи. Но теперь все это отошло уже въ область историческихъ преданій. Если и есть выдающіеся люди среди консерваторовъ, то все же хорошо организованной и дѣятельной консервативной партіи болѣе не существуетъ. Большинство, поддерживающее министерство Джіолитти, еще заключаетъ въ себѣ довольно значительное ядро демократовъ, однако, и въ средѣ правительственной партіи наблюдается такое же распаденіе на различныя группы, какъ и среди другихъ партій. И всѣ эти группы, большія и малыя, представляютъ избирателямъ своихъ кандидатовъ, такъ что въ этомъ году парламентскіе выборы очень усложнились, благодаря такому раздѣленію направленій и голосовъ. Это способствовало, вѣроятно, побѣдѣ правительства надъ крайней лѣвой, которая вступаетъ въ этомъ году въ парламентъ въ ослабленномъ видѣ. Однако, соціалисты потеряли все-таки меньше другихъ фракцій крайней лѣвой и число голосовъ, полученныхъ ими, было больше, чѣмъ на послѣднихъ выборахъ; оно почти удвоилось. Правда, на этотъ разъ соціалисты выставили своихъ кандидатовъ почти въ каждомъ округѣ, тогда какъ прежде они выставляли ихъ только въ рабочихъ центрахъ. Правительственная же партія, увеличилась, главнымъ образомъ, на счетъ радикаловъ и республиканцевъ, но, конечно, дѣло не обошлось безъ перебаллотировокъ, которыхъ въ этомъ году было особенно много. Новостью было также открытое участіе католиковъ въ выборахъ. Въ клерикальныхъ и антиклерикальныхъ газетахъ очень много говорилось въ послѣднее время объ отмѣнѣ «Non expedit»—запрещенія католикамъ принимать участіе въ выборахъ. Одни увѣряли, что отмѣна состоялась, другіе отрицали это и даже среди клерикаловъ не существовало на этотъ счетъ никакого единодушія. Но папа, однако, не повторилъ запрещенія, а, оставивъ его въ прежней силѣ, подъ рукою разрѣшилъ клерикаламъ вотировать, подъ условіемъ, чтобы они не выставляли своихъ собственныхъ кандидатовъ. Всего важнѣе то, что онъ рекомендовалъ имъ вотировать за правительственныхъ кандидатовъ и такимъ образомъ долгій періодъ антиправительственной папской политики, повидимому, пришелъ къ концу. Ясно, что венеціанецъ Сарто, бывшій епископъ, призванный занять папскій престолъ, иначе смотритъ на вещи, нежели смотрѣлъ родившійся и воспитанный въ предѣлахъ церковнаго государства его предшественникъ Левъ XIII, и это должно будетъ отразиться на его отношеніяхъ къ итальянскому правительству.

Оффиціозная итальянская печать, разумѣется, ликуетъ по поводу побѣды правительства и особенно подчеркиваетъ пораженіе радикаловъ и др. фракцій крайней лѣвой. Соціалистская печать, однако, отрицаетъ это, хотя и признаетъ все же, что въ этомъ году условія сложились для соціалистовъ весьма неблагопріятно, такъ какъ энергія ихъ противниковъ удвоилась, между тѣмъ какъ ихъ собственныя силы остались тѣже. Кромѣ того, на сторону противниковъ соціализма стали всѣ недовольные среди мелкой буржуазіи, пострадавшіе отъ послѣднихъ стычекъ. Органъ соціалистической партіи «Avanti» считаетъ, однако, самымъ важнымъ моментомъ, повліявшимъ на исходъ выборовъ, внутреннюю разрозненность соціалистовъ, ихъ распри, которыя ослабили партіи и привели

къ тому, что въ нѣкоторыхъ избирательныхъ округахъ одновременно выступали соперниками два соціалистскихъ кандидата, оспаривавшіе другъ у друга голоса. «Но это все же мелочи,—замѣчаетъ газета,—въ сравненіи съ ростомъ голосовъ, на который можетъ указать партія. Этотъ приростъ голосовъ имѣетъ особенно важное значеніе, въ виду того, что южная Италія до сихъ поръ еще страдаетъ отъ отсутствія грамотности и отъ ига каморры». Въ Италіи избирательное право зависитъ, какъ извѣстно, отъ умѣнія читать и писать и поэтому, въ то время какъ во Франціи 28 процентовъ населенія, а въ Германіи—26 обладаютъ правомъ голоса, въ Италіи всего только семь процентовъ могутъ принимать участіе въ выборахъ. Правда, число неграмотныхъ въ Италіи уменьшается, но все-таки очень медленно; такъ, съ 1872 по 1882 г. оно понизилось съ 72 проц. до 67, а въ 1901 г. упало до 56 процентовъ. При такомъ сравнительно небольшомъ числѣ избирателей увеличеніе числа соціалистскихъ голосовъ, конечно, получаетъ особенное значеніе. Въ 1900 г. число соціалистскихъ голосовъ было 164,976 и притомъ часть ихъ вотировала за республиканцевъ и радикаловъ; теперь же, по вычисленіямъ «Avanti», на выборахъ было подано 301.525 соціалистскихъ голосовъ, причемъ самое большее число падаетъ на Пьемонтъ (73.626), а наименьшее на южную Италію, гдѣ соціалистское движеніе еще не сдѣлало такихъ большихъ успѣховъ, какъ въ сѣверной Италіи, Во всякомъ случаѣ министерству Джіолитти еще рано праздновать побѣду надъ крайними партіями и оппозиціей, тѣмъ болѣе, что большинство, на которое оно будетъ опираться въ палатѣ, носитъ чрезвычайно разношерстный характеръ и легко можетъ распасться.

Французская армія и правительство. Столѣтняя годовщина наполеоновскаго кодекса. «Les gens que vous tuez se trouvent assez bien»*), заявляютъ французскія республиканскія газеты оппозиціи. Министерство Комба продолжаетъ еще держаться, хотя оно висѣло на волоскѣ, но его спасло негодованіе, вызванное безобразнымъ поступкомъ націоналистскаго депутата Сиветона, ударившаго по лицу военнаго министра Андре, 67-ми-лѣтняго старика, съ такою силой, что тотъ упалъ и послѣ этого былъ боленъ нѣсколько дней. Министерское большинство, сократившееся до десяти голосовъ, послѣ этого тотчасъ же возросло до 87-ми, и зарвавшійся націоналистъ, жаждавшій во чтобы то ни стало вызвать паденіе ненавистнаго министерства, оказалъ въ сущности медвѣжью услугу своей партіи, которая, казалось, готова была праздновать побѣду, такъ какъ съумѣла отыскать слабое мѣсто республиканскаго правительства и туда направить свой ударъ. То, что произошло во французской палатѣ депутатовъ, бросаетъ, однако, яркій свѣтъ на нравы французской арміи и господствовавшіе въ ней порядки. Во Франціи болѣе чѣмъ гдѣ-либо, армія—или по крайней мѣрѣ корпусъ офицеровъ—носитъ характеръ касты, имѣющей собственную организацію и подчиняющейся собственнымъ законамъ. «Наше правосудіе не ваше», заявилъ одинъ офицеръ гражданскимъ судьямъ во время процесса Дрейфуса. И вся процедура этого знамени-

---

*) Люди, которыхъ вы убиваете, чувствуютъ себя довольно хорошо.

таго дѣла подтвердила слова офицера. Но не только духъ касты господствуетъ въ арміи; въ ней также господствуетъ политика. Въ теоріи армія не должна заниматься политикой, но на практикѣ это не такъ, и французская армія служитъ вполнѣ опредѣленному политическому направленію, а именно: реакціонному. Республика, стараясь укрѣпиться на французской почвѣ, въ теченіе долгаго времени не рѣшалась коснуться арміи, и въ то время какъ всѣ министерства во Франціи были республиканскими, военное министерство неизмѣнно оставалось въ рукахъ представителей реакціи. Разоблаченія по поводу дѣла Дрейфуса, разные другіе факты и открытое сопротивленіе офицеровъ республиканскому правительству, не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, въ чьихъ рукахъ находится армія и что угрожаетъ республикѣ. Когда Вальдекъ Руссо былъ занятъ сосредоточеніемъ республиканцевъ для энергичнаго отпора, то все же онъ имѣлъ слабость оставить военное министерство въ рукахъ довѣреннаго лица правой, генерала Галлифе, который не допустилъ правильнаго разрѣшенія дѣла Дрейфуса и амнистировалъ всѣхъ преступниковъ генеральнаго штаба. Только его преемникъ, генералъ Андре, серьезнымъ и послѣдовательнымъ образомъ предпринялъ реорганизацію арміи въ республиканскомъ духѣ, стремясь уничтожить расколъ, который отдѣлялъ ее отъ республики. Исходя изъ того убѣжденія что армія составляетъ часть народа и поэтому должна быть воодушевлена такимъ же демократическимъ духомъ, какъ и народъ, генералъ Андре вездѣ, гдѣ только могъ, говорилъ о необходимости сближенія между солдатами и гражданами и о томъ, что военное и соціальное воспитаніе гражданъ, призванныхъ подъ знамена, должно идти рука объ руку. «Между школою и арміей не должно существовать никакой пропасти, заявилъ онъ въ своей рѣчи, сказанной въ одномъ собраніи учителей.—Я не могу допустить, чтобы вступленіе въ армію молодыхъ французовъ означало бы конецъ ихъ нравственнаго, свѣтскаго и республиканскаго воспитанія». Само собою разумѣется, что такія возрѣнія республиканскаго военнаго министра должны были наткнуться на очень упорное, какъ явное, такъ и тайное, сопротивленіе со стороны реакціонныхъ силъ, изъ рукъ которыхъ ускользало одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ и послѣднихъ средствъ удержанія власти въ государствѣ, а именно армія. Генералъ Андре не разъ долженъ былъ убѣдиться, что республика имѣетъ въ арміи дѣло съ очень упорнымъ, могущественнымъ и ожесточеннымъ врагомъ, для котораго всѣ средства хороши, лишь бы они достигали цѣли. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ арміи господствовала клерикально-реакціонная шпіонская система и деспотизмъ. Ни одинъ офицеръ не могъ разсчитывать на повышеніе, если онъ не посѣщалъ обѣдни, читалъ либеральныя газеты и открыто признавалъ республиканскіе принципы. Извѣстный іезуитскій патеръ Дюлакъ, духовникъ генерала Буадефра, начальника генеральнаго штаба, всегда имѣлъ у себя на письменномъ столѣ ранговый списокъ офицеровъ и такимъ образомъ за офицерами былъ устроенъ очень строгій надзоръ. Какіе плоды принесла эта система, доказываетъ, между прочимъ, подписка на памятникъ «великому патріоту» Анри, автору подлоговъ въ дѣлѣ Дрейфуса. Сотни офицеровъ покрыли своими фамиліями подписной листъ, сопровождая свою подпись, кромѣ того, разными цитатами, которыя дышатъ ненавистью къ республикѣ и нынѣшнему

правительству. Конечно, военному министру, убѣжденному республиканцу, очень трудно было справиться съ такими офицерами, находящимися на дѣйствительной службѣ, и, натолкнувшись на такое препятствіе, онъ могъ поддаться желанію воспользоваться ихъ же собственнымъ оружіемъ противъ нихъ же самихъ. Когда онъ обращался къ командующимъ генераламъ и правительственнымъ комитетамъ за свѣдѣніями объ отдѣльныхъ офицерахъ, то тѣ и другіе, проникнутые клерикально-реакціоннымъ духомъ, всегда давали благопріятные отзывы о клерикальныхъ офицерахъ и неблагопріятные о республиканскихъ. Убѣдившись въ этомъ, Андре рѣшилъ обращаться къ гражданскимъ властямъ, а эти послѣднія получали свѣдѣнія отъ частныхъ лицъ, среди которыхъ были массоны. Центральная массонская организація «Grand Orient», какъ во Франціи, такъ и въ Италіи, и вообще въ романскихъ странахъ , преслѣдуетъ не только гуманитарныя, но и политическія цѣли. Въ этихъ странахъ абсолютизмъ имѣлъ превосходную организацію, политическую—въ государственной администраціи, военную—въ арміи и клерикальную—въ духовенствѣ. Гражданское же, либерально мыслящее общество, за исключеніемъ отдѣльныхъ политическихъ партій, не имѣло никакой центральной политической организаціи и вотъ этотъ-то пробѣлъ до нѣкоторой степени и былъ восполненъ массонскою ложей, которая въ теченіе 34-хъ-лѣтней борьбы французской республики съ соединенными силами монархистско-клерикальной реакціи являлась центромъ сосредоточенія для всѣхъ республиканскихъ элементовъ. Республиканскіе офицеры находили въ ней также опору и такимъ образомъ создалось совершенно неестественное положеніе вещей: массонская ложа выполняла нѣчто вродѣ оффиціальной миссіи и доставляла военному министру нужныя ему свѣдѣнія объ офицерахъ. Мало-по-малу возникла цѣлая система и генералъ Андре былъ самъ увлеченъ потокомъ, въ который имѣлъ неосторожность вступить. Онъ считалъ своимъ правомъ и своею обязанностью пополнять сообщеніями изъ другихъ источниковъ получаемыя имъ слишкомъ одностороннія и явно тенденціозныя свѣдѣнія, доставляемыя ему военными начальниками и комитетами, но въ своемъ рвеніи возстановить республиканскій духъ въ арміи и уничтожить реакцію онъ зашелъ слишкомъ далеко и вступилъ на скользкій путь. Но, осуждая его образъ дѣйствій въ данномъ случаѣ, не слѣдуетъ все-таки забывать, что онъ вступилъ въ управленіе военнымъ министерствомъ въ очень смутный періодъ послѣ дѣла Дрейфуса, когда Франція была очень недалека отъ гражданской войны. Высшіе посты въ арміи были заняты офицерами, не скрывавшими своего враждебнаго отношенія къ существующему порядку вещей. Дѣло Дрейфуса явилось кульминаціоннымъ пунктомъ системы, которая съ неустанною энергіей преслѣдовала только одну цѣль: исключеніе всѣхъ, кто не былъ ученикомъ и послѣдователемъ іезуитовъ, изъ высшихъ ранговъ арміи. Задача возстановленія власти республики въ арміи, конечно, была далеко не легка при такихъ условіяхъ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ, въ Парижѣ была торжественно отпразднована столѣтняя годовщина наполеоновскаго кодекса. Торжественное засѣданіе состоялось въ актовомъ залѣ Сорбонны и трое ораторовъ, министръ юстиціи Валле, предсѣдатель кассаціоннаго суда Глассонъ и адвокатъ Бурдильонъ, должны

были изложить въ своихъ рѣчахъ исторію происхожденія гражданскаго кодекса и указать тѣ измѣненія, которымъ онъ подвергся. Рѣчи продолжались долго и пубика уже начала скучать, слушая историческій обзоръ, когда вдругъ произошелъ неожиданный эпизодъ. Министръ юстиціи Валле былъ прерванъ въ самомъ патетическомъ мѣстѣ своей рѣчи женскимъ крикомъ: «Долой кодексъ Наполеона! Кодексъ Наполеона обезчещиваетъ республику и угнетаетъ женщинъ!» Всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ и въ первую минуту произошло нѣкоторое смятеніе, но явившіеся на подмогу полицейскіе возстановили порядокъ. Манифестантка, при общемъ хохотѣ, была удалена изъ залы, и министръ Валле могъ кончить свою рѣчь. Но французскія феминистки все-таки устроили демонстрацію противъ кодекса. Эта демонстрація была организована ассоціаціей, которая называется «Solidarité des femmes». Группа женщинъ собралась у палаты депутатовъ и затѣмъ оттуда отправилась, въ видѣ небольшой процессіи, къ Вандомской колоннѣ! У каждой изъ участвующихъ въ процессіи былъ подъ мышкой маленькій красивый томикъ, слишкомъ хорошо извѣстный каждому студенту, изучающему право. Всѣ эти томики были сложены въ кучу передъ изображеніемъ Наполеона и торжественно сожжены. Вечеромъ, въ тотъ же день, состоялся митингъ протеста въ большомъ залѣ «Hôtel des Sociétés Savantes», подъ предсѣдательствомъ Маргариты Дюранъ, причемъ во всѣхъ рѣчахъ доказывалось, что кодексъ противорѣчитъ демократическимъ принципамъ и, кромѣ того, даетъ мужчинамъ законное право притѣснять женщинъ.

Какъ всегда, дѣйствія французскихъ феминистокъ вызвали насмѣшки и состязанія въ остроуміи французской бульварной печати и сатирическихъ листковъ, которымъ подобная манифестація давала обильную пищу. Впрочемъ, такимъ же матеріаломъ для насмѣшекъ послужило и торжественное засѣданіе въ Сорбоннѣ, причемъ особенно выставлялись на видъ старанія различныхъ ораторовъ не упоминать имени Наполеона, говоря о наполеоновскомъ кодексѣ.

Много толковъ и комментаріевъ въ иностранной печати вызываетъ рѣчь Жореса по поводу англо-французскаго соглашенія и въ особенности его слова о томъ, что если Германія откажется отъ эгоистической политики и будетъ трудиться, совмѣстно съ другими, въ пользу мира, цивилизаціи и справедливости, то сближеніе съ нею станетъ возможнымъ и для Франціи. Въ первый разъ, во французской палатѣ, раздались мужественныя слова, осуждающія идею реванша при помощи оружія. До сихъ поръ никто, изъ опасенія прослыть измѣнникомъ отечества, не рѣшался говорить такъ открыто противъ примѣненія силы, какъ орудія возмездія и возмѣщенія тѣхъ несправедливостей, которыя были произведены насиліемъ. Англо-французскому соглашенію Жоресъ придаетъ всемірное значеніе. Это первый шагъ къ уничтоженію взаимнаго недовѣрія между европейскими націями, которыя, вмѣсто того, чтобы нарушать права азіатскихъ націй, должны прежде всего стремиться къ созданію «настоящей Европы», сильной своимъ единеніемъ и своею культурною работой. Нѣмецкая и англійская печать придаютъ особенное значеніе рѣчи Жореса въ виду тѣхъ событій, которыя совершаются теперь на Дальнемъ Востокѣ.

Конгрегаціи и тайныя общества въ Китаѣ. Въ Китаѣ и повсюду, гдѣ только проживаютъ китайцы, даже въ Америкѣ и восточной Африкѣ, непремѣнно существуютъ китайскія ассоціаціи, братства и конгрегаціи, иногда открытыя и не только допускаемыя, но даже поощряемыя правительствами, иногда же носящія характеръ тайныхъ обществъ и тщательно скрываемыя участниками. Китаецъ обладаетъ истиннымъ призваніемъ къ соціальной солидарности; у него врожденное стремленіе къ ней, къ синдикатамъ, къ взаимопомощи. Могущество китайскихъ ассоціацій, существующихъ, напр., во французскихъ колоніяхъ, въ Индо-Китаѣ, настолько велико, что, по словамъ журнала «La Revue», французское правительство оффиціально признаетъ существованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ и непосредственно ведетъ переговоры съ ихъ главарями, помимо китайской дипломатической власти. Китайскія конгрегаціи представляютъ настоящія общества взаимопомощи, основанныя китайцами, уроженцами одной и той же провинціи, и являющіяся для нихъ какъ бы продолженіемъ родины. Эти конгрегаціи замѣняютъ для нихъ въ чужой странѣ благотворительныя учрежденія, существующія въ Китаѣ, вродѣ, напримѣръ, знаменитой ассоціаціи Голубой рѣки, происхожденіе которой относится къ глубокой древности и которая спасаетъ отъ смерти многія сотни человѣкъ ежегодно. Въ чужой странѣ конгрегація служитъ также и бюро для пріисканія мѣстъ, причемъ она даетъ пристанище и прокармливаетъ члена конгрегаціи до тѣхъ поръ, пока ему не будетъ найдено какое-нибудь занятіе. Тутъ существуетъ настоящее товарищество и дѣятельность конгрегаціи не только обезпечивается ежегодными взносами ея членовъ, но также состояніемъ тѣхъ, которые болѣе богаты, такъ какъ, согласно принципу конгрегаціи, имущество всѣхъ ея членовъ должно, въ случѣ надобности, служить для поддержки тѣхъ, кто въ этомъ нуждается и имѣетъ право на эту поддержку. Словомъ, тутъ дѣйствуетъ принципъ: одинъ за всѣхъ и всѣ за одного. Впрочемъ, члену конгрегаціи легче бываетъ найти работу именно потому, что стоящіе во главѣ этого учрежденія ручаются за него передъ хозяиномъ. Большею частью такимъ хозяиномъ бываетъ также китаецъ, принадлежащій къ конгрегаціи, и въ такомъ случаѣ его рабочій поступаетъ къ нему на правахъ участія въ барышахъ, и слѣдовательно онъ будетъ также заинтересованъ, какъ и хозяинъ, въ процвѣтаніи фирмы. Онъ видитъ въ своемъ хозяинѣ своего собрата и находитъ у него то, что въ его глазахъ имѣетъ наибольшую цѣну, т.-е., настоящую семью, среди которой онъ чувствуетъ себя на родинѣ. При такихъ условіяхъ и съ такими преданными рабочими, крайне умѣренными въ своихъ потребностяхъ, китайскій комерсантъ или промышленникъ можетъ смѣло конкурировать съ европейцемъ, который платитъ гораздо болѣе высокое по сравненію съ китайцами, жалованье своимъ рабочимъ, нисколько не заинтересованнымъ въ его успѣхѣ и процвѣтаніи и поэтому работающими не такъ усердно, какъ китайцы.

Кромѣ конгрегацій, которыя служатъ соціальною зищитою китайцу, въ Китаѣ чрезвычайно распространены тайныя общества. Открыть эти общества очень трудно и еще труднѣе надзоръ за ними. Мандаринъ, устраивающій такой надзоръ, рискуетъ своею жизнью, такъ какъ агентъ, которому онъ поручаетъ

это дѣло, можетъ быть самъ членомъ одного изъ этихъ тайныхъ обществъ, да и вообще подобная миссія сопряжена съ величайшими затрудненіями. Тайныя общества живутъ автономною жизнью въ самомъ центрѣ оффиціальнаго общества. Иногда правительство какой-нибудь провинціи попадаетъ въ руки одного изъ членовъ такого тайнаго общества, что и можно бываетъ замѣтить въ нѣкоторыхъ политическихъ актахъ. Движеніе боксеровъ противъ христіанскихъ миссій, постепенно развившееся и выразившееся нападеніемъ на посольства, можетъ служить примѣромъ такого вмѣшательства тайныхъ обществъ въ правительственную политику. Китаецъ, по натурѣ, очень терпимъ, особенно въ религіозныхъ вопросахъ, но онъ повинуется приказаніямъ, исходящимъ отъ того тайнаго общества, членомъ котораго онъ состоитъ. Онъ знаетъ впрочемъ, что всякое нарушеніе регламента и неповиновеніе влечетъ страшное наказаніе и никакая человѣческая власть не въ состояніи спасти отъ приговора, произнесеннаго надъ нимъ тайнымъ трибуналомъ. Всѣ возмущенія, бунты и революціи, потрясавшія китайскую имперію, подготовлялись и устраивались тайными политическими ассоціаціями, парализующими, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, всякую правительственную дѣятельность, такъ какъ во многихъ случаяхъ правительство не рѣшалась дѣйствовать, чтобы не вызвать раздраженія огромной части населенія и не произвести такимъ образомъ революцію, которая могла бы ниспровергнуть престолъ. Обыкновенно сигналомъ для заговорщиковъ служатъ пожары дворцовъ и др. правительственныхъ зданій, огни, зажигаемые на возвышенностяхъ, а если окажется нужнымъ произвести диверсію, то возникаетъ пожаръ даже въ народныхъ кварталахъ. Европейцы, давно живущіе среди китайцевъ, отлично знаютъ, что такіе внезапные пожары всегда подозрительны, особенно если они случаются ночью и сопровождаются отчаяннымъ шумомъ. Опытный европеецъ остерегается въ такихъ случаяхъ выходить изъ дому, на помощь пострадавшимъ, а немедленно принимаетъ мѣры для собственной безопасности. Въ случаяхъ сильнаго политическаго возбужденія кажущіяся жертвы пожара бываютъ обыкновенно сами собственными поджигателями. Цѣль ихъ: отвлеченіе общественныхъ властей. Пользуясь сумятицей, они отправляются въ ту часть города, которая возбуждаетъ ихъ неудовольствіе, и тамъ устраиваютъ грабежи и пожары, а потомъ возвращаются и избиваютъ солдатъ и беззащитныхъ гражданъ, которые занимались, въ это время, борьбою съ пожаромъ и спасеніемъ людей.

Какъ извѣстно, возмущеніе тайпинговъ было въ значительной степени подготовлено тайною ассоціацей «Hung». Такія тайныя общества большею частью представляютъ постоянные и грозные заговоры противъ царствующей династіи. Одна изъ этихъ ассоціацій, наиболѣе могущественная и спеціально направленная противъ манчжурской династіи, называется «Обществомъ Неньюфары, лиліи или бѣлаго облака», а иногда «Обществомъ земли и неба». Именно эта ассоціація, преслѣдующая вполнѣ опредѣленную цѣль ниспроверженія царствующей династіи въ Китаѣ, на которую она смотритъ, какъ на узурпаторскую, всегда были со всѣми своими многочисленными отдѣленіями, разсѣянными по всей китайской территоріи, причиной странной пассивности императорскихъ войскъ, когда у правительства возникали какія-либо затрудненія

съ какою-нибудь иностранною державой. Въ Европѣ привыкли считать китайское войско подкупнымъ и плохо дисциплинированнымъ, легко обращающимся въ бѣгство и бросающимъ свое оружіе, которое подбирается врагомъ. Но если бы теперешняя династія была ниспровергнута, то, пожалуй, Европа очутилась бы тогда лицомъ къ лицу совсѣмъ съ другимъ врагомъ, такъ какъ свободные отъ рабскаго ига китайцы могли бы возстать сами, для защиты своей національной независимости. Но въ данный моментъ китайцы нисколько не интересуются столкновеніями, происходящими между имперіей и другими націями. Они знаютъ, что будетъ ли надъ ними властвовать Европа, или теперешняя династія, или Японія—налоги останутся все тѣ же, и поэтому они справедливо считаютъ своимъ врагомъ своихъ властителей и бываютъ довольны, если этимъ послѣднимъ причиняются какія-либо затрудненія. Поэтому-то они и допустили бѣгство пекинскаго двора передъ войсками коализованной Европы и такъ вѣжливо приняли европейскіе гарнизоны, помогая имъ въ умиротвореніи столицы. Но было бы ошибочно выводить отсюда заключеніе о ихъ доброжелательности и раскаяніи. Китайцы преслѣдовали тутъ свою собственную политику, стараясь какъ можно больше поколебать манчжурское владычество. Что же касается европейцевъ, то они своими требованіями и безцеремоннымъ вмѣшательствомъ въ китайскія дѣла возбудили слишкомъ большую ненависть, чтобы она могла исчезнуть такъ скоро. Въ данный моментъ они какъ будто совершенно равнодушны къ русско-японскому конфликту, но тѣмъ не менѣе они зорко слѣдятъ за всѣмъ, что происходитъ, постоянно имѣя въ виду только одну цѣль—ниспроверженіе царствующей династіи и водвореніе національнаго правительства. Русско-японская война можетъ доставить имъ случай для этого, а пока тайныя общества продолжаютъ свою подпольную дѣятельность. Члены этихъ обществъ, считающіе другъ друга братьями, связаны самыми ужасными клятвами и китайскій заговорщикъ даже подъ самою страшною пыткой не выдастъ довѣренной ему тайны. Знаки, напоминающіе въ нѣкоторомъ отношеніи франкмассонскіе обряды, условный языкъ, жесты и манера поднимать руку, чтобы брать пищу или питье, складывать палочки, служащія для ѣды, обмахиваться вѣеромъ и т. п., словомъ, тысячи мелочей, ускользающихъ отъ глазъ постороннихъ и непосвященныхъ людей, служатъ способами, по которымъ члены тайныхъ обществъ тотчасъ же узнаютъ другъ друга. Кадры ассоціаціи совершенно независимы отъ ея управленія и никому неизвѣстна полная іерархія общества. Посвященіе ограничивается только тѣмъ, что членамъ сообщаются только тѣ знаки, по которымъ они могутъ узнавать другихъ членовъ, принадлежащихъ къ тому же самому разряду, и тѣхъ, которымъ они должны передать приказанія. Поэтому, если вслѣдствіе неосторожности и откроется какая нибудь тайна, то все же это не пойдетъ дальше, такъ какъ никогда не удается уловить нити, по которой было бы можно добраться до центральной организаціи. Все ограничивается чисто мѣстнымъ разоблаченіемъ и продѣланная брешь живо задѣлывается. Общество, такимъ образомъ, не терпитъ ущерба и продолжаетъ свою агитацію. Нѣкоторыя тайны условнаго жаргона удалось все-таки проникнуть. Извѣстно, напримѣръ, что полицейскаго агента называютъ «*сквознымъ вѣтромъ*». Мѣста собранія также имѣютъ свои на-

именованія, напр., «Страна золота», «Пріютъ для искупленія», «Мѣстожительство павлина», «Область граничащая со счастьемъ» и т. д. Лозунгомъ общества Неньюфары было одно время слово «патріотизмъ», и на печати было выгравировано: «лига патріотовъ». Бѣлый цвѣтъ считается цвѣтомъ этого общества и употребляется имъ во всѣхъ эмблемахъ. На бѣлыхъ знаменахъ написанъ девизъ: «Повиновеніе Богу. Возвращеніе національной династіи», а подъ нимъ находится названіе пяти добродѣтелей, въ которыхъ должны упражнятся члены общества: взаимопомощь, справедливость, мудрость, равенство, вѣра. Эти добродѣтели приписываются пяти основателямъ секты, буддійскимъ священникамъ изъ провинціи Фокинъ, къ сѣверу отъ Кантона. Послѣ энергическаго преслѣдованія, организованнаго правительствомъ, общество это, въ концѣ сороковыхъ годовъ, какъ будто исчезло, но это было только кажущееся исчезновеніе и въ 1849 г. оно возникло съ новою силой, подъ эгидой новаго вождя, который заимствовалъ христіанскія идеи и называлъ себя братомъ Іисуса Христа. Въ китайскихъ тайныхъ обществахъ религія всегда примѣшивается къ политикѣ. Общество бѣлой лиліи имѣетъ больше двухъ миліоновъ послѣдователей и въ значительной части состоитъ изъ ученыхъ китайцевъ, послѣдователи его находятся даже въ Европѣ. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти тайныя общества въ Китаѣ являются минами, которыя могутъ произвести взрывъ и въ одинъ прекрасный день свалить многовѣковую имперію. Китай проснется тогда отъ своего оцѣпенѣнія и только тогда начнется его активная жизнь.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Толки о мирѣ и войнѣ.—Характеристика японскаго войска.—Классовая борьба въ Соединенныхъ Штатахъ.

Ужасы бойни, происходящей на Дальнемъ Востокѣ, несомнѣнно оказываютъ свое дѣйствіе, возбуждая невольное отвращеніе и содроганіе въ душѣ цивилизованнаго общества. Это отражается въ иностранной печати, гдѣ все громче раздаются голоса о необходимости вмѣшательства въ пользу заключенія мира, и почти не встрѣчается воинственныхъ статей, даже на страницахъ такихъ журналовъ, которые всегда отличались своимъ шовинистскимъ направленіемъ. Повидимому, война убиваетъ войну, вызывая всеобщее къ ней отвращеніе, и толки о мирѣ становятся настоятельнѣе. Въ англійской печати обсуждаются тѣ условія, на которыхъ могъ бы быть заключенъ миръ. Безъ сомнѣнія, Корея должна будетъ фактически подчиняться Японіи въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, хотя она и будетъ считаться нейтральною страной. Но корейскій народъ проявилъ полную неспособность къ самостоятельному существованію, и слѣдовательно положеніе, которое создано теперь японско-корейскимъ соглашеніемъ, не можетъ быть измѣнено ни въ какомъ случаѣ. Что же касается Манчжуріи, то японцы присоединять ее не желаютъ и намѣрены вернуть ее Китаю. Обсуждая положеніе дѣлъ, англійская печать почти единогласно высказываетъ мнѣніе, что послѣ такихъ громадныхъ жертвъ людьми и деньгами Японія не можетъ вернуться къ старому status quo до войны. Разу-

мѣется, японцы не такъ самонадѣянны, чтобы мечтать о томъ, что они будутъ «диктовать русскимъ условія мира въ Москвѣ», но все же они намѣрены до конца отстаивать свои интересы и согласятся лишь на такой миръ, который вполнѣ ихъ обезпечитъ. Тѣмъ не менѣе съ разныхъ сторонъ раздаются воззванія къ миру. Въ Лондонѣ комитетъ «Международной ассоціаціи мира» нѣсколько разъ уже обращался къ лорду Лансдоуну съ приглашеніемъ предложить свое посредничество воюющимъ сторонамъ. Въ венгерской палатѣ депутатъ Кошутъ тоже высказалъ пожеланія въ этомъ духѣ. Почти на каждомъ конгрессѣ ученыхъ и другихъ обществъ непремѣнно возбуждается вопросъ о прекращеніи войны и недавно международное соціалистское бюро постановило внести, въ одинъ и тотъ же день, во всѣ европейскіе парламенты, предложеніе о вмѣшательствѣ державъ въ пользу мира. Англійскій журналъ «Empire Review», однако, высказываетъ грустную увѣренность, что всѣ такія воззванія останутся «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ», такъ какъ онѣ не подкрѣплены ничѣмъ положительнымъ. «Если бы всѣ члены конгресса въ Вашингтонѣ и парламента въ Лондонѣ, всѣ духовныя лица въ Америкѣ и Англіи,—замѣчаетъ журналъ,—согласились бы торжественно выразить порицаніе ужасамъ войны, то все же это не произвело бы никакого впечатлѣнія на воюющихъ, которые продолжали бы свое страшное дѣло разрушенія. Къ сожалѣнію, гаагскій третейскій судъ не облеченъ никакими полномочіями и не можетъ диктовать ни Россіи, ни Японіи мирныхъ рѣшеній». Но миръ явится въ силу необходимости, и большинство англійскихъ журналовъ высказываютъ увѣренность, что когда Портъ-Артуръ будетъ взятъ, то японцы предложатъ своимъ противникамъ разумныя условія мира. «Но если Россія, не взирая ни на какія гуманитарныя соображенія,—говоритъ «National Review»,—все-таки захочетъ продолжать страшную бойню, то она подвергнетъ себя еще болѣе серьезной опасности, чѣмъ теперь, безвозвратно ослабивъ всѣ свои источники жизни. Она уже теперь потеряла свое положеніе третьей морской державы и если случится несчастье съ ея балтійскимъ флотомъ, то ея берега останутся безъ всякой защиты въ теченіе многихъ лѣтъ. Кромѣ того, для продолженія борьбы, ей придется ослабить оборону своихъ территоріальныхъ границъ и также оставить ихъ открытыми. Но настоятельнѣе всего требуетъ прекращенія войны ея внутреннее положеніе, которое нуждается въ немедленной реорганизаціи и напряженіи всѣхъ живыхъ силъ, чтобы залечить тѣ язвы, отъ которыхъ страдаетъ общественный организмъ, и спасти его отъ разрушенія. Единственная хорошая сторона войны заключается именно въ томъ, что она раскрываетъ глаза на многое, что скрывается въ обыкновенное время завѣсою національной гордости. Южно-африканская война сдѣлала свое дѣло и раскрыла глаза англичанамъ, заставивъ ихъ очнуться отъ имперіалистскаго угара. Пусть же восточно-азіатская война раскроетъ глаза Россіи и побудитъ ее, пока не поздно, безстрашно и смѣло взглянуть въ лицо опасности, которая ей угрожаетъ, и поддержать свою роль въ міровой политикѣ».

Англійскій журналистъ Милліаръ изслѣдуетъ причины японскихъ побѣдъ, которыя заключаются, по его мнѣнію, въ превосходствѣ японской развѣдочной

службы. Съ удивительнымъ искусствомъ японцы воспользовались китайскими источниками, всегда почти закрытыми для русскихъ.

Русскіе не въ состояніи прослѣдить за всѣми движеніями китайцевъ, которые бродятъ вокругъ полей битвъ и вокругъ лагерей, все высматривая и замѣчая. Кромѣ того, и превосходство японской артиллеріи несомнѣнно. Японскіе артиллеристы много упражнялись въ стрѣльбѣ и орудія ихъ совершеннѣе, поэтому-то русскіе, несмотря на всю свою храбрость, терпятъ пораженія. Притомъ же и войска, набранныя въ Сибири и составленные изъ резервовъ, не могутъ быть поставлены на одну доску съ настоящими русскими солдатами и далеко не равны японцамъ ни по своимъ знаніямъ, ни по своей выносливости и дисциплинѣ. Онъ дѣлаетъ, между прочимъ, любопытную характеристику японскаго войска. «Японскіе генералы,—говоритъ онъ,—отличаются особенною дѣловитостью. Они исполняютъ свои роли вовсе не для публики и нисколько не помышляютъ о томъ, чтобы добиваться ея одобренія. Очень часто корреспондентамъ запрещается даже упоминать имена полководцевъ, руководившихъ какимъ-нибудь важнымъ и очень смѣлымъ сраженіемъ. Это скрываніе именъ вызывается опасеніемъ дать врагу ключъ къ организаціямъ, съ которыми ему приходится имѣть дѣло, и къ удостовѣренію личностей, стоящихъ во главѣ. Напримѣръ, генералъ Окасива, опытный стратегъ и воинъ, непремѣнно былъ бы возведенъ на пьедесталъ народнаго героя во всякой другой странѣ, но въ японскихъ отчетахъ имя его упоминается рѣдко и вообще не встрѣчается никакихъ превыспреннихъ восхваленій по его адресу. Таковъ же и генералъ Куроки, молчаливый и сдержанный человѣкъ. Онъ представляетъ именно тотъ типъ, который всего болѣе распространенъ въ японской арміи. И его войско вполнѣ отвѣчаетъ его характеру; оно можетъ быть названо «молчаливымъ войскомъ». У русскихъ есть полковая музыка, которая играетъ при закатѣ солнца, во время походовъ и сраженій и солдаты подвигаются подъ звуки барабановъ и рожковъ. Вечеромъ вокругъ лагерныхъ огней, часто раздается пѣніе и оно долетаетъ до ушей японскихъ пикетовъ. Но въ японскихъ лагеряхъ не слышно ни музыки, ни пѣнія и въ жизни японскаго солдата музыкѣ, повидимому, нѣтъ мѣста. Японцы даютъ волю своему энтузіазму только въ моментъ побѣды, когда раздается ихъ рѣзкій крикъ: «банзай!» Въ японскомъ войскѣ не замѣчается также никакой веселости и общественной жизни. Немногіе торговцы, которымъ дозволяется слѣдовать за арміей, продаютъ сигаретки, вѣера, сандаліи, носовые платки, мыло, зубныя щетки, бумагу для письма и конверты. Ближайшая лавка, гдѣ можно купить бутылку саки или пива, находилась въ 50 миляхъ разстоянія отъ лагеря Тіенъ-шуи-тіенѣ, и это конечно указываетъ, что офицеры лишь рѣдко отправлялись туда, а солдаты никогда. Чай, вѣера и сигарки—вотъ предметы роскоши, которыми обладаютъ солдаты, а рыбная ловля, писаніе писемъ и чтеніе газетъ составляютъ всѣ ихъ развлеченія. Странно, конечно, видѣть солдата съ вѣеромъ, но это является уступкой, которую дѣлаетъ японская европеизированная армія старояпонскому духу. Во всякомъ случаѣ отъ этого нисколько не страдаютъ качества японскаго солдата, котораго никто не заподозритъ въ изнѣженности и

отсутствіи воинскихъ качествъ, оттого что онъ будетъ маршировать, обмахиваясь вѣеромъ, въ тропическую жару. Замѣчательна также вѣжливость и честность японскихъ солдатъ. Живя среди солдатъ, содержатъ которыхъ очень скудно, корреспонденты ни разу не имѣли повода пожаловаться на какую-нибудь самую мелкую пропажу изъ своихъ вещей и могли совершенно спокойно оставлять все открытыми, даже табакъ и пищу. Вначалѣ только имъ надоѣдало любопытство салдатъ, которые окружали ихъ палатки и смотрѣли, какъ они пишутъ на пишущихъ машинахъ, что возбуждало, повидимому, сильное удивленіе японскихъ солдатъ. Они съ интересомъ разглядывали всѣ вещи корреспондента, но никогда не трогали ничего и обращеніе ихъ всегда было очень вѣжливымъ. Они никогда не шумѣли и никогда не мѣшали корреспондентамъ заниматься своимъ дѣломъ».

На международномъ конгрессѣ военной медицины д-ръ Сименъ, изъ Нью-Іорка, подчеркнулъ успѣхи, сдѣланные хирургіей въ Японіи. Ни одна нація, сказалъ онъ, не выказала во время войны столько ловкости въ медицинскомъ искусствѣ, какъ Японія. Японцамъ удалось совершенно уничтожить заболѣванія въ рядахъ своихъ войскъ, хотя Манчжурія считается особенно нездоровою мѣстностью. Но въ японскихъ войскахъ была приняты такія серьезныя санитарныя мѣры предосторожности, что въ самомъ началѣ войны смертность отъ болѣзней въ японскихъ войскахъ было не болѣе одного процента, хотя обыкновенно на одного умершаго отъ ранъ или убитаго на полѣ битвы приходится четыре смерти отъ болѣзней. Японскій санитарный офицеръ неотлучно находится при арміи на полѣ битвы, какъ въ авангардѣ, такъ и въ арьергардѣ и съ развѣдочною партіей, наблюдая за тѣмъ, чтобы люди не пили зараженной воды. На его обязанности лежатъ также всякія микроскопическія и бактеріологическія изслѣдованія и онъ долженъ, кромѣ того, найти время, чтобы читать лекціи солдатамъ, научая ихъ санитарнымъ обязанностямъ и разъясняя имъ пользу чистоты и умѣренности въ пищѣ и питьѣ. Благодаря всѣмъ этимъ мѣропріятіямъ, до сихъ поръ удавалось предупредить появленіе въ японскомъ войскѣ болѣе грознаго врага, нежели пушки—эпидемическихъ заболѣваній. И это обстоятельство придаетъ дѣйствительную силу японскому войску.

Французскій журналъ «La Revue», въ статьѣ, посвященной молодому американскому писателю Джеку Лондону, говоритъ, что онъ первый постарался заставить своихъ соотечественниковъ взглянуть въ лицо дѣйствительности и понять, что у нихъ нарождается такая же борьба классовъ, какая существуетъ въ Европѣ. До сихъ поръ въ Соединенныхъ Штатахъ господствовала увѣренность, что соціализмъ угрожаетъ только европейскимъ правительствамъ, не съумѣвшимъ уладить дѣла своей страны. Въ Соединенныхъ же Штатахъ нечего опасаться борьбы классовъ, такъ какъ хозяева и рабочіе одинаково хорошо сознаютъ свои интерессы и поэтому всегда могутъ заключить полюбовную сдѣлку и избѣжать ссоры. Соціальныхъ классовъ вѣдь не существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, откуда же возьмется борьба? Однако, по мнѣнію Джека Лондона, дѣла уже зашли такъ далеко въ этомъ направленіи, что те-

перь уже поздно говорить о томъ, можетъ или не можетъ быть борьба классовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, а надо разсуждать о томъ, каковъ будетъ исходъ этой борьбы. Вотъ что говоритъ по этому поводу Лондонъ въ одной изъ своихъ статей, помѣщенныхъ въ американскомъ журналѣ: «Если въ какомъ-нибудь обществѣ образуется группа индивидовъ, связанныхъ общими интересами, т.-е. спеціальными интересами, которые не составляютъ интересовъ индивидовъ за предѣлами этой группы, то такая группа несомнѣнно образуетъ классъ. Согласно этому опредѣленію въ Соединенныхъ Штатахъ существуютъ, во всякомъ случаѣ, два класса: классъ капиталистовъ и классъ рабочихъ. Они долго существовали рядомъ, но до послѣднихъ лѣтъ каждый энергичный и особенно одаренный въ классѣ рабочихъ могъ пройти въ классъ капиталистовъ и занять тамъ мѣсто. Конечно, при такихъ условіяхъ, онъ не только былъ потерянъ для своихъ собратьевъ, но зачастую даже дѣйствовать противъ нихъ. Но мало-по-малу это измѣнилось. Въ настоящее время всѣ естественные рессурсы страны, широко эксплуатируемые, захватываются въ однѣ руки. Пути къ удачѣ и счастливой случайности закрываются, и тысячи молодыхъ людей, честолюбивыхъ и жаждущихъ успѣха, осуждены на скромную дѣятельность. Еслибы Эндрью Карнеджи родился 50 годами позднѣе, то, быть можетъ, онъ достигъ бы положенія президента рабочаго синдиката въ своей деревнѣ или даже предсѣдателя федерацій мѣстныхъ рабочихъ союзовъ, но, конечно, никогда не достигъ бы современнаго положенія и не основалъ бы безчисленнаго множества библіотекъ, носящихъ его имя. Энергичные и интеллигентные молодые люди остаются въ настоящее время въ рядахъ рабочихъ и становятся ихъ лидерами, между тѣмъ какъ прежде они переходили въ ряды капиталистовъ. Ясно, что, при такихъ условіяхъ, они должны образовать группу, интересы которой будутъ противоположны и даже враждебны обществу, среди котораго они живутъ, и конфликтъ неминуемъ. Въ настоящее время уже одна «Американская федерація рабочихъ» насчитываетъ болѣе милліона съ четвертью членовъ, а кромѣ нея существуетъ много другихъ ассоціацій. За послѣдніе двадцать лѣтъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ годъ бывало въ среднемъ по тысячѣ стачекъ. Съ каждымъ годомъ, однако, стачки становятся все болѣе многочисленными и все болѣе грозными. Особенно серьезный характеръ положенію дѣлъ придаетъ то, что рабочіе, какъ говоритъ Лондонъ, пріобрѣтаютъ «классовое сознаніе» т.-е. сознаютъ, что они представляютъ классъ и что они защищаютъ интересы, діаметрально противоположные тѣмъ, оффиціальнымъ представителемъ котораго служитъ общество, среди котораго они живутъ. Особенно характернымъ является поведеніе рабочихъ по отношенію къ милиціи или національной гвардіи. Эта послѣдняя защищаетъ общество, въ которомъ всѣ выгоды находятся на сторонѣ капиталистовъ, и ряды ея пополняются желающими. Но въ послѣднее время рабочіе синдикаты запрещаютъ своимъ членамъ записываться въ ряды этой гвардіи, тѣ же, которые входятъ въ составъ милиціи и желаютъ вступить въ синдикатъ, должны предварительно выйти изъ рядовъ милиціи. Раньше на это обстоятельство не было обращено вниманіе, но теперь не мало было случаевъ, когда рабочіе останавливались передъ альтернативой: вѣрность своему классу или вѣрность существующему

порядку. Смѣлость рабочихъ, выдвинувшихъ свои частные интересы на первый планъ, возбудила въ свое время всеобщій крикъ негодованія въ Соединенныхъ Штатахъ. Политики, журналисты, члены духовенства, всѣ наперерывъ изощрялись въ краснорѣчіи, порицая дѣйствія рабочихъ, но тѣ не уступили, и теперь мало-по-малу негодованіе улеглось и даже начинаютъ раздаваться голоса, признающіе, что справедливость находится на сторонѣ рабочихъ. Эти послѣдніе продолжали, не стѣсняясь, выражать свои взгляды при каждомъ удобномъ случаѣ и въ этомъ году, напримѣръ, рабочіе союзы на родинѣ Лондона отказались участвовать въ процессіи, устраиваемой ежегодно въ день національнаго праздника 4-го іюля, если только въ этой процессіи будетъ фигурировать милиція.

Какъ бы то ни было, но теперь, когда у нихъ проснулось классовое сознаніе, рабочіе уже подумываютъ объ измѣненіи соціальной организаціи въ свою пользу и не отворачиваются больше отъ ученія, которое раньше считали утопіей... Во всякомъ случаѣ, событія послѣдняго времени указываютъ, что Лондонъ правъ, говоря о борьбѣ классовъ въ Америкѣ. Газеты и журналы начинаютъ высказывать тревогу по поводу оборота, который принимаютъ столкновенія между рабочими и хозяевами. Недавно президентъ Рузвельтъ заявилъ, что изъ всѣхъ элементовъ несогласія въ такой странѣ, какъ Соединенные Штаты, религіозныхъ, расовыхъ предразсудковъ, и т. д., вражда классовъ на политической почвѣ самая опасная. Поэтому-то, чтобы противодѣйствовать рабочему движенію и множеству ассоціацій, которыя постоянно образуются, организовались въ настоящее время и двѣ лиги капиталистовъ: «National Association of Manufacturets» «National Economie League».

Въ своей книгѣ «The People of the Abyxs» (люди бездны), написанной послѣ пребыванія въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Лондонскомъ Истъ-Эндѣ, среди ужасной бѣдноты, Джекъ Лондонъ изслѣдуетъ причины, почему цивилизація не улучшила въ среднемъ условія существованія людей. Онъ приходилъ къ заключенію, что виною тутъ «плохое устройство» (Mismanagement). Если цивилизація не была ошибкой, то вѣдь нельзя же допустить, чтобы послѣ стольких вѣковыхъ усилій, она все-таки казалось не въ состояніи улучшить судьбу человѣка. Значитъ, надо повести дѣло иначе. По мнѣнію Лондона, общество должно быть построено на чисто-коммерческомъ прицнпѣ, но не на томъ, который допускаетъ крайнюю конкуренцію и взаимное уничтоженіе, такъ какъ это была бы та же самая борьба классовъ и группъ, а на болѣе справедливомъ принципѣ, не исключающемъ, однако, соревнованія. Но Лондонъ вовсе не хочетъ этимъ сказать, что коммерческій идеалъ долженъ быть цѣлью человѣческой жизни. Онъ говоритъ только о политикѣ. Притомъ онъ живетъ въ Америкѣ, гдѣ народъ всегда сознавалъ, что не онъ существуетъ для государства, а государство для него, какова бы ни была правительственная система, и гдѣ, слѣдовательно, дѣловой принципъ замѣняетъ тотъ, на которомъ обыкновенно была построена политика западныхъ государствъ, допускавшая въ прежнія времена формулу: «Государство—это я».

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

I.

Существуютъ ли N-лучи?

Вотъ уже второй годъ, какъ въ одной изъ точнѣйшихъ областей знанія—въ физикѣ — наблюдается печальный конфликтъ, который наводитъ на многія мысли, возбуждаетъ, казалось, похороненныя сомнѣнія въ объективности и безстрастии науки и ея представителей. Французскими учеными—профессорами университета въ Нанси,—*Блондло* и *Шарпантье* открыты новые лучи и подробно изучены и даже измѣрены ихъ свойства; цѣлый рядъ другихъ французскихъ ученыхъ, тоже принадлежащихъ къ коллегіи университета Нанси, подтверждаетъ эти работы и публикуетъ новыя данныя. Въ то же время иностранные ученые не только не подтверждаютъ изслѣдованій Блондло и Шарпанты, но даже совершенно отрицаютъ самое существованіе этихъ лучей и явленій, описанныхъ нансійскими физиками.

Въ виду такого разногласія я до сихъ поръ и не знакомилъ читателя съ этими новыми лучами, выжидая бóльшаго выясненія вопроса. Въ настоящее время, намъ кажется, накопилось достаточно матеріала, отчасти благодаря анкетѣ, произведенной французскимъ журналомъ «Revue scientifique», чтобы составить даже и не специалисту болѣе или менѣе опредѣленное мнѣніе по данному вопросу.

Прежде всего изложимъ фактическую сторону. Здѣсь мы будемъ пользоваться, главнымъ образомъ, статьей парижскаго физика М. Асколи, помѣщенной въ этомъ году въ № 5 журнала «Revue générale des sciences pures et appliquées».

2-го февраля 1903 г. Блондло представилъ въ парижскую академію сообщеніе о поляризаціи рентгеновскихъ лучей; это было интересное открытіе, такъ какъ до того времени лучи X (рентгеновскіе) считались неполяризующимися; но вскорѣ за этимъ (23 марта, 11 и 25 мая) послѣдовали другія сообщенія въ парижскую академію, въ которыхъ Блондло указывалъ, что онъ ошибся, принимая эти лучи за рентгеновскіе, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ новыми *невидимыми* лучами, которые онъ въ честь города Нанси (Nancy) назвалъ N-лучами.

Источникомъ полученія N-лучей во время первой стадіи опытовъ Блондло служила та же нѣсколько измѣненная круксова трубка, которая служитъ обык-

новенно и для полученія рентгеновскихъ лучей, — такъ называемая трубка *focus*. Лучи N исходили изъ антикатода этой трубки и отличались отъ рентгеновскихъ тѣмъ, что обнаруживали явленія отраженія, преломленія и поляризаціи; къ тому же они проходили черезъ черную бумагу, дерево, алюминій, но не вызывали флюоресценціи и не дѣйствовали на фотографическую пластинку.

Изъ дальнѣйшихъ опытовъ оказалось, что трубка focus является не единственнымъ источникомъ лучей N. Блондло констатировалъ, что эти невидимые лучи испускаются также ауэровской горѣлкой, кольцевой газовой горѣлкой, металлической (напр., серебряной) пластинкой, нагрѣтой до краснаго каленія, электрической дугой, но особенно сильнымъ источникомъ этихъ лучей является лампа Нѣрнста въ 200 уаттовъ; большинство своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій Блондло произвелъ съ этой лампой. Горѣлка Ауэра или лампа Нѣрнста заключаются въ закрытый ящикъ изъ листового желѣза, въ которомъ на высотѣ источника свѣта продѣлано отверстіе, закрытое алюминіевой пластинкой, совершенно прозрачной для N-лучей.

Впрочемъ, лѣтомъ можно пользоваться просто солнечными лучами, которые, по изслѣдованіямъ Блондло, являются наиболѣе могучимъ источникомъ N-лучей; достаточно имѣть темную комнату съ наглухо закрывающимися, непроницаемыми для свѣта, деревянными ставнями, чтобы получить N-лучи.

Но какимъ же образомъ обнаружить присутствіе N-лучей? Первымъ способомъ обнаруженія этихъ лучей явилась маленькая электрическая искра, образующаяся между двумя платиновыми, очень сближенными другъ съ другомъ, электродами. Благодаря особымъ приспособленіямъ, удается по мнѣнію Блондло, точно регулировать эту искру, сдѣлать ее слабой, но въ то же время достигнуть постоянной напряженности свѣта.

Когда аппаратъ, производящій такую искру, поставить передъ источникомъ N-лучей, напр., лампой Нѣрнста, то наблюдается свѣтъ искры опредѣленной силы, но если между искрой и лампой помѣстить экранъ изъ картона или бумаги, смоченный водой (чистая вода абсолютно непрозрачна для N-лучей), то блескъ искры уменьшается; если опять вынуть экранъ, то блескъ снова возстановляется. Эти измѣненія блеска искры легче демонстрируются, когда искру наблюдаютъ черезъ матовое стекло, находящееся приблизительно въ 2 сантиметрахъ отъ искры.

Затѣмъ оказалось, что не только электрическая искра, но и горящій газъ и накаленныя твердыя тѣла (напр., платиновая проволока) усиливаютъ свой блескъ подъ вліяніемъ лучей N.

Но особенно удобнымъ реактивомъ на N-лучи являются экраны, покрытые фосфоресцирующимъ сѣрнистымъ кальціемъ. Фосфоресценція такого экрана подъ дѣйствіемъ N-лучей, конечно въ темнотѣ, усиливается.

Блондло утверждаетъ, что во всѣхъ описанныхъ нами выше изслѣдованіяхъ N-лучей вліяніе *тепловыхъ* лучей источника устранено.

Такое усиленіе свѣтового эффекта подъ вліяніемъ N-лучей получается не только для источниковъ, испускающихъ собственный свѣтъ (искра, газовый рожокъ, накаленная платиновая проволока), но и для предметовъ, испускаю-

щихъ отраженный свѣтъ. Такъ, напр., въ темной комнатѣ слабо освѣщается полоска бѣлой бумаги въ 15 милиметровъ длиною и въ 2 милиметра шириною. Если направить на такую полоску бумаги лучи N, то освѣщеніе ея становится сильнѣе, контуры рѣзче; удаляютъ источникъ, испускающій лучи N, бумага снова становится менѣе ясной и болѣе темной; то же измѣненіе интенсивности отражаннаго свѣта наблюдается, если вмѣсто бумаги взять зеркало изъ полированной бронзы или стальную иглу.

Описанныя выше явленія съ фосфоресцирующимъ экраномъ наблюдаются только тогда, если смотрятъ на экранъ перпендикулярно или почти перпендикулярно, если же смотрѣть сбоку, то, наоборотъ, фосфоресценція ослабляется. Это показываетъ, по мнѣнію наблюдателей, что лучи N, дѣйствуя на свѣтовые лучи, измѣняютъ распредѣленіе послѣднихъ и концентрируютъ ихъ около перпендикуляра къ поверхности тѣла, испускающаго эти свѣтовые лучи.

Всѣ предыдущія наблюденія ведутся простымъ глазомъ, а потому, даже по мнѣнію Блондло, не лишены извѣстной доли субъективности; поэтому важно было найти болѣе объективный способъ изслѣдованія. Къ сожалѣнію лучи N, какъ уже сказано было выше, не дѣйствуютъ на фотографическую пластинку и непосредственно фотографировать ихъ нельзя. Блондло предложилъ фотографировать тѣ измѣненія въ блескѣ электической искры, которыя якобы, происходятъ въ ней подъ вліяніемъ N-лучей. Это очень тонкое изслѣдованіе и мы не станемъ останавливаться на тѣхъ приспособленіяхъ, къ которымъ пришлось прибѣгнуть нансійскому физику, чтобы придти къ положительнымъ, по его мнѣнію, результатамъ и получить фотографіи, объективно демонстрирующія измѣненіе свѣтового эффекта электрической искры.

Также не станемъ мы останавливаться на тѣхъ способахъ, благодаря которымъ Блондло измѣрилъ и показателей преломленія (для алюминіевой призмы) лучей N и ихъ длины волны; скажемъ только, что, если признать вмѣстѣ съ авторомъ существованіе этихъ лучей, то нужно признать и его измѣренія и числа и тогда согласиться съ нимъ, что N-лучи имѣютъ еще болѣе короткую длину волны (около 0,01 микрона), чѣмъ ультрафіолетовые лучи.

Какъ мы уже говорили, N-лучи проникаютъ черезъ очень многія тѣла, при одномъ условіи, чтобы послѣднія были хорошо отполированы. Чистая вода непрозрачна для этихъ лучей: листочекъ папиросной бумаги, смоченный дестилированной водой, совершенно задерживаетъ ихъ; наоборотъ, соленая вода прекрасно ихъ пропускаетъ. N-лучи проходятъ черезъ дерево, бумагу, кварцъ, каменную соль, стекло толщиною до 1,5 метра, черезъ толстыя пластинки алюминія, черезъ листъ жести толщиною въ 0,65 метра, черезъ толстые слои ртути и т. д. Платина на холоду прозрачна для N-лучей только при толщинахъ менѣе 0,05 милиметра.

Затѣмъ нужно отмѣтить, что, по изслѣдованіямъ Блондло, многія вещества способны аккумулировать, какъ бы впитывать въ себя, лучи N, а затѣмъ, испускать ихъ; таковы—кварцъ, стекло, плавиковый шпатъ, тяжелый шпатъ, золото, серебро, мѣдь, цинкъ, свинецъ, сѣрнистый кальцій, соленая вода, наконецъ, булыжникъ, кирпичъ.

Шарпантье, въ свою очередь, въ началѣ текущаго года, замѣтилъ, что нѣкоторыя вещества, прозрачныя для N-лучей, какъ, напримѣръ, мѣдь, серебро, стекло, способны *проводить* эти лучи; напр., наблюдалось, что эффекты воздѣйствія N-лучей, сосредоточенные на одномъ концѣ проволоки, переходятъ по ней и на другой конецъ.

Кромѣ перечисленныхъ выше, такъ сказать, спеціальныхъ источниковъ N-лучей, всякій кусокъ дерева, стекла или металла, или даже всякій газъ, можетъ стать ихъ источникомъ; если такой объектъ подвергнуть сдавливанію, то онъ начнетъ испускать N-лучи, пока продолжается это давленіе. Такими же источниками этихъ лучей, и даже очень сильными, является закаленная сталь и такъ называемыя батавскія слезки.

Эти послѣдніе факты навели марсельскаго физика *Масе-де-Лепинэ* на мысль, что звуковыя колебанія, всегда представляющія послѣдовательныя сжатія и расширенія, должны тоже являться источниками N-лучей; изслѣдованія съ помощью флюресцирующихъ экрановъ всегда подтверждали эту мысль, безразлично—употребляли ли при опытахъ бронзовый колокольчикъ, стальной цилиндръ или просто сирену. Сжиженный газъ, жидкій воздухъ и, наконецъ, газообразный озонъ также являются источниками N-лучей.

Перейдемъ теперь къ наблюденіямъ физіологическаго характера. Первое такое наблюденіе было сдѣлано тѣмъ же Блондло еще въ ноябрѣ прошлаго года. Разсматривая въ темнотѣ слабо освѣщенную бѣлую бумажку, онъ замѣтилъ, что она становится явственнѣе, если на глазъ падастъ пучокъ N-лучей; источникомъ этихъ лучей могутъ быть въ данномъ случаѣ и батавскія слезки и закаленная сталь.

Шарпантье въ февралѣ текущаго года опубликовалъ слѣдующій опытъ. Изслѣдуемое лицо помѣщается въ полутемную комнату и по лѣвой части черепа ему водятъ пластинкой закаленной стали; когда эта пластинка находится противъ задней части темянной кости и сосѣдней части затылочной, то испытуемое лицо замѣчаетъ слабое усиленіе свѣтового эффекта, иначе говоря, увеличивается острота зрѣнія. Нужно отмѣтить также реакцію зрачка на дѣйствіе лучей N, которое выражается въ значительномъ расширеніи его, когда источникъ этихъ лучей прикладывается выше 7-го шейнаго позвонка. Такое же возбуждающее дѣйствіе оказываютъ, по мнѣнію Шарпантье, N-лучи на обоняніе, вкусъ и на нѣкоторые вкусовые центры.

Дальнѣйшіе опыты показали Шарпантье, что N-лучи не только воздѣйствуютъ физіологически на организмъ, но что этотъ послѣдній самъ испускаетъ лучи, которые авторъ назвалъ *физіологическими* и которые во многомъ сходны съ N-лучами. Оказывается, что когда приближаютъ фосфоресцирующій экранъ къ сокращающемуся мускулу, напримѣръ, къ сердцу, то наблюдается усиленіе фосфоресценціи. То же происходитъ, если приближать такой экранъ къ нерву или нервному центру, особенно, если они въ данный моментъ функціонируютъ. При подобномъ изслѣдованіи можно опредѣлить не только положеніе сердца, но и, напримѣръ, положеніе нервнаго центра Брока, завѣдующаго рѣчью. Въ послѣднемъ случаѣ наблюдатель проводитъ фосфоресцирующимъ экраномъ по

лѣвой сторонѣ черепа изслѣдуемаго субъекта, который въ это время долженъ безостановочно говорить; тогда легко замѣтить, что фосфоресценція экрана усиливается, когда послѣдній находится противъ того мѣста черепа, гдѣ лежитъ центръ членораздѣльной рѣчи. Такимъ же образомъ, по мнѣнію Шарпантье, можно прослѣдить направленіе нервовъ, завѣдующихъ всякимъ даннымъ движепіемъ. Напр., когда изслѣдуемый субъектъ сокращаетъ правую руку, то въ шейной части наблюдается усиленіе фосфоресценціи съ правой стороны, но при движеніи кверху мозга такое усиленіе происходитъ уже въ лѣвой сторонѣ, ибо такъ называемое перекрещиваніе нервовъ происходитъ уже немного ниже продолговатаго мозга.

Мозговая работа также вызываетъ повышеніе фосфоресценціи экрана. Экспериментаторы помѣщаютъ экранъ передъ лбомъ изслѣдуемаго субъекта; послѣдній находится въ состояніи умственной работы или отдыха, о чемъ экспериментаторъ не знаетъ. Затѣмъ, согласно приказанію эксериментатора, субъектъ мѣняетъ свое мозговое состояніе—переходитъ отъ покоя къ работѣ или наоборотъ. При каждомъ такомъ измѣненіи наблюдатель констатируетъ измѣненіе въ свѣтовомъ эффектѣ флюоресцирующаго экрана, причемъ усиленіе этого эффекта указываетъ на переходъ къ работѣ, а ослабленіе на переходъ къ отдыху.

На основаніи этихъ наблюденій Шарпантье пришелъ къ заключенію, что организмъ, какъ человѣка, такъ и лягушки, и собаки, и кролика, особенно же мускульныя и нервныя ткани, при функціонированіи, при работѣ испускаютъ *физіологическіе* лучи. Эти физіологическіе лучи походятъ на N-лучи тѣмъ, что также дѣйствуютъ на фосфоресцирующій экранъ, на электрическую искру и т. д., но всеже они сложнѣе послѣднихъ, такъ какъ не вполнѣ задерживаются чистой водой.

Кромѣ того, нужно отмѣтить, что и среди физіологическихъ лучей имѣются различія; такъ, напр., лучи, испускаемые мускульными тканями, проходятъ, какъ и лучи N, черезъ толстые слои алюминія, лучи же нервной ткани частью задерживаются алюминіевыми пластинками уже при толщинѣ въ $^1/_2$ миллиметра, но при этомъ лучи, прошедшіе черезъ такую пластинку, способны затѣмъ пройти и черезъ болѣе толстые слои алюминія; имѣются и другія различія, на которыхъ мы не будемъ останавливаться.

Такого же рода лучи испускаются, согласно изслѣдованіямъ Мейера, и растеніемъ во время его физіологическихъ процессовъ; такъ, то же усиленіе и ослабленіе фосфоресценціи экрана указало Мейеру, что одни зерна прорастаютъ, а у другихъ этотъ процессъ остановился, благодаря дѣйствію хлороформа. Наконецъ, опыты Ламбера показываютъ на испусканіе подобныхъ же лучей при процессѣ перевариванія фибрина въ растворимомъ ферментѣ и вообще при дѣятельности многихъ ферментовъ.

Все изложенное выше представляетъ, въ главныхъ чертахъ, опыты и заключенія нансійскихъ физиковъ Блондло и Шарпантье и нѣкоторыхъ ихъ коллегъ по университету въ Нанси (Мейеръ, Ламбертъ, Биша, Гюттонъ). Кромѣ нихъ надъ N-лучами работали съ нѣкоторымъ *успѣхомъ* очень немногіе

французскіе физики—Брока, молодой Жанъ Беккерель, Баллэ, Багаръ, Масэ Лепинэ,—но работы ихъ отрывочны, сдѣланы, такъ сказать, между прочимъ, не имѣютъ значенія въ общемъ ходѣ развитія этого вопроса и тонутъ въ массѣ систематическихъ работъ нансійскихъ физиковъ, главнымъ образомъ, самого творца N-лучей—Блондло, удостоеннаго парижской академіей за эти работы преміи въ 50.000 франковъ.

Между тѣмъ, почти тотчасъ же послѣ опубликованія первыхъ работъ Блондло и Шарпантье масса физіологовъ всѣхъ странъ принялась за изученіе столь интересныхъ и важныхъ явленій. Всѣхъ безъ исключенія не французскихъ ученыхъ постигла полная неудача, они не только не могли изслѣдовать, они не могли найти ни N-лучей, ни физіологическихъ лучей. Ни фосфорресцирующій экранъ, ни электрическая искра, ни фотографія не давали никакихъ опредѣленныхъ результатовъ, а между тѣмъ среди этихъ ученыхъ были такіе удивительно тонкіе экспериментаторы, какъ *Рубенсъ* и *Луммеръ*. Недавно, въ сентябрѣ текущаго года, эти извѣстные физики сдѣлали на конгрессѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей сообщеніе о своихъ изслѣдованіяхъ по данному вопросу. Они повторили всѣ опыты Блондло, строго слѣдуя его указаніямъ, и не получили никакого положительнаго результата; поэтому они полагаютъ, что наблюденія Блондло покоятся не на физическихъ явленіяхъ, что они опредѣляются физіологическими и психологическими причинами.

Многіе ученые не удовлетворились своимъ неуспѣхомъ и отправились въ Нанси къ Блондло и Шарпантье, чтобы на мѣстѣ, у авторовъ познакомиться съ методами изслѣдованія. Но и здѣсь ихъ ждало разочарованіе: большинство и въ Нанси не увидѣло лучей N, нѣкоторые видѣли что-то, но что-то неопредѣленное.

Ниже мы познакомимся съ отзывами французскихъ ученыхъ, теперь я хочу передать, въ краткихъ чертахъ описаніе однимъ американскимъ физикомъ *Вудомъ* (K. W. Wood), опытовъ надъ лучами N, произведенныхъ для него въ лабораторіи Нанси.

«Послѣ трехъ часовъ самыхъ разнообразныхъ опытовъ,—говоритъ Вудъ,—я не только не могу указазать ни одного наблюденія, которое говорило бы за существованіе этихъ лучей, но я пришелъ къ глубокому убѣжденію, что тѣ немногочисленные наблюдатели, которые пришли къ положительнымъ результатамъ, въ большинствѣ случаевъ заблуждались». Вудъ не могъ подмѣтить при этихъ опытахъ ни малѣйшаго измѣненія въ интенсивности электрической искры, и когда онъ самъ ставилъ опытъ и просилъ отмѣчать эффектъ хозяевъ-нансійцевъ, послѣдніе тоже отвѣчали невпопадъ. Фотографіи, хотя и обнаруживающія различія въ интенсивности электрической искры, Вудъ считаетъ недоказательными, такъ какъ, по его наблюденіямъ, блескъ этой искры и въ нансійской лабораторіи колебался все время, безразлично, дѣйствовали ли на искру проблематическіе N-лучи, или не дѣйствовали. Кромѣ того, различія въ силѣ фотографическаго изображенія могли произойти отъ того, что выдержка въ каждомъ случаѣ не была одинакова (около 5 секундъ), такъ какъ была не автоматическая, а производилась лицомъ, которое могло и не уберечься отъ самовнушенія.

Вуду были также показаны опыты съ отклоненіемъ N-лучей алюминіевой призмой; въ спектрѣ, получающемся при этомъ на флюоресцирующемъ экранѣ, ему указывали мѣста свѣтовыхъ максимумовъ и минимумовъ, отдѣленныя другъ отъ друга разстояніями меньше, чѣмъ 1/10 милиметра; онъ не могъ отличить этихъ различій, но отомстилъ нансійцамъ тѣмъ, что незамѣтно (опыты велись въ темнотѣ) вынулъ алюминіеву призму, и, несмотря на это, убѣжденные въ существованіи N-лучей, французы указывали ему снова минимумы и максимумы свѣтовой интензивности. Вліяніе N-лучей, испускаемыхъ закаленной сталью, на усиленіе флюресценціи было также показано, но Вудъ и здѣсь не замѣтилъ различій, спутникъ же его замѣтилъ таковыя тогда, когда Вудъ держалъ стальную пластинку за спиною. Всѣ другіе опыты привели Вуда къ заключенію, что ни въ одномъ изъ нихъ нельзя замѣтить соотвѣтственнаго усиленія фосфоресценціи или свѣтоваго эффекта, а потому нельзя говорить о какихъ бы то ни было новыхъ N-лучахъ *).

Профессоръ мессинскаго университета *Сальвіони*, занимавшійся раньше изслѣдованіями N-лучей и не пришедшій ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, опубликовалъ въ іюлѣ текущаго года работу, касающуюся вліянія субъективныхъ факторовъ въ изслѣдованіяхъ подобнаго рода. Такъ, напр., онъ замѣтилъ, что основное доказательство существованія N-лучей—максимумы и минимумумы свѣтового эффекта—наблюдаются и тогда, когда лампа потушена, и въ тѣхъ мѣстахъ экрана, гдѣ имъ по теоріи быть не полагается. Вообще онъ вывелъ изъ своихъ опытовъ, что эти свѣтовыя различія появляются и при полномъ отсутствіи источниковъ проблематическихъ N-лучей и стоятъ въ большой зависимости отъ положенія глаза, отъ предшествовавшихъ впечатлѣній, отъ самовнушенія; большую роль играетъ здѣсь также та или иная степень близорукости.

«Revue Scientifique» въ трехъ послѣднихъ своихъ номерахъ даетъ результаты анкеты, произведенной этимъ журналомъ среди всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ физиковъ. Изъ 23 отвѣтовъ—большинство (12) уклончивыхъ, что и слѣдовало ожидать, такъ какъ національная гордость сказывается и въ наукѣ. Изъ 5 академиковъ четверо (Маскаръ, Віоль, Муассанъ, Кайльтэ) отвѣчали уклончиво, одинъ—Бертело высказался положительно, но не убѣдительно. «Я вѣрю,—говоритъ маститый химикъ,—въ существованіе N-лучей и вполнѣ довѣряю работамъ г. Блондло». Конечно, академикамъ, присуждавшимъ пятидесятитысячную премію творцу N-лучей, какъ-то неловко не вѣрить въ существованіе послѣднихъ. Одинъ только *Кайльтэ* оказался болѣе безпристрастнымъ и сознался, что ни въ Нанси, ни въ своей лаботаторіи, ни въ точныхъ опытахъ Липпмана и Бержэ, но могъ замѣтить, какъ и двое послѣднихъ, присутствія N-лучей, но онъ (Кайльтэ) вѣритъ Блондло какъ самому себѣ и въ интересахъ французской науки надѣется и желаетъ, чтобы личные его—Кайльтэ—опыты оказались невѣрными. Плохое научное открытіе, если для его поддержки нужно призывать и вѣру и національность. Такъ же уклончиво

*) „Nature", Лондонъ, 25 сент. 1904.

отвѣчали физики Гій, Тюрпэнъ, Брилуэнъ, Ледюкъ, Жанэ, Дебьернъ, Саньякъ, Абрагамъ.

Въ положительномъ смыслѣ отвѣтили только двое ученыхъ физиковъ—профессора парижскаго университета *Пелла* и *Гаріэль*. Первый такъ же категорично, какъ Бертело, заявляетъ, что онъ вѣритъ Блондло, хотя самъ при всѣхъ опытахъ и не получилъ никакихъ положительныхъ результатовъ. Гаріэль, отказываясь вступать въ обсужденіе вопроса, указываетъ все же, что работы Брока, произведенныя въ его лабораторіи, говоритъ въ пользу существованія явленій, аналогичнымъ лучамъ N. Вотъ и все, что было сказано доброжелательными соотечественниками въ защиту открытія Блондло. Остальные 8 (Кюри, Бержэ, Менойэ, Мелэнъ, Бюиссонъ, Камишель, Перрэнъ, Лангевэнъ) отвѣтовъ были отрицательные. Всѣ эти ученые сами производили опыты и ничего не видѣли.

Остановимся нѣсколько на отвѣтахъ—профессора (въ Сорбонѣ) *Перрэна* (Perrin) и ліонскаго профессора *Монойэ* (Monoyer). Первый отчасти приводитъ тѣ же соображенія, что и Вудъ, но кромѣ того указываетъ и на слѣдующую физіологическую причину невѣрнаго заключенія о существованіи лучей N. Когда наблюдаешь въ полумракѣ неясный предметъ, то въ концѣ концовъ приходишь къ тому, что не различаешь его совершенно, но достаточно въ этотъ моментъ небольшого нервнаго, безсознательнаго движенія и этотъ предметъ вырисовывается очень ясно. Перрэнъ убѣжденъ, что лучи N не существуютъ. Такъ же опредѣленно отрицаетъ существованіе этихъ лучей и Менойэ. На замѣчаніе Блондло, что способность различать слабыя различія свѣтовой интенсивности сильно варіируетъ у различныхъ лицъ—Менойэ справедливо отвѣчаетъ, что странно и невозможно допустить, чтобы у шести нансійскихъ изслѣдователей оказалась болѣе чувствительная ретина, чѣмъ у сотенъ ученыхъ различныхъ національностей, которые не могли замѣтить свѣтовыхъ различій, вызываемыхъ проблематическими N-лучами. По мнѣнію Менойэ, ошибка Блондло и его коллегъ состояла, во-первыхъ, въ томъ, что они не освободились при своихъ опытахъ отъ вліянія темныхъ тепловыхъ лучей, а во-вторыхъ, не обратили достаточно вниманія на то, что Гельмгольцъ называлъ *собственнымъ свѣтомъ глаза*.

Что касается до *физіологическихъ* лучей, якобы испускаемыхъ мускулами и нервами животныхъ организмовъ, растеніями и ферментами, то дѣло обстоитъ еще хуже.

На послѣднемъ 6-мъ международномъ конгрессѣ физіологовъ въ Брюсселѣ, на докладѣ Ламбера (изъ Нанси) о лучахъ, испускаемыхъ ферментами, всѣ нѣмецкіе физіологи поголовно демонстративно отсутствовали, но и присутствовавшіе французскіе, швейцарскіе и англійскіе физіологи отнеслись отрицательно и къ опытамъ г. Ламбера въ частности, и къ существованію физіологическихъ лучей вообще.

Такъ, *Викторъ Анри* указалъ, что многочисленные опыты, произведенные въ его лабораторіи въ Сорбонѣ, привели только къ отрицательнымъ результатамъ. *Анри Пьеронъ*, ставившій свои изслѣдованія въ физіологической

лабораторіи д-ра Тулуза (въ Парижѣ) хотя и пришелъ къ положительнымъ результатамъ, но съ несомнѣнностью доказалъ, что всѣ измѣненія свѣтовыхъ эффектовъ фосфоресцирующихъ экрановъ происходятъ при этомъ только отъ *тепловыхъ* вліяній; неудача хорошо поставленныхъ опытовъ и объясняется тѣмъ, что экспериментаторамъ удавалось удалить вліяніе тепловыхъ воздѣйствій, нансійскіе же физики не обращали на это вниманія и дѣйствіе на фосфоресцирующій экранъ темныхъ тепловыхъ лучей приписывали дѣйствію изобрѣтенныхъ ими особыхъ *физіологическихъ* лучей.

Къ тѣмъ же отрицательнымъ выводамъ прошли и физіологи Кертонъ (Брюссель) и Герценъ (Лозанна), и итальянцы, и русскіе, и англичане.

Извѣстный спеціалистъ *Валлеръ* (Waller) предложилъ даже въ шутку назвать физіологическіе лучи—*лучами внушенія*, такъ какъ извѣстно, что нансійская медицинская школа давно уже прославилась изслѣдованіями по гипнотизму и самовнушенію.

Дѣйствительно, изучая интересную исторію N-лучей и физіологическихъ лучей, мы видимъ, какое громадное значеніе даже въ чисто научныхъ вопросахъ имѣютъ психологическіе и соціальные элементы: предвзятыя идеи, самовнушеніе, уязвленное самолюбіе и желаніе поставить на своемъ, худо понятая національная гордость и даже гордость нансійской и всякой другой колокольни.

Къ этому вопросу о воздѣйствіи соціальныхъ и психилогическихъ моментовъ на построеніе науки мы еще вернемся когда-нибудь болѣе обстоятельно.

II.

Метеорологія и медицина.

Недавно вышла въ свѣтъ брошюра—очень интересная, какъ по сущности затронутаго вопроса, такъ и по новизнѣ открываемыхъ ею горизонтовъ. Брошюра носитъ названіе «Климатологія въ связи съ климатотерапіей и гигіеной»; авторъ ея — извѣстный русскій метеорологъ, профессоръ одесскаго университета, *А. Клоссовскій*. Въ виду не только научной, но и общественной важности этого вопроса, мы постараемся изложить содержаніе этой брошюоы наиболѣе полнымъ образомъ.

Всѣмъ извѣстно, что органическая жизнь совершается подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ цѣлаго ряда непрерывно измѣняющихся климатическихъ факторовъ; человѣческій организмъ не можетъ, конечно, избѣгнуть общей участи и его отправленія находятся въ сильной зависимости отъ этихъ факторовъ.

Давно, напримѣръ, выяснилась правильная *годовая* періодичность въ ходѣ смертности, соотвѣтствующая *годовымъ* измѣненіямъ климатическихъ факторовъ. Въ Одессѣ средняя смертность распредѣляется слѣдующимъ образомъ: минимумъ числа смертныхъ случаевъ падаетъ на вторую половину апрѣля, затѣмъ смертность постепенно возрастаетъ и достигаетъ максимума въ іюлѣ, вслѣдъ

затѣмъ идетъ уменьшеніе вплоть до слѣдующаго минимума въ апрѣлѣ. Впрочемъ, этотъ годовой ходъ смертности претерпѣваетъ значительныя видоизмѣненіи при переходѣ отъ одного возраста къ другому.

Годовая періодичность, тѣсно связанная съ колебаніями метеорологическихъ факторовъ, выступаетъ также рѣзко въ ходѣ отдѣльныхъ болѣзней. Корь, острожелудочно-кишечные катары, дизентерія и отчасти коклюшъ достигаютъ въ Одесссѣ наибольшей интенсивности въ лѣтніе мѣсяцы. Вслѣдъ за затиханіемъ этихъ лѣтнихъ болѣзней, наступаетъ цѣлый рядъ опасныхъ приступовъ осеннихъ болѣзней: скарлатина — съ конца іюля; дифтеритъ и круппъ—съ начала сентября; брюшной тифъ—съ начала августа. Въ ноябрѣ усиливается оспа, которая и держится сплошь всю зиму до начала апрѣля. Съ наступленіемъ зимнихъ, характерныхъ для Одессы, рѣзкихъ колебаній температуры, давленія, влажности воздуха и усиленія вѣтровъ начинаетъ увеличиваться число жертвъ крупознаго воспаленія и бугорчатки легкихъ. Смертность отъ этихъ болѣзней уменьшается не ранѣе апрѣля. Къ исключительно весеннимъ болѣзнямъ слѣдуетъ отнести сыпной тифъ, достигающій обыкновенно максимума въ апрѣлѣ.

Соотвѣтствующій годововой періодъ въ ходѣ смертности установленъ, конечно, и для другихъ городовъ.

Затѣмъ, нужно отмѣтить, что въ распредѣленіи смертности существуетъ также извѣстная закономѣрность, зависящая отъ климатическихъ, орографифическихъ и гидрографическихъ условій различныхъ мѣстностей. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что годовая смертность уменьшается вообще отъ экватора къ полюсу: на 1.000 жителей умираетъ въ широтахъ:

отъ	0°	до	20°	с.	ш.	40	чел.
»	20°	»	40°	»	»	28	»
»	40°	»	60°	»	»	23	»
»	60°	»	80°	»	»	20	»

Къ числу болѣзней, въ развитіи которыхъ существенную роль играютъ климатическія условія, принадлежитъ, между прочимъ, рахитъ. Доктора Жуковскій и Бялокуръ приводятъ интересныя данныя, доказывающія постепенное уменьшеніе заболѣваемости рахитомъ отъ сѣвера Россіи къ югу, отъ Петербурга къ Крыму.

На южномъ же побережьи Крыма рахитъ или вовсе не встрѣчается, или, если и встрѣчается, то въ самой рудиментарной формѣ, которую докторъ Жуковскій называетъ «колыбельнымъ рахитомъ». Докторъ Бялокуръ, на основаніи земскихъ медицинскихъ отчетовъ по Ялтинскому уѣзду указываетъ, что, въ среднемъ, за пять лѣтъ (1893—1897) изъ осмотрѣнныхъ 15.558 дѣтей, въ возрастѣ отъ 0 до 5-ти лѣтъ, рахитъ обнаруженъ въ 89 случаяхъ, что составляетъ 0,6%. Цифра поразительно низкая въ сравненіи, напримѣръ, съ Вѣной (90%) и Петербургомъ (95%).

Были сдѣланы также многочисленныя попытки изученія отдѣльныхъ болѣзней, въ зависимости отъ *средняго* хода метеорологическихъ факторовъ.

Для Одессы, напримѣръ, установлено, что кривыя, выражающія ходъ годовой смертности отъ чахотки и острыхъ заболѣваній органовъ дыханія, почти тождественны съ кривой годового хода давленія и обратны годовому ходу температуры; слѣдовательно, повышенію давленія и пониженію температуры соотвѣтствуетъ повышеніе смертности и обратно. Но, по всей вѣроятности, говоритъ профессоръ Клоссовскій, на увеличеніе смертности въ данномъ случаѣ вліяетъ не столько *абсолютное* повышеніе давленія и пониженіе температуры, сколько значительная измѣнчивость давленій и температуры при переходѣ отъ одного дня къ другому.

Шагомъ впередъ въ области медицинской климатологіи, по мнѣнію проф. Клоссовскаго, можно считать *одновременное* изученіе состоянія климатическаго режима и развитіе какой-либо опредѣленной болѣзни (синоптика эпидемій). Примѣромъ подобныхъ изслѣдованій можетъ служить работа Ассмана, въ которой онъ дѣлаетъ попытку прослѣдить ходъ распространенія инфлуэнцы 1899 года въ связи съ господствовавшими тогда метеорологическими условіями. Оказалось, что эпидемія гриппа появилась впервые, въ половинѣ ноября, на востокѣ Россіи. Въ началѣ декабря она, черезъ Привислянскій край, перешла въ Австрію и Германію. Въ Берлинѣ она появилась 2-го декабря, въ Парижѣ 5-го, въ Мюнхенѣ около 10-го, въ Брюсселѣ 11-го декабря. Въ Лондонѣ, Мадридѣ и Нью-Іоркѣ она отмѣчена въ послѣдней трети декабря. Метеорологическія условія, предшествовавшія и сопутствовавшія эпидеміи, были, въ общихъ чертахъ, слѣдующія.

Послѣ дождливаго лѣта и осени, съ начала ноября установился необычайно сухой періодъ въ восточной и центральной Европѣ, продолжавшійся отъ 29 (Москва) до 51 дня (Прага).

Въ теченіе этой засухи повсемѣстно отсутствовалъ снѣговой покровъ и поверхность почвы, поэтому, легко разрыхлялась. Вслѣдствіе этого происходило сильнѣйшее изсушеніе почвы, а слѣдовательно накопленіе невидимой, такъ называемой «атмосферной пыли», содержащей въ себѣ, между прочимъ, разнообразныхъ бактерій.

Въ то же время надъ восточной и центральной Европой, держалось высокое давленіе (барометрическій максимумъ) съ своими *нисходящими* теченіями; отсутствовалъ, слѣдовательно, свободный обмѣнъ воздуха между нижними и верхними слоями, что, въ свою очередь, способствовало скопленію пыли, по преимуществу въ нижнихъ слояхъ атмосферы. Господствовавшіе вѣтры шли съ сѣверо-востока, востока и юго-востока, что и вызвало поступательное распространеніе инфлуэнцы отъ востока къ западу.

Надъ восточной и центральной Европой, преимущественно, въ самыхъ нижнихъ слояхъ земной атмосферы, плавали низкія, плотныя облака съ туманомъ, состоявшимъ изъ воды, обволакивавшей частицы атмосферной пыли. Отсутствіе солнечнаго свѣта, въ связи съ влагой тумана, также способствовало развитію микроорганизмовъ инфлуэнцы.

Итакъ, несомнѣнно, что въ числѣ факторовъ, вліяющихъ на смертность,

имѣютъ важное значеніе и метеорологическіе элементы. Но, при учетѣ этихъ вліяній, необходимо принимать во вниманіе возможно бóльшую совокупность этихъ факторовъ, не ограничиваясь лишь *простѣйшими* элементами; затѣмъ, нужно помнить, что атмосферическія условія могутъ производить весьма сложныя мѣстныя измѣненія, способствующія въ одномъ случаѣ увеличенію, въ другомъ—уменьшенію количества озона, атмосферной пыли, а также углекислоты, аміака и другихъ продуктовъ разложенія; наконецъ, нельзя забывать и измѣненія къ количествѣ и напряженности солнечнаго свѣта и атмосфернаго электричества. Возможно, что для цѣлей медицинской климатологіи необходимо принять во вниманіе еще какіе-либо дополнительные факторы и дѣло врачей—указать метеорологу, какіе именно.

Кромѣ того, нужно отмѣтить, что вліяніе атмосферическихъ условій отражается на жизнедѣятельности нашего организма не только *непосредственно*, но также и *косвенно*, создавая болѣе или менѣе благопріятныя условія для развитія и размноженія болѣзнетворныхъ бактерій.

Отсюда ясно, что простое сопоставленіе хода заболѣваемости и смертности съ ходомъ климатическихъ элементовъ недостаточно, и профессоръ Клоссовксій предлагаетъ, чтобы дальнѣйшая совмѣстная работа климатотерапевтовъ и метеорологовъ шла по тремъ слѣдующимъ главнѣйшимъ направленіямъ; по его мнѣнію, необходимы: 1) изслѣдованіе непосредственнаго физіологическаго воздѣйствія метеорологическихъ факторовъ на различные процессы, совершающіеся въ нашемъ организмѣ; 2) экспериментальныя работы, касающіяся вліянія *естественныхъ* физическихъ агентовъ на жизнедѣятельность низшихъ организмовъ, вызывающихъ различныя заболѣванія; 3) детальное изученіе климатическихъ условій отдѣльныхъ мѣстностей.

Экспериментальныя и клиническія изслѣдованія первыхъ двухъ категорій до сихъ поръ еще сравнительно немногочисленны.

Профессоръ Клоссовскій останавливается, прежде всего, на дѣйствіи свѣта: въ настоящее время можно считать установленнымъ фактомъ, что газовый обмѣнъ (газовымъ обмѣномъ въ физіологіи называютъ обмѣнъ, происходящій между атмосфернымъ и легочнымъ воздухомъ, между легочнымъ воздухомъ и легочною кровью и, наконецъ, между кровью и живою тканью тѣла) усиливается отъ дѣйствія солнечнаго свѣта. Многочисленные опыты показали, что свѣтъ, дѣйствуя на органъ зрѣнія и на поверхность кожи, является раздражителемъ, который, рефлекторнымъ путемъ повышаетъ газообмѣнъ, а слѣдовательно и всѣ процессы окисленія въ тѣлѣ; это повышеніе достигаетъ 20% и болѣе, по сравненію съ газообмѣномъ въ темнотѣ. Подобные же опыты обнаружили, что свѣтъ способствуетъ рефлекторно ускоренію и усиленію дыхательныхъ движеній, а также, черезъ возбужденіе вазомоторныхъ центровъ, можетъ вызвать сокращеніе кровеносныхъ сосудовъ конечностей. Наконецъ, по нѣкоторымъ даннымъ, подъ вліяніемъ дѣйствія свѣта происходитъ увеличеніе числа красныхъ кровяныхъ шариковъ.

Всѣ указанные результаты получены, главнымъ образомъ, путемъ опытовъ

съ искусственными источникали свѣта. Крайне важно произвести рядъ подобныхъ же изслѣдованій надъ вліяніемъ солнечнаго свѣта въ различные періоды дня и года и въ различныхъ пунктахъ земного шара.

О вліяніи свѣта на микроорганизмы вообще и на бактеріи въ частности мы уже говорили въ октябрьскомъ «научномъ фельетонѣ»: въ большинствѣ случаевъ свѣтъ убиваетъ ихъ.

Изъ другихъ климатическихъ факторовъ, имѣющихъ большое значеніе для физіологическихъ процессовъ нашего организма, профессоръ Клоссовскій останавливается на температурѣ воздуха и на влажности.

Извѣстно, что при нормальныхъ условіяхъ температура нашего тѣла постоянна и колеблется у различныхъ индивидуумовъ отъ 36,5° до 37,5° Цельзія. Источникомъ живой теплоты является сгораніе пищевыхъ веществъ. По вычисленію Гельмгольца, въ тѣлѣ взрослаго человѣка, вѣсомъ около 5-ти пудовъ, образуется 2.700.000 калорій въ сутки. Къ тому же приблизительно результату приводятъ и другіе методы. Для того, чтобы организмъ сохранялъ одну и ту же внутреннюю температуру, необходимо, чтобы приходъ тепла равнялся его расходу; поддержаніе правильной тепловой экономіи тѣла имѣетъ весьма важное значеніе и зависитъ, въ значительной степени, отъ внѣшнихъ климатическихъ факторовъ.

Вырабатываемая въ организмѣ теплота потребляется слѣдующимъ образомъ: часть ея идетъ на нагрѣваніе пищи и питья до внутренней температуры тѣла, а также на процессы пищеваренія и выдѣленія экскрементовъ. По различнымъ вычисленіямъ, это количество тепла (A калорій) равняется отъ 2,6% до 3,5% всей теплоты, вырабатываемой организмомъ.

Поступившій въ наши легкія воздухъ тоже нагрѣвается и при выдыханіи это тепло теряется въ окружающую среду. Величина его (B) зависитъ отъ температуры вдыхаемаго воздуха и колеблется отъ 2,6 до 5,2% всей теплоты, вырабатываемой организмомъ.

Съ поверхности кожи (D) и съ поверхности легкихъ (C) происходитъ постоянное испареніе влаги. На испареніе расходуется извѣстное количество тепла, которое называется *скрытымъ*. $C+D=$отъ 22% до 26% всей теплоты.

Тѣло наше находится въ средѣ и по сосѣдству съ предметами, имѣющими температуру, отличную отъ температуры тѣла; чаще температура тѣла выше температуры окружающаго воздуха, и, слѣдовательно, теряетъ теплоту въ окружающую среду двумя путями: путемъ лучеиспусканія (E калорій) и путемъ теплопроводности (F калорій). Эта потеря будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше разность между температурой тѣла и температурой окружающихъ предметовъ. $E+F=$отъ 64% до 67% всей теплоты, вырабатываемой организмомъ.

И, наконецъ, около 7% вырабатываемой человѣческимъ организмомъ теплоты идетъ на мускульную работу.

Такимъ образомъ, наибольшая потеря теплоты въ тепловомъ обмѣнѣ организма (около 80%) падаетъ на отдачу тепла во внѣшнюю среду, путемъ испаренія,—съ поверхности легкихъ и кожи, а также путемъ излученія и путемъ теплопроводности.

Но не трудно показать, говоритъ профессоръ Клоссовскій, что эти потери обусловливаются, при одинаковыхъ прочихъ равныхъ физіологическихъ и психическихъ моментахъ, внѣшними метеорологическими факторами, т.-е. температурой и влажностью среды, а также ея движеніями. Дѣйствительно, съ физической точки зрѣнія, тепловая потеря организма путемъ излученія и теплопроводности зависитъ отъ разности между температурой даннаго тѣла и температурой среды и окружающихъ предметовъ; при небольшихъ разностяхъ температуры, потеря эта прямо пропорціональна этимъ разностямъ температуръ при болѣе значительныхъ разностяхъ, потеря тепла возрастаетъ съ увеличеніемъ разностей температуръ по другому, болѣе сложному, закону.

Напомнимъ, что въ атмосферѣ постоянно содержится опредѣленное количество паровъ; въ данномъ объемѣ воздуха,—напримѣръ, въ одномъ кубическомъ метрѣ, при опредѣленной температурѣ, можетъ заключаться, при опредѣленной температурѣ, только опредѣленное вѣсовое количество паровъ. Если воздухъ содержитъ это максимальное количество паровъ, то говорятъ, что онъ насыщенъ парами. Число граммовъ паровъ, необходимое для насыщенія воздуха, тѣмъ больше, чѣмъ выше температура среды.

Если температура насыщеннаго парами пространства понизится, то часть паровъ перейдетъ въ жидкое состояніе. Въ метеорологіи отличаютъ три элемента, характеризующіе состояніе воздуха по отношенію къ количеству паровъ: 1) *Абсолютная* влажность, т.-е. вѣсовое (въ граммахъ) количество паровъ, находящихся въ каждомъ кубическомъ метрѣ воздуха; 2) *влажный дефицитъ*, т.-е. разность, которая получится, если мы количество паровъ, дѣйствительно находящихся въ кубическомъ метрѣ даннаго воздуха, вычтемъ изъ того количества, которое необходимо для насыщенія того же пространства при той-же температурѣ; при одной и той же абсолютной влажности, влажный дефицитъ будетъ тѣмъ больше, чѣмъ выше температура; иначе говоря, воздухъ будетъ тѣмъ суше, чѣмъ выше температура; 3) *относительная влажность* есть *отношеніе* количества паровъ, дѣйствительно находящихся въ воздухѣ, къ тому количеству паровъ, которое необходимо для насыщенія того же пространства при той же температурѣ. Для удобства этого отношеніе умножаютъ на 100 и, слѣдовательно, относительную влажность выражаютъ въ процентахъ.

Предположимъ, что температура среды возрастаетъ, приближаясь къ нормальной температурѣ человѣческаго тѣла. Въ этомъ случаѣ испареніе съ кожи и легкихъ ($C+D$) уменьшается; разность между вырабатываемымъ въ организмѣ тепломъ и отдачей его наружу нарушается; въ организмѣ происходитъ накопленіе тепла, вслѣдствіе чего самочувствіе наше нарушается. Регулирующее дѣйствіе въ этомъ случаѣ могутъ имѣть—потеря теплоты лучеиспусканіемъ и теплопроводности тѣла (E и F) и рѣшающее значеніе будетъ имѣть величина относительной влажности или, еще лучше, влажнаго дефицита. Допустимъ, что количество водяныхъ паровъ, заключенныхъ въ кубическомъ метрѣ воздуха, будетъ оставаться безъ измѣненія; при этомъ предположеніи влажный дефицитъ возрастаетъ и воздухъ будетъ все болѣе и болѣе удаляться отъ насыщенія: онъ будетъ дѣлаться все суще и суше. Но количество влаги,

теряемое съ поверхности кожи и легкихъ, а слѣдовательно и количество потребнаго для этого тепла увеличится съ постепеннымъ увеличеніемъ влажнаго дефицита. Вслѣдстіе этого, накопленіе тепла, зависящее отъ увеличенія внѣшней температуры, будетъ регулироваться увеличеніемъ расхода вслѣдствіе испаренія. Огромную роль въ этой компенсаціи играетъ движеніе воздуха, вѣтеръ, увеличивающій скорость испаренія. Такимъ образомъ, при увеличеніи внѣшней температуры и одновременномъ увеличеніи сухости воздуха и его движенія, тепловой обмѣнъ, а слѣдовательно и наше самочувствіе могутъ остаться въ равновѣсіи. Очевидно, что это равновѣсіе, которое называютъ *тепловымъ комфортомъ*, можетъ имѣть мѣсто при различныхъ комбинаціяхъ температуры, влажности и скорости вѣтра. Въ Америкѣ сдѣланы были попытки построенія *кривыхъ комфорта*. Изъ опыта, а также изъ этихъ кривыхъ, можно видѣть, что хорошее самочувствіе сохраняется, напримѣръ, при слѣдующихъ комбинаціяхъ:

Температура (по Цельз.).	Влажный дефицитъ (въ граммахъ).	Скорость вѣтра (метры въ 1 секунд.).
20°.	3.	3.
35°.	5.	4.
30°.	10.	6.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что здѣсь могутъ быть нѣкоторыя отклоненія для различныхъ индивидумумовъ.

Мы разсмотрѣли случай повышенія температуры, при условіи, что количество паровъ, заключенныхъ въ каждомъ кубическомъ метрѣ воздуха, или остается безъ измѣненія (или даже уменьшается). Въ этомъ случаѣ, до *извѣстнаго предѣла*, тепловой балансъ организма, а слѣдовательно и тепловое самочувстіе могутъ оставаться въ равновѣсіи. Этимъ объясняется фактъ, что человѣкъ можетъ безъ вреда переносить довольно высокую температуру, при соотвѣтствующей сухости воздуха и его движеній. Извѣстно, что высокія температуры Сахары и Южной Австраліи переносятся сравнительно легко, именно, вслѣдствіе сухости воздуха. Но продолжительное пребываніе въ средѣ съ очень высокой температурой можетъ вызвать нарушеніе равновѣсія и повышеніе температуры. Такъ, напримѣръ, изъ оффиціальныхъ отчетовъ о германскомъ флотѣ за 1880—1881 годъ видно, что въ кочегарняхъ, во время плаванія въ Средиземномъ морѣ, температура доходила до 70°; у трехъ кочегаровъ, впавшихъ въ безсознательное состояніе, температура тѣла была выше 40°.

Но условія теплообмѣна совершенно измѣняются, если, при увеличеніи температуры, увеличивается влажность воздуха (т.-е. влажный дефицитъ уменьшается), въ этомъ случаѣ уменьшается отдача тепла, какъ излученіемъ и теплопроводностью, такъ и путемъ испаренія. Въ организмѣ происходитъ сильное накопленіе тепла, которое можетъ причинить сильныя разстройства или даже смерть, наступающую иногда быстро при явленіяхъ такъ называемаго «солнечнаго или теплового удара», при которомъ температура тѣла, благодаря задержанному испаренію, можетъ подняться до 42° и выше. Эти же условія вызываютъ то тяжелое ощущеніе, которое мы испытываемъ въ тепломъ влаж-

номъ воздухѣ Краснаго моря или передъ грозой. Относительная влажность въ 80%, даже при температурѣ 24°, становится невыносимой и вызываетъ, при продолжительномъ пребываніи въ такой средѣ, ощущеніе сильной тоски и удушья. Между тѣмъ, какъ мы видѣли раньше, воздухъ даже болѣе высокой температуры (40°—50° Ц.) переносится легко, если влажность уменьшается до 22%, и только при 15% влажности чувствуется извѣстная сухость въ глазахъ, носу и на губахъ.

Наиболѣе благопріятной для нашего самочувствія комбинаціей температуры и влажности, по мнѣнію Рубнера и Эрисмана, въ среднемъ, является 20° С. при 30%—60% относительной влажности.

Низкія температуры переносятся человѣкомъ лучше, чѣмъ высокія, конечно, если при этомъ пользуются средствами защиты (одежда, соотвѣтствующая пища, движеніе). Многочисленныя наблюденія показали, что легче переносится холодный сухой воздухъ, чѣмъ холодный влажный. Миддендорфъ говоритъ, что человѣкъ можетъ переносить страшные холода полярныхъ странъ, только благодаря господствующей здѣсь сухости. Это объясняется тѣмъ, что влажный воздухъ—лучшій проводникъ тепла, чѣмъ сухой, а потому потеря теплопроводностью во влажномъ воздухѣ увеличивается: въ общемъ, увеличеніе влажности на 1% усиливаетъ отдачу тепла на 32%. Кромѣ того, прямые опыты, произведенные въ лабораторіи Пфлюгера, показали, что пониженіе температуры среды при сохраненіи постоянной температуры организма, влечетъ за собою усиленіе обмѣна веществъ, сказывающееся въ увеличеніи выдѣленія углекислоты и въ болѣе энергичномъ вдыханіи кислорода.

Наконецъ, нужно отмѣтить, что на равновѣсіе отправленій нашего организма должно имѣть вліяніе не только абсолютныя величины (теплоты, влажности, движенія воздуха и т. п.), но также степень и быстрота ихъ измѣненія во времени. При измѣненіи этихъ внѣшнихъ условій, организмъ нашъ долженъ, такъ сказать, успѣвать слѣдовать за ними, а для этого необходимо или чтобы эти измѣненія не шли слишкомъ быстро другъ за другомъ, или, чтобы организмъ пріучился къ этимъ измѣненіямъ.

До сихъ поръ, говоря о вліяніи температуры и влажности на теплообмѣнъ организма, мы разсматривали вопросъ съ качественной стороны. Но для климатотерапіи важна количественная сторона вопроса.

Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ очень сложенъ, такъ какъ, напримѣръ, при испареніи съ поверхности живого организма нужно принять во вниманіе не только чисто физическіе законы, но также физіологическій и психическій моменты, т.-е. состояніе наружныхъ покрововъ и сосудовъ, настроеніе и нервное состояніе субъекта и т. п. Поэтому вопросъ о количественной величинѣ испаренія не можетъ быть точно рѣшенъ теоретически. Необходимо прибѣгнуть къ методу экспериментальному. Подобныя экспериментальныя изслѣдованія принадлежатъ Эрисману, Рубнеру, Левашеву и Вольперту.

Опыты Эрисмана привели его къ заключенію, что съ увеличеніемъ влажнаго дефицита вѣсовое количество испаряющейся воды также возрастаетъ, но гораздо быстрѣе.

*

Опыты же Вольперта показали, что: 1) при равныхъ температурахъ, отдача воды растетъ пропорціонально относительной сухости (относительная сухость есть дополненіе относительной влажности до 100).

При одинаковой относительной влажности, но съ увеличеніемъ температуры, отдача также увеличивается, но растетъ гораздо быстрѣе.

Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что эти законности дѣйствительны въ очень узкихъ температурныхъ предѣлахъ: при температурахъ ниже 15—20°, смотря по условіямъ опыта, въ зависимости отъ той или иной одежды, водоотдача начинаетъ возрастать. Это явленіе объясняется тѣмъ, что хотя отдача черезъ кожу уменьшается, но отдача дыханіемъ быстро увеличивается вслѣдствіе двухъ причинъ: а) при низкихъ температурахъ дыхательная дѣятельность становится энергичнѣе и б) болѣе холодный воздухъ, входя въ легкія, долженъ насыщаться парами при температурѣ, близкой къ температурѣ нашего тѣла. Но холодный воздухъ, имѣющій, напримѣръ, температуру 10°, если онъ даже насыщенъ парами, потребуетъ очень много паровъ для своего насыщенія при температурѣ тѣла 36,5—37,6°. Такимъ образомъ, въ общей суммѣ, отдача воды (какъ легкими, такъ и кожей), при температурѣ 10°, можетъ быть больше, чѣмъ при 20°. Этой большой отдачей объясняется то чувство жажды, которое испытывается во время сильныхъ холодовъ.

3) Повышеніе температуры при различныхъ относительныхъ влажностяхъ повышаетъ водоотдачу въ одномъ и томъ же отношеніи.

Такимъ образомъ является все же возможнымъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, конечно, установить, при помощи соотвѣтственной комбинаціи температуры и относительной влажности, ту или другую *опредѣленную* отдачу воды, а слѣдовательно и отдачу тепла.

Впрочемъ, всѣ эти комбинаціи могутъ видоизмѣняться, подъ вліяніемъ различныхъ случайныхъ факторовъ: движенія воздуха, физіологическихъ моментовъ, состоянія покоя или работы и т. д. Дѣло терапевта—точными опытами установить и измѣрить эти вліянія.

Точно также имѣетъ громадное значеніе для жизни нашего организма и цѣлый рядъ другихъ факторовъ. Напримѣръ, вліяніе болѣе или менѣе быстрыхъ измѣненій матеорологическихъ элементовъ, которые, несомнѣнно, не могутъ оставаться безъ воздѣйствія на физіологическія функціи нашего организма и нашей нервной системы. Косвенныя доказательства наличности такихъ вліяній Клоссовскій видитъ, напримѣръ, въ томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что многія животныя начинаютъ испытывать волненіе и возбужденное безпокойное состояніе задолго до наступленія землетрясеній и бурь. Наконецъ, жизнь наша происходитъ въ магнитномъ и электрическомъ полѣ земли; напряженіе этого поля претерпѣваетъ измѣненія въ весьма широкихъ предѣлахъ, что также должно отражаться на функціяхъ нашего организма. Но въ этой области терапіи сдѣлано пока очень мало. Извѣстно только то, что вліяніе электрическаго поля ясно сказывается на ростѣ растеній, какъ это показали опыты съ электрокультурами.

Задача климатотерапіи и заключается, по мнѣнію профессора Клоссовскаго,

въ томъ, чтобы изслѣдовать, экспериментально и клинически, дѣйствіе разнообразныхъ климатическихъ факторовъ на различныя функціи нашего организма.

Человѣкъ пользовался, съ самыхъ древнихъ временъ и на всѣхъ ступеняхъ своего культурнаго развитія, естественными цѣлебными силами природы. Указанія на значеніе климатическихъ факторовъ мы находимъ уже у Гиппократа, Галлена, Плинія. У древнихъ римлянъ въ большомъ ходу были климатическія станціи и купальные курорты, но научная климатотерапія не сдѣлала серьезныхъ успѣховъ и до настоящаго времени; въ ней недостаетъ, за немногими исключеніями, строгихъ клиническихъ и экспериментальнхъ изслѣдованій надъ дѣйствіемъ климагическихъ факторовъ въ ихъ *естественномъ* ходѣ.

Здѣсь должно придти на помощь, по мнѣнію профессора Клоссовскаго, устройство чисто *климатическихъ* станцій различныхъ категорій, которыя дадутъ обильный климатичсскій матеріалъ, необходимый для обоснованія климато терапіи и бальнеотерапіи. Но подобное развитіе этой вѣтви медицинскихъ знаній, имѣющихъ цѣлью использовать цѣлебныя силы природы, потребуетъ отъ врачей особой тщательной подготовки и потому профессоръ Клоссовскій думаетъ, что въ настоящее время насущной потребностью является основаніе на медицинскихъ факультетахъ особыхъ каѳедръ и институтовъ климатотерапіи и бальнеологіи.

Къ брошюрѣ, содержаніе которой мы подробно изложили, авторомъ приложенъ еще «проектъ программы климатическихъ изслѣдованій для цѣлей климатотерапіи и бальнеологіи».

В. Аг.

1904 Декабрь

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА „МІРЪ БОЖІЙ“.

Декабрь. 1904 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

С. Елеонскій. „Разсказы“. *М. Метерлинкъ.* „Мудрость и судьба“.

С. Елеонскій. Разсказы. 1904 г. Ц. 1 р. Изд. «Знаніе» Главное, если не исключительное содержаніе разсказовъ г. Елеонскаго составляетъ описаніе быта сельскаго духовенства, который автору не только близко знакомъ, но является для него какъ бы своимъ, роднымъ міромъ, гдѣ онъ чувствуетъ себя вполнѣ дома. Отсюда мягкость и родственная теплота его юмора, съ которымъ онъ такъ живо и вмѣстѣ съ тѣмъ почти любовно обрисовываетъ всѣхъ этихъ сельскихъ батюшекъ и матушекъ, никогда не впадая въ сатиру, въ преувеличенія или недружелюбные нападки. Отсюда и правдивость, проникающая всѣ его очерки, представляющіе поэтому большой и несомнѣнный интересъ для читателей, для большинства которыхъ бытъ духовенства, составляющаго до сихъ поръ своеобразную касту у насъ, почти не знакомъ. Благодаря отмѣченнымъ особенностяхъ талантливыхъ очерковъ г. Елеонскаго, его герои, при всей мелочности и даже низменности ихъ интересовъ, при всемъ ничтожествѣ ихъ «духовности», отнюдь не производятъ впечатлѣнія отталкивающаго или грубаго. Напротивъ, предъ нами люди, какъ и всѣ грѣшные, со всѣми недостатками, обычными въ мелкой, мало культурной средѣ, въ которой животная сторона жизни преобладаетъ и подавляетъ болѣе высокіе запросы духа. Въ сущности, этихъ послѣднихъ мы не чувствуемъ на всемъ протяженіи книги г. Елеонскаго, и такъ какъ, повторяемъ, авторъ обрисовываетъ ихъ съ мягкостью и юморомъ, вовсе не заключающимъ въ себѣ чего-либо враждебнаго, то общее впечатлѣніе отъ изображаемой имъ картины духовнаго быта получается грустное и щемящее. Вѣдь это—наставники народной массы, проводники духовнаго свѣта и представители его, подчасъ единственные, какихъ знаетъ эта масса. Что же они ей даютъ и личнымъ примѣромъ, и ученіемъ? Отвѣтъ получается скорѣе отрицательный, хотя сами по себѣ эти отцы Петры, Павлы, Сосипатры, Никандры—люди вовсе недурные и, не будь они духовные, ничѣмъ особымъ не выдѣлялись бы изъ среды себѣ подобныхъ. Только санъ ставитъ ихъ на нѣкую высоту, съ которой volens-nolens обязаны они «свѣтить», и разъ никакого свѣта не исходитъ, то и получается выводъ о сугубой тьмѣ. Они не способны «свѣтить», и лучшіе изъ нихъ тѣ, которые такъ себя и понимаютъ. Они просто исполняютъ требы, пріемлютъ за сіе положенное, и если не обнаруживаютъ при семъ выдающихся аппетитовъ, то и населеніе ими довольно и похваливаетъ. Такіе отцы поставляются народной массой въ примѣръ «прочимъ, которые не похвально мздоимствуютъ», т.-е. любятъ поприжать и

при свадьбѣ, и при похоронахъ. Правда, и эти лучшіе, удовлетворяющіеся доброхотнымъ даяніемъ, поражаютъ сухостью и черствостью, но только насъ, постороннихъ наблюдателей, а не населеніе, которому чужды всѣ эти «сантиментальности». «Намъ все равно, кто ни попъ—все батька», этой пословицей резюмируется отношеніе населенія къ своимъ отцамъ духовнымъ.

Книга г. Елеонскаго даетъ цѣлую выставку сельскихъ духовныхъ лицъ, и вы проходите эту выставку съ неослабѣвающимъ интересомъ. Все лица безхитростныя, съ чертами примитивными и ясными, съ психологіей, можно сказать, лежащей на ладони, что не мѣшаетъ индивидуальности каждаго, выраженной съ надлежащей полнотой и рѣзкостью. Мягкій юморъ г. Елеонскаго не мало содѣйствуетъ смягченію очертаній, сближаетъ насъ съ его героями, которые въ противномъ случаѣ выступали бы очень ужъ упрощенно-отталкивающими,—и въ этомъ достоинство таланта г. Елеонскаго. Всѣ разсказы написаны въ спокойномъ эпическомъ стилѣ, что еще усиливаетъ впечатлѣніе житейской, не прикрашенной, но и неусугубленной правды. Всѣ разсказы равнаго достоинства, всѣ одинаково интересны. Лучшимъ, пожалуй, выдѣляется «Папаша-крестный», въ которомъ типичный благополучный батюшка изображенъ съ особой пластичностью и почти гомерической простотой. *А. Б.*

М. Метерлинкъ. Мудрость и судьба. Пер. Н. Михайловской. Цѣна 1 руб. Когда предъ Заратустрой обрисовалась во всемъ ея величіи грандіозная идея о вѣчномъ возвращеніи всего сущаго «въ большомъ и маломъ», «нечестивецъ» и разрушитель буржуазной морали довольства въ великой тоскѣ спросилъ себя, неужели необходимо вѣчное появленіе «маленькаго» человѣка съ его «маленькимъ счастьемъ» на ряду съ «богатой душой», съ Заратустрой. Намъ пришелъ на память этотъ мучительный для Заратустры вопросъ при чтеніи книги Метерлинка «Мудрость и судьба». Будто ожилъ «послѣдній человѣкъ», котораго провидѣлъ Заратустра, заморгалъ глазами и скромно объявилъ, что у него есть свое маленькое удовольствіе для дня и маленькое удовольствіе для ночи. Жаться другъ къ другу, потому что отъ этого тепло, не портить сосѣдскихъ отношеній и не волноваться, дабы не испортить пищеваренія,—вотъ счастье «послѣдняго человѣка». Правда, это счастье не такое ужъ мудреное, чтобы за него хоть и скромно, но цѣпко держаться, но зато «послѣдній человѣкъ» ужъ увѣренъ, что владѣетъ счастьемъ, потому что онъ знаетъ его. «Но не говорите съ презрѣніемъ объ этомъ счастьѣ. Иного счастья нѣтъ. Самый счастливый изъ людей тотъ, кто лучше всѣхъ знаетъ свое счастье»... впрочемъ, это говоритъ не «послѣдній человѣкъ», нарисованный Ницше, а Метерлинкъ въ «Мудрости и судьбѣ». Каждый человѣкъ, учитъ Метерлинкъ, имѣетъ свое маленькое удовольствіе для... виноватъ, имѣетъ въ своемъ сердцѣ элементы для счастья. Нельзя не сознаться, предваряетъ Метерлинкъ, что «кажется несвоевременнымъ искать на досугѣ въ скрытыхъ извилинахъ въ глубинѣ сердца причинъ для довѣрія или спокойствія, поводовъ улыбнуться, проясниться и полюбить, основаній для благодарности и восхищенія», въ то время какъ «большая часть человѣчества... лишена увѣренности, что извѣдала до конца всю нищету и отчаяніе жизни». Но «счастье»,—вѣдь это же такъ просто, наконецъ, «не всегда самое благоразумное заниматься самымъ насущнымъ»! И Метерлинкъ продолжаетъ очень мило и по-французски легко и ясно «говорить о счастьѣ съ несчастными, чтобы ознакомить ихъ съ нимъ». Иногда очень удачные образы и сравненія, мысли «въ сторону», многочисленные примѣры и цитаты изъ римскихъ и греческихъ классиковъ (литературная манера, устарѣвшая даже на родинѣ этого «серьезнаго» стиля, во Франціи), все это въ слегка намѣренномъ, игривомъ безпорядкѣ течетъ, ласково шумитъ, и если не даетъ «несчастному» «повода улыбнуться», то и... не разстраиваетъ пищеваренія. Христіанскія заповѣди Метерлинкъ обработалъ для карманнаго изданія на

потребу «несчастнымъ» (имѣющимъ все-таки приличный имущественный цензъ) и поэтому даже рѣшается рекомендовать имъ и самопожертвованіе. Хорошо, говоритъ онъ, «умѣть жертвовать такъ, чтобы никто этого не замѣчалъ, досугомъ, отпускаемымъ намъ случаемъ для восхищенія, на исполненія перваго попавшагося маленькаго полезнаго и жизненнаго дѣла, которое тотъ же случай постоянно предоставляетъ нашей доброй волѣ и сердцу». Въ такомъ же карманномъ объемѣ онъ излагаетъ и всѣ извѣстныя добродѣтели, какъ необходимое средство для счастья, очень простого и вмѣстѣ съ тѣмъ прочнаго: стоитъ только быть мудрымъ и пользоваться рекомендуемыми «примочками для духа», которыхъ такъ тщетно искалъ дьячокъ-пьяница у г. Успенскаго. А «наша мудрость... то лучшее, что есть въ нашей душѣ и въ нашемъ хзрактерѣ,—находится преимущественно въ нашихъ, не совсѣмъ ясныхъ идеяхъ». Къ счастью «мы никогда не выходимъ изъ области безсознательнаго» и къ еще большему счастью просвѣщенныхъ буржуа «надо стараться имѣть возможно большее количество ясныхъ идей, чтобъ пробудить въ своей душѣ побольше идей еще туманныхъ». Наконецъ, къ всеобщему успокоенію, Метерлинкъ отрицаетъ значеніе и силу «судьбы» или рока, а особенно для мудреца. Конечно, трагедіи— и мрачныя—бываютъ, но безъ всякаго участія рока, а только по глупости, что ли, дѣйствующихъ лицъ. Напр., судьба Людовика XVI. Если бы онъ не высовывалъ головы изъ кареты, такъ что его узнали, да при этомъ «энергичный приказъ короля изъ экипажа, ударъ кнута, и еще одно усиліе—и исторія міра была бы другой». Вотъ какъ худо быть легкомысленнымъ. Теперь ужъ самъ собою напрашивается отвѣтъ на вопросъ, пріятно ли быть мудрымъ. Впрочемъ, и не мудрымъ пріятно быть, если есть маленькій достатокъ: «маленькій буржуа полонъ предразсудковъ, смѣшныхъ страстей, узкихъ, мелкихъ и часто низкихъ мыслей; но поставьте его въ исключительныя минуты жизни рядомъ съ мудрецомъ...—и не разъ случится, что мудрецъ обратится къ своему скромному спутнику, какъ къ обладателю такой же человѣческой истины, какою владѣетъ онъ самъ». И какъ бы въ отвѣтъ на приведенный вначалѣ вопросъ Заратустры, Метерлинкъ въ защиту «неразмышляющаго» маленькаго буржуа говоритъ тутъ же: «Въ дѣйствительности мудрецъ здраво мыслитъ только въ томъ случаѣ, если онъ никогда не перестаетъ соприкасаться съ тѣми, кто не размышляетъ». Оправданіе вѣчнаго возвращенія всего «малаго» закончено и цѣнность его счастья утверждена. Такъ какъ это счастье, являясь мудрымъ, не скрывается (а, можетъ быть, даже ближе) отъ не совсѣмъ мудрыхъ, ибо у нихъ куда больше «туманныхъ идей», то... «mein liebchen, was willst du noch mehr»? Нельзя не замѣтить, что «область безсознательнаго» въ драмахъ Метерлинка гораздо интереснѣе и глубже по смыслу, чѣмъ въ этихъ его размышленіяхъ, когда «безсознательностью» пользуются, чтобы осчастливить всѣхъ. «Безсознательное» на службѣ у маленькаго буржуа,—какъ хотите, вся таинственность пропала.

Вѣроятно, книга гораздо умнѣе въ оригиналѣ. Переводъ выполненъ такъ неуклюже и неумѣло, что вы чувствуете, какъ изящные и хрупкіе обороты французской рѣчи не только грубо умерщвляются въ русскомъ текстѣ, но и теряютъ всякій смыслъ. Приведемъ на удачу слѣдующія фразы: «А Маркъ Аврелій не страдалъ, видя своего сына Коммода, въ которомъ обнаруживалось уже чудовище, и отъ своей жены Фаустины, которую онъ любилъ, а она его не любила?» (стр. 60). «Даже теперь развѣ не правъ Катонъ, и чья жизнь благодаря этой идеѣ, которую умъ человѣческій не можетъ взвѣсить на своихъ вѣсахъ, была благородно счастливѣе жизни Катона?» (стр. 63). «Безъ другого свидѣтеля. какъ свое сердце» говоритъ св. Юстинъ» (стр. 121) и т. д., и т. д. Приэтомъ въ транскрипціи именъ замѣчается не только произволъ, но и нѣкоторая, такъ сказать, «завиральность»: «Павелъ Эмилій» передается то какъ

«Поль-Эмиль», то какъ Павелъ Эмиль, а Клитемнестра превращается въ мужчину «Клитемнестра». Очевидно, стремленіе быть ближе къ подлиннику привело къ буквальному перенесенію французской транскрипціи греческаго имени въ русскій переводъ. *Л. Б.*

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Куно Франке. „Исторія нѣмецкой литературы".

Куно Франке. Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ. Переводъ съ англійскаго П. Батина. Спб. 1904 г. (Изд. М. В. Пирожкова, историческій отдѣлъ въ завѣдываніи М. К. Лемке). «Основной общей идеей всего нижеслѣдующаго очерка развитія германской литературы,—пишетъ Куно Франке въ введеніи къ своей книгѣ,—будетъ служить идея непрерывной борьбы между стремленіями къ индивидуальному и коллективному, между человѣкомъ и обществомъ, между свободой и единствомъ, между космополитизмомъ и націонализмомъ, — той борьбы, которая можетъ быть названа главной движущей силой всего человѣческаго прогресса». Нельзя, однако, сказать, чтобы слова эти вполнѣ точно опредѣляли сущность замысла разбираемой книги. Дѣло идетъ въ ней не столько о *борьбѣ* индивидуальнаго и коллективнаго началъ, сколько о ихъ преемственной *смѣнѣ*. Исторія нѣмецкой литературы распадается, по мнѣнію Куно Франке, на три неравныхъ періода. Первый изъ нихъ охватываетъ цѣликомъ всѣ событія съ самаго начала до такъ называемой «Эпохи бурныхъ стремленій». Это періодъ медлительно тягостный, подготовительный. Индивидуализмъ въ немъ, скованный средневѣковой феодально-классовой косностью и отсутствіемъ политической свободы, только два раза чуть вспыхиваетъ, но не отражается въ жизни и быстро меркнетъ. Съ конца XVIII-го вѣка, напротивъ, такъ сурово сложившаяся жизнь нѣмецкаго народа начинаетъ проясняться. Тутъ появляются такіе люди, какъ Лессингъ, Гердеръ, Кантъ, Гёте, Шиллеръ. Это второй періодъ. Въ немъ индивидуальный принципъ, быстро дойдя до своего апогея въ этихъ словахъ Гёте: «Германія, какъ цѣлое—ничто; нѣмецъ, какъ индивидъ—все», дѣлаетъ возможнымъ и нарожденіе современнаго коллективнаго принципа, выражающагося, съ одной стороны, въ окончательномъ объединеніи Германіи, а съ другой—въ коллективизмѣ, какъ теоріи общественнаго строя. Тутъ наступаетъ уже третій періодъ, когда «германская литература XIX-го вѣка, отнюдь не отвергая индивидуализма XVIII-го вѣка, находитъ источникъ своего высшаго вдохновенія въ этомъ новомъ коллективистическомъ идеалѣ» (стр. 9). Подобная точка зрѣнія нашего автора сказывается прежде всего въ общемъ строѣ его книги. Ея первыя семь главъ, разсказывающія событія литературной исторіи Германіи отъ V-го вѣка до XVIII-го вѣка, всѣ умѣстились на 306 страницахъ, тогда какъ восьмая и девятая главы, т.-е. «Эпоха французской революціи и апогей индивидуализма», а затѣмъ «Эпоха національнаго возрожденія и ростъ коллективистическихъ идеаловъ» занимаютъ собою цѣлыхъ 254 страницы и оставляютъ послѣ себя уже лишь немного мѣста для «Эпилога», въ которомъ идетъ рѣчь о новѣйшей литературѣ отъ 1848 года до нашихъ дней. Куно Франке такимъ образомъ какъ бы торопится въ началѣ своей книги ознакомить своихъ читателей со всѣмъ тѣмъ, что создала въ поэзіи его родина до самой французской революціи, чтобы какъ можно скорѣе перейти къ своей основной темѣ: смѣнѣ индивидуальнаго идеала коллективистическими стремленіями.

Основной замыселъ книги Куно Франке очень хорошъ. Она задумана какъ

драма, разрѣшающая трагическій конфликтъ счастливой развязкой, и отсюда и ея непослѣдовательность. Въ этомъ ея главный недостатокъ, но въ этомъ, надо отдать ей справедливость, и ея достоинство. Книга Куно Франке—книга увлекательная. Она составляетъ одно единое цѣлое, и при чтеніи интересъ не ослабѣваетъ до конца. Все время авторъ бодро ведетъ насъ за собой, и по мѣрѣ того, какъ мы подходимъ къ концу, хотя темпъ разсказа и замедляется настолько, что 75 лѣтъ литературной исторіи занимаютъ половину всей книги, это искупается именно все возрастающимъ ожиданіемъ апоѳеоза. Прибавьте къ этому изложеніе, не лишенное благороднаго энтузіазма, умѣлый и тщательный подборъ цитатъ, никогда не банальныхъ и не заѣзженныхъ, и вы согласитесь, что это сочиненіе есть то, что лѣтъ 40 тому назадъ у насъ называли «хорошей книгой». Она, конечно, будетъ читаться и читаться съ пользой.

Такой замыслъ, однако, потребовалъ отъ нашего автора и нѣсколько произвольнаго распредѣленія матеріала. Такъ, романтики Жанъ-Поль Рихтеръ, Тикъ, Фридрихъ Шлегель, Новалисъ отнесены къ послѣдней главѣ, носящей названіе «ростъ коллективистическихъ идеаловъ»; это, конечно, нѣсколько парадоксально; и здѣсь же читаемъ мы и о фонъ-Платенѣ, и о Ленау, и объ Иммерманѣ, т.-е. «объ послѣднихъ». При такомъ распредѣленіи «міровая скорбь» и режимъ Метерниха, дѣйствительно, оказались въ самомъ началѣ развитія новаго дѣйствія, счастливо приводящаго къ событіямъ 48 года. Но развѣ, не насилуя фактовъ, не надо было «послѣдышей» и представить послѣдышами? Именно непосредственно вслѣдъ за гётевскимъ: «Германія, какъ цѣлое—ничто, нѣмецъ, какъ индивидъ—все», мы должны были бы услышать эту жалобу фонъ-Платена: «самое худшее, что есть въ мірѣ, это—быть нѣмцемъ». Обѣ фразы вѣдь такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, и онѣ оттѣняются такъ рѣзко и ярко знаменитыми словами Бёрне: «Германія, это Гамлетъ». Нашъ авторъ также упорно называетъ Гердера, Гёте, Шиллера, Фихте и Гегеля провозвѣстниками современнаго коллективизма. Но вѣдь даже если это и такъ, то развѣ при иномъ, болѣе отвѣчающемъ дѣйствительности, расположеніи фактовъ не обнаружилось бы, какая жестокая правда жизни, трагически долгая и угнетающая, отдѣляла первые проблески идеала отъ его перваго соприкосновенія съ жизнью. Только ради своего утѣшительнаго замысла могъ Куно Франке замолчать, что ненавистный ему принципъ исхода реформаціоннаго періода: cujus regio ejus religio, въ болѣе широкомъ смыслѣ еще такъ долго оставался въ силѣ, еще долго такъ страшно терзалъ и мучилъ Германію, уже давшую міру такихъ свѣточей, какъ Гёте, Шиллеръ, Кантъ и Гегель. Перефразируя слова Куно Франке о Фридрихѣ Великомъ, можно сказать, что «есть что-то печальное и странно обаятельное» въ разсказѣ г-жи Сталь, какъ она провела вечеръ при веймарскомъ дворѣ, причемъ Шиллеръ присутствовалъ тутъ въ придворномъ мундирѣ. И вѣдь если бы не мундиръ придворнаго, этотъ гражданинъ французской республики, собственно говоря, долженъ бы былъ ходить въ мундирѣ фельдшера гренадерскаго полка.

Тотъ же характеръ замысла сказывается и въ другой, еще болѣе осязательной натяжкѣ нашего автора. Онъ называетъ коллективистическими стремленіями одновременно и національныя идеи объединенія Германіи, и идеи общественныя, касающіяся уже вопросовъ внутри Германіи. Сообразно этому «переустройство политической жизни на національной основѣ, вмѣсто династической» и отсюда введеніе всеобщаго избирательнаго права представляется Куно Франке результатомъ «элементовъ новой національной жизни, зародившейся въ эпоху народнаго возстанія противъ Наполеона». Событія перваго десятилѣтія XIX-го вѣка, закончившіяся 1806 г., для нашего автора—время только паденія, а событія 1813 года, когда раздались воодушевленные патріо-

тическія берлинскія лекціи Фихте кажется ему началомъ не только возрожденія, но и постепеннаго непрерывающагося роста національнаго самознанія, среди котораго режимъ Метерниха, отразившійся на судьбѣ и патріотахъ, какъ Арндтъ, братья Гриммы, Уландъ, Гервинусъ и «молодой Германіи», т.-е. Бёрне и Гейне, оказывается лишь временнымъ кризисомъ. Это опять слѣдствіе утѣшительнаго замысла. Но это еще и нѣчто другое. Чтобы слить идеалъ національный съ политическимъ, Куно Франке пришлось почти совершенно умолчать о томъ, что принесли съ собою французы, когда они переправились черезъ Рейнъ, что заставило нѣмцевъ Запада Германіи относиться къ Наполеону такъ, какъ относился къ нему Гейне, и что привело къ тому, что событія во Франціи въ 1848 г не могли не отразиться и на Германіи. То, что безсиленъ оказался разрушить въ Германіи Метернихъ, вѣдь это были именно идеи-силы, занесенныя въ Германію въ моментъ ея высшаго національнаго униженія. Это «добро» французовъ не надо было бы забывать, вспоминая о Гравелотѣ и Седанѣ и превознося національное возрожденіе. Осуществилось оно, вѣдь, только путемъ формъ общественнаго строенія, погибшихъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, заново организованныхъ въ Англіи въ концѣ XVII-го в., а въ концѣ XVIII-го вѣка созданныхъ вновь для Франціи и отсюда двинувшихся на востокъ, какъ единственный и самый вѣрный, неизбѣжный и грядущій рычагъ всякаго національнаго возрожденія. Не надо и нельзя забывать этотъ ex occidente lux. Въ немъ основная «общественная сила» и единственный залогъ общественнаго преуспѣянія. Безъ него національный «коллективизмъ» въ Германіи не пошелъ бы дальше метерниховскаго режима, а тогда о какомъ еще коллективизмѣ, кромѣ какъ въ мечтаньяхъ мечтателей, можетъ быть рѣчь?

Утѣшительный замыселъ и не совсѣмъ-то законное расширеніе термина коллективизмъ вотъ, стало быть, тотъ основной прісмъ, путемъ котораго достигъ Куно Франке стройности и единства въ изложеніи судебъ нѣмецкой поэзіи. То и другое относится, однако, лишь къ культурно-историческому замыслу. Что же касается собственно *исторіи литературы* какъ исторіи «общественныхъ силъ», насколько онѣ выразились въ поэтическихъ образахъ, то нельзя не признать существеннымъ недостаткомъ книги Куно Франке то, что авторъ не интересуется вовсе вопросами формы, и оттого, когда онъ говоритъ объ «Ифигеніи» Гёте, этомъ характерномъ и по самой своей формѣ созданіи классическаго періода въ дѣятельности великаго поэта, онъ дѣлаетъ ссылку на Шерера, чувствуя, что чего-то не хватаетъ (стр. 357). Большій интересъ къ формѣ пригодился бы, однако, нашему автору и для той основной цѣли, которую онъ преслѣдуетъ, для развитія «общественныхъ идей» въ Германіи. Форма показала бы ему *классовое* значеніе нѣкоторыхъ явленій, которыя онъ минуетъ. Куно Франке усердно подчеркиваетъ классовое значеніе миннезанга и придворной эпики. Это — поэзія феодальнаго класса, отражающая его узкіе вкусы и воззрѣнія (стр. 73 и 433). Подчеркиваетъ Куно Франке и классовое значеніе Вернера (XIII-го в.), Ульриха Бонера (XIV-й в.) «Эйленшпигеля» (начало XVI-го в.) и народно-религіозной драмы. (стр. 129 и слѣд.); все это кажется ему — и вполнѣ справедливо—показателемъ самосознанія зажиточнаго крестьянства и городского бюргерства; но послѣ этого мы уже ничего не слышимъ о классовомъ значеніи «общественныхъ силъ», проявляющихся въ поэзіи, и когда нашъ авторъ переходитъ въ концѣ реформаціоннаго періода къ Гансу Саксу—этому типичнѣйшему представителю художественныхъ вкусовъ и идей достигшаго теперь высшаго своего самознанія средняго класса, еще не диффенцировавшаго, но уже увполнѣ сложившагося, онъ отзывается о немъ лишь, какъ о «привлекательной личности», у которой, «хотя онъ и жилъ тридцатью годами позже Лютера, было сердце средневѣковаго человѣка», отчего, «читая его, получаешь впечатлѣніе,

какъ будто все міровое умственное движеніе ранняго періода реформаціи прошло надъ нѣмецкимъ народомъ, не затронувъ его» (стр. 169—170). Такой взглядъ происходитъ именно вслѣдствіе отсутствія интереса къ исторіи поэтическихъ формъ, подъ которыми для того времени надо разумѣть, конечно, и сюжеты. Гансъ Саксъ именно своимъ средневѣковымъ мастерствомъ, тѣмъ, что было въ немъ «майстерзингера», и былъ представителемъ своего класса. Поэтическая форма нерѣдка оживаетъ путемъ особеннаго распространенія своего либо сверху внизъ, либо снизу вверхъ. Въ данномъ случаѣ намъ важно именно это распространеніе сверху внизъ, распространеніе формъ поэзіи, родившейся среди феодальной знати, въ городскую среду.

Въ XVII-мъ и XVIII-мъ вв. передъ нами все время именно средній классъ. Это онъ борется въ лицѣ Шиллера, Ленца и Гёте съ феодально-бюрократическимъ началомъ въ періодъ «бури и натиска». Это онъ на рубежѣ XIX-го в., выдѣливъ изъ себя еще одинъ классъ, который надо назвать уже капиталистическимъ и къ которому принадлежалъ великій Гёте, мирится и братается съ феодально-бюрократической властью и говоритъ: «нѣмецъ, какъ индивидъ— все», разумѣя при этомъ самого себя и достигая гармоніи своей высоко развитой индивидуальности съ установленнымъ строемъ жизни, гармоніи, составляющей содержаніе «Торквато Тассо», послѣдней части «Вильгельма Мейстера», «Избирательнаго сродства» и даже второй части «Фауста» и «Германа и Доротеи». Это все тотъ же средній классъ зарождаетъ въ своемъ лонѣ этихъ блудныхъ дѣтей, Тика, Фридриха Шлегеля, Новалиса, возненавидѣвшихъ свое «косное и низкое мѣщанство» и идущихъ уже не отъ искусства къ примиренію съ жизнью, какъ Вильгельмъ Мейстеръ, а прочь изъ жизни въ міръ искусства, но не потому, что тамъ покой, а потому, что тамъ среди артистическихъ увлеченій таятся неизвѣданныя сокровища мысли и воображенія. Это классовое значеніе романтиковъ такъ ярко очертилъ скучный и тяжеловѣсный, но вдумчивый Гаймъ. Тотъ же средній классъ въ мирѣ своихъ лучшихъ представителей молится и груститъ вмѣстѣ съ ф.-Платеномъ и Ленау или пробиваетъ себѣ новые пути главенства подъ барабанный бой Бёрне, Гейне, Гервега, Фрейлиграта, увлеченный идеями, проникшими въ Германію съ вторженіемъ французовъ и долженствовававшими дать ему истинное національное объединеніе, когда не только будутъ разрушены мѣстныя таможни, но когда вслѣдъ за мѣстными парламентами создастся парламентъ имперскій. Но тотъ же средній классъ, теперь побѣдившій, довольный и насытившійся, какъ это показали и Люблинскій, и Рихардъ Мейеръ въ серединѣ истекшаго вѣка, закостнѣетъ въ своемъ самовосхищеніи и, воображая, что достигаетъ прекраснодушія Шиллера и объективнаго олимпійства Гёте, проклянетъ своихъ недавнихъ «барабанщиковъ», Бёрне и Гейне, и, въ свою очередь, вызоветъ вдохновенныя шумныя и трагическія проклятія Фридриха Ницше.

Но вотъ тутъ то, въ этотъ моментъ, который отмѣчаетъ и нашъ авторъ въ своемъ эпилогѣ, сравнивая его съ періодомъ «бури и натиска» конца XVIII-го вѣка, въ этотъ моментъ, который, сохраняя терминологію Куно Франке, надо было бы назвать расцвѣтомъ буржуазнаго коллективизма, т.-е. расцвѣтомъ его классоваго господства, начинается процессъ, именно въ Германіи всего отчетливѣе выразившійся въ новомъ распространеніи и оживленіи старой поэтической формы, перешедшей въ среду новаго класса, выступившаго на арену литературнаго вліянія. Классъ этотъ—рабочіе. По поводу «Ткачей» Гауптмана на этомъ останавливается и Куно Франке. Но появленіе «Ткачей» и «Ганнеле»—не начало, а скорѣе конецъ движенія. Старый реализмъ, пока онъ прозябалъ среди буржуазнаго класса въ видѣ идеализованной каррикатуры на дѣйствительность согласно рецептамъ Фрейтага въ драмѣ и Шпильгагена въ романѣ, получилъ новое развитіе въ своемъ соприкосновеніи съ народомъ.

Мнѣ чудится внутренній смыслъ въ томъ, что любимый герой Рихарда Вагнера былъ именно Гансъ Саксъ. Такими Гансами Саксами, если имъ и не суждено было стать самому Вагнеру, сдѣлались Анценгруберъ, создатель народной драмы на баварскомъ діалектѣ, и крестьянинъ-писатель Розеггеръ. Значеніе ихъ мѣтко опредѣлилъ Рихардъ Мейеръ. Только немного позднѣе того же самаго обновленнаго реализма будутъ требовать рабочіе, ораторствуя при открытіи берлинской «Freie Bühne» и какъ бы призывая этимъ Гауптмана съ его «Ганнеле» и «Ткачами». И опять это теченіе окажется, какъ и въ началѣ вѣка, вовсе не исключительно національнымъ. Новый реализмъ—это реализмъ Зола и «Власти тьмы» Толстого. Вотъ на что ссылаются современные обновители нѣмецкаго реализма, а реализмъ,—это одна изъ существенныхъ струй «новый вѣяній», всего тѣснѣе связанная съ ними именно въ Германіи. Тутъ всего яснѣе видно, что классовое значеніе имѣютъ и эти нападки на мѣщанство другихъ теченій «новыхъ вѣяній», пошедшихъ вслѣдъ за Ибсеномъ и Метерлинкомъ и давшихъ братьевъ Хартъ, Демеля и др. Куно Франке эти «общественныя силы», однако, интересуютъ лишь вскользь и причина этого опять-таки—недостатокъ вниманія къ перепетіямъ формы.

По самому замыслу книга Куно Франке не принимаетъ, конечно, вовсе въ соображенія и генія. И кто хочетъ влить факты исторіи поэзіи въ единообразное русло преемственной эволюціи, тому и не можетъ быть много дѣла до генія. Геній —это, вѣдь, «общественная сила», возвышающаяся надъ всѣми классами и какъ создательница «новой соціальной среды», вліяющая далеко за предѣлами не только своего собственнаго поколѣнія и поколѣній, грядущихъ въ ближайшемъ будущемъ. И вотъ почему исторія литературы, сосредоточивающая свое вниманіе на геніяхъ или, да простится мнѣ это выраженіе, на коллективномъ геніи націи, выразившемся въ поэзіи, такая исторія литературы предпочитаетъ прагматическое изложеніе, разбивающееся на рядъ премственныхъ эволюціи, создающихъ каждая своего новаго «вѣчнаго спутника» человѣчества. Таковы, что касается нѣмецкой литературы, ея историки Вильгельмъ Шереръ и авторъ исторіи литературы XIX-го в. Рихардъ Мейеръ. *Е. А.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности“.—*Ю. Гессенъ.* „Изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ.

Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Т. I. Сборникъ статей К. К. Арсеньева, В. М. Гессена, І. В. Гессена, М. И. Ипполитова, А. А. Леонтьева, П. Н. Милюкова, В. А. Розенберга, И. М. Страховскаго. Н. В. Чехова и Г. И. Шрейдера. Изданіе Н. Н. Львова и А. А. Стаховича при участіи газеты «Право» Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 50 к. Этотъ объемистый сборникъ, какъ и вышедшіе въ прошломъ году два тома статей, посвященныхъ вопросу о мелкой земской единицѣ, является поучительнымъ показателемъ роста общественной мысли и повышенія общественной энергіи въ Россіи. Разрозненныя усилія отдѣльныхъ дѣятелей замѣтно концентрируются, повседневныя мелочныя заботы тщательно обобщаются, теорія освѣщаетъ накопленный практическій опытъ; вмѣсто безформенной обывательской массы, людской пыли, предъ нами быстро выравнивается серьезная гражданская сила. Новый сборникъ, посвященный обзору и систематизаціи мнѣній нѣсколькихъ тысячъ мѣстныхъ людей, показываетъ, что въ нѣдрахъ русской провинціи сложилась

вполнѣ опредѣленная общественная группа, всѣ члены которой очень хорошо сознаютъ, чего они хотятъ, а многіе, кромѣ того, прекрасно понимаютъ, какъ достигнуть того, чего они хотятъ. Эта группа, несомнѣнно имѣющая будущее, быть можетъ, даже очень недалекое, заслуживаетъ глубокаго общественнаго вниманія. Она должна быть изучена не только съ юридической, но и съ соціологической стороны. Разсматриваемый сборникъ, разумѣется, ставилъ себѣ иныя цѣли. Единственная статья, которая и по имени автора, и по ея мѣсту въ сборникѣ могла бы вызвать въ читателѣ надежду на соціологическое обобщеніе, статья П. Н. Милюкова, къ сожалѣнію, не оправдываетъ ожиданій. Талантливый ученый ограничился изслѣдованіемъ условій возникновенія и дѣятельности комитетовъ и общей характеристикой ихъ значенія, какъ выразителей «земской» точки зрѣнія. Но «земская точка зрѣнія» опредѣляетъ, въ сущности, очень мало; она сама нуждается въ болѣе точномъ и ясномъ опредѣленіи. Разсматривая комитеты, какъ выразителей «земской» точки зрѣнія, мы совершенно лишены возможности понять ихъ рѣзкія противорѣчія между выдержанными въ строгомъ и чистомъ либеральномъ стилѣ политическими мнѣніями земскихъ людей, блестяще обработанными В. М. Гессеномъ, и ихъ же отталкивающими соціально-экономическими воззрѣніями, умѣло сгруппированными г. Ипполитовымъ. Читатели могутъ упустить изъ виду, что и тѣ и другія мнѣнія составляютъ нѣчто цѣльное и неразрывное; что всякій, въ томъ числѣ и нашъ земскій, либерализмъ олицетворяется въ лицѣ двуликаго Януса. Эта двойственность отнюдь не уменьшаетъ историческихъ заслугъ либерализма, но въ его полной и всесторонней оцѣнкѣ она должна быть принята во вниманіе, такъ какъ въ ней заключается единственное объясненіе многихъ и важныхъ историческихъ событій. Поэтому мы считаемъ особенно важнымъ подчеркнуть, что новый сборникъ имѣетъ цѣнность, главномъ образомъ, постольку, поскольку онъ даетъ матеріалъ для сужденія о земской средѣ, а не постольку, поскольку онъ устанавливаетъ это сужденіе. Другимъ недостаткомъ статьи г. Милюкова является ея неполнота. Авторъ упоминаетъ о призывахъ правительствомъ мѣстныхъ людей для обсужденія государственныхъ вопросовъ въ шестидесятыхъ, семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, но не останавливается на содержаніи отзывовъ того времени. Такимъ образомъ, читатель лишенъ возможности провести чрезвычайно поучительную параллель между прошлымъ и настоящимъ. Между тѣмъ, въ интересахъ правильной исторической перспективы эта параллель была бы очень полезна, тѣмъ болѣе, что многіе участники сборника склонны разсматривать програму уѣздныхъ комитетовъ, какъ нѣчто новое. Въ дѣйствительности, новою чертою того общественнаго движенія, выразителемъ котораго явились уѣздные комитеты, можетъ быть названа только ширина его. Содержаніе движенія остается неизмѣннымъ съ начала шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, но число носителей извѣстныхъ идей непрерывно растетъ и подъ вліяніемъ глубокихъ измѣненій въ народно-хозяйственномъ строѣ Россіи, и подъ вліяніемъ повышенія общаго культурнаго уровня. Въ этомъ смыслѣ наиболѣе поучительна статья В. М. Гессена: «Основы правопорядка». Это основная статья сборника, остальныя представляютъ, въ сущности, только развитіе общихъ положеній, формулированныхъ В. М. Гессеномъ, и приложеніе ихъ къ различнымъ практическимъ задачамъ: организаціи земскаго самоуправленія, постановкѣ народнаго образованія, реформѣ законодательства о крестьянахъ и т. д. Г. В. Гессенъ чрезвычайно удачно группируетъ разнообразные отзывы мѣстныхъ людей въ стройную систему гражданскихъ и публичныхъ правъ. Такой пріемъ интересенъ, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что онъ позволяетъ найти правильный отвѣтъ на совершенно праздный, по нашему мнѣнію, но постоянно возбуждаемый вопросъ, «созрѣли» мы или «не созрѣли» для правового порядка. Составъ комитетовъ, какъ извѣстно,

не обуславливался никакимъ образовательнымъ цензомъ, никакими особыми политическими заслугами участниковъ. Среди нихъ преобладали рядовые помѣщики средней руки; во многихъ засѣдали даже крестьяне. Мы едва ли сдѣлаемъ ошибку, если скажемъ, что въ комитетахъ раздался голосъ самаго зауряднаго русскаго обывателя. И тѣмъ не менѣе этотъ обыватель въ отдѣльныхъ, разрозненныхъ, конкретныхъ пожеланіяхъ начерталъ программу, которая въ обработкѣ опытнаго юриста превратилась въ стройную и ясную правовую систему. Предъ нами на примѣрѣ комитетовъ снова съ наглядностью открылась та историческая истина, что насущные интересы народа, на какой-бы ступени развитія онъ ни находился, требуютъ для своего осуществленія высшихъ формъ общественно-государственной жизни. Какъ перваго условія общественнаго порядка, комитеты требуютъ законности и уничтоженія попечительной опеки, создающей режимъ административнаго усмотрѣнія и произвола (стр. 46). Начало законности предполагаетъ, прежде всего, существованіе правовыхъ нормъ, ясныхъ и опредѣленныхъ по своей формѣ, юридически-содержательныхъ и практически-возможныхъ по своей сущности. Изъ совокупности субъективныхъ публичныхъ правъ уѣздные комитеты съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются на категоріи такъ называемыхъ *правъ свободы*, какъ личной, такъ и союзной. Право на личную неприкосновенность и право на свободное образованіе всякаго рода союзныхъ единеній, въ корнѣ отрицаемыя режимомъ административнаго усмотрѣнія, ставятся мѣстными людьми во главу угла, вмѣстѣ съ требованіями свободы печати, совѣсти, національной рѣчи, передвиженія и т. д. На ряду съ правами свободы уѣздные комитеты касаются въ своихъ отзывахъ и другой категоріи субъективныхъ публичныхъ правъ, извѣстной въ наукѣ подъ именемъ политическихъ правъ. Сюда относятся всѣ требованія пересмотра земскаго избирательнаго права и многочисленныя предположенія о привлеченіи населенія, въ той или иной формѣ, къ участію въ выработкѣ законопроектовъ, — всѣхъ вообще или только касающихся интересовъ и потребностей мѣстной жизни. Эти требованія имѣютъ цѣлью все населеніе, такъ какъ въ правовомъ государствѣ каждый индивидъ — лицо публичнаго права, субъектъ публичныхъ правъ. Полукрѣпостное сословное дѣленіе должно пасть вмѣстѣ съ господствомъ административнаго произвола. Программа мѣстныхъ людей совершенно ясна и опредѣленна. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать объ ихъ тактикѣ. Нападки на бюрократію, ставшія классическими съ эпохи шестидесятыхъ годовъ и отлившіяся даже въ постоянно употребляемыя стереотипныя формулы, мало выясняютъ дѣло. Стремленіе къ участію мѣстныхъ людей въ обсужденіи законопроектовъ выражается крайне спутанно и разнорѣчиво. Однако, и въ области тактики нѣкоторые комитеты относительно удачно формулировали свое мнѣніе, при какихъ условіяхъ они считаютъ возможнымъ осуществленіе земскихъ пожеланій. Тамъ бузулукскій комитетъ полагаетъ, что на ряду съ мелкой должна быть организована центральная земская единица для объединенія дѣятельности земской Россіи, выясненія и рѣшенія вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣятельности всѣхъ земствъ. Мензелинскій и череповецкій комитеты, останавливаясь на необходимости устранить препятствія, мѣшающія правильному ходу земскихъ дѣлъ, считаютъ болѣе всего важнымъ «установленіе общеземскаго органа изъ выбранныхъ отъ земства представителей, объединяющаго и направляющаго дѣятельность всѣхъ земствъ» (стр. 89). Безъ сомнѣнія, неопредѣленность, съ какою комитеты формулировали свою тактику, въ значительной степени объясняется обычными у насъ независящими обстоятельствами, но въ основѣ она, по нашему убѣжденію, вытекаетъ изъ самой позиціи мѣстныхъ людей. Выражаясь юридическимъ языкомъ, они не могли выставить за своими пожеланіями никакой санкціи, кромѣ *общественнаго мнѣнія*. Поэтому имъ ничего

не оставалось и не остается, какъ вручить судьбу своихъ трудовъ въ руки силы. Кромѣ того, въ тактическихъ вопросахъ мысль земскихъ людей отличается существенными погрѣшностями, какъ это показалъ г. Шрейдеръ въ превосходной статьѣ о земскомъ самоуправленіи. Талантливый публицистъ и знатокъ мѣстнаго самоуправленія ярко и содержательно охарактеризовалъ всѣ частные недостатки земскаго строя. Но главная его заслуга заключается въ чрезвычайно ясной и глубоко вѣрной постановкѣ вопроса о связи земскихъ учрежденій съ общими условіями жизни. Земство, говоритъ г. Шрейдеръ, органъ внутренняго управленія, выполняющій на мѣстахъ опредѣленныя административныя функціи. Каждая же система внутренняго управленія есть, прежде всего, выражаясь словами проф. Градовскаго, «средство для обезпеченія господства данной государственной власти надъ всѣми слоями и элементами народа и поддержанія даннаго государственнаго порядка, т.-е. опредѣленной формы правленія». Отсюда указываемое Б. Н. Чичеринымъ «основное политическое правило, что мѣстное управленіе должно согласоваться съ центральнымъ». Отсюда и принципъ этого согласованія: «кто хозяинъ въ государствѣ, тотъ необходимо долженъ быть хозяиномъ въ администраціи»... Устанавливая необходимость такого соотвѣтствія на твердомъ историческомъ основаніи, Градовскій констатируетъ между прочимъ, что «формы управленія, свойственныя абсолютнымъ монархіямъ, суть формы управленія бюрократическія...» «Какія бы выгоды ни представляло самоуправленіе съ точки зрѣнія осуществленія разныхъ цѣлей, онѣ оставляются въ сторонѣ, если того требуютъ политическія цѣли даннаго государства» (стр. 355). Этимъ элементарнымъ фактомъ объясняется вся сорокалѣтняя исторія нашихъ земскихъ учрежденій. Они были инороднымъ тѣломъ въ системѣ внутренняго управленія, были и остались, такъ какъ предположенное въ шестидесятыхъ годахъ преобразованіе русскаго внутренняго управленія въ соотвѣтствіи съ земскими учрежденіями не совершилось. Наоборотъ—законодательство пошло назадъ. И государственный механизмъ, оставшійся нереформированнымъ, вынужденъ былъ ассимилировать, приспособить къ себѣ чуждое ему земство. Бюрократизація и ограниченіе компетенціи явились, такимъ образомъ, естественнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ несогласованности внутренняго и центральнаго управленія. Г. Шрейдеръ полагаетъ, что сознаніе этой основной идеи нашей земской исторіи у мѣстныхъ людей еще «полуинстинктивно». Этимъ онъ объясняетъ смутныя, сбивчивыя, неясныя очертанія намѣчаемыхъ путей, въ дѣйствительности ведущихъ совсѣмъ не туда, куда предполагается придти, и всѣ намѣченные комитетами палліативы и суррогаты, которые тѣмъ болѣе безплодны, что предназначаются соединить несоединимое и согласить несогласимое (356). Неясность въ сознаніи тѣхъ условій, которыя обезпечиваютъ практическое осуществленіе правового государства, несомнѣнно присуща мѣстнымъ людямъ, какъ выразителямъ взглядовъ средняго обывателя. Мы не думаемъ, чтобы желательная ясность была достигнута убѣжденною проповѣдью, хотя и не отрицаемъ ея ускоряющаго событія значенія. Только факты дѣйствуютъ на головы. Но у насъ фактовъ слишкомъ достаточно. Необходимо позаботиться объ ихъ обобщеніи. И поскольку сборникъ о нуждахъ деревни даетъ такія обобщенія, онъ долженъ сыграть большую общественную роль.

Въ краткой рецензіи нѣтъ возможности остановиться на всѣхъ статьяхъ разсматриваемаго сборника, потому что онѣ затрагиваютъ почти всѣ вопросы русской жизни. Народное образованіе, юридическая помощь населенію, крестьянскій вопросъ, земскіе начальники, межевыя нужды деревни, сельскохозяйственные комитеты въ неземскихъ губерніяхъ,—всѣ эти вопросы разработаны такъ содержательно и обстоятельно, что мы можемъ только отослать читателей къ соотвѣтствующимъ статьямъ. Тѣмъ русскимъ людямъ, которые

считаютъ необходимымъ слѣдить за развитіемъ русской общественности, нельзя миновать сборника, изданнаго и составленнаго группою юристовъ и земскихъ дѣятелей. «Нужды деревни» — слишкомъ узкое заглавіе для этого труда. «Нужды русской жизни»—такъ слѣдовало бы назвать сводъ мнѣній уѣздныхъ комитетовъ. «Режимъ безправія, достигающій въ деревнѣ своего апогея,—говоритъ В. М. Гессенъ,—существуетъ не только въ деревнѣ; подъ давленіемъ бюрократической опеки задыхается не одна только деревенская жизнь. Останавливаясь преимущественно, по самому характеру своей задачи, на правовыхъ нуждахъ деревни, уѣздные комитеты не обходятъ, однако, молчаніемъ правовыхъ нуждъ современнаго русскаго общества вообще,—не обходятъ молчаніемъ потому, что, въ существѣ дѣла, деревенская нужда является ничѣмъ инымъ, какъ обостренною формою нужды всероссійской» (стр. 45). И комитеты не только не забыли правовыхъ нуждъ русской жизни, но и разработали ихъ весьма полно и всесторонне. Другое дѣло соціально-экономическія нужды городскихъ и сельскихъ рабочихъ. Здѣсь комитеты, въ большинствѣ, обнаружили односторонность своего классового состава и оказались безсильными, крѣпостническими, иногда даже варварски свирѣпыми. Архилиберальный суджанскій комитетъ высказался, напримѣръ, за усиленіе репрессіи въ дѣлахъ о лѣсныхъ порубкахъ. Харьковскій комитетъ постановилъ, чтобы показанія лѣсныхъ и полевыхъ сторожей считались предустановленными доказательствами, которыя не могутъ опровергаться никакими другими, и т. д., и т. д. Было бы, однако, смѣшною сантиментальностью обращаться къ мѣстнымъ людямъ съ декламаціями на тему о «чести и совѣсти». Самая красивая дѣвушка не можетъ дать болѣе того, что она имѣетъ. Самый ярый либералъ не пойдетъ дальше того, куда, вообще, способенъ довести либерализмъ. Соціально-экономическія проблемы, во всей ихъ громадной сложности, мѣстнымъ людямъ не удалось даже поставить какъ слѣдуетъ. Эту обязанность исторія возлагаетъ на другіе, болѣе заинтересованные общественные классы. Но, въ предѣлахъ своей компетенціи, мѣстная обывательская мысль дала въ трудахъ уѣздныхъ комитетовъ много цѣннаго, много настоятельно-необходимаго. Исторія учтетъ и запишетъ на свои страницы эти полезные труды. *Ник. Іорданскій.*

Ю. И. Гессенъ. Изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ. Велижская драма. Спб. 1905 г. Цѣна 1 руб. Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія городъ Велижъ, Витебской губерніи, сдѣлался ареной, на которой разыгралась одна изъ многихъ человѣконенавистническихъ драмъ съ непремѣнными жертвами таковыхъ, евреями. Изумительно-наглая интрига драмы, изумительно-наглая «литература», явившаяся къ услугамъ «сочинителей», изумительно-наглые пріемы героевъ-заправилъ и режиссеровъ постановки трагедіи,—все это въ достаточной степени способствовало тому, чтобы ритуальный процессъ тянулся двѣнадцать лѣтъ и съ каждымъ годомъ вызывалъ къ себѣ неослабное вниманіе. И если въ концѣ концовъ драма не имѣла успѣха, то ужъ никакъ не по винѣ авторовъ. Обвиненіе евреевъ въ ритуальномъ употребленіи христіанской крови въ заключительномъ актѣ драмы не выдержало трезвой критики государственнаго совѣта. Но до этого момента прошло цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ! До этого спокойнаго разсмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ дѣла для многочисленныхъ обвиняемыхъ протекли восемь лѣтъ одиночнаго тюремнаго заключенія, допросы «съ пристрастіемъ», очныя ставки съ «очевидцами». До этого финальнаго провала всей интриги угасло въ тюрьмѣ нѣсколько молодыхъ жизней... И охвативъ однимъ взглядомъ весь этотъ процессъ, изложенный въ книжкѣ г. Гессена, за «сочинителями» можно признать успѣхъ. Они все же произвели желаемый эффектъ, они вызвали нужное имъ впечатлѣніе и даже потрясли жизнь всего еврейскаго населенія въ Россіи. При помощи какихъ же средствъ они добились такого эффекта? Неужели только пристрастіемъ при слѣдствіи? Или злоба и,

можетъ быть, искреннее суевѣріе немногихъ слѣдователей имѣетъ такую силу и убѣдительность? Или наглая, не смущаемая противорѣчіями ложь двухъ пьяныхъ свидѣтельницъ, вдобавокъ приводимыхъ въ состояніе религіознаго экстаза увѣщаніемъ священника говорить «правду», нужную «сочинителямъ»,— можетъ оказать такое вліяніе на жизнь цѣлаго народа? Наконецъ, можетъ быть, услужливая клеветническая литература сыграла свою роль и доставила «пункты и цитаты» для достаточнаго обоснованія совершаемаго насилія надъ жертвами?

Ни каждое изъ перечисленныхъ условій въ отдѣльности, ни всѣ вмѣстѣ не служатъ удовлетворительнымъ объясненіемъ велижской драмы. Что касается роли клеветнической литературы въ этомъ процессѣ, то, хотя она являтся и наиболѣе виднымъ и бросающимся въ глаза козыремъ въ рукахъ авторовъ кровавой трагедіи, но, какъ справедливо замѣчаетъ г. Гессенъ, «въ исторіи навѣта книга играла далеко не столь видную роль, какъ общія условія общественной и государственной жизни страны, въ которой возникли обвиненія». Эти такъ называемыя «общія условія» чрезвычайно ярко обнаружились уже въ первомъ актѣ велижской драмы. Мы не будемъ излагать тѣхъ грубыхъ правонарушеній, съ которыми велось первое кратковременное слѣдствіе по дѣлу о найденномъ 2-го мая 1823 г. трупѣ мальчика Ѳедора Иванова. Достаточно привести конецъ резолюціи, вынесенной послѣ разсмотрѣнія дѣлопроизводства «съ военной и духовной стороны»: «И, наконецъ, какъ въ умерщвленіи солдатскаго мальчика по дѣлу спрашиванныя лица полагаютъ сомнѣніе на евреевъ, и какъ *христіанамъ къ убійству его никакихъ поводовъ не было*, тѣмъ паче, что сей мальчикъ денегъ не имѣлъ, *то и полагать надобно, что сдѣлано таковое изъ недоброжелательства къ христіанамъ евреями*, и таковое умерщвленіе мальчика необыкновеннымъ образомъ отнести слѣдуетъ на евреевъ; токмо кто именно причиною—не дойдено; а потому смерть его... предать волѣ Божіей, *умерщвленіе же оставить въ сомнѣніи на евреевъ*»...

«Взять подъ сомнѣніе»,—такова была реабилитація еврейскаго населенія. И въ методѣ брать «подъ сомнѣніе» даже невиннаго вы чувствуете законнѣйшее слѣдствіе «общихъ условій». Это самый яркій цвѣтокъ, взрощенный нашей государственной жизнью, и даже теперь, когда онъ давнымъ-давно отцвѣлъ, вы чувствуете его сильный отечественный ароматъ, въ которомъ задыхалась вся Россія. Да, все, что само не могло «сомнѣваться», было взято «подъ сомнѣніе»...

На этомъ тускломъ, мертвящемъ фонѣ остервинившаяся фантазія слѣдователей вышила яркіе кровавые узоры. Тутъ были и талмудическія изысканія, и историческія справки о прошлыхъ ритуальныхъ «преступленіяхъ», и тонкіе психологическіе рисунки, и чтеніе въ душѣ обвиняемыхъ, и чтеніе въ лицѣ... Цѣлая сѣть лжи и низкой злобы спряталась и все тѣснѣе сдавливала подсудимыхъ. Взятыхъ «подъ сомнѣніе» оказывалось все больше и больше. И когда, наконецъ (а это случилось въ началѣ процесса), слѣдственная власть усумнилась, вообще, во всѣхъ евреяхъ, какъ таковыхъ, не только въ велижскихъ, послѣдніе были потрясены Высочайшимъ повелѣніемъ: «... такъ какъ оное происшествіе доказываетъ, что жиды оказываемою имъ терпимостью ихъ вѣры употребляютъ во зло, то *въ страхъ* и примѣръ *другимъ* жидовскія школы въ Велижѣ запечатать впредь до повелѣнія, не дозволяя служить ни въ самыхъ сихъ школахъ, ни при нихъ». Молельни были закрыты даже и въ частныхъ домахъ, скрижали были взяты изъ синагоги и «отданы въ присмотръ полиціи». Только черезъ 9 лѣтъ, когда въ общемъ собраніи государственнаго совѣта все слѣдствіе было охарактеризовано словами: «*противъ евреевъ предубѣжденіе* рѣшительно ужъ признается достовѣрнымъ и *принимается за основу всего мнѣнія*»,—только тогда молельни были открыты.

На почвѣ ничѣмъ не стѣсняемаго «предубѣжденія» противъ всего, что отличается слабостью сопротивленія, и выросъ велижскій процессъ. Какъ безпрестанно раздражаемое «сомнѣніе» захватывало все больше и больше жертвъ, какъ оно создавалъ картину «ритуальнаго убійства», и какая дикая картина вышла, мы, конечно, не можемъ здѣсь передать хотя бы вкратцѣ. Здѣсь всякая деталь характерна: велика каждая мелочь, потому что матеріаломъ для картины служили живые люди, ихъ тѣло и душа. Мы отсылаемъ интересующихся къ книгѣ г. Ю. И. Гессена, которая въ живомъ и умѣломъ изложеніи поможетъ читателю разобраться въ одномъ изъ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ ритуальныхъ процессовъ.

ИСТОРІЯ РУССКАЯ И ВСЕОБЩАЯ.

В. Богучарскій. „Изъ прошлаго русскаго общества".—*Э. Пименова.* „Политическіе вожди современной Англіи и Ирландіи".—*В. Назаревскій.* „Русская исторія 862—1676 г.".

В. Богучарскій. Изъ прошлаго русскаго общества. Съ портрет. Изд. книгоиздат. М. В. Пирожкова. 1904 г. Ц. 2 р. Въ высокой степени интересная книга г. Богучарскаго захватываетъ самые драматическіе эпизоды въ жизни русскаго общества, живо и ярко изображая рядъ важнѣйшихъ моментовъ въ развитіи нашего общественнаго самосознанія на протяженіи почти всего XIX вѣка. «Семейство Бестужевыхъ» открываетъ цѣлую галлерею дѣятелей, для которыхъ смыслъ и цѣль жизни заключался въ борьбѣ за лучшее настоящее и будущее во имя высшихъ идеаловъ. Появившись впервые на страницахъ нашего журнала (въ сентябьской книгѣ за 1902 г.), эта статья въ отдѣльномъ изданіи совершенно переработана, что придаетъ ей вполнѣ новый и законченный видъ, какого она не могла имѣть въ жуурналѣ, по причинамъ отъ автора независимымъ. Въ біографію семейства Бестужевыхъ вошла въ сущности почти вся исторія дѣла декабристовъ, тщательно обоснованная на почвѣ многочисленныхъ новыхъ данныхъ, остававшихся недоступными широкой публикѣ до самаго послѣдняго времени. Фигуры главнѣйшихъ дѣятелей, кромѣ самихъ Бестужевыхъ, настроеніе ихъ въ моментъ дѣйствія, самое 14-ое декабря—все это въ талантливой обработкѣ автора полно захватывающаго драматизма и вмѣстѣ съ тѣмъ обрисовано съ той исторической правдой, какая дается только глубокимъ и всестороннимъ изученіемъ эпохи. Въ связи съ этой статьей находятся и двѣ слѣдующія—«Декабристъ-ллитераторъ А. О. Корниловичъ» и «Мемуары декабриста» («Записки кн. Сергѣя Григорьевича Волконскаго»). Взятыя вмѣстѣ, эти три статьи составляютъ блестящій очеркъ исторіи декабристовъ, какого до сихъ поръ не было въ популярной литературѣ.

Остальные очерки посвящены исторіи русской литературы: «А. И. Герценъ», «Столкновеніе двухъ теченій общественной мысли», «Гоголь какъ учитель жизни» и «Очерки изъ исторіи русской журналистики XIX в.». Такъ какъ большая часть ихъ въ свое время была помѣщена на страницахъ нашего журнала, то останавливаться на нихъ подробно не станемъ, отмѣтивъ только, что всѣ очень интересныя детали, не могшія появиться въ журналѣ по независящимъ отъ автора причинамъ, теперь вставлены и многое дополнено. Особой переработкѣ подверглась первая часть «Очерковъ изъ исторіи журналистики», гдѣ вставлена цѣлая глава, напр., о Чаадаевѣ, а вторая часть «Очерковъ»—«Историческій періодъ съ 1860 по 1904 г.» появляется впервые.

Какъ общую и главную черту работъ г. Богучарскаго, укажемъ на присущую этому автору способность—въ сжатой, очерченной нѣсколькими рѣзкими

*

штрихами картинѣ дать ясную и яркую характеристику общественнаго явленія, дѣятельности того или иного лица или цѣлой эпохи. Вполнѣ владѣя матеріаломъ, авторъ не расплывается въ мелочахъ, выбирая лишь существенное для взятой имъ темы, вслѣдствіе чего каждая его характеристика врѣзывается въ память читателя, выступая съ рѣдкою опредѣленностью на общемъ фонѣ эпохи, написанномъ широкими и умѣлыми штрихами. Точка зрѣнія автора всегда ясная, всегда общественно-политическая, что живо связываетъ читателя съ отдаленной эпохой, заставляя его переживать чаянія и надежды лучшихъ людей прежняго времени, болѣвшихъ такими же огорченіями и жившихъ тѣми же ожиданіями, которыми мы живемъ и теперь. Неподдѣльный жаръ и проникающая каждую страничку искренность автора захватываютъ и читателя, сближая его съ описываемыми героями русской общественной борьбы и ставя его самого какъ бы участникомъ въ кругѣ тѣхъ событій, которыя развертываются подъ перомъ автора, дышащимъ страстью и горячимъ увлеченіемъ.

А. Б.

Э. Пименова. Политическіе вожди современной Англіи и Ирландіи. Спб. 1904 г. 288 стр. Цѣна 2 рубля. Съ 10 портретами. Книга г-жи Пименовой дастъ рядъ живо и популярно написанныхъ небольшихъ очерковъ о Биконсфильдѣ, Чэмберленѣ, Сесилѣ Родсѣ, Гладстонѣ, Джонѣ Морлеѣ, Розбери, Парнелѣ, Джонѣ Редмондѣ, Лабушерѣ и Бернсѣ.

Особенно удаченъ вышелъ у г-жи Пименовой очеркъ, посвященный Сесилю Родсу. Вотъ какъ она характеризуетъ «капскаго Наполеона»: «Но былъ ли Сесиль Родсъ въ самомъ дѣлѣ великимъ англичаниномъ, какимъ его называютъ англійскія газеты? Что онъ былъ крупнымъ человѣкомъ, пожалуй даже самымъ крупнымъ изъ всѣхъ современныхъ дѣятелей Англіи—въ этомъ не можетъ быть сомнѣній. Никогда еще ни одинъ человѣкъ не навлекалъ на себя столько проклятій и не возбуждалъ къ себѣ такую ненависть у всѣхъ народовъ, какъ Сесиль Родсъ, но въ то же время никто, какъ прежде, такъ и теперь, послѣ его смерти, не могъ упрекнуть его въ томъ, что онъ преслѣдовалъ узкія, своекорыстныя цѣли. Даже его враги признаютъ, что онъ не былъ искателемъ денегъ и что на богатство онъ смотрѣлъ лишь какъ на средство, а не какъ на цѣль». Предъ читателемъ проходитъ въ бѣглыхъ, но отчетливыхъ штрихахъ исторія бурской войны, этого «историческаго преступленія», успѣвшаго, впрочемъ, къ несчастью, и уже поблѣднѣть предъ другими преступленіями....

Интересна также статья о Бернсѣ и рабочемъ движеніи, представителемъ котораго Бернсъ явился. Читатель можетъ только пожалѣть, что автору не пожелалось расширить этотъ очеркъ, краткость котораго не позволила изложить программу Бернса съ подобающей обстоятельностью. Очеркъ о Чэмберленѣ отчетливо характеризуетъ эволюцію самаго выдающагося «политическаго хамелеона» нашего времени. Впрочемъ, ирландскому вопросу авторъ придалъ въ данномъ случаѣ слишкомъ преувеличенное значеніе. Классовые интересы огромной части крупной промышленной буржуазіи, какъ они стали сознаваться въ 80—90 гг.—вотъ что сдѣлалось для Чэмберлена руководящимъ двигателемъ во всѣхъ измѣненіяхъ его многообразной карьеры. Ирландскій вопросъ сыгралъ здѣсь подчиненную роль. Послѣдній фазисъ этой эволюціи характеризуется у г-жи Пименовой такъ: «Новая программа Чэмберленаноситъ рѣзко протекціонистскій характеръ. Она говоритъ, что огромная британская имперія, въ предѣлахъ которой никогда не заходитъ солнціе, которая обнимаетъ всѣ поясы и климаты, можетъ вполнѣ удовлетворить своимъ потребностямъ и не нуждается въ произведеніяхъ другихъ странъ и народовъ. Она все можетъ добыть и все произвести у себя дома. Достигнуть этого можно, по мнѣнію Чэмберлена, только путемъ протекціонизма, и онъ мечтаетъ объ имперіи, совер-

шенно несависимой въ экономическомъ отношеніи отъ остального міра. Эта мѣра является уже крайнимъ выраженіемъ имперіализма, до котораго еще не дошли другіе приверженцы этой идеи». Обращаетъ на себя вниманіе также очеркъ о Гладстонѣ; очевидно, автору уже удалось воспользоваться также новѣйшимъ монументальнымъ трудомъ Морлея о Гладстонѣ. (Замѣтимъ, кстати, что напрасно авторъ не далъ при каждомъ очеркѣ библіографіи: въ популярныхъ книгахъ такія указанія всегда драгоцѣнны для читателя).

Въ общемъ, книга читается легко и производитъ благопріятное впечатлѣніе. Приложенные портреты исполнены хорошо. *Т.*

В. В. Назаревскій. Русская исторія 862—1676. Общедоступныя чтенія. Изданіе второе. Москва. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. Произведеніе г-на Назаревскаго изображаетъ собою собраніе чтеній, предложенныхъ авторомъ «фабрично-заводскимъ рабочимъ Москвы», какъ пояснено въ предисловіи. Помните, читатель, этотъ юный, чистый, просвѣтительный энтузіазмъ, воспламенившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ сердцахъ «Московскихъ Вѣдомостей» и близкихъ имъ круговъ,—энтузіазмъ къ дѣлу просвѣщенія рабочихъ свѣтомъ истинныхъ познаній? Помните рабочія собранія, хоровое пѣніе «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ», статьи «рабочаго», которыя начинались обращеніемъ: «а сознайтесь, братцы», или: «но признайся, дружище», и кончались демонстративной подписью «*рабочій*»? То-есть, значитъ, настоящій, «всамдѣлешній» рабочій, а не то чтобы посторонняго вѣдомства! Помните безсмертное интервьюированіе «рабочихъ» санктъ-петербургскими столоначальниками въ «Русскомъ собраніи»—касательно соціальнаго вопроса? Хорошее это было время, время горячей «надежды славы и добра!» Такъ вотъ и г. Назаревскій—дѣятель того же поколѣнія, сходившаго въ московскій народъ и своевременно оттуда возвратившагося. А посему безъ малѣйшаго недоумѣнія встрѣчали мы въ его книгѣ мѣста, гдѣ онъ уклоняется отъ истины: хоть и много такихъ мѣстъ, хоть и жестоко въ нихъ напутано, но при непрерывномъ на 450 страницахъ энтузіазмѣ—нѣтъ человѣка, который чего-либо не напуталъ бы,—отъ наичистѣйшаго сердца, разумѣется!

«Русскимъ людямъ не свойственно величаться собою». Такъ начинается книга нашего автора. Окончивъ книгу, мы уже не сомнѣваемся въ томъ, что писалъ ее, значитъ, иностранецъ, прикрывшійся русскимъ псевдонимомъ, ибо авторъ «величается» безъ перерыва отъ начала до конца. Но тѣмъ, значитъ, безкорыстнѣе и чище его энтузіазмъ, если онъ—иностранецъ! Тѣмъ пріятнѣе всякому патріоту читать его! «Если Россія въ денежномъ отношеніи уступаетъ нѣкоторымъ государствамъ запада, то все же (это «*все же*» рекомендуемъ вниманію нѣкоторыхъ нашихъ земствъ, проникнутыхъ тлетворнымъ пессимизмомъ!), все же ея земледѣліе, промышленность и торговля растутъ изъ года въ годъ, *что доказывается* сильнымъ ростомъ ея государственныхъ доходовъ, которые уже достигли 2 милліардовъ въ годъ и за покрытіемъ государственныхъ нуждъ даютъ значительные остатки. Безъ сомнѣнія, при трудолюбіи народа (слушайте! слушайте!) и покровительствѣ государственной власти наше земледѣліе, промышленность и торговля будутъ развиваться и далѣе. Особенно этому содѣйствуетъ быстрое развитіе у насъ желѣзнодорожныхъ сообщеній. Вспомнимъ единственный въ мірѣ строившійся подъ непосредственнымъ управленіемъ Самого Государя Императора великій желѣзнодорожный путь черезъ Сибирь къ Великому океану».

Г. Назаревскій открываетъ свое бытописаніе прочувствованными картинами и аналогіями и съ особымъ упоеніемъ указуетъ на неизмѣримыя преимущества нашего строя какъ предъ Западной Европой въ нынѣшнемъ ея безотрадномъ положеніи, такъ и предъ древне-римскою имперіей (хотя при чемъ тутъ древній Римъ, мы не совсѣмъ поняли. Но это не существенно.

Важно, что и древнему Риму мы сто очковъ впередъ дадимъ). Съ полнымъ одобреніемъ относится г. Назаревскій, въ частности, къ призванію варяговъ. «Подумайте,—восклицаетъ онъ къ фабрично-заводскимъ рабочимъ города Москвы:—что сталось бы съ восточными славянами, если бы у нихъ во второй половинѣ IX вѣка не пробудился здравый государственный смыслъ и они не пришли бы къ рѣшенію найти себѣ князя-государя. который бы владѣлъ ими и судилъ ихъ по праву, т.-е. если бы они не учредили у себя государства?. При ихъ племенномъ вѣчевомъ укладѣ *продолжалась бы та же неправда* и тѣ же усобицы, которыя дѣлали ихъ слабыми и ихъ великую и обширную землю жертвой завоеваній сосѣдей». Вотъ, то-тоже! Вотъ она, неправда-то, когда еще у насъ окончилась! Съ пріѣздомъ Рюрика!

Въ простотѣ сердечной г. Назаревскій признаетъ доказанной и несомнѣнной исторической истиной, что Владиміръ Святой и былинный Владиміръ Красное Солнышко—одно и то же лицо (стр. 78: «Необычайно щедрый и гостепріимный «ласковый князь», какъ называютъ его наши народныя былины» и т. д.). Но кому отъ этого убытокъ? Важно то, что заслуги Владиміра не остаются неоцѣненными у нашего автора. Подъ явнымъ впечатлѣніемъ политики Комба г. Назаревскій проникновенно хвалитъ Владиміра Святаго за удачный выборъ: «Внеся къ намъ папское преобладаніе, оно (католичество) внесло бы въ нашу жизнь борьбу государства съ церковью, *столь потрясающую до сегодняшняго дня* западъ». Зато предосудительное поведеніе Святополка Окаяннаго изображено съ безпощаднымъ негодованіемъ, такъ что читатель г. Назаревскаго съ невольнымъ содраганіемъ начинаетъ относиться къ самымъ звукамъ этого имени. Не любитъ г. Назаревскій Святополка—да и только.

Потрясающіе звуки извлекъ изъ своей правдивой лиры нашъ авторъ для описанія куликовской битвы. Кое-что мы бы порекомендовали въ качествѣ новооткрытыхъ фактовъ вниманію гг. Ключевскаго, Милюкова, Кизеветтера и другихъ спеціалистовъ (ручаемся, что они этого доселѣ не знали): «заходящее солнце послѣдними лучами озарило рѣющія знамена, сверкнуло по стальнымъ шлемамъ и бронямъ, и таинственная ночь стала покрывать мѣсто грядущаго суда Божія». Вообще, далеко гг. Немировичу-Данченко, П. Краснову и Н. Гарину до г. Назаревскаго по части прочувствованныхъ реляцій. Удачно вскрыта также цѣль куликовской битвы: принципіальная борьба противъ желтой опасности. «Особыя сказанія того времени немного поднимаютъ покровъ этой ночи и даютъ намъ почувствовать, что ощущала душа святой сомкнувшейся на національный подвигъ Руси на борьбу съ Азіей». Если и не вполнѣ грамотно изложено, то, во всякомъ случаѣ, кстати замѣчено.

Устройство Новгорода г. Назаревскій, конечно, порицаетъ за народовластіе, за то, что какъ разъ наиболѣе симпатичныхъ г. Назаревскому князей новгородцы выгоняли особенно поспѣшно вонъ изъ своего города, а также за то, что на вѣчахъ «горланили» (какъ онъ выражается), и, вообще, за неодобрительное направленіе. И вотъ что еще «примѣчательно» (г. Назаревскій пишетъ такъ вмѣсто «замѣчательно»): московскіе князья, оказывается, никогда ничего дурного не сказали, не сдѣлали и не подумали (ибо авторъ въ качествѣ истаго сердцевѣда знаетъ также то, что историческіе дѣятели думаютъ!) Просто какой-то рядъ праведныхъ поколѣній. Сидятъ себѣ въ Москвѣ, не «горланятъ», а пріобрѣтаютъ чужія земли и если гдѣ кто горланитъ, то производятъ безмолвіе; строжайше блюдутъ, чтобы гдѣ что плохо не лежало; и святости при этомъ—хоть отбавляй. Бѣда только у г. Назаревскаго съ его страстишкой къ метафорамъ и образамъ, что въ соединеніи съ славянскими (всегда некстати употребляемыми) реченіями можетъ «фабрично-заводскихъ рабочихъ г. Москвы», не знающихъ славянскаго языка, поставить втупикъ. Напр., самодержавіе онъ

называетъ такъ: «свѣщá» (стр. 230), изъясняясь при семъ описательно и невразумительно

Многообразное уклоненіе отъ истины въ книгѣ г. Назаревскаго мы объясняемъ, какъ уже сказано, энтузіазмомъ и восторженнымъ состояніемъ этого своеобразнаго рабочаго агитатора. Но къ чему, напр., онъ называетъ (стр. 277) протопопа Сильвестра «авторомъ замѣчательнаго сочиненія: «Домострой»? Развѣ Сильвестръ написалъ *весь* «Домострой?» Книжку почитать нужно, г. Назаревскій, безъ книжки трудно агитировать; однимъ энтузіазмомъ и бряцаніемъ на лирѣ не проживешь.

Глубокомысленъ г. Назаревскій также и тамъ, гдѣ ему приходится классифицировать политическія партіи. Напр., ничего болѣе самобытнаго, нежели размышленія нашего автора о паденіи Пскова, мы не читали уже давно,—съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ вышелъ учебникъ господина Помяловскаго. «Назначенный при Василіи III во Псковъ намѣстникомъ князь Рѣпня-Оболенскій судилъ и распоряжался тамъ *въ духѣ своего времени*, безъ воли вѣча. *Непонимавшіе тогдашнихъ условій исторической жизни* псковичи, будучи крайне имъ недовольны, думали своими жалобами ссадить съ намѣстничества князя Оболенскаго». Пишущій «въ духѣ своего времени» и понимающій условія исторической жизни г. Назаревскій дѣлитъ, далѣе, псковичей на двѣ партіи: 1) «смѣльчаковъ» и 2) «благоразумныхъ». Не мѣшало бы спеціалистамъ отрѣшиться отъ рутины и принять къ свѣдѣнію эту своеобразную, но глубоко продуманную классификацію.

Вообще, княженіе Василія III вдохновило нашего автора не на одну глубокую мысль, не на одинъ за сердце хватающій порывъ. Такъ, на страницѣ 264 зримъ нижеслѣдующее о бракѣ Василія III съ Еленой Глинской: «желая нравиться ей (своей женѣ), великій князь, которому было подъ пятьдесятъ лѣтъ, сбрилъ свою бороду вопреки господствовавшему у насъ обычаю. *Но*, къ огорченію Василія, первые годы его второго супружества оставались бездѣтны» и пр. Это печальное «но» (не взирая на бритье бороды!) въ самомъ дѣлѣ характеризуетъ здѣсь случай и любопытный, и прискорбный, и для науки не безразличный.

Свободно обходясь съ русской исторіей, нашъ авторъ, дабы предохранить себя отъ упрековъ въ пристрастіи, также свободно относится и къ западной Европѣ всюду, гдѣ почтетъ за благо о ней упомянуть. Такъ, на стр. 292 онъ причисляетъ Филиппа II къ числу государей, «совершавшихъ свои казни при свѣтѣ возрожденія наукъ и при *наличіи парламентскихъ учрежденій*». Да утѣшится г. Назаревскій: Филиппъ II былъ наисамодержавнѣйшимъ изъ самодержавныхъ государей своего времени и къ «парламентскимъ учрежденіямъ» относился точь въ точь такъ, какъ, хотя бы, самъ г. Назаревскій. И опять нехорошо, что нашъ авторъ до такой непозволительной степени не знаетъ исторіи и смѣшиваетъ эпоху возрожденія съ эпохой католической реакціи (да еще въ *главной странѣ* этой реакціи, въ Испаніи!). А засимъ восклицаемъ: «слово и дѣло!» и пишемъ доносъ на г. Назаревскаго, рекомендуя «Московскимъ Вѣдомостямъ» обратить вниманіе кого слѣдуетъ на него (т.-е. на доносъ или на г. Назаревскаго): позвольте узнать, г. Назаревскій, что значатъ въ вышеприведенной фразѣ слова «и при наличіи парламентскихъ учрежденій»? Значитъ, по вашему, это «наличіе» все-таки дѣлаетъ болѣе труднымъ совершеніе всякихъ жестокостей и, поэтому, усугубляетъ вину государей, ухитрявшихся, несмотря на «наличіе», дѣйствовать такъ, какъ если бы вмѣсто «наличія» было «отсутствіе»? Значитъ, само по себѣ «наличіе»,—если съ нимъ сообразоваться, а не дѣлать вопреки ему,—все же хорошо? Г-нъ Грингмутъ! Вы, восторженно похвалившій книгу г. Назаревскаго! Къ вамъ взываю! Какъ могли вы не замѣтить сокрытаго въ книгѣ крокодила?

Описывая съ безчисленными подробностями придворный обиходъ московскихъ князей, упоминая даже о моченыхъ грушахъ и соленыхъ огурцахъ, которые кушалъ Василій, указывая не безъ гордости на триста зайцевъ, затравленныхъ во время охоты, и на то, что «сперва спустилъ свою собаку Шигъ-Алей, а затѣмъ и другіе охотники»,—опасаясь, слѣдовательно, какъ бы фабрично-заводскіе рабочіе города Москвы, чего добраго, не остались при убѣжденіи, будто Шигъ-Алей спустилъ свою собаку вторымъ, а не первымъ,—г-нъ Назаревскій въ другихъ случаяхъ почему-то далеко не столь словоохотливъ. Напримѣръ, вотъ какъ онъ разсказываетъ своимъ слушателямъ о безобразіяхъ Ивана Васильевича: «Вы, конечно, много слышали о странномъ образѣ жизни въ опричинѣ, дѣлившей свое время между богослуженіемъ, на которомъ опричники присутствовали въ полумонашескихъ одеждахъ, и между разгульными пирами и кровавыми казнями. Опалы возводились большею частью на бояръ, но онѣ постигали и лицъ духовнаго званія и, даже, цѣлые города, какъ, напримѣръ, Новгородъ, обвиненный въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ Польшей. *Въ виду общеизвѣстности этихъ фактовъ, я не стану говорить о нихъ подробно*, но не могу оставить васъ безъ объясненія ихъ». Дальше слѣдуетъ на полстраничкѣ «объясненіе», такъ изложенное, что ничего изъ него понять нельзя.

Зато на слѣдующей страничкѣ фабрично-заводскіе рабочіе города Москвы приглашаются «разгладить морщины на челѣ» въ виду нижеслѣдующаго: «Но смѣнимъ эту мрачную картину» (собственно, и смѣнять-то нечего, ибо г. Назаревскій «*въ виду общеизвѣстности*» никакой мрачной картины и не думалъ рисовать), «смѣнимъ эту мрачную картину свѣтлой и знаменательной», а именно тѣмъ, какъ «запечалились и затосковали всѣ, когда увидѣли, что царь, дѣйствительно, покинулъ свою столицу; *никто не порадовался, что казни прекратились*»,—и всѣ стали просить царя вернуться. Какъ вамъ, читатель, это понравится? Даже казнимые, и тѣ «не порадовались», что ихъ перестали казнить! «Никто»! Да, воистину, бумага *все* терпитъ! Даже «красноглаголивое» описаніе избранія на царство Михаила Ѳедоровича—и то отступаетъ на задній планъ предъ этимъ «никто не порадовался»! Не перестала еще земля наша рождать «быстрыхъ разумомъ Невтоновъ», и рисующихъ, и разглагольствующихъ... Впрочемъ, мы увлеклись: вѣдь это пишетъ иностранецъ.

Въ заключеніе историко-философское, истинно-научное разъясненіе соціальнаго значенія бунта Стеньки Разина: «По мѣрѣ мятежническихъ успѣховъ Разинъ все больше и больше проявлялъ свой злобный разбойническій характеръ безчисленными грабежами и убійствами. Но, *чтобы обманомъ укрыть отъ черни свою гнусную сущность*, онъ сулилъ ей какое-то освобожденіе отъ общественной тяготы и пр.».

Книга въ своемъ изложеніи пока на этой «гнусной сущности» и кончается. Подождемъ слѣдующаго за симъ. А пока закончимъ одной откровенной фразой, нѣкогда вычитанной нами въ «Русской Старинѣ». Къ величайшему прискорбію, въ точности ее не помнимъ и цитируемъ на память. Сказалъ ее не то Дубельтъ, не то Бенкендорфъ, не то какой-то третій аналогичный историческій мыслитель,—и сказалъ кому-то, намѣревавшемуся писать русскую исторію: «mon cher, прошлое Россіи безподобно, настоящее несравненно, а будущее выше всего, что только можно себѣ представить. Вотъ единственная точка зрѣнія, съ которой я позволяю разсматривать исторію Россіи».

Если читатель пожелалъ бы узнать, какъ блистательно и послѣдовательно эта точка зрѣнія проводится въ наши дни, рекомендуемъ ему прочесть книгу г. Назаревскаго, отнюдь не довольствуясь этою краткой замѣткой. *X.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СОЦІОЛОГІЯ.

И. Озеровъ. „Экономичесаяя Россія и ея финансовая политика на исходѣ XIX“.— *Hans Hellmar.* „Der Krieg und das Geld“.

Проф. И. Х. Озеровъ. Экономическая Россія и ея финансовая политика на исходѣ XIX в. и въ началѣ XX вѣка. Москва. 1905 г. 1 р. 75 к. Авторъ работы, носящей такое заманчивое названіе, весьма обязательно во введеніи знакомитъ читателя со своими взглядами, касающимися экономической политики нашего отечества: «онъ—сторонникъ перевода (!) Россіи изъ стадіи натуральнаго хозяйства въ денежное, сторонникъ введенія у насъ золотой валюты (причемъ не можетъ не выразить своего удивленія, какъ прекрасно была проведена эта реформа), сторонникъ протекціонизма, но умѣреннаго, выкупа жел. дорогъ въ казну и многихъ другихъ мѣропріятій». Никому не возбраняется выражать свои восторги, заявлять свое согласіе «съ настоящимъ», но къ чему предупреждать читателя, чтобы онъ такъ, сказать, не пугался невеселой картины, нарисованной въ книгѣ автора? Къ чему эти странныя извиненія и апелляціи къ «цифрамъ и фактамъ»? Вѣроятно, почтенный профессоръ имѣетъ въ виду не только простыхъ смертныхъ—читающую публику, а кое-кого и посолиднѣе... Такъ и есть: г. Озеровъ «считаетъ своимъ долгомъ вскрывать и темныя стороны промышленнаго развитія Россіи, чтобы побудить во-время уврачевать эти раны» (VIII). Будемъ надѣяться, что ему это удастся сдѣлать, такъ какъ иначе проф. не сталъ бы всенародно выступать въ роли «свѣдущаго человѣка», да еще по такимъ вопросамъ, которые находили себѣ всесторонее и весьма солидное обсужденіе и въ спеціальной научной литературѣ, и на страницахъ общей періодической печати!

Будучи мягкимъ «къ экономической политикѣ настоящаго» во введеніи, пр. Озеровъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, надо признаться, весьма умѣло представилъ не то, что «нѣкоторые существенные недостатки ея», а коренные дефекты; въ виду этого его книжку можно смѣло порекомендовать всякому, кто желаетъ получить реальное представленіе о характерныхъ чертахъ нашего экономическаго и финансоваго строя. Конечно, читатель не найдетъ въ новомъ произведеніи Озерова какихъ-либо оригинальныхъ точекъ зрѣнія, своеобразнаго освѣщенія фактовъ или свѣжихъ данныхъ: это—трудъ, по существу, компилятивный, но составленный съ должнымъ пониманіемъ дѣла.

Если г. Менделѣева, недавно выпустившаго брошюру, призывающую «сильныхъ міра сего» къ самымъ широкимъ экспериментамъ промышленнаго характера, не волнуетъ вопросъ о внутреннемъ рынкѣ—базисѣ «отечественной» индустріи, то, конечно, эта сторона дѣла находитъ всесторонее и, въ общемъ, правильное обсужденіе въ книгѣ экономиста. Вотъ тѣ азбучныя истины, которыя давно твердились лучшими представителями русской мысли: «крупная промышленность созидалась на пескѣ—и мы скоро вступили въ промышленный кризисъ, и въ настоящее время вынуждаемся производить большія затраты, чтобы поддерживать промышленность: казенные заказы, политика государственнаго банка (ссуды промышленнымъ предпріятіямъ), постройка желѣзныхъ дорогъ», опять-таки на занятые капиталы. «Мы на сельско-хозяйственной Россіи создали промышленную Россію, живущую на занятые капиталы, поддерживаемую въ настоящее время значительно искусственными мѣрами, и эта Россія пьетъ и ѣстъ, одѣвается и наряжается. Выращиваніе этой промышленной Россіи еще болѣе высосало сельско-хозяйственную Россію» (стр. 3). Односторонность русской экономической политики становится вопіющей, если поближе всмотрѣться въ положеніе нашего земледѣлія. По среднему сбору съ десятины важнѣйшихъ хлѣбовъ мы, профессіональные земледѣльцы,

мнящіе видѣть въ нашей родинѣ «житницу Европы», стоимъ въ самомъ хвостѣ цивилизованныхъ и полукультурныхъ странъ (ниже Румыніи, Болгаріи, Сербіи): 30,5 п. съ десятины. Хлѣба и картофеля на душу населенія у насъ приходится 22,4 п. (Соединенные Штаты—66,9, Канада—47), но,—послѣ вывоза пищевыхъ продуктовъ, вывоза, необходимаго для поддержанія нашего торговаго баланса, остается 18,8 п. на душу. «Особенно... характерно то, что и посѣвъ хлѣбовъ, и сборъ ихъ сравнительно съ періодомъ 1861—65 г.г. упалъ, въ то время какъ посѣвъ и сборъ картофеля увеличился, слѣдовательно, мы какъ будто переходимъ къ режиму ирланцевъ» (стр. 7). Мы смѣло можемъ выбросить осторожное «какъ будто» пр. Озерова и констатировать быстрое приближеніе массы крестьянскаго населенія къ ирландскимъ условіямъ (вспомните хотя бы современныя арендныя цѣны). Конечно, рисуемая картина крестьянскаго обнищанія, неуклонно прогрессирующаго, относится къ массѣ населенія, а не къ выдѣляющимся въ общемъ процессѣ разрушенія крупнымъ и стойкимъ единицамъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ и смертность въ Россіи невѣроятно высока: 3,48% (Англія—1,89); только на островѣ Фиджи умираетъ больше.

Недоимочность крестьянскаго населенія слишкомъ знакома всякому, чтобы стоило на ней долго останавливаться; какъ ей не возникнуть при очерченныхъ условіяхъ земледѣльческаго производства и при той исключительной роли, какую играетъ въ нашемъ бюджетѣ косвенное обложеніе? Вино—вотъ тотъ предохранительный клапанъ, который даетъ выходъ угнетенному самочувствію массы и пополняетъ 1/4 нашего бюджета, и потому-то, совершенно вѣрно упоминаетъ Озеровъ, «противъ сколько-нибудь замѣтнаго уменьшенія потребленія вина были рѣшительно всѣ министры финансовъ», (стр. 19). «Итакъ, сельская Россія идетъ на убыль, и заставлять ее покрывать все болѣе и болѣе растущій бюджетъ чрезвычайно рискованно» (стр. 21), вполнѣ справедливо полагаетъ авторъ. Приводя данныя о движеніи землевладѣнія въ Россіи, пр. Озеровъ не отмѣтилъ съ достаточною ясностью характера крестьянскихъ земельныхъ пріобрѣтеній, въ которыхъ демократическія—общественныя покупки играютъ самую ничтожную роль, а потому его замѣчанія о ростѣ крестьянскаго малоземелья, правильныя по существу, лишены твердой почвы.

Ставъ на вѣрную точку зрѣнія въ оцѣнкѣ условій, необходимыхъ для роста нашей индустріи, авторъ книги могъ представить картину послѣдней, соотвѣтствующую дѣйствительности. Если въ мужикѣ «еле духъ держится», а въ карманѣ пятакъ на «свѣчку для Бога», то втиснуть въ деревню продукты отечественной промышленности нѣтъ надежды; внѣшнихъ рынковъ не имѣется, хотя «заблаговременное занимание сосѣднихъ пустынь», по рецепту пр. Менделѣева, началось... Чтобы спасти возведенную постройку, чтобы заставить дымиться фабричныя трубы, готовыя заглохнуть каждую минуту отъ внутренняго истощенія страны, правительство вынуждено спѣшить на помощь своими заказами и щедрой раздачей въ долгъ наличныхъ суммъ. И получается картина, которая «была бы смѣшной, если бы не была столь грустной»: сами заводчики говорятъ, что рельсы можно вырабатывать по 80 к. за пудъ, а казна платитъ 1 р. 25 к.; «Горнозаводскій Листокъ» помѣщаетъ цѣны на балки 85 к. п., а на рельсы *для казны*—1 р. 25 к. (вмѣсто 90 к., ибо передѣлка балокъ въ рельсы на пудѣ стоитъ около 5 к.). И особенно интересно, что въ привилегированной роли казенныхъ поставщиковъ выступаютъ лишь нѣкоторые крупные заводы, собирающіе такимъ образомъ богатую и обильную дань съ нашего отечества. Постройка бездоходныхъ дорогъ—естественное послѣдствіе такихъ заказовъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ быстрыми шагами идетъ сосредоточеніе въ рукахъ правительства денежныхъ рессурсовъ страны, своеобразная централизація производительныхъ силъ Рос-

сіи, сопровождающаяся образованіемъ разнообразныхъ синдикатовъ. Конечно, тутъ уже не приходится говорить о помощи кустарямъ, ремесленникамъ, о меліоративныхъ ссудахъ и т. д. Нельзя отказать пр. Озерову и въ правильномъ пониманіи средствъ, которыми можно укрѣпить у насъ золотую валюту: «фокусъ произвести легко—сжать привозъ (и, стало быть, уменьшить количество уходящихъ денегъ), но сдѣлать золото органическимъ элементомъ въ организмѣ народнаго хозяйства—трудное дѣло», которое можетъ разрѣшиться нашей полной «европеизаціей» (стр. 173). А для этого, заключаетъ авторъ, «нужно воспитать въ населеніи сильную волю,.. перестроить самую жизнь, открыть широкое поле для смѣлаго размаха человѣческой иниціативы и снять съ пути ея всѣ барьеры, не держать лицо принудительно въ тискахъ общины, содѣйствовать единенію людей во всѣхъ формахъ, а не разъединенію» (стр. 249). Конечно, лишь въ полной перестройкѣ общественно-правовыхъ условій нашей жизни можно ожидать спасенія.Но если такъ, зачѣмъ авторъ толкуетъ во введеніи о составленіи «коммиссіи для научнаго изслѣдованія промышленнаго развитія Россіи» (IX) общественнаго характера, съ разностороннимъ составомъ; вѣдь прежде всего надо быть увѣреннымъ, что работа такой коммиссіи получитъ практическое значеніе. Ужъ, кажется, наша жизнь богата была всякими «коммиссіями», да результатовъ что-то не видно; авторъ какъ будто этого не понимаетъ.

Книга пр. Озерова снабжена множествомъ недурно составленныхъ и облегчающихъ чтеніе діаграммъ; жаль только, что самый текстъ написанъ очень небрежно: не говоря о дурной стилистикѣ (публичныя лекціи слѣдовало бы обрабатывать въ этомъ отношеніи, встрѣчается масса повтореній (русскія яйца просто становятся противными—такъ часто авторъ объ нихъ трактуетъ), лирическихъ отступленій), неумѣстныхъ въ серьезной работѣ, весьма любезныхъ сообщеній автобіографическаго характера, которыя, пожалуй, умѣстны въ изустной лекціи, но вызываютъ улыбку при чтеніи. Потрудись пр. Озеровъ надъ своей все-таки полезной и рекомендуемой вниманію публики книжкой, послѣднюю можно было бы, пожалуй, съ пользой для дѣла, выпустить по нѣсколько болѣе дешевой цѣнѣ. Доц. *М. Бернацкій.*

Hans Hellmar, Kommandeur des Landwehr Bezir. Metz. «Der Krieg und das Geld. Strassburg. 1904). 112 стр. Ц. 1,5 м. (Гансъ Гельмаръ.„Война и деньги. Страсбургъ. 1904. Всякому сколько-нибудь внимательно прислушивающемуся къ толкамъ и разсужденіямъ прессы и общества по поводу русско-японской войны не могло не броситься въ глаза то любопытнѣйшее явленіе, что вопросамъ о финансахъ, о валютѣ, о военныхъ займахъ и военныхъ издержкахъ, отводится, пожалуй, не меньшее мѣсто и вниманіе, чѣмъ вопросамъ о силѣ, храбрости и выучкѣ сражающихся войскъ. Даже въ нашей шовинистской печати въ грохотѣ турецкаго барабана хвастливыхъ лже-патріотическихъ фразъ съ самаго начала начало врываться щелканіе счетовъ, на которыхъ тщательно подсчитывали, черезъ сколько мѣсяцевъ у Японіи не останется ни единой копейки и она должна будетъ запросить пардону.

Шустрые корреспонденты при всѣхъ своихъ военныхъ интервью непремѣнно освѣдомлялись о состояніи финансовъ и поспѣшно телеграфировали о запасахъ золота, объ издержкахъ войны, о займахъ, о налогахъ.

Русско-японская война еще разъ показала, какую огромную роль играютъ деньги въ ходѣ и исходѣ современныхъ войнъ

Лежащая передъ нами небольшая книжка командира военнаго округа Метца, оберъ-лейтенанта Ганса Гельмара, вся проникнута сознаніемъ и провозглашеніемъ истины, что деньги составляютъ нервъ современныхъ войнъ. Мы нарочно добросовѣстно выписали всѣ титулы автора цитируемой брошюры, такъ какъ надо признать чрезвычайно знаменательнымъ, что даже въ средѣ нѣмецкихъ

военныхъ, до сихъ поръ съ презрѣніемъ и усмѣшкой слушавшихъ толки о роли «денегъ» въ успѣшности войны, что даже въ этой средѣ, какъ показываетъ лежащая передъ нами брошюра, начинаютъ признавать, что лучшимъ базисомъ для успѣшнаго веденія современныхъ войнъ является прочное экономическое и финансовое положеніе страны, въ свою очередь возможное только въ атмосферѣ и обстановкѣ свободной культурной жизни.

У автора вы не найдете сколько-нибудь широкихъ соціологическихъ обобщеній, онъ съ чисто дѣловымъ видомъ обсуждаетъ, какъ организовать денежное хозяйство страны, чтобы въ моментъ открытія военныхъ дѣйствій въ рукахъ государства имѣлась въ достаточномъ размѣрѣ «свободная наличность», которая могла бы быть употреблена на мобилизаціи и первое время военныхъ дѣйствій. У Пруссіи, правда, для этого имѣется спеціальный военный фондъ. Послѣ франко-прусской войны изъ контрибуціи, полученной съ Франціи. Пруссія, по настоянію Бисмарка, отложила 120 милл. марокъ въ видѣ спеціальнаго военнаго фонда. Тридцать лѣтъ тому назадъ эта сумма казалась огромной, но за этотъ періодъ деньги сильно подешевѣли, а издержки для веденія войны страшно возросли и въ итогѣ, какъ показываетъ намъ авторъ, эти 120 мил. мар. не хватитъ даже для мобилизаціи нѣмецкой арміи, не говоря уже о первыхъ мѣсяцахъ войны. Въ виду этого, авторъ пускается въ подробныя разсужденія о созданіи новыхъ и использованіи старыхъ финансовыхъ источниковъ для веденія войны. Какъ показываютъ разсужденія Ганса Гельмара, создать надежные финансовые источники очень не легко и въ случаѣ европейской войны надо ожидать страшнѣйшіе денежные и промышленные кризисы.

Въ былое время государства въ случаѣ войны разрѣшали вопросъ о деньгахъ много проще, и, напр., Фридрихъ II-й, о которомъ нашъ авторъ очень много говоритъ, попросту занялся перечеканиваніемъ полноцѣнныхъ монетъ въ малоцѣнныя, съ установленіемъ принудительнаго курса обращенія. Конечно, въ концѣ концовъ это все-таки привело къ страшному обезцѣненію денегъ, когда за скромный обѣдъ приходилось уплачивать билетами тысячерублеваго достоинства.

Какъ показала франко-прусская война, на денежную поддержку со стороны финансовыхъ сферъ страны разсчитывать не приходится; во время этой войны нѣмцы не подписывались на нѣмецкій военный заемъ и этотъ заемъ такъ и остался непокрытымъ, зато они охотно покупали бумаги богатой Франціи и только послѣ рѣшительныхъ побѣдъ Германіи нѣмцы начали охотнѣе подписываться на свой военный заемъ.

Финансово-банковскихъ комбинацій нашего автора, направленныхъ на изысканіе прочныхъ источниковъ для покрытія военныхъ расходовъ, мы касаться не станемъ,—въ виду ихъ спеціальности они мало интересны для русскаго читателя. *П. Б—инъ.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И АСТРОНОМІЯ.

Эльпе. „Радій и радіоктивность“.—*Складосская-Кюри.* „Изслѣдованіе надъ радіоактивными веществами“.—*Елачичъ.* „Происхожденіе видовъ и дервинизмъ“.—„Научно-образовательная библіотека“.—*К. Тимирязевъ.* „Какимъ требованіямъ должны удовлетворять дисесртаціи“.

Эльпе. Радій и его спутники (лучистая энергія). Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. Въ настоящее время, когда наиболѣе выдающіеся представители науки стали втупикъ передъ неожиданной проблемой радіоактивности, написать хорошую популярную книжку по этому предмету—предпріятіе далеко не легкое. Конечно, «результатъ отъ точки зрѣнія зависитъ»: можно

отнестись къ дѣлу серьезно, а можно и поспекулировать на вкусахъ читающей публики, падкой до всякаго рода сенсаціонныхъ новинокъ подъ кричащими заглавіями. Въ первомъ случаѣ получаются болѣе или менѣе удачно написанныя, но, во всякомъ случаѣ, полезныя книги, а во второмъ... что-то очень неблаговидное! Довольно толстая (333 страницы текста) книжка г. Эльпе по ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается сборникомъ «Научныхъ писемъ» автора, печатавшихся раньше въ «Новомъ Времени». Эти «Письма», какъ сказано въ предисловіи, были «посвящены популяризаціи наиболѣе выдающихся открытій, сдѣланныхъ на протяженіи послѣднихъ четырнадцати лѣтъ въ области изученія лучистой энергіи». Дѣйствительно, г. Эльпе, добросовѣстно перепечатывая свои старые фельетоны, начинаетъ ab ovo — съ изложенія взглядовъ Фарадея и Максвелля на природу электрическихъ явленій и съ описанія опытовъ Герца. Если сосчитать по страницамъ, то собственно «Радію и его спутникамъ» посвящено изъ 333 страницъ всего только 148, т.-е. меньше половины! Такимъ образомъ, оказывается, что стоящія подъ заголовкомъ слова «Лучистая энергія» несравненно болѣе отвѣчаютъ содержанію книги, чѣмъ самъ крупно пропечатанный заголовокъ «Радій и его спутники». Это странное на первый взглядъ явленіе очень просто объясняется скромной надписью на корешкѣ: «Ц. 1 р.». Публика прельстится и... купитъ! Авторъ, повидимому, самъ чувствуетъ какую-то неловкость по этому поводу, пускаясь въ разсужденія о томъ, что «съ открытіемъ радія всего опредѣленнѣе (!?) обозначилось новѣйшее направленіе въ ученіи о лучистой энергіи въ связи съ ученіемъ о веществѣ и силѣ вообще». Какое новѣйшее направленіе—электронная теорія? Но при чемъ же тутъ Фарадей, Максвелль и Герцъ?

Очерки въ книгѣ г. Эльпе расположены въ хронологическомъ порядкѣ «съ обозначеніемъ, въ концѣ каждаго очерка, того года, когда онъ былъ напечатанъ въ «Новомъ Времени». Какая трогательная предусмотрительность! Поистинѣ такъ издаются лишь классическіе мемуары безсмертныхъ авторовъ. И всего-то за 1 рубль! Читатель книги г. Эльпе будетъ имѣть удовольствіе прослѣдить годъ за годомъ постепенное развитіе научныхъ воззрѣній этого ученаго публициста: узнать, напримѣръ, что въ 1902 г. онъ говорилъ только про беккерелевы лучи и считалъ ихъ какъ будто тожественными съ рентгеновскими (стр. 177), а въ слѣдующемъ году уже сталъ дѣлать различіе между лучами рентгеновскими, урановыми и радіевыми (стр. 212). Спору нѣтъ, историческій очеркъ вещь очень полезная, но зачѣмъ же растягивать его на 300 страницъ, преподнося въ видѣ новой книги старые газетные фельетоны? И какіе фельетоны! Въ нихъ, можно сказать, однимъ почеркомъ пера рѣшаются вопросы, надъ которыми ломаютъ головы люди науки. Критика отсутствуетъ совсѣмъ: лишь бы все было ново, сенсаціонно, оригинально. Иногда при этомъ г. Эльпе обнаруживаетъ свое невѣжество, увѣряя, напримѣръ, что уранъ принадлежитъ къ группѣ щелочно-земельныхъ металловъ (стр. 205), или называя эманацію «лучистой субстанціей (?), выдѣляемой радіоактивными тѣлами» (стр. 244). Лишь бы были эффектныя слова, а что за ними скрывается—все равно. Полнота изложенія заставляетъ желать многаго: пропущена масса очень важныхъ и цѣнныхъ фактовъ, такъ что, въ концѣ концовъ, читатель выноситъ изъ этой книги самое превратное представленіе о радіи и его спутникахъ. Популярно-научныя сочиненія такъ не пишутся. Фельетонная развязность и словесная эквилибристика здѣсь не у мѣста. А ужъ спекуляція совсѣмъ недопустима. *Д. М.*

M-me Складовская-Кюри. Изслѣдованія надъ радіоактивными веществами. Переводъ со второго изданія сочиненія Recherches sur les substances radioactives par M-me Sklodovska. Curie. П. М. Факторовича. Съ 14 фигурами. Спб., изд. К. Л. Риккера. 1904 г. ц. 90 к. 2) Складов-

ская-Кюри. Радій и радіоактивныя вещества. Изслѣдованіе радіоактивныхъ веществъ. Переводъ со 2-го французскаго изданія студента С. Н. Петрова. Подъ редакціею профессора электротехническаго института А. С. Попова. Спб., 1904 г. ц. 1 р. 3) Складовская-Кюри. Радій и радіоактивныя вещества. Переводъ съ французскаго В. М. Филиппова. Съ 14 рисунками. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. («Образовательная библіотека», серія VI, № 3). М. Складовская-Кюри. Радій и радіоактивность. Полный переводъ со 2-го французскаго изданія А. І. Бачинскаго. Книгоиздательство «Творческая мысль», Москва, 1905 г., ц. 1 р. Появилось теперь на русскомъ языкѣ сразу въ четырехъ переводахъ сочиненіе г-жи Кюри, вышедшее въ концѣ прошлаго 1903 года. Это—докторская диссертація автора, представленная въ парижскій Faculté dos sciences. «Цѣль настоящаго сочинененія,—говоритъ г-жа Кюри во введеніи къ своему труду, - дать обзоръ изслѣдованій надъ радіоактивными веществами, которыя въ теченіе болѣе чѣмъ четырехъ лѣтъ составляютъ предметъ моихъ занятій». Отмѣтивъ далѣе, что вопросъ о радіоактивности еще далекъ отъ окончательнаго разрѣшенія, и что состояніе его мѣняется чуть ли не ежедневно, авторъ указываетъ, однако, на одинъ фактъ, который, по его мнѣнію, прочно установленъ: это именно существованіе новаго сильно радіоактивнаго элемента—радія. «Приготовленіе чистаго хлористаго радія и опредѣленіе атомнаго вѣса радія составляетъ важнѣйшую часть моего личнаго труда».

Содержаніе книги распадается на четыре главы. Вслѣдъ за краткимъ введеніемъ и историческимъ очеркомъ г-жа Кюри излагаетъ результаты измѣреній радіоактивности урана, торія и различныхъ минераловъ, которые собственно и побудили ее предпринять поиски новыхъ элементовъ. Здѣсь же описанъ и самый методъ изслѣдованія. Вторая глава посвящена новымъ радіоактивнымъ элементамъ, способу ихъ извлеченія изъ урановой руды и ихъ свойствамъ. Третья глава знакомитъ читателя съ разнообразными излученіями радіоактивныхъ веществъ, съ химическими и физіологическими дѣйствіями этихъ измѣреній, а также съ замѣчательнымъ фактомъ непрерывнаго выдѣленія тепла солями радія. Наконецъ, четвертая глава трактуетъ о такъ называемой «наведенной радіоактивности», производимой эманаціями. Вопросу о природѣ и причинѣ явленій радіоактивности, который въ настоящее время преимущественно занимаетъ умы ученыхъ, г-жа Кюри отводитъ очень мало мѣста (всего около 3-хъ страницъ). «Причина самопроизвольной радіоактивности остается тайной,—пишетъ она;—это явленіе стоитъ передъ нами, какъ загадка и предметъ глубокаго удивленія». О гипотезѣ атомныхъ превращеній радія, высказанной Рёзерфордомъ (Rutherford), упомянуто только вскользь. Между тѣмъ, взгляды этого ученаго, высказанные имъ въ отдѣльныхъ статьяхъ и въ недавно вышедшей книгѣ, настолько оригинальны, что на нихъ стоило бы остановиться подробнѣе. Въ этомъ отношеніи диссертація г-жи Кюри оказывается уже нѣсколько устарѣвшей.

Переходя теперь къ разбору русскихъ переводовъ «Recherches sur les substances radioactives», мы прежде всего должны указать на серьезный характеръ этого сочиненія, требующій отъ читателя, а тѣмъ болѣе отъ переводчика, спеціальной научной подготовки. Это—оригинальный мемуаръ экспериментальнаго изслѣдователя, а не популярно-научная книжка. Для читателя изъ большой публики онъ недоступенъ, а читатель-спеціалистъ предъявитъ, конечно, свои требованія къ переводу, которыя, по нашему мнѣнію, состоятъ въ слѣдующемъ: подлинный текстъ автора долженъ быть переданъ вполнѣ точно, безъ всякихъ произвольныхъ сокращеній и измѣненій, хотя бы завѣдомо правильныхъ. Несоблюденіе этого условія лишаетъ переводъ всякаго научнаго значенія.

Съ этой точки зрѣнія особенно плохъ переводъ г-на Факторовича (изд. Риккера), который позволяетъ себѣ не только сокращать, но и искажать Кюри. Повидимому, г-на Факторовича нельзя обвинить въ небрежности: онъ просто взялся за дѣло, требующее знаніе физики и химіи, не зная ни той, ни другой. Ему, напримѣръ, неизвѣстны даже такіе ходячіе физическіе термины, какъ сила тока и разность потенціаловъ! (Intensité du courant и différence de potentiel всюду переведено «интенсивность тока» и «различіе въ потенціалѣ»). Особенно курьезны собственныя примѣчанія переводчика. Кюри говоритъ, напр., объ іонизаціи газовъ и другихъ малоизвѣстныхъ для средняго читателя вещахъ. Это оставлено безъ объясненія. Но вотъ на стр. 72 находится слѣдующее примѣчаніе къ находящемуся въ текстѣ термину атомъ-граммъ: «Атомный вѣсъ радія 225. Такимъ образомъ, если принять вѣсъ атома водорода въ одинъ граммъ, то атомъ радія долженъ вѣсить 225 гр. Само собою разумѣется, что этотъ примѣръ дается только какъ относительная мѣра». На самомъ дѣлѣ граммъ-атомомъ называется атомный вѣсъ, выраженный въ граммахъ. Это много короче, понятнѣе и должно быть извѣстно всѣмъ, кто принимается за чтеніе книги г-жи Кюри. Другое примѣчаніе еще болѣе курьезно: на стр. 88 переводчику понадобилось объяснить, что такое змѣевикъ. Это, оказывается, «перегонный кубъ въ видѣ спирали» (!).

Нѣтъ ничего удивительнаго, что переводчикъ, обладающій такими свѣдѣніями, совершенно не могъ справиться со многими мѣстами оригинала. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Кюри, сравнивая свой методъ изслѣдованія съ спектрально-аналитическимъ, говоритъ: «On a ainsi une indication qui peut être comparée, en une certaine mesure, à celle qui pourrait fournir l'analyse spectrale». Это значитъ: такимъ образомъ получаютъ указанія, которыя до извѣстной степени *можно сравнивать* съ указаніями спектральнаго анализа. Г. Факторовичъ переводитъ (стр. 17): «Полученныя при этомъ указанія *сравниваются* *) съ тѣми указаніями, которыя получаются путемъ спектральнаго анализа». Мысль Кюри совершенно искажена. Еще лучше слѣдующее мѣсто. Кромѣ разности потенціаловъ, устанавливаемой между пластинками, между ними существуетъ еще электродвижущая сила контакта, и обѣ эти причины тока дѣйствуютъ совмѣстно; вотъ почему абсолютная величина силы тока мѣняется *со знакомъ* внѣшней разности потенціаловъ. Г-нъ Факторовичъ переводитъ (стр. 8): «Кромѣ различія въ потенціалѣ дисковъ между послѣдними устанавливается электромоторная сила соприкосновенія и обѣ причины обнаруживаютъ соединенныя силы (?). Этимъ объясняется то обстоятельство, что абсолютная интенсивность тока мѣняется *съ внѣшней разницей потенціала*». Конечно, если не понимаешь того, что переводишь, можно написать что угодно!

Рамки журнальной рецензіи не позволяютъ намъ привести цѣлую массу подобныхъ искаженій текста и произвольныхъ пропусковъ, иногда очень существенныхъ, разсѣянныхъ по всей книгѣ. Въ общемъ, мы не ошибемся, если охарактеризуемъ переводъ г-на Факторовича, какъ рѣшительно никуда не годный и не дѣлающій чести такому солидному книгоиздательству, какимъ принято считать К. Л. Риккера.

Значительно лучше переводъ г. Петрова подъ редакціею проф. Попова, но и онъ далеко не безупреченъ. Напримѣръ, на стр. 5 читаемъ, что на величину радіактивности «не дѣйствуетъ освѣщеніе активными веществами», тогда какъ въ оригиналѣ стоитъ «l'éclairement *de* la substance active», т.-е. «*освѣщенность* активнаго вещества»; на стр. 11: «Я... получила большое число степеней ихъ активности» вмѣсто «я... произвела большое число *измѣ*-

*) Курсивъ всюду нашъ.

реній ихъ активности» («j'ai fait un grand nombre de mesures de leur activité»). Подобнаго рода мелкихъ промаховъ и пропусковъ, свидѣтельствующихъ о недостаточно тщательномъ редактированіи перевода, въ книгѣ довольно много. Съ другой стороны, можно поставить въ упрекъ редактору еще и то, что нѣкоторыя поясненія, которыя онъ нашелъ нужнымъ сдѣлать, введены въ текстъ перевода *безъ оговорки*, напр., на стр. 5 слова: «для полученія болѣе равномѣрнаго поля, какъ это дѣлается въ абсолютномъ электрометрѣ лорда Кельвина». При переводѣ оригинальныхъ научныхъ сочиненій такъ дѣлать не принято.

Третій переводъ, Б. М. Филиппова, вошелъ въ серію популярно-научныхъ сочиненій «Образовательной Библіотеки» О. Н. Поповой. Не обладая такой изящной внѣшностью, какъ остальные, онъ имѣетъ за собою несомнѣнное преимущество дешевизны (всего 40 коп.) и, что всего важнѣе, сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно, если не считать кое-какихъ ошибокъ при переводѣ на русскій языкъ французскихъ химическихъ терминовъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 35 переводчикъ сдѣлалъ совершенно непонятной цѣлую фразу, невѣрно переведя одинъ терминъ. Рѣчь идетъ объ опредѣленіи атомнаго вѣса радія по количеству хлора, «содержащагося въ опредѣленномъ вѣсовомъ количествѣ *хлористаго ангидрида*, причемъ этотъ хлоръ находился въ видѣ хлористаго серебра» (!?). У Кюри сказано: «dans un poids connu de chlorure anhydre» т.-е. «въ опредѣленномъ вѣсовомъ количествѣ *безводнаго хлористаго соединенія*». Повидимому это просто недосмотръ, такъ какъ на слѣдующихъ страницахъ злополучное chlorure anhydre переведено вполнѣ правильно. Укажемъ еще, что sous-nitrate значитъ основная азотная соль, а не азотное соединеніе (стр. 23).

Хорошъ также переводъ А. І. Бачинскаго, сдѣланный очень тщательно и недурно изданный. Кромѣ французскаго оригинала, г. Бачинскій пользовался нѣмецкимъ переводомъ Кауфмана, откуда заимствованы нѣкоторыя дополненія. Кое-что добавлено имъ самимъ. Въ концѣ книги приложены довольно полные литературныя указанія. При переводѣ термина sous-nitrate г. Бачинскій дѣлаетъ ту же ошибку, какъ и г. Филипповъ, (стр. 16). Отмѣтимъ еще довольно странное правописаніе, принятое въ книгѣ: амоній, милиметръ, грамъ вмѣсто: аммоній, миллиметръ, граммъ и т. п. Впрочемъ, это теперь въ модѣ и на научную цѣнность перевода не вліяетъ. *Д. М.*

Е. Елачичъ. Происхожденіе видовъ и дарвинизмъ. Спб. 1904. Ц. 75 к. Авторъ даетъ популярную переработку сочиненія Р. Хессе «Abstammungslehre und Darwinismus» и излагаетъ на 167 страницахъ сущность теоріи трансформизма и происхожденія видовъ. Къ столь краткому изложенію нельзя предъявлять большихъ требованій—авторъ и не идетъ далѣе передачи элементарныхъ основъ дарвинизма, иллюстрируя изложеніе элементарными же фактами и почти не касаясь критики дарвинова ученія, столь сильно подвинутой впередъ за послѣднее время. По отношенію къ трансформизму въ узкомъ смыслѣ слова, т.-е. ученію о происхожденіи высшихъ формъ отъ низшихъ, этого нельзя ему поставить въ укоръ, но теорія подбора могла бы быть освѣщена въ настоящее время болѣе критически, чѣмъ это дѣлаетъ авторъ. Возраженія Вольфа, напр., очень существенныя, не разсматриваются имъ вовсе. Для лицъ совершенно незнакомыхъ съ теоріей Дарвина книжечка г. Елачича можетъ быть полезной, какъ руководство для первоначальнаго ознакомленія, что же касается до лицъ болѣе или менѣе знакомыхъ съ дарвиновымъ ученіемъ, то они едва ли найдутъ здѣсь много новаго.

Изложеніе автора вполнѣ общедоступное и языкъ достаточно гладкій. Изъ промаховъ отмѣтимъ лишь одинъ наиболѣе существенный: на стр. 82 авторъ говоритъ, какъ о несомнѣнномъ фактѣ, о сообщеніи Каспійскаго моря широкимъ морскимъ проливомъ съ Ледовитымъ океаномъ и о Байкалѣ, какъ о заливѣ Ледовитаго океана. Такіе взгляды, дѣйствительно, высказывались ранѣе и одно

время даже господствовали въ литературѣ, однако въ настоящее время сообщеніе Каспія съ Ледовитымъ океаномъ отрицается совершенно и тому приводятся геологами достаточно убѣдительные доводы; что же касается до Байкала, то его непосредственное сообщеніе съ океаномъ въ ближайшія къ нашимъ эпохи находится также подъ большимъ сомнѣніемъ. Наблюдаемыя въ томъ и другомъ водоемѣ близкія къ сѣвернымъ животныя могли проникнуть туда и прѣсноводными путями.

Книга иллюстрирована небольшимъ числомъ хорошо выполненныхъ рисунковъ. *П. Ю. Шмидтъ.*

Научно-образовательная библіотека. Серія начальныхъ курсовъ. Фостеръ. Физіологія. Переводъ Д. Кашкарова, под. ред. Н. К. Кольцова. Ц. 30 к. Москва. 1904 г. Гётте. Зоологія. Переводъ подъ ред. П. П. Сушкина. Ц. 40. Москва. Изданіе Дороватовскаго и Чарушникова. Двѣ хорошія книжечки, вполнѣ удовлетворяющія своему назначенію, служатъ первоначальнымъ руководствомъ, доступнымъ пониманію даже людей, не получившихъ никакого образованія. Изложеніе совершенно элементарное, языкъ простой и понятный. По нашему мнѣнію, въ нѣкорыхъ случаяхъ стремленіе къ общепонятности можно даже поставить въ вину авторамъ,—къ чему, напр., вмѣсто вполнѣ понятнаго каждому термина «мышцы» употреблять еще болѣе понятный, но ненаучный—«мясо» (Фостеръ, стр. 81)? Зато на слѣдующей страницѣ мы находимъ ничего не говорящій неподготовленному читателю терминъ «діафрагма», которой съ успѣхомъ можно было бы замѣнить болѣе понятнымъ «грудобрюшная преграда». Такихъ мелкихъ промаховъ мы замѣтили, однако, немного.

Болѣе существеннымъ недостаткомъ, по нашему мнѣнію, является излишнее стремленіе къ схематизаціи въ раздѣленіи животнаго царства, въ силу чего пресмыкающіяся и земноводныя соединены въ одинъ отдѣлъ—«гады» и даже кишечнополостныя соединены съ иглокожими въ одну группу «лучистыхъ». Такую группировку, основанную на чисто внѣшнемъ признакѣ радіальнаго расположенія органовъ, пора бы оставить и въ элементарныхъ книжкахъ.

Эти недачеты, конечно, отнюдь не лишаютъ разсматриваемыхъ книжечекъ ихъ значенія и мы желаемъ имъ возможно болѣе широкаго распространенія среды круга читателей, совершенно незнакомыхъ съ естествознаніемъ.

П. Ю. Шмидтъ.

К. Тимирязевъ. Какимъ требованіямъ должны удовлетворять диссертаціи на степень доктора. Такое широкое названіе носитъ небольшая (12 стр.) брошюрка нашего знаменитаго ботаника проф. К. Тимирязева. Но уже подзаголовокъ—«По поводу диссертаціи прив.-доц. М. Голенкина: Морфологическія и экспериментальныя изслѣдованія надъ печоночниками»—показываетъ, что дѣло идетъ только о разборѣ, дѣйствительно, очень плохой диссертаціи, за которую г. Голенкинъ былъ удостоенъ степени доктора ботаники. Проф. Тимирязевъ кончаетъ свой разборъ слѣдующими словами. «Во что превратится, не говорю наука,—науки подобныя произведенія не касаются,—но во что превратится университетское преподаваніе, если подобныя произведенія будутъ оффиціально признаваться за науку, а ихъ авторы этимъ открывать себѣ путь на университетскія каѳедры».

Но развѣ не знаетъ почтенный ученый, во что, подъ давленіемъ двадцатилѣтней правительственной реакціи, превратилось уже, въ большинствѣ случаевъ, преподаваніе въ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ? Въ чтеніе лекцій по учебникамъ, составленнымъ примѣнительно къ программамъ министерства народнаго просвѣщенія и другихъ министерствъ. Во что превратилось большинство профессоровъ? Въ чиновниковъ этихъ министерствъ, послушно слѣдующихъ указаніямъ начальства. Г. Голенкинъ получилъ степень доктора за плохую диссертацію. Но мы знаемъ, что въ Россіи многія каѳедры въ высшихъ учебныхъ заведеній занимаютъ лица, не имѣющія никакой ученой степени, не сдѣ-

лавшіе ни одной ученой работы, занимаютъ только потому, что женаты на родственницахъ важныхъ чиновниковъ.

Вотъ во что превратилось преподаваніе въ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, вотъ чѣмъ «открываютъ себѣ путь на каѳедры». *В. Агафоновъ.*

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

В. Чернышевъ. „Письма о старой и новой орѳографіи".—*Ф. Ч.* „Упрощеніе русскаго правописанія.—*А. Томсонъ.* „Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію".

В. Чернышевъ. Письма о старой и новой орѳографіи, I—IV. Ц. 20 к. Спб. 1904 г.

Ф. Ч. Упрощеніе русскаго правописанія (О необходисости уничтоженія в русской азбуке ненужныхъ буквъ *ѣ*, *ѳ* и *ѵ* и сокращеніи употребленія *ъ* и *ь*). Ц. 25 к. Екатеринославъ. 1904 г.

Проф. А. И. Томсонъ. Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію. Одесса. 1904 г. Ц. 30 к. Лежащія передъ нами брошюрки обязаны своимъ возникновеніемъ постановленію созванной при академіи наукъ коммиссіи по вопросу о русскомъ правописаніи, состоявшемуся 12-го апрѣля текущаго года. Представителемъ академическихъ воззрѣній на этотъ вопросъ является г. Чернышевъ. Сами нововведенія, предлагаемыя коммиссіей, весьма скромнаго характера и едва ли способны особенно мозолить глаза въ печати. А къ этому сводится все неудобство преобразованія правописанія, ибо писать взрослые будутъ, конечно, продолжать по-старому, въ силу привычки, пріобрѣтенной вслѣдствіе долгаго упражненія двигательными центрами.

Что касается обучающихся грамотѣ, то они несомнѣнно получатъ и значительную выгоду, потому что всѣ нововведенія имѣютъ цѣлью упорядоченіе правописанія непремѣнно путемъ упрощенія его. Таковы: однообразное *ого* и *его* въ родительномъ падежѣ (не только слѣп*ого*, *того*, *чего*, наш*его*, но и добр*ого*, син*его*, хорош*его*), подобно тому, какъ мы въ дательномъ падежѣ уже давно пишемъ вездѣ *ому* и *ему* вмѣсто *уму*, *ому*, *юму*, *ему*, какъ бы слѣдовало по аналогіи съ родительнымъ падежомъ при производствѣ отъ славянскихъ формъ; или начертаніе *воз*, *из*, *низ*, *раз*, всегда черезъ *з*, безъ перехода въ *с*, какъ мы поступаемъ съ *без*, *чрез* и какъ это требуется этимологіей; уничтоженіе совершенно безсмысленнаго и къ тому же ненаучнаго различенія окончаній *ые* и *ыя* во множественномъ числѣ прилагательныхъ, представляющаго на практикѣ то громадное неудобство, что пишущій, не имѣя опоры въ произношеніи (произносится *ыи* или *ои*, что было бы и самымъ правильнымъ начертаніемъ, ибо русскій языкъ во множественномъ числѣ пересталъ различать родъ, ср. *лисьи*, *были*), задерживаетъ мысль обдумываніемъ рода того слова, съ которымъ нужно согласовать прилагательное, и т. п.

Какъ видитъ читатель, требованія весьма скромныя и вполнѣ назрѣвшія. Даже проф. Томсонъ, горячій защитникъ неприкосновенности правописанія, относится къ нимъ «сочувственно» (стр. 28). Возстаетъ проф. Томсонъ преимущественно противъ замѣны буквы *ѣ*, черезъ *е*, изгнаніи *ѳ*, *ъ*, *і*, *и*, такъ какъ отъ этихъ перемѣнъ печатный текстъ приметъ другую физіономію, затрудняющую чтеніе, а письмо грамотныхъ людей будетъ затрудняться тѣмъ, что изъ чисто механическаго должно сдѣлаться осмысливаемымъ, по крайней мѣрѣ до пріобрѣтенія новыхъ привычекъ. Проф. Томсонъ думаетъ даже болѣе, что придется заново переиздать всю русскую литературу (стр. 25).

Но эти опасенія проф. Томсона совершенно неосновательны. Маленькій сумбуръ, который произойдетъ временно, пока обветшаютъ старыя книги и превратятся въ библіографическія рѣдкости, будетъ вовсе не такъ великъ; зато молодое поколѣніе будетъ имѣть значительное облегченіе, а въ ихъ время

всѣ книги, ими изданныя, будутъ печататься по-новому. Переучиваться же писать академія никому не навязываетъ, хотя это тоже не такъ ужъ трудно. Что касается чтенія книгъ безъ ѣ и ъ, то хотя оно первое время немножко и мозолитъ глаза, но глазъ вполнѣ освоивается уже черезъ нѣсколько страницъ; по крайней мѣрѣ, дочитывая брошюрку г. Ф. Ч., напечатанную безъ ъ и безъ ѣ и имѣющую объемъ всего въ одинъ печатный листъ, мы на послѣднихъ страницахъ уже никакого безпокойства не ощущали и едва замѣчали особенности орѳографіи.

Удобство печатанія безъ еровъ, составляющихъ $6^1/_2$ % печати, такъ велико, что уже и теперь практикуется многими (сравни, напр., изданный въ Казани сборникъ «Муравей», или изданный въ Петербургѣ сборникъ «Человѣческая трагикомедія» и многіе другіе). Если бы словарь Брокгауза былъ напечатанъ безъ еровъ, какъ былъ напечатанъ еще въ старину словарь Толя, онъ бы стоилъ на 20 руб. дешевле.

Мы вполнѣ согласны съ проф. Томсономъ и даже высказались въ томъ же смыслѣ еще 10 лѣтъ тому назадъ («Принципы правописанія» и «Причины «безграмотности», «Пед. Сб.», 1894 г., кн. 1 и 2, и 1895 г., кн. 8), что у грамотнаго народа правописаніе есть второй народный языкъ (это изреченіе фонъ-деръ-Габеленца проф. Томсонъ даже сдѣлалъ motto своей брошюрки), такъ какъ грамотный человѣкъ не переводитъ буквенныхъ изображеній слова въ звуковыя, а воспринимаетъ идею отъ одного зрительнаго ощущенія; но если писанный языкъ есть отдѣльный языкъ, какъ и звуковой, то проф. Томсону не слѣдовало бы забывать, что, какъ таковой, онъ есть живой организмъ (конечно, какъ надъорганическое цѣлое), и слѣдовательно свободно развивается и измѣняется, какъ и языкъ устный.

Поэтому требованіе проф. Томсона, къ сожалѣнію раздѣляемое и защитниками реформы, чтобы существовала единая неизмѣнная орѳографія, совершенно незаконно.

Напротивъ того, орѳографія должна пользоваться тою же свободою постоянныхъ индивидуальныхъ отклоненій, какъ и устный языкъ. Безъ этого немыслимъ никакой прогрессъ. Да писанный языкъ и прогрессируетъ, вопреки проф. Томсону и на зло всѣмъ педагогамъ, фанатическимъ насадителямъ единоспасающаго «правописанія» (подъ которымъ обыкновенно разумѣется именно неправильное во всѣхъ отношеніяхъ письмо). Нельзя отрицать, что бюрократизмъ школы сильно тормозитъ это дѣло, но окончательно подавить прогрессъ и въ этой области онъ не въ состояніи.

Намъ кажется вообще, что вопросъ о правописаніи не заслуживаетъ того шума, который поднятъ по этому поводу.

Пусть школа, съ чѣмъ согласенъ и проф. Томсонъ, уничтожитъ вредныя диктовки и тому подобныя мѣры дрессировки въ грамотномъ письмѣ, и «правописаніе» не будетъ бичемъ школьниковъ и будетъ отлично прогрессировать въ силу присущей ему собственной жизненности, какъ «второму языку». Правописаніе должно быть *случайнымъ результатомъ* начитанности, а не *цѣлью* школьнаго ученія. Если этотъ принципъ будетъ сознанъ педагогами, то они перестанутъ фальсифицировать образованіе, дрессируя учениковъ въ «грамотномъ» письмѣ. Пусть дѣти пишутъ *дело* или *дѣло*, но чтобы написанное ими было дѣльно, а не чушью.

Что касается слишкомъ ясно *сознанныхъ всѣми* неудобствъ нашего правописанія, то устраненіе ихъ отъ времени до времени представляетъ вполнѣ законную обязанность академіи наукъ. При этомъ никакой опасности для русскаго языка и даже для русскаго правописанія отъ этого произойти не можетъ, ибо, при рекомендуемой нами свободѣ, если академическія поправки будутъ нежизненны, они и не привьются, а если привьются (какъ мы видѣли въ указанныхъ выше книжкахъ, напечатанныхъ безъ еровъ), значитъ онѣ жизненны и закономѣрны. *К. Житомірскій.*

Содержаніе библіографическаго отдѣла за 1904 годъ.

Беллетристика.

Д. Я. Айзманъ. «Черные дни». (Сент.). *А. Б.*

«Полное собраніе пѣсенъ Беранже въ переводѣ русскихъ поэтовъ». (Май). *Л. Л-о.*

Н. Н. Брешко-Брешковскій. «Шопотъ жизни». (Іюнь). *А. К.*

Валерій Брюсовъ. «Urbi et orbi». (Іюль). *Ѳ. Бат-овъ.*

В. Буренинъ. «Театръ», т. I. (Апр.). *Е. Дегенъ.*

Андрей Бѣлый. «Золото въ лазури» (стихи и проза). (Іюнь). *Ѳ. Батюшковъ.*

Теодоръ Герцль. «Обновленная земля». (Окт.). *А. Б.*

З. Гиппіусъ. «Собраніе стиховъ». (Янв.). *А. Б.*

Вольфгангъ Гете. «Фаустъ». (Май). *Ѳ. Браунъ.*

Владиміръ Голиковъ. «Разсказы». (Іюль). *А. К.*

И. Гривскій. «Записки рабочаго». (Мартъ). *А. Б.*

Марія Делле-Грація. «Углекопы» драма. (Февр.). *А. Б.*

Л. Гуревичъ. «Сѣдокъ» и друг. раз. (Ноябрь). *Ѳ. Батюшковъ.*

Левъ Даксергофъ. «Передъ новой жизнью». (Іюнь). *Л. В.*

Феликсъ Данъ. «Борьба за Римъ». (Окт.). *С.*

С. Елеонскій. «Разсказы». (Дек.). *А. Б.*

Красинскій. «Иридіонъ». (Сент.). *А. Б.*

«Къ правдѣ». Литературно-публицистическій сборникъ. (Янв.). *А. Б.*

Ольга Лье. «Робкія души». Стихотворенія. (Іюнь). *Л. В.*

М. С. Ломшаковъ. «Сборникъ стихотвореній и отрывковъ прозы». (Ноябрь). *Л. Б.*

А. Луговой. «Безумная». (Янв.). *Ѳ. Бат-овъ.*

Д. С. Мережковскій. «Собраніе стиховъ». (Янв.). *А. Б.*

М. Метерлинкъ. «Мудрость и судьба». (Дек.). *Л. Б.*

Октавъ Мирбо. «Разсказы». (Сент.). *А. Б.*

Б. П. Никоновъ. «Голосъ сердца». Стихотворенія. (Іюнь). *Л. В.*

Георгъ-фонъ-Омптеда. «Разсказы». (Сент.). *А. Б.*

А. Петрищевъ. «Бернадотъ» драматическая поэма. (Май). *Ѳ. Бат-овъ.*

А. А. Потѣхинъ. Сочиненія, т.т. I—VI. (Окт.). *Ѳ. Бат-овъ.*

Михаилъ Радловъ. «Живыя фотографія». (Іюль). *А. К.*

«Русская муза». Собраніе лучшихъ стихотвореній русскихъ поэтовъ XIX в. (Окт.). *А. Б.*

«Самоотверженные». Сборникъ разсказовъ для школы и домашняго чтенія. (Іюнь). *Л. В.*

«Къ свѣту». Научно литературный сборникъ. (Май). *А. Б.*

Сервантесъ. «Безподобный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчинскій». (Февр.). Проф. *Л. Шепелевичъ.*

Ѳ. Сологубъ. «Собраніе стиховъ». (Янв.). *А. Б.*

Ѳедоръ Сологубъ. «Жало смерти» и др. разск. (Ноябрь). *А. Б.*

Танъ. Полное собраніе сочиненій. (Сент.). *А. Б.*

Шелли. «Полное собраніе сочиненій т. I». (Апр.). *Е. Дегенъ.*

Артуръ Шнитцлеръ. 1) Пьесы. 2) Покрывало Беатриче. 3) Часы жизни. (Мартъ). *Е. Дегенъ.*

Шнитцлеръ. «Одинокимъ путемъ» драма въ 5 дѣйст. (Ноябрь). *Л. Б.*

В. Якимовъ. «Безъ хлѣба насущнаго». (Мартъ). *А. Б.*

Эллисъ. «Иммортели» вып. I (Ш. Бодлеръ). (Іюль). *Л. В.*

Критика и исторія литературы.

Альбомъ. Графъ Левъ Толстой. (Ноябрь). *А. Горнфельдъ.*

Николай Барсунковъ. «Жизнь и труды Погодина». (Май). *С. Ашевскій.*

В. П. Батуринскій. А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. (Авг.). *С. А.*

В. Бѣлинскій, Полное собраніе сочиненій, подъ ред. С. Венгерова. Т. VII. (Ноябрь). *С. Ашевскій.*

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Т. VI. (Окт.). *П. Щ.*

Акад. А. Н. Веселовскій. «В. А. Жуковскій». (Сент.). *С. Ашевскій.*

К. Ѳ. Головинъ (Орловскій) «Русскій романъ и русское общество». (Окт.). *С. Ашевскій.*

J. Dresch. «Gutzkow et la jeune Allemagne». (Августъ). *П. Берлинъ.*

Мих. Лемке. «Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія». (Апр.) *С. Ашевскій.*

М. Лемке. «Николай Михайловичъ Ядринцевъ». (Сент.) *П. Г.*

Л. Мельшинъ. (П. Ф. Гриневичъ). «Очерки русской поэзіи». (Окт.). *П. Щеголевъ.*

Филиппъ Монье. «Опытъ литературной исторіи Италіи XV вѣка». (Іюнь) *Т.*

Проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. «Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева». (Іюль). *Ѳ. Батюшковъ.*

Сочиненія А. С. Пушкина. Т. VII. (Письма Пушкина). (Іюнь). *С. А.*

И. Ф. Рында. «Черты изъ жизни И. С. Тургенева». (Іюль). *С. Ашевскій.*

А. Скабичевскій. Сочиненія Т. II. (Февр.). *С. Ашевскій.*

Треплевъ. «Молодое созданіе». (Этюдъ о Вл. Г. Короленко). (Февр.). *Ѳ. Б.*

К. I. Храневичъ. «Очерки новѣйшей польской литературы». (Мартъ). *Е. Дегенъ.*

Ник. Финдейзенъ. «Михаилъ Ивановичъ Глинка». (Апр.). *В. Вальтеръ.*

Куно Франке. «Исторія нѣмецкой литературы». (Дек.). *Е. А.*

Николай Энгельгардтъ. «Очерки исторіи русской цензуры къ связи съ развитіемъ печати (1703—1903)». (Мартъ). *С. Ашевскій.*

Публицистика.

Вопросы воспитанія и обученія. («Труды педагогическаго общества»). (Авг.). *Л. Л—о.*

Ю. Гессенъ. «Изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ». (Дек.). *Л. Б.*

А. Колычевъ. «Рабочіе на пріискахъ Сибири». (Ноябрь). *В. Шарый.*

Т. Локоть. «Классицизмъ и реализмъ (основные вопросы реформируемой школы)». (Авг.). *В. Агафоновъ.*

Мелкая земская единица. Сборникъ статей Вып. 2-ой. (Янв.). *Ник. Іорданскій.*

«Нужды деревни по работамъ, комитетовъ». (Дек.). *Ник. Іорданскій.*

Періодическая печать на Западѣ. Сборникъ статей. (Мартъ). *А. Рыкачевъ.*

А. С. Пругавинъ. «Религіозные отщепенцы». Вып. I и II. (Мартъ). *Л. Л—о.*

А. Спицынъ. «Рабочій вопросъ на каменноугольн. копяхъ Мукденской провинціи». (Ноябрь). *В. Шарый.*

Толмачевъ. «Крестьянскій вопросъ по взглядамъ земства и мѣстныхъ людей». (Янв.) *Ник. Іорданскій.*

К. И. Шидловскій. «Сводка ходатайствъ Пироговскаго Об—ва врачей». (Ноябрь). *Л. Б.*

Л. Б. Хавкина. «Библіотеки, ихъ организація и техника». (Авг.). *Л. В.*

Кн. Эсперъ Ухтомскій. «Изъ области ламаизма». (Мартъ). *А. Б.*

Исторія всеобщая и русская.

В. Богучарскій. «Изъ прошлаго русскаго общества». (Дек.). *А. Б.*

Главные дѣятели освобожденія крестьянъ. Подъ ред. С. А. Венгерова. (Янв.) *С. Ашевскій.*

А. К. Дживелеговъ. «Торговля на Западѣ въ средніе вѣка». (Сент.). *В. Д—въ.*

«**Записки** княгини Маріи Николаевны Волконской». (Май). *В. Богучарскій.*

И. Д. Ивановичъ. «Борцы и мученики за свободу Болгаріи». (Авг.). *В. Д—овъ.*

В. Ѳ. Икономовъ. «Наканунѣ реформъ Петра Великаго». (Янв.). *В. Сторожевъ.*

Н. И. Карѣевъ. «Государство-городъ античнаго міра. (Іюнь). *А. Дж.*

А. Кизеветтеръ. «Посадская община въ Россіи XVIII столѣтія». (Сент.). *В. Сторожевъ.*

С. И. Кисовъ. «Изъ боевой и походной жизни 1877—1878 г.г.». (Іюль). *Б. В—ръ.*

Проф. В. О. Ключевскій. «Курсъ русской исторіи». (Февр.). *В. Сторожевъ.*

Книга для чтенія по русской исторіи. Т. I. (Окт.). *В. Д—овъ.*

Н. И. Костомаровъ. «Историческія изслѣдованія и монографіи». (Ноябрь). *В. Сторожевъ.*

Э. Марешалль. «Исторія девятнадцатаго вѣка». (Май). *Т.*

В. Назаревскій. «Русская исторія». (Дек.). *Е.*

Н. М. Павловъ. «Русская исторія до новѣйшихъ временъ». (Іюнь). *В. Сторожевъ.*

Е. Пименова. «Политическіе вожди современной Англіи и «Ирландіи». (Дек.). *Е. Т.*

З. А. Рагозина. «Краткая всемірная исторія». (Іюль). *Д. Кудрявскій.*

Е. Тарле. «Очерки и характеристики изъ исторіи европейскаго общественнаго движенія въ XIX в.». (Февр.). *Ник. Іорданскій.*

Политическая экономія и соціологія.

Баронъ Берлепшъ. «Почему занимаемся мы соціальной реформой?» (Іюнь). *Р. О—ъ.*

C. Bouglé. «La Démocratie devant la Science». (Іюль). *П. Берлинъ.*

D-r. Karl Bücher. «Der deutsche Buchhandel und die Wissenschaft. (Іюль). *А. Рыкачевъ.*

Людвигъ Вольтманнъ. «Политическая антропологія». (Февр.). *Р. Вейнбергъ.*

Hans Hellmar. «Deg Krig und dos Geld». (Дек.). *П. Б—инъ.*

В. А. Гагенъ. «Безработница въ Германіи и мѣры борьбы съ нею». (Февр.). *А. Рыкачевъ.*

У. М. Гольдштейнъ. «Проблемы населенія во Франціи. (Сент.). *В. Шарый.*

Генри Джорджъ. «Покровительство отечественной промышленности или свобода торговли». (Май). *А. Рыкачевъ.*

Генрихъ Дюмоларъ. «Японія въ политическомъ и соціальномъ отношеніи». (Апр.). *Т—а Б—чъ.*

Вернеръ Зомбартъ. «Современный капитализмъ». Т. I, вып. I. Тоже т. I, вып. II. (Окт.). *А. Рыкачевъ.*

Кеннингэмъ. «Ростъ англійской промышленности и торговли». (Май). *Е. Т.*

Алланъ Кларкъ. «Фабричная жизнь въ Англіи». (Апр.). *А. Рыкачевъ.*

P. Lafargue. «Les Trusts américains, leur action economique, sociale et politique». (Февр.). *П. Берлинъ.*

Матеріалы повторной переписи крестьянскихъ хозяйствъ Воронежской губерніи. (Іюнь). *Л. Л—о.*

«**Marx-studien**». (Апр.). *П. Б—инъ.*

Альбертъ Метенъ. «Аграрный и рабочій вопросъ въ Австраліи и въ Новой Зеландіи». (Янв.). *А. Рыкачевъ.*

П. Г. Мижуевъ. «Соціологическіе этюды». (Авг.). *Конст. Диксонъ.*

«**Moderne Demokratie**». (Сент.). *П. Б—инъ.*

А. Де-Морсье. «Права женщины». (Іюль). *Л. В.*

Проф. И. Х. Озеровъ. «Очерки экономической жизни Россіи и Запада». (Сент.). *А. Рыкачевъ.*

Проф. И. Х. Озеровъ. «Изъ жизни труда». (Сент.). *А. Рыкачевъ.*

Проф. И. Озеровъ. «Экономическая Россія и ея финансовая политика на исходѣ XIX в.»). (Дек.). *М. Бернацкій.*

Орженцкій. «Ученіе объ экономическомъ явленіи». (Введеніе въ теорію цѣнности). (Янв.). *М. С—ъ.*

R. L. Prager. «Die Ausschreitungen des Buchandels». (Іюль). *А. Рыкачевъ.*

Уго Раббено. «Аграрный вопросъ въ австралійскихъ колоніяхъ». (Янв.). *А. Рыкачевъ.*

С. Раппопортъ. «Дѣловая Англія». (Авг.). *А. Рыкачевъ.*

В. Тотоміанцъ. «Задачи городского самоуправленія». (Іюнь). *П. Берлинъ.*

Труды мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. (Мартъ). *В. Х—овъ.*

Г. Іеллинекъ. «Декларація правъ человѣка и гражданина». (Іюнь). *Р. Ольгинъ.*

Кн. Н. В. Шаховской. «Земледѣльческій отходъ крестьянъ». (Мартъ). *Н. І—скій.*

Философія и психологія.

В. П. Авенаріусъ. «Создатель русской оперы (Михаилъ Ивановичъ Глинка)». (Апр.). *В. Вальтеръ.*

П. А. Буланже. «Жизнь и ученіе Конфуція». (Май). *Л. В.*

Н. Мальбраншъ. «Разысканіе истины». (Янв.). N. N.

Алоизъ Риль. «Введеніе въ современную философію». (Май). N. N.

Куно Фишеръ. «Исторія новой философіи». Т. VIII. (Авг.). N. N.

Естествознаніе. Астрономія.

Д-ръ Р. Браунсъ. «Царство минераловъ». (Іюнь). *В. Агафоновъ.*

П. Вольногорскій. «Страницы изъ книги природы». (Ноябрь). *П. Шмидтъ.*

С. Гюнтеръ. «Вѣкъ великихъ открытій». (Февр.). *А. Б.*

Проф. А. Додель. «Жизнь и смерть». (Апр.). *В. Аг.*

Елачичъ. «Происхожденіе видовъ и дарвинизмъ». (Дек.). *П. Ю. Шмидтъ.*

Э. Кандезъ. «Переселеніе насѣкомыхъ въ долинѣ рѣки Жилеппы». (Ноябрь). *П. Шмидтъ.*

Дм. Кайгородовъ. «Изъ родной природы». (Янв.). *Д. М.*

Анри Купенъ. «Причудливыя животныя». (Сент.). *В. Агафоновъ.*

В. Львовичъ. «Народы русскаго царства». (Янв.). *Р. Вейнбергъ.*

Ш. Летурно, «Біологія». (Ноябрь). *П. Шмидтъ.*

Ф. Мартинъ. «Три царства природы». (Іюнь). *В. Аг.*

Минералогическій атласъ, состоящій изъ 24-хъ хромолитографическихъ таблицъ съ краткимъ текстомъ. (Апр.). *В. Аг.*

Аббатъ Т. Морэ. «Солнце». (Іюль). *Н. Т. А.*

Габріэль и Адріенъ де-Мортилье. «Доисторическая жизнь». (Февр.). *Н. Могилянскій.*

Научно-образовательная библіотека: Физіологія. (Дек.). *П. Ю. Шмидтъ.*

Образовательная библіотека. Серія V. Изд. О. Поповой. (Сент.). *В. Агафоновъ.*

Памяти проф. Докучаева. 2) Докучаевъ. 3) Страница изъ исторіи почвовѣдѣнія. (Памяти В. В. Докучаева). (Сент.). *В. Агафоновъ.*

В. Раевскій. «Ботаническія экскурсіи». (Апр.). *Б. Федченко.*

Сборникъ избранныхъ прописей (рецептовъ) по фармацевтическимъ производствамъ. (Янв.). *Д. М.*

Складовская-Кюри. «Изслѣдованіе надъ радіоактивными веществами». (Дек.). *Д. М.*

Гарретъ П. Сервиссъ. «Астрономія съ биноклемъ». (Іюнь). *К. Покровскій.*

Тимирязевъ. «Какимъ требованіямъ должны удовлетворять диссертаціи». (Дек.). *В. Агафоновъ.*

Альфредъ Уоллесъ. «Научныя и соціальныя изслѣдованія». (Апр.). *В. Агафоновъ.*

Прф. Хлопинъ. «Камменноугольныя краски». (Іюнь). *Г. Б.*

Хрупъ. «Воспоминанія крысы натуралиста». (Янв.). *Г. Б.*

Что и какъ наблюдать на небѣ. Практическое руководство. (Іюль). *Н. П. А.*

О. Шмейль. «Очерки изъ жизни растеній». (Февр.). *Б. Федченко.*

П. Ю. Шмидтъ. «Страна утренняго спокойствія». (Корея и ея обитатели). (Февр.). *А. Б.*

Эльпе. «Радій и радіоактивность». (Дек.). *Д. М.*

Географія. Этнографія.

Азія. Иллюстрированный географическій сборникъ. (Авг.). *Н. П. А.*

Гессе-Вартегъ. «Японія и Японцы». (Ноябрь). *Т. Б.*

Ангьюсъ Гамильтонъ «Корея». (Іюль). *Н. П. А.*

А. Іонсенъ. «По Южной Америкѣ». (Іюль). *П. Г—въ.*

Д. А. Коропчевскій. «Первые уроки этнографіи». (Іюль). *Б. Витмеръ.*

В. В. Корсаковъ. «Въ старомъ Пекинѣ». (Іюль). *Б. Витмеръ.*

Hugues Krafft. «A travers le Turkestan russe». (Февр.). *Б. Федченко.*

К. Д. Носиловъ. «На Новой Землѣ». (Янв.). *П. Г—въ.*

Элизе Реклю. «Исторія горы». Изд. 2-ое. (Авг.). *П. Г.*

А. А. Черевкова. «Очерки современной Японіи». (Февр.). *А. Б.*

Генрихъ Шуртцъ. «Народовѣдѣніе». (Іюль). *Р. Вейнбергъ.*

Медицина и гигіена.

Проф. Э. Бергманъ. «Первая медицинская помощь». (Май). Врачъ *Л. В—ій.*

Врачъ А. В. Бургеръ. «Вредное вліяніе длинныхъ волосъ на дѣтской головѣ». (Іюнь). Врачъ *Л. В—ій.*

Проф. М. М. Волковъ. «Клиническіе этюды». (Май). Врачъ *Л. В—ій.*

Изданія коммиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ, состоящей при обществѣ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. (Іюнь). Врачъ *Л. В—ій.*

Д-ръ мед. Р. Кацъ. «О защитѣ глаза отъ внѣшнихъ вредныхъ вліяній». (Іюнь). Врачъ *Л. В—ій.*

Проф. Dr. G. Meyer. «Подача первой помощи при внезапныхъ заболѣваніяхъ и несчастныхъ случаяхъ». (Май). Врачъ *Л. В—ій.*

Д-ръ мед. Молль. «Врачебная этика». (Апр.). Врачъ *В. Сиземскій.*

Врачъ В. Рахмановъ. «Берегите здоровье дѣтей!» (Іюнь). Врачъ *Л. В—ій.*

А. И. Розенквистъ. «Современное состояніе вопроса о борьбѣ съ сифилисомъ въ Россіи». (Іюнь). Врачъ *В. И. Б—ъ.*

М. Членовъ. «Великое зло». (Май). Врачъ *Л. В—ій.*

Народное образованіе.

Книги и журналы для чтенія учащихся въ средней школѣ. (Ноябрь). *Л. Б.*

Народная литература. Сборникъ отзывовъ библ. ком. Кіевскаго Об—ва грамотности. (Ноябрь). *Л. Б.*

Фр. Паульсенъ. «Германскіе университеты». (Окт.). *А. Б.*

С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы за 25 лѣтъ (Апр.). *А. Б.*

Программы чтенія для самообразованія. Изд. 4-ое (Авг.) *В. Сторожевъ.*

В. Чернышевъ. «Письма о старой и новой ороографіи». (Дек.). *К. Житомірскій.*

Ф. Ч. «Упрощеніе русскаго правописанія». (Дек.). *К. Житомірскій.*

Екатерина Янжулъ. «Американская школа». (Очерки методовъ американской педагогіи). (Апр.). *А. Б.*

Эпизодическія программы. Серія 1-я, изд. 2-е. (Окт.). *В. Сторожевъ.*

Народныя изданія.

В. Алексѣевъ. «Земскіе соборы древней Руси». (Іюнь). *Л. К—ва.*

Библіотека для всѣхъ. Изданіе О. Н. Рутенбергъ и А. И. Жуковой. (Авг.). *Л. К—ва.*

Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества. (Авг.). *Л. К—ва.*

Е. И. Булгакова. «Что за страна Японія». (Авг.). *Л. К—ва.*

И. П. Бѣлоконскій. «Какъ живутъ японцы». (Авг.). *Л. К—ва.*

У. А. В—въ. «О томъ, какъ защищать себя на судѣ, не имѣя повѣреннаго защитника». (Мартъ). *Л. К—ва.*

Дешевая иллюстрированная библіотека. «Русско-японская война». (Авг.). *Л. К—ва.*

О. М. Жирновъ. «Что такое земская страховка и куда она идетъ». (Мартъ). *Л. К—ва.*

Изданія вятскаго товарищества. (Авг.). *Л. К—ва.*

Изданія т-ва «Донская Рѣчь». (Авг.). *Л. К—ва.*

Индійскій мудрецъ Сиддарта Будда. (Авг.). *Л. К—ва.*

Книжка—копейка. «Современная Японія». (Іюнь). *Л. К—ва.*

А. В. Мезіеръ. «Тернистой дорогой». (Мартъ). *Л. К—ва.*

А. В. Мезіеръ. «Изъ прошлаго одного ирландскаго семейства». (Іюнь). *Л. К—ва.*

Новая Земля (природа, животный міръ, промыслы и населеніе). (Мартъ). *Л. К—ва.*

Общедоступная библіотека правовѣдѣнія. «О законѣ». Н. И. Паліенко. (Іюнь). *Л. К—ва.*

Общедоступная географическая библіотека. «Англія». (Іюнь). *Л. К—ва.*

Персія и персы. Составила Евг. Богрова. (Мартъ). *Л. К—ва.*

Э. К. Пименова. «Австралія и ея обитатели». (Мартъ). *Л. К—ва.*

Пѣсенники изд. «Посредника». (Авг.). *Л. К—ва.*

Русская Лапландія и русскіе лопари. (Мартъ). *Л. К—ва.*

Русско-японская война. Изд. Т-ва Сытина. (Авг.). *Л. К—ва.*

Шарль Рабо. «Огненная земля». (Мартъ). *Л. К—ва.*

М. Стокманъ-Диксонъ. «Какъ былъ открытъ Новый Свѣтъ». (Мартъ).

Л. Б. Хавкина. «Разсказы о Японіи». (Авг.). *Л. К—ва.*

А. Энгельмейеръ. «Холера». (Авг.). *Л. К—ва.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(отъ 15-го октября по 15-е ноября 1904 г.).

А. Бѣлый.

А. Блокъ. Стихи о прекрасной дамѣ. Москва. 1905. Изд. «Грифъ». Ц. 1 р.

Ѳ. Сологубъ. Книга сказокъ. Москва 1905. Изд. «Грифъ». Ц. 80 к.

Владиміръ Ж. Бѣдная Шарлотта Поэма. Спб. 1904. Ц. 5 к.

Л. Зиновьева-Аннибалъ. Кольца. Москва. 1904. Изд. «Скорпіонъ». Ц. 1 р. 80 к.

А. Алтаевъ. Подъ гнетомъ инквизиціи. Ист. пов. Спб. 1904. Изд. П. Сойкина. Ц. 1 р. 25 к.

С. Рунинъ. Въ Маньчжуріи. Спб. 1904. Изд. Сойкина. Ц. 1 р.

О. Шапиръ. Инвалиды и новобранцы. Спб. 1905. Ц. 1 р.

М. Болквадзе. Исповѣдь адвоката. 2-е изд. Кіевъ. 1904. Изд. «Югъ». Ц. 60 к.

А. Худековъ. На пашнѣ. Очерки и разсказы. Спб. 1905. Ц. 80 к.

В. Висковскій. Разсказы. Т. I. Изд. 2-ое. Москва. 1904. Ц. 1 р.

П. Брюнекли. Легенды и настроенія. Спб. 1904. Ц. 1 р.

К. Баранцевичъ. Свободные сны и др. разсказы Спб. Изд. Маркса. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

Е. Милицына. Разсказы. Москва. 1904. Ц. 1 р.

Изданіе «Посредника». Москва. 1904: Плодовое садоводство, вып. I-й—домашній садъ. Ц. 15 к.; вып. 2-й—кустовый и ягодный садъ. Ц. 60 к., сост. Е. И. Поповъ. Почва, ея обработка и удобреніе, сост. П. Костычевъ 2-ое изд. Ц. 1 р.—(О борьбѣ съ засухами посредств. обработки полей и накопл. на нихъ снѣга, сост. Костычевъ. 3-е изд. Ц. 20 к. Хлѣбный огородъ или ручное земледѣліе сост. Е. Поповъ 2-е изд., Ц. 60 к. Земледѣліе промышленность и ремесла. Съ англ. пер. А. Коншина. 2-е изд. Ц. 80 к. Сто вегетеріанскихъ блюдъ. А Николаева. Москва. 1904. Ц. 25 к. Въ деревнѣ, разск. С. Семенова. 2-ое изд. Ц. 30 к. Избранныя мысли Джона Рёскина, перев. Ст. Никифорова. 3-й вып. Ц. 20 к. Изъ дневника Аміеля, перев. съ франц. М. Л. Толстой. 2-е изд. Ц. 40 к. Дочь лигійскаго царя. Ром. по Сенкевичу сост. В. Лукьяновская. Ц. 50 к. Наши комнатныя растенія. Ц. 10 к. Мой цвѣтникъ. сост. Ельманова. Ц. 15 к. О довѣріи къ себѣ. Ральфа Эмерсона. Ц. 10 к. Какъ дѣлать самодѣльн. вѣялки и молотилки. 2-ое изд. Ц. 6 к.

Ѳ. Зѣлинскій. Изъ жизни идей. (Научно-популярныя статьи. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Н. И. Костомаровъ. Собраніе сочиненій. Книга IV. (Богданъ Хмѣльницкій). Изд. об-ва для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Спб. 1904. Ц. 4 р.

А. Борисякъ. Курсъ палеонтологіи. Часть I. (Безпозвоночныя). Изд. Сабашниковыхъ. Москва. 1905. Ц. 2 р. 40 к.

Элизе Реклю. Земля и люди. Вып. VII. Германія. Изд. Поповой. Спб. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

К. К. Арсеньевъ. Законодательство о печати. Изд. Гершунина и К°. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

І. В. Гессенъ. Судебная реформа. Изд. Гершунина и К°. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Очерки по крестьянскому вопросу. Собраніе статей. Изд. Горшкова. Москва. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

К. Каутскій. Изъ исторіи общественныхъ теченій. Изд. «Общественной Пользы». Спб. 1905. Ц. 2 р.

П. Головачевъ. Россія на Дальнемъ Востокѣ. Изд. Кусковой. Спб. 1904. Ц. 1 р.

М. Маргуліесъ. Уголовное уложеніе 22-го марта 1903. Изд. журн. «Юристъ». Спб. 1904.

Г. Дорофеевъ. Къ вопросу о реформѣ средней школы. Варшава. 1904.

Гансъ Корнеліусъ. Введеніе въ философію. Изд. Ефимова. Москва. 1905. Ц. 2 р.

А. Реформатскій. Неорганическая химія, (начальный курсъ). Москва. 1905. Ц. 2 р.

Н. Стечькинъ. Максимъ Горькій. Его творчество и его значеніе въ исторіи русской словесности. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Ф. Индриксонъ. Нѣсколько работъ по физикѣ для учениковъ средней школы. Спб. 1905. Ц. 70 к.

Ив. Визиревъ. Нашата Конституція. Книжарницата «Паиссий». Пловдивъ. 1904. Ц. 1 30 л.

Научный архивъ Виленской окружной лечебницы № 3—4-й. Вильна. 1904.

А. Пругавинъ. Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ. Изд. «Посредника». Москва. 1905. Ц. 60 к.

И. Гливенко. Типы героевъ въ литературѣ. Историко-литературная гипотеза. Кіевъ. 1904.

Педагогическая Мысль. Изданіе коллегіи Павла Галагана. Вып. I. Кіевъ. 1904. Ц. 1 р.

П. Богомазовъ. Избранныя русскія пословицы. Москва. 1905. Ц. 20 к.

Г. Шершеневичъ. Исторія философіи права. Вып. I—II. Казань. 1904. Ц. 50 к.

Его же. Герои Максима Горькаго передъ судомъ юриспруденціи. Казань. 1904. Ц. 40 к.

Е. де-Туржа-Туржанская. Русская женщина какъ сторонница «Вѣры». Изд. «Правда». Москва. 1904. Ц. 20 к.

Сводъ свѣдѣній о финансовыхъ результатахъ по казенной продажѣ питей за 1903 годъ. Спб. 1904.

Обзоръ внѣшней торговли Россіи по европейской и азіатской границамъ за 1902 годъ. Спб. 1904.

С. Князьковъ. Изъ прошлаго Русской земли. Изд. Лавровой и Попова. Спб. 1904. Безпл. прил. къ журн. «Дѣтскій Отдыхъ».

Изданія музея прикладныхъ знаній въ Москвѣ: С. К. Начало раскола. Изд. 1904. Ц. 6 к. Н. Дубницкій. Чѣмъ всѣ предметы похожи другъ на друга. Ц. 6 к. Н. Рихтеръ. Вулканы. Ц. 6 к.

300 найкращыхъ украинськыхъ писень. Изд. 1904. Выдавництво Викъ». Ц.

М. Грущевськый. Оповидання. Изд. то же. Ц. 35 к.

А. Крымськый. Изъ повистокъ и эскизивъ. то же. Ц. 50 к.

И. И. Ивановъ. Вилльямъ Шекспиръ. Гамлетъ и Ромео и Джульета. Изд. Тихомирова. Москва. 1904. Ц.

Влюбленный чортъ. Пер. съ малорос. Л. Г. Стрѣльченко.

О пьянствѣ. Вр. Антекмана. Москва. 1904. Изданіе коммиссіи по распространенію гигіенич. зн.

Отчетъ о дѣятельности Алекс. отдѣла попечительства Государыни Имп. Маріи Ѳеодор. о глухонѣмыхъ за 1903 г.

Отчетъ о дѣятельности состоящ. подъ август. покровительствомъ Ихъ Импер. Величествъ попечительства Государыни Имп. Маріи Ѳеодрр. о глухонѣмыхъ за 1903 г. Спб. 1904.

Отчетъ о дѣятельности Харьковской коммиссіи народныхъ чтеній за 1903 г. Харьковъ. 1904.

Каталогъ наглядно-учебныхъ пособій, представленныхъ книжн. складомъ Харьк. губерн. земства. Харьковъ. 1904.

Къ вопросу о подготовкѣ санитарныхъ врачей.

Отчетъ Ярославской общественной городской Пушкинской библіотеки за 1903 г. Ярославль. 1904.

Статистическая справка къ вопросу о постройкѣ жел.-дор. линіи Вязьма-Юрьевъ. Псковъ. 1904

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Les écrivains politiques du XVIII siècle. Etxraits avec Introduction par Albert Baget et François Albert». 3 fr. (*Armand Colin*). (*Политическіе писатели XVIII вѣка*). Цѣль этой книги познакомить широкій кругъ читателей съ политическою философіей XVIII вѣка, которая собственно и была источникомъ французской революціи. Книга снабжена прекраснымъ предисловіемъ и заключаетъ въ себѣ извлеченія изъ сочиненій Пьера Бейля, аббата Сенъ-Пьера, Монтескьё, Вольтера, Дидро, Гельвеція, Гольбаха, Руссо, Мабли, Тюрго, Рейналя и др.

(Nouvelle Revue).

«Histoire contemporaine», depuis 1815, par Charles Segnobos et Albert Métin. 5 fr. Armand Colin. (*Современная исторія съ 1815 г.*). Трудно представить себѣ болѣе полное и ясное изложеніе всей сложной массы фактовъ политическаго, экономическаго и соціальнаго характера, образующихъ исторію XIX вѣка. Въ этой книгѣ заключаются свѣдѣнія, полезныя не только для спеціалиста, но и для самой широкой публики.

(Nouvelle Revue).

«A History of Civilisation in England» (English Reader), pas Ch. Schweitzer et L. Cazamian, illustré. (Armand Calin). 3 fr. 50. (*Исторія цивилизаціи въ Англіи*). Оба автора этой книги поставили себѣ цѣлью представить яркую картину исторической жизни народа и прогрессивнаго развитія цивилизаціи.

(Daily News).

«Deutsche Kulturgeschichte in Wort und Bild» (Deutsches Lesebuch) par Ch. Schweitzer et E. Simonnot (Armand Colin). 4 fr. (*Нѣмецкая исторія культуры въ словахъ и картинахъ*). Эта книга заключаетъ въ себѣ очень живо написанную и интересную соціальную исторію нѣмецкаго народа.

(Nouvelle Revue).

«Education ou Révolution», par Gabriel Séailles (Armand Colin). 3 fr. 50. (*Воспитаніе или революція*). Въ своихъ предшествующихъ трудахъ авторъ постарался дать точное опредѣленіе свѣтскому идеалу, который долженъ занять въ современномъ мышленіи мѣсто прежнихъ догматовъ. Въ новомъ же своемъ трудѣ авторъ старается указать, какими путями можетъ быть реализированъ этотъ идеалъ. Онъ говоритъ о принципахъ и духѣ современнаго воспитанія, о необходимости, одновременно съ измѣненіемъ учрежденій и законовъ, измѣнять и индивидовъ, которые, конечно, не преминутъ передѣлать общество на свой образецъ. Полное понятіе о содержаніи книги даетъ слѣдующее оглавленіе: Право народа на образованіе. — Свѣтская школа.—Школа безъ религіи —Философія и воспитаніе народа.—Кооперація идей и народныхъ университетовъ.—Высшее народное образованіе.—Воспитаніе и революція.—Народный дворецъ.—Народный университетъ и рабочія учрежденія. —Викторъ Гюго.—Философія народа.— Феликсъ Пеко.—Среднее образованіе и философія

(Nouvelle Revue).

«Les Etat Unis au XX-e siècle» par Pierre Leroy Beaulieu. (Armand Colin). 4 fr. (*Соединенные Штаты въ XX вѣкъ*). Авторъ вблизи изучилъ страну, которую онъ разсматриваетъ какъ компетентный экономистъ и наблюдатель, умѣющій выдѣлить, какъ соціальную, такъ и экономическую сторону вопросовъ, которыхъ касается въ своей книгѣ. Его трудъ даетъ полную картину промышленной дѣятельности американскаго народа, производительности страны и ея рессурсовъ.

(Revue des deux Mondes).

«The Sikhs», by General Sir I. H. Gordon. London. (Blackwood). 7 s., 6 d. (*Сикки*). Въ очень занимательной и популярной формѣ авторъ разсказываетъ исторію сикковъ и знакомитъ читателя съ характерными чертами этого интереснаго племени, которое вначалѣ представляло религіозную секту, отколовшуюся отъ индуизма, подъ вліяніемъ такого же точно импульса, который вызвалъ реформацію въ Европѣ. И прежде, какъ и теперь, сикки составляютъ большую часть населенія Пенджаба. Подъ вліяніемъ преслѣдованій, они пре-

вратились въ военную общину и получали политическую организацію, образовавъ двѣнадцать конфедерацій. Однако, послѣ краткой, но очень горячей борьбы съ британскимъ владычествомъ, сикки снова превратились въ простую религіозную общину, представляющую, однако, большую сплоченность и ревниво оберегающую свои военныя традиціи.

(Saturday Review).

«Democracy and Reaction» by L. T. Hobhouse (Ficher Unwin). 7 s. (Демократія и реакція). Авторъ подробно изучаетъ рабочее движеніе и ходъ политическихъ событій, оказывающихъ вліяніе на современное поколѣніе и на основныя идеи либерализма.

(Saturday Review).

«The white Man in Nigeria» by G. D. Hazzledine. With Illustsations and a Map (Edward Arnold). 10 s. 6 d. (Бѣлый человѣкъ въ Нигеріи). Интересное описаніе жизни и приключеній въ Нигеріи, ко времени британской оккупаціи. Эта часть Африки заключаетъ въ себѣ много интереснаго, но до сихъ поръ еще недотаточно изучена.

(Athaeneum).

«Inner Ierusalem» by A. Goodrich Freer. Illustrated. (Archilald Constable) 12. s. 6. (Внутренній Іерусалимъ). Авторъ разсматриваетъ Іерусалимъ скорѣе съ исторической, нежели съ религіозной точки зрѣнія. Онъ описываетъ современный Іерусалимъ и различныя религіи и расы, которыя сталкиваются въ немъ, ихъ временныя отношенія и борьбу. Авторъ имѣлъ случай хорошо изучить внутреннюю жизнь священнаго города, такъ какъ прожилъ въ немъ довольно долго.

(Athaeneum).

«Revolutionary Types» by I. A. Taylor. (Duckworth). 10 s. 6 d. (Революціонные типы). Подъ этимъ названіемъ авторъ даетъ нѣсколько яркихъ портретовъ различныхъ историческихъ личностей, въ числѣ которыхъ находится, между прочимъ, и Вашингтономъ. Очерки написаны очень живо и читаются съ интересомъ.

(Athaeneum).

«Education through the Imagination» by Marguret Memillan, Author of «Early Childhood» etc. Illustrated, (Swan Ionnenschein) 3 s. 6 d. ((Воспитаніе посредствомъ воображенія). Авторъ дѣлаетъ попытку исправить общераспространенные методы обученія, не только не содѣйствующіе развитію способностей, но скорѣе даже притупляющіе ихъ. Онъ развиваетъ свой взглядъ на роль, которую должно играть воображеніе въ дѣлѣ воспитанія.

(Athaeneum).

«Aus allen Welten», Diplomatische Streiflichter, Intervews und Errinerungen. Berlin W. 30. Verlag Continent (Theo Gutman). (Со всѣхъ концовъ свѣта). Въ книгѣ заключается, кромѣ письма Бисмарка, много интереснаго историческаго матеріала изъ жизни Фридриха Вильгельма IV, императора Вильгельма I и императора Фридриха, а также воспоминаній, касающихся различныхъ государственныхъ людей, художниковъ и т. д.

(Berliner Tag.).

«Trough Town and Jungle» by William Hunte Workman. and Fanny Bullock Workman. (Umvin) 21 s. (По городамъ и джунглямъ). Очень занимательное описаніе путешествія мужа и жены, проѣхавшихъ 14.000 миль по дебрямъ Индіи на велосипедахъ, со спеціальною цѣлью изучить архитектурные и художественные остатки древней индійской цивилизаціи. Книга хорошо иллюстрирована и читается съ большимъ интересомъ.

(Times).

«Aus meinem Leben» von Albert Schäffle. mit sechs Bildnissen und einer Briefbéilage Zwei Bände. Berlin. (Ernst Hofmann) (Изъ моей жизни). Большая часть этихъ интересныхъ мемуаровъ нѣмецкаго историка посвящена австрійской политикѣ и заключаетъ въ себѣ огромный матеріалъ для историческихъ изслѣдованій. Но въ одной изъ главъ, авторъ излагаетъ свои философскіе взгляды и объявляетъ себя послѣдователемъ монизма, который онъ понимаетъ, однако, не въ матеріалистическомъ, а въ идеалистическомъ смыслѣ.

(Frankfurt. Zeit.).

«Goethe, Humboldt, Darwin, Haeckel», von May Walther. Vier Vorträge. (Berlin-Steglitz). (Гёте, Гумбольдтъ, Дарвинъ, Геккель). Въ книгѣ заключаются четыре очерка, изслѣдующіе общія черты между Гёте и Гумбольдтомъ, Гёте и Дарвиномъ, Гумбольдтомъ и Дарвиномъ и Дарвиномъ и Геккелемъ. Авторъ прекрасно овладѣлъ своимъ предметомъ, онъ изучилъ своихъ героевъ и ихъ произведенія и вполнѣ освоился съ ними, поэтому параллели, которыя онъ проводитъ, и его характеристика представляютъ большой интересъ для читателей.

(Frankfurt. Zeit).

«Entstehung der deutschen Frauenbewegung». Eine socialpolitische Betrachtung von Waldemar Mitscherlieb. Berlin (Rettkam-

mer und Mühlbrecht). (*Происхожденіе нѣмецкаго женскаго движенія. Соціалистическое изслѣдованіе*). Трудно, конечно, такое сложное явленіе, какъ женское движеніе, охарактеризовать въ сжатомъ очеркѣ, но авторъ все таки довольно хорошо справился со своею задачей. Онъ постарался выяснить какъ духовный, такъ и экономическій характеръ движенія, но хотя онъ выражаетъ свое полное сочувствіе этому движенію и воздаетъ должное способностямъ и энергіи женщинъ, тѣмъ не менѣе онъ находитъ, что было бы не совсѣмъ благоразумно дать имъ сразу политическія права и допустить ихъ къ участію въ правительствѣ. Точно также онъ не совѣтуетъ открывать имъ сразу всѣ либеральныя профессіи, хотя и отдаетъ полную справедливость ихъ трудолюбію и способности къ наукамъ.

(Frankfurt. Zeit.).

«*The School of Journalism in Columbia Universety*» *by Ioseph Palitzer. New-York.* (*Columbia University*) (*Школа журнализма*). Авторъ разсказываетъ исторію возникновенія школы журнализма, знакомитъ читателя съ ея программами и методамъ преподаванія и главнымъ образомъ распространяется о могуществѣ общественнаго мнѣнія и громадномъ значеніи печати, какъ его выразительницы.

(Daily News).

«*La Révolte de l'Asie*» *par Victor Bérard* (*Arman Colin 4*) *fr.* (*Возмущеніе Азіи*). Въ этой книгѣ разсматриваются всестороннимъ образомъ всѣ тѣ проблемы, которыя связаны съ великимъ конфликтомъ, происходящимъ въ данный моментъ на Дальнемъ Востокѣ. Авторъ приводитъ документы и факты, освѣщающіе отношенія Азіи и Европы вообще, и Японіи и Европы въ частности.

(Revue des deux Mondes).

«*L'Amour à travers les âges*», *par Béatrix Donati.* (*Aveuel ef Theureng*). (*Любовь въ разныя времена*). Авторъ поставилъ себѣ задачей изобразить любовь въ различные періоды человѣческой исторіи и представить тѣхъ лицъ, которыя оставили свое имя въ исторіи и прославились своею любовью и энтузіазмомъ.

(Revue).

«*The Napoleons Empir in south Italy and the Rise of the secret Societies*» *by R. M. Johnstn* (*Macmillan*). *20 s.* (*Наполеоновская Имперія въ Южной Италіи и развитіе тайныхъ обществъ*). Очень интересное историческое изслѣдованіе борьбы за итальянскую національность, обрисовывающее то вліяніе, которое оказало французское управленіе на Италію, находившуюся еще въ условіяхъ феодальнаго государства. Наполеоновскій режимъ содѣйствовалъ, по мнѣнію автора, зарожденію націи и это лучше всего выразилось въ ростѣ тайныхъ обществъ.

(Times).

«*Les influences ancestrales*» *par Felix le Dantec* (*Flammarion*). (*Вліянія предковъ*). Присоединяясь къ принципамъ ученія Ламарка и Дарвина, авторъ спеціально изучаетъ роль случая въ эволюціи рода. Затѣмъ онъ изслѣдуетъ вліяніе членораздѣльной рѣчи и важное ея значеніе въ дѣлѣ наслѣдственныхъ превращеній, посвящая особенное вниманіе вопросу о томъ, какимъ путемъ членораздѣльная рѣчь приводитъ къ метафизическимъ понятіямъ о силѣ, божествѣ, душѣ и т. п. Въ заключеніе авторъ разсуждаетъ о чувствѣ любви, которое подверглось извѣстной эволюціи въ теченіе человѣческаго прогресса и уже испытало превращенія, лишившія его прежняго значенія.

(Nouvelle Revue).

«*La Philosophie morale*» *par G. Chatterton Hill* (*Stock*). (*Нравственная философія*). Въ основу этой книги заложена доктрина, проповѣдующая абсолютную индивидуальную свободу, ограниченную, впрочемъ, свободою другихъ. Эту докрину раньше изложилъ въ своей книгѣ нѣмецкій писатель Штирнеръ, теперь она развивается французскимъ авторомъ и обсуждается имъ съ научной точки зрѣнія. Книга читается легко, потому что авторъ не прибѣгаетъ безъ нужды къ научнымъ терминамъ и производитъ особенно сильное впечатлѣніе на читателя своею искренностью.

(Nouvelle Revue).

«*Literary Geography*» *by William Sharp. Prix 10 s.* (*Pall Mall publications*). (*Литературная географія*). Очень интересныя очерки, собранные въ этой книгѣ, заключаютъ въ себѣ описанія родины нѣкоторыхъ знаменитыхъ англійскихъ писателей: Диккенса, Джорджъ Элліотъ, Тэкерея, Стивенсона, Скотта, Мередита, Бронте, Карлейля и др., а также такихъ мѣстъ, гдѣ находятся какія либо литературныя ассоціаціи или общества. Авторъ, этихъ очерковъ старается, между прочимъ, опредѣлить, какое вліяніе имѣла окружающая обстановка на развитіе литературнаго таланта и насколько она на немъ отразилась.

(Times).

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

Содержаніе журнала за 1904 годъ.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Купринъ, А. «Корь». Разсказъ (апрѣль).
— «Съ улицы». Разсказъ (декабрь).
Ладыженскій, Вл. Стихотвореніе «Дубъ» (іюль).
Лукьяновъ, А. Стихотв. «Утро» (февраль).
— «Ночь моя» (іюнь).
— «Памяти Ант. Павл. Чехова» (августъ).
— Стихотвореніе (сентябрь).
Мадачъ, Эмерихъ. «Трагедія человѣчества». Драма. Перев. *Н. Холодковскаго* (май).
Маковскій, С. «Сонетъ» (январь).
— Стихотвореніе «Узникъ» (апрѣль).
Митяшевъ, М. «Маша» (изъ запис., найден. на улицѣ) (іюль).
Муйжель, В. «Въ непогоду». Разсказъ (августъ).
Никифоровъ, Л. «Антонъ Матвѣевичъ». Разсказъ (ноябрь).
Осиповичъ, Н. «Дамка». Разсказъ (май).
Первухинъ, М. «Свисташкино счастье». Разсказъ (сентябрь).
Поступаевъ, Ѳ. Стихотворенія: «Вѣсть весны», «Если видишь, если слышишь» (апрѣль).
Реймонтъ, Вл. Ст. «На работѣ». Перев. съ польскаго *М. Троповской* (октябрь).
Родзевичъ, Марія. «Залòмъ». Разсказъ перев. съ польск. Н. К. (декабрь).
Рюдбергъ, Викторъ. «Сингуалла». Повѣсть. Пер. со шведск. (августъ).
Скиталецъ. Стихотворенія. Сказка (мартъ).
— Стихотвореніе (май).
Танъ. «За океаномъ». Повѣсть изъ жизни русскихъ въ Америкѣ (январь, февраль, мартъ, апрѣль, май, іюнь).
Тхоржевскій, Ив. «Осенью». Стихотвореніе (ноябрь).
Уайтингъ, Ричардъ. «Въ старой Англіи» (желтый фургонъ). Перев. съ англ. *Сердечной* (іюль, августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь).
Чернобаевъ, Е. Стихотворенія. «На Снѣгу» (изъ Маріи Конопницкой) (январь).
— «Призывъ» (апрѣль).
— «Весенней ночью» (май).
— «Въ вишневомъ саду» (октябрь).
Чириковъ, Евгеній. «Тайна». Разсказъ (ноябрь).
Чюмина, О. Стихотворенія. «У Рѣки» (май).
— «Крымскіе мотивы» (октябрь).
— «Крылья изъ перьевъ». Лирическая японская драма «Но». Перев. съ англ. (декабрь).
Шапиръ, Ольга. «Дунечка». Разсказъ (февраль).
— «Покаяніе». Разсказъ (декабрь).
Фогаццаро, А. «Холера». Перев. съ итальянскаго (іюль).
Фрапанъ, Ильза. «Трудъ». Романъ. Перев. съ нѣмецкаго *Э. Пименовой* (январь, февраль, мартъ, апрѣль, май, іюнь).
Ярнефельдъ, А. «Въ мірѣ безмолвія и мрака». Пер. съ финск. (сентябрь).
— «Сынъ свѣта и счастья». Пер. съ финск. (сентябрь).
Юшкевичъ, С. «Въ августовскій вечеръ». Драм. сцена (сентябрь).
Ѳедоровъ, А. Стихотворенія. «Альбатросъ» (январь).
— Изъ Кардуччи. «Волъ». Сонетъ (мартъ).
— Стихотвореніе (май).
— Стихотвореніе (августъ).

— «Природа». Романъ въ 3-хъ частяхъ (іюнь, іюль, августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь).

НАУЧНЫЯ СТАТЬИ И СОЧИНЕНІЯ.

Агафоновъ, В. «Объ индивидуальности и индивидуализмѣ» (февраль, мартъ).

Азбелевъ, Н. П. «Женскій вопросъ въ Японіи» (іюнь, іюль).

— «Театръ въ Японіи» (декабрь).

Ашевскій, С. «Достоевскій и Бѣлинскій» (январь).

Батюшковъ. (См. ниже «Постоянные отдѣлы»).

Богдановичъ, К. И. (проф.) «Драгоцѣнные камни» (октябрь).

Богдановичъ, Т. «Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи» (іюль, августъ, сентябрь, октябрь).

Богдановичъ, А. (См. ниже. «Критич. Замѣтки»).

Бланкъ, Л. «Роль деревни въ современной Германіи» (ноябрь).

Вальтеръ, Викторъ. «Михаилъ Ивановичъ Глинка» (къ столѣтію со дня его рожденія 20-го мая 1804 г.) (май).

— «А. Г. Рубинштейнъ» (къ десятилѣтію смерти) (ноябрь).

Вериго, Б. Ф. (проф.) «Физіологія и жизненная сила» (іюнь).

Витмеръ, Б. «Военный флотъ какъ отрасль современной крупной промышленности» (май).

«Воздухоплаваніе въ его прошломъ и настоящемъ». Со мног. рис. въ текстѣ. Составлено по Лекорню, Линке, Поморцеву, Тиссандье и др. Подъ ред. **В. К. Агафонова.** Отд. III, (январь—декабрь включительно).

Дегенъ, Е. «Всенародное искусство». (Дж. Рёскинъ, Л. Толстой, В. Моррисъ) (мартъ, апрѣль).

Зѣлинскій, Ѳ. (проф.) «Изъ древнеримскихъ бытовыхъ отношеній» (іюнь).

Катинъ-Ярцевъ, В. Н. «На крайній сѣверъ» (изъ русской полярной экспедиціи барона Э. В. Толя) (январь, февраль, мартъ, апрѣль).

Каренинъ, В. «Жоржъ-Сандъ и писатели - пролетаріи» (Пердигье, Понси, Магю, Жильянъ и др.) (іюль).

Кауфманъ, Алекс. «Въ среднеазіатскихъ степяхъ» (сентябрь, октябрь, ноябрь).

Клейнбортъ, Л. «Н. К. Михайловскій, какъ публицистъ» (іюнь, II отд.).

— «Б. Н. Чичеринъ». Характеристика (сентябрь, II отд.).

— «Наше мѣстное самоуправленіе» (ноябрь, II отд.).

— «Русское общественное мнѣніе» (декабрь, отд. II).

Клейнъ. «Вулканизмъ въ міровомъ пространствѣ» (декабрь).

Котляревскій, Н. «Историческіе мотивы въ стихотвореніяхъ гр. А. К. Толстого» (февраль).

Кранихфельдъ, Вл. «М. Е. Салтыковъ» (Н. Щедринъ) (опытъ литературной характеристики) (апрѣль, іюнь, іюль).

— «По поводу одной анкеты» (декабрь, отд. II).

Лозинскій, Е. «Современныя философскія исканія» (октябрь, ноябрь).

Мечниковъ, Ил. «Рудименты человѣческой психологіи». Перев. съ французскаго *Кюна* (ноябрь).

Невѣдомскій, М. «Н. К. Михайловскій» (опытъ психологической характеристики) (апрѣль, II отд.).

— «О современномъ художествѣ» (по поводу сборниковъ «Знанія») (августъ, октябрь, II отд.).

Риль, Алоизъ. «Иммануилъ Кантъ». Рѣчь, произнесенная Алоизомъ Рилемъ въ актовомъ залѣ университета въ Гелле, въ торжественномъ засѣданіи по случаю столѣтія со дня кончины Канта. Перев. съ нѣмецкаго (апрѣль).

Рожковъ, Н. «Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія». Часть 2-ая. Удѣльная Русь (XIII, XIV, XV и первая половина XVI вѣка) (май, іюнь, іюль, августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь).

Ростовцевъ, М. (проф.) «Теодоръ Моммзенъ» (1817—1903 г.) (февраль).

С—вичъ, А. «На Дальнемъ Востокѣ». 1) Ляодунскій полуостровъ, 2) Манчжурія, 3) Корея (мартъ, апрѣль, май, II отд.).

Тарле, Евг. «Ирландія отъ возстанія 1798 г. до аграрной реформы нынѣшняго министерства» (январь, февраль, мартъ, май, іюль, августъ, сентябрь, октябрь, декабрь).

Туганъ-Барановскій, М. «Что такое общественный классъ» (январь).

— «Психическіе факторы общественнаго развитія» (августъ).

— «Борьба классовъ какъ главнѣйшее содержаніе исторіи» (сентябрь).

Хлопинъ, Г. В. (проф.) «Роль санитарныхъ мѣропріятій въ борьбѣ за долголѣтіе» (апрѣль).

Хохловкинъ, А. «Знахарство и шарлатанство» (мартъ).

Челпановъ, Г. (проф.) «Основныя направленія въ современной теоріи познанія» (августъ, сентябрь).

Церасскій, В. (проф.) «Основы спектральнаго анализа и его приложеніе къ изслѣдованію небесныхъ явленій въ элементарномъ изложеніи» (январь).

Франкъ, С. «О критическомъ идеализмѣ» (декабрь).

Юшкевичъ, М. (д-ръ) «Туберкулезъ и современная общественная борьба съ нимъ» (августъ).

ОТДѢЛЪ II.

Критическія замѣтки.

Январь. Прошлый годъ въ литературѣ.—Сравнительная бѣдность выдающихся произведеній.—Новое произведеніе А. П. Чехова «Невѣста».—Драматическія произведенія кн. Сумбатова «Имѣна», г. Г. Юшкевича «Чужая.—Окончательная эволюція г. Меньшикова, или конецъ «мудрой кротости».

Февраль. «Очерки исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати» Н. Энгельгардта.—«Самобытный» взглядъ «аристократа духа» на «пользу цензуры» или «задачи просвѣщенной цензуры».—Въ защиту культуры и интеллигенціи, по поводу книги «Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи» Н. М. Соколова.

Мартъ. Два типа современности въ романѣ г. Боборыкина «Братья»: дѣятель и «эготистъ». Новое и старое въ программѣ перваго и въ чертахъ второго. Разслоеніе семьи въ другомъ романѣ того же автора «Разладъ».—«Петръ и Алексѣй» г. Мережковскаго. Сходство этого романа по построенію съ «Воскресшими богами».—Общій интересъ романа.—Памяти Н. К. Михайловскаго.

Апрѣль. Въ области женскаго вопроса; «Проѣздомъ» раз. В. Вересаева; «Тучки» В. Дмитріевой; «Полуживотное» Елены Белау; «Трудъ» Ил. Фрапанъ и др. Отчего страдаетъ современная женщина. Излишняя жалость и необходимость быть жестокой.—Выходъ одинъ: отстаивать свое право быть личностью во что бы то ни стало.

Май. «Панмонголизмъ», «желтая опасность» и прочіе страхи.—«Желтая опасность» г. Слонимскаго.—«Существуетъ ли желтая опасность?» Альберта Метена.—«Передъ грознымъ будущимъ» кн. Ухтомскаго.—«Паназіатизмъ, какъ вѣковая цѣль Россіи» по слову «Новаго Пути». Мнимая и дѣйствительная опасность переживаемаго момента.

Октябрь. Восемь мѣсяцевъ войны—Газеты и война.—Безконечное газетное пустословіе.—Ученое пустословіе въ лицѣ проф. Мигулина.—Слово правды епископа Иннокентія.—Идея мира.—Статья кн. Мещерскаго.—Отношеніе къ миру г. Меньшикова.—Важность текущей минуты.—Необходимость серьезной печати.—Наши надежды.

Ноябрь. Изъ текущей журналистики.—Выпадъ «Русскаго Вѣстника» противъ «Міра Божьяго».—Обвиненіе въ «мрачной односторонности».—Кто виноватъ.—«Назадъ возврата нѣтъ».—Изъ текущей публицистики.—Объ условіяхъ мирной прогрессивной работы.—Обилье бюрократической опеки.—Плачевные итоги этой опеки: «Людей нѣтъ!»—Люди есть.—Предстоящая имъ работа.

Декабрь. Кн. Мещерскій о «довѣріи».—Отвѣтъ ему въ книгѣ «Памяти В. К. Плеве».—Отвѣтъ текущей жизни ему же.—«Въ началѣ было слово».—Условія работы печати.—Необходимость измѣненія этихъ услввій.—Къ пятнадцатилѣтію смерти Н. Г. Чернышевскаго.—За что онъ былъ осужденъ 40 лѣтъ тому назадъ.—Наше пожеланіе.

Театральныя замѣтки.

Ноябрь. «Виндзорскія проказницы» Шекспира и «Смерть Пазухина» на сценѣ Александринскаго театра.—«Богатый человѣкъ» г. Найденова въ театрѣ В. Ѳ. Коммисаржевской. *Ѳ. Батюшкова.*

Декабрь. «Дачники» сцены М. Горькаго въ драматическомъ театрѣ В. Ѳ. Коммисаржевской. *Ѳ. Батюшковъ.*

Критическія статьи и замѣтки.

Январь. «Николай Ивановичъ Зиберъ». *Л. Клейнборта.*
Февраль. «Живая вѣра», *Ѳ. Батюшкова.*
Май. «Воспоминанія о Верещагинѣ. *Ильи Гинцбурга.*
Іюнь. «Памяти В. В. Верещагина». *М. Невѣдомскаго.*
Іюль. «А. С. Хомяковъ». *Н. Бердяева.*
Августъ. «Предсмертный завѣтъ А. Чехова». *Ѳ. Батюшкова.*
Ноябрь. «Мысли о войнѣ». *В. Агафонова.*

На родинѣ.

Январь. Двадцати-пятилѣтній юбилей Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Петербургѣ.—Чествованіе В. Г. Короленко.—Объ избирательныхъ

правахъ женщинъ.—Жестокій проектъ.—Коммиссія домашняго чтенія.—Въ тверскомъ земствѣ.—Некрологъ С. М. Переяславцевой.

Февраль. Два съѣзда.—В. Д. Брайанъ у Л. Н. Толстого. Въ смоленскомъ земствѣ.—Среди нижегородскихъ земцевъ.—Высшіе Женскіе Курсы въ Казани.—Необыкновенная больничная исторія въ Севастополѣ.—Вопросъ о печати въ харьковской думѣ.—«Знамя» въ харьковской библіотекѣ.—За мѣсяцъ.

Мартъ. Кончина Н. К. Михайловскаго.—Что читаетъ сельское населеніе.—Въ родныхъ палестинахъ.—Дѣло о нападеніи на кн. Л. Н. Гагарина.—Возстановленіе правъ защиты.—Вакуфный вопросъ.—Въ Крестецкомъ уѣздѣ.—Отхожіе промыслы въ Ярославской губ.—За мѣсяцъ. — Высочайшій манифестъ.—Б. Н. Чичеринъ (некрологъ).—Профессоръ Ѳ. Ѳ. Петрушевскій (некрологъ).

Апрѣль. Въ московскомъ земствѣ.—Читальня для босяковъ.—Два доклада.—Прошлое соловецкой тюрмы.—Къ дѣлу В. М. Дорошевича.—Переходъ общества въ другое вѣдомство.—Послѣдователи г. Крушевана.—Женскій вопросъ въ петерб. думѣ.—Полицейскіе стражники въ Орловской губ.—Бакинскіе фабриканты.—Въ харьковскомъ земствѣ.—За мѣсяцъ.

Май. Попеченіе о народной нравственности. — На спичечныхъ фабрикахъ.—Въ чувашскихъ селеніяхъ.—Судьба земскихъ школъ.—Жилища рабочихъ на Мурманѣ.—Въ Одессѣ на Святой.—Литературное дѣло.—Изъ отчета одной библіотеки.—В. В. Верещагинъ (некрологъ).—С. О. Макаровъ (некрологъ).

Іюнь. Ходатайство кіевскаго общества грамотности. Десятилѣтіе «Вятской Газеты».—Промышленный кризисъ въ Лодзи.—Среди кустарей.—Вымирающіе лопари.—Заявленіе врачей - земцевъ.—Керосинъ въ деревнѣ.—Къ отставкѣ Д. Н. Шипова.—Прокаженные въ Архангельской губерніи.—Въ минской думѣ.—Вѣсти изъ Нижегородской и Костромской губерній.—За мѣсяцъ.—А. П. Пятковскій (некрологъ).

Іюль. Виды на урожай.—Съѣздъ представителей исправительныхъ заведеній въ Москвѣ.—Дѣятельность попечительствъ о народной трезвости въ 1901 году.—Мировой судъ въ Нижне-Колымскѣ.—Изъ дѣятельности просвѣтительныхъ обществъ.—Исключеніе изъ школъ дѣтей штундистовъ.—Собиратели на Красный Крестъ.—Въ Тургайской области.—Эмиграція евреевъ.—Какъ строятъ у насъ дороги.—Въ саратовскомъ земствѣ. — Земская помощь больнымъ и раненымъ. — За мѣсяцъ.

Августъ. Кончина А. П. Чехова.—Автобіографія А. П. Чехова.—Ураганъ 16-го іюня.—На московскомъ экстренномъ губ. земскомъ собраніи.—Мобилизація и земство.—Циркуляръ попечителя казанскаго учебнаго округа.—За мѣсяцъ.—Некрологъ.

Сентябрь. Проектъ страхованія рабочихъ.—Успѣхи монополіи.—Съ береговъ Вислы.—Просвѣщеніе въ Архангельской губерніи. Ходатайство хвалынскаго земства.—Недоразумѣніе. Господа ташкентцы.—Кризисъ въ Тульской губерніи.—Среди калмыковъ.—Земская книжная торговля.—Извѣстія объ урожаѣ.—За мѣсяцъ.

Октябрь. Бесѣда съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. — Совѣщаніе предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ.—Жалоба курскаго земства.—Книга въ деревнѣ.—«Хозяинъ» волости.—Очагъ эпидемій.—Разъясненіе комитета III-го съѣзда по техническому образованію.—Еще о кризисѣ въ Царствѣ Польскомъ.—Безпорядки въ Смѣлѣ и Сосновицахъ.—За мѣсяцъ.—Жертва войны.

Ноябрь. Отклики земскихъ и думскихъ собраній на рѣчь г. министра внутреннихъ дѣлъ. — На земскмхъ собраніяхъ.—По поводу ревизіи московскаго земства.—Столкновеніе батумской думы съ военнымъ губернаторомъ.—Безпорядки въ Могилевѣ и Смоленскѣ.—За мѣсяцъ.

Декабрь. Оживленіе провинціальной печати и проектъ съѣзда журналистовъ. — Постановленія и ходатайства просвѣтительныхъ обществъ.—«Катковскій» университетъ.—Ходатайства объ учрежденіи высшихъ женскихъ курсовъ въ К іевѣ, Харьковѣ и Юрьевѣ.—Монастырскія тюрьмы.—За мѣсяцъ.

Изъ русскихъ журналовъ.

Январь. «Русская Старина»—декабрь; «Вѣстникъ Европы»—декабрь.

Февраль. «Русская Старина»—январь; «Историческій Вѣстникъ»—январь; «Русское Богатство»—декабрь; «Образованіе»—декабрь.

Мартъ. «Русская Мысль»—январь; «Историческій Вѣстникъ»—февраль; «Русское Богатство»—январь: «Образованіе»—январь.

Апрѣль. «Русская Старина»—мартъ; «Русская Мысль»—февраль; «Русское Богатство»—февраль.

Май. «Вѣстникъ Европы»—апрѣль; «Русская Старина»—апрѣль; «Русское Богатство»—мартъ; «Русская Мысль»—мартъ.

Іюнь. «Русская Мысль» — апрѣль; «Вѣстникъ Европы»—апрѣль; «Русское Богатство»—апрѣль.

Іюль. «Русское Богатство»—май; «Правда»—май; «Образованіе»—мартъ; «Вѣстникъ Права»—май.

Августъ. «Образованіе»—іюнь; «Вѣстникъ Европы»—іюль; «Русское Богатство»—іюнь.

Октябрь. «Русское Богатство»—августъ; «Вѣстникъ Знанія»—№ 8; «Образованіе»—августъ; «Историческій Вѣстникъ»—сентябрь, «Вѣстникъ Европы»—сентябрь.

Ноябрь. «Русское Богатство» — сентябрь; «Русская Мысль»—сентябрь.

Декабрь. «Русское Богатство»—октябрь; «Образованіе»—октябрь, октября; «Всемірный Вѣстникъ»—сентябрь.

За границей

Январь. Продолженіе чэмберленовской кампаніи.—Смерть Герберта Спенсера.—Возобновленіе дѣла Дрейфуса и націоналисты.—Македонское движеніе и его вожди.—Открытіе рейхстага и др. германскія дѣла.—Ученое супружество.

Февраль. Въ Англіи.—Южно-африканскія затрудненія.—Германскія общественныя дѣла.—Гербертъ Спенсеръ и японскій прогрессъ.—Русско-японскій конфликтъ.—Двѣ зимы въ южно-полярныхъ льдахъ.—Государство будущаго.

Мартъ. Свобода искусства и германскій рейхстагъ.—Возстаніе въ юго-западной Африкѣ.—Парламентскіе выборы въ Англіи.—Политическія партіи въ южной Африкѣ.—Эли Реклю.

Апрѣль. Беллетристика въ германскомъ рейхстагѣ.—Соціальная политика Германіи и научная поѣздка германскихъ рабочихъ.—Двойственная политика англійскаго кабинета.—Парламентскіе выборы въ

Америкѣ.—Американскій идеалъ по Рузвельту.—Итоги клерикальной политики въ Бельгіи.—Дѣло Дрейфуса въ послѣдней стадіи.—Дорого стоющія телеграммы.

Май. Манифестація въ Гайдъ-паркѣ.—Отмѣна закона о іезуитахъ въ Германіи. Газетная политика.—Турецкій меморандумъ и македонскія дѣла.—Автобіографія Герберта Спенсера.—Психологія журнализма.—Бойкотированный профессоръ.

Іюнь. Въ германскомъ рейхстагѣ.—Парижскіе муниципальные выборы; пораженіе націоналистовъ. — Эволюція англійскихъ партій. — Художественный музей въ Уайтъ-Чэпелѣ.—Смерть Стэнли.—Приготовленія къ президентскимъ выборамъ въ Соединенныхъ Штатахъ.—Женскій заработокъ.—Морицъ Уокай.

Іюль. Женскіе конгрессы въ Берлинѣ.—Обструкція въ капскомъ парламентѣ.—Религіозный расколъ среди буровъ.—Школы для журналистовъ.—Французская военная реформа.—Странствующій театръ для пропаганды идеи мира.—Государство Конго на скамьѣ подсудимыхъ.—Приключеніе англійской южно-полярной экспедиціи.

Августъ. Графъ Бюловъ и германскія партіи.—Англійскій бюджетъ.—Столѣтіе Кобдена.—Ближній Востокъ.—Бурскій конгрессъ.—Черная опасность.—Встрѣча лѣта въ Швеціи; идиллія и политика.—Европейская эмиграція.

Сентябрь. Въ Германіи: іезуитскій процессъ.—Женщины въ германскомъ университетѣ.—Медицинскій голосъ о школьной реформѣ.—Французскій министръ-президентъ Комбъ и клерикалы.—Положеніе англійскихъ фабричныхъ рабочихъ.—Лондонская статистика.—Пекинскій университетъ.

Октябрь. Чэмберленизмъ и англійская политика.—Конгрессъ трэдъюніоновъ.—Военная реформа.—Въ Австріи: юбилей государства.—Теодоръ Герцль.—Германскій императоръ о солидарности націй.—Протестъ противъ празднованія седанской годовщины. — Соединенные Штаты: желтая опасность въ лицѣ кандидата на президентство.—Турецкія дѣла.—Смерть Мурада.

Ноябрь. Международные конгрессы. — Избирательная компанія въ Америкѣ.—Начало политическаго сезона въ Англіи.—Американская и германская опасность.

Декабрь. Президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ.—Бѣлая и черная раса.—Эмиграція.—Парламентскіе выборы въ Италіи.—Французская армія и правительство. Столѣтняя годовщина наполеоновскаго кодекса.—Конгрегаціи и тайныя общества въ Китаѣ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Январь. Журнальный пролетаріатъ во Франціи.—Соціальное внушеніе и государственное вмѣшательство.—Характеръ корейскаго народа.—Русско-японскія отношенія.—Феминизмъ и германскій императоръ.—Бирманскія женщины.

Февраль. Патріотизмъ и любовь къ человѣчеству.—Японскій путешественникъ въ Тибетѣ.—Японія и Россія.

Мартъ. Патріотизмъ и гуманность.—Характеристика Канта.—Момзенъ объ императорѣ Вильгельмѣ.

Апрѣль. Ницше и его болѣзнь.—Защита американскихъ женщинъ.—Абиссинскій способъ открытія преступленій.

Май. Желтые и бѣлые.—Движеніе народонаселеленія во Франціи.—Школа индѣйцевъ.—Роль индивида у животныхъ и въ человѣчествѣ.

Іюнь. Признанія выдающихся людей.—Сила и слабость Германіи.—Китайская армія.—Американскій имперіализмъ.

Іюль. Обычаи англійскаго парламента.—Японскія женщины и война—Ньюфаундлендскіе моряки.—Новое религіозное теченіе въ Индіи.

Августъ. Французская интеллигенція и демократія.—Психологія македонскихъ болгаръ.

Сентябрь. Трудности перевода Библіи на туземные языки.—Народныя развлеченія въ Англіи и въ Германіи.—Итальянская печать и ея положеніе въ странѣ.

Октябрь. Корея прежде и теперь. — Сужденіе англійскаго журналиста о германскомъ правительствѣ.—Англійскіе журналы и восточно-азіатскій кризисъ.

Ноябрь. Пропаганда мира.—Европейская печать и восточно-азіатскія событія.

декабрь. Толки о мирѣ и войнѣ.—Характеристика японскаго войска.—Классовая борьба въ Соединенныхъ Штатахъ.

Научный фельетонъ.

Январь. Леченіе растеній (объ одномъ русскомъ открытіи). *П. Ю. Шмидта.*

Февраль. Астрономія въ 1903 году. *К. Покровскаго.*

Мартъ. I. Еще о радіоактивности. — II. О причинахъ отталкиванія солнцемъ кометъ.—III. Изъ области біологіи. *В. Агафонова.*

Апрѣль. I. О туберкулезѣ.—II. Успѣхи эмбріологіи. *В. Агафонова.*

Май. I. Роль поваренной соли въ организмѣ и въ пищевомъ режимѣ человѣка. II. О научныхъ журналахъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. *В. Агафонова.*

Іюнь. Химическіе элементы и ихъ распредѣленіе въ земномъ шарѣ, его корѣ, его моряхъ и въ его атмосферѣ. *В. Агафонова.*

Іюль. I. Аномаліи въ распредѣленіи тяжести на земной поверхности.—Окраска воды озеръ.—II. Объ оплодотвореніи яицъ морского ежа съ сѣменемъ морской звѣзды.—О пищеварительномъ процессѣ у змѣй.—О новой функціи надпочечныхъ железъ. — О причинѣ эпилепсіи.—О переходѣ ребенка съ молочнаго режима на обычный. III. Некрологи В. В. Марковниковъ: Карлъ-Альфредъ фонъ-Циттель. Фердинандъ Фукэ. Эмиль Дюкло. *В. Агафонова.*

Августъ. Нѣкоторые опыты въ области зоопсихологіи. *В. Агафонова.*

Сентябрь. I. Астрономія.—II. Физическая географія—III. Біологія *В. А.*

Октябрь. I. Физическая географія и физика.—II. Біологія. *В. Агафонова.*

Ноябрь. I. Физика и физическая географія.—II. Біологія.

Декабрь. I. Существуютъ ли N—лучи? II. Метеорологія и медицина. *В. А.*

Корреспонденціи, текущія замѣтки, некрологи.

Январь. «Десятилѣтіе дѣятельности нижегородскаго общества взаимопомощи учащимъ». *Н. Румянцева.*

— «Прусскіе выборы (письмо изъ Берлина.)»

— «Егоръ Егоровичъ Вагнеръ» (некрологъ). *М. Д.*

Февраль. «Изъ области благихъ пожеланій» (3-й съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію). *Л. Клейнбортъ.*

— «Д. А. Коропчевскій» (некрологъ). *Н. Могилянскій.*

— «Баронъ Э. В. Толль» (къ послѣднимъ извѣстіямъ о розыскахъ произведенныхъ лейтенантомъ Колчаномъ). *В. Катинъ-Ярцевъ.*

Мартъ «Къ исторіи закона 1893 г. (письмо изъ Екатеринославской губерніи). *Петрищевъ.*

— «Женщины избирательницы въ Норвегіи». *П. Ганзенъ.*

Іюнь. «Къ вопросу о безпроволочномъ телеграфѣ».

Іюль. «Печать и культура въ Сиріи» (корреспонденція изъ Дамаска). *Р. Кундурушкинъ.*

Сентябрь. «Вопросы народнаго образованія въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности». *К. Д—овъ.*

— «Ѳ. А. Бредихинъ» (некрологъ). *К. Покровскій.*

— «Современное положеніе Индіи». *В. Новицкій.*

Октябрь Швейцарская пресса. *Е. Г.*

— «По поводу новаго закона о евреяхъ». *М. Кроль.*

Ноябрь. «Фондъ народнаго просвѣщенія». *Вл. Кранихфельдъ.*

Декабрь. «Къ сорокалѣтію судебныхъ уставовъ». *Д. Л.*

— «Н. Ф. Бунаковъ» (некрологъ). *Вл. Кр—дъ.*

Военный обзоръ.

Августъ. «Шесть мѣсяцевъ войны». *Б. Витмеръ.*

По поводу (Очерки изъ жизни провинціи).

Ноябрь. О довѣріи, недовѣріи, довѣрчивости и разныхъ формахъ ихъ проявленія въ жизни провинціи. *Ларскаго.*

Декабрь. О «счастьи» маленькихъ людей, объ административной психологіи, о жизни провинціи. *І. Ларскаго.*

Библіографическій отдѣлъ.

См. «Библіографическій Отдѣлъ» въ декабрской книгѣ.

двигатель системы Даймлера, приводившій въ движеніе пропеллеръ аэростата. Пропеллеромъ служилъ двухлопастный аллюминіевый винтъ, вродѣ того, какимъ пользовался Тисандье. Позади челнока находился прямоугольный руль въ 2 метра шириною и 3 длиною. Самый аэростатъ имѣлъ овоидальную форму, челнокъ изъ бамбуковаго тростника прикрѣплялся къ нему по особому способу, который не трудно понять изъ сопоставленія рисунковъ 111 и 112. Первый опытъ полета, которому суждено быть въ то же время и послѣднимъ, состоялся 31 мая 1897 г. на военно-воздухоплавательномъ полѣ въ Темпельгофѣ, близъ Берлина. Такъ какъ въ моментъ послѣднихъ приготовленій сѣтка аэростата оборвалась въ 2 мѣстахъ, то офицеръ, который долженъ былъ сопровождать Вельферта при его полетѣ, благоразумно отказался отъ своего намѣренія, и его мѣсто занялъ въ челнокѣ помощникъ Вельферта, механикъ Кнабе. Когда аэростатъ поднялся на высоту приблизительно

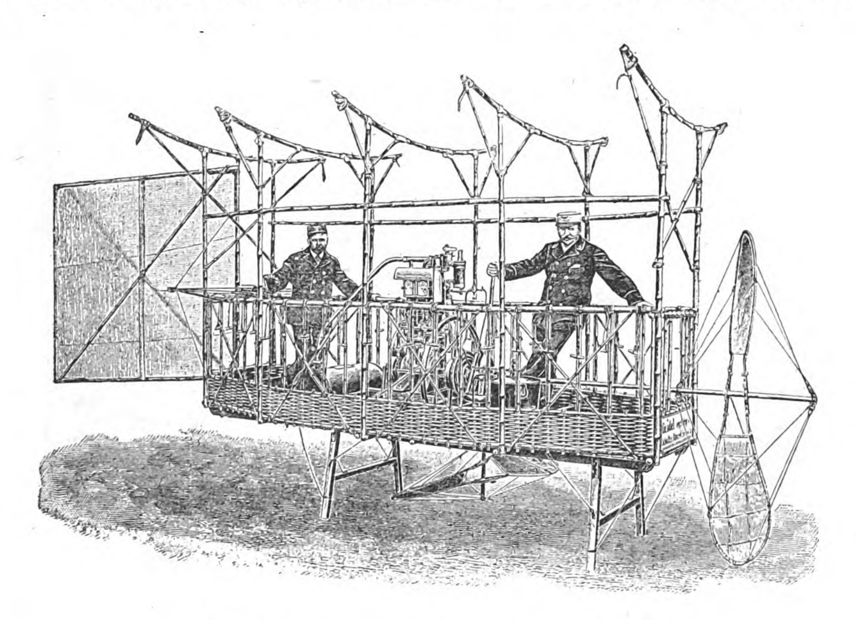

Рис. 112. Корзина аэростата „Deutschland".

1.000 метровъ, зрители замѣтили, какъ на немъ вдругъ вспыхнулъ небольшой огонекъ. Почти одновременно въ этимъ раздался оглушительный взрывъ, и объятый пламенемъ аэростатъ камнемъ полетѣлъ на землю. Ударъ былъ настолько силенъ, что двигатель при паденіи врылся въ землю на глубину 1 метра. Кнабе былъ найденъ съ раскрытымъ черепомъ, изуродованный до неузнаваемости, Вельфертъ нѣкоторое время еще дышалъ.

Спустя полгода, на томъ же самомъ Темпельгофскомъ военно-воздухоплавательномъ полѣ послѣдовалъ опытъ съ управляемымъ аэростатомъ Шварца, окончившійся также катастрофою, хотя на этотъ разъ и безъ человѣческихъ жертвъ.

Австрійскій изобрѣтатель Давидъ Шварцъ (изъ Аграма) началъ постройку своего оригинальнаго аэростата въ 1893 году и работалъ надъ нею въ теченіе четырехъ лѣтъ.

Аэростатъ былъ уже почти готовъ, когда Шварцъ внезапно умеръ

(въ январѣ 1897 г.), послѣ чего его дорого стоющее сооруженіе было пріобрѣтено и закончено прусскимъ военно-воздухоплавательнымъ отдѣломъ. Оригинальность идеи Шварца заключалась прежде всего въ томъ, что оболочку аэростата онъ рѣшилъ сдѣлать изъ аллюминія. Этимъ, во-первыхъ, достигалась возможно большая прочность соединенія челнока съ аэростатомъ, затѣмъ постоянство формы послѣдняго и, наконецъ, при безусловной непроницаемости такой оболочки, устранялась всякая опасность взрыва. Оболочка аэростата, сдѣланная изъ тончайшихъ аллюминіевыхъ листовъ, положенныхъ на ажурный остовъ, имѣла цилиндро-коническую форму и, несмотря на то, что ея собственный вѣсъ достигалъ до 4.000 килограм., она, при водородномъ наполненіи, могла поднимать челнокъ со всѣми приспоспособленіями, балластомъ и двумя воздухоплавателями. Кромѣ трехъ

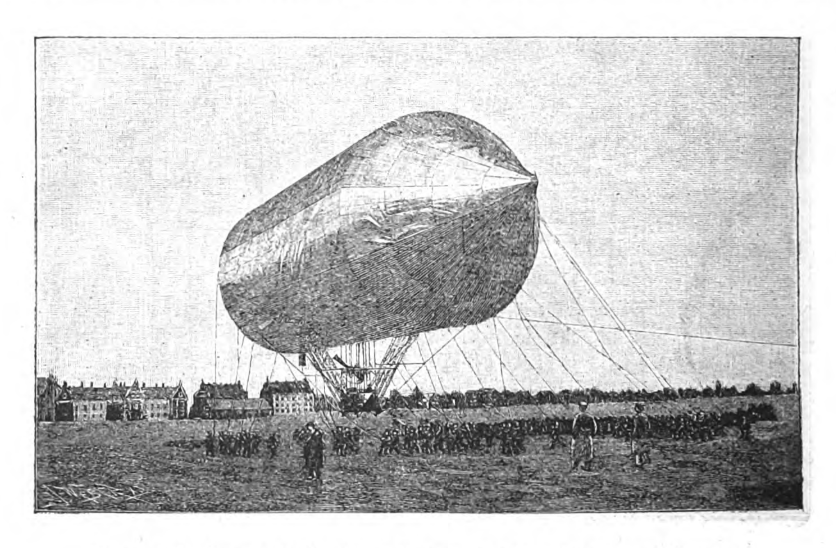

Рис. 113. Аллюминіевый управляемый аэростатъ Шварца.

винтовыхъ пропеллеровъ, приводимыхъ въ движеніе 16-ти-сильнымъ керосиновымъ двигателемъ Даймлера, аэростатъ Шварца былъ снабженъ еще горизонтальнымъ винтомъ, вращеніе котораго позволяло производить спускъ и подъемъ аэростата, независимо отъ балласта и клапана.

Пробный полетъ на аэростатѣ состоялся 3-го ноября 1897 года. Управлять имъ взялся молодой механикъ Ягельсъ Плацъ. Аэростатъ быстро поднялся на высоту 250 метровъ и пошелъ со скоростью 7 метровъ въ секунду. Его движеніе продолжалось, однако, не долго: вскорѣ соскочилъ одинъ изъ передаточныхъ ремней, соединявшихъ валъ мотора съ пропеллеромъ, и аэростатъ остановился. Боясь катастрофы, Плацъ поспѣшилъ открыть клапанъ, но сдѣлалъ это такъ неумѣло, что аэростатъ стремительно упалъ на землю. Воздухоплаватель, къ счастью, отдѣлался лишь легкими ушибами, но за то аэростатъ былъ совершенно изуродованъ. Не смотря на неудачу этого опыта, результаты его, по мнѣнію спеціалистовъ, слѣдуетъ признать скорѣе положительными. Во всякомъ случаѣ, опытъ этотъ показалъ возможность примѣненія металлической оболочки, преимущества же ея, съ точки зрѣнія безопасности, не подлежатъ сомнѣнію.

Всѣ послѣдующія попытки управленія воздушными шарами, начиная съ управляемаго аэростата графа Цеппелина, относятся уже къ началу настоящаго столѣтія. Виртембергскій генералъ графъ Цеппелинъ еще въ 1896 г. задумалъ проектъ грандіознаго управляемаго аэростата, постройка котораго, по разсчетамъ Цеппелина, должна была обойтись не менѣе, чѣмъ въ 300.000 марокъ. Аэростатъ строился на средства организованнаго Цеппелиномъ «акціонернаго общества для содѣйствія воздухоплаванію» подъ руководствомъ инженеровъ Кобера и Кюблера. Постройка, которая вмѣсто 300.000 марокъ обошлась въ 1.000.000 м., продолжалась въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и была окончена лишь въ 1900 г. Аэростатъ представлялъ изъ себя гигантскую 24 хъ гранную призму съ заостренными концами, имѣвшую 128 метровъ въ длину и 11,66 метра въ поперечникѣ (снаружи).

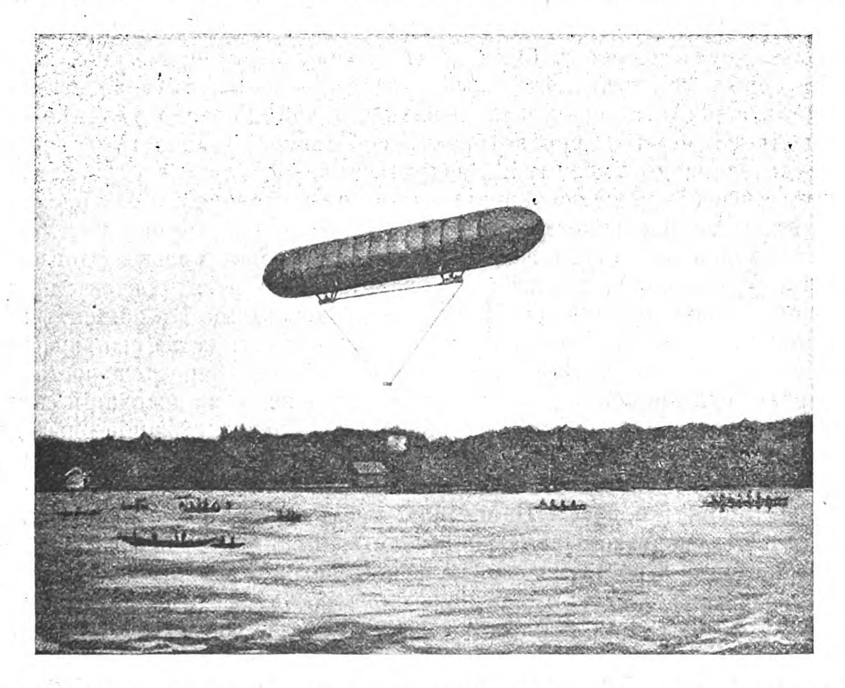

Рис. 114. Управляемый аэростатъ графа Цеппелина во время полета надъ Боденскимъ озеромъ.

Аллюминіевый каркасъ этой призмы былъ раздѣленъ внутри на 17 независимыхъ отдѣленій, въ которыхъ помѣщались столько же воздушныхъ шаровъ различныхъ размѣровъ. Шары (общая вмѣстимость ихъ достигала 11.000 куб. метровъ) были сдѣланы изъ ткани, пропитанной особымъ газонепроницаемымъ составомъ «баллониномъ» и наполнялись водородомъ. Благодаря такой системѣ распредѣленія газа, достигалась возможно полная «продольная устойчивость» аэростата, которая, въ виду столь значительной длины самого аэростата, при всякихъ другихъ условіяхъ, должна была несомнѣнно нарушаться. Два аллюминіевыхъ челнока, неподвижно прикрѣпленные къ остову аэростата, (см. рис. 114) были снабжены двумя четырехцилиндровыми бензинными двигателями Даймлера въ 16 лошадиныхъ силъ каждый.

*

Четыре винтовыхъ пропеллера, которые сообщали поступательное движеніе аэростату, были прикрѣплены непосредственно къ его остову и находились съ обѣихъ сторонъ аэростата надъ челноками. Направленіе аэростату давалось двумя вертикальными рулями, помѣщенными—одинъ спереди, другой—сзади аэростата; кромѣ того, одинъ горизонтальный руль предназначался для управленія подъемомъ и спускомъ аэростата. Эти послѣдніе, помимо балласта и клапана, производились также при помощи подвижного груза (100 килогр.), который могъ скользить вдоль аллюминіеваго киля, соединявшаго оба челнока аэростата. Челноки были соединены между собою электрическими звонками телеграфомъ и разговорной трубой. Опыты съ аэростатомъ графа Цеппелина производились надъ поверхностью Боденскаго озера, причемъ аэростатъ хранился въ огромномъ пловучемъ сараѣ, подъ крышу котораго онъ вводился на длинномъ плоту. Всего было произведено 3 опыта: 2-го іюля и 17-го и 22-го октября 1900 г. Результаты первыхъ двухъ опытовъ были не совсѣмъ удовлетворительны: вслѣдствіе порчи машинъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ, собственная скорость аэростата оказалась незначительной. Гораздо удачнѣе оказался третій опытъ, при которомъ собственная скорость аэростата была доведена до 7,6 метра. Воздухоплавателямъ удалось описать въ воздухѣ пересѣкающуюся кривую, въ формѣ восмерки, и благополучно опуститься на поверхность воды почти въ точкѣ отправленія. Устойчивость судна при всѣхъ трехъ опытахъ оказалась вполнѣ удовлетворительной, благодаря дѣйствію горизонтальнаго руля. Спускъ на поверхность воды никакой опасности не представлялъ. Въ общемъ, хотя результаты опытовъ Цеппелина и показали преимущества его аэростата (особенно въ отношеніи собственной скорости) передъ аэростатами его предшественниковъ, но они не оправдали все-таки ожиданій самого автора, и онъ счелъ нужнымъ, прекратить дорого стоющіе опыты *), надѣясь, какъ говорятъ, добиться существенныхъ улучшеній въ конструкціи своего аэростата.

Послѣ попытки графа Цеппелина послѣдовалъ рядъ интересныхъ опытовъ съ управляемыми аэростатами во Франціи, гдѣ въ послѣднее время проблема аэростатической навигаціи разрабатывается дѣятельнѣе, чѣмъ когда-либо. Изъ управляемыхъ аэростатовъ, появившихся во Франціи за послѣдніе четыре года, наибольшую извѣстность получили аэростаты Сантосъ-Дюмона. Ярый спортсменъ - воздухоплаватель **), сынъ владѣльца богатѣйшихъ кофейныхъ плантацій въ Бразиліи,

---

*) Каждый подъемъ аростатата обходился въ 20.000 марокъ.

**) Интересно отмѣтить, что воздухоплаваніе во Франціи пріобрѣло за послѣднее время характеръ моднаго спорта. О быстромъ развитіи этого спорта, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, дѣятельность клуба французскихъ воздухоплавателей - спортсменовъ (такъ называемаго аэро-клуба), основаннаго въ 1898 г. Къ концу 1901 г., т.-е. спустя всего лишь 3 года послѣ основанія клуба, членами его было совершено уже 372 воздушныхъ полета, въ которыхъ принимали участіе 1.075 человѣкъ. Къ этому же времени клубъ располагалъ уже собственнымъ образцовымъ воздухоплавательнымъ имуществомъ, огромной площадью для подъемовъ аэростатовъ и аппаратами для полученія чистаго водорода. Воздухоплавательный спортъ, возбудивъ интересъ къ серьезнымъ задачамъ воздухоплаванія въ людяхъ, располагающихъ большими средствами, оказалъ несомнѣнное вліяніе на успѣхъ дальнѣйшей разработки этихъ задачъ. И дѣйствительно, какъ мы увидимъ далѣе, всѣ послѣдніе управляемые аэростаты были построены во Франціи воздухоплавателями-спортсменами или во всякомъ случаѣ, по ихъ иниціативѣ и на ихъ средства.

Сантосъ-Дюмонъ рѣшилъ построить небольшой управляемый аэростатъ, нѣчто въ родѣ воздушнаго автомобиля, который долженъ былъ служить исключительно для спортивныхъ цѣлей. Располагая огромными средствами, Сантосъ-Дюмонъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ построилъ одинъ за другимъ 7 различныхъ аэростатовъ этого типа, причемъ постепенно улучшалъ ихъ конструкцію, сообразно съ указаніями производимыхъ имъ опытовъ.

Первые опыты Сантосъ-Дюмона были совершенно неудачны: его аэростаты страдали прежде всего недостаткомъ продольнаго равновѣсія, причемъ экспериментаторъ подвергался нерѣдко серьезной опасности. Недостатокъ этотъ былъ устраненъ лишь въ 5-омъ аэростатѣ Сантосъ-Дюмона (*Santos-Dumont № 5*). Аэростатъ имѣлъ форму длиннаго веретена (34 метра), одинаково заостреннаго съ обоихъ концовъ и вмѣщалъ всего лишь 550 куб. метровъ газа. Снизу къ аэростату, вдоль его продольной оси, была прикрѣплена длинная трехъугольная рама, горизонтальная неподвижность которой обезпечивалась особымъ способомъ подвѣски ея. Благодаря этой рамѣ, а также воздушному баллонету Менье, помѣщенному внутри оболочки, аэростатъ пріобрѣталъ продольную устойчивость, а его оболочка сохраняла постоянную форму. Воздухоплаватель помѣщался по серединѣ рамы, сидя на простомъ велосипедномъ сѣдлѣ и упираясь ногами въ педали. Педали эти посредствомъ цѣпной передачи сообщались съ валомъ двигателя и служили для того, чтобы соединять или разъединять его съ осью пропеллера, послѣ чего они оставались все время неподвижными. Пропеллеръ въ видѣ двухлопастнаго винта вращался на длинной стальной оси, которая соединялась съ двигателемъ посредствомъ зубчатой передачи.

Двухцилиндровый керосиновый двигатель системы Бюше отличался необыкновенной легкостью и при 9-ти номинальныхъ силахъ могъ сообщать пропеллеру вращеніе со скоростью 100—110 оборотовъ въ минуту. Съ такимъ аэростатомъ С.-Дюмонъ выступилъ въ первый разъ для соисканія знаменитой преміи Дейча. Премія эта, учрежденная французскимъ спортсменомъ-воздухоплавателемъ Анри Дейчемъ, предназначалась тому, кто первый, отправившись на аэростатѣ изъ парка аэроклуба (въ Suresnes), въ теченіе 30 минутъ обогнетъ Эйфелеву башню и вернется къ мѣсту отправленія. Сантосъ-Дюмонъ оказался единственнымъ конкурентомъ при состязаніи, которое было назначено на 8-е іюля 1901 г. Онъ легко выполнилъ первую, самую трудную часть условія, т.-е. обогнулъ башню, и уже возвращался къ своей исходной точкѣ, когда, вслѣдствіе внезапной аваріи съ двигателемъ, аэростатъ обрушился на крышу одного пятиэтажнаго дома, откуда удалось съ большимъ трудомъ извлечь воздухоплавателя и его судно. Неудача эта ничуть не обезкуражила смѣлаго спортсмена. Онъ тотчасъ же принялся за постройку новаго аэростата, и спустя двадцать два дня послѣ описанной катастрофы, уже совершалъ на немъ пробные маневры надъ Лоншанскимъ полемъ. Новый аэростатъ (*«Santos-Dumont № 6»*) отличался отъ предыдущаго лишь силою двигателя и величиной пропеллера, скорость вращенія котораго доходила на этотъ разъ до 300 оборотовъ въ минуту. 19-го октября того же года Сантосъ-Дюмонъ снова выступилъ въ качествѣ соискателя преміи Дейча и на этотъ разъ его настойчивость увѣнчалась успѣхомъ. Аэростатъ поднялся изъ Сюренскаго парка въ 2 час. 42 мин. пополудни и сразу направился къ Эйфелевой башнѣ. Обогнувъ башню почти на высотѣ маяка

(см. рис. 115), направилъ аэростатъ противъ вѣтра, который, по показаніямъ самопишущаго анемометра Эйфелевой башни, дулъ въ этотъ день со скоростью 4,5 м. въ секунду; затѣмъ онъ вскорѣ очутился надъ мѣстомъ первоначальнаго отправленія, держась надъ нимъ на высотѣ 80 метровъ. Распущенный гайдъ-ропъ оказался слишкомъ короткимъ для такой высоты, такъ что аэростатъ не могъ быть своевременно притянутъ къ землѣ, вслѣдствіе чего при высадкѣ С.-Дюмона произошло запозданіе на 40 секундъ. Несмотря на это, жюри, послѣ продолжительныхъ дебатовъ и повинуясь отчасти обществен-

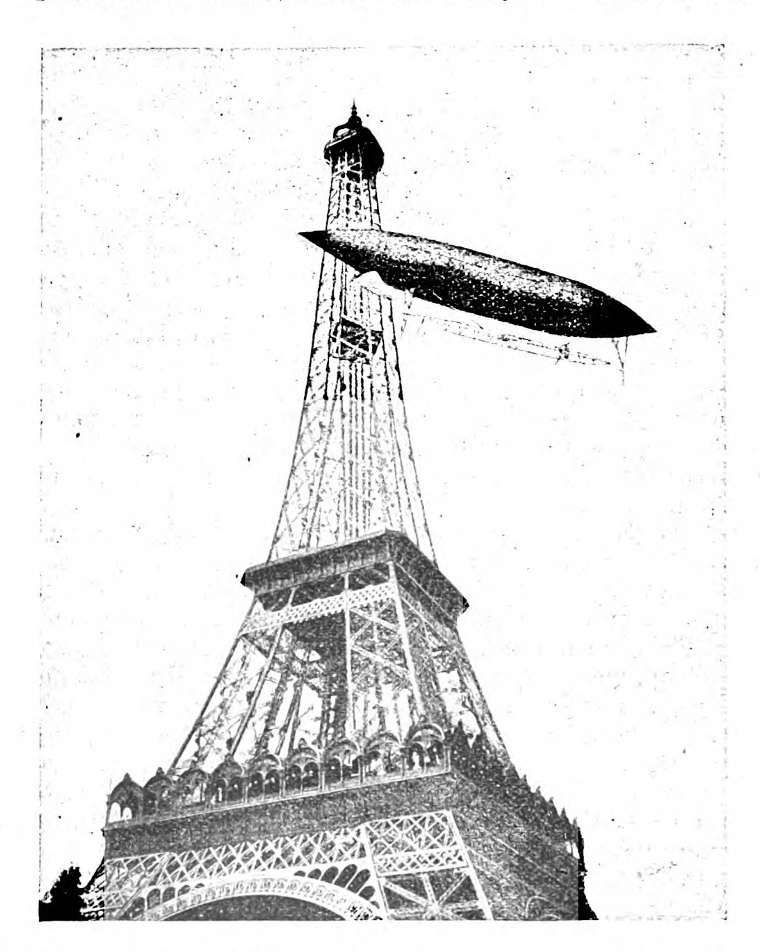

Рис. 115. Управляемый аэростатъ Сантосъ-Дюмона („Santos № 6“), огибающій Эйфелеву башню.

ному мнѣнію, присудило С.-Дюмону премію Дейча. Половину этой преміи С.-Дюмонъ пожертвовалъ на благотворительныя цѣли, а другую половину подарилъ своему механику.

Несмотря на внѣшній успѣхъ опытовъ С.-Дюмона, многіе спеціалисты сомнѣваются, чтобы опыты эти могли имѣть серьезное значеніе для проблемы аэростатической навигаціи. Такъ, капитанъ Эспиталье, сравнивая результаты, достигнутые, съ одной стороны Ренаромъ и Креб-

сомъ, и съ другой стороны—Сантосъ-Дюмономъ, говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Аэростатъ Сантосъ-Дюмона имѣетъ 6,4 метра въ діаметрѣ при 550 куб. м. вмѣстимости. Принимая во вниманіе, что при двигателѣ въ 16 лошадиныхъ силъ аэростатъ Сантосъ-Дюмона могъ развить собственную скорость, приблизительно одинаковую со скоростью медонскаго аэростата, объемъ котораго былъ равенъ 1.850 куб. мет., а діаметръ 8,4 м., не трудно понять, что при размѣрахъ медонскаго аэростата, двигатель Сантосъ-Дюмона долженъ обладать 27-ю лошад. силами, чтобы развить ту же самую скорость. Между тѣмъ, Ренаръ достигъ этой скорости съ двигателемъ въ 9 лош. силъ. Отсюда слѣдуетъ, что форма аэростата Сантосъ-Дюмона и устройство его пропеллера несравненно менѣе совершенны, чѣмъ въ аэростатѣ Ренара» *).

Слѣдующій 1902 г. отмѣченъ въ исторіи управляемыхъ аэростатовъ роковыми попытками Августа Северо и барона Брадскаго, погибшихъ во время опытовъ со своими аэростатами. Соотечественник Сантосъ-Дюмона, депутатъ бразильскаго парламента, Августъ Северо пріѣхалъ въ Парижъ спеціально затѣмъ, чтобы осуществить задуманный имъ проектъ управляемаго аэростата. Его аэростатъ, построенный извѣстнымъ конструкторомъ Лашамбромъ, и формой, и многими существенными деталями конструкціи значительно отличался отъ всѣхъ появившихся до сихъ поръ приборовъ этого рода. Винтовые пропеллеры аэростата Северо (см. рис. 116) помѣщались на концахъ продольной оси самого аэростата, который имѣлъ форму короткаго утолщеннаго веретена. Бамбуковый челнокъ соединялся съ осью аэростата посредствомъ бамбуковыхъ же стоекъ, которыя проходили черезъ широкую щель, сдѣланную въ нижней части аэростата. Руль былъ замѣненъ четырьмя воздушными винтами, расположенными по обѣ сто-

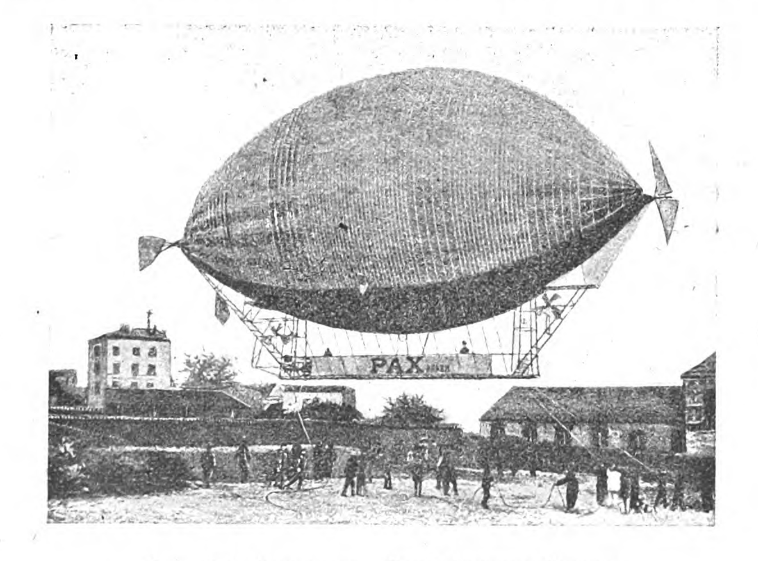

Рис. 116. Аэростатъ „Pax“ Августа Северо.

*) Espitalier. „La navigation aérienne et les experiences de M. Santos-Dumont“ („Revue scientifique“, 1901, № 11).

роны челнока, пятый винтъ, такъ называемый компенсаторъ, предназначался для поддержанія продольнаго равновѣсія аэростатата. Вся эта система винтовъ должна была приводиться въ движеніе при помощи 2-хъ керосиновыхъ двигателей системы Бушэ—одного въ 16 лош. силъ, другого—въ 24. Еще задолго до рокового опыта Северо, спеціалисты, осматривавшіе его аэростатъ, указывали ему на опасность слишкомъ близкаго сосѣдства керосиновыхъ двигателей съ газомъ аэростата *) Северо не обратилъ на это вниманія, а черезъ нѣсколько времени поплатился жизнью за свою ошибку. 12-го мая, въ 5 час. утра онъ поднялся на аэростатѣ вмѣстѣ со своимъ механикомъ Сашэ. Жена Северо и небольшая кучка его друзей, присутствовавшихъ при опытахъ, послѣдовали за ними на автомобиляхъ въ Исси, гдѣ долженъ былъ произойти спускъ аэростата. Черезъ нѣсколько минутъ они замѣтили, что двигатель аэростата остановился, а воздухоплаватели

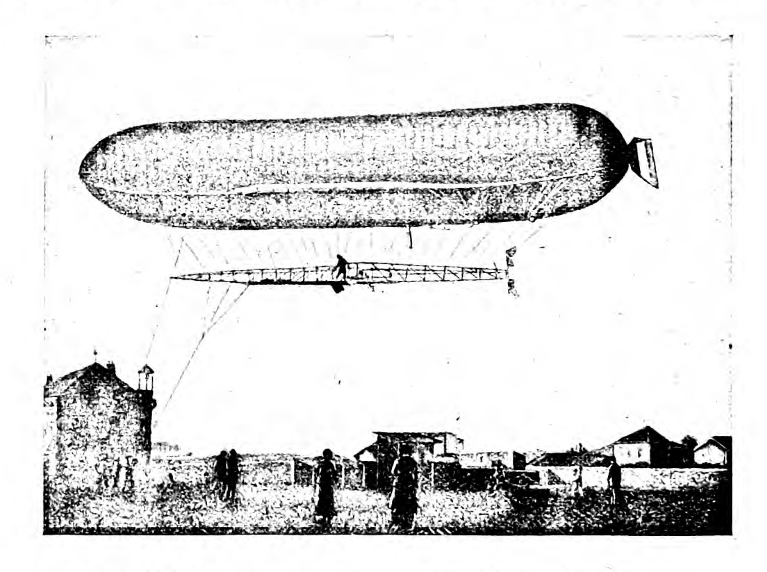

Рис. 117. Управляемый аэростатъ барона Брадскаго.

стали усиленно подавать какіе-то знаки. Вдругъ показался гигантскій снопъ пламени, а за нимъ раздался оглушительный выстрѣлъ. Аэростатъ въ это время находился, приблизительно, на высотѣ 450—500 метровъ. Бамбуковый остовъ аэростата вмѣстѣ съ челнокомъ, по словамъ очевидцевъ, низринулся на землю въ какихъ-нибудь 4—5 секундъ. Несчастные воздухоплаватели были найдены буквально раздробленными, а Сашэ, кромѣ того, страшно обожженнымъ.

Столь же фатально окончилась попытка барона Брадскаго, сдѣланная спустя пять мѣсяцевъ послѣ катастрофы съ аэростатомъ Северо. Бывшій секретарь германскаго посольства въ Парижѣ, баронъ Брадскій-Лабунъ разработалъ проектъ управляемаго аэростата въ сотрудничествѣ съ инженеромъ-электротехникомъ Морэномъ; ихъ аэростатъ (см. рис. 117) имѣлъ форму длиннаго цилиндра, закругленнаго съ одного конца и заостреннаго — съ другого. Цилиндръ (въ длину его) опоясывала

*) Челнокъ находился всего лишь на 2 метра отъ аэростата.

легкая деревянная рама, которая служила для поддержанія продольнаго равновѣсія аэростата и въ то же время для подвѣски челнока. Послѣдній былъ сдѣланъ изъ стальныхъ трубокъ и прикрѣпленъ къ рамѣ аэростата посредствомъ фортепьянныхъ струнъ. Струны эти, какъ мы уже упоминали, говоря о воздушныхъ змѣяхъ *), при небольшомъ діаметрѣ сѣченія, отличаются большою прочностью и представляютъ, кромѣ того, наименьшее сопротивленіе воздуху при движеніи аэростата. Поэтому идея Брадскаго воспользоваться для подвѣски челнока фортепьянными струнами имѣла совершенно разумныя теоретическія основанія, и тѣмъ не менѣе, какъ мы сейчасъ увидимъ, именно въ этихъ фортепьянныхъ струнахъ и заключалась причина гибели несчастныхъ воздухоплавателей. Въ остальныхъ деталяхъ конструкціи аэростатъ Брадскаго мало чѣмъ отличался отъ обычнаго типа управляемыхъ аэростатовъ. Прибавимъ лишь, что пропеллеръ аэростата приводился въ движеніе четырехцилиндровымъ керосиновымъ двигателемъ въ 16 лошадиныхъ силъ системы Бушэ. Опытъ состоялся 13-го октября 1902 г. Поднявшись изъ предмѣстья Вожираръ, воздухоплаватели (Брадскій и Морэнъ) рѣшили произвести спускъ въ Исси, но вмѣсто того, чтобы пойти въ означенномъ направленіи, аэростатъ описалъ въ воздухѣ большой кругъ и понесся надъ Парижемъ въ совершенно обратную сторону. Было очевидно, что аэростатъ, по какой-то неизвѣстной причинѣ, сдѣлался игрушкой вѣтра. Пролетая надъ окрестностями мѣстечка Стэнъ, воздухоплаватели, повидимому, рѣшили произвести здѣсь спускъ. По показаніямъ очевидцевъ, Морэнъ хотѣлъ приблизиться въ этотъ моментъ къ Брадскому, который находился на противоположномъ концѣ челнока. Вѣроятно, вслѣдствіе этого равновѣсіе челнока нарушилось: онъ поднялся переднимъ концомъ вверхъ, такъ что вся тяжесть его распредѣлилась лишь между задними струнами, послѣднія не выдержали, и челнокъ, вмѣстѣ съ воздухоплавателями, съ высоты 100 метровъ обрушился на землю.

Эти двѣ катастрофы, послѣдовавшія одна за другой послужили, повидимому, тяжелымъ урокомъ для позднѣйшихъ изобрѣтателей упровляемыхъ аэростатовъ. По крайней мѣрѣ, при конструкціи новѣйшаго аэростата бретьевъ Лебоди, появившагося вскорѣ послѣ несчастной попытки Брадскаго, было обращено самое тщательное вниманіе на устраненіе тѣхъ ошибокъ, благодаря которымъ погибли Северо и Брадскій. Вообще аэростатъ Лебоди **), по отзывамъ спеціалистовъ, представляетъ собою послѣднее слово техники управляемыхъ воздушныхъ шаровъ, и результаты многочисленныхъ опытовъ съ аэростатомъ показали, что авторы его подошли къ рѣшенію вопроса несравненно ближе, нежели всѣ ихъ предшественники. Обычная для, управляемыхъ аэростатовъ веретенообразная форма оболочки въ аэростатѣ Лебоди (см. рис. 118) подверглась значительнымъ измѣненіямъ. Нижняя часть веретена, нѣсколько болѣе заостреннаго спереди, срѣзана горизонтальною плоскостью; вслѣдствіе этого поперечное сѣченіе аэростата представляется не въ видѣ круга, а сегмента, горизонтальная хорда котораго находится отъ центра на разстояніи 0,7 его радіуса. Форма эта,

---

*) См. стр. 166.

**) Собственно аэростатъ этотъ построенъ лишь по иниціативѣ и на средства извѣстныхъ французскихъ „сахарныхъ королей“ бр. Лебоди; проектъ же аэростата былъ задуманъ и разработанъ инженеромъ Жюльо, а выполненіе проекта принадлежитъ извѣстному конструктору аэростатовъ, Сюркуфу.

не совсѣмъ выгодная для подъемной способности аэростата, имѣла то преимущество, что при ней устранялась возможность килевой качки, при которой безполезно затрачивается часть работы двигателя. Для того, чтобы нижней, плоской части аэростата придать болѣе прочную форму, въ нее была вдѣлана горизонтальная рама изъ стальныхъ трубокъ, которая служила въ то же время для прикрѣпленія челнока. Къ наружному дну этого челнока былъ придѣланъ конусъ изъ металлическихъ трубокъ, для большаго упора оси вращенія пропеллеровъ. Послѣдніе приводились въ движеніе моторомъ системы Даймлера въ 40 лошадиныхъ силъ и могли вращаться со скоростью 1.300 оборотовъ въ минуту. При такой скорости вращенія размѣры пропеллеровъ могли быть уменьшены противъ обыкновенныхъ, а это давало возможность сдѣлать ихъ не изъ матеріи, а ихъ такого прочнаго матеріала, какъ листовая сталь. Прибавимъ къ сказанному, что аэростатъ имѣлъ 58 м. въ длину, 9,8 м. въ наибольшемъ сѣченіи *), могъ вмѣщать 2.284 куб.

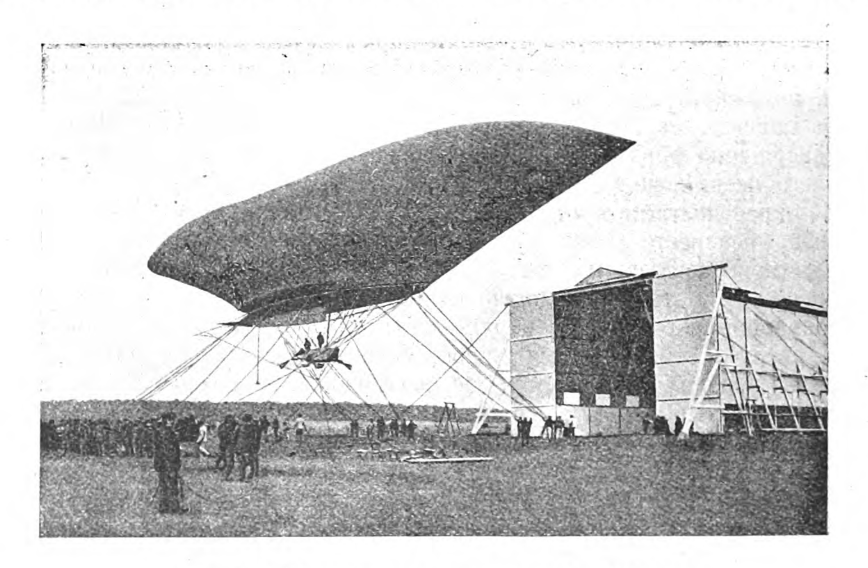

Рис. 118. Управляемый аэростатъ бр. Лебоди.

метра газа и при водородномъ наполненіи обладалъ общею подъемною силою въ 2.600 килогр., изъ которыхъ свободными оставались 1.020 килогр. Впродолженіи цѣлаго года (съ ноября 1902 г. по ноябрь 1903) на аэростатѣ Лебоди было совершено различными лицами всего 33 подъема. Полеты производились при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, далеко не всегда благопріятныхъ для опытовъ (при сильномъ вѣтрѣ и даже подъ дождемъ), и во всѣхъ случаяхъ результаты опытовъ оказывались вполнѣ удовлетворительными. Наиболѣе замѣчательнымъ, въ смыслѣ результатовъ, оказался послѣдній полетъ (20 ноября 1903 г.), хотя и закончившійся гибелью аэростата. Несмотря на то, что въ этотъ день вѣтеръ дулъ со скоростью 9—10 м. въ секунду, воздухоплаватели (Жюкмесъ и Рей), поднявшись съ Марсова поля, совершили

---

* Слѣдовательно отношеніе его длины къ діаметру (около 5,9) было почти тоже, что въ аэростатѣ Ренара.

полетъ въ Медонъ (9,8 километровъ) въ теченіе 36 минутъ, идя почти все время противъ вѣтра. Но на площадкѣ воздухоплавательнаго парка въ Шалэ-Медонѣ, окончательной цѣли путешествія, въ то время, когда машина аэростата была остановлена и аэростатъ уже приближался къ землѣ, сильнымъ порывомъ вѣтра его отбросило на дерево, причемъ образовался огромный разрывъ оболочки. При паденіи челнока на землю пассажиры его отдѣлались легкими ушибами, но нѣкоторыя части машины были повреждены. Несмотря на эту неудачу, результаты опытовъ были признаны настолько значительными, что бр. Лебоди, послѣ крушенія ихъ судна, тотчасъ же приступили къ сооруженію новаго аэростата, который въ общемъ долженъ воспроизводить типъ только что описаннаго нами.

Насколько, однако, велико практическое значеніе аэростата бр. Лебоди, который, какъ мы уже сказали, признается спеціалистами наиболѣе совершеннымъ изъ появившихся до сихъ поръ управляемыхъ аэростатовъ? Другими словами—насколько разрѣшается этимъ приборомъ практическая задача воздушной навигаціи? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы приведемъ мнѣніе, высказанное по этому поводу компетентнымъ русскимъ спеціалистомъ по воздухоплаванію Е. Федоровымъ.

«Отдавъ должную справедливость достоинствамъ аэростата Лебоди,—говоритъ Федоровъ,—мы тѣмъ не менѣе приходимъ къ заключенію, что результаты достигнутые имъ далеко не утѣшительны. Аэростатъ только что построенъ, всѣ его части осмотрѣны и приведены въ порядокъ и аэростатъ готовится къ первому своему полету (13-го нобря 1902 г.), и вотъ, наканунѣ полета, оказывается, что одинъ изъ винтовъ попорченъ и не можетъ быть пущенъ въ дѣло. При другомъ полетѣ аэронавту нужно было работать вентиляторомъ, а онъ оказался испорченнымъ и негоднымъ для дѣла въ данную минуту. Послѣдній полетъ, кончившійся гибелью аэростата, показалъ, что неудачный спускъ влечетъ за собою не нѣкоторую только порчу прибора или его частей, но приводитъ его въ полную негодность. Врядъ ли всѣ эти обстоятельства могутъ быть поставлены въ вину строителямъ; указанныя аваріи происходятъ вслѣдствіе того, что, по необходимости, приходится дѣлать всѣ части возможно легкими, а слѣд. давать имъ весьма малый запасъ прочности, что влечетъ за собою постоянную ихъ деформацію и порчу. Приборъ стоитъ очень дорого и крайне недолговѣченъ; онъ постоянно находится въ ремонтѣ и за всѣмъ тѣмъ, прослуживъ около 200 дней, онъ оказывается настолько ненадежнымъ, что строители вынуждены замѣнять его оболочку новою (передъ двумя послѣдними полетами).

«Каждый полетъ обходится очень дорого; въ то время, какъ при другихъ способахъ передвиженія главный расходъ представляетъ собою топливо, здѣсь онъ оказывается почти пренебрежимою величиною по сравненію съ другими расходами: аэростатъ нужно наполнить весьма дорого стоющимъ газомъ, нужно держать команду въ 30 человѣкъ для того, чтобы вывести аэростатъ изъ сарая и чтобы ввести его обратно въ сарай; на аэростатѣ нужно всегда имѣть двухъ опытныхъ спеціалистовъ (одного механика и одного воздухоплавателя) и все это для того, чтобы перевезти на ничтожное разстояніе въ какихъ-нибудь нѣсколько десятковъ километровъ двухъ пассажировъ со скоростью около 40 километровъ въ часъ. Позволительно думать, что какимъ бы усовершенствованіямъ ни подвергся подобнаго рода

приборъ, онъ неизбѣжно долженъ дорого стоить и также очень дорого долженъ стоить каждый полетъ на немъ. Другими словами *слѣдуетъ признать управляемый аэростатъ приборомъ непримѣнимымъ для передвиженія скораго, дешеваго и безопаснаго.*

«Для военныхъ цѣлей приборъ этотъ повидимому такъ же мало пригоденъ, потому что онъ не можетъ держаться на большой высотѣ и слѣд. будетъ непремѣнно разстрѣлянъ непріятелемъ тотчасъ же послѣ вылета изъ крѣпости.

Позволимъ себѣ сдѣлать общее заключеніе изъ всего сказаннаго.

«Аэростаты оказывали, оказываютъ и будутъ оказывать большую пользу человѣчеству, но они обречены подчиненію теченіямъ воздуха и должны покориться своей участи. Какъ показали опыты съ аэро-

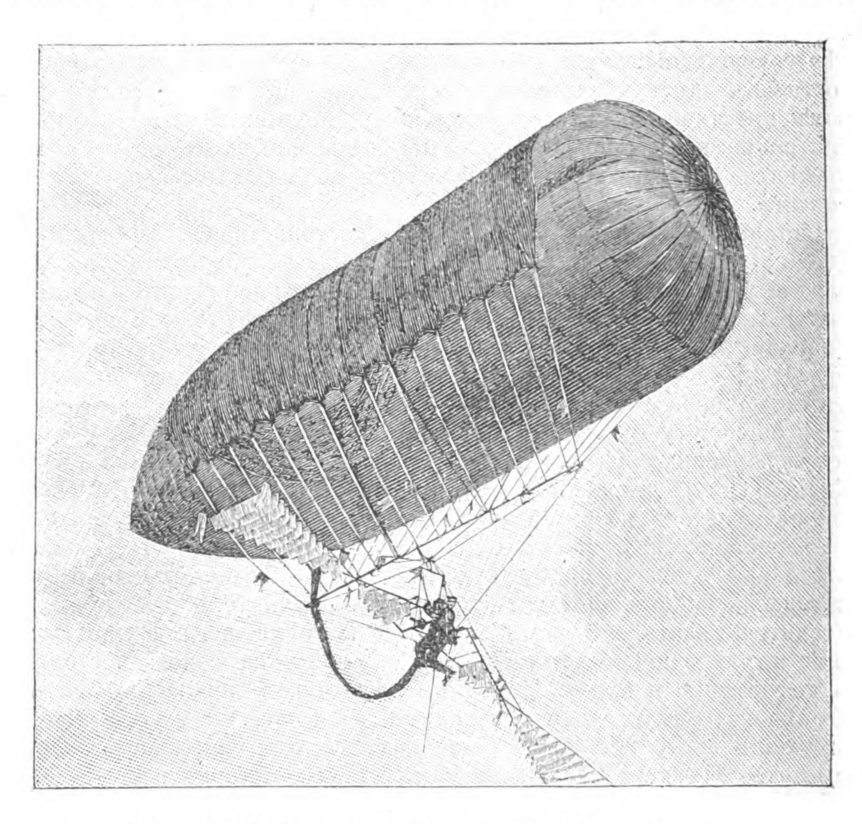

Рис. 119. Управляемый аэростатъ д-ра Данилевскаго.

статомъ Лебоди и его предшественниками, есть возможность доставить этимъ приборомъ нѣкоторую управляемость, но она достигается столь большими жертвами, что онѣ, съ практической точки зрѣнія, совершенно не окупаются даваемыми приборомъ результатами» *).

Мнѣніе объ управляемыхъ аэростатахъ, подобное вышеприведенному, находитъ въ настоящее время все больше и больше сторонниковъ. Съ другой стороны, вмѣстѣ съ гигантскими успѣхами техники, растутъ и крѣпнутъ надежды авіаторовъ разрѣшить вѣковую задачу

*) Ст. Е. Федорова „Аэростатъ Лебоди“ (см. „Воздухоплаватель“ 1904. № 2).

воздушной навигаціи при помощи динамическихъ летательныхъ приборовъ. Съ важнѣйшими результатами изысканій, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи за послѣднее тридцатилѣтіе, мы и познакомимъ читателя въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Но прежде чѣмъ перейти къ чисто динамическимъ приборамъ, появившимся за указанный періодъ, скажемъ еще нѣсколько словъ о попыткахъ осуществить управляемый полетъ при помощи приборовъ смѣшаннаго типа, т.-е. такихъ, которыя представляютъ собою комбинацію воздушныхъ шаровъ съ динамическими летательными машинами. Идея такихъ приборовъ далеко не нова. Аэростаты Скотта,

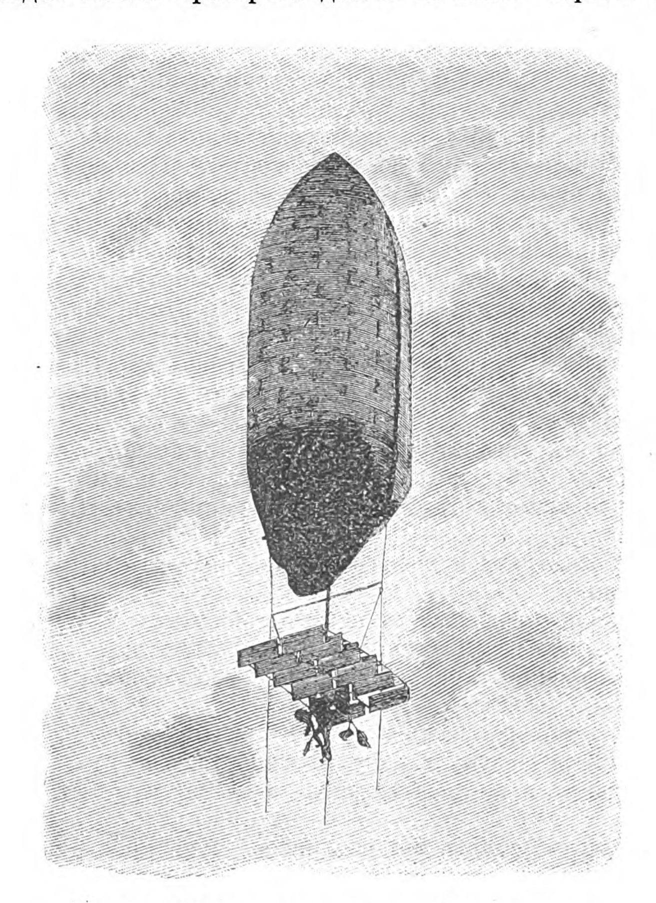

Рис. 120. Шаръ-аэропланъ д-ра Данилевскаго.

Петэна, Меллера, Ванъ-Экке и Дюпюи-Делькура, о которыхъ намъ приходилось говорить въ историческомъ очеркѣ воздухоплаванія, представляютъ попытки осуществленія именно этой идеи. Изъ попытокъ этого рода, сдѣланныхъ въ послѣднее время (шары-аэропланы Фирмэнъ-Буссона, Бехтеля, Розъ и т. д.) наиболѣе удачною должна быть признана попытка нашего соотечественника доктора Данилевскаго.

Въ концѣ 90-хъ годовъ Данилевскимъ были построены два нѣсколько различныхъ по типу шара-аэроплана. Одинъ изъ нихъ (см. рис. 119) представляетъ собою обыкновенный цилиндрическій аэро-

статъ, въ которомъ винтовой пропеллеръ замѣненъ ударными крыльями. Крылья эти состоятъ изъ ряда параллельныхъ створокъ, которымъ воздухоплаватель можетъ давать извѣстный наклонъ къ горизонту вращеніемъ велосипедныхъ педалей, и такимъ образомъ регулировать силу сопротивленія ихъ воздуху. Другой приборъ Данилевскаго (см. рис. 120) состоитъ изъ вертикально поставленнаго цилиндрическаго аэростата, къ которому снизу прикрѣплена система четырехъугольныхъ бамбуковыхъ рамъ, обтянутыхъ парусиною. Эти рамы, расположенныя паралельно одна другой, воздухоплаватель можетъ поворачивать подъ какимъ угодно угломъ къ горизонту, т.-е. дѣйствовать ими какъ опорными плоскостями аэроплана. Воздухоплаватель привязанъ къ стойкѣ, находящейся ниже аэроплана, и упирается ногами въ велосипедныя педали, посредствомъ которыхъ приводится во вращеніе горизонтальный винтъ. Вращеніемъ этого винта и совершается подъемъ и опусканіе прибора, собственная подъемная сила котораго не многимъ больше тяжести воздухоплавателя. При извѣстномъ замедленіи вращенія винта, вся система можетъ останавливаться неподвижно въ воздухѣ. Поворачивая рамы аэроплана подъ угломъ въ 45° къ горизонту и вращая въ то же время винтъ, воздухоплаватель сообщаетъ прибору движеніе вверхъ и впередъ; при обратномъ поворотѣ на тотъ же уголъ и при медленномъ вращаніи винта приборъ будетъ двигаться въ томъ же направленіи внизъ. Въ своемъ докладѣ, сдѣланномъ на X съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ Кіевѣ, Данилевскій резюмировалъ результаты опытовъ со своимъ приборомъ слѣдующимъ образомъ:

«1) Съ такимъ аппаратомъ, какъ мой, можно производить свободные подъемы на любую высоту и спускаться вполнѣ безопасно и неограниченное число разъ безъ выбрасыванія балласта и безъ выпусканія газа.

«2) При безвѣтренной погодѣ можно управлять снарядомъ вполнѣ самостоятельно.

«3) Можно по произволу отыскивать попутный вѣтеръ на разной высотѣ и пользоваться этимъ попутнымъ вѣтромъ.

«4) Разъ зарядивъ аппаратъ, можно употреблять его ежедневно въ теченіе 8—9 дней.

«5) И что особенно важно, съ нимъ можно вынести фактъ летанія изъ лабораторіи ученаго въ самую жизнь, такъ что летаніемъ будутъ теперь пользоваться не десятки лицъ, какъ прежде, а тысячи».

Въ началѣ этой главы мы упомянули, что сторонники динамическаго воздухоплаванія стремятся осуществить возможность летанія при помощи механическихъ приборовъ двухъ различныхъ типовъ. Въ приборахъ перваго типа, *геликоптерахъ*, подъемъ аппарата и его способность удерживаться въ воздухѣ обусловливается вращеніемъ горизонтальныхъ винтовъ (на вертикальной оси), приборы второго рода, *аэропланы*, удерживаются въ воздухѣ, благодаря давленію послѣдняго на наклонныя плоскости, причемъ величина этого давленія, а слѣдовательно и подъемная способность аэроплана зависитъ отъ скорости его горизонтальнаго перемѣщенія. Поэтому аэропланъ можетъ подняться на воздухъ, лишь пріобрѣтя достаточную начальную скорость на поверхности земли, т.-е. послѣ предварительнаго «разбѣга». Горизонтальное перемѣщеніе прибора обусловливается вращеніемъ вертикальныхъ винтовъ. Къ этому не типулетательныхъ приборовъ, аэроплановъ, могутъ

быть отнесены и такъ называемые *ортоптеры*, т.-е. такіе приборы полетъ которыхъ обусловливается ударами или взмахами крыльевъ, подобно тому, какъ это наблюдается при весельномъ, или гребномъ полетѣ птицъ. Сторонники аэроплановъ и ортоптеровъ должны быть названы *авіаторами* по преимуществу, такъ какъ въ своемъ рѣшеніи проблемы динамическаго воздухоплаванія они исходятъ, главнымъ образомъ, изъ теоріи полета птицъ. Важность изученія полета птицъ, для успѣшной разработки летательной техники, какъ мы видѣли, признавалъ уже въ XVI столѣтіи основатель научной авіаціи, Леонардо да Винчи, который въ одной изъ своихъ наиболѣе замѣчательныхъ научныхъ работъ пытался установить основные законы полета птицъ. Затѣмъ выясненію этихъ законовъ былъ посвященъ трудъ знаменитаго математика и физіолога XVII вѣка Борелли, о которомъ намъ также приходилось говорить въ историческомъ очеркѣ вздоухоплаванія. Въ новѣйшее время вопросъ о полетѣ птицъ разрабатывали сэръ Келэ (Calay), Прэхтль, Петигрью и въ особенности французскій ученый Марэй (Marey), которымъ былъ созданъ экспериментальной методъ изученія полета птицъ при помощи хронофотографіи. Сущность этаго метода заключается въ томъ, что посредствомъ моментальной фотографіи получается рядъ изображеній птицы въ послѣдовательные моменты ея полета, отдѣленные одинъ отъ другого ничтожными промежутками времени (доли секунды). Благодаря этому получилась возможность изучить аналитически механизмъ нѣкоторыхъ видовъ полета и между прочимъ самаго распространеннаго изъ нихъ, весельнаго или гребнаго полета. При помощи одновременнаго фотографированія тремя аппаратами, различнымъ образомъ оріентированными, Марэю удалось воспроизвести положеніе крыльевъ въ различные моменты полета во всѣхъ трехъ измѣреніяхъ, причемъ послѣдовательныя изображенія летящей морской чайки (см. рис. 121) были получены въ горизонтальной проекціи (A) въ вертикальной плоскости, параллельной оси полета (B) и, наконецъ, въ вертикальной плоскости, наклонной къ этой оси (C). Сопоставленіе этихъ снимковъ позволило Марэю вылѣпить рельефныя фигуры, которыя точно воспроизводили положенія крыльевъ чайки во время ея полета, причемъ каждому положенію крыла соотвѣтствовалъ промежутокъ въ $^1/_{50}$ долю секунды.

Ученые насчитываютъ до 5-ти различныхъ видовъ полета птицъ **). Мы остановимся лишь на двухъ изъ нихъ, представляющихъ особенный интересъ съ точки зрѣнія динамическаго воздухоплаванія — на такъ называемомъ весельномъ ихъ гребномъ полетѣ и полетѣ парящемъ. Механизмъ гребного полета ранѣе пытались объяснить такимъ образомъ. Птица ударяетъ крыльями по воздуху не въ строго вертикальной а въ нѣсколько наклонной плоскости, по отношенію къ направленію полета, такъ что крыло при ударѣ идетъ не просто сверху внизъ, а еще и спереди назадъ. Благодаря этому, птица получаетъ возможность, съ одной стороны, двигаться впередъ, подобно воздушному гребцу, а съ другой стороны, поддерживать горизонтальность

*) Для этого черезъ фокусную плоскость объектива фотографическаго аппарата пропускается лента изъ свѣточувствительной пленки; черезъ опредѣленные, очень короткіе промежутки, движенія ленты автоматически задерживаются въ теченіе незначительной доли секунды, причемъ объективъ автоматически открывается и на пленкѣ получается изображеніе.

**) См. напр. статью проф. Мюлленгофа „Der Tierflug“ въ „Taschenbuch Flügtechnicker und Lüftschiffer Moedebeck'a“, изд. 1904).

полета, т.-е. не опускаться внизъ. Хронофотографическій методъ показалъ ошибочность такого представленія о гребномъ полетѣ. Изъ прилагаемыхъ рисунковъ прежде всего видно, что при опусканіи крыла внизъ птица не только не оттягиваетъ его назадъ, а напротивъ, старается подвинуть впередъ. Кромѣ того, рисунки эти показываютъ, что опусканіе крыла внизъ сопровождается не поднятіемъ птицы вверхъ, какъ полагали раньше, а наоборотъ, сниженіемъ ея. Именно въ этотъ періодъ колебанія крыла (при опусканіи его) птица пріобрѣтаетъ наибольшую скорость поступательнаго движенія, съ тѣмъ, чтобы израсходовать часть этой скорости въ слѣдующій моментъ (при подъемѣ крыла) на поднятіе своей тяжести, и такимъ образомъ достигнуть высоты, съ которой она опустилась въ первый періодъ колебанія крыла. Послѣднее происходитъ благодаря давленію воздуха на вогнутую внутреннюю поверхность крыльевъ.

Значительно менѣе выясненъ механизмъ парящаго полета, при которомъ птица можетъ висѣть въ воздухѣ на распростертыхъ крыльяхъ или

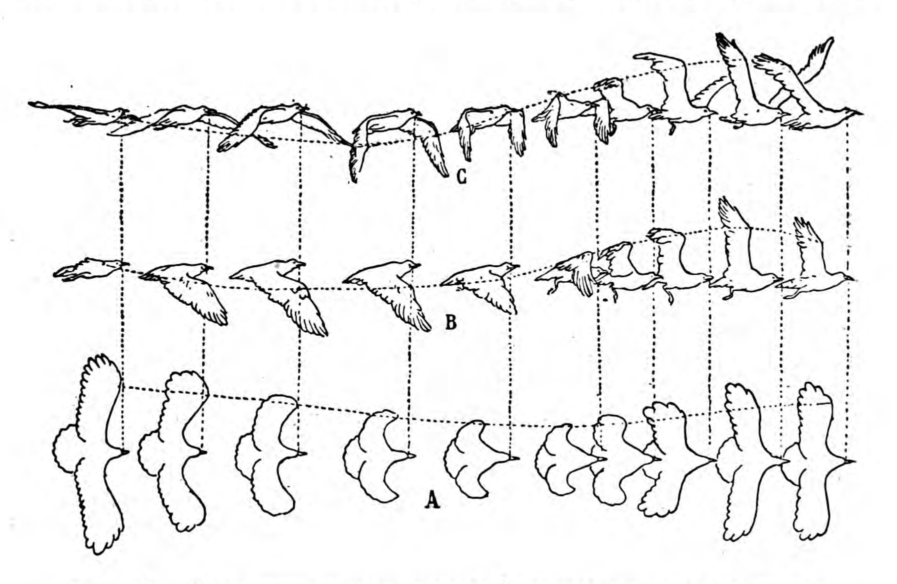

Рис. 121. Послѣдовательныя положенія крыльевъ морской чайки во время полета ея въ теченіе $^1/_5$ секунды.

перемѣщаться въ немъ, не дѣлая ни малѣйшаго видимаго движенія крыльями. Полетъ этотъ практикуется лишь немногими породами крупныхъ (главнымъ образомъ хищныхъ) птицъ и можетъ совершаться лишь при достаточно сильномъ вѣтрѣ. «Движеніе подобнаго рода,—говоритъ Ченетъ,—находится настолько въ противорѣчіи съ основными законами механики, по которымъ каждое движеніе требуетъ затраты извѣстной энергіи, что при наблюденіи парящаго полета невольно рождается вопросъ, не происходитъ ли здѣсь обманъ зрѣнія и не производитъ ли птица незамѣтныя колебательныя движенія крыльями. Тщательныя наблюденія за парящими птицами, однако, отвергаютъ это послѣднее предположеніе и заставляютъ насъ признать, что необходимая для движенія энергія черпается птицей здѣсь изъ движущихся массъ самого воздуха, и весь вопросъ слѣдовательно заклю-

чается въ томъ, какимъ же это образомъ совершается» *). Къ этому же роду полета долженъ быть отнесенъ и такъ называемый скользящій полетъ. При немъ неподвижно распростертыя крылья птицы образуютъ съ горизонтомъ нѣкоторый очень острый уголъ, подъ которымъ птица какъ бы «скользитъ» внизъ. Пріобрѣтя при своемъ паденіи извѣстную скорость, птица затѣмъ пользуется ею для того, чтобы снова подняться вверхъ, мѣняя положеніе крыльевъ, т.-е. чуть-чуть приподнимая поредніе края ихъ и опуская задніе.

Большинство появившихся до сихъ поръ летательныхъ приборовъ представляютъ, въ сущности, попытки воспроизвести указанные нами виды полета и главнымъ образомъ парящій полетъ птицъ. Задача изобрѣтателей при этомъ сводится къ тому, чтобы по принципу гребного или парящаго полета птицы, построить такой аппаратъ, который могъ бы не только самъ подниматься и удерживаться въ воздухѣ, при помощи механическаго двигателя, но и уносить съ собою воздухоплавателя, подчиняясь въ своихъ движеніяхъ волѣ послѣдняго. До сихъ поръ удалось разрѣшить лишь первую половину задачи, т.-е. осуществить подъемъ и полетъ самихъ приборовъ; что же касается полета на нихъ людей, то добиться его пока еще не удалось. Въ чемъ же заключается трудность этой задачи, на разрѣшеніе которой затрачено уже не мало таланта и энергіи изобрѣтателей! Одна изъ трудностей заключается въ отсутствіи сильныхъ и въ то же время легкихъ двигателей. И теорія, и опытъ доказываютъ, что человѣкъ не въ состояніи подняться съ земли, подобно птицѣ, при помощи лишь собственныхъ мышечныхъ усилій, къ какимъ бы усовершенствованнымъ приборамъ ни прилагались эти усилія. Этому препятствуетъ, съ одной стороны, слишкомъ слабая, по сравненію съ птицей **) мышечная сила человѣка, и съ другой стороны— слишкомъ значительный удѣльный вѣсъ его, въ 4 раза превышающій удѣльный вѣсъ птицы. Отсюда слѣдуетъ, что, для того чтобы поднять человѣка и переносить его по воздуху, при тѣхъ условіяхъ, при какихъ совершаетъ свой полетъ птица, летательный приборъ долженъ быть снабженъ механическимъ двигателемъ, причемъ энергія этого двигателя должна быть достаточной для подъема и удержанія въ воздухѣ не только его собственной тяжести и тяжести аппарата, но и воздухоплавателя. Существующія системы двигателей пока еще не вполнѣ удовлетворяютъ этому условію, но не подлежитъ сомнѣнію, что при тѣхъ огромныхъ успѣхахъ, которые сдѣлала за послѣднее время техника легкихъ двигателей, разрѣшеніе этой стороны задачи не заставитъ себя долго ждать. Другая трудность проблемы динамическаго полета заключается въ достиженіи устойчивости прибора. Дѣло въ томъ, что атмосфера представляетъ далеко не однородную, въ смыслѣ сопротивленія, среду. Сила движущагося воздуха подвержена постояннымъ измѣненіямъ даже на одной и той же высотѣ, не говоря уже о томъ, что на различныхъ высотахъ измѣняется и самое направленіе воздушныхъ теченій. Кромѣ того, послѣднія могутъ перемѣщаться иногда въ вертикальномъ направленіи. Всѣ эти колебанія воздушныхъ массъ нарушаютъ устойчивое равновѣсіе прибора и дѣлаютъ крайне опаснымъ полетъ на немъ. У птицы устойчивость полета достигается, отчасти благодаря соз-

*) „Парящій полетъ“ О. Шанута (см. „Воздухоплаваніе и изслѣдованіе атмосферы“ М. М. Поморцева, вып I, стр. 71).

**) Отношеніе вѣса тѣла къ вѣсу мышцъ у птицы въ 72 раза болѣе благопріятно, нежели у человѣка.

нательнымъ и рефлекторнымъ движеніямъ хвоста и крыльевъ, отчасти же благодаря тому, что гибкія крылья птицы *автоматически* измѣняютъ свое положеніе отъ дѣйствія самихъ колебаній воздуха. Добиться возможности такого автоматическаго регулированія устойчивости въ летательныхъ аппаратахъ составляетъ наиболѣе трудную задачу динамическаго полета. Какъ мы увидимъ далѣе, задача эта въ настоящее время отчасти уже разрѣшена.

Такимъ образомъ условіями, опредѣляющими достоинство всякаго летательнаго прибора будутъ: съ одной стороны, его устойчивость и съ другой—его легкость и сила, т.-е. способность при наименьшемъ вѣсѣ двигателя и всей системы поднимать и переносить по воздуху наибольшій грузъ съ наибольшею скоростью.

«Существуютъ,—говоритъ извѣстный теоретикъ динамическаго воздухоплаванія проф. Н. Е. Жуковскій,—два числа, характеризующихъ достоинство летательной машины. Первое число профессоръ Wellner называетъ *фиктивною скоростью паденія*. Оно даетъ намъ количество килограммометровъ работы, потребное на поддержаніе впродолженіи одной секунды каждаго килограмма летящаго тѣла. При этомъ, такъ какъ работа лошади=75 килограммометрамъ, а вѣсъ средняго человѣка—около 75 килограммовъ, то фиктивная скорость даетъ намъ число лошадиныхъ силъ, потребныхъ на поддержаніе вѣса каждаго аэронавта (при этомъ вѣсъ самой машины долженъ быть приравненъ вѣсу нѣсколькихъ аэронавтовъ).

«Если человѣкъ спускается на парашютѣ, то фиктивная скорость парашюта есть его дѣйствительная скорость паденія. Если же машина виситъ въ воздухѣ, удерживаясь вращающимся винтомъ, то легко доказать, что фиктивная скорость летательной машины равна половинѣ скорости воздуха, отбрасываемаго ею внизъ. Для этого надо раздѣлить работу, равную живой силѣ, на подъемную силу, равную количеству движенія. Такъ какъ произведеніе изъ количества бросаемаго внизъ воздуха на его вертикальную скорость равно вѣсу машины, то съ уменьшеніемъ фиктивной скорости будетъ возрастать вѣсъ отбрасываемаго внизъ воздуха. Совершенная летательная машина бросаетъ внизъ возможно большее количество воздуха съ возможно меньшею скоростью. Затрудненіе состоитъ въ томъ, что эти два условія, говоря вообще, противорѣчивы. Вращая, напр., быстро винтъ съ вертикальною осью, мы бросаемъ имъ внизъ большое количество воздуха, но и сообщаемъ воздуху при этомъ большую скорость. Надо или увеличивать поверхность пропеллеровъ, или употреблять какія-нибудь искусственныя приспособленія.

«Одинъ изъ существенныхъ факторовъ, служащихъ къ уменьшенію фиктивной скорости, заключается въ сообщеніи воздухоплавательной машинѣ большой поступательной скорости. Это есть знаменитый «принципъ наклонной плоскости». Двигаясь подъ малымъ угломъ къ горизонту съ большою горизонтальною скоростью, наклонная плоскость сообщаетъ громадному количеству послѣдовательно прилегающаго къ ней воздуха малую скорость внизъ и тѣмъ развиваетъ большую подъемную силу вверхъ при незначительной затратѣ работы на горизонтальное перемѣщеніе.

«Другое число, характеризующее достоинство воздухоплавательной машины, даетъ намъ количество килограммометровъ работы, которое надо затрачивать въ одну секунду на каждый килограммъ летящаго груза и на каждый метръ его горизонтальной скорости. Это число по-

лучается чрезъ раздѣленіе фиктивной скорости на горизонтальную скорость машины и есть, собственно говоря, число отвлеченное. Я буду называть его *коэффиціентомъ транспорта»* *).

Большинство появившихся до настоящаго времени динамическихъ летательныхъ приборовъ построены по принципу парящаго полета птицъ и, слѣдовательно, относятся къ типу аэроплановъ. Такъ называемые скользящіе парусные приборы представляютъ собою простѣйшій видъ аэроплановъ. Полетъ на нихъ возможенъ лишь при опусканіи съ высоты, причемъ необходимая для полета высота пріобрѣтается на счетъ энергіи механическаго двигателя, или же полетъ производится съ какого-нибудь возвышеннаго мѣста. При паденіи прибора получается нѣкоторое количество живой силы **), которой можно воспользоваться для новаго подъема, измѣняя извѣстнымъ образомъ положеніе парусовъ. Если происходящая при этомъ вслѣдствіе тренія потеря силы будетъ возмѣщаться какимъ-нибудь двигателемъ, то такой волнообразный полетъ можетъ совершаться на значительномъ разстояніи. Скользящій полетъпри помощи ручныхъ летательныхъ приборовъ (безъ механическихъ двигателей) является въ настоящее время ***) наиболѣе разработанною областью динамическаго воздухоплаванія, какъ съ теоретической, такъ и съ экспериментальной стороны. Заслуга практическаго осуществленія и усовершенствованія паруснаго полета всецѣло пранадлежитъ знаменитому нѣмецкому воздухоплавателю Отто Лиліенталю (Lilienthal). Тщательно изучивъ законы скользящаго полета, Лиліенталь старался примѣнить ихъ къ рѣшенію практической задачи летанія, и съ этою цѣлью въ теченіе 5-ти лѣтъ произвелъ болѣе 2.000 опытныхъ полетовъ на придуманномъ имъ ручномъ приборѣ. Такимъ путемъ онъ надѣялся возможно совершеннѣе рѣшить задачу устойчивости своего аппарата, а затѣмъ превратить его въ настоящую летательную машину, снабдивъ его двигателемъ. Роковой конецъ этихъ опытовъ помѣшалъ Лиліенталю довести рѣшеніе задачи до конца.

Отто Лиліенталь родился 24-го мая 1848 г. въ Аукламѣ въ Помераніи. Окончивъ курсъ въ потсдамской промышленной школѣ, онъ поступилъ затѣмъ въ берлинскую промышленную академію (Gewerbe-Akademie), откуда вышелъ со званіемъ инженера. Уже въ раннемъ дѣтствѣ Лиліенталь заинтересовался полетомъ птицъ, а будучи 13-тилѣтнимъ мальчикомъ, вмѣстѣ со своимъ младшимъ братомъ Густавомъ построилъ летательныя крылья, опыты съ которыми онъ производилъ обыкновенно ночью, при лунномъ свѣтѣ, боясь насмѣшекъ товарищей. Въ 1867—1868 гг. онъ построилъ, также при участіи брата, летательный приборъ, снабженный ударными крыльями, работа которыхъ была способна уменьшить вѣсъ прибора на 40 килограммовъ. Опыты съ приборомъ привели Лиліенталя къ убѣжденію, что

*) Рѣчь проф. Н. Е. Жуковскаго „О воздухоплаваніи“, произнесенная на общемъ собраніи X съѣзда естествоиспытателей и врачей въ Кіевѣ 25-го августа 1898 г. (см. „Дневникъ“ X съѣзда, стр. 534).

**) *Живой силой* въ механикѣ называется количество кинетической энергіи движущагося тѣла, которое можетъ быть превращено въ работу. Величина живой силы равна произведенію массы тѣла на половину квадрата его скорости, что выражается формулою: $\frac{1}{2}mv^2$.

***) Эмпирическія попытки летанія при помощи крыльевъ, о которыхъ намъ приходилось говорить въ историческомъ очеркѣ воздухоплаванія (Данте изъ Перуджи, маркизъ де-Беквилль и др.), должны быть отнесены къ категоріи скользящаго полета.

полетъ на приборахъ этого типа требуетъ слишкомъ большой затраты энергіи, и онъ обратился къ изученію условій парящаго полета.

Результаты своихъ изслѣдованій Лиліенталь опубликовалъ въ 1889 г. въ своемъ замѣчательномъ трудѣ «Полетъ птицъ, какъ основа авіаціи» («Der Vogelflug, als Grundlage der Fliegekunst, ein Betrag zur Systematik der Flugtechnik» Berlin, 1889), гдѣ онъ доказываетъ между прочимъ, что подъемная способность вогнутыхъ поверхностей, при извѣстномъ углѣ наклона ихъ къ вѣтру, во много разъ превосходитъ подъемную способность плоскихъ поверхностей и указываетъ на огромное практическое значеніе этого обстоятельства для возвухоплаванія. Въ 1891 г. Лиліенталемъ были произведены первые опыты скользящаго полета противъ вѣтра при помощи вогнутыхъ поверхностей. Результаты были таковы, что, опускаясь съ высоты 5—6 метровъ, онъ могъ пролетать разстояніе въ 35 метровъ. Въ слѣдующемъ году, про-

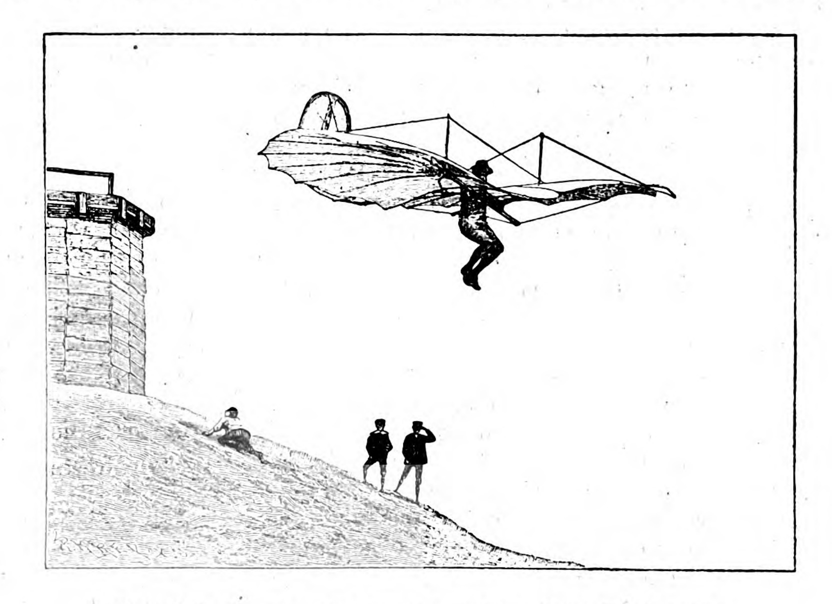

Рис. 122. Одинъ изъ опытовъ полета Отто Лиліенталя.

должая производить свои опыты съ холмовъ, расположенныхъ между Штеглицемъ и Зюденде и опускаясь уже съ высоты 16 метровъ, Лиліенталь могъ увеличить разстояніе перелета до 80 м., причемъ полетъ нерѣдко приходилось совершать противъ вѣтра, дующаго со скоростью 7-ми метровъ въ секунду. Въ 1894 г. Лиліенталь пріобрѣлъ спеціально для своихъ опытовъ участокъ земли въ Лихтерфельдѣ, недалеко отъ Берлина, и устроилъ на немъ искусственный холмъ въ 15 м. вышины и 70 м. въ діаметрѣ у основанія. Съ этого холма была совершена Лиліенталемъ большая часть его безчисленныхъ опытовъ. Имя Лиліенталя сдѣлалось вскорѣ извѣстнымъ далеко за предѣлами его отечества, и, чтобы познакомиться съ приборомъ и опытами перваго «летающаго человѣка», Лихтерфельдтъ стали посѣщать спеціалисты всѣхъ странъ. Приборъ Лиліенталя представлялъ (см. рис. 122) неподвижно соединенныя крылья, сдѣланныя изъ ивовыхъ прутьевъ, обтянутыхъ полотномъ. Съ наружной стороны крылья охватывались

радіальными деревянными дугами, обезпечивавшими крыльямъ ихъ вогнутость. Снизу, въ центрѣ прибора находилось ивовое кольцо, къ которому былъ прикрѣпленъ хомутъ. При помощи этого хомута экспериментаторъ и прикрѣплялъ къ себѣ крылья, продѣвая черезъ хомутъ голову и руки. Аппаратъ былъ снабженъ хвостомъ, состоящимъ изъ двухъ, соединенныхъ подъ прямымъ угломъ, парусныхъ рулей. Вертикальный руль служилъ для того, чтобы поворачивать аппаратъ при перемѣнѣ направленія вѣтра, горизонтальнымъ же—регулировалось равновѣсіе прибора. Общая поверхность крыльевъ равнялась 14 квадратнымъ метрамъ, а ихъ вѣсъ—20 килограммамъ, что вмѣстѣ съ вѣсомъ экспериментатора составляло ровно 100 килограммовъ. Впослѣдствіи Лиліенталь существеннымъ образомъ измѣнилъ свой аппаратъ, расположивъ крылья въ два этажа. Благодаря этому увеличилась подъемная способность аппарата, такъ что при сильномъ вѣтрѣ полетъ могъ уже совершаться безъ предварительнаго разбѣга съ холма—вѣтеръ самъ поднималъ воздухоплавателя и несъ его почти въ горизонтальномъ направленіи. Тщательно изучивъ путемъ систематическихъ опытовъ условія равновѣсія скользящаго полета, Лиліенталь задумывалъ уже приступить къ устройству настоящей летательной машины, снабженной двигателемъ и пропеллерами, но, къ сожалѣнію, мысли этой не суждено было осуществиться. 9-го августа 1896 г. при полетѣ (съ холмовъ Ринова) во время сильнаго вѣтра аппаратъ Лиліенталя потерялъ равновѣсіе и вмѣстѣ съ экспериментаторомъ съ высоты 20 метровъ упалъ на землю. При паденіи Лиліенталь сломалъ позвоночникъ и спустя сутки умеръ. Послѣ смерти Лиліенталя дальнѣйшей разработкой скользящаго полета сталъ заниматься англійскій морской инженеръ Пильчеръ. Измѣнивъ форму крыльевъ Лиліенталя, Пильчеръ совершилъ на своемъ приборѣ нѣсколько сотъ полетовъ, но ему не удалось устранить основного недостатка парусныхъ приборовъ—способности ихъ терять равновѣсіе при порывахъ сильнаго вѣтра. Въ 1899 г., при одномъ изъ полетовъ во время сильной бури, Пильчеръ, также какъ Лиліенталь, не съумѣлъ справиться со своимъ приборомъ и упалъ вмѣстѣ съ нимъ на землю, разбившись на смерть. Почти одновременно съ опытами Пильчера былъ начатъ рядъ опытовъ со скользящими летательными приборами извѣстнымъ американскимъ авіаторомъ Ченетомъ (Chanut). Въ сотрудничествѣ со своимъ соотечественникомъ Херингомъ, Ченетъ много лѣтъ работалъ надъ практическимъ рѣшеніемъ вопроса объ устойчивости скользящаго полета, постоянно измѣняя форму своихъ летательныхъ приборовъ. Одинъ изъ приборовъ Ченета, на которомъ онъ совершилъ болѣе 1.000 полетовъ, представленъ на рисункѣ 123. Онъ состоитъ изъ двухъ параллельныхъ, нѣсколько выгнутыхъ поверхностей, образуемыхъ двумя бамбуковыми рамами, обтянутыми полотномъ. Аппаратъ снабженъ вертикальнымъ и горизонтальнымъ рулемъ, который представляетъ модификацію такъ называемаго хвоста Пэно. Благодаря этому рулю, равновѣсіе аппарата во время полета достигается автоматически дѣйствіемъ самого вѣтра на поверхность руля. Аппаратъ вѣситъ 11 килограммовъ (поверхность его = 12,45 кв. метрамъ) и при вѣсѣ воздухоплавателя въ 71 килограммъ, летитъ со скоростью отъ 8 до 9 м. въ секунду, опускаясь подъ угломъ отъ 7 до 9°. Замѣчательныхъ успѣховъ въ скользящемъ полетѣ достигли также два другихъ соотечественника Ченета, братья Райтъ (Wright), владѣльцы извѣстной велосипедной фабрики въ Дейтонѣ. Они пользуются приборомъ того же типа, что и приборъ Ченета, и

измѣнили лишь форму руля, сдѣлавъ его горизонтальнымъ и помѣстивъ спереди прибора. Кромѣ того, во времи полета на приборѣ бр. Райтъ, экспериментаторъ помѣщается не подъ нижнею опорною поверхностью, а лежитъ горизонтально поперекъ этой поверхности.

Перейдемъ теперь къ аэропланамъ съ механическими двигателями. Небольшая модель аэроплана была конструирована въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія извѣстнымъ французскимъ авіаторомъ Альфредомъ Пэно (Pénaud). Пэно первому принадлежитъ мысль воспользоваться въ качествѣ двигательной силы упругостью каучука, для сооруженія небольшихъ моделей летательныхъ приборовъ. Имъ были построены модели всѣхъ трехъ типовъ этихъ приборовъ—геликоптера, ортоптера и аэроплана. Интересъ и значеніе аэроплана, или, какъ его назвалъ изобрѣтатель, «планофора» Пэно заключается въ томъ, что въ немъ была впервые достигнута горизонтальная устойчивость полета. Планофоръ (см. рис. 124) состоялъ изъ стержня, по серединѣ

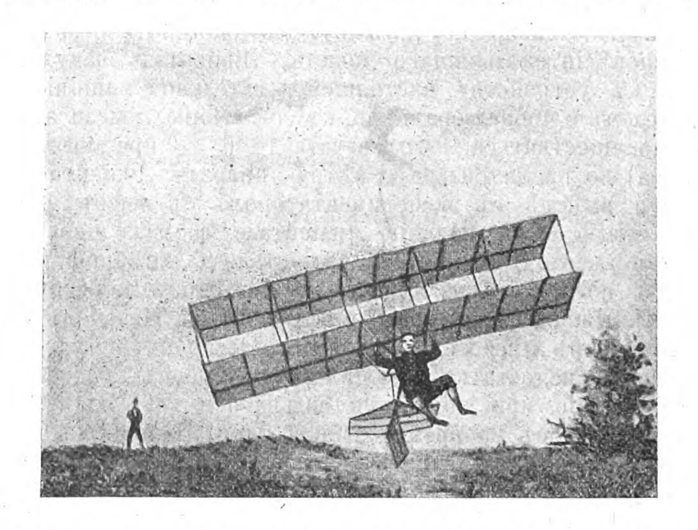

Рис. 123. Летательный приборъ Ченета (положеніе прибора и воздухоплавателя въ моментъ окончанія полета).

котораго была неподвижно укрѣплена опорная плоскость, наклоненная подъ небольшимъ угломъ къ горизонту, а на концѣ небольшой, слегка приподнятый руль. Подъ стержнемъ былъ натянутъ каучуковый ремень, одинъ конецъ котораго былъ неподвижно прикрѣпленъ къ стержню, а другой соединялся съ небольшимъ двухлопастнымъ винтомъ. «Если,—говоритъ Пэно повернуть винтъ приблизительно на 240 оборотовъ и предоставить планофоръ самому себѣ въ горизонтальномъ положеніи, то въ первый моментъ онъ немного опустится, а затѣмъ, пріобрѣтя скорость, поднимется и опишетъ путь приблизительно въ 40 метровъ въ теченіе 11 секундъ, равномѣрно двигаясь на высотѣ 7—8 шаговъ отъ земли. Во все это время руль съ замѣчательною точностью подавляетъ стремленіе прибора къ восходящему или нисходящему движенію, причемъ всякій разъ происходятъ нѣкоторыя колебанія полета, вродѣ тѣхъ, которыя наблюдаются при полетѣ воробьевъ и въ особенности зеленыхъ дятловъ (pie-vert). Наконецъ, когда полетъ приближается къ концу, аппаратъ плавно

опускается на землю, описывая при этомъ нѣкоторую кривую и сохраняя полное равновѣсіе».

Болѣе крупная модель аэроплана была построена въ 1879 г. французскимъ механикомъ часовщикомъ Татэномъ (Tatin). Аэропланъ Татэна (см. рис. 125 и 126) представлялъ собою плоскую неподвижную раму, обтянутую полотномъ, на переднемъ ребрѣ которой помѣщались два двухлопастныхъ винта. Рама эта укрѣплялась на цилиндрѣ съ сжатымъ воздухомъ, которымъ и приводились въ движеніе винты.

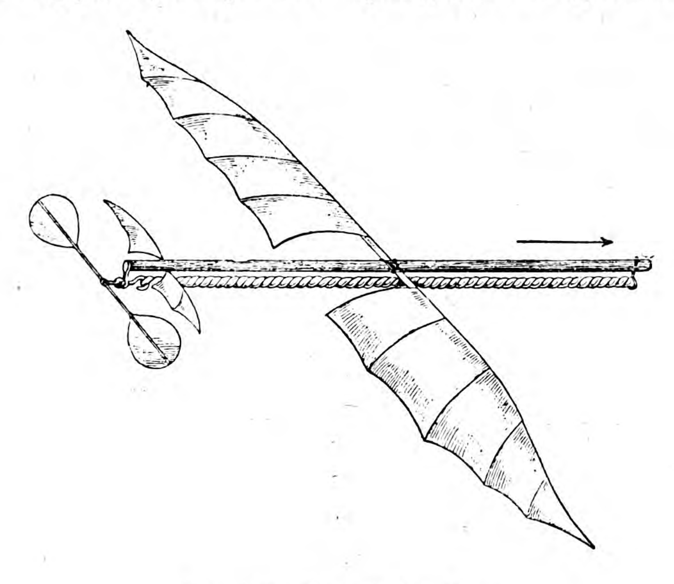

Рис. 124. „Планофоръ“ Пэно.

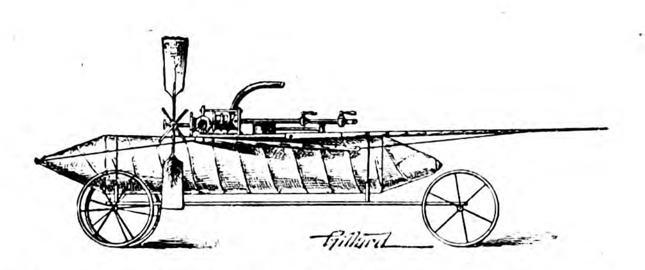

Рис. 125. Аэропланъ Татэна (въ сложенномъ видѣ).

Давленіе воздуха въ цилиндрѣ доводилось до 20 килограммовъ *), хотя двигатель, развивавшій силу въ 2,6 килограммометра въ секунду, работалъ всего лишь при 7 килограммахъ давленія. Вѣсъ двигателя не превышалъ 300 граммовъ, вѣсъ же всего аэроплана съ рулемъ и колесами, на которыя ставился аэропланъ для пріобрѣтенія начальной скорости, равнялся 1 кил. 750 Испытаніе прибора производилось въ Ме-

*) 1 килограмъ давленія равенъ почти одной атмосферѣ (1 атмосфера= 1 кил., 0329).

донскомъ военно-воздухоплавательномъ паркѣ. Аэропланъ привязывали за веревку къ центру круглой площадки и пускали въ дѣйствіе двигатель. Приборъ сперва нѣкоторое время катился по землѣ, но когда скорость его движенія достигала 8 метровъ въ секунду, онъ поднимался и леталъ кругомъ площадки на высотѣ человѣческаго роста. Въ началѣ 90-хъ годовъ Татэнъ въ сотрудничествѣ съ извѣстнымъ ученымъ Шарлемъ Рише построилъ новый аэропланъ по типу первоначальной модели. Онъ приводился въ дѣйствіе паровымъ двигателемъ и вѣсилъ уже 33 килограмма, вмѣстѣ съ запасомъ воды и угля для питанія паровой машины, необходимымъ для совершенія пути въ 5 километровъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Рише и Татэнъ производили опыты съ этимъ приборомъ, причемъ вслѣдствіе аварій аэроплана во время опытовъ онъ два раза перестраивался заново. Во время послѣдняго опыта, произведеннаго въ 1897 г., аэропланъ проходилъ въ воздухѣ 140 метровъ. Существеннымъ недостаткомъ прибора оказалась его неустойчивость.

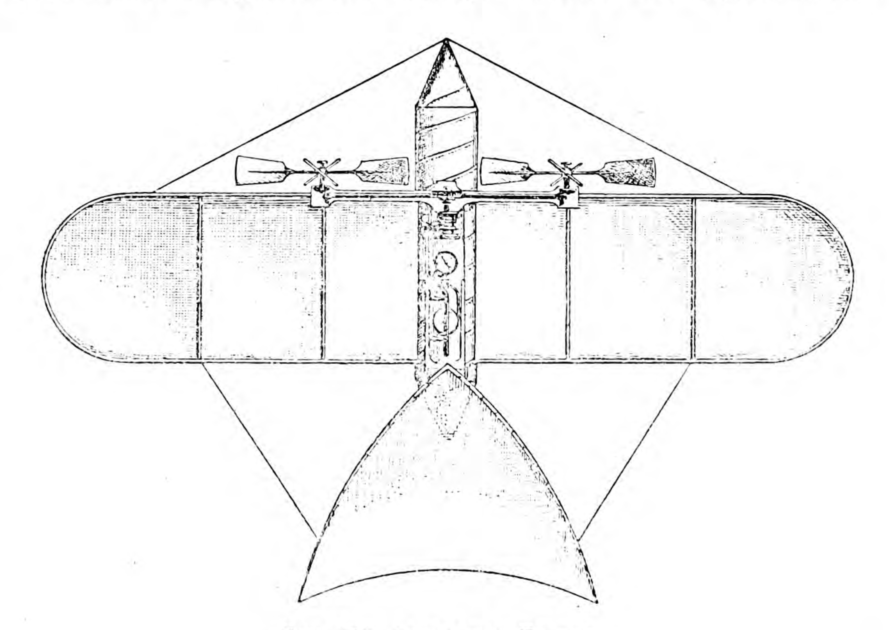

Рис. 126. Аэропланъ Татэна.

Аэропланъ, построенный въ 1892 г. американцемъ Гораціо Филлиппсомъ (Phillipps), по размѣрамъ представлялъ собою уже настоящую летательную машину. Оригинальною особенностью аэроплана Филлиппса является его опорная плоскость. Плоскость эта (см. рис. 127) состояла изъ ряда нѣсколько вогнутыхъ деревянныхъ планокъ, укрѣпленныхъ въ четырехугольной стальной рамѣ. Каждая планка имѣла 5,8 метра въ длину, 38 миллиметровъ въ ширину и 3 миллиметра толщины. Общая величина ихъ поверхности равнялась 13 кв. метрамъ. Рама устадавливалась на заду длинной, трехколесной телѣжки, на которой находился также (непосредственно передъ рамой) горизонтальный двухлопастный винтъ. Послѣдній приводился въ движеніе небольшой паровой ма-

*) Такъ называются паровыя машины съ двойнымъ или многократнымъ расширеніемъ пара, въ которыхъ паръ работаетъ послѣдовательно въ двухъ или нѣсколькихъ цилиндрахъ, при постепенно понижающемся давленіи.

шиной-компаундъ *). Весь приборъ съ телѣжкой вѣсилъ 163 килограмма, т.-е. немного болѣе 10-ти пудовъ. При испытаніи аэроплана, его устанавливали на круговой деревянный трэкъ и привязывали къ канату, закрѣпленному въ центрѣ круга. При вращеніи винта аэропланъ начиналъ двигаться по кругу и когда пріобрѣталъ достаточную скорость, то поднимался на воздухъ (съ грузомъ въ 32,5 килогр.) и пролеталъ разстояніе въ 50—60 метровъ. Отсюда видно, что, въ отношеніи длины проходимаго въ воздухѣ пути, аэропланъ Филлиппса уступалъ послѣднему прибору Татэна и Рише, что же касается его устойчивости, то, какъ и въ приборахъ Татэна, она оказалась далеко не достаточной.

Грандіозный, по размѣрамъ, аэропланъ (самый большой изъ появившихся до сихъ поръ) былъ построенъ въ 1893 г. англійскимъ инженеромъ Хирамомъ Мэксимомъ (Maxim), извѣстнымъ изобрѣтателемъ пулеметовъ. Его приборъ, замѣчательный по необыкновенно тщательной разработкѣ делалей конструкціи, состоитъ изъ огромнаго станка (см. рис.

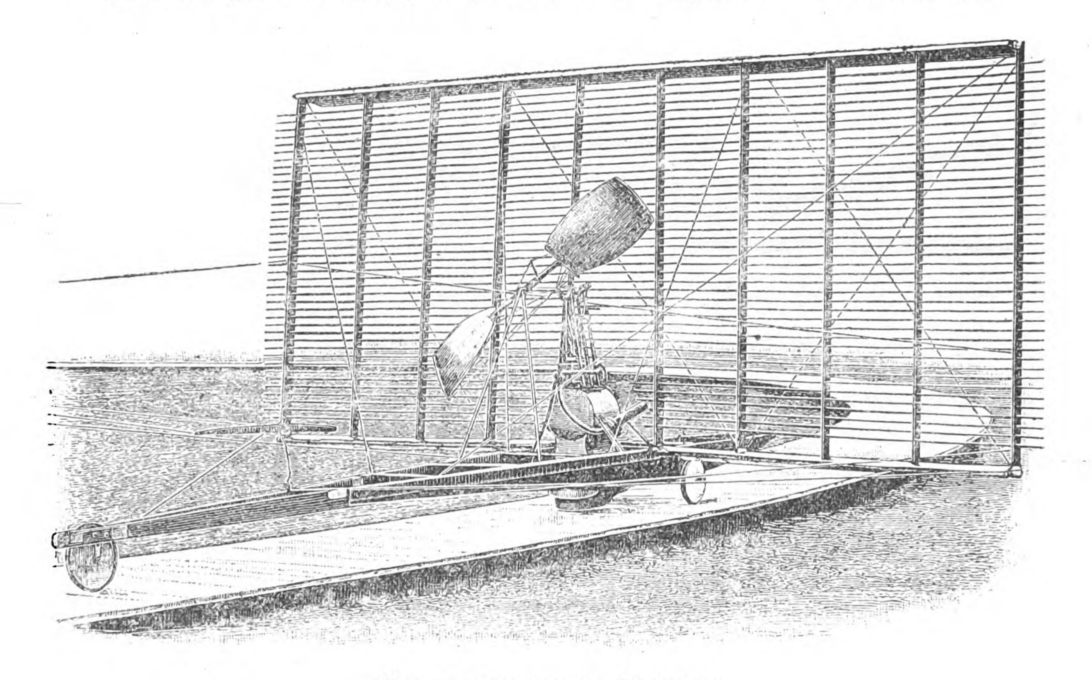

Рис. 127. Аэропланъ Филлипса.

128), сдѣланнаго изъ стальныхъ трубокъ и проволоки, на которомъ въ нѣсколько этажей расположены опорныя плоскости, въ видѣ рамъ, обтянутыхъ легкою тканью. Главная изъ этихъ плоскостей, находится почти въ центрѣ станка, остальныя же расположены по бокамъ и сверху ея, причемъ среднія три пары плоскостей употребляются лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Кромѣ того, сзади и спереди прибора, надъ главною опорною плоскостью находятся рулевыя подвижныя плоскости, перестановкой которыхъ регулируется равновѣсіе прибора во время его полета. Общая поверхность всѣхъ этихъ плоскостей равнялась 490 кв. метрамъ. Вѣсъ прибора со всѣмъ снаряженіемъ и тремя аэронавтами, необходимыми для управленія приборомъ, достигалъ 3.600 килогр. при длинѣ прибора въ 38 метровъ и ширинѣ въ 31 м. Основаніемъ станка служила платформа, на которой помѣщались воз-

духоплаватели; на ней же были установлены и двѣ паровыя машины-компаундъ въ 363 лошадиныхъ силъ обѣ. Эти машины и въ особенности ихъ паровой трубчатый котелъ, нагрѣваемый газолиномъ, по своей необычайной легкости и совершенству конструкціи представляютъ собою послѣднее слово техники. Каждая машина вращала отдѣльно по одному огромному гребному винту, которыми и сообщалось поступательное движеніе аэроплану. Скорость вращенія винтовъ доходила до 375 оборотовъ въ минуту. При горизонтальной скорости въ 16 метровъ въ секунду *) подъемная сила аэроплана становилась равною его собственному вѣсу вмѣстѣ съ вѣсомъ трехъ аэроанвтовъ; при скорости же въ 64 километра въ часъ (т.-е. около 18 метровъ въ секунду) подъемная сила достигала уже 4.500 килограммовъ. Первое испытаніе прибора было произведено въ іюлѣ 1894 года. Приборъ, на которомъ находились три аэронавта, былъ поставленъ на рельсы и, послѣ того какъ машины были пущены въ ходъ, быстро покатился по нимъ. Пріобрѣтя достаточную скорость, онъ поднялся на небольшую высоту отъ земли, но при этомъ потерялъ равновѣсіе и обрушился на землю. Пассажиры отдѣлались, при паденіи, лишь легкими ушибами, что же касается аэроплана, то онъ оказался почти совершенно разбитымъ. Спустя нѣкоторое время Мэксимъ реставрировалъ свое дорого стоющее сооруженіе. Чтобы избѣжать повторенія аваріи, при дальнѣйшихъ опытахъ онъ устроилъ надъ колесами аэроплана другую пару рельсовъ, такъ что при подъемѣ аэроплана его движеніе совершается по верхнимъ рельсамъ. Мэксимъ, какъ говорятъ, продолжаетъ упорно работать надъ дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ своего прибора и надѣется достичь современемъ безопаснаго свободнаго полета на немъ.

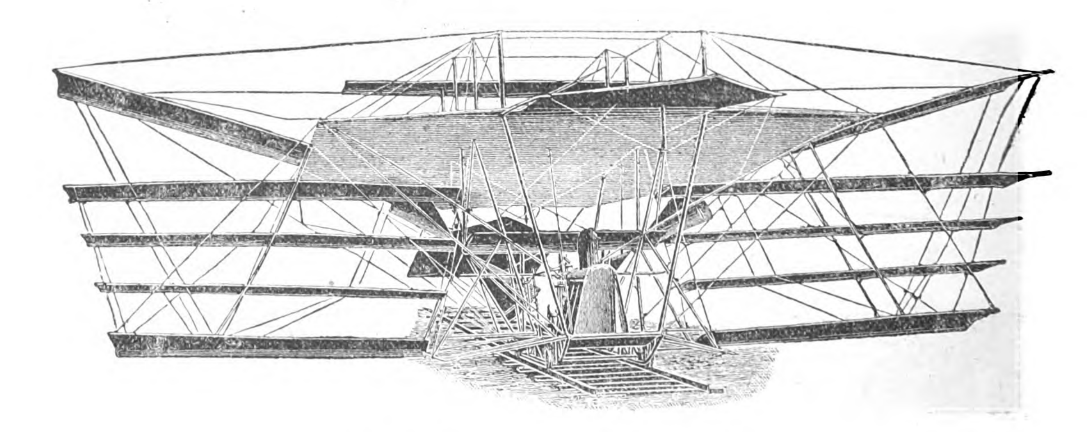

Рис. 128. Аэропланъ Мэксима.

Изъ всѣхъ появившихся до сихъ поръ летательныхъ машинъ разсматриваемаго нами типа наиболѣе замѣчательною, въ смыслѣ достигнутыхъ результатовъ, долженъ быть признанъ «аэродромъ» из-

*) Въ цитированной выше рѣчи проф. Жуковскій приводитъ нѣсколько другія цифры для скорости (15 м.) и силы машины (300) и опредѣляетъ фиктивную скорость прибора въ 6,2 метра, а коэффиціентъ транспорта въ 0,4. Числа эти онъ находитъ невыгодными.

вѣстнаго американскаго ученаго Лэнглея (Langley) *). Первая модель парового аэроплана, построенная Лэнглеемъ въ 1892 г., довольно близко воспроизводила модель аэроплана Пэно, съ которою мы познакомились выше. Неподвижная опорная плоскость аэроплана Пэно была замѣнена Лэнглеемъ двумя плоскостями, наклонъ которыхъ можно было измѣнять въ зависимости отъ условій вѣтра. Приборъ былъ снабженъ двумя шестилопастными винтовыми колесами, которыя приводились въ движеніе небольшою паровою машиною. Въ «аэродромѣ», появившемся въ 1896 г., Лэнглей значительно измѣнилъ конструкцію первоначальной модели. Его аэродромъ состоитъ (см. рис. 130) изъ двухъ паръ стальныхъ, обтянутыхъ шелкомъ рамъ, которыя располагаются въ видѣ крыльевъ по обѣимъ сторонамъ стального челнока, составляющаго корпусъ прибора. Между этими крыльями находятся двухлопастные гребные винты (по одному съ каждой стороны челнока). Винты приводятся въ движеніе паровою машиною въ 1 лошадиную силу, и могутъ вращаться со скоростью отъ 800 до 1.200 оборотовъ въ минуту.

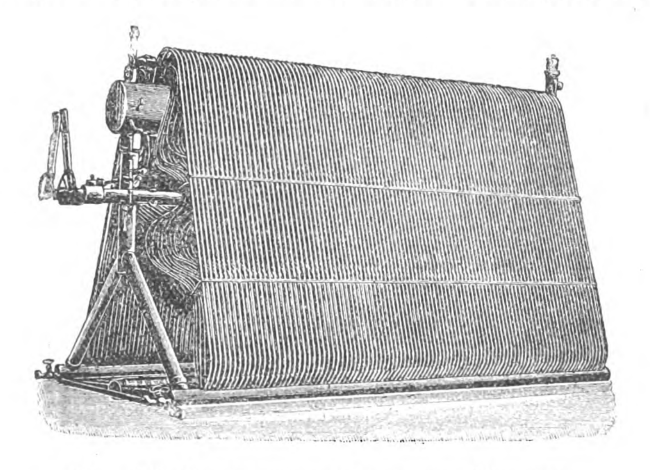

Рис. 129. Котелъ паровой машины Мэксима.

Приборъ управлялся при помощи руля двойного дѣйствія (вродѣ того, какимъ былъ снабженъ приборъ Ченета), помѣщеннаго сзади челнока. Вѣсъ всего прибора равнялся 13 кил., 63, при его длинѣ въ 4,56 метра и длинѣ каждаго крыла въ 2 метра. Лэнглей произвелъ всего лишь два опыта со своимъ аэродромомъ. Опыты эти происходили близъ Вашингтона на одномъ изъ заливовъ, образуемыхъ р. Потомакъ. Приборъ ставился на рельсы, устроенные на пловучемъ помостѣ, и направлялся противъ вѣтра. Пріобрѣтя извѣстную скорость, аэродромъ высоко поднимался надъ поверхностью залива и летѣлъ при соблюденіи полнаго равновѣсія, послѣ чего, описавъ въ воздухѣ дугу, необыкновенно спокойно и плавно опускался на поверхность воды. При послѣднемъ опытѣ, 28-го ноября 1896 г., аэродромъ пролетѣлъ такимъ образомъ въ теченіе 1 минуты 45 секундъ разстояніе въ

*) Секретарь смитсоніанскаго института въ Вашингтонѣ, Самуэль-Пирпонтъ Лэнглей, извѣстенъ многими выдающимися работами по физикѣ, и въ особенности своими изслѣдованіями теплового спектра солнца. Для измѣренія теплового спектра имъ былъ изобрѣтенъ замѣчательный приборъ, который носитъ его имя (болометръ Лэнглея).

1.600 метровъ (почти полторы версты), проходя, въ среднемъ, 15 м. въ секунду. При обоихъ опытахъ съ аэродромомъ присутствовалъ, знаменитый изобрѣтатель телефона Граамъ Белль. Въ своемъ письмѣ, которое было приложено къ отчету, представленному Лэнглеемъ во

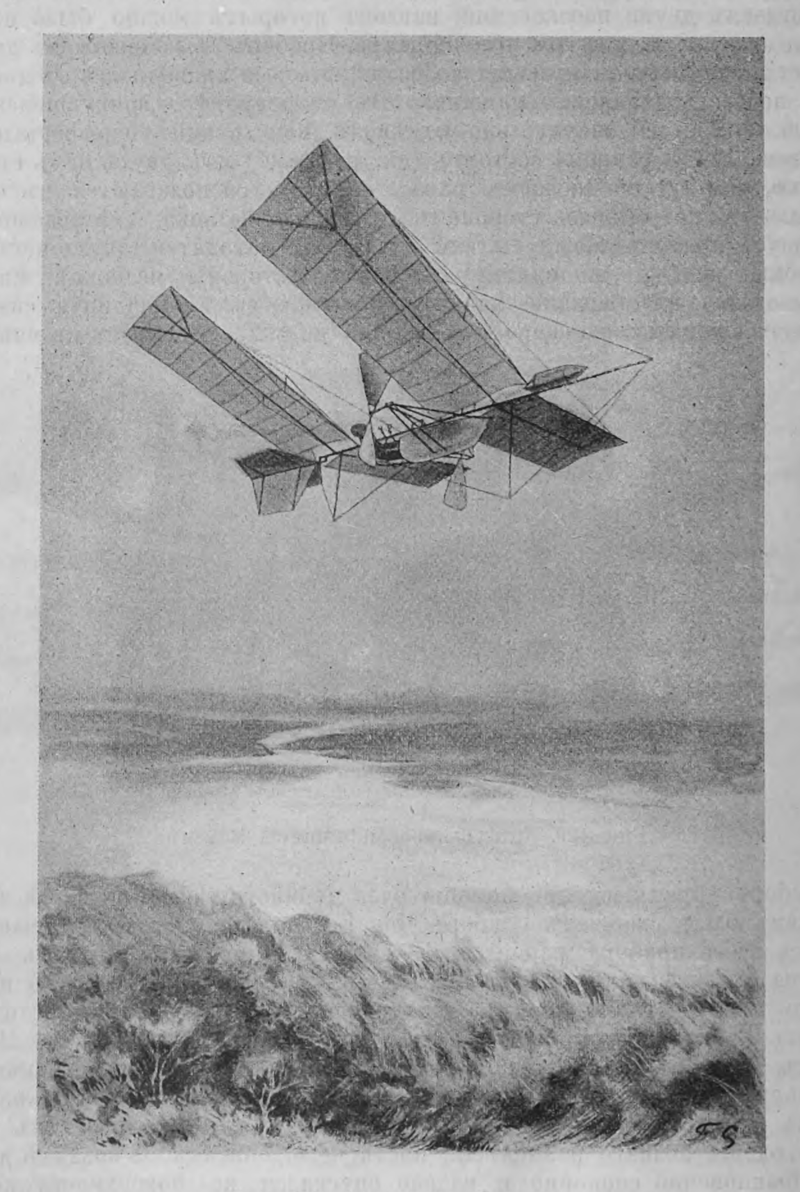

Рис. 130. Аэропланъ Лэнглея.

французскую академію наукъ (онъ членъ-корреспондентъ этой академіи), Белль, между прочимъ, говоритъ объ этихъ опытахъ слѣдующее: «Я былъ безконечно пораженъ легкостью и ровностью полета машины въ обоихъ опытахъ, и въ особенности тѣмъ обстоятельствомъ, что всякій разъ, когда приборъ, израсходовавъ двигатель-

ную силу на кульминаціонной точкѣ полета, оказывался предоставленнымъ самому себѣ, опускался внизъ съ такою плавностью, которая исключала всякую возможность удара или какой бы то ни было опасности. Мнѣ кажется,—прибавляетъ Белль,—что, присутствуя при этомъ интересномъ зрѣлищѣ, нельзя было не придти къ убѣжденію, что возможность летанія по воздуху при помощи механическихъ способовъ отнынѣ доказана» *).

Принимая скорость вѣтра во время послѣдняго опыта съ аэродромомъ равною 5 метрамъ въ секунду, проф. Жуковскій опредѣляетъ фиктивную скорость прибора Лэнглея въ 5,8 метра и его коэффиціентъ транспорта въ 0,3. «Правда, эти числа,—прибавляетъ онъ,—не даютъ желаемой экономіи въ работѣ, такъ какъ изъ нихъ слѣдуетъ, что перемѣщеніе по горизонтальному направленію требуетъ столько же работы, сколько нужно для поднятія $^1/_3$ всего вѣса по вертикальному направленію. Но при первыхъ шагахъ въ рѣшеніи задачи экономія стоитъ на второмъ планѣ. Намъ нужно только имѣть устойчивый полетъ со скоростью, превосходящею скорость вѣтровъ, а этому аэродромъ Лэнглея вполнѣ удовлетворяетъ. Защитникъ управляемыхъ аэростатовъ, инженеръ Соро (Soreau), высказалъ въ своей недавно появившейся книгѣ сожалѣніе, что знаменитый Лэнглей посвятилъ себя рѣшенію авіаціонной задачи. Я не могу не высказать моего удовольствія по тому же поводу» **).

Изъ аэроплановъ, появившихся послѣ прибора Лэнглея, упомянемъ объ «авіонѣ» Адера, опорныя плоскости котораго воспроизводили крылья летучей мыши, паровомъ аэропланѣ Гоффмана и, наконецъ, аэропланѣ австрійскаго инженера Кресса (Kress). Послѣднимъ былъ построенъ въ 1901 г. приборъ (по типу аэроплана), предназначавшійся для летанія по воздуху и вмѣстѣ съ тѣмъ для скольженія по водѣ и по снѣгу. При опытѣ, произведенномъ въ 1901 г., приборъ вмѣстѣ съ изобрѣтателемъ поднялся съ поверхности воды на нѣкоторую высоту, но почти тотчасъ же потерялъ равновѣсіе и погрузился въ воду. Благодаря своевременной помощи, изобрѣтателю удалось избавиться отъ гибели, но приборъ его получилъ серьезныя поврежденія. Между прочимъ Крессомъ, который вообще давно и упорно работаетъ надъ проблемой динамическаго воздухоплаванія, сдѣлано нѣсколько очень удачныхъ моделей летательныхъ машинъ разнаго типа, которыя приводились въ движеніе посредствомъ раскручиваніе каучуковыхъ ремней. Одна изъ этихъ моделей, такъ называемый аэровелосъ, отличавшаяся замѣчательною устойчивостью полета, могла пролетать по прямой линіи черезъ очень большую залу.

Перейдемъ затѣмъ къ летательнымъ приборамъ, построеннымъ на принципѣ гребного полета птицъ—ортоптерамъ. До сихъ поръ такіе приборы были осуществлены лишь на сравнительно небольшихъ моделяхъ; къ моделямъ этого рода принадлежатъ механическія птицы Пэно, Гюро-де-Вильнева, Татэна, Пишанкура и др. Птица Татэна (см. рис. 131) приводилась въ движеніе, подобно аэроплану Пэно, раскручиваніемъ каучуковаго ремня и могла совершенно свободно двигаться въ воздухѣ по горизонтальному направленію, причемъ начальная скорость движенія сообщалась ей рукою. Еще болѣе совершенная модель механической птицы была построена Пишанкуромъ въ 70-хъ годахъ прош-

*) См. Lecornu „La navigation aérienne" стр. 411.
**) Рѣчь „О воздухоплаваніи" (см. „Дневникъ", X съѣзда стр. 546).

лаго столѣтія. Его птица (см. рис. 132) имѣла 35 сантиметровъ при розмахѣ крыльевъ и вѣсила всего 25 граммовъ. Птица дѣйствовала прекрасно; болѣе тяжелая модель ея (въ 675 граммовъ) могла летать

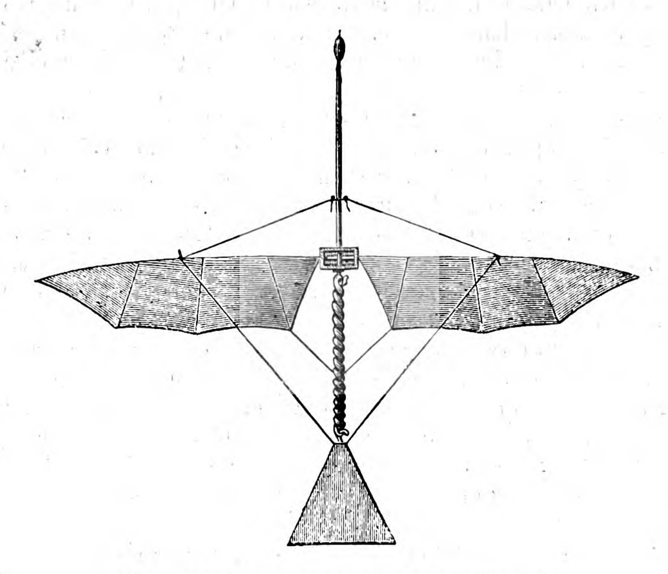

Рис. 131. Искусственная птица Татэна.

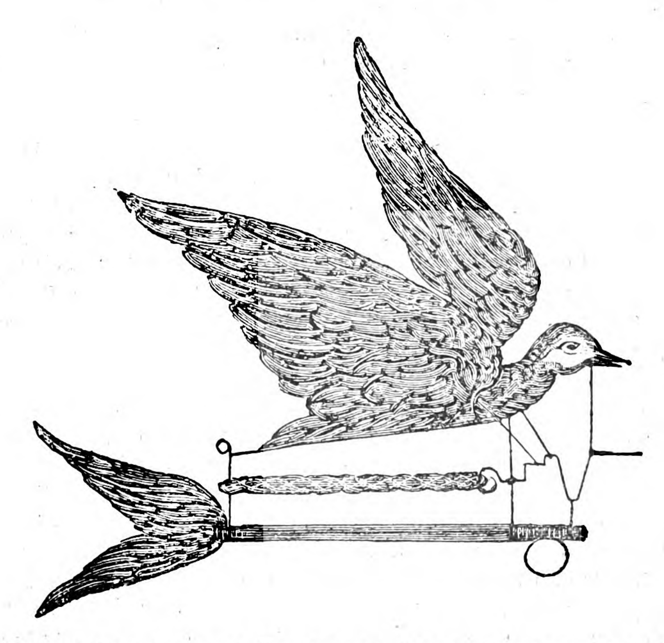

Рис. 132. Механическая птица Пишанкура (тѣло птицы приподнято, чтобы показать механизмъ).

противъ вѣтра, дующаго со скоростью 4-хъ метровъ въ секунду, пролетая при этомъ разстояніе въ 20 метровъ.

Замѣчательная модель ортоптерной машины была представлена въ 1891 г. во французскую академію наукъ Густавомъ Трувэ (Trouvé). Машина Трувэ напоминала по виду (см. рис. 133) сказочнаго дракона съ распущенными крыльями. Эти крылья были прикрѣплены къ ножкамъ подковообразно-изогнутой трубки, подобной тѣмъ, которыя употребляются въ барометрахъ анэроидахъ Бурдона. Если увеличить давленіе воздуха, заключеннаго въ такой трубкѣ, то она начнетъ распрямляться и раздвигать ножки, при пониженіи давленія, послѣднія будутъ, наоборотъ, сдвигаться. Послѣдовательныя пониженія и повышенія давленія воздуха будутъ вызывать рядъ періодическихъ колебаній трубки, которыя передадутся прикрѣпленнымъ къ ней крыльямъ. Получается такимъ образомъ источникъ двигательной силы,

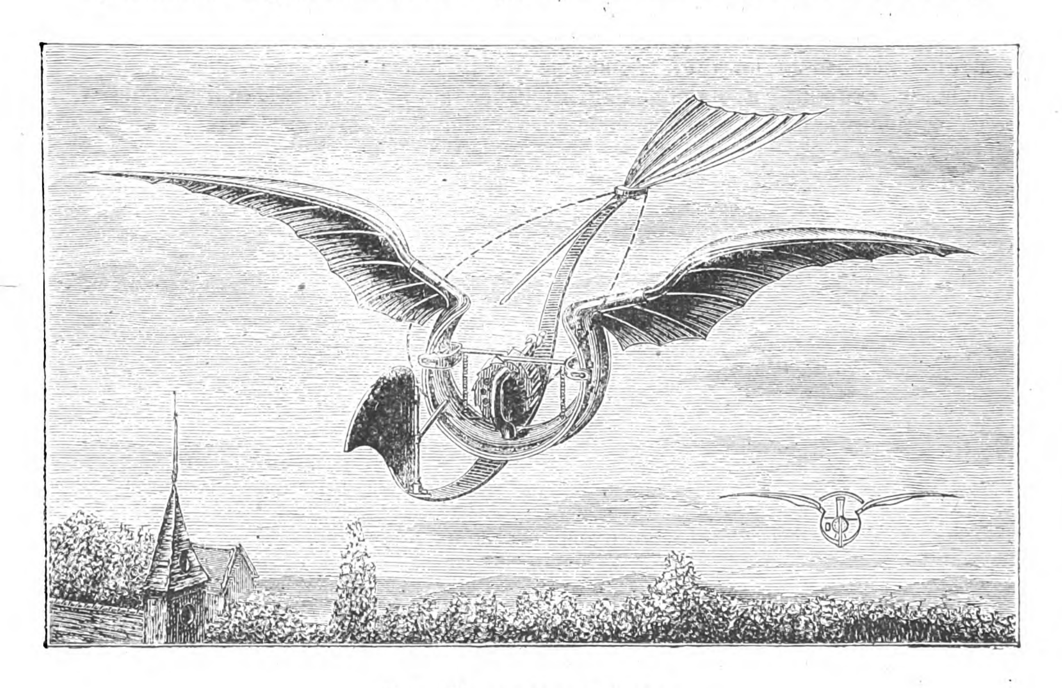

Рис. 133. Аппаратъ Трувэ.

способной непосредственно (безъ всякихъ передаточныхъ органовъ) производить правильные удары крыльевъ. Въ модели, представленной Трувэ въ академію, колебательныя движенія трубки вызывались послѣдовательными взрывами патроновъ, помѣщенныхъ въ самодѣйствующемъ револьверномъ барабанѣ. Модель эта вѣсила $3^1/_2$ килограмма и при взрывѣ 12 патроновъ могла пролетать разстояніе въ 75 метровъ. По этой модели Трувэ думалъ построить приборъ большихъ размѣровъ, который долженъ былъ дѣйствовать взрывами гремучаго газа, но, къ сожалѣнію, внезапная смерть положила конецъ работамъ талантливаго изобрѣтателя.

Къ этому же типу приборовъ относится замѣчательная модель летательной машины, построенная извѣстнымъ изобрѣтателемъ коробочныхъ змѣевъ, Лауренсомъ Харгравомъ (въ Сиднеѣ). Приборъ Харграва (см. рис. 134) состоитъ изъ длинной стальной трубки съ сжатымъ

воздухомъ; она же служитъ осью прибора. Къ ней прикрѣплены двѣ неподвижныхъ парусныхъ поверхности и два веслообразныхъ крыла, могущихъ выгибаться въ одну сторону. Крылья эти были соединены съ поршнемъ, который приводился въ движеніе сжатымъ воздухомъ, заключеннымъ въ осевой трубкѣ. При этихъ условіяхъ приборъ Харграва, вѣсившій всего лишь 1,67 кил., могъ пролетать разстояніе въ 156 метровъ. Въ послѣднее время Харграфъ увеличилъ размѣры первоначальной модели прибора, снабдивъ новый приборъ паровымъ двигателемъ, нагрѣваемымъ метиловымъ спиртомъ.

Самая большая модель ортоптерной машины, имѣющей форму птицы, была сооружена въ 1897 г. Артуромъ Штенцелемъ въ Альтонѣ (Германія). Птица Штенцеля была сдѣлана изъ стального каркаса, обтянутаго легкой прорезиненной тканью, имѣла въ размахѣ крыльевъ 6,32 метра и вмѣстѣ съ двигателемъ вѣсила 34 килограмма. Крылья птицы, выгнутыя по дугѣ параболы могли нѣсколько сгибаться въ наружную сторону, и приводились въ дѣйствіе небольшимъ двигателемъ, работавшимъ расширеніемъ сжатой углекислоты. Птица Штенцеля не

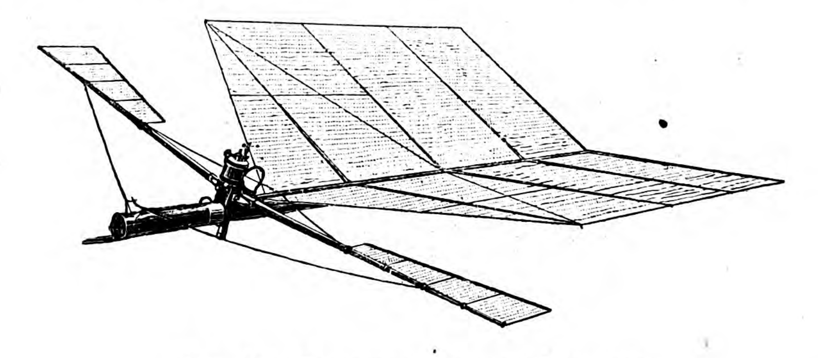

Рис. 134. Летательная машина Харграва.

могла самостоятельно подниматься на воздухъ, но, подвѣшенная на проволокѣ, она совершала (по блоку) довольно правильный полетъ въ горизонтальномъ направленіи, перемѣщаясь при каждомъ ударѣ крыльевъ на 3 метра; при этомъ условіи она теряла весь свой вѣсъ и уже могла продолжать полетъ самостоятельно.

Намъ остается разсмотрѣть винтовыя летательныя машины—геликоптеры, подъемъ и горизонтальное перемѣщеніе которыхъ производятся вращеніемъ воздушныхъ винтовъ. Со времени замѣчательнаго геликоптера Понтона д'Амекура, о которомъ мы говорили въ историческомъ очеркѣ воздухоплаванія *), въ этой интересной области летательной техники сдѣлано очень немного новаго. Изъ приборовъ этого рода, появившихся за указанный періодъ, существенный интересъ представляютъ лишь геликоптеры Форланини и Кастеля. Геликоптеръ итальянскаго инженера Енрико Форланини, въ отличіе отъ прибора д'Амекура, дѣйствовалъ посредствомъ одного винта; другой винтъ, бо̀льшихъ размѣровъ, былъ неподвижно прикрѣпленъ (см. рис. 135), къ корпусу прибора и служилъ для того, чтобы предупредить вращеніе самого прибора при вращеніи подъемнаго винта. Послѣдній

*) См. выше, стр. 82 и слѣд.

приводился въ движеніе небольшою паровою машиною (см. рис. 136), причемъ необходимый запасъ пара былъ заключенъ подъ большимъ давленіемъ въ поломъ металлическомъ шарѣ, который соединялся съ двумя цилиндрами машины посредствомъ металлической трубки. Чтобы привести въ дѣйствіе машину, шаръ, наполненный на $^1/_3$ водой, нагрѣвался на жаровнѣ до тѣхъ поръ, пока манометръ не показывалъ давленіе въ 8--10 килограммовъ. При опытѣ, произведенномъ Форланини въ 1877 г. въ Миланѣ, его геликоптеръ поднялся на высоту 13 метровъ отъ земли и оставался въ воздухѣ впродолженіи 20 секундъ. Такимъ образомъ, этимъ опытомъ впервые была доказана возможность поднять при помощи воздушнаго винта грузъ парового двигателя. Значеніе опыта нѣсколько ослабляется лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что паровая машина Форланини была свободна отъ котла и топки, безусловно необходимыхъ для сколько-нибудь продолжительнаго дѣйствія прибора.

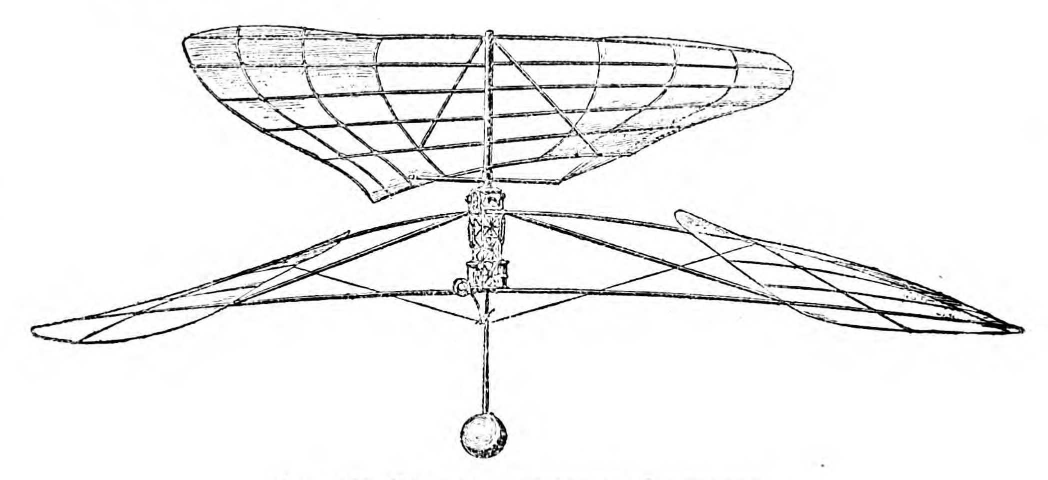

Рис. 135. Паровой геликоптеръ Форланини.

Приблизительно около того же времени было произведено испытаніе модели геликоптера, построенной французскимъ инженеромъ Кастелемъ (Castel). Его геликоптеръ состоялъ изъ 4-хъ паръ двухлопастныхъ винтовъ *), симметрично расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ прибора и приводившихся въ движеніе посредствомъ сжатаго воздуха. Винты по ту и по другую сторону прибора вращались въ различныхъ направленіяхъ, причемъ оси вращенія ихъ были устроены такимъ

---

*) Основываясь на новѣйшихъ экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ Ренара, проф. Жуковскій приходитъ къ заключенію, „что при данномъ удѣльномъ вѣсѣ двигателя двухвинтовой геликоптеръ не можетъ поднять на воздухъ болѣе опредѣленнаго полезнаго груза; что же касается многовинтовыхъ геликоптеровъ, то, съ увеличеніемъ числа винтовъ, они могутъ поднять всякій грузъ. Кромѣ того, многовинтовые геликоптеры, подсчитанные притомъ же удѣльномъ вѣсѣ машины и томъ же полезномъ грузѣ, даютъ болѣе легкіе воздухоплавательные аппараты, нежели двухвинтовые“ (см. его статью „О полезномъ грузѣ, поднимаемомъ геликоптеромъ“. „Воздухоплаватель“ 1904 г. № 2, стр. 15).

образомъ, что имъ можно было придавать какой угодно наклонъ по отношенію къ горизонту. Благодаря этому, приборъ, если его ставили на колеса, могъ двигаться и въ горизонтальномъ направленіи. Такимъ именно образомъ и была испытана работоспособность прибора. Скорость, развиваемая винтами, оказалась настолько значительной, что, когда при опытѣ приборъ случайно налетѣлъ на стѣну, то онъ разбился въ дребезги.

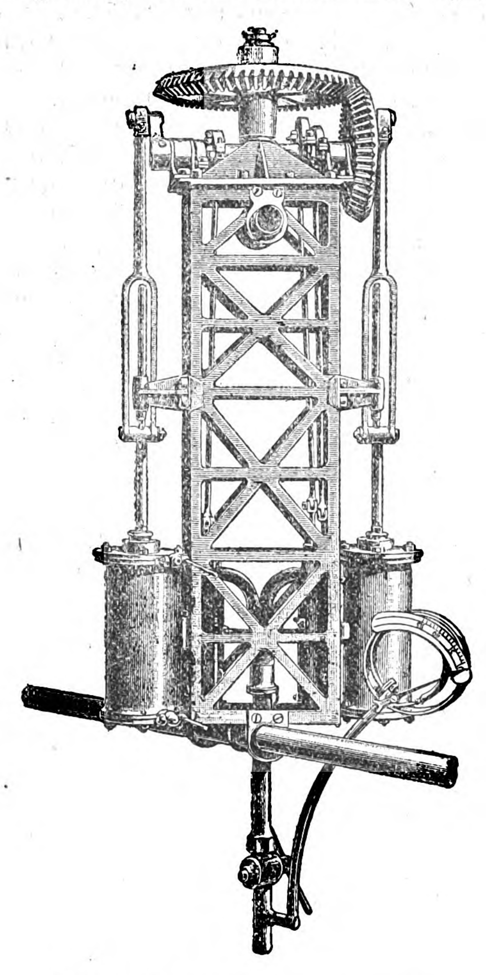

Рис. 136. Двигатель геликоптера Форланини.

Наконецъ, къ этому же типу летательныхъ приборовъ должна быть отнесена парусноколесная машина проф. Велльнера (въ Бруннѣ). Устройство прибора Велльнера сводится къ слѣдующему. Два колеса съ парусными лопастями, поставленными наискось, вращаются на горизонтальной оси, которая расположена подъ опорною плоскостью прибора. При быстромъ вращеніи колесъ ихъ лопасти захватываютъ воздухъ и съ силою отбрасываютъ его на опорную плоскость, вслѣдствіе чего подъемная способность послѣдней увеличивается. Благодаря вращенію тѣхъ же колесъ происходитъ и поступательное движеніе прибора. Опыты съ небольшой моделью колесной машины, произведенные Велльнеромъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Вѣнѣ, привели къ благопріятнымъ заключеніямъ относительно его системы.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

При этомъ номерѣ разсылаются каталоги: книгоиздательства Д. И. Тихомирова въ Москвѣ и книгоиздательства А. Ф. Девріена въ Спб. Объявленіе о подпискѣ на «Ниву» 1905 г. и Иллюстрированную библіотеку «Нивы», заключающую въ себѣ «Всеобщую Исторію» Іегера, и о другихъ изданіяхъ А. Ф. Маркса.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 117734324